

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Лингвистический факультет**

**БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЁРСТВО:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции
(г. Москва, 15 декабря 2017 г.)*

Под редакцией И.Ф. Беляевой

**Москва
2018**

Оргкомитет конференции:

Певцова Елена Александровна – проректор по научной работе МГОУ
(председатель оргкомитета);
Туголукова Галина Ивановна – директор ИЛиМК МГОУ (заместитель председателя)

Редакционная коллегия:

Беляева Ирина Федоровна – декан лингвистического факультета
Московского государственного областного университета (ответственный редактор);
Савченко Елена Павловна – доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Московского
государственного областного университета (ответственный секретарь);
Вековищева Светлана Николаевна – заместитель декана лингвистического факультета Московского
государственного областного университета;
Харитоновна Елена Юрьевна – заведующий кафедрой индоевропейских и восточных языков
Московского государственного областного университета;
Лю Синтао – руководитель проектов Америки и Европы, Зам. директора лаборатории традиционной
китайской культуры, Международный центр образования и обмена Шеньянского Университета (Шэньян,
провинция Ляонин, КНР);
Лобанова Татьяна Николаевна – доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Московского
государственного областного университета;
Чжай Хунюнь – старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков Московского
государственного областного университета;
Улиткин Илья Алексеевич – доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики
Московского государственного областного университета.

Рецензенты:

Лю Синтао – руководитель проектов Америки и Европы, заместитель директора
лаборатории традиционной китайской культуры Международного центра образования
и обмена Шэньянского университета;
В.В. Ощепкова – заведующий кафедрой английской филологии
Московского государственного областного университета

Б43 **Большое евразийское партнёрство: лингвистические, политические и педагогические аспекты** : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 декабря 2017 г.) [Электронный ресурс] / редкол.: И.Ф. Беляева (отв. ред.), Е.П. Савченко (отв. сек.). – Электрон. текстовые дан. (21,2 Мб). – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей) 1 ГГц; 512 Мб оперативной памяти; привод CD ROM; операционная система Microsoft Windows XP SP 2 и выше; Adobe Reader 7.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf).
ISBN 978-5-7017-2910-8

Сборник содержит статьи по итогам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в Московском государственном областном университете 15 декабря 2017. В сборник включены материалы, освещающие лингвистические, лингвокультурологические, лингвострановедческие концепции; вопросы педагогики и методики преподавания ИЯ; медиалингвистики; проблемы установления и сохранения дружественных отношений на евразийском континенте; подходы к описанию национальной идентичности и векторы развития партнёрства «Восток – Запад».

Сборник выпущен для филологов, политологов, педагогов, экономистов, научных работников, аспирантов и студентов.

Система навигации электронного издания построена на гипертекстовой технологии. С помощью данной системы обеспечивается переход от Содержания к тексту определённой статьи и обратно. Также система включает в себя ссылки на контекстно-связанные независимые интернет-ресурсы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абаева Е.С.</i> Перевод фразеологических единиц в отрывках с юмористическим эффектом	11
<i>Абдуазизова Д.А.</i> Типологическое функционирование паралингвистических средств в художественном тексте	16
<i>Александрова Ю.Л.</i> Формула идеального перевода на основе видового разделения текста	25
<i>Алексеев А.Б.</i> К вопросу выделения типов языковой личности политического деятеля	29
<i>Анищенко А.В.</i> Обеспечение фактора непрерывности в контексте лингвистического образования взрослых	35
<i>Антонова Н.И., Лесниковская И.В.</i> Становление и развитие фантастического жанра как одного из видов перевода	42
<i>Анурова О.М.</i> Перевод сокращений в области авионики, а также бортовой СЭС летательного аппарата	48
<i>Артюх Е.И.</i> Ситуативная эквивалентность при межъязыковой передаче терминов в художественном тексте (на материале произведений Дж. Арчера “Not a Penny More, Not a Penny Less” и “Shall We Tell the President”)	53
<i>Арутюнян В.А.</i> Восприятие межкультурных различий представителями культур Запада и Востока	57
<i>Архипова Л.С.</i> Когнитивные аспекты теории этнолингвистической витальности (на материале ольстерского шотландского языка)	62
<i>Ахренов А.В.</i> Испанский язык в современном мире: новые подходы в преподавании испанского языка в Московском государственном областном университете	67
<i>Ахренова Н.А.</i> Лингвопрагматические предпосылки создания толкового словаря языка интернета	77
<i>Баталина Е.А.</i> Просодия публичных выступлений как способ формирования имиджа политического лидера	85
<i>Безручко Ю.В.</i> Мотив одиночества в американской рок-поэзии группы Linkin Park и средства его выражения	93
<i>Белова В.А.</i> Освоение языка и культуры с помощью студенческой программы Work and travel	96
<i>Беляев С.А.</i> Коннотативное значение в лексической системе	103
<i>Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.</i> Текст, переводчик или заказчик? (об одной дискуссионной проблеме современного переводоведения)	107
<i>Беляева И.Г.</i> Особенности эпиграфического текста и дискурса	115
<i>Беляева М.В.</i> Понятие нулевой единицы и выделение нулевых единиц в устном дискурсе на немецком языке	119

<i>Беляков М.В.</i> Проблема эвфимизации в открытом дипломатическом дискурсе	126
<i>Березовская А.В.</i> Немецкий юридический язык в условиях глобализации.	132
<i>Бойко М.Н.</i> Описание мимики в художественной прозе: лингвистический подход. . .	139
<i>Бондарева Е.А.</i> Лингвокультурный феномен «ужас» в произведениях Г.Ф. Лавкрафта. . .	143
<i>Боронин А.А.</i> Об информационном подходе в лингвистической лингвологии.	149
<i>Бурлакова И.И.</i> Место интерактивных технологий на занятиях по иностранному языку . .	153
<i>Бухтиярова С.А.</i> Формирование языковой личности на стыке евразийских культур. . .	160
<i>Валуицева И.И.</i> Латиница или кириллица: об одном лингвистическом аспекте евразийской теории.	163
<i>Васильцова Ю.Г.</i> Лексико-стилистические способы отображения темы братства в ранней американской и русской рэп-поэзии	170
<i>Вековищева С.Н., Тесленко Р.Н.</i> Сопоставительный анализ фразеологических единиц с семантическим значением «время» в русском, английском и китайском языках . . .	173
<i>Волков А.Ю.</i> Сарказм в повести «Хоббит» Дж. Толкина и способы его выражения. . .	180
<i>Габриелова Е.В.</i> Использование имплицитных средств выражения оценки в микроблоге Твиттер.	183
<i>Гафарова А.С.</i> Работа над видеофильмом на уроке немецкого языка	189
<i>Герасименко Н.В.</i> Лексико-семантические особенности современной американской поэзии бунтарей (на примере битников)	198
<i>Герасимова С.А.</i> Имя издателя на титульном листе французской Энциклопедии XVIII века как маркетинговый ход	206
<i>Германова Н.Н.</i> Когнитивная социолингвистика: вызовы и перспективы.	214
<i>Гнатюк О.А.</i> К вопросу о грамматической интерференции при русско-испанском двуязычии	221
<i>Головина Е.В.</i> Отражение языковой политики Финляндии на сетевом общении (на примере сайта postcrossing.com)	226
<i>Деева В.П.</i> Сравнительное лингвистическое исследование поэтического языка И.А. Бродского в советский и эмиграционный периоды	234
<i>Дерябина П.Н.</i> Парадокс как литературный феномен	237
<i>Диденко В.Д.</i> Языковые средства реконструирования прошлого в высказываниях современников.	243
<i>Дмитриева О.П., Солдатов М.С.</i> Способы выражения национальных индийских реалий в английском языке (на материале кинематографа)	249
<i>Дубовицкая М.А.</i> Национально-культурная специфика фразеологизмов в немецком языке	255
<i>Дугалич Н.М., Зенин В.Е.</i> Политическая карикатура как жанр политического дискурса	258
<i>Евсеева Е.В., Федорович О.С.</i> Реализация социокультурной деятельности в изучении английского языка в современной школе	263

Еремина Д.А. Особенности коллоквиального синтаксиса английского языка на материале британских и американских сериалов	267
Ефимова А.Д. Диахронический анализ слов-репрезентантов понятия «денди» в русской лингвокультуре.	274
Ефремцева Т.Н. A la carte menu: новая стратегия электронного обучения иностранным языкам	282
Желанникова А.Т. Значение и формирование языковой картины мира	288
Журавлева А.К. Семантическое поле лингвистических единиц выражения модальности в английском языке	292
Звягинцева Е.П. Использование элементов вертикальной и горизонтальной интеграции в лингводидактике.	295
Зеленева Е.М., Жирова И.Г. К вопросу об особенностях передачи экономической терминосистемы с английского языка на русский.	300
Зябкина Е.И. Креолизованный текст в современном дискурсе. Положительные и отрицательные тенденции	304
Кабаева А. Особенности синтаксической структуры диалогической речи английского художественного текста (на материале романа А.Кристи «Печальный кипарис» / A.Christie. “Sad Cypress”)	308
Калитвинцева А.И. Теория текста и дискурса в контексте автореферирования.	317
Келимбердин Р.Б. Экспериментальное исследование структурно-содержательных характеристик концептов, обозначенных лексемами <i>chiến tranh</i> / война	324
Князьков Д.А. Лингвистическая экспертиза песенных текстов (на примере композиции «1944»)	330
Ковш Е.В., Савченко Е.П., Харитонова Е.Ю. Лингвокультурный типаж современного преподавателя/учителя	339
Козалова Е.А. О некоторых тенденциях вокализма при обучении современному французскому произношению	346
Кокорина Ю.Г. Археологическое знание в словарном представлении	352
Корепанов Б.О. Рекламные слоганы бундесвера как средство конструирования положительного образа вооруженных сил	360
Кравцев Е.В. Скайп как эффективный помощник в изучении иностранного языка	368
Красина Е.А., Лутеро Т. Художественная образность в романах А. Барикко и её отражение в переводе на русский язык.	372
Крашенинникова Т.В. Метафоризация мотива свободы в американском блюзе.	382
Круглов В.В. Разработка учебно-методического комплекса для подготовки студентов к прохождению стажировок по линии Минобороны России «Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык».	385
Кудинова С.М. Лингвостилистическое исследование образа «маленького человека» в произведениях А. Чехова и О. Генри.	391

Кукина Н.В. К вопросу об анализе аббревиатур-документонимов немецкого языка для специальных целей в прагматическом аспекте	394
Куприянова С.К. Калмыцкое коммуникативное поведение в свете изучения типологии культур (на материале калмыцких паремий)	399
Latyshev O., Tarziev V., Vanabakova V. The economic policy of the Great Eurasian partnership in customer service standards	407
Левченко М.Н. Локальный алгоритм текстов художественной немецкой прозы (на примере новеллы и исторического анекдота)	416
Леннищева Я.А. Лексико-стилистическое исследование темы «отцов и детей» в творчестве Д. Рейнольдса	421
Ли Цин 俄罗斯网络信息文化以及共通的中国网络信息文化特征	424
Ли Яньчунь, Дин Цяньжу. Речевые ошибки в межкультурной коммуникации на материале деловых текстов	433
Лобанова Т.Н. Китайский политический медиадискурс: политика постправды и идеологическое конструирование	441
Луань Сыюй, Лю Бо. Концепт «Молодежь» в текстах русскоязычных СМИ	453
Лымарь М.П. Основные компоненты китайской национальной идентичности, оказывающие влияние на процессы межкультурной коммуникации	458
Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. «Восточная дневная песнь» Р.М. Рильке в русских переводах	465
Лю Бо. Традиционное представление о «супружеской связанности» в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок)	473
Лю Сянюнь. “互联网+” 框架下高校俄语教学研讨	477
Лю Юнь, Лю Бо. Традиционное представление концепта «БЕЗДЕЛЬНИК» в русской языковой картине мира	483
Макарова В.А. К вопросу о категории художественного времени	487
Максименко О.И. Противостояние пиктографических и графических языков в электронной коммуникации	492
Меметова М.Г., Лесниковская И.В. Межъязыковые лакуны и способы их элиминирования	499
Минасян З.Т. Характеристика реакции адресата на выражение сочувствия в британской и русской лингвокультурах	503
Мирзиева Л.Р. Актуальные вопросы письменного перевода с китайского языка и формирование соответствующих переводческих компетенций у учащихся	509
Мотина Н.А. К вопросу о моделирующей функции субтекста (коммуникативная ситуация в художественной прозе)	515
Мочалина Т.С. Блогояз как часть Интернет-дискурса	519
Мюллер Ю.Э. Принципы организации дистанционного курса «Немецкий язык для академических целей»	525

Назарова А.Ю. Особенности диалектического многообразия британского варианта английского языка	531
Не Вэйдун. 国内俄语电子词典使用现状及展望	538
Неволина А.А., Андрюшкова Н.А. Анализ политического дискурса в материалах зарубежных СМИ, посвященных политической и спортивной тематике	542
Низовцева Т.В. Проблема определения понятия «реалия» и его развитие в языкознании	547
Никитина М.С. Влияние ценностей на словарный состав чилийского варианта испанского языка.	551
Николаев И.В. Ключевые вербальные символы официального политического дискурса: опыт классификации.	558
Николаева Н.Д. Проблема «восток-запад» в первой половине XIII в.: освещение в современной российской историографии	564
Никонова Е.А. Синтаксические стилистические средства реализации модальности в политическом эссе	573
Нужная Е.О. Проблема переводческой эквивалентности фразеологизмов с компонентом «рука» во французском и русском языках	580
Обчинникова Е.А. Мотив несчастной любви в балладах Роберта Бёрнса и способы его выражения.	587
Однораленко С.Ю. Положительные и отрицательные стороны дистанционного и электронного образования при изучении иностранных языков	590
Омельченко Л.Н. Констатирующие тексты как объект лингвистического исследования.	596
Омельченко М.С. Формы речевой избыточности. Производный плеоназм.	604
Павлычева Е.Д. Англо-американский научный дискурс в контексте речевого портрета личности	607
Панфилова Д.А. Диахроническое исследование стилистик американских патриотических песен	615
Пичугина М.С., Святова М.И. Особенности перевода названий деревьев в английской и в русской языковых картинах мира.	621
Пищальникова В.А. Методологические проблемы современной этнопсихолингвистики как теоретической базы межкультурных исследований	630
Попкова А.Е. Новые образовательные технологии в обучении юристов	638
Попова Л.Г. От нарушения нормы к формированию нового явления в языке	644
Пучков С.И. Образ М. Каддафи в СМИ до и после военного конфликта в Ливии (на материале французской периодики)	649
Раренко М.Б. Реклама как коммуникация	657
Ратникова В.Ю., Лесниковская И.В. Коммуникативное языковое умение и диалект кокни.	666

<i>Рейнгольд Н.И.</i> О норме комментирования художественного перевода.	671
<i>Реука А.Ю., Улиткин И.А.</i> Трудности перевода научно-технических текстов: использование дословного перевода.	679
<i>Рожкова А.Р.</i> Сопоставительный анализ писательского двуязычия В. Набокова и И. Бродского	686
<i>Романенко М.А.</i> Репрезентация прошлого в контексте советского утопического дискурса.	693
<i>Рославлева О.</i> Территориальный диалект Кокни и его роль в современном Мультикультурном Лондонском Английском.	698
<i>Рузиева Л.Т.</i> Игровые некоммуникативные и коммуникативные задания на уроках русского языка	703
<i>Рулевская Е.С.</i> Корпусный анализ в определении коннотативной эквивалентности русских лексем «художник», «живописец» и английских лексем “artist”, “painter” . . .	712
<i>Савченко Д.Г.</i> Сказка как прецедентный текст в современном рекламном дискурсе .	719
<i>Сапранова И.Л.</i> Языковые особенности немецкой Chat-коммуникации	726
<i>Сафронова А.М.</i> Дистанционные образовательные технологии в обучении иностранным языкам	731
<i>Свиридова Л.К.</i> Эмоциональность как ведущий фактор структурно-смыслового построения текста.	737
<i>Северова Н.Ю.</i> Реализация личностно ориентированного подхода в обучении иностранному языку на основе технологий электронного обучения (бакалавриат, неязыковой вуз)	741
<i>Семина Т.А.</i> Анализ тональности в текстах на политическую тему на примерах Twitter и аналитических статей	749
<i>Сенченкова М.В.</i> Отличие французского глагола от русского: вид и способ действия. . . .	754
<i>Серебрякова Е.В.</i> Эвфемизмы в политическом дискурсе немецкоязычных СМИ. . . .	761
<i>Сидорова Н.А., Харченко В.А.</i> Исследования текстовой семантики: диахронический аспект	768
<i>Сидорова Н.А., Смерчинская А.А.</i> Прагматика пресуппозиций в речевой коммуникации	772
<i>Сиротин Д.В.</i> Стратегия дискредитации в политическом дискурсе: коммуникативный аспект.	779
<i>Скитина Н.А., Губанова А.С.</i> Сопоставительный анализ русских, английских и немецких пословиц с компонентом Собака	784
<i>Смирнова Л.Н.</i> Реализация принципов предметно-языкового интегрированного обучения в процессе изучения темы “Professional English in Emergency”	791
<i>Соснина Э.О.</i> О наименованиях лиц по профессии в древнеанглийский период	799
<i>Стеколыщикова И.В.</i> Вопрос об овладении языком в научных трудах У.Д. Уитни . .	804
<i>Степанова К.Н., Святова М.И.</i> Анализ семантики английских обращений.	809

<i>Степанова Д.А.</i> Реализация гендера в современной литературе для детей 5–10 лет	814
<i>Телегин Л.А.</i> О некоторых евро-азиатских лексических параллелях	820
<i>Тимофеева А.А.</i> Лингвистические средства выражения понятия «сверхъестественное» в британской литературе викторианской эпохи и их передача на русский язык	824
<i>Траоре Яя.</i> Лексические средства перевода вида русского глагола на французский язык	831
<i>Трофимова Н.А., Мамцева В.В.</i> Сущность и значение ольфакторности в романтическом дискурсе	835
<i>Трошина Н.Н.</i> Изменение коммуникативного статуса немецкого языка	842
<i>Усачёва Я.В.</i> Диалект в художественной прозе: опыт зарубежного переводоведения	850
<i>Уткина Е.А., Улиткин И.А.</i> Репрезентация содержания концепта «народ» в русских и английских словарях	858
<i>Фатеева М.В.</i> Развитие иноязычной речевой компетенции школьников средствами веб-форума: к постановке проблемы	864
<i>Филиппова И.Н.</i> Инокультура в переводе: чужая или чуждая	870
<i>Хань Сюэцзюань.</i> Прагматические функции традиционных русских фразеологизмов на материалах русских газет	877
<i>Харитоновна Е.В.</i> Сильные тексты национальной культуры: переводческий аспект	883
<i>Хлопова А.И.</i> Тенденции в изменении содержания лексемы «работать»	890
<i>Хроменков П.Н.</i> Лингвоконфликтная компонента фолк-истории	899
<i>Хрущева Т.В., Томасон О.</i> Современные технологии в преподавании иностранных языков и культур: опыт международного межвузовского студенческого сотрудничества	906
<i>Цепелева А.Н.</i> Реалия: лингвистическая природа и особенности перевода в художественной литературе	916
<i>Чернышкова Н.В.</i> Специфика публичной речи женщин-политиков Франции	920
<i>Чеснокова О.С., Монфорте Дюпре Роберто.</i> Формы обращения в двух испанских переводах повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж»	925
<i>Чжай Хунюнь.</i> Подготовка бакалавров-будущих учителей начальной школы к применению социальной сети в преподавании китайского языка	931
<i>Чжоу Вэй.</i> 提高高校外语学习者跨文化能力的途径研究	937
<i>Шаркова П.</i> Особенности вербализации концептосферы «drinks» в англоязычной картине мира	940
<i>Шевченко С.Н.</i> Особенности перевода стихотворения Уильяма Каллена Брайанта “To a Waterfowl” на русский язык	946
<i>Шимонина Н.В.</i> Использование литературных текстов при формировании межкультурной компетенции	954
<i>Шульгина Е.Д., Сахарова Н.Г.</i> Современное понимание идеи любви (на материале поэтического творчества Э.К. Ширана)	958

Юй Шуанянь. 中国的俄语电化教学研究 ——以西安外国语大学为例	962
Юльметова Д.Р., Ившин В.Д. Межкультурная адаптация культурологических особенностей китайских деловых этикетных формулировок в русском языке	966
Юрина М.К. Структурные особенности когнитивной единицы «фрейма»	973
Юрьева Ю.Б. Культурно-обусловленные традиции речевого поведения в англо-саксонской культуре	979
Яковлев А.Д., Сахарова Н.Г. Стилистические средства выражения мотива протеста в поэзии Билли Брэгга	984

Абаева Е.С.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Перевод фразеологических единиц в отрывках с юмористическим эффектом

Аннотация: В статье рассматриваются способы перевода фразеологических единиц, играющих ключевую роль для реализации юмористического эффекта на примере художественных произведений. Автор обращает особое внимание на особенности положения фразеологизма в структуре отрывка текста с юмористическим эффектом.

Ключевые слова: перевод, юмористический эффект, фразеологизм, художественная литература.

E. Abaeva

Moscow City Teachers' Training University (Moscow)

Translation of phraseological units in extracts with a humorous effect

Abstract. The paper examines the ways of translating phraseological units which are essential for the humorous effect realization in fiction. Much attention is paid to the position of the phraseological unit within the structure of the extract with a humorous effect.

Keywords: translation, humorous effect, phraseological units, fiction.

При межъязыковой передаче юмористического эффекта переводчик сталкивается с множеством проблем разного рода, одной из которых является наличие в тексте фразеологических единиц. Цель представленной работы заключается в анализе способов перевода отрывков текста с юмористическим эффектом, который так или иначе затрагивает наличие фразеологической единицы как компонента самого отрывка, рассматриваемого нами в качестве единицы перевода [1]. Не ограничиваясь рамками исключительно лингвистических трансформаций, выводя процесс переводческой деятельности на когнитивный уровень, предпринимается попытка описания действий переводчика по перекодированию рассматриваемых отрывков.

В качестве материала для проведенного сопоставительного исследования выступила повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Волны гасят ветер» и ее перевод на английский язык, выполненный в 1987 году Антониной Буис (A. Bouis).

Сплошная выборка осуществлялась на основании наличия фразеологической единицы в структуре отрывка с юмористическим эффектом, при этом сам фразеологизм должен был иметь существенное значение для создания анализируемого эффекта. Мы предлагаем провести анализ в том числе и с точки зрения позиции, которую может занимать фразеологизм в структуре отрывка.

Фразеологические единицы понимаются в работе как «сочетания слов, т.е. раздельно оформленные образования, с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями» [2, с. 24]. При этом для работы переводчика, вслед за Я.И. Рецкером, считаем важным подчеркнуть наличие переосмысления в рассматриваемом устойчивом словосочетании: «с точки зрения переводчика, переосмысление (полное или частичное) и только переосмысление является решающим критерием фразеологичности» [5, с. 145]. На наш взгляд, именно благодаря внутреннему переосмыслению фразеологические единицы представляют сложность для перекодирования, хотя тот же самый фактор является одним из главенствующих при выделении фразеологической единицы в качестве лингвистического средства, способного создавать юмористический эффект. Это возможно из-за присутствия «несоответствия» в структуре семантики фразеологических единиц, которое позволяет создавать юмористический эффект, даже при условии стабильности самой единицы (без ее преобразования) [4].

Рассмотрим часть диалога между мужем и женой, а именно реплику жены:

– Подожди, не ехидствуй, пожалуйста, – сказала Ася. – Никто ведь твоих Странников не отрицает. Я тебе не об этом совсем толкую... Ты меня совсем сбил... И всегда сбиваешь! И меня, и Максима своего, а потом ходишь, повесивши нос на квинту, изволь тебя утешать... [6, с. 142]

В представленном примере юмористический эффект основывается на использовании фразеологизма «повесить нос на квинту», который во Фразеологическом словаре русского литературного языка [7] помимо собственно значения «огорчаться, приходить в уныние», маркируется пометой «ирон.», возможно по причине столкновения скриптов [внутреннее (нос опечаленного человека)] / [внешнее (нос музыканта)].

Известно несколько способов перевода фразеологических единиц, в частности: поиск фразеологического эквивалента (полного или частичного), поиск фразеологического аналога, а также разнообразные нефразеологические способы передачи смысла (калька, описание, объяснение, компенсация и т.д.) [3, с. 105].

Как можно видеть, в переводе данного отрывка присутствует образность, хотя и несколько видоизмененная:

"Wait, don't be spiteful, please," Asya said. "No one is denying your Wanderers. That's not what I'm talking about. You've confused me... you always get

me off the track! Both me and your Maxim, and then you go around with your nose drooping, and want to be consoled... [9, p. 150]

Происходит замена фразеологической единицы «повесить нос на квинту» не эквивалентом, пусть и частичным, «be down in the mouth», а авторским словосочетанием «with smb's nose drooping». Выбранный переводчиком вариант перевода помимо явно выраженной образности, которая проявляется за счет переноса первого значения глагола *to droop* «to bend or hang down heavily» на второе «if your spirits (= feelings of happiness) droop, you start to feel less happy and energetic», возможно, помогает спроецировать скрипт, связанный с носом самолета (*droop-nose) для создания столкновения следующих скриптов: [человек (нос)] / [машина (нос)].

Вопрос о том, сохраняется ли юмористический эффект, остается открытым. Чтобы сделать релевантный вывод о том, насколько подобная замена позволяет создать юмористический эффект в сознании носителей английского языка, на наш взгляд, необходимо проводить психолингвистические эксперименты. В данной статье лишь маркируется попытка переводчика создать нужное столкновение иными средствами языка, отличными от фразеологической единицы.

Фразеологические единицы могут служить не только триггером, но и контекстом для формирования юмористического эффекта в рамках заданного отрывка текста. Это можно наблюдать в следующем примере:

Магистр потребовал впредь до выяснения прекратить производство прославленных на всю планету «алапайчиков», а Бруно – дерзкий болтун, мальчишка, нахал – заявил: с какой это стати? Никогда в жизни он не осмеливался пикнуть против Магистра, а сегодня вдруг принялся ораторствовать. Рядовые любители-де такого изменения во вкусе попросту не заметят, а что касается знатоков-де, то он голову дает на отсечение – по крайней мере каждого пятого такая вкусовая вариация приведет-де в восторг... Кому это нужна его отсеченная голова? Но ведь его поддержали! И теперь непонятно, что будет... [6, с. 133]

Фразеологизм «дать голову на отсечение» используется в значении «с полной убежденностью ручаться» [7]. Здесь мы наблюдаем то, что Рецкер называл «экспрессивное использование ФЕ посредством двойной актуализации» [5, с. 157], когда носитель языка имеет возможность, благодаря контексту, считать и первичное значение, то есть значение отдельных лингвистических единиц, входящих во фразеологическую единицу, и собственно значение фразеологизма как лексикализовавшейся единицы.

Когда искомая единица впервые вводится автором в текст, то никакого юмористического эффекта не наблюдается. Хотя следует отметить, что наряду с образной характеристикой, присутствует экспрессия и, возможно, эмоциональная оценка происходящего. Но лишь исключительно дальнейшее развитие позволяет создать необходимый юмористический эффект. Первичное значение начинает считываться только при его актуализации в контексте «отсеченная голова», который предполагает использование данной лексики только в значении «верхняя часть тела человека».

В переводе мы наблюдаем прием замены: фразеологической единице «дать голову на отсечение» подбирается нефразеологический аналог ‘bet his head’, который, однако, может быть измененным вариантом ‘you can bet your life’ и позволяет «развить» дальше необходимую для сюжета мысль.

He had never dared raise his voice against the Master, and today suddenly he was giving speeches. The regular fans would simply not notice such a subtle change in flavor, and as for the gourmets, well, he bet his head that at least every fifth gourmet would be ecstatic over a taste change like that... Who needed his head? But they supported him! And now it wasn't clear what would happen... [9, p. 139]

Понятно, что необходимое условие существования в данном отрывке юмористического эффекта – столкновение двух скриптов, которые формально можно описать следующим образом: [ручаться с полной уверенностью (чем-то, имеющим большую ценность)] / [ручаться чем-то, не имеющим большой ценности]. Как мы видим, скрипты реализуются, пусть и не посредством лингвистического средства, которое присутствовало в тексте оригинала.

Фразеологизм может фигурировать в измененном виде, что позволяет самостоятельно создавать юмористический эффект, как в нижеприведенном примере:

Сейчас уже никто не помнит «подмикитчиков», которые с фанатическим энтузиазмом пытались форсировать прогресс тагорян и леонидян. Сейчас уже все поняли, что расталкивать под микитки такие в своем роде совершенные цивилизации – занятие столько же бессмысленное и бесперспективное, как пытаться ускорить рост дерева, скажем дуба, таща его вверх за ветки. [6, с. 21]

Следует заметить, что окказиональная лексема «подмикитчики» тоже создает юмористический эффект, но не рассматривается нами из соображений, которые накладывает заявленная выборка.

Фразеологизм, зафиксированный словарями, имеет несколько другой вид: «брат под микитки» или вариант «взять под микитки». Он означает «решительно, силой или властью заставлять, принуждать кого-либо делать

что-либо» и идет в словаре с пометами «просторечное», «экспрессивное» [7]. В данном контексте, с одной стороны, происходит изменение фразеологической единицы, но с другой, оно происходит, видимо, в рамках развития лингвистической единицы в сознании носителей языка, поскольку встречается не только у исследуемых авторов, но и в других текстах. Так, например, мы встречаем его в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»:

Вытаскивать людей из векового болота, разлеплять им глаза, расталкивать их под микитки... (А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга третья, глава четвертая)

Вопрос о том, можно ли назвать такое использование намеренной аллюзией на предыдущий контекст, хотя чрезвычайно интересно, все же не является проблематикой данной статьи.

Рассматривая собственно юмористический эффект, который необходимо сохранить при переводе, отмечаем, что происходит замена фразеологической единицы русского языка на фразеологическую единицу английского. Некоторая грубоватость английского текста вполне объяснима отсутствием аллюзивного фона в сознании англоговорящего читателя. Зато довольно удачно создается второй скрипт: [совершенные цивилизации (которые сами знают, что делать, и к ним относятся с уважением)] / [отсталые цивилизации (которых нужно заставлять развиваться, и к которым иногда относятся без уважения)].

Nowadays, no one remembers the "asskickers" who tried to force progress with great enthusiasm among the Tagorians and Leonidians. By now we know that kicking ass in civilizations that are mature in their own way is as meaningless and hopeless as trying to speed up the growth of a tree – an oak, say – by pulling it up by the branches [9, p. 15].

Функционирование фразеологической единицы исключительно в позиции контекста без дальнейшего развития в качестве триггера, скорее всего, не дает юмористического эффекта, и потому не попало в выборку.

В качестве заключения следует отметить разнообразие приемов, которые использовал переводчик при перекодировании фразеологических единиц, входящих в отрывки с юмористическим эффектом, что позволяет говорить о том, что опора на лингвистические средства, видимо, не обладает нужным потенциалом.

Список литературы

1. Абаева Е. С. Единицы перевода при работе с юмористическим эффектом // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 5–11.
2. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 344с.
3. Обжорин А. М. Особенности перевода фразеологизмов, выражающих психическое состояние человека, с русского на английский язык. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С.104–107.
4. Орлецкая Л. В. Фразеологизмы как средство создания юмористического эффекта в тексте: дисс... к. фил. н, М. 1994. 235с.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. 5-е изд., испр.и доп. М.: Аудитория, 2016. 244 с.
6. Стругацкий А. Н. Волны гасят ветер / Аркадий и Борис Стругацкие. М.: Изд-во АСТ, 2016. 244 с.
7. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
8. Attardo S. Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001. 238p.
9. Strugatsky Arkady and Boris. The Time Wanderers / translated by Antonina W. Bouis. New York: Richardson & Steirman, 1987. 213 p.

Абдуазизова Д.А.

Высший военный таможенный институт (Ташкент)

Типологическое функционирование паралингвистических средств

в художественном тексте

Аннотация. Статья посвящена функционированию паралингвистических средств в художественном тексте. Приведены примеры описания различных жестов, движений и мимики в прозаических, драматургических и поэтических произведениях. А также рассматриваются фонационные особенности употребления паралингвистических средств в речи, которые выступают в качестве важнейшего компонента эмоционально-выразительных фонационных явлений в поэтических текстах.

Ключевые слова: паралингвистические средства, кинесика, фонация, психофизиология, экспрессивность, эмоциональность, культура, манера общения, сегментные средства..

Typological functioning of paralinguistic means in a literary text

Abstract. The paper is devoted to functioning paralinguistic means in a literary text. The presented examples describe various gestures, movements and facial expressions in prose, drama and poetry. We also examine phonation features of the use of paralinguistic means in speech, which serve as an essential component of emotional-expressive phonation phenomena in poetic texts.

Keywords: paralinguistic means, kinesics, phonation, psychophysiology, expressiveness, emotionality, culture, manner of communication, segment means.

Паралингвистика, возникшая в недрах нескольких наук - таких, как психология, антропология, биология, культурология, этнография, социология стала интенсивно развиваться в последние годы. Это направление становится всё более актуальным, о чём можно судить по многим опубликованным в последние годы трудам. В имеющихся исследованиях по паралингвистике высказываются различные точки зрения. Многие лингвисты склонны разграничивать в паралингвистике две стороны: фонацию и кинесику. Сюда относятся: Дж. Катфорд, Д. Кристалл, Г. В. Колшанский [2; 6; 7] и другие.

Паралингвистические средства в речи могут выполнять следующие функции:

- а) служат для усиления речи, а идеи, переданные языковыми средствами, имеют паралингвистическую экспрессивность;
- б) служат для выражения эмоций, сопровождающих речь;
- в) служат для выражения парадокса между языковым текстом и паралингвистическими средствами.

Здесь переплетаются паралингвистическая экспрессивность и эмоциональность. Как указывает П. В. Симонов, «Эмоция возникает при недостатке сведений, необходимых для достижения цели. Замечая, компенсируя этот недостаток, она обеспечивает продолжение действий, способствует поиску новой информации и тем самым повышает надежность живой системы» [3, с. 1].

Паралингвистические средства часто используются в художественном тексте. В прозаических, драматургических и поэтических произведениях путем описания различных жестов, движений и мимики передается характер образа, его национальность, манера, культура общения и другие характеристики.

Артур Конан Дойл в своем романе “Приключения Шерлока Холмса” путем описания невербального общения своего героя мастерски изображает его движения: *“From under this great panoply she peeped up in a nervous, hesitating fashion at our windows, while her body oscillated backward and forward, and her fingers fidgeted with her glove buttons, suddenly with a plunge, as of the swimmer who leaves the bank, she hurried across the road and we heard the sharp clang of the bell”*.

В этом отрывке текста изображено типичное движение человека.

Американец, приехав в Лондон, отличается своими движениями, но его манеры весьма близки к англичанам. Если бы он так поступил в Японии, то Шерлока Холмса сразу же заметили бы японцы.

В пьесе английского драматурга Джона Осборна (John Osborne) “Оглянись во гневе” (“Look back in anger”) часто используются слова и выражения, относящиеся к психофизиологическому и эмоциональному состоянию героев:

"Alison (softly). – All I want is little peace.

Jimmy. – Peace! God! She wants peace! (Hardly able to get his words out). My heart is so full, I feel ill - and she wants peace!

(She crosses to the bed to put on her shoes. Cliff gets up from the table, and sits in the armchair R. He picks up a paper, and looks at that, Jimmy has recovered slightly, and manages to sound almost detached).

В этом диалоге в скобках приведены характеристики голоса (“softly”, “hardly able to get his words out”) и движения Джимми и Клиф, которые относятся к паралингвистическим средствам.

В другой пьесе Кейт Уотерхаус и Уиллис Халь (Keith Waterhouse and Willis Hall) – “Билли-лгун” (“Billy Liar”), встречаются многие слова и выражения, дающие различную характеристику тона, голоса и движения, действия, раскрывающие содержание речевого высказывания. Напр., He shrugs his shoulders, (он пожимает плечами), irritated (раздражённо), excited and afraid (взволнованно и боясь), losing his temper (выйдя из себя), emphatically (эмфатически) и т.д. характеризуют состояние человека перед или после того, как он что-то сказал своему собеседнику. Эти паралингвистические фонационные средства здесь также сопровождают речь, что особенно важно в драматических произведениях.

Проза Василия Шукшина выделяется обилием паралингвистических средств и слов, выражающих различные жесты и мимику. Так, в его рассказе “Танцующий шива” мы читаем: “Дал знак воображаемым

музыкантам, легкой касательной походкой сделал ритуальный скак... И опробовал половицу покрепче-надежно. Выдал красивое, загогулистое колено, еще, еще – это он показал, что как все – то пляшут – он так умеет. Он умел еще иначе. Он посмотрел на Ваньку... Сделал ему гримасу, показал его, заинтересованного губошлепа... Потом потянулся, сонно зачмокал губами – Ванька проснулся утром”.

Здесь характерно чмоканье-смачивание полости рта, сглатывание физиологически свойственно всем, производится, так сказать, машинально. Чмоканье может рассматриваться как элемент фонации в речевой этике.

“Егору и самому в диковину было – лететь чуть не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки. Но он вспомнил, какой жалкий был у брата голос,

у него слезы слышались в голосе – нет, видно, надо, может, больше надо самому Федору, чем девочке” (В.Шукшин. “Как зайка летал на воздушных шариках”).

В данном контексте выражение “у него слезы слышались в голосе” употреблено вместо “рыдающего голоса”, т.е. фонации рыдания выражены с большим преувеличением психофизиологического состояния человека.

В другом рассказе – “Микроскоп”, В.Шукшин изображает образ пьяницы – “кривоносика”: “При этом ломанный его нос (кривой, с горбатинкой) из желтого стал красным” – когда он потерял 120 рублей и об этом сообщил своей жене. Эмоциональное состояние бедного пьяницы и его жены раскрываются посредством паралингвистических средств. В данном отрывке использованы также фонации продления гласных (“не-ет”, “до-олго”) и согласных (“от-теньки”), что характерно в речи жены пьяницы.

Приведем отрывок из этого рассказа:

“На это надо было решиться. Он решился. Как-то пришел домой – сам не свой – желтый; не глядя на жену, сказал:

– Это... я деньги потерял. При этом ломанный его нос (кривой, с горбатинкой) из желтого стал красным.

– Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка? Да нет, этот кривоносик никогда не шутит, не умеет. Она глупо спросила:

– Где?

Тут он невольно хмыкнул:

– Дак если б я знал, я б пошел и ...

– Ну, не-ет!! – взревела она. – Ухмыляться ты теперь до-олго не будешь! – и побежала за сковородником.

Он схватил с кровати подушку-отражать удары (древние только форсили своими сверкающими щитами. Подушка!). Они закружились по комнате...

– Подушку-то, подушку-то марашь! Самой стирать...

– Выстираю! Выстираю, кривоносик! А два ребра мои будут! Мои! Мои!

– По рукам, слушай!..

– От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!

– По рукам, зараза! Я ж завтра на бюллетень сяду! Тебе же хуже будет!..” [5, с.26]

В рассказе “Экзамен” Василий Шукшин мастерски использовал различные оттенки и нюансы глагола “смотреть”: “наблюдать внимательно”, “наблюдать”, “глядеть”, “посмотреть на глаза”, “поднять глаза на человека”, “грустные глаза”, “смотреть на кого-нибудь ясными серыми глазами”, “внимательно посмотреть”, “оглянуться”.

Аналогичное функционирование паралингвистических средств в значительной степени характерно и для узбекской художественной прозы.

“Акбарали мингбошининг белида кумуш сопли қиличи, устида зарбоб чопони бўлмаса, ҳеч ким уни амалдор демайди. Оддий кийимда кўрганлар ё – оддий бир кишлок бойи, ё Еттисув билан алоқаси бор қўйчи, ё бўлмаса яйлов томон билан иш кўрадиған туячи деб уйлардилар.

Чекка суяклари туртиб чиққан : пешона бўйига тор, энига кенг ва ҳам узун-ўзун уч чуқур ажинга эга...Бурун ўртача, лекин каншари паст...Кўз қисилиброқ келган, парда томирларидан икки-учтаси ва ҳам иккала кўзининг бир ёнида жиндек жойи ҳамма вақт қизил; бир кўзида пича шапағлик асари .ҳам бор...Ияк-кенг, жағ-сергўшт. Жуда сийрак бўлган соқол иякнинг ўртасидагина тўпланиб, эчкиники сингари, пастга томон санғиллаб тушган...Муйлов ҳам, соқол сингари сийрак...” [4, с. 92]

Здесь изображено физиологическое состояние чиновника Акбарали, его внешний вид, но описание его внешности в определенной степени связано с состоянием его внутреннего мира.

Этот чиновник даже похож на козла, у него такая же козлиная борода. С помощью паралингвистических средств писатель выбрал

такие слова и выражения, которые показывают внутренний и внешний мир чиновника.

"Камбағаллик ўлсин, камбағаллик! – деди у, ва чукур бир “ух” тортди...

Бироз жим қолгач, бирданига овозини кўтариб: Шунча ердан бизнинг сўк ошимизни ичғали келармиди!.." [4, с. 78]

Здесь употребляется “эканье”, выражающее ограниченный словарный запас человека. “Эканье” используется в качестве элемента фонации.

– Э-э, – деди сўфи чўзилиб ва ўзидан хурсанд бир кулумсираш билан кулумсиради:

– Менинг давлатим ҳечкимда йўқ, ака! [4, с. 69]

Здесь писатель использовал долгую фонацию “Э-э” и радостную улыбку суфи (религиозный деятель, который вызывает на молитву в мечети), который произнёс: “Моего богатства ни у кого нет, браток!”

Его радостная улыбка уже выражает мимическое состояние, но оно еще подтверждено вербально.

Это свидетельствует о том, что неязыковые средства (различные фонации, улыбка, телодвижение, жесты и мимика), участвующие в коммуникации, и есть те паралингвистические условия, которые вплетаются в языковое общение. В другом примере также отмечается глубокий вздох “ух” и внезапное повышение тона голоса, что также относится к паралингвистическим средствам фонации.

У Чулпона часто встречаются эмоциональные выражения: “ух”, “ох”, “эх”, “вой”, “товба”, “тав-э”, “эт-тавба”, “эй товба”, “ҳа-а-а”, “хавва”.

(подтверждение – в Хорезмских говорах) и т.д., которые могут рассматриваться в качестве паралингвистических средств фонации в узбекской речи.

Неязыковая фонация может сигнализировать об эмоциональной скованности говорящего, возникает как реакция в связи с психофизиологическим состоянием организма.

В русской речи также наблюдаются различные примеры “эканья”, продления гласных и согласных, задержки дыхания на вдохе и глухого взрыва связок, шумных вдохов (вдох, выдох), чмоканья, пауз, “эмканья” и др., которые рассматриваются в качестве парафонетических средств в тексте.

Такие же паралингвистические средства фонации встречаются в английской речи, некоторые из них близки к сегментным средствам (продление гласных и согласных звуков, добавление звуков и т.д.), а большинство из них по своей природе выражены подобно просодическим средствам.

Паралингвистические средства также широко используются в поэзии. Для доказательства вышесказанного приведем стихотворение английского поэта Роберта Саудей (1774–1843) – “Лодорский водопад” [9, с. 131]. Поэт использует разнообразные изобразительные, в том числе и паралингвистические средства при описании того, как в Лодорское озеро течет вода.

*And flowing and going,
And running and stunning,
And foaming and roaming,
And dining and spinning,
And dropping and hopping,
And working and jerking,
And guggling and struggling,
And heaving and cleaving,
And moaning and groaning,
And glittering and flittering,
And gathering and feathering,
And whitening and brightening.
And quivering and shivering,
And hurrying and skurrying
And thundering and floundering...*

В данном отрывке наблюдаются различные движения и звуковые образы, которые переданы с помощью глаголов. В отрывке эмоционально-выразительные паралингвистические средства образуют тот фон, на котором и во взаимодействии с которым в тексте существуют собственно языковые единицы. Их значение, как и значение всяких других средств того же рода (мимических, жестикуляторных и т.д.), приобретает определенность лишь в конкретных предметных ситуациях или в конкретном образном контексте, что наблюдается в данном отрывке.

Значения паралингвистических средств фонации уточняются в языковом контексте, а составляющие этот контекст языковые значения получают, благодаря такому функциональному взаимодействию,

эмоционально-выразительные оттенки. В приведенном отрывке речь идет не только о том, как течет вода в Лодорское озеро, а вообще говорится о жизни, ибо вода олицетворяет жизнь. Здесь мы наблюдаем двойное рифмирование слов (and tossing and crossing), которое насыщено эмоциональным тоном, особым тембром вокализации (ономатопия) и ритмом, которые выступают в качестве важнейшего компонента эмоционально-выразительных фонационных явлений в поэтических текстах.

Теперь рассмотрим стихотворение известного узбекского поэта Абдуллы Арипова “Канатоходец” (“Дорбоз”) [1, с. 12].

Булутларга ёндош, осмон остида
Киприкдаги ёшдай турипти дорбоз.
Қиличнинг дамидай арқон устида,
Кўзларини юмиб юрипти дорбоз.
Одамлар, одамлар, уни олқишланг,
Қаранг, у нақадар эпчил ва ўктам,
Биз-чи, эҳ... баъзи бир кўзи очиклар,
Эплаб юролмаимиз катта йўлда ҳам...

Русский перевод этого стихотворения, выполненный М. Гребневым, звучит так:

Под синим небом
Рядом с облаками
Танцует он с закрытыми глазами -
То встанет и подастся чуть вперед,
То как слеза на выгнутой реснице,
Висит он и паденья не боится.
То по веревке медленно идет.
Похлопайте ему!
Какой он ловкий,
Как по своей натянутой веревке.
Легко скользит он в небе голубом!
Канатоходец смел, а мы-то с вами,
Бывает, и с открытыми глазами
И по земле опасливо идем...

Перед нами – канатоходец со всеми его движениями. Используя слова “танцует”, “встанет”, “подастся чуть вперед”, “висит”, “паденья не

боится”, поэт изобразил весь портрет канатоходца. Эти слова являются выразителями паралингвистических средств, т.е. кинесических движений.

Следует отметить, что в узбекском оригинале кинесические движения канатоходца передаются с помощью слов “турипти”, “юрипти”. “қиличнинг дамидай арқон устида”, “эпчил”, которые считаются нейтрально-обиходными словами. В русском переводе движения канатоходца изображены с большей интенсивностью: слова “танцует, встанет, подастся чуть вперед, висит, паденья” характеризуются с большой выразительной силой. И главное, вывод о том, что канатоходец “легко скользит он в небе голубом! Бывает, и с открытыми глазами мы по земле опасливо идем”...

За счет слов, выражающих паралингвистические движения, которые мы относим к паралексике, русский перевод выполнен весьма удачно с учетом национальной специфики и своеобразной восходяще – нисходящей интонации.

Перевод слов, относящихся к паралексике, составляет большую трудность, так как они выражают эмоциональное состояние человека и его физическую реакцию на проявления окружающего мира [6, с. 36]. Перевод связан с национальной спецификой, культурой, психологией и этнографией народа, что особенно ясно наблюдается, когда переводятся художественные произведения из неродственных, разносистемных языков. Такой перевод требует глубокого изучения типологических особенностей языков, вплоть до их паралингвистических средств.

Говоря о паралингвистических средствах, реализованных в словах, словосочетаниях или предложениях, используемых в художественном тексте, следует подчеркнуть, что они могут передавать эмоциональное состояние человека, его различные характеристики: пол, возраст, характер, профессию, национальность и т.д. С помощью жестов, движений и мимики, а также различных парафонетических средств раскрывается образ или картина описываемого сюжета. По своей структуре паралингвистические средства являются одним из важнейших стилеобразующих средств текста. Именно они превращают построенный из языковых единиц и лингвистических правил текст, целостную структуру, способную оказывать эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя или слушателя. Следовательно, можно убедиться в том, что каждому слову и каждой фразе в нашей речи может быть подобран лингвистический эквивалент – будь то слово, фраза, обширный текст или

паралингвистический знак, т.е. те средства, которые дополняют или делают более насыщенной нашу речь.

Список литературы

1. Абдулла Орипов. Йиллар армони. Тошкент., Ғ.Ғулом нашриёти, 1978. Абдулла Арипов. Ветер моего края. Стихотворение. Поэма. М. “Художественная литература”.
2. Колшанский Г. В. Паралингвистика, М., “Наука”, 1974.
3. Симонов П. В. Что такое эмоция, М., “Наука”, 1966.
4. Чўлпон. Кеча ва кундуз. Роман, Тошкент, 1992.
5. Шукшин Василий. Рассказы, М. “Художественная литература”, 1979.
6. Catford J. C. The Articulatory Possibilities of Man / Manual of Phonetics, ed. V. Malberg, Amsterdam: North-Holland Publishing Co, 1968,
7. Crystal David. Current Trends in Paralinguistics. In his “The English Tone of Voice”, N. Y., 1975.
8. Pollard David E. Body Language 11 Perspectives. Studies in translatology. University of Copenhagen. 1993.
9. Selected English Poems., Bucuresti, 1966.

Александрова Ю.Л.

Московский государственный областной университет (Москва)

Формула идеального перевода на основе видового разделения текста

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки и выявления формулы идеального переводного текста. Основными элементами данной формулы являются: четырехмерная модель измерения семантико-структурной аналогичности, разработанная Красновой И.А., и видовое разделение выбранного для анализа текста на текст рассказчика и текст персонажей.

Ключевые слова: переводоведение, семантико-структурная аналогичность, видовое разделение текста, текст рассказчика, текст персонажей, идеальный перевод.

Yu. Aleksandrova

Moscow Region State University (Moscow)

Formula of an ideal translation on the basis of specific text division

Abstract. The paper studies the problem of development and identification of a formula of an ideal translated text. The main elements of this formula are the model of calculation of semantic-structural similarity created by I. A. Krasnova and division of a text in question into a narrator's text and characters' text.

Keywords: translation science, semantic-structural similarity, text division, text of a narrator, text of characters, ideal translation.

В современном переводоведении достаточно остро стоит вопрос о создании идеального переводного текста. Рассматривая художественные произведения, стоит обратить особое внимание на трудности, с которыми сталкиваются переводчики. Тексты художественной прозы неоднородны, то есть предложения могут разительно отличаться по своей структуре, семантическому наполнению, стилю. Работая с данным видом текста, нужно уметь переводить как длинные монологические речи, наполненные эпитетами, сравнениями, так и короткие разговорные фразы, характерные лишь для определенной ситуации. Нужно уметь виртуозно подстраиваться под изменяющиеся виды текста, не забывая оставаться в рамках художественного произведения той эпохи, когда оно было написано. Все вышеперечисленное доказывает, что любой переводной текст должен быть проанализирован и проверен на предмет семантико-структурной аналогичности, являющейся ключевым звеном в определении качества перевода. Исследованием данного вопроса занимается кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (ИЛиМК МГОУ) И. А. Краснова, которая разработала четырехмерную модель измерения семантико-структурной аналогичности исходного и переводного текстов. Согласно методике определения степени языковой аналогичности используются четыре симптома, которые являются вполне доступными для сопоставления исходного и переводного текстов, что и позволяет точно и объективно судить о степени языковой аналогичности. Симптомами являются способы передачи значений лексических единиц в переводе, которые подразделяются на 4 вида:

1. Равнокатегориальная лексико-семантическая эквивалентность (равн. КЛСЭ). Для данного симптома характерно воспроизведение семантики лексической единицы исходного языка и сохранение ее категориально-морфологических признаков.

2. Разнокатегориальная лексико-семантическая эквивалентность (разн. КЛСЭ). Характеристикой этого симптома является сохранение лексической семантики при одновременной смене категориально-морфологических характеристик воспроизводимой единицы ПЯ.

3. Перераспределение лексической семантики. Для данного симптома характерно то, что при переводе происходит перегруппировка семантических компонентов.

4. Адекватная лексико-семантическая замена, то есть использование функционально-коммуникативного переводческого эквивалента с полным отсутствием семантической эквивалентности [2, с. 164].

Однако измерение семантико-структурной аналогичности может не только помочь оценить адекватность полученного перевода, но и разработать идеальный переводной текст. Так, в рамках данного исследования был задействован биографический роман английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма «Луна и грош», написанный в 1919 году. В качестве официального переводного текста был использован перевод Наталии Ман, которая является известным российским переводчиком. Также, были задействованы переводы студентов-информантов, чьи работы были, соответственно, проанализированы по методике И. А. Красновой.

В результате получения нескольких вариантов перевода и их анализа по четырехмерной модели измерения семантико-структурной аналогичности, для каждого отдельно взятого предложения исходного текста можно подобрать идеальный вариант перевода, принимая во внимание его коэффициент аналогичности. Таким образом, на основе нескольких вариантов перевода, можно разработать идеальный переводной текст. Однако это будет возможно при условии, что текст художественного прозы не подвергается видовому разделению, то есть если переводчик работает с одним целостным пластом. В данном художественном произведении повествование ведется от лица молодого писателя, который стал свидетелем некоторых событий из жизни главного персонажа, который, кстати говоря, является вымышленным. Стоит обратить внимание на то, что повествование ведется в эпизодической форме. Проанализировав весь материал, можно прийти к однозначному выводу: в данном тексте следует выделять два типа повествования, повествование от лица героя-рассказчика (или текст рассказчика, далее ТР) и повествование от лица персонажей (или текст персонажей, далее ТП). Анализируя выбранное художественное произведение, нельзя не обратить внимание на то, что ТР составляет наиболее массивный пласт, нежели ТП. Именно рассказчик начинает повествование, вводит читателя в курс происходящих событий, даёт первичную оценку ситуации, характеристику главных персонажей, а также сопровождает читателя до самого конца повествования. Данная категория текста характеризуется весьма широким набором художественных приёмов. Всевозможные эпитеты, метафоры,

метонимии, синекдохи, сравнения, олицетворения, гиперболы, литоты, аллитерации – спектр применения различных приёмов и тропов в данном виде текста художественного произведения действительно широк. Использование автором героя-рассказчика, что также является художественным приёмом, используемым многими авторами, даёт ему возможность описать ситуацию, выразить отношение к ней, не лишая читателя выразительных, обогащающих речь тропов, дающих более полное, точное, глубокое представление о происходящем. В то же самое время, ТП, который выражается прямой речью, диалогами и полилогами в произведении, не лишен художественных приёмов, однако частота их применения значительно ниже, по сравнению с ТР. Данная характеристика обусловлена тем, что, несмотря на эмоциональность и образность речи, живые человеческие диалоги, монологи и любые высказывания по своей сложности и набору художественных средств уступают ТР художественной прозы.

Иными словами, простота высказывания играет решающую роль. Однако нельзя забывать о том, что для устной речи любого языка характерны разговорные слова и фразеологизмы, лексика с эмоционально-экспрессивной окраской, уменьшительно-ласкательные суффиксы и другие стилистические приёмы, которые, при переводе на другой язык, будут претерпевать значительные изменения и преобразования. На основании данных положений, можно заключить, что разделение текста на два вида вполне уместно, обоснованно и имеет определенную цель – разработать идеальный переводный текст, не делая поправки на его видовое разделение. Можно предположить, что достижение указанной цели возможно при однозначном разделении текста на ТР и ТП, при дальнейшем их отдельном анализе по четырехмерной модели и при отдельной разработке идеального ТР и ТП. Однако исследование показывает, что расчеты по ТР и ТП выражены одинаковыми общими показателями. Это свидетельствует о том, что ТР характеризуется статичностью и достаточно маленькой расчетной амплитудой, а ТП – динамичностью, нестабильностью и большой расчетной амплитудой.

Иными словами, можно заключить, что разработка идеального переводного текста возможна и эффективна без видового разделения текста на ТР и ТП. Тем не менее, нельзя забывать о том, что если ТР статичен и имеет примерно одинаковые характеристики, то ТП выражен нестабильностью, скачкообразностью, что ставит под сомнение

возможность игнорирования разделения текста на два вида. Таким образом, можно сделать вывод, что фрагментарная разработка идеального текста с разделением на ТР и ТП будет более эффективной, а также сможет гарантировать получение действительно идеального перевода.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д. Современная модель обучения немецкому языку в контексте последних положений методической науки // Доклад в рамках круглого стола «Преподавание немецкого языка в школах Подмоскovie: от теории к практике», МАОУ Видновская гимназия, г. Видное, 31 марта 2015 г. // URL: <http://admng.mgou.ru/index.php/metodicheskaya-kopilka> (дата обращения: 11.02.2016)

2. Краснова И. А. Измерение семантико-структурной аналогичности оригинала и перевода (на материале текстов различных жанров с немецкого языка на русский). Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. 164 с.

3. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. Лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005.

4. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: «Академия», 2003. 192 с.

5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

6. Уильям Сомерсет Моэм. Луна и грош. М.: АСТ, 2014. 216 с.

7. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. London: VINTAGE BOOKS, 1999. 216 с.

Алексеев А.Б.

Московский государственный областной университет (Москва)

К вопросу выделения типов языковой личности

политического деятеля

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о профессиональной языковой личности политического деятеля, в частности предлагается классификация некоторых типов политиков. В их числе: политик-манипулятор, политик-мифотворец, политик-алармист, политик-агрессор, политик-джентльмен, политик-маргинал. Предполагается, что политический дискурс формирует языковую личность человека, представляя ей определенный, весьма ограниченный, выбор поведенческих и лингвистических паттернов. При этом подчеркивается, что предложенная классификация потенциально

«открыта», то есть вполне вероятно выделение и других типов личности политического деятеля.

Ключевые слова: политик-манипулятор, политик-мифотворец, политик-алармист, политик-агрессор, политик-джентльмен, политик-маргинал.

A. Alexeyev

Moscow Region State University (Moscow)

On classification of language personality types of a politician

Abstract. The paper considers the professional language personality of a politician; in particular, a classification of some types of politicians is proposed. The found types include a politician-manipulator, a politician-myth-constructor, a politician-alarmist, a politician-aggressor, a politician-gentleman, and a politician-marginal. It is shown that political discourse exerts strong influence on the language personality, giving a man a certain, quite limited, arsenal of behavioral and linguistic patterns. It is found that the proposed classification is potentially open, i.e. it is quite possible to identify other types of a politician.

Keywords: politician-manipulator, politician-myth-constructor, politician-alarmist, politician-aggressor, politician-gentleman, politician-marginal.

В конце прошлого столетия в лингвистике наметилась тенденция изучать язык в соотнесенности с речевой деятельностью человека. Включение фактора носителя языка в объект изучения лингвистической науки побудило ученых обратиться к понятиям личность и языковая личность. Опираясь на богатую традицию рассмотрения человека гуманитарными дисциплинами, исследователи пришли к выводу о том, что лингвистика тоже не может игнорировать данный вопрос.

Приоритет разработки теории языковой личности принадлежит такому направлению в языкознании, как русистика. Представленная различными направлениями – лингводидактикой, литературоведением, психолингвистикой, – русистика дала мощный импульс для развития концепции языковой личности. Сам термин был введен в научное употребление Ю. Н. Карауловым и одобрен его коллегами. Считается, что «Используя язык, личность становится языковой личностью» [Сорокина, 2017: 272].

На данном этапе существования лингвистического знания уже посвящено немало научных трудов описанию особенностей языковой личности. Ученые обращаются к изучению русской языковой личности, диалектной языковой личности, эмоциональной языковой личности и т.д. Список всевозможных языковых личностей, поднимаемых в рамках лингвистики, потенциально безграничен. Исходя из объективно существующих различий между людьми – этнических, национальных, социальных, психических, – исследователи говорят об отличных типах

языковых личностей. Одной из важных характеристик языковой личности является ее профессиональная принадлежность. В связи с этим представляется правомерным говорить о профессиональной языковой личности, проявляемой в профессиональном дискурсе.

Ключевая характеристика политического дискурса – манипулятивность, неискренность, обманность. В толковом словаре Д.Н. Ушакова [Ушаков] даже дается следующая дефиниция слову «политика»: перен. Хитрость и уловки в отношениях с людьми, хитрый, уклончивый образ действий (разг.). Я твою политику насквозь вижу. Отец протопоп Савелий начал своею политикой еще более уничтожить меня. Лесков.

В связи с этим можно говорить о политике-манипуляторе, – типе политика, который мы считаем базовым и основным. Политики-манипуляторы прибегают к довольно изощренным приемам и способам манипулирования аудиторией. Поскольку они довольно подробно освещены в соответствующей литературе, мы не видим необходимости останавливаться на данном вопросе.

Второй тип языковой личности политика, который мы предлагаем выделить, – политик-мифотворец. Ключевой концепт, соотносимый с данной разновидностью политика, – политический или социальный миф. Впервые вопрос о социальных мифах был поднят философом Ж. Сорелем; с исторической точки зрения, многие события прошлого столетия (например, рождение фашизма, нацизма) можно трактовать именно в тесной привязанности к слову «миф». Вместе с тем политические мифы активно живут и в современном мире, опосредуя идеологические установки политических движений и партий.

Чтобы обосновать уместность выделенного типа «политика-мифотворца» необходимо ответить на вопрос: кто создает, кто конструирует политические мифы? Ж. Сорель был убежден, что они есть проявление массового сознания [цит. по: Нечаев, 1998: 19], и с этим положением нельзя не согласиться. Тем не менее, вызывает сомнение утверждение, что социальные мифы, в отличие от утопий, никем собственно не производятся [Там же]. Напротив, профессор А. Л. Топорков придерживается точки зрения, что решающую роль в возникновении и распространении политических мифов играют СМИ [Топорков]. Разделяя эту позицию, мы хотим обратить внимание на то, что СМИ не являются аполитичными или даже независимыми сущностями:

«сильный» политический дискурс оказывает решающее влияние на действия журналистов. Не только политики диктуют повестку дня, но они и способны выставлять ее в выгодном для себя свете. По-видимому, именно политики несут ответственность за то, что можно бы было именовать мифологическим измерением современности. В таком понимании мифотворчество есть специфическое умение, талант общественного лица продуцировать политические мифы и вселять веру в них.

Третий тип языковой личности политического деятеля, выделяемый нами, – политик-алармист. Если политик-мифотворец непосредственно соотносим с концептом «политический миф», то политик-алармист, на наш взгляд, главной своей задачей видит конструирование моральной паники. Термин «моральная паника» был впервые использован английским социологом С. Коэном.

Как отмечает А. А. Ефанов, термин «моральная паника» состоит из двух компонентов – мораль и паника [Ефанов, 2016: 20], и хотя, на первый взгляд, для алармистского дискурса имеет значение лишь второй элемент понятия «моральная паника», это не совсем так. Дело в том, что большинство паник в современном обществе непосредственно связано с областью морали. Опираясь на труды Э. Дюркгейма, А. А. Ефанов приходит к выводу, что «мораль представляет собой первооснову общественного порядка» [Там же, 2016: 21]. Мы полагаем, что политические алармисты активно обращаются к моральным устоям общества, «играют» на них.

Понятие «моральная паника» несет несколько негативный оттенок: предметами моральной паники, как правило, становятся, малозначительные события, которые в результате непосредственного вмешательства СМИ, приобретают статус чрезвычайно важных. Позиции на моральных баррикадах (*moral barricades*) занимают священники и политики, редакторы и представители прессы [Cohen, 2002: 1]. Они выискивают «народных бесов» (*folk devils*), т.е. людей, по их мнению, повинных в сложившемся положении дел [*ibid.*: 2]. Мы признаем, что политические алармисты, с одной стороны, могут вполне подпадать под классификацию манипуляторов, а с другой они соотносимы со следующим типом языковой личности политического деятеля, выделяемого нами, а именно: политика-агрессора.

Уместность введения категории «полит-агрессор» обусловлена тем,

что политический дискурс агонален. Агональность, как отмечает О. Л. Михалева, – неотъемлемая характеристика политической коммуникации [Михалева, 2009: 41], нередко побуждающая говорящего к использованию невежливых и нелестных отзывов о своем оппоненте. Такую манеру поведения опосредует стратегия дискредитации, а крайним ее выражением является использование инвективной лексики, навешивание диффамирующих ярлыков и т.п.

По нашим наблюдениям, исследователи, как правило, не проводят строгой границы между коммуникативной стратегией дискредитации и инвективной стратегией, используя два термина либо в качестве синонимов, либо чаще отдавая предпочтение одному из них. Мы склонны считать, что инвективная стратегия является более «сильным» и радикальным методом воздействия на оппонента, в связи с чем возникает вопрос: какой стратегией пользуется политик-агрессор? Ответить на него, по нашему мнению, возможно только в контексте изучения конкретного дискурса. Следует допустить, что человек, дискредитирующий своего оппонента, может оставаться предельно вежливым и почтительным, не позволяя себе никакой формы агрессии. В таком случае имеет смысл говорить о политике-джентльмене.

В строгом смысле слова каждый политик должен быть джентльменом (в отношении политика-женщины, вероятно, можно применить обозначение леди). Политик-джентльмен – это, прежде всего, вежливый человек, придерживающийся вежливых, политкорректных норм общения.

Последний тип языковой личности политика, о котором пойдет речь, политик-маргинал. Термин «маргинальный человек» довольно активно используется в социологической науке. Имеется несколько возможных интерпретаций феномена маргинальность: с одной стороны, маргинал – это «пограничный», даже опасный индивид, не вписывающийся ни в какие общественные рамки; с другой – он находится не на краю общества, а между различными его классами и социальными группами [Николаев, 2010: 355]. Если в первом значении фигура маргинала обрисовывается исключительно в негативных красках, то во втором – маргинальный человек есть проявление современной эпохи, провозгласившей за человеком право на свободную идентификацию личности, ее самоопределение.

Политика-маргинала можно представлять себе в лице

оппозиционера, поскольку он, как правило, стремится обособить и выделить себя из «политической массы». Особенно нетерпим политик-маргинал по отношению к политическим элитам и истеблишменту. Для того, чтобы заявить о себе, политические маргиналы прибегают к стратегии маргинализации, т.е. к сознательному оформлению имиджа, который в конечном итоге отличает их от большинства однопартийцев, членов правительства, парламента и т.п. Представляется, что политические маргиналы вполне могут быть искренними людьми, о чем, в частности, пишет Ю. А. Ашкеров: «...маргинализация ... является политической стратегией со своими маленькими и большими хитростями – иногда очень выгодной стратегией. Она, например, не предполагает ответственности, не связана с рутинной деятельностью... В итоге маргиналом оказывается не просто тот, кто не может быть никем другим, но тот, кто находит в этой возможности определенное удобство» [Кто сегодня делает философию в России, 2007: 19].

В завершение необходимо признать, что предлагаемая классификация типов языковой личности политического деятеля является потенциально открытой, – вероятно, можно выявить и некоторые другие типы. В то же время неизбежна корреляция отдельных типов языковой личности, в особенности с категорией «политик-манипулятор», что, на наш взгляд, не является недостатком классификации, поскольку манипулятивность – важнейшая характеристика политического дискурса и как таковая она пронизывает все действия и поступки человека, фигурирующего в нем.

Список литературы

1. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. М.: Поколение, 2007. 576 с.
2. Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений. Дис. ...канд. социолог. наук: 22.00.04. / Ефанов Александр Александрович. Саранск, 2016. 179 с.
3. Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России. Дис. ... канд. политолог. наук: 23.00.03. / Нечаев Владимир Дмитриевич. М., 1998. 261 с.
4. Николаев В. Г. Человек маргинальный [Текст] / В. Г. Николаев // Вопросы социальной теории. 2010, Т. 4. С. 354–372.
5. Сорокина Э. А. Особенности термина «профессиональная языковая личность» [Текст] / Э. А. Сорокина // Материалы научно-

практической конференции «Современные проблемы экологии языка». Астрахань, 2017. С. 269–277.

6. Топорков А. Л. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] // А. Л. Топорков URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 12.01.2017)

7. Ушаков Н. Д. Толковый словарь. [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова URL <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52954> (дата обращения: 19.12.2016)

8. Cohen S. Folk devils and moral panics. The creation of the Mods and rockers. London and New-York. Routledge. 2002. 281 p.

Анищенко А.В.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Обеспечение фактора непрерывности в контексте лингвистического образования взрослых

Аннотация. В докладе раскрываются особенности различных форм обучения взрослых иностранному языку в рамках дополнительного образования; характеризуются возможности дополнительного образования в обеспечении индивидуализации образовательного процесса и мотивации обучающихся.

Ключевые слова: непрерывное образование; дополнительное образование; индивидуализация процесса обучения; формирование компетенций; открытое образование.

A. Anishchenko

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Provision of a continuity factor in the linguistic education of adults

Abstract. The paper examines specific features of different forms of teaching foreign languages to adults in the framework of supplementary education. The potential of supplementary education to provide an individual approach to the education process and to motivate learners is described.

Keywords: lifelong learning, supplementary education, individualization of the learning process, competency building, open education.

Необходимость непрерывности образовательного процесса как постоянного развития и формирования разного рода профессиональных и общекультурных компетенций на сегодняшний день очевидна. Непрерывное образование уже не рассматривается как система подогнанных друг к другу образовательных программ, а определяется как процесс личностного и профессионального становления человека в

течение всей жизни, обеспечивающий соответствие его опыта запросам меняющегося производства и социальных отношений [3, с. 8]. В условиях современной социально-экономической действительности профессиональная мобильность, т.е. возможность и способность переключаться на другую деятельность или менять вид труда, является непременным условием социальной и профессиональной успешности. Сегодня знание иностранного языка является одним из основных условий при трудоустройстве, а также служит конкурентным преимуществом. Зачастую изменение вектора профессиональной мобильности связано с потребностью формирования межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции. Это значительно повышает статус иностранного языка как учебного предмета в системе непрерывного образования.

В основе сообщения – анализ следующих образовательных практик: второе высшее образование, дополнительное профессиональное образование, программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации в сфере иноязычного обучения взрослых на базе факультета непрерывного образования Московского государственного лингвистического университета (далее МГЛУ).

Как свидетельствуют опросы взрослых, обращающихся в МГЛУ с целью получить дополнительное образование, связанное с изучением иностранного языка или его совершенствованием, большинство из них недовольны своими знаниями, полученными ранее в общеобразовательных учебных заведениях, образовательных учреждениях среднего профессионального или высшего образования, объясняя их непригодность в плане применения иностранного языка в бытовом общении или в профессиональной деятельности. Большинство опрошенных (34 %) называют в качестве цели обучения углубленное изучение иностранного языка; свой образовательный и общекультурный уровень хотели бы повысить 21 % обучающихся, другая часть планирует профессиональные перспективы, связанные с расширением возможностей по основной профессии (21 %) или переквалификацией (22 %).

Очевидно, что у большинства обучающихся не стоит вопрос о полном изменении профессиональной траектории, скорее, речь идет о дополнительном иноязычном образовании. Т.е., не получив удовлетворительного предложения на рынке дополнительных образовательных услуг (курсы или репетитор), потребитель обращается в

высшее учебное заведение лингвистического профиля, где образовательная услуга оказывается на высоком профессиональном уровне; кроме того, существует возможность получения диплома о высшем образовании, что станет несомненным конкурентным преимуществом на рынке труда.

Выбор программы обучения обусловлен, таким образом, не только актуальными профессиональными и интеллектуальными запросами личности, но и предшествующим опытом изучения иностранного языка, а также финансовыми и временными ресурсами взрослого обучающегося.

Наиболее распространённой и приемлемой с точки зрения соотношения решаемых задач и возможностей формой изучения иностранных языков взрослыми людьми являются, как показывает практика, краткосрочные курсы иностранного языка, не требующие привязки к предыдущему образованию, которое может быть получено как в аккредитованном учебном заведении (официальное образование), так и на различного рода курсах, в процессе повышения квалификации по месту работы (неофициальное образование), а также в результате практического опыта, приобретенного на работе, в быту и тому подобное (неформализованное образование).

Краткосрочные курсы иностранных языков для взрослых, будучи оптимальной формой обучения, предоставляющей в кратковременные сроки максимальные возможности для того, чтобы приблизить процесс обучения к естественному процессу бытовой или профессиональной коммуникации, безусловно, востребованы. Они содержат неограниченные возможности для широкого и эффективного использования интенсивных методов и методик обучения взрослых различным аспектам иностранных языков и видам речевой иноязычной деятельности. Курсы иностранных языков позволяют строить весь процесс обучения таким образом, чтобы максимально приблизить его к реальному процессу коммуникации и осуществить его в кратковременные сроки. Предлагая краткосрочные программы (от одного месяца), объёмом от 48 учебных часов, языковые курсы анонсируют достижение обучающимися достаточного для минимального общения уровня А 1 («Выживания») [2], т.е. возможности принимать участие в простых диалогах, умения задавать простые вопросы личного характера и отвечать на них, поддерживать простую беседу на знакомую или интересующую их тему в повседневной ситуации общения.

Программы начального уровня направлены на развитие языковых коммуникативных компетенций (лингвистической, социолингвистической, прагматической). Предполагается, что обучающийся овладеет незначительным словарным запасом (отдельные простейшие слова и словосочетания на конкретные бытовые темы), который позволит ему сообщить информацию о себе, попросить / спросить что-либо, установить контакт, используя простейшие вежливые формы приветствия и прощания, благодарности, извинения и т.д.

Прохождение уровня А 2 («допороговый» уровень) [2] предполагает расширение знаний и умений в рамках лингвистической компетенции: обучающийся владеет достаточным количеством слов и выражений для удовлетворения основных коммуникативных потребностей и участия в знакомых ситуациях повседневного общения, умеет правильно их употреблять, правильно использовать простые грамматические конструкции. Это дает ему возможность кратко высказаться на простейшие темы: рассказать о себе, своих повседневных занятиях, изложить просьбу, задать вопрос, участвовать в простом обмене информацией, мнениями и взглядами, участвовать в простейших ситуациях общения, использовать повседневные вежливые формы приветствия и прощания, обращения, выполнять простые речевые действия (приглашение / принять приглашение, извиниться / отреагировать на извинение и т.д.). В рамках прагматической компетенции обучающийся приобретает умение изложить содержание истории, дать описание чего-либо в виде последовательности простых предложений, используя для их связи, наиболее часто встречающиеся союзы, союзные слова и т.д.; умеет пользоваться хорошо заученными простыми фразами, заменяя в них некоторые лексические элементы в зависимости от обстоятельств и изменять заученные фразы путем простейшей перестановки его элементов.

Как правило, данным уровнем владения иностранным языком ограничиваются взрослые обучающиеся, планирующие использовать полученные знания в личных целях для бытового общения или эпизодически в туристических поездках. Полученное дополнительное иноязычное образование не планируется использовать в профессиональных целях.

Достижения уровня В 1 характеризуется тем, что обучающийся благодаря расширению словарного запаса может высказаться на большинство повседневных тем: семья, увлечения, работа, путешествия,

последние события; дать без подготовки описание нетипичной ситуации, достаточно четко изложить суть проблемы или вопроса, выразить свои мысли на абстрактную тему (например, связанную с культурой, наукой, кино и т.д.). Качество прохождения этого этапа обучения определяется тем, насколько хорошо обучающийся может представить обсуждаемую проблему, объяснить представленную точку зрения и связать воедино факты, насколько хорошо он владеет необходимым для этого уровня лексическим запасом и лексически / грамматически / фонетически правильно оформляет свою речь, чтобы изложить свою точку зрения, в том числе, в письменной форме (может писать простые связанные тексты по широкому кругу знакомых и интересующих вопросов)

Освоивший уровень В 2, владеет достаточным запасом языковых средств, в том числе по профессиональной / представляющий интерес тематике для того, чтобы четко выразить свою мысль, построить аргументацию, не испытывая при этом видимых затруднений, не допускать частого повторения одних и тех же слов, оборотов, выбирать при этом регистр общения, соответствующий конкретной ситуации; обучающийся умеет говорить бегло и без подготовки, что позволяет ему участвовать в свободном и непринужденном общении с носителями языка. На этом этапе обучения иностранному языку обучающиеся достигают качественно нового уровня, открывающего новые возможности активного и эффективного участия в процессе коммуникации.

Как правило, достижение этого уровня владения иностранным языком является конечной целью у обучающихся по программам дополнительного профессионально неспециализированного образования на курсах иностранных языков, т.е. тех, кто ориентируется на использование иностранного языка в повседневном общении, в том числе и в рамках профессиональной деятельности.

Поскольку основная цель обучающихся взрослых на курсах состоит в овладении иностранным языком как средством коммуникации, при обучении следует обращать особое внимание на развитие коммуникативных компетенций, поэтому большое значение придается использованию коммуникативных игр и креативных заданий, которые активизируют стремление обучаемых к контакту друг с другом и преподавателем в речевом партнерстве. Это позволяет преодолеть языковой барьер и улучшить запоминание речевых моделей и словосочетаний.

Нужно отметить, что в последнее время значительно вырос интерес к корпоративному обучению иностранным языкам. Важно, чтобы программа обучения сочетала элементы различных подходов к преподаванию и применяла весь арсенал методов и приемов для достижения высокого результата. При корпоративном обучении необходимо учитывать цели, которые ставит руководство компании и сами обучающиеся. Следует также определить специфические языковые потребности клиента-потребителя, а также уделить должное внимание самой организации процесса обучения, обеспечить обратную связь.

В силу особенностей контингента, нуждающегося в дополнительных факторах карьерного роста, совершенствовании профессиональных навыков, переподготовке, удовлетворении общекультурных потребностей и требующего обязательного учета своих индивидуальных запросов, образование взрослых не приемлет жесткую регламентацию и унификацию. Дополнительное иноязычное образование взрослых должно быть гибким и ориентированным на конкретного потребителя. Этим объясняется появление многочисленных школ / курсов иностранных языков на коммерческой основе, предлагающих программы разного уровня и продолжительности обучения, а также масштабное распространение репетиторства. Преимущество последнего состоит в индивидуализации процесса преподавания иностранного языка, в четкой ориентации не на утвержденную учебную программу, а на конкретного потребителя с его интеллектуальными возможностями, психологическими особенностями и личными / профессиональными потребностями.

С этой точки зрения, в рамках дополнительного профессионального образования представляет интерес такая форма повышения квалификации как стажировка, которая может осуществляться индивидуально с целью приобретения опыта, а также закрепления теоретических знаний, полученных при освоении программ профессиональной переподготовки или повышения квалификации, приобретения практических навыков и умений для их эффективного использования в профессии.

Как показывает опыт реализации образовательных программ по обучению иностранным языкам взрослых на базе МГЛУ, успешность обучения взрослых иностранному языку не в последнюю очередь определяется особенностями межличностного взаимодействия обучающихся внутри группы. Одновременно с этим, наблюдается потребность во внимании, поддержке, доверительном отношении,

позитивной оценке как учебных, так и не имеющих отношения к процессу обучения факторов со стороны преподавателя и членов группы. Обучение иностранному языку с большим количеством практических занятий в малой группе предполагает наличие ситуаций, когда взрослые обучающиеся стремятся раскрыть свой внутренний мир и добиться признания себя не как объекта образовательного процесса, а как личности во всем многообразии личностных характеристик. Андрагогические принципы обучения предписывают отказ от критики участников процесса обучения. Негативная оценка часто воспринимается обучающимся как удар по самолюбию, что ведет к ослаблению или утрате мотивации и, как следствие, к прерыванию обучения.

Одной из основных задач при обучении взрослых является создание и поддержка условий, благодаря которым взрослый человек мог бы оставаться активным и заинтересованным субъектом процесса учения и иметь высокую мотивацию при выполнении предлагаемых заданий. Решение этой задачи достигается путем использования разнообразных организационных форм образования взрослой аудитории и оптимизации содержания обучения. Как предмет обучения иностранный язык имеет свою специфику, которую необходимо учитывать в учебном процессе. Язык выступает и как цель, и как путь к этой цели, как средство обучения.

Цели обучения взрослых настолько личностно ориентированы, что часто с трудом могут быть соотнесены с целями конкретной программы, предлагаемой образовательным учреждением. Способом реализации индивидуального образовательного маршрута, а также механизмом приспособления к требованиям рынка должна стать гибкость образовательной программы, которая достигается модульностью. Учебные модули используются в зависимости от потребностей конкретного обучающегося.

Максимальная гибкость, модульность и возможность следовать индивидуальной образовательной траектории обеспечиваются на сегодняшний день в рамках открытого образования [1], основу которого составляет целенаправленная, контролируемая, интенсивная самостоятельная работа обучающегося, который может учиться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность контакта с преподавателем по телефону, факсу, электронной или обычной почте, а также личного контакта.

Таким образом, при иноязычном обучении взрослых необходимы формы, решения, инструменты, позволяющие максимально индивидуализировать образовательный процесс (стажировка, тьюторское сопровождение, обучение в системе открытого образования). С другой стороны, создание единой образовательной среды на уровне образовательного учреждения обеспечит системность и непрерывность образовательного процесса, исключит дискретность образовательных программ.

Список литературы

1. Ибрагимов И. М. Модель открытого образования. URL: <http://www.elitarium.ru/obrazovanie-distancionnoe-obuchenie-sistemauchebnyj-process-principy-osobennosti-razvitiya/>
2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. МГЛУ, 2005. 247 с.
3. Титова Л. Г., Юдин В. В. Концептуальные положения организации непрерывного образования. Ярославль, 2017. 26 с.

Антонова Н.И., Лесниковская И.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Становление и развитие фантастического жанра как одного из видов перевода

Аннотация. Понятие видов перевода связано с жанровыми особенностями материала, являющегося объектом межъязыковой передачи. В статье предпринята попытка исследования становления и развития фантастического жанра как жанра художественной литературы и как вида перевода. Авторы анализируют произведения разных периодов, начиная с древнейших времён до наших дней.

Ключевые слова: жанровые особенности, фантастический жанр, виды перевода, эволюция перевода.

A. Antonova, I. Lesnikovskaya

Moscow Region State University (Moscow)

Formation and development of the fantastic as one of the types of translation

Abstract. The concept of types of translation is associated with genre features of a literary work which is often an object of cross-language transfer. An attempt is made to investigate the formation and development of the fantastic as a subgenre of literary works and a kind of translation. Works of different periods, from the earliest times to the present day, are analyzed.

Keywords: genre features, the fantastic, types of translation, evolution of translation.

Фантастика (от греч. *phantastike* — искусство воображать), форма отображения мира, при которой на основе представлений реальности создается логически несовместимое с ними новое устройство Вселенной. Данная форма широко представлена в искусстве, фольклоре, социальной утопии. Фантастический жанр – жанр художественной литературы, характеризующийся элементом «невероятного», нарушением существующих границ и норм. Г. Гуревич писал в своём очерке: «фантастика не проста, многообразна, ... <...> ...это вид литературы, в котором важную роль играет необыкновенное, невероятное, небывалое или несуществующее» [8]. «Фантастика, во всех ее разновидностях ...<...>... безусловно принадлежит к числу наиболее любимых жанров искусства» [Мзареулов, 2006, 2]. Истоки фантастического жанра лежат в глубоком прошлом. Фантастическая образность присуща таким жанрам фольклора как сказка, эпос, аллегория, легенда, гротеск, сатира, утопия. Художественный эффект фантастического образа достигается за счет резкого отталкивания от эмпирической действительности, поэтому в основе фантастических произведений лежит оппозиция фантастического - реального [11].

«Будучи частью общечеловеческой культуры, фантастический жанр меняется вместе с цивилизацией. Для каждой эпохи характерны специфические разновидности фантастики, наиболее полно отвечающие требованиям времени» [Мзареулов, 2006, 20].

Первое фантастическое произведение было написано ещё в 26 веке до нашей эры – «Сказание о Гильгамеше», роман-приключение о древнем правителе шумеров. Но началом всей литературной западноевропейской фантастики считается «Одиссея» Гомера, написанная в эпоху эллинизма. «Одиссея» изобилует мифическими элементами, присущими тому времени: «фантастическими существами» – греческими богами, великанами, циклопами, волшебницами, нимфами, сиренами.

В римские времена стали отдавать предпочтение волшебным путешествиям в разные части земного шара и за его пределы. Примером может послужить произведение Антония Диогена «Невероятные приключения по ту сторону Туле». Роман «История Александра Великого» под авторством Каллисфена продолжил традицию фантастического путешествия, в котором герой оказывается в местах с необычной природой, странными животными и растениями, великанами, карликами, людоедами. Начиная с V века до н. э. чудесное привлекает в ещё большей

степени. Его выражением становится парадоксография, жанр сочинений нехудожественной прозы об удивительных вещах, в котором часто используются сведения из философских, естественно-научных областей. Из нескольких подобных дошедших до наших времён сочинений в этом жанре заслуживают внимания «Удивительные истории» Флегонта, содержание которых описывает столкновения с привидениями.

«Если под фантастикой понимать любую выдумку, любое нарушение пропорций действительности, зафиксированное в художественной форме, то её дальнейшие истоки следует искать не только в средневековой литературе, но ещё и дальше – в фольклоре, который собственно говоря, фантастичен от начала до конца», убеждает В. Ревич, мотивируя это тем, что с XII века нашей эры в угасающий героический эпос начинают проникать мотивы волшебных сказок, формируя рыцарский роман, становясь его образной основой [10]. Обрамлением фантастических сюжетов становится легенда о дворе короля Артура, где чудесное переплетается с обыденным, рыцарский мир находится в сложном взаимодействии со сказочной страной, а рыцари направляются на поиски приключений.

Особенного внимания заслуживают многие произведения японской и китайской фантастики, внесшие значительный вклад в дальнейшее развитие фантастического жанра. В японской литературе возник кайдан - рассказ о встречах со сверхъестественным, призванный напугать читателя, а в китайской литературе новеллы включили в себя элементы нереального, как в сборнике Пу Сунлина «Рассказы о чудесах из кабинета Ляо», что впоследствии стало основой для нового поджанра – ужасов.

Большое влияние на фантастический жанр оказали религиозно-мифологические образы Библии. Крупнейшие произведения фантастического жанра с элементами христианства — «Возвращённый рай» и «Потерянный рай» Дж. Мильтона, основывающиеся на апокрифах, создают новое направление для большинства произведений фантастики Средневековья и эпохи Возрождения, которые уже имеют под собой основу христианской демонологии, состоящей из мифов о демонах, призывах, изучения поведения демонов, описаниях борьбы с ними.

В XVII–XVIII веках писатели обратились к истокам фантастического жанра – классифицировали и редактировали сказки, легенды и песни, которые превратились в такие произведения как: «Народные сказки Петера Лебрехта», «Детские и семейные сказки» и «Немецкие предания» братьев

Гримм. Это поспособствовало развитию жанра литературной сказки, которая остаётся ведущей в детском фантастическом жанре. Классическими произведениями считаются сказки Х. К. Андерсена и Э. Т. А. Гофмана.

Черты сверхъестественного и мистического фантастический жанр приобрёл благодаря произведению Гёте «Фауст», в котором автор использует традиционные для фантастики мотивы: продажа души дьяволу, блуждания духа, ценности земной жизнедеятельности, преобразующей мир (автор проецирует образ утопии в будущее время).

В России романтический фантастический жанр представлен произведениями В. А. Жуковского, В. Ф. Одоевского, А. Погорельского, А. Ф. Вельтмана. К фантастическому жанру обращались А. С. Пушкин, раскрывший в поэме «Руслан и Людмила» колорит фантазии русского народа, который отражал это в былинах, сказках, преданиях, и Н. В. Гоголь («Страшная месть», «Вий»), в произведениях которого присутствуют сверхъестественные существа.

Готическую традицию фантастики развивает Э. А. По («Падение дома Ашеров», «Колодец и маятник»), где присутствуют такие темы как смерть и воскрешение.

«Нет фантазии, в основе которой не лежала бы реальность», выразился М. Горький о фантастическом жанре.[9] В эпоху реализма фантастика оказалась на периферии литературы, где возник новый поджанр – научная фантастика, которая нашла себя в произведениях Ж. Верна («Таинственный остров», «Путешествие к центру Земли», «Двадцать тысяч льё под водой») и выдающегося реалиста Г. Уэллса («Машина Времени», «Война миров», «Человек-невидимка»). Научная фантастика обособляется от общих принципов фантастики: она описывает реальный мир, но с добавлением неизвестных или не открытых на то время технологий. Научная фантастика в то время стремилась предвосхитить развитие науки и техники, в частности исследования космического пространства. Действия произведений происходили в будущем, герои сталкивались с новыми открытиями, изобретениями, необъяснимыми явлениями.

В Советском Союзе последователями Ж. Верна и Г. Уэллса были Михаил Булгаков («Роковые яйца», «Собачье сердце»), А. Н. Толстой («Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита»), Александр Беляев («Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля») и Владимир Обручев

(«Земля Санникова», «Плутония»), произведения которых основывались на биологии, химии, инженерии.

Начало XX века называют эпохой ужасов из-за произведений таких великих писателей как У. Де ла Мар; Г. Ф. Лавкрафт («Зов Ктулху»), Дж. Кольер. Вторая половина XX века переживает бум фэнтези – первые значительные произведения в этом поджанре выходят из-под пера Роберта Э. Говарда («Конан»), Джона Р. Р. Толкина («Хоббит», «Властелин Колец»), Клайва С. Льюиса («Хроники Нарнии»). Произведения данного поджанра характеризуются наличием такого элемента как «вымышленная спекуляция», что означает отсутствие общепринятых принципов в созданном альтернативном мире. «Человеческое сознание способно создавать мысленные образы того, чего на самом деле нет» [Толкин Дж. Р. Р., 1992, с. 40]. Вслед Говарду и Толкину появляется множество писателей, чье творчество основано на мифологии, мистике, средневековой романтике. Это Урсула Ле Гуин, Роджер Желязны, Майкл Муркок и др.

Ещё одной популярной формой фантастики становится комикс, особенно в США, Франции, Японии. В самом начале комиксы о супергероях для детей, таких как Супермен, Бэтмен, Человек-паук, Фантастическая четвёрка, в более позднее время преобразились в работы для взрослой аудитории.

В конце XX и начале XXI века центральное место заняла фантастика для подростков, начало которой положила серия «Гарри Поттер» Джоан Роулинг. Книги о Гарри Поттере совмещают в себе несколько жанров: фэнтези, детектив, приключения, триллер.

На изломе тысячелетия социальные и философские проблемы в фантастике изживают себя повторениями и начинают уступать место экспериментам со стилем. Постмодернистские оттенки имеет проза Нила Геймана, Нила Стивенсона, Пола ди Филиппо. Очень популярны юмористическая фэнтези Терри Пратчетта и тёмное фэнтези Стивена Кинга. «Фантазия Кинга неумолимо рождает все новые разновидности высокоэстетичных кошмаров» [Мзареулов, 2006, с. 115].

Фантастика как особая область литературной деятельности объединяет творческую фантазию художника, но вместе с тем и фантазию читающего; тем не менее фантастика – это не произвольное «царство воображения»: в фантастической картине мира читатель угадывает

преображенные формы реального, социального и духовного человеческого бытия [11].

Фантастический жанр стал одним из самых популярных жанров художественной литературы, имеющий широкий круг читателей из разных народов и культур. Успех жанра до сих пор зависит от многих поколений переводчиков, которые переводят фантастические тексты. Однако им приходится решать многочисленные трудности, возникающие при переводе: перенесение культурных ценностей, описание окружающей обстановки (выдуманного мира), внешности персонажей, их язык. Трудностью для переводчиков является тот факт, что, при переводе классических произведений, переводчик опирается на окружающую действительность, тогда как в жанре фантастики перед переводчиком новая реальность с другими законами, немыслимые человеку персонажи и технологии. Выше перечисленные особенности описываются при помощи изобретённых автором неологизмов. Примером может служить неологизм *muggle* («магл»), изобретённый британской писательницей Джоан Роулинг, обозначающий человека без дара волшебства. Еще одним фактором, на который переводчик вынужден обращать внимание, это грамматический строй произведения, поскольку все мысли, все особенности родного языка автор привносит в эти названия и понятия.

В заключение, следует отметить, что, несмотря на глубокие корни возникновения фантастического жанра, до сих пор не решены многие проблемы, связанные с данным жанром, так как фантастика стала объектом серьёзного изучения всего тридцать лет назад, сформировав новую область знания – фантаствоведение. Фантастический жанр досконально не изучен, хронология возникновения и единая классификация фантастического жанра не составлены. Данные проблемы требуют внимательного изучения и решения, так как на данный период времени фантастический жанр является одним из самых значительных и ведущих в художественной литературе.

Список литературы

1. Биленкин Д. А. Реализм фантастики: сб. научной фантастики. Вып. 32 / сост. Б. Г. Ключева. М., 1988. С. 188.
2. Кун Н. А. Мифы и легенды Древней Греции [Текст] / Н. А. Кун. М.: АСТ, 2005.
3. Макралова Н. Истоки фантастики [Текст] / Н. Макралова. <http://city.brovary.net/portal/lofiversion/index.php/t19476.html>.

4. Мзареулов К. Фантастика. Общий курс [Текст] / К. Мзареулов. http://modernlib.ru/books/mzareulov_konstantin/fantastika_obschiy_kurs/read/

5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Учебное пособие. Изд. 2-е перер., доп. М.:Изд-во МПУ «Народный учитель», 2001. 282 с.

6. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Толкин Дж. Приключения Тома Бамбадила и другие стихи из Алой Книги: Стихи и повести/ Пер. с англ. М.: 1992.

7. Чернышева Т. А. Природа фантастики / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 1985. С. 44.

Электронные ресурсы:

8. http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_gk/gurevg80.htm?1/2

9. https://vuzlit.ru/592917/istoriya_vozniknoveniya_fantastiki

10. <https://public.wikireading.ru/163121>

11. https://literary_encyclopedia.academic.ru/7084/ФАНТАСТИКА

Анурова О.М.

*Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет) (Москва)*

Перевод сокращений в области авионики, а также бортовой СЭС летательного аппарата

Аннотация: Данная система посвящена особенностям перевода сокращений и аббревиаций в области системы электроснабжения воздушного судна, а также радиоэлектроники. Рассматриваются и классифицируются сокращения присущие научным текстам авиационной направленности. Выявляются закономерности и особенности перевода данных терминов, а также подбора переводного эквивалента в имеющихся словарях.

Ключевые слова: сокращение, аббревиация, перевод, междисциплинарность, авиация, термин.

O. Anurova

*Moscow Aviation Institute (State University of Aerospace Technologies)
(Moscow)*

Translation of abbreviations in the field of avionics and airborne electric power generation system

Abstract. The paper examines peculiarities of translation of abbreviations from texts of aviation industry, especially from those devoted to the aircraft electric system and radioelectronics. All terms are classified according to the type of their translation in the Russian language; much attention is paid to the choice of appropriate equivalents of abbreviations in texts and dictionaries.

Keywords: translation, abbreviation, interdisciplinary, lexical unit, aviation.

Образование сокращений, аббревиаций, акронимов – это естественный процесс развития терминов, он связан с постоянной модификацией уже имеющихся терминов, уточнением их значений, конкретизации или специализации. Процесс возникновения новых терминов в авиационной сфере, как и в любой другой технической области связан с развитием новых технологий, технического прогресса. В данной статье мы рассмотрим сокращения, которые обозначают неотъемлемые компоненты современного воздушного судна, термины встречающиеся в текстах о бортовых системах электроснабжения ЛА (бортовая СЭС) (airborne electrical generating system of aircraft). При переводе следует четко разграничить электрику и электронику (авионику). Авионика (от «авиации» и «электроника») «avionics» однословный термин, образованный путем словосложения, при котором два термина или как в нашем случае основы соединяются в один новый термин. [1, с. 42]

Задачей нашего исследования является познакомить читателя с основной терминологией ЛСГ «Бортовая СЭС летательных аппаратов» и «Авионика». Охарактеризовать особенности перевода данных терминов, работы со словарем, а также предложить алгоритм перевода сокращений в случае их отсутствия в имеющихся переводных источниках. Материалом для исследования послужили термины, обнаруженные методом сплошной выборки из научных статей, посвященных электрообеспечению летательного аппарата (ЛА), учебных пособий Московского Авиационного Института, а также интернет источников.

На данный момент, если говорить о языке научно-технического общения, то процесс образования новых сокращений, аббревиатур или же акронимов опережает какие-либо другие терминообразовательные процессы. Рассмотрим особенности этих терминов.

Акронимами называются сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов. **LISP** – List Processing. [2, с. 17] Это язык программирования для текстов.

BAT HOT – battery is hot. Такая надпись загорается на приборной панели в случае перегрева батареи.

В акронимах как правило используются части слов, входящих в состав терминологической группы. Если мы говорим об аббревиации, то

используются только первые буквы слов, входящих в состав исходного терминологического сочетания.

VHF – Very High Frequency. 30-300 MHz очень высокая частота

ATC – Air Traffic Controllers, управление воздушным движением;
УВД

Но следует отметить, что та же аббревиатура АТС в области авиации может иметь и другое значение Aviation Technical Center, АТЦ; авиационно-технический центр.

В наиболее быстро развивающихся направлениях, таких как аэрокосмическая техника процесс формирования терминов с помощью сокращений привел к тому, что множество терминов понятны лишь для узкого круга специалистов. Более того, зачастую, значение одного и того же сокращения даже внутри одной авиационной системы может отличаться и здесь уже требуется говорить о междисциплинарных связях и необходимости наличия экстралингвистических знаний, без которых осуществление качественного перевода становится просто невозможным.

Благодаря наличию электронных словарей, а также интернет ресурсов сейчас легче отыскать нужный термин и подобрать необходимый эквивалент, чем двадцать лет назад, когда переводчик работающий с научной статьей пользовался для перевода справочным материалом на пять, а то и на десять лет старше. Но тем не менее даже ввиду хорошего информационного обеспечения, могут возникнуть другие сложности. С. В. Гринев-Гриневич и Э. А. Сорокина в своей статье, посвящённой полисемии, а также ложно-ориентирующей полисемии отмечают, что «во многих случаях переводимому термину в словарях соответствует несколько терминов, часть из которых не являются эквивалентами исходному термину, что приводит к ошибкам в переводе. Для начинающего переводчика ситуации, когда в переводном словаре приводятся дополнительные неправильные эквиваленты, являются весьма опасными» [4, с. 58].

С лексической точки зрения, при переводе терминов возможны две основные ситуации: 1) когда в языке перевода существуют эквиваленты термина оригинала (переводимого текста), зафиксированные в переводных словарях; 2) когда такие эквиваленты отсутствуют [3, с. 75].

Рассмотрим способы перевода сокращений, а также проанализируем переводные эквиваленты, представленные в словарях:

1. Передача английского сокращения эквивалентным русским сокращением:

LCD – Liquid-Crystal Diode, ЖК (жидкокристаллический индикатор); Отметим что буква D в аббревиатуре обозначает именно diode, а не display, как часто полагают студенты, вероятно потому что зачастую можно встретить данную аббревиатуру именно в словосочетании LCD display.

DME – 1) Distance Measurement Equipment, РМД (дальномерный радиомаяк); Также данная аббревиатура обозначает международный аэропорт Домодедово, 2) Domodedovo Airport. В данном случае наличие нескольких эквивалентов несильно затрудняет работу переводчика, так как значение термина легко выводиться из микроконтекста.

MCC – 1) Motor Control Centre, ЩУЭ (щит управления электродвигателями; 2) Mobile Control Center, МЦУ(мобильный центр управления); 3) Mission Control Center, ЦУП (центр управления полетом); В данном случае мы выбор эквивалента может быть немного труднее, так второй и третий эквивалент могут относиться к аэрокосмической сфере.

HUD – Heads Up Display; КИ, (коллиматорный индикатор, коллиматорный авиационный индикатор на лобовом стекле);

SG – synchronous generator, СГ (синхронный генератор); В данном примере оба компонента являются интернациональными словами, в связи с этим можно наблюдать и фонетическое совпадение

2. Заимствование английского сокращения

GPS – Global Positioning System, система глобального позиционирования GPS; спутниковая навигационная система GPS

ADIRS – Air Data & Inertial Reference System, совмещённая система воздушных сигналов и инерциальная система ADIRS

3. Транслитерация

TCAS – Terrain Collision Avoidance System, ТКАС; Также в текстах можно увидеть и заимствованное сокращение – система TCAS; система предупреждения столкновений TCAS без использования транслитерации

ГЛОНАСС – Глобальная Навигационная Спутниковая Система разработана и введена в эксплуатацию в России. В англоязычных текстах можно увидеть транслитерацию с русского языка.

At half the weight of its predecessors the GLONASS-K satellite will have an expected lifespan of 10 years [5].

4. Транскрипция

EAGLE – (Elevation Angle Guidance Landing Equipment) – глисадный посадочный радиомаяк «Игл» с управлением по углу места.

5. Описательный перевод

EPU – 1) External Power Unit, внешний блок питания; 2) Emergency Power Unit блок аварийного энергопитания; В данном случае переводчику необходимо выявить техническую сущность коррелята, т.е. исходной англоязычной формы. Перевод должен быть не просто адекватным, но и иметь технический смысл, а также хорошо вписываться как в микроконтекст, так и в макроконтекст. В таком случае схемы или же чертежи, содержащиеся в тексте научно-технической статьи могут повлиять на выбор переводческого эквивалента.

ELT – Emergency Location Transmitter, аварийный радиомаяк, **ADF aerial** – Automatic Display Finder, антенна автоматического радиоконуса;

CWS – Control Wheel Steering, управление по штурвалу (режим совмещенной работы штурвального управления с автоматом, где преимущество имеет управление по штурвалу)

UTC – Universal Time Coordinate, единое время, всемирное скоординированное время

HDD – Head-Down Display, индикатор на приборной доске; индикатор в средней части приборной доски; индикатор в нижней части приборной доски диопеленгатора

LID – Laser-Infrared Detector, приёмник лазерного инфракрасного излучения

EFIS – Electronic Flight Information System, Электронная система полетной информации, **FMGC** – Flight Management & Guidance Computer, вычислитель системы оптимизации режимов и управления полётом

EHA – Electro Hydraulic Actuator, электрогидравлический силовой привод

EMA – Electromagnetic Actuator, электромагнитный пускатель

Таким образом, можно отметить, что количество сокращений и аббревиатур в системе бортовых СЭС является достаточно обширным. Способы их передачи зачастую отличаются друг от друга, это может быть эквивалентное сокращение или же описательный перевод, также встречаются случаи заимствования тех или иных сокращений. Выбор переводческих стратегий зависит от микро и макроконтекста, переводчик должен уметь оценить адекватность перевода и подобрать корректный

переводческий эквивалент, особенно, когда лексическая единица обладает многозначностью, даже внутри одной авиационной терминосистемы. Необходимость учитывать междисциплинарные связи и их влияние на перевод, становится все более очевидной, а наличие экстралингвистических знаний для осуществления научно-технического перевода становится обязательным.

Список литературы

1. Анурова О. М., Зудилова Е. Н. Роль междисциплинарных связей при переводе терминов электросистемы воздушного судна. Сборник докладов. Вып. № 10. М.: Перо, 2017. С. 41–48.
2. Григоров В. Б. Как работать с научной статьей. М.: Высшая школа, 1991, 202 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. О терминологических аспектах научно-технического перевода // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика № 6, 2011. С. 74–78.
4. Гринёв-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. № 4, 2015. С. 51–64.
5. Global Navigation Satellite Systems and Related Ground Infrastructure https://rogtecmagazine.com/PDF/Issue_013/09_SatelliteSystems.pdf (дата обращения: 18.08.2017)
6. Multitran. Словарь [Электронный ресурс] URL: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 20.08.2017).

Артюх Е.И.

Московский педагогический государственный университет (Москва)

Ситуативная эквивалентность

при межъязыковой передаче терминов в художественном тексте (на материале произведений Дж. Арчера «Not a Penny More, Not a Penny Less» и «Shall We Tell the President»)

Аннотация. Цель статьи – проанализировать случаи, когда используется ситуативная эквивалентность. Актуальность темы связана с тем, что возрастает значение адекватной межъязыковой передачи терминов при переводе художественного текста. В статье формулируется проблема, а также обозначаются подходы к ситуативной эквивалентности, основанные на концепции В. Н. Комиссарова. Проводится анализ передачи терминов на русский язык на материале произведений Дж. Арчера «Not a Penny More, Not a Penny Less» и «Shall We Tell the President».

Ключевые слова: термин, соответствие, контекст, эквивалент, ситуация, языковой код, ситуативный эквивалент, ситуативная эквивалентность.

Situational equivalence in the process of interlingual translation in a literary text (by the example of J. Archer's works "Not a Penny More, Not a Penny Less" and "Shall We Tell the President")

Abstract. The paper analyzes the cases when the situational equivalence is used. The relevance of the topic in question is explained by the increasing importance of adequate translation of interlingual terms in a literary text. The problem of the situational equivalence is formulated and approaches to this type of equivalence, based on V.N. Komissarov's concept, are described. The translation of terms into Russian is analyzed by using examples from J. Archer's works "Not a Penny More, Not a Penny Less" and "Shall We Tell the President".

Keywords: term, correspondence, context, equivalent, situation, language code, situational equivalent, situational equivalence.

Произведения Дж. Арчера во многом связаны с деятельностью людей разных профессий. В данной статье речь пойдет о лексике из сферы делового общения в широком смысле этого слова. В ходе сравнительного анализа текстов оригинала и перевода книг «Not a Penny More, Not a Penny Less» и «Shall We Tell the President» обратил на себя внимание тот факт, что даже при имеющемся соответствии в языке перевода переводчик использует его не всегда, предпочитая заменить его абсолютно другим термином, имеющем в языке оригинала отдельное соответствие. На наш взгляд, эти случаи требуют отдельного анализа, который будет осуществлен ниже на 5 примерах.

Так как мы имеем дело с художественным текстом, можно предположить, что данные явления связаны с контекстом, в котором появляются данные термины, т.е. эквиваленты перевода подбираются в зависимости от ситуации, в которой они используются. Как пишет В. Н. Комиссаров в своем труде «Слово о переводе», информация извлекается «из указания на определенную ситуацию, обуславливается, в основном, не особенностями языкового кода, а реальными свойствами соответствующей «кусочка» действительности» [7, с. 146]. Таким образом, можно выделить два подхода к ситуативной эквивалентности: с точки зрения обстановки, в которой появляется лексическая единица, и с точки зрения особенности языкового кода конкретного общества. Как отмечает автор, первый подход в большей степени оказывает влияние на результат перевода, второй – в меньшей.

Начнем с первого. Рассмотрим примеры из романа ‘Not a Penny More, Not a Penny Less’:

1) *Harvey’s cheques were cleared and the Lamanns Gallery account was for the moment \$447,560 the better for it* [1, с. 117].

Деньги по чеку Харви были получены, и в настоящее время положительный баланс галереи Ламанна составлял 447 560 долларов [6, с. 71].

2) *“It’s rather fun if the contracts are good,” she replied, “but today’s been particularly tiring.”* [1, с. 71]

– Пережить можно, если платят хорошо, – ответила Энн, – но сегодня был очень тяжёлый день [6, с. 41].

В первом случае для существительного account существует соответствие «счет», а для сочетания «положительный баланс» – английское surplus [3]. Но переводчик счел возможным подчеркнуть величину суммы ситуативным эквивалентом «положительный баланс», что является очень важным для всего повествования, в ходе которого ее герои постепенно возвращают себе деньги, украденные мошенником. В другом случае эквивалент «платят» оказывается более подходящим в личном разговоре о буднях модельного бизнеса, чем «контракт».

Другой подход, влияющий на выбор ситуативного эквивалента, основан не столько на разворачивающихся в книге событиях, сколько на стремлении переводчика сделать перевод понятным для читателя, вызвать ассоциации [7, с. 147], характерные для представителей данной культуры.

“We were students at Harvard together and when he took up his appointment in England to work for an oil company I invited him down to Oxford for old times’ sake.” [1, с. 49]

– Мы вместе учились в Гарварде, а затем, когда он устроился на работу в нефтяную компанию в Англии, я пригласил его в гости в Оксфорд. Чтобы возобновить нашу прежнюю дружбу [6, с. 28].

Сочетание take up appointment предполагает перевод на русский «получать должность» [4]. Но эквивалент «устроиться на работу» привычнее для русского читателя, а, кроме того, устраняет не нужный для данного контекста, где просто устанавливается факт получения работы, оттенок официальности. То же видим и в следующем предложении, но уже в романе ‘Shall We Tell the President’:

Don’t hand in your official memorandum until tomorrow morning [2, с. 56].

До завтрашнего утра не сдавайте докладную записку [5, с. 6].

Переводчик решил не акцентировать внимание на том, что документ официальный, хотя в русских соотвествия это выражается прилагательным «официальный» – «официальная записка» или «официальный меморандум» [8], а выбрал более привычный эквивалент.

Таким образом, можно сказать, что ситуативная эквивалентность может использоваться как на уровне восприятия читателя, так и на уровне контекста художественного произведения. Еще пример последнего в том же романе:

'I've just completed two hours' unpaid overtime,' she said. 'If you don't have any more questions, Mr Andrews, I ought to get home now.' [2, с. 49]

– Мой рабочий день закончился два часа назад, – бросила она. Если у вас больше нет вопросов, мистер Эндрюс, я поеду домой [5, с. 6].

Хотя у слова overtime есть свой русский эквивалент «сверхурочное время» [3], переводчик останавливает свой выбор на ситуативном эквиваленте «рабочее время», так как героине важно было дать понять, что она на сегодня уже отработала нужное время, а было ли оно сверхурочное или нет – эта информация второстепенная.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что замена термина оригинала другим термином перевода объясняется желанием переводчика не исказить смысл текста, а облегчить его восприятие читателем.

Список литературы

1. Академик [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.11.2017)
2. Англо-русский экономический словарь [Электронный ресурс] // - URL: https://economy_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 11.11.2017)
3. Арчер Дж. Говорить ли президенту? Изд. Молодая гвардия, 1991. 39 с. [Электронный ресурс] \ URL: https://royallib.com/read/archer_dgeffri/govorit_li_prezidentu.html#0 (дата обращения: 11.11.17)
4. Арчер Дж. Ни пенсом больше, ни пенсом меньше. Изд. дом «Азбука-классика», 2006. 130 с. [Электронный ресурс] \ URL: https://royallib.com/book/archer_dgeffri/ni_pensom_bolshe_ni_pensom_menshe.html (дата обращения: 11.11.17)
5. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М. Изд-во «Международные отношения», 1973. 215 с.

6. Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс] // URL: <https://www.multitrans.ru> (дата обращения: 11.11.2017).

7. Archer J. Not a Penny More, Not a Penny Less. St. Martin's Press, 2004. 216 с. [Электронный ресурс] \ CD-ROM (дата обращения: 11.11.17)

8. Archer J. Shall We Tell the President. New edition, Pan Macmillan, England, 2003. 396 с. [Электронный ресурс] \ CD-ROM (дата обращения: 11.11.17)

Арутюнян В.А.

*Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (Липецк)*

Научный руководитель: к.пед.н., доц. Кокорева А.А.

Восприятие межкультурных различий представителями культур Запада и Востока

Аннотация. В статье даётся описание типов восприятия межкультурных различий в разных странах. Сравниваются деловые культуры Востока и Запада. Приводятся примеры неодинакового восприятия поведения представителей разных культур и связанных с этим трудностей кросс-культурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурные различия, коммуникация, западная культура, восточная культура.

V. Arutyunyan

*Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the
Russian Federation (Lipetsk)*

Perception of cross-cultural differences by representatives of Western and Eastern cultures

Abstract. The paper describes the types of perception of cross-cultural differences in different countries. Business cultures of the East and the West are compared. The examples of unequal perception of the behaviour of different cultures' representatives and the problems of the cross-cultural communication are presented.

Keywords: cross-cultural differences, communication, eastern culture, western culture.

Вопросы межкультурной коммуникации становятся всё более актуальными для исследования в связи с увеличением интенсивности процесса глобализации. Реакция представителей восточных и западных государств на проявление малознакомых культурных традиций потенциальных партнёров при установлении контактов может стать фактором, определяющим успех взаимоотношений, особенно в деловой среде. Представляется целесообразным анализ восприятия различия культур в странах Востока и Запада и составление характеристики механизмов формирования групповой идентичности.

Данные, полученные европейскими учёными в ходе изучения проблем межкультурной коммуникации, позволили выделить несколько видов реакции на представителей иной культуры. Первый тип – отрицание возможных культурных различий, т.е. предположение, что всё население планеты разделяет одинаковые ценности. Такое отношение, вероятно, основывается на представлении человека о себе как об одном из множества думающих одинаково индивидов. Отрицание, как правило, недолговечно: при вступлении в контакт человек убеждается в наличии характерных особенностей той или иной культуры.

Второй тип – защита превосходства своей культуры. В этом случае человек рассматривает «чужую» культуру как фактор, угрожающий традициям и обычаям его родной страны. Любое найденное отличие трактуется в пользу той культуры, которую разделяет человек. Примером формирования защитной реакции могут стать взаимоотношения жителей европейских государств и мигрантов. Ситуация осложняется, если межкультурная компетенция субъектов остаётся на невысоком уровне. Вследствие этого формируются стереотипы.

Те, кто выбирает третий тип, идут путём минимизации различий между культурами. Этот способ считается более продвинутым, чем упомянутые выше. Минимизация культурных различий предполагает поиск черт, объединяющих представителей разных народов. Яркий пример поведения третьего типа – жизнь в СССР, где существовал «советский народ» с общими для всех символами [1, с. 1469].

Следующий тип – принятие различий между культурами. Характеризуется знанием культуры другого народа и благоприятным отношением к ней. При этом человек не стремится проникнуть в среду данной культуры.

Адаптация к другой культуре предполагает сохранение своей идентичности одновременно с восприятием ценностей новой культуры.

Наконец, поликультурная личность выбирает интеграцию в другую культуру так, что её нормы воспринимаются как знакомые и правильные. Родная культура, однако, не забывается.

Рассмотренные виды восприятия культурных различий следует оценить с точки зрения развития деловых отношений представителей западных и восточных государств. Именно при установлении профессиональных контактов умение взаимодействовать с людьми, пропагандирующими отличные от традиционных для собеседника

культурные ценности, становится ключевым фактором, определяющим успех предприятия.

Деловая культура Запада представлена моделями поведения граждан американских и западноевропейских государств. Деловая культура Востока – это совокупность моделей поведения жителей исламских стран, государств Азии. Целесообразно оценить отношение представителей разных культур к категориям «индивидуализм» и «коллективизм». В США, к примеру, индивидуализм рассматривается как положительное явление. Если работника называют индивидуалистом, это значит, что он всегда проявляет инициативу и берёт на себя ответственность за решение проблем. По мнению американцев, фирмы есть добровольные объединения, которые легко покинуть, если это отвечает интересам сотрудника. Даже работа по достижению общей цели не исключает автономности коллег по отношению друг к другу. Восточные государства, в частности, Япония, не одобряют индивидуализм и считают его угрозой общественному строю. Личность, как говорят японцы, – это не самостоятельная единица. Восточная деловая культура предполагает групповую ориентацию. Если человек говорит об индивидуальных интересах, его могут назвать невежливым. Представители США, Великобритании, Северной Европы имеют развитые представления о правах граждан, оберегают личное пространство и не терпят вмешательства в частную жизнь. Граждане государств Восточного региона осуждают их стремление к индивидуализму несмотря ни на что.

Другой признак сравнения деловых культур Запада и Востока – иерархия власти. В восточном обществе представители разных уровней власти обладают существенно отличающимися объёмами полномочий. Вертикаль власти предполагает оценку скорее возраста и стажа работы сотрудника, чем его потенциала. Нижестоящие беспрекословно подчиняются вышестоящим, причём способы проявления власти зачастую выглядят неприемлемыми для представителей западной культуры. Например, в Японии старшего руководителя, выходящего из зала заседаний, провожают поклонами. Американцы и жители Европы считают это проявлением подобострастия.

Для западной культуры характерен эгалитаризм, при котором статус человека определяется его персональными достижениями. Для упрощения коммуникации даже в деловой среде американцы и европейцы могут обращаться друг к другу по имени. Английское местоимение «you»

обозначает одновременно и «ты», и «Вы». На Востоке такие «отношения равных» неприемлемы. Чтобы акцентировать внимание на подчинённости одного сотрудника другому, необходимо перечислить все его титулы. Прямолинейность носителей западной культуры кажется представителям Востока наглостью, а их готовность сразу после знакомства начать переговоры – неосторожностью. Для жителей стран Азии характерно стремление избежать прямого отказа партнёру. То, что в восточной культуре считается правилом хорошего тона и достижения компромисса, на Западе назовут неискренностью. Не слишком понятным для них является и поведение представителей государств Востока на переговорах, на которые партнёры зачастую приходят с заранее вынесенным решением. Если в американской компании решение возникает спонтанно в процессе обсуждения, то в японской сотрудники каждый новый вариант обсуждают отдельной группой и только потом выносят его на повестку дня.

Изучение особенностей поведения представителей разных культур в деловой среде позволяет заключить, что на Западе и на Востоке по-разному понимают слова «искренность» и «компромисс» [2, с. 118]. Восточная культура ассоциирует искренность со стремлением никого не обидеть, западная – с уведомлением окружающих о планируемых действиях представителя бизнеса. Компромисс на Западе считается проявлением доброй воли, на Востоке – проявлением слабости характера.

Проблемы коммуникации могут быть связаны и с неодинаковыми представлениями о времени. Для американцев и европейцев это ресурс, имеющий свою стоимость и требующий рационального использования, а для жителей государств Азии это совокупность обстоятельств, которые могут сложиться таким же образом, как и сейчас, спустя несколько лет.

Вопрос восприятия межкультурных различий неразрывно связан с определением в разных культурах норм делового поведения. На Западе в список обязательных для сохранения репутации принципов входят пунктуальность и надёжность. Востоку понятие крайнего срока – дедлайна – знакомо только понаслышке. Для представителей этой культуры важнее не цифры и графики, а люди и обстоятельства. Однако, например, для Японии характерна ориентация на длительный срок партнёрских отношений. Представители восточной культуры обсуждают решения в течение долгого время и не соблюдают чёткие сроки их выполнения. Если партнёр настроен на удовлетворение краткосрочных интересов, это вызывает непонимание.

Межкультурную коммуникацию представителей Запада и Востока затрудняет неодинаковое отношение к работе и управлению. В западной культуре распространена денежная мотивация, в восточной – желание принести пользу обществу и конкретной группе людей, но не самому работнику. Если вы не будете уделять много времени и внимания своим обязанностям, вас сочтут человеком с аморальными представлениями о работе. Оставаться в офисе после окончания рабочего дня для японцев и корейцев не просто нормально, но нравственно. Нравственность рассматривается как залог счастливого будущего.

Конечные продукты деятельности представителей западной и восточной деловых культур также не совпадают. Пока в США производят прибыль, в Японии изготавливают продукты [3, с. 89]. На высшем уровне управления в западной культуре компания рассматривается как механизм, способствующий извлечению выгоды. В восточной культуре больше внимания уделяется групповым ценностям и достижению благоприятного для общества результата.

Соответственно, понятие рабочих групп в разных культурах трактуется по-разному. Для жителей стран Востока это среда, в которой можно обмениваться актуальной информацией с целью совершенствования трудового процесса. Жители стран Запада видят предназначение группы в разделении рисков и ответственности за итоги работы.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что правильное восприятие межкультурных различий оказывает большое влияние на установление и развитие отношений между представителями разных культур. Многие эксперты считают культуры Запада и Востока прямо противоположными друг другу. Вместе с тем возможно нахождение общих черт для осуществления успешной кросс-культурной коммуникации, особенно в деловой среде.

Список литературы

1. Гутарева Н. Ю. Сравнительный анализ культур Востока и Запада / Н.Ю. Гутарева, Н.В. Виноградов // Молодой учёный. 2015. № 10 (90). С. 1468–1470.
2. Куликов Д. Мировой кризис. Восток и Запад в новом веке: Научно-популярное издание / Д. Куликов, Т. Сергейцев. М.: Литрес, 2017. 223 с.

3. Полякова Я. Восток и Запад: Учеб. пособие / Я. Полякова. М.: Литрес, 2017. 135 с.

Архипова Л.С.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(Москва)*

Когнитивные аспекты теории этнолингвистической вitalности

(на материале ольстерского шотландского языка)

Аннотация: Статья посвящена когнитивным аспектам теории этнолингвистической vitalности, в частности, делению этнолингвистических групп на «горячие» и «холодные» на основе индивидуальной интерпретации членами группы четырех когнитивных переменных: ощущаемой разницы в силе, уровня межгруппового диссонанса, ощущаемой межгрупповой дистанции и уровня утилитаризма. В качестве примера миноритарной этнолингвистической группы выступают ольстерские шотландцы.

Ключевые слова: этнолингвистическая vitalность, миноритарные языки, ольстерский шотландский язык, межгрупповые отношения, «горячие» и «холодные» этнические группы.

L. Arkhipova

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow)

Cognitive aspects of ethnolinguistic vitality theory

(by the example of Ulster Scots)

Abstract. The paper studies cognitive aspects of ethnolinguistic vitality theory, in particular, the division of ethnolinguistic groups into ‘hot’ and ‘cold’, based on the individual perception of four cognitive parameters (perceived strength differential, level of intergroup discordance, perceived intergroup distance and level of utilitarianism) by the group members. The Ulster Scots are taken as an example of a minority ethnolinguistic group.

Keywords: ethnolinguistic vitality, minority languages, Ulster Scots, intergroup relations, ‘hot’ and ‘cold’ ethnic groups.

В современных исследованиях в области миноритарных языков все большее значение для выбора эффективных стратегий языковой политики и языкового строительства приобретает теория этнолингвистической vitalности, предложенная Г. Гайлсом, Р. И. Бурхисом и Д. М. Тейлором в 1977 г. Vitalность этнолингвистической группы, определяемая как сила, которая заставляет представителей группы вести себя как отдельная, самостоятельная единица в ситуациях межгруппового общения [3, с. 308], подразделяется на два типа: объективную (objective ethnolinguistic vitality) и субъективную (subjective ethnolinguistic vitality). Первоначально оба типа

витальности измерялись на основе вычисления значения трех переменных – статуса группы (экономического, социального, социально-исторического и языкового), ее демографического состояния (дистрибуции членов группы, общего числа носителей языка, индекса рождаемости и т.д.) и институциональной поддержки (как государственной, так и со стороны самих членов группы) [3, с. 308–309]. Данные переменные позволяют оценить витальность по шкале от «очень низкой» до «очень высокой».

На протяжении сорокалетней истории развития теории этнолингвистической витальности в центре внимания исследователей оказывались различные ее аспекты: психологический, социологический, социопсихологический, когнитивный. В настоящее время приоритет отдается именно когнитивному подходу, позволяющему предсказать дальнейшие перспективы ревитализации и сохранения того или иного миноритарного языка. Выделяют следующие когнитивные параметры этнолингвистической витальности:

- ощущаемая разница в силе (perceived strength differential);
- уровень межгруппового диссонанса (level of intergroup discordance);
- ощущаемая межгрупповая дистанция (perceived intergroup distance);
- уровень утилитаризма (level of utilitarianism) [2, с. 194].

Особый интерес в рамках когнитивного подхода представляет предложенное М. Эхала деление этнических групп на «холодные» и «горячие» в зависимости от силы эмоциональной привязанности членов группы. Представители «холодных» этнических групп характеризуются низкой, нулевой или латентной эмоциональной привязанностью к группе, они руководствуются эгоистическими мотивами и участвуют в жизни группы исходя из рациональных соображений (извлечь личную выгоду, избежать порицания и т.д.) [2, с. 192]. Этнолингвистическая витальность таких групп во многом зависит от усилий социальных институтов, обеспечивающих слаженное взаимодействие членов группы с помощью системы поощрений и наказаний. Сильные и многочисленные этнические группы, обладающие значительной экономической, культурной, политической, военной мощью и способные предложить своим членам положительную социальную идентичность и доступ к различным ресурсам, являются жизнеспособными даже находясь в относительно «холодном» состоянии. Малые этнические группы со слабыми социальными институтами, обладающие отрицательной социальной идентичностью, неспособные обеспечить коллективное чувство гордости

за свою миноритарную группу нуждаются в более сильной эмоциональной привязанности ее членов, чтобы сохранить свою витальность и избежать языкового сдвига и ассимиляции с доминантной группой [2, с. 193].

К «горячим», в свою очередь, относятся такие группы, члены которых обладают высоким уровнем эмоциональной привязанности к группе и, как правило, ставят интересы группы выше собственных [2, с. 192]. Эмоциональная привязанность создается путем намеренного «выравнивания», «настройки» эмоций членов группы с учетом сложившегося социально-исторического контекста (например, с помощью конструирования мнимой внешней угрозы, чрезмерного подчеркивания незначительных или несуществующих отличий между членами различных этнических групп и т.п.) [2, с. 193–194]. «Горячий» режим функционирования этнической группы заставляет членов с низкой эмоциональной привязанностью к группе подчиняться воле большинства во избежание социальной стигматизации и применения санкций. Возможности для социальной мобильности снижаются ввиду натянутых отношений между группами и, как следствие, нежелания доминантной группы принимать членов миноритарной [2, с. 194].

Разница между «горячим» и «холодным» типами этнических групп состоит в индивидуальной интерпретации членами группы четырех вышеупомянутых когнитивных переменных. Для того чтобы отнести индивидуальную этнолингвистическую витальность представителя группы к «горячему» типу, достаточно аффективного восприятия хотя бы одной переменной [2 с. 194]. Необходимо отметить, что они тесно взаимосвязаны и, более того, каждой из переменных возможно манипулировать извне, намеренно изменяя «температуру» группы [2, с. 192].

Предлагаем рассмотреть предложенные переменные с целью определения типа витальности ольстерских шотландцев, проживающих на территории современной Северной Ирландии со времен колонизации провинции Ольстер королем Яковом VI Шотландским (Яковом I Английским), начавшейся в 1609 г. [4, с. 292]. Несмотря на непрекращающиеся дискуссии о статусе ольстерского шотландского языка как в научном сообществе, так и среди его рядовых носителей, ольстерским шотландцам удается сохранить свою идентичность на протяжении 400 лет.

В первоначальной версии теории этнолингвистической витальности экономический, социальный и культурный статус группы, ее

демографическое состояние и состояние ее социальных институтов представляли собой отдельные, но взаимосвязанные переменные, значения которых учитывались при определении объективной этнолингвистической витальности группы, а также были отражены в различных вопросниках по определению субъективной этнолингвистической витальности (см, например, [1]). При когнитивном подходе данные группы факторов объединены переменной ощущаемой разницы в силе. Носителей ольстерского шотландского относительно немного, социальный статус большинства невысок. Таким образом, самоидентификация ольстерских шотландцев как членов данной миноритарной этнолингвистической группы не ведет к получению личной выгоды или повышению социального статуса носителей ольстерского шотландского языка, а принадлежность к данной группе не обладает в глазах ее представителей высокой ценностью. Следовательно, значение данной переменной не играет решающей роли при определении типа витальности ольстерских шотландцев, поскольку оно влияет на значение витальности только в случае «холодных» этнолингвистических групп.

Восприятие культурных, расовых, этнических и языковых различий между представителями внешней и внутренней этнолингвистических групп, в свою очередь, отражено в переменной ощущаемой межгрупповой дистанции [2, с. 196]. Чем более явными кажутся такие различия, тем выше значение данной переменной и, соответственно, итоговое значение этнолингвистической витальности группы. Усилению ощущаемой межгрупповой дистанции способствует популяризация этнических маркеров, осуществляемая различными организациями на территории Северной Ирландии. Деятельность движений, направленных на поддержку ольстерского шотландского языка на территории Северной Ирландии, а также проведение различных культурных мероприятий и забота о сохранении памятников искусства привели к увеличению числа носителей языка. Согласно переписи населения Великобритании 2011 г. (United Kingdom Census 2011), 8 % населения Северной Ирландии (чуть более 140 тыс. человек) указали владение ольстерским шотландским языком, в то время как в 1999 г. их число составляло всего 2 % (около 35 тыс. человек) (The Northern Ireland Life and Times Survey 1999).

Усилия по поддержке языка и культуры ольстерских шотландцев также способствуют росту переменной уровня межгруппового диссонанса, связанной с восприятием сложившихся межгрупповых отношений как

несправедливых и нелегитимных, а также со степенью доверия в ситуациях межгруппового общения [2, с. 195]. На протяжении долгого времени ольстерский шотландский язык оставался вне системы образования и подвергался общественному порицанию, считаясь маргинализированным, «тайным» языком представителей этнолингвистической группы [5, с. 95–96]. Это привело к развитию билингвизма у его носителей, сознательно обращавшихся в ситуациях межгруппового общения к английскому языку, имеющему более высокий статус в обществе и открывающему возможности для социальной мобильности [5, с. 95]. Однако использование ольстерского шотландского языка в общественно значимых сферах коммуникации приводит к росту его престижа и, следовательно, исторически сложившаяся ситуация, когда ольстерский шотландский воспринимался как язык социально ущемленных и культурно отсталых жителей провинции, начинает восприниматься как нелегитимная.

Более того, ольстерские шотландцы обнаруживают приверженность к своей культуре, традициям и языку, о чем свидетельствует низкое значение переменной уровня утилитаризма. Другими словами, несмотря на отсутствие очевидной личной выгоды, носители ольстерского шотландского не готовы отказаться от языка предков. Именно благодаря общим культурным ценностям, тесному взаимодействию и глубокому чувству солидарности между членами группы, общей истории, мифологии, территории проживания, обычаям и поддержке ольстерского шотландского языка со стороны его носителей, ольстерским шотландцам удалось противостоять ассимиляции с доминантной группой вопреки наличию практической выгоды.

Аффективное восприятие переменных ощущаемого межгруппового диссонанса, ощущаемой межгрупповой дистанции и низкий уровень утилитаризма позволяет определить тип этнолингвистической витальности ольстерских шотландцев как «горячий». «Горячий» тип витальности значительно повышает перспективы успешной ревитализации и последующего развития ольстерского шотландского языка, а также помогает противостоять ассимиляции с доминантной группой вопреки сложившемуся на территории провинции Ольстер двуязычию. Однако необходимо помнить, что искусственное поддержание этнолингвистической группы в «горячем» состоянии может в долгосрочной перспективе породить межэтнический конфликт либо

закономерно привести к «остыванию», когда достигнуты все цели, ради которых осуществлялся переход из «холодного» состояния в «горячее» [2, с. 197]. Следовательно, в области языковой политики особое внимание должно уделяться проведению таких мер, которые способствовали бы росту значения переменной ощущаемой разницы в силе. Это позволяет сделать самоидентификацию с миноритарной группой привлекательной для ее членов не только при «горячем» типе витальности, но и при «холодном», тем самым помогая сохранять достигнутые в «горячем» режиме значения витальности не только за счет эмоциональной привязанности, но и предоставляя членам группы рациональную выгоду. Одним из способов достижения этой цели является стандартизация языка, создающая предпосылки для расширения его социальных функций и употребления в общественно значимых сферах общения.

Список литературы

1. Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D. Notes on the Construction of a 'Subjective Vitality Questionnaire' for Ethnolinguistic Groups // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 1981. Vol. 2. No. 2. P. 145–155.
2. Ehala M. Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 2011. Vol. 32. No. 2. P. 187–200.
3. Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // Language, Ethnicity, and Intergroup Relations / Ed.: H. Giles, 1977. P. 307–348.
4. Hickey R. Ulster Scots in Present-day Ireland // Researching the Languages of Ireland. 2011. P. 291–323.
5. Montgomery M. B. The Position of Ulster Scots // Ulster Folklife, 1999. Vol. 45. P. 85–105.

Ахренов А.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Испанский язык в современном мире: новые подходы в преподавании испанского языка в Московском государственном областном университете

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые подходы к преподаванию испанского языка в вузе в соответствии с коммуникативно-ориентированной направленностью обучения, включая языковые особенности латиноамериканских национальных вариантов испанского языка. Анализируются современные зарубежные учебники испанского языка, описывается авторское учебное

пособие, применяемое в практике преподавания испанского языка студентам-бакалаврам лингвистического факультета.

Ключевые слова: испанский язык, национальный вариант, вариативность испанского языка, норма в преподавании испанского языка, метод межвариантного сравнения.

A. Akhrenov

Moscow Region State University (Moscow)

Spanish in the modern world: new approaches in teaching the Spanish language at the Moscow Region State University

Abstract. The paper describes the key approaches to teaching Spanish at a university in accordance with the communication-oriented method of teaching, including language peculiarities of Latin American national variants of the Spanish language. Modern foreign textbooks of the Spanish language are analyzed and the author's textbook used at courses of teaching Spanish to bachelor students of the linguistic faculty is described.

Keywords: the Spanish language, national variant, variation of the Spanish language, norm in teaching Spanish, method of intervariant comparison.

Испанский язык – один из основных языков, используемых для общения в современном мире. Как известно, на нём говорят более 450 миллионов человек, проживающих в 23 странах мира, которые имеют до сих пор неопределённое количество региональных культур, выражаемых, сохраняемых и передающихся посредством испанского языка. Испанский язык – один из рабочих языков Организации Объединённых Наций и Европейского Союза. По мнению некоторых лингвистов, в частности современного колумбийского лингвиста Марины Пара, в середине XXI века испанский язык будет иметь намного больше носителей и бóльшую важность, чем английский язык [Parra, 1999].

Методика обучения иностранным языкам находится в постоянном поиске новых способов создания таких условий и технологий обучения, которые могли бы подготовить учащихся к иноязычному межличностному и межкультурному общению с носителями языка.

Новой парадигмой профессиональной подготовки учителя иностранного языка в системе высшего педагогического образования является концепция психолого-педагогической подготовки учителя как носителя мировой культуры. Изучение иностранных языков расширяет межкультурные, межэтнические связи. Поэтому в современной методике преподавания иностранных языков большое внимание уделяется лингвострановедческому аспекту в подготовке учителя иностранного языка. Этот аспект включает в

себя не только страноведческую, но и лингвистическую подготовку, в том числе и знание особенностей различных территориальных и социальных разновидностей изучаемого языка.

Практико-ориентированная направленность обучения испанскому языку усиливается ФГОС ВПО 3-его поколения, согласно которому необходимо овладеть правилами и традициями общения, принятыми в основных испаноговорящих странах.

В силу того, что 90 % испаноговорящих проживают в Латинской Америке, где средний коэффициент прироста населения составляет 2,4 % в год, в каждой испаноговорящей стране сложился свой национальный вариант испанского языка, в основе которого лежит культурная норма столицы. В колониальный период пиренейский вариант испанского положил начало латиноамериканским национальным вариантам. И вот теперь, в XXI веке, мы имеем дело с двумя десятками национальных вариантов испанского языка, равноправными по своим функциям, но обладающими разной степенью лингвистического престижа.

В настоящее время всё большее распространение получает мексиканский вариант испанского языка. На американском континенте он обладает наибольшим престижем. Это одна из самых уважаемых и важных разновидностей испанского языка в настоящее время, не только по причине большого количества говорящих на нём – как известно, каждый четвёртый носитель испанского языка – мексиканец – но также по внутренне присущим ему достоинствам, как литературным, так и лингвистическим [Lore Blanch, 2004, с. 167–168].

Дифференциация местных национальных разновидностей испанского языка в значительной степени определяется расхождениями в области фонетики и словарного состава. Человек, получивший знания, ориентированные исключительно на пиренейский стандарт, при общении с латиноамериканцами достаточно часто ощущает неудобства из-за незнания американской лексики, что неоднократно отмечалось как в путевых заметках испанцев, так и в специальной лингвистической литературе (см., например, Фирсова, 2003; Яковлева, 2005; Rosenblat, 1971; и др.). Так, например, академик Н. М. Фирсова отмечает: «...нередки случаи интерференционных ошибок, возникающих вследствие подмены лексических единиц, функционирующих в различных латиноамериканских национальных вариантах испанского языка, соответствующими элементами пиренейского национального варианта. (К сожалению, как

правило, учебники и учебные пособия по испанскому языку отражают «идеальную», литературную норму бывшей метрополии.» [Фирсова, 2003, с. 68].

На современном этапе развития преподавания испанского языка нельзя не принимать во внимание тот факт, что учащиеся довольно часто могут соприкасаться с латиноамериканскими национальными вариантами, смотря латиноамериканские фильмы и сериалы, слушая латиноамериканскую музыку. Свою лепту в языковую практику современных студентов вносит Internet, а также переписка с латиноамериканскими сверстниками и коллегами. Разумеется, они замечают отличия вариантов языка, с которыми они сталкиваются на практике, от того, который они изучают. Поэтому современный преподаватель испанского языка для успешной совместной работы с учащимися ДОЛЖЕН быть компетентен в вопросах различий между пиренейским и латиноамериканскими вариантами языка. Кроме того, он должен относиться толерантно ко всем нормативным разновидностям испанского языка.

Вопрос о норме в преподавании испанского языка как иностранного неоднократно обсуждался на многочисленных конгрессах и конференциях, посвящённых данной проблеме. Так, преподаватель испанского языка как иностранного одного из университетов Берлина, Грасиэла Васкес, на конгрессе, посвящённом преподаванию испанского языка как иностранного, который проходил в аргентинском городе Кордова в мае 2008 г. рассказала об одной начальной школе в Берлине (la escuela Joan Miró de Berlin), в которой каждый год учителя используют разные учебники, написанные в разных испаноязычных странах, а большинство преподавателей являются латиноамериканцами. Однако эта школа является, по её словам, своеобразным исключением. «Именно в этом исключении и находится решение проблемы, которая в действительности не является проблемой, а языковым и культурным обогащением: показать обучаемым как можно большее количество вариантов и предоставить свободу выбора, руководствуясь личными факторами: мотивацией и потребностями». [Vázquez, 2008]. В России академик Н. М. Фирсова ещё в 2003 году заявляла о необходимости разработки процедуры межвариантного сравнения в качестве одного из приёмов обучения испанскому языку [Фирсова, 2003, с. 68].

В 2010 году Ассоциацией Академий испанского языка была выпущена новая ЕДИНАЯ для всего испаноязычного мира грамматика

испанского языка. Она впервые признала в качестве НОРМЫ региональные варианты испанского языка всех 22 испаноязычных стран. Годом позже был выпущен отдельный том по фонетике, снабженный множеством примеров основных вариантов произношения, озвученных носителями каждой испаноговорящей страны на DVD. Новая грамматика включает в себя все географические разновидности испанского языка и не берёт за образец только нормы испанского языка Испании.

Однако, несмотря на это, преподавание испанского языка во многих странах, географически расположенных далеко от Латинской Америки, в том числе и в России, ориентировано главным образом на пиренейский вариант (т.е. на языковые нормы Испании), латиноамериканские варианты приходится осваивать на практике. К сожалению даже в лучших вузах России и по сей день продолжает преподаваться именно пиренейский вариант, большинство учебников и учебных пособий ориентированы именно на эту языковую норму, а фонетические, грамматические и лексические особенности латиноамериканских национальных вариантов отражаются в них поверхностно, либо не отражаются вовсе.

В тоже время в самой Испании в последние годы появился ряд учебников, отражающих вариативность испанского языка. Всё чаще в них можно увидеть межвариантные синонимы, а в лингафонных курсах услышать речь жителей латиноамериканских стран.

Так, целью работы издательства **Difusión** [<http://www.difusion.com>], специализирующегося на разработке и распространении материалов для преподавания и изучения испанского, французского и немецкого языков как иностранных, является представить материалы для учителей, с учётом последних достижений и тенденций в области лингводидактики, которые отвечали бы коммуникативным потребностям современных обучающихся.

Основными учебниками, выпущенными данным издательством, являются учебники **Aula**, **Aula internacional**, **Aula latina**. Каждый из них состоит из нескольких частей, в соответствии с уровнями, установленными европейскими стандартами (A 1, A 2, B 1, B 2). Все учебники содержат лингафонные курсы. К каждой части разработана также и специальная книга для учителя.

Учебник **Aula** состоит из 5 частей и предназначен для обучающихся, целью которых является изучение испанского языка для дальнейшего общения с испанцами, вследствие чего этот учебник ориентирован

исключительно на языковую норму Испании, а также учитывает культурные особенности только испанской нации.

Учебник **Aula internacional** состоит из 4 частей и предназначен для обучающихся, целью которых является изучение испанского языка для дальнейшего общения с жителями различных испаноязычных стран, в связи с чем он учитывает как лексическую вариативность испанского языка в Испании и странах Латинской Америки, так и особенности культуры испанцев и латиноамериканцев. Таким образом, учебник готовит обучающихся к межкультурному общению.

Учебник **Aula latina** состоит из 3 частей (уровни А 1, А 2 и В 1) и является первым изданным в Испании учебником, написанным с целью удовлетворения потребностей обучающихся, необходимостью которых является общение с жителями стран Латинской Америки. Учебник написан совместно со специалистами из мексиканского университета Tecnológico de Monterrey и в его основе лежит языковая норма и культурные особенности Мексики и стран Центральной Америки. Лингафонный курс к данному учебнику также записан латиноамериканцами.

Таким образом, мы видим, что даже в самой Испании обучаемому предоставляется право выбора языковой нормы испанского языка, в соответствии с его целями изучения языка и потребностями.

По нашему мнению, на занятиях испанским языком должно быть уделено серьёзное внимание работе над лексикой с учётом её территориальной вариативности, особенно когда речь идёт о подготовке будущих преподавателей.

В Московском государственном областном университете испанский язык преподаётся в качестве второго иностранного языка бакалаврам направления подготовки «Лингвистика», профиля подготовки «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

С первых же дней знакомства с испанским языком студенты получают исчерпывающую информацию о территориальном распространении испанского языка и о его вариативности.

Нами издано учебное пособие «Практический курс современного испанского языка. Испания и Латинская Америка.» (в пяти частях), которое с используется на занятиях. Пожалуй, оно является первым практическим пособием в российской практике преподавания испанского языка, уделяющим серьёзное внимание фонетическим, грамматическим и лексическим различиям между пиренейским и латиноамериканскими

вариантами испанского языка. Его написание стало результатом годового пребывания автора в Мексике, а также неоднократного посещения Испании и ряда стран Латинской Америки.

Первая часть пособия начинается с вводного фонетического курса, учитывающего различия в произношении между пиренейским и латиноамериканскими национальными вариантами испанского языка. К пособию прилагается лингафонный курс, записанный носителями разных национальных вариантов испанского языка. Особый акцент делается на мексиканский национальный вариант.

Таким образом, обучаясь, например, фонетике, студент сразу прочитает следующее:

Буква С перед гласными i, e:

В Испании [θ] – глухой межзубный щелевой; при его артикуляции кончик языка находится между зубами, касаясь края верхних зубов.

В Латинской Америке, а также на Канарских островах и на юге Испании (Севилья, Кадис) [s] – глухой щелевой; при его артикуляции кончик языка находится у нижних зубов. Произносится как русский звук **с** в слове **соль**.

Далее он услышит одни и те же слова (**сена, сеја, сего, сінсо, сіне, сіфра**), прочитанные сначала испанцем, а затем мексиканцем.

Буква П:

Встречается в начале и середине слов между гласными и имеет несколько вариантов произношения. Чаще всего произносится как [p̄], т.е. как русское **п**, только заметно более напряжённо.

В некоторых районах Испании и Латинской Америки буква **П** произносится как **дж**, а в Аргентине и Уругвае как **ж**.

В отдельных районах Испании и в горных районах Перу, Боливии и Парагвае может произноситься как [β] – звонкий боковой, среднеязычный; при артикуляции кончик языка касается нижних зубов, средняя часть языка смыкается с твердым нёбом, оставляя боковые щели для прохода воздуха.

Он также услышит одни и те же слова, прочитанные сначала испанцем как [p̄], затем мексиканцем, аргентинцем и лишь в самом конце испанцем как [β].

В лексическом разделе практически в каждом уроке студент найдёт сравнительную таблицу пяти вариантов испанского языка. Так, например, в теме «жильё», он увидит следующее (таблица приводится в сокращённом виде):

Межвариантные синонимы

	España	México	Venezuela	Perú	Argenti na
квартира	piso, aparta- mento	departamento	apartamento	departamento	departa- mento
гостиная	salón, cuarto de estar	sala	recibo, sala	sala	living
кладовая	trastero	cuarto de servicio	maletero	depósito	baulera
спальня	dormitorio, alcoba	recámara, dormitorio	dormitorio, cuarto	dormitorio, cuarto	dormitor io, pieza, cuarto
лифт	ascensor	elevador	ascensor	ascensor	ascensor
книжный шкаф	estantería, librería	librero	biblioteca	biblioteca	estanterí a, bibliotec a
обогрева- тель	estufa	calentador	estufa	calefactor	estufa
шкаф (встроен- ный)	armario empotrado	closet	closet	armario empotrado	placard, closet
кастрюля	cacerola, olla	olla	olla	olla , estufa	cacerola , olla
плита	cocina	estufa	cocina	cocina	cocina
холодиль- ник	frigorífico, nevera	refrigerador	nevera	refrigerado-ra	heladera
компьютер	ordenador	computadora	computadora	computadora	computad ora

Разумеется, мы не можем заставлять обучающихся запоминать лексические единицы всех пяти стран. Однако нашим требованием является научиться рецептивно воспринимать каждый из этих национальных вариантов, а репродуктивно уметь воспроизвести пиренейский и мексиканский варианты, поскольку знание мексиканского варианта значительно облегчит общение обучаемого с латиноамериканцами в целом. В тоже время, обучаемые, которых интересует более детальное ознакомление с остальными странами, могут это сделать самостоятельно, и, поехав, например, в Венесуэлу, они уже будут готовы к общению с венесуэльцами.

Грамматические темы также преподносятся с учётом территориальной вариативности.

Так, например, при сравнительном сопоставлении грамматических времён **Pretérito Perfecto Simple** и **Pretérito Perfecto Compuesto** обучаемый прочитает следующее:

В большей части Латинской Америки, а также в некоторых районах Испании характерно употребление **Pretérito Perfecto Simple** вместо **Pretérito Perfecto Compuesto** в следующих случаях: [...]

Ошибочным является мнение о том, что в сочетании с такими обстоятельствами времени, как **hoy, esta mañana, esta semana, este mes, este año** и т.д. латиноамериканец может чередовать употребление этих грамматических времён и сказать, например, как “*Hoy desayuné tarde*”, так и “*Hoy he desayunado tarde*”. В этом случае в Латинской Америке используется **только** **Pretérito Perfecto Simple**, т.е. нормативной является фраза “*Hoy desayuné tarde*”. Однако это не означает, что **Pretérito Perfecto Compuesto** там не употребляется вообще. Там оно имеет своё значение.

В отличие от Испании, в Латинской Америке действие, передаваемое **Pretérito Perfecto Compuesto**, понимается как незаконченное, ожидается его выполнение или повторение.

Фраза “*María no se ha casado*” («*Мария не вышла замуж*») подразумевает, что она ещё собирается выйти замуж в будущем. В то время как фраза “*María no se casó*” означает, что она не вышла замуж и уже не выйдет.

Фразу “*Este año ha llovido mucho*” следует переводить «В этом году идёт (шло) много дождей» (подразумевается, что дожди будут продолжать идти).

На более продвинутом этапе предлагаются оригинальные аудио-визуальные материалы, связанные с наиболее крупными испаноговорящими странами, а также интервью с носителями разных вариантов испанского языка, в которых носители языка рассказывают о коммуникативных сбоях, которые у них возникали при общении с жителями других испаноязычных стран.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть необходимость написания учебных пособий, учитывающих территориальную вариативность испанского языка. В условиях межличностного и межкультурного общения метод межвариантного сравнения в преподавании испанского языка является, на наш взгляд, наиболее перспективным.

Список литературы

1. Ахренов А. В. К вопросу о месте межвариантной синонимии в преподавании испанского языка как иностранного.// Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика», М.: Изд-во МГОУ, 2007. № 1. С. 311–316.
2. Ахренов А. В. Практический курс современного испанского языка. Испания и Латинская Америка: в 5-ти ч. Ч 1. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 184 с.
3. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. Изд. 2-е, М.: УРСС, 2004.
4. Фирсова Н. М. Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики. М.: Изд-во РУДН, 2003.
5. Alvar M. Español en dos mundos. Madrid, Ediciones Temas de hoy, 2002.
6. Lipski, J. M. El español de América. Madrid, Ediciones Cátedra, 2002.
7. La lengua castellana tiene por primera vez una única gramática. <http://www.elperiodicodearagon.com> Domingo, 25 de marzo de 2007.
8. Lope Blanch J.M. Español de México frente a español de España// Cuestiones de filología mexicana. México: UNAM, 2004.
9. Moreno de Alba, J.G. El español en América. México: Fondo de Cultura Económica, 2001.
10. Parra M. Difusión internacional del español por radio, televisión y prensa. Instituto Caro y Cuervo, Bogotá, 1999.
11. Quesada Pacheco M.A. Papel del español americano en la enseñanza del ELE. 2005 <http://www.educacion.es/redele/biblioteca2005/fiape/quesada.pdf>
12. Vázquez G. ¿Qué español enseñar? 2008 http://www.lenguas.unc.edu.ar/elsecongreso/teleconferencia_vazquez.pdf.
13. Y ates, Jean. Pronounce it perfectly in Spanish. 2nd ed. Barron's, 2006.
14. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.difusion.com/catalogo_details/3/aula_internacional_1_libro_del_alumno.html
15. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.difusion.com/catalogo_details/45/aula_latina_2_libro_del_alumno.html
16. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.difusion.com/catalogo_details/700/aventura_joven_la_chica_de_mar_de_plata+_cd.html

17. Электронный ресурс. Режим доступа
http://www.difusion.com/catalogo_details/80/america_latina_pisco_significa_pajaro+_cd.html

18. Электронный ресурс. Режим доступа
http://www.difusion.com/catalogo_details/82/america_latina_taxi_a_coyoacan+_cd.html

19. Электронный ресурс. Режим доступа
http://www.edinumen.es/index.php?option=com_virtuemart&page=shop.browse&category_id=4&Itemid=26&vmcchk=1&Itemid=26&lang=es

20. Электронный ресурс. Режим доступа
<http://www.hf.uio.no/ilos/studier/fleksibel/spansk/emne/poli/tekster/norma.pdf>

Ахренова Н.А.

*Государственного социально-гуманитарного университета
(Коломна)*

Лингвопрагматические предпосылки создания толкового словаря языка интернета

Аннотация. Изучение процессов, происходящих с человечеством под влиянием интернета, вот уже более десяти лет вызывают устойчивый интерес среди представителей различных научных направлений. Данная статья посвящена обоснованию необходимости создания англо-русского толкового словаря языка интернета. Автор основывается на том, что язык интернета представляет собой явление комплексное. Помимо сленга и особой технической терминологии, уже фиксируется терминология социальных, психологических, медицинских наук для описания состояний пользователей компьютера, мобильных устройств и интернета; термины из методики преподавания с использованием компьютера и мобильных устройств; торговые и банковские операции из реальной жизни, адаптированные в языке интернета и т.д.

Ключевые слова: язык, язык интернета, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, интернет-лингвистика.

N. Akhrenova

State Socio-Humanitarian University (Kolomna)

Lingvopragmatic backgrounds of compiling a thesaurus of the Internet language

Abstract. The study of the processes taking place in our society under the influence of the Internet has been a matter of special interest for the representatives of different fields of science. This paper is devoted to the justification of the key principles of compiling a thesaurus of the Internet language. It is shown that the language of the Internet is a very complex phenomenon. Apart from slang and special technical terminology, it includes terms from social, psychological and medical sciences to describe the state of users of computers, mobile devices and the Internet, as well as terms from computer- and mobile device-based

teaching methods and real life commercial and banking operations adapted to the Internet language.

Keywords: language, language of the Internet, Internet discourse, online communication, Internet linguistics.

Преобразование интернета в одну из ключевых сфер современного речепользования, как в плане количественных показателей, так и в плане качественного воздействия на протекание языковых процессов способствовало концентрации академического интереса на проблемах функционирования интернет-коммуникации и языка в интернете. В этой связи представляется необходимым создание толкового словаря языка интернета.

На первый взгляд может показаться бесполезным написание словаря интернет-лексики, когда уже были изданы такие словари как: «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза (2016); «Язык Интернета. Англо-русский словарь» В. Я. Факова (2009); «Краткий словарь интернет-языка» В. Ф. Хайдаровой (2012). Упомянутые словари посвящены описанию лишь узко специфичных аспектов языка интернета: сленг российского сегмента интернета (словарь под редакцией М. А. Кронгауза и В. Ф. Хайдаровой) аббревиатуры и акронимы англоязычного сегмента интернета (словарь В. Я. Факова)

Однако наше желание создать подобный словарь продиктовано рядом обстоятельств: 1) отсутствие именно толкового англо-русского словаря интернет-лексики, т.е. все словари, существующие сегодня, являются одноязычными, отражают лишь одну сторону языка интернета – особый сленг, сформировавшийся под влиянием деятельности человека в интернете; 2) понятие «язык Интернета» представляется нам более сложным и комплексным, чем оно отражено в опубликованных словарях; 3) авторами учитывался и тот факт, что массив лексики, относящейся к языку интернета, неуклонно растет и выходит за пределы интернет-коммуникации, становясь неотъемлемой частью лингвистического обихода современного человека.

Словарь содержит около 200 лексических единиц. Каждая словарная статья содержит объяснение лексемы, возможные коллокации, примеры использования слова в актуальном речепроизводстве.

Данная статья посвящена описанию нашего подхода к трактовке понятия «язык интернета», которое было положено в основу создания толкового словаря языка интернета.

Активное изучение свойств коммуникации в интернете началось в конце XX начале XXI веков, когда внимание российских и зарубежных ученых стали привлекать самые различные аспекты использования языка в интернете: от лингвостилистических и прагматических до функционально-семиотических. Вопросы языкового обеспечения интернет-коммуникации рассматривались в работах Д. Кристала, Е. И. Горошко, С. Херринг, М. Б. Бергельсон, А. А. Атабековой, Е. Н. Галичкиной, Л. Ю. Иванова, Л. Ф. Компанцевой, М. Ю. Сидоровой, М. А. Кронгауза и других ученых-лингвистов. Структура и содержание процессов интернет-коммуникации изучались в рамках самых различных школ и направлений: с точки зрения социолингвистики, прагматики, семиотики, психолингвистики, функциональной стилистики, дискурсивного анализа, контент-анализа, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии.

Исследования сводятся к решению вопроса – есть ли такое понятие как «язык интернета» и что современные ученые-лингвисты вкладывают в него. Дебаты по этому поводу в лингвистической науке продолжаются вот уже более десяти лет. Одна из целей данного исследования – описать имеющиеся точки зрения на понятие «язык интернета».

В англоязычной лингвистической традиции исследования интернета используются следующие термины для обозначения понятия «язык интернета»: *e-language, e-talk, wired-style, geekspeak, netspeak, Internet language, usertalk*. В русском языке прочно закрепился термин «язык интернета».

Для подтверждения нашего предположения о распространенности изучаемого термина нами введено словосочетание «язык интернета» в поисковое окно двух самых популярных в России поисковых систем Яндекс и Google. Были получены следующие результаты поиска. Так словосочетание «язык интернета» найдено 10.400.000 раз в поисковой системе Google и 35.000.000 – в Яндексе.

Данный результат позволяет сделать вывод, что исследования в области языка интернета представляются актуальными. Несмотря на то, что сегодня много написано по данной проблематике, недостает всестороннего описания данной проблемы. Кроме того, язык интернета – образование не статичное, а динамичное, находящееся в постоянном развитии.

Говоря об основных особенностях использования естественного языка в интернете, исследователи сходятся в том, что влияние языка

общения в интернете и социальных процессов, происходящих под влиянием интернета на современное речепотребление очень велико, и соответственно, он требует тщательного, системного изучения.

Важным представляется также то, что тексты, рожденные в интернете, все чаще служат основой для описания современного состояния языка, так как в них быстрее, чем где бы то ни было, находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речепотребления. Действительно, если тексты художественной литературы – это своего рода «высокое искусство», живописный способ отражения действительности, то тексты интернет-коммуникации, мгновенно запечатлевающие любое событие, любое движение жизни, – это способ скорее фотографический. Благодаря сложившейся в интернете устно-письменной форме речи и тому, что основная часть текстов представляет собой диалог, неформальный монолог и тяготеет к устной форме, зафиксированной на письме, ученые-лингвисты впервые имеют доступ к крупному массиву фиксированной устной речи, воспроизводимой в режиме он-лайн.

Анализ контекстного употребления словосочетания «язык интернета», сделанного нами по результатам поиска на Яндекс и в Google, позволяет выделить три его наиболее распространённых значения.

Во-первых, язык интернета – это весь корпус текстов всех жанров, производимых и распространяемых в интернете. *Во-вторых* – это устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся определённым набором лингвостилистических свойств и признаков. *В-третьих* – это особая знаковая система смешенного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов.

Колоссальное значение, с точки зрения методологии описания языка интернета, имеет тот факт, что данные подходы к определению изучаемого понятия почти полностью соответствуют трём базовым определениям самого понятия «язык» – универсальному (глобальному), системному и конкретному, что было, в частности, отражено в работе Д. Б. Гудкова «Межкультурная коммуникация: проблемы обучения» [Гудков, 2000].

Согласно первому определению, язык понимается как любая знаковая система, а также как совокупность всех проявлений той или иной знаковой системы (язык музыки, язык жестов, язык танца, язык СМИ, язык художественной литературы). Второе определение подчеркивает роль

языка как особой знаковой системы, составляющей основу человеческого общения посредством речевой коммуникации. Третий подход позволяет выделить в этой общей системе её конкретные составляющие, а именно реально функционирующие в том или ином конкретно-историческом социуме национальные языки – русский, английский, французский, китайский, немецкий, испанский и т.д.

Ключевое значение для развития общей концепции языка интернета имеют второй и третий подходы, когда язык интернета понимается а) как подвижная внутриязыковая система, характеризующаяся определённым набором лингвостилистических свойств и признаков, б) как особая знаковая система смешенного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов. Именно в рамках данных определений и формировались содержание и внутренняя структура современного понятия «язык интернета».

Основу внутренней структуры понятия «язык интернета» составляет рассмотрение лингвостилистических и интерактивных особенностей конкретных подязыков интернет-общения – языка чатов, форумов, твиттера и микроблогов, блогов, языки общения в различных сообществах, вымышленные языки (конланги), особенностей речеупотребления в интернете, сленги различных групп людей и сообществ, сленги геймеров и т.д. Обзор научной литературы показывает, что основное количество лингвистических исследований интернета посвящено анализу именно языка отдельных медиумов существования естественного языка в среде интернет, а также изучению различных типов текстов рожденных в интерактивной среде.

Детальное изучение вариантов языка вышеперечисленных способов общения в интернете привело к расширению самого понятия «язык интернета», что, в частности, выразилось в выделении в нём уровня вербального и уровня аудиовизуального. В свою очередь, рассмотрение языка интернета как знаковой системы смешанного типа, сочетающей в себе вербальные и аудиовизуальные коды, позволило определить языковую специфику каждого конкретного жанра интернет-дискурса.

Мы также относим к источникам пополнения языка интернета: наименования компьютеров и других гаджетов для выхода в интернет; внешние и внутренние детали компьютера; манипуляции, которые совершаются во время работы с гаджетами различного вида и интернетом; терминология социальных, психологических, медицинских наук для

описания состояний пользователей связанных с использованием компьютера, мобильных устройств и интернета; терминов из методики преподавания с использованием компьютера и мобильных устройств; торговые и банковские операции из реальной жизни, адаптированные в языке интернета; лексемам из профессиональных жаргонов, технического языка, который возникает и развивается в ходе выполнения совместной работы специалистов для указания на объект действительности; сленговые выражения и т.д.

Постоянное развитие интернет-технологий привело к дальнейшему совершенствованию языка интернета как средства информационно-психологического воздействия. Язык интернета – это сложная многоуровневая мультимедийная система, вобравшая в себя достижения в области информатики, лингвистики, кибернетики, психологии и многих других современных наук. Согласно утверждению Т. Г. Добросклонской, вербальный текст в интернете приобрёл новое «сетевое» измерение, позволившее разворачивать текст не только линейно, но и, с помощью ссылок, в глубину межтекстовых связей [Добросклонская, 2008].

Наряду с вербальным уровнем важнейшей составляющей языка интернета является уровень концептуальный, или когнитивно-идеологический. Действительно, сегодня именно язык интернета является тем кодом, той универсальной знаковой системой, с помощью которой в индивидуальном сознании большого количества людей формируется картина окружающего мира. Специалисты по психологии признают, что сегодня восприятие человеком окружающего мира в очень большой степени зависит от того, каким представляется этот мир в интернете: в чатах, микроблогах и блогах, социальных сетях, мессенджерах, онлайн СМИ и т. д. Психологи ввели новое понятие «человек кликающий». Не располагая собственным опытом огромного количества происходящих в мире событий, мы вынуждены строить своё знание об окружающей действительности на реконструкциях, интерпретациях, комментариях, которые в силу самой своей природы часто носят ярко выраженный персонифицированный, рекламный, идеологичный, пропагандистский и культуроспецифичный характер. Будучи продуктом разных социальных слоев, политических групп и национально-культурных сообществ, язык интернета отражает множественный характер этих интерпретаций, передаёт ту или иную модальность и национально-культурную специфику.

Именно в интернете быстрее всего отражаются социальные, идеологические изменения в обществе, фиксируются новые понятия, тенденции и т.д., т.к. это среда, существующая параллельно реальной, где современный человек проживает вторую, порой более яркую жизнь.

За последние десятилетия сложилось два противоположных видения проблемы языка интернета. Многие российские и зарубежные ученые убеждены в существовании нового языка интернета (киберязыка), который образовался путем слияния языка, используемого в повседневной жизни, сленгов различных интернет-сообществ (хакеров, геймеров, кречеров и т.д.), вымышленных языков, распространенных в интернете (конлангов [Сидорова, 2006]) и терминологии компьютерных технологий. При столкновении естественного (оффлайнового) языка с интернетом происходит их взаимодействие. В этом случае происходит следующее: с одной стороны, трансформируется стандартный язык внутри интернета. Как показал анализ, язык интернета формируется, опираясь на тенденции, характерные для формирования неформальной лексики [Борисова 2005, с. 9]. Привычные слова, знаки, символы используются в новом смысле. С другой стороны, попадая в мир бытового языка, этот профессиональный язык находит в нем своё место, быстро распространяется, становится общим для всех членов данного социума. Постепенно специальные термины становятся понятными, необходимыми, входят в язык повседневного общения. Мы согласны со специалистами, которые отмечают, что в последние 10–15 лет можно наблюдать активную «интернетизацию» языка, традиционно связываемую с технической экспансией интернета [Лейбов, электронный ресурс].

Л. Ю. Иванов полагает, что язык интернета занимает нишу, следующую за языками международного общения и национальными языками, т.е. место, где представлены крупные подсистемы в рамках языков различного статуса, такие как, например, язык художественной литературы, совокупность функциональных разновидностей и специальных языков, а также разговорная речь [Иванов, 2000, Электронный ресурс]. А. И. Пичкур и М. С. Трещева писали, что язык интернета или как авторы его называют *usertalk*, представляет собой «пеструю картину, включая общеупотребительную, разговорную и литературную лексику, большое количество американизмов, специальную лексику (профессионализмы, жаргонизмы, термины)» [Пичкур, Трещева, 1999, с. 71–72].

Таким образом, можно констатировать, что сегодня начала формироваться концепция языка интернета, а сам термин прочно вошёл в научно-лингвистический обиход. Сегодня язык интернета все более понимается не только как подвижная внутриязыковая система, характеризующаяся вполне определенным набором лингвостилистических свойств и признаков. При этом одной из важнейших характеристик данной системы является соотношение вербальных и аудиовизуальных или креолизованных компонентов, специфическое для каждого жанра интернет-дискурса, будь то общеинформационные жанры или жанры новостей, научно-образовательный и специальные информационные жанры, художественно-литературные, развлекательные жанры интернета и т.д.

Список литературы

1. Борисова Л. М. Неформальные отношения в интернет-дискурсе // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. Курск: Курский государственный университет, 2005. С. 9–11.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
3. Лейбов Р. Интернет рисует язык. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www/gagin.ru/internet/25/27.html>
4. Пичкур А. И., Трещева М. С. Компьютерный жаргон «Usertalk» как лингвистическое явление // Язык и культура, 1999. С. 69–73.
5. Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., «1989.ру», 2006. 184 с.
6. Словарь языка интернета.ru / Под ред. Кронгауза М. А. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
7. Факов В.Я. Язык Интернета. Англо-русский словарь. М.: Международные. отношения, 2009. 368 с.
8. Хайдарова В. Ф. Краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. С.Г. Шулежковой. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.
9. Collin S. M. H. Dictionary of ICT. 4th edition. London: Bloomsbury Publishing, 2004. 279 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. <http://www.ldoceonline.com/dictionary>
11. Macmillan Dictionary. <http://www.macmillandictionary.com/>

12. Netlingo: Dictionary of Internet Terms. [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://www.netlingo.com/>

Баталина Е.А.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Просодия публичных выступлений как способ формирования имиджа политического лидера

Аннотация. Влияние имиджа компании, политического деятеля или отдельного человека на формирование отношения к нему и, как следствие, поступков по отношению к нему трудно переоценить. Данное исследование находится на стыке трёх наук: лингвистики, имиджологии и психологии. Для акустического анализа были отобраны наиболее яркие и актуальные по дате речи влиятельных политиков Бундестага и оппозиции. Учитывая характер выступления и цель – привлечение наибольшего количества сторонников, нам представляется возможным оценивать данные высказывания как иллокутивные акты. Таким образом, экспериментальный материал для анализа просодических характеристик иллокутивных актов в речах ведущих политиков бундестага и оппозиции представлял собой отдельные фразы, лишённые каких-либо посторонних шумов, которые могли бы повлиять на получение их объективных акустических характеристик. Всего для последующего анализа была отобрана 11 речей общей длительностью ок. 85 минут.

Ключевые слова: просодия, интонация, речевой акт, прагмалингвистика, политика, имидж.

E. Batalina

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Public speech prosody as an art of the formation of the politician's image

Abstract. This study is at the junction of three sciences: linguistics, imageology and psychology. For the acoustic analysis we selected the most vivid and relevant speeches by influential politicians of the Bundestag and the opposition. Given the nature of the speech and the goal, i.e. to attract the greatest number of supporters, it seems possible to evaluate these statements as illocutionary acts. Thus, the experimental material for the analysis of prosodic characteristics of illocutionary acts in the speeches of the leading politicians of the Bundestag and the opposition was a separate phrase, devoid of any extraneous noise that could affect obtaining their objective acoustic characteristics. For further analysis 11 speeches with a total duration of approximately 85 minutes were selected.

Keywords: prosody, politics, intonation, pragmalinguistics, speech act, image.

Влияние имиджа компании, политического деятеля или отдельного человека на формирование отношения к нему и, как следствие, поступков по отношению к нему трудно переоценить. Так имидж политического

деятеля экстраполируется на представляемую им партию, а имидж руководителя фирмы – на вверенное ему предприятие.

В современном мире будущему политику и общественному деятелю крайне необходимо уметь посредством ораторского искусства завладеть вниманием аудитории и привлечь его на свою сторону. Одним из ключевых факторов в овладении искусством убеждать посредством грамотной речи является умение грамотно структурировать устное высказывание и использовать просодические средства в соответствии с целями и задачами.

Теоретические основания исследования. Данное исследование находится на стыке трёх наук: лингвистики, имиджелогии и психологии. Не смотря на то, что слово «имидж» является одним из самых часто употребляемых слов в СМИ и специальной литературе, определения его зачастую противоречивы. Самой приемлемой нам кажется версия современного словаря иностранных слов, определяющая имидж как «целенаправленно сформированный образ какого-либо лица, явления или предмета, выделяющий определенные ценностные характеристики и призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-то в целях популяризации, рекламы и т.д.» [Булыко, 2005, с. 215].

Все определения понятия имидж и выше перечисленные его функции неизменно подчёркивают приоритет прагматического его компонента, являющегося, наряду с когнитивным, ведущим и в современной лингвистической науке. Прагматическое направление связано с функциональными свойствами языка, то есть воздействием языка на партнера по коммуникации. Ядром прагматического учения является теория речевых актов, а когнитивное направление в свою очередь, исследует, взаимодействие языка и сознания, функционирование языка в концептуализации и категоризации мира, в процессах познания и обобщения человеческого опыта, взаимосвязь отдельных когнитивных способностей человека с языком и виды их взаимодействия.

Обращаясь к теории речевых актов, Григорьев подчёркивает её задачу «разработки конкретной системы тоновой парадигмы, основывающейся на противопоставлении тональных вариантов высказываний и связанных с ними изменениях речевых действий». [Григорьев, 1996]

В данной работе нами рассматривается именно иллокутивный акт, а смена фокуса от локутивного акта в качестве объекта исследования

современной лингвистики к иллюкутивному акту можно трактовать как переход от традиционного семантического исследования к исследованию прагматическому. П. Стросон, обобщая наблюдения Дж. Остина, назвал основным критерием отличия иллюкутивного акта от локутивного наличие признака целенаправленности.

Материалы исследования. В качестве материала были отобраны и проанализированы речи влиятельных политиков – преимущественно членов Бундестага – таких как канцлер Германии Ангела Меркель, министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер, министр внутренних дел Томас де Мезьер, министр обороны Германии Урсула фон дер Лейен, член партии Левых Грегор Гизи, член партии Зелёных Чем Оздемир, член партии Левых Сара Вагенкнехт, министр финансов Вольфганг Шойбле, министр защиты прав потребителей, продовольствия и сельского хозяйства Ренате Кюнаст, министр Нижней Саксонии по федеральным и европейским вопросам Юрген Триттин, лидер партии АдГ Фрауке Петри и др.

Высокая степень подготовленности речи послужила важнейшим условием отбора практического материала. Нами отбирались аудиофрагменты полностью подготовленной речи, в которой элемент спонтанности был минимален, что снижает субъективность высказывания и позволяет исследовать эмотивно-немаркированную просодию в «чистом виде».

В качестве отправной точки нашего исследования было выбрано понятие «просодической нормы», а именно инструментарий просодических средств с правилами его употребления, зафиксированный в произносительных словарях по фонетике немецкого языка таких как, например, Duden Aussprachewörterbuch.

Экспериментальное исследование записанного материала проводилось методом комплексного анализа, включающего в себя:

а) акустический анализ экспериментальных фраз, состоящий из фонемно-слоговой расшифровки фраз с помощью специальной программы обработки речевого сигнала PRAAT.

б) сопоставление воспринимаемых качеств со статистически достоверными различиями;

в) интерпретацию результатов эксперимента.

Принимая во внимание особенности делимитации, текст делился на фоноабзацы, фразы и интонационные группы; выяснялся характер пауз.

Вторым этапом выявляется инвентарь просодических характеристик: громкость, темп, ритм, характер тонального уровня и тонального диапазона, типы терминальных тонов их значение, типы шкал, характер акцентуации семантических центров, который выражается типом терминального тона, предъядерной части, тонального уровня и тонального диапазона, а также уровнем громкости на ударном слоге. Степень акцентуации определяется исходя из разницы между выделенными и невыделенными сегментами фразы.

В зависимости от ораторских возможностей выступающего воспринимающие его речь субъекты формируют представление об ораторе. Это способствует формированию оценки о нём, что, соответственно, влияет на уровень доверия к говорящему. Особое значение имидж имеет для политического деятеля. На основании политических дебатов избиратели могут решить судьбу данного политика. Наблюдения за манерами ораторского мастерства немецких политиков указывают на то, что воздействие на слушателя может осуществляться посредством следующих ораторских приёмов:

1. Низким начальным уровнем тона, который постепенно, как правило, нарастает. Частота основного тона является ключевым фактором просодической структуры устного речевого высказывания, который наиболее точно позволяет дифференцировать иллокуции высказывания.

Согласно Башкиной и Бухтилову, «в результате взаимодействия воздушного потока, создаваемого лёгкими, с колеблющимися голосовыми связками поток воздуха, поступающий в речеобразующий тракт, имеет форму дискретных толчков или импульсов. Частота следования этих импульсов называется частотой основного тона». Авторы трактуют частоту основного тона как «число импульсов в единицу времени, усредненном на некотором временном отрезке» [Башкина, Бухтилов, 1977, с. 23]

Согласно Григорьеву и Евтееву, «квалитативные характеристики тона выражают соответствующую модальность и дают основание типологизировать иллокутивы по классам» [Григорьев, Евтеев, 2016, с. 38].

2. Средним начальным уровнем громкости, которая обычно возрастает к точке формулировки основной мысли. Вне зависимости от связи с ударением, громкость речи может участвовать в выражении подразумеваемых модальных значений.

3. Наиболее эффективным, однако, является темпоральный фактор.

Начальная фаза фонации бывает обычно умеренной, однако, к моменту приближения к основной мысли темп возрастает, ритмика приобретает наиболее частый характер. Три названных признака: тон, громкость и темп развиваются в политическом дискурсе профессионального оратора симультанно. Данный эффект просодической аранжировки направлен на привлечение электората на свою сторону. По признакам речевого воздействия лица, воспринимающие выступление политика выносят суждение о его достоинствах и недостатках.

Здесь хотелось бы кратко рассмотреть просодические характеристики через призму актуального членения и выражения модальности. В российской лингвистике наиболее радикальную точку зрения на количество просодических функций высказал Л.Р. Зиндер. Он выделил только две функции – коммуникативную («все, что связывает интонацию со смыслом и синтаксическим строем предложения») и эмоциональную, выражающую модальность высказывания. Внутри общей коммуникативной функции просодии автор отмечает следующие значения: 1) просодия является средством членения речи на высказывания, а высказываний на синтагмы; 2) просодия является средством различения коммуникативных типов предложения; 3) просодия является средством актуального членения предложения [Зиндер, 1978, с. 6].

Согласно концепции В. Матезиуса, тема высказывания выражает то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, а рема (ядро) – то, что говорящий сообщает об основе высказывания. Тема, по В. Матезиусу, не сообщает новой информации, но является главным образом необходимым элементом связи предложения с контекстом. В. Матезиус противопоставлял актуальное членение предложения формальному членению предложения, основными элементами которого являются подлежащее и сказуемое. [Матезиус, 1967, с. 240] Ремой же называется то новое, о чем сообщается в предложении. Пражцы подчёркивали особое внимание говорящего к неизвестному. Лингвисты Г. Пауль, О. Есперсен, А. А. Шахматов, напротив, утверждали, что основное внимание говорящего сосредоточено на теме.

Зарецкая полагает, что рема содержится в каждом речевом акте, а темы может и не быть (в неполных предложениях, свойственных

диалогической речи). Предложение без темы называется коммуникативно нерасчлененным.

К. Боост выделил принцип напряжения: говорящий и слушающий находятся в разных позициях по отношению друг к другу: говорящий знает, что он хочет сказать, а слушающий еще не знает. Это обстоятельство создает особое психическое напряжение, которое постепенно и последовательно разрешается в речи. Данное напряжение обладает образующей предложение силой. Предложение как бы раздваивается на части, которые по своему значению противостоят друг другу и одновременно образуют цельное единство. Эти части, по определению Бооста, содержащая вопрос тема (которой начинается напряжение) и содержащая ответ рема (в которой напряжение разрешается).

Тема чаще всего предшествует реме. Говорящий использует возможности выделения темы при помощи:

- интонации
- ударения (словесного, тактового, фразового, логического, эмфатического)
- особой паузации, отмеченной на письме рядом знаков препинания.

4. Одна из ключевых ролей принадлежит использованию пауз в речи.

Великая определяет паузы как «перерыв в фонации. Лингвистическая нагрузка пауз значительна: они не только являются универсальным средством членения, но также и осуществляют связи между интонационно-смысловыми единицами» [Великая, 2009, с. 20]. По длительности выделяют очень короткие, короткие, средние, длительные и сверхдлительные паузы.

Когут выделяет 4 типа пауз: хезитационные, интонационно-синтаксические, интонационно-логические и пустые паузы. Под хезитационными паузами он понимает «паузы обдумывания», помогающие оратору «оформлять свои мысли в предложения, находить наиболее точную и ясную форму изложения». Интонационно-синтаксические паузы являются отражением синтаксической природы предложений. «Они различаются длительностью и соответствуют знакам препинания в предложении» [Когут, 2015].

«Интонационно-логические паузы отделяют один речевой такт от другого. Изменение места интонационно-логической паузы в одном и том

же предложении может значительно изменить его смысл. Пустые паузы возникают в процессе речи, когда говорящий не знает, как продолжить свою мысль и останавливается. Такие паузы только затягивают разговор» [Когут, 2015].

Для наиболее эффективного оформления выступления оратор пользуется так называемыми паузами «предупреждения». Они ставятся обычно в тех местах, где необходимо привлечь дополнительное внимание слушающих. Использование же пауз хезитации, как правило, вызывает отрицательный эффект при восприятии высказывания.

5. Говоря о компонентах просодии, следует упомянуть диапазон. По мнению Когута, он является «совокупностью звуков, которые могут быть воспроизведены голосом. Это интервал между самым низким и самым высоким звуком (тоном) в пределах возможностей данного голоса» [Когут, 2015].

6. Важным параметром являются также акцентуация, ударение и интенсивность. «Акцентуация или ударение существует в качестве факта супrasegmentного фонологического уровня и служит для «выделения в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических единиц» [ЛЭС 1991, с. 530]. Великая выделяет 3 типа ударений: фразовое, носящее фиксированный характер, за которым закреплена делимитативная функция. Смысловое или логическое ударение, представляющее собой «увеличение силы выдоха при произнесении слова или нескольких слов, которые в данном высказывании являются главными по смыслу и вводят новые для данного контекста понятия. Логическое ударение может стоять на любой части речи» [цит. по Великая, 2008, с. 19].

Словесное ударение – это выделение отдельных частей слова; его лингвистическое значение состоит в выявлении смысла высказывания.

Тактовое ударение является ритмическим по природе и основывается на повышении и понижении тона и паузах. Оно способствует правильному пониманию текста, во многом определяет порядок слов в синтагме и, занимая конечную позицию, выступает в роли одного из пограничных сигналов синтагмы [цит.по. Великая, 2008, с. 19]. Под тональными изменениями в лингвистике на уровне восприятия понимается мелодика, которая имеет огромное лингвистическое значение, выполняя как грамматическую, так и эмоциональную функции: различение предложений

по цели высказывания, сообщение информации и высказывание отношения к ней.

Особое внимание Королева уделяет динамическому компоненту интонации. Достигаемая за счет усиления интенсивности речевого сигнала выделенность слова логическим ударением имеет зачастую решающее значение не только для интерпретации логико-смысловой структуры предложения, маркирования связи между его членами, но и для определения его модальной направленности, например соответствия/несоответствия ожидаемого действительности. [Королева, 1989, с. 33].

Будущий специалист-международник, особенно это касается дипломатических работников, должен быть обучен перечисленным приемам просодической организации выступления на занятии по немецкому языку. Умея правильно "расшифровывать" просодическую кодировку намерения немецкого политика, дипломат сможет при необходимости говорить в его тональности. Совпадающая тональность общения коммуникантов может привести к более эффективному результату.

Список литературы

1. Башкина Б. М., Бухтилов Л. Д. Физические параметры просодии речи и их измерение. Минск, 1977. 64 с.
2. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. М.: Мартин, 2005. 848 с.
3. Бут Н. А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов» Текст.: дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. А. Бут. Тамбов, 2004. 185 с. [Электронный ресурс] <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/but.pdf>
4. Великая Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка. М.: Прометей, 2008.
5. Григорьев Е. И. Прагматический аспект речевой просодии: Эксперим.-фонет. исслед. на материале соврем. нем. яз.: дисс. ... д. филол. н.: 10.02.04. М., 1996. 427 с.
6. Григорьев Е. И. Речь как звучащая субстанция и методы ее исследования, Тамбов, 2004.
7. Григорьев Е. И. Евтеев, С. В. Просодический компонент в распознавании концепта иллокутивного действия, М. МГИМО, 2016.

8. Daneš F. Sentence intonation from a functional point of view [Text] / F. Daneš // Word. 1960. Vol. 16, №1. P. 34–54.

9. Зиндер Л. Р. Интонация Под ред. И. Г. Торсуевой. Киев, 1978. С. 5–8.

10. Когут Д. М. Просодические средства манипулирования общественным сознанием (на материале англоязычных агитационно-политических речей) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61830> (дата обращения: 07.11.2016).

11. Королева Т. М. Интонация модальности в звучащей речи. К.: Одесса; Выща шк. Головное изд-во. 1989. 147 с.

12. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 67 с.

13. ЛЭС – М.: «Советская энциклопедия», 1990.

14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Пер. с чеш., в сб.: пражский лингвистический кружок, М.: 1967.

15. Шепель В. М. Имиджелогия: Секреты личного обаяния / В. М. Шепель. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 473 с.

Безручко Ю.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: к.филол.н., доцент кафедры индоевропейских и восточных языков МГОУ Сахарова Н.Г.

Мотив одиночества в американской рок-поэзии группы Linkin Park и средства его выражения

Аннотация. Данная статья посвящена лингвистическому анализу мотива одиночества в рок-поэзии. Эта тема мало изучена. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, стилистике, поэтике.

Ключевые слова: мотив одиночества, художественно-экспрессивные средства, рок-группа Linkin Park, рок-поэзия, поэтический язык.

Yu. Bezruchko

Moscow Region State University (Moscow)

Loneliness in American rock-poetry of Linkin Park and means of its expression

Abstract. The paper is devoted to the linguistic analysis of the motive of loneliness in rock-poetry. This topic is scarcely studied. The results obtained can be used in text theory, stylistics, and poetic diction.

Keywords: motive of loneliness, expressive means, rock-group Linkin Park, rock-poetry, poetic language.

Поэзия – «это искусство образного выражения мысли в слове, словесное художественное творчество» [11, с. 510]. Роль поэзии состоит в том, чтобы дать общепонятное выражение духовной жизни, объединять людей, одухотворить их души, упростить их отношение к происходящему вокруг [7]. Характерной особенностью поэзии является поэтический язык.

Поэтический язык – «это язык поэзии или язык стихотворного произведения» [5], [11]. Поэтический язык, по Аристотелю, – это система так называемых украшательных слов – глосс: эпитетов, метафор, синекдох, метонимии [1; с. 670–671], [11]. Поэтическим языком написаны многие жанры, одним из которых является рок-поэзия.

Рок-поэзия очень неоднородна: в ней присутствует множество поэтических направлений, таких как лирический рок, поп-рок, классический рок и т.п. [9]. Содержание песен не имеет единого стандарта: оно варьируется от лёгкого и непринуждённого до мрачного, глубокого и философского [9].

Одной из особенностей рок-поэзии является то, что эта «поэзия не целого произведения, а отдельной строки» [8], к которой ассоциативно притягивается система образов. Поэтические образы объединяются по эмоциональному принципу, что позволяет генерировать другие образы и ассоциации [8].

В таком ключе творит американская рок-группа Linkin Park, основанная в 1996 году под названием SuperHero. Позже они сменили название на Xero [2]. Основатели группы – «Mike» Shinoda и Bradford Philip Delson [2]. Главным поэтом группы считался Chester Charles Bennington [3]. Он вырос в непростых социальных условиях, поэтому его тексты наполнены пережитой горечью и депрессией и понятны многим людям [3]. Одним из наиболее знаменательных поэтических произведений группы является альбом «Meteora» [12]. В нём собраны следующие стихотворения: «Numb», «Somewhere I Belong», «Faint», «Breaking the Habit», «From the Inside» [12]. Основным, объединяющим моментом в них является мотив одиночества.

Мотив – «это осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности» [6], [10, с. 74].

Одиночество – это психологическое ощущение депрессии, возникающее вследствие психологического шока, характеризующееся

тревожностью [10]. Оно сильно влияет на эмоциональное состояние человека [10]. Одиночеством наполнены все песни альбома «Metemora».

Мотив одиночества выражен различными художественно-экспрессивными приёмами: В песне «Numb» [4] употребляется метафора: «Every step that I take» [4] (Каждый шаг, который я делаю), «Caught in the undertow just caught in the undertow» [4] (Я попал в ловушку, я попал в ловушку), «Has fallen apart right in front of you» [4] (Рассыпалось прямо у тебя на глазах).

В песне «Somewhere I Belong» [4] поэт использует такое средство выразительности, как лексический повтор: «I wanna heal» [4] (Я хочу вылечиться), «I want to let go of the pain I felt so long» [4] (Я хочу отпустить боль, которую чувствовал так долго), гипербола: «And I will never feel» [4] (И я никогда) «Anything else until my wounds are healed» [4] (Ничего не почувствую, пока мои раны не заживут).

В песне «Faint» [4] выявлено олицетворение: «Time won't heal this damage anymore» [4] (Время больше не излечит эти раны), лексический повтор: «I won't be ignored» [4] (Я не потерплю, чтобы меня игнорировали), литота: «I am a little bit insecure, a little unconfident » [4] (Я чувствую себя немного не в безопасности, немного неуверенным) – психологический приём, говорящий об одиночестве Я и нигде МЫ.

В песне «Breaking the Habit» [4] есть сравнение: «Memories consume like opening the wound» [4] (Воспоминанья беспокоят, как вновь открывшаяся рана).

В песне «From the Inside» [4] употребляется эпитет: «Heavy thoughts» [4] (Тяжелые мысли), метафора: «Heavy thoughts sift through dust and the lies» [4] (Тяжелые мысли просачиваются сквозь пыль и ложь), «Every time I try to make myself get back up on my feet» [4] (Каждый раз я пытаюсь заставить себя вновь встать на ноги).

Полученные данные исследования текстов песен группы Linkin Park указывают на, что в поэтическом языке преобладает метафора как наиболее подходящий художественно-экспрессивный приём для выражения чувства одиночества лирического героя.

Список литературы

1. Аристотель Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Поэтика. 830 с.
2. Википедия Linkin Park [Электронный ресурс] //URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Linkin_Park (дата обращения: 25.10.2017).

3. Краткая история группы Linkin Park [Электронный ресурс] //URL: <http://www.sogdiana.org/interesnye-fakty-mody/130-kra> (дата обращения: 09.10.2017).

4. Лингво-лаборатория <Амагальма> [Электронный ресурс] //URL: https://www.amalgama-lab.com/songs/1/linkin_park/numb... (дата обращения: 09.10.2017).

5. Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] //URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru (дата обращения: 09.10.2017).

6. Общая психология. Словарь. Под ред. А.В. Петровского [Электронный ресурс] //URL: <http://www.insai.ru/slovar/motiv>(дата обращения: 25.10.2017).

7. Поэзия [Электронный ресурс] //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Поэзия#>. D0.97.D0.BD.D0...(дата обращения: 09.10.2017).

8. Реферат на тему «Рок-поэзия» [Электронный ресурс] //URL:<http://coolreferat.com/Рок-поэзия> (дата обращения: 09.10.2017).

9. Рок-музыка [Электронный ресурс] //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рок-музыка> (дата обращения: 09.10.2017).

10. Сахарова Н. Г, Кошелева К. А. Мотив разочарования в блюз поэзии и способы его выражения // Проблемы лингвистических и межкультурной коммуникации. М.: изд-во МГОУ, 2016. С. 74–84.

11. Сахарова Н. Г. Образная речь американского блюза: монография, М.: Спутник +, 2008, 197 с.

12. Словарь практического психолога [Электронный ресурс] //URL: <https://psychology.academic.ru> (дата обращения: 25.10.2017).

13. Толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс] //URL: <http://jiport.com/?sname=efr> (дата обращения: 02.11.2017).

14. Meteora [Электронный ресурс] //URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Meteora> (дата обращения: 09.10.2017).

Белова В.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Освоение языка и культуры с помощью студенческой программы Work and Travel

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы теории языка и межкультурной коммуникации как основы обучения иностранному языку. Проводится

анализ социолингвистических опросов студентов, анализ различий в культуре России и США, анализ явлений, вызвавших языковой барьер, сопоставление некоторых аспектов британского и американского вариантов английского языка на примере программы work and travel.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковой барьер, культурный шок, языковая адаптация, лингвокультурология.

V. Belova

Moscow Region State University (Moscow)

Study of language and culture with the help of Work and Travel program

Abstract. The paper discusses problems of language theory and intercultural communication as the basis of studying a foreign language. An analysis is presented of the sociolinguistic surveys of students, the differences in the culture of Russia and the United States, and the phenomena that result in a language barrier. Some aspects of British and American variants of the English language are compared on the example of the Work and Travel program.

Keywords: intercultural communication, language barrier, culture shock, language adaptation, linguoculturology.

В современном обществе происходит сближение и рост взаимосвязей наций и государств. Развивается торговля между странами, ведение бизнеса за границей. Это способствует возникновению все большей потребности в специалистах, владеющих одним или несколькими иностранными языками, способных к взаимодействию в различных сферах жизни человека. Для развития необходимых навыков нужны не только знания иностранных языков, но и культурных особенностей другой страны. Именно для этого во многих странах существуют учреждения, прежде всего, высшие учебные заведения, различные школы и курсы по подготовке специалистов в области межкультурной коммуникации. Для того чтобы специалист отвечал заданным требованиям, помимо изучения иностранного языка, необходимо освоение традиций, культуры другой страны и практическая отработка полученных знаний, в частности, с помощью различных программ по обмену студентами. Одной из таких студенческих программ является Work and travel USA.

Раскрытие данной темы стоит начать с определения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации и их роли в науке. Лингвокультурология – область лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [4]. Определение межкультурной коммуникации очевидно из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры. Межкультурная коммуникация

изучает и анализирует не только отношения и общения между двумя отдельно взятыми представителями разных культур, но и взаимоотношения культур между странами, народами и нациями. Она играет немаловажную роль в процессе обучения иностранному языку. Чтобы она состоялась, следует не только хорошо владеть иностранным языком, но и правильно понимать национальную культуру страны изучаемого языка, менталитет носителей этого языка, особенности их повседневной жизни, традиции, обычаи как в вербальном, так и в невербальном плане. Обычаи, традиции – это неотъемлемая часть духовной культуры каждого народа. Как промежуточное звено они находят свое выражение в акте коммуникации в речевых интенциях, например, в поздравлениях или в невербальных средствах, выражающих традиционные нормы поведения в определенной ситуации [5].

При рассмотрении межкультурной коммуникации как основы обучения иностранному языку было выделено современные принципы обучения:

- 1) обучение в контексте диалога культур и цивилизаций
- 2) иноязычное коммуникативное развитие студентов в единстве с их когнитивным и эмоционально-эстетическим развитием
- 3) функционально-адекватные иноязычные аутентичные материалы
- 4) взаимосвязанное обучение основным видам речевой деятельности,
- 5) учет возрастных интересов и профессионально ориентированных потребностей обучаемых в межкультурном общении,
- 6) интенсификация учебного иноязычного общения,
- 7) обеспечение дидактических условий для самообразования студентов при изучении иностранного языка [5].

Нами были рассмотрены концепция обучения по Л. Выготскому, методики обучения Г. В. Роговой и И. Н. Верещагиной, которые представляют собой целый комплекс практических, воспитательных, образовательных и развивающих аспектов, тесно связанные между собой. При рассмотрении современных принципов обучения иностранному языку было установлено, что основным способом овладения и усвоения языка является коммуникативный. Таким образом, при правильной мотивации, создании ситуаций обучающийся будет общаться на иностранном языке, развивая свой словарный запас и восприятие иностранной речи, что позволит повысить уровень знаний изучаемого языка. Создать правильную мотивацию и ситуацию можно с помощью непосредственного общения с

носителями языка. Одним из самых простых способов, а в данный момент ещё и популярным, являются поездки по различным программам студенческого обмена. Для анализа нами была выбрана программа Work and Travel. Были разработаны и проведены социолингвистические опросы с теми студентами, кто не проходил участие в программе, и с теми, кто уже принимал в ней участие. В опросах приняли 50 студентов из разных стран от 18 до 23 лет. По итогам опросов можно сделать вывод, что данная программа популярна среди молодёжи, а те респонденты, которые уже принимали в ней участие, повысили свой уровень языка. Кроме того результат полученного опыта превзошел ожидания, и они с радостью готовы его повторить. Находясь в США, было интересно узнать, как американцы относятся к многочисленным иностранным студентам, работающим в их среде. С помощью интервью с американкой Кейтлин Свини удалось получить ответы на интересующие нас вопросы. Основные вопросы были связаны с проблематикой межкультурной коммуникации и интереса к другой культуре. Американцам было интересно слушать о стране и языке иностранных студентов. Некоторые из них также выразили свое восхищение смелостью иностранных студентов и решимости в одиночку посетить другую страну. Общаясь с представителями различных культур, замечая разницу культур и поведения стало понятно, что, даже находясь на другом конце земли в совершенно другой среде и культуре, можно найти людей, разделяющие твои идеи, увлечения, взгляды на жизнь.

В настоящее время вопросы, связанные с культурой, являются актуальными и приобретают повышенный интерес общества. С каждым днём всё больше и больше внимания уделяется изучению культур разных народов. Также было интересно узнать американский менталитет, их быт, особенности культуры, обычаи. Частое общение в рабочей обстановке со своими коллегами, с людьми из разных социальных слоёв общества, общение во время путешествия в разные города и разные штаты – всё это дало ценные знания и понимание особенностей культуры и языка этой страны. Находясь в чужой стране с непохожим этикетом, менталитетом, люди часто сталкиваются с таким понятием как «феномен культурного шока». Учёные-антропологи выявили целый ряд аспектов культурного шока, которые в последствие были разделены на 3 основные сферы восприятия: соматическая, психологическая и поведенческая. Также психологические симптомы условно разделили на аффективную,

регуляторную, коммуникативную и рефлексивную сферы. Некоторые из перечисленных симптомов были замечены в поездке, но, вследствие неподдельного интереса ко всему происходящему все побочные аспекты адаптации прошли. По результатам участия в программе были отмечены различия русской и американской культур. Приведем некоторые примеры различий в обычаях и традициях, ситуационного поведения американцев и русских, отмеченных нами во время работы по программе Work and travel: В российской культуре свист в помещении или в обществе является дурным тоном. У американцев свист является признаком хорошего настроения, они часто используют свист в своих фильмах, песнях. В России не принято дарить цветы с четным количеством в букете. Американцы чаще всего дарят один цветок, десятки или четное количество. В России на свой день рождения принято угощать всех приглашенных. В Америке приглашенные всегда платят за именинника. На русских праздниках традиционно звучит долгий тост с глубоким смыслом. На американских праздниках если и звучит тост, то он звучит от одного человека, и он очень короткий. Но обычно американцы не произносят их вовсе. У русских не принято показывать свои эмоции на людях и улыбаться незнакомым людям. В США, напротив, это является основной чертой их менталитета. В России принято всегда принимать гостей, накрывая стол за свой счет. В американской культуре, если человек не хочет принимать гостей у себя дома, они всё равно приходят к нему со своей пищей и накрывают стол. Также если что-то остается несъеденным, они могут забрать это с собой. В России на официальном ужине никто не будет заставлять Вас доедать за собой, если Вы насытились. В штатах не принято оставлять еду на тарелке, поэтому Вам может предложить человек, сидящий рядом, если даже вы не знакомы, «помочь» ему доесть за ним.

Все эти особенности помогают не только понять культуру Америки, но и по-новому взглянуть на традиции и обычаи своего народа.

В настоящее время, когда границы большинства государств открыты, у многих появилась возможность посетить разные страны мира. Так или иначе, первое, с чем сталкивается человек, находясь в другой стране, это языковой барьер, причины которого: 1) ограниченность или полное отсутствие разговорной практики; 2) страх совершить ошибку в сказанном; 3) нехватка активного и нужного словаря; 4) неверный подход к говорению (напр. стремление дословно переводить фразу на другой язык); 5)

трудности с произношением [1]. По прибытию в Америку языковой барьер также может возникнуть из-за специфики американского варианта английского языка. Именно в акценте проявляются наибольшие различия между британским и американским английским. Кроме акцентных различий, есть и различия в произнесении или замене определённых слов. Британский английский – Американский английский: What are talking about – Who are you talking about; Let's go – Let's roll; Police officer – Cop; To pass(exam) – To ace(exam); NO – Nope; Yes – Yep; Have got to – Gotta; Going to – Gonna; Takeaway – Take out; Post – Mail; Mark – Garde; Bil – Check; Surname – Last name; How do you do? – Howdy? Главное отличие в лексике связано с тем, что образ жизни американцев со временем стал заметно отличаться от образа жизни англичан. Этот феномен также зависит от влияния других языков (особенно испанского, французского и немецкого) на английский в Соединённых Штатах и других языков и диалектов иммигрантов. Лексические различия относятся в основном к области сленга и к тем словам нормативного языка, которые обозначают сугубо американские или сугубо британские реалии в социальной, экономической, политической, технической и других сферах. Американский английский создал тысячи слов и фраз, которые вошли как в общеанглийский (hitchhike, landslide) так и в мировой лексикон (тинейджер). В американском варианте никогда не используется форма будущего времени shall, её заменяет will или gonna. В американском языке практически не используются слова slowly и really – их заменяют slow и real.

Во время прохождения программы были обнаружены местные выражения и фразеологизмы, активно используемые в повседневной коммуникации: Buck: one dollar (один доллар); Staff (любые предметы, вещи; часто используют для обобщения чего-либо); Crash: to go to sleep (переночевать, остаться на ночлег); Give the cold shoulder: ignore (специально оставить без внимания, проигнорировать); Hang out: to gather in a casual; and social manner (болтаться без дела, «ошиваться»); Hip: cool, popular (популярный); Hold your horses: Wait a minute! («придержи коней», подождать); Burn the midnight oil: To work late into the night (работать допоздна); Costs an arm and a leg: This idiom is used when something is very expensive («стоит целое состояние»; фраза используется при оценивание чего-либо); Hit the sack / sheets / hay: To go to bed (идти спать); Off one's rocker: Crazy, demented (безрассудный, буйный, не дающий отдыха); Whole

nine yard: Everything. All of it («до конца», «целиком», «обо всём»); wouldn't be caught dead: Would never like to do something («тяжёлый на подъём»).

Необходимость изучения фразеологических единиц связана с обеспечением адекватного перевода многообразных смысловых и стилистических оттенков в коммуникативном акте. Трудность перевода фразеологических единиц имеет устойчивые причины. Главная из них в том, что фразеологическому составу каждого языка присущи специфические особенности, вследствие чего большинство оборотов одного языка не имеет равноценных соответствий во фразеологии других языков. Для передачи смысла темы беседы, настроения, отношения к тем или иным обстоятельствам используются цитаты, уместные в конкретной ситуации, пословицы, поговорки и фразеологизмы. Употребление образных выражений выделяет широко мыслящего человека, который нестандартно мыслит и имеет определенный багаж знаний. Таким образом, устойчивые выражения, фразеологизмы помогают лучше понять культуру и быт другой страны. Также они обогащают словарный запас и способствуют лучшему восприятию и пониманию иностранной речи. Правильное использование идиом, общепринятых выражений покажет собеседнику вашу заинтересованность в изучении языка и культуры этой страны.

Подводя итоги, можно сказать, что лучший способ изучения языка – это освоение культуры, особенностей и традиций страны изучаемого языка. Теория и практика межкультурной коммуникации объединяет эти два понятия, утверждая, что они неразрывно связаны между собой. Чтобы межкультурная коммуникация состоялась, следует не только хорошо владеть иностранным языком, но и правильно понимать национальную культуру страны изучаемого языка, менталитет носителей этого языка, особенности их повседневной жизни, традиции, обычаи как в вербальном, так и в невербальном плане.

Изучение иностранного языка с помощью литературы, фильмов, учебных пособий и журналов является лишь частью его освоения. Таким образом можно сделать вывод, что для полноты погружения в язык требуется непосредственное общение с носителем языка. Общение с носителем языка можно осуществить, отправившись в его среду, страну, где изучаемый язык будет основным, официальным. Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что одним из лучших методов для

изучения межкультурной коммуникации среди молодых специалистов и студентов в соотношении с доступностью являются всевозможные программы студенческого обмена. Подобные программы существуют не только для помощи в изучении иностранных языков и их культур, но и для сближения самих наций, развития толерантности и успешной межкультурной коммуникации. Данная программа помогает повысить уровень знания и владения языком, ближе познакомиться и понять культуру страны изучаемого языка, приобрести новые знакомства с представителями разных народов.

Список литературы

1. Бодалева А. А. Психология общения, 2011.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 2005.
3. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию, Волгоград, 2003.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
5. Павлова Л. П. Межкультурная коммуникация как основа обучения иностранному языку, 2004.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
7. Ярцева В. Н. Об изменении диалектной базы английского литературного языка // Труды по языкознанию. М., 1960.
8. Berry J. W. Acculturation and adaptation in a new society // International Migration. 1992.
9. Innis H. Intercultural and International Communication. Washington, D. C, 1999.

Беляев С.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Коннотативное значение в лексической системе

Аннотация. Статья носит теоретический характер и имеет своей целью обоснование лингвистической сущности коннотативных категорий, раскрытие их индивидуальности и самостоятельности. Учитывая роль коннотации в создании прагматической значимости речевых образований, языковая личность получает возможность оптимизировать своё общение с другими носителями языка, уменьшить вероятность коммуникативных ошибок.

Ключевые слова: слово, коннотация, лингвокультурологический подход.

Connotative meaning in the lexical system

Abstract. The paper is of the theoretical nature and aims at substantiating the linguistic essence of connotative categories, revealing their individuality and independence. Given the role of connotations in creating the pragmatic significance of speech patterns, the linguistic personality is able to optimize his communication with other native speakers, and to reduce the number of communicative errors.

Keywords: word, connotation, linguocultural approach.

Лексический уровень языка способен максимально полно передать национальную картину мира, отражающую коллективный этнический опыт по освоению окружающей действительности и культурного пространства. Каждый этнос делит материальный и духовный мир на определенные фрагменты, реализуемые в процессе когнитивной деятельности индивида, которые оформляются в виде концептов как единиц картины мира и вербализуются в виде слов, идиом в лексической системе языка.

Основной единицей языка является слово. По определению В.В. Виноградова, «слово как единица лексики представляет собой единство знака, т.е. звуковую и графическую его оболочку, и значение – специфическое языковое отражение действительности» [3, с. 96]. Подобное определение дают и Д.Э. Розенталь, и О.С. Ахманова: «Слово – основная кратчайшая единица языка, выражающая своим звуковым составом понятие о предмете, процессе, явлении действительности, их свойствах, отношениях между ними», в свою очередь, «значение слова – заключенный в слове смысл, содержание, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира» [2, с. 128]; «слово – это исторически сложившаяся основная единица звукового строя языка, является формой существования понятий, которые образуются как обобщенное отражение реальной действительности и закрепляются в значении слова», «значение же слова – это реализация понятия средствами языковой системы, сопровождающаяся дополнительной характеристикой, отражающей сопутствующие представления, а так же эмоциональной и стилистической окраской слова» [3, с. 53].

В языковой картине мира коннотация может делиться на конкретную коннотацию и сферу коннотации. Конкретная коннотация, или конкретное представление, возникает у говорящего и слушающего в процессе речевого

общения, а сфера коннотации есть те области, в которых языковые средства соединяются с определенным типом представлений и чувствований.

Кроме этого, коннотация несет указание на определенный тип речи, обусловленный социальными, региональными, техническими и культурными факторами. Не следует думать, что коннотация – это индивидуальное достояние отдельного человека [4]. Коннотация – это дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, накладывающиеся на основное значение, служащие для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов; они могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п. Исследование языковых функций коннотации дает возможность показать, что коннотация в большинстве своем имеет общий для носителей языка характер, это явление массового, общественного, т.е. языкового сознания

В рамках лингвокультурного подхода исследуются лексические единицы в аспекте их национально-культурной коннотации.

Согласно У. Гохуа [4], можно выделить следующие пласты.

1. Эквивалентная коннотативная лексика. Лексика, отражающая интернациональные тенденции, имеет тождественную социальную и эмоциональную значимость в двух языках. Интернациональная культура представляет собой общность культуры человечества, она формируется на основании сходного, общечеловеческого осознания окружающего мира. Именно она дает возможность обеспечить межкультурное общение разных наций. В качестве примера можно привести русские слова *голубь*, *радуга*, *левый*, *правый*, *орел*, *флюгер*, *пень*, *тварь* и такие же китайские эквиваленты. В русском языке слово *голубь* одинаково символизирует мир или стремление к миру, а *радуга* – *радость и надежду*. Слова *левый*, *правый*, кроме своей номинативной функции, приобретают общие социальные смыслы, обозначают представителей правого, левого политических направлений и течений, а также уклонов.

2. Соответственная лексика с коннотативными значениями только в одной культуре. Лексика, обозначающая предметы в двух культурах, но имеющая эмоциональные и эстетические коннотации только в одной народной культуре. Иными словами, то, что близко одной нации, чуждо другой, то, что заряжено яркими ассоциациями для одной нации, сравнительно пусто для другой. Например, русские слова *береза*, *осина*,

рябина, черемуха, фикус, калина, вишня не только обозначают предметы, но и вызывают эмоционально-этические и эстетические ассоциации у русских. К примеру, слово *береза* не столько типичное дерево русского леса, сколько символ, олицетворение Родины.

Береза имеет тесную связь с Русью, Россией, поскольку всегда играла большую роль в традиционном быте русских. Во многих стихах, художественных произведениях о Родине, победе, войне встречается символическое слово береза, например:

Я покинул родимый дом, голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грусть (С. Есенин).

Слова *рябина, черемуха, калина, вишня* часто используются в художественной литературе и народной песне, символизируют женскую любовь и любовные отношения молодых людей. Например, *рябина*: ягода рябины красного цвета, имеет терпкий вкус, но после еды во рту оставляет оскомину. Коннотация этого слова опирается на ассоциации фольклорного происхождения: идет сопоставление с чувством несчастной любви.

Слово *дуб* отличается национально-специфическим эмоциональным наполнением. Русские хорошо понимают, что слово *дуб*, кроме значения «крупное лиственное дерево», может иметь значение «тупой, нечуткий человек». Это объясняется тем, что слово *дуб*, имеющее коннотативные значения, тесно связывается с русской историей и культурой. В Древней Руси люди считали дуб священным деревом, преклонялись перед ним, просили о помощи. До сих пор на Руси крепкого, сильного человека сравнивают с этим могучим деревом, т.е. возникло переносное оценочное значение, которое сохраняется до сих пор. Несведущий человек даже представить себе не может, что этому слову придан смысл оценки человека.

Таким образом, исходя из вышеизложенных вариантов сходств или различий лексических единиц, можно сделать вывод, что своеобразие лексики, отражающей национальную культуру, заключается как в своеобразии реалий, ею передаваемых, так и в специфике культурных коннотаций. Лексика, отражающая национальную культуру в русском и китайском языках, непосредственно и прямо отражает внеязыковую действительность, фиксирует и передает от поколения к поколению особенности природы, обычаи, отношение людей к окружающему миру, общественное устройство разных стран. Поэтому для того чтобы овладеть

в совершенстве иностранным языком, надо уделять особое внимание кумулятивной функции языка наряду с усвоением знаний лингвокультурного характера.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Ахманова О. С. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании. М.: Русский язык, 1984. 176 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык // Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
4. Гохуа У. Расхождения культурных коннотаций в русских и китайских словах-реалиях: Филология. Лингвистика. Лингводидактика. М., 1995.
5. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного похода. URL: www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077.
6. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: URSS, 2005. 229 с.
7. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: URSS, 2006. 131 с.
8. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
10. Смирницкий А. И. Подробнее о теории слова и его лексико-семантических вариантах. М.: Высшая школа, 1984. 497 с.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики (номинативных единиц). М.: Наука, 1986. 143 с.

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет (Москва)

Текст, переводчик или заказчик?

(об одной дискуссионной проблеме современного переводоведения)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты тезиса о «низвержении исходного текста», получившего распространение в зарубежном и российском переводоведении последних десятилетий. Отмечается, что при определенной схожести некоторых выдвигаемых его сторонниками положений с различными известными в прошлом концепциями вольного перевода, его особенность

заключается в том, что субъективизм переводчика обосновывается волей заказчика/реципиента («потребностями и ожиданиями инициатора перевода и аудитории, для которой он предназначен»). Хотя отрицать последний момент в ряде случаев не приходится, его наличие далеко не всегда способствует достижению адекватности перевода.

Ключевые слова: оригинал, перевод, скопос-теория, заказчик, текст, изменение.

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow Region State University (Moscow)

Text, translator, or client?

(about one discussion in modern translation studies)

Abstract. The paper considers some aspects of the message about “dethronization of a source text” widely used in the last decades both in Russia and abroad. It is shown that despite a definite similarity with well-known past concepts of free-rendering, it has one peculiarity, i.e., the subjectivity of the translator is motivated by the will of a client/recipient (“the demands and expectations of the initiator of the translation or its audience”). Although the latter in many cases cannot be excluded, its role in the achievement of the translation adequacy cannot always be defined as positive one.

Keywords: original, translation, skopos theory, employer, text, change.

При всем разнообразии многочисленных концепций, создававшихся (и продолжающих создаваться) более чем за два с половиной тысячелетия (если вести отсчет от древнеримской традиции) переводческой мысли, в конечном итоге практически любая из них покоилась на своего рода «трех китах» – исходном тексте, который предстояло передать, личности переводчика, который осуществлял передачу, и – *last but not least* – читателя (реального или – при переводе «для себя» – воображаемого), для которого перевод предназначался. Во многих случаях (а при профессиональном занятии последним – в подавляющем их большинстве) подразумевалось, естественно, и наличие «четвертого кита» – заказчика, редактора, издателя и т.п., от которого переводчик зачастую весьма сильно зависел (в том числе, и в материальном плане), однако оно обычно именно «подразумевалось», не включаясь в собственно теоретические рассуждения. Дискуссия шла, как правило, по принципу, сформулированному еще в начале XIX в. Ф. Д. Шлейермахером («оставлять в покое автора и приближать к нему читателя/оставлять в покое читателя и приближать к нему автора»), дополняясь спорами о степени самостоятельности самого переводчика (от «раба» до

«соперника»). Но при всем различии высказывавшихся на сей счет суждений, «точкой отсчета» в любом случае служил исходный текст.

В этом плане получившая весьма широкую (хотя и неоднозначную) известность скопос-теория, предложенная в 80-е гг. прошлого века немецкими переводоведами К. Райс и Х. Вермеером и получившая за последние десятилетия (в том числе и в нашей стране) достаточно широкое распространение¹, действительно в определенной степени может претендовать на своего рода «смену вех» в системе приоритетов нашей дисциплины, провозгласив лозунг «свержения исходного текста» и выдвинув положение, согласно которому о читателе следует говорить «как о заказчике, который будет использовать перевод определенным образом, и именно это определяет требования к переводу <...> При выборе стратегии важнейшую роль играет инициатор или заказчик, то есть человек или организация, которые, собственно, и пожелали получить перевод данного текста на данный язык, очевидно для достижения определенной цели» [2, с. 90], поскольку «перевод всегда осуществляется в интересах определенного лица или органа, всегда определенным образом используется им и, таким образом, должен соответствовать определенным ожиданиям и требованиям инициатора/получателя перевода» [7, с. 13–14]. Само понятие «текстоцентричности» приобретает в трудах приверженцев скопос-теории явно негативный характер: «Текстоцентрическому подходу к изучению и осуществлению перевода противостоит коммуникативно-функциональный подход... мы полностью солидаризируемся с концепцией К. Райс и Г. Фермера, разработавшими «скопос-теорию», столь непопулярную как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении², но, по нашему мнению, точно раскрывающую суть и характер профессиональной переводческой деятельности» [6].

О том, к чему последовательная реализация подобного подхода по отношению к оригиналу может в принципе привести, довольно точно высказалась одна из ведущих представителей данного течения К. Норд, отмечавшая, что она будет означать произвольное манипулирование последним: *“Indeed, the basic principle of Skopos theory is ‘the translation purpose justifies the translation procedures’, and this sounds very much like ‘the*

---

¹ Подробный ее анализ можно найти в [5, с. 162-179].

² Отметим, что постулат о «непопулярности» данной концепции несколько противоречит наличествующему у автора процитированного утверждения тезису, согласно которому отстаиваемый им подход «сейчас уже уверенно определяет направленность многих переводоведческих исследований» [6].

end justifies the means'. As such, there would be no restriction to the range of possible ends; the source text could be manipulated as clients (or translators) saw fit" [9, p. 117]. Правда, для ограничения указанного «манипулирования» исследовательница использует понятие, обозначаемое лексемой *loyalty*³. Однако трактуется оно опять-таки исходя из неких «коммуникативных потребностей» заказчика и потребителя, причем – что особенно заслуживает внимания – последние (до того как исполнитель заказа их «просветит») – могут (как, впрочем, и сам автор исходного текста) и не понимать в должной мере того, каковы же эти потребности: “*If authors can be sure that translators will respect their communicative interests or intentions, they may even consent to any changes or adaptations needed to make the translation work in the target culture. And if clients or receivers can be sure that the translator will consider their communicative needs as well, they may even accept a translation that is different from what they had expected*” [8, p. 117].

На уязвимость подобной позиции обращали внимание и достаточно благожелательно настроенные к данной концепции исследователи. Так, отмечая, что критики скопос-теории, «говорили едва ли не хором... о том, что теория скопоса приводит к своего рода сервизму перед клиентом: что он закажет, то и подаст ему переводчик, как официант в кафе, а уж дальше он сам решает, что делать с блюдом»⁴, и признавая, что «при таком радикальном подходе, как у Фермеера, этот упрек выглядит вполне справедливо», – А. С. Десницкий указывает, что «именно в связи с этим Норд ввела понятие *верности* или *лояльности* переводчика», признавая тем самым, что «верность все же должна быть двусторонней: и по

---

³ Отметим, что в отечественной литературе это слово часто понимается как синоним «верности» и именно последнее обозначение применяется для его передачи: «Свой подход она (К. Норд – И. Б., Г. Х.) определяет как «функциональность и верность» (нем. Funktionsgerechtigkeit und *Loyalität*, англ. Function plus loyalty)» [2, с. 94]. Однако нам представляется более оправданным сохранить авторское слово *лояльность*, поскольку последняя в понимании К. Норд противопоставляется *верности* (*fidelity*), носящей лингвостилистический характер (степень близости исходного и переводного текста) безотносительно к коммуникативным намерениям и ожиданиям: “As an interpersonal category referring to a social relationship between people who expect not to be treated in unfair ways in the process, loyalty may replace the traditional intertextual relationship of “fidelity”, a concept that usually refers to a linguistic or stylistic similarity between the source and the target texts, regardless of the communicative intentions and/or expectations involved” [9, p. 118]. Используя приведенную выше терминологию, можно сказать, что собственно *верность* в трактовке К. Норд является чисто «текстоцентрическим» понятием.

⁴ Ср. в этой связи слова Р. Р. Чайковского: «Подчинение идеи примата исходного текста идее квазипервичности переводного текста, на наш взгляд, низводит перевод до положения услуги в сфере обслуживания с её принципом: «Чего изволите?» или «Клиент всегда прав»» [8, с. 16].

отношению к автору, и по отношению к читателю» [2, с. 94]. Однако, как видно из приведенного выше фрагмента, упомянутая «двусторонность» носит достаточно «односторонний» характер (приносим извинение за невольный каламбур!), поскольку исходит не из реального текста, а из неких «намерений» автора, как их понимает исполнитель перевода. Отметим, что, несмотря на явно положительное отношение к рассматриваемой концепции, эту уязвимость признает и А. С. Десницкий: «В случае, когда автор жив, всегда можно проконсультроваться с ним и получить его одобрение или, напротив, вето на публикацию перевода. Но если он давно умер, а порой и неизвестен, насколько можем быть мы уверены, что наш перевод совместим с его намерениями? Норд, к сожалению, не отвечает на такой сложный вопрос, но в целом ее подход представляется вполне разумным» [2, с. 95]. Впрочем, дальше следует характерная оговорка: «При этом само понятие лояльности не столько снимает возможные вопросы к переводу, сколько увеличивает их число: насколько лоялен данный перевод, кто определяет эту лояльность, в чем именно она выражается? Однозначных и легко формализуемых ответов тут, по-видимому, не существует» [2, с. 95].

Вообще, в связи со ссылками на «намерения» автора невольно вспоминаются многократно высмеянные и пародированные школьные учебники литературы советской эпохи с их традиционным вопросом: «Что хотел автор сказать таким-то произведением?», причем, естественно, оказывалось, что классик «хотел сказать» именно то, что предписывалось тогдашними идеологическими установками, хотя бы они, мягко говоря, не вполне соответствовали самому тексту. Более того, известные в истории перевода и не столь уж редкие случаи, когда вносимые в передаваемое произведение изменения, явно вынужденные цензурными или подобными им «внешними» моментами (например, устранение из предназначенных для юных читателей советских изданий переводов сказок Андерсена религиозных мотивов), в принципе, тоже могут быть квалифицированы не как искажение, а как выполнение «воли заказчика» (что полностью соответствовало истине, поскольку таковым могло быть только государство в лице издательства), и более того – как «соответствие ожиданиям аудитории» (поскольку подавляющее большинство советских детей получало все-таки атеистическое воспитание). При некотором усилии можно было даже как-то согласовать их с «намерениями автора» – писатель-де «намеревался» воспеть верность, дружбу и отвагу юной

героини, а в переводе это и передано в той форме, которая соответствует – используем процитированную выше формулировку – «определенным ожиданиям и требованиям инициатора/получателя перевода». Не говорим уже о том, что «намерения» автора и их реальное воплощение в тексте могут и не вполне совпадать. Как известно, библейский прорицатель Валаам намеревался проклясть израильтян, а в результате, по Божьей воле, трижды их благословил. Однако, если воспользоваться по отношению к постулатам рассматриваемой теории известным приемом *reductio ad absurdum*, можно было бы, пожалуй, оправдать переводчика (буде таковой бы существовал) из какого-либо враждебного израильтянам племени, который бы «перевел» слова незадачливого предсказателя в соответствии с упомянутыми «намерениями автора и ожиданиями заказчика и аудитории»...

О критических замечаниях по адресу скопос-теории достаточно много писали. В отечественном переводоведении, как отмечалось выше, одним из ее наиболее последовательных оппонентов можно считать Р. Р. Чайковского (см., в частности, [8]). Нам бы хотелось, однако, остановиться на несколько иной стороне вопроса. Как отмечалось выше, новизну скопос-теории усматривают, в частности, в том, что «детронизация» исходного текста в ней обосновывается, в первую очередь, требованиями или (как более сдержанно выражаются ее представители) «коммуникативными потребностями» заказчика (которые, как мы видели, согласно адептам данной концепции, могут последним и не сознаваться). Однако сама по себе идея «примата» перевода над оригиналом, как известно, не нова. Достаточно ярко проявилась она в тех концепциях, в которых на передний план выдвигалось понятие идеала – рационального, как в классицизме, или интуитивного, как в романтизме. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, при всей полярной противоположности упомянутых направлений, в обоих случаях отношение к исходному тексту зависело от того, совпадает он или нет с соответствующим идеалом, как его понимал переводчик. В этом отношении встречающееся иногда прямолинейное противопоставление «вольного» метода первого «буквальной» (или «верной» – в зависимости от симпатий пишущего) манере второго, на наш взгляд, несколько упрощает вопрос: классицисты, если произведение соответствовало их идеалу, могли *субъективно* стремиться к максимально точному его воспроизведению (другой вопрос, насколько это в конкретном случае

удавалось им *объективно*)⁵, а романтики, в свою очередь, – вносить в переводимый текст то, чего, по их мнению, последнему недоставало (характерно, что такой теоретик романтического перевода, как Новалис, вообще выводил «переводы в обычном смысле слова», названные им «грамматическими», из сферы искусства, отводя наиболее высокое (и пока недостижимое) место передающим идеал «мифическим» переводам, а крупнейший русский поэт-романтик считал переводчика поэзии «соперником» автора). Разумеется, оглядка на аудиторию тоже имела место и порой провозглашалась вполне открыто – достаточно вспомнить известный лозунг, высказывавшийся некоторыми французскими переводчиками-классицистами: *plaire au lecteur et perfectionner son auteur* («угождать читателю и совершенствовать автора»); однако на передний план меркантильный момент, во всяком случае, в теоретических декларациях, все же обычно не выдвигался.

Ближайшим же предшественником скопос-теории в ее отношении к роли исходного текста, вероятно, можно с полным основанием считать известную концепцию «динамической эквивалентности». Подобное утверждение, на первый взгляд, представляется не слишком корректным, учитывая, что появилась скопос-теория в значительной степени как реакция на эту последнюю, а различия в упомянутых подходах не раз достаточно подробно анализировались в специальной литературе (в качестве примера можно назвать цитируемую выше монографию А. С. Десницкого, где представлена таблица, наглядно демонстрирующая основные расхождения между ними). Отрицать отмеченное несходство, конечно, не приходится, однако результат – пренебрежение тем, *что и как* сказано в исходном тексте можно обнаружить в обоих случаях, хотя в первом оно вызвано принципом, согласно которому «эффект, произведенный переводом на читателя, должен совпадать с эффектом, произведенным оригиналом на изначального читателя», а во втором –

---

⁵ Ср. относящееся еще к двадцатым годам прошлого века замечание Г. А. Гуковского: «...если текст представлялся переводчику абсолютно совершенным, достигшим степени единственного прекрасного разрешения данной эстетической задачи, – переводчик относился к нему с величайшей бережностью, с несколько даже рабской покорностью следуя оригиналу; он усердно старался передать его слово в слово, если это были стихи – стих в стих. Так, например, Сумароков, переводя отрывки из Расина, именно – наилучшие, по его мнению, отрывки, такие, которые он признавал абсолютно совершенными, передавал смысл каждого стиха в соответственном стихе, не больше и не меньше (при этом женский стих соответствовал женскому, а мужской мужскому), не оставлял почти ни одной словесной детали стиха без перевода и создал таким образом удивительный образец точнейшей передачи иностранного текста на свой язык (конечно, при этом все же получились произведения чисто сумароковские и вовсе непохожие на Расина в плане общей художественной системы)» [1, с. 272].

положением о том, что «переводчик должен стремиться к эффекту, который соответствовал бы его функции в читательской аудитории» [2, с. 92]. Здесь опять-таки можно провести аналогию с оппозицией «классицизм/романтизм» по отношению к творчеству В. А. Жуковского, о чем более полувека назад (задолго до появления скопос-теории, да и до выхода в свет основных работ Ю. Найды с обоснованием принципа динамической эквивалентности) писал Ю. Д. Левин: «Как ни парадоксально это может показаться, но Жуковский – основоположник русского романтизма – в декларировавшихся им принципах перевода... приближался к позициям классицизма... Правда, переводчик-классицист стремился в переводе возвести произведение к эстетическому идеалу, который он считал объективным. Для романтика Жуковского идеал мог быть только субъективным. Но это было различие в понимании идеала, а не в принципах перевода» [4, с. 24].

Завершая наш разговор, позволим себе заметить следующее. В статье, на которую нам выше приходилось ссылаться, Р. Р. Чайковский определяет скопос-теорию как «засохшую ветвь переводоведческой науки» [8, с. 16]. Более благожелательно отозвался о ней в свое время один из крупнейших отечественных специалистов в области теории и практики перевода В.Н. Комиссаров, указав вместе с тем на ее ограниченность: «Разработка скопос-теории представляет несомненный вклад в современное переводоведение. Она открывает новое направление исследований, охватывает весь спектр функций, выполняемых переводчиком, ставит задачу описания различных целей переводческой деятельности, подчеркивает важность и престижность работы переводчика. Вместе с тем обобщенное рассмотрение всех видов языкового посредничества не устраняет необходимость специального научного анализа наиболее сложного и важного аспекта разнообразной деятельности переводчика – осуществления *«собственно перевода», имеющего целью создание текста, способного полноценно заменить оригинал в процессе межъязыковой коммуникации* (курсив наш – И.Б., Г.Х.)» [3, с. 44]. Иными словами – данную концепцию не приходится рассматривать как в полной мере имеющую отношение к тому, что исследователь называет «собственно переводом», чем, на наш взгляд, и должно определяться отводимое ей место в истории переводческой мысли.

Список литературы

1. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (состояния и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. ст. В. М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 251–276.
2. Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 432 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
4. Левин Ю. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. С. 5–63
5. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. 511 с.
6. Сдобников В. В. Инвариант перевода: миф или реальность? Электронный ресурс. URL // Режим доступа: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/sdobnikov_v._v.-invariant_perevoda-mif_ili_realnost.pdf. Дата обращения 30.07.2017.
7. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. Автореферат <...> доктора филол. наук. М., 2016. 48 с.
8. Чайковский Р. Р. Свет и тени российского переводоведения. // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. № 4. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 5–25.
9. Nord С. Jack of All Trades, Master of None? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. С. 114–121.

Беляева И.Г.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Особенности эпиграфического текста и дискурса

Аннотация. В данной статье автор рассматривает одну из спорных и неоднозначных проблем лингвистики, которая касается определения текста и дискурса на примере соотношения эпиграфического текста и такого ещё мало исследованного явления как эпиграфический дискурс.

Ключевые слова: эпитафический текст, эпитафический дискурс, креолизованный текст, креолизованный дискурс, литературный эпитаф, флэш-эпитаф.

I. Belyaeva

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Peculiarities of epigraphical text and discourse

Abstract. The paper considers one of the most controversial problems in linguistics, i.e. definition of a text and discourse by the example of correlation between an epigraphical text and such a scarcely investigated phenomenon as epigraphical discourse.

Keywords: epigraphical text, epigraphical discourse, creolized text, creolized discourse, literary epigraph, flash-epigraph.

Термин «эпитаф» многозначен. Это может быть: 1) надпись на каком – либо памятнике; 2) фраза (часто – цитата), помещаемая в заголовке всего сочинения или перед отдельным его разделом (...) [7, с. 816]. В данной статье рассматривается эпитаф во втором значении, поэтому целесообразно называть такие эпитафы литературными, во избежание двусмысленности.

Под эпитафическим текстом в данной работе понимается текст, соотносящийся с письменной, как естественной, так и искусственной формами речи. Эпитафическими текстами естественной формы письменной речи являются частные письма, дневники, предварённые литературными эпитафами. Литературные эпитафы также ставятся и перед искусственной формой письменной речи, например, докладами, рефератами, диссертациями. В научной литературе эпитафический текст рассматривается обычно только с позиций текста, так как литературный эпитаф, который как литературный приём существовал уже в 15 веке, предварял в то время исключительно письменные тексты на бумажном носителе, что было обусловлено уровнем технического развития на тот момент. Первым эпитафическим текстом считается перевод трактата Петрарки, так как эпитафы были поставлены к нему не самим автором этого трактата, а гораздо позже известным в то время поэтом и переводчиком Иоганном Пинитианом.

С появлением принципиально новых источников информации расширилась и сфера применения литературных эпитафов. «Несомненно, одним из важнейших каналов информации в наше время является Интернет» [5, с. 41]. Если раньше преобладали гомогенно-вербальные эпитафические тексты, то сейчас, с появлением новых технических

средств и стремлением визуализировать информацию для лучшего её восприятия, доля эпиграфических креолизованных текстов стала увеличиваться. Это не только семиотически обогащённые тексты, например, с иллюстрациями, но и эпиграфические тексты на различных сайтах, где креолизация выше, чем в иллюстрированных текстах. Например, на одной из страниц кафедры немецкого языка МГИМО, на веб-странице «Наши учителя» [Электронный ресурс], посвящённой преподавателям, работавшим раньше в этом вузе, в качестве эпиграфа выбраны строчки из песни известного русского поэта:

Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера.

Н. Добронравов

Кроме того, теперь литературные эпиграфы предваряют не только тексты с преобладанием «сложных синтаксических структур книжно-письменной речи» [6, с. 219], но и дискурсы, под которыми в данной статье понимается только устная форма речи, включающая соответствующие «интенциям паралингвистические формы сопровождения речи» [8, с. 155]. Это уроки в школе, лекции, доклады, публичные выступления, презентации. Эпиграфический дискурс – это сочетание вербальных средств с невербальными и паравербальными, дающий большой простор «для выражения разных оттенков субъективной модальности» [2, с. 75], способствующих «интерпретации имплицитного смысла высказывания» [1, с. 8]. Невербальными средствами, присущими эпиграфическим текстам, являются кинесика, сенсорика, проксемика, хронемика. Паравербальными средствами, свойственными эпиграфическим текстам, являются скорость речи, громкость, артикуляция, высоты голоса, режим речи. Формально в дискурсе литературный эпиграф существует ровно столько, сколько литературный эпиграф звучит в речи. На самом деле литературный эпиграф как приём рассчитан на то, чтобы оказывать влияние на восприятие дискурса на всей его продолжительности. Правда в дискурсивном эпиграфическом тексте литературный эпиграф может быть написан, например, на доске. Литературные эпиграфы содержат также кинодискурсы, под которыми понимают «сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами –

аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [4]. Эпиграфическим кинодискурсом является, например, фильм «Гений» 1991 года:

«Гений» – незримый,
Бесплотный дух
Добра или зла.

В.И. Даль

Большое распространение в последнее время получили флэш-эпиграфы, то есть литературные эпиграфы, содержащие благодаря Flash-технологии (технологии интерактивной веб-анимации) флэш – объекты.

Вопрос, что относить к эпиграфическим текстам, а что к дискурсам до сих пор остаётся открытым. Если исходить из позиции, например, А. М. Дымарского, который отмечал, что существование «дискурса вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает» [3] невозможно, то урок, предварённый литературным эпиграфом, который записан на видео – или аудионосители, а также фильм или информация на веб-сайте с флэш-эпиграфом становится эпиграфическим текстом с вербальной и невербальной семиотическими системами. Исключение могли бы составить страницы веб-сайта с обновляющимися флэш-эпиграфами в зависимости, например, от времени суток, но сама информация на странице сайта при этом часто длительное время остаётся неизменной. В таком случае данное явление может послужить примером сочетания дискурса и текста в едином информационном поле.

Список литературы

1. Гусаров Д. А. К вопросу об иллокутивной силе высказывания / Д. А. Гусаров // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы I международной научно-практической конференции, г. Нижний Новгород, 30 сентября 2016 г. Нижний Новгород, 2016. С. 7–10.

2. Дорохова Ю. Э. Двухязычная лексикография и перевод // Язык как система и деятельность – 4. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Введенской. Ростов-на-Дону: Foundation, 2013. С. 73–78.

3. Дымарский М. М. Deus ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива. Режим доступа:

<https://profilib.com/chtenie/88146/a-dolinin-vladimir-nabokov-pro-et-contra-t2-lib-45.php>

4. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-podteksta-v-kinodiskurse>

5. Мюллер Ю. Э. Портрет мигранта в русскоязычном сегменте интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М. 2015. № 23. С. 41–45.

6. Мюллер Ю. Э. Контрастивное страноведение в системе высшего образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(2)-69. С. 218–220.

7. Словарь иностранных слов. / Под ред. И. В. Лёхина и прф. Ф. Н. Петрова. М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954.

8. Ширяева Н. В. Ментальное и эмоциональное восприятие комических текстов посредством активизации целевых лингвокогнитивных механизмов в обиходно-разговорном и игровом дискурсах / Н. В. Ширяева // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе=LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP and STST): материалы ежегодной международной конференции: (сборн. науч. ст.). РУДН. Москва, 15–17 апреля 2015 г., С. 151–156. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/study/faculty/mo/knem/docs/guru>.

Беляева М.В.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Понятие нулевой единицы и выделение нулевых единиц в устном дискурсе на немецком языке

Аннотация. Статья посвящена возможности выделения нулевых единиц в устном дискурсе на немецком языке, описанию функциональных возможностей таких единиц. Нулевые единицы являются специфическим средством реализации лексико-грамматического аспекта устного дискурса.

Ключевые слова: нулевая единица, устный дискурс, грамматическая тенденция.

Concept of zero units and allocation of zero units in oral discourse in German

Abstract. The paper is devoted to the possibility of allocating zero units of oral discourse in German and to the description of the functionality of such units. Zero units are a specific means of realizing the lexico-grammatical aspect of oral discourse.

Keywords: zero unit, oral discourse, grammar trend.

Впервые о нулевой единице в теории языка заговорил И. А. Бодуэн де Куртенэ, открыв и описав нулевое окончание и нулевой суффикс в русском языке [5, с. 314–315]. В своей работе ученый показал, что существуют морфемы, лишённые «тела», т.е. произносительно-слухового состава, но представляющие собой «душу», т.е. ассоциируемые с известными морфологическими и семасиологическими представлениями. В открытие нулевых единиц внесли свой вклад и другие крупные лингвисты XX века, такие, как Ш. Балли и Р. Якобсон. Нельзя не отметить, что как «все дороги ведут в Рим», так и большинство лингвистических идей берут свое начало в трудах Ф. де Соссюра. Как подчеркнул Р.О. Якобсон, рассматривая отдельные нулевые единицы в грамматике, синтаксисе и стилистике русского языка, толчок развитию данной идеи дал именно Ф. де Соссюр, отметив, что наличие признака противопоставлено его отсутствию [9, с. 222]. Идея «нуля» была озвучена и в американской лингвистике применительно к понятию категория; так, Н. Хомский отметил наличие нулевой категории в грамматике (*empty category*) [11].

Открытие нулевых единиц в русском языке было продолжено в работах целого ряда ученых-лингвистов [3, 6, 7 и др.]. Таким образом очевиден тот факт, что проблема нулевых единиц отчетливо сформулирована; нулевые единицы обнаруживаются на уровне системы языка и на уровне дискурса. Дискурс как объект лингвистического исследования интересен с различных позиций: вербализации смыслов – лингвокультурологических концептов [8], теории номинации [1], переводческой деятельности [4], но и его лексико-грамматической реализации, в том числе с помощью нулевых единиц.

Наличие нулевых единиц в немецком языке было открыто также достаточно давно. В своей работе «Количественность в языковом мышлении» И. А. Бодуэн де Куртенэ ссылается на статью Яна Розвадского «Количественный закон языкового развития» (*Ein quantitatives Gesetz der*

Sprachentwicklung), вышедшую в 1909 году и подкрепляющую его собственные выводы примерами из немецкого языка. Получается, что и в немецком языке о проблеме языкового нуля заговорили уже в начале XX века. Закон количественности, известный в математике, определенным образом работает в языке. Закон физического мира, гласящий, что материя ниоткуда не возникает и никуда бесследно не исчезает, видимо, приложим и к жизни языка в целом. В применении к жизни языка этот физический закон следует понимать таким образом, что языковые знаки, обретая свою реальную жизнь в речи (устном дискурсе), реализуют план содержания в речевой ситуации, а план выражения – в нулевой единице.

Размышляя о нашей речемыслительной деятельности и использовании языковых знаков для осуществления коммуникации, мы можем прийти к весьма смелой догадке, что «языковой» нуль может стать ответом на целый ряд вопросов, в частности, он может стать критерием соотношения вербального и невербального в коммуникативном взаимодействии.

Можно сформулировать гипотезу о том, что тенденция к использованию нулевой языковой единицы как средства структурно-синтаксической организации высказываний проявляется в речи в различной степени в качестве признака устного дискурса: чем больше в структуре высказывания «нулей», тем выше степень опоры на внелингвистический контекст.

Не заостряя внимание на существовании грамматического нуля как специальной языковой единицы, лингвисты, тем не менее, подтверждали и подтверждают его существование как равноправной языковой единицы в системе любых «лингвистических координат», изучая отсутствие артикля (нулевой артикль) перед существительным в немецком языке, способы образования множественного числа у целого ряда немецких имен существительных мужского и среднего рода лишь с помощью артикля, имплицитные компоненты синтаксических построений, компрессию как синтаксическое явление, опущение и пропуски структурных звеньев, бессоюзный тип соединения предикативных единиц в одно целое сложное предложение.

Если использовать принцип системности, при котором можно легко восстановить пропущенные звенья, то в синтаксисе немецкого языка можно выделить достаточно много нулевых единиц. Предпосылки для обнаружения нулевых единиц системно заложены в грамматике немецкого

языка. Анализируя грамматические тенденции, мы будем пользоваться понятием «предложение», поскольку речь идет о предложениях-высказываниях, основанных на реализации структурных схем языка. Так, основным типом синтаксического построения немецкого языка признается двусоставное, номинативное, глагольное предложение, иными словами, для немецкого языка типична двусоставная структура предложения, которая включает подлежащее и сказуемое как грамматический каркас. Односоставность структуры, однако, возможна, но понимается как некое отклонение, тем не менее, признаваемое нормой для предложений в том случае, если она обусловлена спецификой коммуникативной ситуации.

Тенденция к сохранению двусоставности в структуре предложения является одной из важных характеристик коммуникативного стиля немецкого языка. Как показал В. Г. Адмони, структура немецкого предложения позволяет отказаться от «нормальной» формы [2], но сохраняет, однако, приоритет структурно-организующей тенденции в синтаксисе немецкого языка, выражающейся в сохранении двусоставности с помощью формальной морфемы «es». Предложения-высказывания типа: Feuer! Schön! он интерпретирует через перефразы, прибегая к полносоставной структуре.

Можно и по-другому подойти к односоставным предложениям такого рода, функционирующим и в устном дискурсе: члены синтаксической структуры, информативно менее значимые, получают нулевое материальное выражение, и структура приобретает следующий вид: 0+0+schön! 0+0+Feuer! При этом нулевые единицы семантически не пустые, т.к. их содержание присутствует в невербальном контексте, системно восстанавливается «на фоне» предложений с материально выраженными синтаксическими элементами. Сравним: Es ist schön! Da ist/es ist Feuer!

Известным примером для выделения нулевой языковой единицы в синтаксисе могут служить и конструкции типа Träume – Schäume, Ein Mann – ein Wort (пословицы), в которых не вербализирован глагол-связка, в таком случае невербализованный элемент приобретает статус нулевой синтаксической единицы, хорошо осознаваемой на фоне как бы «нормальных» в синтаксическом плане предложений с материализованными сказуемыми. В. Г. Адмони справедливо видит причины отклонений от обязательной для немецкого предложения двусоставности, номинативности и глагольности в воздействии целого

ряда факторов, связанных с синтагматикой устной, разговорной речи. От этого остается один лишь шаг до осознания в системном плане нулевой синтаксической единицы, ее назначения и синтаксической роли.

Нулевая единица представляется нам тем самым звеном, которое могло бы «примирить» систематику языка и его синтагматику, т.е. способствовало бы выстраиванию теории употреблений в синтаксисе устного дискурса.

Когда говорят об участии внелингвистического контекста в организации устных разговорных высказываний, остается неясным, каким образом лингвистическое и внелингвистическое взаимодействуют друг с другом, на каком уровне и по какому принципу. Введение понятия нулевой единицы (нулевого компонента) в систему описания синтаксических устных построений дает ответ на наш вопрос о взаимодействии разноуровневых величин. Включение невербального компонента в вербальный контекст происходит через нулевые грамматические или синтагматические единицы, и таким образом обнаруживается как бы пропавшее звено в системном описании синтаксических построений устного дискурса.

Выстраиванию нашей концепции в отношении значимости нулевых единиц помогает также теория валентности.

В широком смысле валентность понимается как сочетаемость элементов одного уровня: морфологического, лексического или синтаксического. В узком смысле валентность представляет собой способность значений, структурированных определенным образом, диагностировать свое минимальное семантико-синтаксическое окружение. Таким образом, валентность – это особый случай семантической комбинаторики, и такое понимание сочетаемости в немецкой грамматике имеет свои истоки в классических работах Х. Пауля, О. Бехагеля, К. Бюлера.

В этой вполне развитой лингвистической концепции остается место для инновации. Так, актанты, замещающие вакантные позиции, могут быть и нулевыми единицами, чему в устном дискурсе более чем достаточно примеров (Mutter bäckt; Öffnen Sie!). Комментируя такие факты, Й. Эрбен подчеркивает, что практика редукции актанта (т.е. нулевое его выражение – в нашей интерпретации) осуществляется под прагматическим углом зрения: редукции подвергаются семантически более частотные актанты,

т.е. именно те актанты, которые как бы присутствуют в ситуации общения [11, с. 69].

Следующая предпосылка для обращения к нулевым синтаксическим единицам возникает, если мы обратимся к теории эллипсиса. В грамматике немецкого языка, как правило, отдельно рассматриваются предложения неполной структуры, т.е. эллиптические предложения – эллипсисы (от греческого *elleipsis* – отсутствие, пропуск).

Традиционно эллипсис выделяется в предложении в том случае, если речь идет о системно-структурной неполноте, не затрагивающей основы предложения как структурно-синтаксической единицы, обладающей свойством предикативности. В этом смысле эллиптическими являются, например, немецкие императивные предложения типа *Lies weiter! Schreibe doch bald!* и подоб.

Однако чаще всего эллиптические конструкции формально не могут быть отнесены к предложениям, поскольку в них предикативное отношение целиком имплицитруется, например: *Weg mit dir. Nur am Ende. Heute nicht.* С другой стороны, к эллипсисам традиционно причисляются в такой интерпретации бытийные и назывные предложения немецкой речи типа *Nacht und Dunkelheit. Winter: Eis und Schnee.*

Независимо от его разнообразных интерпретаций, суть эллипсиса заключается в отсутствии некоторых членов предложения, поэтому он и функционирует в системном плане только с опорой на контекст, из которого и черпает свою смысловую полноту.

Если признать, что в устном дискурсе наравне с языковыми синтагматическими единицами существуют и синтагматические единицы с нулевым планом выражения некоторых синтаксических элементов высказывания, или нулевыми компонентами, то можно значительно проще представить синтаксическую картину устного дискурса и избежать разнообразных несистемных интерпретаций синтаксических структур, содержащих имплицитные (т.е. нулевые) компоненты. Соотношение между эксплицитными и имплицитными (нулевыми) компонентами в структуре того или иного высказывания сигнализирует о степени интегрированности высказывания в коммуникативную речевую ситуацию, учитывающую паралингвистические элементы и положение вещей вокруг говорящих в целом.

Список литературы

1. Авербух К. Я. Средства специальной номинации и проблема их описания в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 237–241.
2. Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973. 175с.
3. Апресян Ю. Д. Типы синтаксического отсутствия в русском языке // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 11–113.
4. Беклемешева Н. Н. Актуальное членение высказывания в переводческой деятельности // Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. М., 2015. С. 86–142.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 311–325.
6. Киров Е. Ф. Нулевые единицы в русском языке наших дней // Активные процессы в современной грамматике: Материалы международной конференции 19–20 июня 2008 года. М. Ярославль, 2008. С.88–92.
7. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций, диатезы и залоги. Л., 1974. С. 343–360.
8. Попова Л. Г. Вербализация бережливости в немецком и английском языках (сопоставительный аспект) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 80–84.
9. Якобсон Р. Нулевой знак // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 222–230.
10. Chomsky N., Lasnik H. Syntax in generativer Grammatik // Syntax: An International Handbook of Contemporary Research / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Stermfeld, T. Venneman, ets. Berlin & New York, 1993. P. 506–569.
11. Erben J. Deutsche Syntax. Eine Einführung. – Bern [Frankfurt/Main, New York], 1984. 128 S.

Беляков М.В.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Проблема эвфимизации в открытом дипломатическом дискурсе

Аннотация. В статье рассматривается понятие дискурса открытой дипломатии, а также понятие эвфемизации, возможность и необходимость использования эвфемизмов и политкорректной лексики в выступлениях дипломатов в открытых СМИ, в частности на брифингах МИД РФ. Делается вывод о проблемах, которые может вызвать имплицитное эвфемистическое представление фактов в период обострения дипломатических отношений.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, политкорректность, эвфемизм, имплицитный, интерпретация.

M. Belaykov

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Problem of euphemisation in open diplomatic discourse

Abstract. The paper considers the notion of discourse of open diplomacy, as well as the concept of euphemisation, the possibility and necessity of using euphemisms and politically correct vocabulary in speeches of diplomats in open mass-media, in particular at briefings of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. A conclusion is made about the problems that can result from an implicit euphemistic representation of the facts during a period of aggravation of diplomatic relations.

Keywords: diplomatic discourse, political correctness, euphemism, implicit, interpretation.

В языке существует множество дискурсов, каждый из которых направлен на определенную сферу жизни и деятельности человека. Одним из особых и относительно недавно ставших доступным для исследования является открытый дипломатический дискурс. Мы определяем открытый дипломатический дискурс как коммуникативный институциональный дискурс, реализующийся в информационном пространстве и рассчитанный не на дипломатов, а на более широкий круг реципиентов, занимающихся или интересующихся международными отношениями в самом широком смысле этого слова. Особенностью данного вида дискурса, в отличие от собственно дипломатического дискурса, который можно считать гиперонимом для открытого дипломатического дискурса, является его смещение в сторону публицистического дискурса, особенно существующего в СМИ и использующего более яркие и красочные образы. Одной из первостепенных задач последнего является такое представление действительности, которое позволяет реципиентам интерпретировать предлагаемые сведения неоднозначно. Поэтому одной из прагматических

закономерностей функционирования языка открытого дипломатического дискурса по общему мнению является тенденция к эвфемизации.

Оксфордский лингвистический словарь терминов дает следующее определение эвфемизмов: «Эвфемизмами называются эмоционально нейтральные слова, а также выражения, употребленные вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Soanes, Stevenson, 2008, с. 590].

По определению Д. Н. Шмелева, эвфемизмы – это «слова и выражения, служащие в определенных условиях для замены тех обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Русский язык, 1979, с. 113].

В прагматическом плане эвфемия связывается с нарушением максимы действия (четкости и ясности изложения). Таким образом, эвфемизацию можно назвать одной из наиболее действенных стратегий затушевывания, сглаживания неприятной информации, которая дает возможность завуалировать, ослабить воздействие очевидных нежелательных фактов.

Проанализировав данные определения эвфемизмов, можно прийти к выводу, что эвфемизмы – это слова, имеющие нейтральную эмоциональную окраску, которые используются, в большинстве случаев, с целью прикрытия или замены явлений, или обозначений, которые представляются автору или обществу излишне неприятными, грубыми и нежелательными.

Явление эвфемизации наблюдается и в различных сферах социальной жизни человека и общества. Л. П. Крысин обращает особое внимание на следующие сферы социальной жизни, в которых употребляются эвфемизмы:

- традиционной сферой, в которой происходит активное использование эвфемистических средств выражения, является дипломатия. Вполне разумно, что те коммуникативные задачи, с которыми вынуждены сталкиваться дипломаты и политики, невозможно решить, прибегая лишь к прямым номинациям, не прибегая к намекам, завуалированию, «то есть – без всего того, для выражения чего как бы и предназначены эвфемизмы» [Крысин, 2000, с. 19]. Он утверждает, что в настоящее время в газетных и журнальных статьях, а также в новостных передачах часто встречаются такие обороты, как: «пойти на крайние меры», «непредсказуемые

последствия», «конфронтация» (используемые для описания войны [там же] и т.д. – данные выражения зародились в дипломатической речи;

- сфера репрессивных действий, где существует множество слов, которые заменяются эвфемизмами: «задержать» употребляют вместо слова «арестовать», «высшая мера» вместо «смертная казнь». Л. П. Крысин упоминает выражение «применить санкции», который может иметь разные значения: «привлечение к уголовной ответственности, лишение свободы» [там же], а в современном контексте за этим выражением стоит применение в первую очередь экономических санкций;

- сфера государственных и военных тайн, «к числу которых относится производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений (не только военных), профиль их работы и многое другое» [Крысин, 2000, с. 20]. Он перечисляет эвфемизмы, которыми можно заменить слово «оружие», предлагая множество вариантов: «объект», «продукт», «изделие» и др. Крысин рассматривает возможности замены выражения «производство биологического оружия» на «разработка необычных видов оружия». Аналогичным примером он видит «нетрадиционные формы войны» вместо «война, направленная на полное уничтожение живой силы противника с сохранением его военной техники» [там же];

- сфера, связанная с деятельностью армии, разведки и других правозащитников, «действия которых не должны быть доступны каждому гражданскому лицу» [там же]. В данной группе используются слова и лексические обороты с обобщенным смыслом, хотя Крысин подчеркивает тот факт, что они употребляются «по отношению к конкретным действиям и явлениям: «задание», «операция» («выполнить задание», «провести операцию по задержанию»), «объект» в значении «лицо, за которым ведется негласное наблюдение»; «учреждение закрытого типа», жаргонно-профессиональное «получить допуск», «невыездной» – о человеке, связанном с секретной работой и потому не имеющем возможности ездить за границу» [там же];

- сфера распределения и обслуживания, особенно ярко представленная эвфемизмами в эпоху тотального дефицита: «товары повышенного спроса», «дефицитные товары», «дефицит» [там же]; в бытовом разговоре и в просторечных конструкциях достаточно популярными были обороты «организовать, устроить» в значении «содействовать в приобретении какого-нибудь товара» [там же];

- сфера межэтнических отношений и разных социальных групп: «некоренное население» – может быть употреблено по отношению к мигрантам; «этническая чистка» – уничтожение в том или ином регионе лиц, не принадлежащих к господствующей нации [Крысин, 2000, с. 20], или словосочетание «группы повышенного риска» используется для упоминания о группах людей, «которые имеют более высокую вероятность заразиться СПИДом» [там же];

- сфера номинации «непристижных» профессий – новые номинации могут скрыть негативное впечатление от «прямого» наименованием рода занятий: «оператор машинного доения», «оператор очистных работ» (ср. прежнее ассенизатор, переставшее выполнять свою эвфемистическую функцию), [Крысин, 2000, с. 21]. При этом важное место в группе такого рода эвфемизмов занимают заимствованные слова – например, «сотрудник клининговой компании» вместо «уборщица».

В некоторых работах данный феномен рассматривается с точки зрения языкового кода. Социолог Р. Белл пишет об определенных нормах поведения, которым обязан следовать человек, дабы выглядеть в глазах окружающих подобающим образом. Белл говорит о том, что некоторые из данных «будут нормами языкового поведения и кодами соответствующего языка» [Белл, 1980, с. 137].

Рассмотрим использование эвфимизации в открытом дипломатическом дискурсе с позиций переключения кодов на примере одного из недавних брифингов официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой, известной своей яркой и образной речью. При детальном изучении текста выступления М.В. Захаровой, которая является лицом российского МИДа, оказалось, что она, напротив, не стремится к эвфимизации, а использует резкие и однозначные выражения. Например, 7 ноября 2017 г. состоялось заседание Совета Безопасности ООН, в ходе которого был обсужден седьмой доклад Совместного механизма Организации по запрещению химического оружия ООН. Захарова высказалась следующим образом: «... обратили внимание на выступление главы СМР г-на Э. Мюле, который как это только было возможно расхваливал использованную Механизмом методологию и преподносил его работу как профессиональную и беспристрастную. При этом ни на один наш конкретный вопрос, касающийся несоответствия выводов доклада СМР строго научному подходу, так и не ответил. По-прежнему вызывает крайнее недоумение несостоятельная с точки зрения

теоретической науки, да и логики настойчивость г-на Э. Мюле, с которой он продолжает утверждать, что использованный в Хан-Шейхуне зарин имеет «сирийское происхождение». <...> подобная логика удивительна с учетом того, что после передачи Сирией в ОЗХО информации о способах синтеза бинарного зарина... Что же касается выступления на заседании Н. Хейли, то и здесь как всегда ничего нового – бездоказательные обвинения Дамаска в применении химического оружия и неадекватные намеки в адрес России, что не делает Постпреду США при ООН чести ни в плане дипломатической этики, ни с точки зрения здравого смысла. А вот с точки зрения здравого смысла, на наш взгляд, сейчас необходимо вспомнить и проанализировать, как американская дипломатия, в том числе на площадке ООН и ее Совета Безопасности, продавливала решения по Ираку, обвиняла это государство в якобы наличии и наращивании ОМУ. Вы прекрасно помните, какая горячая, точно такая же – без правил, дипломатической этики – напористая полемика велась в ООН относительно «преступного режима С. Хуссейна»... Мы же знаем, что американские коллеги, которые приходят и назначаются, в том числе на эти дипломатические должности, не имеют никакого представления о том, что заявляли их предшественники не то, что десятки лет назад, но и в последнее время. <...> Например, занимавший в те времена пост постпреда США при ООН Дж. Негропonte заявлял, что режим С. Хусейна использовал химическое оружие против своих соседей и своих собственных граждан; лгал относительно разработки оружия массового уничтожения <...> На сайте ООН можно поднять все архивные выступления постпредов любой страны в ходе заседаний СБ ООН. Сделайте над собой усилие, проведите такую работу. Это все вам ничего не напоминает? Мне лично напоминает. <...> По признаниям бывшего британского премьера США намеренно ввели англичан в заблуждение, сокрыв от них подготовленный еще в 2002 г. военной разведкой сверхсекретный доклад... То, с какой настойчивостью, напором, иногда даже хамством, американская дипломатия, в том числе в зале СБ ООН ведет разговор о применении с их точки зрения Дамаском, официальным руководством САР химического оружия, очень напоминает их тактику времен начала 2000-х гг. Но это были не ошибки! Это планомерная, запрограммированная акция по продавливанию своих геополитических интересов... К сожалению, все это происходит в лучших традициях некоторых представителей американского политистеблишмента. Все-таки

должны возникнуть вопросы к тому, как и какими методами работают наши заокеанские партнеры» [Электронный ресурс. mid.ru].

Анализ предъявленного фрагмента подтверждает тезис, что в наши дни открытая дипломатия не стремится сгладить излагаемые факты путем использования эвфемистической политкорректной лексики, а, напротив, активизирует резкие высказывания, порой выходящие за рамки дипломатического языкового кода (бездоказательный, неадекватный, без правил, намеренно лгал, напор, запрограммированная акция по продавливанию и др.), тем самым уходя от затушевывания и стирания острых проблем.

Сходную точку зрения высказывает и высказывает М. Голованивская в своей статье «Назвать лопату лопатой», где речь идет о главных качествах русской культуры: добром нраве, сострадании и способности к сопереживанию. Автор полагает, что «уличительная политкорректность исходит из того, что человек обязательно будет оскорблять слабого: не прямо, так скрыто». Люди должны здраво оценивать существующую действительность. «Война должна называться войной, а не конфликтом, а убитые и раненные – именно так, а не сопутствующими потерями» [Электронный ресурс. Lenta.ru].

Использование эвфемизмов и политкорректной лексики в открытом дипломатическом дискурсе может привести к обратному, нежелательному эффекту – вызвать неверную интерпретацию излагаемых сведений, высказанных имплицитно, привести к дополнительным коммуникативным неудачам, способным еще более ухудшить ситуацию в эпоху дипломатических войн.

Список литературы

1. Белл Р. Социоллингвистика. М: Международные отношения, 1980. 462 с.
2. Крысин Л. П. Эвфемизмы как явление языка и культуры // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: Итоги и перспективы. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 154 с.
3. Шмелёв Д. Н. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979
4. Электронный ресурс. <http://www.mid.ru/ru/home/> дата обращения 10.11.2017.
5. Электронный ресурс. <https://lenta.ru/columns/2015/08/20/golovanivskaya/> дата обращения 10.11.2017.

6. Soanes C., Stevenson A. Concise Oxford English Dictionary. 11th ed. Oxford University press Inc: Oxford Univeristy, 2008. 1385 p.

Березовская А.В.

Московский государственный институт международных отношений

МИД России (университет) (Москва)

Немецкий юридический язык в условиях глобализации

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы функционирования немецкого юридического языка в условиях глобализации и пути их решения. Материалом для исследования послужили правовые акты Германии и ЕС.

Ключевые слова: немецкий юридический язык, терминология, качество перевода, языковая политика.

A. Berezovskaya

Moscow State Institute of International Relations

Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)

German legal language under conditions of globalization

Abstract. The paper considers the problems of the functioning of the German legal language in the context of globalization and the ways of their solution. The material for the study is the legal acts of Germany and the EU.

Keywords: language of law, terminology, translation quality, language policy.

В условиях глобализации среда существования языков приобретает новые формы и наполняется новым содержанием. Концепция единой Европы в контексте единого глобального пространства, изменила форматы коммуникации в разных сферах человеческой деятельности, что, безусловно, повлияло и продолжает оказывать негативное влияние на профессиональные языки. Так немецкий юридический язык, несмотря на свое обособленное положение и искусственную природу, подвергается внешнему агрессивному воздействию, а его прежние передовые позиции становятся историей.

Публикации последних лет свидетельствуют о растущем беспокойстве за судьбу немецкого юридического языка. Объектом нашего исследования является терминологический корпус европейского и немецкого права. Основное внимание уделяется роли немецкого юридического языка и факторам воздействия на складывавшийся веками терминологический корпус немецкого законодательства. Материалом для исследования послужили Гражданское уложение Германии (ГГУ) – крупнейший и основополагающий закон Германии, регулирующий

гражданские правоотношения, Основной закон ФРГ (в котором закреплены основы правовой и политической системы страны), два главных договора Европейского союза: Договор о функционировании Европейского союза и Договор о Европейском союзе, Регламенты ЕС Рим I и Рим II и текущие директивы ЕС в немецкоязычной и английских версиях.

Для юриста язык – это основной инструмент его профессиональной деятельности. Он необходим для точного понимания правовых норм. Обратимся к некоторым определениям, важным в рамках нашего исследования.

Юридический язык представляет собой совокупность грамматических, логических и иных способов передачи и оформления понятийного содержания права. [3, с. 25]

На сегодняшний день лингвисты не выработали единого мнения и подхода к изучению юридического языка и его определению. В последние годы сформировалось новое направление в науке, занимающееся вопросами языка и права, *юрислингвистика*. Направление молодое, находится в стадии становления. Широкое распространение получила в ней классификация, предложенная В. Отто. Он выделяет несколько «слоев» юридического языка:

Язык законов (общие правовые нормы, предназначенные законодателем как для юристов-профессионалов, так и для лиц, не обладающих специальными юридическими знаниями); 2) язык судебных решений; 3) язык юридической науки и экспертиз (комментарии и обсуждение специальных правовых вопросов специалистами, адресованные специалистам); 4) язык ведомственного письменного общения; 5) административный жаргон (неофициальное обсуждение правовых вопросов специалистами) [9, с. 51] В. Отто подчеркивал, что выделенные им «языковые слои» в структуре юридического языка отличаются друг от друга в первую очередь *мерой определенности, точности и лаконизма выражения правовых понятий и предписаний*. Необходимость выделения языка права отдельную область исследований в лингвистической науке подчеркивает в своих работах доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России Г. В. Томсон [4, с. 51].

Юридический термин – употребляемое в законодательстве и вошедшее в юридическую практику по обыкновению слово или словосочетание, являющееся обобщенным наименованием юридического

понятия, имеющего **точный и определенный** смысл, и отличающееся смысловой **однозначностью**; это словесное обозначение понятий, используемых при изложении содержания закона (нормативного акта) [5, с. 358].

В процессе всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, именуемой глобализацией, языки национального права подвергаются серьезному давлению прежде всего со стороны английского языка. Совместное существование на ограниченной территории разных национальных образований, связанная с этим необходимость унифицированного, единого для всех правового регулирования не является чем-то новым для Европы. На ее территории несколько веков существовало такое государственное образование, как Священная Римская империя германской нации, одним из важнейших источников конституционного права Священной Римской империи германской нации являлись Избирательные капитуляции императоров, составившиеся на немецком языке. Этот документ, незначительно варьировавшийся в содержательной части, позволяет проследить развитие немецкого юридического языка, а также сделать вывод о его лидирующей позиции в Европе на протяжении длительного времени. Во второй половине XIX века на территории современной Европы возникают новые национальные государства, стремящиеся закрепить свой суверенитет, одним из показателей которого является законодательство на государственном языке. В Германии и Австрии этот период характеризуется окончательной стандартизацией немецкого юридического языка (в этот период большой пласт латинских терминов заменяется немецкими эквивалентами).

Сегодня немецкий язык – один из официальных и рабочих языков ЕС, в Европе он занимает уверенное второе место. Существует, однако, целый ряд проблем, связанных с немецким юридическим языком. Помимо избыточного использования заимствований (англицизмов) многие проблемы обусловлены качеством и объемом переводных юридических документов ЕС. Известно, что существенная часть документов не переводится на немецкий язык, либо перевод осуществляется некачественно и отличается нечеткостью структуры и неточностями, а порой и серьезными ошибками. При толковании законов и других юридических актов ЕС существует обязательное требование сравнения их

текстов на разных официальных языках, это позволяет снизить риски нарушения правовой безопасности.

Уже упоминалось о таких характерных свойствах юридических терминов, как точность и однозначность. Немецкие слова «*Beschluss*» (*решение, постановление*) и «*Entscheidung*» (*принятие решения, определение суда*) близки по значению, однако, в качестве юридических терминов у каждого из них свое поле использования. В тексте ГГУ мы встречаем слово «*Beschluss*» – 62 раза, «*Entscheidung*» – 76 раз. В договоре о создании Европейского союза (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) слово «*Beschluss*» упоминается 314 раз, «*Entscheidung*» – 124 раза, а в Лиссабонском договоре – 242 и 39 соответственно. Однако при сопоставлении официальных текстов последних двух договоров можно констатировать размывание границ между этими двумя терминам в процессе перевода.

in the absence of a Commission decision the Council may adopt the decision .	die Kommission ...keinen Beschluss erlassen hat so kann der Rat den Beschluss erlassen
By way of derogation from Article 280 of the Treaty on the Functioning of the European Union, decisions of the General Court declaring a regulation to be void shall take effect only as from the date of expiry of the period	Abweichend von Artikel 280 AEUV werden die Entscheidungen des Gerichts, in denen eine Verordnung für nichtig erklärt wird
Any agreements or decisions prohibited pursuant to this Article shall be automatically void	Die nach diesem Artikel verbotenen Vereinbarungen oder Beschlüsse sind nichtig.
paragraph 2 shall become the second subparagraph of paragraph 1, and the other paragraphs shall be renumbered accordingly. In the first sentence, the words ‘to joint action’ shall be replaced by ‘to such a decision ’ and the words ‘that action’ shall be replaced by ‘that decision ’ .	Absatz 2 wird Unterabsatz 2 von Absatz 1 und die nachfolgenden Absätze werden entsprechend unnummeriert. In Satz 1 werden die Worte „einer gemeinsamen Aktion“ durch „dieses Beschlusses “ und die Worte „dieser Aktion und trifft die erforderlichen Entscheidungen “ durch „dieses Beschlusses und trifft die erforderlichen Beschlüsse “ ersetzt.

Подобрать подходящий эквивалент не всегда представляется возможным. Так, например, Ю. Э. Дорохова указывает на трудности, «возникающие при переводе текстов различных жанров, в частности, несоответствие словарных эквивалентов и переводных эквивалентов», выявляемых при сопоставлении текстов сходной тематики в разных языках

[5, с. 24; 6, с. 73–78]. Стоит упомянуть, что небрежное обращение с терминологическим корпусом права может привести к правовым коллизиям. Для перевода юридических текстов необходимо наличие глубоких специальных знаний, однако профессиональные юристы в качестве переводчиков не всегда справляются с поставленными задачами. Очевидно, необходимо тесное сотрудничество между юристами и лингвистами в целях создания качественного перевода юридического текста. Помимо этого стоит задуматься над созданием масштабных баз данных, охватывающих правовой корпус ЕС и национальные корпуса права стран, входящих в состав ЕС, в целях оптимизации процесса перевода, а также повышения его качества.

Помимо сложностей, связанных с выбором эквивалента или заполнением лексической лакуны, существует проблема заимствований в языке права. В силу специфических особенностей государственного образования на территории Европы немецкий юридический язык претерпел несколько волн заимствований из разных европейских языков. Основной пласт заимствований составили латинские слова, это связано с рецепцией римского права, второе место занимают заимствования из французского языка, что обусловлено его лидирующей ролью в Европе на протяжении определенных периодов. На сегодняшний день иностранные слова продолжают проникать в немецкий язык. Заимствованные слова мы можем опознать по характерным суффиксам. В таблице приведены результаты сравнительного анализа ряда правовых текстов, занимающих важное место в системе немецкого права и права ЕС. Это Основной Закон ФРГ(23.05.1949) – GG, Гражданское уложение Германии (18.08.1896) – BGB, Консолидированная версия Договора о Европейском Союзе и Договора о функционировании ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (26.10.2012) – VEU, LISSABON - Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (17.12.2007), ROM I – Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») (17.06.2008), ROM II – Регламент Рим II № 864/2007, содержащий коллизионное регулирование вопросов определения права, применимого к внедоговорным обязательствам («Рим II») (11.01.2009).

Для сравнения мы взяли совсем свежий документ в редакции 2017 года. Stellungnahme des Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschusses zum «Vorschlag für die Verordnung des Europäischen Parlaments und des Rates zur

Schaffung eines Neuansiedlungsrahmen der Union und zur Änderung der Verordnung (EU) Nr. 516/2014 des Europäischen Parlaments und des Rates» (COM(2016) 468 final – 2016/0225 COD) (2017/C 125/05).

Название	GG	BGB	VEU	LISSABON	ROMI	ROMII	COM16
Год	1949	1896	2012	2007	2008	2007	2017
Количество страниц	50	422!	412	283	10	11	6!
-tion	44	122	Более 1000	Более 1000	12	15	61
-tät	9	13!	503	278	24	24	22
-ieren/-iert	8/17	53/11	92/231	49/189	12/6	12/6	8/13

Из примеров заимствований хорошо видно, что речь в основополагающих правовых актах Германии речь идет о словах, представляющих относительно новые для того времени явления, понятия: *Information, Transplantation, Produktion, Telekommunikation, Organisation, Stabilität, Kommunikation, Delegation, Qualität, Rentabilität, Elektrizität, Alters- und Invaliditätsvorsorge, Identitätspapier, signieren, informieren, basierende, konkurrierende, dokumentieren, qualifiziert, automatisiert, montiert, kultiviert*. Их использование вполне уместно, понятно и имеет допустимые пределы.

В базовых документах ЕС помимо упомянутых причины, использование заимствований, возможно, обусловлено стремление сделать текст документа максимально доступным и без перевода либо облегчить процесс сопоставления различных переводов при необходимости, за счёт использования интернационализмов. *Solidartät, Identität, Kriminalität, Qualität, Preisstabilität, Abstimmungsmodalitäten, Institutional, international, Delegation, Produktion, Rationalisierung, Investition, respektieren, funktionieren, finanzieren, stabilisieren, koordiniert, präsentiert, wettbewerbsorientiert, mobilisiert, institutionalisierten, involvieren, evaluieren, zertifizieren, assoziieren, delegieren, inkludieren, identifizieren, reagieren, definieren, für ambitionierte Ziele*.

Однако мы видим, что количество подобных лексем неизменно растёт и зачастую приобретает масштабы, с трудом поддающиеся логическому объяснению. При этом большинство слов с успехом можно заменить эквивалентами в немецком языке (приведены курсивом). *Aggregieren zusammenfassen/zusammensetzen/konsolidieren, spezifizieren, thematisieren, strukturieren einordnen eingruppiieren, systemgeneriert, integrieren vereinigen/zusammensetzen/vereinheitlichen, diskriminieren*

benachteiligen, auf marginalisierten Gemeinschaften, georeferenzierte Daten, unionsfinanziert, delegieren *abordnen/anleiten/anvertrauen*, liberalisieren, inkludieren *einschließen*, prognostizierten *voraussagen/vorhersagen/andeuten*, sanieren. Видно, что речь не идет о лексических лакунах или других трудных случаях подбора эквивалента. А значит, можно вновь отметить целенаправленную политику размывания границ между терминологическим корпусом национального права разных стран, входящих с ЕС, и возникающую при этом угрозу для языков этих стран.

Мы затронули несколько проблем, связанных с функционированием юридического языка в условиях глобализации. Решением проблемы некачественного перевода правовых актов является подготовка квалифицированных специалистов – переводчиков с глубоким знанием правовой специфики (в идеале со вторым юридическим образованием). Вторая угроза – это стремление к созданию общеевропейского понятийного аппарата, для обеспечения правового корпуса ЕС, в результате которого многие понятия могут оказаться размытыми, а национальная идентичность – нарушена. Единственный способ обезопасить немецкий язык в таких условиях – это четко продуманная и законодательно закреплённая языковая политика.

Список литературы

1. Дорохова Ю. Э. Взаимодействие текстовых факторов и словарных соответствий при выборе переводческого эквивалента / Ю. Э. Дорохова. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Москва, 2002.
2. Дорохова Ю. Э. Двужычная лексикографія і пераход / Ю. Э. Дорохова // Язык как система и деятельность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Введенской. Ростов-на-Дону: Foundation, 2013. С. 73–78.
3. Оксамытний В. В., Пономарева В. П. Общая теория государства и права (Дефиниции, схемы и таблицы): Научно-методическое пособие. Брянск: Изд-во РИО «Брянский государственный университет», 2012. 350 с.
4. Томсон Г. В. Юрислингвистика. Номинальный стиль юридического немецкого языка // Филологические науки в МГИМО. Издательство МГИМО. 2017. № 10. С. 51–54.

5. Элементарные начала общей теории права. Право и закон, М.: КолосС. под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. 2003. 544 с.

6. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 20. Juli 2017 (BGBl. I S. 2787) geändert worden ist.

7. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 1001, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347) geändert worden ist.

8. Vertrag über die Europäische Union. 17.12.2007.

9. Otto W. Die Paradoxie einer Fachsprache // Der öffentliche Sprachgebrauch. Band. II. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. S. 44–57.

10. Verordnung (EG) Nr. 593/2008 Des Europäischen Parlaments und des Rates vom 17. Juni 2008.

11. Verordnung (EG) Nr. 864/2007 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 11. Juli 2007 Stellungnahme des Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschusses zum „Vorschlag für die Verordnung des Europäischen Parlaments und des Rates zur Schaffung eines Neuansiedlungsrahmen der Union und zur Änderung der Verordnung (EU) Nr. 516/2014 des Europäischen Parlaments und des Rates“ (COM(2016) 468 final - 2016/0225 COD) (2017/C 125/05).

Бойко М.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Описание мимики в художественной прозе: лимнологический подход

Аннотация. Данная статья направлена на анализ прозы при помощи лимнологического метода лингвистики, который заключается в описании определенных единиц художественного произведения в пределах текста и контекста. В частности, рассматривается проблематика герменевтики невербальных средств взаимодействия между участниками коммуникации внутри текста. Основной акцент приходится на сравнение зарубежных и отечественных художественных произведений, в частности, романов «Унесенные ветром» М. Митчелл и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: лимнология, граница, невербальная коммуникация, проза, художественное произведение, герменевтика, контекст, пространство текста.

Description of facial expressions in prose: a limological approach

Abstract. The paper analyzes the prose with the help of the limological method of linguistics, which consists in describing certain units of prose within text and context. In particular, the problems of hermeneutics of nonverbal means of interaction between communication participants within the text are considered. The main focus is on the comparison of foreign and domestic works of literature, in particular, the novels “Gone with the Wind” by M. Mitchell and “Crime and Punishment” by F. M. Dostoyevsky.

Keywords: limology, boundary, nonverbal communication, prose, fiction, hermeneutics, context, text.

Невербальные средства интерпретации своей мировоззренческой позиции являются неотъемлемой составляющей любого успешного коммуникативного действия в жизни современного представителя информационного социума. Порой, передаваемые нами с помощью жестов и мимики смысловые знаковые системы становятся наиболее понятными для собеседника, чем если бы они были отображены на бумаге или при помощи словесных конструкций. Художественные произведения представляют собой виртуальную, искусственно возведенную реальность, в рамках которой реализуются всевозможные коммуникативные действия между персонажами в различных текстуальных ситуациях. Обращаясь к тексту, мы попадаем в своеобразное «Зазеркалье», открываем для себя принципиально новое пространство, отличное от привычной нам реальности и требующее герменевтического подхода к его освоению. Прежде всего, мы наблюдаем постановку вопроса о взаимоотношении языка и пространства, текста и пространства – в частности, в трудах М. Бахтина и Ю. Лотмана. Задача состояла в осмыслении художественного произведения в аспектах общей, в том числе и языковой, культуры и теории поэтического искусства слова. Следует отметить, что в рамках лингвистики категория пространства интерпретируется как «нечто, в рамках чего может находиться объект или иметь место действие или событие» [5; с. 97]. Текст также воспринимается как одна из моделей пространства, взаимосвязанная с так называемым денотативным пространством, отображаемым в нем. Таким образом, касаясь особенностей рассмотрения пространства, мы обнаруживаем три возможных варианта: 1) пространство, организуемое внутри текста; 2) пространство как текст; 3) пространство, порожаемое текстом.

Вышеупомянутые теоретики семиотической мысли сопоставляли коммуникативное и художественное пространства, утверждая первое в качестве превалирующего структурного элемента художественного текста. Согласно мнению Лотмана, художественное пространство выполняет «особую моделирующую роль» – «структура топоса выступает в качестве языка для выражения других, непространственных отношений текста» [4; с. 266]. Немного ранее у Бахтина мы встречаем понятие хронотопа – «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1; с. 49]. В отличие от него, Лотман разграничивает художественное пространство, «заселенное» персонажами и пространство текста, поглощаемое впоследствии семиосферой. По своей сути, структура пространства текста иерархична и образует три вида пространства текста: сигнификативное, денотативное и концептуальное. В данной типологии прослеживается знаменитый «логический треугольник» Г. Фреге, благодаря которому соблюдается текстовое единство, ограниченное тремя векторами: знак, денотат и концепт. Раскрывая проблематику иного пространства текста, мы прибегаем, прежде всего, к художественной литературе, знаково-символическое наполнение которой отлично от простого текста в самом широком его понимании.

Наша же задача состоит в толковании невербальной коммуникации, представленной мимикой и жестами персонажей зарубежной и отечественной художественной прозы, в рамках лингвистической лимологии как науки о «границах» [2; с. 46] – в данном случае, границах одного или нескольких пространств в текстовом поле. Наблюдая за героями рецензируемых нами произведений, мы должны учитывать тот факт, что в зарубежной прозе существенную роль играет перевод, который, как правило, нередко искажает доносимый самим автором смысл. Ярчайшим тому примером является детская сказка французского писателя Ш. Перро «Золушка», ставшая камнем преткновения последних лингвистических исследований: как оказалось, башмачки девушки были сделаны вовсе не из хрусталя, а из меха, в чем проявляется разноплановый перевод прилагательного, обозначающего одну из характеристик анализируемого предмета. Когда мы рассматриваем зарубежную прозу (в качестве примера возьмем роман «Унесенные ветром» М. Митчелл), то обязаны обратить внимание на возможность преломления истинного значения слова или жеста в результате перевода на русский язык. Как

правило, персонаж наличествует в нескольких пространствах внутри текста, трансформируя модели поведения в зависимости от дискурса, разворачиваемого на страницах произведения. Меняя одно пространство на другое, он переступает границу и адаптируется под иные условия коммуникативного взаимодействия. Мы неспроста уделяем внимание двум фундаментальным романам одного из сложнейших исторических периодов для человечества, поскольку они отображают переход к более детальному анализу личности персонажа в непростых социальных условиях. В каждом из пространств наблюдается интерпретация автором черт лица героев и его выражений, что говорит нам о многомерности и многослойности художественного произведения – с трансформацией пространства изменяется и мимическое поведение персонажа. Достаточно одной мимической игры Скарлетт О’Хара, которая с интервалом в одну минуту могла сделать то «скучающую гримасу», то с улыбкой на устах произносить угрозы, «памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках» [6; с. 14]. Меняя свои невербальные проявления, она в рамках одного коммуникативного пространства плавно варьирует между несколькими. То же самое мы можем наблюдать на примере отечественного персонажа Родиона Раскольникова, который переживает экзистенциальные тяготы, но уже в результате совершенного им преступления. Фиксация всех без исключения жестов того или иного персонажа позволяет нам определить доминантную линию в его телесном поведении, иногда, быть может, и не предусмотренную писателем. К примеру, на протяжении романа «Преступление и наказание» Достоевский около 53 раз определяет состояние Раскольникова словами «дрожит» [3; с. 322] или «вздрагнул». Такая концентрация могла возникнуть и случайно, но, следуя правде характера, писатель не мог обойтись без этого определения.

Таким образом, мимические движения могут как раскрыть истинный личностный портрет персонажа, так и продемонстрировать его умение жонглировать масками, которые он использует в прагматических целях. Упомянутые нами персонажи не только являются ключевыми в своих художественных пространствах, но и обладают богатой невербальной культурой, которая указывает на текучесть границ в тексте или дискурсе, организованном вокруг них. Описывать каждое из этих проявлений невозможно, но они дают нам представление о художественном тексте как об обширном пространственном образовании, в пределах которого

наличествует множество других подпространств, дающих знать о себе сквозь призму коммуникативных действий своих героев.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 300 с.
2. Боронин А. А. О понятии «граница» в лингвистике (к интерпретации художественного текста и его сегментов) // Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет. № 4 (15) / 2011. С. 46–50.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 6.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
5. Максимова Н. Г. К проблеме зависимости пространства и текста // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 63, № 5 (259) / 2012. С. 97–99.
6. Митчелл М. Унесенные ветром. М.: Эксмо, 2010. 768 с.

Бондарева Е.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Лингвокультурный феномен «ужас» в произведениях Г.Ф. Лавкрафта

Аннотация. Работа посвящена проявлению лингвокультурного феномена «ужас» в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта и исследованию особенностей передачи этого феномена на русский язык.

Ключевые слова: лингвокультура, лексическое средство, атмосфера, коннотация, оттенок значения.

E. Bondareva

Moscow Region State University (Moscow)

Horror as a linguocultural phenomenon in the works of H.P. Lovecraft

Abstract. The paper studies the manifestation of the linguocultural phenomenon of “horror” in the works of Howard Phillips Lovecraft and examines the peculiarities of the representation of this phenomenon in the Russian language.

Keywords: linguistic culture, lexical means, atmosphere, connotation, shade of meaning.

В последние годы интерес лингвистов прикован к исследованию языка с точки зрения его реализации сквозь призму культуры, что привело

в результате к появлению нового лингвистического направления – лингвокультурологии.

Согласно определению Н. Ф. Алефиренко, «лингвокультурология – научная дисциплина, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура» [1, с. 16].

Понятие «ужас» занимает центральное место в структуре современной лингвокультуры любого народа. Рассматриваемый феномен – это интернациональное понятие, для выражения которого носители разных языковых культур прибегают к различным лексическим средствам. Нельзя недооценивать важность верной передачи этого феномена при переводе художественной литературы, поскольку произведения многих авторов, в частности, рассматриваемые произведения Г. Ф. Лавкрафта, строятся именно на чувстве ужаса. Неправильно подобранные средства передачи, небрежность при выборе эквивалентов в языке перевода могут привести к частичной или полной утрате авторской атмосферы, а зачастую и смысла произведения.

Одним из ключевых способов передачи атмосферы ужаса при переводе литературного произведения является верный выбор лексических средств. При всем многообразии русского языка подбор верного слова, несущего в себе весь спектр эмотивного значения оригинальной единицы языка, может стать достаточно серьезной проблемой.

В качестве примера рассмотрим отрывок из произведения Г. Ф. Лавкрафта «Тень над Инсмутом» и его переводы на русский язык, выполненные такими переводчиками, как О. Алякринский, А. Спаль и В. Бернацкая.

Among these reliefs were fabulous monsters of abhorrent grotesqueness and malignity – half ichthyic and half batrachian in suggestion – which one could not dissociate from a certain haunting and uncomfortable sense of pseudo-memory, as if they called up some image from deep cells and tissues whose retentive functions are wholly primal and awesomely ancestral [7].

В данном примере нас интересуют такие слова, как *monsters, abhorrent, grotesqueness, malignity, haunting, uncomfortable*.

Согласно студенческому Оксфордскому словарю, *monster* означает 1) a large ugly or frightening creature, 2) a huge thing, 3) an animal or plant that is very abnormal in form. 4) an extremely cruel or wicked person [8, с. 665]; *abhorrent* – horrible or disgusting [8, с. 2]; *grotesque* – 1) fantastically ugly or

distorted, 2) so inappropriate that it is shocking or ridiculous [8, с. 449]; malign – 1) harmful, 2) showing malice [8, с. 624]; haunting – so beautiful and sad that it stays in your mind, poignant [8, с. 469]; uncomfortable – 1) not comfortable. 2) feeling or causing unease [8, с. 1144].

В переводе, выполненном О. Алякринским, данный отрывок звучит следующим образом:

Среди рельефных фигур угадывались сказочные чудовища гротескно-уродливого и зловещего вида, причудливо сочетавшие в себе признаки рыб и земноводных, и они вызывали у меня некие навязчивые и неприятные псевдовоспоминания, как если бы это были некие таинственные образы, всплывшие из жуткой пучины первобытной прапамяти [3, с. 301].

Как видно из примера, для передачи рассматриваемых нами лексических единиц автор использует такие слова, как чудовища, гротескно-уродливый, зловещий, навязчивый и неприятный. Кроме того, для внесения дополнительных оттенков ужаса переводчик использует такие эмоционально окрашенные слова, как таинственный, жуткий, пучина. Однако эмоциональный посыл произведения смазывается из-за использования слова сказочный, которое изначально имеет положительную коннотацию.

В толковом словаре С.И. Ожегова, чудовище – это 1) сказочное существо в виде небывалого животного, 2) о жестоком, низком в нравственном отношении человеке [5, с. 621].

В определении слова чудовище, предложенном С. И. Ожеговым, изначально отсутствует отрицательная коннотация оригинального слова. В то время как *monster* несет в себе значение «уродливый, пугающий», чудовище в словаре Ожегова имеет более мягкую эмоциональную окраску – «сказочный, небывалый».

Гротеск, согласно толковому словарю русского языка, – это произведение искусства, исполненное в фантастическом, уродливо-комическом стиле [5, с. 103].

Несмотря на то, что русский эквивалент слова *grotesque* сохраняет значение «комический, нелепый», в нем отсутствует значение «искаженный».

С. И. Ожегов определяет слово уродливый как 1) с физическим уродством; 2) некрасивый, безобразный; 3) ненормальный, нелепый до безобразия [5, с. 587].

Слово уродливый, использованное для перевода слова abhorrent, несет в себе тоже эмотивное значение, но также включает в себе дополнительный оттенок, выраженный словом нелепый.

Использованное при переводе слово зловещий (т.е. предвещающий несчастье, зло [5, с. 163]) указывает на предчувствие грядущего зла, в то время как значение слова malignity привязано к настоящему. Видя в тексте перевода слово зловещий, читатель получает дополнительную информацию о будущем развитии сюжета произведения, неосознанно начинает ожидать, что герой рассказа столкнется с неприятностями. В оригинале же слово malignity отражает исходящие от характеризуемого предмета флюиды зла, это слово описывает лишь ощущения героя, никак не затрагивая дальнейший сюжет произведения.

Эмотивное значение слова haunting передано верно, однако само слово навязчивый (согласно словарю С. И. Ожегова, данное слово имеет следующие значения: 1) назойливый, надоедливо пристающий с чем-н; 2) против воли внедрившийся в сознание, неотступный [5, с. 260]) имеет дополнительную отрицательную окраску, выражаемую словом «назойливый», которое вызывает не столько ужас, сколько отторжение.

В оригинальном тексте слово uncomfortable несет в себе дополнительный оттенок значения, подчеркивающий, что персонаж чувствует себя беспокойно, ощущает исходящее от барельефов зло. Русский эквивалент слова неприятный (не нравящийся своими качествами, противный; вызывающий неудовольствие, нарушающий чьё-н. спокойствие [5, с. 285]), сохраняя основное значение (противный, вызывающий неудовольствие), является куда более слабым.

В целом, перевод исследуемого отрывка, выполненный О. Алякринским, безусловно, является верным, несмотря на то, что атмосфера ужаса, созданная автором оригинального текста, воссоздана не полностью.

Рассмотрим перевод, выполненный А. Спаль:

Среди этих рельефов я вдруг разглядел мифических монстров, вызывающих отвращение своей гротескной злокозненностью, – все это не могло не внушить беспокойства и неприятного чувства псевдопамяти, ибо вызвало какие-то образы из глубины самой клетки, из недр биологической ткани, чьи охранительные функции всецело первоначальны и несут в себе устрашающую родовую память [4, с. 69].

Этот перевод, как видно из представленного отрывка, является более тяжеловесным, чем перевод О. Алякринского. Передача атмосферы ужаса достигается при помощи таких слов, как монстр, отвращение, гротескный, злокозненность, беспокойство, неприятный, устрашающий. В данном случае переводчику удалось избежать сглаживания атмосферы ужаса при передаче слова *fabulous*. В отличие от Алякринского, использовавшего слово сказочный, которое, как мы помним, имеет положительную коннотацию, А. Спаль использует слово мифический, сохраняя значение «из легенд, сказаний», но используя более нейтральное слово, не несущее однозначно положительной эмоциональной окраски. Особенности использования при переводе данной фразы таких слов, как гротескный и неприятный мы рассматривали в случае с переводом О. Алякринского, поэтому считаем необходимым перейти к анализу других слов.

Согласно электронному онлайн словарю Грамота, слово монстр означает 1) чудовище, урод; 2) о том, кто (что) выделяется, поражает своим необыкновенным (обычно нелепым) видом, уродством [6], слово отвращение – крайне неприятное чувство, вызванное кем-чем-н. [5, с. 327].

Коннотативное значение слов *monster* и *abhorrent* передано верно, дополнительные оттенки эмотивного значения не выявлены.

Так же, как и в случае со словом зловещий, слово злокозненный (т.е. коварный, со злым умыслом [5, с. 163]) указывает на предположительные неприятности в будущем, в то время как *malignity* используется для описания атмосферы зла, исходящей от изучаемого персонажем предмета. С другой стороны, в рамках этого произведения некоторый намек на грядущее несчастье вполне оправдан.

В данном случае эквивалент выбран верно, поскольку слово беспокойство (т.е. нарушение покоя, тревожное состояние [5, с. 33]) несет в себе то же значение, что и слово *haunting*, которое показывает, что персонаж испытывает тревогу, в какой-то степени даже муку.

Как следует из изученных нами примеров, перевод. А. Спаль более полно передает атмосферу ужаса оригинального произведения, чем перевод О. Алякринского.

Теперь рассмотрим перевод, выполненный В. Бернацкой:

Среди отдельных рельефов выделялись фантастические чудовища – наполовину рыбы, наполовину жабы, злобный вид которых вызывал отвращение. Глядя на них, я, казалось, вспоминал что-то давно позабытое, испытывая при этом неприятное чувство потревоженного подсознания –

псевдопамяти, как если бы они вызывали образы из самых недр клеток и тканей [2, с. 332].

Здесь мы можем видеть, что слово *haunting* при переводе было опущено, а сама конструкция подверглась значительному изменению. Бернацкая, как и другие переводчики, использовала слова чудовище, отвращение, неприятный. Кроме того, В. Бернацкой так же удалось избежать ошибки в переводе слова *fabulous*, допущенной О. Алякринским. Выбранное ей слово фантастический так же не имеет однозначную положительную коннотацию, хотя и не так точно попадает в тон оригинального текста, как использованное А. Спаль слово мифический.

Пожалуй, слово злобный (т.е. исполненный злобы [5, с. 163]) наиболее точно передает то, что хотел сказать Лавкрафт, используя в оригинальном тексте слово *malignity*. Это не указание на будущее несчастье, но характеристика вещи. Первобытный инстинкт подсказывает герою, что изучаемая им вещь связана со злом, но он не знает о том, что случится дальше.

Изучив отрывок из перевода В. Бернацкой мы можем сделать вывод, что ее перевод является более нейтральным, атмосфера ужаса в нем раскрыта менее полно, чем у А. Спаль и О. Алякринского.

Феномен ужаса – явление многоаспектное, которое относится к сфере психологии, философии и лингвистики. На основании изученных примеров мы можем прийти к заключению, что ужас часто сопровождается отрицательными (ненависть, агрессия, боль) эмоциями. Большинство из выявленных эмоций присутствуют как лингвокультуре как русского, так и английского языков. Анализ показывает, что наиболее точно авторская атмосфера передана в переводе, выполненном А. Спаль. Именно этот переводчик успешно справился не только со своей непосредственной работой, но и с передачей ощущения ужаса, которое автор вкладывал в свой текст. Рассмотрев варианты перевода фрагмента произведения Г. Ф. Лавкрафта, можно убедиться в том, что верный выбор лексических средств имеет решающую роль для передачи отрицательных эмоций, созданных автором.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2013. 288 с.
2. Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху. М.: Изд-во АСТ, 2016. 416 с.

3. Лавкрафт Г. Ф. Иные боги и другие истории. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015. 672 с.
4. Лавкрафт Г. Ф. Морок над Инсмутом: Повести, сонеты. СПб: Издат. группа «Азбука-классика», 2010. 352 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов. М.: ООО Изд-во Оникс, 2007. 640 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80&all=x> (дата обращения 10.10.2017).
6. Lovecraft H. P. The Shadow over Innsmouth. [Электронный ресурс]. URL // <http://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/soi.aspx> (дата обращения 10.10.2017).
7. Oxford Student's Dictionary. Oxford University Press, 2007. 1232 с.

Боронин А.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Об информационном подходе в лингвистической лимологии

Аннотация. В настоящей публикации рассматриваются основы информационного подхода, релевантного для лингвистической лимологии. Осуществляется рефлексия над методологически нагруженной категорией «информация/информативность». Раскрываются особенности первого этапа формирования лингвистической лимологии (лимологической лингвистики) в «онтогенетическом» аспекте. Впервые используется понятие «естественная сегментация текста».

Ключевые слова: лингвистическая лимология, информация, информативность, текст, научный трансфер, сегментация.

A. Boronin

Moscow Region State University (Moscow)

Informational approach towards linguistic limology

Abstract. The present paper covers the basics of the informational approach that is relevant to linguistic limology. The methodological category of “information/informativity” is analyzed. The peculiar features of the first stage of the formation of linguistic limology (limological linguistics) in the “ontogenetic” aspect are characterized. The notion of natural segmentation of a text is proposed.

Keywords: linguistic limology, information, informativity, text, scientific transfer, segmentation.

Методологические ориентиры далеко не всегда являются очевидными для начинающих учёных. Зачастую они задаются традицией, формируются под воздействием авторитета. Выкристаллизовывание новой методологии – ещё более сложный процесс, который подразумевает не

только поступательную стадиальность, но и возвращение к ранее апробированным исследовательским установкам, а также разного рода дивергенции. Хочется с удовлетворением констатировать, что наш собственный исследовательский путь допустимо характеризовать как именно стадиальное поступательное развитие идеи лимологичности. В настоящей публикации рассматриваются основы информационного подхода, релевантного для лингвистической лимологии. Первый этап формирования лингвистической лимологии в онтогенетическом аспекте связан с рефлексией над методологически нагруженной категорией «информация/информативность». Автор этих строк опубликовал целый ряд работ, посвящённых рассмотрению природы понятия «информация» и возможности его применения в лингвистической сфере [1, с. 11; 2, с. 4–11; 3, с. 12–31; 4, с. 4–18; 5, с. 456–457; 6, с. 13–22; 7, с. 16–18].

Главный вызов для исследователя на этом этапе заключался в корректном использовании этого понятия в языкознании, то есть в успешном научном трансфере. Основная сложность, связанная с научным трансфером этого понятия заключалась в преодолении стереотипа о нелингвистичности исследуемой категории. В самом деле, для лингвиста чаще всего осязаемой становится система языковых элементов и отношений между ними, при этом та природная и социальная реальность, в которую встроены эти взаимозависимые элементы, в предельном случае является для исследователя прозрачной либо отходит в тень. Возникает парадоксальная и едва ли желательная ситуация устранения сложного метазнака, необоснованно сужающая проблемное поле в лингвистике [ср. 8, с. 22–25].

К счастью, такую ситуацию нельзя признать актуальной, поскольку ещё в последней трети 20-го века в семантике прослеживаются отрадные тенденции: попытки преодоления установки на примат языка как системы и отмечается рост интереса к проблеме референции, а также к смысловым связям прагматического плана.

Основной вывод этапа научно-исследовательской работы, реализующего информационный подход, можно сформулировать следующим образом: так как язык это активный инструмент межличностного и социального взаимодействия индивидов, категория «информация/информативность», присущая ему органически и, следовательно, не может выводиться из проблемного поля языкознания. Таким образом, допустимо говорить о нелингвистичности отдельных

классификаций (но едва ли типологий, в силу их отсутствия) видов информации. Категорию «информация/информативность» вполне обоснованно можно считать исключительно важной для реализации лингвистического подхода к исследованию языковых и речевых явлений.

Дело в том, что информационное поле можно уподобить зеркалу, отражающему естественную дискретность объектов (в первую очередь) и явлений действительного мира. Именно взаимодействие последнего с этим зеркалом порождает реальность как коммуникативный феномен. Кроме того, использования понятия «информация» в лингвистике позволяет количественно исчислить семантический объём языковой или речевой (текст) единицы.

Ориентация на информацию как на методологическую категорию позволяет нам осуществлять естественную сегментацию текста. Этим потенциал названной категории не ограничивается. Поскольку виды информации отличаются разной степенью абстракции, позволительно констатировать важную роль информации как фактора, позволяющего осуществить делимитацию текста:

Some other wind had blown, she could tell it, and already he had lost interest in her. There was something hard in his pocket; it hurt her side; she put her hand in. The metal chamber had absorbed all the cold there had been in the windy ride. She whispered fearfully, "Why are you carrying that?" She had always before drawn a line round his recklessness. When her father had said he was crazy she had secretly and possessively smiled because she thought she knew the extent of his craziness. Now, while she waited for him to answer her, she could feel his craziness go on and on and out of her reach, out of her sight; she couldn't see where it ended; it had no end, she couldn't possess it any more than she could possess a darkness or a desert [9, с. 49].

Можно полагать, что подобные примеры способны убедительно свидетельствовать о писательском мастерстве. В данной микроситуации происходит филигранное преломление содержательно-фактуальной (по И.Р. Гальперину) в концептуальную информацию, что задаёт онтологические границы текста – рассказа Грэма Грина «Поездка за город».

Даже небольшой интерпретативный этюд проясняет, насколько велика роль информационного подхода в теории и практике лингвистической лингвистики. Очевидно, что дальнейшее становление этого подхода в рамках указанного направления, связанного с дифференциацией

функциональных ролей разных видов информации в сегментации и делимитации текстов разнообразных жанров.

Список литературы

1. Боронин А. А. Анализ информационной структуры фрагмента текста как способ изучения текстовой категории «информативность» // Перевод и переводоведение. Тезисы выступлений на научной теоретической конференции МГОУ (15 апреля 2004 г.). М.: МГОУ, 2004. С. 11.

2. Боронин А. А. Информативность глаголов говорения и наречий, характеризующих речевое действие (на материале романов Д. Голсуорси) // Проблемы теории языка и переводоведения. Сборник статей № 21. М., МГОУ, 2004. С. 4–11.

3. Боронин А. А. Информация об адресанте в авторском вводе прямой речи (на материале романов Дж. Голсуорси) // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Сб. науч. трудов. Вып. III. М.: изд-во МГОУ, 2004. С. 12–31.

4. Боронин А. А. К вопросу об изучении информации авторских вводов прямой речи (на материале романов Дж. Голсуорси) // Проблемы лингвистики и меж-культурной коммуникации. Сб. науч. трудов. Вып. II. М.: изд-во МГОУ, 2003. С. 4–18.

5. Боронин А. А. О содержательно-фактуальной информации авторских вводов прямой речи в художественной прозе // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16–18 апреля 2003 г. Тамбов, изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 456–457.

6. Боронин А. А. О трактовке понятия «информация» в лингвистике // Проблемы лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. VI. М.: изд-во МГОУ, 2004. С. 13–22.

7. Боронин А. А. Текстовая категория «информативность» и организация работы с иноязычным текстом в неязыковом вузе // Научные и методические проблемы преподавания иностранных языков в медицинских и фармацевтических вузах. Тезисы и доклады Всероссийской учебно-методической конференции заведующих кафедрами иностранных языков высших медицинских и фармакологических учебных заведений. Астрахань: АГМА, 2003. С. 16–18.

8. Боронин А. А., Мотина Н. А. Коммуникативный контекст как сложный метазнак (лимологический аспект) // Значимые личности в языке

и культуре: к юбилею со дня рождения Ю. М. Лотмана: сб. ст. по мат-лам Межвуз. научно-практич. семинара (г. Москва, 27 апреля 2017). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 22–25.

9. Сборник рассказов современных английских писателей (на английском языке) / Ред. Е. К. Минеева. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1961. 171 с.

Бурлакова И.И.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Место интерактивных технологий на занятиях по иностранному языку

Аннотация. Интерактивное педагогическое взаимодействие является альтернативой традиционному педагогическому взаимодействию. Интерактивные технологии способствуют повышению качества языковой подготовки обучающихся, выходят за пределы учебных целей и направлены на достижение личностного результата образования через самопознание и познание других людей.

Ключевые слова: профессиональное образование, методика преподавания иностранного языка, интерактивные технологии.

I. Burlakova

Moscow City Teachers' Training University (Moscow)

Place of interactive technologies in a foreign language classroom

Abstract. Pedagogical interaction is an alternative to traditional one. Interactive technologies contribute to the quality of language training of students beyond learning objectives and aim at achieving a personal result of education through self-knowledge and knowledge of others.

Keywords: professional education, methodology of foreign language teaching, interactive technology.

Изучение иностранного языка открывает путь к свободному общению людей разных национальностей, диалогу культур, взаимопониманию и взаимопроникновению культур. Иностранный язык выступает не только как средство познания мира, приобщения к культуре и традициям других народов, но и как средство трансляции собственной культуры. Поэтому знание иностранного языка в настоящее время является одной из основных характеристик современного человека. Языковая политика сегодня направлена на создание благоприятных условий для изучения иностранного языка с целью удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей.

Основной задачей иноязычного образования в XXI веке, объявленном ЮНЕСКО «веком полиглотов», стало всемерное содействие устойчивому непрерывному развитию языковой личности. Это означает, что преподавателю необходимо не только формировать у студентов способность практически пользоваться иностранным языком в различных социально-обусловленных ситуациях, но также приобщать обучаемых к иному образу национального сознания, иному образу мира, научить распознавать мотивы поведения личности, принадлежащей общности, где действует другая система ценностей. Говоря о современном российском иноязычном образовании, можно проследить ряд тенденций, определяющих направления научных исследований, практической деятельности, создания научно-методических материалов, учебников и УМК. Среди них следует назвать: гуманизацию и глобализацию, как образования вообще, так и языкового образования, в частности; использование коммуникативного, компетентностного, личностно-ориентированного, деятельностно-ориентированного, интегративного, вариативного, межкультурного и социокультурного подходов, а также все более активное применение мультимедийных, информационно-коммуникационных и интерактивных технологий в образовательном процессе [5, с. 28–32].

Как показал контент-анализ научно-методической литературы по данной проблематике, задача педагога состоит в том, чтобы выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому ученику проявить свою индивидуальность, активность, творчество. Важным и значимым моментом является необходимость поставить ученика в центр образовательного процесса, сделать его активным субъектом обучения, организовать его взаимодействие с другими обучающимися, придать учебному процессу реальную, практическую направленность [1, с. 93].

Интерактивное педагогическое взаимодействие является альтернативой традиционному педагогическому взаимодействию. Приоритетами интерактивного педагогического процесса являются такие характеристики, как процессуальность, деятельность, общение, диалог, возможность самовыражения, творчество, рефлексия и др. Традиционное же педагогическое воздействие как атрибут авторитарного педагогического процесса направлено, прежде всего, на формальное выполнение обязательной учебной программы [2, с. 58].

Интерактивный метод в педагогике интерпретируется как способ целенаправленного взаимодействия педагога и учащегося для решения педагогических задач, т.е. для развития. Смысл «интерактивных методов» складывается из дефиниций понятий «интерактивный» (интеракция) и «метод». В понятии «интеракции» можно выделить два слагаемых: «интер» – между; «акция» – усиленная деятельность. Таким образом, интеракцию можно трактовать как усиленную деятельность между кем-либо [2, с. 58]. Исходя из этого, интерактивные методы мы определяем как способы целенаправленного усиленного межсубъективного взаимодействия педагога и обучающихся по созданию оптимальных условий своего развития.

При реализации интерактивных методов на практике доминирует не деятельность преподавателя (преподавание), а деятельность обучающегося (учение). Педагог в интерактивном методе не является транслятором готовой информации, а организует самостоятельную познавательную деятельность студента по продуцированию знаний об окружающей действительности, побуждает к поиску, исследованию явлений и процессов, самостоятельному решению проблем. Педагог – лишь один из источников информации. Его функция - создание благоприятных условий для проявления обучающимися активности, инициативы в познавательной деятельности. Ведущая роль педагога в интерактивных методах – фасилитатор, т.е. помощник в организации мыследеятельности, смыслов творчества, рефлексивной деятельности учащихся. Активности (интерактивности) обучающихся способствует сочетание в интерактивных методах общих организованных форм педагогического взаимодействия: фронтальный, групповой, парный и индивидуальный. Практически каждый интерактивный метод предполагает взаимосвязь и сочетание фронтальной (со всеми учениками), а также групповой (выполняемой в творческих группах), парной (выполняемой в парах) и индивидуальной работы обучающихся [4, с. 59].

Анализ практики реализации интерактивных методов обучения позволил выделить и другие признаки рассматриваемого метода: антропологическая направленность, полилогизация, диалогизация, мыследеятельность, смысловое творчество, межсубъективные отношения, свобода выбора, ситуация успеха, позитивность и оптимистичность оценивания, рефлексивность и др. Все названные признаки интерактивного педагогического взаимодействия обуславливают друг

друга, интегрируются в единый комплекс атрибутов, составляющих содержательную и технологическую основу использования в педагогическом процессе интерактивных методов.

Классифицировать интерактивные методы можно по их ведущей функции в педагогическом взаимодействии на следующие группы: методы создания благоприятной атмосферы в процессе организации коммуникации; методы организации обмена деятельностью; методы организации смысловорчества; методы организации рефлексивной деятельности; интерактивные игры. Используя интерактивные технологии на занятиях, педагог создаёт обстановку, в которой взаимоотношения между ним и студентами придают учебным занятиям не только познавательный, но и воспитательный характер. Интерактивные технологии выходят за пределы учебных целей и направлены на достижение личностного результата образования через самопознание и познание других людей, формируют мировоззрение, способствуют личностному развитию и пониманию поступков и мотивов поведения окружающих, развивают у обучающихся коммуникативную компетенцию. Интерактивные технологии предполагают сотворчество, сотрудничество, когда педагог и студент являются субъектами образовательного процесса. Преподаватель, как правило, выступает в роли организатора обучения, создавая условия для инициативы обучающихся, а результаты обучения достигаются взаимными усилиями всех участников учебного процесса [3, с. 20].

Технология проведения учебного занятия в интерактивном режиме представляет собой комплекс реализации интерактивных методов в целях оптимального развития субъектов учебного процесса. Начинается такое взаимодействие с реализации метода, направленного на создание благоприятной атмосферы и организацию коммуникации («Цитата», «Предвидение», «Аллитерация имени», «Прогноз» и т.д.). Затем организуется интенсивное взаимодействие обучающихся между собой через реализацию интерактивных методов, в основе которых лежит групповая деятельность, мыследеятельность и смысловорчество («Перекрёстные группы», «Аквариум», «1X2X4» и т.д.). Завершается занятие рефлексией состоявшегося взаимодействия. Среди рефлексивных методов назовём такие как («Пропуск на выход», «Возникшей вопрос», «Письмо в будущее», «Рефлексивный круг», «Завершите фразу», «Телеграмма» и т.д.) [3, с. 24–25].

В качестве примера, для оптимизации процесса усвоения иностранного языка, мы используем различные варианты интерактивных методов. Обсуждения разных взглядов на проблему можно организовать, используя элементы дискуссии. Так, например, после изложения теоретического материала и предварительной практической подготовки студенты делятся на две группы, в зависимости от того, какая точка зрения им наиболее близка. Затем они формулируют вопросы для противоположной группы. Преподаватель на этом этапе занятия выступает в качестве консультанта. Далее группы задают друг другу вопросы, обсуждают полученные ответы. Достоинство интерактивной технологии заключается в том, что у обучающихся формируется потребность и вырабатывается умение всесторонне рассматривать предложенную для обсуждения проблему. На занятиях мы использовали такие интерактивные технологии как: анализ конкретных ситуаций, «кейсы», дискуссию, ролевую игру, мозговой штурм, игры-драматизации реальных жизненных ситуаций и др.

Внимания заслуживает технология анализа конкретных ситуаций, которая помогает оптимизировать процесс языковой подготовки обучающихся, а также достаточно проста в подготовке и применении. В основе данной технологии лежит описание конкретной ситуации (в педагогическом вузе предлагаются реальные педагогические ситуации из жизни современной школы). При анализе студенты пытаются «вжиться» в обстоятельства, встав на позицию учителя или учеников, понять и оценить их позиции. При подготовке к занятию преподаватель разрабатывает конкретную ситуацию для ее последующего анализа. Здесь важно учитывать ряд требований: выбранная ситуация должна быть логично связана с содержанием занятия; содержание ситуации должно отражать реальные события или факты; сложность описанной ситуации должна соответствовать уровню подготовки обучающихся. Технология выполнения заданий по анализу конкретных ситуаций проводится на этапе индивидуальной работы, когда студенты получают задание, в котором им предлагается проанализировать текстовый фрагмент описания ситуации. В ходе самостоятельной работы они анализируют поведение участников ситуации, фиксируют возможные варианты решений, оценивают их. На этапе работы в микрогруппах студенты совместно обсуждают полученные результаты и предлагают свои варианты решения ситуации. На итоговом

этапе проводится общегрупповое обсуждение фрагмента и возможных способов поведения в описанной ситуации.

Задания - «кейсы» также имеют положительный эффект и открывают широкие возможности для изучения более полного усвоения материала. Эта технология предполагает работу в микрогруппах, когда участники каждой подгруппы самостоятельно подбирают и описывают реальные ситуации, получая техническое задание на разработку «кейса», а затем предлагают другой подгруппе в течение определенного времени указать способы ее решения. Алгоритм разработки «кейса» осуществляется по следующей схеме: название ситуации, ее содержание (где и когда она происходила, как развивались события); фактическая информация, необходимая для уточнения (участники, внешняя среда, условия и т.д.); формулировка вопроса по разрешению «кейса». Разработанный «кейс» предоставляется на отдельном листе бумаги и передается другой подгруппе. Получив задание, подгруппы в течение получаса выполняют творческое задание, суть которого заключалась в том, чтобы, проанализировав предложенную ситуацию, предложить различные способы ее решения. На заключительном этапе участники подгрупп обсуждают другие варианты разрешения предложенных ситуаций.

Таким образом, описанная часть интерактивных технологий способствует повышению качества языковой и речевой подготовки обучающихся за счет того, что в освоении знаний и умений активно участвуют мыслительные процессы, стимулированные необходимостью совершать непосредственные действия. Используя межпредметные знания и метапредметные умения, студенты могут проанализировать, оценить и спрогнозировать явления, с которыми они столкнутся в реальной действительности.

Более того, интерактивные технологии несут воспитательный эффект, когда преподаватель не только высказывает научно аргументированную точку зрения, но и выражает свое личное отношение к проблеме, свою мировоззренческую и нравственную позицию, предлагая студентам доверительную форму общения. Можно с уверенностью утверждать, что современные интерактивные технологии направлены на повышение активности обучающихся. Их целенаправленное и систематическое использование способствуют: совершенствованию умений обучающихся в устной и письменной речи, расширению кругозора, развитию коммуникативных умений, учит работать в коллективе,

стимулирует обучающихся быть деятельными, развивает у них интерес, воображение, творческие способности, самостоятельность.

Таким образом, большие надежды на повышение качества профессионального образования и кардинальные изменения в учебном процессе возлагаются на современные технологии обучения. Особенностью ФГОС является их деятельностный характер, который ставит главной задачей не только предметный результат, но воспитание и развитие личности будущего педагога. Выполнение обозначенной задачи требует перехода к деятельностной парадигме в системе преподавания. В ходе обучения у студентов возникает необходимость постоянной апробации полученных на занятиях знаний и умений в условиях реальной жизненной ситуации. С целью овладения студентами коммуникативной компетенцией, оптимизации процесса практической подготовки к общению на иностранном языке и возможностью эффективного обучения учащихся школ мы предлагаем использовать интерактивные технологии, которые апробировали на занятиях иностранным языком в Московском городском педагогическом университете.

Список литературы

1. Бурлакова И. И. Использование интерактивных методик в преподавании иностранных языков. // Диалог языков и культур: актуальные проблемы и их инновационные решения. Материалы международного научно-методического симпозиума. 17–18 мая, 2012 г. Пятигорск: Изд-во: ПГЛУ, 2012. С. 91–94.
2. Бурлакова И. И. Творческая активность студентов – начало профессиональной карьеры. // СПО. М.: СПО, 2011. №6. С. 57–59.
3. Кашлев И. И. Интерактивные методы обучения. Минск: ТетраСистем, 2011. 224 с.
4. Садохин А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 198 с.
5. Тарева Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания. / Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 2017. С. 17–44.

Бухтиярова С.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Формирование языковой личности на стыке евразийских культур

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу формирования вербально-семантического и когнитивного уровней языковой личности, предполагающих естественное владение разноструктурными языками различных лингвокультур.

Ключевые слова: лингводидактика, межкультурное общение, языковые средства, национально-культурное сознание, лингвистические универсалии, интерференция, индивидуальные стратегии и техники усвоения языка.

S. Bukhtiyarova

Moscow Region State University (Moscow)

Formation of a language personality at the junction of Eurasian cultures

Abstract. The paper is devoted to the problem of the formation of the verbal-semantic and cognitive levels of a linguistic personality, which imply the knowledge of structurally different languages of different linguocultures.

Keywords: linguodidactics, intercultural communication, linguistic means, national-cultural consciousness, linguistic universals, interference, individual strategies and language assimilation techniques.

С середины 1980-х годов отечественная лингводидактика рассматривала «язык как средство формирования мышления и ментальности личности», «способность человека понимать и порождать речевые высказывания родового свойства», «общую компетенцию», «языковое и когнитивное сознание», «языковую личность» как исходные категории в процессе обучения иностранному языку, в ходе которого происходит субъектно-объектное взаимодействие учащихся с чужой лингвокультурой при последовательной ориентации на родной язык и исходную культуру [Гальскова Н. Д., Гез Н. И., 2007, с. 13]. Таким образом, в условиях межкультурного общения студенты используют свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции и привычки и одновременно оказываются перед необходимостью учитывать иной языковой код, иные обычаи и традиции, иные нормы социального поведения, часто весьма далекие от родного. В фокусе интересов студентов старших курсов переводческих факультетов и институтов, следовательно, находятся языковые средства, выступающие объективаторами образов национально-культурного сознания, то есть содержащие смыслообразующий национально-культурный компонент и

отличающиеся по нему от аналогичных элементов в сопоставляемом языке или же сопоставляемых языках.

По мнению А. В. Щепиловой, в языковом сознании билингва формируется «общий фонд лингвистических представлений». Студент привычно анализирует систему нового языка через призму уже известных языков. Новый язык начинает «кодироваться» в том же пространстве, в котором располагается родной язык и иностранные языки, изученные ранее. Этот общий фонд содержит представления об универсальных свойствах человеческого языка, о типическом в языках, о принципах, на которых строится речевая деятельность на любом языке [Щепилова А. В., 2005, с. 43]. Общими являются представления о разграничении имени и глагола, имен существительных – собственных и нарицательных, о гласных и согласных звуках, полисемии и других фактах. Наряду с ними, в сознании учащегося существуют отдельные системы представлений о разных языках, содержащие некие детали и примеры из этих языков, свойственные только им специфические правила. Так, в китайском языке существуют звуки, которых нет в русском, смыслоразличительные тоны (4 в классическом и 11 единиц в диалектах). Звуковой образ слова не совпадает с его графическим образом, в отличие от русского, английского или французского и немецкого. Китайский язык насчитывает более 90 000 иероглифов. Таким образом, интонационный рисунок речи, ее ритм и артикуляция фонем приводят к фонологической интерференции.

Грамматическая интерференция также частотна при овладении неродным языком, а тем более вторым иностранным. Характер грамматической интерференции различается на морфологическом и синтаксическом уровнях. Морфологическая интерференция, по А. В. Щепиловой, – это наблюдаемые в речи отклонения от нормы, связанные с нарушением категориальных признаков частей речи, возникающие под влиянием соответствующих категорий интерферирующего языка. Грамматическая синтаксическая интерференция связана с нарушениями сочетаемости элементов языка – реципиента в речевой цепи под воздействием моделей сочетаемости языка – донора [Щепилова А. В., 2005, с. 50–51]. Так, формы французского существительного, в отличие от русского, выражают только два грамматических значения – род и число, которые в устной речи часто остаются без морфологического выражения. Одушевленность в русском языке передается противопоставлением форм винительного падежа, тогда

как во французском она выражается вне существительного, посредством местоимений, заменяющих имя в функции косвенного дополнения. Количественная детерминация (целостность/частичность) во французском языке передается формами артикля (*le, la/du, de la*), а в русском – оппозицией винительного и родительного падежей (выпил молоко – хотите молока). Значения падежей русского языка во французском выражаются предлогами или порядком слов. На первый взгляд, тождественная для русского и французского языков (не забудем об их общих индоевропейских языковых основах) категория лица обнаруживает расхождение в графическом оформлении личного местоимения 2-го лица множественного числа. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «в русском языке с большой буквы пишется местоимение «Вы», когда оно употребляется в единственном числе, то есть, относится к одному человеку. Таким образом подчеркивается особенно вежливое и почтительное отношение к другому человеку – не к себе, любимому, а к другому, уважаемому» [Тер-Минасова С. Г., 2000, с. 214].

Синтаксическая интерференция проявляется в неосознанной имитации родного и/или первого иностранного языка. Например, употребление лишнего отрицания (*Il ne voit pas personne*) или исключение глагола-связки *etre* в составном именном сказуемом. Очень часто преподаватели французского языка сталкиваются с репласацией, а именно постановкой любого французского прилагательного перед существительным, в препозицию, свойственную русскому и английскому языкам.

Таким образом, мы приходим к выводу, что ошибки в речи на иностранном языке могут быть вызваны интерферирующим влиянием ранее изученных языков и неточным применением когнитивных стратегий при освоении явлений нового языка. Поэтому важнейшей задачей преподавателя становится организация занятия, формирующего и закрепляющего языковое понятие или правило, на котором студенты учатся самостоятельно добывать знания, используют индивидуальные стратегии и техники усвоения языка, приобщаются к различным стратегиям опосредованного и непосредственного общения, формируют языковую картину мира, аналогичную той, которой обладают носители изучаемых языков – представители иного лингвосоциума.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв.ун-тов и фак.ин.яз.вышш.пед.учеб.заведений. 4-е изд.. стереотип. М.: Академия, 2007. 336 с.

2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

3. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Гуманитар. изд.центр ВЛАДОС, 2005. 245 с.

Валуйцева И.И.

Московский государственный областной университет (Москва)

Латиница или кириллица: об одном лингвистическом аспекте евразийской теории

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения научных и политических взглядов на примере «евразийской лингвистики» Н.С.Трубецкого. Показано, что при обсуждении реформы системы письма политические воззрения побеждают научную аргументацию.

Ключевые слова: евразийство, Н.С.Трубецкой, реформа системы письма, латинизация алфавита, политизация науки.

I. Valuitseva

Moscow Region State University (Moscow)

Latin or Cyrillic: about one linguistic aspect of the Eurasian theory

Abstract. The paper considers the problem of correlation of scientific and political views by the example of N.S. Trubetzkoy's "Eurasian linguistics". It is shown that in discussing a writing system reform, political views prevail over scientific argumentation.

Keywords: Eurasianism, N.S. Trubetzkoy, writing system reform, Latinization of alphabet, politization of science.

Сергей Николаевич Трубецкой (1890–1938) для студентов-лингвистов – это, прежде всего, автор «Основ фонологии», один из основателей Пражского лингвистического кружка и автор идеи языковых союзов. Для философов и политиков он – основатель евразийского движения (20-е – 30-е годы 20 в.). Представители неоевразийства, в частности, известный современный отечественный общественный деятель и философ А. Г. Дугин в своих многочисленных выступлениях и книгах выделяет лингвистическую «составляющую» деятельности

С. Н. Трубецкого как одного из основоположников структурного подхода к языку. Философско-публицистическая «составляющая» творчества ученого широким кругам лингвистов известна в значительно меньшей степени. Поэтому в приводящемся далее высказывании Е. Д. Поливанова «...Я решительно отмечаю те культурно-исторические и политические теории, которые развивались сторонниками евразизма, в частности, на почве лингвистических фактов... там, где от языковой действительности делается фантастический скачок к предвзятым мнениям исторического идеализма, там кончается наука и начинается белогвардейская метафизика. В частности, и сами языковые факты, привлекаемые к обоснованию евразийской теории, при их ближайшем рассмотрении, например, при конкретном выяснении юго-восточной границы «евразийского языкового союза»... могут только предостеречь против тех обобщений, до которых доходят лучшие представители современной лингвистики, когда они перестают быть лингвистами [2, с.116–117] далеко не каждый отождествит критикуемых «авторов евразийской теории» с двумя крупнейшими языковедами 20 века: Николаем Сергеевичем Трубецким и Романом Осиповичем Якобсоном.

Зададимся вопросом, действительно ли «евразийская тенденция» в лингвистическом исследовании выводит его за пределы собственно науки? И шире – в какой степени мировоззренческие позиции учёного определяют трактовку им тех или иных конкретных проблем в соответствующей области знания?

В статье Н. С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» – едва ли не самом программном документе «евразийской лингвистики» – можно прочесть о «наказании за коллективное грехопадение всего человечества», необходимости «резкого и безусловного осуждения попыток... создания однородной человеческой культуры как попыток богопротивных» [3, сс. 327; 335] и тому подобных вещах явно не лингвистического характера. Но обоснование концепции «языковых союзов» ведётся в традиционных для лингвистики терминах: говорится о распадении языка на говоры, подговоры и т.д., о наличии переходных говоров, распаде исходного языка на родственные языки – т.е. излагаются элементарные положения классической компаративистики – и лишь затем читатель подводиться к основной идее: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство

это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название «языковых союзов». Такие «языковые союзы» существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, т.е. случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространённых в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в «союз языковых семейств»... Такие «союзы» генетически, по-видимому, друг с другом неродственных лингвистических семейств распространены по всему земному шару. При этом часто бывает, что одно и то же семейство или одиноко стоящий язык принадлежит сразу к двум союзам или колеблется между двумя соседними союзами, играя, таким образом, ту же роль, что переходные говоры в генетической классификации. – Таким образом, принимая во внимание обе возможные группировки языков, генетическую (по семействам) и негенетическую (по союзам), можно сказать, что все языки земного шара представляют некоторую непрерывную сеть взаимнопереходящих друг в друга звеньев, как бы радужную. И именно в силу непрерывности этой языковой радужной сети и в силу постепенности переходов от одного её сегмента к другому общая система языков земного шара при всём своём пёстром многообразии представляет всё же некоторое, правда, только умопостигаемое, единое целое» [3, с 433–434].

И возможность группировки языков не только по генетическому принципу, и признание различного рода переходных явлений как между диалектами, так и между самостоятельными языками (причём, как уточняет сам Трубецкой и как признаёт и современная наука, «споры о том, является ли данная единица деления языком или наречием... одними средствами лингвистической науки разрешены быть не могут» [3, с. 332]), и указание на возможность взаимопроникновения элементов различных языков друг в друга, о чём за несколько десятилетий до Трубецкого писали Г. Шухардт и И. А. Бодуэн де Куртенэ, лингвистикой того времени (да и сейчас) не отвергались. Дальнейшее («лингвокультурологическое», по современной терминологии) рассуждение учёного: «Распределение и взаимное соотношение культур не совпадает с группировкой языков. Носители языков не только одного семейства, но и одной и той же ветви могут принадлежать к разным типам культур... И всё же распределение и взаимные соотношения культур основаны, в общем, на тех же принципах,

что и соотношения языков, с тою лишь разницей, что то, что в культуре соответствует «семействам», имеет гораздо меньше значения, чем то, что соответствует «союзам». Культуры отдельных соседних друг с другом народов представляют всегда целый ряд черт, сходных между собой. Благодаря этому среди культур обозначаются известные культурно-исторические зоны... Границы всех этих зон взаимно перекрещиваются, так что образуются культуры смешанного или переходного типа... В результате получается та же радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности» [3, с. 434] также проводится в границах лингвистического подхода.

Именно этим, на наш взгляд, и объясняется то, что концепция языковых союзов – фактически в том самом виде, в каком её сформулировали Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон – была принята подавляющим большинством лингвистов, а многие, использующие данное понятие в наши дни, даже не догадываются о его «евразийской» родословной.

Однако, на наш взгляд, можно говорить не просто об «отголоске», а о явном проявлении евразийской идеологии в подходе к вопросу о сопоставлении русского и латинского алфавитов.

Как раз в период расцвета евразийской идеологии среди части русской эмиграции в 20-е годы 20 в. в Советском Союзе осуществлялось масштабное языковое строительство – латинизация большинства письменностей, главным образом, ранее пользовавшихся арабской графикой, и создание новых алфавитных систем на латинской основе. Ставился даже вопрос о распространении этого процесса на русский язык. Как мы отмечали в одной из предшествующих работ [4, с. 70–81], нарком просвещения А. В. Луначарский был сторонником латинизации русского письма, причем система доказательств была сходной: «выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком» [1]. Наиболее известным сторонником латинизации в те годы являлся Н. Ф. Яковлев. Аргументация «латинизаторов» была двоякой. С одной стороны, применялись весьма действенные в те годы доводы политического характера: утверждалось, что «русский гражданский алфавит в его истории являлся орудием самодержавного гнёта... великорусского национал-шовинизма...

идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики», тогда как «латинский алфавит в настоящее время уже фактически перерос в международную графическую основу» и, следовательно, «международный алфавит на латинской основе есть шаг на пути к международному языку». С другой стороны, выдвигались и доказательства якобы научного характера: «Латинская графика в большей степени, чем русский гражданский шрифт, отвечает уровню развития современной полиграфической техники и физиологии чтения и письма. Это объясняется тем, что современная латинская графика, как и физиология глаза и руки современного человека, соответствует современному уровню развития техники, тогда как графические формы современного русского алфавита (как и других национальных алфавитов Востока) отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и техники письма и чтения. Поэтому формы латинских букв по сравнению с русскими экономнее в смысле пространства, более чётки и удобны для чтения и письма и более красивы и удобны для художественной стилизации» [5].

Вот этому весьма распространённому в определённых кругах «латинофильству» и противопоставляет свою евразийскую (уже без кавычек) позицию Н. С. Трубецкой: «...Для культурной роли русского алфавита важно не только то, насколько он приспособлен к русскому языку, но и то, насколько на его основе можно построить алфавиты других языков Евразии. И следует признать, что в этом отношении русский алфавит представляет громадные удобства и приспособлен гораздо больше, чем какие-либо другие алфавиты Европы, Евразии и Азии» [3, с. 202]. И, ссылаясь на такие факты, как относительно малое число в нём надстрочных и подстрочных знаков (что даёт возможность использовать их для обозначения звуковых единиц других языков), наличие в дореформенном алфавите «лишних» букв типа ѵ(ижицы), Ѡ (фиты), І, ѣ и т.д. (не говоря уже об имеющихся в церковной кириллице юсах, омеге и др.), а также возможность «по мере надобности присоединять отдельные греческие и латинские буквы, почти не нарушая общего графического стиля», Трубецкой констатирует: «Таким образом, по своей гибкости и приспособляемости к звуковой системе разнообразнейших языков русский алфавит занимает совершенно исключительное положение» [3, с. 203].

Отсюда следует вполне естественный с позиций автора вывод: для подавляющего большинства языков Евразии как раз-таки и целесообразно

принять гражданскую кириллицу, хотя для некоторых национальных систем письма допускаются исключения: «Так, грузины имеют свой национальный алфавит, освящённый более чем тысячелетней исторической традицией и прекрасно приспособленный к грузинскому языку; конечно, о замене его каким-либо другим не может быть и речи...» [3, с. 203].

Рассматривая письменность, которой пользовались мусульманские народы России, учёный, с одной стороны, характеризует традиционно использовавшийся ими арабский алфавит как «один из наименее совершенных алфавитов Передней Азии... неуклюжий и неудобный», а с другой – признаёт временную целесообразность латиницы, чтобы избежать обвинений в русификации и «покушении на национальную самобытность». Однако это вынужденное допущение не меняет, согласно Трубецкому, того обстоятельства, что «исторически наиболее естественной и технически удобной основой для национальных алфавитов мусульманских народов Евразии является гражданская кириллица. Надо надеяться, что со временем... станет психологически возможной, а следовательно, практически неизбежной замена противоестественного для евразийских мусульман латинского алфавита национальным алфавитом, основанным на гражданской кириллице – замена, подсказываемая историей, техническими удобствами и педагогической целесообразностью» [3, с. 204–205].

Что же касается латинского алфавита, то здесь аргументация Трубецкого, по сути дела, представляет собой зеркальное отражение тех доводов, которые наличествовали у Н. Ф. Яковлева и других советских «латинизаторов» 20-х – начала 30-х годов. Кириллица противопоставляется латинице в культурно-политическом плане – как «символу обезличивающего империализма романо-германской цивилизации и воинствующего общеромано-германского шовинизма, лицемерно прикрывающегося личиною “интернациональности” и “общечеловечности”» [3, с. 206]. Легко заметить, что стилистика аргументации у Н. С. Трубецкого и Н. Ф. Яковлева совпадают, хотя векторы их «обличения» прямо противоположны. У Н. С. Трубецкого есть и ссылка на якобы присущие латинской графической системе, так сказать, «внутренние пороки»: «Ведь сам по себе латинский алфавит хотя, конечно, и удобнее арабского, но всё же настолько убог и неудобен, что даже большинство романо-греческих народов (так в тексте; очевидно, имеются в

виду романо-германские народы – И. В.) лишь с трудом приспособляют его к своим языкам (вспомним хотя бы те орфографические фокусы и ухищрения, к которым приходится прибегать английскому и французскому языкам!)» [3, с. 205].

Пожалуй, в данном случае упрёк Е. Д. Поливанова в том, что автор этих слов «перестаёт быть лингвистом», превращаясь в публициста, представляется оправданным. Учёному здесь явно изменила научная объективность – как, впрочем, и Н. Ф. Яковлеву с его коллегами.

В заключении хочется отметить, что выбор системы письма продолжается и в наше время: весной 2017 года Президент Казахстана Н. Назарбаев поручил правительству республики разработать комплекс поэтапных мер по переходу с кириллицы на латиницу к 2025 году. В многочисленных комментариях указывается на политический характер принятого решения. Это еще раз подтверждает, что вопрос о системе письма и связанных с ним моментах по самому своему характеру таков, что сохранять беспристрастность здесь вообще достаточно сложно.

Список литературы

1. Луначарский А. В. Латинизация русской письменности (1) // Культура и письменность Востока, 6, 1930. сс. 20–26. Электронный ресурс URL//[http^miesperanto.com/o_russkom_jazyke/lunacharskij.htm](http://miesperanto.com/o_russkom_jazyke/lunacharskij.htm) Дата обращения 5.11.2017
2. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
3. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
4. Хухуни Г. Т., Беляева И. Ф., Валуйцева И.И. и др. Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 168 с.
5. Яковлев Н. В. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока, книга 6. Баку, 1930. // Электронный ресурс www2.unil.ch/slav./ling/textes/jakovlev30a.htm. Дата обращения. 13. 12. 2008.

Васильцова Ю.Г.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: к.филол.н., доцент кафедры индоевропейских и
восточных языков МГОУ Сахарова Н.Г.*

Лексико-стилистические способы отображения темы братства в ранней американской и русской рэп-поэзии

Аннотация. В данной статье проводится лексико-стилистический анализ и сравнение текстов рэп-песен. Тема мало изучена. Полученные результаты могут быть использованы в области теории текста и поэтического языка.

Ключевые слова: тема братства, поэтический язык, рэп-поэзия, лексико-стилистические средства.

Yu. Vasil'tsova

Moscow Region State University (Moscow)

Lexical and stylistic means of expression of brotherhood in early American and Russian rap-poetry

Abstract. The paper deals with a lexical and stylistic analysis and comparison of texts of rap songs. The topic is scarcely studied. The results obtained can be used in the theory of text and poetic diction.

Keywords: brotherhood, poetic language, rap poetry, lexical and stylistic devices.

Поэзия – «особый способ организации речи, не определённой потребностями обыденного языка; словесное художественное творчество, преимущественно стихотворное» [3]. Поэтическое искусство многожанрово: лирика, баллада, поэма, сирвента и многие другие [2]. Одним из современных жанров является рэп.

Рэп – это словесный речитатив с тематическим содержанием [5]. В Соединенных Штатах Америки рэп, как часть хип-хоп культуры, начал зарождаться в 70-ые годы XX века [4]. В начале 1970-х годов рэп появляется в среде афроамериканцев. Родоначальником этого жанра является Кул Херк. Известны также другие поэты: Уандер Майк и Мастер Джи [4]. В России рэп берёт свое начало в конце 1980-ых годов прошлого столетия, когда был записан первый альбом «Рэп» А. Астровым и такими известными поэтами, как Александр Черкес, Валерий Петров, Игорь Маслов, Александр Савельев [5].

В Америке и России рэп возник на фоне классового расслоения, неблагополучия разных слоёв населения, из-за политической ситуации в стране: господствовал бандитизм. Основной темой, которую поднимают

авторы в своих песнях – братство. Она прослеживается в песнях американского рэп-поэта Тупака Шакура («Ambitionz Az A Ridah») [7] и «So Many Tears») [7], а также русского рэп-поэта Левана Горозии («С самых низов») [7]. Братство – это «содружество, основанное на общности целей, взглядов, принципов; дружеская связь, близость» [1]. Тема раскрывается через поэтический язык.

Поэтический язык – «художественная речь, а также система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности» [6, с. 79–92]. В отличие от обыденного языка, у которого основной является коммуникативная функция, в поэтическом языке доминирует эстетическая (поэтическая) функция, реализация которой сосредоточивает большее внимание на самих языковых представлениях (фонических, ритмических, структурных, образно-семантических и др.), так что они становятся самоценными средствами выражения [8]. Таким образом, тема братства в ранней американской рэп-поэзии декодируется при помощи следующих слов: поэтизмов, архаизмов, историзмов, вульгаризмов, сленга. Американский рэп-поэт Тупак Шакур в песне *Ambitionz Az A Ridah* [7] использует вульгаризмы: *whore*, *You need to be on TV as a prostitute and once these greedy bitches* [7], а также сленг: *I smoke the best marijuana and I'm just awesome, live within your concepts* [7] (Я курю лучшую марихуану, и я просто удивительный, жить в рамках ваших концепций). В песне *So Many Tears* [7] используются архаизмы: *thug* [7] (бандит), *homies* [7] (домашний), сленг: *Be the first ta blast* [7] (Будьте первым – взрыв), авторский неологизм *Now rest in peace, Is there heaven for a G* [7] (Теперь покой с миром, есть ли небо для братвы). Русский рэп-поэт Леван Горозия в песне «С самых низов» [7] использует также сленг: «это моя берлога», «залетные давно лежат по сугробам», «от братика, если что будет подмога» [7]. В песне «Бери своё» поэт употребляет архаизм «бунтарь» [7], сленг «здесь маминых мальчиков раскатают в 5 секунд», «мы любим финтить» [7]. Кроме того, оба рэп-поэта увлекаются различными экспрессивными приёмами такими как: гипербола, метафора, эпитет. В песне *Ambitionz Az A Ridah* [7] присутствуют эпитет: *real thug* [7] (реальный бандит), *real boys* [7] (реальные парни), «bandit priorities» [7] (бандитские приоритеты), метафора *bloody text* [7] (кровавый текст), гипербола: *My only desire was to rise* [7] (Мое единственное желание было подняться), *Above these jealous coward assholes* [7]. В песне *So Many Tears* [7] метафора: *valley of death* [7] (долина смерти), *Back in Elementry* [7]

Вернуться в начальную школу), *I had my mind full of deamons tryin' ta break free* [7] (У меня был свой разум, полный демонов, пытающихся освободиться), эпитет *Broken hearted* [7] (Разбитое сердце), *my soul was deleted* [7] (моя душа была удалена). Леван Горозия в песне «С самых низов» [7] предпочитает метафору: «как пахнет доллар», «напролом ледоколом», «хватаясь за шансы зубами», «слово весомо», «здесь не сорят деньгами», «эти свиньи вечно мечут бисер» [7]. В песне «Бери своё» [7] метафора: «поднять на смех», авторский неологизм: «мамины мальчики» [7] и эпитет: «Народная слава» [7], «Бунтарский дух» [7].

Из проведённого исследования можно сделать вывод о том, что американские рэп-поэты в своих песнях больше используют вульгаризмы, сленг, табу, в то время как русские – художественно-экспрессивные средства. Результаты исследования могут быть использованы в стилистике, поэтике, теории текста, теории поэтического языка, литературоведении.

Список литературы

1. Баринов О. Г. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003. http://bio.1september.ru/view_article.php?ID=200303705
2. Домбровский Ю. О. «Факультет ненужных вещей», 1978. <http://knijky.ru/books/fakultet-nenuzhnyh-veshchey>).
3. Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)] http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031480/Kio_-_Illyuzii_bez_illyuziy.html.
4. Киселев Евгений: «Таганка прошла через мою судьбу» // «Известия», 2003] <http://izvestia.ru/news/272185>.
5. Путин В. В. Вступительное слово на встрече с И.А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004.
6. Расторгуева Т. А. История английского языка / Т. А. Расторгуева. 2-е изд., стер. М.: Астрель:мООО АСТ, 2003. 348с.
7. Чернышевский Н. Г. Статьи по философии и эстетике. Том 4. с. 191 «Собрание сочинений в пяти томах»: М.: Правда, Огонек. 1974.
8. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%80%D0%B4%D1%83>.
9. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/thee> дата обращения 08.05.2017.
10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://philology.by/uploads/logo/goritskaya_crimea.doc дата обращения 01.05.2017.

11. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/mestoimeniya-ty-vy-chelovek-slovo-znak-rech-razgovor-otnoshenie-obrashchenie-dostoinstvo-razvitie-doverie-chuvstvo-stil-civilizaciya/> (дата обращения 08.05.2017).

12. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/121060> (дата обращения 08.05.2017).

Вековищева С.Н., Тесленко Р.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с семантическим значением «время» в русском, английском и китайском языках

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических аналогов с семантическим значением «время» на материале русского, английского и китайского языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, время, фразеосемантическая группа.

S. Vekovishcheva, R. Teslenko

Moscow Region State University (Moscow)

Comparative analysis of phraseological units with the semantic meaning of “time” in Russian, English and Chinese

Abstract. The paper is devoted to the comparative analysis of phraseological analogues with the semantic meaning of “time” in Russian, English and Chinese.

Keywords: phraseological unit, time, phraseosemantic group.

Время представляет собой многомерное ментальное образование, в котором отражаются знания о традициях, обычаях, обрядах, о повседневном поведении и о бытовой культуре. Каждая культура отличается особым временным восприятием, этническим временным менталитетом и своими временными универсалиями.

Время во всех культурах служит важным показателем ритма жизни и деятельности. От этих показателей зависит образ жизни людей и тип их общения. Соответственно, в каждой культуре имеется свой язык времени, передающий особенности его восприятия и выражающийся на разных языковых уровнях. Например, глагольная категория времени на морфологическом уровне; на лексическом уровне выражается в словах с временным значением; на синтаксическом – в виде темпоральных синтаксических конструкций. Также некоторые предлоги и падежи выражают время грамматически. Однако наиболее яркое и полное

отражение своеобразия жизни и быта того или иного народа время нашло во фразеологии, поскольку семантика отдельного слова не так сильно зависит от экстралингвистических факторов, чем семантическая структура фразеологизма.

Время представляет собой форму существования материи, с помощью которой человек постигает мир. В. Н. Телия отмечает, что именно фразеологизмы «навязывают» носителям языка культурно-национальное миропонимание [4, с. 10]. Фразеологические единицы, описывая мир, интерпретируют, оценивают и выражают субъективное отношение к нему.

Универсальную основу семантики фразеологизмов с временным значением представляет фразеологический образ, основная функция которого состоит в том, чтобы выразить субъективный, эмоционально-оценочный взгляд на мир, приблизить к нам языковые факты, сделать их яркими, наглядными и эстетически-значимыми. В основе фразеологического образа могут лежать национальные традиции и обычаи, исторические факты, библейские, сказочные и мифологические сюжеты [5, с. 78].

Особенно ярко отражают культурную специфику и самобытность языка фразеологические эвфемизмы. Эвфемистической функцией фразеологизмов является смягчение, или наоборот, огрубление речи [3, с. 237].

В данной статье мы рассмотрим фразеологические единицы с временным значением в русском, английском и китайском языках. Проанализируем фразеологические аналоги по 6-ти категориям:

1. Отражение знаний
2. Современность/несовременность лексических единиц
3. Структура ФЕ
4. Стилистическая окраска
5. Фразеосемантическая группа
6. Основа создания фразеологического образа

Под фразеосемантической группой (далее ФСГ) подразумевается ряд фразеологических единиц, объединенных общим семантическим значением. В настоящей работе будут рассматриваться следующие группы с семантическим значением «время»:

- Долго, быстро, медленно
- Всегда, никогда

- Сейчас, потом (скоро, нескоро)
- Давно, недавно
- Рано, поздно
- Своевременно, несвоевременно
- Начало, завершенность, продолжительность
- Прошрое, настоящее, будущее [1, с. 12]

Проанализировав фразеологические единицы, выражающие значение «время» в русском, английском и китайском языках, считаем возможным ввести название ФСГ, имеющей своей целью нивелировать временной континуум – интеграция.

Проведем сопоставительный анализ следующих фразеологических аналогов в трех языках:

I. Ничто не вечно под луной (всему приходит конец)

The morning sun never lasts a day (утреннего солнца никогда весь день не бывает)

王八万万年也有到头的一天 *wángbā wànwàn nián yě yǒu dàotóude yītiān* (и для долголетней черепахи наступит последний день)

Категория	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Фразеологизм	Ничто не вечно под луной	The morning sun never lasts a day	王八万万年也有到头的一天
Отражение знаний	об обычаях	об обычаях	о традициях. Черепаха – символ мудрости, долголетия и гармонии
Современность/несовременность лексических единиц	Соврем.	Соврем.	Соврем.
Структура ФЕ	Мест.+Част.+Нар.+Предл.+Сущ.	Арт.+Прил.+Сущ.+Нар.+Гл.+Арт.+Сущ.	Сущ.+Числ.+Сущ.+Нар.+Глаг.+Глаг.+Сущ.+Част.+Сущ.
Стилистическая окраска	Эмфатическая	Нейтральная	Разговорная, просторечная
Фразеосемантическая группа	Завершенность	Завершенность	Завершенность
Основа создания фразеологического образа	Луна – циклический ритм времени, символ перехода от жизни к смерти	Солнце. Рассвет – начало чего-то нового, закат – конец	Черепаха – основная схема мирового устройства (национальные традиции)

Анализируемые фразеологизмы совпадают с точки зрения отображения фоновых знаний и современности употребляемых лексических единиц, относятся к одной и той же ФСГ. Кардинально не совпадают с точки зрения структуры и основы создания фразеологического образа.

II. Куй железо, пока горячо (Не терять времени, используя благоприятные обстоятельства)

Strike while the iron is hot (куй железо, пока горячо)

趁热打铁 *chèn rè dǎ tiě* (ковать железо, пока горячо; использовать выгодную обстановку)

Категория	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Фразеологизм	Куй железо, пока горячо	Strike while the iron is hot	趁热打铁
Отражение знаний	о традициях	о традициях	о традициях
Современность/несовременность лексических единиц	Соврем.	Соврем.	Соврем.
Структура ФЕ	Гл.+Сущ.+Сз.+Нар.	Гл.+Мест.+Нар.+Арт .+Сущ.+Гл.+Прил.	Пред.+Прил.+Гл.+Сущ.
Стилистическая окраска	Нейтральная	Нейтральная	Нейтральная
Фразеосемантическая группа	Своевременность	Своевременность	Своевременность
Основа создания фразеологического образа	Железо, как символ решительности	Железо, как символ силы	Железо, как символ крепости и целомудрия

Рассмотренные фразеологизмы совпадают по всем категориям, кроме структуры. В русском языке использована наречная структура. В основе фразеологизмов выступает образ железа для выражения своевременности, поскольку придать форму железу можно только пока оно в горячем состоянии.

III. Лучше поздно, чем никогда

Better late than never

亡羊补牢 *wáng yáng bǔ láo* чинить хлев, когда овцы пропали

Категория	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Фразеологизм	Лучше поздно, чем никогда	Better late, than never.	亡羊补牢

Отражение знаний	о бытовой культуре	о бытовой культуре	о культуре
Современность/несовременность лексических единиц	Соврем.	Соврем.	Соврем.
Структура ФЕ	Нар.+Нар.+Сз.+Нар.	Прил.+Нар.+Сз.+Нар.	Гл.+Сущ.+Гл.+Сущ.
Стилистическая окраска	Нейтральная	Нейтральная	Нейтральная
Фразеосемантическая группа	Интеграция	Интеграция	Поздно
Основа создания фразеологического образа	Совершение действия вне временного континуума	Совершение действия вне временного континуума	Образ исправления допущенной ошибки

В анализируемых фразеологических единицах совпадают отражаемые знания, современность употребляемой лексики и нейтральная стилистическая окраска. ФСГ совпадает в русском и английском языке, поскольку в обоих фразеологизмах не представляется возможным определения времени действия, тогда как в китайском фразеологизме прослеживается ФСГ «поздно».

IV. Только пятки сверкают

For all one is worth изо всех сил

屨及劍及 *Jùjìjiànjí* (букв, «туфли догоняют, меч догоняет») Заставить догонять себя с обувью и мечом (обр. о быстрых, стремительных действиях; по преданию о князе Чу Чжуан-ване, бросившемся мстить врагу без обуви, меча и экипажа, с которыми его догоняли его приспешники) [6]

Категория	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Фразеологизм	Только пятки сверкают	For all one is worth	屨及劍及
Отражение знаний	о бытовой культуре	о бытовой культуре	о бытовой культуре
Современность/несовременность лексических единиц	Соврем.	Соврем.	Несоврем. 屨 – историзм
Структура ФЕ	Нар.+Сущ.+Гл.	Предл.+Прил.+Мест. +Гл.+Прил.+	Сущ.+Гл.+Сущ.+Гл.
Стилистическая	Разговорная	Разговорная	Нейтральная

окраска			
Фразеосемантическая группа	Быстро	Быстро	Быстро
Основа создания фразеологического образа	Образ самосохранения	Образ самопожертвования	Образ поспешности действия

Указанные выше фразеологизмы совпадают с точки зрения отражаемых знаний и ФСГ. В китайских фразеологических единицах часто встречаются историзмы, например, слово 屐 jù, обозначающее древние сандалии из соломы [2, с. 41]. В русском и английском фразеологизмах преобладает разговорная стилистическая окраска, тогда как в китайском – нейтральная. Несмотря на совпадения ФСГ во всех языках, основа создания образа имеет различный оттенок – от самосохранения до поспешности действия.

V. Потерянного времени не воротишь

Lost time is never found again

机不可失, 时不再来 *jī bù kě shī, shí bù zài lái* букв, «случай нельзя упускать, время не вернется»

Категория	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Фразеологизм	Потерянного времени не воротишь	Lost time is never found again	机不可失, 时不再来
Отражение знаний	о культуре	о культуре	о культуре
Современность/несовременность лексических единиц	Соврем.	Соврем.	Соврем.
Структура ФЕ	Прил.+Сущ.+Част.+Гл.	Прил.+Сущ.+Гл.+Нар.+Гл.+Нар.	Сущ.+Гл.+Гл.+Сущ.+Нар.+Гл.
Стилистическая окраска	Просторечная	Нейтральная	Нейтральная
Фразеосемантическая группа	Прошное	Прошное	Прошное
Основа создания фразеологического образа	Образ предупреждения	Образ предупреждения	Образ предупреждения

В рассматриваемых фразеологизмах совпадают следующие категории: отражение знаний, ФСГ, основа создания фразеологического образа и современность лексических единиц. Отличается стилистическая

окраска русского языка от английского и китайского использованием просторечной лексики.

Проанализировав выбранные фразеологические единицы по выделенным категориям, можно сделать следующие выводы:

1. Фразеологические единицы с семантическим значением времени в русском, английском и китайском языках отражают знания, в первую очередь, о культуре, обычаях и традициях.

2. В рассматриваемых фразеологизмах используются современные лексические единицы, несовременные встречаются только в китайском языке, поскольку многие китайские фразеологизмы несут в себе грамматические и лексические нормы вэньяня, в основе которого лежит древнекитайский язык [2, с. 23].

3. Структура русских, английских и китайских фразеологизмов полностью не совпадает, так как рассматриваемые языки имеют свои грамматические и лексические правила, отличные друг от друга, также они различны по диахронии, что, несомненно, оказывает влияние на структуру.

4. В большинстве фразеологизмов преобладает нейтральная стилистическая окраска, реже разговорная, и эмфатическая, встречающаяся в русском языке

5. В анализируемых языках фразеологические единицы могут принадлежать к одной из ФСГ, которые совпадают по семантическому значению в трех языках, но могут иметь различную конкретную реализацию. По нашему мнению, перечень ФСГ может быть расширен или продолжен.

Основа создания фразеологического образа в большинстве фразеологических аналогов совпадает, однако культура каждого языка привносит свой подсыл в общий образ.

Список литературы

1. 1. Афанасьева О. В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / О. В. Афанасьева. Казань, 2007. 22 с.

2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник/ И. В. Войцеховичи. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 509 с.

3. Ковцова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковцова. – М.: Гнозис, 2007, 320 с.

4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

5. Щербина В. Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: монография / Щербина В. Е. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. 138 с.

6. БКРС [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info> (последнее обращение: 28.11.2017).

Волков А.Ю.

Московский государственный областной университет (Москва)

*Научный руководитель: к.филол.н., доцент кафедры
индоевропейских и восточных языков МГОУ Сахарова Н.Г.*

Сарказм в повести «Хоббит» Дж. Толкина и способы его выражения

Аннотация. Статья посвящена лексико-стилистическому исследованию сарказма в повести Джона Толкина «Хоббит». Данный вопрос мало изучен. Новизна научной проблемы – в выявлении причин и механизмов сарказма в данном произведении. Полученные результаты могут быть использованы в литературоведении, стилистике.

Ключевые слова: сарказм, лексико-стилистические приёмы, Дж. Толкин.

A. Volkov

Moscow Region State University (Moscow)

Sarcasm in the novel “The Hobbit” by J. R. R. Tolkien and the ways of its expression

Abstract. The paper analyzes sarcasm in “The Hobbit” by J. R. R. Tolkien from the point of view of its lexical and stylistic expression. The subject is scarcely studied. The novelty of the scientific problem is to find reasons and mechanisms of sarcasm in the novel. The results obtained can be used in theory of literature, stylistics.

Keywords: sarcasm, lexical and stylistic devices, J.-R. R. Tolkien.

Одним из видов сатирического изобличения, широко применяемого писателями, является сарказм. Сарказм – «язвительная насмешка, высшая степень иронии, основанная не только на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но и на немедленном намеренном обнажении подразумеваемого» [1], [2, с. 120]. Сарказм присутствует в таких произведениях, как, например: «Гаргантюа и Пантагрюэль»

Ф. Рабле, «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Хоббит» Дж. Толкина. Сарказм важен для понимания сюжета произведения, следовательно, является его органичной частью.

В исследуемом произведении сарказм гипотетически встречается в так называемых «поэтических» частях повести. В условно «прозаической» части произведения его меньше, так как в ней содержатся объективные описания героев повести. Поэтому в данной статье сарказм рассматривается с точки зрения поэтики и поэтического языка: «Tolkien's prose is unpretentious and straightforward, taking as given the existence of his imaginary world and describing its details in a matter-of-fact way...» [5] (*Толкинская проза проста и прямолинейна: она показывает жизнь выдуманного мира таким, какой он есть, и объективно описывает её детали – перевод с англ. наш – А.В.*).

«Поэтическая» часть «Хоббита» начинается с песни гномов, собравшихся в доме Бильбо Бэггинса. В ней персонажи пытаются призвать к беспорядку в доме Хоббита, однако этого не происходит: ...*Blunt the knives and bend the forks!...; And of course they did none of these dreadful things...* [6, р. 23] («Гни ножи, уродуй вилки!...»; «Разумеется, ничего такого ужасного они не делали...» [3]). Эта песня примечательна тем, что каждая её строфа начинается с глагола в форме императива: *Chip the glasses and crack the plates...* [6, р. 23] («Бей посуду! Бей стекло!» [3]). Каждый такой глагол соотносится с определённым способом порчи имущества Хоббита, поэтому Дж. Толкин употребляет восклицания после каждой фразы: *Splash the wine on every door!* [6, р. 23] («Швырь ему в постель обьедки! [3]). ...*That's what Bilbo Baggins hates* [6, р. 23] («Бильбо Бэггинсу назло» [3]), которые позволяют понять, что подобные действия вызывают сильное раздражение у Бильбо. Таким образом, можно сделать вывод, что гномы спели эту песню для того, чтобы особым образом осудить и высмеять бережливость Хоббита.

Сарказм также можно встретить в восьмой главе повести. Бильбо Бэггинс и гномы оказываются в плену у пауков, и, чтобы освободиться из их плена, они привлекают внимание этих тварей. Для этого Хоббит сочинил и спел песню, в которой он унизил их: *Old fat spider can't see me! Attercop!* [6, р. 155] («Старый жирный паучок не может меня увидеть! Злобный паучок!» [3]). В этой песне используются одиночные восклицания, например: *Old fat spider spinning in a tree!* [6, р. 155] («Старый жирный паучок, крутящийся во древе!» [3]). Они

сопровождаются эпитетами *old* и *fat*, и вопросительным предложением: *Won't you stop, stop your spinning and look for me?* [6. p. 155] («Хорош вертеться, найдёшь ли ты меня? [3]) для того, чтобы привлечь внимание пауков и раздражить их: *...no spider has ever liked being called Attercop...* [6, p. 155] («...никакой паук не мог потерпеть быть названным злобным паучком...» [3]). Таким образом возникает саркастический эффект. Насмешки не характерны для Бильбо Бэггинса, но такой поступок был совершён им вследствие решительности: *...Bilbo possesses a great deal of untapped inner strength* [4] (Бильбо обладает нераскрытой внутренней силой).

Джон Толкин использовал в «Хоббите» сарказм, выраженный такими приёмами, как: восклицание, побудительное предложение, вопросительное предложение, эпитет – с целью развития характера главного героя, тем самым подчёркивал основную идею повести. Полученные результаты расширяют знания о сарказме как литературном приёме и лексико-стилистическом средстве.

Список литературы

1. Сарказм [Электронный ресурс] // URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Сарказм> (дата обращения: 01.10.2017).
2. Сахарова Н. Г. Образная речь американского блюза: монография. М.: Спутник +, 2008. 196 с.
3. Хоббит [Электронный ресурс] // URL:<https://www.litmir.me/br/?b=108495> (дата обращения: 02.10.2017).
4. Character List, Individual Characters, Bilbo Baggins [Электронный ресурс] // URL:<https://www.sparknotes.com/lit/hobbit/characters.html> (дата обращения: 03.10.2017).
5. The Hobbit Style [Электронный ресурс] // URL:https://en.wikipedia.org/wiki/The_Hobbit (дата обращения: 04.10.2017).
6. Tolkien, J. R. R., *The Hobbit*, London: HarperCollinsPublishers, 1993. 287 p.

Габриелова Е.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Использование имплицитных средств выражения оценки в микроблоге Твиттер

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические средства, используемые англоязычными пользователями микроблога Твиттер для импликации оценки. Результаты контент-анализа твитов, проведенного с помощью программы Atlas.ti, демонстрируют, каким образом пользователи имплицитно выражают свою оценку в условиях ограничения сообщения до 140 символов.

Ключевые слова: имплицитная оценка, метафора, аллюзия, ирония.

E. Gabrielova

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

Use of implicit means of evaluation on Twitter

Abstract. The paper examines the linguistic means adopted by Twitter English-speaking users to express implicitly their personal opinion. The results of the content analysis of tweets, processed by program Atlas.ti, illustrate how Twitter users imply opinion using various linguistic devices while being restricted to only 140 characters.

Keywords: implicit evaluation, metaphor, allusion, irony.

Изучением вербализации оценки занимается лингвистика. При этом, оценка относится к антропоцентрическим категориям, потому что являясь главным связующим звеном между объективной действительностью и субъективной реальностью человека. Она лежит в основе ценностной картины мира, мышления, деятельности и коммуникации общества. В данной работе нас интересует имплицитная, а также способы ее выражения. С. В. Шарафутдинова в своем исследовании приравнивает выражение оценки к способу речевого воздействия. Имплицитная оценка осуществляется при помощи определенных средств речевого воздействия, воспринимаемых массовым адресатом на суггестивном уровне [7]. В работе «Вербальный конфликтогенез интернет-запросов» говорится, что язык является инструментом воздействия, сопоставимым по эффективности с настоящим оружием, действующим в СМИ и сети Интернет [4]. При этом языковые средства являются основополагающими при изучении вербальных конфликтов и дипломатических переговоров. В центре изучения находятся адресант и адресат общения, при этом вводятся понятия «смысл говорящего» и «смысл адресата», под которыми понимаются целеустановки, интенции, иллюквативные силы, явные и

скрытые намерения говорящего, возможности и способы интерпретации явных и скрытых намерений адресатом, перлокутивный эффект [6]. Имплицитные средства выражения оценки могут быть разными по структуре и механизму воздействия. В целом они направлены на формирование мыслительных оценочных стереотипов, которые в сознании массового адресата являются неотъемлемым компонентом модально-оценочной рамки. Такой же точки зрения придерживается и М. А. Пильгун. По ее мнению, имплицитность обусловлена наличием у адресантов определенного объема фоновых знаний, запрограммированного в тексте автором. Апеллирование к опыту и интеллектуальному багажу адресата создает иллюзию самостоятельности вынесения оценки, сделанного вывода, что расширяет рамки потенциального манипулирования сознанием получателя информации [5].

Все языковые средства по способу выражения оценки принято делить на три группы: лексические (лексические единицы с денотативным, сигнификативным и коннотативным оценочными значениями), стилистические (метафора, эпитет, сравнение, эвфемистическая замена, ирония, аллюзия) и синтаксические (предложения с оценочными конструкциями, риторический вопрос). Необходимо подчеркнуть важную роль контекста при определении оценки. Оценочное значение всегда контекстуально обусловлено, т.е. раскрытие содержания оценочного предиката определяется его употреблением в речи, т.к. характер оценки зависит от характера описываемых объектов, явлений, состояний и т.д. (Ивин 1970).

Имплицитный способ выражения оценки способствует достижению нескольких целей, главная из них – смягчение определений, характеристик во избежание нанесения морального вреда, создания конфликтных ситуаций, конфронтации сторон [1]. Реципиент должен потратить усилия, чтобы расшифровать и интерпретировать подобные высказывания, выявить даваемую им оценку. Зачастую в имплицитной оценке представлены нейтральные слова или языковые средства положительной оценки, за которыми, на самом деле, автор речи скрывает отрицательную оценку [8].

Рассмотрим основные средства импликации оценки на примере сообщений микроблога Твиттер, посвященных обсуждению протестных движений в США (Tea Party и Occupy Wall Street).

Метафора. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метафора навязывает определенный тип восприятия объекта и способ действий при решении проблемы, при этом делает это незаметно и исподволь [3].

Well put: "Seeds for the protest were planted by Adbusters ... other groups and individuals added water.

В приведенном примере протест сравнивается с растением, начало которому было положено группой хакеров Adbusters, но развитие оно получило благодаря общественности.

What it looks like when TRUTH punches you in the Face...

В данном примере использовано сразу несколько приемов речевого воздействия. Метафорично выражается оценка автора относительно происходящих событий и слова «TRUTH» (правда) выделяется заглавными буквами для привлечения большего внимания аудитории. Таким образом, пользователи, проследовав по ссылке, которая сопровождает сообщение, увидят своими глазами именно «правду» и ничто другое. Информация навязывается получателю, не требуя от него дополнительного анализа. Такое высказывание можно отнести к семантической пресуппозиции.

Использование кавычек. Принято считать, что таким образом автор сообщения скрывается за кавычками и высказывает свою оценку имплицитно.

List of demands issued by #occupywallstreet. Circulate widely, and remember that "tension" can be positive.

Don't worry, you'll get your "globally coordinated policy response".

В последнем случае автор имплицитно выражает свое отношение к ответным мерам, выделяя их кавычками. Адресант также использует прямое обращение к аудитории, проводя тем самым грань между теми, к кому он обращается и собой. В данном случае речь также может идти о стратегии «свой/чужой», реализованной посредством тактики поляризации. При этом автор использует повелительное наклонение «не волнуйтесь» в сочетании со словом «response» (ответные меры), что придает высказыванию ироничный оттенок.

Leftist congresscritter calls Tea Parties "shameful & despicable".

В данном примере автор использует кавычки для передачи не своей собственной оценки, а мнения стороннего человека. Однако из выражения «congress critter» следует, что автор относится к цитируемому человеку отрицательно, так как слово «critter» имеет значение «живое существо,

тип». Таким образом, можно заключить, что мнение, выраженное кавычками, адресант не разделяет.

Nooo, I don't like taxes. Who *likes* taxes? But I *do* like firemen, police, garbage men, public school teachers and health care.

В приведенном примере автор сообщения при помощи знаков, заменяющих, кавычки, выделяет слово «нравится», характеризующее личное отношение к налогам и тому, что за счет налогов обеспечивается государством. Тем самым, противопоставляет положительный эффект от налогов, к которым относится отрицательно.

Ирония. В данном примере:

Tonight's show: #teaparty, Bobby Jindal, Beyonce, Ali making a fool of himself.. gotta love new media. – смысл первой части предложения противопоставлен второй части. В первой части предложения автор высказывания выражает свое отрицательное отношение к событию, используя эмоционально-окрашенное выражение «making a fool of himself» (делает из себя дурака), в то время как во второй части говорит о любви к новым медиа, скрывая, тем самым явное неприятие.

This is what democracy looks like <http://twitpic.com/brxgxn>.

В высказывании приведена ссылка на фото, на котором полицейский ведет себя агрессивно по отношению к протестующим.

This country is 100 percent free as long as you do what the government says. support occupy wall street.

I really wish I could put up a Tent in a public park for 3 Weeks and have people bring me food...But I got Bills to pay...

Риторический вопрос.

"I can't seem to get this teabagging thing down without burning my testicles with the hot water. What am I doing wrong?"

Автор сообщения задает вопрос, не требующий прямого ответа от аудитории. Более того, в вопросе использована амфиболия, так как сам процесс участия в движении Чаепитие никак не связан с кипятком и его упоминание придает двусмысленность высказыванию. Таким образом, адресат намекает, что участие в процессе так или иначе приносит определенный вред, но дает он свою оценку имплицитно.

"I have a friend working at #UBS, says many are "concerned" about #OccupyWallStreet. Could Banks concerns = Media's silence?"

В данном примере автор также заканчивает свое высказывание вопросом, предоставляя возможность аудитории самой ответить на

поставленный вопрос. При этом графический знак «⇒» приравнивает понятия и предоставляет готовый ответ визуально.

“it seems that the Left is trying to discredit the #teaparty.. are they really that afraid?”

Автор сообщения своим вопросом подчеркивает отношение либералов к протестному движению Оккупируй Уолл-стрит. Вопрос не требует ответа, однако выражает мнение автора относительно реакции политических сил на протестные события.

“Snow didn’t stop America’s first Revolution.... why should it stop this one?”

“What would John Wayne say about Occupy Wall Street?”

“Government ignores all our constitutional rights. Why do we think the police will let us have “freedom of assembly?”

Сравнение. В следующем высказывании:

“#teaparty protests? Really? This doesn't sound like something Real Americans would do. I think you people have been duped.” В примере использовано сравнение вместе с отрицанием. Так автор подчеркивает свою критику в отношении тех, кто принимает участие в протестных движениях. Имплицитно адресат высказывает мысль, что протестующие не являются настоящими американцами. Также, прямое обращение к аудитории усиливает эффект внушения навязываемой точки зрения.

“God, Obama and Anonymous have smth in common: You know they exist and doing, but you cannot sue them.”

Автор сравнивает Бога, президента и группу хакеров, тем самым иронизируя личность Обамы и зачинщиков протестного движения Оккупируй Уолл-стрит.

Аллюзия. Определение стилистического приема аллюзия предлагается следующее: (фр. *allusion* – намек < лат. *alludere* – подшучивать, намекать) – 1) неявное, завуалированное (но ясное для адресата) упоминание о ком-чем-л., затрагивание какой-либо темы с помощью намека; 2) литературная стилистическая фигура, заключающаяся в соотношении описываемого или происходящего с устойчивым историческим понятием или крылатым выражением [2]. В следующем высказывании:

“We're white! We have signs! We don't understand economics!” Chicago
Автор использует устоявшуюся форму лозунгов на демонстрациях, однако содержание лозунгов демонстрирует отрицательное отношение автора к

протестующим. Несоответствие формы и содержания лозунгов позволяет также говорить об использовании пользователем иронии для высмеивания участников протеста.

Wall Street: If it's not okay on the streets of Tehran, it's not okay on the streets of New York.

Использование имен собственных в качестве нарицательных. Также интересно отметить такой стилистический прием как использование имен собственных в качестве нарицательных:

"Hey guys, Obama's Hitler. Taxes are Hitler. When it rains, clouds are Hitler, too. Chicago" В данном случае «Hitler» используется как олицетворение негативного и отрицательного.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что языковая оценка (как отрицательная, так и положительная) встречается в микроблоге Твиттер, и для этого используется ряд имплицитных способов выражения. Импликация оценки в социальной сети достигается путем использования различных стилистических и синтаксических приемов, таких как метафора, ирония, сравнение, аллюзия, кавычки, риторический вопрос. Выражение личной оценки пользователями блога может также рассматриваться как прием манипулирования аудиторией и навязыванием личного мнения с целью формирования определенного настроения в обществе. Правомерно полагать, что проведение более подробного анализа выражения оценки в сообщениях, посвященных протестным движениям в США, откроет новые возможности для исследования текстов в микроблоге Твиттер.

Список литературы

1. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса. М., 1998. 218 с.
2. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 230 с.
3. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1308 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Язык и моделирование социального взаимодействия / пер. с англ. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина / Общ. Ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
5. Максименко О. И., Хроменков П. Н. Вербальный конфликтогенез интернет-запросов // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. №3 С. 69–83.

6. Пильгун М. А. Средства выражения оценочности в медиатексте в контрастивном аспекте // Вестник Нижегородского гос. лингв-го ун-та им. Н. А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2008. № 3. С. 21–35.

7. Хроменков П. Н. Коммуникативные особенности конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 67–69.

Гафарова А.С.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Работа над видеофильмом на уроке немецкого языка

Аннотация: В статье анализируются возможности использования видеофильмов на уроке иностранного языка как средства придания ему максимально коммуникативной направленности и повышения учебной мотивации учащихся. Рассматриваются методы и цели обучения аудирования, а также умения и навыки, необходимые для их достижения. Работа над видеофильмом понимается как четырехэтапный процесс, предлагаются методы и задания для работы на каждом из этапов.

Ключевые слова: аудирование, мотивация, иностранные языки, видеофильмы, немецкий язык.

A. Gafarova

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Methodology of work with video films in German lessons

Abstract. The paper analyzes the usage of video films in foreign language classes as a means of making it more communication oriented and increasing students' motivation. The methods and goals of teaching listening comprehension, as well as the skills necessary to achieve them, are considered. Listening is defined as a four-stage process illustrated by various tasks and methods at each stage.

Keywords: motivation, foreign languages, German, listening, video films.

Одной из характерных черт современного человека XXI века является его повышенный интерес к изучению иностранных языков. «Окружающий мир человек познает в первую очередь через язык. Чем больше языков человек знает, тем шире границы его мира, поэтому язык можно рассматривать как средство познания мира. Окружающим нас явлениям, кажется, нет предела, и знания о них постоянно расширяются» [3, с. 39]. Нельзя не согласиться с утверждением Н. Ю. Северовой которая отмечает: «Уровень подготовки выпускников вуза в конечном счёте влияет

на уровень благосостояния страны, её процветание и дальнейшее развитие» [9, с. 289]. Поэтому, по словам М. Г. Беляевой, в последние годы возрос спрос на квалифицированные кадры с хорошим владением иностранным языком, даже нелингвистические вузы стали уделять большее внимание языковой подготовке своих студентов, что повышает их конкурентоспособность на современном рынке труда [4, с. 32].

В этих условиях наиболее острой и актуальной становится проблема преодоления языкового барьера и повышения эффективности методов преподавания иностранных языков. Р. С. Баур и Н. Е. Меркиш указывают на то, что стремление повысить уровень владения иностранным языком без увеличения учебного времени занимает сегодня не только отечественных, но и зарубежных ученых. Вопрос интенсификации процесса обучения является одним из центральных в современной лингводидактике [1, с. 26].

Однако опыт показывает, что именно процессу формирования и развития аудитивных навыков на уроке иностранного языка зачастую уделяется недостаточно внимания и аудирование используется лишь как средство обучения другим видам речевой деятельности. Хотя согласно учебным программам по ИЯ и Государственному образовательному стандарту по окончании обучения студенты должны обязательно владеть навыками восприятия устной речи на слух. Целью аудирования как особого вида речевой деятельности является формирование аудитивной компетенций, которая включает в себя способность восприятия и понимания звучащей речи, а также умение формулировать свое собственное мнение по поводу услышанной информации. Без этих навыков невозможно речевое общение, которое и является конечной целью обучения иностранному языку.

Процесс восприятия и понимания иноязычной речи на слух в силу своей специфичности является для учащихся одним из самых сложных аспектов. Лишь систематичное и правильное включение заданий по аудированию в процесс обучения по ИЯ будет способствовать формированию у обучающихся соответствующих аудитивных компетенций.

Именно видеофильмы являются тем средством обучения, которое позволяет наиболее эффективно достигнуть одновременно множество целей «и в комплексе поработать над всеми речевыми навыками в реальной коммуникативной ситуации, что полностью соответствует принципам коммуникативно-деятельностного подхода» [5, с. 173]. В

данном случае максимально используются «возможности зрительного и слухового восприятия, как на стадии презентации материала, так и на стадии запоминания» [2, с.153]. Использование различных каналов поступления информации (слуховой и зрительный каналы, моторное восприятие), интенсивность работы учащегося над пониманием фильма обуславливают прочность запоминания языкового материала, а в конечном итоге увеличивают объем его долговременной памяти.

Использование видеофильма на уроке воздействует на эмоции студентов, активизирует их, способствует индивидуализации обучения, что в конечном итоге повышает мотивацию учащихся к изучению иностранного языка, служит импульсом их деятельности.

Одной из важных проблем современной методики является создание искусственной иноязычной среды в процессе обучения иностранным языкам в т.ч. «с целью формирования лингвострановедческой компетенции» [7, с.219]. По мнению Н. Е. Меркиш «аутентичный контекст способствует развитию языковой догадки и чувства языка, стимулирует познавательную активность обучаемых. Он приучает студентов не бояться встретившихся трудностей, незнакомых слов и неожиданных словосочетаний» [6, с.107]. Именно работа с фильмами позволяет учащимся визуализировать информацию по теме и слышать живую речь носителей языка, создает благоприятные условия для коммуникативной компетенции студентов через создание ситуаций стимулирования их иноязычного общения, соответствующего реагирования на увиденный видеоряд и контроля понимания и усвоения студентами материала как основного коммуникационного средства в предлагаемых условиях.

Эффективность работы с использованием видеофильма зависит от правильно организованной структуры занятия, согласованности учебных возможностей фильма и методических приемов с задачами обучения. Бесконтрольный просмотр фильмов на уроке привести к снижению интереса к данному виду работы, падению дисциплины в группе и пустой трате учебного времени.

«А какие фильмы смотреть?» – это первый вопрос, который должен задать себе каждый преподаватель. Как показывает практика, на первом этапе целесообразно показывать короткие учебные видеофильмы или мультфильмы с субтитрами, если есть такая возможность. Постепенно возможен переход к мультфильмам без субтитров, художественным,

научно-популярным, публицистическим (интервью, документальные), информационным (реклама, записи новостей, телепередач), страноведческим фильмам (на начальном этапе с субтитрами).

Такой подход оправдан тем, что, *во-первых*, уровень языковой компетенции студентов младших курсов не позволяет им адекватно понимать серьезные фильмы. Кроме того, небольшой запас лексики позволяет учащимся сформулировать проблемы, которые затрагиваются в этих фильмах. *Во-вторых*, работа с несложными учебными фильмами и мультфильмами может сочетаться с аудированием и чтением текстов со схожей тематикой.

На следующем этапе преподаватель должен определиться с целями аудирования:

- а) понимание общего содержания фильма;
- б) фрагментарное понимание фильма;
- в) полное или критическое понимание фильма.

Уровень понимания общего содержания включает в себя умения: понимать тематику фильма, его основные идеи и проблемы; определить персонажей фильма и дать им общую характеристику.

Уровень фрагментарного или выборочного понимания фильма включает в себя умения извлекать информацию, необходимую для ответа на поставленные вопросы, и отделять основную информацию от второстепенной.

Уровень полного или критического понимания текста включает в себя умения: определять логику изложения информации (последовательность фактов, событий); понимать взаимосвязь между фактами, причинами, событиями; анализировать содержание фильма; выражать свое отношение к проблематике; прогнозировать развитие событий.

При работе над фильмами надо постепенно переходить от обучения фрагментарному пониманию к критическому, способствовать развитию языковых навыков и умений устной речи студентов.

Работа с видеофильмом традиционно включает в себя 4 этапа:

- преддемонстрационный (*Vor dem Sehen, Einstieg*);
- демонстрационный (*Während des Sehens*);
- последемонстрационный (*Nach dem Sehen*);
- творческий (развитие языковых навыков и умений устной речи).

В данной статье будет сделана попытка описать каждый из этапов на примере работы над художественным фильмом «Винсент хочет к морю» (“*Vincent will Meer*”) немецкого режиссера Ральфа Хюттнера, который вышел на киноэкраны Германии в 2010 году.

Работу над фильмом рекомендуется проводить на сдвоенном занятии или разбить ее на два занятия.

На преддемонстрационном этапе происходит предварительное снятие языковых и лингвострановедческих трудностей, осуществляется настройка учащихся на проблематику фильма. На этой стадии происходит погружение учащегося в контекст, что позволяет ему предположить, о чем будет идти речь и правильно интерпретировать увиденное. Особое внимание уделяется введению новой лексики, фразеологических оборотов. Можно предложить студентам проделать упражнения на тренировку новых слов и анализ незнакомых лингвострановедческих реалий. Преподаватель также может поставить проблемный вопрос, который затрагивает личный опыт учащихся и предложить обсуждение. На данный этап целесообразно тратить не более 10–15 минут.

Задание 1.

Студентам предлагается рабочий лист с различными дефинициями, описывающими синдром Туретта, который страдает главный герой Винсент. Учащиеся должны сформулировать 3 самые важные на их взгляд синдромы данного заболевания.

Задание 2.

Студентам показывают афишу фильма. Они должны ответить на следующие вопросы:

- *Was sehen wir auf dem Plakat?*
- *Welchen Eindruck machen der junge Mann und die junge Frau auf mich?*
- *Wie stehen sie zueinander?*
- *Was fällt an dem Filmtitel auf?*
- *Was für eine Art Film könnte das sein?*
- *Bist du schon einmal abgehauen?*

В качестве заключительного задания после просмотра фильма студентам можно предложить нарисовать свою афишу фильма и выразить, таким образом, свое отношение к просмотренному материалу.

Демонстрационный этап

Демонстрация видеofilmа должна всегда сопровождаться активной учебной деятельностью студентов. Студенты могут делать записи на предложенных рабочих листах, которые понадобятся при выполнении заданий на последемонстрационном этапе.

Также целесообразно провести промежуточное обсуждение начального фрагмента фильма (примерно 10 минут). В ходе контроля уточняется степень понимания просмотренного эпизода, снимаются возможные трудности. Студентам предлагается передать краткое содержание увиденного фрагмента, охарактеризовать основных персонажей и ответить на следующие уточняющие вопросы:

- *Tourette: Was ist ein Tic?*
- *“Was will Vincent?”*
- *Was sind Antihelden?*

Задание 1.

Студентам предлагается на рабочих листах запротоколировать телефонный разговор между доктором Розе и отцом Винсента.

Задание 2.

Очень большую роль в фильме играют цвета. Студенты должны обратить внимание на то, в каких эпизодах используется тот или иной цвет и после просмотра попытаться ответить на вопрос, что этот цвет может означать:

- *In welchen Farben wird die Welt in der Klinik gezeigt?*
- *Wie ändert sich die Farbgebung auf dem Weg Richtung Italien und ans Meer?*
- *In welcher Szene kommt die Farbe Rot / Gelb ... vor?*
- *Was könnte das jeweils bedeuten?*

В качестве помощи на следующем последемонстрационном этапе студенты получают рабочий лист с описаниями возможных значений цветов.

Задание 3.

Студентам предлагается с помощью географической карты проследить примерный маршрут путешествия Винсента и его друзей.

Задание 4.

Каждый из студентов получает карточку с именем одного из действующих персонажей. После просмотра фильма он должен ответить на вопросы:

- *Wie sieht er aus? / Wie sieht sie aus? (Aussehen)*
- *Was erlebt er? / Was macht sie? (Erlebnisse und Handlungen)*

- *Was will er? / Was wünscht sie sich? (Ziele und Wünsche)*

Кроме того, студент должен рассказать, какой из героев ему понравился больше всего, и уметь обосновать свой ответ.

На последемонстрационном этапе осуществляется более детальный контроль понимания содержания, обращается внимание на средства (языковые, художественные) достижения того или иного эффекта. На этом этапе могут использоваться самые различные задания, имеющие целью контроль аудирования: ответьте на вопросы по содержанию фильма; выберите правильный вариант ответов; завершите предложения; восстановите хронологическую цепочку событий; припомните, кто из героев и в каком эпизоде сказал ту или иную фразу; охарактеризуйте персонажей, опишите их внешность, костюмы; расположите предложения в нужном хронологическом порядке и т.д.

Кроме того, идет не только отработка навыков аудирования, но и работа над структурой языка. Вводится и закрепляется новая лексика. Например, дается задание на заполнение пробелов словами, фразами (Lückentext). Применяются также задания на соотнесение слов и их синонимов, подбор дефиниций слов или фраз и т.д.

Активно ведется работа и над отработкой грамматического материала. Уделяется внимание повторению времен, наклонений. Например, студенты получают задание на восстановление событий, предшествующих просмотренному фильму; размышления о том, что произойдет, если... или что произошло бы, если бы герой поступил по-другому и т.д.

Но при работе над видеофильмом изучение лексического и грамматического материала является не целью, а средством для развития навыков коммуникации. Поэтому четвертый (творческий) этап приобретает особенно большое значение. Здесь могут использоваться самые разнообразные творческие задания, имеющие целью развитие навыков устной и письменной речи. Драматизация эпизодов фильма, ролевая игра, круглый стол по проблемам, поднятым в фильме – являются примерами таких заданий. Формы работы и тип заданий зависит не только от намерений преподавателя, но и от характера самого фильма, особенностей самой группы.

Очень часто на этом этапе проводится дискуссия под руководством преподавателя, который ставит проблемный вопрос. Например, после

просмотра фильма студентам предлагается обсудить проблему отношения общества к людям с неизлечимыми заболеваниями.

При работе над фильмом «Винсент хочет к морю» учащимся могут быть предложены самые различные задания, вот некоторые из них:

Задание 1.

Выскажите свое мнение по поводу просмотренного видеоматериала и напишите дома рецензию на фильм.

Задание 2.

У фильма открытый финал, предположите, что произойдет с героями дальше. Задание может быть задано в виде дискуссии или сочинения.

Задание 3.

Винсент пишет Мари прощальное письмо. Предположите, что Винсент написал главной героине, и напишите это письмо.

Задание 4.

Разыграйте сцену встречи в больнице Винсента с Мари. Студентам предлагается разбиться на группы и сравнить игру друг друга.

В современных условиях при подборе видеofilmа нельзя не принимать во внимание современные информационные технологии и тот потенциал, который в них содержится. Так, Н. Ю. Северова обращает внимание на видеокасты – разновидность подкастов, где аудиотексты дополнены видеорядом. По сути, это те же фильмы, особенностью которых является их общедоступность благодаря сети интернет. Н. Ю. Северова справедливо замечает, что «... видеокасты могут быть интегрированы в процесс обучения иностранным языкам как на уроке, так и во внеурочное время при работе практически над всеми аспектами языка и видами речевой деятельности» [8, с. 173].

Таким образом, фильмы представляют собой очень богатый материал для эффективного обучения иностранным языкам. Видеоматериалы повышают интерес учащихся к изучению иностранного языка, делают занятия продуктивнее и помогают активизировать все виды речевой деятельности, приобщают к культуре страны изучаемого языка, кроме того, они помогают раскрыть творческий потенциал, как преподавателей, так и студентов.

Список литературы

1. Баур Р. С., Меркиш Н. Е. Билингвальное обучение: опыт, проблемы, перспективы / Р. С. Баур, Н. Е. Меркиш // Сборник научных

трудов / Под редакцией: Р. С. Баура и др. Саратов:Саратовский ун-т, 2004. С. 26–36.

2. Беляева И. Г. Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе / И. Г. Беляева // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза: межкафедральный сборник научных статей № 1/ отв. ред. Е. В. Воевода. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 152–157.

3. Беляева И. Г. Обучение иностранному языку в рамках интеркультурного подхода / И. Г. Беляева // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Материалы Первой международной конференции, Москва 14–16 апреля 2016 г. М.: МГПУ, 2016. С. 39–40.

4. Беляева И. Г. Partizip II в функции определения в немецком языке и проблема перевода таких причастий на уроках иностранного языка в неязыковых вузах / И. Г. Беляева // Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2016. С. 32–36.

5. Дорохова Ю. Э. Музыка в преподавании иностранного языка как средство реализации коммуникативно-деятельностного подхода / Ю. Э. Дорохова // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур: сб. науч. ст. по итогам международной научно-практической конференции. Белгород: Политерра, 2013. С. 166–174.

6. Меркиш Н. Е. Использование аутентичного контекста как источника информации о культурном компоненте изучаемой лексики / Н. Е. Меркиш // В сб.: Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Калиновская. М.: Прометей, 2008. С. 106–111.

7. Мюллер Ю. Э. Контрастивное страноведение в системе высшего образования / Ю. Э. Мюллер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2017. № 3 (2)-69. С. 218–220.

8. Северова Н. Ю. Электронное обучение / Н. Ю. Северова // Теория и практика преподавания иностранного языка в средней школе. Ч. 1. / Василевич А. П., Гальскова Н. Д., Северова Н. Ю.,

Акимова Н. В./Под общей ред. А. П. Василевича. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 311 с.: ил., табл.

9. Северова Н. Ю. Введение элементов профессионализации в практику преподавания иностранного языка на начальном этапе бакалавриата в целях обеспечения качества подготовки выпускников (на примере немецкого языка, неязыковой вуз) / Н. Ю. Северова // Качественное образование: проблемы и перспективы: сборник научных статей / отв. ред. Д. К. Бартош, Е. Л. Кабахидзе. М.: МГПУ, 2016. С. 289–298.

Герасименко Н.В.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: д.филол.н. проф. Жирова И.Г:*

**Лексико-семантические особенности современной американской поэзии бунтарей
(на примере битников)**

Аннотация. Статья посвящена лексико-семантическому анализу произведений поэтов битников. Для анализа взяты произведения тройки наиболее популярных писателей и поэтов битничества: Джека Керуака, Уильяма Берроуза и Аллена Гинзберга. Рассматриваются перспективы изучения бит-поэзии как объекта лингвистического исследования.

Ключевые слова: поэзия, бит-поколение, субъективизм, сюрреализм, верлибр, андеграунд.

N. Gerasimenko

Moscow Region State University (Moscow)

Lexical and sematic features of modern Americal poetry of beat-writes

Abstract. The paper presents a lexical and semantic analysis of works of beat-poetry. The works of three most iconic beat-writers, i.e. Jack Kerouac, Allen Ginsberg, and William Burroughs, are selected for the analysis. The prospectes of beat-poetry as an object of linguistic research are described.

Keywords: poetry, beat-generation, subjectivity, surrealism, freestyle versa, underground.

Тема недоверия к правительству, социальной отчужденности и утраты идеалов не нова для американской литературы. Впервые затронутая писателями «потерянного поколения», которые стали голосом молодых людей, выживших в Первой Мировой войне, эта тема вновь нашла свое воплощение в произведениях писателей бит-поколения. Современная социально-политическая обстановка в Америке перекликается с проблемами, затронутыми в бит-литературе, в связи с чем книги поэтов-

битников популярны и по сей день. Лексико-семантический анализ бит-литературы позволит изучить как смысловую и техническую составляющую бит-произведений, так и культурно-социальные проблемы американского общества.

Поэзия представителей бит-поколения характеризуется «субъективизмом и анархическими настроениями» [5]. Наибольшее влияние на неё оказали дадаизм и сюрреализм, по типу стихосложения она относится к верлибру, реже – к хайку. Поэзия по своей структуре предполагает громкое, быстрое прочтение вслух – что и реализовывалось в рамках живых выступлений поэтов под аккомпанемент джазовых оркестров в различных клубах. Битнический верлибр ориентирован на голос, насыщен повторами и оказывает сильное воздействие на слушателя именно при чтении вслух, по большей части, бит-поэзия сформировалась на основе поэзии, читавшейся в андерграундных клубах.

Творчество битников характеризуется как «анти-формалистское», основными идеями были вольная бедность, бродяжничество, эротическая свобода, анархический гедонизм и отрешённость от социальных проблем. По мнению Кеннета Рексрота, творчество битников есть «почти полное воплощение давней, уитменовской, популистской, социальной, революционной традиции в американской поэзии» – то есть битники говорили от имени простого человека [1]. Битническую поэзию также называют «джазом печатной машинки» (“typewriter-jazz”), определяя её стиль «отрывистым, неровным», в ритме выделяя опускание слогов в середине слова.

Лексико-семантический анализ един и четко разграничен следующими понятийными характеристиками:

- 1) Лексическое значение слова,
- 2) Способ толкования лексического значения слова,
- 3) Лексико-семантический вариант многозначного слова,
- 4) Лексико-семантическая группа слов,
- 5) Внутренние различия групп слов: семантические, стилистические, структурные [4].

Так, основными целями лексико-семантического анализа являются: установление семантической структуры слова, межсловных связей, места и функции слова в системе, «... компоненты значения, которые в тексте преобразуются в смыслы значения» [2].

Произведения Уильяма Берроуза являются глубоко биографичными и связаны с его личными переживаниями, жизненным опытом. Он принадлежал к послевоенному обществу 50-ых годов. Как и большинство представителей того поколения, Берроуз пережил утрату идеалов и ценностей, разочаровался в собственной стране. Творчество и наркотики стали для него способом бегства от противоречий социума и своего собственного разочарования. Доминирующими темами в его произведениях являются: потеря моральных ориентиров, преступность, эротомания, пессимизм, фатализм, экзистенциальный кризис, циничность, наркотики и паранойя.

В произведении “Evening news” затрагивается тема коррупции в полиции, преступности и пороков общества в целом. «Не заинтересованный в формальных переходах и связях, Берроуз акцентирует внимание на хаотичности и ужасе происходящего, не уделяя внимания декорациям или даже самому происходящему» [8]. Сюжет строится вокруг полицейского, который давно перестал выполнять свою работу и отпускает преступников, если они ему заплатят. Одним из героев является наркоман, сам Берроуз был наркоманом, поэтому данная тематика часто присутствует в его произведениях. В произведении редки такие стилистические приемы, как метафора или сравнение, так как «все буквально лежит на поверхности» [10]. Словосочетание *yellow peeling* описывает процесс старения и проходящее время, которое в контексте произведения является настоящим и неизбежным будущим. Фраза *I do not need to remind you/laws as strict as the United States* дважды используется в произведении, в начале и в самом конце, и является прямой иронией по отношению к происходящему, так как фраза совершенно противоречит действиям полицейского, который её произносит. Основной посыл произведения заключается в том, что коррупция вредит самому коррупционеру: в конце произведения полицейский сталкивается с преступниками, которых ранее выпустил из камеры за несколько долларов. Общая атмосфера застоя, под влиянием которой У. Берроуз писал свои произведения, описывается преимущественно при помощи прилагательных с негативным значением: *dull eyes, decay, looked grimly*.

В произведении “*My legs senior*” У. Берроуз использует ту же манеру повествования, затрудняющую восприятие: отсутствие интонационных выделений, резкие переходы между повествованием в первом и третьем лице, наличие второго языка в произведении. Повествование в первом

лице обращает внимание читателей на бессмысленность бытия и упущенное время: *waxing evening, missed times, distant city*. Говоря о себе в первом лице, поэт демонстрирует потерю личностной идентичности: *I was the shadow, I was the smudge and whine*. Таким образом, он показывает себя не как индивидуальность, а нечто сопутствующее всему происходящему, невольный свидетель, не способный что-либо изменить. Берроуз в очередной раз использует слово *yellow* для создания атмосферы и декораций в произведении. Желтый цвет в произведениях Берроуза является метафорой нечистоты общества, культурного и ценностного упадка.

В произведениях Берроуза встречаются как прямые лексические значения (*attic room, wood, ice skates, doctor's table, old desk, certain discussions, cool gardens*), так и фразеологически связанные лексические значения: *lousy kid, waxing evening, lavender horizon, lost marbles, entire future, empty cells, dull eyes, blue smell of hope*.

На любом информационном ресурсе, посвященном творчеству битников, бит-поэзия представляется интеллектуальным творчеством со скрытым подтекстом, что обуславливает богатый семный состав:

- Наркоман (*junky*): наркотически зависимый человек, альтер-эго Берроуза (потенциальная сема), постоянный герой его произведений (коннотативная сема);
- США: страна, место действия (коннотативная сема), олицетворение всего неправильного (социальная несправедливость, жестокая система, коррупция – потенциальная сема);
- Всхлип (*whine*): репрезентация горечи об утраченном времени и проведённой впустую жизни, сожаление о наркотической зависимости, крик души поэта (потенциальная сема).

Лексика произведений преимущественно общеупотребительная, однако встречается много примеров сленга (*junkie, con man, an Abe, cop*), нецензурной лексики. Часто используется троп метафора: *blue smell of hope, pools of the evening, phantom voices*. В стихотворениях присутствует иностранная лексика – французский язык и испанский. Синонимическая парадигма вращается вокруг описаний унылой реальности (*dull, dark, distant, peeling, fading*).

Поэт Аллен Гинзберг является одной из самых значимых личностей послевоенного общества культурной Америки 50-ых годов, его творчество явилось криком ярости против разрушительного общественного строя.

Поэт Ричард Эберхарт охарактеризовал работы Гинзберга как «воплль против механизации общества, убивающей свободу духа» [9]. Одной из ключевых тем его творчества является политика: он писал о профсоюзных забастовках 30-ых годов, радикальных революционерах и в целом поддерживал крайне леволиберальные идеи. Его поэзия направлена против войны, она критикует общество и правительство, однако ей свойственно идеалистическое представление о силе любви, красоты и поэзии, способной изменить мир к лучшему.

Стихотворение “America” является знаковым произведением А. Гинзберга, так как в нём поэт в полной мере выразил своё противоречивое отношение к собственной стране. Строка *I've given you all and now I am nothing* напрямую говорит о душевной опустошенности автора. Слово *angelic* в произведении используется не в своем буквальном значении. Автор, обращаясь к Америке, призывает ее быть более «человечной». Фразой *take your clothes*, А. Гинзберг призывает Америку предстать нагой, перестать быть претенциозной. Фраза *look at yourself through the grave* является авторским неологизмом, однако данное выражение также использовал В. Г. Белинский. В одном из его философских трудов значение фразы было истолковано как «взглянуть на себя и ужаснуться», представить себе память, которая останется после того, как тело умрет. Повторяющееся словосочетание *them Russians*, которое переводится как «это все русские», несет в себе саркастичный посыл: американцы привыкли перекладывать ответственность на кого-то другого или вовсе не замечать то, насколько неправильны их действия. Все произведение целиком обладает миротворческим посылом, граничащим с идеологией хиппи (отцом которой является сам А. Гинзберг) и критикой политики США: *stop the human war, libraries full of tears, insane demands* и т.д.

Другие произведения А. Гинзберга также тесно перекликаются с общими тематическими направлениями бит-поэзии. “*Super market in California*” описывает поиск творческого вдохновения (*shopping for images*), метафорическую утрату идеалов (*disappear on the black waters of Lethe?* – кумир А. Гинзберга входит в реку забвения из греческой мифологии, знаменуя потерю ориентиров и вдохновения).

В произведениях А. Гинзберга встречаются прямые лексические значения (*America, I've given you all and now I am nothing, when will you send eggs to India*) и фразеологически связанные: *human war, in my right mind, take off clothes, full of tears, insane demands, good looks, settle this*

argument, practical joke, give up, trial for murder, uncle Lord's Prayer, mystical visions и т.д.

Произведения А. Гинзберга отличаются богатством своего семного состава:

- Америка: страна; одна из доминирующих страна; страна с демократическим укладом; страна агрессор или угнетатель (коннотативная и потенциальная сема).
- Война: вооруженный конфликт; крупный конфликт; военные действия; геноцид (коннотативная сема); вторжение (потенциальная сема, речь идет о требованиях Америки, на которые у нее нет прав).
- Безумие (*insane*): психическое расстройство; нездоровое поведение; события, не укладывающиеся в голове (коннотативная и потенциальная сема)
- Марихуана: наркотик; легкий наркотик; наркотик из класса «курительных смесей», средство существования (коннотативная сема, автор говорит о марихуане как о вечном спутнике).

В произведениях в основном используется общеупотребительная лексика. Авторские неологизмы отсутствуют. Присутствует несколько малоизвестных имен и явлений, нуждающихся в пояснении (например, Воббли, члены партии «Индустриальные рабочие мира»). По функциям лексика делится на нейтральную и разговорную лексику. Есть случаи употребления нецензурной лексики. Часто используется троп анафора, например, слово «Америка» (или “you”, которое также подразумевает именно её) в одноименном произведении является единственным стилистически маркированным словом и используется как анафора на протяжении всего произведения: каждую строчку автор начинает с обращения к Америке. Синонимическая парадигма вращается преимущественно вокруг слов оценочного характера, например, слова «безумный»: *insane, mental, mad, queer*; и слов, описывающих абсурдные декорации.

Джек Керуак является центральной фигурой направления бит-литературы, его произведение «В дороге» привлекло к данному литературному течению широкое внимание публики. В отличие от остальных бит-писателей, Д. Керуак был довольно патриотичен, искренне любил свою страну и много путешествовал по ней. Его жизнь была наполнена буддийскими идеалами, воплощение которых он находил во всех её аспектах. Многие его работы посвящены путешествию и

исследованию, поиску себя, отрицанию авторитетов и правил, он затрагивает проблемы свободы, дружбы, религиозных идеалов и положения маргинальных социальных слоёв в американском обществе, критикует политику и призывает к изменениям.

«Блюзы Мехико-Сити» – книга, состоящая из 242 хоров. Её написание было отчасти навеяно желанием Д. Керуака стать джаз-музыкантом, а на построение и тематику повлияло употребление писателем наркотиков в больших количествах. Композиция произведения спонтанная, т.е. Д. Керуак записывал непосредственно свои мысли и впечатления без последующей редакции [6]. Хоры содержат аллюзии из жизни писателя (*I was the crazy person/ I'd known*, – 88th Chorus), из литературы (*F. Scott Fitzgerald... Who burned his Wife Down*, – 30th Chorus) и из религии (*Nirvana? Heaven?* – 199th Chorus). Остальные отсылки, встречающиеся в книге, типичны для творчества битников: наркотики, разочарованность в обществе, застой, депрессия, утрата моральных и гражданских ценностей. Кажущаяся несвязность организации хоров на самом деле объединяется техникой поток сознания: книга является отражением персональных переживаний Д. Керуака, преподнесённых в ритмичном джазовом стиле.

В «Блюзах Мехико-Сити» встречаются как прямые лексические значения (*main way, governor of Wyoming, ten days, same ship, same voice, tall grass*), так и фразеологически связанные лексические значения (*butte magic, stock and joint, supreme vehicle, poor denizens of Hell, Karma of dove*).

Семный состав тесно связан с жизнью и философскими убеждениями Керуака:

- Дорога (*road*): часть ландшафта Америки, главная железная дорога (коннотативная сема), образ жизни Керуака и центральный концепт его философии (вся жизнь – дорога; коннотативная сема);
- Неведение (*ignorance*): незнание собственной судьбы (коннотативная сема), неосведомлённость, порок поколения битников (потенциальная сема);
- Судьба: карма (коннотативная сема), причинно-следственная связь между поступками и их последствиями, религиозное понятие;
- Наркотики: лёгкие и тяжёлые вещества (коннотативная сема), образ жизни (потенциальная сема), неотъемлемая составляющая бит-поэзии.

Лексика преимущественно разговорная, однако присутствует множество аллюзий на жизнь Керуака и отсылки к реалиям жизни Америки, нуждающиеся в пояснении: *butte* – холм на равнине, *S.S. Excalibur* – автомобильная корпорация, *Maynard* – ювелирная компания. Присутствует лексика, связанная с буддизмом: *Karma*, *Nirvana*, *Merudvhaga*. Среди тропов встречается анафора (*Butte Magic of Ignorance/ Butte Magic*); аллитерация (*Maynard/ Mainline/ Mountain/ Merudvhaga/ Mersion of Missy*); метафора (*Butte Magic of Ignorance*”, “*Karma of dove*”, “*pool of clear frogs*). Синонимическая парадигма включает в себя отсылки к наркотикам (*marihuana, morphine, opium*), религиозные понятия (*Nirvana, Karma, Buddha*).

Таким образом, поэзия битников обладает рядом следующих характерных свойств:

- критическое отношение к обществу и политике, коррупции, узурпации власти,
- употребление наркотиков,
- миротворческие мотивы,
- горечь об утрате ценностных ориентиров и идеалов.

Список литературы

1. Бодрунова С. Время синтеза: новый формализм в американской поэзии [Электронный ресурс]. Access mode: pomezia.ru. (Access date: 11.10.2017)
2. Жирова И. Г. От слова к значению слова и концепту [Электронный ресурс]. Access mode: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_1-1_32.pdf. (Access date: 11.10.2017).
3. Кобозева И. Н. Лингвистическая семантика: учеб. пособие [Текст] / И. Н. Кобозева. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Козлова М. М. Основы лексико-семантического анализа [Текст] / М. М. Михайлова. Абакан: Хакасский государственный университет, 2000. 10 с.
5. Литературный словарь. Термины. Определения [Электронный ресурс] Access mode: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=14027. (Access date: 11.10.2017)
6. Dunn B. New kid on the block [Text] / Bradd Dunn – Andrews Mcmeel Publishing, 2009. 164 p.

7. Student Writing Centre. [Electronic source]. Access mode: <https://www.studentwritingcenter.us/american-poetry-2/mexico-city-blues-jack-kerouac.html>. American Poetry. (Accessed date: 25.10.2017)

8. Sumo Nova. [Electronic source]. Access mode: <https://sumonova.com/burroughs-beyond-fiction/>. – Burroughs beyond fiction. (Accessed date: 21. 10. 2017).

9. Textologia.ru [Electronic source] Access mode: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskieterminy/poeziya/?q=458&n=176>. (Access date: 04.10.2017).

10. Tytell J. Naked Angels: the Lives and Literature of the Beat Generation [Text] / New York: McGraw-Hill Book Company, 1973. 288 p.

Герасимова С.А.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Имя издателя на титульном листе французской Энциклопедии XVIII века как маркетинговый ход

Аннотация. Статья посвящена издательской деятельности как универсальному способу информационного общения в социокультурном и коммуникативном аспектах. Уточняется, что упоминание имен издателей как коллективного полиадресанта на титуле первого тома Энциклопедии XVIII века является информационно-рекламным ходом, построенным на товарной и потребительской стратегиях для привлечения целевой читательской аудитории. Устанавливается, что новая для того времени издательская практика была направлена на продвижения созданного произведения в среде читающей публики. В статье разрабатывается положение о том, что социальный поступок издателя проявляется в материалах справочного издания, отражающих его ответственность как коммуникативной и дискурсивной личности.

Ключевые слова: Энциклопедия Д. Дидро и Ж. Даламбера, титульный лист, издатели, энциклопедическая доминация, инвестиционный издательский проект.

S. Gerasimova

Moscow City Teachers' Training University (Moscow)

The name of the publisher on the title page of the French encyclopedia of the XVIII century as a marketing ploy

Abstract. The paper considers the publishing activities as a universal method of information communication in socio-cultural and communicative aspects. It is shown that the names of publishers mentioned as a collective of polyacrilate on the title page of the first volume of the Encyclopedia of the XVIII century is an information-advertising ploy built on product and consumer strategies to attract the target audience. It is found that this new publishing practice was aimed at promotion of works created in the environment of the reading public. It is revealed that the social act of the publisher manifests itself in the

materials of the reference book, reflecting his responsibility as a communicative and discursive identity.

Keywords: encyclopedia of D. Diderot and J. d'Alembert, title page, publishers, encyclopedic domination, investment publishing project.

В современном дискурс-анализе вопрос о роли издателя в литературной коммуникации занимает одно из важных мест в исследованиях по лингвистике, литературоведению, книгоиздательской практике. Участие издателя становится одним из основных факторов продвижения созданного произведения в среде читающей публики. Предпринимая определенные шаги для того, чтобы издание отвечало запросам потенциального покупателя, издатель стимулирует читателя купить книгу [3, с. 104]. Книга как воплощение обычного литературного текста становится культурным продуктом, реализуемым на рынке книжной продукции.

Технический прогресс и развитие науки Нового времени подтвердили уникальность письменности в сравнении с устной коммуникацией. На глазах современников происходили кардинальные преобразования в традиционных формах общения. Одним из наиболее существенных факторов, определяющий успешность произведения становится высокая степень совместимости жанра с конкретными социокультурными ценностями образованного круга языкового сообщества [11, с. 125]. Энциклопедия как вновь появившийся жанр способствовала продвижению специальных научных знаний среди широкого круга получателей популяризируемого научного знания, которое она отражала с позиций своего времени и формировала новый научно-популярный дискурс [7, с. 26]. Как средоточие цивилизационных достижений своего времени французская «Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) (далее – Энциклопедия) Д. Дидро и Ж. Даламбера освещала новые явления в науке, культуре и искусстве. Данные явления представляли собой культурно обусловленные, общеизвестные, значимые в познавательном отношении и не нуждавшиеся в экспликации и семантизации для большинства членов лингвокультурного сообщества образы культурного пространства, хранившиеся в памяти общества [9, с. 202–203].

Природа человеческой деятельности трактуется как совокупность дискурсивных практик, исходя из чего, издательская деятельность представляет универсальный способ информационного общения в

технологическом, социокультурном и коммуникативном аспектах. Выбирая периферийный путь убеждения потенциальных читателей через паратекстовые элементы, издатель вовлекает их в процесс прочтения произведения, формируя оценку текста до его прочтения. Таким образом, паратекстовые образования (периферия произведения) становятся когнитивным кратчайшим путем, способствующим изменению осведомленности адресата о тексте, пониманию им издания в целом [4, с. 188].

Одним из таких периферийных, паратекстовых образований становится титульный лист, располагающийся на третьей странице произведения. Он выступает своеобразной прелюдией книжного оформления, 'фасадом' и даже 'воротами' книги, которые предваряют ее содержание. Со второй половины XVI века появляется разделение информации титульного листа на строки, размер кегля соответствует значимости размещаемых сведений. Стало практиковаться печатание строк по центру, основная информация (название и имя автора) давалась в верхней части листа, в середине могла появиться информация об издателе, а сведения о месте и годе издания набирались более мелким шрифтом и помещались внизу страницы.

Рассмотрим титульный лист первого тома Энциклопедии с точки зрения его воздействия на читателя, когда имеет место пространственное и временное удаление произведения от адресата, а также места и времени его издания. Для адекватного прочтения справочного издания, сложного в информативно-культурном плане размещения информации, титул первого тома предлагает несколько информационных блоков.

Название словаря 'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers' («Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел») как наиболее важный метатекстовый элемент закрепляется в верхней части титула. Издателями активно используются графическое оформление заглавия и шрифтовое варьирование как дополнительные средства передачи семантических и экспрессивных оттенков для читателя. Согласимся с мнением о том, что «заголовок играет роль точки кристаллизации, является «центром», «фокусом», от которого потом «расходятся круги» понимаемого содержания» [2, с. 307].

Одним из актуальных вопросов при создании Энциклопедии стало формирование положительного имиджа авторов как учёных, создавших этот огромный труд. Современные исследователи отмечают, что «создание

положительного имиджа учёного становится для воспринимающих своеобразным руководством к действию, позволяет увидеть ценность науки и научной деятельности» [6, с. 49]. Читатель наблюдает ‘незримое присутствие’ создателей Энциклопедии как её идеологов, чьи имена стоят с правой стороны на титуле – М. Diderot, М. D’Alembert. Для увеличения значимости авторских имен в текстовой композиции титульного листа активно задействована параграфика. Мы наблюдаем не только перенесение авторских имён в верхнюю часть титула, но отделение их типографским пробелом от заголовка.

Важным, на наш взгляд, информационным блоком, является информация об издателях Энциклопедии. В нижней части анализируемого титульного листа первого тома читаем, что справочное издание напечатано в Париже при участии четырех издателей: Бриассона (Antoine Claude Briasson, 1700–1775), Давида-старшего (Michel Antoine David ou David l'aîné, 1707–1770), Ле Бретона (André François Le Breton, 1708–1779) и Дюрана (Laurent Durand, 1712–1763). Объединившись изначально благодаря переводу английского Медицинского словаря Роберта Джеймса, четыре книготорговца-издателя сформировали дискурсивное сообщество, не только подготовившее к изданию и распространению крупнейшее справочное издание XVIII в., но и отвечавшее за качество его исполнения.

Напомним, что идея появления Энциклопедии возникла из замысла влиятельного королевского издателя Андре Франсуа Ле Бретона о переводе на французский язык популярного в Европе двухтомного английского «Универсального словаря искусств и наук» Э. Чамберса. Карьера издателей, участвовавших в воплощении данного замысла, примечательна сама по себе. Заметим, что трое из четверых компаньонов принадлежали к семьям потомственных издателей и книготорговцев, все четверо были знакомы с Д. Дидро и Ж. Даламбером благодаря изданию и продаже их трудов, либо переведенных ими книг.

В частности, А. Ф. Ле Бретон, будучи потомственным книготорговцем, начал свою издательскую деятельность в 17-летнем возрасте. Уже в 19 лет он возглавил один из престижных французских справочников для нотаблей «L'Almanach royal» (члены *assemblée des notables* – собрания видных представителей дворянства, высшего духовенства, городских верхов), упоминание на страницах которого считалось престижным и статусным для людей этого круга. К 1746 г. А. Ф. Ле Бретон входит в круг тридцати шести избранных парижских

королевских печатников (*Imprimeur ordinaire du Roy*), что отмечено на титульном листе первого тома Энциклопедии [13]. Для запуска проекта и публикации переводного издания словаря Э. Чамберса в январе 1745 г. А. Ф. Ле Бретон получает королевскую привилегию на перевод и объединяется с тремя крупными парижскими книготорговцами: А. К. Бриассоном, М. А. Давидом-старшим и Л. Дюраном.

Второй участник совместного проекта А. К. Бриассон также был из семьи книготорговца. После смерти К. Дюрана в 1763 г., выхода на пенсию М. А. Давида-старшего в 1769 г. и А. Ф. Ле Бретона в 1770 г. он, единственный из четырех компаньонов, продолжил издание Энциклопедии, будучи одновременно её редактором. Благодаря его неустанной издательской деятельности Энциклопедия выжила и процветала [13].

Мишель Антуан Давид, или Давид-старший также вышел из потомственной семьи книготорговцев, несколько поколений которой успешно занимались продажей книг. Для издания Энциклопедии он вложил 1/6 своего состояния.

Последний из участников совместного проекта, Лорен Дюран, не являясь потомственным книготорговцем или печатником, рано проявил свои таланты на этом поприще. В 26 лет, став владельцем одного из крупных парижских книжных магазинов, он активно публикует и продает книги, переведенные Д. Дидро. В 1748 г. Л. Дюран издает книгу одного из вдохновителей роста числа вольнодумных сочинений Франсуа Венсана Туссена «Нравы», осужденную Парламентом на сожжение, но пользовавшуюся в обществе большим успехом [13].

С развитием культуры в XVII–XVIII в.в. значимым становится понятие литературной личности. Думаем, что причисление писателей к эрудитам и коммуникативным личностям эпохи правомерно распространить на издателей и книготорговцев того времени. Издаваемые и продаваемые произведения выступают маркерами издателей как коммуникативных личностей. Следовательно, особая роль в развитии литературы, читательских вкусов, культурном и филологическом просвещении общества, распространении французского языка при книгопечатании принадлежит не только реформаторам-филологам, знаменитым авторам, но и авторитетным издателям [5, с. 275].

Энциклопедическая доминация, а значит и коммуникативное лидерство издателей-книготорговцев проявлялось, прежде всего, в

глубоком знании литературных процессов и исторического фона. Это позволяло поддерживать авторитетность издателя и книготорговца, роль которых зачастую воплощал один и тот же человек (как, например, в случае с А. Ф. Ле Бретоном). Более того, энциклопедическая доминанция подразумевала высокий общекультурный уровень тех, кто брал на себя труд по изданию и продаже переводов и трудов ярчайших представителей философской и филологической мысли той эпохи [5, с. 276]. Энциклопедическая доминанция вызывала, на наш взгляд, доверие адресата (читателя) не только к авторам нового научно-популярного жанра, но и к тем, кто продвигал этот жанр на книжном рынке, что способствовало оптимальному контакту с читательской аудиторией. Приведем в этой связи ценное и уместное замечание известного библиофила М. В. Раца: «Издатель, редактор, дизайнер, книгопродавец, библиограф, библиотекарь... – в конечном счете, все они связаны общим делом – обеспечивают, каждый по-своему, эффективное функционирование книги в системе общения» [10, с. 291–292].

Участие в публикации и продаже Энциклопедии становится одним из лучших инвестиционных издательских проектов. А. Ф. Ле Бретон отвечал за подготовку Энциклопедии к изданию, качество её исполнения и распространение. А. К. Бриассон взял на себя функции финансового директора, следил за продажами, абонентской платой подписчиков, платил гонорары авторам. М. А. Давид-старший и Л. Дюран активно вкладывали собственные средства ради продвижения Энциклопедии на книжном рынке [13]. Несмотря на то, что для участников проекта Энциклопедия стала довольно дорогим изданием, она настолько хорошо продавалась, что не только полностью окупала себя, но и приносила прибыль. В течение первых семи лет продажи выросли с 1625 до 4225 экземпляров, а к концу 1754 г. стоимость общей подписки на Энциклопедию составила более 500 000 фунтов. Вольтер писал об этом: «Тем, кто интересуется вопросами прибыли ясно, что никакая торговля с обеими Индиями не давала ничего подобного. Издатели заработали 500 % – такого еще не случалось за два века ни в какой отрасли торговли» [цит. по 1, с. 16].

Думаем, что в рамках научно-просветительского дискурса правомерно рассуждать об интегрированных маркетинговых коммуникациях, когда издательствам важна рентабельность выпускаемой продукции. Уже в XVIII в. научная и научно-популярная книга занимает важное место на книжном рынке, при этом издатели заинтересованы

предлагать общественности, потенциальным читателям свою продукцию. Выпуская разножанровую литературу в связи с запросами реальной практики, издатели осуществляли так называемый пул-маркетинг, направленный на реального потребителя, конечного пользователя издаваемой продукции [8, с. 79].

Сразу за именами издателей завершает титул первого тома примечательное уточнение: «avec approbation et privilege du Roy» (с одобрения и разрешения Короля), обозначающая выдачу официальной королевской привилегии для издания произведения после просмотра его советом цензоров. Мы уже упоминали о привилегии, полученной А. Ф. Ле Бретоном и положившей начало появлению первого и последующих томов Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера. Для регулирования книгопечатания и контроля за продажами книг королевская власть активно использовала институт цензоров. Для издателя и книготорговца были возможны два пути: законный (с утверждением и привилегией) (*la voie légale avec approbation et privilège*) и незаконный (*la voie illegal avec fausse adresse*). Дважды в первой половине XVIII в. (1723 г, 1744 г.) выходили королевские указы, предписывавшие парижским издателям и книготорговцам получать привилегии и обязательное разрешение на издание любой книги [12].

Монополия (или привилегия) давалась, в первую, очередь, крупным парижским книжным магазинам, близким к правительству. Её роль, несомненно, можно оценить как положительную, так как она защищала издателя, книготорговца и само произведение от подделок, а также предписывала печатать произведение у королевского издателя, что служило гарантией хорошего качества [12].

В заключение отметим, что титульный лист первого тома Энциклопедии представляет собой единство всех вербальных компонентов, которые формируют этот научно-популярный жанр. Упоминание имен издателей как коллективного полиадресанта по сути является информационно-рекламным ходом, построенным на товарной и потребительской стратегиях для привлечения целевой читательской аудитории. Проанализированная дискурсивная издательская практика не предусматривает прямых действий потребителей, а выполняет, в основном, коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию книги как интеллектуального продукта на книжном рынке.

Список литературы

1. Артемьева Т. В. Плоды «энциклопедического древа» или два великих проекта / Т. В. Артемьева, М. И. Микешин // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 13–24.
2. Байрамукова А. И. Метафилология В. И. Даля по инициальной части «Толкового словаря живого великорусского языка». Титульный лист как текст / А. И. Байрамукова // Textus. 2008. № 12–1 (12). С. 296–320.
3. Викулова Л. Г. Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга / Л. Г. Викулова // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты» (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). Самара: СамГУ, 2016. С. 104–112.
4. Викулова Л. Г. Издатель как медиатор в литературной коммуникации / Л. Г. Викулова // Личность и модусы ее реализации в языке: коллективная монография. М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 188–206.
5. Викулова Л. Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство / Л. Г. Викулова // Древняя и Новая Романия. 2016. Т. 17. № 1 (17). С. 266–278.
6. Водяницкая А. А. Влияние оценочных значений на формирование положительного образа ученого в академическом дискурсе / А. А. Водяницкая // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация. Материалы международной научной конференции. СПб: СПбПУ им. Петра Великого. 2017. С. 49–52.
7. Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 26–29.
8. Герасимова С. А. Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект: монография / С. А. Герасимова. М.: МГПУ, 2015. 224 с.
9. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева //

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 202–209.

10. Рац М. Воспоминания и размышления (новые страницы) / М. Рац // Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сб. сост. М. В. Рац. СПб.: Ретро, 2005. С. 11 –451.

11. Черкашина Е. И. Рецензия на монографию С. А. Герасимовой «Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект» (М.; МГПУ, 2015. 224 с.) / Е. И. Черкашина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 125–127.

12. BiblioMab: le monde autour des livres anciens et des bibliothèques. – URL: <https://bibliomab.wordpress.com/2012/01/06/permissions-approbations-privileges-censure-avant-la-revolution-francaise-ledition-sous-controle/>

13. Edition numérique collaborative et critique de l'Encyclopédie. URL: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie>].

Германова Н.Н.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Когнитивная социолингвистика: вызовы и перспективы

Аннотация. В статье анализируются проблемы, которые ставит перед когнитивной социолингвистикой объединение предметных областей исследования, методологических установок и исследовательских методов когнитивной лингвистики и социолингвистики: противоречие между изучением языка как ментального явления и объективным исследованием вариативной социально детерминированной речевой практики, в том числе с использованием количественных методов, а также применение понятия социолингвистической переменной к изучению недискретных по своей природе семантических явлений.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, методология, когнитивная социолингвистика, языковое варьирование, количественные методы, семантика, социолингвистическая переменная.

N. Germanova

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Cognitive sociolinguistics: challenges and perspectives

Abstract. The paper focuses on the problems caused by the interdisciplinary nature of cognitive sociolinguistics, which is to combine methodological principles and empirical methods of cognitive linguistics and sociolinguistics. These include the contradiction between the study of language as a mental phenomenon and the investigation of variable verbal interaction in a social setting with the use of objective quantitative methods, as well as

applying the concept of sociolinguistic variable to the study of non-discreet semantic phenomena.

Keywords: interdisciplinary research, cognitive sociolinguistics, methodology, language variation, quantitative methods, semantics, sociolinguistic variable.

Характерной чертой науки о языке последних десятилетий является ее междисциплинарный характер. Это обстоятельство трудно оценить однозначно: с одной стороны, контакты между разными областями знания позволяют расширить проблематику исследования или, напротив, найти новые ответы на старые вопросы; с другой стороны, объединение предметных областей исследования, методологических установок и исследовательских методов различных наук часто ставит перед учеными новые, порой трудноразрешимые задачи. В настоящей статье эта проблема будет рассмотрена на материале когнитивной лингвистики – новой области когнитивных исследований, складывающейся с конца 90-х годов XX века [1; 2; 3; 5; 8; 9; 11; 14].

Определяя место когнитивной социолингвистики в кругу лингвистических дисциплин, следует сказать, что она сложилась и развивается в рамках когнитивной лингвистики и исходит из того, что когнитивные процессы не носят исключительно индивидуальный характер и включают в себя социальную (в широком смысле слова) составляющую. Когнитивная социолингвистика призвана изучать вариативность речевого поведения, в основе которой лежат ментальные особенности этнических и социокультурных групп населения (установки, стереотипы, культурные модели, концепты) как в синхронии, так и в диахронии.

Перспективным направлением междисциплинарных исследований, где соприкасаются интересы социолингвистики и когнитивной социолингвистики, является также изучение идеологических сторон дискурсивных практик, то есть изучение различных аспектов проблемы «язык и власть»; в этом плане она тесно соприкасается не только с социолингвистикой, но и с так называемой «политической лингвистикой», которую ее сторонники нередко рассматривают как отдельное направление в языкознании.

К проблемам когнитивной социолингвистики исследователи относят также изучение культурных когнитивных моделей, которые представляют собой модели репрезентации социально значимого знания.

К активным сторонникам когнитивной социолингвистики относятся Г. Кристиансен, Р. Дирвен, Д. Герартс, М. Пютц, М. Рейф, полагающие, что объединение достижений когнитивной лингвистики, изучающей

ментальные процессы концептуализации и категоризации, и социолингвистики, исследующей социальное варьирование языка и речевого поведения, позволит установить связи между когнитивными процессами и социо-демографической стратификацией коллектива. Речевые сообщества негомогенны, и узואльно-ориентированная когнитивная лингвистика не может не обращаться к проблеме вариативности, которая объясняется, наряду с собственно лингвистическими и дискурсивно-прагматическими факторами, социальной неоднородностью общества (включая гендерное и возрастное варьирование, которые также содержат социальную составляющую). Весьма перспективным представляется и социо-когнитивный подход к проблемам развития языка, в частности, к проблемам грамматикализации, в основе которой лежат как когнитивные, так и социо-интеракционные факторы [11, с. 497–510]. Интеграция двух подходов позволит глубже проникнуть в истоки языковой вариативности и, конечном счете, понять взаимосвязь между культурой, социумом, идеологией и языком.

Союз когнитивной лингвистики и социолингвистики обещает быть, по мысли ее сторонников, полезным для обеих дисциплин. Когнитивную лингвистику привлекает прочная эмпирическая база социолингвистики: хотя многие ведущие исследователи в области когнитивной лингвистики, провозгласили, вслед за Лангакером, узואльно-ориентированный подход к исследованию языка (*usage-based linguistics*), на практике сбор материала в когнитивных исследованиях нередко до последнего времени ограничивался интроспекцией. В то же время в социолингвистике опора на эмпирический материал является базовым принципом исследования. Хотя когнитивная социолингвистика полагается, скорее, на корпусные исследования, чем на излюбленные социолингвистами социологические методы сбора материала (наблюдение, интервьюирование, анкетирование), внимание к эмпирическим данным, несомненно, сближает новейшие направления когнитивных исследований с квантитативной социолингвистикой.

Следует заметить, что использование эмпирических методов сбора материала создает для когнитивной лингвистики определенные методологические трудности, поскольку изначально когнитивная лингвистика была нацелена на изучение когнитивных структур, недоступных наблюдению (в этом даже усматривали произведенный когнитивной лингвистикой методологический переворот), поэтому

объективные методы сбора эмпирического материала вступают в конфликт с исходными теоретическими посылками когнитивной лингвистики: есть определенное противоречие между изучением языка как ментального явления и исследованием речевой практики как социальной интеракции [8, с. 18]. Методологически значимой (и до сих пор дискуссионной) является проблема причинно-следственных отношений между ментальными конструктами (культурными моделями, прототипами, стереотипами, нормами и т.п.) и объективным речевым поведением говорящих. Вопрос заключается в том, отражают ли ментальные модели эмпирически наблюдаемое речевое поведение или, напротив, лежат в его основе.

Противоречие между исходными посылками когнитивной лингвистики и социолингвистики проявляется и на уровне исследовательских методов. Так, одним из следствий узуально-ориентированного подхода является учет не только качественных, но и количественных данных. Определенной проблемой, однако, оказывается тенденция исследователей-когнитивистов, опирающихся на корпусные исследования, не собирать, в отличие от социолингвистов, данные о социальной принадлежности участников коммуникации и ее социально-прагматических аспектах [15, с. 4–5]. Тем не менее, несмотря на определенные трудности, в течение последнего десятилетия тенденция к учету эмпирических данных в когнитивных исследованиях упрочивается [3].

В изучении социально детерминированного варьирования языка исследователей-когнитивистов привлекает тот факт, что варьирование охватывает, наряду с другими сторонами языка, и семантику – традиционную область интересов когнитивной лингвистики. Социальные и культурные изменения в обществе приводят к перестройке концептосферы: трансформируется аксиологическая окраска существующих концептов, формируется новая система ценностных доминант и антиномий, которые находят отражение в языке, причем в разных этнических и социо-демографических группах эти процессы протекают по-своему. В этом плане достижения социолингвистики могут существенно обогатить когнитивную семантику: значение создается и передается в процессе социально-культурной интеракции коммуникантов. И социолингвистику, и когнитивную лингвистику интересуют мотивы выбора говорящим той или иной языковой единицы, которые включают желание говорящего позиционировать тот или иной аспект своей

социальной или половозрастной идентичности. Как справедливо замечает Д. Герартс, социальные аспекты значения составляют важную часть семантики слова, и когнитивная лингвистика не может ограничиваться (как она это нередко делала) изучением денотативного значения [7].

С другой стороны, привлечение аппарата когнитивной лингвистики может, по мнению ее сторонников, раздвинуть и исследовательские горизонты социолингвистики, позволив социолингвистам по-новому взглянуть на накопленный материал. Хорошим примером успешного взаимодействия когнитивной лингвистики и социолингвистики является разработка Д. Герартсом рационалистической и романтической моделей стандартизации языка [6]. Эти культурные модели, характерные, соответственно, для эпох Просвещения и Романтизма, лежат в основе нормализаторской практики своего времени и объясняют особенности языковой политики и языкового строительства этих исторических эпох. Так обращение к когнитивной теории культурных моделей позволило подвести теоретическую базу под изучение языкового планирования, которое является традиционной сферой интересов социолингвистики.

Для социолингвистики обращение к достижениям когнитивной лингвистики означает расширение сферы исследования. Традиционно социолингвистика ориентировалась на изучение дискретных языковых единиц, таких как фонемы или, в несколько меньшей степени, морфолого-синтаксические конструкции; союз с когнитивной лингвистикой влечет за собой интерес к семантике, которая до сих пор оставалась на периферии социолингвистических исследований. Изучение семантики ставит перед исследователем, который хотел бы использовать традиционный для социолингвистики метод социолингвистических переменных, сложные задачи: семантическое описание часто опирается не на объективные параметры, а на интуицию исследователя; семантика охватывает все уровни языка и в силу своего недискретного характера не всегда легко поддается квантитативным методам исследования; описание семантического варьирования в рамках социолингвистических переменных невозможно без разрешения сложных в теоретическом и практическом плане вопросов о способах определения семантической эквивалентности различных языковых структур. Тем не менее, изучение семантики с учетом социо-демографических показателей как независимых переменных уже дало интересные результаты (см., в частности, разрабатываемую Д. Герартсом когнитивную социолексикологию).

Когнитивная социолингвистика также предполагает новый подход к социальной категоризации: такие традиционные для социолингвистики понятия, как социальный класс, социальный статус, социальная роль и т.п. должны быть переосмыслены с учетом восприятия и интерпретации их границ говорящими. На первый план выдвигается изучение отношений к языковому варьированию и его оценка самими участниками интеракции: что носители языка знают о социальном варьировании языка; как они его оценивают; в какой мере их знания отражаются в их собственном речевом поведении и оценке других участников коммуникации, как язык участвует в формировании идентичности говорящего и т.п. По меткому выражению Д. Герартса, в когнитивной социолингвистике речь должна идти не только об изучении варьирования значения, но и об изучении значения варьирования (*the meaning of variation*) [9, с. 6].

Следует, однако, заметить, что эта проблематика не является открытием когнитивной социолингвистики: в квантитативной социолингвистике У. Лабова эти проблемы уже были затронуты, хотя и без привлечения аппарата когнитивной лингвистики, например, в исследованиях таких явлений, как гиперкоррекция среднего класса и скрытый престиж носителей стигматизированных диалектов [12]. Использование языка для (само)идентификации было также в центре внимания оформившейся в 60-70-е годы XX социальной психологии языка, где оно изучалось, в том числе и с применением экспериментального метода *matched-guise technique*. Социальную психологию языка интересует мотивация говорящих, определяющая выбор языковых форм (то есть их интенции, убеждения, эмоции, симпатии, антипатии и т.п.), а также оценка участниками интеракции собеседника и те параметры поведения говорящего, которые формируют эту оценку [10].

Когнитивный подход может помочь, по мнению сторонников когнитивной социолингвистики, и с уточнением параметров социальной категоризации. Если традиционная социолингвистика исходила при определении границ социальных групп из объективных параметров (доход, место проживания, образование и т.п.), то когнитивных социолингвистов интересует то, как эти категории представлены в сознании людей. Социальные группы (образованные люди – лондонцы – студенты – друзья – начальники и т.п.) в восприятии их представителей и окружающих – это когнитивные категории с центром (прототипом) и периферией.

Таким образом, союз когнитивной лингвистики и социолингвистики оказывается перспективным для обоих направлений исследований при ведущей роли когнитивной лингвистики. Формирование нового направления когнитивных исследований хорошо вписывается в тенденции развития когнитивной науки о языке, для которой характерны тенденции к экспансии и преодолению междисциплинарных барьеров [13].

Список литературы

1. *Advances in Cognitive Sociolinguistics (Cognitive Linguistic Research)* / Dirk Geeraerts, Gitte Kristiansen, Yves Peirsman (Eds.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2010. 329 p.
2. *Cognitive Sociolinguistics: Social and cultural variation in cognition and language use* // Martin Pütz, Justyna A. Robinson, Monika Reif (Eds.) Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 214 p.
3. *Cognitive Linguistics. – The Quantitative Turn: The Essential Reader* / Laura A. Janda (Ed.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2013. 328 p.
4. Croft W. *Toward a social cognitive linguistics* /Willam Croft // *New Directions in Cognitive Linguistics* / Vyvyan Evans, Stephanie Pourcel (Eds.). Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. P. 395–420.
5. Dirven R. *Major strands in Cognitive Linguistics* /Rene Dirven // *Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction* / M. Sandra Peña Cervel, Francisco J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Eds.). Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 17–68.
6. Geeraerts D. *Cultural models of linguistic standardization* / Dirk Geeraerts // *Cognitive Models in Language and Thought* / René Dirven, Martin Pütz and Roslyn Frank (Eds.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2003. P. 25–68.
7. Geeraerts D. *Lectal variation and empirical data in Cognitive linguistics* / Dirk Geeraerts // *Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction* / M. Sandra Peña Cervel, Francisco J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Eds.). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 163–190.
8. Geeraerts D. *Introducing Cognitive Linguistics* / Dirk Geeraerts, Hubert Cuyckens // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Dirk Geeraerts, Hubert Cuyckens (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3–24.
9. Geeraerts D. *Introduction* / Dirk Geeraerts, Gitte Kristiansen, Yves Peirsman // *Advances in Cognitive Sociolinguistics (Cognitive Linguistic*

Research) / Dirk Geeraerts, Gitte Kristiansen, Yves Peirsman (Eds.). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 1–19.

10. Giles H. Speech style and social evaluation / Howard Giles, Peter F. Powesland. London: Academic Press, 1975. 218 p.

11. Hollman W. Constructions in Cognitive Sociolinguistics / Willem B. Hollman // The Oxford Handbook of Construction Grammar / Thomas Hoffmann, Graeme Trousdale (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 491–510.

12. Labov W. Sociolinguistic patterns / William Labov. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.

13. Langacker R.W. Convergence in cognitive linguistics / Ronald W. Langacker // Cognitive Linguistics: Convergence and Expansion / Mario Brdar, Stefan Thomas Gries (Eds.). John Benjamins Publishing, 2011. P. 9–16.

14. Moreno-Fernández F. A Framework for Cognitive Sociolinguistics / Francisco Moreno-Fernández. New York – London: Routledge, 2016. 254 p.

15. Pütz M. The emergence of cognitive sociolinguistics / Martin Pütz, Justyna A. Robinson, Monika Reif // Cognitive Sociolinguistics: Social and cultural variation in cognition and language use // Martin Pütz, Justyna A. Robinson, Monika Reif (Eds.). John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1–22.

Гнатюк О.А.

*Московский государственный областной университет (Москва),
Московский автомобильно-дорожный государственный технический
университет (Москва)*

К вопросу о грамматической интерференции при русско-испанском двухязычии

Аннотация: Статья посвящена явлению интерференции, возникающей при русско-испанском двухязычии. В работе рассматриваются примеры интерференции в речи русскоязычных иммигрантов, проживающих в Испании. Анализ фактического материала показывает случаи переноса некоторых особенностей русского языка в испанский язык и подтверждает потенциальные области возникновения интерферентных ошибок.

Ключевые слова: двухязычие, билингвизм, интерференция, русский язык, испанский язык.

Grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism

Abstract. The paper considers the phenomenon of grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism. Some examples of interference in the speech of Russian emigrants living in Spain are studied. The analysis of the factual material shows some cases of mother-tongue interference in Russian-Speaking Spanish language learners' speech and proves the potential areas of interference mistakes.

Keywords: bilingualism, interference, Russian language, Spanish language.

В условиях языкового контакта, в том числе при двуязычии, часто наблюдается интерференция, интересное лингвистическое явление, получившее свое название из области физики. Термин «интерференция» – (от лат. *inter* – между, взаимно + *ferens, ferentis* – несущий, переносящий) [7, с. 88], используется для обозначения круга явлений, связанных с языковым взаимодействием и языковым взаимовлиянием.

Интерференция, как одно из проявлений билингвизма, изучается в русле теории языковых контактов (ЯК) и двуязычия, и является объектом многих лингвистических, социолингвистических, психолингвистических, культурологических исследований. Несмотря на наличие высокого интереса к проблемам двуязычия в целом, тема интерференции русского и испанского языков изучена недостаточно, и требует тщательного рассмотрения.

Впервые интерференция упоминается членами Пражского Лингвистического кружка, в широкий же обиход этот термин вошел с выходом книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» в 1957 г. Под интерференцией автор понимает «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [2, с. 22].

В целом интерференция определяется как «перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык» [4, с. 66]. Многочисленные определения термина интерференция в целом сводятся к двум аспектам: *во-первых*, интерференция – это “взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия” [1, с. 197], *во-вторых*, данное явление носит отрицательный характер, так как выражается в “отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного” [1, с. 197].

Интерференция имеет психолингвистическую основу, так как особенно проявляется при естественном двуязычии, когда имеет место непосредственное общение. Как правило, человек, изучающий иностранный язык (Я2), уже владеет родным языком (Я1) и пользуется определенной языковой системой, знакомой ему с детства. В результате новый язык усваивается им сквозь призму уже имеющегося. Это создает предпосылки для возникновения интерференции в речи на иностранном языке.

Если речь идет о высоком уровне владения языком, “координативном” типе двуязычия [8, с. 97], интерферентные ошибки, появляющиеся в речи на иностранном языке, возникают не в результате незнания правил языка изучаемого, а в следствие неосознанного воздействия языковой системы родного языка.

Интерференция может охватывать различные языковые уровни: фонетический, грамматический, синтаксический, лексико-семантический. Грамматическая интерференция определяется как “воздействие грамматической структуры родного языка в речи билингва” [8, с. 83]. Грамматическая интерференция может проявляться как во влиянии на второй язык в связи с отсутствием тех или иных грамматических категорий в первом, так и в непосредственном переносе определённых правил и свойств родного языка в изучаемый [там же].

Согласно У. Вайнрайху, “Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C, что ведет к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S” [2, с. 36].

Под грамматической интерференцией мы понимаем интерференцию в области морфологии и синтаксиса. Соответственно, грамматическая интерференция может проявляться как в неправильном употреблении морфем, так и в нарушении норм и правил построения целого предложения иностранного языка под влиянием синтаксиса родного языка.

Интерференция возникает при контакте любой языковой пары, однако ее проявление во многом определяется степенью близости языков. Испанский и русский языки принципиально отличаются друг от друга. В грамматике русского и испанского языков существуют определенные

различия, создающие предпосылки для возникновения интерференции. В целом интерферентные ошибки, возникающие при языковом контакте русского и испанского языков, имеют две причины: отсутствие некоторых грамматических явлений испанского языка в русском и несоответствие некоторых грамматических явлений русского и испанского языков. Рассмотрим некоторые выявленные ошибки в речи русскоязычных эмигрантов на испанском языке.

1) к грамматическим явлениям испанского языка, не имеющих аналога в русском, прежде всего относится артикль. Все многообразие определений артикля как части речи можно свести к следующему: «Артикль – это служебное слово, которое, сопровождая имя существительное, выражает грамматические категории рода и числа, а также сообщает ему значение определенности/неопределенности» [5, с. 52]. Кроме общего правила (la – ж. р, el – м. р.), существует ряд примеров (la aguilá – орел (м. р.)), которые нужно запомнить. Артикли, свойственные испанскому и другим языкам Европы, отсутствуют в русском. Ошибки в использовании артиклей испанского языка среди русскоязычных эмигрантов очень распространены. Причем основной тип ошибок в употреблении артикля – это его опущение. *Например:*

«Así es vida de emigrantes» (это жизнь иммигрантов) [женщина, 34 года]. В данном предложении пропущено два артикля перед существительными. Правильный вариант: «Así es la vida de (los) emigrantes». В указанном примере перед существительными необходимы определенные артикли, так как речь идет не просто о жизни, а о жизни иммигрантов. Согласно обобщенному правилу, «определенный артикль употребляется в конкретизирующей функции» [5, с. 196]. И, соответственно, если речь идет о жизни, то подразумеваются определенные люди (в данном случае иммигранты). Если имеются в виду конкретные люди (определенная группа), то слово (los) emigrantes также должно стоять с определенным артиклем.

2) несоответствие грамматических явлений русского и испанского языков охватывает многие области. В качестве примера можно выделить тему согласования времен. В испанском языке, как и в других европейских языках, при образовании сложных предложений, в том числе с косвенной речью, действуют правила согласования времен. Так, «если в высказываниях в форме сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным глагол главного предложения употребляется в Pretérito

Simple (простое прошедшее)..., то в придаточном предложении одновременность передается с помощью Imperfecto de indicativo (прошедшее незавершенное)...” [5, с. 310]. Например: “Pablo dijo que se encontraba muy bien (Пабло сказал, что он чувствует себя хорошо)” [3, с. 188]. В русском языке временная форма глагола сказуемого в придаточном предложении не зависит от временной формы глагола сказуемого в главном предложении.

Такое несоответствие вызывает определенные ошибки в речи. Например:

«me dí cuenta que sí, que conosco muchas palabras» (я обратила внимание, что многие слова мне знакомы) [женщина, 32 года]. В указанном предложении налицо явные ошибки в построении предложения с согласованием времен. Предложение построено по нормам русского языка без учета правил испанского языка. Правильный вариант данного предложения следующий: «me dí cuenta que sí, que conocía muchas palabras».

Подводя итог, отметим, что интерференция является характерной особенностью естественного билингвизма в рамках ЯК. В речи на иностранном языке интерференция возникает в результате воздействия языковой системы родного языка. Проведенный анализ речи русскоязычных эмигрантов на испанском языке показал наличие интерферентных ошибок на различных уровнях. Выявленные ошибки на грамматическом уровне связаны как с отсутствием в русском языке языковых особенностей испанского языка (артикли и др.), так и с несоответствием некоторых языковых явлений обоих языков.

Интерференция русского и испанского языков не ограничивается примерами, указанными в работе. Указанная тема очень обширна и требует дальнейшего изучения, а данная статья может внести вклад как в теоретическое исследование интерференции, так и практическое изучение ЯК русского и испанского языков.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Мартинес Карраскоса ХХ. Испанский Язык. Большой справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2014. 512 с.

4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта, 2011. 320 с.
5. Попов А. А. Учебник испанского языка. Интенсивный курс. СПб: ООО "Виктория плюс" 2013. 672 с.
6. Попова Н. И. Грамматика испанского языка. М.: ЧеРо, 2005. 312 с.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312с.
9. Gramática de La Lengua Española. Emilio Alarcos Llorach. Madrid: Real Academia Española, ESPASA, 2000. 406 p.

Головина Е.В.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: д.филол.н., профессор, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики Максименко О.И.*

Отражение языковой политики Финляндии на сетевом общении (на примере сайта postcrossing.com)

Аннотация. В данной статье описывается языковая ситуация в Финляндии и проводимая Финляндией языковая политика. Опираясь на нормативно-правовые документы и материалы, представленные в русскоязычных СМИ Финляндии, предпринимается попытка проследить, насколько действующая языковая политика влияет на использование языков в условиях сетевого общения. Для анализа используется ресурс postcrossing.com.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, языковая политика, языковые меньшинства, Финляндия, финский язык, шведский язык, русский язык, Интернет, посткроссинг.

E. Golovina

Moscow Region State University (Moscow)

Affect of the Finnish language policy on web communications (by the example of potcrossing.com)

Abstract. The paper describes the state of language and language policy in Finland. Using regulatory documentation and texts of Russian mass-media in Finland, an attempt is made to find out how the language policy in Finland influences the language use in web communications. The analysis is based on postcrossing.com.

Keywords: sociolinguistics, state of language, language policy, linguistic minorities, Finland, Finnish, Swedish, Russian, Internet, postcrossing.

В современной прессе распространено освещение политики различных государств по отношению к меньшинствам, в том числе этническим и языковым. Несмотря на свойственную эпохе глобализации тенденцию к отказу от использования языков с малым числом носителей, малые языки поддерживаются различными национальными движениями. Указанные причины помогают обозначить актуальность проводимого исследования.

Целью данного исследования является анализ того, как языковая политика многоязычного государства влияет на использование гражданами языков в сети Интернет. Для анализа была выбрана языковая политика Финляндии. Примером использования языка в международном сетевом общении послужил ресурс postcrossing.com. В задачи исследования входит описание языковой ситуации, языковой политики Финляндии, а также анализ профилей финских пользователей сайта postcrossing.com с разделением по регионам. В ходе исследования проводится обзор финской прессы, Интернет-ресурсов, а также подсчёт статистических данных, собранных при анализе профилей пользователей сайта postcrossing.com.

Объектом исследования выступают языки, представленные на территории Финляндии. Предмет исследования – репрезентация языков Финляндии в сети Интернет.

Одним из ключевых понятий социолингвистики является понятие языковой ситуации, определяемой как совокупность форм существования языка (языков), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении. Также особое внимание в социолингвистике уделяется языковой политике – совокупности мер, предпринимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем [2].

По данным на 2016 год, население Финляндии составляет 5 487 000 человек [7]. Говоря о языковой ситуации в Финляндии, следует, прежде всего, отметить, что речь идёт об экzogлоссной языковой ситуации, то есть о совокупности разных языков, которые, во-первых, по большей части гетерогенные (неродственные), во-вторых, гетерографные (типологически несходные). В стране распространены такие идиомы как финский, шведский, эстонский, цыганский, карельские и саамские [8].

Самым распространенным языком в Финляндии является финский (Suomi), приходящийся родным для 5 100 000 человек ($\approx 93\%$ населения Финляндии) [9]. Второй по распространенности в Финляндии язык – шведский (фин. Suomenruotsi, швед. Finlandssvenska). На втором месте по числу носителей стоит шведский: по данным Европейской Комиссии 2012 г., количество шведоязычных финнов составляет 271 000 человек ($\approx 5\%$ населения). Шведский язык представлен по большей части в западных (Остроботния) и южных (Хельсинки) регионах Финляндии, а также на Аландских островах [8].

Исходя из представленных выше данных, мы приходим к выводу, что, во-первых, по количеству этнических языковых образований языковая ситуация в Финляндии является многокомпонентной, во-вторых, демографическая мощь представленных на территории Финляндии языков неравновесная.

По количеству коммуникативных сфер языковая ситуация является равновесной в отношении государственных языков и неравновесной в отношении прочих языков. Согласно Конституции Финляндии, государственными языками Финляндии являются финский и шведский [10]. Образование, судопроизводство, административную сферу, сферу культуры, сферу религии обслуживают оба языка, из чего следует, что Финляндия проводит конструктивную языковую политику по отношению к меньшинствам. В государственном масштабе доминирующим языком является финский. Он является местным идиомом на территории Финляндии.

По классификации Фергюссона, большим языком (Lmaj) в Финляндии является финский язык. Малыми языками (Lmin) являются представленные на территории Финляндии языки меньшинств. Особыми языками (Lspec) являются языки конфессий: финский и шведский у лютеран (86 % населения), церковнославянский у православных (около 1 %) [5].

Следует подробно описать положение этнических меньшинств в Финляндии. Шведоязычные финны являются самым крупным этническим меньшинством (около 5 % населения) и вторым по количеству человек народом на территории Финляндии. Статья 17 Конституции Финляндии «Право на родной язык и культуру» провозглашает государственными языками финский и шведский и гарантирует право каждого гражданина пользоваться своим языком при ведении своего дела в суде и другом

органе власти, а также обязывает органы публичной власти обеспечивать финско- и шведоязычному населению страны удовлетворение культурных и общественных потребностей на равных началах [10]. Кроме того, на Аландских островах шведский является единственным официальным языком. Дорожные указатели в Финляндии обычно дублируются на обоих государственных языках. Шведский преподаётся как обязательный язык в школах с 7 по 9 класс. На шведском языке выходят газеты «Hufvudstatsbladet» («Столичная газета»), «Åbo Underrättelser» («Вестник Або»), передачи на шведском языке транслируются на телеканале FST5 [6]. Интересы шведоязычных финнов отстаивает Шведская народная партия (Svenska folkpartiet). Противоположную позицию занимают общественные организации националистического толка, например, Союз финской культуры и идентичности (фин. Suomalaisuuden liitto), Общество свободного выбора языка (фин. Vapaa kielivalinta ry), выступающие против обязательного изучения шведского языка в школах [16]. Тем не менее, по результатам парламентского голосования 2015 г., обязательное преподавание шведского языка в школах сохраняется [13].

Вторым по численности, хотя и не признанным официально языковым меньшинством в Финляндии является русскоязычное меньшинство (около 1 %), состоящее по большей части из мигрантов. Парламентом было принято на рассмотрение предложение заменить шведский язык русским в школах на востоке Финляндии, однако против этой инициативы выступил председатель Шведской народной партии и министр обороны Карл Хаглунд [14]. На русском языке выходят газеты «Спектр», «Новости Хельсинки», «Комсомольская правда в Северной Европе» и др. [4]. Отмечаются случаи русофобии со стороны финскоязычного населения [15].

Следует также отметить саам и цыган, являющихся малочисленными народами, однако их права также гарантируются Конституцией: «Саамское население, как коренной народ, цыгане и другие группы населения имеют право сохранять и развивать свой язык и свою культуру» [10]. Саамы, составляющие менее 1% жителей Финляндии, населяют северные регионы, по большей части – Лапландию. Саамы имеют собственный орган самоуправления – Саамский парламент; на саамских языках ведётся преподавание в детских садах и школах [8]. Скандинавские цыгане, или каале также составляют менее 1% населения Финляндии. Цыганский язык преподаётся в школах по желанию учеников и родителей [1]. Значительная

часть цыган сталкивается с пренебрежением со стороны финнов, называющих их «mustalaitet» («чёрные») [3].

Охарактеризовав положение языковых меньшинств в Финляндии, представляется возможным пронаблюдать, как проводимая государством языковая политика отражается на использовании языков в сетевом международном общении. Ресурсом для анализа выбран сайт postcrossing.com. Основным методом работы является подсчёт аккаунтов пользователей, выбираемых в случайном порядке, вручную и последующий подсчёт процентного соотношения пользователей.

Ресурс postcrossing.com представляет собой коллекцию адресов для международного обмена открытками. По состоянию на 12.11.2017 на ресурсе зарегистрировано 704 548 пользователей из 213 стран [12]. Единственная версия сайта представлена на английском языке. Пользователи могут указывать в своём профиле языки, на которых они готовы получать письменную корреспонденцию.

Ресурс предоставляет возможность просмотра страниц пользователей по регионам выбранной страны. По состоянию на 12.11.2017, количество пользователей из Финляндии составляет 20 805 человек [11]. Пользователи, проживающие на Аландских островах, указаны отдельно, поэтому не будут учитываться в нашем исследовании. Пользователи из континентальной Финляндии составляют около 3 % от общего числа пользователей сайта.

На сайте представлена каждая область выбранной страны, однако для удобства мы разделим участников по сторонам света, основываясь на географических данных. Итак: Север (Лапландия, Северная Остроботния, Кайнуу); Восток (Северная Карелия, Северное Саво, Южное Саво); Юг (Южная Карелия, Хяме, Пяйят-Хяме, Уусимаа, Пирканмаа, Собственно Финляндия, Кюменлааксо); Запад (Сатакунта, Южная Остроботния, Центральная Остроботния, Остроботния); Центральная Финляндия, включая Центральную Остроботнию.

Следующим нашим шагом будет разделение пользователей на группы по языкам. Нами были выбраны наибольшие по числу носителей языки Финляндии – финский, шведский и русский. Языки остальных меньшинств, в том числе эмигрантов, а также любые другие языки, указанные на сайте, мы не учитываем. Итак, у нас есть группы пользователей, указавших в профиле:

А) только финский;

- Б) только шведский;
- В) только русский;
- Г) финский + шведский;
- Д) финский + русский;
- Е) шведский + русский;
- Ж) финский + шведский + русский;
- З) указаны другие языки или не указан ни один язык.

Следующим нашим шагом будет составление и заполнение таблицы. Таблица состоит из девяти столбцов и шести строк. Крайний левый столбец озаглавлен «Локация»/«Языки» и содержит название каждой группы пользователей по языкам (обозначенное буквенным индексом). Верхняя строка содержит название каждого столбца.

В каждой группе аккаунтов по географическому признаку мы считаем по одному проценту пользователей от группы по языковому признаку. Далее мы считаем, сколько процентов составляет каждая группа пользователей по языковому признаку от одного процента группы, выбранной по географическому признаку. Округлённые результаты мы также вносим в таблицу.

Таблица 1. Финские пользователи ресурса postcrossing.com

Локация/Языки	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Север	44%			41%			4%	11%
Восток	50%			23%		4%	8%	15%
Юг	26%	6%		47%	2%	менее 1%	3%	4%
Запад	18%			29%			18%	35%
Центральная Финляндия	24%	5%		61%			5%	5%

Проанализировав таблицу, мы приходим к следующим заключениям:

А) Большинство пользователей, указавших в аккаунте только финский язык, проживают в северных регионах Финляндии;

Б) Большинство пользователей, указавших только шведский язык, проживают в южных регионах Финляндии;

В) Не обнаружено ни одного пользователя, указавшего только русский язык;

Г) Большинство пользователей, указавших финский и шведский языки, проживают в Центральной Финляндии;

Д) Большинство пользователей, указавших финский и русский языки, проживает в южных регионах Финляндии;

Е) Большинство пользователей, указавших финский, шведский и русский языки, проживают в западных регионах Финляндии;

Ж) Большинство пользователей, не указавших ни одного из выбранных для классификации языков, проживают в западных регионах Финляндии.

На материале этих наблюдений может быть составлена языковая карта Финляндии. Полученные нами данные демонстрируют, как выбранная Финляндией языковая политика влияет на функционирование языков в естественных условиях. Данные, в основном, не противоречат реальному распределению языков на карте Финляндии, зафиксированному официальными инстанциями. Противоречия могут объясняться погрешностями, возникшими по той причине, что на сайте встречаются аккаунты-клоны, не отображающие реальную ситуацию, а также недостаточно большой, следовательно, недостаточно репрезентативной выборкой. Кроме того, остаётся неизвестным, является ли какой-либо из указанных пользователем языков родным для него, так как пользователи не всегда указывают степень владения языком в своем профиле. Ограничения на выборку были в данной работе неизбежны ввиду отсутствия автоматических методов решения поставленных задач. Тем не менее, следует отметить, что методика сбора этих данных описывает потенциально полезный ресурс для дальнейшего анализа социолингвистической ситуации в многоязычных странах. В дальнейшем возможно углубление нашего исследования путем увеличения выборки и задания дополнительных языковых и географических критериев, используемых для наблюдений.

Список литературы

1. Вся Финляндия. К вопросу о жизни национальных меньшинств в Финляндии. «Очи черные» на финской северной земле [Электронный ресурс]. URL: <http://da.fi/524.html> (дата обращения: 03.07.2016).

2. Русский филологический портал. Швейцер А. Д. Социолингвистика (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 481–482) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/shveytser-90.htm> (дата обращения: 13.06.2016).

3. Сергиевский А. Финские цыгане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kauppatie.com/2004/04-2004/6.htm> (дата обращения: 04.07.2016).

4. Суоми по-русски. Русскоязычные СМИ Финляндии 22.04.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://suomirussian.blogspot.ru/2011/04/blog-post_22.html (дата обращения: 04.07.2016).
5. Электронная Финляндия. Религия в Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <http://e-finland.ru/travel/general/religiya-v-finlyandii.html> (дата обращения: 04.07.2016).
6. Это Финляндия. Шведскоязычные финляндцы – неотъемлемая часть Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <http://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/shvedskoyazychnye-finlyandtsy-neotemlemaya-chast-finlyan/> (дата обращения: 05.07.2016).
7. Ethnologue. Languages of the World. Finland. Country [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnologue.com/country/FI> (дата обращения: 12.11.2017).
8. Ethnologue. Languages of the World. Finland. Languages [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnologue.com/country/FI/languages> (дата обращения: 12.11.2017).
9. Ethnologue. Languages of the World. Finnish. Language [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnologue.com/language/fin> (дата обращения: 12.11.2017).
10. Finlex. Finlands grundlag [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finlex.fi/sv/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения: 15.06.2016).
11. Postcrossing. Finland [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://www.postcrossing.com/country/FI/allusers> (дата обращения: 12.11.2017).
12. Postcrossing. Stats. Members [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postcrossing.com/stats/users> (дата обращения: 12.11.2017).
13. Sveriges Radio. Радио Швеция. Шведский язык обязателен для финских школьников. 06.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6110398> (дата обращения: 01.07.2016).
14. Yle Uutiset. Министр обороны выступает против обучения школьников русскому языку в Восточной Финляндии. 25.03.2015 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.03.2015. URL:

http://yle.fi/uutiset/ministr_oborony_vystupaet_protiv_obucheniya_shkolnikov_russkomu_yazyku/7888372 (дата обращения: 03.07.2016).

15. Yle Uutiset. Ненависть к русским: правда или выдумка? 10.05.2013 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.05.2013. URL: http://yle.fi/uutiset/nenavist_k_russkim_prawda_ili_vydumka/6634793 (дата обращения: 03.07.2016).

16. Yle Uutiset. Пикетчики потребовали отмены обязательного шведского в школах. – 31.3.2011 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.04.2013. URL: http://yle.fi/uutiset/piketchiki_potrebovali_otmeny_obyazatelnogo_shvedskogo_v_shkolakh/6597563 (дата обращения: 03.07.2016).

Деева В.П.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: к.филол.н., кафедра индоевропейских и восточных
языков МГОУ Сахарова Н. Г.*

Сравнительное лингвостилистическое исследование поэтического языка И. А. Бродского в советский и эмиграционный периоды

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного своеобразия поэтического языка стихотворений И. А. Бродского в советский и эмиграционный периоды. Данная тема мало изучена. Полученные результаты расширяют границы поэтики и могут быть использованы в литературоведении.

Ключевые слова: сравнительное исследование, поэтический язык, И. А. Бродский.

V. Deeva

Moscow Region State University (Moscow)

Comparative linguo-stylistic research of the poetic language of Joseph Brodsky in the Soviet and emigration periods

Abstract. The paper is devoted to the linguo-stylistic study of the artistic peculiarities of the poetic language in Joseph Brodsky's verses in the Soviet and emigration periods. The topic is scarcely studied. The results expand the boundaries of poetic diction and can be used in literature theory.

Keywords: comparative research, poetic language, Joseph Brodsky.

Поэзия есть «преобразование мысли посредством конкретного образа, выраженного в слове, иначе: она есть создание сравнительно обширного значения при помощи единичного сложного ограниченного словесного образа» [6, с. 333]. Частью поэзии является поэтический язык.

Поэтический язык – это «язык, употребляемый в поэтических произведениях» [3, с. 388]. Его обычно называют образным языком [6]; действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле [3].

Поэтические тексты И. А. Бродского включают в себя такие поэтические особенности, как обилие слов, длинные и сложные синтаксические конструкции, образы, возникающие на перекрестке неожиданных сопоставлений, сравнения.

Его поэтическое творчество условно подразделяют на два этапа: советский и эмиграционный. На первом этапе: в поэтическом языке пропадает однозначная связь между знаком и предметом, создаваемый образ приобретает свежесть и новизну. В этом случае возникают иррациональные образования, не имеющие аналога в действительности. И. А. Бродский в это время пишет лишь на русском языке. Так, стихотворение «Ниоткуда с любовью...» [1] композиционно представляет собой письмо. В нём автор применяет контекстуальную антонимию: черты лица адресата письма, которые никто не помнит («не важно / даже кто, ибо черт лица ... не вспомнить уже» [1]), и черты лица реципиента письма, которые вспоминает лирический герой («в темноте всем телом твои черты, / как безумное зеркало повторяя» [1]).

Поэтическая речь произведения содержит книжные слова: архаизм «ибо» [1] и неологизм «надцатого мартабря» [1]; парадоксальное нагромождение эпитетов: «дорогой, уважаемый, милая» [1]; большое количество сложных синтаксических конструкций: «милая, но не важно / даже кто, ибо...не ваш, но / и ничей»; «далеко, поздно <...> ночью на простыне, / как не сказано <...>, ночью на простыне»; «безумное зеркало повторяя» [1]. Кроме этого, автором используется анжамбеман, то есть перенос фразы на следующую строку: «дорогой, уважаемый, милая, но неважно/ даже кто, ибо черт лица, говоря/ откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но/ и ничей верный друг вас приветствует с одного/ из пяти континентов, держащегося на ковбоях» [1]. Лексика поэтического языка И. А. Бродского чрезвычайно богата. Более того, поэт использует такие стилистические приёмы, как инверсия: «но не важно / даже кто, ибо черт лица, говоря / откровенно, не вспомнить уже» [1], синтаксический параллелизм: «я любил тебя больше, чем ангелов и самого»; я взбиваю подушку мычащим «ты» [1], градация: «поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне, / в городке, занесённом снегом по ручку двери, / <...> на

простыне [1], антитеза: «не ваш, / но и ничей» [1]. В тексте много метафор: «подушку мычащим «ты»» [1] и эпитетов: «безумное зеркало»; «уснувшей долине»; «ничей верный друг» [1].

Итак, для первого периода поэта характерен сложный синтаксис, который создаёт эффект глобальности всего происходящего, богатая и разнообразная лексика, тропы и фигуры речи, позволяющие сделать текст предельно экспрессивным.

В эмиграции И. А. Бродский писал только на английском языке. Так, стихотворение *I Sit By The Window* [7] («Я сижу у окна») являет собой философское размышление о месте человека в мире, о смысле человеческой жизни. Поэт стал новатором стиха не только в тематическом плане, ритме и рифме, но и в плане метафоризации контекста (*the zero Euclid thought the vanishing point became wasn't math – it was the nothingness of Time* [7]) (Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос [2]). Одной из ярких особенностей поэзии И. А. Бродского того периода является использование им лексико-стилистического приёма перифразы (*the forest's only part of a tree* [7]) («лес – только часть полена» [2]), что не является характерной чертой русской поэзии. Его стихотворения практически лишены эпитетов, однако переполнены сравнениями (*love, as an act, lacks a verb* [7]) («любовь, как акт, лишена глагола» [2]), (*like an express, the waves behind the wavelike curtain crash* [7]) («как скорый, / море гремит за волнистой шторой» [2]), (*as trophies of my struggle against suffocation* [7]) («как опыт борьбы с удушьем» [2]).

«В английских стихотворениях И. А. Бродский применяет риторико-стилистические фигуры в качестве «текстообразующих элементов английского поэтического языка» [4]. Среди них самой яркой фигурой является «лексико-синтаксический параллелизм, при котором одна и та же фраза употребляется более одного раза в одинаковой позиции строф, не меняя при этом своего лексического значения» [4]. Например, в стихотворении *Rio Samba* [7] каждый первый стих из всех шести «четырёхструнных строф» [4] представляет собой одну фразу: *Come to Rio, oh come to Rio* [7]. В ней уже содержится повтор, разделённый междометием *oh*; но многократно повторяясь в начальных позициях строф, она передаёт энергичную настойчивость и оптимистичность призыва.

Лексико-синтаксический параллелизм конечных строк присутствует в стихотворении *Blues* («Блюз») [7], где четвёртый, завершающий, стих каждой строфы начинается одной и той же фразой *Money is green* [7], но

заканчивается по-разному: *but it flows like blood* («но она течет как кровь») *but it doesn't grow* («но она не прорастет»); *but it makes you blue* («как тоска»); *and I am gray* («а я седой») [5, с. 76–77].

Полученные данные сравнительного лингвостилистического исследования указывают на то, что поэтический язык Иосифа Бродского более выразительный и богатый стилистическими средствами в советский период, чем в эмиграции.

Список литературы

1. Бродский И. А. Конец прекрасной эпохи: Стихотворения [Электронный ресурс] //URL:<http://www.stihi-rus.ru/1/br/33.htm> (дата обращения: 05.10.2017).

2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. Пушкинский фонд. Санкт-Петербург, 1992. [Электронный ресурс] //URL:<http://https://m.rupoem.ru/poets/brodskij/ya-vsegda-tverdil> (дата обращения: 05.10.17).

3. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 492 с.

4. Николаев С. Г. Русский поэт Иосиф Бродский как автор английского стихотворного текста: наброски к портрету творца // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008, № 3. С. 64–82

5. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 616 с.

6. Сахарова Н. Г. Образная речь американского блюза: монография, М.: Спутник +, 2008. 197 с.

7. Brodsky Joseph. Collected Poems in English [Электронный ресурс] //URL:https://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/joseph_brodsky (дата обращения: 05.10.2017).

Дерябина П.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: к.филол.н., доцент Сафонкина С.А.

Парадокс как литературный феномен

Аннотация. В статье рассматривается языковой характер парадоксальных высказываний и особенности их использования в художественной литературе.

Ключевые слова: логика, философия, ирония, парадокс, афоризм, гротеск.

Paradox as a literary phenomenon

Abstract. The paper considers the linguistic character of paradoxical utterances and peculiarities of their usage in fiction.

Keywords: logics, philosophy, irony, paradox, aphorism, grotesque.

Начало изучению парадокса было положено не в литературоведении, а в математике, где он, начиная ещё с античных времён, традиционно находился в центре внимания логиков и философов, которые рассматривали его как один из основных механизмов логического вывода. Исходя из внутренней формы термина (“para” – «неверный, неправильный», “doxa” – «мнение» от “dokein” – «думать») можно предположить, что он обозначает неправильное умозаключение. С тех пор остались нерешенными известные парадоксы «Лжец», «Куча», «Ахиллес и черепаха». В наше время широко известен парадокс английского философа, логика и математика Бертрانا Рассела, который ставит под сомнение обоснованность теории множеств и самой формальной логики.

В словаре Ожегова парадокс определяется как странное мнение, высказывание, расходящееся с общепринятыми мнениями, научными положениями, а также мнение, противоречащее, причем в ряде случаев только на первый взгляд, здравому смыслу [Ожегов, 1968, с. 482].

Парадоксы можно часто встретить в литературе, например, парадокс, как художественный прием, широко используется в детской поэзии нелепостей (Л. Кэрролл, Э. Милн, Э. Лир, К. И. Чуковский).

Так, Льюис Кэрролл, преподаватель математики и логики в Оксфорде, написав свои сказки об Алисе, наполнил их множеством парадоксов, касающихся времени и пространства, что дало основание Гилберту Честертону сказать, что он подозревает, что лучшее у Льюиса Кэрролла было написано не взрослым для детей, но ученым для ученых, и самые блестящие его находки отличаются не только математической точностью, но и зрелостью. Он замечает, что по одной только несравненной фразе черной королевы, «Разве это холм? Видала я такие холмы, рядом с которыми этот – просто равнина!», произнесенной ею во второй главе «Зазеркалья», можно было бы построить лекцию, затрагивающую понятие относительности [Честертон, с. 238]. Следует отметить, что в этой же главе есть и парадокс, касающийся относительности пространства: после стремительного бега Алиса с

удивлением спрашивает королеву: «Что это? Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?» [Кэрролл, с. 137]. Вопрос, к которому Кэрролл не раз обращался на страницах своих сказок, это вопрос о переживании времени, например, диалог Алисы с белой королевой в пятой главе «Зазеркалья», когда выясняется, что Алиса вообще не получит варенья, потому что обещано оно ей «на завтра», а «завтра никогда не бывает сегодня» [Кэрролл, с. 162]. По мнению исследователей, возможно, Кэрролл здесь предвосхищает теорию относительности Эйнштейна, изменившую классические представления о пространстве, времени и материи.

Независимо от глубины и истинности конкретного высказывания парадоксальность его, особенно если речь идет об устном высказывании, привлекает внимание; поэтому неожиданность выводов, несоответствие их «естественному» ходу мыслей есть (наряду с общей логической последовательностью изложения и красотами стиля) один из существенных атрибутов ораторского искусства. Парадоксы в значительной мере лежат и в основе поэтики пословиц, например: *More haste less speed* – Тише едешь – дальше будешь.

В краткой литературной энциклопедии парадокс обозначает утверждение или изречение, противоречащее общепринятым понятиям или (часто только внешне) здравому смыслу.

Парадоксы особенно характерны для литературных произведений, носящих юмористический, сатирический и резко полемический характер.

В литературном языке при парадоксе на первый план выступает определенная словесная композиция. В этом типе парадокса наблюдается несоответствие между двумя частями высказывания, между тем, что утверждается в первой и второй его части. Такие парадоксы содержат в себе кажущееся внутреннее противоречие, логическую несовместимость. Например, *We shall never be able to keep the secret unless everybody knows what it is (B. Show. Man and Superman)* – Мы никогда не сохраним секрет, если только все его не узнают (Б. Шоу. Человек и Сверхчеловек).

В литературоведении исследователи останавливаются, прежде всего, на роли парадоксов в раскрытии главной идеи художественного произведения, как значимости парадокса для понимания характера героя, на интеллектуальном и эмоциональном воздействии парадокса на читателя. Таким образом, анализ логических аспектов парадоксальных высказываний уходит на второй план, уступая место чисто

литературоведческим изысканиям. Особенно часто используются парадоксы писателями, которые пишут в иронической манере, что приводит к отождествлению иронии и парадокса, утверждается, что ирония – комический парадокс. Однако в иронии за высказыванием подразумевается противоположный смысл, в парадоксе в самом высказывании заключена эта противоречивость.

Ирония:

For it is quite unjust to say that the Americans worship the dollar. They really do worship intellect - another of the passing superstitions of our time. (G. Chesterton. Charles Dickens) – Совершенно несправедливо говорить, что американцы поклоняются доллару. На самом деле они боготворят интеллект, еще один из предрассудков наших дней (Г. Честертон. Чарльз Диккенс)

Парадокс:

The golden rule is that there are no golden rules (B. Shaw) – Золотое правило состоит в том, что золотых правил нет.

Greatness is only one of the sensations of littleness (B. Shaw). – Величие только одно из проявлений ничтожности (В. Шоу).

Теория комического называет парадоксом утверждение, которое кажется странным, невероятным, нелепым и противоречивым, но фактически может оказаться верным, или, по крайней мере, иметь в себе долю правды. Парадоксы изучаются здесь наряду с афоризмами, остротами, каламбурами.

В литературе, посвященной парадоксу, часто отождествляют парадокс и афоризм, не отграничивают эти явления. Подобно афоризму парадокс может функционировать самостоятельно. Однако, парадоксы могут быть лишены афористичности, «крылатости».

Афоризм, использующий парадокс в качестве строительного материала:

If you can't appreciate what you've got, you'd better get what you can appreciate (B. Shaw. Pygmalion) – Постарайтесь получить то, что любите, иначе придется полюбить то, что получили (Б. Шоу. Пигмалион)

Однако, парадоксы могут быть лишены афористичности, «крылатости».

Например:

The old woman: Is there justice in Heaven?

Don Juan: No. But there is justice in Hell (B. Shaw. Man and Superman)

Старуха: Так есть ли справедливость на небесах?

Дон Жуан: Нет. А вот в аду есть (Б. Шоу. Человек и Сверхчеловек).

Возвращаясь к особенностям использования парадокса в литературе, нужно отметить, что парадокс характерен для многих авторов, для разных литературных течений и направлений, для представителей различных национальных культур. Среди писателей, славившихся своими парадоксами, были французы: Ф. Ларошфуко, Ж. Л. Лабрюйер, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, А. Франс, Ги де Мопассан; немцы: Г. Гейне, А. Шопенгауэр; испанцы: Сервантес, Мигель де Унамуно; англичане: Дж. Свифт, С. Батлер, О. Уайльд, Б. Шоу, Дж. Джойс, Т. Карлейль.

Широкое обращение мастеров слова к парадоксу неслучайно. Искусство (искусство слова в том числе) как одна из форм познания является отражением действительности, в которой уродливое существует рядом с прекрасным, низкое с возвышенным, добро со злом.

Механизм создания парадоксов, по словам Б. Шоу, заключается в том, чтобы говорить правду. Парадокс раскрывает правду, противоречащую «мифам» и «устоям» общества, показывая, что зачастую жизнь основывается на неверных стереотипах.

Парадокс может послужить основой гротеска. Особенно это характерно для фантастических и антиутопических произведений.

Так, в антиутопии Рея Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» парадоксальны реалии быта, пожарные в романе Брэдбери не тушат, а устраивают пожары, испепеляя книги – саму память человечества. Таким образом, парадокс способствует гротескному изображению вымышленного общества, принижающего человеческую личность.

Бернард Шоу и Оскар Уайльд, оба ирландцы по происхождению, являются признанными мастерами парадоксальных высказываний. Их часто сравнивают, и наибольшее количество литературоведческих работ посвящено исследованию парадоксов в их произведениях. По мнению А. Г. Образцовой, состоящая из парадоксов речь персонажей – важная характеристическая черта стиля Шоу – драматурга. Цель его парадоксов состоит в том, чтобы разбудить мысль читателя, породить в нем сомнения, чувство недоверия [Образцова, с. 163]. Бернард Шоу едко замечал, что каждая его пьеса была камнем, который он бросал в окна викторианского благополучия.

Шоу склонен использовать длинные, развернутые парадоксальные высказывания, объединяя несколько коротких предложений, например:

Hector: I don't know that I want it to come off. It was damned dangerous. You fascinated me; but I loved you; so it was heaven. This sister of yours fascinates me; but I hate her, so it is hell. I shall kill her if she persists (B.Shaw. Heartbreak House).

Гектор: Не знаю, хотел ли я, чтобы вышло. Это дьявольски опасно. Ты околдовала меня. Но я любил тебя. И это был рай. А эта твоя сестрица околдовывает меня, но я ненавижу ее. И получается ад. Я убью ее, если она будет продолжать (Б. Шоу. Дом, где разбиваются сердца).

Подобного рода развернутые парадоксы Шоу использует часто, взять хотя бы парадоксальные изречения, которыми сыплет профессор Хиггинс, рассуждая о женщинах и браке и растолковывая, почему он остается холостяком.

Например:

Higgins. I suppose the woman wants to live her own life; and the man wants to live his; and each tries to drag the other on to the wrong track. One wants to go north and the other south; and the result is that both have to go east, though they both hate the east wind. (He sits down on the bench at the keyboard). So here I am, a confirmed old bachelor, and likely to remain so. (B. Shaw. Pygmalion).

Хиггинс. Вероятно, женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина своей, причем каждый старается свести другого с правильного пути. Один хочет ехать на юг, другой – на север, в результате оба вынуждены отправиться на восток, хотя оба не выносят восточного ветра. (Садится на скамейку у рояля.) Вот почему я старый убежденный холостяк и, по-видимому, таковым и останусь.

К слову, остроумные язвительные замечания Хиггинса, его вздорный характер очень напоминают лорда Горинга из «Идеального мужа» Оскара Уайльда:

Lord Goring. Man marry because they are tired; women, because they are curious; both are disappointed.

Лорд Горинг. Мужчины женятся от усталости, женщины выходят замуж из любопытства. И тем и другим брак приносит разочарование.

Оба драматурга прибегают к парадоксу, изображая суть человеческих характеров и жизненные коллизии, в которые попадают их персонажи, а также высказывая собственные суждения в остроумной и стилистически блестящей форме.

Подобно другим стилистическим приемам парадокс может быть моделируемым. Существуют определенные грамматические структуры, логические схемы построения парадоксальных высказываний. Парадокс создает яркий стилистический эффект. Он обладает высокой степенью непредсказуемости, является носителем стилистической информации.

Список литературы

1. Кэрролл Льюис. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1990. 367 с.
2. Образцова А. Г. Драматургический метод Бернарда Шоу. М.: Наука, 1965. 315 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1968. 482 с.
4. Честертон Г. К. По обе стороны зеркала // Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1990. С. 232–240.
5. Энциклопедический словарь литературы XX века. М.: Наука, 2005. 541 с.
6. Show B. Selected plays. Избранные пьесы на английском языке. М.: Менеджер, 2002. 256 с.
7. An Ideal Husband Quotes by Oscar Wilde [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goodreads.com/work/quotes/130598-an-ideal-husband> (дата обращения 05.11.2017).

Диденко В.Д.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Языковые средства реконструирования прошлого в высказываниях современников

Аннотация: В данной статье рассматриваются языковые средства реконструкции прошлого в типе текста устное воспоминание, а также связь между индивидуальной и коллективной памятью и ее отражение в устных воспоминаниях свидетелей событий.

Ключевые слова: исследования памяти, коллективная память, культурная память, коммуникативная память, устные воспоминания.

V. Didenko

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Language means of reconstruction of the past in the speech of eyewitnesses

Abstract. The paper examines the language means of representation of the past in the oral memories of German eyewitnesses and the connection between individual and collective types of memory in this particular text type.

Keywords: memory studies, collective memory, cultural memory, communicative memory, oral memories.

Интерес к вопросу взаимосвязи культуры и памяти возник у учёных еще в начале прошлого столетия. Предпосылкой возникновения этого интереса послужило осознание невозможности рассмотрения таких ментальных процессов как мышление и память на исключительно индивидуальном уровне, без учёта социального и культурного факторов взаимодействия индивида и коллектива, на которое не раз обращали внимание в своих работах такие ученые как М. Хальбвакс, Ян и Алеида Ассман, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов, Й. Трир, Э. Бенвенист. Мнемические и мыслительные процессы находят своё отражение в языке и существуют в определенном социальном и культурном контексте. М. Хальбвакс отмечал, что «воспоминания могут выстраиваться двумя разными способами: они или выстраиваются вокруг определенного человека, рассматривающего их со своей собственной точки зрения, или распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями»: [3, с. 8–27]

Социальной группе свойственно опираться на опыт прошлого для осознания собственного единства, ведь оживляя свое прошлое, нация обеспечивает свое будущее существование. С целью оживить прошлое для будущих поколений немецкими журналистами был основан проект под начальным названием *Gedächtnis der Nation* «память нации», позже переименованный в *Zeitzeugenportal* «веб-портал очевидцев событий прошлого» (<http://zeitzeugen-portal.de>). Данный проект на сегодняшний день находится в ведении финансируемого государством фонда *Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland*. Целью проекта является сбор и хранение видеозаписей воспоминаний людей, переживших основные исторические события для передачи памяти будущим поколениям, а также предположительно, формирования культурной памяти нации.

М. Хальбвакс писал: «За время моей жизни та национальная группа, к которой я принадлежу, стала сценой известного числа событий, о которых я говорю, что помню их, при том, что узнал о них только из газет или со слов тех, кто непосредственно в них участвовал. Они занимают место в памяти нации. Но сам я не был их свидетелем. Вспоминая о них, я вынужден полностью полагаться на память других, которая в этом случае не восполняет и не укрепляет мою собственную память, а становится единственным источником того, что я могу о них рассказать. Зачастую я знаю о них не больше и не иным образом, чем о древних событиях, имевших место до моего рождения»: [3, с. 8–27]. Отталкиваясь от этой мысли, можно предположить, что устные воспоминания способны формировать память поколений, коллективную память. Один из ведущих немецких специалистов в области исследования коллективной памяти, Ян Ассман, считает, что «коллективная память функционирует в двух модусах: в модусе обосновывающего воспоминания, которое связано с истоком, или происхождением, или биографического воспоминания, которое связано с непосредственным опытом и его контекстом»: [1, с. 54]. В связи с этим Я. Ассман проводит границу между коммуникативной и культурной памятью, где культурная память – это «форма трансляции и актуализации культурных смыслов. Одновременно это и обобщающее название для всего «знания», которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлежит повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию...»: [1, с. 54] и следовательно представляет интерес для исследований с точки зрения прагматики, так как культурная память способна оказывать влияние на сознание людей, на формирование и сохранение национальной идентичности. Культурная память – это коллективная память, а значит, как писал М. Хальбвакс «Собрать в единую картину всю совокупность прошлых событий можно, только изымая их из памяти групп, хранивших воспоминания о них, перерезая те нити, которыми они связаны с психологией тех социальных сред, в которых они произошли, оставляя от них одну только хронологическую и пространственную схему». Культурная память требует особых носителей, которые бы передавали знания от одних поколений другим, среди таких носителей Я. Ассман выделяет учителей, поэтов и писателей, художников и ученых и т.д.

К коммуникативной памяти относятся воспоминания, разделяемые индивидом со своими современниками, – это память, возникающая во времени

и преходящая вместе со своими носителями, уступая место новой памяти. Предельное значение, как для бесписьменных, так и для письменных обществ, составляет не более 80 лет. В связи с этим мы ставим перед собой цель определить те лингвистические средства, которые транслируют всё то культурно значимое, что связывает все представленные устные воспоминания, а также проследить соотношение культурной и коммуникативной памяти в рамках типа текста устное воспоминание.

Для исследования были отобраны воспоминания, касающиеся одного из наиболее значимых для немецкого народа событий, символа единства нации – падения берлинской стены (Mauerfall). В своих воспоминаниях немцы описывают действия и чувства в ночь, когда официально было снято ограничение на сообщение между восточной и западной частями Германии.

Сегодня ни для кого не секрет, что устные воспоминания субъективны, несут в себе эмоциональную нагрузку, транслирующую отношение говорящего к произошедшему и в данном конкретном случае подавляющее большинство воспоминаний передают удивление и радость, осознание уникальности и неповторимости произошедшего. Данные эмоции будут выражаться говорящими при помощи неких общих лексических средств: эмоционально окрашенная лексика будет определенным образом соотноситься со словами-реалиями и, тем самым, транслируя восприятие свидетелями исторически важного события на отношение к этому событию новых поколений, для которых и создан этот проект.

Первая особенность воспоминаний о событиях, произошедших в ночь на 9 ноября 1989 – это их структура. Во-первых, все говорящие описывают, где они находились в этот день до того, как узнали новость: *Als die Mauer fiel, dann, am 8. November, war ich zu Hause und hörte das Radio und es war plötzlich....*: [4]; *Also, ich war alleine, ich war zu Hause und ich hatte den Fernseher an....*: [6]; *an diesem Abend da war ein Fußballspiel, daran kann ich mich noch genau erinnern....*: [5]. Позже один из говорящих подчеркивает, что этот день был одним из тех особенно важных дней, которые настолько потрясают, что просто невозможно забыть, где и с кем ты был и что ты делал в тот самый вечер: *Na ja, das war eben einmalig und man vergisst es nie. Es sind solche Ereignisse, wie beim Mord von Kennedy, man kann später, oder beim elften September, bei dem Attentat, man weiß mit wem man gesprochen hat, man weiß ganz genau, was in dieser Stunde passiert*: [5]. Свидетели подчеркивают, каким грандиозным и незабываемым было данное событие для всей нации. Для выражения этой мысли они используют указания места и времени, а также

сравнения: *wie beim Mord von Kennedy, man kann später, oder beim elften September, bei dem Attentat, man weiß...* [5].

Второй общий пункт в структуре повествования – описание последующих действий свидетелей: все они были настолько поражены и опьянены известием о долгожданном объединении нации, что тут же собрались и отправились на пограничные точки: *Meine Frau sagte sofort: Wir ziehen uns an und setzen uns in den Wagen und fahren zum Brandenburger Tor... Wir fahren dann zur Sonnenallee und da kamen wir überhaupt nicht weiter, wir parkten dann an dem Rand und die Leute kamen uns entgegen* [5]; *Bin ich gleich mich in die U-Bahn gesetzt und bin gefahren zum Zoo...* [6]; *...ich gehe jetzt nach Checkpoint Charlie. Ich habe alles liegen lassen, ich bin dorthin gegangen und ich hab' da den ganzen Tag verbracht...* [4]. Ключевыми в этих высказываниях являются слова-реалии: *das Brandenburger Tor, die Sonnenallee, der Zoo, der Checkpoint Charlie*. Важность этих мест и их связь с событиями тех лет поддерживается не только в воспоминаниях современников, но и на официальном уровне (упоминание в учебниках, СМИ и музеях). Апелляции к этим местам обеспечивают воспоминаниям линию преемственности, так как связь с ними является для данной культуры неразрывной.

Третий пункт повествования: атмосфера всеобщего братства и единения: *Die Menschen können ohne Waffen was schaffen und diese Menschen sind wie du, wie dein Nachbar, sind gleich, diese Absolute Euphorie! ... Und dann fang man einfach an mit allen Menschen zu reden* [4], *... und die Leute kamen uns entgegen: Wildfremde umarmten sich... an große Verbrüderung kann ich mich noch erinnern* [5]. Эффект присутствия и сочувствия создается при помощи сравнения с собой, с соседями и даже семьей: все были равны как братья; с другой стороны сочетание несочетаемого *Wildfremde umarmten sich...* подчеркивает уникальность события. И в заключение: эмоциональное выражение неповторимости, исключительности события: *«so was erlebt man nur einmal im Leben...[4]; man konnte es eigentlich immer noch nicht fassen... es war eben einmalig und man vergisst es nie» «nein, nein, so weit ist es noch nicht, es wäre ja zu schön um wahr zu sein... wir konnten es nicht fassen...[5]; du hast was falsch verstanden, ich glaube nicht daran... das Unmögliche ist möglich* [4]. Уникальность события находит свое отражение в таких языковых средствах как глаголы: *fassen, glauben, vergessen* с отрицанием, наречия *einmal*, имена прилагательные *einmalig*, усилительной частице *zu* и, опять же, противопоставлении: *das Unmögliche ist möglich*. Кроме того речь говорящих полна эмотивной оценочной лексики: *Wahnsinn, toll, super, herrlich, legendär,*

der schönste Augenblick unseres Lebens. Стоит также отметить присутствие слов-маркеров эпохи: *und da kamen die Trabis*, *die Trabis kamen alle an Checkpoint Charlie*, *Ostteil*, *Westteil*, *habe ich noch Stempel gekriegt* и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что культурная память транслируется и фиксируется не только при помощи таких ресурсов как СМИ, образовательных пособий и программ, посредством специалистов, но и через неспецифических носителей, таких как свидетели событий. Опираясь на это утверждение можно сказать, что в типе текста воспоминания пересекаются два измерения, заданные Яном Ассманом, а именно коммуникативная и культурная память, которые находят свое отражение в ряде языковых средств, таких как эмотивная и оценочная лексика, слова-реалии, часть из которых можно расценивать как маркеры времени воспоминания, и противопоставления; схожая структура повествования указывает на наиндивидуальность воспоминани.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Василье А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 29–57.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) (Русский журнал: журнальный зал в РЖ, 1996 – 2013, с. 8 – 27.
4. Электронный ресурс. Режим доступа: http://zeitzeugen-portal.de/zeitraeume/epochen/1989-2001/mauerfall-der-9-november/ZG9FD0tY_cQ.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zeitzeugen-portal.de/zeitraeume/epochen/1989-2001/mauerfall-der-9-november/QkTkNwg9vu0>.
6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zeitzeugen-portal.de/zeitraeume/epochen/1989-2001/mauerfall-der-9-november/bMCAZKpeQ4I>.

Дмитриева О.П., Солдатов М.С.

Московский государственный областной университет (Москва)

Способы выражения национальных индийских реалий в английском языке

(на материале кинематографа)

Аннотация. Статья посвящена анализу индийских реалий, связанных с пенджабскими свадебными традициями. Исследование выполнено на языковом материале фильма «Свадьба в сезон дождей» американского режиссёра индийского происхождения Мира Наир (2001). Рассматриваются такие трудности перевода индийских реалий как отсутствие в переводящем языке эквивалента и необходимость сохранения особого национального колорита. В статье приводятся обстоятельства, влияющие на выбор переводческих стратегий, которые отвечают за семантическую передачу индийских реалий.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, индийский английский, реалии, нулевой перевод, транслитерация, калькирование, аналог.

O. Dmitrieva, M. Soldatov

Moscow Region State University (Moscow)

Means of expressing national Indian culture-specific words in English

(based on cinematographic works)

Abstract. The paper is devoted to Indian culture-specific words of Punjabi wedding traditions. The analysis is performed by using the video film “Monsoon Wedding” directed by Mira Nair (2001). We consider difficulties in translating the culture-specific words, such as the absence of equivalents in the target language and the necessity to preserve the specific national identity. The paper deals with the circumstances affecting the choice of strategies which are responsible for the translation of the semantic meanings of Indian culture-specific words.

Keywords: cognitive linguistics, Indian English, culture-specific words, zero translation, transliteration, calque, analogue.

Независимо от своей видовой принадлежности, каждое произведение (книга, песня, кинофильм и т.п.) возникает на национальной почве и в той или иной степени отражает как определенные национальные проблемы, так и национальные черты языкового сообщества. Поэтому одним из основных объектов науки когнитивной лингвистики являются реалии, которые представляют собой неотъемлемую часть национальной специфики переводимых текстов.

Под реалиями С. Влахов и С. Флорин понимают «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов)

в других языках и, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [1, с. 47]. Правильная передача реалий при переводе представляет собой одну из наиболее сложных проблем. Так, задача переводчика не только воспроизвести реалии в узком смысле, но и найти оптимальный способ их передачи, позволяющий сохранить их национально-культурный колорит, и сделать его доступным для понимания представителям иной культуры. В данном случае речь идет о передаче семантической составляющей реалий.

Индия, безусловно, является одной из многоязычных стран. Также по числу англоговорящего населения она занимает второе место после США. Неудивительно то, что в Индии как билингвизм, так и мультилингвизм воспринимаются как абсолютно нормальное явление. Многие представители индийского языкового сообщества зачастую владеют не менее чем тремя языками. В данном случае английский язык является наиболее престижным и играет ключевую роль в образовании, науке и политике. Такое повышенное внимание к английскому языку связано непосредственно с долгим пребыванием Британской империи на Индостане в качестве колонизатора (с 1600 по 1947 гг.). В результате чего, английский язык в Индии приобрел свой неповторимый национальный колорит за счет сильного влияния со стороны автохтонных языков (хинди, урду, пенджаби).

Все больше места в индийском кинематографе занимают фильмы на английском языке. При этом англоязычные индийские фильмы в большей степени рассчитаны на иноязычную аудиторию. Однако данный факт не исключает использование индийских реалий. Будучи носителями индийского английского языка, под которым подразумевается «самобытный вариант английского языка, обладающий смешанным лексическим составом» [6, р. 69], индийские актеры в своей речи на подсознательном уровне наряду с английским языком употребляют лексические единицы таких автохтонных языков как хинди, пенджаби, урду, тамильский, бенгальский, маратхи и т.д. Данный феномен считается допустимой нормой в индийском варианте английского языка и используется в качестве кинематографического стилистического приёма. Подобные лексические включения из традиционных языков позволяют передать своеобразие социально-культурного и языкового контекста в современных фильмах, выпускаемых киностудиями Бомбея, которые известны под общим названием «Болливуд».

В данной статье рассматриваются локальные реалии, представленные в кинематографе, которые связаны, в основном, с такой сферой быта как: а) пенджабские свадебные праздники, б) обычаи и ритуалы, в) пища, г) одежда, е) предметы искусства. В качестве объекта анализа для сбора языкового материала нами использована кинолента американского режиссёра индийского происхождения Мира Наир «Свадьба в сезон дождей» (“*Monsoon Wedding*”, 2001). В Индии данная кинолента является примером пенджабской комедии. События фильма разворачивается в северной части Индии, в Нью-Дели, где и по сей день сохраняются крепкие пенджабские устои, касающихся свадебных церемоний.

Наличие в индийском английском заимствованных реалий, выражающих этнокультурные особенности индийской нации, объясняется необходимостью передать своеобразие исторического, общественно-политического и религиозного контекста, в котором функционирует английский язык Индии. Для их передачи используются такие переводческие стратегии как: 1) транслитерация, 2) транскрипция, 3) калькирование, 4) описательный перевод, 5) функциональный аналог.

Наиболее продуктивным способом передачи анализируемых индийских реалий на русский язык является транслитерация. Помимо этого, переводчик в некоторых случаях использует либо нулевой перевод, либо аналог (замена одного предмета или понятия, незнакомые представителям иной культуры, другими, знакомыми [1, с. 88]) с целью упростить восприятие кинокартины.

Рассмотрим такую пенджабскую традицию как “*The chunni chandana ceremony*”. Так, в киноленте происходит встреча родителей жениха и невесты и их ближайших родственников. Родители невесты угощают родителей жениха традиционным напитком – *whiskey* и закуской, называемой *fried pakoras* – «жареные овощи в тесте» [7, Электронный ресурс].

Обратимся к следующему примеру:

Mohan: Scotch, please on the rociolies. (Punjabi)

Lalit: Rociolies means ice? [8, 00:18:23]

В данном эпизоде используется индийская реалья *rocioloies* – «*punjabi*: лед» [7, Электронный ресурс]. При озвучивании данного фрагмента на русский язык в первом случае для передачи реалии используется транслитерация, т. е. передача букв иноязычного слова при

помощи букв переводящего языка (далее – ПЯ) [1, с. 83], при этом учитывается лексико-грамматическая составляющая множественного числа ПЯ:

– «Скотч с рокиоли» [9].

Во втором случае, при переводе анализируемая реалия опускается (в данном случае речь идет о «нулевом переводе»)

– «Вы имеете в виду со льдом?» [9].

Несмотря на то, что реалия “*gosiolies*” происходит из пенджабского языка и, следовательно, понятна только носителям пенджаби, после употреблении его в речи дается объяснение данной реалии, тем самым сохраняется культурное своеобразие, которое присутствует не только в исходном переводе (ИП), но в ПЯ. Сравним:

Mohan: Two lumps, exactly.

Lalit: Exactly. Rahul, two whiskies here. Two cubes of ice exactly. [8]

и

– Да, два кусочка льда.

– Рауль, два виски, пожалуйста, с двумя кубиками льда. [9]

Еще одна реалия, которая приводится в фильме, представляет собой свадебную пенджабскую церемонию, а именно, “*the kwardhoti ceremony*”. Женская половина (со стороны жениха и невесты) собираются вместе, танцуют, поют традиционные пенджабские свадебные песни, в то время как будущей невесте наносится на руку временная татуировка *henna* – «хна» [7, Электронный ресурс], нанесение которой является одной из важных приготовлений невесты к свадьбе и называется *mehndi* – «роспись по телу хной. В отличие от татуировки является временным украшением тела, но держится значительно дольше (до трёх недель) нежели краска или другие способы рисования по телу» [7, Электронный ресурс]. При всем при этом мужчинам категорически запрещается присутствовать на данной церемонии. Рассмотрим следующий пример:

Tej Puri: Hi. Nice mehndi, Ria. [8]

Так, при репрезентации анализируемой реалии используется «нулевой перевод», т.е. слово *mehndi*, не имеющее эквивалентов в русском языке, опускается:

– «Привет, рад видеть тебя, Риа» [9].

Однако при применении данного способа перевода хиндиязычной реалии *mehndi*, происходящий от слова “*mendhikā*”, взятого из санскрита и

обозначающее растение «хна» [7, Электронный ресурс], высказывание утрачивает культурный колорит индийского общества.

Обратимся к еще одному примеру передачи на русский язык реалии henna. Так, слово henna происходит от арабского слова *ḥinnā* – «хна» [7, Электронный ресурс]: *A bride's henna-painted hands!* [8, 01:01:37] / Руки невесты расписаны хной! [9] Как видно из приведенного примера, в русском варианте для передачи данной реалии используется такой способ как калькирование («заимствование путем буквального перевода слова» [1, с. 85]). Подобный способ передачи позволяет сохранить индийский национальный колорит и в тоже время сделать его понятным зрителю, который зачастую является представителем другой культуры.

Также в данном кинофильме и его переводе представлен такой способ передачи реалий как «функциональный аналог», который мы можем наблюдать на примере реалии sangeet, которая представляет собой «торжественное событие» [7, Электронный ресурс].

Lalit: Save the jokes for the sangeet. He'll be the MC at the sangeet [8]. / Приберегите шутки для праздника. МС, займемся этим на празднике [9].

Во время *sangeet* друзья и дальние родственники молодых имеют возможность познакомиться с друг другом поближе, после чего будущие жених и невеста играют традиционную пенджабскую свадьбу. В данном примере при репрезентации в ПЯ реалии sangeet – «санскрит *saṃgīta*: петь вместе» [7, Электронный ресурс], вместо самого традиционного названия используется такое общее понятие как «праздник» в обоих приведенных случаях. Вследствие чего в ПЯ сразу же теряется ярко выраженный индийский характер. Тем не менее, кинозрителю не требуется лишней раз задумываться о значении слова sangeet. При выбранном способе передачи данной реалии упрощается восприятие общей картины пенджабских традиций, которое не требует подробного пояснения.

То же мы можем наблюдать и в случае с репрезентацией реалии *shaadi* – «свадьба, венчание» [7, Электронный ресурс] в примерах:

1) *Lalit: We couldn't have had the shaadi (wedding) (Urdu) without you, my darling sister* [8] / Мы не можем совершить церемонию без вас, дорогая сестра [9].

и

2) *Lalit: He won't be singing and dancing in people's shaadis (A wedding)* [8, 01:11:18]. / Он не будет петь и танцевать на чужих праздниках [9, 01:11:25].

В первом случае при репрезентации shaadi переводчик прибегает к аналогу, семантически подразумеваю не просто «церемонию», а «свадебную церемонию». Во втором случае также используется аналог, и переводится данная реалия в ПЯ как «праздник» (при этом учитывается грамматическая структура множественного числа), т.е. при озвучивании данной реплики на русский язык слово shaadi заменяется словом «праздник». Однако в вышеприведенных примерах переводчик передает смысловое содержание индийской реалии, жертвуя при этом ее национальной окраской. В данном конкретном случае этот прием можно считать наиболее удачным, поскольку переводчик учитывает тот факт, что данная переводимая реплика ориентирована, в основном, на кинозрителя. Вследствие чего, на первый план выступает смысловое содержание реалий, т.к. переводчику необходимо обеспечить максимальную ясность и доступность его зрительскому восприятию.

Неудивительно, что в большинстве случаев происходит утрата национально-культурной специфики индийских реалий. Данный факт обосновывается прежде всего, тем, что переводчик имеет дело с локальными реалиями, присущими тому или иному наречию или диалекту, которые вызывают сложность при их репрезентации, а не общеиндийскими. В связи, с чем ему приходится прибегать к следующим способам передачи реалий, полагаясь на глубокие фоновые знания относительно национально-культурных особенностей жизни и быта Индии и знания лексико-грамматических особенностей индийского варианта английского языка: транслитерация (при условии, если в дальнейшем данная реалия будет сопровождаться соответствующим пояснением); калькирование (дает возможность перенести реалию в ПЯ, при этом сохранив ее семантическое содержание); нулевой перевод (если данная реалия вызывает трудность при восприятии кинозрителем); и аналог (где один предмет быта можно заменить на другой, «нейтральный», не несущий национального колорита ПЯ). При этом хочется отметить, что аналог и нулевой перевод недостаточно точно и полно передают содержание соответствующей лексической единицы, а о национальном или любом другом колорите кинозритель может лишь догадываться, и то если переводчик сумеет подсказать это при помощи выбора средств выражения.

Таким образом, выбор в пользу какого-либо определенного приема при переводе реалий напрямую связан с задачей, стоящей перед переводчиком: передать значение реалии, если оно еще неизвестно

зрителям перевода, пожертвовав колоритом, или же, наоборот, сохранить колорит языковой единицы с вероятным ущербом для семантики самого слова.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
2. Иванкова Т. А. Индийский вариант английского языка в кинотексте // Социальные и Гуманитарные Науки на Дальнем Востоке. Хабаровск: Изд. Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2011. № 4. С. 45–50.
3. Пугина Е. Ю. Свое или чужое? (индийские реалии и проблема статуса «англо-индийского» идиома) // Вестник Вятского государственного университета. Киров: Изд-во Вятский государственный университет, 2012. Т. 2. № 1. С. 52–54.
4. Пугина Е. Ю., Смыслов С. П., Холстинина Т. В. Восточные реалии: репрезентация при переводе // Вестник Вятского государственного университета. Киров: Изд. Вятский государственный университет, 2016. № 3. С. 261–269.
5. Пугина Е. Ю., Холстинина Т. В. Реалия как лингвистическое понятие // Вестник Московского государственного областного университета. М.: Изд-во Московский государственный областной университет, 2014. № 4. 17 с.
6. Kachru B. World Englishes and English-using communities // Annual Review of Applied Linguistics, 1997. Vol. 17. P. 66–87.
7. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 29.09.2017)

Фильмография:

8. Monsoon Wedding (2001), Mira Nair, USA, India.
9. Свадьба в Сезон Дождей (2002), Мира Наир, США, Индия (перевод выполнен по заказу телеканала «Культура»).

Дубовицкая М.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Национально-культурная специфика фразеологизмов в немецком языке

Аннотация. Данная статья посвящена важности национально-культурного аспекта во фразеологии немецкого языка в процессе их перевода на русский язык. А так

же представлена классификация фразеологизмов, которую необходимо учитывать для создания адекватного, а собственно и эквивалентного перевода.

Ключевые слова: фразеологические единицы, национально культурная специфика, классификация фразеологизмов.

M. Dubovitskay

Moscow Region State University (Moscow)

National and cultural peculiarities of German phraseological units

Abstract. We consider the importance of national and cultural aspects of German phraseological units and peculiarity of phraseological classification during their translation in order to reach equivalence.

Keywords: phraseological units, national and cultural specificity, classification, German.

Национально-культурная специфика достаточно отчетливо проявляется во фразеологических выражениях немецкого языка. В них отражается не только все национальное своеобразие особого уклада жизни народа, но и исторические факты страны, ее география и экономика. В результате чего, стоит отметить, что значительный пласт фразеологии образуется именно на национальной основе. Бесчисленное множество сборников и словарей фразеологических единиц, пословиц и крылатых выражений являются свидетельством наличия достаточно богатого слоя устойчивых выражений в языке у жителей немецко-говорящих стран.

В современном немецком языке есть немало фразеологизмов, основными компонентами которых представляют собой наименование различных денежных единиц, имевших хождение на территории Германии в разные периоды жизни ее истории (например: Pfennig, Groschen, Heller, Deut, Dreier, Sechser, Kreuzer, Taler и Mark). Старые меры длины и веса также оставили свой след в ряде фразеологизмов, например:

alle Menschen mit der gleichen Elle messen (wollen) – мерить всех на один аршин (подходить ко всем с одинаковыми требованиями, без учета различий индивидуальных особенностей);

jeder Zoll ein Gelehrter – ученый до мозга костей (*Zoll* – дюйм, на основе данной меры длины создается аналогия, что человек осведомлен досконально обо всех мелочах).

Так же фразеологизмы современного немецкого языка знакомят нас с целым рядом личностей или событий, хорошо известных в свое время в Германии, например:

nach Adam Reise – пользоваться простыми правилами арифметики (Адам Ризе – известный составитель учебников по арифметике в XVI в.)

frei nach Knigge – по правилам хорошего тона (по имени автора книги «Об обращении с людьми» Адольфа фон Книгге XVIII в.)

in der Kreide stehen – задолжать (обычай у трактирщиков записывать долги мелом на специальной доске).

Согласно Д. Г. Мальцевой фразеологизмы подразделяются на 2 группы [2, с. 14]:

1. Фразеологические единицы, которые семантически отражают факты, явления, ситуации, предметы, не характерные для носителей русского языка.

bis in die Puppen gehen – очень далеко. (Происхождение фразеологизма относится ко временам правления Фридрихе II в Тиргартене, район Берлина, где находилась площадь «Большая звезда», украшенная статуями античных богов, которые жители Берлина прозвали «куклами». Сама площадь располагалась достаточно далеко от центра города, в результате чего и появился такой устойчивый оборот)

2. Фразеологические единицы, отражающие в своей семантике предметы, название животных, растений, явлений, ситуаций, характеризующих в большей степени экономическое или историческое развитие страны для носителей немецкого языка, но также известные и русскому народу.

Petersilie auf allen Suppen sein – быть везде первым, быть заинтересованным во всем (буквально: добавлять петрушку в каждый суп, так как эта зелень является часто используемой в Германии во время готовки);

Seinen Kohl bauen – отойти от дел, скромно жить в уединении (буквально: разводить капусту).

Недаром Л. И. Ройзензон в одном из своих трудов высказал следующее: «Только этим можно, например, объяснить, почему в одном языке много фразеологизмов, связанных с такими понятиями как кочевая жизнь, юрта, верблюды, верховая езда (в монгольском языке), тогда как для других языков эти особенности нерелевантны или просто отсутствуют (славянские языки)» [4, с. 13].

Большая часть фразеологических единиц немецкого языка обладают тесной связью с национально-культурным аспектом жизни народа. Знание национально-культурной специфики немецких фразеологизмов позволяет не только ознакомиться с особенностями этой страны, но и в полном объеме передать ее специфические черты.

Список литературы

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Издательство: Москва, Аквариум-1995. 777с.
2. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку: учебное пособие. М.: Высш.шк. 1991. 173 с.
3. Мальцева Д. Г. Фразеологические единицы немецкого языка в лингвострановедческом аспекте и проблемы перевода М.: Всесоюзный центр переводов, 1993. 137 с.
4. Ройзенсон Л. И. Фразеология и страноведение // Бюлл. по фразеологии № 1. Новая серия. Вып. 234. Труды Самар. гос. университета. 1972. С. 12–19.

Дугалич Н.М., Зенин В.Е.

Российский университет дружбы народов (Москва)

Политическая карикатура как жанр политического дискурса

Аннотация. Статья посвящена исследованию современной политической карикатуры на арабском и французском языках на внешнеполитические и общественно-значимые темы. Объектом проведенного анализа является креолизованный текст современной арабоязычной и франкоязычной политической карикатуры. Предметом исследования в данной работе стали структурные, культурно-специфические и языковые характеристики текста политической карикатуры на арабском и французском языках.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая карикатура, креолизованный текст, вербальный компонент, иконический компонент.

N. Dugalich, V. Zenin

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Political cartoon as a genre of political discourse

Abstract. The paper examines modern Arabic- and French-language political cartoons on foreign policy and socially important topics. The object of the analysis is the creolized text of a modern political cartoon in the Arabic and French languages. The subject of the study is structural, culture-specific and linguistic characteristics of the text of the political cartoon in Arabic and French.

Keywords: political discourse, political cartoon, creolized text, verbal component, iconic component.

Политическая карикатура является универсальным инструментом политического диалога власти и общества, отражением или реакцией социума на некое политическое событие, ряд событий или персону национального или мирового уровня. Цели и задачи политической карикатуры, механизм влияния на адресата, ее жанровое своеобразие имеют общую традицию и некие общие составляющие. Описание

универсальных и специфических лингвистических и экстралингвистических черт арабской и французской политической карикатуры являются темой нашего исследования.

В современном мире политическая карикатура не потеряла своей актуальности и расширила локацию: наряду с публикацией на передовицах газет или на отведенных страницах для газетных комиксов получили широкое распространение интернет-карикатуры, в том числе и флэш-анимации. В условиях глобализации и включения в общее медийное пространство периодических изданий на разных языках политическая карикатура на иностранном для читателя языке становится доступнее. Важной составляющей публикации карикатуры становится перевод ее текста и возникающая проблема адекватности и полноты его перевода.

Для современной политической карикатуры характерен следующий набор тем: политический лидер как личность, политический лидер и его политика; экономические реформы; предвыборная борьба; военные конфликты; теневая политика и экономика; реноме страны; внутренняя политика государства.

Для корректного и объемного восприятия авторской интенции в политической карикатуре необходимо обладать определенными пресуппозициями; их набор представляет широкий спектр специальных языковых, политических, логических и экстралингвистических навыков.

Особенностью современной политической карикатуры как общественного явления становится общая высокая динамичность публикационной активности конкретного издания и авторов. В настоящее время в нескольких странах существуют институты, которые занимаются документированием политических карикатур, например, Центр по изучению политических рисунков в США. Значимость, которую имеет политическая карикатура в современном политическом дискурсе, подтверждает факт присуждения Пулитцеровской премии за политическую карикатуру с 1922 года и премия газеты Press Gazette «Карикатурист года», которая вручается в Британии.

Для политической лингвистики, жанром которой является политическая карикатура, характерны антропоцентризм, мультидисциплинарность, экспансионизм, функционализм и экспланаторность.

С точки зрения языка, одной из отличительных особенностей политической карикатуры является взаимодействие в ней вербальных, иконических и параграфемных компонентов, т.е. ее креолизованный текст.

Проведенное нами исследование креолизованного текста политической карикатуры на материале современного арабского и французского языков включало анализ более чем 300 карикатур на арабском и французском языках, посвященных политической проблематике. В качестве материала исследования были взяты 60 карикатур. При отборе были исключены карикатуры:

- на религиозную тематику, задевающие чувства верующих; упоминающие имена и прецедентные образы святых и пророков;
- дискриминирующие по гендерному признаку, например, унижающие достоинство женщин или обсуждающих сексуальную ориентацию политиков и чиновников высокого ранга;
- карикатуры, оскорбляющие достоинство человека, например, содержащие ненормативную лексику в адрес политического лидера;
- дискриминирующие по расовому признаку, например чернокожие африканцы в арабских африканских странах;
- из имеющих скандальную репутацию источников.

Анализ выявил ряд особенностей языка политической карикатуры.

1) Вербальный компонент креолизованного текста политической карикатуры обладает следующими характеристиками: объем, композиция, языковое выражение, нормативность, образность. Их наполнение может совпадать с подобными характеристиками художественного и публицистического текста. Средний объем вербального компонента политической карикатуры составляет 1–30 слов. Отличительной чертой организации текста политической карикатуры является превалирование диалогов и монологов. Частотным средством создания образности в политической карикатуре является аллюзия, что объясняется апеллятивным характером креолизованного текста, модальностью карикатуры как жанра, ограниченным объемом текстового и иконического рядов; аллюзию в креолизованном тексте следует рассматривать на уровне текста и на уровне изображения.

Проведенный сопоставительный анализ языковых средств арабской и французской политической карикатуры выявил наличие универсальных и культурно-специфических черт предмета исследования. Наиболее значимыми универсалиями креолизованного текста политической

карикатуры является использование семиотических кодов, грамматических и лексических текстовых средств.

На грамматическом уровне в исследуемых карикатурах на арабском языке отмечены случаи отступления от нормы, связанные с жанровыми особенностями карикатуры, нарушением этикетных норм и диалектными явлениями. Во французском языке грамматические ошибки в тексте политической карикатуры могут быть охарактеризованы как намеренные (с последующим декодированием адресатом) и просторечные.

Особенностью употребления лексических средств в политической карикатуре рассматриваемых языков является использование сниженной лексики, лозунгов, политических клише, паремий.

2) Одной из лингвистических особенностей политической карикатуры становится проблема адекватного перевода ее вербального компонента, которая «стоит особенно остро, прежде всего, по той причине, что значения вербального и иконического (изобразительного) компонентов не просто складываются, а тесно переплетаются между собой» [1, с. 11]. Процесс перевода креолизованного текста, таким образом, подразумевает создание нового текста, который должен быть эквивалентен первому, содержать итог декодирования визуального ряда и анализ содержания непрямого варианта, т.е. прецедентные, метафорические, специфические социокультурные данные и другие парадигмы как текстового, так и иконического плана.

Мы считаем, что креолизованные тексты письменной коммуникации, к которым принадлежит политическая карикатура, могут быть разделены на группу переводимых в полном объеме текстов, в которых вербальный и иконический компоненты перевода полностью соответствуют оригиналу; частично переводимые креолизованные тексты, в которых иконический компонент адресатом не понимается, текст понимается частично / иконический компонент и текст адресатом понимается частично / иконический компонент понимается частично, текст не понимается, а также тексты, переводимые со значительными трудностями и необходимостью использования значительных пояснений.

3) Анализ политической карикатуры на уровне иконического компонента демонстрирует использование таких техник, как коллаж, шарж, скетч, рисунок в мультипликационной технике. По цветовому решению политическая карикатура может быть монохромной и цветной.

Цвет в креолизованном тексте не является обязательным элементом, но имеет аттрактивную, апеллятивную и семантическую функции и вступает в комплементарные отношения с вербальным компонентом. Соотнесенность цвета и значения характеризует национально-культурную специфику этноса, вследствие чего возникает проблема декодирования визуального семантического знака.

4) Особого внимания в креолизованном тексте политической карикатуры заслуживают параграфемные средства: синграфемные (немотивированное использование пунктуационных знаков), супраграфемные (шрифтовое варьирование) и топографемные (плоскостное размещение шрифта).

5) Сопоставительный анализ выявил наличие универсальных и культурно-специфических черт политической карикатуры на арабском и французском языках, особенными чертами исследованных карикатур являются:

а) выражение в арабской карикатуре связи вербального компонента с цветом; употребляются подписи на предметах и атрибутах политического лидера; частотно употребление надрегиональной символики; женские образы используются в значении родина/революция/мать; отмечено употребление религиозной и диалектной лексики и тенденция к использованию полных предложений;

б) во французском языке отмечены черно-белые карикатуры; частотно шрифтовое варьирование; употребление цивилизационных феноменов и мировых символов; женские образы использованы в значении сильная женщина/партнер/политик; употребление сниженной лексики для речевой характеристики персонажей карикатуры; преимущественный выбор монолога в карикатуре; доминирование полных предложений над неполными.

б) Для эффективного восприятия политической карикатуры нами предложена методика анализа политической карикатуры: политическая карикатура как политический текст оценивает событие или личность в политике и принадлежит к типу креолизованных текстов, в которых взаимодействуют коды разных семиотических систем. В ходе анализа нами разработан алгоритм рассмотрения слоев и кодов креолизованного текста.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.

Евсеева Е.В., Федорович О.С.

Московский государственный областной университет (Москва)

Реализация социокультурной деятельности в изучении английского языка в современной школе

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы социокультурной деятельности на уроках английского языка в современном школьном образовании. Показана значимость социокультурной деятельности в современном образовательном процессе, описаны ее методы реализации, рассматриваются социокультурные аспекты.

Ключевые слова: дополнительное образование, социокультурная направленность, лингвострановедческие знания, социально-культурные компетенции, иноязычная культура, социокультурная личность.

E. Evseeva, O. Fedorovich

Moscow Region State University (Moscow)

Implementation of social and cultural activities in studying English at modern school

Abstract. The paper examines the problem of social and cultural activities at English lessons in contemporary school education. The importance of social and cultural activities in the modern educational process is highlighted, the methods of implementation of activities are described, and the sociocultural aspects are considered.

Keywords: supplementary education, sociocultural orientation, linguistic knowledge, social and cultural competence, foreign language culture, social and cultural identity.

Обучение иностранному языку на основе ознакомления учащихся с культурой другой страны является в настоящее время одним из базовых принципов обучения предмету.

Согласно новым государственным стандартам по иностранному языку, в обязательный минимум содержания основных образовательных программ, помимо речевых умений и языковых знаний и навыков, компенсаторных умений и учебно-познавательных умений, входят социокультурные знания и умения. Формирование социокультурной направленности означает расширение объема лингвострановедческих и страноведческих знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения с учетом специфики выбранного профиля. Углублённое изучение

исторических и современных особенностей страны или стран изучаемого языка, их науки и культуры, общественных деятелей и месте этих стран в мировом обществе расширяют объем лингвистических и культуроведческих знаний у учащихся, которые способствуют адекватному использованию языковых средств и правил речевого и неречевого поведения в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка [4, с. 38–39].

Приобщение к культуре другого народа не только делает изучение иностранного языка более привлекательным для учащихся, но и способствует полноценной коммуникации, более точному и адекватному пониманию носителей данной культуры. Это в свою очередь, предполагает поиск инновационных технологий обучения иностранному языку, способствующих формированию у учащихся социально - культурной компетенции.

Новый социальный заказ общества обучать английскому языку как средству коммуникации и формировать личность, готовую к межнациональному общению, нашел свое отражение в культурной политике Совета Европы и в концепциях межкультурного, социокультурного обучения иностранным языкам [3]. Практика общения с иностранцами показала, что знание иностранного языка не исключает непонимания, потому что нужны еще знания особенностей культуры и практические навыки в межкультурном общении. Для этого знание иностранного языка должно быть дополнено практическими навыками и умениями в поведении.

Среди романо-германских языков, английский язык в современном международном пространстве занимает лидирующее место. Согласно оценочным данным он занимает 2 место по числу владеющих им после китайского. Его учат по всему миру – это примерно 6,0 % населения нашей планеты. Всего говорит на английском языке (включая второй язык) более миллиарда человек – это <15 % населения Земного шара. Английский язык считается официальным языком в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Южной Африке, Ирландии и на нем говорят во многих других странах. 75 % почты и 60 % телефонных звонков осуществляется на английском языке. Он так широко распространен, что его считают языком глобализации. По мнению некоторых лингвистов, английский больше не общения, языком, вобравшим в себя аспекты множества мировых культур [5]. Поэтому проблема социокультурного

развития подрастающего поколения приобретает сегодня особую значимость.

Современная школа дает возможность изучать английский язык не только в рамках урочной деятельности, но и в системе дополнительно образования, обеспечивая непрерывность и преемственность.

Принципиальное отличие дополнительного образования от общего заключается в том, что, благодаря отсутствию жестких образовательных стандартов, работающие в его системе педагоги имеют возможность трансформировать передаваемые учащимся способы деятельности (знания-умения-навыки) из цели обучения в средство развития способностей учащихся – телесных, познавательных, личностных, духовно-нравственных.

Реализация социокультурной деятельности при изучении английского языка в школьном дополнительное образование осуществляется через школьных учителей, основной задачей которых является выбор соответствующих учебных пособий, совершенствование своих языковых знаний, поиск и использование необходимого дополнительного разнообразного аутентичного языкового и страноведческого материала, без чего невозможно развитие социокультурной компетенции. Для этого могут применяться методические материалы из Великобритании издательства Longman, Macmillan, Oxford University Press и др., прохождение стажировки в странах изучаемого языка, общение с носителями.

Социокультурные аспекты в иностранном языке реализуются в основном через учебные тексты, которые отражают тематические, страноведческие и художественные направления. Так же активно на занятиях используются диалоги, монологи, стихи, аудиотексты бесед с носителями английского языка. Задача учителя подобрать такой учебный материал, который будет соответствовать интересам и возрасту учащихся, максимально приближая их к естественной ситуации (*meeting new friends, in hospital, shopping* и т.д.). Так же могут быть использованы различные картины, иллюстрации к УМК, они играют важную роль в приобщении учащихся к культуре другого народа и языка [6].

Наиболее широко лингвострановедческий материал представлен у Р. К. Миньяр-Белоручева, который включает в знания лексический фон, национальную культуру и национальные реалии. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров утверждают, что все уровни языка «культурноносны», то

есть имеют страноведческий план, поэтому изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком [1, с. 254], [2, с. 352].

В дополнительном образовании школьников знакомство с иноязычной культурой происходит через наиболее популярные и традиционные английские праздники: Хэллоуин (Halloween), Рождество (Christmas), День святого Валентина (St. Valentine's Day), День Благодарения (Thanksgiving Day) – с разучиванием песен и стихов, демонстрацией и изготовлением национальных атрибутов к празднику: венки к Рождеству, рождественские свечи и календарь, «валентинки».

Современное образование предусматривает использование новейших компьютерных технологий. Видеофильмы и виртуальные экскурсии помогают учащимся воочию увидеть ландшафты и достопримечательности страны, язык которой они изучают, наблюдать процесс праздника, обряда, модели поведения людей в повседневной жизни.

В социокультурном развитии учащихся происходит соизучение родного языка и родной культуры, и иностранных языков и культур других народов, развивая у школьников способность представлять свою страну и культуру в условиях иноязычного межкультурного общения. Межкультурные коммуникации осуществляется через социокультурные знания, включающие в себя лингвострановедческие, социально-психологические и культурологические подходы.

Хорошо известно, что, осваивая каждый новый язык, человек расширяет границы своего мировосприятия и мироощущения. Его картина мира, созданная с помощью родного языка, его личностное пространство расцветаются новыми красками иной культуры. Готовность жить в поликультурном мире требует владения социокультурной компетенцией. Учащимся необходимы для перспективной деятельности фоновые и предметные знания языка, иметь представления о реалиях иностранного языка и знать их, а также быть знакомыми с традициями и обычаями другой страны. Это поможет им в будущем компетентно вести свои дела, общаться с партнёрами чужой страны, не испытывая дискомфорта и языкового комплекса. Речь идет не просто о знании языка, а об умении использовать его в реальном общении, т.е. о практическом владении языком и, следовательно, о развитии «прагматической межкультурной (социокультурной) компетенции» [7].

Иностранный язык является одним из важных средств в формировании социокультурной личности на занятиях иностранного языка. Школьники обогащают свой социокультурный опыт через освоение социальных ролей, общественных групповых социокультурных норм, инокультур. А также осваивают общечеловеческие ценности и овладевают учебными действиями и способами социального поведения, необходимыми для того, чтобы стать достойным человеком мира.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1990. 254 с.
2. Кузьмин С. С., Шадрин Н. Я. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. СПб.: МакЛань, 1996. 352 с.
3. Латыпова Л. Р. К вопросу об использовании ролевых игр при обучении иностранному языку на начальном этапе // Проблемы обучения иностранным языкам на неязыковых факультетах и общие вопросы языкового образования: материалы региональной научно-практической конференции. Бирск, 2008.
4. Нефедова М. А. Отбор материалов лингвострановедческого содержания для чтения//Иностранные языки в школе. 1994. № 4. С. 38–39
5. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.english-online.info/index.php?id=93&option=com_content&view=article
6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.uchportal.ru>
7. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://kopilkaurokov.ru>.

Еремина Д.А.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: к.филол.н., доцент кафедры индоевропейских
языков МГОУ Бхатти Н.В.*

Особенности коллоквиального синтаксиса английского языка на материале британских и американских сериалов

Аннотация. Настоящая статья посвящена коллоквиальному синтаксису английского языка, рассмотренному на примере современных британских сериалов «Шерлок» (“Sherlock”), «Ночной Администратор» (“The Night Manager”) и американских сериалов «Теория большого взрыва» (“The Big Bang Theory”), «Настоящий детектив» (“True detective”). В качестве анализа была использована речь героев на предмет выявления типичных речевых конструкций в разговорном английском языке.

Ключевые слова: разговорная речь, коллоквиальный синтаксис, эллипсис, имплицитность, коллоквиальные конструкции.

Colloquial syntax characteristics based on the analysis of British and American TV series

Abstract. The paper is devoted to colloquial English syntax based on the examples of the contemporary British and American TV series, such as *Sherlock*, *the Night Manager*, *the Big Bang Theory*, and *True detective*. The speech of the characters in these series is analysed in order to reveal typical colloquial constructions in spoken English.

Keywords: informal speech, colloquial syntax, ellipsis, implicitness, colloquial constructions.

В данной статье рассматривается коллоквиальный синтаксис, являющийся синтаксисом речевой направленности. Данный термин был введен в 60-70х годах прошлого столетия после появления первых надежных аудионосителей, с помощью которых стало возможным фиксировать и изучать живую речь. Несмотря на то, что тему коллоквиального синтаксиса в своих работах затрагивали такие знаменитые лингвисты, как Ю. М. Скребнев, М. Я. Блох, А. А. Худяков, Б. А. Ильиш, Е. А. Земская и многие другие, она все еще остается недостаточно изученной.

Целью данной статьи ставится изучение синтаксических особенностей разговорной речи на основе современных сериалов. В качестве образцов коллоквиальной речи британского варианта английского языка, были выбраны сериалы «Ночной администратор» и «Шерлок», как одни из самых популярных среди британской молодежи. Американские сериалы «Настоящий детектив» и «Теория большого взрыва» послужили источником примеров современного американского варианта английского языка.

На основе анализа речи героев в вышеупомянутых сериалах был выявлен ряд типичных коллоквиальных конструкций. Наиболее часто встречаемыми конструкциями являются эллиптические. Эллиптические предложения представляют собой имплицитные конструкции, в которых намерено опускаются слова. Именно разговорная речь, с присущей ей непринужденностью и неофициальностью, является благоприятной областью для возникновения неполных высказываний. Принято различать синтаксический эллипсис (пропуск того или иного члена предложения, легко восстанавливаемого слова из контекста) и семантический эллипсис (отсутствие компонента высказывания, легко восстанавливаемого из речевой ситуации) [3, с. 212]. Если семантический эллипсис является

лингвистически обусловленным, т.к. используется во избежание дублирования фразы, то синтаксический эллипсис является нарушением кодифицированных норм языка.

В качестве примера можно привести отрывок из сериала Шерлок, где главный герой вместо *“Is she still dancing?”* спрашивает *“She still dancing?”*. Данный пример иллюстрирует тенденцию опускать глагол-связку *to be* в вопросительных предложениях. В следующем примере из этого же сериала Шерлок задает вопрос *“Still not talking to me, huh?”*, где опускает не только глагол-связку *to be*, но и местоимение. Данное опущение вызвано тем фактором, что разговор происходит между двумя людьми, в связи с чем отпадает необходимость использовать местоимение *you*. Эллипсис глагола указывает на неформальную обстановку и доверительные отношения между героями. Более того, опущение обоих элементов и эксплетив *huh* показывает оттенки настроения главного героя, а именно насмешку над своим собеседником. Таким же образом в следующих фразах: *“What the hell are you doing? – Bored”* происходит опущение местоимения *I* и глагола-связки *to be* в целях эмфазы, передающую сильную степень скуки главного героя.

Опускаться могут и другие синтаксические компоненты, например, модальный глагол *will*. В том же сериале в сцене, когда главные герои Шерлок и Ватсон договариваются о следующей встрече, Шерлок спрашивает: *“Meet back here in an hour?”* вместо *“Shall we meet back here in an hour?”*, что дает понять, что герои данного диалога сильно торопятся, потому стараются максимально быстро договориться о встрече, опуская формальности. В следующей фразе, произнесенной одним из героев сериала «Теория большого взрыва»: *“Ask you something?”* опускается модальный глагол *can*, который указывает на близкие отношения говорящего с его собеседником. Подвергаться опущению может и вводное местоимение *it*: *“Took me less than a minute to guess yours, not exactly Fort Know”*, где данный пропуск вызван тем, что местоимение *it* не является лексически важным элементом, а лишь вводит новую информацию. По той же причине может опускаться и вводный *there*: *“Anything in?”*, где эллипсис указывает на спешку и нетерпение главного героя узнать содержимое конверта. Следующий пример из сериала «Теория большого взрыва» иллюстрирует эллипсис вспомогательного глагола *have* и предлога *for*: *“3 months we been together, I get nothing from you”*, в котором опущение вспомогательного глагола *have* вызвано тем, что при быстром

произнесении сокращение “*We`ve*” теряется и превращается в “*We been*”. Здесь рема “*3 months*” становится темой и занимает первое место с целью эмфазы и усиления эмоциональности всего предложения. В сериале «Настоящий детектив» встречается и эллипсис артиклей: вместо “*Give me the/some/my money*” герой говорит “*Give me money*”. В этой фразе опущение артикля связано с отсутствием необходимости в уточняющих определителях и ясностью контекста. Более того, подвергаться опущению могут и знаменательные части речи, такие как существительные. В следующем отрывке из сериала «Ночной менеджер» главный герой опускает подлежащее: “*Fill these (documents) out*” в связи с ясностью ситуации, которая происходит между администратором отеля и его гостем. Таким образом, эллиптические конструкции преобладают в разговорном английском языке. Несмотря на то, что рассмотренные выше предложения являются примерами синтаксического эллипсиса, иллюстрирующими нарушение языковых норм, данные эллиптические конструкции часто используются в разговорном английском для экономии времени, эмфазы и передачи эмоциональности.

Помимо эллипсиса, разговорной речи характерно отсутствие инверсии в вопросительных предложениях. Так, в сериале «Теория большого взрыва» встречаются конструкции, в которых вопрос стоит в утвердительной и отрицательной формах: “*You want to hear an interesting thing about stairs?*” и “*That wasn`t sarcasm?*”. Здесь главный герой не меняет порядок слов и не использует вспомогательный глагол *do*, как требуют того нормы языка, а задает вопрос посредством интонации, что является нормой для большинства романо-германских языков, кроме английского.

Аналогичная конструкция использована в следующем примере, взятого из сериала «Настоящий детектив», однако, здесь говорящим используются междометия: “*Kind of strange guy, huh?*”. Данные междометия являются лаконичной заменой альтернативных «хвостиков» в разделительных вопросах (Disjunctive questions) и выражают сомнения говорящего относительно своих слов, тем самым, привлекая внимание собеседника. Такие примеры более характерны для американского варианта английского языка. Тем не менее, привычные разделительные вопросы также часто можно услышать в речи героев британских сериалов, как, например, в сериале «Шерлок»: “*When we get back to the hotel, we end up having a bit of ding-dong, don`t we?*”. Таким образом, можно заметить,

что общей тенденцией современного разговорного английского является максимальное упрощение синтаксической структуры предложения.

Одной из часто употребляемых коллоквиальных конструкций является повтор. Функциями повтора являются нарастание силы эмоций и степени напряженности, усиление эффекта воздействия, указание на многократность действий, а также придание ритмичности. [7, с. 102] Однако в следующем предложении, взятом из сериала «Настоящий детектив», повтор используется совершенно с другой функцией: “*You don't pick your parents, and you don't pick your partner*”. Здесь повтор служит для передачи категоричности высказывания, а также подчеркивания убежденности героя в своих словах. Однако, все же здесь присутствует и оттенок нарастания (нагнетения) эмоций, основанный на противопоставлении слов *parents* и *partner*, где последнее сильнее эмфатически выделяется. Аллитерация схожих звуков также придает данному выражению особую ритмичность.

В ходе анализа речи героев сериала «Теория большого взрыва» также были выделены конструкции с аппелятивными местоимениями: “*Really, you, Rajesh Koothrappali, spoke to Penny?*”. Данные местоимения выступают в качестве обращения и обычно стоят в центре предложения. В речи обращение выполняет две функции, обычно реализующиеся совместно: призывную и оценочно-характеризующую. Здесь с помощью аппелятивного местоимения *you, Rajesh Koothrappali* говорящий не только привлекает внимание собеседника, к которому он обращается, но и выказывает сомнение в его словах.

Парцелляция характерна как для разговорной речи, так и для письменной. Она представляет собой намеренное расчленение связанного интонационно и на письме текста на несколько пунктуационно самостоятельных отрезков. Показателем синтаксического разрыва является точка (или другой знак конца предложения), что приводит к увеличению частотности употребления точки, а при зрительном восприятии текста – к его интонированию. [9, с. 76] Парцеллированная конструкция состоит из основной (базовой) части и отчлененной части (парцеллята). Примером парцеллированной конструкций может послужить отрывок из сериала «Ночной администратор»: “*Freddie Hamid is everything the protestors hate. Incredibly wealthy, corrupt to the core*”, где последняя часть является парцеллятом-определением. Данный парцеллят создает неожиданную паузу, которая способствует увеличению эффекта неожиданности и

усиливает изобразительный контраст. Периферийно присоединительная связь, характерная для устно-разговорной речи, помогает выделить важное, с точки зрения художественно-образной конкретизации изображаемого героя.

Инверсия, не обусловленная устойчивыми грамматическими конструкциями, также является характерной чертой разговорной речи. Следующее предложение из сериала «Ночной администратор»: “*Should you come home soon, call me*”, содержит одновременно и инверсию, и опущение. Вместо привычного “*If you should come home soon, call me*” имеет опущенный союз *if* и инверсированный порядок слов в придаточной части условного предложения. Данное предложение выражает реальное осуществимое условие, относящееся к настоящему или будущему [12, с. 104]. Здесь инверсия употребляется с целью передачи высокой степени неуверенности говорящего в том, что действие произойдет, однако, при этом вероятность действия не отрицается в результате случайного и маловероятного стечения обстоятельств. Форма “*Should you come home soon*” звучит официальнее, чем “*If you should come home soon*”, и чаще всего может быть применена в разговоре двух малознакомых людей.

Конструкция с двойным отрицанием: “*We don't need no help*” часто встречается в речи героев сериала «Настоящий детектив». В соответствии с грамматическими правилами, двойное отрицание является нарушением кодифицированных норм языка. Однако здесь прием двойного отрицания используется с целью усиления категоричности всего высказывания.

В сериале «Теория большого взрыва» неоднократно употреблялись эмфатические конструкции с усилительным глаголом *do* в утвердительных предложениях. Примером одной из них может послужить беседа двух главных героев Шелдона и Леонардо: “*Are you sure you don't want to go to the emergency room? – No, no. I am okay. It stopped bleeding. – I know, but you did throw up*”. Данная эмфатическая конструкция помогает привлечь внимание к действию, выраженному глаголом. При этом он употребляется в сочетании с инфинитивом смыслового глагола без частицы *to* и предшествует ему. Переводя данную эмфатическую конструкцию следует добавлять такие слова, как действительно, все же, на самом деле, фактически. [4, с. 105]

Еще одной тенденцией разговорной речи можно считать использование простых временных форм над совершенными, особенно заметное в американском варианте английского языка. В следующем

примере, взятом из американских сериалов «Настоящий детектив» и «Теория большого взрыва» проиллюстрированы примере употребления форм Past Simple вместо Present Perfect: “*I just built a virtual pool*” (*The Big Bang theory*), “*Did you ever meet Richard Roper?*” (*True Detective*). Несмотря на то, что такое использование уже становится нормой для представителей американской культуры, оно не соответствует традиционным грамматическим нормам и указывает на малограмотность говорящего.

Изменение позиции наречий в предложении так же является характерной чертой, свойственной разговорному английскому. В следующем примере, взятом из сериала «Настоящий детектив»: “*She just has gone to her mother*”, видно, что наречие стоит не на своем месте, что является нарушением синтаксической нормы. Однако, данное правило часто нарушается в разговорной речи, что вызвано отсутствием необходимости запоминать место наречия с простым глаголом и сложным. Такое употребление указывает на проявленную говорящим небрежность по отношению к правилам родного языка.

На основе анализа вышеупомянутых примеров, можно сделать вывод, что современными тенденциями в области синтаксиса являются частое употребление времен группы Simple вместо Perfect в американском варианте английского языка; отказ от инверсии и сохранение прямого порядка слов в вопросительном предложении; использование интонации, как средства логического ударения; выдвижение темы в начало предложения, а ремы в конец, и эллипсис знаменательных и незнаменательных компонентов высказывания.

Таким образом, коллоквиальный синтаксис – это нарушение норм кодифицированного языка, которые встречаются только в разговорном английском, и связаны с неподготовленностью речи и неформальностью ситуации, в которой строится живое общени.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: УРСС, 2005.
3. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка [Текст]: учеб. для вузов по направлению «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / М. Я. Блох. М.: Высшая школа, 2000. 421, [2] с.

4. Бузаров В. В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. М.: «Просвещение», 1986. 128 с.
5. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. 400 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка (Теоретический курс). М., Л., 1965. 378 с.
8. Саакян А. С. Английская грамматика для всех: Учебное пособие. М.: Менеджер, 2006. 240 с.
9. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистку. Саратов: Саратовский ун-т, 1985. 210 с.
10. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: Учебники для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1994. 240 с.
11. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. 285 с.
12. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
13. Blokh M.Y. "A Course of Theoretical English Grammar", М., Высш.шк., 2000.
14. Crystal D. Advanced Conversational English. Lnd.: Longman, 1977.
15. Thrasher Jr., Randolph H. 1974. "Shouldn't Ignore These Strings: A Study of Conversational Deletion". Ph.D. Dissertation, University of Michigan.
16. Электронный ресурс. Режим доступа:<https://ororo.tv/en>.

Ефимова А.Д.

Московский государственный областной университет (Москва)

Диахронический анализ слов-репрезентантов понятия «денди» в русской лингвокультуре

Аннотация. Данная статья выполнена на материале Национального корпуса русского языка; использован метод диахронического среза. Выделены средства вербализации понятия «денди» в русской лингвокультуре, установлено его место в национальной концептосфере.

Ключевые слова: лингвокультурология, диахрония, национальная концептосфера, синонимический ряд, денди.

Diachronic analysis of the words representing the notion of “dandy” in Russian linguistic and cultural studies

Abstract. The paper analyzes the National Corpus of the Russian Language with the help of the diachronic method. The means of expression of the notion of “dandy” in Russian linguistic and cultural studies are found, and the place of this notion in the national concept sphere is determined.

Keywords: linguistic and cultural studies, diachrony, national concept sphere, synonymic row, dandy.

В статье проведен анализ с позиций лингвокультурологии на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) в диахроническом аспекте.

Известно, что для осуществления успешной межкультурной коммуникации необходимо знание национальной картины мира представителей разных культур. Одной из важнейших целей лингвокультурологии является изучение способов, которыми «каждый из языков воплощает в своих единицах, хранит и передает культуру» [1, с. 15]. В данном случае язык выполняет мирозозидающую функцию, являясь инструментом проникновения в сознание человека [2, с. 8]. Исследование способствует установлению особенностей русской ментальности, поскольку через анализ средств репрезентации понятия «денди» можно выявить его место в русской языковой картине мира.

В Национальном корпусе русского языка представлено 115 645 документов, что составляет 23 803 881 предложение и 283 431 966 слов. Было проанализировано присутствие словообразовательного гнезда лексемы «денди» в данном корпусе и выяснено, что количество употреблений слова «денди» равно 289 (в 160 документах), что составляет 0,00010196 % от общего количества слов. Самой ранней датой фиксации данной лексемы является 1833 год (публикация романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина). С 1833 по 1850 было выявлено 30 употреблений лексемы «денди», во второй половине XIX века отмечено 26 её использований. В первой половине XX века слово «денди» встречается 32 раза в текстовых фрагментах, со второй половины XX века до настоящего времени лексема указана в источниках 201 раз. Из 160 документов 76 представляют собой художественную прозу, а 84 – нехудожественную. Наиболее часто лексема «денди» употребляется в романах (23,75 % от общего количества

документов); статьях (18,75 %); мемуарах (13,75 %); повестях (12,5 %); очерках (3,75 %); рассказах (3,75 %); эссе (3,125 %); дневниках (3,125 %); рецензиях (2,5 %) и др.

В НКРЯ зафиксирован вариант написания лексемы «денди» как «дэнди». Из 36 выданных вхождений после снятия омонимии было отобрано 25 слов, используемых для обозначения *щеголя*. Самое раннее употребление данного слова отмечено в 1854 году, в XIX веке было выявлено ещё одно употребление в 1877 году, за период с 1910 по 1946 лексема появлялась 28 раз в текстах, со второй половины XX века существует 6 использований слова «денди». Выделены омонимы слова «дэнди»: журнал искусства и моды «Дэнди», вал «дэнди», магазин «Дэнди», город в Англии Дэнди, фирма «Дэнди Дистрибьюшн», порода собаки дэнди-динмонт-терьер, имя собственное и название пьесы «Джим Дэнди», индийский паланкин «легкая дэнди». Можно сделать вывод о том, что вариант написания «дэнди», появившись в середине 50-х годов, употреблялся до середины XX века, а затем был заменен более распространенной формой «денди».

Слово «дендизм» употребляется в 11 документах 16 раз. С 1845 года по 1926 годы было найдено 7 употреблений слова «дендизм», с 1927 по 1999 данная лексема не была зафиксирована; в НКРЯ с 1990 года «денди» использовалось в 9 случаях. Можно говорить о том, что понятие «дендизм» не было воспринято в русской культуре как идеология, не существовало монументальных теорий или его исследований. В советское время исторический тип «денди» воспринимался как маргинальный элемент, вследствие чего соответствующее понятие было исключено из сферы употребления, а для обозначения *щегольства* использовались синонимы слова «денди», но и само понятие «щегольство» было на периферии языкового сознания людей того времени. В современном обществе понятие «дендизм» привлекает общественное внимание. В основном слово «дендизм» употреблялось в нехудожественной литературе (9 употреблений). Оно было указано в мемуарах (12 %), очерках (11 %), а также в романе, статье, монографии, дневнике, учебнике.

Существуют два случая употребления имен прилагательных, образованных от «денди», можно считать, что они представляют собой авторское словотворчество.

Первое используется для обозначения того, что относится к денди, его привычек, манер и т.д.: «Московский дендистский стиль и образ

жизни, с некоторыми вариациями существовавший на протяжении сорока лет, канул в Лету».

Второе образовано по аналогии с «претенциозный», «амбициозный», «грандиозный», имеет иронический оттенок, и использовано в значении «вычурный, претендующий на то, чтобы относиться к денди»: «Оставшись без своей ненаглядной супружницы, кукуя в диночестве своего особняка, что по соседству с Кенсингтонским парком, то есть одним из самых дендиозных районов столицы ...».

Слово «**франт**», выделенное в лексикографических источниках в качестве ядра лексико-семантического поля «денди», употребляется в НКРЯ 413 раз, что в 1,3 раза больше, чем количество использований слов «денди» и «дэнди». Данное слово отмечено в НКРЯ с 1793 года. В первой половине XIX века оно употреблялось 72 раза; во второй половине XIX века – 128 раз; в первой половине XX века – 131; во второй половине XX века – 55; в начале XXI века – 27. Можно наблюдать постепенное уменьшение количества использований данного слова, начиная со второй половины XX века. Слово зафиксировано преимущественно в художественной литературе (в 199 из 273 документов). Оно встречается в романах (29 %); повестях (16 %); рассказах (16 %); мемуарах (11 %); монографиях (3 %) и др. Понятие «**франтовство**» нашло отражение в 31 случае употребления соответствующей лексемы, что в 2 раза больше, чем использование слова «дендизм» в НКРЯ.

Понятие «**щеголь**» выразилось в использовании соответствующей лексемы 293 раза, что может быть соотнесено с использованием лексемы «дендизм». Слово «щеголь» отмечено в НКРЯ с 1755 года. В XVIII веке оно употреблялось 18 раз; в первой половине XIX века – 45 раз; во второй половине XIX – 65 раз; в первой половине XX века – 82; во второй половине XX века – 65; в начале XXI – 18 раз. Слово «**щегольство**» представлено в 131 документе (161 использование), что в 10 раз больше, чем применение слова «дендизм», следовательно, понятие «щегольство» наиболее «широкое» и используется по отношению к различному типу щеголей в течении двух с половиной веков.

Сведем данные, полученные по употреблению в НКРЯ дериватов, образованных от слов «денди», «щеголь», «франт», в таблицу:

конкр. сущ.	абстр. сущ.	гл.	им. прил.	нар.
денди (160 док.; 289 вхожд.)	дендизм (11 док.; 16)	-	дендистский (1 док.; 1 вхожд.)	-

	вхожд.)		дендиозный (1 док.; 1 вхожд.)	
франт (273 док.; 413 вхожд.) франтиха (28 док.; 35 вхожд.)	франтовство (28 док.; 31 вхожд.)	франтить (20 док.; 21 вхожд.)	франтовской (14 док.; 15 вхожд.) франтоватый (69 док.; 82 вхожд.)	франтовски (22 док.; 22 вхожд.) франтовато (52 док.; 60 вхожд.)
щеголь (220 док.; 293 вхожд.) щеголиха (42.; 46 вхожд.)	щегольство (131 док.; 161 вхожд.)	щеголять (236 док.; 269 вхожд.) щегольнуть (170 док.; 188 вхожд.)	щеголеватый (140 док.; 165 вхожд.) щегольской (239 док.; 298 вхожд.)	щеголевато (178 док.; 222 вхожд.) щегольски (209 док.; 266 вхожд.)

Подтверждено вхождение в ядро понятия «денди» понятий «щеголь» и «франт», доказано, что в настоящее время слова «щеголь» и «франт» постепенно выходят из употребления, замененные современными синонимами, такими как: плейбой, стилига, пижон. Данные слова принадлежат к наиболее древнему пласту концептов в русской лингвокультуре, выражающих понятие «модник». Они имеют большое словообразовательное гнездо, можно говорить о том, что понятия «щеголь» и «франт» являются важными и четко оформленными в русской лингвокультуре.

Проанализируем лексемы, выделенные в лексикографических источниках в качестве синонимов слова «денди». Слово «петиметр» встречается в 16 документах 33 раза. Оно отмечено в текстах НКРЯ с 1750 года. Оно употреблялось в XVIII веке 18 раз, в XIX веке 9 раз, в XX веке 6 раз. Последняя дата использования слова – 1998 год. Можно говорить о том, что слово является устаревшим и употребляется для обозначения определенного типа франта в XVIII-XIX веках. В целом, понятие «петиметр» не характерно для русской культуры, постепенно теряя свои определяющие черты и сливаясь в семантической структуре с другими понятиями щегольского ряда.

Лексема «фертик» указана в 11 документах (14 вхождений). Оно известно с 1789 года, последняя его фиксация в НКРЯ отмечена в 1988–1989 годах. Это свидетельствует о том, что данная лексема находится на периферии русского языкового сознания, в настоящее время является устаревшей. Она использовалась преимущественно в художественных текстах: романах (46 %); рассказах (27 %); пьесах (18 %).

Языковая единица «**модник**» употребляется в 41 тексте НКРЯ в количестве 49 вхождений. Оно встречается в документах с 1845 года. До конца XIX века зафиксировано 12 словоупотреблений, с 1900 по 1949 – 5; с 1950 по 1999 – 20; с 2000 – 12. Слово «модник», обозначая наиболее общий тип щеголя, в настоящее время слово уходит на периферию понятийной сферы, Можно сделать предположение, что в отдельные временные отрезки было заменено более «узкими» синонимами, обозначающими конкретно-исторический тип личности. Оно присутствует в 26 художественных и 14 нехудожественных, включая романы (29 %); повести (20 %); рассказы (7 %); статьи (7 %), мемуары (7 %) и др.

Одновременно с лексемой «модник» зафиксировано появление слова «**хлыщ**». В XIX веке было отмечено 29 употреблений данного слова, в первой половине XX – 18; во второй половине XX века – 27; с 2000 по 2014 – 14. Данное слово использовано в 37 художественных текстах (из 57). Его преимущественно можно увидеть в романах (37 %); мемуарах (12 %); повестях (10 %); очерках (5 %), монографиях (5 %).

Лексема «**пижон**» употребляется в 115 документах в количестве 246 вхождений. Первое упоминание слова «пижон» в НКРЯ отмечено в 40-х годах. С 1850 по 1899 слово использовалось 8 раз, с 1900 по 1949 – 13 раз, с 1950 по 1999 – 145 раз; с 2000 по 2014 – 80 раз. Данная лексема зафиксирована в 87 художественных текстах и 28 нехудожественных. Она присутствует в текстах романов (40 % от числа всех тестов с данной лексемой); повестях (23 %); мемуарах (9 %); рассказах (6 %).

Понятие «**форсун**» не закрепились в концептосфере русского языка, на что указывает небольшое количество употреблений соответствующей лексемы: 8 вхождений в 7 документах. Дата первого использования в НКРЯ – 1869, а последнего – 1973–78. Слово используется в основном в художественных текстах (6 наименований), присутствуя преимущественно в романах (85 %).

Слово «**стиляга**» имеет 82 вхождения в НКРЯ. Первое упоминание слова «стиляга» зафиксировано в НКРЯ в 1951–1956 годах, что соответствует времени возникновения соответствующего понятия в конце 40-х-начале 50-х годов, появившегося как реакция на изменения в общественной жизни. С 1950 по 1970 слово «стиляга» употреблялось 31 раз, в 1980-2000 – 25 раз; в 2001-2014 – 26 раз. Можно сделать вывод о том, что расцвет указанного понятия был в 50-70-е годы, хотя до настоящего времени слово употребительно и обозначает того, «кто

выделяется из толпы» [3]. Данная лексема встречается в 27 художественных текстах (из 44 документов). Наиболее часто оно используется в романах (32 %); повестях (16 %); рассказах (11 %); монографиях (11 %); статьях (6,8 %); мемуарах (6,8 %).

Лексема «плейбой» – одна из последних, вошедших в лексико-семантическое поле слова «денди», что отражено в текстах НКРЯ: первое упоминание данного слова отмечено в начале 1970-х годов. Только в начале 1990-х слово «плейбой» стало употребляться достаточно стабильно: с 1970 по 1989 оно насчитывает 9 употреблений, с 1990 по 1999 – 39; с 2000 по 2014 – 48. Можно говорить о том, что слово занимает все более важное место в концептуальной картине, выраженной в русском языке. Преобладают тексты публицистического характера (39 из 69 произведений). Употребление в романах данной лексемы составляет 26 % от общего количества документов, в статьях – 20 %; в мемуарах – 14 %; заметках 10 %, другие типы текстов (обзоры, очерки, эссе, рассказы, повести и т.д.) включают оставшиеся 30 % использований.

Распределим синонимы слова «денди» по количеству использований в текстах НКРЯ от наибольшего к наименьшему.

франт	413
денди (дэнди)	314
щеголь	293
пижон	246
плейбой	95
хлыщ	88
стиляга	82
модник	49
петиметр	33
фертик	14
форсун	8

По первой дате фиксации в НКРЯ можно расположить слова в следующее последовательности:

петиметр	1750
щеголь	1755
фертик	1789
франт	1793
денди	1833
хлыщ	1845
модник	1845
пижон	1850
дэнди	1854

форсун	1869
стиляга	1951
плейбой	1970

Слова лексико-семантического поля «денди» употребляются преимущественно в художественных текстах, а именно, в романах, относясь к сферам искусства и культуры; частной жизни, политики и общественной жизни, а также встречаясь в научной литературе.

Установлено, что употребительность лексем синонимического ряда зависит от ряда условий:

- 1) времени вхождения в состав русского языка. Слово присутствует только в синхронном срезе,
- 2) временного промежутка использования, обусловленного модой, политическим влиянием и т.д. В данном случае, слово занимает определенную временную нишу в диахроническом срезе, но может отсутствовать при синхронном измерении, являться устаревшим или устаревающим.

Была определена группа слов, которые:

- вышли из употребления: «фертик», «форсун», «петиметр»;
- отличаются нестабильностью использования: «модник»;
- увеличивают частотность употребления в настоящее время: «плейбой», «денди», «пижон»;
- уменьшают количество использований: «щеголь», «франт»;
- имеют неизменное или незначительно изменяющееся количество употреблений на протяжении существования понятия, их обозначающего или меняется незначительно: «хлыщ», «стиляга».

Можно выделить хронологическую последовательность использования лексических единиц синонимического ряда «денди» в НКРЯ: в конце XVIII века использовались лексемы «петиметр», «щеголь» почти в равном отношении; в первой половине XIX века употреблялись языковые единицы «щеголь», «денди», «франт» при преобладании последнего; во второй половине XIX века доминировало понятие «франт»; в первой половине XX века оно продолжало преобладать; во второй половине XIX века наиболее употребительным становятся лексемы «пижон» и «денди», они остаются распространенными в начале XXI века. Таким образом, в процессе исследования было доказано, что понятие «денди» занимает важное место в русской лингвокультуре, а соответствующая лексема постепенно становится доминантной в синонимическом ряду группы «щеголь».

Список литературы

1. Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». 2012, № 2. С. 13–18
2. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009, № 1. С. 5–12.
3. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 10.11.17).

Ефремцева Т.Н.

Российская международная академия туризма (Москва, Химки)

A la carte menu: новая стратегия электронного обучения иностранным языкам

Аннотация. В статье рассматриваются современные противоречия и проблемы, с которыми сталкиваются вузовские преподаватели при внедрении электронного обучения в систему профессиональной и языковой подготовки. Предлагается новая стратегия «a la carte menu» в электронном обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: языковая подготовка, электронное обучение, a la carte menu, индивидуальная образовательная траектория.

T. Efremtseva

Russian International Academy for Tourism (Moscow)

A la carte menu: a new strategy for e-learning of foreign languages

Abstract. The paper considers modern contradictions and problems the university teachers face while implementing e-learning in the vocational and language training system. A new "a la carte menu" strategy is proposed in e-learning of foreign languages.

Keywords: language training, e-learning, a la carte menu, individual educational trajectory.

Электронное обучение прочно вошло в современное образовательное пространство на всех уровнях, это данность, которую следует принять. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» четко прописывает определения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а также порядок реализации образовательных программ с их применением [1, с. 26–27].

Мощным двигателем развития электронного образования помимо главного, стремительного прогресса IT технологий, выступает глобализация высшего образования. Она охватила мир в целом, и достаточно ярко выражена на континентальном и региональном уровнях.

Развитие академической мобильности студентов и профессоров вузов является одной из приоритетных задач Болонской конвенции, для которой важным является «построение европейской зоны высшего образования как ключевого направления развития мобильности граждан с возможностью трудоустройства» [2].

Присоединение России к программе ERASMUS+ в 2015 году позволило расширить границы сотрудничества высших учебных заведений в пределах Европы, включая вузы Российской Федерации. Наряду с решением проблем академической мобильности, ставится задача признания уровней и качества учебных программ вузов-партнеров, утверждена система зачетных кредитов ECTS (European Credit Transfer System) [3].

Последние годы характеризуются масштабной технической переоснащенностью вузов, встраиванием LMS платформ в образовательный процесс, переводом некоторых категорий студентов на дистанционную форму обучения. Массово разрабатываются электронные курсы и учебники, записываются видео лекции и презентации, проводятся интернет конференции и вебинары.

Особую популярность приобрели массовые открытые онлайн курсы MOOC (Massive Open Online Courses) известных вузов и Coursera как самый яркий пример прорыва в онлайн обучении. Проект Coursera, начавший работу в апреле 2012 года, сегодня предлагает 2000 курсов и 160 специализаций от 149 образовательных учреждений. На февраль 2017 года в Coursera зарегистрировано 24 млн. пользователей со всего мира [7].

Таким образом, предлагаемые онлайн курсы создают прекрасные возможности для расширения доступа к образованию многим массам потенциальных студентов различных возрастов. С другой стороны, угроза со стороны MOOC заключается в том, что они составляют конкуренцию российским вузам, предлагая кредиты (зачетные единицы) и сертификаты в конце обучения, а также профессорам по части контента вузовских наук.

Глобальный спрос на электронное образование (доступное по способу получения, не имеющее возрастных и национальных границ, вариативное и т.д.) диктует необходимость пристального изучения этого феномена в России и принятия необходимых решений в пользу торжества науки [6].

В сложившей ситуации прослеживаются явные противоречия между следующим:

- закреплением дистанционных образовательных технологий в ФЗ об образовании и снижением роли вуза в предоставлении качественного образования в контактной форме;
- популяризацией авторских онлайн курсов зарубежных профессоров и снижением качества университетских курсов дисциплин;
- открытостью курсов МООС и отсутствием системы зачета их кредитов в вузовском курсе;
- вариативностью онлайн курсов и отсутствием системы классификации курсов по профилям и направлениям подготовки;
- включением российских вузов в МООС и отсутствием системной оценки качества предлагаемых курсов и др.

Не следует забывать о недавнем введении профессиональных стандартов в высшем образовании в России и отсутствии на сегодняшний день системы оценивания профессиональных компетенций выпускников. Не разработана также процедура соответствия российского стандарта качества международным стандартам по отраслям экономики. Остается много вопросов о возможности признания российских дипломов бакалавров и магистров за рубежом.

Присоединение к Болонской конвенции, однако, не исключает необходимости изучения опыта стран Азии, Америки, Океании и др. в совершенствовании профессиональной подготовки студентов вузов с применением электронного и дистанционного обучения. Необходимо расширять границы академической мобильности студентов и профессоров в евразийском пространстве для изучения успешного международного опыта и формирования российской национальной системы оценки качества высшего образования [4].

Некоторые вопросы требуют безотлагательного решения на министерском уровне. *Во-первых*, необходимо провести открытый конкурс по созданию матрицы оценивания профессиональных компетенций по отраслям (этим не должны заниматься узкие ведомства министерства без согласования с научной общественностью вузов). На основе такой матрицы можно будет создавать национальные стандарты качества, определять процедуру их оценивания и соотнесения с международными стандартами по отраслям. *Во-вторых*, следует разработать систему сертификации МООС в России с целью создания списка рекомендованных онлайн курсов для признания в вузовском образовании. Замечательно было бы создать творческие группы из числа ученых и преподавателей

вузов по направлениям подготовки для разработки профессиональных кейсов, при решении которых студенты могли бы пользоваться знаниями, полученными не только на лекциях в своем вузе, но и на онлайн курсах зарубежных профессоров.

На вузовском уровне возможна разработка новой стратегии электронного обучения практически любой дисциплине. Опыт работы в туристском вузе позволяет воспользоваться специальной терминологией отрасли, которая поможет представить суть вопроса наиболее наглядно.

Возьмем два термина меню: *table d'hote* и *a la carte menu* (комплексное и порционное меню), и поясним, что в комплексном меню туристу предлагают уже готовый набор блюд (разве что с выбором мяса или рыбы) и по одинаковой цене для всех. В порционном меню клиент получает список блюд по разделам (*appetizers, main course, dessert*) с указанием веса каждого блюда, его полной стоимости или половины порции, он выбирает, что заказать и за какую цену.

Не трудно догадаться, что вуз предлагает «комплексное меню» с небольшим набором предметов по выбору («мясо или рыба»), прописанному в учебном плане, но зачастую определяемом профильной кафедрой и редко студентом. Так легче структурировать процесс образования в вузе, это путь к унификации и преемственности программ по направлениям подготовки, и здесь практически нет места электронному или дистанционному обучению. Лучшее, что возможно, это подведение электронной базы под старую систему образования (LMS, электронные учебники, видео лекции и т.д.). Профессиональные знания, умения и навыки составляют ядро бесценного багажа, подтверждаемого дипломом и степенью (бакалавра, магистра, ученого-исследователя), и студент должен быть «сыт» предложенным в вузе меню [5].

Современное высшее учебное заведение должно стать как раз тем местом, где можно получить не только компетенции, определенные учебным планом, но и «заказать» что-то особенное по желанию студента/клиента.

Рассмотрим стратегию *a la carte menu* на примере электронного обучения иностранным языкам. Следует сразу оговориться, что речь не идет о полном переходе на электронное или онлайн обучение, учитывая специфику языкового образования в целом. Студенту должна быть предоставлена возможность развивать индивидуальную образовательную

траекторию, в частности, в области изучения одного или нескольких иностранных языков.

Алгоритм разработки стратегии выглядит так:

1. Вхождение в курс иностранного языка (электронное тестирование – placement test – с целью определения входного уровня владения языком). Если группа делится (в лучшем случае на две подгруппы), то сужается число обучающихся, если нет, то в одной учебной группе (чаще так и происходит) оказываются студенты разного уровня владения языком. Здесь же проводится «языковая прививка», вводящая студента-первокурсника в языковую среду вуза и показывающая ему открывающиеся возможности карьерного роста при условии должного владения иностранным языком.

2. Знакомство с меню курса (основным и a la carte). Студентам предлагается полное описание курса иностранного языка по годам и семестрам, сообщаются цели, формируемые компетенции и уровни освоения языка, формы аудиторной и самостоятельной работы, а также доля электронного обучения в курсе.

Обязательно формулируется уровень владения языком в соответствии с европейской шкалой CTFR, которого достигнет данная группа студентов по окончании курса (General and Vocational) иностранного языка. Затем сообщаются опции a la carte, где у студента есть выбор скорости прохождения материала и вариативности аспектов (чаще в профессиональном языке).

Задача кафедры иностранных языков – предложить студенту набор инструментов углубленного (электронного) обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Талант команды педагогов заключается в том, чтобы предложить студенту самые новые, действенные технологии изучения языка (они могут быть заимствованы у зарубежных коллег, либо разработаны внутри вуза).

3. Определение индивидуальной траектории языкового образования студента (только при его желании). На первых порах (пока не отработана система) не должно быть массовости перехода на a la carte. Ответственность за правильный и взвешенный выбор в равной степени лежит на наставнике-педагоге и студенте. Только так возможно проследить траекторию роста уровня владения языком.

4. Оценивание на выходе (по окончании курса). Чисто языковые умения и навыки можно проверить сегодня сдачей международных

экзаменов, профессиональные же компетенции на языке должны оцениваться в ходе выпускных проектов/кейсов вузов, либо в результате сдачи экзаменов в соответствии с национальными стандартами качества по отраслям экономики.

Следует отметить, что многие компетенции (языковые и профессиональные) проходят проверку в ходе приобретения студентом первого рабочего опыта в профессии, поэтому должен осуществляться постоянный мониторинг курсов, предлагаемых студенту по выбору[5].

Стратегия *a la carte menu* с продуманной базой электронного и дистанционного обучения, с четкой постановкой целей и задач и при условии разработки национальных стандартов качества высшего образования по отраслям поможет в формировании конкурентных компетенций выпускника вуза.

Список литературы

1. Федеральный Закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

2. Bologna Declaration of 19 June 1999 [Электронный ресурс] // Berlin-Bologna-Web-Page. URL: http://www.bologna-berlin2003.de/pdf/bologna_declaration.pdf

3. European strategy and co-operation in education and training [Электронный ресурс] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-policy/doc28_en.htm.

4. Ефремцева Т. Н. Как улучшить общение культур в эпоху глобализации? Гуманитарное образование в экономическом вузе. Материалы V Международной научно-практической заочной интернет-конференции. РЭУ им. Г. В. Плеханова. В 2 томах. 2017. С. 113–116.

5. Ефремцева Т. Н. Турпакет в карьеру: диверсификация профессиональных компетенций. Вестник РМАТ. 2016. Т. 1. № 1. С. 132–139.

6. Invasion of the MOOCs: the promises and perils of Massive Open Online Courses., Steven D. Krause and Charles Lowe eds., Parlor Press, 2014, pp. 150-155.

7. Электронный ресурс. Режим доступа: www.coursera.com.

Желанникова А.Т.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: д.филол.н., профессор, зав.кафедрой теории языка
и англистики Г.Т. Хухуни*

Значение и формирование языковой картины мира

Аннотация. В данной статье рассмотрено такое понятие как языковая картина мира в когнитивно-прагматической парадигме лингвистических исследований. Выявлено, какое место занимает данная парадигма в современном мире лингвистики. Была предпринята попытка обобщить знания прошлых лет о понятии языковая картина мира, о его значение и формировании. В результате получилось узнать, какую роль играет данное определение.

Ключевые слова: язык, языковая картина мира, когнитивный аспект, прагматический аспект.

A. Zhelannikova

Moscow Region State University (Moscow)

Importance and formation of the linguistic picture of the world

Abstract. The paper considers such a term as the linguistic picture of the world in the cognitive-pragmatic paradigm of linguistic studies. The place of the paradigm in the modern linguistic world is described. An attempt is made to generalize the knowledge about the concept of the linguistic picture of the world, its importance and formation. The role of the presented definition of the “linguistic picture of the world” is outlined.

Keywords: language, linguistic picture of the world, cognitive aspect, pragmatic aspect.

Современная лингвистика характеризуется развитием нескольких ведущих парадигм. Две из них являются главными: коммуникативно-прагматическая и когнитивная. Одним из вариантов развития сложившейся ситуации является их сближение, данное положение мы и наблюдаем. В результате получилась одна мегапарадигма – когнитивно-прагматическая в основе, которой лежит антропоцентричность. То есть, то благодаря чему данная парадигма занимает центральное место в лингвистике. В рамках антропоцентричности интересы исследователя переключаются на субъект познания, то есть анализируется взаимодействие языка и человека, как неделимого целого.

Соединяясь в одну парадигму, эти два подхода дают возможность уделять внимание многим аспектам: изучению личности говорящего, его ментальных моделей, которые позволяют ему ориентироваться в объективной реальности; изучению языка, как средству получения, переработки, организации и обновления информации об окружающей

среде; изучению знаний, используемых в ходе языкового общения; проследить, как прагматические теории соотносятся с общей психологической концепцией природы человеческого сознания и т.д. [1, Электронный ресурс].

Рассмотрев лишь немногие аспекты, входящие в данную теорию, мы можем заявить, что языковая картина мира является хорошим примером, так как соединяет в себе прагмалингвистику (личность говорящего) и когнитивистику (ментальные модели).

Понятие языковая картина мира базируется на понятии картина мира, которое зародилось в социологии религии М. Вебера и параллельно в физике на рубеже XIX – XX вв., а в дальнейшем было развито философами Л. Витгенштейном и М. Хайдеггером. В современном представлении это синтез знаний о мире, когнитивная основа мировоззрения, разделяемая представителями определенной социальной группы в историческую эпоху [5, с. 426].

Понятие языковая картина мира и картина мира взаимосвязаны и взаимообусловлены. Картина мира – сложное явление. На нее влияют впечатления, исследования, умозаключения людей, для них мир есть то, что они видят и осмысливают. Результаты человеческого мироощущения проявляются в традициях, религиозных учениях, искусстве, этических нормах и в языковой культуре. В языке народов мира можно различить составляющие картины мира, к которым относятся психика, физиологическое состояние, природные условия, традиции, мораль и научно-технический уровень развития. Благодаря языку обогащается и картина мира, а опыт индивидуума становится достоянием общества через язык [8, с. 110]. Все это отражается в языковой картине мира, фиксируя все особенности культурной сферы [8, с. 111].

В. А. Маслова пишет, что языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она многоуровневая и структурированная. Языковая картина мира обуславливает понимание внешнего и внутреннего мира, коммуникативное поведение человека. Языковая картина также отражает способ речемыслительной деятельности. Любой человеческий язык отражает определенный способ восприятия мира. И это особое мировидение заключено не только в семантике лексических единиц, но и в оформлении морфологических и синтаксических структур, в наличии тех или иных грамматических

категорий и значений, в особенностях словообразовательных моделей языка [7, с. 249].

Приведем еще несколько лаконичных и понятных определений этого термина.

Например, языковая картина мира – это целостный, а также глобальный образ мира, который является результатом духовной активности человека, которая возникает в ходе его контактов с миром.

Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это языковая картина мира [2, с. 397].

Рассказав о том, что такое языковая картина мира, сделаем небольшой акцент на том, как она формируется. Как только человек приходит в этот мир, он сразу начинает познавать его. Изначально это происходит следующим образом. Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, интерпретирует, отражает, пребывает в нем. Таким образом, образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия [7, с. 247–248]. В детском возрасте это в основном происходит посредством органов чувств. По мере взросления человек не перестает пользоваться первым способом, он больше не является превалирующим, и с ним наравне используется язык для познания. То есть формирование языковой картины мира происходит в процессе восприятия, переработки и продуцирования разнообразных текстов, устных и письменных. По существу, совокупность произносимых, воспринимаемых, слышимых, читаемых текстов формирует языковое сознание личности, которое по мере накопления речевого опыта постоянно меняется. Под языковой картиной мира принято понимать представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях [3, с. 156].

Помимо того, что сам процесс образования языковой картины не прост, он обладает определенными особенностями.

Одна из них – это передающийся опыт поколений. То есть, языковая картина мира, основавшись в историческом процессе, имеет устоявшиеся понятия, которые влияют на познавательные процессы человеческого мышления. Языковая картина мира несет информацию, определенную человеческим сознанием многих поколений. Поэтому современный человек видит картину мира через призму уже сформировавшихся познаний, на него влияют готовые видения языковой картины мира [8, с. 112].

Другая особенность заключается в том, что человек социальное существо. Говоря это, мы хотели сделать акцент, что кроме основных составляющих картину мира образов, которые может воспринимать человек: зрительных, осязательных, обонятельных и слуховых, существуют еще образы, имеющие эмоциональную окраску.

Таким образом, изучение этого явления в когнитивно-прагматической парадигме позволяет понять человека и его лингвистическую природу из анализа информации, полученной при обработке языковых проявлений. Также в рамках языковой картины мира осуществляется связь языка с мышлением, окружающим миром, культурными и этническими явлениями, и явлениями внутри самого языка [2, с. 401].

Список литературы

1. Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 5–11.
2. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 2. 2012. С. 396–405.
3. Емельянова Е. В. Языковая картина мира и языковое сознание // Инновационная наука. 2015. № 10–1. С. 155–158.
4. Заботкина В. И. О взаимосвязи прагматических и когнитивных аспектов лингвистических исследований // Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы. Материалы международной научной конференции. Калининград: КГУ, 1997. С. 28–29.
5. Калашников В. Г. Языковая картина мира как психологический контекст // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 5(2). С. 426–429.
6. Кущева О. Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 155–156
7. Малько Е. С. Языковая картина мира: опыт осмысления // Научно-практический журнал. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2012. №2 (39). С. 247–252.
8. Сухарева Ю. В. Взаимообусловленность картины мира и языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 2. С. 110–113.

Электронные ресурсы

1. Ермакова С. В. Когнитивно-прагматические аспекты гендера в рекламе (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук, Калининград, 2003. 190 с. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3302281/page:3/>

2. Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований [Электронный ресурс]: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. – 95 с. Режим доступа: http://elibrary.lt/resursai/Uzsinio%20leidiniai/Kaliningrad/Uchebnye_e_pub/Slavistika/KGU_sfz_04.pdf.

Журавлева А.К.

Московский государственный областной университет (Москва)

Семантическое поле лингвистических единиц выражения модальности в английском языке

Аннотация: Категория модальности выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности. Объективная модальность органически связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определенности - неопределенности. Значение времени и реальности - ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений называется объективно-модальными значениями. Данная статья освещает использование категории модальности в произведениях английской литературы.

Ключевые слова: модальные глаголы, модальные слова, внутренняя модальность, объективная модальность, субмодальность, эвиденциальная модальность.

A. Zhuravleva

Moscow Region State University (Moscow)

Semantic field of linguistic units expressing modality in English

Abstract. The category of modality expresses the attitude of the speaker to reality. The objective modality is integrally connected with the category of time and differentiated on the basis of temporary definiteness/indefiniteness. The meanings of time and reality/irreality are merged together; the set of these meanings is called objective-modal meanings. The paper is devoted to the use of the category of modality in English literature.

Keywords: modal verbs, modal words, internal modality, objective modality, submodality, evidentiary modality.

Изучение категории модальности уже несколько десятилетий привлекает ученых во всем мире и представляет научный интерес для различных направлений лингвистики. Не в последнюю очередь это связано с тем, что термин «модальность» является многозначным. Для того чтобы полностью осветить тему использования модальных значений в

английском языке, необходимо рассмотреть отдельно теорию модальности [3].

В функциональной грамматике выделяются следующие субмодальности: внутренняя модальность, которая означает отношение говорящего к реализации действия и учитывает такие факторы, как способность, готовность, обязанность, разрешение; объективная модальность выражает оценку говорящим вероятности осуществления действия и может быть в свою очередь разделена на две области: эпистемическая объективная модальность, выражающая значения по градации Уверенность–Вероятность–Возможность–Невероятность–Невозможность и деонтическая объективная модальность с градацией Обязательность–Допустимость–Разрешенность–Недопустимость–Запрещенность; эпистемологическая модальность, которая характеризуется наличием модальных показателей личного убеждения говорящего в истинности высказывания: субъективная модальность (говорящий отвечает за содержание высказывания и указывает степень своей уверенности в его истинности) и эвиденциальная модальность (говорящий оценивает содержание высказывания в соответствии со способом, которым была получена информация (доказательства, личный опыт, через третье лицо))

В каждом семантическом слое имеются семантические поля. Можно рассмотреть объединение в семантические поля и для архиединиц (например, не расчлененно для сигнификативно-денотативных единиц)» [4].

Анализ средств выражения модальности проводился на основе примеров из английской литературы, таких как Р. Чандлер «Прощай, моя красавица», Д. Дефо «Робинзон Крузо», Ч. Диккенс «Домби и сын», О. Уайльд «Портрет Дориана Грея» и других произведений.

В современном английском языке существуют грамматические и лексические средства выражения модальности. Лексическими средствами являются модальные слова. В Словаре лингвистических терминов Т. В. Жере – било дается следующее определение: «Модальные слова – это неизменяемая часть речи, выражающая отношения уверенности или неуверенности говорящего к высказанному сообщению в его соответствии действительности и передающая это значение слов со значением: 1) уверенности; 2) предположения» [1]. Модальные слова привносят значения уверенности, предположения, а также вероятности, сомнения говорящего.

Грамматически они не являются членами предложения, а выполняют в его составе роль вводного слова. Модальное слово обычно относится ко всему высказыванию и демонстрирует субъективное отношение говорящего к данной мысли. Например: *perhaps, probably, may be, possibly и другие: Police are probably looking for her now, but so what?* [4] / Вероятно, сейчас её разыскивает полиция – ну и что?

Ядро семантического поля включает модальные глаголы, именно они используются авторами больше всего. Ближняя периферия-это глаголы с модальным значением. В дальнюю периферию вошли модальные слова. А в крайние периферии 1 и 2 вошли прилагательные и существительным с модальным значением, которые используются реже.

Модальность возможности в английском языке наиболее часто передается модальными глаголами *can* и *may*. Глагол *can* обладает самым широким потенциалом и может однозначно считаться доминантным средством выражения возможности/невозможности в английском языке. В зависимости от коммуникативной ситуации этот модальный глагол способен передавать практически все значения данного поля.

При анализе материала было выявлено, что количество встречаемости модальных глаголов практически одинаковое, в пределах стохастической погрешности. Результаты работы показали, что в английском языке наиболее часто используется лексико-грамматический способ выражения модальности, а меньше всего используется лексический способ через существительные и прилагательные с модальным значением.

Категория модальности – сложное, многоаспектное, общелингвистическое явление, изучение которого требует четкого определения компонентов, составляющих эту категорию, и понятий, с нею связанных. В современном английском языке прослеживается тенденция к значительному увеличению использования глаголов, несущих модальный смысл. При написании данной статьи было выяснено, что наиболее часто используется лексико-грамматический способ выражения модальности, а меньше всего используется лексический способ через существительные и прилагательные с модальным значением.

Результаты, полученные в результате исследования могут быть применены в процессе преподавания практической и теоретической грамматики английского языка.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов, 1986. 124 с.
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика, М., 1974. 216 с.
4. Чумак И. И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина: состав и структура, функционирование. Киев. 1996. 318 с.
5. Bradbury R. *Something Wicked this Way Comes*. London: Bantam books, 1990. 178 p.

Звягинцева Е.П.

Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

Использование элементов вертикальной и горизонтальной интеграции в лингводидактике

Аннотация. В статье описываются основные психолого-социальные трудности студентов в процессе обучения в высшей школе и рассматриваются отдельные виды интеграции с целью устранения или митигации данных проблем в профессионально ориентированном иноязычном обучении.

Ключевые слова: вертикальная и горизонтальная интеграция, лингводидактика, студенты вуза, обучение.

E. Zvyagintseva

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow)*

Using elements of vertical and horizontal integration in linguodidactics

Abstract. The paper describes major psychological and social difficulties that students encounter in the process of higher education. Some types of integrations are considered in order to eliminate or mitigate the problems in professionally oriented language training.

Keywords: vertical and horizontal integration, linguodidactics, undergraduates, training.

После массового перехода вузов на трехуровневую систему подготовки согласно Болонскому соглашению, с 2010 года началось повсеместное сокращение сроков подготовки работников с начальным высшим образованием, т.е. бакалавров. В настоящее время почти всем специальностям на первом этапе обучают за 4 года. С одной стороны, для экономики страны это не так уж и плохо (активнее осуществляется приток

новой рабочей силы). Однако есть и один существенный недостаток в рамках подготовки бакалавров: эмпирические исследования автора показывают, что преподаватели и работодатели отмечают снижение качества профессиональных знаний у выпускников современной высшей школы. Помимо этого, существуют еще и другие проблемы, с которыми преподаватели сталкиваются все чаще, и ответственность за возникновение этих проблем лежит как на плечах школы с ее целенаправленным «натаскиванием» на положительный результат по ЕГЭ, так и в плоскости массового увлечения цифровыми технологиями и слепого доверия Интернету как единственному источнику знаний.

Автор в рамках своей профессиональной деятельности ежедневно сталкивается с трудностями образовательного процесса в студенческой среде экономического вуза из-за того, что навыки самостоятельной и системной работы оказались непривиты в семье или недоразвиты в школе. К ним относятся:

1. неумение собирать информацию из разных источников, работать с другими носителями информации, кроме цифровой;
2. неразвитость умений анализировать и обобщать полученную информацию, делать промежуточные и итоговые выводы;
3. низкие способности в области систематизации полученных ранее знаний и интеграции этих знаний с новыми;
4. низкая познавательная активность;
5. форсирование притока знаний только в экстренных случаях;
6. ориентация не на получение глубоких и всесторонних знаний по предмету, а на удовлетворительную оценку (у отличников – на высокий для рейтинга балл любой ценой) при сдаче материала на экзамене / зачете;
7. стремление отличиться, получить награду за участие в научно-исследовательской работе не «ради профессии / науки», а ради очередной галочки в графе «Личные достижения» с целью получения повышенной стипендии, гранта, поступления в магистратуру, возможности поучиться за границей;
8. стремление избежать дополнительных усилий (фотографирование информации с доски, экрана; просьба прислать презентации не с целью более детального разбора предложенного материала, а потому что «мне лень было писать») и объяснение неудач в изучении иностранного языка тем, что «мне это не дано» (хотя в основе плохих знаний лежат большие пробелы в грамматическом сегменте языка

(как отголосок школьного курса), элементарная лень и отсутствие мотивации);

9. экономия на приобретении учебной и дополнительной литературы, нарушение авторских прав издательств при скачивании с пиратских сайтов;

10. желание сдать материал во время проверочных работ за счет систематического списывания, подсказок друг другу.

Частично данные трудности можно устранить или митигировать с помощью интеграции в рамках учебной профессионально ориентированной деятельности, которая бывает двух видов:

- вертикальная (объединение в одном предмете знаний по тематическому принципу разных уровней сложностей, изучаемых на протяжении нескольких курсов обучения, с целью создания целостной картины о будущей профессиональной деятельности);

- горизонтальная (взаимосвязь и слияние содержания сходного материала разных разделов и областей изучаемых предметов, включая построение надпредметных связей).

Продолжая данную тему, нельзя сбрасывать со счетов во время подготовки специалиста и другие виды интеграции, например, в рамках построения его карьеры. Это интеграция также может быть:

- вертикальная (рост в должности, продвижение вверх по карьерной лестнице);

- горизонтальная (развитие профессионального мастерства в рамках своей деятельности).

Умение правильно задать вектор развития будущей карьеры – это общее дело как преподавателей вуза, так и самого студента. Выбор типа интеграции будет зависеть от личностных (психолого-физиологических) качеств индивида, а также от специализации выбранной им профессии.

Какие же основные подходы интеграции можно использовать в лингводидактике, чтобы преодолеть сложности, возникающие в профессионально ориентированном иноязычном обучении?

Во-первых, большую помощь в подготовке бакалавров могут оказать интегративные курсы, созданные на стыке нескольких отдельных дисциплин, но объединенные в один большой блок по тематическому наполнению. Например, финансовые рынки, иностранный язык, математические методы в экономике и финансовый анализ. Как правило,

такие курсы предлагаются как вариативные, т.е. в сетку часов они входят под названием «Курс по выбору».

Во-вторых, возможна интеграция по методу преподавания. Например, изучение дисциплин профессионального характера осуществляется в творческой интегративно-развивающей среде, которая свободно моделируется и подчинена развивающей парадигме образовательного процесса. В этом случае не обойтись без объединения усилий всего профессорско-преподавательского состава вуза и его администрации, поскольку должна быть создана концепция по созданию такого рода среды в вузе с обязательным соблюдением требований данной концепции (лучше – добровольным и осозанным, чем по принуждению). Деятельность, направленная на развитие интеграции, многогранна, одним из важнейших ее элементов является возможность (с помощью нетрадиционных форм и методов включения студентов в профессионально ориентированную деятельность) осуществлять проектирование, моделирование, конструирование, исследование различных аспектов будущей профессии на иностранном языке. Этот вид учебной деятельности не только носит творческий характер, но и мотивирует обучаемого на расширение границ познания во многих областях научной, профессиональной и социокультурной сфере.

В-третьих, должна осуществляться интеграция в рамках используемых в вузе технологий. Это означает создание информационно-обучающей коммуникационной среды в вузе, к которой есть непосредственный (т.е. в стенах вуза) и удаленный доступ, а также возможность бесплатного входа в глобальную сеть Интернет. Когда это условие соблюдено, у всего коллектива вуза создается ощущение причастности, единения, комплексного погружения в единое информационное пространство, которое упрощает общение и при этом интенсифицирует работу преподавателей.

В-четвертых, следует осуществлять дискурсивную лингводидактическую интеграцию в период обучения в вузе, которая подразумевает последовательность совершаемых в языке коммуникативных актов через активное диалоговое или полилоговое общение и письменные тексты, объединенные общей тематикой. В итоге дискурсивной интеграции возникает особая языковая среда с определенной лексикой, семантикой, прагматикой и т.д., на основе которой можно формировать дискурсивное сообщество.

В-пятых, необходимо обеспечение интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов вуза. Данное условие возможно реализовать за счет расширения границ образовательного пространства: использование возможностей социальной среды, времени и пространства для познания и самопознания будущей профессии и обогащения опыта самореализации в процессе самообразовательной деятельности [1, с. 10–21].

Использование данного условия в образовательном процессе позволяет эффективно осваивать социальный опыт, а именно:

- интегрировать общие, специальные и межпредметные знания;
- совершенствовать личностные и профессиональные качества обучающихся;
- развивать опыт самостоятельного проектирования собственной жизнедеятельности.

Интеграция аудиторной и внеаудиторной деятельности тем самым способствует обеспечению научной углубленности в предмет, расширению рамок получения профессиональных сведений, переходу самоорганизующейся, саморазвивающейся личности к более широкой системе социальных отношений. Этот переход носит нелинейный характер и выступает на определенном этапе воздействия социальной среды, которая определяет установки, поведение, действия студентов, но отнюдь не случайно, а посредством норм, выработанных самой личностью на основе своего позитивного опыта.

В-шестых, необходима интеграция теоретических и практических знаний, т.е. сращение вузовского образования с бизнес-процессами или профессиональной практикой. Причем, практика должна осуществляться не на старших курсах вуза, а по принципу «включенного образования», еженедельно, на протяжении минимум 2–3 лет (процент соотношения учебы и практики определяет сам вуз; в некоторых европейских университетах это 3 дня учебы и 3 дня работы на производстве, в офисе и т.д.). Исследователи данного вопроса отмечают, что «совокупность функций субъектов интегрированной системы «образование – производство» создает дополнительную положительную динамику и повышает результативность интеграционных процессов за счет компенсации сдерживающих факторов на организационно-структурном, содержательном и технологическом уровнях, что придает структурно-

функциональную устойчивость не данной интегрированной системе, а самому процессу интеграции» [2, с. 48].

Таким образом, речь идет о создании интегративной системы в линводидактике, состоящей из множества конструкторов в определенном поле культурной, научно-познавательной, профессиональной интеграции, т.е. системы средств, создающих условия приобретения студентами способов и приемов социального взаимодействия, навыков практической жизнедеятельности как значимого базиса образования будущего профессионала, представляющую собой определенную альтернативу существующей (традиционной) системе вузовской подготовки.

Список литературы

1. Минина А. А. Обучение взаимодействию культур в процессе иноязычного общения студентов I–II курсов языковых факультетов: на материале преподавания английского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. А. Минина. М., 2009.

2. Шайдуллина А. Р. Интеграция образования и производства: классификация типов интеграции / А. Р. Шайдуллина, Г. Х. Валеева // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 1. С. 45–50.

Зеленева Е.М., Жирова И.Г.

Московский государственный областной университет (Москва)

К вопросу об особенностях передачи экономической терминосистемы с английского языка на русский

Аннотация. В данной статье понятия «язык для специальных целей», «термин», «терминосистема» изучаются в пределах экономической области знания, рассматриваются способы передачи экономических терминов, а также особенности, которые необходимо учитывать при переводе терминологии с английского языка на русский.

Ключевые слова: язык для специальных целей, экономическая терминология, экономическая терминосистема, термины, перевод.

E. Zeleneva, I. Zhirova

Moscow Region State University (Moscow)

Peculiarities of translation of economic terminology from English into Russian

Abstract. The paper studies the concepts of “language for specific purposes”, “term”, and “terminology” within the economic domain of knowledge, methods of translating

economic terms and peculiarities that must be taken into account when rendering economic terminology from English into Russian.

Keywords: language for specific purposes, economic terminology, terms, translation.

В последнее время в лингвистической и методической литературе получило широкое распространение понятие «язык для специальных целей» (Language for Specific Purposes – LSP). Под LSP понимается «совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, используемых в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающих понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [1, с. 74]. Термины являются смысловым ядром языка для специальных целей, хранят специальное знание и передают основную содержательную информацию [6, с. 28].

Под терминологией часто понимают совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специальные научные и технические понятия и служащих для осуществления коммуникации в данной области, а под терминологической системой понимают упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними [3, с. 48–49]. Главный признак терминосистемы – это системность и строгая логическая взаимосвязь между элементами этой системы. Рассматриваемая экономическая область знаний обладает такой системностью понятийной базы.

Экономическая терминология является частью экономики, которая неизменно привлекает внимание исследователей. В настоящее время актуальность изучения передачи экономической терминологии заключается в том, что язык экономики позволяет человеку ориентироваться и осуществлять коммуникацию в современных условиях экономической жизни общества.

Термины являются единицами языкового и профессионального знания, обеспечивающими эффективность межкультурной коммуникации. По этой причине наибольшую практическую значимость при переводе научно-технических текстов имеет эквивалентный перевод терминологии. Однако важнейшей проблемой достижения эквивалентности перевода научно-технических текстов является передача исходного содержания текста с помощью терминосистемы переводного языка [5, с. 172].

Существует два способа перевода: перевод прямой (заимствования, калькирование, дословный перевод) и перевод косвенный (непрямой),

учитывающий расхождения лексического состава и морфосинтаксической структуры терминов разных языков.

Также необходимо помнить о существовании безэквивалентных терминов в языках. К безэквивалентной терминологии относят те лексические единицы исходного языка, для которых в переводном языке нет регулярных словарных соответствий. Чаще всего данные термины являются временно-безэквивалентными, то есть не имеют вариант перевода в другом языке из-за неравномерного научно-технического развития в разных странах, что приводит к отставанию в переводящем языке [6, с. 45].

Существует несколько способов перевода безэквивалентных терминов:

1. подбор русского термина или общеупотребительного слова с близким значением;
2. транскрибирование (слово *outsourcing, offshore*);
3. описательный (разъяснительный) перевод (позволяет достаточно точно передать значение термина, но многокомпонентное словосочетание усложняет синтаксическую структуру предложения текста языка перевода).

Рассмотрим несколько примеров передачи экономической терминологии с английского языка на русский. Для этого будут приведены несколько терминов на английском языке, расписано их значение, а также предоставлен перевод термина на русский язык.

Термин: *barter* (n). Значение термина: *exchange (goods or services) for other goods or services without using money* [7]. Перевод термина: обмен (товаров или услуг) на другие товары или услуги без использования денег.

Термин: *excise* (n). Значение термина: *a tax levied on certain goods and commodities produced or sold within a country and on licenses granted for certain activities* [7]. Перевод термина: налог на некоторые товары, производимые или реализуемые в стране, на выданных лицензиях для определенных видов деятельности.

Термин: *stagflation* (n). Значение термина: *persistent high inflation combined with high unemployment and stagnant demand in a country's economy* [7]. Перевод термина: постоянная высокая инфляция в сочетании с высоким уровнем безработицы и стагнации спроса в экономике страны.

Как мы видим, термины, приведенные выше, характеризуются наличием единственных установленных значений, что делает их перевод

однозначным. Однако экономической терминосистеме присуще такое явление, как полисемия, то есть наличие у термина двух и более значений. Это вызывает значительные трудности при передаче значения терминов с английского языка на русский, особенно учитывая тот факт, что не все понятия обладают однозначностью даже в пределах узкой специальности. Рассмотрим примеры терминов, которые обладают многовариантностью перевода.

Термин: market (n). Значение термина: 1. A regular gathering of people for the purchase and sale of provisions, livestock, and other commodities. 2. The price for which a thing is sold in a market. 3. A formally organized, sometimes monopolistic, system of trading in specified goods or effects [7]. Перевод термина: 1. Регулярное собрание людей для покупки и продажи продовольствия, скота и других товаров. 2. Цена, по которой вещь продается на рынке. 3. Формально организованная, иногда монопольная, система торговли определенных товаров или услуг.

Термин: quotation (n). Значение термина: 1. A formal statement setting out the estimated cost for a particular job or service. 2. A registration granted to a company enabling their shares to be officially listed and traded [7]. Перевод термина: 1. Официальное заявление с изложением сметной стоимости для конкретной работы или услуги. 2. Регистрация, предоставленная компанией, дающая возможность их акциям быть в официальном списке и продаваться.

Следует сказать, что экономическим терминам также характерна синонимичность. Например, понятие «доход» может в английском языке иметь следующие варианты перевода: *income, interest, earning, return, revenue, yield*. Понятие «акционер» может быть переведено как *stockholder* или *shareholder*. Термин «юридическое лицо» имеет перевод: *legal entity, corporate body*.

В заключение хотелось бы сказать, что различие терминосистем иностранного языка и языка перевода является причиной наибольших трудностей при переводе научно-технических текстов и приводит к тому, что возможность абсолютно полной и точной передачи содержания оригинала при переводе экономических текстов ограничена.

Список литературы

1. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. / И. С. Кудашев. Хельсинки, 2007. 445 с.

2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 5-е. / В. М. Лейчик. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
3. Перлова И. В. К вопросу о переводе банковско-финансовой терминосистемы 2012. // [Электронный ресурс].
4. Пушкарева И. А. Экономическая терминосистема как метаязык описания мир-системы – 2006. // [Электронный ресурс].
5. Смирнова А. Н. Проблемы перевода экономических терминов (на примере английской экономической лексики) – 2014. // [Электронный ресурс].
6. Чистова Е. В. Симметрико-ориентированный подход к переводу терминологии брендинга: англо-русско-китайские параллели: монография / Е. В. Чистова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 188 с.
7. Oxford Dictionary – русско-английский, англо-русский словарь. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/ru>.

Зябкина Е.И.

Российский университет дружбы народов (Москва)

Креолизованный текст в современном дискурсе.

Положительные и отрицательные тенденции

Аннотация. Невероятные темпы развития современного общества заставляют ученых и исследователей мыслить шире. Еще несколько десятилетий назад было совершенно невозможно представить, что границы между многими понятиями современного общества будут постепенно стираться. Сегодняшняя картина мира, а также иное восприятие информации обществом диктуют новые правила в современном дискурсе. Особенно актуальна тема креолизованных текстов, которые стали неотъемлемой частью, а также способом эффективной коммуникации. В данной статье будут рассмотрены положительные и отрицательные стороны развития креолизованных текстов.

Ключевые слова: лингвистика, семиотика, современный дискурс, креолизация, креолизованный текст, положительные тенденции, отрицательные тенденции.

E. Zyabkina

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Creolized text in modern discourse.

Positive and negative trends

Abstract. An incredible pace of the development of modern society makes scientists and researchers think through a broader lens. A few decades ago it was completely impossible to imagine that the boundaries between many concepts of the modern society would gradually fade. Today's world view as well as other perception of information by society dictates new rules in modern discourse, which makes the topic of a creolized text particularly relevant. It has become an integral part of communication as well as a means of effective communication. This paper examines positive and negative aspects of the development of creolized texts.

Keywords: linguistics, semiotics, modern discourse, creolization, creolized text, positive trends, negative trends.

В эпоху стремительного роста всемирной глобализации, развития средств массовой информации и компьютерных технологий возникла необходимость корректной подачи информации и ее правильного восприятия реципиентом. Информативность того или иного текста становится ключевым понятием и выходит на передний план в современном мире. За последние годы заметно возрос интерес к теме восприятия информации в целом и визуальной информации в частности. Именно через призму понятия «креолизация» возможно оценить и прочувствовать сегодняшнюю картину мира, так как с каждым днем становится все труднее удивлять и привлекать внимание читателей без использования каких-либо вербальных и невербальных средств языка.

Наблюдающееся в последние десятилетия значительное увеличение функционирования креолизованных текстов в языке обусловлено несколькими факторами. Одной из основополагающих причин можно считать изменение восприятия современным человеком информации в целом. В настоящее время общество воспринимает вербальные и иконические знаки как единое целое, не отделяя один компонент от другого. Однако следует отметить, что, разделив между собой выше обозначенные компоненты, восприятие, равным счетом как и произведенный на индивида эффект, может сильно отличаться. Ученые провели множество исследований на тему восприятия текстовых сообщений с точки зрения визуального и вербального контактов. Тем не менее, уровень восприятия передаваемой информации значительно возрастает, когда используются два компонента вместе, в данном случае речь идет о вербальной и иконической составляющей.

Креолизация, как феномен, получила широкое распространение и «плотно» вошла в традиционные средства массовой информации, электронные источники, а также в рекламный и политический дискурс. Современное общество потребления не имеет перед собой цели долго изучать ту или иную рекламу, статью, программу, событие и т.п., для многих важна подача, то есть чем короче и ярче посыл, тем эффективнее, а значит, эффективнее можно манипулировать сознанием общества. Иллюстрация вкупе с ярким текстом отныне стала основным элементом текстообразования. Большинство печатных и электронных изданий активно используют такого рода прием.

Мир креолизованных текстов невероятно богат и разнообразен, он затрагивает разнообразнейшие аспекты общественной, культурной, экономической и политической жизни. Креолизация – это в своем роде незаменимый инструмент для осуществления коммуникации, который помогает сосредоточить внимание реципиента на передаваемой ему информации.

В современной лингвистике понятия «креолизация» и «креолизованный текст» не имеют однозначной трактовки. Так или иначе все исследователи сходятся во мнениях, но тем не менее, общей и универсальной классификации до сих пор не существует. Данная проблема остается актуальной по сей день, соответственно научному сообществу необходимо уделить особое внимание изучению данного аспекта.

Первое научное исследование на тему креолизованных текстов было положено в работах немецких исследователей раздела семиотики (Kloepfer, 1976; Muckenhaupt, 1986; Sauerbier, 1978; Spillner, 1982 и др.).

В российской лингвистике термин «креолизованные тексты» впервые увидел свет в работе выдающихся отечественных психолингвистов Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова в 1990 году. Именно благодаря данным исследователям, российская наука обязана появлению такого основополагающего понятия, как «креолизация». Основываясь на их работе, креолизованные тексты можно определить, как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)» [2, с. 180–181]. В качестве примера креолизованных текстов можно привести различные политические карикатуры, рекламные тексты, политические программки, плакаты и т.д.

Всем понятиям современного мира свойственна так называемая дихотомия. Основываясь на анализе концепта «креолизация», как и у любого другого явления в сегодняшнем мире, можно выделить как положительные тенденции в развитии, так и отрицательные.

Рассмотрим положительные черты понятия «креолизация». Главная задача автора состоит в том, чтобы донести сообщение в полном объеме до реципиента, соответственно задача реципиента в свою очередь состоит в том, чтобы максимально освоить и понять полученную информацию. В данном случае креолизованные тексты, в состав которых входит вербальная и иконическая часть, могут наиболее эффективно помочь осуществить своеобразный акт коммуникации между читателем и автором.

Именно за счет сочетания двух компонентов возможно достигнуть целостности и связности текста, что также соответствует вышеупомянутым задачам. Однако иллюстративная часть креолизованного текста обладает отнюдь не равным содержательным компонентом как вербальная. Визуальный ряд имеет гораздо большее значение и выступает в качестве решающего «ингредиента» в креолизованном тексте.

Что касается отрицательных тенденций, можно выделить следующую, которая будоражит умы целого общества на протяжении последних нескольких лет, а именно: креолизованные тексты как средство манипуляции реципиентом. Любую мысль, средство, метод или решение можно направить в совершенно противоположное русло. В свое время знаменитый британский банкир, бизнесмен и финансист Натан Майер фон Ротшильд (1777–1836) сказал следующее: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Данная фраза стала определенным девизом целого века, согласно которому тот, кто очень внимателен и располагает ценными знаниями, может серьезно и успешно продвинуться по жизни в любой сфере общества. Правильная подача информации – вот ключ к успеху. Соответственно, за счет грамотного использования креолизованных текстов в тех или иных целях, стало возможным манипулировать мнением и мыслями адресата, как следствие целым обществом. Подобный принцип часто используется в современных СМИ, что несомненно нарушает принципы этичности профессии журналиста. Любой текст с элементами креолизации и любая визуально воспринимаемая информация вызывает у адресата большее доверие.

Таким образом, в рамках процессов глобализации необходимость изучения концептов «креолизация» и «креолизованный текст» продиктована тем, что это не до конца изученное поле для деятельности современных лингвистов и научных сообществ. Креолизованные тексты – это сочетание вербальных и невербальных средств, которые позволяют автору полностью раскрыть свои идеи читателю, но при всем при этом могут служить средством манипуляции массового сознания. Креолизация – это движущая сила, будущеекодов.

Список литературы

1. Попова Е. С. Лингвокультурологический аспект проблемы нормы в рекламном тексте (114) // Русский язык в контексте современной культуры, - Екатеринбург, 1998.

2. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции//Оптимизация речевого воздействия, М., 1990.

3. Nöth W. (2000) Mediensemiotik. In: Handbuch der Semiotik. J. B. Metzler, Stuttgart.

Кабаева А.

Московский государственный областной университет (Москва)

**Особенности синтаксической структуры диалогической речи
английского художественного текста
(на материале романа А. Кристи «Печальный кипарис»)**

Аннотация: Статья посвящена проблеме выявления и систематизации средств языкового оформления диалогической речи. В ней рассматривается синтаксическая структура диалога, ее составляющие. Исследование проводилось на материале диалогов, отобранных из текста романа А.Кристи «Печальный кипарис». В ходе исследования проводился социологический опрос.

Ключевые слова: диалог, средство коммуникации, сферы использования, языковое оформление, синтаксическая структура, социологический опрос, художественный текст.

A. Kabaeva

Moscow Region State University (Moscow)

**Peculiarities of the syntactic structure of dialogues in English fiction
(based on the novel “Sad Cypress” by A. Christie)**

Abstract. The paper is devoted to the problem of clarification and systematization of linguistic means framing the dialogical speech. The syntactic structure of a dialogue and its components are considered. The paper analyzes the dialogues taken from the novel “Sad Cypress” by A.Christie. A sociological survey is carried out during the study.

Keywords: dialogue, means of communication, spheres of usage, linguistic framing, syntactic structure, sociological survey, fiction.

Диалог как основная, первичная форма общения представляет собой динамическую структуру, которая определяется его коммуникативной сущностью. Коммуникативная деятельность человека, являясь неперенным условием существования человеческого общества, представляет собой специфический элемент социальной действительности. Как и все явления окружающего мира, коммуникативная деятельность находит отражение в искусстве, прежде всего в художественной прозе.

Будучи естественной формой разговорной речи, диалог обладает своеобразием этой разновидности языка, для которой характерна спонтанность, непринужденность, экспрессивность. Разговорная лексика представляется более интересной, оригинальной, увлекательной, когда мы

читаем литературные произведения. Через диалоги можно понять чувства, состояния героев, отношения к тому, что они говорят.

В художественной литературе диалогическая речь используется в целях создания определенного стилистического эффекта. Являясь неотъемлемой частью создаваемой писателем картины мира, художественный диалог как форма вторичной коммуникации становится важным средством реализации эстетической функции, специфика которой обусловлена авторской индивидуальностью.

Настоящая работа посвящена изучению особенностей синтаксической структуры диалогической речи английского художественного текста.

Актуальность исследования особенностей моделирования разговорной речи в художественном тексте обусловлена:

- 1) неослабевающим интересом лингвистов к изучению коммуникативной деятельности человека;
- 2) необходимостью дальнейшего изучения диалогического потенциала любого текста.

Объектом исследования в настоящей работе является диалогическая речь персонажей в художественном произведении.

В качестве **предмета** исследования выступают специфические особенности синтаксической структуры диалогической речи английского художественного текста.

Целью настоящей работы является исследование основных характеристик синтаксической структуры высказывания в диалогической речи английского художественного текста.

Поставленная цель достигается через решение следующих **задач**:

1. изучить и проанализировать научно-методическую литературу по исследуемой проблеме;
2. дать определение диалогической речи и выявить ее характерные особенности;
3. проанализировать специфику языкового оформления диалога в художественном тексте;
4. выявить характерные особенности синтаксической структуры художественного диалога в произведении конкретного автора.

В основу исследования положена **гипотеза**: знание особенностей синтаксической структуры диалогической речи в художественном тексте

способствует достижению коммуникативной адекватности того или иного сообщения в рамках разговорного дискурса.

В процессе исследования использовались такие **методы** как: изучение и обобщение научно-методической литературы, сбор, классификация и систематизация материала.

В работе использовались научные труды Л. П. Якубинского, О. Б. Сиротининой, Л. Б. Трошевой, Э. А. Трофимовой, В. В. Бузарова и других лингвистов.

Материалом для исследования послужил текст романа Агаты Кристи «Печальный кипарис».

Диалог (от греч. «dialogos» – разговор, беседа) – форма речи, характеризующаяся сменой высказываний (реплик) двух или нескольких говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Именно диалог – форма речи, наиболее явно и непосредственно актуализирующая социальную сущность языка, его коммуникативную функцию [11, с. 44].

Опираясь на изученные материалы, мы можем выделить основные функции диалога в литературных произведениях. *Во-первых*, диалог делает текст более выразительным и разнообразным, разбавляет авторский монолог. *Во-вторых*, открывает перед читателем более полную картину действия, делает произведение естественнее и заметно упрощает восприятие сюжета читателем. *В-третьих*, мягко и ненавязчиво выражает главную мысль, так называемую мораль повести, которая в изложении от автора могла бы показаться излишне нравоучительной.

Одна из проблем при исследовании диалогической речи заключается в том, что она, как правило, не функционирует в письменной форме. Тем не менее, она достаточно широко отражается в художественной литературе, где используется в целях создания определенного стилистического эффекта. Однако подобные синтаксические структуры заранее смоделированы, в то время как устная разговорная речь является спонтанной [4, с. 32].

Диалогической речи в основном свойственна простота синтаксиса. Среди простых предложений большое число неполных, эллиптических, односоставных. Эти языковые особенности диалогической речи определяются ее тесной связью с ситуацией, что является одной из причин высокой эллиптичности разговорных высказываний. Коммуникативный акт в разговорной речи характеризуется тесным взаимодействием вербальных и невербальных компонентов. Различные паралингвистические показатели,

активно включаясь в контекст, могут заменять собственно языковые средства выражения [15, с. 44].

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы о структурно-функциональных особенностях синтаксических конструкций, типичных для диалогической речи в художественном тексте. Одной из основных особенностей является нарушение норм кодифицированного языка. Помимо этого, эллиптичность синтаксических структур является неотъемлемой чертой разговорной речи, поскольку предпочтение отдается простым конструкциям и, следовательно, эта черта устной речи находит отражение в стилизации под нее. В связи с отсутствием возможности передачи смысла невербальными средствами при письменной коммуникации, художественному тексту свойственна более высокая степень экспрессии диалога, нежели в устной речи.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей синтаксической структуры диалогической речи английского художественного текста (на материале романа А.Кристи «Печальный кипарис»).

Как показал проведенный анализ можно выявить ряд закономерностей диалогической речи этого произведения. Прежде всего, речь идет о нарушении норм кодифицированного языка, которое объясняется стремлением автора создать эффект неподготовленности речи персонажа в неформальной ситуации общения. В диалоге предпочтение отдается, как правило, простым синтаксическим конструкциям и, следовательно, эта черта устной речи находит отражение в стилизации под нее. Чаще всего в диалогической речи персонажей Агаты Кристи употребляются следующие эллиптические предложения:

с нулевым подлежащим и сказуемым (104 примера):

- 1.(He is) A very handsome man.
- 2.(I have) Not a doubt of it.

с пропущенным связующим элементом (99 примеров):

- 1.A stroke is the thing (which) I've always dreaded.
- 2.Do you believe (that) I am innocent?

с нулевым сказуемым или частью сказуемого (50 примеров):

- 1.I will (tell).
- 2.I have some useful assistants - one of them (is) a former burglar.

с опущенным дополнением (33 примера):

- 1.Pity your father speculated and lost most of his (money).
- 2.This is the first (time) I have heard of it.

с нулевым подлежащим (18 примеров):

1. (She) Made her father wild that did.
2. (He) Seldom had a civil word for you.

с опущенным инфинитивом (17 примеров):

1. I am afraid you can't (see it).
2. Who else had the reason or the wish to (do it)?

Для выражения экспрессивности диалогической речи Агата Кристи отдает предпочтение использованию прямого порядка слов в вопросительных предложениях, что является характерной особенностью речи главного героя Эркюля Пуаро.

Предложения с прямым порядком слов (116 примеров):

1. Your name is Jessie Hopkins?
2. And he is extravagant?

Агата Кристи использует в предложениях **междометия, обращения, вводные слова**, имеющие усилительную и эмоционально-экспрессивную окраску (**62 примера**):

1. Oh, damn it all, one must be honest, yes!
2. For God's sake, don't let's be anything but strictly business-like!

Для придания речи героев большей экспрессивности и убедительности автор часто прибегает к использованию оборотов, имеющих значение «разве нет?», «ведь так?», «не так ли?», «или нет?».

Предложения с оборотами, имеющими значение «разве нет» (48 примеров):

1. Yes, and you all came up to the house together, did you not?
2. It would be possible, would it not?

Для большего выражения эмоционального состояния героев автор использует прием повторения.

Повторы (34 примера):

1. That is a most improper question. Most improper.
2. It was all you - all you.

Кроме этого, экспрессивность в романе Агаты Кристи достигается с помощью:

- инверсии (26 примеров):

1. Yes, tragic his dying so soon.
2. You toil not, neither do you spin!

- эмфатических конструкций с глаголом «do» (16 примеров):

1. You do love me, don't you, Elinor?

2. I do feel now that I ought to be starting to earn my own living.

- **односоставных восклицательных предложений**, грамматическая основа которых выражена словами категории состояния (**15 примеров**):

1. Undoubtedly!

2. My sweet!

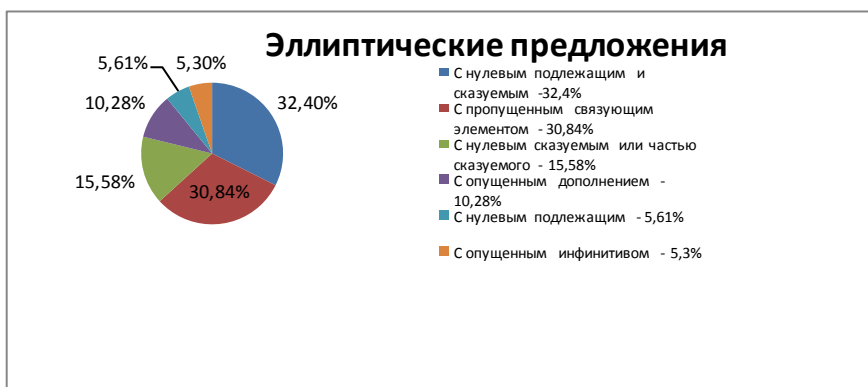
- **восклицательных предложений со словами «what» и «how» (9 примеров)**:

1. How extraordinary people are!

2. What a blessing for her!

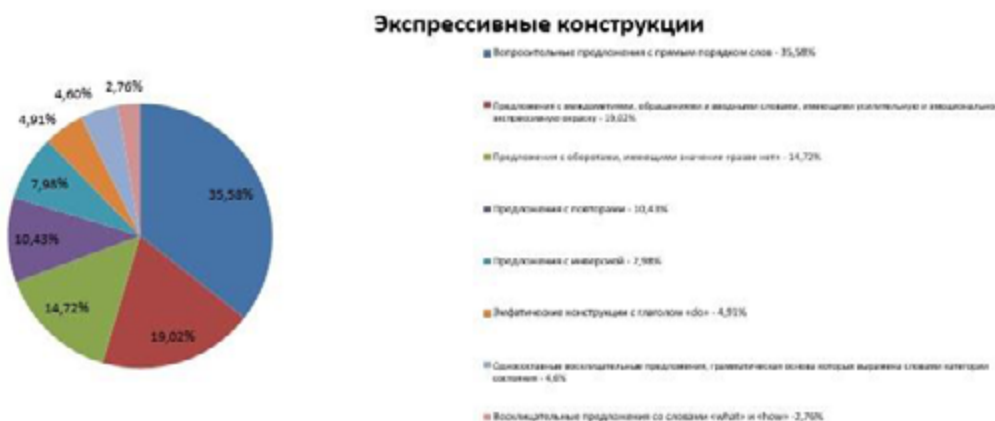
Остальные примеры эллиптических предложений и предложений с использованием экспрессивных конструкций приведены в приложении.

Статистические данные исследования показаны в диаграммах.

Первая диаграмма показывает, что наиболее употребительными из эллиптических предложений являются следующие:

1. с нулевым подлежащим и сказуемым (32,4%)
2. с пропущенным связующим элементом (30,84%)
3. с нулевым сказуемым или частью сказуемого (15,58%)
4. с опущенным дополнением (10,28%)
5. с нулевым подлежащим (5,61%)
6. с опущенным инфинитивом (5,3%).

Вторая диаграмма показывает, что наиболее употребительными из экспрессивных конструкций являются:

1. вопросительные предложения с прямым порядком слов (35,58 %)
2. предложения с междометиями, обращениями и вводными словами, имеющими усилительную и эмоционально-экспрессивную окраску (19,02 %)
3. предложения с оборотами, имеющими значение «разве нет» (14,72 %)
4. предложения с повторами (10,43 %)
5. предложения с инверсией (7,98 %)
6. эмфатические конструкции с глаголом «do» (4,91 %)
7. односоставные восклицательные предложения, грамматическая основа которых выражена словами категории состояния (4,6 %)
8. восклицательные предложения со словами «what» и «how» (2,76 %).

В заключении следует отметить, что устная речь как таковая и диалог в рамках художественного текста не являются тождественными по набору языковых характеристик. Поэтому изучение синтаксической структуры диалога в английском художественном тексте является важным аспектом для достижения коммуникативного восприятия стилизованной речи.

Наши результаты верифицировались в ходе социологического опроса.

В рамках исследовательской работы было проведено два социологических опроса. Суть их заключалась в выяснении процентного соотношения людей, которые испытывают/не испытывают трудности в понимании диалогической речи английского художественного текста и, если испытывают, то какие аспекты вызывают больше всего затруднений. В процессе участвовало 122 ученика 9–11 классов. Статистическая значимость исследования отображена в диаграммах.

Итоги первого опроса таковы, что 71,31 % опрошенных испытывают трудности в понимании диалогической речи, а 28,69 % ответили, что не имеют проблем, связанных с осознанием смысла диалога в художественном произведении. Эти данные говорят о том, что нарушение норм кодифицированного языка препятствует полному пониманию художественного текста. В ходе второго исследования нами были получены следующие результаты: 49,43 % людей затрудняются в понимании смысла предложений с нарушенным порядком слов, 32,18 % не понимают суть высказывания, в котором отсутствует какой-либо член предложения, и, наконец, у 20,69 % есть сложности в понимании реплик с вводными конструкциями. Подобные результаты наталкивают на определенные размышления и являются доказательством актуальности данной темы.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в диалогической речи художественного текста можно выявить ряд закономерностей. Так, диалог характеризуется простыми синтаксическими конструкциями и, следовательно, эта черта устной речи находит отражение в стилизации под нее. Еще одной характерной чертой диалогической речи в художественном тексте является эллиптичность синтаксических структур. Следовательно, речь идет о нарушении норм кодифицированного языка. В письменной коммуникации отсутствует возможность передачи смысла невербальными средствами, поэтому художественному диалогу свойственна более высокая степень экспрессивности. Кроме того, очевидна зависимость синтаксического оформления диалогической речи от индивидуально-авторского стиля. Наконец, одним из главных свойств художественного текста является подчиненность синтаксической структуры диалогической речи основной

функции произведения, преобладающему настроению, особенностям композиции, иными словами, подчиненность частного целому.

Изучение синтаксической структуры диалога в английском художественном тексте является важным аспектом для достижения коммуникативного восприятия стилизованной речи.

Полученные результаты исследования показывают, что поставленные задачи решены, выдвинутая гипотеза нашла подтверждение.

Список литературы

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. М.: «Высшая школа», 1984. 211 с.
2. Арутюнова Н. Д. Синтаксис// Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия.1990. 685 с.
3. Бахтин М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 122–151.
4. Бузаров В. В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. – 2-е изд., перераб., доп. М.: «Крон-Пресс», 1998. 326 с.
5. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Высшая школа», 1977. 332 с.
6. Данилевская Н. В., Трошева Т. Б. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 474–481с.
7. Christie Agatha Sad Cypress: Collins, Fontana Books, 1933. 191 p.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок.80000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю.Шведовой. 4-е изд., дополненное, стереотип. М.: Рус.яз., 2008. 944 с.
9. Рогова Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе Изд-во: Просвещение, 1991. 287 с.
10. Сиротинина О. Б. Лексика разговорной речи в системе функциональных стилей современного русского литературного языка.М.: Изд-во: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
11. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: «Просвещение», 1974. 144 с.
12. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Краткий словарь литературоведческих терминов. Пособие для учащихся средней школы. М.: «Просвещение», 1978. 223 с.

13. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского универ-та, 1981. 157 с.

14. Трошева Т. Б. Диалог. // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н.Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 44–45 с.

15. Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 207 с.

Калитвинцева А.И.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: д.филол.н., профессор, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики МГОУ Максименко О.И.*

Теория текста и дискурса в контексте автореферирования

Аннотация. Данная статья посвящена изучению роли положений теорий текста и дискурса в контексте одной из задач автоматической обработки естественного языка – автореферирования. Изложены релевантные проблематике положения текстологии и дискурсологии, дана стилистическая характеристика научно-популярного повествования, в общих чертах рассказано об автоматическом реферировании. Проведён эксперимент с применением компонента «Рефератор» сервиса Visual World. Доказана важность применения теорий текста и дискурса в процессе разработки ПО, направленного на осуществление автореферирования.

Ключевые слова: теория текста, дискурс, автореферирование, ОЕЯ, стилистика, АОР, научно-популярный стиль.

A. Kalitvintseva

Moscow Region State University (Moscow)

Textology and discourse in the context of automatic summarization

Abstract. The paper studies the role of textology and discourse in the context of automatic summarization. The relevant issues are considered, popular-science writing is stylistically described, and the automatic summarization's nature is briefly explained. An experiment is carried out using the Autosummary function of the Visual World suite. The importance of applying theories of text and discourse in the process of the automatic summarization software development is shown.

Keywords: textology, discourse, automatic summarization, NLP, stylistics, ATP, popular-science writing.

Каждый из нас большую часть своей жизни сталкивается с большим количеством информации – без преувеличения, её количество в современном мире можно назвать избыточным. Большую роль в этом сыграл Интернет: получив свободу выражения, люди обрекли себя на постоянно растущий поток различных данных. Процесс добывания

информации теперь не требует похода в библиотеку, но предполагает большое количество времени для поиска и фильтрации результатов, найденных в Интернете. Автореферирование – одно из направлений обработки естественного языка, нацеленное на оптимизацию просмотра текстовой информации. Его цель состоит в сохранении и передаче содержания первичного документа при задействовании как можно меньшего числа предложений. Так, автореферирование позволяет ознакомиться с большим количеством источников при меньших временных затратах.

В силу глобализации наиболее популярным считается автореферирование англоязычных текстов, но существует определённый интерес и к материалам на русском языке, так как этот язык широко используется на постсоветском пространстве, следовательно, на нём порождается большое количество документов. Актуальность исследований в сфере автоматической обработки текстов на русском языке также обусловлена тем, что в отличие от английского языка, он обладает более сложной морфологией и синтаксисом, что отражается на результатах работы различных аналитических систем. В данном случае процесс создания программного обеспечения более трудоёмок; здесь до сих пор остаётся много нерешённых проблем.

Автореферирование, как и многие другие направления компьютерной лингвистики, в большой степени зависит от достижений теоретической лингвистики, в частности – теории текста и дискурса. Успех в формализации их положений определяет то, насколько корректно программное обеспечение будет обрабатывать исходный текст. В процессе создания алгоритмов многое было заимствовано из теории дискурса. Например, при автореферировании большое внимание уделяется таким дискурсивно важным единицам, как заголовки текстового документа, заголовки разделов, средства когезии. Действительно хорошая система автореферирования должна уметь работать не только с графически очевидными единицами членения (абзацами), но и стараться вычленять сверхфразовые единства – зная их и применяя макроправила, существенно облегчается задача сжатия текста. В процессе создания программного решения, направленного на автореферирование, целесообразно изучить работы Ван Дейка о макроструктуре дискурса, которая иногда называется рефератом или резюме [4] [5]. Также следует обратить внимание на теорию риторических структур У. Манна и С. Томпсона [11] – в ней

освещаются такие явления, как связность текста и построение его структуры, что имеет большое значение для обработки первоначального текстового массива и генерации вторичного документа. Безусловно, в процессе автореферирования целесообразным представляется привлечение дистрибутивно-статистического анализа – позиция определённых слов, их частота, а также совместная встречаемость говорят об их семантической значимости для текста.

Что касается применяемых методов, то лингвисты, апеллируя к «языковой интуиции человека, носителя описываемого языка» [10] считают, что нет никакого смысла в максимальной формализации теоретических положений, необходимых для организации процесса автореферирования. Например, понятие сверхфразового единства имеет большое количество как семантических, так и алгоритмических интерпретаций [3], что затрудняет формализацию этого явления. Но математики, а также специалисты в области искусственного интеллекта продолжают работу над усовершенствованием алгоритмов и созданием систем, которые работали бы с текстом практически так же, как и человек.

Что касается разработки продуктов автореферирования в наши дни, здесь наблюдается тенденция к развитию глубинных методов, применяющих тезаурусы и механизмы синтаксического разбора текста [9].

Русский язык, в принципе сложный для автоматической обработки, представляет определённые трудности и для систем автореферирования.

Среди проблем, характерных для работы с русскоязычными текстами, следует отметить распознавание анафоры; включение в текст автореферата средств когезии служащих для перечисления или выделения частей высказывания, таких как вводные слова, цифры и буквы. Отдельную трудность представляет собой определение антецедента, где возможные варианты написаны на латинице, а следующее за ними союзное слово употреблено в роде и числе, подходящем как первому, так второму вариантам, из чего следует, что системе (иногда и человеку) неясно, к какому из упомянутых слов отнести придаточную часть, следовательно, важный для автореферата отрывок может быть передан некорректно или опущен.

Задача автореферирования становится более специфичной при работе с текстами различных функциональных стилей, так как каждый из них уникален как в формальном, так и в содержательном плане.

Нами было проведено исследование, предметом которого являлось нахождение особенностей автореферирования в рамках текстов научно-популярного стиля. Целью данного исследования было обоснование важности положений теорий текста и дискурса при разработке программ автореферирования.

Цель научно-популярного стиля – донести какие-либо факты, знания, результаты научной работы до человека, не владеющего знаниями, специфичными для той или иной области науки.

Содержание научно-популярной литературы то же, что и у литературы научного характера – оно представляет собой изложение какой-либо информации или определённых знаний, полученных в ходе научной деятельности. Ключевое различие между этими стилями заключается в адресате: в случае с научным стилем он обладает знаниями, необходимыми для осмысления информации в её первоначальном виде; не требуется каких-либо упрощений; используются термины, принятые в той или иной научной отрасли. Адресат научно-популярного стиля – человек, не обладающий теоретическими познаниями определённой сферы; часто он не располагает и практическими умениями. Научно-популярный текст должен быть максимально адаптированным к читателю – первоначальный документ следует упростить, дать толкование наиболее важным терминам, сократить количество числовой информации или представить её таким образом, чтобы её восприятие не вызывало затруднений у адресата.

Одна из особенностей научно-популярного стиля – особое представление терминов. При работе с системами автореферирования следует учитывать тот факт, что в рамках стиля возможно как традиционно научное введение термина в виде <родовой признак> + <видовое отличие>, так и способы, характерные для научно-популярного повествования: расшифровка термина в скобках, выражение дефиниции через образные средства («Ген, который берёт верх, называется доминантным, а который уступает – рецессивным»). Система должна быть достаточно развитой для того, чтобы распознавать термины, представленные даже в таком виде – их включение в автореферат крайне важно, так как термины являются одними из ключевых элементов научно-популярного текста.

Особый выбор языковых средств в текстах научно-популярного стиля обуславливается как его назначением, так и необходимостью быть как можно ближе к адресату в коммуникативном плане. В текстах научно-

популярного характера использование терминов и числовых данных сводится к минимуму, а если обращение к ним неизбежно, то всегда следует пояснение, так как читатель должен понять всё, что хочет сказать автор. Тем не менее, прибегая к упрощённому изложению, автор должен сохранить научное содержание материала, а также привлечь и удержать внимание читателя. Для разрешения этой задачи обращаются к средствам речевой выразительности, особенно часто употребляются такие из них, как сравнение, вопрошания (часто используются как заголовки), восклицания, перифраз, олицетворение, метафора. Это неуместно в строго научных текстах, так как влечёт за собой двусмысленность излагаемого, но подходит научно-популярному тексту – автор пересказывает теоретически сложный материал интересным и простым языком, благодаря чему целевой аудитории легко читать текст, при этом полностью понимая его содержание. Широко применяются конструкции экспрессивного синтаксиса (например, инверсия) – они помогают выполнить коммуникативную задачу текста: установить с читателем коммуникацию, близкую к диалогу. Синтаксические средства реализуются на протяжении всего текста, но чаще всего употребляются в дискурсивно важных элементах – заголовках, началах абзаца, конце текста. Таким образом, достигается связь между предметным, эмоционально-оценочным и событийным компонентами текста. Из этого следует, что научно-популярные тексты научны по своей сути, но публицистичны и художественны в исполнении. Поэтому справедливо утверждать, что научно-популярный стиль является промежуточным звеном между научным, художественным, а иногда и публицистическими стилями, так как несёт в себе черты каждого из них.

Ещё одной отличительной чертой научно-популярных текстов является высокая поликодовость – часто используются фото- и видеоматериалы, объясняющие или органично дополняющие то, о чём говорится в самом тексте. Мультимедиа файлы не только наглядно демонстрируют содержание материала, но также развлекают и удерживают внимание читателя, способствуют более глубокому погружению в рассматриваемую тему.

Для автора, работающего в научно-популярном стиле, важно подчёркивать логическую последовательность повествования, поэтому часто реализуются такие средства когезии, как вводные конструкции, союзные слова, порядковые числительные. Таким образом, читателю легче

уловить ход мыслей и понять, почему автор пришёл к тому или иному выводу.

В ходе эксперимента было выбрано несколько текстов строго научного и научно-популярного стилей. Они были примерно равны по объёму, но различались формально и содержательно. Первым этапом исследования был самостоятельный анализ выбранных документов с акцентом на текстологически и дискурсивно важные признаки. Далее тексты подвергались автореферированию компонентом «Рефератор» платформы Visual World. Полученные рефераты подвергались анализу, сопоставлению с исходным документом. Также сравнивались авторефераты текстов научного и научно-популярного стилей в целях нахождения различий, обусловленных стилевыми особенностями.

При сопоставлении полученных результатов за основание были взяты такие различительные признаки как:

1) сохранение главных фактов, изложенных в тексте, так как это является целью автореферирования;

2) логика высказывания, так как текст автореферата должен обладать той же связностью и логичностью, что и первоисточник;

3) соблюдение пунктуации – некоторые системы автореферирования опираются на пунктуационные знаки при нахождении первостепенной и второстепенной информации;

4) учёт структурной организации и тематического деления внутри текста – как было сказано выше, дискурсивные элементы текста должны учитываться при его обработке;

5) работа со средствами когезии – являясь одними из наиболее важных дискурсивных единиц, они могут использоваться для дачи определения термину, показания последовательности и т.д.

6) На примере работы компонента «Рефератор» от системы «VisualWorld» становится ясным, что данный продукт уделяет большое внимание пунктуации первичного текста. При этом знаки препинания не всегда толкуются верно, например, в алгоритме программы многоточие не зафиксировано как знак конца предложения; точка не воспринимается как знак сокращения. Полученный автореферат, представляет собой не сгенерированный текст, а выжимки из первичного документа, поэтому можно предположить, что алгоритм, заложенный в рефератор, обращает внимание на структуру текста и графически оформленное тематическое деление, но при этом он недостаточно совершенен для экстрагирования и

самостоятельной текстовой генерации контента, заложенного в сверхфразовых единствах. Есть все основания полагать, что компонент особым образом работает с ключевыми дискурсивными участками текста – заголовками подтем, первыми и последними предложениями абзаца, – информация, изложенная в этих местах, всегда входила в тексты авторефератов.

Сравнивая результаты автореферирования строго научного и научно-популярного текстов, становится очевидным, что передача информации, заложенной в первичный документ научного характера, проще, чем текста научно-популярного жанра. Это обусловлено тем, что программе заведомо легче работать с документом, заключающим в себе более структурированные факты. Успех автореферирования во многом зависит от пунктуационной структуры текста и того, как употреблены средства когезии.

В любом случае при обращении к компоненту автореферирования «VisualWorld» следует производить предварительную проверку полученного резюме и, в зависимости от результатов, либо самостоятельно вносить правки, либо обращаться к другим системам автореферирования или делать реферирование без обращения к каким-либо программным продуктам.

В заключение хотелось бы сказать, что учёт системой автореферирования таких признаков текста как тематическое деление и дискурсивно важные участки значительно сказывается на качестве конечного автореферата. Следовательно, есть смысл в обращении к теориям текста и дискурса в процессе разработки программного обеспечения. Но формализация потенциально полезных положений о сверхфразовых единствах и макроправилах представляется маловыполнимой, что, впрочем, может быть достигнуто в случае значительно прогресса в сфере нейролингвистики и нейропрограммирования.

Список литературы

1. Баташева Л. А. Варианты толкования терминов в разных типах научной речи // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутрителивая вариантность языковой системы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 42–49.

2. Большакова Е. И., Клышинский Э. С., Ландэ Д. В. и др. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика. М.: МИЭМ, 2011. 272 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
5. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. 384 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2009. 144 с.
7. Кобозева М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.
8. Маевский Н. Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Ростов-н/Д.: Ростовский гос. ун-т, 1979. 25 с.
9. Максименко О. И. Формализованная лингвистика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 190 с.
10. Сулейманов Ш. Д. Аналитический обзор отечественных и зарубежных работ обработки естественного языка в аспекте прагматически-ориентированного подхода. [Электронный ресурс] 1999. URL: <http://compling-info.narod.ru/bk004.rar> (дата обращения: 10.11.2017).
11. Mann W. C. Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization // Text. 1988. Vol. 8, № 3, pp. 243-281
12. Nenkova A., McKeown K. Automatic Summarization // New publishers inc. Boston Delft. 2011, 148 pp.
13. Sanders T., Spooren W. Communicative Intentions and Coherence Relations // Coherence in Spoken and Written Discourse: How to Create It and How to Describe It. Amsterdam; Philadelphia. 1999, pp. 235–250.

Келимбердин Р.Б.

Военный университет Министерства обороны РФ (Москва)

Экспериментальное исследование структурно-содержательных характеристик концептов, обозначенных лексемами *chiến tranh* / война

Аннотация. Автор сравнивает содержание универсального общественно-политического концепта «война» в русской и вьетнамской лингвокультурах с целью выявить расхождения в семантике исследуемых концептов. Были исследованы

структуры лексического значения слов, данные ассоциативного эксперимента. Автор осуществляет моделирование концепта «война» в русской и вьетнамской лингвокультурах, разделяя данные проведенных экспериментов по конструктам (слово, понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, коннотативное содержание (эмоция, оценка, экспрессия)), которые представляют структурные компоненты исследуемых концептов. Результаты моделирования концепта демонстрируют разницу структурно-содержательных характеристик исследуемого концептов. В частности, конструкты исследуемого концепта «война» имеют отличия в русской и вьетнамской лингвокультурах.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, свободный ассоциативный эксперимент, русский язык, вьетнамский язык, безопасность межкультурной коммуникации, война.

R. Kelimderdin

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
(Moscow)*

Experimental study of structural and content characteristics of the concepts denoted by the lexemes *chiến tranh*/war

Abstract. The content of the universal social and political concept of war is compared in Russian and Vietnamese linguistic cultures in order to reveal the divergence of semantics of the concept in question. The structure of the word's lexical meaning is described, and the data of an associative experiment and of an experiment on rating numbers are presented. The the concept is modeled by dividing the data of the experiments into constructs [a word, a concept, a notion, subjective contents, an association, and connotative contents (including emotions, evaluations and expressions)], which represent structural components of the concept under study. The results of the concept modeling demonstrate a difference between structural and essential characteristics of the concept. In particular, the constructs of the concept of war have differences in Russian and Vietnamese linguistic cultures.

Keywords: linguistic culture, concept, free associative experiment, Russian, Vietnamese, intercultural communication security, war.

В статье представлены результаты эксперимента, целью которого является сравнительная структурно-содержательная характеристика смыслового наполнения концептов «*chiến tranh*» и «война» во вьетнамской и русской лингвокультурах. К участию в эксперименте было привлечено 100 респондентов: 50 носителей русского и 50 носителей вьетнамского языка в возрасте от 18 до 30 лет с образованием от среднего до высшего.

Респондентам в ходе свободного ассоциативного эксперимента предъявлялись анкеты на русском или вьетнамском языках, включающие пятнадцать слов, из которых 5 слов-дистракторов. На лексему *chiến tranh* получено 31 различная ассоциация, на лексему *война* – 21.

Полученные ассоциации были разделены по конструктам, представляющим структурные компоненты исследуемых концептов. В современной отечественной психолингвистике в структуре интегративной модели концепта принято выделять следующие конструкты: слово, понятие, представление, предметное содержание, коннотативное содержание (эмоциональные, оценочные и экспрессивные компоненты), ассоциативный компонент. При этом понятийный компонент представляет совокупность наиболее существенных признаков предмета или явления, под представлениями понимаются субъективные чувственные образы действительности, которые зависят от индивидуальных особенностей (опыта, возраста, научной подготовки), предметное содержание отражает способ получения информации об объекте, вовлеченность предмета или явления в какой-либо вид деятельности, эмоционально-оценочный компонент выражает определенные чувства индивида и положение предмета, явления на субъективной шкале «плохой / хороший», ассоциативный компонент представляет прежде всего вербальные ассоциации, которые однозначно не интерпретируются с помощью известных культурных и лексикографических знаний. [3, с. 17–18].

Полученные ассоциации на концепт «chiến tranh» были сгруппированы по конструктам (цифра в скобках указывает на количество повторений).

Понятийное содержание: xung đột (конфликт) – (2), sự xâm lược các nước với nhau (завоевание странами друг друга).

Предметное содержание: hòa bình (мир) – (7), súng (оружие), cái chết (смерть) – (4).

Представление: cướp (ограбление), chiến đấu (сражаться с оружием в руках), quá khứ (прошлое), đau thương (горе), các nước (между странами), kinh tế (экономическая), tang thương (похороны), nghèo đói (нищета и голод), huỷ hoại (разрушительная).

Эмоция: vô nghĩa (абсурд) – (2), căm ghét (ненависть), đổ máu (кровопролитная) – (3), tàn nhẫn (жестокость) – (4).

Оценка: khắc nghiệt (суровая), tội ác của nhân loại (преступление против человечества), khốc liệt (ожесточенная) – (3).

Экспрессия: lạnh (холод), không lối thoát (спасения нет).

Ассоциация: chống Trung Quốc (против Китая), chiến tranh Việt Nam (война во Вьетнаме), chống Mỹ (против американцев), gửi nước (Отечественная) – (2), cứu nước (Освободительная), thế giới (мировая),

chống thực dân Pháp (против французских колонизаторов), không có (нет войне).

Полученные ассоциации на концепт «война» были сгруппированы по конструктам (цифра в скобках указывает на количество повторений).

Понятийное содержание: ассоциации отсутствуют.

Предметное содержание: разрушение – (3), смерть – (10), оружие – (2), мир – (7).

Представление: кровь – (5), кровавая, горе, боль – (2), разруха, дым, голод, фашист, окопы.

Эмоция: ужас, страх – (2).

Оценка: зло – (2).

Экспрессия: сражение – (2), трагедия.

Ассоциация: и мир, Великая Отечественная – (4), Гражданская.

Таким образом были условно смоделированы интегративные модели концептов «chiến tranh» (рис.1) и «война» (рис.2).

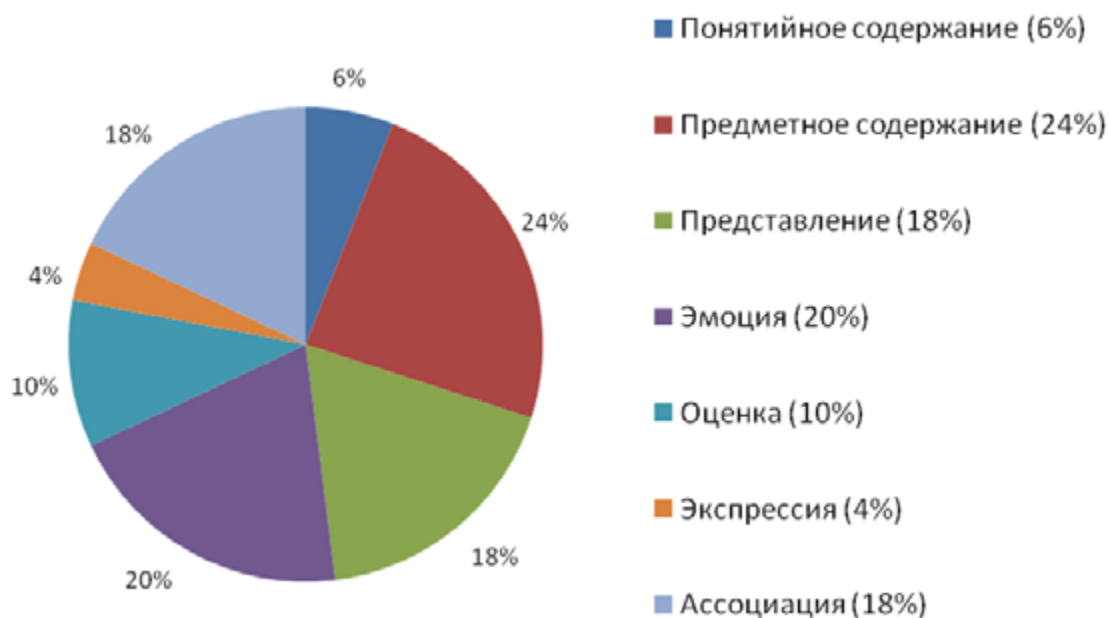

Рис.1. Интегративная модель концепта «chiến tranh»

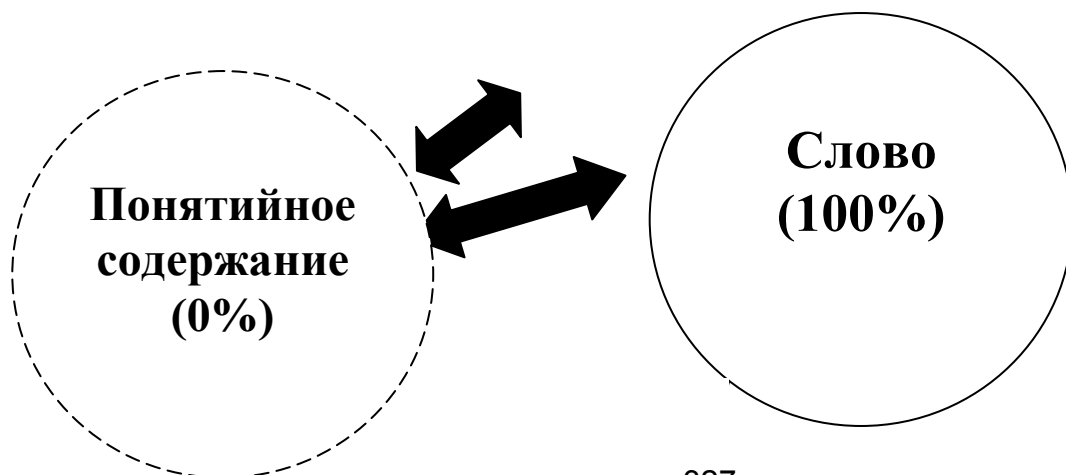

Рис.2. Интегративная модель концепта «война»

Конструкты	Концепт «chiến tranh»	Концепт «война»	Разница
Понятийное содержание	6%	0%	6%
Предметное содержание	24%	44%	20%
Представление	18%	28%	10%
Эмоция	20%	6%	14%
Оценка	10%	4%	6%
Экспрессия	4%	6%	2%
Ассоциация	18%	12%	6%

Табл.1. Сравнение доли конструктов концептов «chiến tranh» и «война»

Как видно из таблицы 1, наибольшую долю и у русских, и у вьетнамских респондентов имеет конструкт *предметное содержание* (у русских – 44%, у вьетнамских – 24%). Конструкт *представление* на 10% выше у русских респондентов, чем у вьетнамских (28% и 18%). Конструкт *эмоция* у вьетнамских на 14% выше, чем у русских респондентов (20% и 6%). Небольшая разница присутствует между конструктами *оценка*, *ассоциация* и *понятийное содержание* (у русских респондентов на 6% меньше), причем конструкт *понятийное содержание*

у русских респондентов составляет 0 %. Конструкт *экспрессия* имеет близкие значения (у русских – 6 %, у вьетнамцев – 4 %).

Для более точного понимания структуры значения концептов «*chiến tranh*» и «война» рассмотрим семантические поля лексем *chiến tranh* и *война*, смоделированные на основе данных лексикографических источников (5, 1).

Толковый словарь вьетнамского языка 2006 года под редакцией профессора Нгуен Лана дает следующую дефиницию лексемы *chiến tranh*:

«*Tình trạng xung đột vũ trang giữa hai lực lượng đối lập: Chiến tranh thế giới thứ nhất. / Состояние вооруженного конфликта между враждебными силами: Первая мировая война (перевод наш. – Р.К.)*» [5, с. 326].

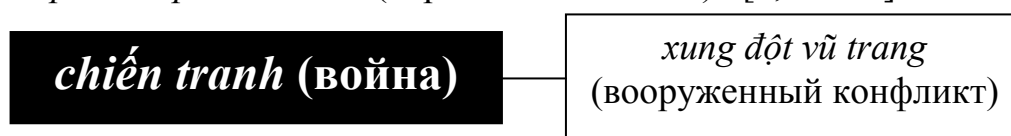

Рис. 3. Семантическое поле концепта «*chiến tranh*»

Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой дает следующие дефиниции лексемы *война*:

«1) а) Вооруженная борьба, боевые действия между племенами, народами, государствами и т.п. б) перен. Борьба, при которой используются средства экономического и идеологического воздействия.

2) перен. разг. Состояние вражды между отдельными лицами или группами.

[1]»

Рис. 4. Семантическое поле концепта «война»

Семантические поля концептов «*chiến tranh*» и «война» схожи.

На основе полученных экспериментальных данных можно сделать следующие выводы.

1. Структурные компоненты – конструкты – исследуемых концептов «война» и «*chiến tranh*» имеют отличия в количестве реакций (от полного отсутствия реакций в отдельных конструктах до превышения разницы между количеством реакций в одноименных конструктах более чем в 3 раза).

2. Наибольшее количество реакций и у вьетнамских, и у русских респондентов представлено в конструкторе «предметное содержание» (24 % и 44 %).

3. Семантические поля, составленные на основе данных лексикографических источников, концептов «chiến tranh» и «война» схожи. Но реакции, отнесенные к конструктору «понятийное содержание», у русских респондентов отсутствуют, тогда как у вьетнамских наблюдается совпадение реакций респондентов с данными лексикографических источников в лексеме xung đột (конфликт).

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ефремовой/война> (дата обращения 05.11.2017)

2. Мазырин В. М., Кобелев Е. В., Локшин Г. М. Современный Вьетнам. Справочник. М.: ИД «Форум», 2015. 368 с.

3. Пищальникова В. А., Баженова И. В. Актуальные проблемы лингвистической безопасности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 151 с.

4. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 134 с.

5. Nguyễn Lân. Từ điển từ và ngữ Việt Nam, Nhà xuất bản tổng hợp thành phố Hồ Chí Minh, 2006. 2119 tr. / Нгуен Лан. Толковый словарь вьетнамского языка. Хошимин: Университет, 2006. 2119 с.

Князьков Д.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Лингвистическая экспертиза песенных текстов

(на примере композиции «1944»)

Аннотация. В статье рассматривается проблема лингвистической экспертизы поэтического (песенного) дискурса, представляющего собой сложный мультимодальный дискурс, на примере песни «1944» победительницы «Евровидения-2016» Джамалы (Украина). Экспертиза проводится с целью выявления в тексте элементов политического дискурса, запрещенных правилами конкурса и не обнаруженных Вещательным Союзом. Проведенная лингвистическая экспертиза данного текста доказывает обратное.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, намёк, политический дискурс, песня, 1944.

**Linguistic expertise of song texts
(on the example of the song "1944")**

Abstract. The paper considers the problem of the linguistic expertise of poetic (song) discourse, which is complex multimodal discourse. The song "1944" by Jamala (Ukraine), the 2016 Eurovision song contest winner, is subjected to the linguistic expertise. The purpose is to demonstrate the elements of political discourse in the text, which are forbidden by the rules of the song contest and were not found by the Broadcasting Union. The linguistic expertise of this text proves that the situation is opposite.

Keywords: linguistic expertise, hint, political discourse, song, 1944.

Лингвистическая экспертиза как одно из новых направлений прикладной лингвистики стала активно развиваться в 1990-х гг., когда на гражданское правосудие обрушилась лавина исков, преимущественно к СМИ, о защите чести, достоинства и деловой репутации [7, с. 3]. Бесспорно, журналистская продукция, публичные выступления политиков и общественных деятелей, многочисленные интервью, а также и культурная сфера, например, тексты песен, литературные произведения, авторские постановки в театрах с 1990-х годов во многих случаях требуют тщательной аналитической работы экспертов.

Классификация лингвистических экспертиз может проводиться по различным параметрам [1, с. 11]. Формальные критерии не представляют существенного интереса с точки зрения собственно теории лингвистических экспертиз, хотя и влияют на процедуру выполнения экспертизы и способ представления результата [2, с. 13]. А. Н. Баранов разделяет лингвистические экспертизы на две большие группы по формальному признаку: официальные и инициативные. В данном исследовании используется инициативная экспертиза для анализа текста песни «1944» украинской исполнительницы Джамалы, с которой она победила на конкурсе «Евровидение» в 2016 году. Споры по поводу этой песни не утихают и в 2017 году, хотя уже прошло определенное время. Российские СМИ разными способами пытались доказать, что в данной песне присутствует политический намёк, что запрещено правилами «Евровидения». Как к моменту исполнения, так и сейчас не было представлено ни одной лингвистической экспертизы на данную композицию ни со стороны Вещательного Союза, ни со стороны российских или зарубежных СМИ, однако, тревогу подняли все.

Очевидно, что намёк относится к числу способов имплицитного речевого воздействия. В толковых словарях намёк толкуется как «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке» [5, с. 342], «слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понятна только по догадке» [8, с. 1986]. Ключевое слово в понимании феномена намёка – это догадка. Догадка предполагает, что читатель/слушающий должен сам прийти к каким-либо выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового содержания намёка [2, с. 205]. Из данного определения можно сказать, что особенность истинного намёка может заключаться в том, что необязательно понимание самого намёка, потому что его непонимание не приводит к очевидной коммуникативной неудаче, ведь текст в таком случае не потеряет осмысленность и семантическую связность. Вследствие чего формируется альтернативное семантическое пространство в письменной или звучащей речи.

Таким образом, возможно, текст песни «1944» был проработан с семантической точки зрения так, что зритель сам оставляет за собой решение – принимает ли он намёк автора или нет. Тем не менее, проведём независимую инициативную экспертизу с опорой на лингвистические данные и контекст песни «1944», автором которой является сама исполнительница – Джамала. Цель анализа песни «1944» – выявить наличие или отсутствие скрытого намёка. Композиция «1944» написана на двух языках: на английском и крымско-татарском. Песня передаёт события депортации крымских татар, боль и душевные переживания того времени.

Прежде всего, проанализируем название композиции. «1944» – название, содержащее интертекстуальную отсылку к периоду Второй мировой войны, а для советского народа, в том числе и для крымских татар, – это события Великой Отечественной войны, имевшие трагические последствия для этой народности. 11 мая 1944 года, когда был освобождён Крым, Сталин подписал Постановление Государственного комитета обороны СССР № ГОКО-5859 от 11 мая 1944 о выселении всех крымских татар с территории Крыма [6, 1944]. Необходимо напомнить, что реализацию и достоверность постановления, в нашем случае, следует рассматривать историкам. Это не входит в компетенции лингвиста при выполнении лингвистической экспертизы [3, с. 9].

Итак, название композиции «1944» уже несёт в себе политический подтекст. Благодаря лингвистической экспертизе можно выявить следующие компоненты:

1. Сопоставимо ли название композиции «1944» с текстом (куплеты, припев);
2. Содержатся ли инвективные слова, фразы или предложения в тексте песни «1944»;
3. Имеется ли наличие прямых/скрытых политических намёков в тексте песни.

Рассмотрим текст песни «1944», разбив его на смысловые фразы/предложения:

“When strangers are coming...”

“They come to your house”

Фраза построена в Present Continuous, из чего можно сделать два вывода:

1) С вопросительным словом «when» настоящее длительное время не может быть употреблено;

2) Может быть отсылкой в будущее время.

Слово “strangers” в данной фразе переводится как «незнакомцы». Если вернуться к событиям 1944 г. и к названию композиции «1944», то получается, что «strangers» (незнакомцы) – это сотрудники НКВД, которые исполняли постановление Сталина. Далее получаем перевод: «Они приходят в твой дом». В двух предложениях слова не имеют отрицательной коннотации, они нейтральны. В этих двух предложениях присутствует лексический повтор слова «come». Рассмотрим грамматическое оформление времён: 1) «Когда приходят незнакомцы (в данный момент), они приходят в твой дом (вообще, в принципе)». В данном случае невозможно употребить эту конструкцию, потому что она не соответствует правилам согласования времён в английском языке; 2) «Когда придут незнакомцы (в будущем), они приходят в твой дом (вообще, в принципе)». Здесь получаем идентичную картину согласования времён. Present Continuous можно употребить для будущего времени, если есть некий план, но в данных выражениях его мы не наблюдаем. Хотя длительное время в английском языке может быть употреблено «в середине действия, т.е. я начал делать что-то и ещё не закончил» [10, с. 2]. Получается, что незнакомцы до сих пор туда приходят.

“They kill you all and say”

“We’re not guilty, not guilty”

В предложении “They kill you all and say» есть словосочетание с негативной/отрицательной окраской и компонентом “kill you all”. Можно перевести так: «незнакомцы приходят в твой дом и убивают вас всех». Употребление Present Simple в этом предложении говорит о том, что это происходит вообще, в принципе, то есть и в настоящее время, спустя 73 года. Таким образом, здесь есть скрытый смысл, который можно определить благодаря грамматической категории времени, что эти события происходят и сегодня. Вторая фраза: «Мы не виновны, не виновны», также характеризуется наличием лексического повтора “not guilty, not guilty”. Джамала оправдывает тех «незнакомцев, которые приходят и убивают вас всех», цитируя их слова «мы не виновны, не виновны». «Незнакомцы убивают» не по собственной воле, а потому что так сказали «сверху»? В таком случае стоит обратить внимание и на личное местоимение “We” (мы).

“Where is your mind?”

“Humanity cries”

В строчке “Where is your mind?” содержится риторический вопрос, один из способов языкового манипулирования. Она призывает задуматься «незнакомцев», что они хотят сделать, но ни в коем случае «что вы сделали». Следует обратить внимание на употребление настоящего времени. “Humanity cries” содержит в себе глагол “cries” снова в настоящем времени. «Человечество плачет» сегодня, в настоящем времени. Эти примеры из первого куплета доказывают, что певица не пересказывает события прошлого времени, произошедшие с крымскими татарами в 1944 г., а акцентирует своё внимание только на настоящем событии.

“You think you are gods but everyone dies”

“Don't swallow (up) my soul, our souls”

В строке композиции “You think you are gods but everyone dies” снова присутствует настоящее время (Present Simple). Кроме того, глагол “dies” также имеет определенную отрицательную коннотацию. Певица обращает внимание слушателя на то, что «незнакомцы считают себя богами» (“You think you are gods”), заменяя слово “strangers” личным местоимением “you”. В отрывке “gods but everyone dies” имеется множество взрывных звуков: “g”, “b”, “t”, “d”, что при исполнении песни помогает певице воздействовать на слушателей с помощью аллитерации, в данном случае, этим может передаваться идея взрыва, стрельбы, т.к. повторяются

взрывные звуки. В выражении “Don't swallow up my soul, our souls” снова присутствует лексический повтор в единственном и во множественном числе “soul/souls” (душу, души). Глагол “swallow up” (поглощать) имеет ряд синонимов, таких как “kill”, “pick up”, “take away”, “end”, “wreck”, “despoil” и т.д., возможно, с помощью синонима певица завуалировала глагол «забирать». В Longman Dictionary даётся такое определение глаголу “swallow”: “if a company or country is swallowed up by a larger one, it becomes part of it and no longer exists on its own”. Стоит обратить внимание на подчёркнутые выражения в определении фразового глагола (поглощённое крупным, часть крупного и не существует как самостоятельное). Кроме того, в первом куплете Джамала избегает употребления “up”, что противоречит в данном контексте употреблению глагола “swallow”, т.к. в Longman Dictionary дефиниция первого значения данного глагола такова: “to make food or drink go down your throat and towards your stomach” (проглотить/поглощать еду или жидкость) [9, с. 1345].

Припев содержит в себе 2 одинаковые фразы на крымско-татарском языке:

«Yaşlığimatoyalmadım»

«Menbuyerdeyaşalmadım»

«Я не могла провести свою молодость там, потому что вы забрали мой мир», где всё-таки появляется слово «забрать», но в первом куплете, как было сказано выше, певица употребляет ошибочно глагол “swallow”, а втором куплете фразовый глагол “swallow up”, тем самым меняя смысл. Также Джамала впервые в припеве использует прошедшее время. Но певица, которая победила на конкурсе песни «Евровидение–16», 1983 года рождения. Единственный аргумент, который позволит понять смысл данных строк и их направленность в массы, только то, родители рассказали эту грустную для её семьи и народа историю.

“We could build a future

Where people are free”

Впервые в композиции «1944» встречается прошедшее время модального глагола “could” (могли). Здесь также есть сомнение в правильном согласовании времён. Вторая строчка, которая начинается с вопросительного слова “where”, построена в настоящем времени (Present Simple). Таким образом, получаем, что “We could build a future where people are free” (Мы могли бы построить будущее, где люди свободны).

Глагол “be” (are в настоящем времени) следовало бы заменить на “were”. В конкретном примере налицо несогласованность времён.

«to live and love
The happiest time»

Два глагола «жить» и «любить» имеют скорее положительную окраску, а употребление превосходной степени прилагательного “the happiest” (наисчастливейший) украшает фразу, призывает слушателя представить лучшую и самую счастливую жизнь для самого себя.

«Where is your heart?»
«Humanity rise»

Автор песни вновь употребляет риторический вопрос “Where is your heart?” (Где ваше сердце?). Но неясно, кому адресован риторический вопрос, поскольку в первом куплете речь идёт о «незнакомцах» во множественном числе. “Humanity rise” (Человечество встаёт, поднимается на ноги) имеет два варианта интерпретации: 1) ошибочное употребление, т.к. в глаголе “rise” нет окончания “-s” у 3-его лица единственного числа субъекта. 2) возможно, исполнитель использует повелительное наклонение, но тогда необходима запятая “Humanity, rise” (Человечество, поднимайтесь/вставайте и т.д.).

“You think you are gods
But everyone dies.
Don't swallow up my soul, our souls”

Повтор части первого куплета. “Up” отчётливо слышен в финальной версии второго куплета композиции «1944». Данный фрагмент был подробно описан выше.

Проведённый анализ текста песни «1944» позволяет ответить на вопросы, которые были поставлены перед началом лингвистической экспертизы:

1. Название песни «1944» не соотносится с текстом песни.

Наименование композиции подразумевает прошедшее время, далёкий 1944 год. В тексте песни удалось в единичных случаях встретить употребление прошедшего времени. Кроме того, автор текста использует настоящее длительное время (Present Continuous), что подразумевает скрытое содержание и смысл, а также намёк на сегодняшние события.

2. Оскорбительные слова, фразы, предложения не содержатся в тексте песни «1944».

Примечание. В ходе лингвистического анализ текста песни «1944» не выявлено никаких оскорбительных слов, фраз, предложений. Из чего следует сделать вывод, что оргкомитет «Евровидения» также не нашёл элементы из серии «запрещённых приёмов».

3. Прямые/скрытые политические намёки (отсылки) имеются в тексте песни «1944».

Примечание. К эксплицитным аспектам композиции «1944» относится название. «1944» – это песня, к названию которой применимо немало синонимов, описывающих тот период времени в истории человечества: ужасный, военный, несправедливый, заслуженный, бесчеловечный, смутный и т.д. Имплицитные аспекты выявить сложнее. Благодаря лингвистической экспертизе можно установить следующее: (пункт 1) грамматическая категория времени. В куплетах только один раз употреблён модальный глагол в прошедшем времени. В каждой строчке представлено настоящее простое время, есть и длительное, с чего начинается песня. Можно сделать вывод, что идея автора, возможно, не состояла в том, чтобы передать историю депортации крымских татар. Теперь нужно сравнить «1944» и «2014» (принятие республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации), здесь, наверное, важна конечная цифра «4».

Данное предположение может быть весьма весомым, что композиция «1944» намекает на события двадцать первого века. Очевидно, если бы песня называлась «2014», то Джамалу не допустили бы к участию в песенном конкурсе, т.к. это запрещено правилами конкурса, поскольку конкурс музыкальный, а не политический. Однако специалисты оргкомитета не обратили внимания на употребление времён, на связь слов, выражений, предложений в тексте «1944». Предполагаем, что оргкомитет хотел, чтобы зритель и слушатель «домыслил» текст песни, вспомнил о событиях 2014 года, к тому же автором композиции является украинская исполнительница с крымско-татарскими корнями.

Таким образом, получив результаты лингвистической экспертизы, сделаем выводы:

1) название композиции «1944» не раскрывает содержание песни. «1944» – прошедший период в истории человечества. Но певица с крымско-татарскими корнями предпочитает не рассказать об этом в прошедшем времени, а наоборот, употребляет настоящее простое (Present Simple) и длительное время (Present Continuous);

2) песня не содержит практически никаких лексико-стилистических средств выразительности, кроме лексического повтора. Не выдержана рифма. Её мы встречаем 2 раза (cries/rise – dies);

3) имеются грамматические и речевые ошибки в тексте композиции «1944», неправильное согласование времён, глаголов, замечены пунктуационные ошибки.

Каждый год на «Евровидении» победившая композиция отличается яркой лексикой, лексико-стилистическими средствами, нередко философскими обобщениями. Однако, что именно принесло победу композиции «1944» на конкурсе «Евровидение-2016» – музыка или текст, который каждый слушатель в праве «принять» или «не принять» для себя, остается неясным.

Список литературы

1. Аверьянова Т. В. Судебные экспертизы. Курс общей теории. М., 2006.

2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. 5-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 529 с.

3. Бринёв К. И. Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул-Кемерово, 2009. 17 с.

4. Джамале разрешили петь [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2016/03/10/a_8116319.shtml (дата обращения: 10.03.2016)

5. Ожегов М. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

6. Постановление ГКО № 5859-сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года, Кремль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/440511.htm> (дата обращения: 29.10.2017)

7. Резник Г. М. Скловский К. И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006.

8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под редакцией А. П. Евгеньевой. М., 1986.

9. Longman Dictionary of Contemporary English. UK: Longman, 1995. 1669 p.

10. R. Murphy English Grammar in Use: A Reference and Practice Book for Intermediate Students. UK: Cambridge University Press, 2016. 380.

Ковш Е.В., Савченко Е.П., Харитоновна Е.Ю.

Московский государственный областной университет (Москва)

Лингвокультурный типаж современного преподавателя/учителя

Аннотация. В статье исследуется лингвокультурный типаж «современный преподаватель/учитель», представляющее собой культурно-языковой феномен, значимый для описания национальной языковой картины мира Великобритании и России. Описание лингвокультурных типажей открывает новые перспективы в изучении языковой личности и снимает определенные трудности в процессе межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж преподаватель/учитель, антропоцентризм, лингвокультурология, стереотип, языковая картина мира.

E. Kovsh, E. Savchenko, E. Kharitonova
Moscow State Regional University (Moscow)

Linguocultural type of a present-day teacher

Abstract. We analyze the phenomenon of linguocultural type of a present-day teacher as a unit that can enlarge the studies of the national image of the world in Russian and British linguo cultures. It also gives a new perspective in studying a linguistic personality. Linguocultural type helps both reveal national linguistic world image, its components and avoid certain difficulties in the process of international communication.

Keywords: linguocultural type of a teacher; national image of the world, level of communicative competence, linguistic relativity hypothesis.

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологии и аксиологической лингвистики. Объектом исследования является лингвокультурный типаж «учитель / преподаватель». Предметом изучения выступают характерные стереотипные представления о нем применительно к британской и русской лингвокультурам.

Лингвокультурные типажии существуют в коллективном сознании, поэтому они должны быть широко узнаваемыми и вызывать определенный ряд ассоциаций. Не менее важна и частотность воспроизведения того или иного типажии в массовом сознании. Поскольку лингвокультурный типаж хорошо известен всем представителям определенного культурно-языкового сообщества, обращение к данному лингвокультурному типажу в их речи постоянно возобновляется. При этом индивидуальные черты отходят на второй план, главную роль играют именно типизированные признаки. Лингвокультурный типаж репрезентирует определенную культуру, выполняет роль символа, знака.

Таким образом, лингвокультурный типаж обладает рядом характерных признаков. К их числу О. А. Дмитриева относит

ассоциативность, хрестоматийность, рекуррентность, знаковость, типичность и прецедентность [4].

Поскольку лингвокультурный типаж рассматривается как разновидность концепта, соответственно основные приемы анализа типизируемых личностей заимствуются из лингвоконцептологии. Прежде всего, исследователями используется анализ текстов классической и современной художественной литературы, публицистики, кинофильмов. Также релевантными являются социологические методы исследования (анкетирование и интервьюирование информантов).

Для описания внутреннего содержания исследуемого типажа выявляются его характерные признаки, отраженные в словарных дефинициях, проводится анализ биосоциальных (пол, возраст, внешность, социальный статус, этническая принадлежность и т.п.), интеллектуальных, нравственных, коммуникативных характеристик представителей типажа. При этом особое внимание уделяется описанию ценностной составляющей лингвокультурного типажа, отображенной в высказываниях с оценочным контекстом, фразеологизмах, афоризмах.

Классификации лингвокультурных типажей находятся в стадии разработки. Этим вопросом занимаются В. В. Деревянская, О. А. Дмитриева, В. И. Карасик, И. А. Мурзинова. Данные классификации строятся на разных основаниях:

- по признаку принадлежности к тому или иному социуму (этнокультурные, социокультурные);
- по признаку оценочного знака (положительные, отрицательные);
- по степени выраженности узнаваемых характеристик (яркие, неярые);
- по признаку реальности языковой личности (реальные, фикциональные);
- по ассоциативному признаку (фиксированные, дисперсные) и др.

Несмотря на то, что в последние десятилетия теория лингвокультурных типажей интенсивно разрабатывается, при этом остается немало вопросов, требующих детального изучения. Перспективным, в том числе, представляется проблема сопоставления лингвокультурных типажей в различных национальных языках и культурах.

Именно сравнительно-сопоставительные исследования в области теории лингвокультурных типажей представляются нам наиболее

значимыми и ценными, т.к. межкультурное взаимодействие, а именно полноценная двуязычная коммуникация, успешно реализуется лишь при условии достижения взаимопонимания. Естественно, экстралингвистический фактор, который, с одной стороны, может препятствовать установлению контакта между представителями национальных культур, с другой стороны, может стать тем «ключом» к расшифровке и пониманию иноязычной культуры, а описание лингвокультурных типажей, создание своеобразных словарей, содержащих основные речезыковые и культурные особенности лингвокультурных типажей будет способствовать снятию трудностей на пути установления межкультурного диалога.

Исследуемый лингвокультурный типаж, согласно типологии прецедентных феноменов, предложенной В.В. Красных, относится к типу социумно-прецедентных – известных любому среднему представителю того или иного социума и входящих в коллективное когнитивное пространство (лингвокультурный типаж данного типа относится к профессиональному социуму) [18, с. 50].

Обратимся к лексикографическим источникам с целью установления этимологических признаков изучаемого лингвокультурного образования.

В Толковом словаре С.И. Ожегова приводятся следующие значения слова – учитель: 1. (мн. ч. -я, -ей). Лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель. 2. Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (высок.) [6, с. 846].

В Толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова и Современном толковом словаре русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой, помимо двух вышеназванных, добавляется третье значение: 3. Тот, кто научил или учит чему-л., кто оказывает или оказывал влияние на развитие кого-л., чего-л.; воспитатель, наставник [9, с. 677; 11, с. 1116].

В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова приводится следующий синонимический ряд: учитель, наставник, преподаватель, воспитатель, руководитель, гувернер, ментор, репетитор, педагог; доцент, профессор; учительница, наставница, бонна, гувернантка, репетиторша, классная дама, мадам, мамзель [4].

Слово «учитель» входит в словообразовательное гнездо «учить». Наряду с номинацией «учитель» для обозначения данного ЛКТ в гнезде представлены номинации «учителюшка», «учительница», «учителька», «учительша» (1. жена учителя; 2. учительница), «учительство»

(собираетельное, в зн.: 'учителя') [10, с. 211–212]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим также номинацию «учильщикъ» и производную «учильщица» [5, с. 1119].

В английском языке, также как и в русском, есть целая группа слов-синонимов, которые описывают людей преподавательских профессий. Однако, как и любые другие английские слова, они могут быть и «ложными друзьями переводчиков», и иметь широкий спектр в переводе на русский.

Познакомимся с ними, изучим переводы и примеры.

Teacher

Всем знакомое слово - «учитель» или «преподаватель». Однако, не забывайте, есть и еще значения :

- основоположник учения;
- проповедник (в американском английском языке).

Примеры.

a teacher of English – учитель английского teacher training institute – педагогический институт the teacher and his disciples – учитель и его ученики.

Tutor

Это слово наиболее популярно в значении «репетитор», но также может нести другие смысловые нагрузки.

В британских школьных образовательных заведениях tutor используется также как «наставник», «воспитатель» и «руководитель». В английских университетах – это научный руководитель, консультант и куратор. В юридическом английском языке может переводиться как «опекун» или «попечитель»

Lecturer

Слово является производным от лексической единицы lecture, и оно называет человека, который читает лекции. Переводится как «лектор» или «докладчик».

Coach

В спортивной среде данное слово переводится как «тренер». Но у него есть другие, повторяющие слово teacher, значения. В образовательной среде в целом и в университетской в частности, слово переводится как «репетитор для подготовки к экзамену» или просто «преподаватель».

Примеры.

singing coach — учитель пения

football coach – тренер по футболу

Instructor

Это интересное слово похоже по звучанию на русское, из-за сходной этимологии. Но оно требуется не только когда нужно сказать по-английски «инструктор по плаванию»- а swimming instructor. В академической среде оно используется в значении «преподаватель».

Примеры.

Skiing instructor – инструктор по горным лыжам

Instructor in psychology – преподаватель психологии

Pedagogue |'pedəgɒg|

Казалось бы, чего проще использовать в речи это английское слово, у нас в русском языке ведь тоже есть слово «педагог». В действительности, как всегда, все обстоит немного сложнее.

Термин pedagogue в британском английском очень часто используется с ноткой неодобрения и критицизма, и часто имеет дополнительную смысловую нагрузку «педант, схоласт, формалист».

Mentor

Значение этого слова соответствует русскому «ментор» или наставник, руководитель.

Пример.

Professor was the students' friend and mentor.

Профессор для студентов был близким другом и наставником.

Facilitator

Это слово, которое используется в политике в значении «посредник, помощник», появилось и в среде делового общения. Оно часто используется на тренингах, конференциях и работе над крупными проектами также в значении «посредник, помощник, руководитель» . Появление его многие лингвисты связывают с нежеланием лекторов, ведущих семинаров и организаторов называть себя «преподавателями или руководителями» в условиях, где зрителями или участниками проектов являются их коллеги.

Примеры.

He is an experienced facilitator and trainer with a proven ability to engage participants in a learning process at his seminars and masterclasses.

Trainer

Слово trainer в значении «преподаватель» используется на курсах, тренингах и учебных семинарах.

Educationalist

Относительно новое слово, которое переводится как деятель в области образования; педагог-методист

Educator

Данное слово стало часто заменять слово teacher, особенно в официальном английском языке.

Влияние интернета

В современном английском появилась недавно такие фразы, как online tutor, skype tutor, и zoom tutor, которые легко переводятся на русский как «онлайн преподаватель», «преподаватель по скайпу» и «преподаватель, который работает на платформе zoom». Последнее словосочетание является американским, потому что платформу zoom на уроках используют американские преподаватели английского языка.

Перейдем к характерным чертам и качествами, которыми должен обладать исследуемый лингвокультурный типаж. Существует документ, который определяет перечень профессиональных и личностных требований к учителю на территории РФ – это профессиональный стандарт педагога, вступивший в силу с 1 января 2015 года. На основе этих требований можно выделить те качества, которые хотело бы видеть в учителе государство⁶:

Требования стандарта	Потребности учащихся	Потребности родителей	Потребности педагогов
Умение предотвращать конфликты (4.2 пп. 16-17)	Строгость (100%)	Умение предотвращать конфликты (96%)	Умение предотвращать конфликты (60%)
–	Терпеливость (100%)	–	Терпеливость (100%)
Толерантность (4.3 пп. 17)	Справедливость (80%)	Толерантность (80%)	Толерантность (98%)
Знание предмета и программы обучения (4.1 п.2)	Хорошее знание предмета (90%)	Образованность (100%)	Хорошее знание предмета (100%)
Различные методы преподавания (4.1 п.4)	Интересная подача материала (100%)	Умение увлечь, заинтересовать (96%)	Умение заинтересовать (80%)
Индивидуальный подход (4.5 п.6)	–	Индивидуальный подход (96%)	Индивидуальный подход (98%)
Уметь объективно оценивать (4.1 п.6)	Объективность (80%)	Непредвзятость, справедливость (90%)	Объективность (95%)
–	Красноречие и чувство юмора (65%)	Чувство юмора (70%)	–
–	–	Любовь к своей профессии, к детям (100%)	Любовь к своей профессии, к детям (98%)
–	–	Неравнодушные (96%)	Неравнодушные (60%)

Согласно статье исследователя Патрисии Миллер, хороший учитель с точки зрения представителя британской национальной идентичности должен обладать следующими качествами: A Good Teacher Enjoys Teaching, A Good Teacher is Accountable, A Good Teacher Challenges and

⁶ Согласно соцопросу «Качества учителя: профстандарт и реальность» среди учителей и учеников, опубликованному на сайте <https://newtonew.com/opinion/real-teacher-qualities>

Inspires, A Good Teacher Can Relate, A Good Teacher Is Determined, A Good Teacher Is Organized and Resourceful⁷.

Так, можно предположить, что и учитель / преподаватель и teacher очень важно в обеих лингвокультурах, обладают набором характерных черт и необходимы для изучения с целью «расшифровки» национальной идентичности. Базовые черты, определяющие исследуемый лингвокультурный типаж, совпадают в двух лингвокультурах. Однако, к британской (западной) картине мира упор делается на качества преподавателя как творца, творящей языковой личности, в то время, как в мы в современных условиях сталкиваемся с некоторым формально-стандартизованным подходом. Последний позволяет провести исследование лингвокультурного типажа не просто как национально-культурного образования, но как социально значимого компонента всей системы отечественного образования.

Список литературы

1. Асадуллаева А. В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук: 10.02.19. Волгоград, 2011. 173 с.
2. Деревянская В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: Автореф. канд. фил. наук. – Волгоград, 2008. 15 с.
3. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
4. Дмитриева О. А., Мурзинова И. А. Теория лингвокультурных типажей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073907 (19.06.2017)
5. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия//Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
7. Коровина А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2008. 226 с.

---

⁷http://moodle.najah.edu/pluginfile.php/42766/mod_resource/content/0/characteristics%20of%20Good%20teacher.pdf

8. Лутовинова О. В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 170–174.

9. Радван В. М. Американский супермен как лингвокультурный типаж / В. М. Радван // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград, 2005. С. 155–166.

10. Савченко Е. П. Лингвокультурный типаж «секретный агент» как неотъемлемая составляющая концептосферы Я. Флеминга [Электронный ресурс] // Вестник Моск. гос. областного ун-та: электронный журнал [Сайт]. М.: Изд-во МГОУ, 2012. № 2. С. 38–43. URL: http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2012_2/stati/savchenko.pdf (зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 0421200150\0010)

11. Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук. Волгоградский государственный университет, Волгоград, 2007. - 167 с.

12. Щербаева А. А. Лингвокультурные типажи «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: Автореф. канд. фил. наук. – Красноярск, 2010. 14 с.

Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2005. 191 с.

Когалова Е.А.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

О некоторых тенденциях вокализма при обучении современному французскому произношению

Аннотация. Статья посвящена описанию произносительной нормы французского языка, а также ряда тенденций, которые проявляются в вокалической системе современного французского языка.

Ключевые слова: норма, стандарт произношения, французский язык, вокализм, тенденции.

E. Kogalova

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Certain vocalism trends in teaching the modern French language pronunciation

Abstract. The paper describes the French language pronunciation norm as well as some current trends pertaining to the modern French language vocalic system.

Keywords: norm, pronunciation standard, the French language, vocalism, trends.

Общеизвестно, что французы чувствительны к тому, как другие произносят, считают, что говорить хорошо – это, прежде всего, хорошо произносить. До середины XX века во Франции нормативной моделью произношения считалось произношение образованных слоев парижского общества (*le français parisien cultivé*) [1]. С середины 60-х годов XX века модель *le français parisien cultivé* подвергается частичной критике и постепенно перерастает в новую модель «*le français standart*», представленную произношением дикторов радио и телевидения. Социологические опросы, проведенные в это время, подтверждают разнообразие французского произношения как в фонетическом, так и в фонологическом плане, что обуславливает в начале 80-х годов XX века появление и распространение новой модели *le français standartisé*. Новый концепт нормы произношения отражает произношение на всей территории Франции в пределах ее европейских границ и включает в себя особенности произношения средних слоев населения (исключая региональные слишком специфические особенности) [1].

Повышенная миграция населения в столицу в 80-х годах XX века позволила пересмотреть традиционно сложившееся представление о произносительной норме, и многими лингвистами в качестве образца стало рекомендоваться произношение жителей центральной части Франции, в частности произношение жителей г. Тур [3].

Так или иначе во французском языке современная литературная произносительная норма едина и общеобязательна для всех носителей литературного языка. Язык рассматривается в связи с коммуникативными потребностями человека, поэтому конкретные речевые данные оцениваются не только с точки зрения их языковой значимости, но и на основании ряда других факторов (места рождения и проживания, возраста, занимаемого в обществе положения, уровня образования, принадлежности к определенному полу, ситуации общения и т.д.)

В работах французских лингвистов, касающихся нормативного произношения, указывается, что само понятие «французского стандарта» содержит в сознании носителей языка различные элементы [6], что не существует понятия «однородной» нормы [2]. Ошибочно полагать, что «французский стандарт» представляет собой единый французский язык и что все французы говорят на таком стандартном языке. В зависимости от языкового уровня самого говорящего «стандарт» может быть воспринят как правильный, возвышенный или фамильярный. С географической точки

зрения «французский без акцента» (у Ch.Rittaud-Hutinet – le français sans accent, le français normalisé) – тот французский язык, который французы признают немаркированным регионально, даже если сами не могут воспроизвести его произношение. С лингвистической точки зрения стандарт французского языка включает составляющую местонахождения говорящего (то есть определенный класс парижского общества по отношению к региональным) и составляющую уровней языка (то есть стандарт «хорошего обычая» по отношению к другим уровням). Таким образом, под «французским стандартом» понимается сложное целое, состоящее из иерархических «маркеров» (то есть уровней языка) и географических «маркеров» (то есть региональных черт) [6].

В настоящее время вокалическая система французского языка претерпевает ряд изменений, проявляются тенденции, которые следует учитывать при обучении французскому произношению.

В конце XX века спорным вопросом был вопрос о реальности существования таких оппозиций гласных во французском произношении, как [a] – [a], [ɛ] – [e] в зависимости от района Франции. Отмечалось, что четко противопоставлены произношения Севера и Юга. На Юге отсутствовала оппозиция [ɛ] – [e], на Севере ее реализации были неоднородны: она сохранялась в высших слоях общества и в официальном общении, практически не использовалась в неформальном общении и у простого городского населения.

Что касается различий, обусловленных возрастом говорящих, то отмечалось, что речь среднего поколения была наиболее разнообразна и характеризовалась значительной подвижностью фонетических средств, старшее поколение преимущественно использовало традиционные варианты, в речи младшего поколения больше прослеживались новые произносительные тенденции. Например, оппозиция [a] – [a] исчезала в пользу [a] в речи молодого поколения, но еще сохранялась у людей более пожилого возраста. Оппозиция [ɛ] – [ɛ:] в конечном закрытом слоге, сохраняемая в реализациях старшего поколения, у младшего поколения проявлялась реже и слабее (mètre – maître; tette - tête); в оппозиции [o] – [ɔ] в неконечном открытом слоге молодежь предпочитала [o] (arogée, joli, volet).

В плане социально-профессиональных различий образованные носители языка являются и основным носителем литературного, нормированного языка. В группах с более высокой речевой культурой

влияние орфографии незначительно. «Филологи» употребляют меньше явления, идущие вразрез с традиционной нормой, хотя иногда оказываются и впереди других групп в использовании какого-либо нового варианта, в чем прослеживаются две тенденции: к сохранению традиций и к дифференцированному принятию новшеств. В группе учителей, которые являются распространителями стандартной модели, четко прослеживалась оппозиция [ɛ] – [e], хотя фактор «престижа» влиял на их выбор и приводил к произношению [ɛ]. В оппозиции [a] – [ɑ] у средних классов Парижа, средней буржуазии проявлялась тенденция к реализации промежуточного тембра, близкого к [a] переднего ряда, в аристократической среде – к [ɑ] заднего ряда, эта оппозиция четко наблюдалась в позиции перед паузой.

Звуковые различия встречаются и при проведении гендерных исследований. Отмечается бóльшая нормативность женской речи (что связывается со стремлением говорить в соответствии с нормами литературного языка, оказывая влияние на подрастающее поколение). Во всех социально экономических классах и слоях общества женщины демонстрируют наибольшее число престижных форм. Наиболее информативным на сегментном уровне при сравнении мужских и женских голосов являются гласные звуки. Женщины старшего поколения в конечном положении различают оппозицию по длительности [i] – [i:], [u] – [u:]; реализуют сильное открытое [ɛ] перед [r], перед паузой, на конце высказывания. При оппозиции [ɛ] – [e] женщины оценивают [ɛ] как более утонченное, [e] как просторечное. В женской речи отмечается тенденция в вокалической системе к открытости, к реализации гласных переднего ряда, к появлению финального [ə] беглого (там, где его нет, например, bonjour- [ə]), в системе согласных – к оглушению смычных согласных [b].

Таким образом, в настоящее время в системе вокализма французского языка происходят следующие изменения. Оппозиция гласных переднего и заднего ряда [a – ɑ] проявляется все меньше и меньше в пользу гласной переднего ряда. Тем не менее различное произношение сохраняется в односложных и многосложных словах. В односложных словах [ɑ] заднего ряда реализуется чаще, особенно после [r] и перед [s, z]: bras, classe, vase. В многосложных словах доминирует [a] переднего ряда, но орфографический фактор продолжает оказывать влияние на произношение, например, наличие «â»: noirâtre [ɑ]. Все чаще встречается средний тембр [A], более близкий к [a], чем к [ɑ], что зависит от контекста, стиля, скорости произнесения [5; 7].

Оппозиция [ɛ – e] проявляется в пользу открытого звука в конечном открытом слоге, кроме -é, -er, -ez; колебания в произношении односложных слов des, les, tes, tes, ses, ces, je sais, je vais, gai происходят в пользу [ɛ]; отмечается тенденция смещения произношения таких грамматических форм как futur simple и conditionnel présent, passé simple и imparfait, где произносится открытый звук [ɛ]. В открытом неконечном слоге реализации этой оппозиции ещё более разнообразны: открытый тембр встречается в словах с «é» – téléphone, école; часто употребляется промежуточный тембр [E] – maison, paisible [7; 8].

Результаты исследований оппозиции [ɔ – o] показывают, что открытый звук встречается чаще в любых позициях (в финальном закрытом слоге, в открытых или закрытых слогах в середине слова). Однако финальная позиция все же сохраняет закрытый звук, чему способствуют такие факторы как необходимость различения омофонов (saule - sol, раите - ротте, saut – sottе); важность сохранения произношения слов, заимствованных из латинского или греческого языков, оканчивающихся на -os, -ome, -one, (arôte, zone, atote); морфологическая аналогия grosse [gro:s] < gros [gro], fausse [fo:s] < [fo]. Отмечается тенденция к открытому тембру в словах, где реализация [o] перестает быть финальной, например, tricot [tri-'ko], но tricoter [tri-ko-'te]; stylo [sti-'lo], но stylographe [sti-lo-'graf]. Исследования последних лет также показали, что в открытом слоге в середине слова реализация [ɔ] приближается к [œ] или [ə]: un moment [ɛ̃-mœ-'mã] [5; 7; 8].

Самой стабильной оппозицией на данный момент является оппозиция [œ – ø]. Произношение в закрытом финальном слоге [ø] возможно только перед согласными звуками [z], [t], [ʒ], [tr]: fameuse, neutre; произношение [œ] возможно только перед [f], [v], [r]: neuf, veuve, соеиr. В других позициях реализация открытого или закрытого тембра зависит от таких факторов как, например, вокалическая гармонизация pleureur [plœ-'rœ:r] и pleureuse [plø-'rø:z].

Оппозиция [ɛ̃ – œ̃] не представляется на современном этапе актуальной, [œ̃] встречается к речи старшего поколения, а также в некоторых фонетических стилях, например, в чтении классических стихов, в публичной ораторской речи [4], однако один и тот же говорящий может в своей речи комбинировать [ɛ̃] и [œ̃].

Реализация [ə] связана с многочисленными факторами: лингвистическими (позиция в слове, окружение, ритм), социальными, региональными, стилистическими.

Правило обязательной реализации [ə] в группе трех согласных: *appartentent, une autre fois, quelque chose* претерпевает на современном этапе также изменения: внутри слова это правило сохраняется: *librentent, pretier*, однако выпадение возможно при наличии звуков [l] и [r]: *je parl(e)rai, je port(e)rai* или если первая из согласных, предшествующих [ə] более открытая: *ferm(e)ture*.

На границе слов не всегда достаточно наличие трех согласных, чтобы сохранить [ə], так, например, ударение и ритм влияют на наличие или отсутствие этого звука. Если за словом с потенциальным [ə] следует односложное слово, то [ə] сохраняется: *une porte 'blanche*, если слово многосложное, [ə] выпадает: *une 'port(e) tanquée*.

Роль ритма важна в сложных словах: *porte-plume*, но *port(e)-cigarette*.

Выпадение [ə] возможно в словах широкого употребления, при наличии сонанты [r]: *leur p(e)tit-fils*, такая же тенденция прослеживается в произношении односложных слов грамматического характера: *je pense que vous allez réussir*, но *j'espère qu(e) vous allez réussir* [8].

Таким образом, современные тенденции в вокалической системе французского языка затрагивают ослабление различия тембральной окраски, а также многочисленные колебания в реализации оппозиций гласных звуков, что, несомненно, должно учитываться при обучении современному французскому произношению.

Список литературы

1. Borell A., Billières M. L'évolution de la norme phonétique en français contemporain // *La linguistique*. 1989/25. N 2. P.45–62.
2. Bourgain D. Des représentations sociales de la norme dans l'ordre scriptural // *Langue française*. 1990. N 85. P.82–101.
3. Guenier N., Genouvrier E., Khomsi A. Les français devant la norme. P., 1978. 140p.
4. Hansen A. B. Les changements actuels des voyelles nasales du français parisien : confusions ou changement en chaine ? // *La linguistique*. 2001/2. Vol. 37. P.33– 48.
5. Nikou Ch. Phonétique et prononciation. Université Nationale et Capodistrienne d'Athènes. Département de langue et de littérature Françaises. Section de Langue Française et de Linguistique. Révision, Athènes, 2011. 102p.

6. Rittaud-Hutinet Ch. Parlez-vous français ? Idées reçues sur La Langue française. Le Cavalier Bleu, 2011. 159p.

7. Vargas M.C. Leçons de phonétique Française. Exercices de répétition. Exercices de transcription. Manuel de prononciation pour étudiants de FLE. Nouvelle Édition, 2007. 53p.

8. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://phonetique.free.fr/>

Кокорина Ю.Г.

*Московский государственный политехнический университет
(Москва)*

Археологическое знание в словарном представлении

Аннотация. Структура и тематический набор археологических словарей на русском языке отражает уровень развития археологии. Анализ научных археологических словарей показал, что основное место в археологическом знании занимают эмпирические исследования. Словари по археологии, которые отражают систему терминов или единую теорию, ждут своего издания.

Ключевые слова: когнитивистика, терминоведение, знание, терминосистема, археология, специальные словари.

Yu. Kokorina

Moscow State Polytechnical University (Moscow)

Archaeological knowledge in dictionary representation

Abstract. The structure and thematic set of Russian archaeological dictionaries reflect the level of the development of archaeology. Analysis of scientific archaeological dictionaries shows that the main place in the archaeological knowledge is of the empirical nature. Dictionaries of archaeology which reflect the system of terms or a single theory, are awaiting publication.

Keywords: cognitive science, terminology, knowledge, terminological, archaeology, special dictionaries.

Представление знания в языке является одним из аспектов, изучаемых когнитивной лингвистикой. Специальное знание, в частности, знание археологическое, представлено в языке для специальных целей (ЯСЦ) археологии. Ядро этого языка для специальных целей составляет терминология, представленная в специальных словарях. Археологических словарей высокого научного уровня, изданных на русском языке, к сожалению, немного. Подавляющее большинство словарных продуктов, изданных в России, рассчитаны на школьников, и, в крайнем случае, на студентов. Словарная работа в археологической науке России была начата раньше, чем в мировой археологии: решение об издании «Словаря русских древностей», отражавшего бы современный уровень науки, было принято

Московским археологическим обществом в 1864 году. Однако, несмотря на публикации ряда словарных статей в периодическом издании общества «Древности» с 1864 года по 1885 год, издание завершено не было, и к словарной работе отечественные археологи вернулись почти через сто лет.

Возвращение к работе над собственной терминологией связано с выходом в свет в 1990-2000-е годы сразу четырех словарных изданий [2, 3, 4, 7]. Характеризуя эти словари, используем принципы, предложенные В. М. Лейчиком [5, с. 206]. Все эти словари являются по тематическому охвату – узкоотраслевыми словарями терминов. Все, кроме словаря Й. Граудониса, который представляет собой параллельный словарь, представляют собой справочники. По способу упорядочения словника алфавитным можно назвать только словарь У. Брея и Д. Трампа, остальные имеют тематический принцип организации. По функции все они в определенной степени являются словарями узуса (регистрающими, инвентаризирующими), а словарь Й. Граудониса может быть отнесен к систематизирующим. По охвату языков этот словарь является четырехязычным, как и словарь, посвященный археологии палеолита, а остальные два издания содержат в некоторых статьях переводы заглавных слов с русского на английский и французский языки. Как уже говорилось, все эти словари являются словарями узуса. Но каждый из словарей имеет разные задачи, что отразилось на специфике представления в них археологического знания.

Так, бесспорно, этапом в развитии археологической терминологии можно назвать параллельный «Словарь археологических терминов», созданный Й. Граудонисом [7]. Он построен по логико-понятийному принципу, термины сгруппированы в соответствии с названиями предметов одинакового назначения – оружие, сосуды, украшения и т.п. Каждый такой раздел содержит терминологические гнезда по алфавиту названий вещей, а внутри них даны термины, обозначающие конструктивные элементы вещи, и названия некоторых разновидностей форм этих элементов, например: сосуд – верхняя часть сосуда – оформление верхнего края – расширенная верхняя часть, профилированная верхняя часть, суженная верхняя часть; конская упряжь – шпора – дужка – зев дужки, – шип, петля. Автор не только собрал значительный материал, но и систематизировал его, разделил вещи на конструктивные элементы, поэтому его словарь представляет собой вариант терминосистемы археологического знания о древних вещах. И хотя систематизации

подверглись термины, относящиеся преимущественно к археологии средневековой Прибалтики и Руси, но в попытке представить археологическое знание системно – несомненная ценность этого словаря.

Аналогичную задачу ставили перед собой и авторы четырехязычного словаря-справочника по археологии палеолита [3]. Стремление дать терминосистему археологии палеолита продиктовало структуру словаря, который состоит из крупных тематических блоков. Разделяя на них словарь, авторы стремились охватить все проблемы, встающие перед исследователем древнейшего прошлого человечества, что обусловило такие разделы, как Полевая археология, Геолого-морфологический анализ памятников, Комплексный палеографический анализ, Каменная индустрия, Интерпретация и реконструкция, Периоды и культуры и др. Археология палеолита, как никакая другая отрасль археологии, тесно связана с геологией, палеозоологией, почвоведением и другими естественными науками, что объясняет наличие соответствующих разделов в словаре.

Каждый раздел состоит из терминологических гнезд, внутри которых лексические единицы расположены в алфавитном порядке по первой букве существительного в словосочетаниях, например горизонт маркирующий, горизонт обитания, горизонт условный, что позволяет объединить в тексте родственные понятия: разные виды стратиграфии перечислены подряд.

Каждая словарная статья состоит из терминируемого слова или словосочетания, его дефиниции, параллелей в английском, французском и немецком языках. В ряде случаев приведены термины-синонимы: бланк – фиксационная карточка, инструмент шанцевый – землекопный инструмент, смыв поверхностный – плоскостной смыв. Дефиниции даны не для всех терминов: ряд привлеченных в археологию слов, таких как шифр, штатив, этикетка, приведены только с языковыми параллелями. При описании видов растительного мира и частей животных опубликованы их латинские названия. Однако для создания единой терминосистемы необходима единая теория, которой, видимо, не существует в современном палеолитоведении, а задачи собственного выхода на теоретические обобщения авторы не делали. Видимо, применение к памятникам палеолита, когда еще только формировалось человеческое представление о вещи, достижений современных археологических теорий анализа артефактов, не разработано. Тем не менее, вторам удалось успешно преодолеть трудности, связанные с крайней неравномерностью развития

терминологического аппарата, созданного в рамках национальных школ исследования первобытности. Можно сказать, что данный словарь является наиболее удачным из современных параллельных изданий такого типа.

Обращение к теории археологического знания вызвало к жизни издание «Классификация в археологии». В условиях отсутствия в археологии единой теории путь к ней, как и во многих других науках, открывается через осмысление классификации древних находок, их комплексов, целых археологических культур. Поэтому так важно было познакомить читателя с основными идеями археологической классификации, которые были выработаны на протяжении последних 100 лет развития отечественной и зарубежной археологии.

Словарь состоит из двух частей. В первой собраны термины, обозначающие все понятия археологической классификации. Они расположены в порядке от частного к общему; в начале словаря приведены определения некоторых исходных понятий археологии, а также терминология различных классификаций. Вторая часть составлена на основе терминологического словаря Л. С. Клейна, подготовленного им для английского издания [4, с. 5]. Авторы принципиально не согласны с теоретическими положениями, лежащими в основе системы понятий, предлагаемой Л. С. Клейном, и на это они указывают в «Предисловии» к изданию. Более того, они считают, что столь подробная и жесткая система понятий в практической классификации не нужна [4, с. 6].

Словарь построен по идеографическому принципу. В ряде случаев в правой части приведена этимология того или иного термина, особенно если он имеет иноязычное происхождение (артефакт, матрица, таксономия и т.п.). Толкования терминов даны в виде цитат из разных отечественных и иностранных работ с подробными библиографическими ссылками, что повышает ценность словаря. Наиболее важные термины сопровождаются историческими справками, в которых указаны авторы терминов и приведены краткие истории исследования обозначенных ими понятий. В тексте толкования выделены слова, определяемые в данном словаре. Словарные статьи завершены эквивалентами термилируемых слов на английском, иногда – еще на французском и немецком языках.

Словарь отражает современную ситуацию в теории археологии. Например, в нем приведены 28 определений термина тип и 24 определения

термина археологическая культура, что связано со сложностью обозначаемых понятий.

Приведенный во второй части словарь Л. С. Клейна по типу заголовочного слова также является словарем терминов, по содержанию правой части представляет собой словарь-справочник, построенный по идеографическому принципу. По назначению – это систематизирующий словарь с одноязычным охватом языков, включающим преимущественно термины-неологизмы, созданные автором словаря. Словарь задумывался как содержащий единую терминосистему теоретических терминов. В правой части содержится толкование и ссылка на графические схемы и таблицы, которыми снабжен словарь, что значительно повышает его ценность для читателя. Однако предложенная автором терминология – фокус (культурный комплекс), конфедерация (культурная группа), кодекс, трафарет, концерн, архема, паттерн, пленум, касса и другие термины – заимствованы из терминологий разных областей знания, в которых имеют совсем другое значение, чем предлагаемое ученым, что затрудняет восприятие терминосистемы.

Издание словаря стало важным этапом в развитии теории науки, но поскольку авторы использовали для его построения только археологические работы, без обращения к исследованиям специалистов по классификации, в нем отразилась недостаточная теоретическая подготовка археологов. Некоторые авторские термины (например, формема) могут быть заменены на более распространенные (конструктивный элемент).

Эмпирические аспекты археологического знания представлены в переведенном с английского языка «Археологическом словаре» (авторы У. Брей и Д. Трамп, на языке оригинала опубликован в 1970 г.) [2]. В стремлении дополнить переводное издание статьями российских ученых и снабдить иллюстрациями, фотографиями и таблицами по отечественной археологии видно желание редколлегии адаптировать его к российским реалиям.

Статьи посвящены отдельным археологическим культурам (абашевской, горнокрымской, волосовской и др.), им свойственны точная датировка, краткие описания поселений и погребений, наиболее характерных типов предметов материальной культуры. В ряде случаев имеются ссылки на иллюстрации, помещенные в конце словаря.

Другие статьи посвящены наиболее выдающимся, с точки зрения авторов, памятникам – Карнак, Рессен, Чанху-даро и др., содержат

указание на их расположение и культурную принадлежность, автора раскопок и стратиграфию.

Ряд статей посвящен предметам материальной культуры, таким как гарпун, ситиула, рапира и др., в них даны дефиниция термина и краткая история вещи. Важную роль играют статьи о конструктивных элементах предметов – втулке, ребре, клинке и др. Имеются статьи о выдающихся людях древности (Салманасаре, Рамсесе, Хефрене и др.), в них приведены краткие биографические данные и связанные с указанными лицами памятники. Даны биографии знаменитых археологов – Ф. Питри, А. Эванса, Г. Чайлда и др., указаны их основные труды и отмечен вклад в археологическую науку.

В данном словаре уделено внимание древним народам – дреговичам, этрускам, хеттам и др., приведена их краткая история и основные археологические памятники. Особую ценность представляют описания археологических методов – картографического метода, радиоуглеродного метода, радиометрического анализа и др.

Ряд статей посвящен отдельным материалам и краткой истории их освоения и использования: керамика, серебро, стекло и др. Интересно выделение различных видов декора – волнистый орнамент, выемчатый орнамент, мозаика и др. Почти всем терминам подобраны эквиваленты в английском, иногда – еще и в немецком языке, что важно для читателя зарубежной научной литературы.

Таким образом, словарь У. Брея и Д. Трампа в русском переводе содержит разнообразную информацию, представленную в предельно краткой форме. Несомненную ценность составляют приложения к словарю – геологическая шкала, таблицы иллюстраций и цветные фотографии, географические карты с указанием расположения основных зарубежных археологических памятников. Словарь имеет Именной указатель и Указатель археологических культур и памятников, а также Региональный указатель, в котором памятники расположены по континентам, внутри континентов – по регионам.

Словарь в подавляющем большинстве случаев содержит информацию о зарубежной, в частности британской, археологии, хотя ряд статей посвящен памятникам и культурам на территории СССР. Не всегда ясны или не везде выдерживаются критерии отбора информации, включаемой в ту или иную словарную статью. Данное издание, как уже говорилось выше, представляет собой эмпирическую составляющую

археологического знания, и оно оказалось полезным археологам в их практической работе. Однако остро ощущается необходимость в археологическом словаре, ориентированном в основном на российские реалии, использующем современные теоретические наработки. Российские археологи всегда были связаны с мировыми достижениями своей науки, что отразилось в создании ими параллельных словарей, организованных как по алфавитному, так и по идеографическому принципам.

Одним из них является «Англо-русский – русско-английский историко-археологический словарь» [1], в состав которого вошли 8000 терминов и 10000 переводов, содержащий термины, используемые в археологии, нумизматике, этнографии, архитектуре. Словарь построен по алфавитному принципу, в конце есть несколько иллюстраций, сопровождаемых списком параллельных терминов, что очень важно для археологов – пользователей словаря. По типу заголовочного слова он является словарем терминов, двуязычным переводным словарем, по назначению – научным словарем с двуязычным охватом терминов.

Своеобразным продолжением этой работы стал «Картинный археологический словарь (англо-русский)» [6]. По типу заголовочного слова он является словарем терминов, двуязычным переводным словарем, по функциональной направленности – отраслевым, узкоспециальным.

Термины в нем расположены по логико-понятийному принципу, основное внимание уделено древним технологиям – способам раскалывания и обработки камня, керамическому производству, молочному производству, металлургии, виноделию и др. Специальные разделы посвящены вооружению древних греков и римлян, рыцарским доспехам и оружию, античной архитектуре. Своеобразие организации словаря состоит в том, что его разделы построены параллельно, при этом основные сопровождаются дополнительными. Например, раздел Палеонтология дополнен терминами, озаглавленными Хронология и система датировки, раздел Колесный транспорт и конская упряжь – разделом Археологическое исследование и т.п. Подобное расположение несколько затрудняет пользование словарем. Издание богато иллюстрировано, что повышает его ценность для читателя.

Итак, каждый из рассмотренных терминологических словарей представляет археологическое знание, все они являются словарями узуса. Но степень системности представления этого знания и уровня теоретической подготовки их авторов различна. Системный характер

представления этого знания в словаре Й. Граудониса основывается на попытках представления археологической терминологии на базе единых теоретических принципов работы с древними находками. Словарь, посвященный археологии палеолита, построен также с учетом структуры знания о данном периоде в человеческой истории. Структура археологического знания об археологической классификации, с минимальным «выходом» за рамки самой археологической науки, представлена в издании «Классификация в археологии». Эмпирическим аспектам археологического знания посвящен словарь под авторством У. Брея и Д. Трампа.

Таким образом, имеющиеся археологические словари отражают существующее состояние археологического знания, в котором основное место занимают эмпирические исследования. Это, видимо, и обусловило выбор для перевода на русский язык словаря У. Брея и Д. Трампа [2], и даже систематизированные словари Й. Граудониса [7] и коллектива Санкт-петербургских авторов [3] направлены, прежде всего, на практические нужды исследователей. Поскольку теория в археологии еще находится на стадии разработки, а путь к ней большинство авторов видит в классификационной работе, то ей посвящен словарь-справочник «Классификация в археологии» [4]. Рост теоретических разработок в археологии, видимо, повлечет с собой появление новых словарей, как отражающих терминосистему археологии, так и посвященных новым теоретическим проблемам.

Список литературы

1. Алексеева О. Е., Саввониди Н. Ф. Англо-русский – русско-английский историко-археологический словарь. 8000 слов и терминов, 10000 переводов/ О. Е. Алексеева, Н. Ф. Саввониди. СПб., [Б. и.], 1993. 111 с.
2. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А. и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.
4. Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М.: Институт археологии РАН, 1990. 156 с.

5. Лейчик В. М. Терминоведение: понятие, метод, структура/ В. М. Лейчик. 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 264 с.

6. Саввониди Н. Ф. Картинный археологический словарь (англо-русский) / Н. Ф. Саввониди. СПб.: Петербургкомстат, 1995. 64 с.

7. Graudonis J. Arheoloģijas terminu vārdnicā/ J. Graudonis. Rīga: Zinātne, 1994. 450 p.

Корепанов Б.О.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Рекламные слоганы бундесвера как средство конструирования положительного образа вооруженных сил

Аннотация. В статье на материале печатной рекламы вооруженных сил Германии анализируются лингвокультурологические особенности рекламных слоганов бундесвера как особого элемента печатной рекламы. Слоганы рассматриваются как один из инструментов, используемых для конструирования положительного образа бундесвера.

Ключевые слова: слоган, реклама, бундесвер, вооруженные силы.

B. Korepanov

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Bundeswehr advertising slogans as a means of shaping a favourable image of the armed forces

Abstract. The paper analyzes the linguocultural aspects of the Bundeswehr advertising slogans used in the print media as a means of shaping a favourable image of the German armed forces.

Keywords: slogan, advertising, the Bundeswehr, armed forces.

Цель данной статьи заключается в лингвокультурологическом анализе рекламных слоганов бундесвера, направленных на привлечение новобранцев на добровольную военную службу.

После приостановления воинской обязанности в Германии в 2011 г. (через 55 лет после ее введения) и перехода на систему комплектования вооруженных сил на добровольной основе бундесвер столкнулся с новыми для себя вызовами, связанными в первую очередь с недостатком как рядовых военнослужащих, так и высококвалифицированных специалистов офицерского состава.

В этой связи бундесвер был вынужден прибегнуть к современным рекламным технологиям для привлечения молодежи и повышения престижа военной службы и вооруженных сил в целом.

Слоганы рассматриваются нами как один из инструментов, используемых для конструирования положительного образа бундесвера.

Существует ряд определений понятия «слоган». Его первоначальное значение – «боевой клич» – образно отражает суть рекламного слогана. «Учебный словарь терминов рекламы и паблик релейшенз» И. А. Радченко толкует слоган как рекламный девиз в виде эмоционально заряженной фразы, применяемой как элемент корпоративной идентификации [7].

В толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина под слоганом понимается рекламная формула в виде афористичной, легко запоминающейся короткой фразы [2].

В «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой слоган определяется как лаконичная, ясная формулировка некой рекламной идеи [4].

Х. Кафтанджиев отмечает схожесть определений слогана и рекламного заголовка, но в то же время подчеркивает, что отличительной чертой слогана, которая не относится ни к одному из других элементов рекламы, является его способность отразить сущность, философию фирмы, её корпоративную политику в различных областях [1, с. 5]. Помимо этого, автор приводит основные характеристики слогана и относит к ним краткость, запоминаемость, содержание торговой марки, возможность полноценного перевода на другие языки.

Анализируя основные взгляды на функции и задачи, которые должен выполнять рекламный слоган, можно выделить ряд разногласий между исследователями, занимающимися этой проблематикой. Х. Кафтанджиев отмечает, что главная задача слогана заключается в отражении философии фирмы⁸, интерпретированной с точки зрения его рекламной коммуникации [1, с. 6].

Немецкий лингвист Н. Яних (N. Janich) считает основной функцией рекламного слогана способствование узнаваемости марки / бренда, что создаёт имидж этой марки. Такой эффект достигается благодаря его повторяемости в рамках рекламной кампании (в разных рекламных материалах) [12, с. 60]. Н. Яних подчеркивает, что один и тот же слоган может употребляться в разных видах рекламы (печатной, видео-, аудио- или интернет-рекламе). Помимо этого, один слоган может использоваться компанией на протяжении нескольких лет, что также способствует узнаваемости бренда. Таким образом слоган отражает содержание не

---

⁸ В случае бундесвера следует говорить не о фирме, а о социальном институте.

одного конкретного рекламного объявления, а основную суть самой компании-рекламодателя, т.е. слоган служит «визитной карточкой» компании, и благодаря своей краткой и в то же время выразительной форме позволяет адресной группе легко запомнить и в дальнейшем узнавать рекламируемый бренд. Эта функция зачастую подтверждается тем фактом, что некоторые слоганы становятся крылатыми выражениями (*Wohnst du noch oder lebst du schon? – Ikea*) [12, с. 61]. Под сомнение Н. Яних ставит ещё одну довольно часто описываемую характеристику слогана, а именно функцию привлечения внимания, что подтверждается местом слогана в структуре рекламы. Как правило, слоган занимает последнюю позицию, что, по мнению Н. Яних, контрпродуктивно для привлечения внимания.

На наш взгляд, слоган занимает важное место в структуре рекламы бундесвера, и играет важную роль в процессе конструирования положительного образа вооруженных сил Германии.

Приведем в качестве примера рекламные слоганы бундесвера, используемые в его печатных рекламных материалах 2012–2017 гг. [6]:

1. Wir. Dienen. Deutschland. (2012)
2. Mach, was wirklich zählt. (2015)

Слоган «Wir. Dienen. Deutschland.» (Мы. Служим. Германии.)⁹ фактически отражает главную задачу вооруженных сил Германии – обеспечение безопасности и обороны своей страны, т.е. суверенитета Германии и её территориальной целостности, а также защиты граждан.

Несмотря на применение стилистического приема парцелляции (способ речевого представления единой синтаксической структуры предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами), этот слоган воспринимается как целое предложение, так как отвечает всем требованиям синтаксиса немецкого языка (подлежащее, сказуемое, дополнение). Рассматривая значения данного слогана, целевая группа получает сигнал о том, что бундесвер, прежде всего, служит своей стране и существует для её блага. Тем самым достигается актуализация положительного образа вооруженных сил в целом.

Особый интерес вызывает каждый элемент слогана в отдельности. Благодаря полному обособлению (*absolute Absonderung*) [10, с. 143] подчеркивается каждый компонент слогана. В данном случае для парцелляции используется точка. Этот знак препинания по сравнению с

---

⁹ Перевод здесь и далее наш – Б.К.

двоеточием, запятой или скобками пользуется все большей популярностью при создании слоганов. Использование точки в слоганах для разделения смысловых компонентов выгодно для облегчения понимания / восприятия и выразительности самого слогана. Помимо прочего, при чтении / проговаривании слогана точка способствует понижению интонации после каждого компонента, тем самым возникают смысловые паузы, которые в свою очередь заставляют реципиента дополнительно обдумать прочтенное / услышанное [12, с. 243].

Первый компонент «Wir.» (Мы.) выступает в роли подлежащего и олицетворяет бундесвер в целом. При этом важно отметить, что в данном слогане бундесвер предстаёт не как государственный институт, а как несущие службу *люди*. Этим достигается эффект личного участия и отношения каждого военнослужащего к данному слогану, что должно производить положительное впечатление на целевую группу. Тем самым потенциальные новобранцы получают сигнал, что бундесвер – это, в первую очередь, люди, которых объединяет нечто общее, а именно служба своей стране. Продолжая логическую цепочку, можно отметить, что люди, объединенные одной идеей, всегда придут на выручку, не бросят товарища в трудную минуту, что привлекательно для молодых людей, которые стремятся стать частью дружного и сплоченного коллектива – войскового товарищества.

Компонент «Dienen.» (Служим.) выступает в роли сказуемого и описывает главный вид деятельности всех военнослужащих – несение службы. В одной из вербовочных брошюр приведен список понятий, на сохранение и укрепление которых направлена служба в вооруженных силах. Среди таких понятий: мир, конституционный строй, права человека, демократия, свобода, безопасность [5]. Все вышеперечисленные понятия имеют исключительно положительные коннотации, тем самым вызывают у реципиентов положительные эмоции и ассоциации при восприятии предиката «служить».

Компонент «Deutschland.» (Германии) выступает в качестве дополнения. При прочтении данного компонента полностью раскрывается смысл всего слогана. Становится понятным, для чего предназначены первые два компонента слогана, т. е. военная служба существует на благо процветания страны / отечества / родины / дома, а значит и всего населения Германии в целом. Понятия «родина» и «отечество» требуют

отдельного обсуждения и будут рассматриваться нами в других публикациях.

Восприятие и понимание речи – это не только когнитивный процесс. В зависимости от информации и реципиента каждое высказывание вызывает те или иные эмоции (радость, грусть, злость, страх, возмущение, счастье, сострадание и др.) [13, с. 128]. Особый интерес вызывает «Emotionsprofil» [13, с. 131] (эмоциональный потенциал) слов и текстов в целом. На основе «Аффективного словаря» (Emotionsprognose: Das affektive Lexikon München: Entwurf eines Modells zur Vorhersage der Affektivität eines Textes) (Словарь эмоционального потенциала слов) было проведено исследование об эмоциональном потенциале текста. При оценке текста важно учитывать не только потенциал отдельных слов, но и средства текстовой выразительности, а также коммуникативные стратегии как говорящего, так и слушающего [13, с. 131]. Слова, в свою очередь, являясь языковыми знаками, имеют по три функции [11, с. 144]:

1) репрезентативную, т. е. функцию представления предметов, положений дел и событий (Darstellung);

2) экспрессивную, т. е. функцию выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя (Ausdruck);

3) апеллятивную, т. е. функцию, с помощью которой отправитель обращается к реципиенту и хочет побудить его к определенным реакциям (Appell).

Ввиду того, что значения слов в ментальном лексиконе находятся не в изолированном состоянии, а в определенных взаимосвязях, образуя семантические цепочки. Наиболее важными представляются экспрессивная и апеллятивная функции, т.е. позиция и интенция рекламодателя (вооруженных сил Германии) по отношению к целевой группе (потенциальным новобранцам).

«Концепция апеллирования в рекламе идет из психологии. Рекламные объявления говорят о потребностях человека. Берем основную человеческую потребность и переводим её в мотивационную структуру. Рекламные обращения – это стратегии, которые говорят о специфических потребностях людей. Апелляция – это сообщение о потребности, которая имеет способность пробуждать врожденное или латентное желание» [1, с. 8].

Мы рассмотрим те виды апелляций, которые можно проследить в рекламных слоганах бундесвера:

- присоединение и принадлежность к определенной группе;
- апеллирование к положительным эмоциям (надежность, взаимопомощь, национальная гордость);
- почтение и уважение;
- престижность.

Зачастую, в рекламном слогане используется один вид апелляции, однако, в слогане «Wir. Dienen. Deutschland.» соединены одновременно апелляции к чувству принадлежности к определенной группе (вооруженным силам) и к эмоциям (национальная гордость). При этом в первом случае апелляция происходит через личное местоимение «wir» (мы), а апелляция к национальной гордости посредством употребления топонима Германия.

В слогане «Mach, was wirklich zählt.» (Делай то, что действительно ценно. / Выбирай в жизни то, что действительно того стоит) используется апеллирование двух видов: 1) к почтению и уважению; 2) к престижности. Здесь указывается, что военная служба – это тот вид деятельности, который приносит пользу обществу и государству, что в свою очередь должно вызывать уважение у населения, тем самым делая военную службу престижным видом трудовой деятельности. Таким образом, у целевой группы создается положительный образ военнослужащих и вооруженных сил в целом.

Морфологические характеристики данного слогана показывают следующее: повелительная форма глагола *machen* (делать) усиливает воздействие данного слогана и побуждает целевую группу к действию (вступить в ряды новобранцев и заняться действительно ценным / полезным делом). Однако, при кажущейся эффективности слоганов, напрямую побуждающих к определенному действию, их использование не всегда оправдано и содержит в себе некоторые риски. «Самый серьезный из них связан с тем, что определенные группы людей весьма настороженно относятся к коммуникации посредством побудительных предложений. Это относится, в первую очередь, к интеллигенции, которая в большинстве случаев с высшим образованием, с другой стороны, этот тип коммуникации очень подходит для людей с более низким уровнем интеллекта и образования» [Aronson]¹⁰. Здесь, стоит отметить, что несмотря на необходимость привлечения на военную службу как людей без образования, так и высококвалифицированных специалистов, данный

---

¹⁰ Цит. по: [1, с. 20 – 21]

слоган, на наш взгляд, обращен в большей степени к молодежи, окончившей школу, и стоящей перед выбором дальнейшей профессии и места работы.

Аргументация занимает центральное место в рекламных текстах: «Рекламное обращение должно иметь некий центральный тезис – рекламный аргумент, который извещает потребителя о самых важных отличительных особенностях товара и сообщает некоторые очень существенные сведения о нем» [Котлер]¹¹.

Аргументы можно классифицировать в зависимости от их расположения в рекламе [1, с. 39]:

- аргумент в заголовке – ключевой аргумент;
- аргумент в основном рекламном тексте – доказывающий аргумент;
- аргумент в эхо-фразе – обобщающий аргумент.

В случае слогана «Mach, was wirklich zählt.» можно говорить об обобщающем аргументе, т. к. аргументация расположена в эхо-фразе. Под эхо-фразой понимается последняя вербальная часть печатной рекламы. Эхо-фраза обобщает аргументацию из заголовка и основного рекламного текста. По этой причине аргумент из эхо-фразы можно определить как заключительный и обобщающий [1, с. 39]. Одним из наиболее распространенных видов эхо-фразы является использование названия рекламируемого объекта со слоганом. «Слоган очень подходит для эхо-фразы, так как по своей природе он обобщает. А обобщение является одной из важнейших характеристик заключения, а, следовательно, и эхо-фразы. Слоган очень подходит для эхо-фразы в имиджевой рекламе» [1, с. 70]. Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что использование данного слогана полностью отвечает намерению создания положительного образа бундесвера.

Наряду с классификацией аргументации по расположению в рекламе Х. Кафтанджиева интерес вызывает классификация Н. Яних. Н. Яних различает аргументацию по её содержанию (Inhaltliche Argumentationsstrategie) [12, с. 141]. Согласно этой типологии аргументация может описывать качественные характеристики:

- рекламируемого объекта (produktbezogene);
- рекламодателя (senderbezogene);
- целевой аудитории (empfängerbezogene).

---

¹¹ Цит. по: [1, с. 39]

В рекламе бундесвера как разновидности социальной рекламы в качестве рекламируемого объекта выступают не товары и услуги, как в коммерческой рекламе [10, с. 1–2], а служба в вооруженных силах. При аргументации с использованием качественных характеристик рекламируемого объекта – военной службы, в рекламе указывается, что военная служба является «действительно ценным» видом трудовой деятельности. При этом целевая группа может понимать под этим слоганом не только призыв к полезной работе, но к активной жизненной позиции в целом. В данном случае рекламодатель использует стратегию убеждения, описывая характеристики рекламируемого объекта, употребляя эмоциональные категории, которые трудно доказать опытным путем. Такой метод эмоциональной аргументации путем повышения ценности объекта рекламы, как правило, одновременно связан с аргументацией, описывающей качественные характеристики целевой аудитории [12, с. 142].

В свою очередь, рекламные аргументы, обращенные к надындивидуальным ценностям, могут варьироваться в зависимости от культуры целевой группы. Помимо этого, возможно апеллирование к альтруистичным ценностям, таким как социальная безопасность, ответственность, взаимовыручка и т.д. [12, с. 143].

При использовании эмоциональной аргументации путем повышения ценности рекламируемого объекта на первом плане, как правило, стоит потребитель, который вследствие использования данного продукта, приобретает те или иные положительные характеристики (повышение имиджа, значимости, развитие личных положительных качеств) [12, с. 145]. Таким образом, можно отметить, что при чтении слогана «Mach, was wirklich zählt.» целевая аудитория должна понимать, что, поступая на военную службу, она не только будет заниматься полезным / ценным для своей страны делом, но и получит возможность самореализации в своей будущей профессии.

Можно сказать, что используемые в рекламе бундесвера слоганы, направленные на привлечение граждан Германии к добровольному прохождению военной службы, способствуют формированию у целевой группы положительного отношения к военной службе.

Список литературы

1. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.

2. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1998. 848 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
4. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.
5. Официальный сайт бундесвера. URL: <https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/selbstverstaendnis/wdd> (дата обращения 29.07.2017)
6. Портал о рекламных слоганах URL: <https://www.slogans.de/> (дата обращения 17.08.2017).
7. Радченко И. А. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз / под ред. Е. Е. Топильской. Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007. 114 с.
8. Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. Яз. М.: Высшая школа, 1975. 316 с.
9. Романов А. С., Корниевская Т. К. Вербовочный слоган как самобытный феномен армейской субкультуры США // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-т. Вып. 2 (52). 2015. С. 228–233.
10. Томская М. В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 24 с.
11. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 336 с.
12. Janich N. Werbesprache. Ein Arbeitsbuch. 6. Auflage. Tübingen. : Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG, 2013. 324 S.
13. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen.: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG, 2007. 401 S.

Кравцев Е.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

Скайп как эффективный помощник в изучении иностранного языка

Аннотация. Статья посвящена применению коммуникационного приложения Skype в дистанционном обучении иностранному языку, что позволяет значительно ускорить и облегчить процесс совершенствования уровня знания языка благодаря прямому устному контакту с носителем языка. Рассматриваются как плюсы, так и минусы использования подобной методики, но делается вывод, что, в целом, IT-технологии такого типа улучшают качество преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: иностранный язык, метод обучения, Skype, образовательный процесс, интернет-технологии.

E. Kravtsev

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Skype as an effective assistant in the foreign language learning process

Abstract. The paper is devoted to the use of the Skype communication application in the remote foreign language learning process, which allows one to accelerate and facilitate the development of the level of language with the help of direct verbal contact with a native speaker. Advantages and disadvantages of using this technique are considered. It is found that in general, IT technologies of this type improve the quality of foreign language teaching.

Keywords: foreign language, teaching methods, Skype, educational process, Internet technology.

Иностранный язык сегодня – не только инструмент, с помощью которого можно свободно чувствовать себя за рубежом, общаться с интересными людьми в социальных сетях, не ощущая языкового барьера. Знание иностранного языка расширяет профессиональные горизонты и в целом является индикатором образованности человека.

Современный мир очень динамичен, требует от человека мобильности, высоких трудозатрат. В результате нам часто не хватает времени на хобби, на занятия любимым делом. Это ставит специалистов в области методики преподавания иностранных языков перед необходимостью решения вопросов появления новых форм образовательной деятельности, изменения образовательных технологий и сложившихся образовательных практик, соблюдая баланс традиционных ценностей с технологическим прогрессом, без которого невозможно существование современного общества. Образовательный процесс сегодня не может осуществляться без использования в обучении информационно-коммуникационных технологий.

Такие функции человеческой психики, как память и восприятие также подвергаются влиянию компьютерных средств передачи информации. Применение интернет-технологий в образовании оказывает на обучающегося педагогическое воздействие, имеющее следующие основные задачи:

- развитие определенных видов мышления – наглядно-образного, творческого, интуитивного и др.;
- формирование «пространственного» видения, умения осуществлять анализ, синтез, абстрагирование, обобщение [3, с. 136–137].

В последнее время одним из популярных способов изучения иностранного языка стало изучение через Skype - программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами, опционально используя технологии пиринговых сетей [5].

Почему Skype? Прежде всего – это значительная экономия времени, ведь язык можно изучать, не выходя из дома. Это возможность самостоятельного выбора преподавателя с учетом его стажа и квалификации из большого количества предложений на рынке дистанционных преподавательских услуг.

Кроме того, обучение посредством Skype менее затратное в финансовом плане – дистанционные уроки даже с преподавателем самого высокого уровня стоят в среднем на 30 % дешевле. Это особенно значимо для молодых людей, студентов, которые не имеют постоянных источников дохода или они минимальны.

Использование данного программного продукта не требует от педагога и обучающегося особых углубленных знаний в области компьютерных технологий, необходимо лишь средство связи (стационарный компьютер, планшет, мобильный телефон), веб-камера, микрофон, наушники и установленное на устройство само программное обеспечение.

Помимо традиционного формата «учитель-ученик» (русскоязычный или носитель изучаемого языка), в последнее время все большую популярность приобретает так называемый «тандемный метод» изучения иностранных языков, который особенно широко применяется посредством Skype-платформы.

Тандем рассматривается в качестве метода обучения, при котором носители двух различных языковых культур объединяются с целью изучения родного языка своего партнера [2, с. 125].

Метод тандемного обучения иностранным языкам методисты и лингво-психологи относят к интенсивным методам обучения, так как в отличие от традиционного образовательного процесса здесь происходит непосредственное погружение в изучаемый язык в рамках реальной коммуникации с его носителем.

Партнер в подобном тандеме выступает одновременно как в роли ученика, так и в роли преподавателя. Именно подобная двойная роль важна для достижения успеха в совместной работе.

В процессе тандемного обучения:

- обогащается словарный запас;
- улучшаются навыки аудирования;
- речь становится более раскованной и свободной;
- открываются культурные особенности страны изучаемого языка.

Преимуществом тандемного метода изучения иностранного языка является то, что применять его можно на любом этапе изучения. На начальном этапе он может сыграть ведущую роль в формировании фонетических навыков, в постановке произношения и восприятия иностранного языка на слух. На более продвинутых этапах с его помощью корректируются ошибки, формируется дискурсивная компетенция – способность построения целостных, связных и логичных высказываний разных функциональных стилей в устной и письменной речи [1, с. 186–187].

Еще одним преимуществом в изучении иностранного языка посредством Skype является то, что преподаватель и обучающийся выбирают удобный для себя график работы, в то время как при обращении в языковую компанию как минимум один из участников образовательного процесса (чаще всего потенциальный ученик) вынужден подстраиваться под временные рамки образовательной организации.

Однако при многочисленных преимуществах изучения иностранного языка посредством Skype у подобного метода существует и ряд недостатков. Основной проблемой может являться недостаточная компетентность преподавателя. Даже опытный педагог, имеющий за плечами многолетний опыт индивидуальной педагогической практики, может столкнуться со сложностями и непониманием того, как правильно организовать дистанционный процесс обучения [4, с. 160–161].

Рынок образовательных услуг переполнен предложениями обучения иностранного языка по Skype, однако зачастую потенциальный ученик не может получить объективной информации о квалификации преподавателя, поскольку процесс полностью автоматизирован, и получить реальные данные не представляется возможным. Носители языка, предлагающие подобную услугу, как правило, совершенно не имеют педагогического образования, что может не представлять проблемы на продвинутом этапе обучения, когда необходимо усовершенствовать коммуникативные навыки, но совершенно недопустимо на начальном, когда необходимо формирование первичных языковых компетенций.

Тем не менее, несмотря на перечисленные недостатки, изучение иностранного языка по Skype носит более практико-ориентированный характер по сравнению с традиционными способами обучения. Такая методика положительно влияет на мотивацию обучающегося, так как, во-первых, позволяет преодолеть рутинность обучения, во-вторых, повышает общий уровень культуры при общении с носителем языка и, в-третьих, расширяет кругозор обучающегося.

Список литературы

1. Богданова Н. В. Методика обучения иностранному языку в работе над словарным запасом в тандем-группах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 186–195

2. Напольских М. Р. Специфика и стратегии тандемного обучения // Преподаватель XXI век. Общероссийский журнал о мире образования. 2012. Т. 1, № 2. С. 125–130

3. Печинская Л. И., Степанова М. М. Использование возможностей информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку магистрантов технических направлений // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015, № 21, С. 136–140.

4. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Компетентность преподавателя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий // Язык и культура. 2014. № 1. С. 160–167.

5. Skype.com.

Красина Е.А., Лутеро Т. (Италия)

Российский университет дружбы народов (Москва)

Художественная образность в романах а. барикко и её отражение в переводе на русский язык

Аннотация. В статье образность рассматривается как разностилевая категория художественного текста через призму персонажей творчества современного итальянского писателя-постмодерниста А. Барикко в сопоставительном аспекте: язык оригинала итальянский, а переводов русский. Анализируется речевая образность через речь персонажей и их описание, как и речь автора, который воссоздает действительность в сюрреалистическом ключе. Сами персонажи получают неоднозначную оценку и отражают идейное содержание и художественные приемы авторского повествования. Основными средствами переводческими решений в целях сохранения и передачи образности оригинала являются фигуры речи, тропы и лексико-

грамматические трансформации. Семантические несоответствия в языке оригинала и языке перевода компенсируются путем мены тропа, использованием стилистически маркированных деривационных моделей и подбором функциональных эквивалентов.

Ключевые слова: образ, персонаж, речевая образность, троп, метафора, сравнение, переводческое решение, трансформация, эквивалентность.

E. Krasina, T. Lutero (Italy)

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Word imagery of A. Baricco's novels and its reflection in their Russian translations

Abstract. Imagery as a stylistic blending of literary texts is compared in the source language (Italian) and the target language (Russian) through the prism of characters in creative works by modern Italian postmodernist writer A. Baricco. Word imagery is analyzed by means of characters' description and their speech and the narrator's speech, the writer reconstructing the reality and environment in the surrealistic sense. The characters are ambiguously evaluated and reflect the ideological content and word imagery means of the writer's narrative. Main translation means to reflect and preserve word imagery of the original literary text are figures of speech, tropes and lexico-grammatical transformations. Semantic inconformity in the source language and target language are overcome by trope change, the usage of stylistically marked derivational models and choice of functional equivalents.

Keywords: image, character, word imagery, trope, metaphor, translator's choice, transformation, equivalence.

В языкознании образность принято понимать как «стилевую черту художественной речи, связанную с употреблением слов в переносном значении», как «основную черту художественной литературы, ориентированную на создание художественных образов» [7], таким образом реализуются как стилистическая, так и содержательная, семантическая функция.

Неоднозначность термина **образность** очевидна уже потому, что в теоретических исследованиях понятие образности находится в отношениях разной степени синонимии с такими понятиями, как «экспрессивность», «выразительность» и «метафоричность» [6, с. 341], которые относятся к характеристикам и к способам реализации образности и создания образа в художественном произведении. Наиболее многогранно образность раскрывается на примерах образов-персонажей.

По определению И. Ф. Волкова, образ – это «система конкретно-чувственных средств, воплощающая собой собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности» [3, с. 24]. Посредством образа автор выражает свое

восприятие, освоение и преобразование действительности. Результат процесса образного освоения действительности и является художественным содержанием. В литературном произведении художественно освоенное и представленное изображение действительности, жизни находит выражение на разных уровнях и «как целостный характер индивида, и как характерная жизнеподобная ситуация или как характерное настроение» [2, с. 20]. Подобное понимание образности широко представлено в произведениях современного итальянского писателя А. Барикко, персонажи которых часто сталкиваются с попытками освоить и переосмыслить окружающую их реальность, и, по воле автора, они предстают метафорой определенной стороны жизни.

Традиционно принято различать две разновидности образа: **литературные** и **речевые образы**. Так, под литературным образом подразумеваются конкретные образы персонажей литературных произведений, а под речевыми образами – изобразительно-выразительные средства языка, такие, как например, тропы. При этом речевая образность остается основным средством создания художественного содержания произведения в целом [4, с. 93].

Создавая образ, автор пишет портрет персонажа, изображая его внешние черты и психологию, задумывает детали его биографии, описывает его поступки, иногда даже выражает свою точку зрения, выступая в качестве всезнающего комментатора. Всё это служит цели построения индивидуальности и передачи речевой образности персонажа.

Характеризуя стилистическое разнообразие романа как литературного жанра, М. М. Бахтин приписывает роману в качестве одной из его важнейших характеристик **разноречие**, которое «материализуется в нем в образах говорящих людей, или, как диалогизующий фон, определяет особое звучание прямого романного слова» [2, с. 145]. И такое стилистическое разночтение слова в романе в первую очередь проявляется в речи персонажа, как и в речи рассказчика или автора. Согласно М. М. Бахтину, «роман нуждается в говорящих людях, приносящих свое идеологическое своеобразное слово, свой язык» [2, с. 145], а также, безусловно, в действующих персонажах. Более того, поступки и слова героя-персонажа тесно взаимосвязаны: действия раскрывают и дополняют слова [2, с. 147].

Стилистическое разнообразие в речи героев – особенно ярко выраженный признак в романах А. Барикко, что в том числе обусловлено присутствием в одном романе большого количества персонажей и объемных диалогов. Так, например, в романе «Море-океан» речь живописца Плассона характеризуется незаконченностью и абстрактностью, а его собеседник Бартльбум часто использует книжный научный стиль и употребляет сложные предложения. В обоих случаях особенности речи персонажей отражают их идентичность и поведение: Плассон постоянно теряется в своих мыслях, также как и его взгляд теряется в море, которое он пытается изображать на белом полотне бесцветными красками, а Бартльбум – профессор, работающий над созданием энциклопедии, и его речь соответствует интеллектуальному, научному складу ума: краткость, немногословность, точность и логичность.

Сущность искусства как высшей формы эстетического сознания заключается в том, что оно позволяет в особенном изображать абсолютное [5, с. 20]. Поэтому художественный образ часто реализует обобщающую функцию – описанная ситуация может раскрывать сущность человеческого состояния; характер определенного персонажа может быть воплощением общих человеческих качеств, что подтверждает антропоцентричность любого художественного текста. В качестве примера приведем роман – «театральный монолог» А. Барикко «Novecento» (в русском переводе «1900-й. Легенда о пианисте»), в основе которого – история человека, родившегося и прожившего всю свою жизнь на корабле, где он стал самым виртуозным пианистом в мире. Высокая степень образности выражена уже в названии произведения, которое соотносится с именем его главного персонажа: это *Дэнни Будмен Т. Д. Лемон Тысяча девятисотый*, и не может не вызывать у читателя ассоциации с XX веком. В оригинале полное имя персонажа, элемент которого *Novecento* и обозначает весь XX в., а 1900 – его рубеж. Действительно, автор рассказывает о XX веке, в первую очередь, об американской мечте: корабль, на котором происходит действие, перевозит пассажиров из Европы в Америку, и обратно, в том числе, эмигрантов из Европы.

Однако в персонаже *Novecento* автор в первую очередь изображает конкретные человеческие качества и специфичность отношения человека к действительности. Экстравагантный персонаж характеризуется особой наивностью и честностью в отношении к другим и к жизни в целом, а

также невероятным артистическим талантом. Данные характеристики доведены до предела, что придает персонажу – и всему произведению – признак парадоксальности. *Novecento* способен мгновенно создавать необыкновенную музыку с обаятельной легкостью, как будто клавиши были созданы только для исполнения этих нот. Он мог бы покинуть корабль и стать известнейшим и богатейшим музыкантом, но собравшись сойти с корабля, он видит перед собой огромный город, у которого нет конца. В его восприятии город предстаёт бесконечностью, как и бесконечностью предстаёт весь мир. *Novecento* не справляется с бесконечностью мира, ему нужно, чтобы были границы, и его собственный мир конечен: это борт корабля, где он родился, живёт и погибает вместе с кораблем. В этом персонаже отражены ограниченность и неуверенность человека перед безграничностью мира, его крошечность во Вселенной, его чувство поражения перед тем, что он не сможет преодолеть.

Выбор языковых средств в особенности при творческой типизации персонажей не может не опираться на авторское воображение. Как отмечают Л. В. Чернец и И. Н. Исакова, для создания художественного образа часто автор прибегает к средствам **вымысла**, в том числе к гиперболе, к гротеску, к фантастике, к аллегории, в результате чего жизнеподобие может оказаться нарушенным [8]. Даже в тех случаях, когда произведение основано на реальных событиях, автор отбирает, подчеркивает и порой гиперболизирует определенные явления для достижения художественного эффекта, в частности, для осуществления творческой типизации.

В произведениях А. Барикко случаи нарушения жизнеподобия многочисленны и носят сюрреалистический характер. В театральном монологе «1900-й. Легенда о пианисте» («*Novecento*») главный персонаж проводит всю жизнь на борту корабля. В романе «Замки гнева» («*Castelli di rabbia*») строится железная дорога без всякого назначения, а жители фантастической деревни, где происходит действие, являются живыми частями музыкального инструмента под названием «гуманофон». В романе «Море-океан» («*Oceano Mare*») среди многих своеобразных гостей таверны Альмайер у моря отдыхают девочка Элизевин и женщина Анн Деверия – первая лечится от страха жизни, а вторая – от неверности своему мужу. В этих произведениях нарушение жизнеподобия, как правило, проявляется в характере и в поведении персонажей, вплоть до абсурда.

С точки зрения литературного критика С. Джонсона, любой художник должен обладать богатым воображением, чтобы вдохновлять свою аудиторию [9, с. 212]. Одновременно исследователь подчеркивает важность умения направлять свое воображение: художник свободен лишь в рамках соблюдения рациональных и моральных принципов [9, с. 212–213]. С другой стороны, по словам поэта П. Б. Шелли, разум служит лишь инструментом воображения, которое является настоящей сущностью произведения искусства [10, с. 354]. В центре внимания поэта-романтика находятся не «моральные обязанности литератора», а его способность верно выражать свой внутренний мир – литература становится «*expression of the imagination*» – ‘выражением воображения’ [Shelley 1989: 354; перевод с английского наш. – *Е. К., Т. Л.*].

В рассматриваемых романах А. Барикко, очевидно, что именно воображение автора сыграло определяющую роль как для разработки сюжета, так и для создания образов литературных персонажей. Именно через персонажей реальность переосмысливается и изображается автором, который посредством воображения добивается построения сюрреалистической обстановки.

Лингвистический анализ фрагментов оригинала и перевода романа А. Барикко «Море-океан» характеризуется особым **стилевым разнообразием**, посредством которого достигается даже определенный ритмический эффект: чередуются лирические описания и спонтанные диалоги при отсутствии повествователя; наличествуют ряды незаконченных предложений и длинные сложные предложения с избыточным количеством знаков пунктуации; повествовательные абзацы и графически подчеркнутые внешние комментарии; высокий поэтический тон и выражения из разговорной речи. Сюжет романа создает тематические семантические поля, которые охватывают весь роман благодаря постоянному повторению и ассоциативным цепочкам, например, поля с доминантами **море, предел, болезнь и любовь**. Таким образом А. Барикко создает сюрреалистическую атмосферу, характерную для многих его произведений, в которую читатель погружается уже с первых страниц романа. Обратимся к примеру:

<i>La spiaggia. Il mare.</i>	<i>Берег. И море.</i>
<i>Potrebbe essere la perfezione –</i>	<i>Мнимое совершенство,</i>
<i>immagine per occhi divini – mondo</i>	<i>достойное Божественного ока.</i>

*che accade e basta, il muto esistere di acqua e terra, opera finita ed esatta, verità – verità – ma ancora una volta è il salvifico **granello** dell'uomo che inceppa il meccanismo di quel paradiso, un'inezia che basta da sola a sospendere tutto il grande apparato di inesorabile verità, una cosa da **nulla**, ma piantata nella sabbia, **impercettibile** strappo nella superficie di quella santa icona, **minuscola** eccezione posatasi sulla perfezione della spiaggia sterminata. A vederlo da lontano non sarebbe che un punto nero: nel **nulla**, il **niente** di un uomo e di un cavalletto da pittore.*

[Baricco 2014: 11]

*Самочинный мир, немой союз воды и земли, законченное, точное творение, истина. Истина. И снова райский механизм заедает от спасительной **песчинки** человека. Довольно самой **малости**, чтобы разладить надежное устройство неумолимой истины, - **мелочи**, зароненной в песок, **едва заметной** трещины на поверхности канонического образа, **пустячного** исключения в безукоризненной цельности необозримого берега. Издалека это всего лишь черная точка в **пустынном** пространстве – **ничтожный человек** и **простенький** мольберт.*

[Барикко 2017:65; пер. Г. Киселева]

Здесь приведены первые строки романа «Море-океан», которые представляют текст описательного характера. Описание само по себе очень простое: человек и мольберт (но: не человек с мольбертом!) стоят на пляже, и, благодаря выразительности языковых средств, описание достигает более высокого содержательного и образного уровня. Повторение и выделение курсивом некоторых ключевых слов вызывает в сознании читателя **ассоциативные цепочки**, как и употребление метафор, например: *пляж – мир, совершенство, истина; человек – песчинка, трещина, мелочь*. Контрастное использование антонимов служит созданию подтекста, в котором выражена мысль о ничтожном состоянии человека и в то же время о необходимости его проживания на этой земле.

Переводчик романа на русский язык Г. П. Киселев с помощью тщательного подбора лексических и синтаксических средств смог сохранить информативную нагрузку подтекста и ритмический эффект подлинника. Обращает на себя внимание строение тематического поля **il nulla – ничтожества** в оригинальном итальянском и переводном русском тексте. Автор романа А. Барикко формирует и развивает это значение различными способами, иногда повторяя слово *nulla*, иногда подбирая к нему синонимы *niente*, *nullità* или квазисинонимы *inezia*; иногда

выстраивая семантические ассоциации посредством употребления слов, напоминающих понятие малости и ничтожества, например: *granello* ('песчинка'), *impercettibile* ('едва заметный'), *minuscola* ('крошечная'); а также «играя» со словом *nulla*, которое по-итальянски еще обозначает 'ничего', и в различных случаях противопоставляя ему слово *tutto* ('все'). В свою очередь переводчик создал сеть ассоциаций, связанных с выделенным семантическим полем, в том числе при помощи слов *малость*, *мелочь*, *ничтожный* и др.; хотя он и не смог бесконечно повторять *ничтожество* и *ничего*. Кроме того, семантическое несовпадение в русском языке двух этих слов не позволило ему эффективно «играть» с противопоставлением *ничего* vs. *всё*. Переводчик сбалансировал частичную потерю, в том числе используя суффиксальные уменьшительно-ласкательные формы, например, *человечек*, *простенький*, которые в русском языке намного более распространены по сравнению с итальянским и в данном случае помогают усилить идею человеческой ничтожности.

Далее рассмотрим примеры построения речевой образности в романе А. Барикко «Шёлк», где многие из фигур речи относятся именно к семантическому полю **шёлк**:

*Una volta aveva tenuto tra le dita un velo tessuto con filo di seta giapponese. Era come tenere tra le dita **il nulla**.*

*Alla moglie Hélène portò in dono una tunica di seta che ella, **per pudore**, non indossò mai. Se la tenevi tra le dita, era come stringere **il nulla**.*

[Baricco 2015: 33]

*Однажды он держал в руках платок, вытканый из шелковой японской нити. Так держат в руках **воздух**.*

*В подарок жене он привез шелковую тунику, которую **стеснительная** Элен так и не надела. Возьмишь ее в руках – и кажется, держишь в руках **воздух**.*

[Барикко 2017: 20; пер.Г. Киселева]

В тексте представлен прием сравнения, элементами которого являются японский шёлк и *il nulla* ('ничтожество', 'ничего' или даже 'пустота'). В этом случае переводчик (также Г. П. Киселев) подобрал для *il nulla* другую переводческую пару: *шёлк* – *воздух*, т.е. слово, способное вызвать очень похожие ассоциации легкости, пустоты, прозрачности, хорошо сочетающееся с идеей шёлка.

Обратим внимание на интересное решение для перевода элемента *per pudore* (букв. ‘по скромности’, ‘из-за стеснительности, стыдливости’), которое привело к незначительному смысловому сдвигу: в переводе *стеснительность* не просто является причиной того, что Элен так и не надела тунику, как в итальянском тексте, но и представляет характеристику самой Элен.

Нередко художественная образность создаётся при обращении к синестезии, как в следующем примере, когда глазам (органу зрения) приписывается качество безмолвия, принадлежащее слуховой сфере:

L'ultima cosa che vide, prima di uscire, furono gli occhi di lei, fissi nei suoi, perfettamente muti.

[Baricco 2015: 32]

Напоследок он увидел ее глаза: совершенно безмолвные, они неотрывно смотрели в его глаза.

[Барикко 2017: 20; пер.Г. Киселева]

Синестезия адекватно передана и в переводе, который является эквивалентным как на семантическом, так и на коммуникативном уровне. Однако в итальянском тексте образность достигается и при помощи порядка элементов в предложении. Позиция слов *perfettamente muti* в конце предложения, абзаца, а далее – главы романа, позволяет придавать им особую значительность, что отражает ситуацию в романе: **безмолвные глаза** – это последнее, что видит персонаж Эрве Жонкур, как и последнее, что «видит» читатель. К сожалению, в переводе параллелизм утрачен, как и частично утрачен художественный эффект.

В следующем примере метафора была в переводе заменена на сравнение:

Compì 33 anni il 4 settembre 1862. Pioveva la sua vita, davanti ai suoi occhi, spettacolo quieto.

[Baricco 2015: 35]

4 сентября 1862 ему исполнилось тридцать три года. Жизнь струилась перед его взором как дождь: легко и безмятежно.

[Барикко 2017: 21; пер.Г. Киселева]

Решение осуществить объяснительный перевод, частично означающий потерю в образно-ассоциативном плане из-за приема экспликации, в этом случае обусловлено спецификой русского языка, где существует несколько вариантов для передачи значения глагола *piovere*, а

именно: *идти* (дождь), *лечь* (дождь), *дождит*, *струиться* (вода). Необходимо отметить разницу в значении этих единиц: если наиболее распространенной и самой нейтральной формой является выражение *идет дождь*, то *лечь дождь* чаще всего относится к сильному, крупному дождю, а *дождит* – к мелкому. Глагол *струиться* несколько иначе описывает действие, как будто со стороны пассивного зрителя, что больше всего подходит для передачи смысла итальянского текста. Помимо этого остальные варианты перевода в данном случае неприемлемы, т.к. с семантической точки зрения они не могут относиться к жизни, в отличие от *струиться*. При использовании этого глагола для сохранения метафоры стало необходимым добавить сравнение *как дождь*.

В творчестве итальянского писателя А. Барикко построение образности реализуется на разных уровнях: на уровне слова путем тщательного отбора лексики, в том числе и имен собственных; широкого употребления разнообразных тропов; на уровне высказывания-предложения посредством учета особенностей его структуры и развернутости, длины; на графическом уровне путем неоправданно частого использования курсива или заглавных букв наконец, на уровне композиции произведения в целом.

Стиль автора характеризуется особой красочностью языка, употреблением и смещением лексических элементов, композиционно-стилевой гибкостью в соответствии с описанием и представлением персонажей. Образность раскрывается не только посредством использования языковых средств и приемов, но и в плане разработки и раскрытия отдельных ключевых образов, которые отличает символический характер, например, шелка, птиц, голоса. Для сохранения образности в переводе важно обращать внимание не только на перевод отдельных фрагментов текста, но и на перевод текста как единого целого с особым акцентом на сохранение когерентности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–233.
2. Борисова Е. Б. О содержании понятия «художественный образ» и «образ» в литературоведении и в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. № 35 (173), 2009. Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 20–26.

3. Волков И. Ф. Теория литературы. М.: Просвещение: Владос, 1995. 256 с.
4. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: Московский университет, 1957. 447 с.
5. Новиков Л. А. Избранные труды, в 2-х тт. М.: РУДН, 2001. ТОМ II. 841 с.
6. Ольховиков Б. А. Общая теория языка. Античность – XX век. М.: Академия, 2007. 304 с.
7. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Ред. Т. В. Жеребило. Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/>, свободный.
8. Чернец Л. В., Исакова И. Н. Теория литературы: Анализ художественного произведения [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru>, свободный.
9. Johnson S. The Rambler, No. 4 // The Critical Tradition. Ed. Richter D.H. New York: St. Martin's Press, 1989. – С. 212-215.
10. Shelley P.B. A defense of poetry // The Critical Tradition. Ed. Richter D.H. New York: St. Martin's Press, 1989. – С. 346-363.

Литературные источники

1. Baricco A. Novecento. Milano: Feltrinelli, 1999. 62 с.
2. Baricco A. Mr Gwyn. Milano: Feltrinelli, 2012. 158 с.
3. Baricco A. Oceano mare. Milano: Feltrinelli, 2012. 222 с.
4. Baricco A. Seta. Milano: Feltrinelli, 2015. 108 с.
5. Барикко А. Мистер Гвин. СПб.: Азбука, 2012. 224 с.
6. Барикко А. Море-океан. СПб.: Азбука, 2011. 220 с.
7. Барикко А. 1900. Легенда о пианисте. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 96 с.
8. Барикко А. Шелк и другие истории. Пер. с ит.: Г. Киселева, Н. Колесовой, А. Миряловой, В. Петрова. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. 544 с.

Крашенинникова Т.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

*Научный руководитель: к.филол.н., доцент кафедры
индоевропейских и восточных языков МГОУ Сахарова Н.Г.*

Метафоризация мотива свободы в американском блюзе

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотива свободы в американском блюзе и способов его выражения через метафору. Данная тема мало изучена.

Полученные результаты расширяют знания о данном феномене и дополняют языковую картину мира.

Ключевые слова: мотив свободы, американский блюз, метафора, лексико-стилистические средства.

T. Krashennikova

Moscow Region State University (Moscow)

Motive of freedom in American blues through metaphors

Abstract. The paper studies the motive of freedom in American blues through metaphors. The topic is scarcely studied. The obtained data expand the knowledge of the phenomenon and supplement the language picture of the world.

Keywords: motive of freedom, American blues, metaphor, lexical and stylistic devices.

В филологической науке существует несколько понятий мотива. Наиболее удачными видятся следующие из них: 1) мотив (фр. *motif*) — «побудительная причина, повод к какому-либо действию» [5]; 2) «то существенное в содержании или в художественной идее произведений поэзии» [5]. Мотивы наполняют различные жанры поэзии, а особенно жанр блюзовой поэзии. Блюз (англ. Blues от blue devils) – «уныние, хандра» [1, с. 616]; согласно Сахаровой Н.Г., – грустные песни [6].

Блюзовая поэзия зародилась в конце XIX века в афроамериканском сообществе Юга США. Поэтические корни блюза уходят глубоко в XVII век с привозом рабочей силы из Африки и с возникновением рабовладения на Американском континенте [Там же]. Афроамериканцы работали в те времена на плантациях, и им приходилось выполнять всю самую грязную работу. Тяжёлые условия жизни, ущемление свободы афроамериканца со стороны хозяев – всё это нашло своё отражение в афроамериканском поэтическом творчестве [Там же]. Ненависть к рабовладению и призыв к освобождению являются основными слагаемыми (компонентами) мотива свободы [Там же].

В блюзе затронуты многие темы: например, тема любви, путешествия, географических катастроф и другие, но в них всегда звучит протест чёрных рабов против устоев строя того времени и призыв к свободе [Там же]. Так, в блюзе «A House of the Rising Sun» [3] Дж. Тёрнер и Б. Мартина описана тяжёлая доля человека, который всю жизнь провёл в работном «Доме Восходящего Солнца» [3]. Согласно другой версии, этот «дом» был казино, кабаком и притоном с азартными играми. Выражая ненависть к рабовладению, авторы используют следующие метафоры:

«spend your lives in sin and misery In the House of the Rising Sun...And its been the ruin of many young poor boys» [3].

Также ненависть к рабовладению высказывает блюзовый поэт Скип Джеймс в блюзе «Hard Times Killing Floor Blues» [8]. В тексте встречается метафора «dry so long» («These hard times will kill you just dry long so» [8]), означающая диалектное описание нищенского существования [2]. Он рассказывает о трудных временах, которые пережили афроамериканцы во времена рабовладения, испытывая нужду и голод. Он высказывает предположение, что эти времена могут продлиться ещё очень долго.

Призыв к освобождению хорошо слышен в блюзе Л. Армстронга «Let My People Go» [7]. Во времена рабовладельчества почти вся культура чернокожих рабов сосредотачивалась в методистских и баптистских церквях [7]. Поэтому одним из самых популярных библейских сюжетов блюза была история Моисея, который освободил еврейский народ от египетского рабства. В тексте блюзовой песни «Let My People Go» [7] проводится параллель между евреями и афроамериканцами. И те, и другие стремились к свободе [Там же].

Для выражения призыва к свободе поэт использует метафору «Let my people go!». Он просит «отпустить его народ» на свободу, так как люди устали от долгих лет рабской жизни.

Блюзовые поэты используют метафоры для высвечивания исследуемого мотива, чтобы имплицитно передать дух свободы. Полученные результаты расширяют культурологическое представление о блюзовой поэзии.

Список литературы

1. Блюз-Дубинец Е. А., «Банкетная кампания» 1904. Большой Иргиз. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Блюз> (дата обращения: 03.10.2017).
2. Блюзовый словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://harmonica.ru/blyuzovy-j-slovar> (дата обращения: 03.10.2017).
3. Классический афроамериканский блюз (1900–1959) [Конен Валентина Джозефовна. Пути американской музыки. М. 1965. Козлов Алексей. Рок. Ч. 1. М. 1989. Бондаровский А., Налоев. Рок-энциклопедия // В мире книг. 1988. N 2).] [Электронный ресурс] // URL: <http://akulininn.livejournal.com/1184.html> (дата обращения: 03.10.2017).
4. Конструирование гендера в афроамериканском песенном дискурсе [Электронный ресурс] // URL:

<https://cyberleninka/article/n/konstruirovaniye-gendera-v-afroamerikanskompesennom-diskurse> (дата обращения: 14.10.2017).

5. Мотив-Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс] // URL: <http://tolkslovar.ru/m7555.html> (дата обращения: 03.10.2017).

6. Сахарова Н. Г. Образная речь американского блюза: монография. М.: Спутник +, 2008. 196 с.

7. Go Down Moses (Let me people go) Памяти Луиса Армстронга; Автор Сергей Курий [Электронный ресурс] // URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/55340/> (дата обращения: 03.10.2017).

8. Hard Times Killing Floor Blues [Электронный ресурс] // URL: <https://www.stihi.ru/2011/02/23/588> (дата обращения: 10.10.2017).

Круглов В.В.

ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства» (Москва)

Разработка учебно-методического комплекса для подготовки студентов к прохождению стажировок по линии Минобороны России «Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык»

Аннотация: В связи с ростом военного сотрудничества России и Китая появляется необходимость создания учебно-методических комплексов для подготовки переводчиков и переводчиков-стажеров к участию в организации Армейских международных игр. Инициатива Министра Обороны РФ по проведению военных соревнований стала очередным шагом к созданию военно-политического блока, в котором Россия и Китай будут занимать важные позиции. Профессиональная подготовка переводчиков с китайским языком является одной из важнейших задач успешного военного сотрудничества. УМК «Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык» помогает подготовиться переводчикам и переводчикам-стажерам к лингвистическому обеспечению Международных армейских игр и Танкового биатлона. УМК имеет практическую направленность и содержит уникальные материалы, которые были собраны авторами во время работы на Танковом биатлоне 2017 года. Более того, УМК включает методически обоснованную систему упражнений, интерактивные задания и специально разработанный принцип изучения материалы – синтагматический подход. УМК станет полезным как военным переводчикам, так и переводчикам-стажерам при работе на одном из самых масштабных военных мероприятий – Танковом биатлоне.

Ключевые слова: танковый биатлон, Международные армейские игры, китайский язык, синтагма.

V. Kruglov

State Autonomous Educational Institution, Supplementary Professional Education "Center for Pedagogical Excellence" (Moscow)

Development of the textbook "International Army Games. Tank Biathlon. The Chinese language" for students who undergo internship at the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. Due to the intensification of military cooperation between Russia and China, one can mark the growing necessity for the development of teaching and instructing materials aimed at preparing intern and staff interpreters for participation in the International Army Games. The initiative of the Ministry of Defense of the Russian Federation to organize and host military competitions has become an important step forward towards the establishment of a military-political bloc dominated by Russia and China. The vocational training of Chinese language interpreters is regarded as one of the major factors that shall contribute to successful military cooperation. The "International Army Games. Tank Biathlon. The Chinese language" training package provides all the necessary help to intern and staff interpreters during their preparation for International Army Games and Tank Biathlon. The package is mainly for practical application and includes unique materials collected by the authors during their work at the Tank Biathlon 2017. Moreover, it contains a methodically approved complex of exercises, interactive tasks and a can boast of an integrated special principle of learning the material – the syntagma approach. Undoubtedly, this training package will be of use to intern and staff interpreters during their work on one of the most large-scale military competitions as Tank Biathlon.

Keywords: International army games, tank biathlon, Chinese language, syntagma.

В последние годы сотрудничество России и Китая активно развивается во многих сферах: в политической, экономической, финансовой, гуманитарной, культурной и в том числе в военной. Лидеры двух стран имеют схожую позицию по обеспечению безопасности в АТР. Китайская стороны закупает вооружение у Российской Федерации, обе страны участвуют в совместных учениях, демонстрируют свою военную мощь всему миру.

Одним из показательных мероприятий в военной сфере являются "Армейские международные игры", которые представляют собой международные комплексные соревнования подразделений вооружённых сил государств-участников.

По инициативе Министра обороны РФ Сергея Кужугетовича Шойгу, 2015 год стал открытием первых «Армейских международных игр», в которых приняли участие 56 делегаций (более 1500 участников) и 16 групп наблюдателей от 17 государств. Соревнования способствовали повышению уровня профессиональной подготовки военнослужащих и

экипажей, их мастерства и слаженности действий, укреплению международного сотрудничества вооруженных сил стран, принимавших участие в играх. «Армейские международные игры» стали уникальной формой проведения совместных конкурсов и состязаний в рамках международного военного сотрудничества, площадкой для экспозиции образцов вооружения и военной техники, а также для проверки ее надежности и эффективности.

С каждым годом увеличивается количество команд и число самих игр, что доказывает интерес России и многих стран к укреплению боевого содружества. Министерство обороны РФ привлекает специалистов разных областей к организации Армейских международных игр, в том числе и военных переводчиков и переводчиков-стажеров Военного университета Министерства Обороны и военной кафедры МГИМО МИД России.

Учитывая специфику соревнований и возможность возникновения трудностей при переводе ряда понятий и терминов, было принято решение о создании отдельного учебно-методического комплекса «Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык» в рамках темы «Лингвистическое обеспечение военной деятельности». Освоение студентами материалов этого учебно-методического комплекса даст возможность повысить уровень языковой компетенции студентов и качественно подготовить их к лингвистическому обеспечению мероприятий Армейских международных игр.

В структуру комплекса входят 7 уроков; положения о проведении Армейских международных игр; положения о проведении конкурса «Танковый биатлон»; перечень поломок машин по вине участников конкурса; заявка на участие в конкурсе «Танковый биатлон»; перечень препятствий, их размеры, порядок преодоления и применения штрафных санкций за технику вождения; протест по организации, проведению и определению результатов соревнования; таблица воинских званий военнослужащих НОАК КНР; краткий русско-китайский словарь по тематике игр.

Каждый урок начинается с учебных текстов, к каждому тексту выписаны новые слова. Предполагается, что стажеры-переводчики изучили базовый курс военного перевода по Учебнику практического курса перевода (военного перевода), Китайский язык, А. В. Анкин, И. Г. Хрипунов, поэтому лексика, выписанная в разделе урока «Новые слова», не включают многие военные термины, данные в этом учебнике.

Третий раздел – «Грамматический комментарий», в котором объясняются некоторые грамматические явления, необходимые для понимания текста; после каждого грамматического комментария следуют упражнения на закрепление материала как деятельностные средства по методике Е. И. Пассова («адекватность», «средства обучения»¹²). Затем вводится раздел «Синтагмы», где представлены комплексы слов из учебных текстов, объединенных по принципу семантико-грамматически-фонетической сочетаемости. Объем каждой синтагмы определяется как реальным употреблением слов в связке, так и самой сочетаемостью – возможностью объединения предметов, признаков и процессов военной сферы. Предполагается, что студенты должны заучивать и восстанавливать синтагмы для качественного выполнения военного перевода во время Армейских международных игр. Выучив все синтагмы наизусть, студент не будет испытывать трудностей при выполнении последующих упражнений. После раздела «Синтагмы» следует объемный комплекс упражнений. В этот раздел включены не только функционально-смысловые таблицы, лексико-грамматические таблицы, но и логико-синтаксические схемы, логико-смысловые карты проблемы и карты ситуативной позиции в виде комплекса упражнений. Таким образом, реализуется проблемная организация каждого урока, которая позволяет предоставить студентам речевой материал, моделируя эвристические формы реального общения с военнослужащими КНР и повышая переводческие навыки учащихся.

Тематическая база учебно-методического комплекса построена следующим образом:

Урок 1 – Армейские международные игры. Общие сведения. Танковый биатлон. В данном уроке рассматривается общая тематика Армейских международных игр: история создания, цели проведения и итоги. Студентам предлагается ознакомиться с тезаурусом игр, освоить базовый понятийный аппарат. В уроке приводится таблица с официальными эквивалентами названий всех Армейских международных игр, которая рекомендуется для заучивания.

Урок 2 – Танк. Строение, основные элементы. Учебные тексты этого урока посвящены общему строению танка и техническим

---

¹² Пассов Е.И. Учебное пособие по методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: ВГПИ, 1975

характеристикам танка Т-96, на котором принимают участие китайские экипажи в самих соревнованиях.

Урок 3 – Встреча делегации КНР. Разгрузка техники. Авторы учебно-методического комплекса (В. В. Круглов и Л. Г. Абдрахимов) посчитали необходимым уделить особое внимание текстам, посвященным встрече делегации КНР и процессу разгрузки техники, потому что первое впечатление от качества перевода достаточно важно. Как правило, при организации встречи китайской делегации, которая прибывает на полигон Алабино на поезде со всей техникой, использующейся во время соревнований, учитываются все мелочи: проводится культурно-развлекательная программа (встреча с караваем, русские танцы и пляски и т.д.), обсуждаются место размещения техники в парке боевых машин, участие российских и китайских военнослужащих в разгрузке техники, планы по проведению культурной выставки КНР. Переводчик должен владеть не только военно-технической лексикой, но и знать реалии русской культуры на китайском языке, чтобы верно и точно передать дух гостеприимства русского народа. Особый раздел в уроке посвящен соответствию русских и китайских фразеологических оборотов, которые могут быть использованы в приветственных речах.

Урок 4 – День в парке боевых машин. Техника безопасности. В данном уроке уделяется внимание рабочему процессу в парке боевых машин, где большую часть времени располагается вся техника и танки китайской делегации. В любое время китайской стороне может понадобиться дополнительное оборудование, переводчику необходимо понять просьбу и передать ее ответственным лицам парка боевых машин. Более того, в начале соревнований проводятся неоднократные инструктажи по технике безопасности, переводчик должен быть готов синхронно переводить эти инструктажи, оперируя при этом выверенным терминологическим аппаратом, который формируется в процессе изучения синтагм этого урока.

Урок 5 – Ознакомление с трассой. Особым этапом соревнований является знакомство с трассой и препятствиями на ней, которые предстоит преодолеть участникам Танкового биатлона. Данная процедура, как правило, длится в течение 3–4 часов и требует от переводчика достаточных усилий и идеальное знание как положения Танкового биатлона, так и владение соответствующей лексикой (название всех препятствий, их подробное описание).

Урок 6 – На судебном совещании. Шестой урок готовит будущих переводчиков Танкового биатлона к работе на судебном совещании, которое проводится после каждого заезда экипажей. Китайцы, будучи очень пристальными наблюдателями и дальновидными стратегами, задают много вопросов, оспаривают некоторые решения главного судьи Танкового биатлона, поэтому переводчик должен идеально владеть понятийным аппаратом, используемом на совещании, и мгновенно реагировать на ситуацию, происходящую во время заседаний судебной комиссии.

Урок 7 – Танковый биатлон в российской и китайской прессе. Последний учебный урок затрагивает вопросы освещения Танкового биатлона как в российской, так и в китайской прессе. Студентам предлагается потренироваться в двустороннем переводе оригинальных текстов из прессы, что подразумевает закрепление изученного материала предыдущих шести уроков.

Более того, каждый урок снабжен упражнениями по аудио- и видеоматериалам, что позволяет студентам познакомиться вплотную с реальными участниками китайской делегации, которые из года в год приезжают на Танковый биатлон, услышать особенности их речи и уже быть готовыми при первой встрече выполнить качественный перевод.

Итак, учебно-методический комплекс для подготовки студентов к прохождению стажировок по линии Минобороны России «Армейские международные игры. Танковый биатлон. Китайский язык» помогает подготовиться переводчикам и переводчикам-стажерам к лингвистическому обеспечению Международных армейских игр и Танкового биатлона. УМК имеет практическую направленность и содержит уникальные материалы, которые были собраны авторами во время работы на Танковом биатлоне 2017 года. Более того, УМК включает методически обоснованную систему упражнений, интерактивные задания и специально разработанный принцип изучения материалы – синтагматический подход. УМК станет полезным как военным переводчикам, так и переводчикам-стажерам при работе на одном из самых масштабных военных мероприятий – Танковом биатлоне.

Список литературы

1. Пассов Е. И. Учебное пособие по методике обучения иностранным языкам. Воронеж: ВГПИ, 1975.

2. Анкин А. В., Хрипунов И. Г. Учебник практического курса перевода (военного перевода), китайский язык. Новосибирск: Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт), 2009.

Кудинова С.М.

*Московский государственный областной университет (Москва)
Научный руководитель: к.филол.н., кафедры индоевропейских и восточных
языков МГОУ Сахарова Н.Г.*

Лингвостилистическое исследование образа «маленького человека» на материале текстов А. Чехова и О. Генри

Аннотация. В данной статье проводится лингвостилистическое исследование образа «маленького человека» на материале текстов А. Чехова и О. Генри. Тема мало изучена. Результаты могут быть использованы в литературоведении, стилистике, теории языка.

Ключевые слова: художественно-экспрессивные средства, образ «маленького человека».

S. Kudinova

Moscow Region State University (Moscow)

Linguistic and stylistic study of the image of the «little man» in stories by A. Chekhov and O. Henry

Abstract. We report a linguostylistic study of the image of the so-called “little man” in stories by A. Chekhov and O. Henry. The topic is scarcely examined. The results of the research may be used in theory of literature, stylistics, and theory of language.

Keywords: expressive means, the image of «little man».

Образ «маленького человека» в русской и американской художественной литературе возник с появлением реализма, то есть в 20-30 годах XIX века. Данный образ создавали многие авторы: Н. Гоголь, А. Пушкин, А. Грибоедов. Тему «маленького человека» очень убедительно разрабатывали также русский писатель А. Чехов и американский новеллист О. Генри. Они использовали различные художественные приёмы для создания психологически достоверного образа.

««Мáленький челове́к» – это человек невысокого социального происхождения и положения, не одарённый выдающимися способностями, не отличающийся силой характера, но при этом добрый, не делающий никому зла» [7].

Так, А. Чехов создаёт образ униженного, приземлённого человека, похожего на пресмыкающегося. Он использует следующие

художественные приёмы: 1) уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ашк*, *-ушк*, *-юшк*;: «соседушка» [2, с. 5], «по батюшке» [2, с. 5], «старикашку» [2, с. 5] («Письмо к учёному соседу» [2]), чтобы подчеркнуть ничтожность человека; 2) намеренные грамматические ошибки, повторяя их несколько раз: «извените» [2, с. 5], «пожже» [2, с. 5] («Письмо к учёному соседу» [3]), чтобы указать на безграмотность сословия; 3) «уничижительные» [1] прилагательные и существительные: «нелепую душу» [2, с. 5], «жалким письменным лепетом» [2, с. 5], «старого старикашку» [2, с. 5] («Письмо к учёному соседу» [2]); 4) «уничижительные» [1] глаголы: «извените» [2, с. 5], «осмелюсь Вас побеспокоить» [2, с. 5] («Письмо к учёному соседу» [2]); 5) фразеологизмы: «церемониться с племенем» [2, с. 11] («Письмо к учёному соседу» [2]) «жестокий урок» [3, с. 7] («Размазня» [3]), чтобы выразить своё авторское порицание высокой степени добровольного унижения; 6) лексический повтор: «извините» [2, с. 16] («Смерть чиновника» [5]); 7) эпитет: «вопрошающие глаза» [2, с. 19] («Смерть чиновника» [2]), чтобы показать желание «маленького человека» ещё больше унизиться, чтобы испросить прощение начальства; 8) разговорные слова: «кислятина» [3, с. 7] и «зубатая» [3, с. 7] («Размазня» [3]): они указывают на отрицательное содержание образа.

Американский новеллист О. Генри применяет иронию как лексико-стилистический приём, используя: 1) фразеологизмы: «black one's eye» [4] (фонарь под глазом) («The brief debut of Tildy» [4]); 2) эпитеты: «breathless admiration» [4] (задыхаясь от восхищения), чтобы показать трогательность маленького человека; «silent poverty» [5] (молчащая бедность) данный лексико-стилистический приём ещё больше усугубляет трагизм бедного существования «маленьких людей»; 3) литоту: «one dollar and eighty-seven cents. That was all. And sixty cents of it was in pennies» [5] («The Gift Of The Magi» [5]), чтобы подчеркнуть бедность главной героини рассказа Деллы; 4) лексический повтор: «1.87» [5] («The Gift Of The Magi» [5]), чтобы показать нужду и безысходность «маленького человека»; 5) сарказм: «receiving the admission» [6], (встречать признание) («The skylight room» [6]), чтобы подчеркнуть бедность и ничтожность «маленького человека», принизить его, смешать с «грязью».

Полученные результаты указывают, что при создании образа «маленького человека» А. Чехов делает акцент на самоунижение ничтожных мира сего, а О. Генри – на безысходность ситуации, в которую человек попадает из-за крайней бедности. А. Чехов критикует «маленького

человека» за его неспособность противостоять хамству людей, наделённых властью. О. Генри сочувствует такому человеку, считая его жертвой капиталистического общества. Различное отношение писателей к данному образу обуславливается разницей в русском и американском менталитете.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989, 800 с.
2. Чехов А. П. Рассказы А. П. Чехова. М.: Аст астрель, 2010., 443 с.
3. Чехов А.П. Рассказы А. П. Чехова. М.: Эксмо, 2016., 256с.
4. O`Henry The Brief Debut of Tildy [Электронный ресурс] // URL: <http://4library.ru/node/213> (дата обращения: 29.09.2017).
5. O`Henry The Gift Of The Magi [Электронный ресурс] // URL: <http://4library.ru/node/131> (дата обращения: 29.09.2017).
6. O`Henry The Skylight Room [Электронный ресурс] //URL: <http://4library.ru/node/196> (дата обращения: 29.09.2017).
7. Wikipedia [Электронный ресурс] //URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маленький_человек (дата обращения: 29.09.2017).
11. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Диалог, 2000. 416 с.
12. Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы / Сб. статей: От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». СПб.: Антология, 2013. С. 263–277.
13. Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. СПб.: Лань, 1997. 256 с.
14. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
15. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, V. 1, 1982. 509 с., 527 с.
16. Spears R.A. American Idioms Dictionary. Lincolnwood: National Textbook Company, 1991. 464 с.

Кукина Н.В.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва) (Москва)*

**К вопросу об анализе аббревиатур-документонимов немецкого языка
для специальных целей в прагматическом аспекте**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования компонентного анализа аббревиатур-документонимов немецкого языка для специальных целей в процессе обучения отраслевому языку экономики и менеджмента.

Ключевые слова: аббревиатура, документ, компонент, анализ, язык для специальных целей.

N. Kukina

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

**Analysis of abbreviations in documents of the German language for specific
purposes in pragmatic aspect**

Abstract. The paper discusses the possibility of using component analysis of abbreviations in documents of the German language for specific purposes in teaching the language of Economics and management.

Keywords: abbreviation, document, component, analysis, language for specific purposes.

Эпоха глобализации обуславливает необходимость подготовки специалистов, способных к коммуникации в рамках своей специальности не только на родном, но и на иностранном языке. В силу того, что ведущие позиции в качестве международного языка общения занимает английский язык, речь идет в первую очередь о подготовке специалистов, владеющих английским языком для специальных целей, под которым подразумевается функциональная разновидность литературного языка, используемая «специалистами в области науки и техники для коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью в официальных и неофициальных ситуациях общения» [4, с. 473]. Неудивительно поэтому, что в статьях, посвященных иностранному языку для специальных целей, в первую очередь рассматриваются лингвистические, дидактические и прагматические аспекты именно английского языка для специальных целей, о чем свидетельствует и используемая в публикациях терминология на английском языке, например: English for Science and Technology (EST), English as a Restricted Language (Английский для ограниченного употребления), English for Academic and Occupational Purposes (EAOP,

Английский для образовательных и профессиональных целей), and English with Specific Topics (Специальный английский) [3, с. 180–187].

В то же время практически отсутствуют публикации, в которых рассматривались бы аспекты немецкого языка для специальных целей, который, на наш взгляд, является достаточно важным с учётом намечающейся положительной динамики в двусторонних российско-германских отношениях. Так, с сентября 2016 г. наметился рост взаимной торговли. Данная тенденция сохранилась в 2017 г. По данным Восточного комитета германской экономики, взаимный товарооборот между Россией и ФРГ за январь-май 2017 г. вырос на 31,93 % до 24,3 млрд. евро, при этом германский экспорт вырос на 34,6 % до 13,8 млрд. евро, импорт – на 28,4 % до 10,5 млрд. евро. [1]. В силу этого нам хотелось бы в рамках данной статьи рассмотреть некоторые аспекты немецкого языка для специальных целей, в частности обратиться к анализу структуры и функциональных особенностей немецких аббревиатур-документонимов, используемых в отраслевом языке экономики и менеджмента.

Выбор аббревиатур-документонимов в качестве объекта исследования неслучаен. С одной стороны, именно наличие большого числа аббревиатур является одной из характерных особенностей языка для специальных целей, что объясняет значительное внимание со стороны лингвистов к аббревиатурам, обслуживающим различные отраслевые языки. С другой стороны, в сферу интересов специалистов входят, как правило, аббревиатуры, представляющие собой сокращения всевозможных технических устройств и систем, а также аббревиатуры-эргонимы и – топонимы. В то же время нельзя обойти вниманием тот факт, что процессы в экономической и социальной сферах, а также процессы государственного и муниципального управления, особенно в Германии, регулируются многочисленными законами, предписаниями, договорами и соглашениями, которые в соответствующих контекстах фигурируют чаще всего в виде аббревиатур, причём далеко не всегда сопровождающихся приведенным в скобках пояснением в виде полного варианта наименования указанного документа. Поскольку аббревиатуры эти подразумевают под собой каждый раз вполне конкретный документ (закон, договор или предписание), мы считаем себя вправе толковать их как документонимы, представляющие собой название определенных документов (договоров, соглашений, законов, деклараций). Учитывая практическое отсутствие работ, посвященных рассмотрению аббревиатур-документонимов в языке для

специальных целей, мы считаем, что наша статья может представлять определенный интерес.

Исходя из этого, мы отобрали методом сплошной выборки из специальной и периодической немецкой литературы по экономике и управлению более 2500 аббревиатур-документонимов, которые можно рассматривать как немецко-русский словарь аббревиатур-документонимов, поскольку в нём приводится не только расшифровка аббревиатур, но и предпринята попытка дать перевод их полных прототипов на русский язык.

В прагматическом аспекте данный словарь может найти применение в процессе обучения студентов отраслевому языку экономики и менеджмента прежде всего в качестве справочного пособия, но не только. С учетом того, что система законов в Германии постоянно пополняется не только новыми законами, но и дополнениями к уже существующим, студенты, изучающие немецкий язык, оказываются лицом к лицу с проблемой невозможности отыскать в существующих словарях встречающиеся в литературе по специальности аббревиатуры-документонимы. Поэтому перед преподавателями встает задача научить студентов ориентироваться в структуре соответствующих аббревиатур с тем, чтобы хотя бы в первом приближении понять, о чём идет речь. В этом плане предлагаемый нами словарь может быть использован в качестве своеобразного учебного пособия.

Собранный нами материал является достаточно презентативным, чтобы с его помощью выявить наиболее продуктивные модели аббревиатур-документонимов и научить студентов осуществлять их компонентный анализ. При этом целесообразно опираться на сходство аббревиации со словосложением, так как в принципе аббревиация «развивается под влиянием традиционных способов словообразования, соблюдает его законы и отвечает требованиям, предъявляемым словообразовательным процессам и словообразовательным правилам» [2, с. 273]. Известно, что в немецких композитах определяемое слово (в нашем случае это компонент, определяющий тип документа) занимает постпозицию. Таким образом, последний компонент аббревиатуры, являющийся обычно инициалом, G, V, Ü может быть идентифицирован как Gesetz, Verordnung, Ordnung, Übereinkommen (закон, предписание, соглашение) и т.д. В препозиции зачастую в виде инициала или (чаще) усечения стоит аббревиатура-топоним, указывающая на место принятия

документа или на его региональное распространение, например: BBodSchG (Bundesbodenschutzgesetz - федеральный закон об охране почвы от вредных изменений), BaySchlG (Bayerisches Schlichtungsgesetz / Bayerisches Gesetz zur obligatorischen außergerichtlichen Streitschlichtung in Zivilsachen und zur Änderung gerichtsverfassungsrechtlicher Vorschriften - Баварский закон об обязательном мирном урегулировании споров по гражданским делам и о регулировании внесения изменений в предписания конституционного суда), HBewÜ (Haager Übereinkommen über die Beweisaufnahme im Ausland - Гаагское соглашение о сборе доказательств за границей), HessVerf (Verfassung des Landes Hessen – конституция земли Гессен).

В интерпозиции располагаются обычно выраженные усечениями компоненты-конкретизаторы, выполняющую функцию указания на смысловую доминанту соответствующей сферы экономики или управления. Об этом свидетельствует число аббревиатур-документонимов, содержащих такого рода компоненты, всегда превышающее 10. Так, среди аббревиатур-документонимов, относящихся к сфере управления транспортом, нами отмечено 14 единиц, содержащих сокращение BinSch (внутреннее судоходство) и 12 единиц, содержащих компонент Luft (воздушный транспорт); в сфере налогового менеджмента – 18 единиц, содержащих усечение St (налог); в сфере управления строительством – 17 аббревиатур с компонентом Bau (строительство), в сфере управления персоналом – 11 аббревиатур с компонентом Arb (труд), и т.д.

Таким образом, при обучении студентов пониманию (и, соответственно, переводу) аббревиатур-документонимов предпочтительно начинать с декомпозиции, т.е. с разложения аббревиатуры на своего рода «слагаемые», соотнося их с компонентами её исходного композита. При этом в целях обучения лучше выбирать из словаря аббревиатур-документонимов те лексические единицы, в которых уже предложена трансформация развернутого документонима в документоним-композит: AnVNG – Angestelltenversicherungs-Neuregelungsgesetz (Gesetz zur Neuregelung des Rechts der Rentenversicherung der Angestellten), ArEV – Arbeitsentgeltverordnung (Verordnung über die Bestimmung des Arbeitsentgelts in der Sozialversicherung), а также те, в которых часть компонентов, в первую очередь компоненты-конкретизаторы, представлена усечениями: AVmeG – Altersvermögensergänzungsgesetz (Gesetz zur Ergänzung des Gesetzes zur Reform der gesetzlichen Rentenversicherung und zur Förderung eines kapitalgedeckten

Altersvermögens), BerPensV – Pensionsfondsberichterstattungsverordnung (Verordnung über die Berichterstattung von Pensionsfonds gegenüber der Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht), поскольку такой вид лексической трансформации помогает избежать семантическую избыточность, т.е. выделить основную и избыточную информацию, не искажая при этом общий смысл.

Разумеется, такой подход предполагает определенное упрощение. Безусловно, не все аббревиатуры сводятся к этой, наиболее распространенной, модели. В действительности существует целый ряд отступлений от предлагаемой модели, обусловленных, к примеру, стремлением к созданию акронимов, когда, как можно видеть на следующих примерах, определяемый компонент выносится в препозицию, а компоненты-конкретизаторы сворачиваются в инициал: GoB (Grundsätze ordnungsmäßiger Buchführung -принципы действующего бухгалтерского учета, основы действующей системы бухгалтерского учета), VÜG (Vereins-Übereinkommen über den Eisenbahn-Güterverkehr – соглашение о железнодорожных грузовых перевозках). В ряде случаев в целях создания краткого и, следовательно, более удобного в коммуникации акронима можно отметить в принципе опущение компонента, называющего вид документа: LiP (Lerngesetz der industrieller Produktion – закон о передаче опыта (по обучению) в промышленном производстве), LAGE (Sammlung der Entscheidungen der Landesarbeitsgerichte – сборник решений судов земель по трудовым спорам), MiStra (Anordnung über Mitteilungen in Strafsachen – предписание о предоставлении информации по уголовным делам).

Тем не менее, мы считаем такой подход при обучении иностранному языку для специальных целей оправданным, так как компонентный анализ служит в данном случае раскрытию значения аббревиатуры как производного слова. А сопоставление полного и свернутого в аббревиатуру документонима при понимании его ономаσιологической структуры в свою очередь может служить в дальнейшем определенной подсказкой для понимания новых аббревиатур-документонимов в качестве производного слова. На наш взгляд такой подход создает условия для более результативной работы студентов с текстами, содержащими новые аббревиатуры-документонимы и для развития языковой интуиции и языковой догадки. Кроме того, в силу понимания того, как создана аббревиатура и каким образом она связана с документонимом, от которого

она образована, т.е. анализируя акт порождения аббревиатуры как нового слова, достигается усвоение лексики, которое опирается не на механическое запоминание новых лексических единиц, а на осмысленное и осознанное их запоминание, что стимулирует интерес учащихся к изучению лексики иностранного языка.

Список литературы

1. Двусторонние экономические отношения. Электронный ресурс. [Режим доступа: <https://russische-botschaft.ru/ru/.../dvustoronnie-ehkonomicheskie-otnosheni/>]
2. Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка). Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04.М.1997. 341 с.
3. Егорова Л. А. Английский язык для специальных целей: основные принципы и тенденции развития // Новые технологии в обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации: Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции: Москва, 15–16 мая 2008 г. М.: Изд-во РУДН, 2008. С. 180–187.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010.

Куприянова С.К.

*Московский государственный лингвистический университет
(Москва)*

Калмыцкое коммуникативное поведение в свете изучения типологии культур (на материале калмыцких паремий)

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей калмыцкого коммуникативного поведения. Основные принципы лингвопрагматики (принцип кооперации Г. Грайса, принцип вежливости Дж. Лича, лингвистическая теория П. Браун и С. Левинсона) находят своеобразное отражение в калмыцких паремиях и объясняются при помощи типологии культур.

Ключевые слова: коммуникативное поведение; калмыцкие паремии; максимы Г. Грайса; максимы Дж. Лича; позитивная и негативная вежливость; высококонтекстуальные/низкоконтекстуальные культуры; избегание неопределенности; полиактивные/моноактивные/реактивные культуры.

**Kalmyk communicative behavior in studying cultural typology
(based on Kalmyk proverbs and sayings)**

Abstract. The paper studies the peculiarities of Kalmyk communicative behavior. The main principles of pragmatics (Paul Grice's cooperative principle, Geoffrey Leech's politeness principle, Brown & Levinson's politeness theory) are reflected in Kalmyk proverbs and sayings and can be explained with the help of cultural typology.

Keywords: communicative behavior, Kalmyk proverbs and sayings, Grice's cooperative principle, Leech's politeness principle, positive and negative politeness, high context culture/low context culture, uncertainty avoidance index, multi-active culture/linear-active culture/reactive culture.

Одним из основных направлений исследования в сфере межкультурной коммуникации в последнее время является изучение коммуникативного поведения различных народов. Целью статьи является изучение особенностей калмыцкого коммуникативного поведения в его соотношении с принципами речевого поведения, установленными в лингвопрагматике (принципом кооперации Г. П. Грайса, принципом вежливости Дж. Лича и лингвистической теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона), и объяснение данных коммуникативных особенностей с позиции отнесения калмыцкой культуры по типологии культуры. Материалом для исследования послужили калмыцкие паремии о коммуникативном поведении.

Хотя в целом содержание калмыцких паремий о коммуникативном поведении соответствует указанным принципам лингвопрагматики, мы обнаружили в ряде случаев интересные отступления от универсалий коммуникативного поведения.

Например, максима количества Г. Грайса принципа кооперации (твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется) [2, с. 222] в калмыцкой лингвокультуре имеет тенденцию к недосказанности и дополняется правилом коммуникативного поведения – быть осмотрительным и осторожным в речи: нуувчин юмиг герэн һурв эргчкэд кел – о тайном надо говорить, обойдя дом три раза (то есть хорошо все обдумав) [5, с. 558]; олн дотр үгән ажгл, онц суухларн седклән хар – на людях обдумывай свои слова, когда остаешься один – присмотришь к себе [5, с. 82].

Следующее отступление от универсалий коммуникативного поведения связано с выражением максимы одобрения принципа

вежливости Дж. Лича (уменьшайте порицание других и увеличивайте одобрение других) [9, с. 132]. В калмыцком обществе не принято хвалить и давать положительную оценку. Детей не хвалят, опасаясь сглаза, а старших не хвалят, воспитывая в них чувство скромности: магтв гиж бичэ байрл, муулв гиж бичэ һунд – не возгордись, что хвалят, не обижайся, что порочат [5, с. 514]. Поэтому вторая часть максимы одобрения (увеличивайте одобрение других) выражена произнесением йорялей (благопожеланий). С максимой одобрения связана максима скромности. Похвальба осуждается: эркн эргү эмэн магтдг, дунд эргү бийэн магтдг, адг эргү мөрэн магтдг – самый большой дурак хвалит жену, средний – самого себя, последний – своего коня [5, с. 470]; бардм үгин баһнь сэн, баасни герин холнь сэн – хорошо, когда хвастливых слов мало, хорошо, когда отхожее место далеко [5, с. 356].

Интересными, на наш взгляд, являются коммуникативные акты, угрожающие потерей лица (в терминах лингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона) [11, с. 65]. Так, например, коммуникативные правила поведения калмыков подразумевают минимизацию советов и просьб, а также стремление не навязывать себя и свое мнение. За советом можно обратиться, но непрошенные советы не одобряются: сурсн му, сурсиг эс өгсн үлү му – просить плохо, но не дать что просят, еще хуже [5, с. 461]; «ас» гиснэс «ав» гисн деер – чем говорить «дай», лучше сказать «бери [5, с. 344].

В целом, стратегии негативной и позитивной вежливости П. Браун и С. Левинсона (осторожность в общении с малознакомыми людьми, немногословность, сдержанность в речи, ведение беседы по определенному «сценарию», стратегии согласия, приветливого и благожелательного отношения к собеседникам, запрет на подшучивание, использование форм обращения ты/Вы) в калмыцкой лингвокультуре направлены больше на сохранение дистанции с собеседником и указывают на черты индивидуалистического типа культур.

Объяснение этим особенностям можно искать в типологиях культур, которые разрабатываются в области культурологии. Рассмотрим националь-но-специфические особенности калмыцкого коммуникативного поведения в их зависимости от типа калмыцкой культуры.

Американский антрополог Э. Холл в работе «За пределами культуры» (Beyond culture, 1976 г.) приводит параметры межкультурной коммуникации, то есть измерения культуры, которые определяют ее

специфичность. Он разделил все культуры на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные в зависимости от их отношения к контексту [10, с. 53]. Согласно Э. Холлу, высококонтекстуальные культуры присущие, например, Китаю, Корее, Японии, являются однородными с точки зрения накопленного исторического опыта и информационной обеспеченности. Многие предсказуемо, поэтому, по свидетельству Э. Холла, для большей части обычного ежедневного общения не требуется и не предполагается наличие подробной информации о происходящем [10, с. 91]. Для низкоконтекстуальных культур, наоборот, вся информация должна быть выражена эксплицитно, то есть все должно быть выражено словами и всему должна быть дана ясная оценка, недосказанность ассоциируется с недо-статочной информированностью говорящего. Низкоконтекстуальный тип культуры характерен для Германии, США, Скандинавских стран [10, там же].

Калмыцкую культуру, по типологии Э.Холла, можно отнести к высоко-контекстуальным культурам, поскольку для калмыков характерна тенденция к недосказанности: лучше предоставить коммуниканту меньше информации, чем сказать лишнее: үгиг үлү келчкэд, татхнь хату, тату келчкэд, күцэхнь санана – скажешь лишнее – вернуть трудно, недоскажешь – дополнить (добавить) легко [5, с. 268]; үлү үг бий орадг, ут хувцн шилв орадг – лишние слова самому же во вред, длинные полы ногам мешают [5, с. 263].

Акцент на немногословности в калмыцкой лингвокультуре вызван, на наш взгляд, культурно-историческими факторами. В калмыцких паремиях отражено мировоззрение кочевника, которое складывалось в период общин-но-родовых и патриархально-феодальных отношений. Калмыцкое общество этого периода было классовым обществом с резко выраженным социальным неравенством феодальной верхушки и рядовой массы калмыков [6, с. 128].

Эти отношения простого народа и нойонов отразились в калмыцких паремиях: калмык-простолудин не мог открыто высказать свое мнение, иначе он мог поплатиться жизнью. Поэтому калмыки ценили краткость, недосказанность, немногословие: уйдлын батнь – шагласн, үгин батнь – медхшв – самый крепкий шов – строчка, самое верное слово – не знаю [5, с. 270]; медхшв гисн – суудг, меднэв гисн – йовдг – кто говорит «не знаю», тот сидит, а кто говорит «знаю», тот ходит [5, с. 290]; икэр мед, баһар кел – много знай, мало говори [5, с. 319].

Описывая особенности калмыцкого коммуникативного поведения, следует также упомянуть о жестах и молчании. Калмыки меньше жестикулируют, чем, например, русские. Это типичное свойство речевого поведения монгольских народов, которые отличаются эмоциональной сдержанностью, немногословием. Даже в общении родителей с детьми в калмыцкой семье характерно поддержание некоторой дистанции. Любя ребенка, родители не проявляют открыто своих чувств. Естественные в русской культуре способы выражения родительской любви (ласки, лепетание, использование уменьшительно-ласкательных обращений) не являются типичными для калмыцкой семьи. Детей приучают любить родителей, но при этом избегают развивать в них тесную психологическую зависимость. Приучая к послушанию и уважению родителей, тем не менее, детей ориентируют на самостоятельность, раннюю ответственность [1, с. 47]

Несомненный интерес для нашей работы представляет типология куль-турных измерений Г. Хофстеде. Голландский социолог Гирт Хофстеде в 1980-х гг. выявил шесть измерений культуры. Это дистанцированность от власти, индивидуализм/коллективизм, напористость/соревновательность (нацеленность на достижение результата любой ценой), избегание неопределенности (степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации), стратегическое мышление (ориентированность на решение стратегических долгосрочных или краткосрочных задач) и сдержанность/потакание желани-ям (степень удовлетворения жизнью и эмоциями в зависимости от социаль-ных норм) [8, с. 15].

В нашей работе нас интересует критерий избегания неопределенности. Г. Хофстеде определяет этот критерий как характер восприятия и особенности реагирования культуры на незнакомые ситуации. Так, для стран с большим значением показателя данного критерия типично неприятие неопределённых ситуаций, стремление к установлению чётких правил поведения, доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию; для стран с низким показателем, наоборот, характерно проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий, иных точек зрения [8, с. 110]. Поэтому, по теории Хофстеде, калмыцкую лингвокультуру можно отнести к культурам с низкой терпимостью к неопределенности.

Так, например, калмыки при встрече со знакомым человеком вслед за приветствием начинают взаимные расспросы о здоровье друг друга, здоровье детей и семьи в целом. Затем для поддержания беседы осведомляются о состоянии скота и приплода, о том, как обстоит дело с травами и водой и какая стоит погода в местах, где проживают собеседники [4, с. 117].

В калмыцкой культуре такие разговоры несут в большей степени фатическую функцию. Собеседники и в наше время, прежде чем перейти к основной теме разговора задают при встрече вопросы о здоровье, погоде, семьях, настраивая друг друга на дружелюбную тональность общения. Можно выделить разные типы вопросов при встрече собеседников. Если встречаются знакомые, то чаще всего будут задаваться вопросы о здоровье, домочадцах, погоде. Если собеседники не знакомы друг с другом, то чаще всего это будут вопросы об общих знакомых, друзьях или родственниках (если таковые есть) или месте рождения.

В калмыцкой культуре заметна разница в типе взаимоотношений между «своими» и «чужими». Отношения со «своими» отличаются большей близостью, с «чужими» – большей холодностью и формальностью. Отсюда, возможно, недоверие «чужим» и сдержанность в общении, сохранение дистанции: таянд уга мөрнэ ардаснь бичэ өөрд, таянд уга күүнд ухаһан бичэ медүл – к неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений [5, с. 225]; ил һазрт мөрэн уй, иткмжтэ күмнд нээд – привязывай коня на открытом месте, доверяйся лишь надежному человеку [5, с. 573].

В целом, низкий уровень допустимой неопределенности чаще всего сочетается с такими культурными параметрами, как коллективизм и высокая статусная дистанция; высокий уровень характерен для индивидуалистических культур с низкой статусной дистанцией [7, с. 125].

В случае с калмыцкой культурой, необходимо отметить, что калмыцкую культуру можно охарактеризовать как коллективистскую только с некоторыми оговорками. В калмыцком обществе никогда не подавлялась индивидуальность отдельного человека, и в то же время каждый калмык ощущает себя индивидуальным воплощением коллективных интересов, т. е. интересов своей семьи, своего рода и народа в целом. Калмыки говорят: алтн шорад даргддго, алдр күн юмнд дардгддго – золото в пыли не затеряется, великий человек не сломится [5, с. 198]; эр

күмн зовх дутман уха ордг – мужчина семь раз падает духом, восемь раз крепнет (встанет)[5, с. 18].

Следующий важный параметр категоризации культур – отношение ко времени и планированию своего будущего. Британский кросс-культуролог Р. Д. Льюис выделил три типа культур – моноактивные, полиактивные и реактивные [3, с. 24]. Моноактивные – культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент. Немцы и швейцарцы принадлежат к этой группе.

Полиактивные – подвижные, общительные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного мероприятия в данный момент. Сюда относятся такие народы, как итальянцы, латиноамериканцы и арабы.

Реактивные – культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. Представители этой категории – китайцы, японцы и финны [3, с. там же].

Калмыцкую культуру можно охарактеризовать как реактивную культуру, которая сформировалась под воздействием жизненного уклада, быта и духовной культуры калмыков. Определялась она, в основном, кочевым образом жизни, что можно заметить в следующих паремиях: Кү асрсн – толһа цуста, мал асрсн – амн тоста – позаботишься о человеке – голова в крови, позаботишься о скотине – рот в масле [5, с. 9]; залу насдан – кү тань, мөрнэ сээнд һазр үз – пока молод знакомься с людьми, пока конь хорош, объезжай земли [5, с. 21].

Следующим подтверждением отнесения калмыцкой культуры к реактивным культурам является отношение калмыков ко времени. В реактивных культурах время не линейно, но и не привязано к людям или событиям, оно циклично [3, с. 92]. В калмыцких паремиях указывается на цикличность времени: эндрк нарн маңһдур чигн һарх – сегодняшнее солнце взойдет и завтра [5, с. 211]; хаврин цаг ирх, халун нарн ээврлх – придет весенняя пора – пригреет и солнце горячее [5, с. 214].

Таким образом, калмыцкую культуру можно охарактеризовать как коллективистскую с индивидуалистическими чертами, высококонтекстуальную, реактивную культуру с высокой степенью

избегания неопределенности. Данные характеристики калмыцкой культуры отражаются в национально-специфических чертах коммуникативного поведения калмыков: недосказанность и осторожность в речи, сохранение дистанции в отношении с собеседниками, соблюдение ритуалов приветствия и избегание запрещенных тем в разговоре.

Список литературы

1. Бутовская М. Л., Гучинова Э. Б. Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии, Москва, 1998. С.46–59
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237
3. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. М.: Дело, 1999 439с.
4. Пюрбеев Г. Ц. Речевой этикет и язык жестов у монголов и калмыков//Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР, Москва: Наука, 1982. С. 117–123
5. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАО НПП « Джангар», 2007. 839с.
6. Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.
7. Geert Hofstede Cultures and organization: Software of the mind. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991. 279p.
8. Geert Hofstede Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions, and organizations across nations 2nd edition SAGE Publications, USA, 2001. 597p.
9. Geoffrey N. Leech Principles of Pragmatics, Longman Group Limited, New York, 1983. 250p.
10. Hall Edward Beyond Culture, New York: Doubleday, 1976. 298p.
11. Penelope Brown, Stephen Levinson. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1988. 345p.

Oleg Latyshev, Venelin Tarziev, Vanya Banabakova
Prof., ScD h.c., PhD, Mr., M. D. Shapovalenko Internatoinal Mariinskaya
Academy (Russia)

Prof. DS., Mr., Vasil Levski National Military University (Bulgaria)

Prof. Dr., Mr., National Military University Vasil Levski (Bulgaria)

Economic policy of a great Eurasian partnership in customer service standards

Abstract. Ensuring an effective customer service requires targeted efforts in a number of areas, one of which is to develop service standards for each market segment. Differentiation of the customer service is achieved by adopting different standards according to the following criteria: availability of assortment varieties and quantities in percentage of orders placed, actually delivered quantities and assortment varieties in percent of the ordered ones, time (cycle) to execute orders in hours or days, etc.

Keywords: customer service, standards, custom requirements.

1. INTRODUCTION.

Ensuring effective customer service requires targeted efforts in a number of areas, one of which is to develop service standards for each market segment [1, p. 20].

Customer serving standards are defined parameters that have a quantitative expression. They are valid for a longer period of time, they are pre-bid and refer to all customers in a given category (if the organization has adopted a system for categorizing their customers). They facilitate the execution of orders and related procedures. Standards serve to plan the necessary conditions, operations and procedures, as well as to conclude long-term contracts with permanent clients for their service. According to Naydenov, service standards include a description of the customer's desired service, the operations that staff should perform and the way they are performed. They should also contain criteria for assessing the quality of work of the staff. The evaluation is carried out by comparing the requirements of the standard with the actual results [4, p. 105]. The purpose of this study is to investigate the need and capability to develop customer service standards and to propose an algorithm for developing standards related to employee behavior towards customers.

2. DEVELOPING CUSTOMER SERVICE STANDARDS

Differentiating customer service is achieved by adopting different standards according to the following criteria: [5, p. 299].

- availability of assortment varieties and quantities in percentage from orders placed;

- quantities actually delivered and assortment varieties in percentage to the ordered ones; and
- time (cycle) to execute orders in hours or days, and more.

The development of service standards uses the results of their analysis and assessments. Service standardization is an activity of unifying plans, processes, planning system, data exchange system, document turnover, cargo units, commercial and transport packaging, etc. Good practices are regulated in standards (ISO international standards) [4, 211–216] Standards relating to customer service should be developed in the following areas: responsibilities of management; quality control system; supplier's obligations; design management; document management; purchase quality; product identification; management of the processes of providing services; customer service quality assessment; management of control, measuring and implementation equipment; corrective actions applied in the case of established discrepancies in the provided services; loading, unloading, storing, packaging, supply and storage of the product; customer interaction; control over data related to service quality; internal audits related to service quality; personnel training; statistical methods. From a methodological point of view, ISO standards answer the question of what needs to be done to ensure a high level of service, and the question of how to do so is the TQM (Total Quality Management) concept. The latter is geared to improving service when a certain level has already been reached and the implementation of ISO 9000 standards is aimed at reducing the likelihood of deviations. As a result, they complement each other in order to achieve a unified goal, but at different stages of the enterprise's business to provide the necessary level of customer service. The development of ISO 9000 and TQM-based methods is linked to the possibility of integrating the two approaches.

The development and implementation of standards requires the organization to accurately determine customer service types, the cost of providing alternative services, and measures for measuring and controlling the services provided. A key element is the analysis of the target market segment, the specific customers, the product (service) / product line, customer service levels, cost, measurement and control over the application of the standards. At the core of the developed and implemented standards is the development and establishment of the customer service policy, which should start with a consumer demand analysis. It must also take into account the interchangeability of products and the number and characteristics of competitors, as this determines not only the relationship between the organization and customers but also its

sales. The need to maintain large stocks and / or use additional transport is the greater the lower the degree of interchangeability of products. The organization should fairly accurately determine customer behavior when needed to fill depleted stocks of specific products as a whole and for the different regional markets. The consequences of stock depletion are not the same for all customers. They are to a large extent determined by the size of the customer and / or the volume of supplies. Losses in such cases are much greater when dealing with large customers and large deliveries, and this proves to be sufficient basis for implementing a different service policy. In this context, it is often practiced to divide customers by importance into different groups using the ABC analysis method. In the process of conducting these analyzes, specific customer requirements (eg, specific delivery dates) need to be precisely established to accommodate the service. Service policy should be tailored to the current competitive level of service on the market, as lower-level tactics places the organization at a disadvantage. However, this also depends on its ability to provide better service at costs that will not significantly affect price competitiveness. Defining the level of customer service should allow for quantitative measurement because tasks such as "ninety percent customer satisfaction" that are pledged in service policy are not easily measurable and therefore difficult to achieve and control. The ambiguous and not easily quantifiable policy does not provide opportunities to evaluate and control the activities and costs of customer service. In this respect, quantifiable and traceable indicators and targets for each customer service element should be formulated and quantified in service standards, which can be in the following directions:

- Product availability – usually measured in terms of saturation with a specific product (stock availability percentage) or order execution (stock performance percentage). In the standard for this element, time availability can also be combined to make a measure, such as "ninety-five percent of orders to be delivered on time and in full". Product availability is a critical element of service. Therefore, it is recommended that the company has standards for the number and percentage of correctly executed orders over a certain period of time.
- Order cycle length – It is one of the most frequently treated elements in service standards. It is usually formulated as a percentage of orders executed for a certain number of days after receipt – for example, "ninety-five percent of deliveries made within three days of receipt of the order". To determine the

compliance of time standards with customer needs, managers plan cumulative distributions on actual delivery times and compare them with policy-based policies - for example, if 90% of deliveries within the three days of receipt of the order, the market and customer information for orders received is analyzed to determine how many orders were delivered on time and how much later.

- Flexibility of the logistics system – Defined in service standards as an organization's ability to respond to special customer needs – for example, organizing very fast shipments when needed. In such cases, tasks are specified in the relevant standard, such as "95 % feasibility of fast orders in accordance with customer instructions".

- The information security of the logistics system - It is extremely important for customers. In this regard, the company can formulate its information policy in a relevant standard based on user requirements. The availability of such a standard also facilitates the process of controlling the quality of information of the logistics system.

- Miscarriages in the logistics system – The organization should be able to control and quickly eliminate any deviation with a negative effect on the customer - for example, if a shipment is damaged and can not be used by the customer. Reposting required products requires extra time and is associated with additional costs, which reduces service levels and increases costs. The situation is similar in the case of incorrect invoices as it makes it difficult to establish the amount due.

- After sales support and service – It is an important part of the development of logistics – for example, equipment assembly, complete supply of spare parts and others. In this direction, standards should be set, mainly for the time of delivery of the required spare parts, by formulating real measurable tasks, eg "95% of all requested spare parts will be delivered on the day of the order".

In the practical realization of the standardization of the customer service there are also some features:

First, the parameters set in the standards should be realistically achievable but not too low. It is necessary for the standard to contribute to the effective realization of the existing and potential competitive advantages of the organization.

Second, it is often recommended that service standards be pursued at a level of 100 %. This should only be perceived as a philosophy and an ideal, since setting levels below 100 % do not stimulate improvements.

Thirdly, it is advisable that the organization's policy and standards of service be formed and established in close interaction with customers through consultation with them. Practice shows that the best approach is that organizational policy and service standards are open to customers.

Fourthly, the development of procedures for measuring and controlling levels and standards of customer service is a basic prerequisite. Using techniques such as statistical methods of control, maintaining feedback, and undertaking corrective actions are essential to success. If customer service standards are ineffective, the organization should not hesitate to correct or remove them.

It should also be noted that the procurement of raw materials of organizations, as a whole, necessitates reaching almost one hundred percent of service levels because costs related to the depletion of commodity stocks are almost always less than the costs of exhausting stocks of raw materials. In such situations, opportunities are usually sought for replacing raw materials with others. Often, however, the following is observed:

- The short periods for carrying out specific production activities do not allow them;
- A number of raw materials are strictly specialized and specific, their suppliers are limited and replacements are impossible;
- Specific technical and technological requirements make it very difficult for trouble-free replacement.

In this sense, any breach of supply activities may have significant negative consequences for customers (manufacturing enterprises), especially if the depletion of stocks is prolonged. Obviously, the cost of depletion of supply stocks is very high, which requires additional effort on the movement and storage of raw materials. The depletion of stocks of raw materials is linked to causing multiple negative internal and organizational effects – mainly triggering a chain reaction, as the depletion of stocks of raw materials in an enterprise creates problems for the others in the technological chain.

3. ALGORITHM FOR THE DEVELOPMENT OF THE STANDARDS CONNECTED WITH THE CONDUCT OF OFFICIALS/EMPLOEES TO CUSTOMERS.

When developing service standards in our opinion, it is advisable to apply the following algorithm, which focuses primarily on standards related to employee behavior towards customers: [3, p. 165–171].

First. Field of application.

Defining the need to create service standards. This need may arise in the following circumstances:

- when the business is related to direct communication with the end user in the context of an intensifying competitive market struggle, whereby pricing policy, the quality of the goods or service being sold and the level of service in the organizations are almost the same. The organization should distinguish itself from its competitors with its approach to customers in order to attract and retain the attention of the desired category of customers;
- When expensive and prestigious products are offered which in themselves require a well- thought approach, representation, delivery and aftercare;
- when the organization has several subdivisions and strives to impose an equally good, familiar and customary style of service regardless of the remoteness of the site from the head office;
- when the aim is to ensure fast and quality control of the high level of service. The tremendous advantage of implementing standards is that they already set those values, which should match the behavior of vendors.

Second. Features of Conversion.

Service standards should be implemented in a comprehensive manner. It is expedient to apply the following ways to implement management elements that provide efficiency:

- preparation of the exact description of the behavior, based on the service standards;
- training of employees for work habits in accordance with the developed standards;
- Training of specialists managing personnel, to be in line with standards;
- developing a control system to monitor whether employees' actions are in line with standards;
- development of a system for motivation and stimulation of the personnel, who have mastered the standards of service;
- implementing samples – preparation of all documentation (provisions, instructions, quick reference lists) for managers and contractors based on service standards.

Third. Preparation of organizational standards of service.

Stage 1. Description of the employee's actions when interacting with the client.

Task – to prepare an accurate description of the employee's actions based on the relevant service standard sections: telephone conversation; greeting; conducting a dialogue; exit from a prolonged conversation; communication with an inadequate client; arranging accounts with the customer; re-visit (standards of conduct with standing clients); goodbye; behavior of staff in conflict situations.

Order to develop standards:

- Placing a task by the client.
- Surveillance of successful clients' work with the aim of describing the principle consistency of the actions of the employees in the organization.
- Making inquiries among client specialists to clarify opinions on optimal action in line with service standards.
- Conduct a training or seminar with key organizational staff to appraise the standards developed and optimize them.
- Describing the standards in a form for the principle sequence of actions.
- Meeting the project initiators with the clients to reconcile the developed standards.
- Specification of standards with customer wishes.
- Validation of the developed standards.

The result of this stage is the elaboration of a methodical tool describing the actions of the commercial specialist in accordance with the indicated sections of the standard.

Stage 2. Development of a system for controlling the compliance of the employees' behavior with the accepted standards for customer service.

Task - Define a system for obtaining objective information (control) about employees' actions and define a circle of people between the employees in the organization who are responsible for implementing customer service standards.

Order to develop control system:

- Determination of the control criteria, based on the correspondence between the work of the customer care specialist and the service standards.
- Identify a sufficient number of methods for obtaining information to ensure control.
- Development of reporting documentation forms (Letters and Quick Check Lists) for the performance of the functions of control and evaluation of the actions of the specialists.
- Description of actions to assure the objectivity of evaluations of responsible professionals on the control and implementation of the developed standards.

- Description of the control procedure.
- Compiling layouts for the control system in line with customer service standards.
- Conducting a mini-seminar to coordinate the main control points with the specialists responsible for it.

The outcome of this stage should be the development of the Control System Rules.

Stage 3. Changing the motivation of the professionals responsible for the implementation of the standards.

Task - to incorporate into the motivation system elements that stimulate the actions of the specialists in the company according to the developed standards.

Modification of the motivation system:

- All job descriptions are required to include the control of the compliance of employee behavior with service standards.
- Identify and validate incentive rates for those who comply with the standards, but also fines for violations.
- Establish a new pay system.
- Develop and validate incentive rules.

The result of this stage should be Rules for the system for motivation and stimulation of the trade specialists in accordance with the new standards

Stage 4. Implementation of the developed standards.

Task – to explain to staff the appropriateness of adhering to accepted standards. Minimize resistance to change and speed up the process of implementing standards.

Order for implementation of developed standards:

- Conduct meetings with responsible persons to explain the need for strict compliance with the established standards by the employees of the organization. Explain the essence of innovation, give instructions for the actions of those responsible, clearly outline the sphere of their responsibilities, the level of authority and the resources they can dispose of in their tasks. Answer all questions.

- Some points in customer service standards may be added.
- The result should be focusing on the ability to work with clients in line with accepted standards.

On the basis of this study, the following conclusions are highlighted:

- Standards relating to customer service should be developed in the following areas: responsibilities of management; quality control system; supplier's obligations; design management; document management; purchase quality; product identification; management of the processes of providing services; customer service quality assessment; management of control, measuring and implementation equipment; corrective actions applied in the case of established discrepancies in the provided services; loading, unloading, storing, packaging, supply and storage of the product; customer interaction; control over data related to service quality; internal audits related to service quality; personnel training; statistical methods.

- The basis for the developed and implemented standards is the development and establishment of the customer service policy, which should start with the analysis of consumer demand. It must also take into account the interchangeability of products and the number and characteristics of competitors, as this determines not only the relationship between the organization and customers but also its sales.

- Quantifiable and traceable metrics and targets for each customer service element should be formulated and embedded in service standards.

- In developing service standards, it is appropriate to apply an algorithm that focuses primarily on employee behavior standards for customers, which includes four stages with the appropriate tasks and order for developing the standards.

In conclusion, ensuring quality customer service requires the development and deployment of standards that require the organization to accurately determine customer service levels, the cost of providing alternative services, and the measurement and control measures for the services provided.

Reference List

1. Banabakova V. (2013). Logistics as a source of competitive advantages– views and fragmentation. Secondary School of Economics, Veliko Tarnovo, p. 20.

2. Blagoev Bl. and call. (2009). Industrial logistics. Ed. Science and Economics. University of Economics. Varna, pp. 211-216.

3. Golubin E. (2007). Effective distribution. Ed. Softpres. S., pp. 165–171.

4. Naydenov N. (1999). International Marketing. Analysis, strategies, realization. IM "Holding". S., p. 105.

5. Vasileva L. and kol. (2002). Distribution policy. Part 2. Ed. Thrace-MS, 299 p.

Левченко М.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Локальный алгоритм текстов художественной немецкой прозы (на примере новеллы и исторического анекдота)

Аннотация. В настоящей статье описываются общие, частные и инвариантные характеристики локальной архитектоники текстов художественной прозы на примере немецкой новеллы и исторического анекдота и устанавливаются их грамматические модели по текстовой категории локальности. При сравнении двух типов текстов – новеллы и анекдота, автор доказывает, что их грамматические различия носят незначительный характер, связанный, прежде всего, с жанровыми особенностями анализируемых текстов и их прагматической направленностью. Новелла, как текст большего объема, в меньшей степени связана с четко детерминированными индикаторами пространства. В анекдоте (как историческом жанре) наличие имени исторической личности и указание на место событий в тексте являются практически обязательными.

Ключевые слова: новелла, анекдот, локальность, индикатор, полилокальность, неоднородность.

M. Levchenko

Moscow Region State University (Moscow)

Local algorithm of texts of German prose (on the example of a short story and a historical anecdote)

Abstract. The paper considers general, specific and invariable features of the local framework of fictional texts by the examples of a German short story and a historical anecdote. Grammatical patterns of a textual category of locality are established. In comparing and contrasting the texts of two genres it is found that there are minor grammatical differences, mainly predetermined by genre peculiarities and their pragmatic organization. A short story, as a text of a larger size, is to a lesser extent connected with the deterministic indicators of locality. An anecdote, as a historical genre, is obligatory characterized by locality and names of historical figures.

Keywords: short story, anecdote, locality, indicator, polilocality, nonuniformity.

Цель настоящей статьи установить общие, частные и инвариантные характеристики локальной архитектоники текстов художественной прозы (на примере новеллы и анекдота) и выявить их грамматические модели по текстовой категории локальности.

Употребление в новелле локальных маркеров, обеспечивают локальную детерминацию описываемых автором событий, в результате чего читатель способен ориентироваться относительно места, в котором они происходят. Приведем примеры отрывков текстов новелл, в которых функционируют локальные индикаторы, обеспечивающие локальную

ориентацию читателю в описываемых в новелле событиях (в большинстве случаев это – географические реалии).

1. *“Als ich in der Schiffsagentur von Kalkutta einen Platz für die Rückreise nach Europa auf der „Oceania“ bestellen wollte, zuckte der Clerk bedauernd die Schultern. Er wisse noch nicht, ob es möglich sei, mir eine Kabine zu sichern, das Schiff wäre jetzt knapp vor dem Einbruch der Regenzeit immer schon von Australien her ausverkauft, er müsse erst das Telegramm von Singapur abwarten“* (St. Zweig *“Der Amokläufer“*) [3].

2. *“Fort von dieser Stadt, fort selbst, nach Hause, zu meinen Menschen, zu meinem eigenen Leben. Ich fuhr die Nacht durch nach Paris, dort von einem Bahnhof zum anderen und direkt nach Boulogne, von Boulogne nach Dover, von Dover nach London, von London zu meinem alles in diesem einzigen jagenden Flug. ohne zu überlegen, ohne zu denken, achtundvierzig Stunden, ohne Schlag ohne Wort, ohne Essen, achtundvierzig-Stunden, während deren alle Räder nur dieses eine Wort ratterten: fort ! fort! Als ich endlich, unerwartet für jeden einzelnen bei meinem Sohn im Landhaus eintrat, schracken sie alle auf: irgend etwas muß in meinem Wesen, in meinem Blick gestanden haben, das mich verriet“* (St. Zweig *“Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau“*) [3].

В приведенных сегментах новелл в большинстве случаев употребляются географические реалии – Kalkutta, Europa, Australien, Paris, London и др., представляющие собой автосемантические обстоятельства места.

Однако чаще ориентировка читателя в художественном пространстве новеллы осуществляется при поддержке синсемантических локальных сигналов. Проиллюстрируем их употребление в других текстовых сегментах (выделено курсивом):

3. *“Im Hotel war der erste Weg des jungen Mannes zu der Liste der anwesenden Gäste, die er bald enttäuscht durchflog. „Wozu bin ich eigentlich hier“, begann es unruhig in ihm zu fragen. „Allein hier auf dem Berg zu sein ohne Gesellschaft, ist ärger noch als das Bureau. Offenbar bin ich zu früh gekommen oder zu spät. Ich habe nie Glück mit meinem Urlaub“* (St. Zweig *“Brennendes Geheimnis“*) [3].

4. *“Dort waren erst ein paar Tische besetzt, die er alle mit eiligem Blick überflog. Vergeblich! Keine Bekannten, nur dort - er gab lässig einen Gruß zurück – ein Trainer, den er vom Rennplatz kannte, dort wieder ein Gesicht von der Ringstraße her, sonst nichts. Keine Frau, nichts, was ein auch flüchtiges*

Abenteuer versprach. Sein Mißmut wurde ungeduldiger“ (St. Zweig “ Die Gouvernante“) [3].

5. *“Ich tastete mich empor auf Deck. Es war leer. Und als ich den Blick aufhob über den düsteren Turm des Schornsteins und die geisterhaft glänzenden Spieren, drang mir mit einem Male magische Helle in die Augen. Der Himmel strahlte. Er war dunkel gegen die Sterne (St.Zweig „Die Amokläufer“) [3].*

6. *„Ich sehe, ich kann nicht klar aussprechen, was ich Ihnen eigentlich sagen möchte. Ich will Ihnen lieber schreiben.“ Und rascheren Schrittes, als ich es sonst an ihr gewohnt war, ging sie gegen das Haus zu. Tatsächlich fand ich am Abend, knapp vor dem Diner, in meinem Zimmer einen Brief in ihrer energischen, offenen Handschrift. Nun bin ich leider mit den schriftlichen Dokumenten meiner Jugendjahre ziemlich leichtfertig umgegangen, so daß ich nicht den Wortlaut wiedergeben und nur das Tatsächliche ihrer Anfrage, ob sie mir aus ihrem Leben etwas erzählen dürfe, im ungefähren Inhalt andeuten kann.“ (St. Zweig “Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau“) [3].*

Синсемантические локальные маркеры представлены в приведенных выше сегментах текста новелл. В большинстве случаев они представлены предложными конструкциями vom Rennplatz , in meinem Zimmer, auf Deck или локальными наречиями hier, dort.

В приведенных отрывках обнаруживается двуплановость (план авторской речи и речи персонажей) их локальной структуры, неоднородность (различные части речи с локальной семантикой: группы существительных с предлогом, наречия с локальной семантикой) и полилокальность (смена места событий) новеллы как определенного типа текста в плане его грамматического оформления.

Итак, значимыми характеристиками локальной системы типа текста новелла выступают следующие позиции:

1. Синсемантический характер (обстоятельства места без четкой ориентации читателя в художественном пространстве) локальной детерминации описываемых в новелле событий, реже автосемантический (наличие географических реалий);
2. Двуплановость локальной структуры;
3. Неоднородность локальных маркеров;
4. Частые смены места действия или полилокальность.

В анекдоте преобладание тех или иных средств актуализации в сфере художественного моделируемого пространства связано со многими особенностями данного жанра: с содержанием самого анекдота, набором

действующих лиц, композицией, развитием сюжета. Это также зависит от тех пространственно-временных характеристик анекдота, как исторического эпизода из жизни известной личности, а также от индивидуального стиля автора и ряда других факторов.

По классификации С. В. Котоянц [1], выделены разные группы текстов художественной прозы, где:

- 1) конкретно названо определенное и точное географическое место;
- 2) указаны исторические события, которые читатель соотносит с конкретным географическим пространством;
- 3) употреблены реалии, коррелирующие с определенным историческим местом;
- 4) указан год и место написания того или иного текста, обозначены сведения о жизни писателя, факты его биографии.
- 5) употребляются только синсемантические обстоятельства в функции актуализации, которые являются локализаторами в системе координат художественного пространства и создают локализацию только внутри самого текста.

Вот некоторые примеры таких текстов:

1. модель

„Es hatte einer aus Bayern einen Sohn, der mehr überwunden ward von dem Wein, als daß er Wein überwand.“ (A.Tünger „Von einem Sohn, der vom Wein überwunden ward“) [2].

2. модель

„Es geschah in der Zeit der Vernichtung, daß der Generalleutnant X in Gefangenschaft gericht, nachdem er in einer Kesselschlacht seine Division bis auf wenige Mann verloren hatte.“ (J.Becher „Der Weinkeller“) [2].

3. модель

„Im Herzogtum Schleswig, in der Landschaft Angeln, leben noch Leute, die sich erinnern ...“ (Brüder Grimm „Die drei Alten“) [2].

4. модель

„Es waren einmal zwei Frauen in einem Webers Haus und wollten stricken.“ (J.Pauli „Wie man die Wahrheit finden muß“) [2].

5. модель

„Es war einmal ein Edelmann, der hatte in einem Krieg eines Bürgers Sohn gefangen und fürte ihn heim in sein Schloß.“ (J.Pauli „Wie man die Wahrheit finden muß“) [2].

На основании анализа сегментов приведенных текстов становится очевидным, что актуализирующая функция обстоятельств места является главной при формировании соотнесенности событий, отображаемых в анекдоте, с определенными координатами реального или художественного пространства. Сама же локальная архитектура анекдота как типа текста определяется в таких текстах как авто/синсемантическая. Анекдот по локальным характеристикам является двух – или одноплановым (в соотношении 2:1, с преобладанием авторской речи) типом текста, однородным по средствам локальности (в большинстве своем предлоги с существительными) и моно – или полилокальным (возможны оба варианта) по смене места действия.

При сравнении двух типов текстов – новеллы и анекдота – обнаружено, что их грамматические различия носят незначительный характер, связанный, как правило, с жанровыми особенностями анализируемых текстов и их прагматическими задачами. Новелла, как прозаический текст большего объема в меньшей степени связан с четко детерминированными языковыми сигналами пространства, что касается анекдота (как исторического жанра), то наличие имени исторической личности и указание на место событий в тексте является необходимым для данного жанра. Связь с историей четко обеспечивается грамматическими языковыми средствами.

Итак, алгоритм локального построения анализируемых двух типов текстов, принадлежащих художественной прозе, определяется следующим образом:

1. Новелла – тип текста с грамматическими характеристиками в плане локальности: синсемантически-автосемантический, двухсистемный, неоднородный и полилокальный.

2. Анекдот – тип текста с грамматическими характеристиками в плане локальности: авто-синсемантический, двухсистемный, неоднородный, моно – или полилокальный.

Систематизируя локальные показатели анализируемых текстов, можно отметить, что инвариантами установленных локальных маркеров в исследуемых текстах являются: локальная детерминированность их архитектуры, наличие авторского и персонажного планов, степень однородности/неоднородности локальности, а также изменчивость места действия описываемых событий. К общим локальным характеристикам относятся неоднородность локальных языковых средств и полилокальная

изменчивость действий, а к частным особенностям – степень участия автосемантических и синсемантических локальных маркеров в анекдоте и новелле.

Список литературы

1. Котоянц С. В. Обстоятельства места и времени в локально-временной детерминации художественного текста: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. М., 1983. 24с.
2. Deutsche Anekdoten aus fünf Jahrhunderten. hsg. Rotter A. Leipzig, 1977. 123 S.
3. Zweig St. Novellen. M., 1959. 214 S.

Ленцищева Я.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: к.филол. н., доцент кафедры индоевропейских и восточных языков МГОУ Сахарова Н.Г.

Лексико-стилистическое исследование темы «отцов и детей» в творчестве Д. Рейнольдса

Аннотация. В данной статье проводится лексико-стилистическое исследование темы взаимоотношения между «отцами и детьми» на материале текстов песен американского рок-поэта Д. Рейнольдса. Новизна проблемы заключается в изучении способов повышения экспрессивности текста и раскрытия основной идеи. Полученные результаты могут быть использованы в области теории текста и поэтического языка.

Ключевые слова: тема «отцов и детей», художественно-экспрессивные средства, альтернативная рок-поэзия.

Ya. Lentichsheva

Moscow Region State University (Moscow)

Lexical and stylistic study of the “fathers and children” problem in D. Reynold's poetry

Abstract. The paper studies lexical and stylistic means for expressing the relationship between fathers and children in D. Reynold's lyrics. The novelty of the problem lies in the study of the ways of making the text more expressive. The results obtained can be used in the field of text theory and poetic language.

Keywords: theme of “fathers and children”, expressive means, alternative rock poetry.

Под поэзией (греч. ποιησις, «творчество, сотворение») понимают «особый способ организации речи; привнесение в речь дополнительной меры, не определённой потребностями обыденного языка; словесное художественное творчество» [1]. Основной жанр американской группы

Д. Рейнольдса 'Imagine Dragons' – альтернативный рок, который является разновидностью классического рока. Альтернативный рок приобрёл массовое влияние в конце 80-ых годов в Америке и освещал все основные темы, такие как: любовь, ненависть, дружба, свобода, равенство, а также взаимоотношение «отцов и детей» [2]. Эта тема является актуальной во многих литературных произведениях. Наиболее известное произведение, где глубоко разработана данная тематика, – роман А. С. Тургенева «Отцы и дети». В романе показаны недопонимание «отцов и детей», расхождение взглядов между двумя поколениями, «мир нарушенных отношений» [4, с. 3]. Кроме того, трудные взаимоотношения между родителями и детьми описаны в семи романах о Гарри Поттере Дж. Роулинг. В экспозиции рассказа Дж. Олдриджа «Последний дюйм» автор показывает состояние ребёнка-сироты при живых родителях: «...в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец – посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе» [5]. Схожая ситуация была в многодетной семье, где вырос Дэн Рейнольдс. Будущий поэт был воспитан в семье мормонов, всегда считал себя духовным человеком, но не всегда соглашался с положениями церкви. Он часто писал тексты песен о своих сомнениях, чтобы рассказать своим консервативным родителям о своих внутренних конфликтах [6]. Он родом – из многодетной семьи: с семью братьями и одной сестрой [Там же]. С самого начала эта семья была эталоном верности, сплоченности и взаимопонимания, но в любой жизни случаются обстоятельства, когда всё идет не по плану и жизни любящих людей расходятся в разные стороны. Отец Дэна на время покинул семью, что вызвало расстройство психики мальчика, повлияло на его мировоззрение, отношение к жизни. Это впоследствии проявилось в его творчестве. Тема конфликта между отцом и сыном ярко выражена в его поэзии. Поэтический язык Д. Рейнольдса богат художественно – экспрессивными средствами [8].

Для поэта характерно использование гиперболы для усиления идеи непонимания между поколениями: '*It's been a long hard road without you by my side*' [3] (Это был долгий трудный путь без тебя рядом со мной), '*Why weren't you there all the nights that we cried*' [Там же] (Почему тебя не было все те ночи, когда мы плакали?), '*Were full of hate*' [Там же] (Были полны ненависти), '*Those scars run deep inside this tattooed body*' [Там же] (Эти шрамы глубоко внутри этого татуированного тела), '*There's things I'll take,*

to my grave [Там же] (Их я заберу с собой в могилу), *I spent so many years learning how to survive* [Там же] (Я потратил столько времени, чтобы научиться выживать), *You could stop a thousand wars across the globe* [Там же] (Ты мог бы остановить тысячи войн по всей земле), *You never know the top till you get too low* [Там же] (Ты не узнаешь, что такое взлёт, пока не упадёшь очень низко);

- метафоры для придания поэтической речи яркой эмоциональности: *You broke my mother's heart* [3] (Ты разбил сердце моей матери), *You broke your children for life* [Там же] (Ты сломал жизни своих детей), *And then I shot shot shot a hole through everything I love* [Там же] (И я продырявил выстрелами, выстрелами, выстрелами всё, что любил);

- эпитета для передачи ярких эмоций и смысловых оттенков: *The days I spent so cold, so hungry* [3] (Мои холодные, голодные дни), *I was so angry* [Там же] (Я был так зол);

- лексического повтора для придания экспрессивности художественному тексту: *I'm sorry, mother... I'm sorry, I let you down* [3] (Я сожалею, мама... Прости, я подвёл тебя), *I'm sorry, brother...I'm sorry, I let cha down* [Там же] (Я сожалею, брат... Прости, я подвёл тебя), *I'll admit, that I miss you, I miss you* [Там же] (Признаюсь, что я скучаю по тебе, я скучаю), *I'm sorry for everything, oh everything I've done* [Там же] (Я жалею обо всём, обо всём, что я сделал);

- олицетворения: *Pain! You made me a, you made me a believer, believer* [3] (Боль! Ты заставила меня, заставила меня верить, верить).

Со временем отношения между членами семьи наладились, Дэн получил поддержку отца и смог простить ему все обиды. Поэт вспоминает: «Мой отец – мой главный источник вдохновения» [7].

Использование художественно-экспрессивных средств позволяет Д. Рейнольдсу сделать текст более выразительным, эмоциональным, экспрессивным и полностью раскрыть исследуемую тему.

Список литературы

1. Википедия // Поэзия [Электронный ресурс] //URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Поэзия> (дата обращения: 23.09.2017).
2. Википедия // Рок-поэзия [Электронный ресурс]//URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Рок-музыка> (дата обращения: 23.09.2017).

3. Лингво-лаборатория «Амальгама» [Электронный ресурс] //URL:https://www.amalgama-lab.com/songs/i/imagine_dragons(дата обращения: 07.10.2017).

4. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.; Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 296 с.

5. Мир знаний [Электронный ресурс]//URL:<http://mirznanii.com/a/275992/tema-ottsov-i-detey-v-mirovooy-khudozhestvennoy-literature> (дата обращения: 27.09.2017).

6. Музоко.ру [Электронный ресурс]//URL:<http://www.muzoko.ru/imagine-dragons/imagine-dragons-intervyu-zhurnalu-billboard> (дата обращения: 01.10.2017).

7. Рок культ [Электронный ресурс]//URL:<http://rockcult.ru/po/july-14-reynolds-b-day> (дата обращения: 01.10.2017).

8. Сахарова Н. Г., Нуянзина Л.В. Художественно-экспрессивные средства выражения образа отрицательного героя в ирландских сагах//к юбилею со дня рождения Ю. М. Лотмана. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С.82–85.

Ли Цин

Цзилинский университет КНР

俄罗斯网络信息文化以及共通的中国网络信息文化特征

论文摘要：本文是对俄罗斯网络信息文化以及网络思维进行研究，运用跨社会人文学科和自然学科的综合方法，使网络文化研究示范概念化。对中国网络信息文化的特征进行分析和比较，了解中俄网络信息文化的共通性，这使我们能够对“网络”这一概念进行合理化解释，该概念经常用于现在科学之中，并带有附加的隐含意义。

关键词：信息，信息文明，互联网，网络信息文化，互联网思维。

Li Qing

Jilin University (China)

Common characteristics of Russian and Chinese network information culture

Abstract. The paper studies the Russian network information culture and network thinking using the comprehensive method of cross-social humanities and natural sciences to make the network culture research conceptualized. To analyze and compare the characteristics of the Chinese network information culture and to understand the similarity of the Chinese and Russian network information cultures, we rationalize the concept of the “Internet”. This concept is often used in modern science and carries an additional hidden meaning.

Keywords: information, culture, Internet, Internet information culture, Internet thinking.

在俄罗斯的哲学领域，出现了一门叫作“虚拟学”的哲学方法论（诺索夫），这是一个跨学科领域。虚拟学的目的是建立心理虚拟现实理论，关于这一点，美.依. 格纳秋克， 格里曼科， 诺索瓦亚，伊万诺夫，科瓦列夫斯卡娅， 阿. 科尔莫戈罗夫等都在自己的著作中有所论述¹。但实际上，并没有一篇著作从哲学文化学和哲学人类学角度对网络信息文化以及对网络思维特征进行阐释说明。

在当代哲学和科学中，“网络”这一概念基本是在谈到“技术网络”时使用，主要指互联网和社会网络，这个层面的研究很多。我们的相关研究领域是互联网，信息理论，信息技术哲学以及虚拟现实的其他方面。在这方面主要是一些西方学者的研究成果，如：博斯特罗姆,麦克卢汉等等。我们的研究课题也与信息社会相关，其中占主导地位的是信息技术。乌. 马丁从深度和广度两方面研究计算机化和信息化对人类社会生活的各个方面的影响，并称之为计算机或“信息化”革命。此外，西方社会政治界对所谓的“信息化社会”这一概念提出了不同理解，信息化社会的目标是解释由科技进步和计算机信息化改革而催生的新现象。在西方社会政治思想中，今天“信息化社会”这一概念的地位，就如同上世纪70年代的“后工业化社会”理论一样，甚至有过之无不及。

在分析信息化社会理论时，瓦尔塔诺夫将其划分出两个基本方向²：

第一，

信息经济理论，关注新兴信息通讯技术对各经济领域生产力的影响

第二，

信息社会理论，研究社会，政治，文化领域中人及其全球化迅猛发展基础的问题。艾.托夫勒认为，信息社会的基础是电子通讯技术的普及，也就是计算机革命³。由此，信息作为极赋价值的资源，拓宽了人类能力，增强了现实虚拟化的心理因素等等。也就是说，他将信息社会看作“正常的”社会，它有能力理性地解决不断地出现在人们面前的问题，其中，包括解决人类异化的问题。但吉布森则与托夫勒的看法不同，认为信息社会是脱离常规的。他论断的实质是：一间“电子屋”可以将一栋房子变成了社会的中心，“电子办公室”，可以让人们在家工作，最后，数控设备成为对法律法规的践踏，而破坏法规就意味着战争。

巴德玛和吉登斯坚持认为⁴，信息社会会导致人类认同危机，因为大众传

媒中的虚拟世界破坏了代际联系以及与其与历史的联系，让现实的生活越来越虚拟化。

弗·马克卢普（美国）和 午灭桑（日本）⁵在自己的文章中认为，在信息社会中，计算机化的进步不仅让人们接触到可靠的信息源，也会让他们摆脱传统刻板的工作，从而提高生产自动化的水平，使产品更加偏向“信息密集型”（自身价值中创新、设计、营销、通讯以及信息加工比重更高）。

一些哲学学者们认为信息社会能够：

- (1).通过即时获得各种信息而扩大公民的权利；
- (2).提高公众参与政治决策、监督政府行为的可能性；
- (3).能够让人们积极地生产信息，而非仅仅是消费信息；
- (4).能够为个人生活以及私人通讯往来提供保护手段。

(5).信息社会的潜在优势和可能性不会自己变成现实。公民能够对政府产生直接影响，只有在现有民主体制改革的条件下才会实现。实现“全民民主”和其他形式的“直接民主”已成为可能。同时，国家对信息编码的干预越来越大，这就威胁了公众的个人生活隐私。

一些哲学学者和社会学者倾向于在“信息社会”和“后工业主义”这两个概念之间画一道清晰的界限。但是，尽管“信息社会”概念认为是对“后工业化理论”的替换，但是它的支持者一直在反复强调并且进一步发展了一系列重要的理论，如唯技术论，后工业主义和传统的未来主义理论。乌·马丁也表达了相同的观点，“在这样的社会里，生活的标准，劳动和休息的方式，教育体系以及市场都会受到信息知识领域成果发展的巨大影响”⁷。贝尔作为信息社会概念的鼻祖，他强调到，信息与知识进入社会基座时，与物质条件和生产活动处于同一水平位置。与此同时，贝尔确立了信息成本理论，并将知识而非劳动看作是信息的源头⁸，深入研究“认知资本”和“知识社会”理论，这两大理论在世纪之交的欧洲和俄罗斯都很流行。

因此，德·贝尔提出的理论是理解信息和正在发展的通讯技术的最初尝试。贝尔认为我们进入了一个新的体系，进入到了后工业社会，这个社会虽然有各种各样的独特性，但是最主要的是信息数量的扩大和信息作用的提高。此外，信息无论是在数量上还是质量上都称为新型社会的关键因素。

第一，信息数量得以增长。

第二，特别是随着理论知识作用的增长，信息发生了质的飞跃。研究员将居民就业结构作为研究基础。他们假设，当大多数就业人员都在信息领域工作，那我们也就进入了信息社会。在最新追踪技术、数码摄像领域就业率的下降的情况下，如果有人避开电子信息保护手段，潜入到计算机系统，文件夹以及数据库，这就不得不提出一个问题，如何保护个人信息免受外来干扰。此外，对于大多数居民来讲（主要是老年群体），很难适应数字化环境。但是也有这样一种情况，就是适应的过程好像很顺利，这一过程（数字社会的形成发展）产生了“**数字分裂**”。因为信息领域的劳动分工导致产生一个新的“**信息**”精英阶层，构成这一阶层的人，主要是最接近信息技术生产的人。这就导致了社会异化。因此，不同于科技途径，将研究重点放在提高科技和电子等相关领域的作用，信息社会的社会学理论重点关注人的因素，也就是通过学习获取知识的信息化过程。在一系列的概念中，科学家重点关注信息网络，将它作为人类自由的“**停留地**”以及**消除异化的地方**，因为正是它们将不同的地点连续起来，因此，可以对时间和空间产生巨大影响。

通过分析与所研究问题相关的文献了解到，所有研究当代社会的分析家都指出信息和信息互操作性技术的作用越来越大。高速运行的光线网络在当今社会被普遍利用，淘汰了过去使用的电报和电话。但是一些研究者的研究工作表明，虽然新技术、经济、政治社会生活组织形式有着众多优势，但同时信息领域的发展也隐藏着一系列危险隐患，比如会加剧社会关系的紧张程度，使得人与人之间变得疏远，扩大人类学危机的危险性。相互疏远现象正在以新的更严峻的形式表现出来，并且已经触及到人本论。我们认为，在人本论领域存在一些进程，通常这些进程是建立在技术主义和后工业主义理论之上，但现代信息社会还有一个特点：通信方式的形成和发展促进了网络文化，或者叫网络信息文化的形成。

在最近几年信息网络在社会组织当中发挥了举足轻重的作用，使得网络聚合模式变得十分流行。信息网络创造了很多便利，因为它不但可以连接群体内部的各个“**点**”（或者叫环节），还可以连接办公室、这个城市、整个大陆、甚至是地球范围之外的各个“**点**”。通过电子邮箱写信，从网上搜集信息等等这一切吸引越来越多的人，也与重新审视人类存在的时间空间体系内的种种关系密切相关（通常网络世界中的种种困难主要是与时间空间的新算法紧密相关）。

在此产生一个问题：网络信息文化是如何影响人的存在基础的呢？在人类身上到底发生着什么？但是首先要弄明白，网络信息文化作为一种现象代表着什么呢？

在我们看来，在当今俄罗斯文化中只有努尔加列耶娃对于网络文化的定义是比较被认可的（主要是因为在这个问题上根本没有相关研究），她的定义是：网络文化是在全球网络环境中形成的多种价值的集合体。按照她的理解网络文化同时在其丰富的体系中构建了网络环境。也就是说，网络共同体的整体文化水平是由拥有艺术、教育、科学价值（还有娱乐价值）的资源总体决定的。

网络被看作是人类学系统现象，在使用网络资源时要遵循其特定的规范和准则（道德的，合乎礼节的，美学的），同时在进行网络交际时要遵守法律规定。因此“网络思维”的发展水平、用户技能发展水平、在网络交际空间有效处理信息的能力水平，这些都与网络信息文化密切相关。这要以包含全球信息言语、交际过程和提升个人教育水平在内的人的教育和自我教育为前提。网络群体的整体文化水平不只是由具有艺术价值、教育价值、科学价值的综合体决定的，更是有网络思维的发展程度决定的，这种思维被看做是对虚拟现实的智力和价值的开发方法。

网络不但会导致新形式的相互疏远和自我疏离、社会混乱、匿名性，更是为建立创作形式、人类群体进行自由的自我组织、创立独立团体和亚文化提供了先决条件，同时在人的自我表达方面，在保证个人自由和尊重他人权利、匿名性和亲密关系的前提下，确保团体和个人有绝对的公开自由，这也就意味着把人放入类一个新的空间里，虽然这个空间存在很多风险，但是人的安全能够得到保障。网络促使形成了一种新的思维模式---即网络思维，网络为人的个性的形成和改变、人的自我调整和心理适应、智力和文化的发展提供了空间，打造新型的自我表现和自我认同风格，这可以改变人的自我疏离和人的自由之间的界限。

通过分析一些资料我们可以对网络信息文化的定义主要分为两个：

网络信息文明---

在利用网络资源时，要遵循一些特定的习惯准则，同时在进行网络交际过程中要遵守道德标准。

网络信息文化---

这是指用户在网上获取和发布信息过程中，其拥有高水平的技能和有效处理信息的能力。

还有些人认为网络信息文化代表着信息化社会的发展水平，尤其当电脑网络技术会对人的个性产生特殊影响时，认为网络信息文化不仅包括各种网络世界中的人为产物，还包含一些通过技术能够获取到的特定的知识和技能。

由此可以下将网络信息文化的概念划分成这样几个定义来进行理解：

在全球电子环境中存在的各种文化价值的综合体；

在利用网络资料的同时不但要遵守约定俗成的准则（包括道德和礼仪准则），还要在网络交际过程中遵纪守法；

在网上获取和发布信息过程中，用户的“网络思维”、网络技能和有效处理信息的能力得到高水平的发展；

将几个划分开的概念总结起来，可以得出一个结论，说到文化水平和人的素养，在信息技术的支持下，人可以置身于全球语言和交际过程中。网络共同体的整体文化水平不仅是由具有艺术价值、教育价值、科学价值的资源综合体**决定**，还取决于网络思维的发展程度，这种思维被看做是对虚拟现实的智力和价值的开发方法。

所以，**信息社会要求人们**要具备计算机和网络常识。如果计算机常识包括与计算机程序和计算机硬件相关的技能，也就是发展用双手操作键盘的技能，那么网络常识指的就是一系列知识和概念，在这些知识的帮助下能够构建信息文化。网络信息文化与多种信息文化并存，其可以表现出当代人的特征，影响人的世界观、道德鉴赏力、行为准则、知识体系和专业技能的形成。

很多学者认为网络文化交际空间有以下基本特点：

(1)**网络文化**中各种网络共同体（亚文化）的存在，相比较于工业时期的文化主体，网络文化没有统一的主体。

(2)**网络共同体**作为集合主题，不但与个体相互作用，还与其他共同体相互作用。

(3)**网络共同体**是在其参与者的价值定位的基础上形成的，并能确保其成员之间进行互动交流。

在这方面，网络文化需要具备能够提交网络资源材料的能力，能够找到和利用需要的信息，能够转移复合结构的文本材料，利用超链接。在创建网站时，能够完全弄懂网络，还会自由运用各种网络媒介和网络服务。此外，随着网络空间的发展，网络资源创建者和使用者之间的界限正渐

渐消失。在文化修养方面可以将网络文化分为以下几点：**第一**，这是艺术价值；**第二**，这是具体资源的教育和科学价值；最后，这是各种形式社交所具有的文化。考虑到信息资源主题方向具有不同种类，以及在网上发布信息的形式，可以说在网上有很多亚文化，而这些亚文化内部有着自己的网络行为准则。

谈到网络信息文化的形成，可以认为该过程是由教育资源的比较流行的流行信息技术决定的。这种技术包括网络媒体、网络图书馆、网络目录、网络文献等等。因此，网络信息文化（文明的网络交际）的术语中包含着建立新型、能够化解彼此疏离的机制和实现人的自由的先决条件，其中包括通过建立新的生产、工艺、所有权**形式**来实现，关于这一点有很多描写，甚至连马克思都没有预想到这一点。个性的发展、个体责任和自主权的增加有助于在个人层面克服相互疏远。而要消除社会层面的相互疏远与个人层面是分不开的。

网络思维这种思维模式孕育出了新型文化---

网络信息文化。现如今对于网络信息文化的组织影响体系正在形成。研究者们指出，年轻人对于参与到网络文化过程中有着极大的自发性。通过网络形成的术语是话语的重要组成部分，不过只能在一些科技文献中找到一些反映，尤其是在一些大辞典当中（因为在这种言语领域还没有相关研究）。在一些专业话语当中还没有“**网络现象学**”这个术语，在日常语言当中只有俚语里出现了这个术语。“**网络信息文化**”和“**网络思维**”这两个概念也属于这类术语行列，而我们也正在努力使这些术语有一天出现在我们发表的文章当中。

网络文化特征是由网络文化的特性决定的，由于网络文化体系正在形成过程中，它的许多特征还未尽显露，因而其特征也还在发展变化之中。其主要特征有网络文化的衍生性决定了网络文化必须具有很强的继承性特征；**网络文化**的人际传播性决定了网络文化的非中心性特征；**网络文化**技术基础的网络化决定了网络文化的开放性特征；**网络文化**的集群化决定了网络文化的多变性特征；**网络文化**的信息化决定了网络文化的及时性特征；**网络文化**的民俗性决定了网络文化的反理性特征。

中国网络信息文化的主要特征

就目前其主要特征有：**网络文化**的衍生性决定了网络文化必须具有很强的继承性特征；**网络文化**的人际传播性决定了网络文化的非中心性特征；**网络文化**技术基础的网络化决定了网络文化的开放性特征；**网络文化**的集群

化决定了网络文化的多变性特征;网络文化的信息化决定了网络文化的及时性特征;网络文化的民俗性决定了网络文化的反理性特征。

网络已经成为普通大众的另一个活动空间，成为重要的信息来源之一，其作用和渗透力还将不断扩大。目前，对网络文化褒贬不一。从网络文化的基本特征入手进行研究，有助于我们全面、深刻地认识网络文化，促进网络文化的可持续发展。概括地说，网络文化具有补偿性、极端性和大众性等特征。

1. **折叠补偿性;**互联网是有着巨大吸引力的虚拟空间。在这里，人们可以大胆发表自己的意见，贡献自己的聪明才智，充分展现自己的闪光点，并相互交流、相互帮助，获得尊重、友情和自我价值的实现。对于很多人来说，现实生活中难有这样的机会。因此，网络文化具有“补偿性”特征。既然是补偿性文化，就必然夹带着很多牢骚和不满。网络上出现的很多问题，其根源在现实生活中。人们通过在网上发泄，以补偿难以实现的愿望。正是由于这种原因，网络成为一种社会安全阀，为社会各阶层的利益诉求和情绪宣泄提供了一个很好的渠道，客观上起到化解情绪、缓和矛盾的作用。社会上的不公平、工作中的重压、怀才不遇的感慨，都可以通过网络进行发泄，并得到呼应，从而获得心理上的平衡和满足感。由于人们乐于在网上反映自己的喜怒哀乐，倾泻积累的不平和怨气，对社会、文化、经济等方面的话题发表自己的看法，网络成了反映民情的**最好渠道**，成了**社会的晴雨表**。政府部门不但可以从网上看到民众的基本心态和社会的主要问题之所在，还可以有意识地利用网络，对关系到国计民生的重大事件，广泛征求民众的意见，使决策更具科学性，有着更广泛的群众基础

2. **折叠极端性;**社会心理学家认为，通过群体讨论，无论最初的意见是哪一种倾向，其观点都会被强化，称之为群体极化效应。人们普遍有着从众倾向，并希望自己表现得更加突出，于不知不觉中把原有的观点推向极端化。网络具有实时性、互动性和开放性，使得在极短时间内，数量巨大的人群卷入到讨论之中。

3. **折叠大众性;**网络文化是“草根文化”，有着很强的大众性。从互联网上可以及时搜集到大量信息，使得少数人对信息和知识的垄断难以为继。人们不再仰视专家和学者，而是将他们的观点与自己掌握的知识进行比较、进行分析，从新的角度提出自己的看法。在传统媒介上，普通民众缺少话语权。只有在网络上，他们才能畅叙胸怀、指点江山，表现出对传统的颠覆和对权威的挑战。网络文化的大众性，使之成为提升人类智慧的重要

途径。通过网络构筑整个社会的神经系统，将低智商转化为高智商，将相互分离的个别人的智慧，转化为更高层次的组织智慧、国家智慧和人类智慧。维基百科就是一个很好的例子。它让每个人都成为百科全书的编撰者，贡献出自己在某一领域的专门知识。维基百科收录的词条数，是大英百科全书的15倍。与后者相比较，维基百科容量更大，更具时效性，而且在许多主题上更加深刻。

当今世界，文化已成为一国综合国力的重要组成部分，成为民族凝聚力和创造力的重要源泉。由于民众的广泛参与，由于脱离了地域的限制，网络文化在树立国家形象、发扬光大中华文明、培育网络文化产业等方面，都会发挥越来越大的作用，扮演着传统媒体无法替代的重要角色。

参考文献

- 1.伊格纳托夫《网络信息文化中关于异化的争论》//科学、文化、艺术/白俄罗斯国家文化艺术大学科学评论杂志，白俄罗斯，2012，NO.1，第26-33页；M.A.伊格纳托夫《网络信息文化中人的异化现象》，论文，哲学/09.00.13 — 哲学人类学，文化哲学。别尔哥罗德：科学研究院《别尔哥罗德国立大学》，2001,155页。
- 2.瓦尔塔诺娃，《欧洲社会和欧盟战略》，专著，1994。（电子版）//《欧洲的权利》，专著，1994//网址：<http://www.medialaw.ru/huplications/zir/43/Europe.html>。
- 3.艾.托夫勒《第三次大战》，专著，2002；艾.托夫勒《权力的巨变：世纪之交的知识，财富，权利》，专著，2001。
- 4.鲍曼《独立的社会》专著，2002,；吉登斯《瞬息万变的世界：全球化如何改变我们的生活？》专著，2004；吉登斯《社会的构建：结构化理论概况》专著，2005；吉登斯《现代化的后果》，专著，2011。
- 5.F.Machlup.《美国的知识生产和分配》普林斯顿：普林斯顿大学出版社，1962年。
- 6.德.贝尔《即将到来的后工业化社会：社会预测尝试》，专著，1996年，63页。
- 7.乌.马丁《迷信的王国》彼得堡，1992,115-123页。
- 8.德.贝尔《信息社会的社会框架》//计算机时代：二十年的视野。伦敦，1981年，163页。

Ли Яньчунь, Дин Цяньжу

Даляньский политехнический университет (Китай)

Речевые ошибки в межкультурной коммуникации на материале деловых текстов

Аннотация. В настоящее время по мере развития глобализации экономики, науки и техники значительно возросла интенсивность межъязыковых и межкультурных контактов. Однако расхождение культур и языков часто приводит к полному или частичному непониманию друг друга, даже конфликтам в межкультурной коммуникации. Настоящая статья в основном рассматривает речевые ошибки в межкультурной коммуникации на материале русских и китайских деловых текстов и классифицирует речевые ошибки на три уровня: слова, словосочетания и текст, лежащие в основе теории межкультурной коммуникации. Так будет удобнее и четче выяснить речевые ошибки.

Ключевые слова: речевые ошибки, межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык.

Dalian Polytechnic University (China)

Linguistic mistakes in cross-cultural communication

Abstract. With the development of economic and technological globalization, the impact of intercultural communication has greatly increased. However, differences in language and culture often lead to the inability of the parties to fully understand each other and even lead to conflicts. The paper examines linguistic mistakes in cross-cultural communication by the example of Russian and Chinese official documents and classifies mistakes into the following three types: words, phrases, and text. The results obtained make it possible to understand the origin of linguistic mistakes.

Keywords: linguistic mistakes, cross-cultural communication, Russian, Chinese.

Межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем то, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительнейшим образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход [1, с. 9].

Многочисленные примеры из исторической практики взаимодействия культур свидетельствуют, что в самом процессе межкультурной коммуникации изначально заложен конфликтный потенциал. Контакты представителей разных культур порождают множество проблем, которые обусловлены несовпадением норм, ценностей, особенностей мировоззрения партнеров и т.п. Они не могут быть элиминированы в процессе интеракции, поэтому успешность взаимодействия зависит от достижения консенсуса по поводу правил и

схем коммуникации, не ущемляющих интересы представителей разных культур [5, с. 24].

С лингвистической точки зрения по причинам их возникновения можно выделить три типа коммуникативных неудач (КН):

1) порождаемые устройством языка (недостаточное владение системой лексики, грамматики, фонетики иностранного языка);

2) порождаемые индивидуальными различиями (принадлежат к разным культурам, языковым сообществам);

3) порождаемые прагматическими факторами (незнанием правил коммуникации в различных ситуациях общения), так называемые дискурсивные неудачи. Это недопустимо, например, в деловом общении [3].

В соответствии с вышесказанными типами коммуникативных неудач данная статья исследует речевую ошибку только от первого положения.

Речевая (в том числе стилистическая) ошибка – это ошибка не в построении, не в структуре языковой единицы, а в ее использовании, чаще всего в употреблении слова. По преимуществу это нарушения лексических норм. Речевые ошибки следует отличать от ошибок грамматических (об этом см. далее) [6, с. 2].

Проведенная апробация выявила следующие речевые ошибки: нарушения, связанные с неразвитостью речи: плеоназм, тавтология, речевые штампы, немотивированное использование просторечной лексики, диалектизмов, жаргонизмов; неудачное использование экспрессивных средств, канцелярит, неразличение (смешение) паронимов, ошибки в употреблении омонимов, антонимов, синонимов, неустраненная контекстом многозначность.

Классифицируя речевые ошибки, было бы логично при этом считать основополагающим критерием единицу языкового яруса – ту, нормы написания, образования, функционирования которой были нарушены. Выделяются при этом следующие уровни: слова, словосочетания и текст. Классификация речевых ошибок была создана при использовании этого деления. Так будет удобнее запомнить различные их виды. [2, с. 1]

I. Ошибки перевода слова

Правильный выбор слова для полной передачи значения слова в переводимом тексте является одной из основных и наиболее сложных задач перевода. Трудность этой задачи обуславливается сложной природой

слова, его многогранностью и семантическим богатством. [7, с. 1] Схожими проблемами характеризуется перевод с русского на китайский.

1. Непонимание значения слова

В процессе перевода часто встречаются некоторые новые слова или устаревшие слова. Если не понять их смысл, то возникнут ошибки. Кроме того, даже самому переводчику слово кажется знакомым, но его понимание не точно, – это приводит к ошибкам. Приведем пример.

Джордж Буш в свою очередь подчеркнул, что обе страны завершили длительную главу *конфронтации* и установили совершенно новые отношения.

Неправильный перевод:
乔治·布什也强调说，双方结束了漫长的会谈并建立了完全新型的两国关系

Слово *конфронтация* не имеет значения 会谈, понимают это слово ошибочно. Надо переводить как значение 对抗.

2. Части речи определены ошибочно.

Это значит смешивать части речи, например, смешивать имя собственное и нарицательное, имя существительное, термин, принадлежность слова и т.д. Приведем некоторые примеры:

1) Известия будут продолжать расследование деятельности секты *грабового*.

Неправильный перевод: 消息报将对鹅耳枥集团的活动继续进行调查.

Слово *грабового* является родительным падежом, его прообраз есть Грабовой. Это фамилия человека, относящаяся к имени собственному. Рассматривается это слово как родительный падеж имени прилагательного нарицательного, образованного от имени существительного *граб* (鹅耳枥). Следует переводить как значение 格拉博沃伊.

2) На 73-й секунде полета ракета взорвалась на глазах тысяч зрителей во главе с президентской четой *Рейганов* ...

Неправильный перевод:
飞行到第73秒的时候，火箭在由烈伊加诺夫总统夫妇率领的上千名观众面前突然爆炸.

Рейган значит бывший президент Америки 里根, комплексное число *рейганы* значит 里根夫妇. В оригинале *рейганов* является родительным падежом *рейганы*. Ошибочный перевод и вовсе

означает 烈伊加诺夫 согласно транскрипции, в результате чего читатели не определяли, кто это такой.

3. Смещение омонимов

Омонимы – слова, произношения которых одинаковы, а смысл совершенно разный. Как рак(虾) и рак(癌). Переводя эти виды слов, легче сделать ошибку. Приведем пример.

Это наиболее неоготическая из построек архитектора. Наиболее строгая и сухая: план в виде греческого креста. Сугубо *крепостной* характер архитектуры.

Неправильный перевод:
这是设计师的作品中最具有新哥特式风格, 最符合古典式风格, 最严肃的作品。建筑的外貌是希腊式的十字型, 特别能体现出农奴制度时期的建筑特点.

Слова *крепостной* (农奴制的, 农奴的) и *крепостной* (要塞的) является омонимом. Ошибочный перевод смешивает их, на самом деле в данном предложении *крепостной* значит要塞的.

4. Смещение паронимов

Паронимы часто употребляются ошибочно. На практике переводчики часто допускают ошибку. Например.

По мнению ООН, весьма поучителен для развивающихся стран китайский проект Надежда, стимулирующий помощь *горожан* бедным селам.

Неправильный перевод:
联合国认为, 推动公民对贫困乡村进行帮助的中国“希望工程”对发展中国家是有教育意义的.

Слово *горожан* служит комплексным родительным падежом *горожанин* (城市居民, 市民), не граждан – комплексный родительный падеж от слова *гражданин* (公民). Перевод смешивает слова *горожан* и *гражданин*.

5. Неоправданное употребление многозначных слов

Многозначное слово – это повсеместное явление речи. В конкретном контексте смысл многозначного слова определен. В процессе перевода, если не знать весь смысл многозначного слова или выбрать неправильное значение слова, то возникают трудности или ошибки. Приведем примеры.

1) Сообщили в пресс-службе Кремля, «*настоящий* Указ вступает в силу со дня его подписания».

Неправильный перевод:
据克里姆林宫新闻供稿处报道: 《真正的命令自签署之日起生效》.

Предложение в скобках является формулой этикета и обычно находится в конце основного текста приказа. В данном предложении слово *настоящий* не значит 真正的, а значит 此, 本, 这.

2) *Обучение* иностранному языку как реальному средству общения неразрывно связано с изучением общественной и культурной жизни стран изучаемых языков.

Неправильный перевод:
外语这一现实交际工具的教学与对象国社会和文化生活的学习紧密相联.

Слово *обучение* является отглагольным существительным от глагола *обучать-обучить* (教授,教) и глагола *обучаться-обучиться* (学习,学). По контексту слово *обучение* представляет собой отглагольное существительное от глагола *обучаться*, значит 学习.

6. Неудачное употребление стилистической окраски лексики

Лексика имеет разные стилистические окраски, помимо основных значений. Поскольку существуют положительная и отрицательная оценка, книжный и устный язык, изящный и грубый и т.д., при переводе следует овладеть определенной стилистической окраской лексики, существующей в контексте. На это нужно обращать внимание, иначе будут трудности.

Например: Империалисты *пытаются* держать под своей властью освободившиеся страны.

Неправильный перевод: 帝国主义者试图控制被解放的国家.

Хотя слово *пытаться* является нейтральным словом. Но в данном контексте, надо перевести как значение 企图, которое обладает оценочной окраской.

II. Ошибки перевода словосочетания

Трудности перевода словосочетания проявляются в неточном понимании и неподходящем выражении, помимо составных слов. Неточное понимание и непонимание узуса могут привести к неточному переводу.

1. Понимание неточно

1) Где наибольших успехов добился Путин? В сферах, не связанных с материальным производством, *экономической политикой*, отношениями собственности.

Неправильный перевод:
哪些领域中集中体现了普京的工作成就呢？是那些与物质生产，经济、政治和所有制关系无关的领域。

Словосочетание *экономическая политика* является основным словосочетанием, значит *经济政策*, имеются в виду конкретные мероприятия, а перевод *经济政治* выражается неверно.

2) В Нижнем Новгороде впервые открылась выставка, на которой представлена коллекция *шаржей на Максима Горького*.

Неправильный перевод:
下诺夫哥罗德第一次举办展览，展出了马克西姆·高尔基的漫画作品集。

Словосочетание *шарж на кого* значит *画有...的漫画*, а перевод *马克西姆·高尔基的漫画* имеет два смысла – это шарж создается Максимом Горьким или Максим Горький является содержанием шаржа. Верный перевод: *画有马克西姆·高尔基的漫画*.

2. Несоответствие китайскому узусу

Например: *Современные ученые и социологи сходятся на неожиданном выводе*: человек научился работать, но толком не знает, как отдыхать.

Неправильный перевод:
当今的科学家和社会学家们在一个意想不到的结论上达成共识，即人们学会了工作，但并不清楚应该如何休息。

Выражение *сходятся на неожиданном выводе*: следует переводить как значение *都得出一个意外的结论*.

3. Толкование только буквально

1) Предполагается, что *на борту* подлодки находились 6-8 северокорейских агентов.

Неправильный перевод: 据推测，潜水艇船舷有6-8北朝鲜特工。

Словосочетание *На борту* и существительное, означающее *корабль, самолет и прочее*, значит *在(船, 飞机)上*. Правильный перевод: *据推测，潜艇上有6-8北朝鲜特工*.

2) Если первые роботы были еще очень неуклюжими работниками, то теперь речь идет о так называемых *роботах-интеллигентах*, которые обладают специальными приспособлениями, моделирующими чувственное восприятие мира.

Неправильный перевод:
如果说最初的机器人还是十分笨拙的工作者的话, 那现在指的是所谓的知识分子型机器人, 这些机器人拥有专门的设备, 具有情感认识世界的模型。 Слово *интеллигент* выражается как 知识分子, робот значит 机器人. Но *робот-интеллигент* переводят на значение 知识分子型机器人 слишком неточно. Оптимальный перевод принято перевести как 智能机器人.

III. Ошибки перевода текстов

1. Тема-рематическая проблема

Предложение является единицей коммуникации, берет на себя задания коммуникации. По заданию коммуникации, предложение делится на две части: 1) Исходная коммуникация—это тема; 2) Изложение – это рема. Рема является основным содержанием коммуникации. При переводе следует явно выражать тему и рему оригинала, чтобы выступить центром тяжести коммуникации, избегать смешения темы и ремы. Например: Множество проблем пришлось решить Эйфелю тогда впервые...

Неправильный перевод: 当时埃菲尔不得不首先解决一大串难题.

Оригинал подчеркивает слово впервые, но перевод не проявляется.

Правильный перевод:
埃菲尔要解决的许多问题, 在当时来说是第一次出现的.

2. Анафорическая проблема

При переводе очень много проблем. Здесь подчеркивается положение ошибок из-за личного соответствия. Личное соответствие представляет собой отношения соответствия, которые выражают личными притяжательным местоимениями. При переводе с русского языка на китайский возможны и ошибки по пониманию, и несоответствие по выражению. Например,

Специалисты ждут, что скажет *Федеральная резервная система США*. Сегодня она должна объявить, будет ли повышена учетная ставка или она останется без изменений.

Неправильный перевод:
专家等待着美联邦储备系统的发言。今天, 她应该宣布, 是提高贴现率, 还是保持不变.

В данном предложении имеется в виду *Фелеральная резервная система США*. Это название организации, не следует использовать 她 для замены, а правильный перевод 它.

3. Проблема соответствующей связи

Соединение синонимии служит важным средством, составляющим текст русского языка. В разных средствах соединения этот метод более скрытый, что может быть легко упущено переводчиком. В связи с этим возникнут ошибки.

Например: Польша получит право покупать ежегодно 14 миллиардов кубометров российского газа. Сейчас потребности республики в этом виде энергоносителя немного превышают 10 миллиардов кубометров.

Неправильный перевод:
波兰将有权每年购买140亿立方米的俄罗斯煤气。现在共和国对这种载能体的需求为100亿立方米多一点。

На практике, в данном предложении республика означает страну Польша. Перевод только толкует слово “республика” буквально как значение 共和国, что приводит к неясности замены и беспорядочности контекста.

Правильный перевод:
波兰将有权每年购买140亿立方米的俄罗斯煤气。现在该国对这种载能体的需求为100亿立方米多一点。

Исправить речевые ошибки бывает не всегда просто. Для избежания речевых ошибок следует соблюдать лексические нормы языка. Если лексические нормы соблюдены – речь точна и правильна. И напротив, точность речи определяется выбором слова. Что значит соблюдать нормы лексики? Слово должно употребляться в соответствии с его значением (прямым или переносным). При выборе лексической единицы говорящий должен учитывать особенности сочетаемости ряда слов в речи. При выборе синонимов важно учитывать тонкие различия между ними. Важно также следить за правильным употреблением многозначных слов, разбираться в паронимах, омонимах, избегать избыточности речи и речевой недостаточности. В потоке речи слова должны быть использованы в соответствии с коммуникативной ситуацией и стилем речи говорящего. [4, с. 1].

Список литературы

1. Гузикова М. О., Фофанова Ю. Основные теории межкультурной коммуникации. Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2015. 126 с.

2. Фомкина Е. Что такое речевые ошибки? Виды речевых ошибок (примеры).

3. Ермакова О. Н., Земская Е. А. Русский язык в его функционировании. М.: Изд-во Наука, 1993.

4. Иванова О. Что такое лексические нормы языка? Читайте подробнее на SYL. ru:<https://www.syl.ru/article/99603/chto-takoe-leksicheskie-normyi-yazyika#image205608>

5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 24 с.

6. https://studopedia.ru/17_74147_rechevie-oshibki.html

7. Читайте подробнее на SYL.ru:https://www.syl.ru/article/180460/new_chto-takoe-rechevyie-oshibki-vidyi-rechevyih-oshibok-primeryi

8. http://www.norma-tm.ru/library1_3.html.

Лобанова Т.Н.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Китайский политический медиадискурс: политика постправды и идеологическое конструирование

Аннотация: В эпоху пост-правды постмодернистского видения мира и доминирования симулякра изучение политики Китая в глобальном информационном пространстве приобретает особую актуальность и представляет интерес в первую очередь с точки зрения использования ими возможностей соответствующих современных дискурсивных и информационно-коммуникационных технологий для усиления своей роли в международных процессах. Хронологические рамки для выборки – 2014-2017 гг. – тренд на новые онлайн-медиа, технологизацию и кастомизацию в странах АТР. Выборка репрезентативная, формируемая в соответствии с исследовательским вопросом. Критерий формирования репрезентативности – медиановостка (медиа-сегмент, специализирующийся на «горячей» международной проблематике КНР). Автор руководствуется уровневый анализом при исследовании медиасистем. Применяется «смешанная» методология в региональном исследовании: сочетание контент-анализа, КДА (дискурсивно-исторический подход) и индексного подхода.

Ключевые слова: медиадискурс Китая, критический дискурс анализ, пост-правда, дискурсивные и коммуникационные технологии.

T. Lobanova

Moscow State Regional University

China's political media discourse: the post-truth era and constructing political truth

Abstract. Political-ness of the media: threat or opportunity to democracy? With its progress in technology, China has moved beyond its past internet blockade tactics to actively initiating public opinion warfare on the basis of technological advantages in many areas. Content is also weaponized. Constructing political truth as historical truth is central to authority and political power. In the post-truth era of the postmodern worldview and the dominance of the simulacra, the study of the policies of China in the global mediasphere is of primary interest from the point of view of their use of relevant modern discursive and information and communication technologies to strengthen their role in international affairs.

The goal is to evaluate the media discourse of China (2013-2017) on foreign policy issues. A media text goes as a unit of analysis. New media, technology and customization in the Asian Pacific countries dominate in the mediasphere. The investigation was carried out within the tradition of Critical Discourse Analysis (the discourse-historical approach DHA by Wodak, Cillia and Reisigl). Content analysis and the index approach are also applied.

The author is guided by a level analysis in the study of media systems. The degree of media coverage is the key factor in distinguishing one media system from another. We do not, however, regard our findings as conclusive, as the emergence of new information may entail reconsideration and re-evaluation of data.

Key words: China`s media discourse, critical discourse analysis, the post-truth, discursive and communication technologies in the media.

Цель настоящей статьи установить, насколько разнятся дискурс-технологии медиа Китая по внешнеполитической проблематике за период 2013-2017 гг., в том числе в сопряжении с официально транслируемыми внешнеполитическими постулатами.

Проблема задана противоречием между официально транслируемыми и закрепленными документально внешнеполитическими постулатами Китая и не декларируемыми по форме и содержанию медиаполитикой. Начиная с 2000-х гг. Китай, реализуя политику невмешательства в дела других государств, в то же время экстренном порядке сформировал относительно единую и вместе с тем четко структурированную информационную политику, отличающуюся стратегической коммуникацией. Это позволило Китаю активно и целенаправленно проводить дифференцированные политики в международных отношениях.

Поставленный вопрос с точки зрения времени и темы позволяет определить массив материала и сформировать репрезентативную выборку.

Характеристики медиасферы Китая периода 2013-2017 гг.:

Диаграмма 1. Рост количества интернет-пользователей в КНР за 2011-2017.

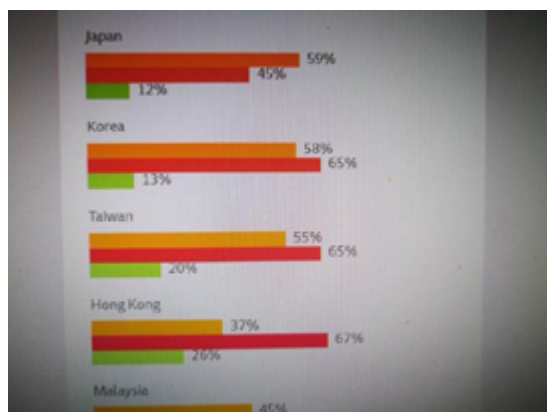

Рис. 2. **Digital devices for news (Устройства-каналы для просмотр-ра новостей).** Данные по 2017 г. Желтый цвет – компьютер; красный – смартфон; зеленый цвет – планшет.¹³

“2010 年以后，传统媒体在中国迅速的走向衰落” <...> “2012 年，人民网在A股上市” [9]. [2010 г. – китайские традиционные

медиа приходят в упадок. <...> В 2012 г. People’s Daily Net на рынке акций – в зоне А]. Площадками для сбора материала служат мультимедиаплатформы 中国网络媒体, развитие и становление которых началось в КНР с 1995 г. и продолжается по настоящее время. По популярности используемых digital-устройств и в Китае и на Тайване в одинаковой степени присутствует тренд роста в сторону смартфонов: соответственно 65 % для Тайваня и 67 % для Гонконга (Китая). Хронологические рамки для выборки и контекстуально-политический анализ: 2013-2017 гг. – период прихода к власти Си Цзиньпина и смены архитектуры Ху Цзиньтао в Китае.

Идентификация массива, исходя из исследовательского вопроса, позволяет вычлениить релевантные каналы для выборки медиатекстов. Основная отличительная особенность китайских медиа – технологическая блокада онлайн-медиа к соцсетям Facebook, Instagram и др.

Китай. Эмпирическим материалом для анализа в работе выступили 4 медиаплатформы КНР: 《环球时报》 («Global times»), 《人民日报》 («Народная ежедневная газета»), 《凤凰网》 (Phoenix New Media), 《深度国际》 (канал CCTV4中文国际) плюс платформы CCTV и CNTV¹⁴.

《人民日报》 («Народная ежедневная газета») является китайской ежедневной газетой, выходящей на многих языках мира. Она является официальным печатным изданием ЦК КПК, одной из ведущих газет в мире и самой влиятельной газетой в Китае, история которой насчитывает

¹³ <http://www.digitalnewsreport.org/interactive/>

¹⁴ *Примеч.* В условиях сращивания китайского партийного и государственного аппарата эти СМИ, включая издания на иностранных языках, находятся под централизованным контролем, что является инструментом ведения внешнеполитической пропаганды и специфической особенностью информационной политик КНР. Охарактеризуем вышеперечисленные каналы с точки зрения их функционально-жанровой представленности и потенциала медиакратического воздействия.

шестьдесят семь лет. Тираж газеты достигает два миллиона восемьсот тысяч копий. В Интернете издание 《人民日报》 доступна как 《人民日报》海外版 на языках народов Китая и основных иностранных языках. В настоящее время 《人民日报》 является настоящим медиахолдингом, в состав которого также входят и дочерние издания. Существуют бесплатные подписки на рассылку новостей в блогах 微薄 и официальный аккаунт в китайском мессенджере 微信. По данным официального сайта, среднее количество просмотров каждой статьи в среднем насчитывает около 7000. Имеется доступ как к e-изданиям 人民日报手机报, так и pdf-версиям¹⁵.

《环球时报》(«**Global times**») – газета, основанная в 1993 г., подчиняется редакции газеты 《人民日报》. За более чем двадцатилетнюю историю существования газета добилась значительных успехов на потребительском рынке и стала одной из ежедневных китайских газет с крупнейшим тиражом. Специализируется на освещении международных событий. Задача холдинга – объективно освещать деликатные и сложные вопросы, касающиеся международных отношений. Интернет-аналогом (人民日报手机包 является медиаплатформа 《环球网》¹⁶, доступная зарубежному исследователю; вкладка для отбора медиатекстов – 环球国际 на компьютере и имеется возможность смартфонного издания 手机环球网. Тираж китайской версии – 1,5 млн экземпляров.

《凤凰网》(**Phoenix New Media**) является одной из ведущих мультиплатформенных медиа компаний в мире. К контенту компании относится не только интегрированный портал, но и видео- и телеплатформы. По данным статистики, ежедневно портал просматривают более двухсот миллионов пользователей.

《深度国际》(канал **CCTV4中文国际**) – цикл документальных программ длительностью сорок пять минут, посвященных анализу международных новостей. В программе принимают участие ведущие аналитики страны, в задачу которых входит анализ, объяснение и прогнозирование ситуации в мире. Программа выходит в эфир по пятницам в вечернее время; целевая аудитория – люди в возрасте 40-65 лет.

---

¹⁵ http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2018-02/11/nbs.D110000renmrb_01.htm

¹⁶ <http://world.huanqiu.com/>

Медиатекст выступает не только как последовательность знаков, но как объемный продукт, нацеленный на воздействие аудитории различными способами.

Критерий формирования репрезентативности – медиаповестка (медиаsegment, специализирующийся на «горячей» международной проблематике КНР).

Китайский дипломатический и научный дискурс по проблемам международных отношений КНР позволяет вычленить «горячую» проблематику за исследуемый период 2013-2017 гг. – проблемы т.н. «**地缘冲突带**» – «**Пояса геополитического конфликта**») – они по тем или иным параметрам затрагивают китайско-американские интересы и отражают внешнеполитические противоречия [7, 115-143; 8]: 1. 钓鱼岛冲突与南海冲突. Конфликт с Японией и конфликты в Южно-Китайском море; 2. 对台湾军售. Поставка оружия Тайваню; 3. 叙利亚危机与“**伊斯兰国**”. Сирийский кризис и ИГИЛ; 4. 美国“重返亚太”. Возвращение США в АТР. 5. 朝鲜非核化. Разоружение Кореи.

Табл. 1.

Контент-анализ китайских и тайваньских медиаплатформ по внешнеполитической проблематике **叙利亚危机与“伊斯兰国” [Сирийский кризис и ИГИЛ] 2014-2017 гг.**

Медиаплатформы КНР				Медиаплатформы Тайваня			
《人民日报》海外版	《环球网》	《凤凰网》(Phoenix New Media)	канал CCTV4 中文国际	TVBS News	Apple Daily online	Eastern Broadcasting News Channel	China Times
Нет доступа	567	767	1625	327	425	1450	96

Контент-анализ выступает исключительно количественным методом, требующим верификации. Далее методика опирается на такую междисциплинарную область знания как **дискурс-анализ**. Дискурсивный анализ связывают с трудами Л. Альтюссера, Ж. Лакана, М. Пеше и П. Серио. В современном социогуманитарном знании дискурсивное направление представлено двумя вариантами: **критический дискурс-анализ** (далее сокращенно **КДА**) и **дескриптивный дискурс-анализ**, а в

методологии политической науки демонстрирует некоторые перспективы интеграции в эмпирический инструментарий.

Табл. 2.

Современные дискурс-подходы. Эволюция взглядов

Направление	Авторы	годы	Оперируемые концепты
Многофункциональная лингвистическая теория	Майкл Холлидей (M/Halliday)	1960,1970, 1985	Systemic Functional Grammar (SFG)
Дуальный подход (Dialectical-Relational Approach to CDA)	Н. Фэркло	1989 1995 2009	Форма и структура текста; Semiosis (linguistic communication+visual communication) Технологизация дискурса Доминирование, гибридизация дискурсивных практик, идеология, сопротивление, конверсионализация публичного дискурса
Дискурсивно-исторический подход (The discourse-historical approach DHA)	Р. Водак Р. де Силья М. Рейсиглу	1999 2009	Междисциплинарность Форма лингвистической реализации Дискурсивное конструирование национальной идентичности: (а) лингвистический контекст, (b) уровень интертекстуальности и нтердискурсивности; (с) экстралингвистический уровень (d) социо-политический и исторический уровень 6 стратегий идентификации идеологического позиционирования: номинация, аргументация, интенсификация, прогнозирование, перспективизация, «смягчение»
Социокогнитивная модель (Socio-Cognitive Discourse Analysis)	Тен ван Дейк [4]	1997, 2009	Междисциплинарность Сознание, фреймирование (frame); Стереотипы, злоупотребление властью, этнические предрассудки

В исследовании в поисках методологического ключа описания предмета нашего исследования предполагается обращение к теории **критического дискурс-анализа** Нормана Фэркло [1] и дискурсивному конструированию Рут Водак и Мартина Рейсиглу [3].

Обратимся к примерам анализа.

E.g. “比利时监狱系统正在日益成为极端思想和恐怖主义的“温床”；法国、比利时等国最近多起恐怖袭击的参与者均曾因小罪入狱，很可能是在狱中接受了极端思想“洗脑”。按照比利时官员的设想，“把极端分子与其他囚犯完全隔离开，以避免发生‘污染’”。¹⁷ [*В настоящее время тюрьмы Бельгии превратились в «рассадники» терроризма; возможно, террористы, устроившие взрывы в Бельгии и Франции, «заразились» этими идеями именно во время пребывания в тюрьме. В связи с этим, правительство Бельгии предпринимает следующие меры: держать террористов в отдельных камерах, чтобы не допустить «заражения» других заключенных*]. В примере автор описывает последствия террористических актов, совершенных группировкой ИГИЛ во Франции и Бельгии в 2016 г., а также передает настроения, витающие в мировом сообществе. В статье использованы метафоры «террористический “温床”», «洗脑», «避免发生‘污染’», передающие негативное отношение автора к терроризму: он сравнивается с вирусом, которым заражается все большее количество людей.

E.g. “叙利亚陆军方面强调，重夺帕尔米拉显示政府军及他们的盟友，是唯一可以打击及铲除恐怖主义的力量。叙利亚文化部长哈利勒赞扬重夺帕尔米拉是“人类的胜利，打击了所有黑暗罪行”。¹⁸ [*Глава сирийской сухопутной армии подчеркивает, что возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии – это важный шаг на пути к «выкорчевыванию» терроризма. Министр культуры Сирии Исам Халиль также дал высокую оценку действиям сирийской армии по возвращению Пальмиры: «Это победа всего человечества, благодаря которой мы подавили мрак на территории Сирии»*]. В данной статье описывается возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии, которая ранее была завоевана группировкой ИГИЛ. Благодаря употребленным метафорам и цитированиям из выступлений представителей сирийского правительства, мы можем понять, что автор статьи также поддерживает данные военные действия армии. Например, метафору «подавить мрак на

---

¹⁷ 比利时监狱成为恐怖分子“训练营”。 URL: <http://news.eastday.com/eastday/13news/auto/news/china/20160330/u7ai5473821> (дата обращения: 19.09.2016).

¹⁸ 叙军重夺古城帕尔米拉。 URL: <http://news.takungpao.com/paper/q/2016/0328/3298790.html> (дата обращения 19.09.2016).

территории Сирии» мы понимаем как полную расправу над группировкой ИГИЛ.

Анализируя языковой материал за 2015-2016 гг. можно констатировать, что не утихает и антияпонская риторика, несмотря на окончание празднования 70-летия победы освобождения от японского милитаризма.

E.g.

“当地时间2016年1月29日，菲律宾帕塞市，菲律宾二战遭日本强征“慰安妇”聚集在日本驻菲使馆外集会抗议，要求日方道歉赔偿”¹⁹. В статье актуализируется проблематика филиппинских женщин, принужденных работать в военных борделях («станциях утешения») в годы второй мировой войны.

Кроме того, актуализируется проблематика разоружения Кореи, на территории которой столкнулись интересы США и КНР.

E.g. “美称朝鲜当前的“核武游戏”有好处,

美国现在实行‘战略忍耐’，忍耐的前提就是对美国没有威胁。不过，独联体国家反恐中心主任安德烈·诺维科夫认为朝鲜半岛局势有进入“恶性循环”：

“美国与韩国虽然每年都举行联合军演，但今年的演习在规模上‘有点过分了’。²⁰ [США считают, что «игры с ядерным оружием» в Корее обязательно принесут им пользу в будущем. США выбрали тактику сдержанной терпеливости как не угрожающую собственным интересам. Однако глава Антитеррористического центра СНГ Андрей Новиков считает, что корейский полуостров попал в «порочный круг»: «США и Южная Корея ежегодно проводят совместные военные учения, но масштабы этого года – это уже «чересчур»]. Описываются недавние совместные военные учения США и Южной Кореи по отработке нанесения ядерных ударов по объектам КНДР. Автор часто использует прием «закавычкивание» с тем, чтобы показать свое неодобрение к происходящему. В статье встречаются такие приемы, как метафора (“核武游戏”), литота (“有点过分了”) и другие.

---

¹⁹菲律宾“慰安妇”在日本使馆外集会 要求日方道歉赔偿. URL: <http://world.huanqiu.com/photo/2016-01/2819737.html#p=1> (дата обращения 30.01.2016).

²⁰美称朝鲜当前的“核武游戏”有好处 所以忍耐. URL: <http://war.163.com/16/0328/14/BJ8HGDGTG00014OVF.html> (дата обращения: 22.09.2016).

E.g. “朝鲜半岛生战生乱不符合任何一方利益”.²¹ [*Действия Южной Кореи порождают войну и сумбур, что не принесет пользы никому*]. В статье автор подчеркивает, что КНР негативно относится к апробации ядерного оружия в Южной Корее и настаивает на разоружении данной страны. Заголовочное выражение “生战生乱” моментально привлекает внимание читателя и создает негативное впечатление о Южной Корее.

E.g.

“军演规模空前，时间点又极度敏感，这势必会刺激朝方的神经，不可避免地给半岛和东北亚地区的和平稳定带来不利影响。中国与全球化智库研究员储殷表示，军演导致朝鲜半岛局势再度剑拔弩张，是所有希望半岛和平的人不愿看到的”。²² [*Размах военных учений в Южной Корее огромный. Кроме того, в настоящее время ситуация в мире нестабильная и это может «поцекотать нервы» корейцев, неизбежно дестабилизируя ситуацию на острове и в Северо-Восточной Азии*]. В данной статье также описывается реакция других стран на ядерные испытания и проведение военных учений в Южной Корее. Автор использует эпитеты (“军演规模空前”), олицетворение (“时间点又极度敏感”), метафору (“度剑拔弩张”) и т.д.

В китайской медиасфере присутствуют ироничные статьи и комментарии в адрес США по вопросу возвращения США в АТР.

Развитие национальной модели журналистики всегда было привязано к развитию политической модели: степень развитости медиасистем поставлена в зависимость от степени демократичности политических режимов – так, как будто политический режим может обеспечить или ограничить все аспекты развития медиасистемы, включая производство контента. Масс-медиа, содержащие все типы информации, ориентируются сегодня на распространение, прежде всего, новостных потоков и фокусируют внимание аудитории на сиюминутном отражении мира, которое может становиться решающим.

Одним из основных инструментов, применяемых китайским руководством в этих целях, является развитая система контролируемых государством средств массовой информации на иностранных языках. В последние годы интенсивно расширяется сеть китайских газет, журналов,

²¹

国防部：朝鲜半岛生战不符合任何一方利益。

[URL:](#)

<http://www.huaxia.com/thjg/jsxw/dl/2016/02/4740915.html> (дата обращения: 22.09.2016).

²² 韩美军演：不应挑事惹事！[URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-03/08/c_1118270825.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2016-03/08/c_1118270825.htm) (дата обращения: 22.09.2016).

радио и телеканалов, а также информационных Интернет-сайтов на английском, русском, французском, испанском, арабском, японском и других языках. Все это способствует усилению позиций КНР в глобальном информационном пространстве. Эволюция медиадискурса Китая и причины его появления спровоцированы двумя факторами по отношению друг к другу находящимися в состоянии парадокса: с одной стороны, трансформация геополитического миропорядка и возрастание экономической мощи пробудило в китайском обществе осознание себя в качестве суверенного актора международной политики, который должен формировать собственную повестку дня; с другой стороны – происходит осознание стагнации формирования собственной повестки дня по моделям иных государств. Несмотря на все возрастающую роль КНР как глобальной державы, она на протяжении своего экономического взлета практически никак не участвовала в глобальном информационном рассказе о самой себе. В период трансформации геополитического порядка сформировалось глобальное политическое дискурсивное поле о китайском обществе, созданное оппонентами китайского общества и само китайское общество категорически не устраивающее, что подтолкнуло китайское руководство к решительным действиям в области информационной политики «с китайской спецификой»: инициирован научно-технологический бум в сфере медиатехнологий и запущен проект создания собственной интеллектуальной школы конструирования национального дискурса; организован уникальный проект идеологического фильтра информации в интернете – Великий Китайский Файервол; проведена модернизация традиционных китайских СМИ: радио, телевидения и газет, текстопоток которых увеличился многократно с одновременным переводом всего контента в сторону национальных социальных сетей; запущены и на данный момент бурно развиваются массмедиа нового типа – блогосфера, социальные сети и проч.

Для описания процессов, связанных с этим, в исследовании используются понятия «дискурсивная сила» [2], «дискурс-конструирование», «медиакратическое управление» в качестве обозначения (над)национального истеблишмента, реализующего посредством инструментализации медиасистемы для достижения внешнеполитических целей. Под термином медиакратический маркируется как сам политический режим, так и его качественно-демократические характеристики. Речь идет о чисто китайском феномене, а не

«транснациональной медиакратии». Манипулятивность СМИ и медиaprостранства КНР проявляется в трех направлениях: 1) уровень идеологической пропаганды, определяющей доминанту информационных потоков и медиapовестку (уровень государства); 2) языковой уровень (языковое манипулирование + средства визуализации); 3) уровень сетевых и компьютерных технологий, а также обмен информацией в сфере интернет-технологий. Уровни, взаимодополняя или усиливая друг друга, в медиасфере обрастают китайскими культуроспецифическими «моментами» (иероглифический характер письменной речи, прецедентные феномены, инфографика как новый способ представления действительности, повышенная метафоризация и т.д.).

Анализ и выявление медиакратических принципов, приоритетов, инструментов медиакратии, конкуренции дискурсов в медиа позволяют прогнозировать направление внешнеполитических устремлений китайского руководства. Современные способы воздействия на общественное сознание могут быть верифицированы контент-анализом. Это статистическая обработка, оценка и интерпретация формы или содержания информационного источника, исследующая содержание сообщений, частотность и контексты употребления отдельных слов, сочетаний, а также способы подачи информации. Для китайского медиадискурса характерно:

- Линия на антагонизм с Соединенными Штатами Америки.
- Образность и абстрактность конструируемых китайским медиадискурсом паттернов и смысловых полей.
- Возрастающая роль массмедиа нового типа.
- Повышенная индивидуализация, графичность и интерактивность вырабатываемого контента (визуализация, инфографика).
- Китаецентричный характер дискурса о политическом в мире. Экстраполяция всех зарубежных “hot” событий на китайскую систему координат с целью постоянного поиска урока, который можно извлечь из той или иной ситуации.
- Метафоризация языка в условиях цензуры.

Обнаружено, идеологические установки ЦК КПК обуславливают насыщенность медиадискурса для зарубежного «потребителя» в расчете на медиаэффекты по политической и экономической проблематике («Экономический пояс Шелкового пути с Центральной Азией», «Морской Шелковый путь с Юго-Восточной Азией» и «Южноазиатский

экономический коридор», «Южно-Китайское море», «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» и т.д.).

Так, методология КДИ позволяет определить, что медиаповесткой медиа в сфере внешней политики в 2014-2015 гг. выступали проблемы взаимодействия Китая, США, Японии или Германии; в 2015-2016 гг. произошло смещение в акцентах медиаповестки в сторону вопросов, касающихся создания многосторонних финансовых институтов: АБИИ, Фонда Шелкового пути, китайских инициатив «Один пояс, один путь» и т.д. Интересно отметить тот факт, что в 2015 г. лексический пласт китайского политического языка пополнили различные **проекты «шелковых путей»**: (дискурсивная сила – попытка упорядочить экономическую экспансию, соединить развитие инфраструктуры в государствах-партнерах, торговлю и инвестиции в единую программу).

Стратегическая коммуникация Китая способствует формированию виртуальной медиа-картины мира (дискурсивные стратегии в медийном пространстве, вбирающие в себя средства визуализации и невербальную метафору).

Специфические возможности Интернета позволили ему стать основным каналом ведения информационных войн, с одной стороны, которому присуща соревновательная стратегия, результатом которой является создание имиджа политической правящей элиты. В КНР речь идет о полноценном создании своей собственной национальной дискурсивной школы, первым этапом которой является «мягкое» насаждение своей идеологии, ценностей и, соответственно, имиджа.

Список литературы

1. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London. 1995.
2. Gustafsson K. Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations / K. Gustafsson // Asian Perspective. 2014. Vol. 38, N 3. Pp. 411–433.
3. Ruth Wodak, Rudolf De Cillia, Martin Reisigl, Karin Liebhart. [The Discursive Construction of National Identity](#). Edinburgh University Press, 2009. 276 с.
4. Van Dijk T. Communicating racism. Sage, 1987.

5. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2001. 226 p.
6. Wodak R., *The discursive construction of national identity* / R. de Cillia, M. Resigl. Edinburgh University Press, 1999. 224 p.
7. 国际关系退化机制与国际程序重构 [An analysis of regression of The International Relations and The Remaking of International Order]: 谢剑南著. 北京: 时事出版社, 2014.1. 328 页.
8. 破解中东乱象/刘宝莱主编. 北京: 世界知识出版社, 2015.5. 256页.
9. 作为政治的的广播: 中国新闻传播解释史. *Communication as Politics* / 赵云泽著 北京: 中国人民大学出版社, 2017.5. 308 页.

Луань Сьюй, Лю Бо

Даляньский политехнический университет (Китай)

Концепт «Молодежь» в текстах русскоязычных СМИ²³

Аннотация. Концепт «Молодежь» представляет собой проекцию стереотипных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, общественных, этических и других функций. Молодежь как феномен получает множественное и вариативное обозначение в русском языке. Привлечение к исследованию текстов СМИ для описания концепта «Молодежи» подтверждает положение о специфике соотношения общезыкового и индивидуального в текстах СМИ.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; молодежь; язык СМИ.

Dalian Polytechnic University (China)

Concept of “young people” in Russian media texts

Abstract. The concept of ‘young people’ is a projection of stereotypical qualities and features that form in young people’s consciousness based on their sexual, social and ethical, experience. It is found that the concept has many different meanings in the Russian language. The use of media texts to study the concept of “young people” allows one to specify social linguistic features and the individual expression of the text media.

Keywords: world language map, concept, young people, media text.

---

²³ Данная статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта DUT17RW117 (中央高校基本科研业务费资助项目DUT17RW117的阶段性成果).

Концепт является основной единицей при изучении языковой картины мира. Большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах [1, с. 105–106].

В лексических значениях слова «Молодежи» мы выделили в первую очередь общий компонент «люди», и компонент «молодое поколение», которые определили, как ядерные. Нами было выявлено три дополнительных признака, которые включаются в значения тех или иных единиц, номинирующих молодежь, но не являющихся обязательными: «юноши, девушки», «подрастающее поколение», «противоположное старому». Выделение единиц, принадлежащих периферии концепта «Молодежи» являются юношество, молодняк, молоденький, молодость, моложавый и т.д. Дополнительные значения могут разделить на три аспекта, т.е., социальный аспект (о молодежи заботиться), физический аспект (молоденький, моложавый), личностный аспект (энтузиазм молодежи).

СМИ функционально является активным участником формирования этих модусов в сознании читателей [2, с. 278–279]. Вслед за описанием концепта по материалам словарей русского языка в работе представлено его отражение в текстах СМИ в тех же аспектах – социальном, физическом, личностном.

Социальный аспект описания концепта «Молодежи».

Мы выделили в нем несколько смысловых областей: «социальный статус», «возрастная оппозиция молодежь – старые люди», «профессия», а также «область, связывающаяся с определенной группой общества».

1. Смысловые области «род деятельности», «профессия», «социальный статус» находят выражение в многочисленных и обширных лексико-семантических полях. [3, с. 33–38]. Сегодня Молодежь выделяется в отдельную социальную группу, что отражается в сочетаемости: государственная молодежная политика; юбилейный молодежный форум «Селигер-2014» и т.д. То есть молодежь всегда находится в значимой и специфической социальной группе.

2. Что касается профессии молодежи, в языке СМИ представлено высказывание: Каждый третий молодой россиянин хочет быть

чиновником. Профессия привлекает в первую очередь зарплатой [«Быть богатыми и безразличными» из «Независимая» 16.10.2007].

Выборы профессии определяют внутренние качества молодежи, вызывающие отрицательную оценку. Главный ценностный ориентир исследуемой социальной группы – желание денег и собственного благополучия.

Молодежь является самой активной частью населения и будущим всего общества. Все общество заботится о ней. 2015 год объявлен в России Годом молодежи. А это значит, что большое внимание привлечено как к молодежным инициативам, так и к молодежным проблемам, что свидетельствует следующие предложения:

Молодежь – наше будущее и соответственно будущее России. [«Вверх по лестнице, не ведущей никуда» из «Независимая» 14.03.2003].

От деятельности молодежи напрямую зависело развитие государства [«Амбиции без позиции» из «Независимая» 20.10.2009].

Как в традиционной языковой картине мира, так и в современной языковой картине мира, молодежь привлекает больше внимания общества. Во все века будущее страны было за молодежью.

3. Смысловая область – возрастная оппозиция «молодежь – старые люди». По участию в деятельности общества старые люди более стабильные и надежные, чем молодое поколение, что проявляется в таком высказывании:

В отличие от молодежи уровень занятости пожилых людей во время кризиса оставался стабильным практически во всех странах мира [«КАРТ-БЛАНШ. Новое потерянное поколение» из «Независимая» 19.05.2015].

Старшее поколение усугубляется наличием прошлого опыта и моделированием жизни по советскому образцу, тогда как молодежь отдает предпочтение навязанному западному образу жизни, обществу массового потребления. Для любого общества на всех этапах развития характерно так называемое «противоречие молодого и старого поколения». Его смело можно отнести к вечным. Например, как одна статья на сайте независимая сообщала:

Ругать молодежь принято в любые времена. Всегда старшее поколение недоволено своими младшими и сетует на их чрезмерную свободу нравов и мыслей [«Вместо семьи – телефон стоимостью в несколько незаработанных зарплат» из «Независимая» 01.03.2016].

Физический аспект описания концепта «Молодежи» реализуется в смысловых зонах «возраст» и их внимание на свой «внешний вид».

1. Смысловая область возраст представлена лексико-семантическими полями «номинаций по возрасту подросток – юноши и девушки – студент – молодые люди». К молодежи ООН относит категорию молодых людей от 15 до 24 лет, а в Российской Федерации – возрастную группу в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами РФ и субъектов Российской Федерации, – до 35 лет и даже старше [«КАРТ-БЛАНШ. Новое потерянное поколение» из «Независимая» 19.05.2015].

2. Молодежь обращается больше внимания на свой «внешний вид и материальную жизнь». Дорогие телефоны, брендовая одежда, тусовки – эти симулякры красивой жизни начинают постепенно вытеснять из сознания молодых людей прежние представления о том, что есть главное в жизни. Получение знаний подменяется получением диплома [«Вместо семьи – телефон стоимостью в несколько незаработанных зарплат» из «Независимая» 01.03.2016].

Если спрашивали о том, что волнует молодежи, то к первой группе можно отнести самые актуальные проблемы, связанные с экономическим аспектом их жизнедеятельности. Это рост цен (71,2 %), низкие зарплаты, пенсии (69,2 %) и безработица, недостаток рабочих мест (42,7 %) [«Выйду на улицу, гляну на село...» из «Независимая» 25.04.2017].

Личностный аспект описания концепта «Молодежи» включает смысловые области «разнообразие, инициативность, беззаботность, неопытность, смелость», а также новые проблемы, возникающие с молодежью.

1. «Разнообразие» молодежи проявляется в таких высказываниях: широкое разнообразие молодых людей [«Тяжелая молодежная доля» из «Независимая» 10.09.2014]

Российская молодежь до последнего времени во многом представляла собой «социологические джунгли» [«Лишние люди?» из «Независимая» 21.03.2006].

2. «Инициативность» молодежи проявляется в таком высказывании:

Уже на стадии формирования национальных культур возникает оценочная идея молодежи как той силы, которая может прорваться из старого, закрытого и жестко иерархизированного общества в новое, где

человек сам себя возвращает [«Вверх по лестнице, не ведущей никуда» из «Независимая» 14.03.2003].

3. «Беззаботность» молодежи проявляется в таком высказывании:

Их устраивает беззаботная жизнь за спиной родителей, на которых лежит весь груз бытовых забот [«Парасайто сингуру» из «Независимая» 29.11.2004].

4. «Неопытность» молодежи проявляется в таком высказывании:

Молодежь недостаточно опытна и слабо включена в социум [«Молодежь как будущее, живущее в настоящем» из «Независимая» 25.04.2017].

5. «Смелость» молодежи проявляется в таком высказывании:

Действительно, последние несколько лет протестные молодежные движения прошли в разных странах мира [«КАРТ-БЛАНШ. Новое потерянное поколение» из «Независимая» 19.05.2015].

Таким образом, в лексических значениях слова «Молодежи» мы выделили ядерные компоненты, как «люди», «молодое поколение», «юноши, девушки», «подростающее поколение», «противоположное старому». В современном сознании новыми перифериями концепта «Молодежи» являются «возрастная оппозиция молодежь – старые люди», «социальная группа», «подросток – юноши и девушки – студент – молодые люди», «людей от 15 до 24 лет», «внешний вид», «материальная жизнь», «Разнообразия», «Инициативность», «Беззаботность», «Неопытность», «Смелость». Исследование данного концепта в традиционной и современной языковой картине мира выявляет такие свойства концепта, как динамизм и вариативность.

Список литературы

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия). М., 2007. 315 с.

2. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Концепт «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» в зеркале белорусских СМИ. Русский, 2016, № 4 (46). С. 276–293.

3. Лю Бо Стереотипные представления о женщине в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) / Бо Лю // Мир русского слова. СПб, 2009. № 4, С. 33–38.

Лымарь М.П.

Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

Основные компоненты китайской национальной идентичности, оказывающие влияние на процессы межкультурной коммуникации

Аннотация. В условиях укрепления российско-китайского сотрудничества в экономической, политической и других сферах является весьма актуальным рассмотрение особенностей взаимодействия с представителями китайского народа, как на государственном уровне, так и на уровне повседневного межличностного общения. В статье дается понятие национальной идентичности Китая, во многом обуславливающей коммуникативные процессы и успешный диалог с жителями Поднебесной. Также раскрываются основные факторы ее формирования: религиозные, географические и языковые. Автор раскрывает сформированные указанными факторами особенности китайской национальной идентичности, такие как принцип группового поведения, неагрессивный национализм, мощная историческая память, стабильность установленного порядка, принцип равновесия и гармонии, срединность, принцип единения без унификации, принцип непротиворечивого совмещения и другие.

Ключевые слова: Китай, национальная идентичность, ментальность, культура, коммуникация.

M. Lymar'

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow)*

Main components of Chinese national identity affecting the processes of intercultural communication

Abstract. In the context of strengthening Russian-Chinese cooperation in the economic, political and other spheres, it is very important to consider the specific features of interaction with Chinese representatives, both at the state level and at the level of everyday interpersonal communication. The paper considers the concept of China's national identity, which in many respects determines the communicative processes and successful dialogue with the inhabitants of the Middle Kingdom. Also, the main factors of its formation are revealed: religious, geographical and linguistic. The features of the Chinese national identity are found to be formed by such factors as the principle of group behavior, non-aggressive nationalism, powerful historical memory, stability of the established order, principle of equilibrium and harmony, middleness, principle of unification without unification, principle of consistent alignment, etc.

Keywords: China, national identity, mentality, culture, communication.

Современный этап протекания межкультурных коммуникативных процессов отличается сложностью, неоднозначностью, зависит от экономических, политических и других явлений. Представители разных народов на уровне повседневного и делового общения руководствуются сложным комплексом принципов и ментальных установок, многие из

которых необъяснимы в рамках традиционных парадигм социологии и психологии.

В связи укреплением российско-китайского сотрудничества на современном этапе рассмотрение особенностей взаимодействия с представителями китайской (ханьской) нации является весьма актуальным.

Внутренние социокультурные характеристики китайского национального характера, а также сформированная веками китайская национальная идентичность видится автору базовым компонентом продуктивного диалога с представителями китайского этноса.

Прежде чем раскрыть понятие национальной идентичности, обратимся к понятию идентичности.

Проведя анализ определений социологических словарей, «идентичность» можно охарактеризовать как: свойство сущности или явления, для которого характерна тождественность по базовым признакам с одним или несколькими другими сущностями или явлениями. Проще говоря,

Идентичность – это тождественность. Под ней мыслится мера себя, личностные координаты и параметры, которые не даны зримо и натурально. Идентичность соотносится с целостно сформированным образом себя во всем многообразии коммуникаций личности с окружающим миром.

Национальная идентичность связана с принадлежностью личности к определенному этносу. Это некая совокупность социокультурных представлений, которая формирует видение представителями того или иного народа своего места в мире, в том числе – на основе соотнесения со «значимыми другими» (другими народами и культурами) посредством оппозиции «мы – они».

Мы будем исходить из на следующего понимания национальной идентичности: это культурная норма, которая отражает эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [1, с. 42]. Базой для формирования национальной идентичности является национальная культура, основным средством ее сохранения и воспроизведения является диалог и преемственность культур. Главные характеристики национальной идентичности: общественность и отличительность.

Основные виды национальных культур описывает Г. Хофстеде [2, с. 243]. Он обособляет основные стереотипы и черты национального

характера и ментальности, общие для тех, кто говорил на одном языке и жил вместе в одно и то же время [3, с. 87].

Г. Хофстеде выделяет следующие измерения национальной культуры, в которых происходит социализация человека и на которые ориентируется личность в коммуникативных процессах:

- Дихотомия «Коллективизм-индивидуализм»;
- Дихотомия «Маскулинность-феминность»;
- Степень дистанция власти;
- Мера избегание неопределенности.

По данным критериям китайской национальной культуре присущи:

- Коллективизм: превалирование интересов группы над интересами личности; преимущественное проживание семьями / семейным кланами.

- Феминность: первостепенность эмоциональных связей в коммуникативных процессах, чувств солидарности и скромности.

- Большая дистанция власти: готовность представителей данной народности принимать неравенство распределения власти, уважать носителей властных полномочий.

- Высокая степень избегания неопределенности: наличие большого количества внутренних правил и инструкций, определяющих распорядок рабочего дня; неготовностью к принятию быстрых изменений.

Указав общие черты китайской национальной идентичности по Г. Хофстеде, перейдем к раскрытию частных особенностей национальной идентичности Китая, определив основные факторы ее формирования.

Географические факторы. На протяжении многих веков Китай развивался по типу «вселенной в себе», приспособлялся, развивал и трансформировал то, что дала ему природа. Они культивировали дисциплинированность, групповое поведение, упорядоченность коммуникативных процессов. Согласно традиционным представлениям китайцев само Небо отделило их территорию проживания от остального мира естественными преградами: горами, пустынями, морями. Все, что находится за этими естественными барьерами, до сих пор считается внешним и «варварским», все, что внутри, в центре – китайским, внутренним.

Религиозные факторы. Несмотря на то, что существуют этнические различия в рамках большой неоднородной китайской, существует определенная «китайская модель поведения». Независимо от того, применяется ли она к отдельным людям, корпорациям, департаментам

государственной службы или к правительству, эта модель напоминает структуру конфуцианской семьи.

Конфуцианство рассматривало семью как прообраз всей социальной организации. Стабильность общества основана на отношениях неравенства между людьми. Примерами такой иерархии в семье являются взаимоотношения отца и сына, правителя и подданного. Китайцы убеждены, в игнорировании этих принципов иерархии кроится причина беспорядков и преступности многих западных стран, где взаимоотношения строятся на равных основаниях.

При буддийском варианте социальной организации люди живут при жесткой иерархии. Буддизм учит, что человек, занимающий верхние позиции служебной лестницы, заслужил свое положение покорным и достойным поведением в прошлой жизни, а изменения к лучшему приходят с течением времени, возрастом и старшинством.

Школа легистов выступала против конфуцианских правил поведения в социуме. Легизм высмеивал конфуцианские рассуждения о человеколюбии, долге, справедливости, братской любви, называя их «игрой в слова». Они считали, что человек от природы зол [4, с. 36]. Для обуздания звериного начала Шан Ян и его последователи вводили превентивные наказания и принцип коллективной ответственности.

Основной идеей даосизма явилось создание утопического мира, где все живущие равны между собой, процесс развития есть поворот назад – к природе. Даосы рассматривали природное не как сугубо психофизиологическое в человеке, а как воплощение всеобщих и универсальных закономерностей структурной организации и функционирования мира. На первый взгляд, может показаться, что даосизм является самым нерегламентированным, неупорядоченным учением в рамках традиционной китайской триады (сань цзяо): конфуцианство, буддизм, даосизм. Но несмотря на то, что основные постулаты учения не систематизированы в едином тексте, однако стойкое внутреннее единство последователей учения обеспечивалось указанной основной стартовой презумпцией: «вернуться к настоящей жизни» [5, с. 187]. Именно этот даосский ретроспективный вектор, распадаясь в зависимости от того, по какой интеллектуальной сфере он проходит, на ряд отдельных векторов (персонологический, исторический, космологический и онтологический) и обеспечивает единство самого даосского учения на всем протяжении его

существования и вносит «единство» как принцип существования в жизнь китайского народа.

Хотя указанные учения сильно значительно отличаются друг от друга во многих отношениях, взгляды их последователей сходятся в том, что касается получения служебного статуса без соперничества, понимания коллектива как семьи, уважение к истории и старшим поколениям.

Языковые факторы. Один из факторов, осложняющих межкультурные коммуникативные процессы является сам национальный язык. Но проблема заключается не в знании иностранного языка, в том, что жители каждого национального государства не просто говорят на другом языке, они по-разному используют свой язык. Язык как система отражает особенности национального характера, общественное самосознание народа, его менталитет, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение.

Китайский язык – неотъемлемый элемент разума любого китайца. В основе китайских языковых структур лежат структуры социокультурные.

Основная графическая единица китайского письма – иероглиф. Иероглиф, по сути, есть картинка называемого предмета реальной действительности. Такова изначальная этимология его появления, но в ходе развития многие иероглифы изменились настолько, что порой невозможно рассмотреть в них что-то схожее с называемым объектом. Однако суть иероглифа не меняется с течением неизменной – невозможность для китайского мышления выразить все многообразие окружающего мира в виде алфавита. Главная особенность китайского языка состоит в обратном воздействии материальной формы (иероглифов) на идеальное содержание (китайскую мысль). Мысли представителей китайского народа, таким образом, становятся конкретно символическими.

Языковеды в качестве фонетической единицы китайского языка выделяют не отдельный звук, а слог, состоящий из нескольких звуков, и представляющим собой единое целое (как целостность и непоколебимость китайского уклада жизни).

Особую важность представляют и некоторые особенности невербального донесения информации, т.е. проявления физического Я в мимике и жестах. Например, обычай приветствовать сложением обеих рук перед грудью символизирует нежелание нанести первый удар, или раскрытая ладонь одной руки и обхваченный ею сжатый кулак другой отражают два противоположных начала китайской натурфилософии «инь»

и «ян» [6, с. 59], т.е. изначальную настроенность китайца на безконфликтный диалог.

Осветив основные факторы формирования китайской национальной идентичности, выделим теперь сформированные на сегодняшний день ее особенности.

Особенности национальной идентичности Китая:

- Феминный, коллективистский тип китайской культуры с высокой дистанцией власти и высоким уровнем избегания неопределенности по классификации Г. Хофстеде.

- Консервативный и замкнутый характер менталитета китайского народа, сформированный историческим и географическими факторами, обеспечивает устойчивость и непрерывность самостоятельного развития китайской национальной культуры.

- Единство и групповое поведение – основа коллективного процветания и развития. Единство национальной идеи.

- Неагрессивный национализм и интравертная цементирующая функция национальной идентичности Китая, повышающая сплоченность китайцев, проживающих в стране, и глобальной китайской общины в целом.

- Мощная историческая память и уважение к старшим поколениям.

- В повседневных мыслительных процессах превалирование анализа прошлого над прогнозированием будущего.

- Конкретность и фиксированная образность мышления.

- Стремление к гармонии и стабильности установленного порядка и существующей системы прав и обязанностей.

- Стремление к достижению равновесия между всеми слоями общества, китайским и внешним миром, сформированное различными религиями, этиками и учениями.

- Принцип непротиворечивого совмещения, который также коренится в одновременном существовании нескольких религиозных учений на протяжении многих сотен лет. Современным примером может служить принцип «Одна страна – две системы» для городов Гонконга и Макао, а также острова Тайвань.

- Принцип «срединности», избегание крайностей. Связан с конфуцианскими принципами гармонии и равновесия при сохранении их множественности и многообразия.

- Концепция «Поднебесной», которая берет начало из учения даоссов. Под «Поднебесной» мыслился не только Китай, но и весь мир, состоящий из китайской культуры и варварской периферии.

- Конфуцианское «единение без унификации», принцип взаимодействия с другими народами, согласно которому Китай стремится укреплять мир, гармонию и сотрудничество с другими странами (единение) без перехода на союзнические позиции и признания чужих ценностей (унификации).

Выделенные нами черты китайской ментальности, конечно же не представляют некоего комплексного инструмента для общения с представителями китайского народа. Однако, их осмысление и принятие до и в процессе коммуникации будет способствовать созданию атмосферы понимания и взаимоуважения. Знания и понимание ценностных структур и особенностей китайской национальной идентичности, факторов ее формирования формирует понимание «констант», составляющих базу принадлежности к китайскому этносу. От ориентации в этих константах, во многом будет зависеть успешность коммуникативного процесса и решения вопросов на уровнях повседневного и делового общения.

Список литературы

1. Ван Цюн. Влияние социокультурных особенностей и национальной идентичности Китая на Российско-Китайские отношения. Канд. дисс., М., 2007.

2. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин; под ред. А. П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

3. Кочетков В. В. Социология культуры. М.: Социум, 2000.

4. Удальцов С. Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток). СПб: Издательский дом СПбГУ, 2007.

5. Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М.: «Муравей», 1998.

6. Барский К., Палецкий Д. Китайская грамота мимики и жестов // Азия и Африка сегодня. № 4. 1994.

Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р.

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

«Восточная дневная песнь» Р. М. Рильке в русских переводах

Аннотация: В статье рассматривается стихотворение Р. М. Рильке «*Östliches Taglied*» как переводческая задача. Это стихотворение входит в знаменитую книгу поэта «Новые стихотворения» и представляет для перевода большие трудности. В статье определяются так называемые пороговые места текста и степень сопротивления оригинала переводу и анализируются переводческие решения, использованные ведущими российскими переводчиками при воссоздании текста стихотворения.

Ключевые слова: Восток, оригинал, перевод, песнь, поэзия, Р.М. Рильке.

E. Lysenkova, R. Chaikovsky

North-Eastern State University (Magadan)

“Eastern alba” by R.M. Rilke in Russian translations

Abstract. The paper considers with the poem “Eastern alba” by R.M. Rilke. This poem is included in the famous book “New Poems” of the poet and presents great difficulties for translation. The so-called threshold places of the text and the degree of resistance of the original text to translation are found and the translation decisions used by leading Russian translators when recreating the text of the poem are analyzed.

Keywords: alba, East, original, R. M. Rilke, poetry, translation.

Многие европейские интеллектуалы начала XX века нередко проявляли неподдельный интерес к Востоку, к его истории, культуре, религии, литературе. Одним из них был выдающийся поэт и прозаик Р. М. Рильке. Можно с уверенностью утверждать, что его больше привлекал загадочный восточный мир, нежели мир англосаксонский или американский. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные стихотворения поэта на восточные темы. К ним относятся такие известные произведения Р. М. Рильке, как *König Abend*, *Manchmal steht einer auf beim Abendbrot*, *Buddha (Als ob er horchte. Stille: eine Ferne...)*, *Buddha (Schon von ferne fühlt der ferne scheue...)*, *Schlangen-Beschwörung*, *Mohammeds Berufung*, *Buddha in der Glorie*, а также многочисленные стихотворения на библейские темы.

К произведениям, в которых так или иначе отражена увлеченность Р.М. Рильке темой Востока, можно причислить и стихотворение, которое в оригинале носит название «*Östliches Taglied*». Оно было написано в мае-июне 1906 года и вошло в первую часть знаменитой книги Рильке «Новые стихотворения», увидевшей свет в 1907 году.

В это же время (в июне 1906 года) Рильке пишет стихотворение «*Taglied*», которое, по мнению ряда исследователей творчества Р. М. Рильке, следует рассматривать как своеобразное дополнение (*Gegenstück*) в содержательном и формальном плане к «*Östliches Taglied*» [6, S. 342]. На наш

взгляд, слово *Gegenstück* в данном случае более оправдано будет воспринимать не в значении дополнение, а в значениях антипод, антитеза, поскольку по содержанию и форме эти стихотворения противопоставлены друг другу. Однако их сосуществование в изданиях поэзии Рильке показывает, что тема дневной песни весьма занимала поэта, и что он искал разные пути ее творческого отображения. Как известно, поэт отдал предпочтение стихотворению, которое он, озаглавив его «*Östliches Taglied*», включил в одну из своих важнейших книг, а стихотворение «*Tagelied*» сегодня публикуется в его собраниях сочинений в разделе *Entwürfe* (наброски); см., например: [8, S. 325–326].

Приведем текст этого стихотворения:

Östliches Taglied

Ist dieses Bette nicht wie eine Küste, / ein Küstenstreifen nur, darauf wir liegen? / Nichts ist gewiß als deine hohen Brüste, / die mein Gefühl in Schwindeln überstiegen. // Denn diese Nacht, in der so vieles schrie, / in der sich Tiere rufen und zerreißen, / ist sie uns nicht entsetzlich fremd? Und wie: / was draußen langsam anhebt, Tag geheißen, / ist das uns denn verständlicher als sie? // Man müßte so sich ineinanderlegen / wie Blütenblätter um die Staubgefäße: / so sehr ist überall das Ungemäße / und häuft sich an und stürzt sich uns entgegen. // Doch während wir uns aneinander drücken, / um nicht zu sehen, wie es ringsum naht, / kann es aus dir, kann es aus mir sich zücken: / denn unsre Seelen leben von Verrat. [7, S. 486].

Для удобства читателей, не владеющих немецким языком, приводим также подстрочный перевод, выполненный В. Авербухом и М. Гореликом (в целях экономии места оба текста приводятся без построчного членения строф):

Весенняя альба

Не подобно ль это ложе, на котором мы лежим, побережью, / лишь полосе побережья? Нет ничего достоверного, кроме твоей высокой груди, которая, закружив мои чувства, превзошла их силы. // Ведь эта ночь, в которой было столько крика, в которой звери зовут и терзают друг друга, – разве не чужда она нам ужасно? И вот: то, что медленно занимается снаружи, то, что зовется днем, разве же понятнее нам, чем она? // Надо так уложиться друг в друга, как лепестки вокруг тычинок: таким сплошным кольцом окружило нас не соответствующее нам и накапливается и набрасывается на нас. // Но в то время, когда мы прижимаемся друг к другу, чтобы не видеть, как то вокруг приближается, оно может вылезти из тебя, может из меня: потому что наши души живут изменой. [3, с. 52].

Рассмотрим, прежде всего, заглавие стихотворения.

Комментаторы «Новых стихотворений» В. Авербух и М. Горелик передают заглавие этого стихотворения как «Восточная альба» [3, с. 52]. Такое решение, на наш взгляд, вполне оправдано, поскольку немецкий жанр *Tagelied* берет свое начало в провансальской поэзии XIII века, в которой жанр альбы, т. е. утренней песни был весьма популярен. В провансальском языке слово *alba* означало рассвет, и это название было перенесено на песенный жанр средневековой поэзии, в котором описывалось расставание влюбленных утром после ночного (как правило, тайного) свидания. В немецкой литературе этот жанр также существует уже на протяжении восьми веков (см. об этом: [1, с. 168]; [9, р. 1264]).

Следует, однако, отметить, что в немецкой поэтике прижилось определение *Tagelied*, а не *Morgenlied*, как можно было бы ожидать при калькировании исходного названия, т. е. в литературной традиции Германии этот жанр ассоциируется не с рассветом, а с днем. Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что стихотворение «*Östliches Taglied*» Р. М. Рильке содержит в своем заглавии непривычную форму *Taglied*, а не традиционный для немецкой литературы вариант *Tagelied*, который использован в названии другого стихотворения Рильке этого жанра. Можно высказать осторожное предположение, что в этом проявилось свойственное поэту стремление использовать в своих стихотворениях более архаичные словоформы многих немецких лексем (ср. многочисленные случаи особой рильковской орфографии: *giebt, siehe, vermags, Schooß* и т. п.).

В нашем распоряжении имеются восемь рифмованных переводов стихотворения «*Östliches Taglied*» на русский язык. Все эти переводы выполнены известными и авторитетными переводчиками поэзии Р. М. Рильке. Возможно, что из-за расхождений в названии этого жанра в поэзии трубадуров и в немецкой поэзии нет единства и в передаче заглавия рассматриваемого стихотворения его переводчиками на русский язык. Ср.: «Восточная утренняя песня» (В. Авербух, 1999), «Восточная песнь зари» (К. Азадовский, 1996), «Восточная дневная песнь» (К. Богатырев, 1977), «Восточная утренняя песнь» (Н. Болдырев, 2012), «Восточная песнь дня» (В. Летучий, 1995), «Дневная песнь Востока» (В. Микушевич, 2016), «Восточная утренняя песня» (Е. Храмов 1983), «Восточная песнь» (В. Шершеневич, 1913), «Восточная альба» (подстрочный перевод В. Авербуха / М. Горелика, 2012).

Как видим, почти все переводчики сохраняют в переводных вариантах определение *восточная*, а В. Микушевич воспользовался определением в

форме родительного падежа: Востока. Тем самым переводчики подчеркивают соотнесенность содержания стихотворения с Востоком.

В рамках этой небольшой работы нет возможности провести полный параллельный анализ оригинала и восьми переводов. По этой причине мы ограничимся сопоставительным рассмотрением так называемых пороговых мест подлинника, которые оказывают наибольшее сопротивление оригиналу (о пороговых местах текста и о сопротивлении оригинала переводу см.: [2, с. 17], [4, с. 104–138]).

К пороговым местам в первой строфе стихотворения Рильке мы относим 3-ю и 4-ю строки; во второй пятистрочной строфе определенное (но не сильное) сопротивление оригиналу оказывают ее синтаксическая структура и повтор рифмы; в третьей строфе трудности вызывает передача значения субстантивированного прилагательного *das Ungemäße* и его присутствие в следующей строфе в виде тоекратно повторяющегося местоимения *es*, а в заключительной, четвертой строфе пороговым местом оказывается глагол *sich zücken* и афористическая строка (*denn*) *unsre Seelen leben von Verrat*.

Обратимся теперь к переводческим решениям, которые содержатся в версиях названных выше переводчиков. Строки *Nichts ist gewiß als deine hohen Brüste, / die mein Gefühl in Schwindeln überstiegen* выражают состояние лирического героя, для которого высокая грудь возлюбленной – это нечто единственно достоверное, что возносит его чувства выше его состояния головокружения. В переводе В. Авербуха общая идея строк оригинала выражена относительно верно, однако очевидно, что эпитет *лебяжья* понадобился переводчику для рифмы к слову *пляжа*, которое использовано им в первой строке: *Не схоже ль это ложе с лентой пляжа / на побережье диком? Где лежим мы? / Одно неложно – грудь твоя лебяжья, / кружащая меня непостижимо.*

Перевод К. Азадовского отличается тем, что в нем, при всем стремлении переводчика адекватно воссоздать оригинал, явственно проявляются характерные признаки перевода-вариации (см.: [5, с. 25–29]). Ср.: *Но высоки твоих грудей вершины: / мое желанье с обмороком схоже.*

Переводческое решение К. Богатырева представляется несколько схематичным – лирическая героиня засыпает, и только затем лирический герой понимает, что ее грудь перевернула его безмятежные до этого чувства: *Край ложа, на котором ты уснула, / как узкая полоска побережья. / Волна твоих грудей перевернула / все чувства, вырвав их из безмятежья.*

В варианте Н. Болдырева читателя озадачивают метафора твердь одна, а также восприятие существительного *Schwindeln* в значении мошенничество, ложь, обман: Наша постель – не суши ли полоска / на зыбкой кромке моря-океана? / Здесь твердь одна – твоя хмельная ласка, / где чую дрожь кружащего обмана. Нетрудно увидеть, что эта переводная версия в содержательном плане далеко отстоит от текста оригинала.

Весьма свободно обращается с оригиналом и В. Летучий, в чьем переводе первая строфа выглядит так: Ах, разве с берегом обетованным / не сходна узкая полоска ложа, / где в головокруженье непрестанном / мы пламенеем, страсть на страсть помножа? Образы перевода не передают смысл двух последних строк первой строфы подлинника.

В. Микушевич превращает всю эту строфу в ряд риторических вопросов, который задает сам себе лирический герой. Ср.: На берегу лежим или в постели? / Ласкает нас не свежесть ли морская? / Твои ли груди птицами взлетели, / восторг мой взлетом этим превышая? У читателя может возникнуть ощущение, что лирический герой Рильке несколько неадекватно воспринимает все вокруг себя. Герой, например, сомневается, взлетели ли птицами груди его любимой или какой-то другой женщины. Вряд ли переводческие решения, реализованные в переводе этой строфы В. Микушевичем, можно признать адекватными оригиналу.

Перевод Е. Храмова вопросов, как предыдущий перевод, не содержит вообще, зато в нем герой верит только в грудь возлюбленной: Лишь в грудь твою я непреложно верю, / к ней головой счастливой припадая.

В первом переводе этого стихотворения на русский язык, опубликованном в 1913 году, В. Шершеневич стремится к объективной передаче оригинала: Волнение грудей, меня тревожа, / Над чувством возвышается моим, однако экспрессивность строк оригинала в нем исчезает.

Вторая строфа особых трудностей у переводчиков не вызвала – все переводные варианты относительно адекватно воссоздают оригинал. Однако в каждом из них так или иначе отражаются особенности переводческой манеры их авторов.

В. Авербух заменяет *Nacht* мраком, в результате чего в первой строке у него появляется внутренняя рифма и инструментовка на звукосочетания *рак – рик – ряк*: Ведь этот мрак, что криками набряк, / в котором звери звали и терзали, – / не чужд ли нам? А то, что тихо так / встает снаружи, этот день, – едва ли / он будет нам понятнее, чем мрак.

К. Азадовский, вслед за К. Богатыревым (см. ниже), вводит в свой перевод образ зари: Но разве нам понятней в этот миг / все то, что брезжит за окном? Едва ли. / Встает заря: обманный серый лик.

В переводе К. Богатырева обращает на себя внимание последняя строка, которая в большей мере соответствует жанровой природе стихотворения Рильке – альбе. В ней Богатырев удачно воссоздает идею рассвета – заря и вводит (в переносном смысле) упоминание о якобы восточной природе песни восток: И эта ночь надрыва и тревог, / в которой звери воем слух терзали, / предельно нам чужда. Но кто бы мог / поверить, что понятней нам едва ли / заря, которой занялся восток?

Н. Болдырев верен своему подходу к оригиналу, вводя в одном случае отсутствующий в оригинале образ криков, несущих в себе стужу, и прибегая в другом случае к понятию загадки, которым удачно передает неразгаданность, непонятость лирическим героем ночи и дня: Вот эта ночь, где в криках столько стужи, / где зов звериный то летит, то рвется, / нам не чужда? А то, что там, снаружи, / к нам приближается и днем зовется, / нас разве меньшей загадкой кружит?

В. Летучий адекватно переводит четыре первых строки этой строфы, но в пятой допускает ошибку, «заставляя» день озираться от испуга (видимо, ради рифмы к слову друга): И разве ночь, где неумолчен крик / зверей, грызущих в ярости друг друга, / нам не чужда, как день, что вдруг возник / снаружи, озираясь от испуга, – / кому понятен их чужой язык?

В переводе В. Микушевича содержание строфы передано относительно точно, однако привносимые переводчиком добавления (ср.: смятение, грозящий) несколько сдвигают семантические акценты этого пятистишия – в первой строфе счастливый герой наслаждается телом своей возлюбленной, а во второй они оба уже в смятении: Ночь, диким населенная зверьем, / которое кусалось иль рычало, / чужда нам и страшна, но как в своем / смятении, встречая дня начало, / мы новый день, грозящий нам, поймем?

Е. Храмов удачно заменяет день утром, однако другая его замена – ночи полночным бредом – представляется менее оправданной: ...А свет / там за окном, что утром называют / он разве ближе, чем полночный бред?

В переводе В. Шершеневича обнаруживаем несколько иную систему рифмовки, но в целом перевод этой строфы довольно близок к оригиналу: И эта ночь, что криками полна / – Грызутся звери, вопли испуская – / О, разве не чужда нам ночь глухая? / И разве день – он тихо возникая / Извне грядет, – нам ближе, чем она?

При переводе третьей строфы камнем преткновения для всех переводчиков оказалось субстантивированное прилагательное *das Ungemäße*, образованное от слова *ungemäß*, имеющего значение не соответствующий чему-либо, не подходящий к чему-либо. В. Авербух передает эту лексему словом чужое; у К. Азадовского находим обобщенное местоимение всё; К. Богатырев находит ей соответствие горы хаоса; Н. Болдырев переводит это слово словом непостижимое, написанным со строчной буквы; В. Летучий, В. Микушевич и В. Шершеневич допускают ошибку в чтении – приняв слово *das Ungemäße* за слово *das Ungemessene*, они используют его эквивалент безмерное; у Е. Храмова находим далекие от оригинала соответствия разломы и разлады.

Кроме того, в переводах В. Авербуха, К. Богатырева и Н. Болдырева имеются и другие заметные отступления от текста оригинала (например, В. Авербух рифмует подобно с невозможным в контексте рильковского стихотворения в лоб нам; у К. Богатырева горы хаоса толпятся, на нас готовясь рухнуть всей громадой, а в переводе Н. Болдырева пестики в тычинках верят чуду).

При переводе четвертой строфы также имели место ошибки переводчиков в прочтении оригинала, вызванные формальной близостью немецких глаголов *zucken* и *zücken*. Первый из них имеет значение вздрогнуть, сделать внезапное судорожное движение, подергиваться, трепетать, а второй используется в значении обнажать, вынимать. В стихотворении Рильке глагол *zücken* употреблен в необычном сочетании с возвратным местоимением *sich*, которое относится к местоимению *es*, замещающему в строфе существительное *das Ungemäße* из третьей строфы.

В переводе В. Авербуха направление описанного действия: *kann es aus dir, kann es aus mir sich zücken* заменено на противоположное: оно вползает в нас, в тебя ль, в меня ли; К. Азадовский воспринимает глагол *zücken* как *zucken*: в тебе ли вдруг, во мне ли дрогнет что-то?; у К. Богатырева также передано скорее значение глагола *zucken*, а не *zücken*: возможно, искра пробежит меж нами; Н. Болдырев и В. Шершеневич размещают действие в самих влюбленных: И все ж порою в нас оно блистает вьюгой; оно внутри нас может задрожать. В. Летучий оказался единственным переводчиков, правильно воссоздавшим эту строку подлинника: как знать нам, что из нас самих грозит прорваться. В переводе В. Микушевича рильковская идея о том, что в самих возлюбленных кроется готовая вырваться из них тень будущей

возможной измены, не передана: их единенье тесное опасно. В варианте Е. Храмова дана фраза все движенья слиты, которая отсутствует в оригинале.

Афористически выраженная мысль поэта: (denn) unsre Seelen leben von Verrat, выступающая кодой стихотворения, оказалась достаточно адекватно воссозданной лишь в переводе Н. Болдырева: (ибо) изменою питается душа! Достаточно близок к оригиналу и вариант В. Шершеневича: Изменою наполнена душа. В других переводах концовка стихотворения переводчиками передана так: насущен для души измен озон (В. Авербух); Ведь вероломны в наших душах мы (К. Азадовский); чтоб нас изменою спалить до тла (К. Богатырев); (грозит прорваться то, что до сих пор пугало,) – предательство, – и нас не пощадит (В. Летучий). В переводе В. Микушевича смысл исходной строки несколько изменен: нас души наши тоже предают. Е. Храмов развернул афоризм Рильке в две строки: и только души наши не раскрыты, / и каждая другую предает.

В заключение можно сказать, что стихотворение Р. М. Рильке «*Östliches Taglied*» следует отнести к тем произведениям, которые не сразу поддаются однозначному смысловому толкованию. Оно – прекрасная поэтическая загадка, ключ к которой не удалось подобрать ни одному из восьми российских переводчиков. Подтверждением мысли об отсутствии среди рассмотренных переводов адекватного перевода может служить и невозможность создать на их основе перевод-центон, который бы максимально близко отражал содержание и форму подлинника – отдельные строфы и строки восьми рассмотренных переводов не складываются в единое поэтическое целое.

Список литературы

1. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1962. 1088 с.
2. Лысенкова Е. Л. Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М.: ООО «Азбуковник»; ООО «ИТИ Технологии», 2004. 216 с.
3. Рильке Р. М. Новые стихотворения. Подстрочный перевод с комментариями В. Авербуха и М. Горелика. Сегмент 1. Юность. Версия 2.1. Опава: б. и., 2012. 80 с.
4. Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода.: вводная часть: учеб. пособие. Магадан: Изд СВГУ, 2008. 182 с.
5. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Перевод поэзии (типология и множественность): учеб. пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.

6. Rilke-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. von M. Engel. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2004. 570 S.
7. Rilke R.M. Sämtliche Werke. Bd. I. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1987. 878 S.
8. Rilke R.M. Sämtliche Werke. Bd. II. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1987. 959 S.
9. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. by A. Preminger and T.V.F. Brogan. New York: MGF Books, 1993. 1383 p.

Лю Бо

Даляньский политехнический университет (Китай)

Традиционное представление о «супружеской связанности» в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок)²⁴

Аннотация. Одним из важных способов объективации концептов являются национальные фразеологизмы, пословицы и поговорки. В данной статье рассматриваются единицы, которые являются определенными знаками национально-культурной семантики, сохраняемого в языке социокультурного опыта; анализируются фразеологические единицы, представленные о «супружеской связанности», сравниваются стереотипы в русском и китайском языках.

Ключевые слова: супружеская связанность, фразеологические единицы, русский и китайский языки.

Dalian Polytechnic University (China)

The traditional concept of “spousal relationship” in the Russian language map (using idioms, proverbs and sayings) with Chinese as a background

Abstract. One of the most important ways of the research of concept materialization is the study of national idioms, proverbs and sayings. In this paper, we discuss the lexical units, which are regarded as the ethnic cultural semantic symbols existing in the language social culture experience. Idioms with the “spousal relationship” component are analyzed and the stereotypes in Russian and Chinese languages are compared.

Keywords: spousal relationship, idiom, Russian and Chinese languages.

В национальных фразеологических единицах в краткой, сжатой форме нередко выражаются некоторые когнитивные стереотипы, свойственные национальной концептосфере народа. Связь истории и

---

²⁴ Данная статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта DUT17RW117 (中央高校基本科研业务费资助项目DUT17RW117的阶段性成果).

культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне.

Взаимная связь жены и мужа существует в супружеской жизни, причины такой связи у мужчин и у женщин разные. Жена мужу нужна для того, чтобы вести хозяйство и давать необходимый совет. Это хорошо отражается в русском фразеологическом фонде: Без жены как без шапки; Муж без жены – что гусь без воды; Утро вечера мудренее, жена мужа удалее. А мужчина для женщины предстает как опора и глава всей семьи, это выражается в обоих языках: в русском – Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт. Без мужа, что без головы; без жены, что без ума; Мужчина без жены – что конь без узды; Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане; в китайском – [nán zǐ wú qī shì jiā wú zhǔ, fù rén wú fū shì shēn wú zhǔ](мужчина без женитьбы значит, что нет человека, который может вести домашние дела; женщина без замужества – не на кого опираться). Из этого следует, что супружеская связанность является необходимой составной частью брака.

В китайском языке прежде всего обращается особое внимание на хорошие и дружеские отношения между мужем и женой, т.е. супруги едины на всю жизнь. Это происходит потому, что в китайской традиции дружная семья – основа стабильности целой страны, а согласие в семье считается большой ценностью.

И здесь мы можем утверждать, что идеальная дружная семья отличается (а) глубокой привязанностью и семейным единством, например, [shuāng sù shuāng fēi](дословно: оба и лежат, и летают); [yí yè fū qī bǎi rì ēn](при установлении супружеских отношений возникает глубокая привязанность); в русском также: У мужа и жены мысли одни; Муж да жена – одна душа. Муж да жена – одна сатана; Где муж, там и жена; Муж с женой, что мука с водой. В русском больше пословиц и поговорок, которые подчеркивают взаимозависимость между мужем и женой: У милостивого мужа всегда жена досужа; У умного мужа и глупая жена досужа; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана; У плохого мужа жена всегда дурра. (б) традиционным общественным разделением труда: [nán dāng jiā nǚ chā huā](мужчина управляет семьёй, женщина делает цветы на срез, т.е. ведёт домашние дела); [nán zǐ zǒu zhōu yòu zǒu xiàn, fù nǚ wéi zhe guō tái zhuàn](мужчина ходит по городам, женщина вращается вокруг плиты); [nán gēng nǚ zhī](муж пашет, а жена прядёт). Т.е. домашние дела – это обязанность жены, а муж находится за

пределами дома и домашними делами не занимается. В русском языке тоже: Женская дорога – от печи до порога; Муж молоти пшеницу, а жена пеки паляницы; Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит; Давно то было баяно, что жена не барыня. Такие пословицы, как Жена мелет, а муж спит; Жена прядет, а муж пляшет; Жена у посудника (дома), и муж у посудника(в кабаке), – отражают обязательность выполнения домашней работы, трудолюбие женщины и безделье мужа, которое допускается.

А. В. Кирилина так оценивает гендерную дискриминацию: «поскольку женщины в нашем обществе имеют более низкий статус, чем мужчины, их деятельность также получает более низкую оценку, чем деятельность мужчин. При одинаковых занятиях считается, что действие, выполненное мужчиной, более значимо, чем действие, выполненное женщиной» [1]. Женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как левое и правое, неправильное и правильное, отклонение и норма. Этот взгляд находит свое выражение в русских пословицах, демонстрирующих нелепость и неправильность женского поведения: В чём деду стыд, в том бабе смех; Муж в дверь, а жена в Тверь; Мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу. Китайский язык этого не отражает.

Согласно Д. Майерсу, в земледельческих обществах гендерные роли более дифференцированы: женщины работают в поле и сидят с детьми, в то время как мужчины могут пойти, куда сочтут нужным. Таким образом, статус женщины непосредственно связан с ее гендерной ролью, продиктованной родной культурой, будь то ведение домашнего хозяйства и воспитание детей или выполнение равноценной с мужчинами работы. Причем, как отметил Энгельс, даже «дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое общественное положение, чем выполнявшая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой... да по характеру своего положения и была ею» [2, с. 259–266].

Деятельность женщин относится к сфере домашней работы, что имеет своим следствием социально воспроизводимую зависимость и незащищенность женщины, исключение её из всего многообразия социальных отношений. Это предполагает в первую очередь лишение женщин «воли», которая включает такие понятия, как понятие личной

свободы и понятие неограниченности пространства. Замкнутость женского пространства подчеркнута в пословице: Держи деньги в темноте, а девку в тесноте (не давать женщине воли – это лишить её возможности принимать решения, а также – ограничить её в пространстве); Сердилась баба на торг, а торг того и не ведал; Скачет баба задом и передом (попусту хлопчет, суетится), а дело идёт своим чередом; Жена – кабальный батрак.

В китайском языке немало высказываний, оценивающих хозяйственную деятельность женщин как ограниченную, отличающуюся от деятельности мужчин: [nán dāng jiā nǚ chā huā](мужчина управляет семьёй, женщина делает цветы на срез, т.е. ведёт домашние дела); [nán zǐ zǒu zhōu yòu zǒu xiàn, fù nǚ wéi zhe guō tái zhuàn](мужчина ходит по городам, женщина вращается вокруг плиты). Более низкую оценку женского труда демонстрирует пословица о мужчине, занятым домашними делами: мужчина, который занимается тем, что должна делать женщина, считается неспособным и бездарным: [nán dà wú néng, shuā guō mǒ rén](мужчина, который моет посуду, бездарный).

С древних времён в традиционной семье существовала модель: мужчина работает, женщина домовничает. Но женщины работают очень тщательно, аккуратно, обращая внимание на мелочи (домашняя работница), они проявляют себя исключительно хорошо и в этих областях имеют преимущество перед мужчинами.

В) в русском языке некоторые единицы выражают большую зависимость жены от мужа (Птица крыльями сильна, жена мужем красна; Жена по мужу честна; Жена при муже хорошо; Жена мужу пластырь, муж жене пастырь) и ответственность мужа перед женой (Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца), скорее всего, женщины оцениваются с позиций мужских представлений и жизненного опыта. Т.е. в русском языке и культуре проявляется андроцентризм и языковая картина мира это фиксирует. Например, Жена – не руковица, с руки не бросишь; Жена – не сапог, с ноги не скинешь; Куда иголка, туда и нитка. Женщина следует за мужем и подчиняется ему, к примеру, [fū chàng fù suí](счастливое супружество, дословно: муж поёт, жена также); [jià jī suí jī](за кого вышла замуж, тому и угождай). В этих выражениях ещё более очевидным становится то, что отмечалось выше, различие в социальном положении и отношениях между женщиной и мужчиной.

Можно предположить, что социальная зависимость женщины прослеживается в типичных чертах её характера. Низкий социальный

статус женщин подчеркивается властью над нею мужчины и считается нормой, ей предписано подчиняться: Жена без грозы – хуже козы; Кто жене волю дает, тот сам себя обкрадывает; Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком; Кого люблю, того и бью, жену не бить – и милу не быть; Люби жену, как душу, трясси ее, как грушу; Не муж в мужьях, кем жена владеет, не работа в работах под женками воз возити; Как так? Муж дьяк, а жена – попадья; У мужа жена всегда виновата; а в китайском также: [qǐ dào le xī fu mǎi dào de mǎ, yóu rén qí yóu rén dǎ](дословно: жена, на которой женился, как лошадь купленная, ее бьют и на ней ездят вволю. Низкий статус женщины при феодализме подчеркивается стереотипным сравнением, необходимостью подчиняться мужу после свадьбы.

Ряд единиц в обоих языках передает отрицательную оценку супружества, если отсутствует согласие между женой и мужем и связано оно с недостойным поведением жены.: Ехал бы прямо, да жена упряма; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою; Муж в бедах, жена в гостях; Муж в шанцах, а жена в танцах; Муж по дрова, а жена со двора; Муж за бороною, жена за меледою.

Сравнение гендерно релевантных образов дает основания видеть как сходства, так и различия в картинах мира русского и китайского языкового сообщества. Сходств больше, чем различий.

Список литературы

1. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка. [http://www.a-z.ru/women_cd1/html/kirilina_b.htm]
2. Майерс Дэвид Социальная психология. СПб., 1999. С. 259–266.

Лю Сянюнь

Хэйхэский университет провинции Хэйлуңцзяна (Китай)

“互联网+”框架下高校俄语教学研讨

摘要:目前, 高等教育进入“互联网+”时代, 以互联网技术为标志的新型技术已经渗透到我们生活的方方面面。随着信息技术在教育领域的广泛应用, 当今教育面临前所未有的冲击和挑战, 对高校的俄语教学也提出了新的要求。

关键词:“互联网+”, 俄语, 教学改革。

Heihe University of Heilongjiang Province (China)

Internet plus in teaching Russian at colleges and universities

Abstract. To date, the higher education has entered the era of the Internet plus, which actively penetrates into all aspects of our lives. With the wide application of information technology in the field of education and teaching, we face unprecedented challenges, and new

requirements have been put forward for teaching the Russian language at colleges and universities.

Keywords: Internet plus, Russian language, teaching reform.

“互联网+”就是利用先进的互联网技术及网络平台，使其与各个传统行业融合，并形成新的发展模式。但是这种“互联网+传统行业”，并不是两者的简单结合，而是一种深度融合。传统教育是学校+老师+教室，而“互联网+教育”的内容是网络、移动终端和无数学生。“互联网+”时代的到来，正在深刻地影响着教育领域，

但是它的出现不会取代传统教学，而是使传统教育焕发出新的活力。

高校俄语网络教学现状

目前，我国普通高校的俄语网络教学已经实施了十多年，很多高校加大资金投入，提升硬件基础设施建设、软件、网络教学平台建设等方面的水平，许多教师也认识到网络教学的重要性，认为是对传统教学的有效补充，有利于构建新型和谐的师生关系。但在网络教学的实施过程中，仍然面临很多问题及阻碍网络教学顺利开展的因素。这些问题集中表现在：许多教师对自身没有明确的认识和定位，不清楚自己在网络教学中的应起的作用；有些高校教师因为教学和科研压力大，没有足够的时间投入到网络教学，导致教学效果一般，网络平台得不到充分利用；有些教师希望采用网络教学，但技术不足，对网络教学因缺乏了解而存在胆怯心理，而学校派出培训学习的名额有限，也难以保证网络教学质量，加之许多学校的主管部门对网络教学采取提倡但不强制的态度，对网络教学的政策支持力度不够，态度模糊，导致高校的网络教学没有达到预期效果。

“互联网+”影响传统俄语教学

1. 影响课堂教学方式

传统俄语教学以教师为中心，教师在整个教学过程中起主导作用，通过教师讲解、板书，师生口耳相传达到知识传递的目的。在这个过程中学生始终处于被动接受知识的地位。

这种教学方式极大地束缚了学生的创新能力以及对新知识的探究能力，很难提高学习兴趣。经常有教师抱怨学生上课开小差，注意力不集中等，这个现象侧面反映出传统的教学方式不能满足学生的求知需求。“互联网+”时代的到来不仅改变了学生的学习方式，而且改变他们对学习的认知和理解，教师可以不受时空限制，仅通过网络平台，移动设备、多媒体等多种网络资源教学系统随时随地与学生互动交流，对学生进行有效指导，充分发挥学生的自主学习能力和探究能力，使课堂教学更加智能、高效，更加灵活化。

2. 影响课程设置

当前我国许多高校存在俄语专业教材内容陈旧，所授内容已不适应时代发展的需求；课程结构不合理，学科专业课程占据较重的份量，通识课程较少，不重视通识教育的作用；课程设置缺乏专业特色，重理论轻实践，不能及时更新社会和时代的需求。导致许多俄语专业毕业生就业后很难适应工作环境，很多理论知识用不上。随着互联网时代的到来，高校俄语专业课程设置应注重互联网技术的开发和应用，注重利用互联网技术加强俄语学科建设，提升学生的学科素养，注重培养学生适应互联网时代的新观念。在俄语专业的课程设置中注重学科专业的连续性，以及各学科间的融合和贯通。以培养学生能力为本，满足学生个性化需求及学生需要终身学习的教育总体目标。

3. 对教学手段的影响

互联网技术的飞速发展,打破了高校俄语原有的“黑板+粉笔”的教学手段,信息技术与俄语教学的结合以其方便、快捷、内容新颖、信息量大而越来越受到学生的欢迎。教师可以通过网络查找大量与教学相关的资料,将教学内容制成集声音、文字、图像和动画于一体的课件,在课堂上更直观地展示给学生,使枯燥无趣的内容变成可视、可听富有动感的学习材料,学生在轻松愉快的氛围中即学习了俄语知识,又拓宽了视野,取得事半功倍的教学效果。同时,多媒体智能化和交互性的特点,对于提升学生的口语表达能力也是十分有益的。

三. 新形势下高校俄语教学改革的新思路

1. 建立“互联网+”思维

近年来,随着《国家中长期教育改革和发展规划纲要(2010-2020年)》的实施以及国家的政策扶持,信息技术对教育的改革和发展产生革命性的影响。同时,互联网、大数据的全面普及,也为高等教育的发展迎来了新的机遇。高等院校必须抓住时机作出整体思考和规划,用“互联网+”思维推动高校教育管理现代化、促进高等教育教学的改革与创新。运用“互联网+”思维创新模式服务于教育教学,让信息技术与高等教育教学深度融合。

2. 采用多样化的俄语教学模式

十二五期间,许多高校网络资源建设成果显著,俄语教育平台和教育软件不断开发,俄语教师要转变教学方式,充分利用网络平台开展教学,根据俄语学科以及不同课程类型的特点,

针对学生的具体情况，对网络资源进行有效的加工整理，遵循“自主、探究、合作”的教学理念，将主动灌输与正确引导相结合、课内课外、网上网下相结合的原则，高效率地实现课堂教学互动，实现个性化教学。此外，目前教育界大力提倡的“微课”、“慕课”、“翻转课堂”等新型教学手段也为高校俄语课堂教学提供了新的思路。

“微课”即“微视频网络课程”，视频不长，一般在8分钟以内，其特点是重点突出、讲解精炼、针对性强[2, c.102]。在俄语教学时，教师将预先录制好的视频短片插入到教学课件特定的环节中用于辅助教学。根据教学的需要，微课也可以安排在课前，让学生带着问题走进课堂，在课上师生一起进行探究问题、操练技能等。微课的出现契合了信息时代追求便捷与效率的趋势，利用“微课”能够有效降低学生在外语学习过程中的认知负荷，提高学生的学习兴趣，巩固学习效果。

慕课(MOOC)是大规模开放式在线学习课程的一种模式[1,c.82]。它以建构主义学习理论为指导。慕课与大数据息息相关（大量的资源数据、海量的学习者数据、海量的学习者行为数据等）。而基于大数据的慕课必将给外语教学带来许多新的变化，首先，它使外语教学实现了个性化，真正将因材施教的教育理想变为现实；其次，基于大数据的外语教学可以实现新型课程设计与混合式教学；另外，基于大数据的外语慕课教学也可以帮助师生在教学中及时发现问题、改进教育教学质量、构建多元教学评价体系。

“翻转课堂”（Flipped Classroom）源自美国，也译作反转课堂，是指重新调整课堂内外的时间，将学习的主动权从教师转移给学生。它是对传统课堂教学模式的翻转，

是一种以信息技术为基础的新型教学模式。它颠覆了传统教学的设计，师生角色在教学环节中得到转换。在课堂教学前，教师分解课程教学的重点，难点，提前将课程内容录制成高度凝练的微视频上传至网络，学生提前完成预设任务，提交无法解答的问题，课堂上教师有针对性地解决问题并引导学生巩固性地练习，课后完成相应的自主学习任务，也可以自主规划学习内容。翻转课堂利用丰富的信息化资源，让学生逐渐成为学习的主角。通过这一方式，教师不再占用大量的课堂时间用于讲授，学生预习的目标更明确，课堂参与度更强，而教师的教学也更有针对性[3, c. 77]。通过课上课下的有机结合，既巩固了学生的知识体系，也提升了学生的学习能力。

四 . 结语

“互联网

”时代的到来对教育教学领域的发展产生巨大的影响，学校的教育方式和教学组织形式都发生了的实质性的变化。基于互联网的现代化教学手段在开发学生智力、改革教学方式的同时也提高了教学效率。此外，互联网技术实现了教学资源的共享，为教师的教学创新提供了更大舞台。高校俄语教学依靠大数据接受课外的信息资源，激发学生的潜能，培养学生的创新思维，学生借助“互联网+”积极探索新事物，更好地发挥主动性和创造性，提高了学生的核心素养。

参考文献

1. 冯永华，刘志军. 慕课开发的问题、成因及改进路径[J]. 现代远程教育研究，2016, (06)
2. 孙志明. 以“互联网+”思维促进教育教学的变革与创新[J]. 北京教育, 2016, (08)
3. 王勇民.“互联网+”给高校教学带来的影响[J]. 《科教导刊(下旬)》，2016, (01)

4. 基金项目：本研究为 2016 年度黑龙江省外语教育学术交流基地研究项目“互联网+时代的大学俄语教学策略研究”的阶段性成果，项目编号：T2016026.

Лю Юнь, Лю Бо

Даляньский политехнический университет (Китай)

**Традиционное представление концепта «БЕЗДЕЛЬНИК»
в русской языковой картине мира²⁵**

Аннотация. Данное исследование посвящено традиционному представлению концепта «Бездельник» в русской языковой картине мира. Анализ этого концепта проводится с позиций лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В этой работе автор анализирует словарные дефиниции номинантов концепта «Бездельник», анализирует этот концепт с семантической стороны, и определяет фразеологизмы с компонентами концепта «Бездельник» и его соответствующих слов, выявленные в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: концепт «Бездельник», русская языковая картина мира, традиционное представление.

Dalian Polytechnic University (China)

**Traditional representation of the concept of “lazy fellow” in the
Russian language worldview**

Abstract. The paper studies the traditional representation of the concept of ‘lazy fellow’ in the Russian language worldview. The concept is analyzed from the point view of culture linguistics, cognitive linguistics and semantics. Being an important component of linguistic consciousness, the concept of “lazy fellow’ is found in many Russian sayings and proverbs as well as in related words.

Keywords: concept of “lazy fellow”, Russian language worldview, traditional concept.

Термин «Языковая картина мира» представляет собой «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительность, своего рода мировидения через призму языка» [1, с. 47]. В языковой картине мира отражаются особенности познавательного опыта конкретного народа, черты его материальной и духовной культуры, а также определенная, принятая данным языком «конвенция» [2, с. 29–30].

По мнению Н. Д. Арутюновой, «Концепт как о понятии

---

²⁵ Данная статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта DUT17RW117 (中央高校基本科研业务费资助项目DUT17RW117的阶段性成果).

практической философии, являющемся результатом взаимодействия ряда факторов: фольклора, национальной традиции, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [3, с. 37]. Ю. С. Степанов определил «Концепт» как идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [4, с. 41–42].

В русской языковой картине мира особое место занимает концепт «Бездельник» как один из важнейших феноменов национального сознания. В этой работе мы анализируем словарные дефиниции номинантов концепта «Бездельник» в толковых словарях русского языка методом компонентного анализа. Чтобы гарантировать точность значения этого слова, мы выбираем несколько авторитетных словарей.

Толковые словари русского языка описывают семантическое лексемы «Бездельник» следующим образом:

1. Даль 2009: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *-ница-* *праздный шатун; промышляющий плутовством, мошенничеством; бессовестный.*
2. Шведова 2008: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *-а, м. (разг.)*. *Человек, который бездельничает, лентяй. ||ж. бездельница, -ы. ||прил. Бездельнический.*
3. Ушакова 2004: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *а, м. (разг.)*. *1. Человек ленивый, пребывающий в постоянной праздности, лентяй. 2. Ни к чему не годный человека, пакостник (бран.)*
4. Шведова, Ожегов 2003: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *-а, м. (разг.)* *Человек, который бездельничает, лентяй. ||ж. бездельница, -ы.*
5. Кузнецов 1998: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *-а; м. Разг. Тот, кто бездельничает; лентяй.*
6. Лопатин В. В. и Лопатин Л. Е. 1998: *БЕЗДЕЛЬНИК*, *-а, м. (разг.)* *Тот, кто бездельничает, лентяй. Прирожденный б. ||ж. бездельница, -ы.*

На основе данных словарей можно понять, что в традиционном значении этот концепт включается в себя ядерное значение. Концепт «Бездельник» часто используется в устной речи, и в лексических значениях слова «Бездельник» и его соответствующих слов мы выделили компоненты «человек, который бездельничает», «пребывать в безделье», «ничего не делать», «отсутствие дела, занятия» и так далее. Концепт «Бездельник» имеет отрицательную и ироническую окраску.

Толковый словарь открывает исторически сложившуюся в языке, им

сами созданную картину мира: в толковых словарях уже выявляются в русском языке развития и изменения, касающиеся ядерной основы концепта. В Толковом словаре, изданный в 2009 году, «Бездельник» приобрел новый компонент «бессовестный плут», «промышляющий плутовством, мошенничеством» и др.

Изучение слова с семантической стороны – наиболее важное в лексикологии. Образ описания семантической структуры концепта многообразный. Нужно исследоваться в первую очередь грамматическая семантика языка как единственного средства доступа к содержанию ментальной сферы индивида. Чтобы анализировать «Бездельник» в других словарях русского языка по семантике, мы используем словари синонимов (Чешко 1986; Словарь синонимов русского языка 2007) и словарь сочетаемости русского языка (2005) и словообразовательный словарь (Тихонов 2015).

Концепт «Бездельник» по типу парадигматической связи включается в себя: *безделье; бездельница; бездельный; бездельничать; бездействие; лентяй; лодырь; праздношатающийся; бездельничанье; ничегонеделание; праздношатание; фланер; шалопай; оболтус; балбес; лоботряс; шалопут* и так далее. А по типу синтагматической связи включается в себя: *молодой бездельник; прирожденный бездельник; светский бездельник* и так далее.

Очевидно, что в данном словаре лексические единицы с ядерными концептуальными признаками «бездельный» и «ленивый», которые составляют базовой слой концепта «Бездельник». Концепт «Бездельник» репрезентирован в русском языке большим количеством номинативных единиц, что свидетельствует о важности данного концепта для носителей русского языка в современный период. В общем, выделение единиц, принадлежащих периферии «Бездельника» являются *безделье, бездельный, бездельничать, бездействие, бездельничанье, ничегонеделание* и т.д.

Фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 284]. Наша задача была выяснена, как представляется концепт «Бездельник» в русском языке на материале пословиц и поговорок. Мы представляем фразеологизмы с компонентами концепта «Бездельник» и его соответствующих слов, выявленные в пословицах и поговорках. Мы анализируем традиционное представление концепта «Бездельник», используя «Большой словарь русских поговорок».

1. Смысловая область «**вред**» представлена в следующих пословицах

и поговорках:

Без дела жить — только небо коптить.

Безделье — мать пороков.

Безделье — мать всех пороков

Безделье — сестра болезни.

Бездельнику и зимний день долог.

Маленькое дело лучше большого безделья.

От безделья собака на ветер лает.

Не учи безделью, учи рукоделью.

Безделье ускоряет наступление старости, труд продлевает нашу молодость.

Без дела и станок ржавеет.

2. Некоторые пословицы и поговорки выделяют в «особенности»:

Ветрена мельница да баба — бездельница мелют без устали.

Лодырь да бездельник — им праздник и в понедельник.

Люди за дело, а дурак за безделье.

Дело веди, а безделье гони.

Люди за дело, а мы за безделье.

От безделья рукоделье.

Мельник не бездельник, хоть дела нет, а из рук топор нейдет.

3. Некоторые пословицы и поговорки выделяют в аспекте «общественная оценка бездельника»:

Не учи безделью, учи рукоделью

Деловая пора ум дает, а на безделье дурь в голову лезет.

Понедельничай, да не бездельничай.

Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем.

В пословицах и поговорках определяем традиционное представление о бездельнике в русском языке: «Бездельник» приносит вред не только обществу, но и его саму себе; По аспекту особенности, «Бездельник» ленивый, никогда не хочет заниматься трудом, и у него нет никакой цели в жизни; По данным аспектам стереотипированные общественные мнения о Бездельнике носят и положительный и отрицательный характер.

Для данного исследования в нашей работе используется разножанровый материал: лексикография (разные словари), фольклор (пословицы и поговорки). По данным толковых словарей ядерное значение концепта «Бездельник» в первую очередь включается в себя – люди, которые бездельничают и не занимаются трудом; ленивые. По развитию

современного общества и сознанию человека, концепт «Бездельник» приобрел новый основной компонент: «бессовестный плут», «промышляющий плутовством, мошенничеством» и др. Этот концепт имеет отрицательную и ироническую окраску в традиционном представлении человека. А по семантическому анализу, концепт «Бездельник» имеет некоторые периферии – *безделье; бездельница; бездельный; бездельничать; бездействие; бездельничанье; ничегонеделание* и так далее. Во фразеологизмах мы определяем традиционное представление о концепте «Бездельник» на материале пословиц и поговорок: «Бездельник» плохо оценивает общество, и такие люди одновременно препятствуют развитию общества. Наши результаты исследования составляют традиционные признаки концепта «Бездельник».

Список литературы

1. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира. Русский язык за рубежом. 1996. 47 с.
2. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб. 1994. 229с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Языки русской культуры. Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 37 с.
4. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Константы. 1997. 41–42 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Изд-во «Школа "Языки русской культуры"», 1996. 284 с.

Макарова В.А.

Московский авиационный институт (НИИ) (Москва)

К вопросу о категории художественного времени

Аннотация: Статья впервые рассматривает категорию художественного времени как особое явление речевого плана. В статье анализируется понятие «время» как научная, философская и лингвистическая категория. Проведенный анализ показал, что художественное время в тексте функционирует как структурно-образующая база формирования литературного текста любого жанра. Выделение категории художественного времени позволило разграничить понятия текстологического и художественного времени и расширить существующее понимание природы текста.

Ключевые слова: текст, художественное время, сюжетное время, досюжетное время, надсюжетное время, сверхсюжетное время, собственно время, антивремя, псевдовремя.

Literary tense category

Abstract. The paper examines the literary tense category as a special speech phenomenon. Time as a scientific, philosophical and linguistic concept is considered. The analysis shows that the literary tense functions in text as a structural-forming base for the creation of any genre text. The introduction of the literary tense category makes it possible to distinguish between the textual and literary tense concepts and to expand existing views on the text nature.

Keywords: text, literary tense, subject tense, beforesubject tense, oversubject tense, pseudo-time, supersubject tense, proper tense, anti-time, pseudo-time.

Время как философская категория всегда интересовало человека: различные концепции понимания времени мы находим в религиозных верованиях различных народов мира, трудах философов, теологов, ученых. В зависимости от преобладающей в определенный момент парадигмы, философы и теологи изучали время с позиции материализма, идеализма, объективизма, субъективизма, феноменологии, диалектического материализма, экзистенциализма, психологизма и т.д. Можно сказать, что время является одним из краеугольных камней объяснения существования материального мира как в религии, так и в науке.

Рассматривая категорию времени в её речевой и языковой парадигме, невозможно обойти вниманием общенаучное понимание времени, поскольку оно, безусловно, оказало влияние на интерпретацию категории времени в филологической сфере.

Так, в сложившемся современном научном представлении время, также как и пространство, является объективно-реальной формой существования материи, поэтому время рассматривается в качестве одной из основных базовых категорий бытия. Многие ученые признают взаимозависимость времени и пространства как атрибутов материи, поэтому определяют движение как сущность времени, указывая на то, что все времени нет никакого движения. Пространство «является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому, как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования» [4, с. 455]. Время всегда связано с движением (изменением, процессом, сменой состояний): «... в мире не существует ничего, кроме ума, пространства, материи и движения... Время есть не что иное, как величина

движения. А так как всякая величина есть число частей, то нет ничего удивительного, что Аристотель определил время как число движения” [5, с. 97]

Если обобщить основные признаки, присущие категории времени, которые признает большинство ученых, то можно выделить следующие основные моменты:

- существование времени в неразрывном единстве с пространством;
- длительность как неотъемлемая форма существования времени;
- непрерывность однонаправленного движения времени от прошлого к будущему через настоящее.

Первые два вышеназванных признака времени существуют все зависимости от человека, и поэтому субъективны, в то время как третий признак можно определить как субъективный, поскольку с одной стороны, непрерывность течения времени объективна (существует сама по себе), а с другой стороны воссоздается сознанием человека, которое разделяет время на разные отрезки, тем самым объективируя его в разных лексических категориях.

В свою очередь в языке время отражается лексическими и грамматическими выразителями времени, которые разделяют объективно текущее время на прошлое, настоящее и будущее по отношению к настоящему моменту с позиции автора речевого коммуникативного акта (письменного или устного).

Стоит отметить, что время в науке четко разграничивается на объективное и субъективное. Объективное время протекает вне зависимости от нас и нашего восприятия, тогда как субъективное время обязательно связано с осознанием его человеком – от простого понимания скорости протекания времени и выстраивания соотношений настоящего, прошлого и будущего до умения художественно изображать его в поэтических, прозаических, драматургических произведениях. Мы будем придерживаться именно такого понимания разделения времени на объективное и субъективное, т.к. художественное время, которое является предметом рассмотрения данной статьи, несомненно, относится к субъективному времени, поскольку оно определяется психологическим восприятием непосредственно автора художественного текста.

Хотя приходится признать, что в науке отсутствует единое понимание данного вопроса, ведь если мы обратимся, например, к В. Хайдеггеру, то он считает, что «время существует раньше любой

субъективности и объективности, его нет ни в субъекте, ни в объекте, ни «внутри», ни «вовне» [6, с. 87].

Если же говорить о психологическом и лингво-психологическом восприятии времени, то оно как атрибут материи не может осознаваться нами непосредственно. Время невозможно почувствовать ни одним из доступных человеку органов чувств. Недаром, философы-идеалисты (Дж. Беркли, Д. Юнг, Э. Кант, Г. Гегель) трактовали время как абстракцию, которая существует в нашем сознании, ведь только при условии пересечения с пространственным бытием категория времени может быть количественно измерена и объективирована при помощи:

1) конкретизирующих лексем, таких как, *second, minute, hour, day, year, month, millennium, etc*;

2) обобщенных количественных измерителей, таких как, *moment, season, epoch, period, etc*;

3) словосочетаний, в которые входят ассоциативные единицы (обычно предлоги – *after, before, since, for, during, from, until, till, etc*), обозначающие время непосредственно через события (параллельные, предшествующие или последующие) в ходе его течения.

Соответственно, именно в тексте, где возможна материализация времени в языковых знаках, которые можно не только зафиксировать количественно, но и систематизировать, время возможно наиболее подробно исследовать на уровне морфологических, лексических и синтаксических средств его представления.

Однако до сих пор художественное время литературного произведения (прозаического, драматургического, поэтического или даже фольклорного) не было рассмотрено в качестве особого конгломерата, построенного на принципах психологическо-языковой темпоральности в его корреляции с пространственным субъективизмом. Несмотря на большое количество исследований, затрагивающих проблемы художественного времени, на данный момент в филологической литературе отсутствует даже само определение художественного времени. Лишь в самом общем смысле под художественным временем понимается отображение времени в художественном произведении [1, с. 302]. Таким образом, можно утверждать, что обычно под художественным временем понимается общетекстологическое время.

В нашем понимании художественное время представляет собой сложный феномен, связанный с психологическим восприятием текста. К

тому же, художественное время и его конститuenty, несомненно, обладают присущими только им характерными особенностями, что позволяет нам разграничить художественное и общетекстологическое время, основываясь на выдвинутой нами теории существования четырех типов художественного времени (сюжетного, досюжетного, надсюжетного и сверхсюжетного) и трех его темпоральных фаз лингво-психологического восприятия времени (собственно времени, антивремени и псевдовремени).

Для восполнения пробела и раскрытия понятия художественного времени обратимся к предложенной нами концепции сущности текста, согласно которой текст представляет собой двухуровневую систему, где взаимосвязаны глубинные и поверхностные структуры. Глубинные структуры создают схематично-кодовый макет текста согласно его содержательно-семантическим аспектам, в то время как поверхностные структуры декодируют полученный макет, исходя из языковых принципов [2, с. 135]. Другими словами – языковая система категорий и форм трансформируется в рече-языковую.

В ходе описанного процесса художественное время, выступая как бифункциональное явление, проявляет себя и на глубинном уровне, кодируясь через авторский ракурс, и на поверхностном уровне, декодируясь через сюжетную перспективу. Основной компонент текста, который объединяет блоки текста и превращает его в завершенное произведение – это функциональная смысловая зависимость, включающая в себя на глубинном уровне авторский ракурс, а на поверхностном уровне – сюжетную перспективу.

Художественное время, в свою очередь, определяет структурные границы, выйти за которые текст ни при каких условиях не может: на глубинном уровне это границы авторского ракурса, а на поверхностном уровне – границы сюжетной перспективы. Поэтому художественное время является той функциональной доминантой, которая не только определяет внутренние закономерности функционирования текста, но и является структурно-образующим фактором создания художественного текста как завершенного произведения [3, с. 13].

Таким образом, художественное время как функционально-смысловая доминанта ограничивает содержательно-семантический, композиционно-структурный, семиотический и прагматический аспекты, которые лежат в основе текста и в то же время является основным условием реализации всех вышеназванных компонентов любого

художественного текста, которые относятся к внутренним закономерностям функционирования языка.

Список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов; Паритет М., 2007. 302 с.

2. Кошечкина И. Г. Текстобразующие структуры языка и речи, М.: URSS, 2012, с. 178

3. Кошечкина И. Г., Макарова В. А. Категория художественного времени как функциональная доминанта создания текста // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2017. № 4. С. 8–15.

4. Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком. Сочинения в 4-х томах Т. 1. М.: Мысль. 1982. С. 455

5. Лейбниц Г. В. Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией, Соч. в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль. 1982. С. 97

6. Философский словарь / под общ. ред. И. В. Фролова. М.: Современник, 2009. 848 с.

Максименко О.И.

Московский государственный областной университет (Москва)

Противостояние пиктографических и графических языков в электронной коммуникации

Аннотация: В статье рассматривается вопрос эффективности использования пиктографических и графических языков в коммуникативной ситуации электронного общения. По результатам анализа ряда искусственных языков показано, что переход на пиктограммы без использования вербального компонента невозможен в силу неоднозначной интерпретации символов.

Ключевые слова: искусственный язык, пиктограмма, поликодовый, коммуникация.

O. Maksimenko

Moscow Region State University (Moscow)

Opposition of pictographic and graphic languages in electronic communication

Abstract. The paper considers the issue of efficiency of pictographic and graphic language usage in a communicative situation of an electronic dialogue. The results of the analysis of some artificial languages show that transition to pictograms without use of a verbal component is impossible by virtue of interpretation ambiguity of symbols.

Keywords: artificial language, pictogram, polycode, communication.

Язык как инструмент познания мира может существовать в разных формах – как в привычной форме естественного языка, так и в форме искусственно созданного языка. Конечно, естественный язык, который формируется постепенно и существует тысячелетиями, впитывает в себя, а потом отражает все понятия, образы, способы их выражения (особые для каждого отдельно взятого языка). Искусственный язык, создаваемый не народом в целом, а, как правило, имеющий вполне конкретного автора, и к тому же создаваемый под конкретную задачу, формируется и живет по иным правилам. В наши дни, когда как в развитых, так и развивающихся странах трудно найти человека, который обходился бы без электронных средств связи, обеспечивающих общение в режиме он-лайн, появляются особые искусственные языки, которые не выходят за рамки общепринятой классификации искусственных языков, обладая при этом принципиально отличной структурой и средствами выражения понятий. Вариантом таких языков электронного общения являются язык смс-сообщений, своеобразный набор аббревиатур, функционирующий в мессенджерах и соцсетях, а также пиктографический язык Zlango.

Одним из способов познания мира с помощью языка можно считать попытку создания искусственного языка, обслуживающего какую-либо сферу деятельности человека. Люди на разных этапах истории пытались создать искусственные языки, которые могли бы служить посредниками в общении разных этносов, поскольку проблема преодоления языковых барьеров существует с незапамятных времен. Эту проблему в разное время пытались решить с помощью разных языков (древнегреческого, латыни, позже – французского, теперь эту роль во многом исполняет английский язык). В наши дни существуют и автоматизированные системы перевода, позволяющие переводить несложные тексты пределах разных языковых пар. Для этой цели создавались и искусственные языки (ИЯ), такие, например, как эсперанто. Но, наверное, к «универсальным» языкам можно отнести языки пиктографические, понятные многим людям, принадлежащим разным культурам. Еще в древние бесписьменные времена люди использовали пиктограммы – достаточно вспомнить разнообразные наскальные рисунки первобытных людей, встречающиеся в разных частях света. В ряде случаев такие «тексты» бывают понятны и современному человеку.

Попытки создать универсальный язык для межкультурной коммуникации предпринимались неоднократно. За последние четыреста лет было создано около 1000 такого рода языков, но лишь несколько из них нашли

практическое применение (волапюк, эсперанто, окциенталь, идо, интерлингва). Наиболее известным искусственным языком стал эсперанто (Л. Заменгоф, 1887) – единственный искусственный (плановый) язык, существующий до сих пор, получивший широкое распространение и объединивший вокруг себя немало сторонников. Изучением искусственных языков разного типа занимается специальная лингвистическая дисциплина – интерлингвистика.

В интерлингвистике создавались системы звукописьменного (пазилалии) и письменного (графического) языков (пазиграфии). И. А. Бодуэн де Куртене, много занимавшийся проблемами изучения искусственных международных языков, отмечал, что последние должны существовать для человека, а не наоборот. Во второй половине XIX века разработчики международных ИЯ стали стремиться к тому, чтобы искусственные языки были коммуникативно совершенными и пазилалиями. Тогда же произошел переход от теоретического конструирования ИЯ к их проверке в условиях общения, что поставило перед интерлингвистикой проблему изучения функционирования международных языков. Те из них, что нашли социальную реализацию, получили название плановых. В XX веке стали появляться «авторские» или «вымышленные» языки, создаваемые для «обслуживания» персонажей компьютерных игр (Симлиш в игре SimCopter, 1996), сериалов (Дотракийский язык, 2009, сериал «Игра престолов»), фильмов Na'Vi (фильм Аватар, 2009) и целых миров художественной литературы, которую теперь относят к жанру «фэнтези». Ярким примером таких «авторских» языков служат языки, созданные профессором Дж. Р. Толкиеном для своей трилогии «Властелин колец», в частности языки квенья (Quenya), Черное наречие, синдарин и др. Отдельно предпринимались попытки создавать жестовые языки для упрощения коммуникации людей с ограниченными возможностями (Макатон, 1979, используется в 40 странах; Блиссимволика, 1949, Сидней), пиктографические языки Локос (1964, Япония), Zlango (2003, Израиль) и даже языки для коммуникации с внеземным разумом (Линкос, 1979, Нидерланды).

Как показывает история развития человеческого общества, обращение к рисункам для передачи информации характерно для самых разных народов. Из таких рисунков постепенно развивались системы письменности (например, иероглифика – как египетская, так и китайская). К рисункам обращались и в тех ситуациях, когда основная часть населения была неграмотной, неслучайно вывески ремесленников и лавочников многие века обязательно включали рисунок – пиктограмму (у сапожника – сапог, у булочника – крендель и пр.).

Современная наука показала, что рисунки быстрее воспринимаются и распознаются человеком, чем записанные слова.

Одним из реализованных и продуктивных графических языков, основанных не на фонетике, а на семантике является Блиссимволика (всемирная письменность, семантография), автором которой является Карл Блисс (1897–1985). Создание этого графического языка было оправдано прагматически – по утверждению его автора, люди ссорятся, когда говорят и думают на разных языках. Одним из мотиваторов создания Блиссимволики языка считают идею Лейбница о создании идеографического языка *Characteristica universalis*, знаки которого представляли бы собой очертания видимых вещей, а невидимые понятия отображались бы объектами, которые их сопровождают. Символом, обозначающим саму Блиссимволику, стала развернутая буква Z, обозначающая «всемирный язык». Отличие этого языка от некоторых других графических языков состоит в том, что он применяется на практике, а именно для обучения общению детей с ограниченными возможностями, которые, освоив базовые графические символы Блиссимволики, лучше обучались родному для них английскому языку.

Одним из первых пиктографических универсальных языков второй половины XX века стал язык LoCoS, предложенный в 1964 г. Юкио Ото. Слова в этом языке представляют собой комбинации восьми основных символов (солнце, человек, мысль, вещь, вопрос, место, чувство, точка), при помощи этих символов создано около 80 пиктографических «слов», из которых вполне можно строить короткие предложения. На создание этого языка повлияла Блиссимволика. Однако, тем не менее, эти языки для электронной коммуникации не используются.

Поскольку в XXI веке задача максимального ускорения передачи информации стала чрезвычайно актуальной, а самые разнообразные мобильные устройства есть почти у всех, предполагается, что человек, получивший сообщение на свой смартфон или планшет, должен иметь возможность отреагировать на сообщение как можно быстрее. Благодаря этому возникла задача адаптации естественного языка или создания искусственного языка, что дало бы реализовать такую возможность. Однако чтобы понять, как создать удобный для использования искусственный язык, надо понять, как в ситуации коротких сообщений ведет себя язык естественный.

Одним из искусственных пиктографических языков, созданных специально для решения этой задачи, стал разработанный в Израиле в начале

2000- гг. (2003 г.) искусственный пиктографический язык Zlango (Зленго или Зланго). Этот язык предназначен специально для электронных средств общения (смартфонов, Интернет-общения). Первая буква названия этого языка отсылает к фамилии создателя эсперанто, Л. Заменгофа. Возможно, называя так свой язык, разработчики хотели указать на универсальность этого языка (эсперанто создавался как универсальный искусственный язык межнационального общения). Только Zlango рассматривался как универсальный пиктографический язык, который будет понятен всем.

Язык Zlango представляет собой специально разработанные цветные графические пиктограммы (немногим более 200), в нем не только используются специальные знаки препинания, но и возможно их свободное комбинирование с общим ходом мысли согласно общим правилам синтаксиса. В отличие от широко распространенного языка смс-сообщений с помощью этих пиктограмм можно выразить не только какие-либо эмоции, но и написать связный текст. По мнению авторов 200 символов достаточно, чтобы выразить краткую мысль.

Основная идея разработчиков, в частности, Йоава Лорча, состояла в том, чтобы добиться максимальной компрессии языка смс-сообщений. Проведя анализ, Лорч убедился, что даже с устранением возможных повторов и избыточной информации, язык можно сократить всего на 20 %, хотя общая идея была «сократить» язык на 80%, чтобы «смс могли летать». Вокабуляр иврита насчитывает гораздо меньше слов, чем английский язык, и целью Zlango стала именно компрессия языка. Лорч предложил основную идею смс-языка без слов. Спустя несколько лет эта идея воплотилась в виде Zlango.

По словам Лорча, отправка Zlango-сообщений ничем не отличается от отправки обычной смс. Удобное меню системы делит картинки (которые и должны выразить, что вы хотите сказать) на категории типа Люди, Действия, Время, Чувства, Описания, Мысли и т.п. Прокручивая различные категории, пользователь отмечает и выбирает различные изображения, символизирующие сообщение.

Привычные большинству пользователей смс (Short Message Service, т.е. служба [передачи] коротких сообщений) появились в начале 1990-х гг. в Великобритании для передачи текста с персонального компьютера на мобильный телефон. В настоящее время большинство пользователей мобильных телефонов пользуются смс, причем передача смс незначительно нагружает сотовую сеть. Передавать в смс можно не только тексты, но и графические изображения, что существенно сокращает время при наборе

текста. Однако количество графических изображений (пиктограмм), доступных для смс, незначительно и в основном ограничивается смайликами или эмотиконами типа тортика, используемыми для выражения ограниченного числа эмоций.

Zlango, в свою очередь, обеспечивает достаточный набор иконок, чтобы выразить мысли и слова. Поскольку большинство кратких текстовых сообщений представляет собой пару коротких фраз, Zlango, по существу, позволяет устранить их монотонность и скучность, сделав процесс написания более творческим и забавным. Разработчики также предполагали, что детям младшего возраста, еще не слишком хорошо умеющим читать, пользоваться пиктограммами будет проще.

Авторы считают, что на обучение языку Zlango уходит не более часа, пиктограммы легко запоминаются, поскольку опираются на универсальные символы: сердце – любовь, мозг – ум, хотеть – пищащий птенец в гнезде и пр. Кроме того, иконки можно адаптировать к любой культуре. Например, иконка для еды в Европе и США – вилка и хот-дог, а для японца ее изменят на суши и палочки для еды.

Поскольку Zlango позиционируется как язык, на его изучение, действительно, требуется некоторое время. Без подготовки интерпретировать иконки не всегда можно однозначно. Очевидно, что Zlango перекликается с мечтой Л. Заменгофа об объединении мира. Возможно, новый красочный смс-язык не примут как единый во всем мире, но он, по утверждению его разработчиков, обязательно заставит всех смеяться вместе.

Графическими способами передачи смс и других сообщений электронной коммуникации остаются сообщения на естественном языке, но также претерпевшем ряд изменений с целью компрессии сообщений.

Дэвид Кристал еще 20 лет назад говорил, что любой аспект лингвистической структуры может стать центром языковой игры – можно менять произношение, написание, грамматику, лексику и пр. и их любое сочетание.

Следуя этой идее можно рассмотреть те варианты языковой поликодовой игры, которая используется при передаче коротких сообщений.

Одним из вариантов такой игры являются графические и пиктографические смайлики. Смайл, эмотикон и др. – это идеограмма, изображающая эмоцию. Состоит из различных символов, в том числе и служебных. Распространение смайлик получил в Интернете и смс, однако в последнее время используется повсеместно.

Смайлы западной школы набирают латиницей: к глазам: 8 % добавляют (по желанию) нос: - ^ n u 0 o = и затем? как последний штрих, – рот:) ( ] [

Канонические японские смайлы строятся следующим образом: круглые скобки ( ) ограничивают лицо, символы ^ ; или * используются для имитации глаз, а _ и o – для рта. Японские смайлы имеют свой характерный стиль, довольно удобны и красивы, а потому стали очень популярны.

Однако такие графические конструкции не дают желаемой компрессии текста, а лишь вносят в электронную коммуникацию определенное оживление.

Еще одним способом сжать текст является применение инициальных аббревиатур, представляющих собой слово или выражение, образованное от его начальных букв. Однако в электронной коммуникации используются, как правило, инициальные аббревиатуры от английских выражений, поэтому для тех, кто английским языком не владеет или владеет плохо, они вряд ли применимы (ASAP – as soon as possible, OMG – Oh my god, BB – bye-bye, lol – Laughing Out Loud и мн. др.)

Инициальные аббревиатуры могут выражать не только эмоции, но определенный комплекс отношений читателя или пользователя, однако с их помощью связный текст, в отличие от Zlango, построить нельзя.

В процессе работы над материалом возник вопрос, зачем возвращаться к пиктограммам для передачи сообщения, если при трансляции может возникнуть недопонимание, и компрессии текста, по сути, не происходит. На наш взгляд, одним из объяснений может служить следующее – современный человек уже перешел на «клиповое» мышление, многие изображения воспринимает как гештальт, к тому же, яркость и забавность Zlango и текстов, написанных на этом языке, вызывают улыбку и улучшают настроение, даже если сообщение не очень приятное.

Однако выяснилось, что в последнее время название языка Zlango сократилось на одну букву, превратившись в Lango, язык, в котором сочетаются вербальный и иконический компоненты. По всей видимости, разработчики поняли, что универсальности (по Заменгофу) этого языка не добиться, хотя Zlango используется в мобильных сетях Германии, Украины, Израиля. Авторы отказались от идеи всеобщего искусственного пиктографического языка общения, новая версия программы – это мессенджер с использованием пиктограмм для усиления эмотивности сообщения.

Таким образом, можно сделать вывод, что, в связи с отсутствием в настоящее время и невозможностью создания в обозримом будущем единого

языка межнационального общения в мультикультурной среде, использование поликодовых (вербальных и пиктографических одновременно) средств коммуникации может отчасти стать решением этой проблемы, а Zlango (в современном варианте Lango) делает возможной коммуникацию, которая выходит за рамки культурных и языковых границ, позволяя в большей степени открывать и познавать окружающий нас мир.

Список литературы

1. Максименко О. И. Формализованная лингвистика. М., 2013. 200 с.
2. Пиперски А. Блиссимолика // Конструирование языков. М., Альпина-нон-фикшн., 2017. 224 с.

Меметова М.Г., Лесниковская И.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Межъязыковые лакуны и способы их элиминирования

Аннотация. Понятие лакуны хорошо известно в лингвокультурологии, однако представляет проблему не только этой дисциплины, но и проблему переводоведения. В статье ставится задача сопоставить культурологический и переводоведческий подходы к исследованию лакун. Особое внимание уделяется способам элиминирования, возникающим в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межъязыковая лакунарность, лакуна, элиминирование, перевод.

M. Memetova, I. Lesnikovskaya

Moscow Region State University (Moscow)

Interlingual lacunae and methods of their elimination

Abstract. The concept of ‘lacuna’ is widely used in linguistic culture studies; however, lacunae are scarcely studied in the theory of translation. Different views on lacunae by culture experts and translation theoreticians are compared. Special attention is paid to the ways of elimination of lacunae which arise in the intercultural communication.

Keywords: linguistic lacunarity, lacuna, elimination, translation.

Межкультурная коммуникация – это явление повседневной практики носителей одного или нескольких языков. Но одного только знания иностранного языка недостаточно, чтобы адекватно понимать собеседника. В процессе межкультурного общения неизбежно возникают препятствия – национально-специфические особенности контактирующих культур, известные как лакуны. Лакунарность обнаруживается практически во всех языках мира. Подавляющее большинство выявленных лакун –

межъязыковые, которые обнаруживаются путем сопоставления двух языков.

Актуальность разрабатываемой темы определяется необходимостью исследования языковых лакун межкультурной коммуникации английского и русского языковых сообществ с целью обеспечения адекватного взаимопонимания между представителями указанных сообществ. Актуальность данной проблемы обуславливается также тем, что в современном обществе каждый день появляются новые предметы, явления и понятия, люди разных культур взаимодействуют друг с другом, привнося что-то новое в лексическую базу друг друга. Исследование лакун, таким образом, актуально и более чем перспективно.

Целью является выявление способов устранения межъязыковых лакун.

Первыми термин лакуна ввели канадские лингвисты Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне. Они определяют лакуну как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [6, с. 331]. Соглашаясь с И. И. Ревзиным и В. Ю. Розенцвейгом [4, с. 243] в том, что нет ни «хороших» («правильных»), ни «плохих» («неправильных») определений, а есть лишь «удобные» или «неудобные», приведем то определение, которое удобно для начала разговора о лакунах: «Лакуна – лингвокультурный феномен, затрудняющий понимание между участниками любого вида коммуникации, в частности понимание разных народов в процессе межкультурной коммуникации. Лакуна возникает всегда в тот момент, когда определенные места в кодах культур или языков не покрываются полностью, когда трансфер знака из одной культуры в другую оказывается невозможным или частично возможным, т. е. механизм декодирования принимающей культуры не располагает семантическими средствами идентификации знака» [5, с. 167] В узком смысле лакуна понимается как отсутствие в одном языке какой-либо лексической единицы, имеющейся в другом языке [2, с. 208].

Причины возникновения лакун могут быть обусловлены различными процессами, происходящими в данном обществе. В то же время они могут зависеть от особенностей грамматической и фонетической систем языка.

Синонимом лакуны может выступать понятие «пробел в понимании». Понимание, в свою очередь, рождается за счет создания значения при помощи лексической системы языка реципиента. *Например, Scarlet day – день «алых мантий», торжественный день, когда профессора*

или руководители университета появляются в ярких мантиях. Данное слово – лакуна, т.к. в английском языке оно имеет иной смысл, чем в русском. Или cream tea – пятнадцатичасовой чай с хлебом, топлеными сливками и вареньем.

В целях достижения понимания и предотвращения различного рода непониманий, «пробелов» между коммуникантами должно осуществляться устранение лакун, которое называется термином «элиминирование», в результате которого снимается недопонимание между языками и культурами.

Существуют следующие способы передачи лакунарной лексики на русский язык.

Заполнение лакун - это процесс раскрытия того слова или понятия, которое является лакуной. Оно призвано сохранять специфику образа инокультурного сознания. Заполнение может быть различной глубины, в зависимости от целей заполнения, а также от характера самой лакуны. Суть этого приёма заключается в разъяснении содержания образа чужого сознания. Данный способ элиминирования лакун ведёт к новым знаниям о чужой культуре и способствует её пониманию. Различают три способа заполнения: заполнение-перевод, заполнение-комментарий, заполнение-примечание [1, с. 97–98]. Заполнение-перевод подразумевает сохранение иноязычной лексической единицы в транслитерированном варианте в комбинации с её переводом на язык реципиента. Такой приём позволяет познакомиться с инокультурным колоритом и без труда понять значение лакунарной единицы. Этот способ применяется при передаче иностранных имен, имен собственных, географических названий, названий фирм, гостиниц, газет, журналов и т.д., так называемых реалий.

Например: бренд Burberry – Бёрберри, The Guardian – газета Гардиан, roast beef – ростбиф. Все эти слова не могут переводиться и будут передаваться на русский язык в транслитерированном варианте.

Заполнение-комментарий – это включение в текст более или менее подробных комментариев об элементах чужой культуры. Так, переводя на русский язык географические названия типа английских Tyrone, Antrim, Armagh и пр., следует, как правило, добавлять графство Тирон, Антрим, Арма и т.д., поскольку русскому читателю в большинстве случаев неизвестно, что именно обозначают эти наименования.

Заполнение-примечание – это короткие примечания переводчика или редактора переводного текста, выполняющие функцию переориентировки

текста на носителя другого языка и культуры. Прогнозируя трудности в понимании того или иного фрагмента «чужой» культуры, автор примечаний раскрывает смысл тех понятий, которые могут стать препятствием для адекватного понимания содержания текста. Как правило, примечания даются в виде сносок.

Способ компенсации, который также называют как «приближенный перевод» преследует иные цели. Суть элиминирования таким способом сводится к подбору квази-эквивалента, некоего аналога «чужому» образу в своей культуре. Способ компенсации работает как нельзя лучше при необходимости точной передачи смысла исходного текста с сохранением воздействия на читателя и максимального приближения текста к читателю.

Например, выпечку «pancake» можно заменить более нам привычным «блины». А Santa Claus и Дед Мороз не являются идентичными, но в определенных контекстах они взаимозаменяемы.

Такой способ элиминирования лакун не ведет к выработке нового знания, к получению новой информации о «чужой» культуре, а лишь подменяет «чужое» – «своим», непонятное – понятным.

Многие ученые выделяют также метод калькирования. Данный прием характеризуется передачей лакунной лексики исходного языка, при которой происходит замена прямыми лексическими соответствиями в языке перевода ее составных частей-морфем. Суть этого приема заключается в том, что элементы лакунной лексики (морфемы лакунного слова или лексемы лакунного устойчивого словосочетания) заменяются их буквенными соответствиями на языке перевода. Так были введены в русский язык слова небоскреб от английского *skyscraper*, самообслуживание от *self-service* и многие другие.

Таким образом, можно выявить различные способы элиминирования межъязыковых лакун. Наиболее распространенным является способ заполнение-перевод. Это обусловлено тем, что переводчик намеренно сохраняет лексему в транслитерированном варианте с целью передачи национального колорита исходного языка.

В заключение хотелось бы сказать, что на сегодняшний день проблема лакунарности изучена не до конца, и исследование «пробелов» в языке продолжается и по сей день. Феномен лакунарности и проблема элиминирования различных видов лакун, демонстрируют, что лакуны могут являться серьезным препятствием для взаимопонимания как представителей разных культур, так и носителей одного и того же языка,

что приводит в замешательство в речевой практике. По этой причине для оптимизации межкультурных контактов и решения проблем непонимания, возникающих при взаимодействии с представителями различных культур, требуется глубокое осмысление специфики лакуны в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Абдуразакова Ш. Р. Межязыковые лакуны и способы их перевода. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 97–99.
2. Глазачева Н. Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков: автореф. дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 208 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Учебное пособие. Изд. 2-е переработанное, дополненное. М.:Изд-во МПУ «Народный учитель», 2001. 282с.
4. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 243 с.
5. Эйнуллаева Е. А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации (на примере английского и русского языков): дис. канд. филол. наук. М., 2003. 167 с.
6. Vinay J., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris: Didier, 1958. 331 p.

Минасян З.Т.

Московский государственный областной университет (Москва)

Характеристика реакции адресата на выражение сочувствия в британской и русской лингвокультурах

Аннотация. Рассматривается понятие «сочувствие» / sympathy в лингвистическом и психологическом аспектах и различные способы реакции на проявленное сочувствие на материале английского и русского языков. Выделяются и описываются различные реакции на сочувствие, как вербальные, так и невербальные. Рассмотрены функции сочувствия в речи и успешности выбора тактик сочувствия. Выявлены основные причины отсутствия реакции на сочувствие, особенно при выражении соболезнования, что обусловлено рядом факторов. Автор приходит к выводу, что проявление сочувствия можно рассматривать как средство обратной связи в межъязыковой коммуникации.

Ключевые слова: сочувствие, жизненная проблема, благодарность, этикет, поддержка, конфликт, реакция.

The characteristic of the reaction of a recipient to an expression of sympathy in British and Russian linguistic cultures

Abstract. The paper discusses the concept of 'sympathy' in the linguistic and psychological aspects as well as various reactions to the manifestation of sympathy in English and Russian. Different reactions (both verbal and non-verbal) to sympathy are described. The functions of sympathy in speech and the choice of successful tactics of sympathy are considered. The main reasons for the absence of a response to sympathy, especially when expressing condolence, are found to be due to a number of factors. A conclusion is made that sympathy can be considered as a means of feedback in interlanguage communication.

Keywords: sympathy, problem in life, gratitude, etiquette, support, conflict, reaction.

Настоящая статья посвящена характеристике реакции адресата на выражение сочувствия в британской и русской лингвокультурах.

Сочувствие – «1. Отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других. 2. Одобрительное, благожелательное отношение» [3, с. 829].

Сочувствие – 1. «Отзывчивое отношение к чужому чувству, преимуществ. горестному, сострадание». 2. «Одобрительное отношение к чьему-н. начинанию, к чьим-н. мыслям и настроениям, признание и поддержка чего-н., чувство солидарности с чем-н.» [4, с. 562].

Определения sympathy в английских словарях представлены следующим образом:

Sympathy – 1. a natural feeling of kindness and understanding that you have for someone who is experiencing something very unpleasant.

2. agreement with, or support of, a group, idea, plan etc [7].

Sympathy – feelings of pity and sorrow for someone else's misfortune [8].

Sympathy – the feeling of being sorry for someone who is in a bad situation.

Sympathy – when you show that you understand and care about someone's problems [6].

Сочувствие в речи может как вызвать ответную реакцию, так и остаться без ответа. Анализ публицистических текстов показал, что основные причины, по которым может отсутствовать реакция на сочувствие следующие:

1. Сочувствие выражено заочно или третьему лицу в разговоре. Как правило, это касается СМИ, где адресат опосредован. В сетевом общении можно ответить через какое-то время, не сразу, или вовсе не отвечать.

Общение опосредовано, и люди друг друга не видят, следовательно, реакция на выражение сочувствия может отсутствовать. Также реакция может отсутствовать из-за того, что адресат просто не прочитал письмо.

2. Сочувствие может не являться целью общения. Например, во время интервью журналист может проявить уважение и соболезновать известному человеку по каким-то проблемным ситуациям его жизни.

Например, диалог журналиста и знаменитого футболиста Олега Блохина из интервью, в котором они обсуждают шансы сборной России на предстоящем чемпионате Европы. Формально Е. М. Мясников, журналист, является адресатом, так как он задал вопрос от лица болельщиков и читателей:

Е. М. Мясников: Но в преддверии чемпионата Европы у него появились серьезные проблемы с командой...

О. Блохин: Ну не драматичнее тех, когда он вытаскивал российскую сборную «из-под крышки гроба» в отборочном турнире. Так всегда и повсюду: чем ближе чемпионат, тем больше желающих высказаться о сборной, её составе, тактике и тому подобном. Да, у России есть пока проблемы с линией защиты. Но разве у Испании и Португалии с их звёздными составами нет подобных проблем? <...> Думаете, Ярцев не учитывает эти и многие другие факторы? <...> Кстати, насколько знаю греков, они, как и другие ваши соперники из Южной Европы, если собственная игра у них не пошла, психологически как бы «сдуваются». В общем, давайте, не дёргаясь, дождёмся праздника большого футбола. Бог даст, он свернёт и на нашу улицу [5].

Это конец интервью, поэтому реакции в виде комментариев журналиста на утешительные заявления О. Блохина нет. Работа журналиста – это предоставление мнения конкретного вопроса. Его вопрос, который можно назвать «жалобой» спровоцировал футболиста на комментарий, который и хотел получить журналист.

В разговорной речи сочувствие часто воспринимается как часть разговора и не требует развернутого ответа для поддержания дальнейшей беседы. В основном, человек продолжает свой негативный рассказ, а его собеседник время от времени вставляет краткие реплики. Например, разговор двух коллег, преподавателей университета. Их руководство считает, что преподаватели должны продолжать работать, даже если уже начались экзамены, нельзя прерывать учебный процесс до конца семестра. В этом диалоге один из преподавателей жалуется, а второй, сочувствуя,

вставляет реплики, такие как «действительно», «и правда», «согласна, Вы полностью правы». Эти сочувственные реплики выполняют фатическую функцию, обеспечивают обратную связь и продолжение разговора.

B. I will have/ this year// cos I'm examining/ and he came// he's very strongly of the opinion/ that we all ought to go on teaching/ to the end of term//

A. Really ... //

B. ... and he thinks it's rather scandalous that we don't... (CEC)

Еще один пример, где адресат бежит домой, так как уволилась ее домработница и адресату (B) нужно поторопиться, чтоб успеть до закрытия гипермаркета. А – человек, который сочувствует:

A. You're rushing off//

B. I was thinking that if I go/ I might get into Sainsbury's before they close// our housekeeper's left//

A. How absolutely awful//

B. So/ I mean/ that is a/ a great deprivation//

A. Well/ it is/ isn't it//

B. m/ she's got <...> (CEC)

В данном случае ведущие беседу делятся своими переживаниями, проблемами, для поддержания диалога адресант должен вставлять сочувственные реплики. Именно эти реплики реализуют обратную связь и характер диалога, то есть выполняют фатическую функцию.

Самой естественной и наиболее распространенной среди реакций на выражение сочувствия считается благодарность. Адресат выражает благодарность, тем самым показывая, что заметил и оценил сочувствие. А если собеседники состоят не в близких отношениях, то реакция на сочувствие – это проявление вежливости. Например, встретились одноклассники в метро, и один из них жалуется, что завтра у него будет очень сложный зачет. Адресат говорит «Сочувствую» и получает ответную реакцию в виде «спасибо».

Благодарность естественна как ответная реакция на утешение. Если человек сам делится своими проблемами и, осознанно или неосознанно, хочет услышать слова утешения, следовательно, он должен и сам реагировать на утешение. Например, разговор между двумя коллегами во время обеденного перерыва, где один интересуется делами второго и спрашивает между делом, как он справляется со своими проблемами, не впадая в депрессию. Собеседник охотно рассказывает о своих проблемах, потому что ему хочется ими поделиться и увидеть положительную

реакцию, услышать слова поддержки, как, например, «все будет хорошо, главное, не падайте духом!». В конце разговора один из коллег, который высказывал свои проблемы, благодарит собеседника за проявленное внимание и уделенное время.

В таких ситуациях сочувствие и утешение выполняют различные функции – фатическую, этикетную, помогают реализовать моральную поддержку. Реакция собеседника на утешение в данном случае, а именно благодарность, является вполне предсказуемой и адекватной.

Реакция на соболезнование может быть выражена по-разному или совсем отсутствовать из-за сложности ситуации, например, если человек не в состоянии адекватно воспринимать происходящее и обращенные к нему слова и действия и реагировать на них. Как в русской, так и в английской культуре прочно закрепилась ассоциация, связанная с выражением сочувствия в связи со смертью: при этом, используются клишированные выражения: «Примите мои соболезнования», «Я Вам сочувствую» и т.п. Возможность соболезнования в другой ситуации считается исключением, но в целом допускается, например, длительной болезни или серьезных материальных потерь.

Анализ фактического материала показал, что существуют два типа реакции на сочувствие: первая – реакция, которая показывает, что сочувствие имело воздействие и воспринято, и вторая – реакция, которая показывает, что сочувствие воздействия не имело. Следовательно, можно говорить об успешности и не успешности выбранной тактики.

Примером художественной литературы может послужить описание поступка Раскольников из романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Когда Раскольников приходит с Мармеладовым к нему домой, он оставляет на подоконнике деньги для его семьи. Тем самым он демонстрирует чувство сострадания [2, с. 256].

Один из героев пьесы М. Горького «На дне», Лука, перед смертью Анны, в последние минуты ее жизни утешает ее и рассказывает о том, что после смерти ее ждет покой. Наверно, он сам в это не верил, но понимал, что ей нужно сочувствие и сострадание [1, с. 127].

Можно предположить, что примеров на случаи, где нет ответной реакции на сочувствие/утешение, меньше, чем успешных, потому что по правилам вежливости люди должны благодарить за поддержку. И даже если сочувствие не может решить их проблемы, оно помогает им пережить неприятности или горе и увидеть искреннее отношение окружающих

людей, это определенным образом мотивирует их справиться с проблемами.

Кроме слов проявления утешения в коммуникации также существует и невербальная реакция. Она может сопровождать вербальную реакцию, а может и замещать ее. Невербальные проявления чувств более спонтанны, и их сложнее контролировать. Они чаще бывают более искренними, чем слова, произнесенные человеком вслух и отличные от того, что он считает или чувствует на самом деле. Невербальная реакция адресата – кивок головой, сжатые губы, нахмуренные брови. Часто невербальное поведение при демонстрации сочувствия и утешения выражается похлопыванием по плечу, легкими объятиями, порой даже достаточно сесть рядом с собеседником.

В заключение отметим, что как в британской, так и в русской лингвокультуре существуют различные способы реакции адресата на проявленное к нему сочувствие. Сочувствие – это способ поддержания разговора, его проявлением обеспечивается обратная связь между собеседниками. Реакция на сочувствие возможна как вербальная (благодарность, искренняя или предписываемая этикетными нормами; одобрение; продолжение данного разговора), так и невербальная (жесты, мимика лица, кивок головой, поза собеседника). Невербальные аспекты коммуникации в целом, и при выражении сочувствия в частности, являются обычно более искренними и правдивыми, если существует противоречие между тем, что человек говорит вслух и думает на самом деле, потому что реакции тела контролировать сложнее. Иногда реакция на проявленное сочувствие может отсутствовать, особенно при выражении соболезнования, что обусловлено рядом факторов (трагичность ситуации, социокультурный уровень собеседника и т.п.).

Список литературы

1. Горький М. На дне. Дачники: пьесы / М. Горький; рис. А. Веркау. М. : Дет. лит., 2001. 220 с.
2. Достоевский Ф. М. Преупущение и наказание: роман / Ф. М. Достоевский. М.: Дрофа, 2007. 607 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Мир и образование, 2012. 1376 с.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.

5. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/>.

6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/ru/>.

7. MacMillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/>.

Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/ru/>.

Мирзиева Л.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Актуальные вопросы письменного перевода с китайского языка и формирование соответствующих переводческих компетенций у учащихся

Аннотация: В связи с активным развитием российско-китайских контактов в настоящее время возрастает потребность в специалистах, не только знающих китайский и русский языки, но и владеющих навыками перевода, в частности, письменного, на высоком уровне. В данной статье рассматриваются основные проблемы, препятствующие качественному письменному переводу, и предлагаются пути их решения в рамках образовательного процесса.

Ключевые слова: китайско-русский перевод, письменный перевод, проблемы, рекомендации.

L. Merzieva

Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Topical issues of written translation from the Chinese language and formation of the corresponding translation competencies in students

Abstract. Nowadays, in connection with the active development of Russian-Chinese contacts, there is a growing need for specialists who not only know the Chinese and Russian languages, but also possess skills of translation, in particular, written, at a high level. The paper examines the main problems that impede quality translation and suggests some ways to address them within the framework of the educational process.

Keywords: Chinese-Russian translation, written translation, problems, recommendations.

В последние годы наблюдается укрепление и наращивание сотрудничества между Россией и Китаем в различных направлениях и сферах: научной, экономической, политической, социо-гуманитарной, медицине, образовании и т.д. В связи с этим растет потребность в специалистах, свободно владеющих базовыми знаниями китайского и русского языка и культуры, которые могли бы обеспечить эффективное

взаимодействие представителей тех или иных органов и структур. Чтобы удовлетворить спрос на переводчиков, продолжающий неуклонно возрастать, на высшие учебные заведения легла задача воспитать и подготовить переводческие кадры. Одним из важнейших условий успешного решения проблемы является организация учебного процесса, в рамках которого происходит развитие и совершенствование необходимых профессиональных навыков и компетенций.

Так как проблемы перевода представляют собой чрезвычайно полезный и важный материал для разработки линвокультурологии, психолингвистики, лингводидактики, их освещение своего рода ключ к пониманию того, какие переводческие навыки и умения требуют актуализации, аккумуляции сил, технических приемов и времени преподавателя, в данной статье мы хотели бы уделить особое внимание наиболее значимым вопросам перевода с китайского языка (в частности, письменного перевода), а также изучить и обосновать методологическую сторону вопроса: как и какие навыки переводческой компетенции необходимо развивать у учащихся, чтобы избежать и устранять проблемы, возникающие в процессе перевода.

Перевод представляет собой межъязыковую и межкультурную коммуникацию, которую нельзя воспринимать как простое и чисто механическое преобразование информации из одного языка в другой. Пословный перевод в данном случае не приемлем, потому что таким образом невозможно достичь коммуникативной цели, он идет вразрез с сущностью перевода и законами языка. Необходимо, *во-первых*, учитывать, что каждый язык представляет собой набор определенных специфических норм и правил, по-своему уникален (кстати, это всегда утверждалось концепцией Казанской лингвистической школы). *Во-вторых*, язык и культура неразрывно связаны между собой. Для того, чтобы изложить содержание, сформулированное на китайском языке, носителю другого иностранного языка недостаточно только передать содержание в соответствии с лексико-грамматическими нормами, здесь также необходимо преодолеть различия, лежащие в основе двух отличных между собой культур (возрастает важность понимания языковой культуры). Только в таком случае можно считать перевод законченным. Из этого следует, что перевод – не механическая, а творческая деятельность, поэтому хороший переводчик не только должен в совершенстве владеть

обоими языками, но и хорошо разбираться во всех тонкостях, ценностях, представленных в этих языках и культурах.

В результате проведенных наблюдений нами систематизированы наиболее распространенные ошибки и проблемы, с которыми учащиеся сталкиваются при переводе с китайского языка на русский.

1. Использование лексики в тексте перевода без учета контекстной маркированности.

В результате непонимания смысла словосочетаний на китайском языке, слепого копирования появляется несоответствие между оригинальным текстом и его переводом. Чтобы избежать возникновения такого рода ошибок, необходимо определить значение слова в данном конкретном тексте, не делать подстрочный перевод слова, взятого из словаря.

Пример 1. 一年两次举办人才交流大会。

Два раза в год проходит ярмарка по обмену специалистами.

В русско-китайском словаре «人才交流» переводится, понимается не как взаимный обмен специалистами а перемещение талантливых людей. Этот вариант перевода может быть неверно истолкован читателями, произойдет коммуникативная неудача. В повседневной жизни России также проводятся подобные мероприятия, которые называются ярмарками вакансий (но семантическая адекватность иная). Отойдя от пословного перевода, мы достигли единства с логикой, ходом изложения мысли языка перевода. Данное предложение следует перевести таким образом:

Два раза в год проходит ярмарка вакансий.

2. Неправильное использование грамматической формы.

Одной из особенностей строя китайского языка является так называемое явление «конверсионной омонимии» [3, с. 76], при котором одно и то же слово в разных предложениях выполняет различную грамматическую роль в зависимости от своего местоположения (например, дополнения, подлежащего или определения), что является довольно распространенным в китайском тексте. Неверное понимание грамматической роли слова в предложении может также привести к некорректному переводу сочетаний слов с языка оригинала или использованию неподходящих привычных словосочетаний и фразеологических оборотов.

Для того чтобы повысить качество перевода, переводчик должен владеть большим объемом языковых средств, идиом, выражений на

русском и китайском языках, быть готовым корректно передать ту или иную языковую ситуацию в разных ракурсах и на основе этого внести соответствующие изменения в перевод, не нарушая смысловой/конситуативной целостности.

Пример 2.

我们热量欢迎国外合作企业伙伴在科技基础上共同开发农业。

Мы горячо приветствуем зарубежных партнеров в совместном освоении аграрного сектора на основе достижений науки и техники.

Привычная формулировка выражения «科技基础上» на русском языке соответствует фразе «на базе науки и техники», поэтому данное предложение следует перевести как:

Мы горячо приветствуем зарубежных партнеров в совместном освоении аграрного сектора на базе достижений науки и техники.

3. Некорректное отношение к различиям культурных реалий.

Об этом, в частности, пишет Ван Линлин, который считает, что «каждая культура имеет свои самобытные традиции, а язык в свою очередь обладает ярко выраженным национальным характером, является передатчиком мысли с одной и отражением культуры с другой стороны» [1, с. 151]. Так, культурные различия создают в переводе определенную степень трудности: переводчику необходимо не только в совершенстве изучить языковые явления китайского и русского языка, но и всесторонне обдумать культурные параметры, ценности, факторы.

Пример 3. 近些年来已经建立了112个绿色食品基地。

В последние годы уже создали 112 баз зеленых продуктов.

Слово «绿色» с китайского языка переводится как экологически безопасный, без загрязнений, однако перевод на русский язык лексемы как «зеленый продукт» не только не отразило семантической сущности этого значения, но осталось непонятным для читателей, налицо семантическая неудача. В русском языке этому значению соответствует выражение «экологически чистые продукты». Поэтому это предложение следует перевести как:

В последние годы уже создали 112 баз производства экологически чистых продуктов.

Из вышесказанного следует, что главная трудность для переводчика с китайского языка на русский является лексико-грамматическая составляющая слов на уровне словосочетаний и понимание культурных кодов, особенностей и реалий. На основании этого мы постарались

выделить наиболее эффективные стратегии, которые могли бы помочь учащимся преодолеть возникающие при переводе затруднения и улучшить его качество, а также способствовали бы развитию необходимых базовых и специальных умений и навыков:

1. Метод обучающего перевода.

Г. А. Карипбаева в своей статье «Преподавание перевода в высшей школе» рассматривает наиболее эффективные стратегии обучения письменному переводу иностранного текста, разработанные И. Алексеевой [4]. Например, метод обучающего перевода заключается в том, чтобы перед тем, как приступить к работе с переводческим материалом, преподаватель тщательно разбирает и анализирует лексику текста в соответствующей, конкретной области социальной культуры (научно-техническая, юриспруденция, политика, культура и т.д.), вместе с учащимися ищет соответствующие эквиваленты в языке перевода. Следующий этап – работа над переводом сложных грамматических структур, в состав которых входят данные лексические компоненты.

2. При оценке различных вариантов перевода предоставить учащимся возможность выбрать собственный вариант перевода.

Особого внимания заслуживает метод, при котором учащийся не останавливается на одном варианте, а ищет новые эквиваленты, опираясь на переводы, предложенные другими людьми. Благодаря этому методу учащиеся получают возможность рассматривать оригинальный текст с различных сторон, творчески осмысливать семантические эквиваленты, а благодаря работе в коллективе они развивают способность анализировать варианты переводов и отбирать наиболее подходящий из них, в арсенале их лексического словаря появляется больше слов и словосочетаний, что также придает им больше уверенности в процессе обучения. Все это, в конечном счете, работает на совершенство и накопление ментального лексикона учащихся.

3. Анализ текста.

Учащиеся должны не только уметь передавать верное лексическое значение слов согласно определенному контексту, но и в соответствии с конкретным стилем речи. Анализ текста позволяет выявить стилистические особенности текста и проследить общие принципы, лежащие в основе текстов такого вида, а также помогает учащемуся решать задачи, связанные с оформлением высказывания согласно стилистической, языковой и социальной нормам [2, с. 200].

Зачастую, учащиеся, несмотря на знание и понимание всех слов, входящих в состав предложения, не способны соединить разрозненные части высказывания в гармоническое целое и облечь перевод в логически структурированную законченную мысль. Главная причина этого кроется в недостатке опыта и отработки своих знаний и навыков. Для этого преподавателю необходимо усилить практическую составляющую занятий: как в аудитории, так и вне ее давать как можно больше материала и заданий на перевод. Учащиеся должны непрерывно развивать свой профессионализм. Им требуется не только оттачивать знания обеих языков, но и постоянно обновлять и углублять культурологические знания.

Наконец, важным условием качественного перевода является ответственное отношение к переводческому процессу. Прежде чем приступать к переводу, нужно подробно изучить данную конкретную тематику, соответствующие материалы, также можно обратиться за консультацией к экспертам.

Перевод - важная составляющая национально - лингво-культурного знания, и в настоящее время в лингвистике считается весьма значимым при разработке современных научных парадигм.

Список литературы

1. Ван Линлин 王灵玲. Дуйвай сюанчуань ханьэфаньчжун цуньцзайдэ вэньти цзи дуйцэ яньцзю 对外宣传汉俄翻译中存在的问题及对策研究 (исследование вопросов китайско-русского перевода в международной коммуникации, а также стратегий по их преодолению). Ученые записки Цицикарского университета. 2011. № 6. С. 150–151

2. Котова Ж. С. Деятельность переводчика в процессе письменного перевода с китайского языка / Ж. С. Котова// сборник статей и докладов участников IX международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура». Казань, 2016. С. 194–201.

3. Щичко В. Ф. Китайский язык: Теория и практика перевода: учебное пособие / В. Ф. Щичко. М.: АСТ; Восток-Запад.

Интернет источники

4. Articlekz.com [Электронный ресурс] URL: // <https://articlekz.com/article/1663> (Дата обращения: 12.11.2017).

Мотина Н.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

К вопросу о моделирующей функции субтекста (коммуникативная ситуация в художественной прозе)

Аннотация: В статье излагаются соображения по поводу моделирующей функции текстового сегмента художественной прозы. Рассматривается способность субтекста моделировать художественную коммуникацию. Проводится содержательно-функциональная рефлексия над термином «субтекст». Приведены несколько тезисов, имеющих важное методологическое значение для лингвистической интерпретации текстовых сегментов.

Ключевые слова: художественный текст, субтекст, коммуникативная ситуация, модель, концепт.

N. Motina

Moscow Region State University (Moscow)

On the modeling function of a microtext (communicative situation in literary prose)

Abstract. The paper considers some aspects of modeling function of a textual segment in literary prose. The function of representation of the model of a communicative situation is described in detail. The term “microtext” is analyzed in semantic and functional aspects as a specific combination. Some statements methodologically relevant within linguistic interpretation of textual segments are put forward.

Keywords: literary text, microtext, communicative situation, model, concept.

Проблема моделирования является едва ли не самой универсальной, литература вопроса охватывает огромное разнообразие различных аспектов, находящихся в «компетенции» наук, относимых как к естественным и точным, так и к общественным и гуманитарным.

В лингвистике метод моделирования находит широкое применение. Моделированию подвергается звуковой строй языка, семантические структуры, структура предложения, структуры текста, разные типы дискурса и др. (см., например, следующие работы: [5; 6; 7; 9; 10]).

Анализ большого числа источников позволяет заключить, что для языкознания релевантен следующий тезис, который носит универсальный характер: моделирование предполагает создание мыслительного конструкта, аналога, обладающего свойствами оригинала. Этот тезис является методологически ценным в контексте нашего исследования, так как он позволяет квалифицировать текстовый сегмент (художественная проза) как средство моделирования коммуникативной ситуации, возникшей

первоначально в писательском сознании и нашедшей воплощение в литературном произведении.

Поскольку «модели являются средством интерпретации содержания теоретического знания, а, следовательно, и его развития» и почти «все исследования по языковому моделированию так или иначе ориентированы на поиски “простого» принципа”» [4, с. 83], нам необходимо отрефлексировать термин субтекст с тем, что дать обобщенную характеристику его содержанию в плане его потенциальных функций.

Сразу стоит отметить, что термин «субтекст» фиксирует такое содержание, которое предполагает диалектическое взаимодействие категорий «завершённость» и «незавершённость», актуализацию автосемантии текстовых сегментов [3, с. 98–105]. С одной стороны, субтекст линейно закрепляет некоторую упрощённую ситуацию, которая представлена стабильным положением дел, с другой стороны, субтекст включён в систему смысловых зависимостей более сложного в структурном отношении словесного образования, что предполагает с большой долей вероятности нарушение стабильности, изменение микроситуации, её преобразование в соответствии с многочисленными вариантами развития коммуникативного процесса.

Тщательный анализ развертывания художественного прозаического текста приводит к следующему соображению. На субтекст можно проецировать свойство системы, в которую он включён в качестве необходимого элемента. Завершённость текста до определённой степени предполагает завершённость образующих его текстовых единиц. Объектом нашего рассмотрения, таким образом, становятся сегменты текста, имеющие явные признаки автосемантии. Поскольку мы имеем дело с содержательными, а не формальными единицами текста, степень автосемантии не является неизменной. Однако при этом всегда неизбежно описание микроситуации, имеющей свойство системности, поскольку эта микроситуация трактуется как модель речевой коммуникации. Если принимать во внимание, что «акт речевой коммуникации выглядит как некоторое движение, смена одних подсистем другими» [4, с. 97], то субтекст может рассматриваться как средство моделирования коммуникативной подсистемы.

Таким образом, в свете только что изложенного уместно важное допущение: субтекст представляет максимально актуальную для текущего момента коммуникативную микроситуацию, в которой в снятом виде зафиксированы необходимые свойства речевой деятельности.

Сделаем еще одно существенное замечание относительно качества субтекстов в художественной прозе: по всей видимости, следует говорить об онтологической автосемантии субтекста, поскольку неопровержима сама его данность. Действительно и неоспоримо то, что художественный текст в подавляющем большинстве случаев сегментирован, представлен в виде текстовых отрезков. Линейное развёртывание такого текста предполагает репрезентацию смысла с помощью самодостаточных единиц.

Однако функциональный аспект текстовых сегментов исключает большую степень автосемантии, поскольку это становится необходимым условием, обеспечивающим цельность художественного текста, его интеграцию и завершённость [3, с. 124–135].

Поверхностной структурой субтекста можно считать автосемантическую микроситуацию, изображающую самодостаточное стабильное положение дел. Иными словами, поверхностная структура – это формальная ситуация, и в этом аспекте субтекст мыслится как средство наращивания денотативной (по Гальперину, содержательно-фактуальной) информации.

Глубинная структура субтекста раскрывает принципиально иное содержание, связанное с функцией субтекста: моделированием речевой коммуникации. Важнейшей особенностью моделирования речевой коммуникации является системная репрезентация последней. Так как субтекст является частью более сложного структурного образования, он реализует одну из смысловых подсистем словесного произведения. Из всего разнообразия подсистем в рамках нашей темы исследования релевантными признаются лишь те подсистемы, которые вступают в отношения функционально-смысловой зависимости с себе подобными подсистемами, причём подобие выражается в воспроизведении необходимых признаков коммуникативной ситуации (см. о попытке инвентаризации этих признаков в [2, с. 12–15]).

Существенно, что функционально-смысловая зависимость между моделируемыми подсистемами выражается в том, что признаки, репрезентируемые в одном субтексте, с большой долей вероятности будут воспроизводиться в другом субтексте, а также будут служить указателями возможных свойств коммуникативной системы, которые эксплицитно в субтексте не представлены.

Итак, субтекст включает в себе описание всей коммуникативной системы. В этом отношении он выходит за рамки собственного содержания. Последнее трансформируется в функционально-семантическую зависимость благодаря назначению субтекста – моделированию коммуникативной

ситуации. Из-за подобной зависимости субтекст не отделён от общего содержания текста, а точнее, от той его части (части текстового содержания), в которой воспроизводится всё многообразие коммуникативных отношений между персонажами и воссоздаётся мир героев как субъектов общения.

Субтекст содержит именно те средства языка и именно те речевые ресурсы, которые наилучшим образом с точки зрения писателя отображают свойства коммуникативной ситуации. Здесь необходимо указать на важнейшее качество коммуникативного контекста, в котором порождается словесное художественное произведение. Это качество заключается в примате концептуальной информации как главного фактора, обуславливающего художественную коммуникацию. Моделирование коммуникативной ситуации в тексте не является непосредственной и сознательной задачей автора, избегающего тривиальности. Если он и описывает коммуникативную ситуацию, то делает это с одной целью: передать индивидуально-личностное содержание, которое впоследствии станет частью коллективного достояния, то есть наполнится концептуально значимым содержанием, задаваемым «культурными координатами» этнолингвистической общности.

Другими словами, репрезентация концептов это процесс, делимитирующий коммуникативную ситуацию, то есть раскрывающий то её содержание, которое совершенно не относится к референциальному пласту. Моделирование всегда предполагает подобие, а трансляция концепта – уникальность как смысла, так и формы смысловыражения. Следовательно, становится более ясной специфика моделирования коммуникативной ситуации в субтексте. Модель, представляемая субтекстом, включает в себя два плана: референциальный и концептуальный. Исследование большого числа примеров позволило нам сделать вывод о том, что в субтексте доминирует референциальный план, что обеспечивает требование подобия, предъявляемое к любой модели. Безусловно, релятивные связи субтекстов допускают выдвигания концептуального плана модели коммуникативной ситуации, что актуализирует семантическую интеграцию по линии деятельности как универсальной категории («деятельности вообще»), красноречивое свидетельство чему – субтекст, которым мы хотели бы завершить изложение: *The cook, who was standing in the hall, a few yards away, and had been looking on with the air of a complacent prophetess, now began to lose some of her rigidity. The mournful triumph died out of her face. She had no respect for Mrs. Dersingham, but for some strange reason she had almost a veneration for*

Mrs. Pearson, who was possibly a for more ladylike and commanding figure in her eyes [1, p. 111].

Список литературы

1. Боронин А. А. Лингвистическая интерпретация художественной прозы: независимые паракортежные элементы (основы теории): учебное пособие для студентов бакалавриата. М.: МГОУ, 2016. 90 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
3. Лагута О. Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000. 116 с.
4. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дисс. ... д. филол. н. Томск, 2010. 44 с.
5. Олешков М. Ю. Лингвокультурологический аспект системного моделирования дискурса // Русский язык за рубежом, 2008, № 4. С. 59–64.
6. Пермякова Т. М. Особенности моделирования дискурса межкультурной коммуникации // Вестник ТГУ. 2008. № 12 (68). С. 199–201.
7. Сидоров Е.Ф. Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. 232 с.
8. Сусов А. А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 133–138.
9. Шаталова О. В. Синтаксическое моделирование публицистического текста как метод прагмалингвистики // Вестник ЧГУ. 2012. № 2 (256). С. 140–142.
10. Priestley J. V. *Angel Pavement*. Moscow: Progress Publishers, 1974. 504 p.

Мочалина Т.С.

Московский государственный областной университет (Москва)

Блогояз как часть Интернет-дискурса

Аннотация. Интернет-дискурс является особой разновидностью устно-письменного дискурса со своими специфическими чертами, среди которых выделяются новая форма языкового взаимодействия и новые жанры письменной речи. У одного из таких жанров – блога – существует собственный язык, блогояз. В статье описываются языковые приемы, составляющие основу блогояза, его развитие и существование вне сети Интернет.

Ключевые слова: блогосфера, блогояз, Интернет-дискурс..

Language of the blogosphere as a part of Internet discourse

Abstract. Internet discourse is a kind of oral-written discourse which has specific features such as a new form of language interaction and new genres of written speech. One of these genres – the blog – has its own language. It is the language of the blogosphere. The paper describes the language techniques which form the basis of the language of the blogosphere, its development and existence outside the Internet.

Keywords: blogosphere, language of the blogosphere, Internet discourse.

Интернет-дискурс – это особая разновидность устно-письменного дискурса, который существует в интерактивной сфере. От дискурса в общем понимании, под которым подразумевается «речь, погруженная в жизнь», дискурс Интернета отличается своей виртуально-реальной природой. Интернет-дискурс – это глобальное явление, не имеющее культурных границ и привлекающее к себе особое внимание исследователей. В кругу ученых дискурс Интернета носит разные имена: «компьютерный дискурс», «электронный дискурс», «виртуальный дискурс» [3], однако под всеми этими именами скрывается одна общность, специфические черты, определяющие Интернет-дискурс: виртуальность, опосредованность, дистантность, креолизованность текстов, специфическая компьютерная этика, интерактивность, анонимность [1].

Ещё одна специфическая черта, отличающая виртуальный дискурс от прочих – это особый язык общения. Такой язык характеризует адаптация естественной речи к письменной форме за счет различных средств; например, подчеркивание или выделение текста большими буквами при передаче интонации или тона речи. При этом помимо новой формы языкового взаимодействия – письменной разговорной речи – возникают также и новые жанры письменной речи, среди которых уже выделяют чат, форум и блог [5].

В блогосфере, которая представляет собой совокупность блогов, веб-сайтов с публикациями в виде коротких записей, также существует особый язык общения, который сокращенно называют блогоязом.

«Основные функции языка – познавательная, выразительная, коммуникативная и манипулятивная – пересекаются и могут вступать в противоречия» [4]. В блогосфере данные противоречия обостряются и приводят к затруднениям в коммуникации, поскольку блогояз представляет собой некоторую языковую игру, которая основывается на

осознанном нарушении языковых норм. Подобный язык придает тексту экспрессивность и выражает индивидуальность автора, однако не всегда доступен для понимания и правильного восприятия носителями языка, не вовлеченными в Интернет-коммуникацию. Существует множество приемов образования новых выражений, используемых в блогосфере: словообразование, звукоподражание, употребление логоэпистем, ремарок, эрративов, транслитерации, эвфемизмов и литуративов.

Словообразование – это способ образования новых слов от однокоренных. В блогосфере этот способ применяется в случае желания создать новое слово из старого «шутки ради»; например, россиянены вместо россияне. Данный способ зачастую придает тексту яркую экспрессивную окраску, привлекая внимание читателей.

Звукоподражание – языковой прием, служащий для имитации звуков окружающей действительности средствами языка. Он упрощает выражение эмоций автора блога; вместо сложных описательных конструкций используется короткая ёмкая фраза; например, плак-плак, что обозначает сильное расстройство на грани плача.

Эрративы – слова с намеренным отступлением от орфографических норм; например, кажеццо, не нравиццо, или што такоэ? Их наличие придает тексту необходимую в определенном случае комичность и «оживляет» его. Эрративы могут выглядеть как обыкновенная орфографическая ошибка, но употребление эрративов при написании текста предполагает свободное владение языком; к тому же у эрративов в блогосфере зачастую есть свои нормы написания – написание афтар вместо афтар будет считаться ошибкой. Массовое использование эрративов в блогосфере началось с 2000 года, когда появился так называемый «олбанский» язык. Изначально данный язык использовался для трансформации нецензурных выражений, но позже область его применения расширилась.

Ремарка – композиционно-стилистический прием, вносящий дополнение к изображаемому. Ремарки свойственны развернутым повествованиям, поскольку они отступают от основной сюжетной линии для подробного описания некоторых деталей. Пример ремарки в блоге: Потом она садится обратно, аккуратно умещает под столом свои великолепные ноги.

Логоэпистема – языковое выражение, несущее смысл на уровне и языка, и культуры. Логоэпистема представляет собой знакомое носителям

языка выражение, взятое из известного произведения, и несущее определенный, понятный всем смысл; например, стройка это, конечно, хорошо, но зачем же стулья ломать?

Транслитерация – прямое заимствование с одного языка в другой без словообразовательных и семантических изменений слова; например, молотое льняное семя – мой маст-хэв [6]. Транслитерация – нередкое явление на просторах блогосферы.

Эвфемизм – нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово, служащее заменой слову с неприличным или неуместным значением. В блогосфере эвфемизмы нередко используются именно для замены нецензурных выражений в тексте; например, спокойствие, сцуко, только спокойствие [2]. Это позволяет автору высказать свое мнение, не допуская употребления нецензурных выражений.

Литуратив – выражение, фактически существующее, но зачеркнутое в тексте блога по причине нежелательности (например, цензуры). Литуративы употребляются в том случае, когда автор очень хочет выразить мысль, которая по тем или иным причинам не должна быть выражена, но всё же подразумевается; например, поскольку я сейчас умен и красив одинок, то решил сегодня пойти на свидание [4].

Постоянно изменяющийся и обновляющийся язык блогосферы оказывает несомненное влияние на язык общения, и это влияние циклично начинается с языка общения. Язык в своем естественном виде попадает в блог, где автор, блогер, в формате монолога обращается к своим читателям – стремление ёмко и доступно выразить свою мысль приводит к использованию разнообразных языковых приемов, которые обогащают текст и в языковом, и в экспрессивном смысле. Этот видоизмененный язык, возникший в блогосфере под влиянием тенденций, возвращается в устную речь. Таким образом, блогосфера оказывает непосредственное влияние на язык, на его лексику, грамматику, стилистику во всех сферах жизнедеятельности.

Возможно, изменениям в языке блогосферы способствует не только желание пользователя добавить экспрессивности тексту, но также и возраст блогеров – сленг и манера выражения своих мыслей, свойственные молодежной социальной группе, ускоряют появление новой лексики в блогах. Согласно статистике, именно молодежная группа является самой активной на просторах сети Интернет – пользователи 20 лет охотнее

делятся информацией, файлами, ведут записи, комментируют записи других пользователей.

Выражения, которые можно увидеть в текстах блогов, быстро запоминаются, откладываются в памяти и используются в повседневности. Также частое употребление блогояза в сети Интернет делает его привычным, и рамки употребления со временем стираются – выражения, свойственные блогосфере, входят в состав активной лексики.

Язык блогосферы активно развивается и пополняется, фиксируя и отражая в себе все происходящие изменения и последние тенденции во взаимодействии пользователей, поэтому он представляет особый интерес для анализа и дальнейших исследований [7].

Блогосфера занимает одно из самых важных мест в пространстве сети Интернет – многофункциональность и простота многочисленных ресурсов по созданию блогов привлекает всё больше пользователей. Блог-платформы зачастую лишают пользователей необходимости создавать собственные сайты: вспомогательные функции помогают настроить свой блог согласно собственным предпочтениям и потребностям. Общедоступность делает блогосферу развитой сетью, которая благодаря своим пользователям не прекращает обновляться и расти.

Аудитория блогосферы заметно помолодела за последнее десятилетие – возможно, этому поспособствовала модная тенденция на ведение собственного блога с целью самовыражения. Возраст среднестатистического блогера в России находится в промежутке между 15 и 35 годами; в настоящее время большую активность проявляют пользователи 20 лет. Относительная юность авторов блога и язык общения, свойственный молодежной социальной группе, порождают особый язык блогосферы, специфический жаргон, в той или иной мере отражающийся в каждой записи блога.

Языковые приемы, составляющие основу блогояза, вносят большое разнообразие в текст, оживляют его и придают выразительности. Блогояз позволяет без труда идентифицировать текст блога – характерные черты, выражающиеся в языковых приемах, резко отличают текст блога от прочих текстов. Однако, несмотря на экспрессивность и характерность, зачастую возникают трудности восприятия блогояза не только у иноязычной аудитории, но и у носителей языка, на котором был написан текст.

Несмотря на преимущественно письменное использование блогояза, он находит отклик и в живой речи. Существуют многочисленные

свидетельства использования выражений, зародившихся на просторах блогосферы, в повседневности, поскольку для людей, хотя бы изредка использующих сеть Интернет, данные выражения знакомы и понятны. Блогосфера и её особый язык несомненно оказывают свое влияние на язык общения, и чем больше сеть Интернет охватывает человеческую жизнь, тем сильнее это влияние.

Список литературы

1. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2016. № 3. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/> (дата обращения: 09.11.17)
2. Беляков А. О., Василькова Е. В. Язык блогов // Научно-практические конференции ученых и студентов с дистанционным участием. Коллективные монографии. М.: НЭПИ (филиал) ТюмГУ, Нижневартовск. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/> (дата обращения: 13.04.2015)
3. Горина Е. В. Дискурс Интернета: Определение понятия и методология исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 11. ч. 2. С. 64–67 [Электронный ресурс]. URL: <http://scjournal.ru/> (дата обращения: 10.11.2017)
4. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы // Архивы форума «Говорим по-русски». 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.speakrus.ru/> (дата обращения: 06.04.2015)
5. Касумова М. Ю. Компьютерный дискурс как новый вид коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева: журнал. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 10.11.2017)
6. Прокутина Е. В. Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований // Вестник Челябинского государственного университета: журнал. 2010. № 7 С. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 06.04.2015)
7. Худякова О. С. Применение англоязычных блогов в разработке программ самостоятельной работы студентов, изучающих профессиональный иностранный язык // Филологические науки. Вопросы

теории и практики. М.: Грамота, Тамбов. 2013. № 3. С. 197 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/> (дата обращения: 17.04.2015).

Мюллер Ю.Э.

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва)*

Принципы организации дистанционного курса «Немецкий язык для академических целей»

Аннотация. В статье описывается опыт организации дистанционного обучения на платформе moodle по немецкому языку как иностранному в высшем учебном заведении (Университет Дуйсбург-Эссен, ФРГ) на примере аспекта «немецкий язык для академических целей». Определяются методические принципы курса: компетентностный, коммуникативно-деятельностный, межкультурный подходы, принципы учебной автономии и активности обучающихся; приводится тематический план курса, определяются критерии оценивания.

Ключевые слова: дистанционное обучение; иностранные языки; организация учебного процесса; методические принципы; критерии оценивания

Yu. Muller

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Organisation principles of the on-line course “German for academic purposes”

Abstract. The paper describes the experience of organising an on-line Moodle platform course of German as a foreign language at the University of Duisburg-Essen (Germany) in the context “German for academic purposes”. The methodological principles, as applied to the course structure (competence, communicative activity and intercultural approaches, principles of learning autonomy and activity of students), are determined. We also provide a course schedule and give examples of organisation of thematic blocks as well as the assessment criteria.

Keywords: e-learning, foreign languages, organisation of the teaching process, methodological principles, assessment criteria.

Новейшие достижения в развитии коммуникационной техники позволили вывести дистанционное обучение на качественно новый уровень. Применение информационных средств и технологий в преподавании иностранных языков неоднократно становилось предметом рассмотрения в новейших работах по методике преподавания иностранных языков. Так, И. Г. Беляева указывает на повышение эффективности обучения при введении в практику преподавания информационно-коммуникационных технологий [2]. Н. Ю. Северова отмечает важность

использования ресурсов интернета в обучении иностранным языкам [17], [19]. Некоторые принципы организации смешанного и дистанционного обучения на платформе Moodle описаны Т. А. Яковлевой [24] и А. С. Гафаровой [6]. Система дистанционного обучения moodle на сегодняшний день является стандартом в своей области и насчитывает 105 млн. пользователей в 235 странах мира. На платформе предлагается свыше 12 000 курсов, в том числе курсы университета Дуйсбург-Эссен, расположенного в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия Федеративной Республики Германии. С 2014 года мы принимали участие в подборе методических и разработке контрольно-измерительных материалов по предмету «Deutsch als Fremdsprache» (немецкий язык как иностранный) для языкового центра университета Эссен-Дуйсбург, с учетом актуальных тенденций российской и германской школ методики преподавания немецкого языка как иностранного. Для создания материалов курса использовались коммуникативные, деятельностно-ориентированные методы и формы работы, предлагаемые М. С. Омельченко [16] и О. С. Хосаиновой [25]. Были также учтены особенности профессионально-ориентированного обучения, описанные в работах И. Г. Тимаковой [20], М. А. Чигашевой [22] и Н. Ю. Северовой [18], лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты обучения, значимость которых подчеркивается в работах В. М. Глушака [8], [9], А. В. Березовской [5], Н. Е. Меркиш [11] и А. М. Ионовой [10].

В рамках сотрудничества с данным университетом нами был разработан на платформе moodle дистанционный курс по немецкому языку для академических целей, направленный на развитие навыков чтения, аудирования и письменной речи у иностранных студентов университета на уровне B2 – C1 в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранными языками. При разработке курса был решен ряд теоретических и практических задач.

Составлен календарно-тематический план курса с указанием объема дисциплины (30 академических часов), списка тем и распределением часов по темам. Тематический план курса приведен в таблице 1.

Таблица 1.

Тематический план курса «Немецкий язык для академических целей»

	Темы	Кол-во ак. часов
1.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Kollokationen <i>Hören und Mitschreiben:</i> Der Ursprung der Gewalt <i>Lesen:</i> Lesen – Warum eigentlich?	3
2.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Komposition, Ableitung <i>Hören und Mitschreiben:</i> Arm und Reich in Deutschland <i>Lesen:</i> Zählen lernen	3
3.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Nominalstil <i>Hören und Mitschreiben:</i> Das Gedächtnis der Gene <i>Lesen:</i> Wie die Sprache das Denken formt	3
4.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Partizipialkonstruktionen <i>Hören und Mitschreiben:</i> Entschleunigung der Stadt <i>Lesen:</i> Holz statt Stahl und Beton	3
5.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Aktiv und Passiv <i>Schreiben:</i> Zusammenfassung	3
6.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Begriffserläuterung und Definition <i>Schreiben:</i> Exzerpt	3
7.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Argumentation <i>Schreiben:</i> Hausarbeit	3
8.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Zitieren <i>Schreiben:</i> Abstract, Handout	3
9.	<i>Sprache in wissenschaftlichen Texten:</i> Gegenüberstellung und Vergleich <i>Schreiben:</i> Praktikumsbericht	3
10.	<i>Test:</i> Hören und Mitschreiben / Lesen / Schreiben	3

Определены методические принципы, в соответствии с которыми были разработаны упражнения и задания курса:

- компетентностный подход реализуется через формирование компетенций письменной речи, понимания устной (аудирование) и письменной (чтение) речи;
- коммуникативно-деятельностный подход реализуется в отборе учебных ситуаций, готовящих обучающихся к адекватной коммуникации в сфере академической коммуникации, и методов, позволяющих симулировать реальные ситуации в учебных условиях, например, прослушивание и конспектирование доклада / лекции;

- межкультурный подход реализуется в подборе ситуаций, в которых проявляются культурные различия коммуникации на родном и иностранном языке;
- ориентация на обучающихся означает учет конкретных потребностей и реализуется в отборе материала, отвечающего этим потребностям;
- принцип учебной автономии отражает особенности дистанционного курса, в рамках которого обучение происходит в виртуальной среде, и, следовательно, требует от обучаемых большей степени самодисциплины и сознательности для успешного освоения учебного материала.

При подготовке курса были отобраны материалы в соответствии с тематическим планом и выбраны инструменты Moodle, необходимые для реализации курса: тест (текст с пропусками, множественный выбор) для выработки компетенции понимания письменной и устной речи; форум для дискуссии в пленуме или в рамках рабочих групп; вики, с помощью которого студенты могут создавать общие тексты группами с различным количеством участников; глоссарий, в котором студенты приводят дефиниции научных терминов или иную информацию о научных понятиях, или феноменах; письменное задание: написание текста определенного жанра (конспект, аннотация, реферат, слайды для доклада итд.).

В заключение были разработаны критерии оценивания текущих работ и порядок выставления итоговой оценки. Все оценки за упражнения и задания курса отражаются в профиле каждого студента, за невыполненные задания автоматически или вручную тьютором выставляется оценка 0. Инструмент Moodle «оценка» выводит среднее арифметическое, которое является итоговой оценкой за курс. Итоговая оценка выставляется в соответствии со следующей шкалой: 100–96 % – 1,0 – отлично, 95–92 % – 1,3 – отлично –, 1 – 88 % – 1,7 – хорошо +, 87–84 % – 2,0 – хорошо, 83–80 % – 2,3 – хорошо –, 79–76 % – 2,7 – удовлетворительно +, 75–72 % – 3,0 – удовлетворительно, 71–68 % – 3,3 – удовлетворительно –, 67–64% – 3,7 – достаточно +, 63–60 % – 4,0 – достаточно, ниже 60 % – 5,0 – неудовлетворительно, пересдача.

Таким образом, при разработке дистанционного курса «Немецкий язык для академических целей» были решены следующие задачи: определены методические принципы, в соответствии с которыми

отбираются материалы и формы работы студентов: компетентностный, коммуникативно-деятельностный, межкультурный подходы, принципы учебной автономии и активности обучающихся; разработан тематический план курса, отобраны инструменты платформы moodle, определены критерии промежуточного и итогового оценивания.

Список литературы

1. Баур Р. С., Меркиш Н. Е. Из опыта билингвального обучения в Канаде и Германии // Билингвальное обучение: Опыт, проблемы, перспективы. Саратов, 2004. С. 26–36.

2. Беляева И. Г. Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза. М.: МГИМО, 2015. С. 152–157

3. Беляева И. Г. Обучение иностранному языку в рамках интеркультурного подхода // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы первой международной конференции. М.: Языки народов мира, 2016. С. 39–40.

4. Беляева И. Г. Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Выпуск № 3. Воронеж: Арал, 2016. С. 36–38.

5. Березовская А. В. Роль поликультурной среды вуза в обучении иностранному языку // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза. М.: МГИМО МИД России, 2017. С. 24–38.

6. Гафарова А. С. Опыт применения системы дистанционного обучения moodle при обучении иностранному языку // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Люберцы: «Ар-Консалт», 2014. С. 63–67.

7. Гафарова А. С. Использование информационных технологий для развития учебной самостоятельности студентов // Создание межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. Сборник статей. М.: МГПУ, 2017. С. 42–47

8. Глушак В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения. Автореферат дисс.... доктора филологических наук. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2010. 46 с.

9. Глушак В. М. Стратегии речевого поведения, направленные на сближение с партнером по коммуникации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2009. № 2. С. 69–73.

10. Ионова А. М. Лингвокультурологический аспект в обучении немецкому языку студентов бакалавриата по направлению подготовки «международные отношения» // Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Материалы научно-практической конференции. М.: МГИМО МИД России. 2013. С. 120–125.

11. Меркиш Н. Е. Культурный компонент лексики в преподавании иностранного языка // Педагогика. 2016. № 4. С. 81–88.

12. Меркиш Н. Е., Меркиш А. Б. Культурно-критический анализ актуальных иноязычных источников информации в преподавании иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2017. № 7. С. 11–17.

13. Мюллер Ю. Э. Возможности обучающих ресурсов интернета для повышения эффективности обучения немецкому языку // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. М., МГПУ, 2017. С. 160–164.

14. Омельченко М. С. Грамматически-концептуальные особенности англо-американских заимствований в немецком языке // Филологические науки в МГИМО. М., 2010. С. 48–56.

15. Омельченко М. С. Классификация англо-американских заимствований в немецком языке // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 208–209.

16. Омельченко М. С. Современные тенденции в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе // Проблемы, пути совершенствования и перспективы преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2006. С. 66–69.

17. Северова Н. Ю. Электронное обучение // Теория и практика преподавания иностранного языка в средней школе. Ч. 1./Василевич А. П., Гальскова Н. Д., Северова Н. Ю., Акимова Н. В. / Под общей ред. А. П. Василевича. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 158–198.

18. Северова Н. Ю. Введение элементов профессионализации в практику преподавания иностранного языка на начальном этапе бакалавриата в целях обеспечения качества подготовки выпускников (на примере немецкого языка, неязыковой вуз) // Качественное образование:

проблемы и перспективы. Сборник научных статей. М.: МГПУ, 2016. С. 289–298.

19. Северова Н. Ю. Виртуальная образовательная среда: проблема контента // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. Сборник статей. Москва, 2017. С 197–202.

20. Тимакова И. Г. Виды контроля в преподавании немецкого языка по специальности «юридический перевод» // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. М.: РГГУ, 2008. С. 269–274.

21. Чигашева М. А. Факторы, осложняющие коммуникацию в немецком языковом пространстве // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2015. № 4. С. 176–181.

22. Чигашева М. А. Типы текстов по специальности и их использование на занятиях по иностранному языку // Технологии обучения иностранным языкам в неязыковых вузах: сб. научных статей, межвузовская научно-практическая конференция. Ульяновск: Изд-во УГТУ, 2005. С. 109–111.

23. Яковлева Т. А. Сопоставительное исследование субстантивной полисемии (на материале немецкого и испанского языков). Дисс. ... канд. филологических наук. М.: МГЛУ, 2001. 208 с.

24. Яковлева Т. А. Современные технологии обучения немецкому языку как иностранному с применением интернет-ресурсов и технологии смешанного обучения // Актуальные проблемы современной науки. 2014, № 6 (79). С. 124–129.

25. Khosainova O.S. Criteria for selecting the texts for reading in foreign language // International Conference on European Science and Technology Materials of the X research and practice conference. Waldkraiburg: Vela-Verlag, 2015. P. 30–32.

Назарова А.Ю.

Московский государственный областной университет (Москва)

Особенности диалектического многообразия британского варианта английского языка

Аннотация: Рассмотрено понятие «диалект». Проанализированы языковые уровни диалекта и различные подходы к его классификации. Показано, что наиболее значимой характерной особенностью диалекта является его лексика, поскольку она

отличается высокой вариативностью, сложно поддаётся толкованию и влияет на общее восприятие высказывания.

Ключевые слова: диалект, стандартная форма английского языка, акцент, лингвогеография, территориальный и социальный диалект, традиционный и массовый диалект, классификация.

A. Nazarova

Moscow Region State University (Moscow)

Distinctive features of the dialectic diversity of British English

Abstract. The notion of “dialect” is considered. Main linguistic levels of dialects and various approaches to their classification are analyzed. It is shown that the dialectic lexis is its most important feature due to the fact that it is characterized by a high level of variation, represents certain difficulties in the process of interpretation, and has a prominent influence on the basic understanding of an utterance.

Keywords: dialect, Standard English, accent, language geography, regional and social dialect, traditional and mainstream dialect, classification.

Вопрос определения понятия «диалект» представляется довольно трудной задачей, которой посвящено большое количество русскоязычных и англоязычных исследований. Согласно Кристалу, диалект – «это вариант языка, в котором проявляются грамматические и лексикологические различия из-за регионального или социального происхождения говорящего» [6, с. 298]. Существует мнение, согласно которому диалект является отклонением от нормы, т.е. языковой ошибкой, однако такой подход «неправомерен, поскольку диалект представляет собой развившиеся в разных направлениях более ранние формы речи» [7, с. 125]. Более того, если рассматривать диалект как «вариант языка с определёнными лингвистическими особенностями» [2, с. 278], можно прийти к выводу о том, что стандартная форма английского языка – тоже диалект: изначально она была лондонским диалектом, но позже приобрела статус официального языка благодаря традициям образования и вещания Великобритании.

Британский английский считается языком диалектов: на территории Великобритании зафиксировано уникальное количество диалектов, а сами британцы проявляют удивительную осведомлённость в данном вопросе: по речи человека можно определить графство, город и даже улицу, с которой говорящий родом.

На сегодняшний день существует несколько классификаций диалектов, однако наиболее популярными являются классический подход, согласно которому диалекты делятся на территориальные и социальные, и

современный подход, согласно которому диалекты бывают традиционные и массовые.

Описание диалекта с точки зрения лингвогеографии – «науки, рассматривающей диалекты в пространственном контексте с целью выявления взаимоотношений языка и геокультурной среды» [4, с. 36] – позволяет подразделять используемые для общения на конкретной территории разновидности языка на территориальные диалекты. Один из ведущих британских лингвистов Питер Траджил указал, что на вопрос о том, сколько в Великобритании существует диалектов, невозможно ответить: путешествуя от одной части страны к другой, можно заметить постепенные изменения языка, которые становятся отчётливее с увеличением расстояния [11, с. 17], формируя тем самым так называемый диалектный континуум.

В Великобритании диалектные границы, как правило, не совпадают с границами одного графства. Например, в графстве Тайн-энд-Уир на противоположных берегах реки Тайн находятся два города – Ньюкасл-апон-Тайн и Гейтсхед, которые соединены 10 мостами, однако их жители говорят на разных диалектах и их акценты отличаются. Так, название Ньюкаслского тёмного пива *brown* произносится в Ньюкасл-апон-Тайн как [bru:n]. Также жители Ньюкасла иначе произносят название родного города: они делают ударение на второй слог, в то время как все остальные – на первый [1, с. 7]. Но в целом условное разделение диалектов Великобритании согласно территории их распространения возможно: главное различие проводится между речью жителей самых северных частей Англии (Нортумберленда, Камбрии, Дарема, Северного и Восточного Йоркшира) вместе с Шотландией и жителями всей остальной территории Англии. На юге идёт дальнейшее разделение диалектов. Выделяются западные диалекты центральной части Англии (Ланкашир, Стаффордшир, Чешир и близлежащие районы) и восточные диалекты центральной части Англии (Южный Йоркшир, Ноттингемшир, Линкольншир и Лестешир). По мнению Траджила, такое традиционное разделение диалектов постепенно теряет актуальность, сейчас главные различия проводятся между речью англичан и шотландцев. Например, в зависимости от того, в какой части Великобритании родился человек, он будет использовать слова *gully/entry/ten-foot/ginnel/snicket/twitten* для обозначения узкого прохода между домами. Жители центральной Англии и севера страны называют сдобную лепёшку *pikelet* вместо стандартного

crumpet. Территориальные диалекты консервативны, они сохранили многие языковые явления других эпох и различные иноязычные влияния: норманнское, скандинавское [5, с. 121].

На речь человека влияют также многие социальные факторы: воспитание, образование, возраст, место работы и принадлежность к тому или иному классу в обществе. Таким образом, речь людей, родившихся в одной местности, но получивших разное воспитание, также будет отличаться, что позволяет говорить о социолектах (социальных диалектах) – «тех вариантах языка, которыми пользуется та или иная группа людей или социальная общность». К ним можно отнести ряд генетически-, структурно- и функционально-смысловых явлений: профессиональные диалекты, жаргоны (арго), сленг [3, с. 8]. Например, язык британской аристократии “Posh”, на котором говорят члены королевской семьи и представители самых знатных и богатых семей Великобритании, весьма отличается от стандартного английского языка и имеет целый ряд синонимов для представителей других классов (не элиты): “hoi polloi”/“NOCD”/“non-U”, т.е. представители более низких классов, «плебеи». Необходимо также отметить, что лексика того или иного диалекта мало зависит от пола говорящего. Согласно исследованию Барри Родеса, речь меняется в зависимости от социального статуса, а не от пола говорящего [9, с. 24].

Современные подходы к классификации диалектов позволяют утверждать о существовании традиционного диалекта, т.е. «совокупности особенностей речи жителей сельской местности» [4, с. 21]. Традиционные диалекты весьма отличаются и от стандартной формы языка, и друг от друга. На традиционных диалектах говорят жители некоторых областей Англии, южной и северной Шотландии и северной части Северной Ирландии, однако число говорящих на них стремительно уменьшается. Например, вариант произнесения she bain't a-comin (или hoo inno coming/her idden coming) вместо she isn't coming используется в традиционных диалектах (дербиширский диалект), также как и произнесение bee-an, bane или bwoon вместо bone [8, с. 40]. Сравнение предложения на диалекте Дурхама (Durham) и на стандартном английском (Standard English) – Ah telt thee to seh thoo hazn't to gan yem theneet (Durham)/I told you to say you mustn't go home tonight (SE)/Ты не должен идти домой сегодня ночью – показывает, что понять, о чём идёт речь в первом предложении, носителю другого диалекта весьма затруднительно.

Массовые диалекты (*mainstream dialects*) относятся как к стандартной форме, так и к современным нестандартным диалектам (*modern nonstandard dialects*), которые встречаются на юге Англии, в городах, в речи большей части молодёжи и среднего класса по всей стране. Эти диалекты не сильно отличаются как от стандартной формы, так и друг от друга, а главное их различие – произношение. Например, говорящие на современном нестандартном диалекте, могут сказать *she's not coming/she isn't coming* (обе формы соответствуют стандарту) или же *she ain't comin* (что является отклонением от стандарта, но всё ещё понятно остальным). Количество массовых диалектов растёт в районах рядом с крупными городами в связи с развитием коммуникационных и транспортных систем. Это Ньюкастл, Бирмингем, Бристоль, Лондон. Траджил считает, что эта тенденция будет развиваться и число территорий распространения массовых диалектов уменьшится, так как они будут объединены в крупные городские конгломераты [9, с. 25].

Диалект – широкое понятие, которое затрагивает изменения в употребляемой лексике, грамматике, пунктуации, произношении в рамках одного языка.

Лексика диалекта, которая включает в себя оригинальные слова и слова из других вариантов языка с изменёнными значениями, является его самой яркой отличительной характеристикой и самым доступным для изучения признаком. Например, в Западном Йоркшире скажут *beer-off* вместо *off-licence* (разрешение на продажу спиртного) – это оригинальное диалектное слово, а вот слово *harpen*, которое в стандартной форме является глаголом со значением «случаться, происходить», в некоторых йоркширских диалектах используется в качестве наречия «может быть, возможно»: *Harpen it may rain tomorow* [12]. Одно и то же понятие может обозначаться по-разному в различных частях Великобритании, например, ломтик картошки из любимого британцами блюда *fish and chips* в Уоррингтоне назовут *scallop*, в Ливерпуле *fritter*, в Южном Уэльсе *patty*, в Уэст-Бромидже *klandike*, а в Кру *smack* [10, с. 89]. Исследовательская группа *Regional Voices*, занимающаяся изучением диалектов Великобритании, приводит такой пример: для обозначения общего понятия *bread roll* существует целый ряд диалектных синонимов: «ланкаширский *barm cake*, *bread cake* из Лидса, *sob*, который вам предложит булочник из Дарби, и *batch*, который можно отведать во время визита в Ковентри» [13].

Грамматические особенности диалекта играют важную роль, так как слово может неувлочно поменять своё значение даже из-за незначительных изменений грамматики. В морфологии изменениям подвергаются формы слова: категории числа существительных, временные формы глагола, вариации возвратных местоимений, окончания слов (fish/fishes, I came/come home yesterday, I was/were, themselves/theirselves). В Великобритании есть такие диалекты, где единственная и множественная формы прошедшего времени глагола to be используются наоборот: were для единственного числа, was – для множественного: She were wearing a mask (северные диалекты) [13]. В синтаксисе диалектные особенности проявляются в структурных изменениях словосочетаний: порядке слов, использовании предлогов. Например, англоговорящий человек попросит дать ему что-то, используя подобную фразу из стандартной формы: “Give it to me”, а житель Уэст-Мидлендса скажет: “Give it me”. В городе Сток-он-Трент скажут: “Her’s gone up Hanley” вместо стандартного She’s gone into Hanley. В йоркширском диалекте есть тенденция использовать глагол want в тех случаях, где другие носители языка используют need [9, с. 28]. В случаях с диалектной грамматикой лингвисты вводят понятие «стандартной» (standard) и «нестандартной» (nonstandard) грамматики: первая используется на письме, вторая остаётся региональным вариантом, превалирующим в устной речи.

Акцент также является неотъемлемой частью диалекта, он варьируется в произношении гласных и согласных звуков, определённых словосочетаний, а также в интонации говорящего. Чаще всего акцент определяет принадлежность человека к какой-то большой территории, поэтому мы говорим о йоркширском, уэльском или шотландском акцентах, однако это значительное упрощение общей акцентологической ситуации. Например, у йоркширского акцента есть несколько разновидностей: шеффилдское произношение отличается от акцента города Халл, речь жителей которого отличается от говора населения Лидса. Эти акценты, несмотря на различия, объединены общими чертами, что позволяет отнести их к более крупному понятию – йоркширский акцент.

В некоторых случаях по произношению можно довольно точно определить происхождение человека, например, по особенностям произношения Scouse можно определить уроженца Ливерпуля. Самым известным «маркером» акцента в английском языке является так называемая Bath vowel – гласная ‘a’ – которая произносится по-разному на

севере и юге Англии: «чтобы определить происхождение человека, можно предложить ему произнести слово mask» [13]. Жители севера Англии произнесут слова типа bath, grass, dance с коротким гласным, схожим с гласным в слове cat ([æ]). Южане произнесут эти слова с долгим гласным, похожим «на звук, который вы произносите, находясь на приёме у доктора при осмотре горла». Ещё одним важным отличием акцентов служит ротацизм (rhoticity), т.е. произношение 'r' перед согласной. Большинство жителей Англии и Уэльса в данном случае его не произносят, поэтому их акцент характеризуется отсутствием ротацизма (nonrhotic), в отличие от акцента жителей английских графств Уэст-Кантри и Ланкашир: их произношение близко шотландскому и ирландскому вариантам английского произношения.

Таким образом, в статье рассмотрены наиболее значимые аспекты диалектологии: дано определение слова «диалект», приведены языковые уровни диалектов и способы их классификации. Показано, что самой важной отличительной чертой диалекта представляется лексика, так как она значительно влияет на понимание диалекта и наиболее сильно отличает его от стандартной формы языка, так как она характеризуется высокой вариативностью и непредсказуемостью. Большое количество диалектов является примером богатства английского языка. Диалекты нельзя считать отклонением от языковой нормы, поскольку стандартная форма английского языка, служащая универсальной языковой моделью, также является своеобразным диалектом. В ходе исследования установлено, что невозможно точно поределить количество территориальных диалектов Великобритании, так как строгих диалектных границ в Великобритании не существует.

Список литературы

1. Брегг М. Приключения английского языка [Текст] / Мелвин Брегг; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 418 с.
2. Ильиш Б. А. История английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. 5-е изд.; испр. и доп. М.: Высшая школа, 1968. 420 с.
3. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология) [Текст]: учеб.пособие/ М. М. Маковский. М.: Высшая школа, 1982. 137 с.
4. Минасян А. А. Эссекский территориальный диалект британского национального варианта английского языка [Текст] : дис. ...канд. филолог.

наук : защищена 29.05.12. / Арменуи Арутюновна Минасян. М., 2012. 200 с.

5. Субич В. Г. Диалекты британского варианта английского языка [Текст] / В. Г. Субич // Германистика сегодня: контексты современности и перспективы развития: материалы I Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Рос.-герм. году образования, науки и инноваций, Казань, 17–18 февраля 2012 г. Казань, 2012. Т. II. С. 120–125.

6. Crystal D. Encyclopedia of the English Language [Text] / David Crystal. С.: BSA, 2003. 491 p.

7. Encyclopaedia of the Social Sciences / ed. by E. A. Seligman. Vol. V. – New York, Macmillan Publishers, 1931. 950 p.

8. Kerswill Paul. RP, Standard English and the standard/non-standard relationship. / Paul Kerswill // Language in the British Isles – 2nd ed. / David Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 34–52.

9. Rhodes Barrie M. Changes in Knowledge and Use of Nonstandard Words over the Last 80 Years – Research in West Yorkshire / Barrie M. Rhodes // YDS – 2000. Vol. XIX. P. 24–26.

10. Teaching English, Language and Literacy / D. Wyse [and others]; ed. by D. Wyse. 2nd ed. Routledge, 2007. 304 p.

11. Trudgill P. The Dialects of England [Text]. 2nd ed. John Wiley & Sons, 2000. 168 p.

12. Andrew Moore's teaching resource site [Electronic source]. – Access mode: <http://www.universalteacher.org.uk>. English Varieties of the British Islands. – (Accessed date: 04. 10. 2017).

13. The British Library [Electronic source]. Access mode: <http://www.bl.uk>. – Survey of English Dialects. (Accessed date: 04.10. 2017).

He Вэйдун

Северо-восточный сельскохозяйственный университет (Китай)

国内俄语电子词典使用现状及展望

摘要：随着互联网的发展，国内俄语电子词典迎来了新的契机。本文旨在对国内俄语电子词典使用发展现状进行概述，对各类词典加以比较，并分析其可用性，展望总体发展趋势，进而为词典使用者提供合理使用建议、对相关词典的编写者及使用者提供借鉴。

关键词：俄语；电子词典；互联网。

Status and prospects of domestic Russian electronic dictionary

Abstract. With the development of the Internet, the Russian electronic dictionary has ushered in a new opportunity. The purpose of this paper is to summarize the status of the development and usage of the Russian electronic dictionaries in China, to compare the types of dictionaries and to analyze their usability and outlook for the overall development, and to provide reasonable advice for the users of the dictionaries.

Keywords: Russian, electronic dictionary, Internet.

国内俄语电子词典随着网络的发展，国内俄语电子字典从无到有，从弱变强，逐步走上了快速发展的道路。在上个世纪末，就有相关学者对电子词典的发展前途予以肯定。“电子词典因其储存的信息量大、使用方便、增删容易等优点，无疑将是未来词典编纂的主要方向；电子词典的问世也会给词典编纂、出版带来革命性的变化。目前，经过十几年的发展，国内俄语电子词典已经具备了一定规模。按平台划分，可分为以下几大类：

1. 便携电子词典

该类词典的实质是将纸质词典数码化，将数码化的资料存入以闪存为介质、便携的移动存储器中，该存储器通过简易的键盘和屏幕实现输入和输出功能，进而为用户查询相关词条。品牌有俄汉通、北极光、快易典、随译典、桑姆通译、笛卡尔、康明等。随着数码技术发展，该类电子产品的性能有了显著提高。内存的扩大使得词典容量猛增，一部词典可以囊括几百部的纸质字典的内容；出现了可手写、触摸的彩色TFT介质屏幕；真人单词发音、朗诵及视频教学；支持汉、英、俄语种；电源从最初的AA电池升级到了锂电池，续航能力大幅提高；个别词典能够通过电脑连接网络进行词库的更新，增强了词典的可用性；功能多样，娱乐、学习、生活等应用增多。于此同时，目前的俄语电子词典的发展仍然存在一些问题，值得关注，如词条编写未能突出电子词典的特性，机械复制纸质词典，词条编写不够人性化；词条来源驳杂，编者在编写过程中把关不严，容易误导读者；软硬件更新不同步，软件更新速度远远跟不上硬件；各类词典标准各异，导致词典价格居高不下等。

2. 电脑-在线俄语词典

电脑-

在线俄语词典操作简便，价格低廉。便携俄语词典最低价格约为500元，最高达2000元，而在线俄语词典通常为免费，不需要支付任何费用，只需

要连接网络即可，代表程序有大BKPC、译酷在线、千亿词霸、goldendict等。除了千亿词霸、goldendict需要安装注册客户端外，其他软件只需访问网站即可。

迅猛发展的互联网也为电脑俄语词典的发展注入了强心剂，上述的电脑俄语字典都不同程度的包含了网络搜词功能。灵格斯将谷歌翻译纳入软件内部，在线状态下能够进行简单的俄汉、汉俄转换。北极光更新速度很快，通过网页相应搜索栏进行搜词，但词条的审定仍需完善，不能给查询者一个清晰、准确的判断，常常有不准确的词条出现。千亿词霸在这方面做得很好，先给出基本释义，通过软件内部的自动检索，给出网络词典释义和千亿图书馆释义，让读者能够自行判断、选择正确的词条。

电脑俄语词典最初的功能和纸质词典一样，只有单纯的查词功能。网络和硬件的发展为电脑俄语词典的发展打下了坚实的基础。目前的电脑俄语词典，在以查词为主要功能前提下，还提供其他服务，如译酷在线，除了词典功能外，还提供地名、人名、重音标注等自动翻译服务。各类软件均以网站为依托，开设论坛、QQ群等交流平台，为使用者提供学习、娱乐、交流的网络空间，同时通过用户反馈不断完善词典，极大地提高了词典的更新速度和效率。其中值得一提的是大BKPC，这是一个俄罗斯中文爱好者创建的网站，这个在线词典是开源的，网友可以创建词条，可以下载整个词库，均为免费，其容量和更新速度都居于领先地位。在词典的基础上，网友还开设了相关的翻译及词典论坛用于交流学习，值得国内同行学习和借鉴。

3. 手机俄语词典

第三次科技革命的重要标志之一就是电脑和互联网的普及。二十一世纪的最近十几年，随着互联网及IT产业的迅猛发展，手机成为了除电脑外互联网的又一重要终端。Android智能手机系统的出现具有划时代的意义，为诸多软件便携化和终端一体化提供了可能。Android是一种以Linux为基础的开放源代码操作系统。该系统最初由Andy Rubin开发，主要支持手机。2008年，由Google收购，组建开放手机联盟开发改良，逐渐扩展到平板电脑和其他领域。2011年第一季度，Android在全球的市场份额首次超过塞班系统，跃居全球第一。手机电脑化已经大势所趋，其硬件和软件的发展速度远远超过了之前的预期。我们认为Android对手机俄语字典的研发会产生深刻影响。具有以下优势：Android系统的开源性使得研发机构无需自行设计系统，只需按照标准语言编写词典即可。节

约了软件上的开支；厂商无需再另外设计词典载体，免去了硬件上的费用，可在词典研发和完善上注入更多的资金，进而提高词典的可用性。同时也能降低词典的价格，可吸引更多的潜在用户使用；4G及WIFI网络的普及为词典提供了强大的网络支持，保障了词典的在线查词、更新等功能。查词更新，随时随地；智能手机的诸多辅助设备为俄语词典功能的拓展提供了硬件保障。如语音识别、摄像等功能，可用于词典语音翻译、文字识别等拓展功能。

本世纪初，米什卡和俄语一典通曾研发过手机俄语词典，但受限于资金和用户数量，均未取得成功。近几年，千亿词霸在手机俄语词典中异军突起，装机量大幅增长。原因在于千亿词霸安装免费、快捷，同时具有网络例句和词库，能够基本满足学生的基本查词需求。这一词典目前的不足在于词条的编辑有待完善，专业性需要提高，没有词形变化表和重音标注。

通过对国内俄语电子词典现状的分析，我们总结出以下几点。

1) 互联网和IT技术的发展为俄语电子词典发展提供了前所未有的机会，俄语电子词典呈现多平台、多功能、多层次趋势。

2) 国内俄语电子词典发展仍处于开始阶段，在一些领域仍属空白，具有较大的发展空间。随着中俄关系的进一步深化，空白领域将会逐步填补。

3) 手机终端作为互联网的新锐势力，以其便携性、通用性和高性价比等优势，必将取代便携电子词典，成为新的电子词典载体。

参考文献

1. 葛敬民. 国内翻译软件的现状和发展方向[J]. 中国科技翻译，2000（1）
2. 黄时勋. 俄语电子词典及翻译软件的应用[J]. 解放军外语学院学报，1998（3）.
3. 贾欣岚，张健青.使用翻译软件的译前准备[J]. 中国科技翻译，2002（2）.

*Неволина А.А.,
Андрюшкова Н.А.*

Череповецкий государственный университет (Череповец)

**Анализ политического дискурса в материалах зарубежных СМИ,
посвященных политической и спортивной тематике**

Аннотация. Средства массовой информации являются одним из основных инструментов влияния на массовое сознание. С помощью целого набора выразительных языковых средств зарубежные издания формируют образ России для своей аудитории. В рамках данного исследования анализируются тексты посвященные кандидатам на пост президента РФ в 2018 году, материалы о российских спортсменах и допинговых скандалах, которые стали наиболее популярны в преддверии грядущих Зимних Олимпийских игр.

Ключевые слова: Средства массовой информации, политический дискурс, выборы президента 2018, Олимпийские игры, образ государства.

*A. Nevolina, N. Andrushkova
Cherepovets State University (Cherepovets)*

**Analysis of political discourse in the materials of foreign media devoted to
political and sports topics**

Abstract. The mass media are one of the basic instruments of influence on the mass consciousness. Foreign editions create the image of Russia for their audience with the help of different linguistic means. Publications covering presidential candidates in 2018 and also materials considering Russian sportsmen and doping scandals which are popular now on the threshold of the coming winter Olympics are analyzed in the context of this study.

Keywords: mass media, political discourse, 2018 presidential election, the Olympic Games, image of the state.

В последнее время политическая лингвистика стала самостоятельной областью исследования, и вопрос о существовании политического языка как отдельной единицы перестал быть дискуссионным. Само по себе понятие дискурса не имеет четкого определения и, по мнению многих исследователей, является объектом междисциплинарного исследования. Одним из исследовательских направлений дискурса является политология. Объектом нашего исследования является политический текст, посвященный определенным тематикам.

Ситуация на современном этапе международных отношений и новая информационная война в средствах массовой информации показывают на необходимость анализа политических текстов посвященных российской тематике в зарубежных СМИ с целью изучения использования одинаковых языковых единиц как средств пропаганды. В последний год одними из самых популярных являются материалы, посвященные российской

политической элите и ситуации вокруг скандалов с российскими спортсменами.

Тексты о спортивных скандалах так же как тексты о политических лидерах формируют определённый образ государства. Таким образом, материалы на спортивную тематику, которые должны нести лишь информационный или аналитический характер имеют негативную окраску и политический подтекст. Если говорить о содержании политического языка, это не специфический словарь или грамматические формы, а содержание передаваемой информации, обстоятельства при которых распространяется данный тип информации, её контекст и выполняемые функции.

Существует два признака данного типа текстов:

1. Содержательный признак политического характера текста – это отражение в тексте деятельности партий, органов государственной власти, различных структур общества.

2. Целевой признак политического характера текста – это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям [1, с. 7].

Политический язык – это не просто набор терминов, но и особый способ преподнесения материала в целом посредством определенных лексических единиц. Такие материалы оказывают сильное влияние на аудиторию. Политический дискурс может рассматриваться с нескольких точек зрения: политологической и филологической [2, с. 116–133], при этом во втором случае внимание будет обращено и на политическую составляющую. Исследование данного вида дискурса проводится на пересечении разных дисциплин и связано с анализом формы, задачи и содержания материала.

При исследовании текстов СМИ политического характера целесообразным является использование описательного метода анализа. Он предполагает рассмотрение языковых средств выразительности, используемых автором для навязывания читателю определённого мнения касательно политической ситуации. Такой метод актуален с учётом того, что основной функцией политического текста является именно функция воздействия. Языковые средства позволяют сформировать более яркий и запоминающийся образ государства или отдельной политической фигуры, тем самым ещё прочнее закрепляя его в сознании аудитории [3, с. 98].

Для анализа были взяты тексты европейских и американских изданий за период с 1 сентября по 5 ноября 2017 года на тему допинг – скандала с участием России и предстоящих выборов Президента РФ. [4] Стоит отметить, что на данный момент эти темы являются актуальными для обсуждения в зарубежных СМИ.

В представленных текстах на спортивную тематику формируется не только образ российской сборной, но и образ государства в целом. «Обман» и «непорядочность» спортсменов объясняются характером всей нации, в особенности её политической элитой. В статьях присутствует большое количество эпитетов. Сомнительные, уличающие образцы, вопиющие нарушения, масштабные и сложные обманы, безумная история, жульническая афера, величайший допинговый трюк, монументальное жульничество, бессовестное упущение, серьёзные нарушения, болезненное поражение – так описываются имеющиеся заслуги сборной РФ и её настоящее положение. При этом подчёркивается нарушение русскими всевозможных моральных норм, осуществляется их сравнение с преступниками. Можно также отметить частое использование авторами различных изданий прилагательного «грязный» («грязные медали», «грязные приёмы», «грязный мир допингового жульничества»). Всё это дополняет формируемое мнение о том, что Россия ведёт нечестную игру. В статьях о предстоящих выборах в России также часто используются эпитеты. Предполагаемого кандидата Ксению Собчак называют звёздной дочерью, безобидным врагом, подчёркивая несерьёзность подобной оппозиции действующей власти. Говоря о неизбежном переизбрании Владимира Путина, авторы представляют его как сильного лидера с жёстким стилем руководства, который подходит большинству россиян. Часто упоминается и переход Крыма в состав России, который описывают как циничное нарушение мирового порядка.

Для создания запоминающихся образов используется также метафора. В спортивных текстах российская политика – «кузница кадров команд», которая состоит из «кирпичиков пирамиды жульничества». Авторы представляют допинговый скандал не иначе как шоу и отмечают, что вместо многочисленных проверок и повторных расследований следовало давно «выбросить Россию за борт Олимпиады». Выборы в РФ в свою очередь называют сценой, за кулисами которой ведутся грязные игры, а также «схваткой бульдогов под кремлёвским ковром», намекая на непрозрачность политических процессов внутри страны. Подобно образам,

создаваемым в спортивных текстах, здесь также присутствуют ассоциации с преступным миром («если вы совершали серьёзные преступления, вы не сможете бросить своих сообщников на произвол судьбы» – из рассуждений о том, почему Владимир Путин будет переизбираться на новый срок). Перифраз также помогает создать красочные образы – к примеру, Олимпиаду с участием российской сборной называют «абракадаброй с пятью кольцами». Что касается политических личностей, Владимира Путина иронично называют «крутым парнем», а имидж Ксении Собчак – «имидж девушки лёгкого поведения».

Часто в представленных статьях на тему спорта встречается гипербола, использование которой в данном случае расширяет масштабы российского обмана в сознании читателей (из разоблачённых в применении допинга русских выстраивалась целая очередь). «Деньги текут рекой на строительство стадиона», «ответственные лица буквально утопают в супер оптимистических и смелых видениях будущего футбольного бума» – такие выражения встречаются в рассуждениях о подготовке к Чемпионату мира по футболу 2018 в России, подчёркивая её показной характер. Важную роль здесь играет и антитеза. Новые дорогие стадионы - «совершенно роскошные строения с ложами класса люкс», «арены, выглядящие легкими и воздушными» - авторы противопоставляют остальным местам России, которых не увидят иностранные гости спортивных мероприятий, где стоят «ржавеющие фабрики и советские дворцы культуры с отваливающейся штукатуркой». Используется в текстах и литота для выражения пренебрежительного отношения президента к проблеме допинга в стране («Путин минут примерно за 5 сочинил новый закон», «его высказывания по вопросам футбола можно пересчитать по пальцам одной руки»).

Среди стилистических фигур можно отметить лексические повторы, которые довольно часто встречаются в рассматриваемых текстах. Так в статье об отстранении от соревнований лыжника Александра Легкова данное средство придаёт драматичную окраску такого исхода для России («Приговор касается путинского парня на собственной путинской зимней Олимпиаде», «Он был не просто номером один. Он был особо избранным»). В рассуждениях о предстоящих выборах лексический повтор в риторическом вопросе подчёркивает невозможность их открытого характера на данный момент: «Что будет с Россией, если вдруг

президентская гонка следующего года станет открытой, по-настоящему открытой?».

Использование парцелляции также придаёт особое значение высказываниям. «Перед зимними Играми на родине для подзарядки российских лыжников не скупилась ни на что. И на мошенничество тоже» – с помощью данного средства здесь сделан акцент на вторую часть предложения, подчёркивается мошеннический характер российской сборной. В статье о политическом противостоянии кандидатов на пост президента парцелляция также используется для придания экспрессии, выражения необходимости перемен в России «Если Россия хочет выбраться из тупика, то выход у неё, помимо масштабных военных действий, – один. Это смена руководства».

Тропы и стилистические фигуры речи зачастую применяются в политических текстах с целью воздействия на сознание аудитории. Наглядным примером их использования являются публикации европейских и американских издательств, в которых на данный момент популярным объектом обсуждений является Россия, состояние её внутренней политики в свете предстоящих президентских выборов и участие в допинг-скандале. В условиях информационной войны одной из задач большинства зарубежных СМИ является формирование негативного образа России, в том числе представление российских политических деятелей и спортсменов как отрицательных персонажей. Лексические и стилистические языковые средства придают текстам экспрессивность, позволяют создать наиболее яркие и запоминающиеся образы и таким способом усиливают контроль над сознанием, навязывая читателям определённые политические убеждения.

Список литературы

1. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.
2. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2008.
3. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ СПб: СПбГУ, 2002, № 3. С. 98.
4. ИноСМИ.ру [Электронный ресурс] URL:<http://inosmi.ru/>

Низовцева Т.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Г.Т. Хухуни

Проблема определения понятия «реалия» и его развитие в языкознании

Аннотация. Данная статья посвящена изучению и рассмотрению такого понятия как «реалия». Настоящая статья раскрывает содержание понятия «реалия-слово» и «реалия-предмет», так же в данной статье описана проблема перевода реалий.

Ключевые слова: В реалия, культура языка, носитель языка, мышление, языковой фон, термин.

T. Nizovtseva

Moscow Region State University (Moscow)

The problem of defining the concept of a “culture-specific word” and its development in linguistics

Abstract. This work is aimed at analyzing and studying the concept of a ‘culture-specific word’. The paper considers the content of the concept of a ‘culture-specific word’ and ‘culture-specific object’. The problem of translation of culture-specific words is described.

Keywords: culture-specific word, language culture, native speaker, thinking, language background, term.

Культура каждого народа находит отражение в языке, и, если эта культура самобытна, то слова, ее выражающие, не менее самобытны и экзотичны с точки зрения переводоведения. Процесс перевода – это не просто механическая передача слов одного языка на другой, а перенесение особенностей культуры этого языка на другой. Многие слова в языке обладают коннотативным значением, которое лежит за гранью словарной статьи и включает в себя те чувства, эмоции и переживания, которые возникают только у носителя данного языка. Они отражают особенности культуры, быта и мышления, при передаче которых на другой язык возникают сложности. Слова, обладающие наибольшей коннотативной нагрузкой, – это реалии, которые в нашем исследовании будут рассматриваться с двух сторон: как реалия-предмет с одной и как реалия-слово – с другой. Проблема определения реалий освещалась в трудах многих ученых: В. Н. Комиссарова, Н. Н. Мироновой, Л. Л. Нелюбина, Б. И. Репина, А. В. Синявского, А. Д. Швейцера, А. Ф. Ширяева и других.

Реалия-предмет – это называющий элемент быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны,

чуждых другим народам и странам. Она является наиболее ярким выразителем колорита. Реалия-слово – это графический объект, передающий специфику звучания данного языка. Реалия-слово является языковым средством выражения своего референта, но предмет все же шире, чем слово. Реалия-слово – это всего лишь лингвистическая единица, а не обозначаемый объект. «Реалии-референты существуют не в языке, а в культуре его носителей. В языке же существуют названия реалий» [5, с. 402].

Для начала необходимо определить, что же такое реалия-слово. Реалия может рассматриваться как термин, имя собственное, отход от литературной нормы, иноязычное вкрапление и неязыковая действительность [1, с. 448].

1. Реалия – термин. Термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления, и с этой точки зрения можно отнести реалии к терминам. Однако, как уже было сказано ранее, реалии называют безэквивалентной лексикой, в то время как термины имеют языковое покрытие в языке перевода. Термины чаще всего используются в научной литературе, а реалии – в художественной. Еще одно отличие реалии от термина – это происхождение. Термины создаются искусственно, реалии же народные слова. Основной чертой термина является общеупотребительность, реалиям свойственна чуждость.

2. Реалия – имя собственное. Границы между реалиями и именами собственными достаточно зыбки. Можно лишь сказать, что реалиям, в отличие от имен собственных, присуще собственно значение, семантика. В данном исследовании мы относим имена собственные к реалиям, выделяя их как особую группу.

3. Реалия – отклонение от литературной нормы. Реалии могут встретиться среди диалектных слов, элементов сниженного стиля и других лексических отступлений (ломаная речь, детская речь, дефекты речи).

4. Реалия – иноязычное вкрапление. Иноязычное вкрапление – слово или выражение, данное автором на языке оригинала в исконном написании или с помощью транслитерации. К вкраплениям относятся иногда и слова, чуждые языку автора. С лингвистической точки зрения некоторые из иноязычных вкраплений можно было бы отнести к варваризмам. Все зависит от того, какой смысл в это слово вкладывает сам автор.

5. Реалия – внеязыковая действительность. Будучи самым тесным образом с нею связана, реалия называет лишь предметы и явления, но не может выразить целый отрезок времени. Весь языковой фон должен найти отражение в тексте перевода. Этот вопрос является самым сложным, но в то же время самым важным. Очень сложно выразить одним словом все особенности национального или временного колорита.

Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины [1, с. 451].

Само слово «реалия» - латинское прилагательное среднего рода множественного числа, превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное.

Разработкой данной проблемы в переводоведении в той или иной степени, с той или иной точки зрения касались и касаются все теоретики перевода, из нее черпали свои доводы сторонники непереводимости, их опровергали теоретики-реалисты, указывая и доказывая возможность передачи колорита путем отхода от перевода «буквы». Немало о «передаче национального своеобразия» подлинника, «народного духа» и «национальной специфики», о «чертах времени и места», о «сохранении стилистического своеобразия подлинника», о передаче текста «в его национальной одежде» писал и И. А. Кашкин [2, с. 556].

О реалиях, как о носителях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили лишь в начале 50-х годов. У Л. Н. Соболева находим не только употребление термина «реалия» в его современном понимании, но и достаточно выраженную дефиницию [5, с. 402].

О реалиях пишет также Г. В. Чернов, который однако, пользуется преимущественно названием «безэквивалентная лексика» [6, с. 223].

Очень серьезно, главным образом с лингвистической точки зрения, вопрос о реалиях ставится в статье А. Е. Супруна, рассматривающего их как «экзотическую» лексику. За несколько лет до этого В. М. Россельс, написавший позже статью «Реалия» в Краткой литературной энциклопедии намечает некоторые из основных черт реалий как переводческой категории: реалия – предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада у того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов; реалия – также слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно –

фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающее такие слова [4, с. 257].

Реалия как слово, обозначающее важное понятие теории перевода, к сожалению, не зафиксирована в первом такого рода словаре переводоведческих терминов А. Д. Швейцера. Тогда как в своем Толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбин понимает под реалиями «слова или выражения, обозначающие национально-специфические особенности жизни быта» [3, с. 320].

Таким образом, мы приходим к выводу, что многие слова в языке обладают коннотативным значением, которое лежит за гранью словарной статьи и включает в себя те чувства, эмоции и переживания, которые возникают только у носителя данного языка. Они отражают особенности культуры, быта и мышления, при передаче которых на другой язык возникают сложности. Слова, обладающие наибольшей коннотативной нагрузкой, являются реалиями.

Список литературы

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непере译имое в переводе. Изд. 3-е испр. и дополнен. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
2. Кашкин И. А. Для читателя-современника. М.: Сов. писатель, 1977. 556 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Изд. 3-е перераб. и дополнен. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
4. Россельс В. М. О передаче национальной формы в художественном переводе (Записки переводчика) // Дружба народов. 1971. № 5. 257 с.
5. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1952. 402 с.
6. Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Уч. записки МГПИИЯ. Т. XVI. М.: 1958. 223 с.

Никитина М.С.

*Национальный исследовательский технологический университет
«МИСиС» (Москва)*

Влияние ценностей на словарный состав чилийского варианта испанского языка

Аннотация. В данной статье автор анализирует влияние ценностей на словарный состав чилийского варианта испанского языка. Целью статьи является выявление определяющих для чилийцев ценностей и демонстрация их влияния на лексический состав чилийского варианта испанского языка. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что аксиолингвистический подход позволяет выделить ценностную категорию и показать, как она влияет и в частности обуславливает речь коммуникантов и выбор речевых средств. Материалом для анализа послужили примеры письменной и устной речи, такие как пословицы, статьи из периодических изданий и разговорная речь. Благодаря анализу изучаемого материала определена значимость ценностей традиции и культуры, и показано, в чем это проявляется.

Ключевые слова: ценность, речевое поведение, традиции, культура, чилийцы, язык, фразеологизм.

M. Nikitina

National University of Science and Technology MISIS (Moscow)

Influence of values on the words stock of the Chilean variant of the Spanish language

Abstract. The paper analyzes the influence of values on the words stock of the Chilean variant of the Spanish language. The purpose is the exposure of the main value categories and demonstration of its influence on the lexis of the Chilean variant of the Spanish language. The importance of the chosen topic is stipulated by the fact that the axiological-linguistic approach allows one to mark out a value category and to show how it influences and explains the speech of communicants and their choice of verbal means. The examples of oral and written speech such as proverbs, articles and colloquial speech are analyzed. Owing to the above-mentioned analysis, the significance of the values of traditions and culture is determined and their manifestation in the language is described.

Keywords: value, language behavior, tradition, culture, Chileans, language, phraseological unit.

Как известно, языковые уровни делятся на фонетический, морфологический, лексический и синтаксический. Если рассматривать языковые варианты испанского языка, то на лексическом уровне заметно больше всего различий. Это обосновано влиянием туземных языков в разных регионах, культурой и ценностным миром коренного населения. Язык является основным средством человеческой коммуникации, объектом культуры, «несущей исключительно мощный заряд. Никакое

другое средство не пронизывает так глубоко все человеческое общение и столь же преисполнено эмоциями» [1, с. 96; с. 184]. Поскольку каждой латиноамериканской стране присущи свои национальные, культурные и ценностные особенности, то это находит отражение и в национальных вариантах испанского языка [2]. Целью нашего исследования является выявление ключевых для чилийцев ценностей и демонстрация их влияния на лексику чилийского варианта испанского языка.

Как известно, жители Чили с уважением относятся к разным культурам и менталитету. Что касается их собственных традиций, для чилийцев они являются первостепенными и ценятся превыше всего. Свою культуру и традиции местные жители бережно охраняют от современно влияния, поскольку очень ими дорожат. Чилийцы довольно консервативны в плане обычаев и устоев, что сказывается на выборе речевых средств и объясняет происхождение определённых выражений [6]. Ценность традиции, включающая в себя уважение традиций, благочестие и принятие своего места в жизни, является одной из важнейших для чилийского народа, что находит отражение и в языке.

У чилийцев есть широко распространенное выражение “Vender la romada” (дословно продавать крем). Происхождение данной фразы непосредственно связано с историей. Много лет назад на территории Чили, как и во многих Латиноамериканских странах вели продажу странствующие торговцы. В качестве товара они предлагали кремы и мази плохого качества, а также сиропы и лекарственные отвары, которые не оказывали никакого лечебного эффекта. С тех пор пошло выражение “vender la romá” (дословно продавать флакон), что было синонимом выдумки, лжи. Со временем торговцы исчезли, но в устной речи закрепилось выражение “Vender la romada”, как напоминание о прошлых событиях. Данное словосочетание является аналогом русского фразеологизма «кот в мешке» и используется в речи, когда собеседник хочет вам выдать одно за другое или обмануть. Также оно обозначает намерение убедить в чем-либо собеседника путем ложных и претенциозных доводов, чтобы тот совершил какой-либо поступок ради чужой выгоды. Таким образом, мужчины порой убеждают женщин путем ложных высказываний, что у них в отношениях всё в порядке, и они являются им верными, хотя на самом деле всё обстоит совершенно иначе. Варианты данного выражения существуют в Испании и других странах Латинской Америки. В Испании эта фраза звучит как “vender la moto”

(продавать мотоцикл); в Аргентине “meter un verso” (сочинять сказки) или “chamuyar” (болтать); в Чили и Уругвае “engrupir” (склеить).

Рассмотрим несколько примеров использования данного выражения в речи:

“Sabe bien vender la pomada, por eso sus conocidos cuando empieza a disculparse o a inventar historias rebuscadas, lo dejan hablando solo” (Он умеет хорошо лгать, поэтому его знакомые, когда он начинает извиняться или сочинять небылицы, не слушают его).

В данном примере речь идет о человеке, который постоянно лжёт, и о его обмане знают все окружающие.

“Se divierte vendiendo la pomá a cuanto gil se le cruza –comentó el muchacho a sus amigos” (он развлекает всех небылицами, а когда дурачок перебросятся с ним парой слов, обсуждает его со своими друзьями).

Данный пример относится к тем случаям, когда один собеседник постоянно вводит в заблуждение другого.

“Le pueden vender la pomada fácilmente porque es una persona absolutamente crédula e inocente”. En este ejemplo, se usa con el sentido de alguien que es fácil de embaucar (они с лёгкостью ему лгут, поскольку этот человек абсолютно доверчивый и наивный).

На данном примере показано, как одному говорящему легко одурачить другого [6].

- A mí me dijeron que esta crema quita la celulitis y te afirma el poto.

(Мне сказали, что этот крем избавляет от целлюлита и укрепляет ягодицы)

- Weona, yo creo que te vendieron la pomá.

(Дурочка, я думаю, тебя обманули) [5].

Как мы можем заметить из всех вышеперечисленных примеров, говорящие посылают адресатам сигнал о том, что с ними нечестно обходятся. Диалоги и фразы построены на основе социальной нормы вежливости и уважения к собеседнику, желания предупредить его об опасности. Данная норма речевого поведения реализует ценность традиции, которую разделяют все участники речевого акта, что проявляется в их коммуникативном поведении и детерминирует выбор данного речевого средства.

У чилийцев есть выражение “ año de la cocoa ” (дословно эпоха какао или “más viejo que la ñausa ”(стародавний, допотопного века), которое обозначает когда что-то является старым. Оно также является проявление

ценности уважения и почитания традиций и связано с историческим аспектом. Согласно чилийскому историку Эухенио Перейра Салас, эпохой какао считается 1866 год, когда компания Weir Scott y Cia импортировала в Чили знаменитое Cocola Raff Peptonizada. Первое упоминание о какао в качестве чилинизма можно найти в работе чилийского историка Хосе Торибио Медина «Чилинизмы» 1928 года, где даётся следующее определение: “Polvo de cacao, que se toma diluído en agua o leche” (порошок какао, который разводят в воде или молоке).

Что касается аналогичного фразеологизма “más viejo que la ñauca” (стародавний, допотопного века), существовала версия, что оно якобы произошло от усечения слова Донья Уррака, королевы Леона и Кастилии XII века. Однако эта версия является мало правдоподобной, поскольку, во-первых, она не распространена в Испании, а, во-вторых, в Аргентине и Перу используется похожее выражение, но с термином “ñauca” (давно, раньше). Чилийский писатель и журналист Соробабель Родригес в своей работе «Чилинизмы» 1875 года излагает следующую мысль, что согласно Хуану де Арона, сейчас “ñaucas” является в Перу эквивалентом выражения «давно». Ещё один чилийский писатель Анибаль Эчеверрия и Рейес также упоминает данный термин в произведении “ Voces usadas en Chile ” (Голоса, звучащие в Чили) 1900 года, изменяя его на “ Ñauque ”. Данное слово является чилинизмом и соответствует по значению выражению “en tiempo de Maricastañas”(дословно в эпоху Марии Кастаньи), что также означает «очень давно, во времена каменного века». Хосе Торибио Медина также упоминает об этом в своей книге, при этом он смог дать объяснение использованию данного фразеологизма: «ÑAUCAS переводится с языка кечуа, как древний, таким образом, выражение “en tiempo de Ñaucas” затрагивает давно минувшую эпоху: “en tiempo de Maricastañas” (эпоху Марии Кастаньи)». В качестве примера историк приводит цитату: “Pero está Ud. hablando de hace un siglo!... dijo doña Irene; y nos quiere hacer creer que es del tiempo de ÑAUCO (sic,) más viejo que Matusalén” (Но вы это говорили давным-давно!... сказала госпожа Ирене; и вы хотите, чтобы мы думали, что было в каменном веке, так давно, слово во времена Мафусаила). Таким образом, кажется разумным, что если существуют похожие выражения в других латиноамериканских странах, которые используют термин "ñauca", что на языке кечуа означает «древний», то это могло послужить причиной возникновения данного чилийского выражения, которое со временем трансформировалось в “ñauca” [7].

Использование в современной речи данных синонимичных выражений свидетельствует о том, что для чилийцев ценность культуры и уважения традиций является очень важной. Жители Чили стараются сохранить в языке максимальное количество чилинизмов и хорошо осведомлены об их происхождении. Ценность уважения традиций и культуры детерминирует выбор речевых средств в ходе акта коммуникации и, таким образом, определяет их использование в речи собеседников.

По своему характеру чилийцы очень приветливы и дружелюбны. В Чили широко распространено традиционное рукопожатие, похлопывания по плечу и поцелуи в щёку между знакомыми. Среди малознакомых чилийцев не принято обращение на «ты» или по имени, однако среди молодёжи такое явление, напротив, широко распространено [8]. Одной из преобладающих ценностей для чилийцев является ценность дружбы и честности, что относится к ценностной категории щедрость. Данные ценности нашли своё отражение и в чилийском варианте испанского языка. Как известно, любому молодому поколению свойственно использование сленговых выражений. В качестве примера приведём одно из таких, отражающее ценность дружбы.

“Weón” является национальным выражением в Чили и происходит от слова “huevo” (яйцо). Обычно оно используется в разных контекстах и имеет различные значения. “Weón” может обозначать глупого человека, идиота, дурака и т.д. Однако если данное слово используется среди друзей, то оно переводится как друг, приятель и не несёт ничего обидного. В некоторых случаях оно может заменять такие местоимения, как ты, вы, мы, кто-то или никто.

-Weón, te quiero, la dura, weón (Приятель, я тебя так сильно люблю)

- Esa weona ta rica (Эта девушка такая прекрасная)

-¿Cachaste a ese weón que iba cruzando la calle? (Видел того парня, что переходил улицу?) [9].

- A mi me dijeron que esta crema quita la celulitis y te afirma el poto.

(Мне сказали, что этот крем избавляет от целлюлита и укрепляет ягодицы)

- Weona, yo creo que te vendieron la pomá.

(Подруга, я думаю, тебя обманули) [5].

Ещё одним примером дружеского обращения к собеседнику могут послужить фразы ¿qué onda? (Как дела? Что с тобой?) или “¿Como estai?”

(Как твои дела?). Следует обратить внимание, что в чилийском варианте испанского языка для обозначения «ты» во фразе используется окончание “i”, что указывает на неформальное обращение к собеседнику [3].

Также важно отметить, что у чилийцев есть особая национальная черта. Когда они общаются с собеседником напрямую, то в большинстве случаев они прибавляют к глаголам окончания “au” или “is”. Например:

Puedas = podai / ¿Puedes? = ¿podí?

Vas = vay / Vienes = venis

Tienes = teni

Caches = cachai

¿Estás? = ¿Estay?

Haces = hacis (“haci”)

K1: ¿Cómo estay? ¿Qué queris hacer hoy en la noche? (Как дела? Чем хочешь заняться сегодня вечером?)

K2: ¿Podí pincharme u vemos? (Можешь мне что-нибудь предложить и увидим) [5].

Как мы видим из диалога, собеседники обращаются друг к другу на «ты», обозначая данную форму обращения при помощи окончаний “au” и “is”. Таким образом, они демонстрируют в речи дружелюбное отношение к коммуниканту, что является отражением ценности «щедрость», которая подразумевает лояльность, честность, ответственность и истинную дружбу.

Ещё одной речевой особенностью, характерной для жителей Чили является использование в речи определённых глаголов для привлечения внимания собеседника. Данными глаголами являются “Cachar и Pescar”. Глагол “cachar” появился в ходе выпадения лексемы из неупотребляемого глагола “catar” (пробовать, ощущать, узнавать). Выражение “¿cachái?” широко распространено среди молодёжи и переводится как «видишь, понимаешь» [4].

– Yo cacho que hoy no llueve, el cielo se ve muy piola. (Я так понимаю, что дождя сегодня не будет, небо ясное)

– Cacha la mina pelolais. (Видишь, какая блондинка)

– No cacho ni una cuestión. (Я не понимаю ни единого вопроса)

-¿Captas lo que te estoy diciendo? ¿ Cachai? (Ты понимаешь, что я тебе говорю? Понимаешь?)

Глагол “pescar” служит для непосредственного привлечения внимания собеседника и переводится как «обратить внимание». Если

говорящий хочет добиться внимания коммуниканта, то он произносит фразу: “Pescame!!” (Смотри!). Если же собеседник, напротив, не хочет, чтобы его отвлекали, он, как правило, говорит: “¡No me pescai!” (Не беспокойте меня) или “¡No me estay pescando!” (Не отвлекай меня!) [5].

Ещё одной общеупотребительной формой речевого общения у чилийцев является частица “ро”, которую местные жители прибавляют к определённым словам. Поскольку вежливость и уважение к собеседнику играют большую роль для чилийцев, то в своей речи они стараются избегать категоричных форм ответа, как «да» или «нет». Слово “sí” (да) считается более официальным выражением, нежели “síro”, которое обозначает «очевидно да». Частица “ро” обычно добавляется к таким словам, как “ya” (уже), “bueno” (хорошо), “ahí vemos” (там посмотрим) и так далее. Идея употребления данной частицы заключается в том, чтобы в ходе коммуникации, собеседникам всё было ясно и понятно. Например:

K1: Bueno ro, ¿у nos vamos a juntar o no? (Хорошо, мы собираемся или нет?)

K2: Síro, nos vemos en tu casa a las 5. (Да, мы придём к тебе в пять) [5].

Как мы видим из диалога, коммуникант один задаёт коммуниканту 2 вопрос, на который хочет получить конкретный ответ. Во избежание формальной формы “sí” (да), собеседник использует выражение “síro”, которое понятно обоим участникам речевого акта. Таким образом, оба собеседника демонстрирует в речи ценность уважение и честность, что проявляется в выборе их речевых средств и влияет на успешность коммуникативного акта.

Из анализа приведённых выше примеров, можно заключить, что ценности уважение традиций и культуры, дружбы и щедрости являются одними из определяющих и значимых для чилийцев, что находит отражение в их речи, определяет речевое поведение партнеров по общению и объясняет происхождение фразеологизмов. Они активно используются в устной и письменной речи, из чего можно сделать вывод, что, ценности детерминируют использование рассмотренных выражений в ходе акта коммуникации и прямым образом влияют на словарный состав чилийского варианта испанского языка.

Список литературы

1. Прусаускас А. А. Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000. 400с.

2. Синицина А. М. Роль уменьшительно-ласкательных суффиксов в национальных вариантах испанского языка Перу и Боливии // Вестник РУДН, Сер. Лингвистика, 2013, № 2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18971627>(Дата доступа: 23.08.16).

3. blog.ailolalatio.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://blog.ailolalatio.com/en/2012/07/14/top-10-best-chilean-phrases-for-the-young-traveler-to-know/>(Дата доступа: 17.07.17).

4. es.wikipedia.org [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/Espa%C3%B1ol_chileno(Дата доступа: 17.07.17).

5. matadornetwork.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://matadornetwork.com/es/expresiones-esenciales-que-tienes-que-dominar-antes-de-visitar-chile/>(Дата доступа: 25.08.17).

6. [orangesmile.com](http://www.orangesmile.com) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.orangesmile.com/destinations/santiago/traditions--901202.htm>(Дата доступа: 28.10.16).

7. palabradechile.blogspot.ru[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://palabradechile.blogspot.ru/2012/11/la-nauca-y-la-cocoa.html>(Дата доступа: 10.08.17).

8. [rusexporter.ru](http://www.rusexporter.ru) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusexporter.ru/business-etiquette/531/>(Дата доступа: 08.12.16).

9. [taringa.net](http://www.taringa.net) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.taringa.net/posts/offtopic/6150026/Significado-De-Weon-chilenismo-Pedido.html>(Дата доступа: 28.10.16).

Николаев И.В.

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону)

Ключевые вербальные символы официального политического дискурса: опыт классификации

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления ключевых понятийных символов, содержащихся в официальном политическом дискурсе российской власти постсоветского периода. С помощью количественного анализа текстов посланий президента РФ Федеральному Собранию были определены основные группы вербальных символов, а также исследованы жизненные циклы отдельных значимых лексических форм, таких как «государство», «власть», «конституция», «регион» и т.п.

Ключевые слова: официальный дискурс, дискурс власти, вербальный политический символ, классификация.

Key verbal symbols of official political discourse: the experience of classification

Abstract. An attempt is made to identify key conceptual symbols contained in official political discourse of Russian authorities of the post-soviet period. The main groups of verbal symbols are determined through a quantitative analysis of texts of the President's messages to the Russian Federal Assembly. Symbol's "life cycles" of some important lexical forms (such as "state", "government", "Constitution", "region") are studied.

Keywords: official political discourse, discourse of authority, verbal political symbol, classification.

Деятельность субъектов верховной власти в России постсоветского периода характеризуется практикой формирования совокупности политических, культурных и экономических терминов, значимость которых превышает рациональные потребности в уровне употребления этих лексем. Подобные коммуникативные элементы представляются особым типом политического символа, исходным материалом для которого является вербальная единица. В самом общем виде под вербальным политическим символом мы понимаем слова и устоявшиеся словосочетания, имеющие «внешне нейтральное наполнение, с одной стороны, и аксиологически мотивированное содержание – с другой» [2, с. 67]. Вербальный символ, попадая в пространство массового пользования из уст авторитетного политического субъекта (президента, премьер-министра, лидера партии и т.п.), утрачивает свое исходное значение и получает новые семантические элементы содержания в зависимости от политической ситуации. Влияние подобных слов обеспечивается за счет их частого использования, эмоциональной насыщенности, ориентации на бессознательное, нерефлексивное восприятие, взаимосвязи с политическими мифами и иными символическими структурами [См.: 3].

Для выявления и классификации вербальных политических символов в официальном дискурсе власти был предпринят количественный анализ, позволяющий определить круг наиболее популярных терминов, присутствующих в информационном потоке. Выборка тестов включала в себя тексты Посланий Президента Федеральному Собранию РФ за весь период существования этой формы коммуникации законодательной власти и «гаранта Конституции» с 1994 по 2016 год. С помощью программы контент-анализа были выявлены наиболее повторяющиеся вербальные единицы, среди которых выделены 25, занимающие первые места

рейтинга, в каждом из текстов посланий. Двойственность политического символа – конвенциональность и устойчивость значений, сочетающаяся со свободой в интерпретации и дешифровке» [3, с. 21] – позволяет говорить о символическом статусе большинства концептуализированных слов. Совокупность часто используемых понятий была разделена на группы, сопоставление значимости которых в разных текстах позволяет локализовать послание в идеологическом спектре и выявить его специфику. Охарактеризуем каждую группу, пояснив некоторые словоформы.

Группа терминов государственного субъекта объединяет понятия «Россия», «Российская Федерация», «государство», «федерация», «власть», «регион» и др. Главным критерием объединения их в одну совокупность является их неразрывная семантическая связь с государством как актором политических отношений. Президент выступает от лица официальной государственной власти, а, следовательно, и обличен ответственностью за коллективную позицию. Эта группа вербальных символов является наиболее значимой в количественном исчислении во всех текстах Посланий ввиду своей инструментальной задачи в политическом дискурсе. Однако в отдельных случаях снижение или повышение количества использования определенных терминов является показателем самопозиционирования официальной власти и отношения к стране/государству как реципиенту официального дискурса.

В частности, показательным является пример термина «регион», присутствовавшего в списке часто используемых вербальных символов на протяжении всего исследуемого периода, однако ставшего одним из основных в Посланиях 2012–2016 гг. Изменение статуса термина демонстрирует смещение акцентов официального дискурса с деятельности на федеральном уровне на деятельность региональную. Развитие регионов становится лейтмотивом текстов, что говорит о возвращении федеративной идеи в область официального дискурса. Не менее примечательна ситуация с термином «власть», которое с 1994 доминирует в вопросах обозначения действующего государственного субъекта, но резко теряет свое значение в текстах третьего президентского срока В.В. Путина, демонстрируя отход от образа государственной власти как ключевого субъекта и соответственно снятие символической ответственности за ситуацию в государстве, что представляется вполне

рациональным поведением в условиях усугубления экономического состояния и ужесточения политического режима.

Группа вербальных символов деятельности включает термины, отражающие основные формы воздействия ключевых субъектов на объекты властных отношений. Среди прочего это такие понятия, как «поддержка», «реформа», «помощь», «укрепление», «контроль», «управление» и др., демонстрирующие способы реализации политической власти и характеризующие не только идеологическую позицию текста, но и политический режим, сложившийся в государстве. Активное использование понятия «поддержка» отсылает реципиента к образу правителя-отца, помогающего и поддерживающего нуждающихся. Указанный вербальный символ активно использовался в первые годы после принятия Конституции, что обосновывается необходимостью вмешательства государства в социально-экономическую сферу для поддержания целостности общественной структуры. Однако после 1995 года этот концепт утрачивает значимость, возрождаясь только в 2007 году, чтобы уже не уходить из списка ключевых вербальных символов, только укрепляясь с каждым новым посланием президента. Иная закономерность прослеживается в отношении либерального понятия «реформа», занимающего ключевое место в дискурсе первого президента в посланиях 1995–1999 гг. Однако в последующие годы жизненный цикл символа угасает со сменой политической стратегии нового руководителя.

Группа экономических терминов включает в себя как макроэкономические понятия, так и вербальные символы, связанные с официальной оценкой экономического состояния в стране. Традиционно принято считать, что активное обсуждение экономики демонстрирует либеральную позицию субъекта. Однако это убеждение требует пояснения. Так, если в посланиях 90-х годов эта закономерность имеет место быть и доминирование базовых экономических терминов («бюджет», «инвестиция», «инфляция», «предприятие», «производство», «промышленность» и т.п.) подкрепляется популярностью понятия «рынок», то в дальнейшем отсылка к типу экономической системы пропадает, замещаясь вариациями непосредственного воздействия на конкретные экономические проблемы. «Рынок» в дискурсе 2000-х годов теряет свое символическое значение, вслед за переоценкой опыта экономических реформ 90-х годов.

Группа вербальных символов правового регулирования, к которой были отнесены «Конституция», «закон», «право», «суд», «законодательство», «кодекс» и т.п., немногочисленна, но крайне важна ввиду высокого уровня популярности в дискурсе посланий. Большинство указанных терминов попадали в список наиболее употребляемых. Однако динамика использования понятия «Конституция» заслуживает пояснения. Абсолютно логичным на фоне недавно проведенного голосования по вопросу принятия основного закона и введения его в действие является популярность этого символа в посланиях 1994–1996 гг., как и средние значения частоты использования в последующих ельцинских посланиях. Однако в период правления В. В. Путина и Д. А. Медведева понятие «конституция» утрачивает свое значение в речи, проявляясь только в связи с изменениями конституционных норм (увеличение сроков полномочий Президента и Государственной Думы в 2008 г., объединение Верховного и Высшего Арбитражного судов в 2013 г.) или торжественными событиями 20-летия Конституции в 2013 г. Блок вербальных символов правового регулирования демонстрирует нисходящую тенденцию, постепенно нивелируясь на фоне нарастающего влияния символов, связанных с проблемами безопасности.

Группа символов безопасности имеет место быть практически во всех текстах посланий, что говорит об охранительном стиле политического управления. К терминам безопасности помимо базового понятия отнесены: «война», «армия», «вооружение», «угроза» и др. Понятие «терроризм», к примеру, при всем остром переживании террористической опасности в течение всего периода существования независимой России становится часто используемым в дискурсе посланий только в 2015 году на фоне не внутрироссийских проблем, а внешнеполитических, в частности операции в Сирии. Большинство понятий, связанных с безопасностью, нашли самое яркое отражение в посланиях 2003 и 2006 годов, внимание в которых было уделено определению национальных угроз и реформированию вооруженных сил России.

Группа символов демократизации и развития гражданского общества объединяет понятия, большинство которых имеют весомое значение в посланиях эпизодически. Однако понятие «гражданин» при учете его амбивалентного значения (наличия и прав, и обязанностей перед государством) присутствует во всех текстах в качестве одного из часто употребляемых. Исключением является послание 1998 года, в котором

проблемы отдельного гражданина были отодвинуты на второй план экономическими темами. Термин «демократия», как и сопряженные с ним «свобода» и «ценность», ярко проявляются только в Посланиях 2005 и 2008 года, четко акцентирующих и наполняющих эти понятия аксиологическим содержанием.

Группа терминов социальной политики, отражающая патерналистские наклонности официальной позиции, включает в себя ряд понятий, направленных на поддержку отдельного гражданина и организаций непосредственно работающих с ним («школа», «медицина», «пенсия», «жилье», «вуз», «семья»). Данная группа вербальных символов используется в каждом послании, однако мы можем заметить некоторое снижение популярности этой темы в 1999 году и в первые годы правления В. В. Путина. Однако говорить о резких изменениях значимости этой группы не стоит. В большинстве текстов Посланий социальная проблематика рассматривается подробно и напрямую, что соответствует идеям социального государства.

Наконец, в результате анализа были выявлены вербальные символы не подвергающиеся классификации. В частности, это ряд метатекстовых понятий («кризис», «инновация», «приоритет», «возможность», «партнерство» и т.п.). Определение их в указанные группы нарушит их семантическую специфику, так как эти термины относятся к различным сферам жизни общества и естественны для политического дискурса. Однако учитывая количественные показатели их использования, мы можем говорить о том, что эти символы вовлечены в идентификационную модель идеологической позиции официальной власти. Тоже мы можем говорить и о группе понятий относящихся к истории, куда включены помимо родового понятия «история», еще и «Отечественная война» как основной элемент коллективной памяти, и «Крым» как квинтэссенция ключевого события последних лет, а не просто географическое понятие. Последняя группа активно используется в Послании 1996 года, где обосновывает потребность в «историческом понимании происходящего, в обретении чувства исторической ответственности за судьбу страны» [4], а также в посланиях периода третьего президентского срока В. В. Путина, когда история становится уже символическим ресурсом обоснования политической деятельности.

Подводя итоги, следует заметить, что предпринятая классификация вербальных политических символов не является самоцелью, а выступает

только этапом исследования понятийной символики официального дискурса, требующего выявить соотношения тематических групп между собой, их внутреннюю структуру, а также специфику ситуативного использования ключевых символов.

Список литературы

1. Бабайцев А. В. Подходы к определению понятия «политический символ» // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. Вып. 2. М., 2014. 382 с. С. 18–24.
2. Мухарямов Н. М. О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Малинова О. Ю. Вып. 1. М., 2012. 334 с. С. 54–74.
3. Николаев И. В. Понятие и конструктивистские свойства вербальных политических символов // Философия права. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 34–39.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ. 1996 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=212270#>.

Николаева Н.Д.

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону)*

Проблема «Восток-Запад» в первой половине XIII в.: освещение в современной российской историографии

Аннотация. Статья посвящена представлению в современной отечественной историографии проблеме взаимоотношений западнохристианского и восточнохристианского миров в период Четвертого крестового похода. Анализ данной проблемы производится при помощи метода анализа структуры текста Р. М. Блакара.

Ключевые слова: Запад, Восток, образ, анализ структуры текста.

N. Nikolaeva

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

The East-West problem in the first half of the 13th century: coverage in modern Russian historiography

Abstract. The paper considers the issue of the relationship between Western and Eastern Christian worlds during the period of the Fourth crusade in modern Russian historiography. The analysis of this problem is based on the method of analyzing the structure of the text which was proposed by R. M. Blakar.

Keywords: West, East, image, analysis of the structure of the text.

Христианство имело колоссальное значение не только для европейских стран эпохи Средневековья; как явление социальное [5, с. 123] любая религия наделена серьезным смыслом и в настоящее время. Исследователи подчеркивают возрастающую значимость религии в современном обществе, «этически корректное использование которой, может принести положительное содержание в решение многих проблем XXI в.» [11, с. 118]. Однако налицо тенденция к чрезмерной политизации истории в целом и истории религии в частности. Визит В. В. Путина на Афон в 2016 г. СМИ наделили чуть ли не сакральным смыслом, связав с концепцией Третьего Рима. В том же 2016 году появилась целая плеяда околонучных и популярных статей об исторической взаимосвязи России и Турции, представленной общим византийским прошлым. Наконец, тенденция к политизации истории начала проявляться и в научных текстах. В 2016 г. в свет выходит коллективная монография под названием «Россия как государство – цивилизация: высшие цели и альтернативы развития» [10]. Красной нитью через всю монографию идет тезис о том, что Россия отлична от Запада и имеет свой великий исторический путь развития, связанный с Византией. Звучат идеи по созданию неовизантийской политики и неовизантийского консерватизма [9, с. 151] во главе этого процесса авторы видят Россию, как сильное государство. Вспомним 800-летнюю годовщину Четвертого крестового похода – резонанс, вызванный публичными «извинениями» Католической церкви перед церковью Православной. То есть актуальность проблемы «Восток-Запад», под которой подразумевается дихотомия между западнохристианским и восточнохристианским мирами, транслируемая в историографии и современном публичном дискурсе, не подвергается сомнению. Поясним также, что под Востоком представлена Россия как страна, связанная со средневековым Константинополем. Под Западом – западноевропейские, латинохристианские страны. Очевидно, что повышенное внимание к проблеме «Восток-Запад» обусловлено непростыми отношениями между странами Западной Европы и Россией сегодня, с поисками Россией своего собственного пути развития, ориентации и самоидентификации.

В рамках проблемы «Восток-Запад» особо выделяется 1204 год как водораздел между восточнохристианским и западнохристианским миром. Четвертый крестовый поход западнохристианских воинов-крестоносцев, приведший к падению центра восточнохристианского мира, Византийской державы, и способствовавший образованию на ее территории Латинской

империи и ряда независимых греческих государств, считается временем перехода Рубикона. Эта идея транслируется как популистскими работами, так и научной историографией. Однако ввиду вышеозначенной политизации истории можно говорить о клишированности представлений об этом событии и, безусловно, о тесной взаимосвязи путей представления ситуации 1204 года с политическими нюансами современной России.

Таким образом, гипотеза нашего исследования состоит в том, что современная отечественная историография, касающаяся взаимоотношений Запада и Востока в начале XIII в., клиширована и взаимосвязана с нюансами геополитики. Целью исследования является воссоздание образа Запада и образа Востока в современной отечественной историографии и, соответственно, выявление исторических клише относительно событий 1204 г.

Хронологические рамки работы охватывают постсоветский период, что, по нашему мнению, соответствует понятию «современная отечественная историография» ввиду ее освобождения от марксистско-ленинской концепции и, как следствие, начала нового этапа в исторической науке.

В рамках исследования был применен метод анализа структуры текста, предложенный Р. М. Блакаром. Исследователь замечает, что действительность постигается через язык, осознается, а также «наследуется» от поколения к поколению [3, с. 89]. Мы живем и действуем внутри «мира языка». И от того, как мы подбираем слова и выражения, зависит восприятие реципиентом информации. Языковая система не является нейтральной, и то, как она представляет определенную точку зрения, несомненно, важно. То есть мы, работая с историографией Четвертого крестового похода, постараемся выделить те слова и выражения, посредством которых происходит восприятие информации реципиентом, проследить меняется ли набор подобных слов в указанных выше хронологических рамках и обозначить на основе выделенных нами категорий слов исторические клише относительно событий 1204 года.

В качестве объекта исследования выступает образ Запада и образ Востока в современной отечественной историографии. В качестве предмета – специфические особенности и трансформации вышеозначенных образов.

Перейдем непосредственно к анализу работ. Нами были подобраны исследования, на наш взгляд, наиболее полно отражающие образ «Запада»

и образ «Востока». Анализ будет производиться в соответствии с хронологией.

Отметим, что в 1990- гг. трудов, отражающих вышеописанную проблематику, нами обнаружено не было. 2000-е гг. – время, появления работ, касающихся взаимоотношений Востока и Запада, Византии и Рима.

В монографии С. П. Карпова «Латинская Романия» [7] затронут вопрос о 1204 г. и представлены определенные характеристики «Запада» и «Востока», в связи с чем данная монография включена в анализ. Слова, употребляемые относительно Востока характеризуются двояко. Первое – это представление 1204 года как времени краха византийской государственности: «трагические события», «катастрофа, неожиданная для многих современников» [7, 8]. Второе – это представление казуса 1204 года как события закономерного: крах Византии был результатом «длительного процесса децентрализации» [7, 8]. Что касается концепта «Запад»: он представлен как тандем в лице венецианцев и рыцарей-крестоносцев, подписавших договор о разделе византийских земель, оформив, тем самым, «юридическое обоснование будущим территориальным захватам» [7, 8].

Итак, Запад – прагматичен. Восток – жертва собственных обстоятельств

2002 г. – время появления работы «Четвертый крестовый поход (1198–1204 гг.)» В. Асмуса [1]. Это речь, произнесенная на годовичном праздничном акте Московской духовной академии и впоследствии опубликованная в журнале, являющимся научным изданием и претендующим на включение в список ВАК. Именно по вышеназванной причине и по причине непосредственного отношения к нашей тематике мы включили данную работу в анализ. Основной лейтмотив статьи – 800-летие IV Крестового похода, что предполагает характеристику обоих концептов – «Запада» и «Востока». Запад делится автором на несколько составляющих. Отдельным фронтом выступают рыцари-крестоносцы, характеристика которых не несет в себе негативных коннотаций. Так причины, побудившие воинов отправиться в IV Крестовый поход, прописаны при помощи таких слов, как «искренний религиозный энтузиазм», «рыцарственные приключения», «жажда завоеваний», «идеальные побуждения». Другой фронт – Католическая Церковь, где присутствуют негативные ноты: она «направляла» и «воодушевляла» движение и имела «собственный политический интерес». Более

негативным фронтом выступает набор слов, связанных с личностью непосредственно Папы Римского, Иннокентия III: «ощутимые политические успехи», «воспользовался [плодами завоевания Константинополя]», «провозгласил себя наместником Бога на земле», «доминировал», «взирал [на Восток]». Третий, негативно окрашенный фронт – это Венеция. В контексте описания влияния Венеции на события используются следующие слова и выражения: «антиправославная, антивизантийская пропаганда», «бесстыдный политик [Энрико Дондоло]», «главная виновница [отклонения от намеченного курса]», «круговая порука преступления». Также отметим, что В. Асмус использует обобщающее понятие «Запад», наделяя его следующими характеристиками: «католический», «огульно обвиняющий [Византию] в неудачах крестовых походов». Восток, в отличие от Запада, представлен в речи единым фронтом. Сразу же отметим, что образ Востока характеризуется словом «христианский», в то время, как Запад, назван «католическим». То есть Восток (Византия) представляет собой истинную веру, достойную называться «христианской», а Запад – нет. Также Восток характеризуется такими словами, как «упадок», «кабала [к которой ее принудила Венеция]», «обнищание», но при этом – «столица христианского мира», «мировая культура».

Итак, образ Запада: разношерстный, агрессивный и алчущий со стороны религиозных институтов, прагматичный и лидирующий со стороны Венеции. Образ Востока: обедневший, забитый, но религиозно символический.

Вышедшая практически на рубеже веков монография С. А. Иванова «Византийское миссионерство: можно ли из варвара сделать христианина?» [6] посвящена миссионерской деятельности Византии, что предполагает обширное представление концепта «Восток». Однако в книге по подобной тематике не затронут концепт «Запад». Запад здесь представлен опосредованно, но меседж автора считывается довольно легко: негативный Запад – антипод светлого Востока. Эта идея транслируется посредством таких словосочетаний, как: «расчленение Империи [Византии] крестоносцами», «катастрофа 1204 года», «оказавшийся на краю гибели Константинополь», «развалины Византии». Концепт «Восток» наполняется содержанием посредством нескольких категорий выражений. Первая категория – это представление Византии как великой страны – миссионера вне зависимости от обстоятельств (имеются

в виду события 1204 года). Эта категория характеризуется такими языковыми единицами, как «отсутствие политической поддержки», «утрата религиозной монополии». Но при этом делается акцент на продолжении Византией своего дела при помощи следующих единиц: миссионерская работа после 1204 года «велась», катастрофа 1204 года «не означала прекращения византийской миссии» [6, с. 262], после IV крестового похода Константинополь «продолжал поддерживать отношения с христианскими странами» [6, с. 264]. Вторая категория – это представление Византии не только как центра христианского мира, но и как его символа. Данные характеристики осуществляются при помощи следующих слов: «религиозная окрашенность империализма в Византии», «им-перский характер религиозной политики», но при этом – «символическое господство в православном мире» и поддержание связей с христианскими странами даже после 1204 года «не было чисто политическим расчетом».

Итак, образ Запада состоит из противопоставления Востоку. Образ Востока – из жертвенности Византии и ее символичности.

Обратимся к монографии А.В. Бармина «Полемика и схизма»[2]. Эта работа посвящена взаимоотношениям между западнохристианским и восточнохристианским миром. «Восток» представлен в работе автора как активный, но тактичный актер. Так император Алексей III, полемизируя с Римом, «усмотрел [во взятии Иерусалима наказание за грехи]», «объяснил и обосновал [неучастие Византии в этом]», «выразил мнение [о Римском престоле]». Патриарх Иоанн X «полагает [что Римская Церковь не мать Церквей]». То есть в случае Византии используются глаголы, отсылающие к авторитету власти, носящие мирный характер. Относительно Запада используются иные глаголы: Папа Римский «заявил [о причинах недовольства]», «призвал [византийского императора помочь крестоносцам]». То есть в данном случае мы имеем дело с глаголами, отсылающими к авторитету силы.

Так, Запад в данной монографии – жесткий, представленный Римским Папой, борющимся за религиозное первенство. Восток – мягкий, но не менее амбициозный.

В 2010 г. выходит в свет книга А. А. Доманина «Крестовые походы. Под сенью креста» [4]. Концепт «Запада» и «Востока» представлены в данном издании достаточно широко ввиду необходимости рассматривать в рамках данной проблемы как сторону Византии, так и сторону Рима. Образ

Запада складывается посредством нескольких тематических наборов слов: религиозного, идеологического, этического. Религиозный набор включает в себя следующие слова: «проклятие», «Бог», «судьба», «Церковь», «святость», «католичество», «грех», «враги католической веры», «святое дело», «именем папы Римского». Идеологический набор – это разграничение, которое проводит автор внутри Западного мира – есть Запад сугубо религиозный и фанатичный, который характеризуется словами, приведенными выше, а есть – прагматичный и меркантильный, и он представлен Венецией. Приведем несколько примеров: «хитрость», «деньги», «[венецианский дож Энрико Дандоло] взял крестоносных вождей за горло», «долг», «обман [пилигримы чувствовали себя обманутыми]». Третий набор слов – этический. Он выделяется в заключении главы, где автор пишет о негативных последствиях IV крестового похода, о трансформации мышления воинов Христа. А. А. Доманин применяет к ним следующие слова: «жажда наживы», «захваченная добыча и земли», «разрушение духа святого паломничества». Относительно Востока А. А. Доманин применяет следующие языковые единицы: «авторитет упал», «слабость», «развал», «раскол», «балансирование», «казна пуста», «безуспешно». То есть Восток представлен автором как находящийся на краю гибели, но вина не полностью возложена на Запад.

Итак, образ Запада: неоднородный, разделенный на две части (Венецию и сугубо католический мир), фанатичный, религиозный и прагматичный, ведомый и ведущий, трансформирующийся под воздействием обстоятельств. Образ Востока – бедственный, слабый, разобщенный, конфликтный.

2011 год – время появления статьи А. В. Майорова «Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века» [8]. Это исследование посвящено интересующему нас периоду истории. Образ Византии представлен при помощи следующих слов: «тяжкие испытания», «единственный союзник [галицко-волынский князь]», «перестало существовать [византийское Содружество наций]». Образ Запада представлен в данной статье при описании бедственного положения Византии: ей «угрожал [император Генрих VI]», на ее территории «претендовали [венецианцы]», было «противостояние с Римским Папой Иннокентием III». Для сравнения: далее автор пишет о том, что на Востоке Византия вела тяжелую войну с Иконийским султанатом, начатую «ввиду

необдуманных внешнеполитических действий Алексея III»[8, с. 167]. Заметим, что в последнем предложении отсутствуют конфронтационные глаголы, в отличие от характеристики Запада.

Итак, Восток – бедственный, атакуемый, слабый. Запад – агрессивный.

В 2015 году опубликована статья А. Г. Смирнова «Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода» [10]. Слова и выражения, характеризующие образ Запада, можно разделить на несколько категорий: дифференцирования, религиозную и этоса рыцарей-крестоносцев. Первая категория представляет собой деление Запада не только на венецианцев и сугубо «папский» регион, но и внутреннее деление последнего на сословия, где рыцарство занимает почетное место. Проиллюстрируем на примерах: «трехчастная дифференциация», «привилегированное воинское сословие», «горожане-венецианцы», «сословная рознь», «пренебрежительное отношение [рыцарей к простолюдинам]». Вторая категория представлена такими языковыми единицами, как «евангельская заповедь», «единоверцы», «межконфессиональная неприязнь». Третья категория состоит из слов, характеризующих этос рыцарей и, тем самым, оправдывающих их мотивации к действию: «идея долга», «обязательства», «обычай разграбления города».

То есть образ Запада охарактеризован следующими чертами: неоднородный, но объединившийся против «греков-схизматиков», религиозный, но не сугубо фанатичный ввиду существования категорий этоса воинов-рыцарей, не всегда совпадающей с нормами христианской морали.

Сделав небольшой обзор отечественной историографии, касающийся проблемы «Восток-Запад» в первой половине XIII в., резюмируем.

Расположение анализируемого материала в хронологическом порядке дало определенную картину трансформации наборов языковых единиц, при помощи которых характеризуют концепт «Запад» и концепт «Восток».

Очевидно, что, начиная с 2002 г., к словам, представляющим Византию, как жертву, прибавляются выражения о святости и символичности Востока. А к характеристике Запада, помимо прагматики, прибавляются слова, представляющие его, как агрессивный, алчущий и жестокий. На наш взгляд, это связано с публичными «извинениями» Папы

Иоанна Павла II за разрушение Константинополя. Произошел «слом парадигмы»: извинения предполагают неправоту, соответственно, Запад виноват в произошедшем, отсюда появление слов-агрессоров. Также, это дало право считать Византию жертвой. Идея жертвенности, в свою очередь, присутствует в христианстве, что и дало толчок к появлению символических черт в характеристике концепта «Восток».

После 2008 г. появляются новые черты. Запад все активнее представляется как неоднородный, разделенный на несколько частей. Заметим также, несмотря на то, что Венеция в это время формально находится под властью Византии, она вписана в концепт «Запад». В это же время концепт «Восток» по-прежнему включает такие характеристики, как слабость, разобщенность, обеднение, жертва (собственных обстоятельств и нападков с Запада, на последнем делается больший акцент). На наш взгляд, это связано с тенденцией, которая в полной мере была отражена в фильме Тихона Шевкунова «Гибель империи: византийский урок». Это тенденция постепенного дистанцирования России от Запада, но, в то же время, признания неоднородности Западного мира и выделения непосредственных антиподов и относительно лояльных субъектов мировой политики.

Заметим, что в статье 2015 г. делается акцент не на внутренних различиях концепта «Запад», а на его способности объединиться против Востока. Однако говорить о тенденции мы не можем ввиду того, что данная трансформация отмечена лишь в рамках одной статьи.

Далее, отметим, что на основе проведенного анализа можно выделить ряд исторических клише, присутствующих в современной отечественной историографии. Клише первое: Византия – жертва Четвертого крестового похода. Даже если в анализируемых работах акцент делался на внутренних противоречиях Византии, Запад выступал как катализатор развала страны. Второе клише: Запад – антипод Востока. Противостояние в рассматриваемых текстах присутствует: религиозное, политическое, экономическое. То есть исследования отнюдь не свободны от клише, и требуют тщательного анализа и пересмотра на уровне уже источниковедческого исследования.

Список литературы

1. Асмус В. Четвертый крестовый поход (1198–1204 гг.)// Богословский вестник. М., 2003. Т. 3. С. 237–247.
2. Бармин А. В. Poleмика и схизма. М., 2006. 648 с.

3. Блакар Р. М. Язык как средство социальной власти// Язык и моделирование социальных взаимодействий: Сб. ст. / Составление В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. 462 с.
4. Доманин А. Крестовые походы. Под сенью креста. М., 2010. 431 с.
5. Дроботушенко Е. В. Влияние православия на общество в современной России // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. Чита, 2011. С. 123.
6. Иванов С. В. Византийское миссионерство: можно ли из варвара сделать христианина? М., 2003. 376 с.
7. Карпов С. П. Латинская Романия. М., 2000. 256 с.
8. Майоров А. В. Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века // Русские древности . М., 2011. С. 164–181.
9. Россия как государство-цивилизация: общие цели и альтернативы развития/Отв. Ред. В. Н. Расторгуев и др./М., 2016. 400 с.
10. Смирнов А. Г. Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода//Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М., 2015. С. 37–47.
11. Чистякова О. В. Насилие и религия как социальные феномены современности// Вестник РУДН, Сер. Философия, 2015, № 1. С. 118.

Никонова Е.А.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Синтаксические стилистические средства реализации модальности в политическом эссе

Аннотация. Эссе – литературный жанр, объединяющий в себе как черты газетного, так и публицистического стилей, по средствам которого автор освещает какую-либо проблему или ситуацию, а также передает свои собственные отношения и чувства к ней. При этом характерные черты газетного стиля (малое количество или отсутствие субъективно-оценочных лексических и синтаксических элементов, однородность изложения) работают на выявление объективной модальности, в то время как характерные черты публицистического стиля (наличие средств эмоционального воздействия, образность) – субъективной модальности.

Ключевые слова: субъективная модальность, объективная модальность, политический дискурс, эллипсис, парентетическое внесение, повтор, эссе, газетный жанр, публицистический жанр.

Syntactic stylistic devices as a means of modality in political essay

Abstract. An essay is a short piece of writing which covers a particular subject and gives the author's personal opinion. The essay unites features of publicist and newspaper genres. Distinctive features of the newspaper genre (absence of evaluative vocabulary, logistic exposition) help to reveal objective modality in the political essay, while features of the publicist genre (instruments of emotional impact, feudality) – subjective modality.

Keywords: subjective modality, objective modality, political discourse, ellipsis, parentheses, reiteration, essay, newspaper genre, publicist genre.

Жанр эссе вызывает особый интерес у исследователей. Связано это в первую очередь с тем, что на сегодняшний день он является наименее изученным и наиболее противоречивым жанром, что проявляется в его межстилевой принадлежности. Так, общепринятой является точка зрения, согласно которой эссе относится к публицистическому стилю, однако ряд исследователей настаивают на невозможности определить стилевую принадлежность эссе, указывая на его «сверхжанровую природу» [5, с. 6]. Кроме того, отсутствие единого структурно-композиционного построения и многообразие языковых форм ставят под вопрос существование эссе как жанра.

Данное исследование проведено на материале журнальных эссе периодического издания *Foreign Affairs* за 2007–2017 гг. Стоит отметить, что на исследуемые эссе оказывает влияние политический дискурс, которому свойственны «преобладание воздействия и оценки над информативностью, эмоционального над рациональным» [4, с. 34]. В рамках исследования придерживаемся точки зрения, что в журнальном эссе происходит пересечение публицистического и газетного стилей. Не все исследователи выделяют газетный стиль в самостоятельный функциональный стиль. Однако, вслед за И. Р. Гальпериным видим необходимость дифференциации публицистического и газетного стилей в виду их функциональных и стилеобразующих различий.

Как правило, к характерным чертам газетного стиля исследователи относят малое количество или отсутствие субъективно-оценочных лексических и синтаксических элементов, однородность изложения. Данные особенности газетного стиля позволяют реализовать его основную функцию – информирование.

К важнейшим функциям публицистического стиля принято относить помимо информационной, также воздействующую функцию, которая реализуется не столько за счет логического изложения и аргументации, сколько за счет эмоциональности высказывания. Именно воздействующая функция определяет отличительные стилеобразующие черты публицистического стиля: наличие средств эмоционального воздействия, образность, субъективность изложения.

В статье определяем эссе как литературный жанр, объединяющий в себе как черты газетного, так и публицистического стилей, по средствам которого автор освещает какую-либо проблему или ситуацию, а также передает свои собственные отношения и чувства к ней. К характерным чертам жанра «эссе» можно отнести: 1) субъективность (выражает индивидуальную трактовку автором проблемы); 2) свободная композиция; 3) самый широкий тематический охват; 4) синтетический характер (имеет черты газетного и публицистического стилей); 5) высокая эмоциональность; 6) диалогичность.

В рамках данного исследования на основе политических эссе сделаем попытку установить, при помощи каких синтаксических стилистических средств реализуется модальность и черты каких функциональных стилей работают на ее выявление. Модальность понимаем как обязательную текстообразующую категорию, представляющую собой сочетание субъективного и объективного и являющуюся отражением авторского видения мира, а также выражающую ценностные и эмоциональные установки общества. При этом в текстах эссе модальность может реализовываться при помощи лексических и морфологических средств (междометия, эпитеты, метафоры и т. д.), синтаксических средств (парентетические внесения, инверсия, параллельные конструкции и т. д.), а также конструктивно-синтаксическими способами (вопросительно-риторические высказывания, сложноподчиненные предложения с эксплицитным модусом). [3, с. 22].

I Парентетические внесения

К парентетическим внесениям относим такие конструкции, которые оформлены как грамматически независимые части предложения, в структуру которых они встраиваются и реализуют следующие функции: 1) усиления факта; 2) уточнение; 3) контраст. Парентетическое внесение может выступать как средство выражение субъективной и объективной

модальности и одинаково часто встречается как в газетном, так и публицистическом стиле.

But Washington ought to have learned from its long and painful history with the Middle East that ignoring the region's problems will not make them go away. Inevitably, they return, worse than before. And just as inevitably, handling those problems later requires far more time and energy – and blood and treasure – than solving them sooner does [11, с. 105]

В данном фрагменте парентетическое внесение выступает средством выражения субъективной модальности, воплощающей позицию автора по политике в отношении Ближнего Востока: решение проблем, возникающих в результате игнорирования Ближневосточного вопроса – процесс очень сложный и затратный. Парентетическое внесение «and blood and treasure», представляющее собой метонимическое значение слов «война» и «финансовые затраты», позволяет сконцентрировать внимание читателя на самых значимых и эмоционально-окрашенных характеристиках последствий оставления Ближневосточного вопроса без решения. Убедительность авторской позиции передают и другие стилистические средства. Так, эпитеты *long, painful, worse* обеспечивают негативное восприятие читателями политики Вашингтона в отношении Ближнего Востока. Повторное употребление прилагательного *inevitable* также оказывает эмоциональное воздействие на читателя, формирует у него ощущение неизбежности проблем в случае продолжения проведения подобной политики. Все вместе данные стилистические средства призваны способствовать тому, чтобы убедить читателя в истинности позиции автора, что политика Вашингтона в отношении Ближнего Востока должна быть скорректирована.

The Ukrainian Soviet Socialist Republic already had sizable Russian and Jewish populations, but Soviet Premier Nikita Khrushchev's decision to give the republic the Crimean Peninsula in 1954 added a large, territorially concentrated Russian minority. (Crimean Tatars, who are the peninsula's native population, composed close to a fifth of the population until 1944, when most of them were deported to Central Asia for allegedly collaborating with the Nazis. According to the last census, from 2001, ethnic Russians compose about 58 percent of Crimea's population, Ukrainians make up 24 percent, and Crimean Tatars, around 12 percent. The remaining six percent includes Belarusians and a smattering of other ethnicities) [9, с. 62].

В данном предложении объективность изложения передается в первую очередь за счет дат и статистических данных. Однако важное значение имеет использование парентетического внесения, к которому автор прибегает как к средству аргументации и сообщения дополнительной информации. Информацию о крымских татарах, составляющих национальное меньшинство Крыма, автор выводит за пределы основного предложения, однако она является крайне важной для понимания сути предложения и поддержания логичности повествования, поэтому вводится как уточнение. Таким образом, видим, что при реализации объективной модальности в тексте проявляются характерные черты газетного стиля – отсутствие эмоциональности, логичность и аргументированность изложения.

II Эллипсис

Эллипсис – это преднамеренное опущение какого-либо члена предложения, значение которого легко восстанавливается из контекста, с целью перераспределения семантико-стилистической нагрузки на сохранившиеся элементы. К стилистическим функциям эллипсиса можно отнести: 1) создание диалогичности; 2) стилизацию под разговорную речь; 3) создание эффекта динамического описания; 4) передача эмоционального состояния автора. Эллипсис является характерным стилистическим средством для публицистического стиля. В газетном стиле при отсутствии какого-либо члена предложения чаще всего речь идет об опущении, т.е. о синтаксической конструкции неполного предложения, когда отсутствие члена предложения стилистически не мотивировано. Хотя ряд исследователей относят данное «отклонение» в структуре к эллипсису (А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, К. И. Казенин), вслед за И. Р. Гальпериным придерживаемся точки зрения, что имеем дело с эллипсисом, только если опущение члена предложения стилистически обусловлено.

With enhanced intelligence sharing and law enforcement cooperation, we have worked with our partners to improve their border security, reduce the flow of foreign fighters into Iraq and Syria by 50 percent, and strangle ISIS' finances. The result: ISIS is losing [7, с. 56].

Здесь автор прибегает к эллипсису с целью выделения подчинительной части предложения – «ISIS is losing», в которой заключена ключевая смысловая часть предложения. Автор на протяжении всей статьи стремится показать, что внешняя политика США, имея достаточное

количество серьезных недостатков, может приводить к положительным результатам, таким как, например, проигрыш ИГ. Отсутствие сказуемого в предложении позволяет перераспределить информационную нагрузку, сделать предложение более информативным, не меняет идеи предложения, делая его лаконичным и сразу раскрывающим субъективный смысл предложения.

Some in Washington believe that the Iran problem is of secondary importance to the United States compared with violent Jihadist groups such as ISIS. Not so. [6, с. 75].

В данном примере сталкиваемся с отсутствием подлежащего и части сказуемого. Хотя подобная конструкция является весьма распространенной для разговорного языка, где она не несет стилистической нагрузки (является некой языковой нормой) и используется с целью экономии речи, в литературно-письменном типе речи данная конструкция является средством выражения субъективной модальности. В данном фрагменте видим, что эллипсис придает диалогичность тексту, что очень важно для автора данного текста, чтобы «перетянуть» читателя на свою сторону, убедить его в своем тезисе, что иранский вопрос требует первоочередного внимания. Во-вторых, отсутствие подлежащего и части сказуемого позволяет максимально усилить восприятие того, что иранский вопрос не должен быть на втором месте, за счет сосредоточения всей смысловой и эмоциональной нагрузки предложения всего на двух словах «not» и «so». Кроме того, эмоциональное воздействие достигается за счет эффекта неожиданности: читатель не предполагает встретить в тексте эссе конструкцию, свойственную разговорной речи, а потому автор может рассчитывать на то, что если ему не удастся убедить читателя в своей правоте, то хотя бы заставить сомневаться в правильности обратной позиции.

III Повтор

Повтор – это стилистическое средство, представляющее собой повторение какого-либо члена предложения или его части в непосредственной близости. К функциям повтора относятся: 1) эмоциональное и логическое усиление смысла высказывания; 2) воздействие на адресата; 3) эмфатическая функция. Повтор является распространенным стилистическим средством, используемым в публицистических текстах, которым, как мы указывали ранее, свойственны эмоциональность и воздействующий характер. В газетном

стиле повтор чаще используется не в стилистических целях, а как средство придания ясности высказыванию.

Viewed piece by piece, tactical move by tactical move, Obama's operations appeared to be making progress [8, с. 56]

В данном примере повтор используется в эмфатической функции, которая позволяет выразить субъективную оценку автора политики Обамы (автор на протяжении всего текста пытается защитить военные действия Обамы в отношении ИГ, оспаривает устоявшееся в определенных кругах мнение, что сирийская политика США неудачна). Кроме того, в данном предложении повтор является средством выражения длительности действия, т. е. автор транслирует читателю идею, что только последовательный внимательный анализ сирийской политики Обамы позволяют понять, что предпринятые меры были не безуспешны.

The UK does not merely lack a grand strategy. It lacks any kind of clearly defined foreign policy at all, beyond a narrow trade agenda [10, с. 64].

Повтор в данном предложении является средством выражения субъективной модальности. Именно при помощи такого стилистического средства, как повтор, автор передает свое возмущение, недовольство. Неслучаен повтор именно основы «lack» – «нехватка», которая формирует восприятие внешней политики Великобритании как недостаточно компетентной. Также автор использует наречие «merely» как средство категоризации своего отношения к проблеме, усиливая восприятие негативной оценки событий.

Итак, проведенное нами исследование позволяет нам сделать вывод о том, что журнальное эссе совмещает в себе как черты газетного, так и публицистического стилей. Однако при реализации модальности ведущую роль играет именно публицистический стиль, который раскрывает субъективность, в целом свойственную жанру «эссе». Из проанализированных синтаксических средств только парентетическое внесение выступает в качестве средства выражения объективной модальности и усиливает черты газетного стиля в эссе. Другие синтаксические стилистические средства (эллипсиса и повтора) являются инструментом выражения субъективной модальности в эссе.

Список литературы

1. 1. Ваулина С. С. Современные концепции модальности: основные направления исследования / С. С. Ваулина // Модальность в языке и речи:

новые подходы к изучению. Калининград: Изд. РГУ им. И.Канта, 2008. С. 350.

2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. 376 с.

3. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография / Е. Н. Орехова. М.: МГОУ, 2011. 294 с.

4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

5. Эпштейн М. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре нового времени) / М. Эпштейн // II Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 120–152.

6. Cohem L. Time to get tough on Tehran / L. Cohem // Foreign Affairs. 2016. January/ February. P. 64–76.

7. Joseph R. Building on success / R. Joseph // Foreign Affairs. 2016. September/ October. P. 46–58.

8. Kaplan F. Obama's way/ F. Kaplan // Foreign Affairs. 2016. January/ February. p. 46–64.

9. Mankoff J. Russian latest land grab/ J.Mankoff // Foreign Affairs. 2014. May/ June. P. 60–69.

10. Menon A. Little England / A. Menon // Foreign Affairs. 2015. November/ December. P. 63–72.

11. Pollack K. Near Eastern Promise / K. Pollack // Foreign Affairs – 2014. May/ June. P. 92–106.

Нужная Е. О.

Московский государственный областной университет (Москва)

Проблема переводческой эквивалентности фразеологизмов с компонентом «рука» во французском и русском языках

Аннотация. В данной статье подробно рассматриваются французские и русские фраземы с компонентом «рука», активной лексической единицей сравниваемых языков. Автор проводит анализ семантики слова в каждом языке и устанавливает степень эквивалентности французских и русских фразеологизмов.

Ключевые слова: перевод, эквивалентность, семантический анализ, фразеологизм, фразеологическая единица.

The problem of translation equivalence of French and Russian phraseological units with the component of “hand”

Abstract. The paper studies in detail French and Russian phrasemes with the component of “hand”, which is a rather widespread lexical unit in the languages. The semantics of the word is analyzed in both languages and the level of equivalence between French and Russian phraseological units is determined.

Keywords: translation, equivalence, semantic analysis, phraseological unit, phraseme.

Перевод является одним из способов общения между разноязычными объектами коммуникации, поэтому его цель – полноценное отражение исходной информации на другом языке с сохранением всех стилистических, коммуникативных и художественных особенностей оригинала. Таким образом, главный критерий оценки качества перевода – это степень эквивалентности.

В теории и практике перевода особенно сложным является перевод фразеологических единиц, так как культурные реалии не всегда совпадают; иногда эти реалии не существуют в переводящем языке.

По мнению ряда лингвистов (В. Н. Телия, П. Гиро, Н. И. Рахманова), фразеологизм представляет собой синтаксическое и лексическое единство семантически связанных друг с другом словосочетаний. Некоторые ученые не включают в состав фразеологизмов пословицы и поговорки, полагая, что последние являются источником образования первых.

В зависимости от различий в плане выражения степень совпадения межъязыковых фразеологических эквивалентов варьируется: выделяют полную и частичную эквивалентность, а также отсутствие эквивалентности.

Полная эквивалентность – совпадение плана содержания и плана выражения: *mains froides et coeur chaud* – руки холодные, да сердце горячее.

Частичная эквивалентность – незначительные различия – это различия в компонентном составе или в морфологической организации. Чаще – это различия в компонентном составе: *approuver des deux mains* – быть «за» обеими руками.

Безэквивалентность – отсутствие культурной реалии в переводящем языке:

que ta main gauche ignore ce que fait ta main droite – не говорите о своих благодеяниях.

В данной работе подробно рассматривается понятие «рука» и его речепотребление во фразеологии французского и русского языков. Выбор объекта исследования обусловлен наличием ряда работ и публикаций с лексемой «кисть» и её иноязычными эквивалентами [3, 4, 5]. В представленном исследовании мы отталкиваемся от её первичного значения, «кисть руки», семантику которого мы рассматриваем в каждом из упомянутых выше языков.

Во французском языке русскому слову «рука» соответствуют лексемы bras и main, где вторая обозначает «кисть руки». Поэтому нами была проанализирована семантика каждого франкоязычного эквивалента.

Семантика слова «main» оказалась достаточно широкой; она включает в себя достаточно отдаленные друг от друга понятия: мера длины, равная длине человеческой руки; ручка выдвижного ящика; толщина бумаги и т.п.

1. *une partie du corps humain permettant la préhension et le toucher, pourvue de cinq doigts et située à l'extrémité du bras*
2. *cet organe utilisé comme moyen d'expression*
3. *cet organe considéré comme instrument de travail, d'aide, d'exécution, d'effort*
4. *cet organe considéré comme symbole d'autorité, de force, de violence, d'habileté*
5. *ouvrière dans une grande maison de couture ("première main", "petite main")*
6. *unité de mesure de longueur valant la largeur d'une main*
7. *(Afrique) partie d'un régime de bananes*
8. *(zoologie) extrémité du membre antérieur de certains animaux vertébrés*
9. *apprêt donné aux étoffes ou aux papiers*
10. *(sports) au football, faute de main commise par un joueur de champ*
11. *symbole de l'intervention du destin*
12. *(jeux) aux cartes, initiative du jeu, ensemble des cartes qu'on a en main*
13. *poignée de tiroir*
14. *assemblage de vingt-cinq feuilles de papier*

15. *par extension en imprimerie, tenue, corps du papier* толщина бумаги

16. *anneau où l'on fixe l'anse d'un seau de puits* (кольцо ведра колодезного)

Лексема «bras» включает в свою семантику понятия, так или иначе связанные или напоминающие по форме кисть руки; но также «bras» может относиться к географическому термину – ответвление реки.

Bras:

1. *Partie du membre supérieur des humains (et des bipèdes en général) qui s'étend depuis l'épaule (qui la relie au tronc) jusqu'au coude (qui la relie à l'avant-bras). (Synonyme : arrière-bras.)*

2. *Membre supérieur des humains et autres bipèdes.*

3. *Objet qui ressemble ou qui tient le bras.*

4. *Brimbale.*

5. *Personne pour accomplir une tâche manuelle.*

6. *Pouvoir ; puissance.*

7. *Subdivision latérale d'un fleuve ou d'une rivière qu'une île sépare de son cours principal.*

8. *Ramification s'écartant du tronc d'un arbre en espalier ou d'un cep de vigne.*

9. *Cordage situé au vent qui permet de régler l'écartement d'une voile d'avant*

В русской лингвокультуре понятие «рука» часто отождествляется с лексемой «кисть», которая, в свою очередь, редко употребляется в значении верхней конечности. Поэтому в исследовании учитываются оба варианта. При анализе значений каждого из слов были замечены различия.

Кисть:

1. Часть руки от запястья до кончиков пальцев.

2. Часть передней или верхней конечности, следующая за предплечьем у наземных позвоночных животных.

3. Скопление плодов или цветков на одной ветке, одном стебле.

4. Пучок нитей, шнуров и т.п., служащий для украшения.

5. Пучок щетины, волоса или синтетических волокон, насаженный на рукоятку, для нанесения краски, клея и т.п. на что-л.

6. перен. Искусство живописи.

7. перен. Творчество художника, его манера, стиль

Рука:

1. Одна из двух верхних конечностей человека, от плеча до конца пальцев.
2. Употр. как символ труда, работы, действия, а также работника, деятеля
3. С каким-нибудь определением, употребленным как символ человека, держащего, берущего, дающего, передающего и т. п. что–н
4. Употр. как символ обладания, владения, власти.
5. перен., только ед., со словом “своя” или чаще без него. Человек, способный помочь, оказать протекцию
6. только ед. Употр. как символ брака, согласие на брак, готовность вступить в брак (устар.)
7. Место, очередь, отдельный работник в коллективной работе, отдельный игрок в карточных играх и т. п.
8. Сторона, бок (разг.).
9. в род. п. с определением. Употр. в знач. того или иного вида, сорта, раздела и т. п.
10. Одна из четырех конечностей обезьяны.

Для лексемы «кисть» характерны прямые значения слова – инструмент графики, кисть плода и т.п., – в то время как слову «рука» присущи метафорические и метонимические значения, помимо прямого. Например, символ власти или брака, работник, игрок в карточной игре и т.п.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом «рука» во французском и в русском языках показал, что изучаемая языковая единица является не просто активным, сколько одним из наиболее употребляемых терминов как в русской культуре, так и во французской. Это может быть обусловлено следующим фактом: человек познает мир с помощью органов чувств, среди которых рука – «рабочий» орган. Следовательно, фразеологизмы с этим компонентом будут семантически мотивированными.

Мы попытались классифицировать французские фразеологизмы и их русские эквиваленты согласно степени эквивалентности. Число полных эквивалентов крайне мало – в основном, фразеологические единицы обладают частичной эквивалентностью. Нам удалось выделить несколько полных эквивалентов:

- avoir cent bras – иметь сто рук

- *baisser les bras* – опустить руки
- *avoir la main lourde* – иметь тяжелую руку (быть тяжелым на руку)
- *tendre une main (secourable)* – протянуть руку помощи
- *mains froides et coeur chaud* – руки холодные да сердце горячее

Среди частичных эквивалентов присутствуют такие, чьи различия в плане выражения крайне малы, т.е. морфологическая и лексическая структура одинаковы:

- *accueillir qn à bras ouverts* – встретить кого-то с распростертыми объятиями
- *se jeter/se réfugier dans les bras de qn* – броситься в объятия кого-то

В данных фразеологизмах форма множественного числа лексемы *bras* выступает в значении «объятия», которые, в свою очередь, связаны с тактильным движением рук. Поэтому можно считать, что данная форма слова *bras* в определенном контексте приобретает новое значение, так или иначе связанное с первичным (рука).

- *mettre/flanquer sur les bras de qn* – взвалить на чьи-то плечи

В данном фразеологизме различие заключается в ключевом понятии. Во французской

культуре используется понятие «рука», в то время как в русской культуре – «плечи». Данная фразеологическая единица носит метафорический смысл. Человек может взваливать на свои плечи проблемы, словно тяжкий груз. А груз человек обычно несет на плечах. Этим и может быть обусловлен выбор лексемы «плечи» в русском языке.

- *de première main* – из первых рук
- *de seconde main* – из вторых/третьих рук (бывший в употреблении)

В двух указанных выше аналогичных фразеологизмах в русском и французском языках не совпадает лишь форма числа понятия «рука»: во французском языке используется единственное число, а в русском – множественное. В данных примерах мы наблюдаем практически полную эквивалентность.

Однако среди частичных эквивалентов присутствуют такие, в которых мало совпадает как лексический, так и морфологический состав; образы ФЕ в русском и французском языках сильно отличаются друг от друга:

- *en avoir les bras et les jambes coupés* – чувствовать как почва уходит из-под ног
- *jeter la pierre et cacher le bras* – вредить/ пакостить исподтишка
- *jeux de mains, jeux de vilains* - кто дает волю рукам, тот хам
- *main de fer dans un gant de velours* – мягко стелет да жестко спать

Что касается безэквивалентных ФЕ, нами был найден единственный французский фразеологизм: *en bras de chemise* – без пиджака.

Как показал сравнительно-сопоставительный анализ французских и русских фразеологизмов с компонентом «рука», данные ФЕ активно употребляются в обеих лингвокультурах. Более того, исследуемый компонент выражен двумя лексемами в каждом языке: *bras* и *main* во французском и *рука* и *кисть* в русском.

В целом анализ не выявил явных различий между изученными ФЕ единицами французского и русского языков – наличие одной безэквивалентной единицы говорит об высокой степени эквивалентности данного лексического уровня в сравниваемых языках.

Список литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2004.
2. Кумлева Т. М. Самая современная фразеология французского языка/ Кумлева Т. М. М.: АСТ: Астрель. 2011. 416с.
3. Нужная Е. О. Поведение слова «кисть» и его английского эквивалента в национальной лингвокультуре/ Нужная Е. О. // Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов МГОУ «Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации». М. 2015. С. 15–17.
4. Нужная Е. О. Проблема эквивалентности разноязычных многозначных слов (на материале русского слова «кисть» и его английских эквивалентов)/ Нужная Е. О. // Тезисы в сборнике XVI Международной научной студенческой конференции в Нарвском колледже Тартуского университета. Нарва. 2016. С.44
5. Нужная Е. О. Особенности словоупотребления слова русских и английских слов в текстовых корпусах/ Нужная Е. О. // Материалы VII Межвузовского студенческого форума по прикладной лингвистике «Прикладная лингвистика сегодня и завтра: актуальные проблемы». Жуковский. 2016. С. 121–123.

6. Овчинникова Г. В. Особенности интерпретации фразеологизмов во французской и русской лингвокультурах/ Овчинникова Г. В.// Древняя и новая Романия. СПб., 2015. Вып. 15. С. 659–663.

7. Le dictionnaire, <http://www.le-dictionnaire.com>

8. Merriam-Webster Dictionary, <https://www.merriam-webster.com>.

Овчинникова Е.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: к.филол.н., кафедра индоевропейских и восточных языков Сахарова Н.Г.

Мотив несчастной любви в балладах Роберта Бёрнса и способы его выражения

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-стилистических способов выражения мотива несчастной любви в балладах Р. Бёрнса. Тема мало изучена. Результаты могут быть использованы в стилистике и поэтике.

Ключевые слова: лексико-стилистические средства, поэтический язык, баллады.

E. Ovchinnikova

Moscow Region State University (Moscow)

Unhappy love in the ballads of Robert Burns and the way of its expression

Abstract. The paper studies lexical and stylistic means of expression of unhappy love in R. Burns's ballads. The topic is scarcely investigated. The results can be used in stylistics and poetic diction.

Keywords: lexical and stylistic devices, poetic language, ballads.

Роберт Бёрнс – народный поэт Шотландии. В лаконичной и простой форме поэт передал большие чувства и глубокие мысли; в его поэзии раскрылись душа народа, достоинство труженика, его мечта о свободной и счастливой жизни. Герои стихотворений Р. Бёрнса – простые люди: пахарь, кузнец, угольщик, пастух, солдат. Его герой добр и отважен, он нежно относится к возлюбленной и смело идёт сражаться за свободу Родины [2].

Стихотворное наследие Р. Бёрнса отличается жанровым многообразием. Поэт создавал дружеские послания, застольные песни, гражданские стихи, сатирические поэмы, эпиграммы, любовные песни [2]. Его стихи основывались на фольклорных жанрах народной песни, предания, баллады. Их музыкальный ритм воспроизводит ритмику

народных плясок и народных песен. Стихи Р.Бернса написаны как на английском языке, так и на шотландском диалекте [там же].

В поэзии Р. Бёрнса главное место занимают темы, такие как жизнь и судьба, зависть и добродушие, вражда и мир, дружба и предательство любовь и ненависть и многие другие. Одним из ведущих мотивов является мотив несчастной любви. Мотив – (от фр. – побудительная причина, повод к какому-либо действию; довод в пользу чего-либо) – устойчивый смысловой элемент художественного текста, повторяющийся в фольклорных и литературно-художественных произведениях [3]. Мотив может быть выражен как имплицитно, так и эксплицитно – «посредством лексики и художественно-экспрессивных средств» [4, с. 74]. Мотив несчастной любви является одним из центральных в балладной поэзии Р. Бёрнса.

Р. Бёрнс, будучи талантливым поэтом, сумел поэтически воспеть в балладах несчастную любовь, полную трагизма и безысходности, например в балладах: “Her Answer” [6], “The Parting Kiss” [7], “A Red, Red Rose” [1] и другие. Главным мотивом, их объединяющим, является несчастная любовь.

Например, в балладе “Her answer” [6] рассказывается о девушке, которой лирический герой не смог пообещать совместного будущего. Автор использует лексический повтор: *I tell you now this one night, this one, one, one night, and once for all this one night* [6] (Еще кругом глухая ночь, глухая ночь, глухая ночь. Тебя впустить на эту ночь я не могу – прости! - перевод С. Маршака)[6] для того, чтобы подчеркнуть, что герой не может впустить эту девушку в свою жизнь.

Сравнение: *The sweetest flower that decked the meadow, now trodden like the vilest weed* [6] (В саду раскрывшийся цветок лежит, растоптан, одинок... – перевод С. Маршака) [Там же] используется для объяснения того, что их любовная ночь будет ошибкой. А для сопоставления образов рассказчика и его «жертвы» Р. Бёрнс использует антитезу – *The bird that charmed his summer day, and now the cruel fowler's prey* [6] (Птенца, не знавшего тревог, в кустах охотник подстерег – перевод С. Маршака) [Там же]. В балладе “The Parting Kiss” [7] также присутствует мотив несчастной любви. Автор использует сравнение: “Dearest tie of young connections, love's first snowdrop, virgin kiss!” [7] (Поцелуй, подснежник ранний, свежий, чистый, точно снег – перевод С. Маршака) [7], чтобы показать, что от любовных отношений он ждёт что-то большее, долговечное.

Оксюморон – “Speaking silence” [7] указывает на противоречивость сложившейся ситуации, а метафора *Passion's birth, and infant's play, dove-like fondness, chaste concession, glowing dawn of future day!* [7] (Страсти детская игра, дружба голубя с голубкой, счастья первая пора. – перевод С. Маршака) [7] помогает понять, что для лирического героя любовные отношения являются прекрасными. В балладе “A Red, Red Rose” [1] поэт использует сравнение: *O my Luve's like a red, red rose, O my Luve's like the melodie* [1] (Любовь, как роза, роза красная, Любовь моя – как песенка... – перевод С. Маршака) [1] и олицетворение: *Luve that's newly sprung in June* [1] (Любовь цветёт в моём саду. – перевод С. Маршака)[1], чтобы подчеркнуть для него значимость любовного чувства.

Гипербола: *And I will luve thee still, my dear, till a' the seas gang dry* [1] (Моя любовь одна. Она с тобой, пока моря не высохнут до дна. – перевод С. Маршака [1] помогает раскрыть характер лирического героя. В балладе “Farewell To Eliza” [5] автор выражает свои сильные и трепетные чувства к возлюбленной Элизе и сожалеет, что ему нелегко расставаться с любимой девушкой. Мотив несчастной любви звучит благодаря метафоре: *The cruel fates between us throw a boundless ocean's roar* [5] (Мою судьбу с твоей судьбой разделит океан. – перевод С. Маршака) [5], гиперболе: *Between my love and me, They never, never can divide my heart and soul from thee* [5] (Не разлучаются сердца, что спаяны в одно. – перевод С. Маршака) [5] сравнению: *Farewell, farewell, Eliza dear, The maid that I adore!* [5] (Оставлю я тебя, мой лучший клад. – перевод С. Маршака) [5] и олицетворению: *A boding voice is in mine ear* [5] (Тайный голос шепчет. – перевод С. Маршака) [5].

Итак, данное исследование указывает, что мотив несчастной любви в балладах Р. Бёрнса выражен посредством различных тропов (в основном сравнения, метафоры, гиперболы, олицетворения), которые способствуют повышению стилистической тональности текста и, как следствие, его поэтичности.

Список литературы

1. Баллады и стихотворения Р. Бёрнса // А Red, Red Rose [Электронный ресурс]// URL: <http://www.englishpoetry.ru/PoemE.php?PoemId=979> (дата обращения: 02.06.2017).
2. Жизнь и творчество великого шотландского поэта Роберта Бёрнса [Электронный ресурс]// URL: <http://www.testsoch.info/zhizn-i->

tvorchestvo-velikogo-shotlandskogo-poeta-roberta-bernsa/ (дата обращения: 02.06.2017).

3. Мотив в художественной литературе [Электронный ресурс]// URL: <http://litterms.ru/m/165> (дата обращения: 02.06.2017).

4. Сахарова Н. Г., Кошелева К. А. Мотив разочарования в блюзовой поэзии и способы его выражения// Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. М.:МГОУ,2016, Вып. 18, С. 74–84.

5. Стихomanия "Farewell To Eliza" [Электронный ресурс]// URL: <http://www.stihomaniya.ru/2012/02/robert-berns-stikhi-na-anglijskom.html#recept132> (дата обращения: 02.06.2017)

6. Стихomanия "Her answer" [Электронный ресурс]// URL: <http://www.stihomaniya.ru/2012/02/robert-berns-stikhi-na-anglijskom.html#recept45> (дата обращения: 02.06.2017)

7. Стихomanия "The Parting Kiss" [Электронный ресурс]// URL: <http://www.stihomaniya.ru/2012/02/robert-berns-stikhi-na-anglijskom.html#recept158> (дата обращения: 02.06.2017)

Однораленко С.Ю.

Московский государственный областной университет (Москва)

Положительные и отрицательные стороны дистанционного и электронного образования при изучении иностранных языков

Аннотация: В данной статье раскрываются понятия дистанционное образование и электронное обучение, их специфика и направленность. Рассматриваются преимущества и недостатки дистанционного образования для изучения иностранных языков.

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционное образование, изучение иностранных языков.

S. Odnoralenko

Moscow Region State University (Moscow)

Advantages and disadvantages of learning foreign languages by means of distance education and electronic learning

Abstract. The definitions of distance education and electronic learning, as well as their specifics and direction are presented. Advantages and disadvantages of learning foreign languages by means of distance education and electronic learning are considered.

Keywords: electronic learning, distance education, foreign language learning.

Современное постиндустриальное общество испытывает на себе серьезные изменения. На данном этапе развития общества, прослеживается прорыв в технической и инновационной сферах. Общество XXI века

выходит на новый уровень развития, благодаря быстрой компьютеризации во многие сферы человеческой деятельности. В связи с внедрением информационно-коммуникационных технологий и ускорением ритма жизни, наблюдается тенденция к получению образования удаленно. В связи с этим, такого рода образование становится доступной альтернативой традиционной форме обучения, к которой мы все привыкли, стандартное для всех нас взаимодействие «учитель-ученик».

В системе образования XXI века, мы все чаще можем встретить такие термины как «электронное обучение» и «дистанционное образование».

Электронное обучение или *E-learning* представляет собой современную систему обучения, при помощи информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют получать знания при помощи использования электронных ресурсов и технологий [6, с. 184–186]. Электронное обучение набирает широкие масштабы применения, помогая обществу развиваться и совершенствоваться во всех доступных сферах нашей жизни, включая и изучение иностранных языков.

К методам электронного обучения можно отнести [9, с. 75]:

- самостоятельная работа с электронными ресурсами;
- онлайн курсы с носителем или преподавателем;
- готовые образовательные курсы на носителях CD-ROM ссылка

Электронное обучение тесно связано с дистанционным образованием, но между ними есть существенные различия.

Электронное обучение – это использование электронно-образовательных ресурсов в процессе обучения, как в традиционной форме, так и в дистанционной. Следовательно, электронное обучение является составляющей любой формы образования XXI века.

Дистанционное образование – метод обучения, при котором процесс получения и передачи знаний совершается вне аудитории, то есть на расстоянии с помощью использования информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, электронное обучение или E-learning является частью дистанционного образования, так как в нем задействованы электронные ресурсы и девайсы для получения знаний [3, с. 278].

Современный век информационных технологий требует быть разносторонне развитым человеком, интересоваться и изучать различные сферы деятельности [8, с. 17].

Если вам нужно образование ради «галочки» и вы не собираетесь трудиться – оно конечно вам поможет, но тогда вы упустите уникальный шанс послушать и самостоятельно изучить дополнительные материалы для повышения уровня собственной образованности. Дистанционное образование предоставляет уникальный шанс прослушать лекции преподавателей и ученых из разных уголков мира, обсудить с ними насущные проблемы в рамках их научных интересов. Также дистанционное образование может являться прекрасной возможностью для переквалификации и получения новой специальности.

К средствам дистанционного образования можно отнести [1, с. 16–17]:

- сетевые методические пособия,
- аудио и видео учебно-информационные материалы,
- тренажеры с удаленным доступом,
- базы данных с удаленным доступом.

Данные методы нашли свое отражение применение и в изучении иностранного языка во всемирной информационно-коммуникационной сети.

Сегодня существует огромное количество компьютерных инструментов для изучения иностранных языков дистанционно. Начиная от занятий по скайпу с преподавателем или носителем изучаемого языка, и заканчивая интерактивными программами и тренажерами. Стоит отметить, что просмотры фильмов на иностранном языке с субтитрами или без них, прослушивание зарубежных радио и телепередач не относятся к методам дистанционного образования, так как в данном случае речь идет не об образовании, а о языковой практике. Прослушивая аудиозаписи или просматривая фильмы, вы закрепляете полученные в процессе обучения знания на практике. Языковая практика, которая используется в дистанционном образовании, полностью соответствует той, которую используют в университетах и институтах на очном или заочном отделении.

В наши дни, все чаще можно услышать такой термин как «онлайн курсы» по изучению языка. Люди проявляют заинтересованность в подобного рода курсах, потому что они не требуют большого количества материальных или нематериальных ресурсов: существует большое количество бесплатных курсов, а также вы можете получать знания из любой точки мира в любое время.

Говоря о дистанционном образовании, многие коммерческие учебные заведения, будь то среднее профессиональное или высшее образования, предлагают свои услуги получения знаний удаленно на рынке образовательных услуг. Это говорит о том, что дистанционное образование пользуется спросом среди общества [5, с. 24–26].

Как правило, программа курса подбирается индивидуально для каждого, исходя из знаний обучающегося. В научной литературе принято выделять следующие уровни владения языком [10, с. 177]:

- 1) нулевой (starter),
- 2) начальный (elementary),
- 3) ниже среднего (pre-intermediate),
- 4) средний (intermediate),
- 5) выше среднего (upper- intermediate),
- 6) продвинутый (advanced),
- 7) профессиональный (proficiency).

В онлайн курсах, которые используют дистанционное образовательные технологии, есть очень большое преимущество перед традиционной формой обучения, с точки зрения изучаемой программы. Обучающиеся отбираются по вышеуказанным уровням владения языка. Следовательно, знания обучающихся сбалансированы на одном уровне. Таким образом, стираются границы между знаниями обучающихся, в сравнении, например, со школьными занятиями, когда у обучающихся разный уровень владения языком.

Для практического внедрения дистанционных образовательных технологии для изучения иностранных языков важным аспектом является организация учебного процесса, как каждого отдельного обучающегося, так и целой группы. Должна проводиться своевременная рассылка материалов, которые должны содержать:

- образовательную программу,
- методические пособия,
- список литературы,
- упражнения и задания для выполнения.

Вышеуказанные критерии являются неотъемлемой частью любого обучения. Важнейшим отличием от традиционной формы обучения является охват гораздо большего объема информации, способствуя самомотивации, развитию, познанию новых возможностей иностранного языка для обучающихся [8, с. 107].

Необходимо отметить, что, как и любая образовательная система, дистанционное образование имеет как отрицательные стороны при изучении языка, так и положительные.

В первую очередь рассмотрим отрицательные моменты дистанционного обучения.

Самым серьезным недостатком в дистанционном обучении является необходимость иметь сильную мотивацию. К сожалению, многим из нас бывает достаточно сложно заниматься самостоятельно, без внешнего контроля, из-за чего оказывается затруднительно достижения желаемого уровня владения иностранным языком. Практически весь учебный материал студент осваивает самостоятельно. Это требует от обучающегося настойчивости, усидчивости, ответственности и самодисциплины [2, с. 67].

Вторым минусом дистанционного образования является невозможность преподавателем контролировать действия обучающегося во время дистанционного обучения. Например, на занятиях иностранного языка при помощи Skype ученик может находиться в социальных сетях или других интернет источниках, которые будут отвлекать от учебного процесса. При этом преподаватель может даже не заметить, что обучающийся слушает его невнимательно.

Третий, немаловажный минус – нарушение связи с интернетом, которая может свести на нет занятие, если проблема требует длительных временных работ. Это не единственная неполадка, которая может случиться на учебном месте при изучении иностранного языка. Возможны также другие неисправности компьютерной техники у обучающегося: дисфункциональность веб-камеры, микрофона, звука, которые являются очень важными связующими при отработке произношения. У организаторов онлайн курсов могут также возникнуть неполадки на сервере, платформе, которые могут способствовать ограничению или временного приостановления работы сервера, где находится необходимый для изучения материал.

Что касается плюсов дистанционного образования принято выделять следующие положительные стороны.

Во-первых, самый весомый аргумент в положительную сторону дистанционного обучения является мобильность. Обучающийся может совершенствоваться и получать новые языковые знания, там, где удобно, и когда удобно. То есть, дистанционное образование не имеет временных рамок, в сравнении со школьными занятиями, которые начинаются с утра.

Во-вторых, обучающийся может выбрать собственный темп обучения, не беспокоясь о том, что может отстать от однокурсников. В любом случае, можно всегда вернуться к пройденному материалу, если что-то осталось неясным, в отличие от обучения в высшем учебном заведении, где образование имеет временные границы и зачастую обучающиеся не успевают усвоить тот или иной материал.

В-третьих, ни для кого не секрет, что дистанционное образование не требует больших финансовых вложений, в сравнении с традиционным методом образования. Зачастую, люди, имеющие одно высшее образование, полученное в традиционной форме, стараются овладеть новыми знаниями, используя дистанционную форму, которая им будет удобна, не обременяя человека [7, с. 381].

В четвертых, дистанционное и электронное обучение иностранным языкам, предоставляет потрясающую возможность познакомиться с новыми людьми, узнать культуру, традиции, специфику других стран, что также способствует самообразованию и расширению кругозора.

И наконец, самый большой плюс дистанционного образования – возможность предоставить знания людям с ограниченными возможностями, которые не в состоянии посещать образовательные учреждения в штатном режиме. Тем самым дистанционное образование становится по-настоящему универсальной системой образования, предоставляя возможность получить знания абсолютно каждому человеку.

В заключении хотелось бы отметить, что на данном этапе состояния российского образования, дистанционное и электронное обучение только начинает набирать обороты. Стоит отметить, что дистанционное и электронное обучение иностранных языков, безусловно, имеет больше плюсов, чем минусов, предлагая обучающимся возможность практиковать и совершенствовать знания, как с носителями языка, так и с преподавателями. Помимо хорошей языковой практики, обучающейся может получать знания, находясь в любом месте и в любое время, что делает процесс обучения очень гибким и универсальным для всех.

Список литературы

1. Бальцук Н. Б., Буняев М. М., Матросов В. Л. Некоторые возможности использования электронно-вычислительной техники в учебном процессе М.: Прометей 2009. С. 16–17.

2. Зайченко Т. П. Основы дистанционного обучения: Теоретико-практический базис: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 67.
3. Ибрагимов И. М. Информационные технологии и средства дистанционного обучения: учебное пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2005. С. 278.
4. Иванченко Д. А. Системный анализ дистанционного обучения: монография. М.: Союз, 2005. С. 192.
5. Каракозов С. Д. Развитие содержания обучения в области информационно-образовательных систем: подготовка учителя информатики в контексте информатизации образования / Под ред. Н. И. Рыжовой: Монография. Барнаул, 2005. С. 24–26.
6. Михеева С. А. E-learning: состояние, проблемы, перспективы развития /Болонский процесс в экономическом образовании: проблемы и перспективы: Материалы научно-практ. конференции / под общей ред. Х. Камински, А. Я. Линькова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 184–186.
7. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учебн. Заведений // М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 381.
8. Рыбакова М. В., Зернова Л. П., Пивоварова М. Б. Перспективы естественнонаучной деятельности студентов российских ВУЗов//Социология образования. Издательство СГУ, №10 (октябрь), 2016. С. 17.
9. Сатунина А. Е. Электронное обучение: плюсы и минусы. Материалы конференции // Вопросы современной науки и практики. № 1. 2006. С. 75.
10. Шамо́в А. Н. Лингводидактические основы когнитивного подхода в организации обучения лексике на уроках немецкого языка в средней школе / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2004. С. 177.

Омельченко Л.Н.

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

Констатирующие тексты как объект

лингвистического исследования

Аннотация. Статья посвящена проблеме структуры и семантики текста. В центре внимания – некоторые закономерности функционирования логико-

синтаксических типов предложения в констатирующих текстах типа «описание» и «повествование».

Ключевые слова: логико-синтаксический тип предложения, функциональный аспект, констатирующие типы текста (описание и повествование).

L. Omel'chenko

Buryat State University (Ulan-Ude)

Descriptive and narrative texts as an object of linguistic research

Abstract. The paper considers the problem of the structure and semantics of a text. Main attention is paid to some functional properties of the logical and syntactic types of a sentence in descriptive and narrative texts.

Keywords: logical and syntactic type of sentence, functional aspect, descriptive and narrative texts.

Появление новых парадигм знания расширило возможности лингвистических исследований. Одной из доминирующих теорий современного языкознания признана, по утверждению В. З. Демьянкова, лингвистика текста [6, с. 245]. Теория текста, сформировавшаяся на фундаменте лингвистики текста и обладающая в настоящее время собственным онтологическим статусом, занимает особое место среди филологических дисциплин, связанных с анализом текста.

Организация текста как многоаспектного явления имеет свои структурно-семантические особенности и закономерности, изучение которых в настоящее время весьма многогранно (Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Н.Д. Зарубина, Г.А. Золотова, Е.А. Иванчикова, С.Г. Ильенко, О.И. Москальская, О.А. Нечаева, Т.М. Николаева, Н.А. Николина, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик и другие).

Текстообразующие категории были обозначены в монографии И.Р. Гальперина [5, с. 18]; были определены, наряду с другими важными категориями, категория членимости, единица членения текста получила название «сверхфразовое единство». Сверхфразовое единство изучается лингвистикой в плане семантики, прагматики, синтактики и функционирования.

Объектом нашего исследования являются констатирующие тексты типа «описание» и типа «повествование». Модели констатирующих текстов строятся на основе синхронологем и диахронологем, отражающих формы существования материи в пространстве и во времени. «Констатирующие тексты представляют собой одну определенную логическую сущность, так как все тексты как результат речевой деятельности человека формальная логика подразделяет на

констатирующие и тексты-рассуждения на основе связности их компонентов-высказываний» [7, с. 3–4].

Методологической основой членения текста на констатирующие сверхфразовые единства является концепция функционально-смысловых типов речи, разработанная профессором кафедры русского языка Бурятского государственного педагогического института (ныне – Бурятский госуниверситет) О.А. Нечаевой, чье столетие мы будем отмечать в 2019 г. [8]. Согласно концепции, в монологическом тексте в результате функционально-смыслового членения на сверхфразовые единства выделяются описание, повествование, рассуждение. Функционально-смысловой аспект изучения текста опирается на логемы, отражающие способ существования материи в пространстве и во времени и восприятие этого способа человеком: «К онтологическим основам описания, кроме пространственно-временных характеристик бытия предметного ряда относятся и характер восприятия пространственно выделенного предмета. Основой повествования является фокусирование в поле зрения наблюдателя движущегося, изменяющегося предмета; основой же описания будет осознание, выбор и выделение (вербализация) признаков неизменяющегося в поле зрения наблюдателя статичного объекта» [11, с. 21].

Установлено, что описание и повествование как модели текстов констатирующего типа противопоставлены рассуждению как модели текста аргументирующего типа, на что указывает и Н. С. Валгина [4, с. 76]. Кроме того, описание и повествование по характеру восприятия мира образуют коррелятивную оппозицию констатирующих текстов. Эта логико-смысловая оппозиция констатирующих типов текста структурно оформляется в виде определенной системы грамматических и лексических средств языка (видо-временные формы, формы наклонения и вообще модальности, порядок слов в предложении и другие средства).

Настоящая работа выполнена в рамках научной школы Бурятского госуниверситета «Функционально-смысловые типы речи», созданной О. А. Нечаевой. На наш взгляд, для дифференциации описания / повествования также является значимой семантика предложения. Цель настоящей статьи – выявить закономерности функционирования логико-синтаксических типов предложения в констатирующих текстах. Анализ предложения как компонента текста позволяет уточнить функциональную

семантику предложения, определить место логико-синтаксических типов предложения в структуре текста.

В смысловой организации предложения имеются определенные закономерности, изучение которых является предметом многих современных синтаксических исследований. Внимание к изучению «смысла» вызвало появление ряда направлений семантического синтаксиса, в которых проблема семантики синтаксических единиц решается по-разному: разнообразны концепции, методы и принципы исследования. Семантика простого предложения активно исследуется в рамках логико-синтаксического направления, опирающегося на принцип логического подхода к изучению синтаксических единиц, при котором рассматривается проблема соотношения языка, мышления и бытия.

Объектом логико-синтаксической концепции является объективное содержание предложения, зона диктума, по Ш. Балли. По более принятой теперь терминологии, зона диктума обозначается термином «пропозиция». Все многообразие пропозиций, отражающих различные «положения дел» в мире, сводится к системе немногочисленных логико-синтаксических типов простого предложения. Применение когнитивного аспекта изучения языка позволило Н. Д. Арутюновой выделить мыслительные операции, состоящие в установлении отношений бытийных, тождества, номинации и характеристики [1, с. 17].

Применительно к материалу русского языка установлены четыре логико-синтаксических типа предложения, отражающих модели человеческого мышления: бытийные предложения, предложения тождества, предложения номинации, предложения характеристики [2]. В этих типах логические характеристики отражают распределение в предложении референциальной нагрузки конститутивных компонентов пропозиции, грамматические характеристики типа показывают морфолого-синтаксический статус компонента с той или иной референцией. Установлено, что данная семантика может быть выражена как двусоставными, так и односоставными предложениями.

Необходимо отметить, что определение типологии предложения относится к числу дискуссионных вопросов теории семантического синтаксиса. В семантическую типологию предложения включены предложения с акциональной семантикой (действие предмета речи) и предложения с семантикой состояния (состояние предмета речи) как результат дальнейшей дифференциации предложений характеристики [3,

с. 434–442], причем класс слов с семантикой состояния активно пополняется за счет новообразований [9].

Система логико-синтаксических типов предложения отражает те логические начала, которые необходимы для каждого связного текста: логика языкового мышления требует сначала утвердить наличие предмета, события, явления и только после этого – характеризовать их [1, с. 358]. Классическая модель текста имеет следующую семантическую структуру: вначале утверждение бытия некоторой сущности в реальном или воображаемом мире (с помощью бытийных предложений); затем ее именование для того, чтобы было удобнее ее упоминать в последующем тексте (с помощью предложений номинации); далее установление идентифицирующих признаков, что достигается с помощью предложений тождества; наконец, характеристика сущности (с помощью характеризующих предложений).

«Идеальная» последовательность использования логико-синтаксических типов предложения соблюдается обычно в сказках, баснях и других жанрах фольклора. Естественно, в реальной коммуникации все указанные компоненты классической модели текста не всегда выступают в явном виде в пределах одного текста: «в современном русском литературном языке тексты, которые начинаются с цепочки необходимых компонентов, выраженных специально предназначенными для них предложениями бытия, названия, тождества и характеристики, встречаются редко. И именно поэтому такое начало текста можно назвать идеальным. Обычно все начальные компоненты текста – а они необходимы для любого текста – проявляют себя неявным образом» [12, с. 387]. Эти компоненты смысла могут быть представлены в свернутом виде в предложениях, в которых преобладает семантика других логико-синтаксических типов.

Перспектива развития исследований в области логико-синтаксических типов предложения связана с изучением семантики предложения во взаимодействии с семантикой текста. Наиболее последовательно закономерности функционирования логико-синтаксических типов предложения прослеживаются в контексте функциональ-смысловых типов речи.

По нашим наблюдениям, логико-синтаксические типы предложения дифференцированно используются в повествовательном и описательном текстах. Семантика предложения должна быть однородна

общесмысловому значению текста и отвечать коммуникативной целеустановке говорящего: вербализовать синхронные признаки статичного объекта в описании либо вербализовать диахронные действия в повествовании. Для описательного текста однородной является семантика предложений характеристики с именными предикатами, например: *«В просеках бора, устланных желтой хвоей, дороги влажны и упруги. Бор душист, сыр и гулок. Просеки кажутся узки, пролеты их стройны, бесконечны. Бор вдоль них величаво-громаден...»* (И. Бунин).

Диахронный характер повествовательных текстов предопределяет преобладание в них предложений, имеющих акциональную семантику. В таких предложениях сообщается об актуализированных действиях какого-либо активного деятеля (человека, животного): это может быть движение, речь, трудовая или иная деятельность, например: *«Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, уснувшись опять в сундук, откуда тянуло нафталином. Достала белье, пошла в прихожую комнату. На пороге остановилась, повернулась к мужу»* (В. Шукшин).

Логико-синтаксические типы семантики простого предложения тесно связаны друг с другом, в реальной коммуникации они часто вступают во взаимодействие между собой и с текстом, образуя синкретичные по семантике предложения [10]. Так, в описательном тексте семантика бытийности и семантика характеристики часто совмещаются в одном предложении, актуализируясь в зависимости от коммуникативных задач высказывания. В подобных предложениях носителем бытийного значения служит бытийный глагол, носителем характеризующего значения – имя прилагательное или отвлеченное существительное, например: *«Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит»* (А. Пушкин).

Общесмысловое значение констатирующего текста влияет на характер логико-синтаксического типа предложений, актуализируя в синкретичных случаях одну семантику и подавляя другую. Так, в следующем фрагменте преобладают глагольные предложения, обычно выражающие акциональность, однако значение синхронности описания актуализирует в них семантику определительной характеристики, которая усиливается благодаря обилию качественных прилагательных и наречий образа действия, например: *«Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко лепечут над вами; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся;*

могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы. Вы едете по зеленой, испещренной тенями дорожке; большие желтые мухи неподвижно висят в золотистом воздухе...» (И. Тургенев).

По нашим наблюдениям, семантическая структура текста типа «описание» может соответствовать так называемой идеальной модели текста (по Е. Н. Ширяеву), в которой все необходимые компоненты смысла эксплицированы. Так, рассказ Л. Толстого «Булька» содержит следующий описательный фрагмент, включающий предложения с различной семантикой: *«У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые. У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, черные и блестящие; зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа».*

Интродуктивную функцию в приведенном фрагменте выполняет бытийное предложение с личностным локализатором, указывающим на говорящего; имя бытующего предмета обозначает конкретный одушевленный предмет – собаку. Далее, по требованию «идеальной» модели текста, следует предложение номинации, в котором называется собственное имя бытующего предмета с тем, чтобы идентифицировать его в последующем тексте. Структурно-семантическую основу фрагмента образуют предложения определительной характеристики по признаку, в которых перечисляются физические признаки описываемой собаки, ее внешний вид, повадки. Заметим, что семантика обладания в этом разговорном описании оформлена не характеризующими предложениями (что свойственно научному тексту), а по бытийному типу: *У меня была мордашка; У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней...; у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед...*

Повествовательный тип текста, напротив, не может быть построен по «идеальной» модели текста, в его структуре нет места предложениям бытийным, тождества и номинации. Для формирования повествовательного текста говорящий должен использовать предложения только с акциональной семантикой. Семантика бытия и номинации в повествовании обычно представлена имплицитно, как фоновая для основной акциональной семантики. Художественные произведения

зачастую начинаются с повествовательных фрагментов, в которых существование в мире объекта речи и акт его номинации подразумеваются.

Итак, определены некоторые функциональные закономерности логико-синтаксических типов предложения, которые проявляются в констатирующих текстах. При построении текста типа «описание» говорящий может использовать все логико-синтаксические типы предложения, отражающие модели человеческого мышления, однако онтологически описательный текст связан именно с семантикой бытийности. В тексте типа «повествование», напротив, нет места предложениям бытийным, тождества и номинации; выбор говорящего ограничен предложениями акционального типа.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). М.: Наука, 1983.
3. Бабайцева В. В. Простое предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2001. С.292–478.
4. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2004.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд, стереотип. М.: КомКнига, 2006.
6. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1995. С.239–320.
7. Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» / под общ. ред. О. А. Нечаевой. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2011. 380 с.
8. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): автореф. дис. ...д-ра филол.наук. – Москва, 1975.
9. Омельченко Л. Н. Имена состояние: особенности использования в современной русской речи // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: матер. междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2015. С. 111–112.
10. Омельченко Л. Н. Семантический аспект изучения предложения как развитие идей русского классического языкознания //

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения: тр. И матер.: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 1. С. 267–269.

11. Хамаганова В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии): автореф. дис. ...д-ра филол.наук. М., 2002.

Ширяев Е.Н. Текст: идеальное начало и его реализация в разных функциональных разновидностях языка и их жанрах // Семантика языковых единиц. Т.2. М., 1998. С. 386–388.

Омельченко М.С.

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России (университет) (Москва)*

Формы речевой избыточности. Производный плеоназм

Аннотация. В статье рассматривается одна из форм речевой избыточности, а именно плеоназм. Речь идёт о деривативном (производном) плеоназме, который выполняет роль стилистического средства, для выражения экспрессивности. Затрагивается также проблема перевода таких лексических единиц с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: избыточность, плеоназм, стилистическое средство, производный плеоназм, архаизм.

M. Omel'chenko

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

Forms of speech redundancy. Derived pleonasm

Abstract. The paper considers one of the forms of speech redundancy, namely, pleonasm. A derivative (derived) pleonasm, which is used as a stylistic device of expressiveness, is studied. The problem of translation of such lexical units from German into Russian is described.

Keywords: redundancy, pleonasm, stylistic means, derived pleonasm, archaism.

Язык содержит множество отклонений от нормы, но не все из них мы можем причислить к грамматическим или лексическим ошибкам. В. П. Белянин относит, например, к таким отклонениям паузы, исправления уже сказанного, повторы, оговорки [1, с. 69]. К отклонениям относят также и плеоназмы, под которыми понимают избыточные выразительные средства, используемые для передачи лексического и грамматического смысла высказывания [2, с. 167].

Слово плеоназм пришло к нам из древнегреческого языка *πλεονασμός* и переводится как «излишний, излишество». Случаи употребления его в

речи часты, но термином пользуются в основном филологи, лингвисты и литературоведы.

В языкознании до сих пор не существует чёткого определения данного термина, отсутствует классификация. Часто подменяются понятия плеоназм и тавтология, т.к. между ними нет чёткого разграничения.

Плеоназм может проявляться в лексике и в этом случае речь идёт о лексическом плеоназме, при использовании грамматических форм (грамматический плеоназм), в стилистике (стилистический плеоназм) и др. По своей природе выделяют обязательный, обусловленный языковой системой, а также факультативный, который обусловлен экспрессивными целями высказывания [5, с. 379].

Плеоназм в немецком языке интерпретирую в первую очередь как стилистическое средство, лишь затем рассматривают его как стилистический дефект.

Плеоназм часто является архаизмом, в таких случаях лексические единицы прочно укореняются в языке и не воспринимаются как дефект. Например, слово

Fußpedal, которое состоит из слов Fuß, что в переводе с немецкого означает нога, и pedalis, что в переводе с латинского языка переводится тоже как нога.

В немецком языке существует много примеров, которые в самой лексической единице не содержат никакой дополнительной информации, тем не менее они прочно вошли в обиход, трансформируясь в устойчивое выражение.

Рассмотрим следующие примеры:

- *stillschweigend* – безмолвный, молчаливый:

Wenn die Welt Versuche Chinas stillschweigend hinnehme, die geltende Ordnung zu verändern und bestehende Gesetze zu beugen, könne dies weitreichende Folgen haben, sagte die Ministerin (Die Zeit online, 16.09.2016).

- *schlussendlich* – в конце концов, в заключение:

"Schlussendlich gab es viele Faktoren, die zu der letztlich über die Zeit gereiften Entscheidung beigetragen haben", sagte der Thüringer am Mittwoch (Die Zeit online, 08.06.2016).

Schlussendlich landete die CDU jedoch fast fünf Prozentpunkte hinter der SPD (Die Zeit online, 15.03.2016).

- *klammheimlich* (lat. *clam* – *heimlich*) – втихомолку, совершенно тайно, под шумок:

"Stattdessen machen die Deutschen klammheimlich genau dasselbe, was die Islamische Republik macht" (Die Zeit online, 23.11.2016).

- *Düsenjet* (engl. *jet* – *Düsen*) – реактивный самолёт:

Am Nachmittag drängte sich die Masse auf dem Expo-Hügel, als Düsenjets bei ihrer Flugshow Kondensstreifen in den türkischen Nationalfarben Rot und Weiß in den Himmel malten (Die Zeit online, 23.04.2016).

Детальный разбор каждого из них даёт следующий результат:

- *still* (тихий, молчаливый) + *schweigend* (безмолвный, безмолвно, молча);

- *schluss* (der *Schluß*, сущ. – конец, завершение) + *endlich* (окончательный, наконец, в конце концов);

- *klamm* (от латинского слова *clam*, которое означает тайный, секретный, скрытый) + *heimlich* (уже немецкое слово с тем же самым значением);

- *Düsen* (реактивный) + *jet* (der *Jet*, заимствованный англоамериканизм, который переводится как реактивный самолёт).

В вышеупомянутых примерах речь идёт о деривативном (производном) плеоназме, который ни в коем случае не выглядит как ошибка или дефект, выступая против языковых норм, а является, своего рода, сравнением, усилением и выполняет роль стилистического средства, для выражения экспрессивности.

При переводе плеоназмов возникают лексические проблемы, т. к. в данном случае речь идёт о «несовпадении набора элементарных смыслов в значениях единиц, используемых для обозначения одних и тех же объектов» [4, с. 95]. При переводе желательно сохранить стилистическую характеристику, но в некоторых случаях невозможно найти точное соответствие для перевода. Например, в своей статье Ю. Э. Дорохова рассматривает употребление эпитета «*krebsrot*» – *abstehende krebsrote Ohren*. Перевод на русский язык звучит нейтрально: «красный», т. к. в русском языке такое сочетание «красный как рак» и «уши» недопустимо [4, с. 98]. В данном примере речь идёт о типизированной трактовке денотативной ситуации. Плеоназм, являясь средством отображения и выражения ментальных образований, присутствует в сознании представителя определённой картины мира, а также оказывает влияние на формирование в сознании индивидуума [6, с. 77].

Плеоназм может усилить высказывание и тем самым выделить его в корпусе текста, а также передать ироничное настроение автора.

Конструкции, которые не имеют риторического фона, считаются нарушением стиля.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2009. С. 232.
2. Бурухин А. Н. Плеоназмы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование). Вестник государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. С. 167–173.
3. Дорохова Ю. Э. Двухязычная лексикография и перевод / Язык как система и деятельность: 4 Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Введенской. Ростов: Foundation, 2013. С. 73–78.
4. Дорохова Ю. Э. Компоненты семантики лексических единиц и их передача в художественном переводе. Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики, Москва. 2014. С. 95–103.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. И. Ярцева. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2002. 507 с.
6. Ноздрина А. С. Концептуальное наполнение предлогов / А. С. Ноздрина / Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 6 (81). С. 75–85.
7. Bak Pawel. Pleonasmus der deutsche Gegenwartssprache. / Phrasenstrukturen und – interpretationen im Gebrauch II. Neisse Verlag. Wroclaw-Dresden. 2015. С. 11–25.

Павлычева Е.Д.

Московский государственный областной университет (Москва)

Англо-американский научный дискурс в контексте речевого портрета личности

Аннотация: Представленная статья посвящена обзору англо-язычного научного дискурса в контексте речевого портрета личности. Рассматриваются различные подходы к данной теме английскими и американскими учёными на протяжении XX–XXI веков: смешанный подход, в рамках которого представление о речевом стиле стремятся совместить с индексируемыми речевыми маркерами; подход, где речевой портрет личности интерпретируется в призме социальной идеологии; подход, где речевой портрет личности представляет собой констатацию принятия индивидом на себя уже имеющегося речевого стиля; подход, провозглашающий расширительное толкование категории речевого портрета.

Ключевые слова: дискурс, речевой портрет личности, подход, речевые маркёры, социальная идеология, речевой стиль.

E. Pavlycheva

Moscow State Region University (Moscow)

American scientific discourse in the context of a linguistic personality portrait

Abstract. The article is devoted to the review of the English-language scientific discourse in the context of the speech portrait of the individual. Various approaches are discussed to the topic of English and American scholars throughout the XX–XXI centuries: mixed approach, in which the idea of speech style tends to combine with indexed speech markers; approach, where the speech portrait of a person is interpreted in the prism of social ideology; approach, where the speech portrait of a person is a statement of the acceptance by the individual of the existing speech style; approach, which proclaims an extensive interpretation of the category of speech portrait.

Keywords: discourse, speech portrait of a person, approach, speech markers, social ideology, speech style.

Рассматривая понятие речевого портрета личности в иноязычных научных дискурсах, необходимо отметить, что, англо-американский дискурс понятием речевой портрет (англ. Speech portrait) не оперирует. В его пределах наибольшее распространение получил термин *speaking style*, изучение которого началось практически с 30-х – 40-х гг. XX века. Однако, наиболее в полном виде и близком к терминологическому смыслу категории «речевой портрет личности», это понятие было разработано американским социолингвистом У. Лабовым в середине 60-х гг. [8]

В контексте построений У. Лабова, ставших основой социолингвистического подхода, индивидуальный речевой стиль (англ. *individual speaking stile*) представляет собой набор языковых вариантов с определенными социальными смыслами. В этом ракурсе им выделялись определенные факторы, которые определяющим образом воздействуют на речевой стиль. Они включают в себя принадлежность к группе, личные качества или убеждения.

Непосредственно вовне, в индивидуальной речи, они проявляются синтаксически, лексически и фонологически. Исходя из этого, четко отследив конкретные особенности, проявляющиеся в речи того или иного индивида, по трем перечисленным выше группам можно, *во-первых*, сделать вывод относительно принадлежности его к той или иной социальной группе, носимой им идеологии и ключевых чертах его личности, а, *во-вторых*, сформировать более или менее полный его психосоциальный портрет.

В этих условиях, рассматривая лабовское представление о речевом стиле, как воплощения речевого портрета личности, необходимо отметить, что в его понимании сути этой категории выделяются 5 основных принципов:

Принцип №1 — Никто не говорит единственным стилем, каждый индивид обладает множеством речевых стилей, проявляющихся в зависимости от контекста.

Принцип №2 – Речевые стили могут быть градуированы по одной шкале, в качестве которой чаще всего выступает эффективность речевого воздействия на слушателя.

Принцип №3 – Черты личности наиболее полно проявляются в речи в условиях спонтанного говорения и просторечий.

Принцип №4 – Любое систематическое наблюдение за носителем речевого стиля определяет формальный контекст, в котором речи уделяется минимальное внимание.

Принцип №5 – Основным средством формирования объективного представления о личности носителя речевого стиля является непосредственное очное интервью.

Обобщая свою работу по выявлению индивидуальных черт личности в речевом стиле, к началу 70-х прошлого века У. Лабов пришел к выводу о том, что индивиды стремятся показать себя в речи с лучшей стороны, показать черты своей личности более позитивными и высоко развитыми, как и показать принадлежность к более высокому социальному классу. [9]

В Европе вплотную к вопросу формирования представления о чертах личности человека по присущим ему речевым проявлениям также, вплотную подошли к началу 70-х гг. XX века. Отправным моментом стало полевое исследование Д. Гёрлитца, проведенное в 1972 году. Основываясь на нем европейская социалингвистика, прежде всего немецкая, сформулировала концепцию речевых маркеров, то есть проявляющихся в речи признаков, свидетельствующих о наличии у индивида того или иного качества личности [3].

Обобщая широкий спектр исследований, Клаус Р. Шерер, к концу 70-х гг. выдвинул подход к пониманию речевого портрета личности в призме трех основных параметрических характеристик:

«Вокальные аспекты» – «Аспекты индивидуального речевого стиля» – «Морфологические и синтаксические аспекты» [7].

Компонентами речевого портрета личности, в этих условиях становятся речевые маркеры, которые определяются как «те экстралингвистические,

паралингвистические и лингвистические сигналы, которые позволяют дифференцировать индивидов по различным биологическим, социальным и психологическим категориям или особенностям, которые осознанно или спонтанно проявляются в речи». [7, 360 p.]

В рамках такого понимания речевого портрета, в него включен широкий диапазон лингвистических явлений, которые могут служить маркерами, а также разнообразием социальных и психологических факторов, которые могут влиять на формирование языковой личности. Лингвистически, маркеры, составляющие речевой портрет, включают фонологию, подачу речи, лексикон, грамматические особенности, стиль произношения, которые проявляются спонтанно или осознанно в монологической речи или диалоге. Кроме этого на речевой портрет объективно влияют социальные категории как возраст, пол, этническая принадлежность, класс и статус, такие психологические категории как психологическое состояние личности и отношения между говорящим и собеседником.

На практике, в рамках указанного подхода, сущность речевого портрета личности это помещение маркеров в семиотическую перспективу, и представление их как индексы в пирсовском смысле. Маркеры, таким образом, могут быть выделены в коммуникации животных, равно как и в невербальных формах человеческого общения, констатируя эволюционную непрерывность. В этих условиях, на передний план выходит вопрос о том – как трактовать интенсивность, объемом и ясность выраженности маркеров в речи. Для этого в структуре речевого портрета выделяется ряд дихотомий, с позиций которых трактуются маркеры: дискретность/непрерывность проявления; инвариантный/условно-вероятностный; уникальный/распространенный и внутренний/внешний по происхождению.

Обобщая формирование такого подхода к пониманию сущности речевого портрета личности К. Шерер, приходит к заключению, что он, в конечном итоге является совокупностью маркеров исследованных в контексте представленных выше дихотомий. Такой подход позволяет констатировать, что фактически классификация речевых портретов личности конечна, когда, в зависимости от выявления той или иной особенности маркера, который может быть непрерывен или дискретен в проявлении, инвариантен или условно-вероятностен, уникален или распространен, внутренним или внешним по происхождению. Простой подсчет позволяет констатировать 8 разновидностей каждого маркера и, как следствие, 64 базовых варианта их совмещения, что

позволяет нам сделать вывод о 64 базовых речевых портретах, которые можно сформировать в рамках этого подхода. [7, 366 p.]

Рассматривая современное состояние подходов к определению и пониманию речевых портретов в англоязычном научном дискурсе, необходимо отметить, что среди них можно выделить несколько магистральных. Первым из них будет выступать смешанный подход, в рамках которого лабовское представление о речевом стиле стремятся совместить с индексируемыми речевыми маркерами. Вторым – идеологическое направление, где речевой портрет личности интерпретируется в призме той социальной идеологии, которая является для индивида или группы господствующей. Третьим – где речевой портрет личности представляет собой констатацию принятия индивидом на себя уже имеющегося речевого стиля полностью или частично. Четвертый – провозглашающий расширительное толкование категории речевого портрета, где социальные или культурные изменения приводят к появлению новых особенностей речи, что может свидетельствовать о появлении новых речевых портретов. Рассмотрим их подробнее.

Активную работу по совмещению подхода У. Лабова и К. Шерера провела в начале настоящего века Пенелопа Экерт. Она попыталась объединить лабовское представление о речевом стиле, основанное, во многом на впечатлениях и ощущениях с системой индексируемых маркеров, предложенной К. Шерером, провозгласив таким образом обоснование нового подхода к определению и пониманию сущности речевого стиля. [2]

Отталкиваясь в своем подходе от концепции Майкла Сильверстайна, который констатировал, что речевые маркеры определяются социальной группой, которая, по ассоциации, приводит к возникновению определенных речевых черт, стереотипно связанных с членами той группы, которые могут быть индексированы. Согласно этому подходу, у любого речевого маркера есть, с одной стороны конкретный, закрепленный за ним признак личности и, в тоже время, есть своя собственная область индексирования, охватывающая любое число его потенциальных проявлений, фактически связанные с выражающей его переменной, определенные социальным контекстом и стилем, в котором данный маркер проявляется. Указанные области индексирования могут часто изменяться в зависимости от контекста проявления маркера или под воздействием других факторов. Таким образом, в рамках данного подхода, представление о речевом портрете вращается вокруг

проявления маркеров, их изменений и интерпретации таковых в рамках системы индексирования, построенной на основе логических связей.

Рассматривая идеологический подход, необходимо отметить, что его предложила в самом начале XXI века Джудит Ирвин – профессор Мичиганского университета, в работе «Культура и идеология лингвистической дифференциации». По её мнению, речевой портрет личности невозможно сформировать вне контекста идеологии. Присущей той группе или обществу в целом, в которые интегрирован индивид. Определяющее значение, таким образом, имеют личностные интерпретации групповой или общественной идеологии, которые непосредственно проявляются в речи. [4]

Развивает этот подход в своих работах М. Буххольц. По её мнению, совокупность речевых характеристик личности находится между жаргоном и стандартом, где проявления языковой личности конкретного индивида выражаются в степени проявления самоконтроля говорящего в конкретной ситуации или контексте. По её утверждениям, идеология соединяет стилистическую особенность использования конкретных сленговых или стандартных выражений с конкретными группами людей, выделение которых основывается, прежде всего, на объективных параметрах, таких как пол, возраст и раса. Она также констатирует понятие «стилизации», где индивид стремится воспроизвести в речи черты не свойственные его личности или идеологии в том случае, если, по его мнению, этого требует ситуация. Таким образом, объективно, предлагаемый ею подход является скорее не концепцией речевого портрета личности, сколько механизмом выявления влияния на него групповой идеологии, её проявления в речи и как следствие группового речевого портрета [1].

Заслуживающую внимание линию развития концепта речевого портрета личности, в англоязычном научном дискурсе, предложила в 2009 году, в работе «Позиция, Стиль и Языковая индивидуальность», Барабара Джонстон. В соответствии с её представлениями речевой портрет личности индивида состоит из так называемых «позиций», которые являются, по существу формами личностной контекстуализации речевых проявлений, которые индивид черпает из окружающего мира. По её мнению, формирование этих позиций начинается ещё в детстве, когда ребенок, активно развиваясь, интенсивно воспринимает и впитывает то – как говорят взрослые вокруг него. Именно тогда, по ходу формирования его языковой личности и индивидуального речевого стиля он приобретает первые лексические, фонетические, морфологические и синтаксические позиции, которые

проявятся в его собственной речи. Нельзя также не отметить, что, согласно её теории, позиции не являются чем-то неизменным. Они могут меняться у одного и того же индивида, по ходу одного разговора осознанно для оказания большего воздействия на собеседника – подстройки или «раздвигания». Таким образом, речевой портрет личности, в её видении это личностная комбинация усвоенных лингвистических позиций, которая может меняться в зависимости от контекста или ситуации [5].

Развитие предложенных ею идей мы найдем в работах Скотта Кислинга и Сэма Киркхэма. Анализируя указанный подход, С. Кислинг, в частности, отмечает, что он сосредотачивается более на вопросах взаимодействия и взаимовоздействия между лингвистически самостоятельными субъектами, нежели чем на вопросах отображения личностных качеств в речи. С. Кислинг, в частности пишет: «В этом представлении личные стили [речевые портреты] составлены из набора или, своего рода, репертуара воспринятых позиций, где способ говорить представляет не просто личностный стиль, но позицию, которую человек склонен принимать в течение долгого времени... Поскольку некоторые позиции более привлекательны для одной группы, чем для другой, это, с одной стороны, дает возможность сделать вывод о языковом стиле её участника и, как следствие, чертах его языковой личности, но, в тоже время, далее, на личность носителя позиции не распространяется» [6].

В свою очередь, Сэм Киркхэм, пытается с использованием категории позиций вернуться ближе к индивидуальному речевому стилю. Анализируя их он, в частности приходит к выводу, что позиции - важный средний шаг, связующее звено между индивидуальным речевым стилем и типом речи, характерным для социальной группы [11].

Последний подход, провозглашающий расширительное толкование категории речевого портрета, констатирует, что социальные или культурные изменения приводят к появлению новых особенностей речи, что может свидетельствовать о появлении новых речевых портретов. Перформативное создание индивидуального речевого стиля, в рамках этого подхода трактуется как результат желания носителя спроектировать определенный социокультурный имидж или позицию. В этих условиях выделяются две основных парадигмы поведения, где индивиды, которые хотят представить себя определенным способом, могут сознательно изменить свой лингвистический стиль. Источником такого желания приверженцы этого подхода полагают нелингвистические ситуации. Так, по мнению П. Экерт массированное изменение своих индивидуальных речевых стилей (речевых

портретов), связано с возникновением и распространением такого социокультурного движения как «Новая волна», где подростки сознательно копировали манеру речи и использовали лексические единицы своих музыкальных кумиров. В то же время, практически сразу выделилась лингвосоциальная группа, вставшая в оппозицию к «Новой волне». Входящие в неё подростки сознательно и целенаправленно говорили совершенно иначе, нежели чем представители первой группы, как с точки зрения фонетики, так и лексики. В этих условиях, в ракурсе последующих изменений в речевых стилях одних и тех же людей был сделан вывод о том, что социокультурные трансформации порождают к себе определенное отношение индивидов, выражающееся в желании примкнуть к ним или, напротив встать на позиции противодействия. Именно это и выступает определяющим для формирования речевого портрета индивида здесь и сейчас.

Таким образом, индивиды часто обращаются, к так называемой, перформативности и создают собственный речевой портрет, соответствующий и удовлетворяющий желаемому ими образу себя. Таким образом, ключевые особенности личности играют здесь роль в части определения своего отношения к тем или иным социокультурным аспектам прогресса, в индивидуальном речевом стиле могут даже и не проявляться, будучи спрятанными, глубоко под той или иной маской. В то же время, Роберт Подесва и Патрик Кэльер указали на наличие идентичной ситуации и в отношении профессиональных групп. Исследуя адвокатов, они установили, что речевой стиль одного и того же человека может существеннейшим образом меняться в зависимости от ситуации и контекста [10].

Итак, в данной статье автор рассмотрел англо-американский научный дискурс в контексте речевого портрета личности, что дает основания для дальнейших исследований в этой области.

Список литературы

1. Bucholtz, Mary; Hall, Kira Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach // *Discourse Studies* (Sage), October 2005, 7 (4–5): 585–614.
2. Eckert, Penelope. Variation and the indexical field. *Journal of Sociolinguistics*, 2008, 12: 453–476.
3. Görlitz, D. Ergebnisse und Probleme der ausdruckspsychologischen Sprechstimmforschung. Meisenheim/Glan, 1972.
4. Irvine Judith. Style as distinctiveness: The culture and ideology of linguistic differentiation. In Penelope Eckert and John Rickford (eds.) *Style and*

Sociolinguistic Variation. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2001, 360 p., pp. 21-43.

5. Johnstone, Barbara Stance, Style, and the Linguistic Individuality in Sociolinguistic Perspectives on Stance, ed. by Alexandra Jaffe. Oxford: Oxford University Press, 2009, 270 p., pp. 29-53.

6. Kiesling, Scott Fabius Sociolinguistic Variation and Change. Edinburgh Sociolinguistics Series. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 2011, 208 p., 99-100.

7. Klaus R. Scherer & Howard Giles, eds., Social Markers in Speech. Cambridge-London-New York. Melbourne University Press - Paris. Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme. 1979. xiii + 395 p., indexes, fig., tabl. (European Studies in Social Psychology).

8. Labov, W. The social stratification of English in New York City. Washington: Center for Applied Linguistics, 1966, 655 pp.

9. Labov, William Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972, 362 pp.

10. Robert J. Podesva and Patrick Callier Voice Quality and Identity // Annual Review of Applied Linguistics, 2015, 35, pp. 173-194.

11. Kirkham, Sam Personal style and epistemic stance in classroom discussion. Language and Literature, 2011, 20(3), pp. 207-217.

Панфилова Д.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Научный руководитель: к.филол.н., кафедра индоевропейских и восточных языков Сахарова Н.Г.

Диакроническое исследование стилистик

американских патриотических песен

Аннотация. Статья посвящена диакроническому исследованию поэтического языка патриотических гимнов и маршей Соединённых Штатов Америки посредством анализа лингвостилистики. Новизна заключается в том, что текстовая модальность данных песен мало изучена. Результаты исследования могут быть использованы в стилистике и лексикологии.

Ключевые слова: патриотическая песня, стилистические особенности, диахрония, менталитет.

D. Panfilova

Moscow Region State University (Moscow)

Diachronic study of poetic language in American patriotic songs

Abstract. The paper is devoted to the diachronic study of the poetic language in American patriotic songs through the linguistic and stylistic analysis of expressive means,

lexical, morphological, syntactical and phonetic stylistic features. The novelty is that text modality of these songs are scarcely studied. The results of the study can be used in stylistics and lexicology.

Keywords: patriotic song, stylistic peculiarities, diachrony, mentality.

Диахронный метод подразумевает исследование определённого явления в его развитии [6].

Патриотическая песня – это лирическое произведение, отражающее душу народа, вызывающее дух патриотизма, а также являющееся мотивационным средством [7]. Исследуя патриотические песни определённого государства, следует отметить, что слово «патриотизм» интерпретируется каждым народом по-своему. Определение патриотизма и патриотического духа формируется на основе менталитета того или иного народа. Идеи патриотизма являются тем стержнем, вокруг которого формируются убеждения, социально значимые чувства молодого поколения [2]. Американский патриотизм – это стереотип-концепт для данной нации. Confidence-Patriotism-Wealth (рус. Уверенность – Патриотизм – Благосостояние) – вот три кита, на которых складываются аксиологические стереотипы-концепты американского характера [5].

Анализ проводится с точки зрения различных стилистик. В статье приведен стилистический анализ трех, наиболее известных американских патриотических песен и маршей: [**Over There**],[**Ballad of the Green Berets**],[**The Stars and Stripes Forever**].

Американская патриотическая песня [**Over There**] (рус. Вон там) приобрела известность в стране во время Первой мировой войны. Автором текста является Джордж М. Кохан [11], 1917 г.

Лексическая стилистика – раздел языкознания, который исследует условия определяющие необходимость выбора той или иной лексической единицы в конкретной речевой ситуации [1].

Изобразительно выразительные средства: эпитеты a son of Liberty [13]; a son of a Gun [Там же] в данном случае также являются **перифразой** – троп, заменяющий название предмета описательным оборотом с указанием его существенных признаков [1]. То есть в данном контексте единым значением для вышеупомянутых оборотов служит слово «soldier»- солдат, который в более широком смысле является сыном и свободы, и оружия. Также слово Yanks [13] быть рассмотрено как **синекдоха**, так и **антономасия**. В первом случае Янки - перенос общего значения на частное: The Yanks are coming [Там же] – подразумевается, что

все Янки (во время Американской гражданской войны жители Северных штатов, колонисты) надвигаются. Если рассматривать как антономасию, то Янками называли всех жителей США [14]. В тексте песни не так много образной речи, что является своеобразным стилистическим приёмом — **автологией**, когда эстетический эффект достигается при помощи упорядоченности текста, почти лишённого тропов и фигур речи [1]; Словосочетания Get your gun [13]; on the run [Там же] употребляются в тексте песни несколько раз — **лексический повтор**. Также встречается **синонимичный повтор**: make your daddy glad to have had such a lad [13]; make your mother proud of you [Там же]. Данные словосочетания можно назвать синонимичными, так как в общем имеют одинаковую семантику, несмотря на то, что лексико-грамматический вид различается.

Морфологическая стилистика – это совокупность свойственных определенному языку морфологических противопоставлений, грамматических категорий и способов их выражения [1].

В песне чаще всего встречаются глаголы в инфинитиве и повелительном наклонении: make, sent, tell, to be proud [13].

Простые предложения преобладают надо распространёнными, что говорит о слаборазвитой **синтаксической стилистике текста** – раздел языкознания, предметом изучения которого является предложение и словосочетание [1].

Фонетическая стилистика – раздел языкознания, который изучает частоту употребления фонем в разных стилях, их сочетаемость, анализирует звуковые эффекты, мотивированные содержанием и образностью текста [1]. Hurry right away, no delay, go today [13]; Pack your little kit, show you grit, do your bit [Там же] – **парономасия**, то есть близость звучания контекстно связанных слов [1]. В вышеупомянутых словосочетаниях обнаруживается сходство звуков [aɪ] и [iɪ] на конце смысловых ударных слов.

[**Ballad of the Green Berets**] (рус. Баллада о зеленых беретах) — американская патриотическая песня времён Вьетнамской войны, посвящённая силам специального назначения Армии США, более известным как «зелёные береты» [9], 1966г.

Лексическая стилистика.

Изобразительно выразительные средства: эпитет silver wings [10] является лексико-синтаксическим средством, так как выполняет функцию определения; **слово-символ** Green Beret [Там же]: зелёный – слияние

синего и жёлтого цветов, то есть буквально между небом и землей. Также данное выражение может быть **перифразой**: Her Green Beret has met his fate [Там же], здесь Green Beret [10] в значении husband, sweat-heart [Там же] – муж, любимый человек; **Анафора морфемная**: Her Green Beret has met his fate [10]; He has died for those oppressed [Там же]; **Анафора лексическая**: Trained to live off nature's land [10]; Trained in combat, hand-to-hand [Там же]; **Полисемия**: Her Green Beret [10] в значение перифразы и слова-символа. Использование одного и того же выражения несколько раз в тексте не препятствует пониманию и разграничению контекстуального и второстепенного значения, которое в свою очередь возникает как ассоциативный фон.

Морфологическая стилистика: Большое количество существительных употребляются во множественном числе, соответственно формы глагольных времён стоят во множественном числе, что создаёт ощущение единства духа и народа; Транспозиция раскрывает возможности глагольных категорий, используется «настоящее драматическое» [12], когда о прошедших событиях рассказывается как будто они происходят в настоящем [1]. Текст «Баллады» написан с использованием настоящего простого, настоящего совершенного, будущего простого времён: Silver wings upon their chests [10]; He has died for those oppressed [Там же]; He'll be a man they'll test one day [Там же].

Фонетическая стилистика: «Баллада» имеет парную рифму, однако, последние две строки каждого абзаца не рифмуются. Со стороны сходства звучание – точные рифмы land-hand [10], oppressed-request [Там же].

Синтаксическая стилистика: связь между самостоятельными предложениями осуществляется через связь отдельных членов предложений (личные и притяжательные местоимения he-his-her [10]) [1]: Back at home a young wife waits [10]; Her Green Beret has met his fate [Там же]; He has died for those oppressed [Там же]. Wife –her [Там же]; Green Beret –he [Там же].

Графическая стилистика – отсутствие знаков препинания, редко прослеживаются запятые [1]. Отсутствие знаков объединяет текст таким образом, словно баллада объединяет народ.

[**The Stars and Stripes Forever**] (рус. Звезды и полосы навсегда) – патриотический американский марш, по акту Конгресса США, этот марш является национальным маршем Америки [16], 1987.

Лексическая стилистика.

Изобразительно выразительные средства: эпитеты: mighty hand [15], martial note [Там же]; **метафора:** freedom's hope [Там же], а также **развернутая метафора:** the gem of the land and the sea [Там же], the never-ending watchword of our land [Там же]; **анафора лексическая:** The banner of the western land [Там же]; The emblem of the brave and true [Там же]; Sing out for liberty and light; Sing out for freedom and the right [Там же].

Фонетическая стилистика: В тексте присутствует **парная и перекрёстная рифма**. Со стороны сходства звучания рифмы точные day-fray [15], best-West [Там же] и приблизительные, которые в свою очередь подразделяются на ассонансы true-blue [Там же] и диссонансы elation-nation [Там же]; **анафора звуковая:** And liberty extend its mighty hand [Там же]; A flag appears 'mid thunderous cheers [Там же].

Синтаксическая стилистика: **анафора строфико-синтаксическая:** в качестве примера может выступить весь текст марша.

Изучив стилистические особенности трёх американских патриотических песен [**Over There**], [**Ballad of the Green Berets**] и [**The Stars and Stripes Forever**], можно обосновать их диахронное различие. *Во-первых*, каждая из вышеупомянутых песен относится к разному периоду двадцатого тысячелетия, соответственно условия написания и восприятия данных текстов существенно разнятся. *Во-вторых*, исследуя данные патриотические песни, можно проследить постепенное увеличение количества изобразительно-выразительных средств, в то же время сокращение морфологических и лексических стилистических особенностей. Проводя параллель с историческим и социальным развитием американского общества, прослеживается тенденция к преобразованиям, в том числе со стороны литературы. Двадцатый век ознаменован появлением целой плеяды писателей, таких как Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фицджеральд и других. Язык художественных произведений стал богаче, благозвучнее. Американские патриотические песни являются отражением менталитета и культуры народа в целом, приобретают характер устного народного творчества – фольклора [6].

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300с.

2. Бахтин Ю. К. Патриотическое воспитание как основа формирования нравственно здоровой личности // М.: Молодой ученый. 2014. № 10. С. 349–352.

3. Венедиктова Т. Д. Поэтическое искусство США: Современность и традиция. М.:Изд-во МГУ, 1988. 85с.

4. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М.: Изд-во МГППУ, 1971.

5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. М.: «Просвещение», 1972. 495 с.

6. Сахарова Н. Г. Образная речь американского блюза; монография. М.: Спутник +, 2008, 197с.

7. Цветова Н. С. Лексическая стилистика: Конспекты лекций и материалы к практическим занятиям. СПб.: Факультет журналистики СПбГУ, 2005. 80с.

8. Ballad of the Green Berets [Электронный ресурс]//URL:<https://www.allmusic.com/album/ballads-of-the-green-berets-mw0000866307> (дата обращения: 19.10.2017)

9. Ballad of the Green Berets [Электронный ресурс]//URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Ballad_of_the_Green_Berets (дата обращения: 19.10.2017)

10. Cohan G.M [Электронный ресурс]// URL:<https://www.global.britannica.com/biography/George-M-Cohan#ref246346> (дата обращения: 19.10.2017)

11. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. University Of Chicago Press.1992.372 P.

12. Over There [Электронный ресурс] //URL:<https://www.teksty-pesenok.ru/american-songs/tekst-pesni-over-there/85923/> (дата обращения: 19.10.2017)

13. Reed J.S. (with J. Kohl and C. Hanchette). The Shrinking South and the Dissolution of Dixie. Social Forces, 1990. 69p.

14. The Stars and Stripes Forever [Электронный ресурс]//URL:<https://www.teksti-pesenok.ru/37/John-Philip-Sousa/tekst-pesni-The-Stars-And-Stripes-Forever> (дата обращения: 19.10.2017)

15. The Stars and Stripes Forever [Электронный ресурс]//URL:<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/36/304> (дата обращения: 19.10.2017)

Пичугина М.С., Святова М.И.

Московский государственный областной университет (Москва)

Особенности перевода названий деревьев в английской и в русской языковых картинах мира

Аннотация. В данном исследовании в качестве объекта анализа выступают способы вербализации лингвокультурного понятия «дерево» в типологически разных языках. Языковым материалом послужили оригинальный текст (С. Есенин «Клен, ты мой опавший...») и его переводы на английский язык. Установлено, что при переводе поэтического текста с одного языка на другой необходимо учитывать его национально-культурное своеобразие и эмоциональную окраску.

Ключевые слова: понятие «дерево», лингвокультурный концепт, лингвокультура, языковая картина мира, анализ переводов, клен, верба, сосна, березка, грамматическая особенность, средства вербализации.

M. Pichugina, M. Svyatova

Moscow Region State University (Moscow)

Translation aspects of denomination of trees in English and Russian linguistic worldviews

Abstract. The paper analyzes the ways of verbalization of the linguistic-cultural concept of 'tree' in typologically different languages. The original text (S. Esenin's "Maple bare of foliage...") and its translation into English are compared. It is found that in translating a poetic text from one language to another, it is necessary to take into account its national and cultural identities as well as emotional coloring.

Keywords: concept of 'tree', linguistic-cultural concept, linguistic culture, linguistic worldview, translation analysis, maple, pussy-willow, pine, birch, grammatical peculiarities, means of verbalization.

В центре нашего исследования находится сопоставительный анализ лексических средств. Известно, что с развитием языка семантика лексических единиц может претерпевать изменения, поэтому изучение семантической структуры слов всегда будет востребованным и актуальным. Мы рассматриваем понятие «дерево» как как лингвокультурный концепт, присутствующий в каждой национальной языковой картине мира и способный указать на национальное своеобразие менталитета народа, особенностей его культуры, обычаев, фольклора. Нами были выделены сходства и различия в семантической структуре русского слова «дерево» с его иноязычными эквивалентами, призванными обозначить лингвокультурный концепт «дерево» и особенности его проявления в лингвокультуре.

В представленной работе мы опирались на такие методы, как дефинитивный, использованный при определении лексикографической фиксации анализируемых лексем; сопоставительный метод использован при исследовании перевода текстов с одного языка на другой; сравнительный метод применен при анализе текстовых вариантов перевода одного и того же стихотворения.

Из всех единиц языка (морфема, слово, словосочетание, фразеологический оборот, предложение, текст) слово – основной центральный элемент и одновременно знак языка. При помощи слов в языке обозначены предметы, выделены их признаки, слово обозначает действия, отношения между предметами, т.е. кодирует человеческий опыт.

Для нашего исследования важным является термин «сема». Сема (от греч. *sema* – знак) – понятие и термин лингвистики и психолингвистики; минимальная единица плана содержания. Сема представляет собой элементарное отражение в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [1, с. 270].

Перейдем к анализу понятия «дерево».

Каждый язык по-своему отражает мир. Особенности отражения зависят от национального мышления народа, говорящего на конкретном языке, от истории развития самого народа и от истории развития языка, от этнографических особенностей культуры и т.д.

Лингвокультура – культура, получившая отражение в языке [7, с. 83–86]. Каждое слово в языке (а в данном исследовании представлены особенности перевода названий деревьев) – это элемент национальной лингвокультуры, принадлежащей конкретному языку. Таким образом, при переводе с одного языка на другой могут наблюдаться сходства и различия терминов-названий деревьев. Мы можем утверждать, что в каждой национальной языковой картине мира есть понятие, которое в русском языке обозначено словом «дерево».

Словарь Т. Ф. Ефремовой дает такое толкование: «Дерево ср. 1) Многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. 3) Древесина, древесный материал, идущий на постройки и изделия. 4) перен. разг. Родословная таблица, начерченная в виде такого растения; родословное дерево» [6, электронный ресурс].

Не трудно заметить, что в самом описании семантической структуры слова «дерево» присутствует указания на его многозначность. Словом

«дерево» в русском языке можно назвать и ботаническое явление, и предметы быта, обихода, игрушки, произведенные из этого явления.

Подтверждением тому, что данное понятие является лингвокультурологическим, служат многочисленные пословицы и поговорки.

Известно, что пословично-поговорочный фонд любого языка, являясь составным компонентом национального фольклора, а фольклор – одним из важных компонентов культуры, отражает вековую мудрость народа, считается национальной памятью народа.

Анализ русского пословично-поговорочного фонда дал такие результаты: понятие «дерево» используется в тринадцати устойчивых сочетаниях слов, что свидетельствует о важности для русской национальной культуры данного понятия.

Дерево держится корнями, а человек – друзьями.

Дерево познаётся по плоду, а человек по делу.

Из кривого дерева прямой стрелы не вырежешь.

Красное дерево редко, красное слово – метко.

Руби дерево по себе.

Плохое дерево в сук растет.

Дерево до отделки всегда кривое.

Дерево стало кривым, когда было молодым.

Не суди дерево по коре.

За деревьями не увидел леса.

Одно дерево – не тёмный лес.

Куда дерево клонилось, туда и повалилось.

Из одного дерева икона и лопата [4, электронный ресурс].

Не трудно заметить, что практически во всех русских пословицах и поговорках присутствует сравнение понятий «человек» и «дерево».

В пословично-поговорочном фонде английской культуры понятие «дерево» имеет огромное значение. Анализ английской лексикографической литературы позволил выделить четыре английские пословицы. Известно, что значение фразеологических оборотов, включающих пословицы и поговорки, не бывает однозначным и не всегда складывается из значений слов, составляющих данное изречение.

Мудрость народа, воплощенная в пословицу или поговорку, позволяет использовать одно и то же мудрое изречение в нескольких

житейских ситуациях. Поэтому перевод пословицы или поговорки – трудная задача для переводчика.

1. Money doesn't grow on trees.	1. <i>Деньги на улице не валяются</i>
2. Put not your hand between the bark and the tree.	2. <i>Свои собаки дерутся, чужая не приставай.</i>
3. You cannot judge a tree by its bark.	3. <i>Нельзя судить о дереве по его коре.</i>
4. The tree is known by its fruit.	4. <i>Дерево ценят по плодам, а человека - по делам.</i>

Проведенный анализ позволяет говорить о важности понятия «дерево» как лингвокультурологического явления, о чем свидетельствует тот факт, что оно присутствует в большом количестве пословиц и поговорок, являющихся средством закрепления народной мудрости. Использование понятия «дерево» в текстах стихов и песен – еще одно проявление лингвокультурологических характеристик, присущих данному понятию.

Перейдем к анализу переводов стихотворения С. Есенина на английский язык.

Мы живем в стране, которая обладает богатыми природными ресурсами, в том числе и древесными. Связь человека с природой, с деревьями неразрывна. Особое место в каждой национальной лингвокультуре занимает поэзия – жанр поэтического творчества. Диалог между национальными культурами невозможен без перевода поэзии. Переведенные на другой язык стихи становятся своеобразными проводниками межкультурного общения народов.

Осенью 2015 года отмечалась юбилейная дата, связанная с рождением поэта, так горячо любимого русским народом. Переоценить наследие С.А. Есенина невозможно. Многие стихи С.А. Есенина положены на музыку.

Практически во всех стихотворениях С.А. Есенина присутствуют картины русской природы, в том числе и образы деревьев.

Одним из ярчайших произведений С. Есенина является стихотворение «Клен, ты мой опавший...», написанное поэтом в последний год своей жизни (1925 г.). Следовательно, вот уже 90 лет это стихотворение присутствует в национальной русской культуре.

В стихотворении использованы названия деревьев такие, как **клен** (*Клен ты мой опавший, клен заледенелый*),

верба (*Там вон встретил вербу*),
сосна (*там сосну приметил*),
березка (*Как жену чужую, обнимал березку*) [5, электронный ресурс].

В качестве языкового материала для анализа переводческих тактик мы использовали переводы данного стихотворения на английский язык, выполненные русским переводчиком Аликом Вагаповым и английским переводчиком Питером Темпестом.

Особенности перевода слова «клен»

Первым в тексте анализируемого русского стихотворения стоит слово «**клен**», которое согласно переводным словарям, соответствует английскому слову MAPLE: MAPLE – any tree or shrub having winged seeds borne in pairs and lobed leaves: family Aceraceae; 1) Клён; [*ABBYU Lingvo, электронный ресурс*].

Именно этот эквивалент и использовали переводчики:

Oh my dear **maple**, frozen stiff and bare (*А. Вагапов*);

Maple bare of foliage, freezing in the snowstorm (*П. Темпест*).

Но при этом не трудно заметить, что оба переводчика в переводе не отразили такую стилистическую особенность стиха С. Есенина, как повтор основного слова, являющегося ключевым в стилистически окрашенном обращении:

«**Клен** ты мой опавший,
клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись,
под метелью белой?»
(*С. Есенин*)

«Oh my dear **maple**,
Frozen stiff and bare,
Why do you stand bending
in the blizzard there?» (*А.Вагапов*)

«**Maple** bare of foliage,
freezing in the snowstorm,
Why are you bent over
as the wind is blowing?» (*П.Темпест*).

Вполне возможным следует признать, что эта строка оригинального текста в переводе утратила эмоциональность своего звучания.

Особенности перевода слова «верба»

Согласно переводным словарям, русскому слову «**верба**» соответствует английский эквивалент PUSSY-WILLOW:

PUSSY-WILLOW – 1) a willow tree that produces silvery silky catkins 1) Вербa, ива остролистная, верба красная [ABBYU Lingvo, электронный ресурс].

В текстах перевода вместо ожидаемого *pussy-willow* обнаруживается другая лексема – *willow*, которая, согласно словарям, соотносится с русским «ива», а не «верба»:

Now I see a **willow**, now some other trees (А.С. Вагапов);

Here I met a **willow**, there a pine I greeted (П. Темпест).

Но, если воспользоваться ботаническими словарями, то можно установить, что слова «ива» и «верба» относятся к одному и тому же ботаническому виду деревьев.

Так, согласно энциклопедии А. П. Горкина, «**ИВА** (Salix), род деревьев и кустарников семейства ивовых. Среди ив – деревья, кустарники, низкорослые и стелющиеся кустарнички. Листья цельные, обычно на коротких черешках. Серёжки прямостоячие или повислые.» [3, электронный ресурс].

Данная энциклопедия устанавливает различия *вербы* и *ивы* формой листьев, местом произрастания. Так, ива, в основном, растёт вблизи болот, озёр, канав там, где есть вода, в то время как *верба* может расти повсеместно. В ботанической энциклопедии указывается и на разницу во времени начала цветения, и на форму кроны, и на цвет коры.

Следовательно, замена слова «верба» (*pussy-willow*) словом, обозначающим близкое по ботаническому роду, но другое дерево «ива», (*willow*) в переводах А. Вагапова и П. Темпеста может быть оправдана ритмом стиха, где необходимо было два слога (*вер-ба – wil-low*), а не четыре (*pussy-willow*).

При установлении эквивалентности русских *ива* и *верба* английским лексемам был обнаружен такой лексикографический факт: одним из значений английского слова PUSSY является значение «серёжка на вербе».

Особенности перевода слова «сосна»

Согласно переводным словарям, русскому слову «**сосна**» соответствует английский эквивалент PINE:

PINE 1) any evergreen resinous coniferous tree of the genus Pinus, of the N hemisphere, with long needle-shaped leaves and brown cones: 3) the wood of any of these trees 4) any of various similar but unrelated plants, such as ground pine and screw pine 1) Сосна 2) древесина сосны [ABBYU Lingvo, электронный ресурс].

Именно этот эквивалент и использовал Питер Темпест: – There a **pine** greeted.

В отличие от П. Темпеста переводчик А. Вагапов не использовал данное слово:

– Now I see a willow, now **some other trees**.

Поэтому можно говорить о том, что перевод А. Вагапова характеризуется достаточно вольной интерпретацией стихотворения, так как в нем отсутствует название одного из деревьев, которое является важным компонентом художественного образа, созданного Сергеем Есениным.

Особенности перевода слова «березка»

Согласно переводным словарям, русскому слову «**березка**» соответствует английский эквивалент BIRCH:

BIRCH – 1) 1) any betulaceous tree or shrub of the genus *Betula*, having thin peeling 2) the hard close-grained wood of any of these trees 1) берёза (дерево и древесина) 2) Берёзовый, из берёзы [*ABBYY Lingvo, электронный ресурс*]).

Именно этот эквивалент был использован обоими переводчиками:

I would hug a **birch-tree** like somebody's spouse (*А. Вагапов*);

In a lustful frenzy I embraced a **birch-tree** (*П. Темпест*).

Но при этом не трудно заметить, что и А. Вагапов, и П. Темпест вводят дополнительное слово «**tree**», которым как бы подчеркивают, что речь идет именно о «**дереве**».

Следует указать на то, что оба переводчика в переводе не отразили такую стилистическую особенность стиха С. Есенина, как использование уменьшительно-ласкательного имени для *березы* – «**березка**».

Сравните:

И, утратив скромность, I would hug a **birch-tree** like somebody's
одуревши в доску, spouse (*А. Вагапов*)

Как жену чужую, обнимал In a lustful frenzy I embraced a **birch-**
березку. (С. Есенин) **tree**. (*П. Темпест*).

Здесь отразилось различие в грамматических системах английского и русского языков: в английской грамматической системе отсутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы как средство выражения эмоционально-экспрессивной стилистической окраски.

Следовательно, можно говорить о том, что переводчикам не удалось сохранить в переводе те чувства, которые выражаются посредством

уменьшительно-ласкательных суффиксов в русской речи, не удалось передать отношение поэта к *берёзке*.

Грамматическая особенность стиха С. Есенина, выразившаяся в использовании уменьшительно-ласкательного суффикса («березка»), в английских переводах утрачена, а вместе с этим утрачена и яркая выразительность художественного образа, созданного русским поэтом.

В заключении необходимо отметить, что в центре внимания исследования находится понятие «дерево» и средства его вербализации в английском и в русском языках. Данное понятие присутствует в каждой национальной языковой картине мира, поэтому его можно считать *универсальным* элементом национальной лингвокультуры.

Тем не менее, можно выделить универсальные средства вербализации и национальные.

К универсальным средствам можно отнести те результаты, которые мы получили в результате исследования. При переводе с русского языка на английский части речи не изменились, изменилось лишь то, как были переведены названия деревьев. Так, существительные остались существительными.

К национальным средствам можно отнести применения суффиксов («березка») или внутренней формы для конкретизации дерева.

Практическое исследование русского слова «дерево» и его английских эквивалентов показало, что понятие, вербализованное русским словом «дерево», является составной частью национальных английской и русской лингвокультур. В каждой национальной культуре данное понятие занимает значительное пространство.

Следовательно, представленный в анализе выделенного нами практического материала позволяет уточнить смысловой объем понятия, обозначенного анализируемым термином в конкретном языке.

Таким образом, сопоставляя анализы переводов, мы можем сказать, что:

1. Использование понятия «дерево» в текстах стихов и песен – еще одно проявление лингвокультурологических характеристик, присущих данному понятию.

2. В переводческой тактике, свойственной каждому переводчику, наблюдаются черты сходства в восприятии оригинального текста и черты различий. Различия в выборе русского и английского эквивалентов названию дерева могут быть вызваны как отсутствием четкого прямого

эквивалента, так и наличием различий в грамматической системе английского и русского языков.

3. В процессе перевода текста важное место занимает степень эквивалентности видовых названий деревьев с русского языка на английский.

4. В процессе перевода поэзии важное место занимает переводческая тактика, избранная переводчиком. На переводческую тактику оказывает большое влияние мышление переводчика как особой языковой личности, способной к анализу двух разных лингвокультур.

На процесс перевода стихотворного текста влияют особенности грамматической системы языков, а также ритм стихотворного текста и степень эмоциональности художественных образов, переводимых из одного языка в другой.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Печатное издание М.: Издательство ИКАР, 2009.

2. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.

3. Горкин А. П. Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия» М.: Росмэн, 2006

4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1879. (электронный ресурс)

5. Есенин С. А. Собрание сочинений. Т. 3. М: Художественная литература, 1967 (электронный ресурс)

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000 (электронный ресурс)

7. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (2). С. 83–86.

Пищальникова В.А.

*Московский государственный лингвистический университет
(Москва)*

Методологические проблемы современной этнопсихолингвистики как теоретической базы межкультурных исследований

Аннотация: Статья посвящена выявлению основных теоретических проблем, связанных с формированием методологии межкультурных исследований.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация, методология, речевое действие, языковое сознание, образ мира.

V. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Methodological problems of modern ethnopsycholinguistics as a theoretical basis for intercultural research

Abstract. The paper investigates main theoretical problems concerning the formation of methodology for intercultural research.

Keywords: ethnopsycholinguistics, intercultural communication, methodology, speech act, language consciousness, image of the world.

Этнопсихолингвистика имеет свой специфический предмет исследования – национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности, обнаруживающуюся в «а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, т.е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [2, с. 192]. Теоретическая основа этнопсихолингвистики, пока не вполне сформированная, создается на базе классической отечественной теории речевой деятельности с привлечением некоторых существенных положений ведущих концепций; *когнитивной психологии*, в которой, наряду с другими проблемами, исследуются культурологически обусловленные когнитивные структуры, репрезентированные в языке и используемые в речевой деятельности; *лингвокультурологии*, изучающей отражение, фиксацию, способы экспликации (проявления) культуры в языке и трансляции ее через язык; *социологии*, исследующей, в частности, социальную дифференциацию языка; *этнопсихологии*, исследующей психологию межэтнических отношений, в том числе и в сравнительно-историческом аспекте. (Этот термин не является общепринятым в мировой науке; наряду с ним употребляются термины *психология народов*, *психологическая антропология*,

сравнительно-культурная психология, культурная психология, или кросс-культурная психология, социальная антропология и др.). Таким образом, этнопсихоллингвистика представляется наукой интегративного типа, объединяющей в себе разноаспектное изучение речевой деятельности как одного из видов психической деятельности человека в аспекте ее национально-культурной вариантности.

Для этнопсихоллингвистики важнейшими теоретическими постулатами являются следующие: (1) национальная культура существует в ментальной, предметной и деятельностной формах; (2) ментальные составляющие национальной культуры принципиально не могут быть «перекодированы» адекватно; (3) национально-культурная специфика сознания социума специфически обнаруживается в речевой деятельности, репрезентирующей когнитивные структуры и механизмы смыслообразования, свойственные данной культуре. Наиболее активно исследуется в настоящее время этнопсихоллингвистическая детерминация языкового сознания (то, что А. А. Леонтьев связывал с исследованием национально-культурной детерминации образа мира). Однако в этой области пока не создано каких-либо значительных теорий, объясняющих сущность и закономерности такой детерминации. На наш взгляд, это обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Во многих работах наблюдается реальное отхождение от принципов теории речевой деятельности А. А. Леонтьева и изучение на деле не речевых *действий*, а *языковых знаков*, устойчиво коррелирующих, по мнению части исследователей, с одной стороны, с некими «компонентами» образа мира, с другой – с реалиями действительности. При этом чаще всего интерпретируется содержание лексем, получаемых в качестве реакций в свободном ассоциативном эксперименте, как *языковых единиц*, и это содержание далее приписывается компонентам «образа мира». Опорой интерпретации, как правило, являются словарные дефиниции и частично – данные культурологического характера. Такая подмена психоллингвистической парадигмы лингвистической стала весьма распространенной. Многочисленные данные, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, зафиксированные в научных публикациях и специальных словарях, дают богатый материал для анализа пары стимул – реакция как речевого действия. Теоретически это обосновано. Реальным препятствием к началу практического изучения вербальной пары стимул-реакция как речевого действия является несколько причин. Во-первых, нет

достаточно разработанных процедур анализа речевого действия вообще, поэтому зачастую исследователи принимают ряд допущений, которые позволяют напрямую связывать вербальную реакцию с содержанием образа сознания (конструкта скорее операционального, чем содержательного характера). Во-вторых, таким препятствием является принципиальный отказ от системного исследования единичных реакций, полученных в ассоциативном эксперименте. Но именно в этих единичных реакциях в большей степени фиксируются способы вербального представления присвоенного психологического значения, способы действия со словом, в том числе и национально специфичные. Исследование единичных реакций может привести к пониманию содержания и структуры ядра языкового сознания как совокупности стабилизированных (но не статичных!) образов сознания в единстве их концептуальных, перцептивных и процедурных характеристик (две последние в современной этнопсихолингвистике практически не исследуются). Изучение же концептуальных свойств хотя и декларируется, но на деле сводится к выявлению значений лексических единиц, полученных в качестве реакций на слова-стимулы, и в лучшем случае – к установлению подчас произвольной или мало аргументированной связи между этими лексическими значениями и какими-либо явлениями культуры.

Вторая серьезная методологическая проблемы – не всегда корректное использование базовых понятий психологии и психолингвистики: образ мира, языковое сознание, образ сознания. Языковое сознание чаще трактуется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [8, с. 26], т.е. только та часть сознания, которая овнешнена в языковых единицах и их различных объединениях (системах). Таким образом, вербальная память как свойство психики человека может «отражаться» в сознании, ментально репрезентироваться, но способы этой репрезентации также не известны и представляются совокупностью разных моделей. Ассоциативное поле – лишь одна из многих (и не самых аргументированных) моделей ментальной репрезентации, постулирующая изоморфизм между репрезентирующим и репрезентируемым мирами. При этом основной задачей исследования моделей репрезентации является установление принципов организации знаний в них. Эта задача в соответствии с классической теорией деятельности стоит и перед исследованием

ассоциативного поля – модели сознания, которая представляет собой совокупность правил оперирования знаниями. Однако часто эта задача подменяется «качественной характеристикой образов сознания, стоящих за словом» (принципы которой не определены), а по сути, анализом лингвистической семантики слов-ассоциатов.

Таким образом, разрыв между требованием теории и реальной практикой исследования объясняется, прежде всего, отсутствием необходимых разработанных методик исследования речевого действия вообще, а не только национально специфичного. Постулаты теории речевой деятельности, как правило, упоминаются, но реальные исследования в подавляющем большинстве случаев на них не опираются. Отношение стимул – реакция хотя теоретически и определяется как речевое действие, однако внимание исследователя не задерживается на этом отношении – напротив, интерпретируется лишь слово-реакция, которому приписывается статус номинанта какого-то элемента образа сознания. Следовательно, перед современной этнопсихолингвистикой стоят важные теоретические задачи: систематизация терминологии в рамках принятой методологии в соответствии с базовой теорией; формирование специфических способов исследования объекта; расширение экспериментальных методов исследования этнической детерминированности речевой деятельности; разработка специфических методов исследования на базе категории языковое сознание; установление роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, отражение специфики национальных культур в речевой деятельности индивида; определение способов действия со словом в разных культурных сферах (проблема дискурсивных практик); выявление отражения характера межэтнических отношений в речевой деятельности; исследование вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения; изучение генезиса и взаимосвязей семантики национально-культурно специфичных значений и др.

Такое разноаспектное рассмотрение речевой деятельности позволяет выйти на решение многих важнейших междисциплинарных проблем, связанных с национально-культурной спецификой социума/этнуса: сущностные свойства менталитета, принципы и способы его моделирования; психолингвистические основы взаимодействия/взаимовлияния менталитетов; выработка адекватных комплексных методов исследования менталитета и многих других.

Одновременно решение перечисленных проблем инициирует развитие собственно этнопсихолингвистических методов и приемов анализа материала и способствует созданию необходимых обобщающих теорий.

При этом в силу своего интегративного характера этнопсихолингвистика должна осуществлять методологическую обработку используемых ею понятий и терминов, что позволило бы строить аргументированные модели национально-культурного дискурса. Понимание дискурса как совокупности специфических способов действия со словом (Ю.С. Степанов, П. Серио и др.) значительно увеличивает эффективность современных этнопсихолингвистических исследований, поскольку приближает их к теории речевой деятельности и позволяет выявить сущность национально-культурной вариантности речевой деятельности и закономерности реализации национально специфичных способов представления образов сознания в языке.

Все этнопсихолингвистические исследования так или иначе подчеркивают, что в отечественной этнопсихолингвистике актуально рассмотрение отношения языка и среды его функционирования – культуры, понимаемом в самом широком смысле как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в формах и типах организации людей, в их взаимоотношениях, а также в материальных и духовных ценностях. Однако понимание среды функционирования языка как культуры далеко не единственное. С одной стороны, среда может рассматриваться в психологическом аспекте. В этом случае акцентируется важность единства субъекта и среды. Так, Л.С. Выготский одним из первых отметил, что психологический анализ должен быть направлен на то отношение, в которое вступает личность в окружающей его действительности. Принимая этот тезис, А.Н. Леонтьев акцентировал, что субъект не просто противопоставлен действительности – он переживает эту действительность, действует по отношению к ней и потому обнаруживает себя как существо сознательное [3, с. 1998]. С другой стороны, понятие среды может трактоваться в социолингвистическом аспекте. В этом случае среда определяется вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которой реализуется общение. Все эти факторы, определяющие свойства среды, безусловно, важны. Но этнопсихолингвистика сосредоточивается, как правило, на одном аспекте – отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой

деятельности, которые могут быть выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности. Язык при этом рассматривается как средство фиксации и обнаружения культуры, как форма представления культуры, но не приравнивается к культуре.

Важность национально специфичного компонента значения слова для процессов понимания, а также особенности грамматической и синтаксической структур разных языков давно и последовательно акцентируются в теории и практике межкультурной коммуникации и переводоведении. В современной лингвистике сложились определенные традиции изучения отражения национально-культурной специфики сознания в языке, прежде всего в лексике. Полагается, что культурная «информация» может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: в культурных семах, через культурный фон, в культурных концептах и в коннотациях. Поэтому семантика лексической единицы изучается со стороны (1) наличия в ее структуре так называемых национально специфичных семем (в случаях полной безэквивалентности лексем); (2) наличия концептуальной специфики лексемы (при обнаружении смысловых лакун между языками и в случае обнаружения отличий в оценочном и эмоциональном компонентах семантической структуры слова); (3) национально специфичной стилистической дифференциации лексики; (4) собственно языковых отличий между единицами двух языков, связанных с исторически сложившейся структурой языков и не связанных с культурой или особенностями мышления народа. Каждое языковое сообщество пользуется своим специфичным инструментом концептообразования – языком, формирует различные модели мира как основы национальных культур. В связи с этим каждой национально-культурной общности «присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире», при этом каждая национально-культурная общность «функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества» [4, с.41]. Исследование национально-культурной специфики элементов языка в вышеперечисленных аспектах нельзя считать исчерпывающими. Во-первых, они, как правило, не учитывают и не могут учесть всего многообразия факторов, влияющих на этнически специфичную речевую деятельность. Во-вторых, они не пытаются вскрыть механизмы, лежащие в основе такой деятельности, и, таким образом, не отвечают на вопрос о специфике речевой деятельности того или иного

этноса. В-третьих, они не объясняют принципов понимания в межкультурной коммуникации. Словом, лингвистический (лингвокультурологический) подход не может в рамках своей методологии и только своими методами решить проблему национально-культурной вариантности речевой деятельности и представления в языке национально специфичного содержания сознания. Проблема эта междисциплинарная, и решение ее возможно только в рамках интегративных наук с учетом такой методологии, которая предполагала бы не статичное исследование объекта, а принципиально динамический подход к принципиально динамическому объекту. Такой интегративной наукой может стать этнопсихолингвистика. Используя заимствованные из других наук понятия *национальное (этническое) сознание, национальный (этнический) компонент сознания, национальная (этническая) картина мира, менталитет (ментальность)* и др., этнопсихолингвистика устанавливает закономерные соответствия между ними и структурой речевой деятельности, моделируя процессы репрезентации/восприятия другой культуры. При этом изучение характера действия с «культурными элементами» может, реализуя собственно деятельностный подход к исследованию речевого общения, дать представление о национальной специфике сознания: в универсальной структуре деятельности каждое действие, в том числе и речевое, получает свое значение в зависимости от условий протекания и целей деятельности, а значит, национально специфичное содержание речевого действия может возникать в деятельности, в действии с элементами, а не быть изначально присущим этому элементу.

Особая проблема методологии этнопсихолингвистики – изучение видов и способов трансляции культуры в речевой деятельности.

Исследователи исходят из того, что с целью оптимальной трансляции культуры как внутри социума/этноса, так и в межкультурном общении человек на базе языка как универсальной семиотической матрицы создает все новые способы, каналы передачи информации. Последовательность и степень использования их определяется культурой конкретного социума/этноса. Поскольку однозначного соответствия между культурой и языком нет, их взаимодействие осложняется невозможностью адекватно перекодировать содержание культуры в знаки языка (или символы иных семиотических систем); деятельностная и предметная формы культуры, как правило, могут быть интерпретированы носителями разных культур адекватно, но ментальные составляющие культуры принципиально не могут

быть перекодированы однозначно. Отсюда основная проблема межкультурной коммуникации: определение сущности и характера связи элементов национальной культуры, нахождение культурной «схемы» их соотношения, обуславливающей целостность и уникальность национальной культуры. Для решения этой проблемы необходимо определить, как проявляется национальная специфика культуры в речевой деятельности с учетом вербальных способов объективации сознания и особенностей вербальной интериоризации базовых культурных компонентов в индивидуальное сознание. Исследования, изучающие переструктурирование имеющихся и формирование новых структур сознания, обусловленных, в первую очередь, его этнической спецификой вследствие формирования новых социальных установок, пока редки [1].

Основные этнопсихолингвистические принципы исследования культурных констант были сформулированы Ю. А. Сорокиным, который отметил, что в процессе межкультурной коммуникации «свои» и «чужие» когнитивные, эмотивные и аксиологические установки и стереотипы вступают в конфликт [5]. Поэтому в содержании и структуре этнокультурных концептов легко вычлняется оппозиция «свой – чужой», которую можно, вслед за Ю. С. Степановым [7], рассматривать как лежащий в основе этнического самосознания принцип культуры. Названная константа является структурообразующим признаком многих доминантных концептов этнической культуры уже в силу своей оценочности. Межкультурное общение в отечественной психолингвистике принято рассматривать как «оппозитивный диалог сознаний» (Ю. С. Сорокин). Основные вопросы, возникающие при обсуждении понятия межкультурная коммуникация, определены: значимость различий между универсальным и этническим (национальным) в речевой деятельности и содержании образов мира носителей той или иной культуры; соотношение универсального, этнического и индивидуального в речевой деятельности и содержании образов мира носителей разных культур; отличие межкультурной коммуникации от коммуникации в монокультурной среде; способы устранения смысловых «лакун» в процессе межкультурной коммуникации и др. Однако необходима разработка эффективной межкультурной коммуникативной модели, отражающей закономерности формирования и функционирования культурно специфичной информации, ведь несовпадение вербальных и невербальных систем в процессах коммуникации резко снижает эффективность последней: «трансформация одной языковой/речевой

системы в другую представляет собой создание в процессе перевода подобий (квазиподобий)» [6, с. 127], а эффективность межкультурной коммуникации зависит от степени близости содержания сознания коммуникантов – носителей разных культур, от характера структуризации этого содержания (структуры концептуальных систем индивидов), от соотношения универсального и этнического (знаний, представлений, мнений и т.д.) в сознании носителей разных языков, от системы доминирующих способов действия со словом (например, специфики номинации и предикации), характерных для той или иной культуры, от состава и характера системности этнических констант, существующих в коллективном бессознательном и др.

Список литературы

1. Адамова З. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 286 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
4. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс 1997. 445 с.
5. Сорокин Ю. А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.
6. Сорокин Ю. А. Сознание и модусы его существования: китайская лингвокультурная общность в 1966–1976 гг. // Проблемы этносемантики. М: ИНИОН РАН, 1998. С.122–142.
7. Степанов Ю. С. Изменчивый образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: ИЯ РАН, 2005. С. 7–34.
8. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.

Попкова А.Е.

Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Новые образовательные технологии в обучении юристов

Аннотация: Автор статьи, подчеркивая ключевую роль образования в развитии современного общества на сегодняшний день, останавливается на дидактических проблемах обучения юристов в вузе. Особое внимание уделяется инновационным, информационным и интерактивным технологиям обучения, в том числе, и при обучении будущих специалистов иностранному языку. Проанализирован опыт зарубежных стран в сфере подготовки конкурентоспособных юристов.

Ключевые слова: юридическое образование, оптимизация учебного процесса, педагогические технологии, интерактивные технологии, информационные технологии, аудиторная интерактивная система, иностранный язык.

New educational technologies in legal education

Abstract. Emphasizing the key role of education in the development of modern society, we report the didactic problems of legal education. Special attention is given to innovative, information and interactive educational technologies, including their use in foreign language teaching. The experience of foreign countries in the field of preparation of competitive lawyers is described.

Keywords: legal education, optimization of educational process, educational technologies, interactive technologies, information technologies, interactive classroom system, foreign language.

Образование сегодня является одной из важных сфер социальной жизни граждан в государстве. От его конкретного наполнения различными учебными дисциплинами, системами методик подачи и усвоения информации, структуры образовательных учреждений сильнее всего образом зависит будущее народа и векторы его духовного и интеллектуального развития.

Значимым вопросом в подготовке профессиональных кадров является эффективность педагогических технологий, которые применяются в процессе обучения. Так технологии обучения студентов-юристов должны обязательно быть продуманы во всех деталях, чтобы создать наиболее эффективную модель педагогической деятельности по планированию, организации и осуществлению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для студентов и преподавателей.

В литературе можно встретить множество методических рекомендаций для оптимизации учебного процесса с использованием интерактивных технологий. Так, П. Д. Рабинович, обосновывая актуальность применения данных технологий, настаивает на том, что необходимы новые подходы к организации обучения, опирающиеся на прогрессивные информационные технологии, в частности, на мультимедиа и интерактивные. Мультимедийные и интерактивные технологии способствуют обогащению учебного процесса, с помощью вовлечения, в том числе, и чувственных компонентов личности студента в восприятие информации. Такие технологии интегрируют в себе сильные распределительные образовательные ресурсы, которые обеспечивают среду становления и проявления главных компетенций, к которым первоначально относятся информационная и коммуникативная.

Информационные технологии содержат абсолютно новые подходы в системе образования. Из этого вытекает вопрос: как связаны между собой интерактивные и информационные технологии. Мнение об этом было высказано Е. Л. Склеиновым, который буквально пишет следующее: «Не все информационные технологии можно считать в полной мере интерактивными. Интерактивные информационные технологии должны обеспечивать непосредственное взаимодействие обучаемых в процессе образовательной деятельности, а также возможность получения обратной связи при использовании групповых форм работы». На самом деле, при разговоре об интерактивных технологиях чаще подразумеваются информационные, например, интерактивные доски, организация обратной связи по скайпу и т. д.

И так, рассмотрим интерактивные технологии, используемые в процессе обучения студентов-юристов. Их можно использовать во время занятий, в юридических клиниках или при самостоятельной работе обучаемых. При использовании интерактивных технологий, которые основываются на действенном обучении, можно воспроизводить ситуации и задачи, характерные для повседневной работы юриста. Приёмы, касающиеся способов разрешения проблем в малых группах, создание моделей различных ситуаций можно применять в работе юридических консультаций, подразделений правоохранительных органов и пр.

Немаловажную роль в становлении будущего юриста, безусловно, играет знание английского языка. В методике преподавания иностранного языка, по мнению многих исследователей, важно, чтобы применялся индивидуально-ориентированный подход. Необходимость этого объясняется тем, что в любой группе есть студенты с разной способностью к овладению языком, неодинаковыми интеллектуальными качествами. [Кенетова, Абрегова, 2016, с. 86] При формировании иноязычной компетенции юристов применяется широкое разнообразие как традиционных, так и инновационных методов обучения.

К инновационным технологиям относится, к примеру, кейс-метод (метод решения ситуационных задач). Он содержит моделирование, игровые методы, дискуссии, выполняющие определенные функции. С точки зрения ряда ученых (Е. Н. Красикова, Ю. П. Сурмин, Т. П. Фролова) педагогический потенциал кейс-метода обучения иностранному языку является, несомненно, более высоким, чем у традиционных методов обучения. Педагог и студент постоянно взаимодействуют, выбирая формы

поведения и аргументируя их моральными нормами. Целью этого метода является развитие способностей студентов к принятию решений [Яшина, 2014]. Преимуществом данного метода является то, что он предоставляет больше возможностей для формирования у студентов-юристов профессиональной позиции, потому что предполагает более высокий уровень анализа профессиональных ситуаций, развивая навыки самостоятельного выбора не только решения, но и средств решения поставленных задач.

Рассмотрим другие значимые технологии и методы для образования юристов. К ним относятся: личностный подход, воспитывающее обучение, развивающее обучение студентов, усиление образовательной партитуры обучения, создание и поддержка готовности обучаемого к овладению учебным материалом, формирование интереса студента к знаниям, сотрудничество студента и преподавателя, гуманизация и демократизация обучения, компьютеризация образования, применение инновационных методов и т.д. На последних остановимся более подробно и обратимся к зарубежному опыту применения таких методов.

Трудно не согласиться, что главенствующие позиции в сфере образования занимают высшие образовательные учреждения США и Великобритании. Это, например, доказывают данные рейтингов журнала «TIMES HIGHER EDUCATION»:

Times Higher Education: The World University Rankings 2017–2018

<i>РЕЙТИНГ</i>	<i>УНИВЕРСИТЕТ</i>	<i>СТРАНА</i>
1	University of Oxford	Велико- британия
2	University of Cambridge	
3	California Institute of Technology	США
3	Stanford University	
5	Massachusetts Institute of Technology	
6	Harvard University	
7	Princeton University	
8	Imperial College London	Велико- британия
9	University of Chicago	США
10	ETH Zurich — Swiss Federal Institute of Technology Zurich	Швейцария

Что же влияет на условия высокого качества подготовки студентов? Во-первых, это методика обучения и материально-техническое оснащение. Во-вторых, постоянное совершенствование компонентов образовательной деятельности, внедрение инновационных методов и технологий. Например, в высших учебных заведениях США редко можно увидеть доску с мелом, так как многие перешли к использованию проекторов, показу презентаций. Но это используется и в ВУЗах России. А вот что самое инновационное по сравнению с вузами Российской Федерацией – так это применение классной коммуникационной системы (*classroom communication system*), её ещё называют аудиторная интерактивная система (*audience response system*). Такая система применяется в Америке уже с 1999 года.

Система интерактивного опроса – это совокупность технических средств, включающих в себя оборудование (кликеры для голосования) и мощное программное обеспечение, предназначенное для интерактивного общения в аудитории студентов и преподавателей. Использование такой системы обеспечивает проведение лекции и общение с большой аудиторией или малой группой. Система интерактивного опроса даёт возможность мгновенно обработать результат тестов, задать вопрос и тут же получить ответ, наглядно продемонстрировать рейтинг знаний всей аудитории и каждого студента в отдельности.

Что касается акцентов юридического образования зарубежных стран, в частности США, то это упор на развитие аналитических способностей студента, а не заучивание нормативного текста. Из этого вытекает отсутствие лекций в нашем понимании, а занятие превращается в активный диалог аудитории с педагогом. На семинарах преподаватели устраивают разборательства дел, во время которых студенты целиком должны воспроизвести функции участников процесса. Характерной чертой юридического образования студентов является издание самими обучаемыми юридических журналов – «правовых обзоров». Американское юридическое образование считается лучшим в мире. Это объясняется и новейшими технологиями, и уровнем преподавательского состава, и практической направленностью подготовки специалистов.

Таким образом, внедрение новых технологий в процесс образования начинающего юриста очень важно. Характерной чертой таких технологий,

как показывает практика, является их психолого-педагогический характер, позволяющий на деле реализовывать принцип целесообразности и избежать субъективизма в педагогической работе. Основной задачей обучения студентов-юристов является развитие их профессиональных коммуникативных способностей, для решения которой необходимо использовать не только проверенные временем методики, но и внедрять в процесс обучения новейшие. Использование современных интенсивных технологий в юридическом образовании – реальный инновационный курс на сегодня. Также необходимо бороться с такой серьезной проблемой, как недостаточное внимание педагогов-практиков к моделированию педагогического процесса. Необходимо учесть все аспекты введения новых технологий, так как при внедрении компьютеризации и различных видов контроля знаний, обучающийся зачастую теряет возможность проявления спонтанности и креативности в критических ситуациях.

Список литературы

1. Азизова С. М. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля // Педагогический журнал. 2016. № 4. С. 251–260.
2. Дружинина А. В. Электронные образовательные технологии при реализации компетентного подхода в подготовке юристов-бакалавров // Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 14 частях. Тамбов, 2014. С. 46–47.
3. Кенетова Р. Б., Абрегова А. В. Личностный подход при обучении профессионально-ориентированному английскому языку // Наука вчера, сегодня, завтра: мат. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 4 (26), Новосибирск: СибАК. 2016. С. 86–91.
4. Корепин А. В. Теория и методика подготовки юристов в вузе // Научно-практический журнал “Государство и право в XXI веке” № 1/2015.
5. Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2017 (последняя редакция: 21.10.2017). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> (дата обращения: 11.11.2017).
6. Салата Д. В. Реформа образования и интерактивные образовательные технологии // Современные проблемы науки и

образования. 2015. № 2 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19059> (дата обращения: 11.11.2017).

7. Ускова Е. О., Ковардакова М. А. Особенности формирования профессиональной компетентности специалистов экономико-правовой сферы средствами иностранного языка в вузе: монография. Ульяновск, УлГУ, 2016. 208 с.

8. Чикильдина А. Ю. О необходимости применения интерактивных технологий в профессиональной подготовке юристов нового поколения // Современная педагогика. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/02/2063> (дата обращения: 11.11.2017).

9. Яковлева А. О некоторых особенностях юридического образования и работы юриста в США [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.epam.ru

10. Яшина Е. В. Особенности обучения студентов-юристов профессионально-ориентированному (юридическому) английскому языку как второму в рамках программы высшего образования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 233–238.

Попова Л.Г.

Московский городской педагогический университет (Москва)

От нарушения нормы к формированию нового явления в языке

Аннотация. В статье на примере немецкого языка рассматриваются случаи нарушения синтаксического построения видов передачи речи с целью выявления тенденции формирования новых разновидностей косвенной и прямой речи.

Ключевые слова: нарушение нормы, прямая и косвенная речь, новые разновидности, немецкий язык.

L. Popova

Moscow City Teachers' Training University (Moscow)

From the violation of the norm to the formation of a new phenomenon in language

Abstract. The paper considers the cases of violation of the German syntactic construction of the types of speech transmission in order to identify the tendency of the formation of new varieties of indirect and direct speech.

Keywords: violation of the norm, direct and indirect speech, new varieties, German.

Язык является живым явлением, и в этом убеждается каждый исследователь, который берется за анализ тех или иных языковых явлений. И будучи живой субстанцией, он развивается, проявляя в своем развитии

все стороны диалектики. Одно из таких диалектических проявлений языка является присутствие наряду с его нормами ряда нормативных нарушений, которые являются показателями появления и возможного дальнейшего становления чего-то нового в нем. Норма – это всегда проявление устоявшегося, Скажем так, «старого, консервативного» в характере языка, а нарушение нормы – это уже проявление нового, возможно, прогрессивного. Отсюда нельзя расценивать зачастую появление нарушений норм языка как случайного несоблюдения правил. Именно в живой речи можно наблюдать тенденции дальнейшего развития языка через нарушение его норм.

В этом случае ратуем за понимание нарушения норм как признака развития нового в языке. Обратимся к примерам на немецком языке из публицистических текстов, взятых в нашем случае из материалов интервью с представителями политики и культуры ФРГ газеты *Die Welt*. Проанализируем употребление видов передачи чужой речи в подобных текстах, а именно косвенной и прямой речи.

Как мы знаем, косвенная речь классического типа представляет собой сложноподчиненное предложение, где вводная часть содержит глагол речи, мысли, чувства, а придаточное предложение передает содержание самой речевой информации [3]. Важным остается такой момент в немецком языке как согласование времен в главном и придаточном предложении. Но в нашей статье мы не будем отдельно рассматривать обозначенную проблему, она требует самостоятельного исследования. А коснемся вопросов нарушения норм оформления косвенной речи.

Можно предположить и следующее, что существующие в языки другие новые виды передачи чужой речи представляли в свое время также некоторое нарушение нормы грамматики текста, которое затем дало толчок к формированию иных видов передачи чужой речи. Считаем таким явлением свободную косвенную речь немецкого языка, которая в начале могла быть нарушением правил построения традиционной косвенной речи, где бессоюзное придаточное предложение присоединялось к главному, сохраняя порядок слов самостоятельного предложения [1; 3], отображая персонализацию косвенной речи. В этом случае адресант косвенной речи обладал желанием как можно подробнее передать содержание чужой речи для своих целей.

Обратимся к анализу примеров из современной прессы.

Politiker wie Rutte seien eine noch größere Bedrohung für das Land als Einwanderung, sagte er. **Er selbst warne seit Jahren vor der Türkei und vor dem Islam, ihm habe aber niemand zugehört** [4].

В данном случае мы имеем дело со свободной косвенной речью, когда предшествующая речь (в данном случае традиционная косвенная речь) закончилась, а дальше идет свободная косвенная речь. Этот случай демонстрирует явное нарушение правил оформления свободной косвенной речи, которую вводит предложение с конструкцией традиционной косвенной речью. После нее следует точка, и далее содержательная часть косвенной речи продолжается в виде самостоятельных предложений, где сказуемое употребляется в конъюнктиве. Имеет место и замена первого лица на третье лицо. Если можно было бы представить такой случай, оформленный по правилам, то мы получили бы:

Er sagte, Politiker wie Rutte seien eine noch größere Bedrohung für das Land als Einwanderung, **Er selbst warne seit Jahren vor der Türkei und vor dem Islam, ihm habe aber niemand zugehört.**

Сравнение показывает, что и предыдущее предложение не является по своей сути традиционной косвенной речью, а ближе оно все же к прямой речи. Данное обстоятельство указывает на то, что свободная косвенная речь немецкого языка развивается далее, проявляя нарушение норм синтаксической структуры предложения и указывая на тенденцию становления своего дальнейшего отмежевания от традиционной косвенной речи немецкого языка.

Весьма интересным нам показалось и наблюдение над нарушением норм оформления прямой речи в публицистическом тексте. Согласно нормам грамматики немецкого языка, прямая речь оформляется кавычками. Знаки препинания, относящиеся к содержательной части прямой речи, ставятся перед заключительными кавычками. Знаки препинания, относящиеся к вводящей прямую речь части, ставятся после заключительных кавычек. Вместо точки в конце прямой речи после кавычек ставится запятая [2].

Прямая речь может оформляться и согласно правилам немецкой грамматики. Например.

Wilders stellte sicher, dass das auch so bleibt. Etwa als Rutte ihm ins Gesicht sagen sollte, dass er nicht mit ihm regieren werde. **„Mit so einer Partei arbeite ich nicht zusammen. Nicht. Nie. Nicht. Nicht in einer Regierungskoalition und auch nicht in einer durch sie tolerierten**

Koalition“, sagte Rutte, woraufhin Wilders antwortete: „Das glaubt Ihnen doch niemand.“ [4].

В публицистическом тексте мы наблюдаем нарушение этих правил. Обратимся к примеру.

Während die Niederländer für Gesundheitsleistungen bezahlen müssten, bekämen Asylbewerber alles geschenkt, schimpfte Wilders. **„Sie sind nicht der Premier der Niederländer, sondern der Ausländer!“ [4].**

Последнее предложение представляет собой содержательную часть прямой речи, оформленную кавычками. Но здесь отсутствует вводящая часть.

Если мы трансформируем это предложение по правилам грамматики текста немецкого языка, то получим такую конструкцию:

„Sie sind nicht der Premier der Niederländer, sondern der Ausländer!“, sagte er.

Хотелось бы вернуться к данному примеру. Первое предложение представляет собой косвенную речь, которую вводят слова автора, стоящие после нее. На то, что это косвенная речь, указывает употребление сказуемого в конъюнктиве. Такая косвенная речь является бессоюзной. Она сохраняет порядок слов самостоятельного предложения, и это соответствует нормам грамматики немецкого языка. Однако в данном примере, как и в примере выше, слова автора, то есть вводящая часть косвенной речи располагается после содержательной части. И это является отступлением от нормативов оформления косвенной речи в тексте.

При трансформации по правилам, это должно было бы выглядеть так:

Wilders schimpfte, während die Niederländer für Gesundheitsleistungen bezahlen müssten, bekämen Asylbewerber alles geschenkt.

Обратимся еще к одному примеру.

Rutte griff seinerseits Wilders Vorschlag, die Grenzen zu schließen, an. **Dies sei eine „Schein-Idee“, sagte er.** Die Flüchtlingskrise müsste in Afrika gelöst werden, nicht an der niederländischen Grenze [Die Welt online, Электронный ресурс].

Приведенные примеры показывают отчетливую тенденцию неполного соответствия нормам оформления косвенной речи в тексте. Следует отметить частое расположение вводящей части после содержательной части косвенной речи и дальнейший переход традиционной косвенной речи в свободную косвенную речь. Подобное

явление в немецком языке свидетельствует о том, что, возможно, в современном немецком языке формируется новая разновидность косвенной речи, одного из самого древнего вида передачи чужой речи в языке.

Вернемся к случаю отсутствия вводящей части в конструкциях с прямой речью, оформленной кавычками. Следует отметить, что это довольно часто встречаемое явление в публицистических текстах на немецком языке. Весьма вероятно, что мы имеем дело со становлением новой разновидности прямой речи немецкого языка, когда отсутствует вводящая часть, слова автора совсем. А по своему содержанию подобная прямая речь связана с цепочкой предшествующих предложений, оформленных косвенной речью. И вероятно, не требуется повторное упоминание адресанта речи в тексте.

Хотелось бы еще сделать ряд выводов о месте вводящей части в конструкциях и с традиционной косвенной речью. Как это явно демонстрирует пример выше, не только в составе свободной косвенной речи вводящая часть может стоять после содержательной части, но и в конструкции с традиционной косвенной речью. А это уже явное нарушение нормы построения конструкции с косвенной речью. Возможно, мы имеем дело с формированием новой разновидности косвенной речи, которая будет занимать место между традиционной и свободной косвенной речью. Эта разновидность косвенной речи еще только формируется, и ей нет еще названия в германистике. Но она уже существует и развивается в языке.

Таким образом, можно подвести итоги некоторых наблюдений над случаями нарушения синтаксических норм построения конструкций с прямой и косвенной речью немецкого языка. Синтаксис как любое языковое явление, правда, не столь подвижный как лексический состав языка, тоже проходит этапы своего развития, которые напрямую связаны с нарушением нормы построения предложения. Одним из таких проявлений является частотность проявления нарушений установленных правил языка. В немецком языке, где существует фиксированный порядок слов, нарушение норм касается не соотношения места сказуемого в предложении, а на более высоком уровне, а именно в связи предложений друг с другом или в оформлении предложения в потоке речи. Со временем подобные нарушения за счет своей частотности начинают восприниматься носителями языка как обычное явление, и постепенно формируется новая

единица синтаксического строя. В данной статье мы убедились в этом на примере появления и дальнейшего формирования и развития новых разновидностей прямой и косвенной речи немецкого языка.

Список литературы

1. Козловский В. В. Свободная косвенная речь в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1977. 24 с.
2. Россихина Г. Н., Ульянова Е. С Новые правила правописания немецкого языка. М.: ЧеРо, 1999. 112 с.
3. Шмид Вольф. Нарратология, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-volf-shmid/664-narratologiya-volf-shmid/read/page-18.html> (дата обращения: 20.02.2017).
4. Die Welt online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article162822980/Sie-sind-nicht-der-Premier-der-Niederlaender-sondern-der-Auslaender.html> (дата обращения: 20.02.2017).

Пучков С.И.

*Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации
(Москва)*

Образ М. Каддафи в СМИ до и после военного конфликта в Ливии (на материале французской периодики)

Аннотация: Автор статьи исследует динамику и качество изменения созданного во французских СМИ образа Муаммара Каддафи, опираясь на материалы известных периодических изданий Франции «Figaro» и «Le Monde». Содержание образа и закономерности его развития установлены на основе исследования семантики лексических единиц.

Ключевые слова: образ, структура, коннотация, понятийно-коннотативное поле, русский язык, французский язык.

S. Puchkov

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow)*

**The character of M. Gaddafi in mass media before and after the
military conflict in Libia (based on the materials of French periodicals)**

Abstract. We study the dynamics and quality of Muammar Gaddafi's character modification in French mass media by using the materials of the famous French periodicals "Figaro" and "Le Monde". The character's content and the logic of its development are established based on the semantical examination of lexical units.

Keywords: character, structure, connotation, conceptual-connotational field, Russian, French.

СМИ как феномен культуры нельзя рассматривать в отрыве от исторической реальности, определяющей их развитие [2, с. 16]. В различные исторические эпохи СМИ были подчинены не только целям, которые непосредственно ставились перед ними мировым сообществом, в частности, беспристрастное освещение различных событий, – СМИ во все времена так или иначе были подчинены целям и задачам политических элит, находящихся у власти, и в наше время такая ситуация стала более очевидной. СМИ чаще всего политически ангажированы, поскольку их существование зависит от финансов, вкладываемых в деятельность СМИ различными властными и коммерческими структурами. Так, современные журналисты существенно зависимы от владельцев медиа-холдингов, будь то государственные структуры или частные владельцы. Одним из пагубных последствий этой зависимости является предвзятость даже фактической информации, которая проявляется посредством «подтасовки» фактов, лжеинтерпретации (интерпретации в угоду заинтересованному лицу или группе лиц), сокрытия определённых фактов, которые могли бы сыграть значимую роль в восприятии информации. Именно поэтому журналист фактически высказывает не своё мнение, а мнение тех, кто оплачивает его работу и работу редакции в целом. Наблюдается сращивание отдельных местных и общинных СМИ с более крупными и влиятельными, что позволяет говорить о централизации информации в руках определённых медиа-холдингов и, соответственно, лиц, владеющих этими холдингами. Информация становится более ценным продуктом, чем материальные блага, потому что она формирует общественное сознание, и СМИ играют одну из ведущих манипулятивных ролей в распространении информации, в которой заинтересованы ангажировавшие их структуры. По сути это приводит к тому, что СМИ оказываются под полным контролем группы лиц, заинтересованных в принятии обществом определённых, нужных им решений, в формировании определённых базовых ценностей, ментальных и поведенческих стереотипов. Эта группа лиц посредством СМИ формирует мнение об областях жизни, лицах и событиях, которые происходят в окружающем мире, и манипулирует общественным

сознанием посредством различных механизмов воздействия: различными средствами речевой деятельности, вербальными и невербальными; визуальными и средствами (фотографии, карикатуры и др.); наконец, в последнее десятилетие активизировалось воздействие с помощью полимодальных текстов и в СМИ, и в сети Интернет, что отмечают многие исследователи [1; 2, с. 16; 3, с. 290–295].

Современные исследователи в области массовых коммуникаций, говоря о функционировании СМИ, сходятся во мнении, что СМИ перестали справляться с их непосредственными изначальными социальными функциями, а именно: предоставление читателю или слушателю объективной и всеобъемлющей информации по определённым вопросам, помощь своей аудитории в выработке адекватной позиции по отношению к происходящим событиям, важных для социума, и др.

Это в полной мере приложимо к созданию имиджа той или иной политически значимой личности, выгодного для участников геополитических столкновений. Поэтому заявленная тема представляется **актуальной**: с одной стороны, ее решение обнаруживает ряд негативных тенденций в развитии мировых СМИ, с другой – позволяет выявить доминирующие средства создания имиджа личности и причины, обуславливающие изменения характера ее медийного представления.

Так, в феврале 2011 г. мир стал свидетелем кровавого переворота в Сирии, которой 42 года руководил один из самых значимых, но при этом довольно своеобразных политических лидеров XX в. – Муаммар Мохаммед Абдель аль-Каддафи. В информационном пространстве России доминирующей характеристикой Каддафи стали справедливость и патриотичность, хотя и осложненные жесткостью. В западных СМИ эпоха правления ливийского лидера освещалась по-разному в зависимости от текущей политической ситуации и геополитических приоритетов, и в зависимости от хода вооруженного конфликта в Ливии медийный образ Муаммара Каддафи значительно изменяется. **Объектом** исследования является структура создаваемого в СМИ образа, **предметом** – языковые средства ее реализации. **Материалом** исследования послужили статьи, так или иначе связанные с Муаммаром Каддафи до и после военного конфликта в Ливии, опубликованные в популярных периодических изданиях Франции – «Figaro» и «Le Monde» (2008–2016 гг.). Основными критериями отбора материала явились следующие:

- регулярность представления темы в СМИ;

- отражение конфликтующих интересов в представлении конкретной исторической личности в рамках дискурса СМИ;
- наличие позитивной и негативной информации об одном и том же объекте описания.

Цель исследования – установить языковые стратегии представления образа Каддафи в зависимости от доминирующей цели текста (создания положительного или негативного образа политика).

Анализ материалов показал, что в зависимости от цели речевого произведения (текста) **целенаправленно отбирается совокупность лексем с положительной или отрицательной коннотацией.**

Изменение образа Муаммара Каддафи с 2008–2016 гг. условно можно разделить на три этапа, которые обуславливаются резким изменением как понятийного, так и коннотативного компонентов употребляемых при создании образа политика лексических средств.

Рассмотрим их содержательно. До начала военного конфликта в Ливии (2008–2011 гг.) образ Муаммара Каддафи создаётся имплицитно – описанием политической деятельности ливийского лидера при отсутствии портретных характеристик. Подавляющее количество лексем, независимо от их принадлежности к той или иной части речи, имеют экспрессивный негативный компонент: *la venue humiliante (de Kadhafi) / унизительное появление (Каддафи), la présidence (du colonel Kadhafi) a été très controversée et "très nuisible à l'image de l'UA" / председательство (полковника Каддафи) носило очень противоречивый характер и «принесло много вреда имиджу Африканского союза», la nouvelle provocation (de Kadhafi) / новая провокация (со стороны Каддафи); при это сам Каддафи фигурирует исключительно как: *le dirigeant libyen / ливийский лидер, leader libyen / ливийский лидер, le colonel / полковник.* Заголовки статей и цитаты приведённых высказываний известных политических деятелей Европы создают образ *решительного, эксцентричного лидера арабского мира с диктаторскими наклонностями: Kadhafi : pas de société civile en Libye / Каддафи: никакого гражданского общества в Ливии, Kadhafi appelle à la guerre sainte contre la Suisse / Каддафи взывает к «священной войне» против Швейцарии, l'Italie est devenue le Disneyland de Kadhafi / Италия превратилась в «парк развлечений» для Каддафи, «ce qui me préoccupe c'est qu'on commence à s'habituer à ces shows de Kadhafi» / «больше всего меня беспокоит то, что мы начинаем привыкать к выходкам Каддафи».* Вместе с тем представлены и такие характеристики, которые*

выявляют авторитет личности Каддафи и его способность держать ситуацию под контролем: *Frattini félicite Kadhafi pour son aide. «La source est tarie. Grâce à l'action de la Libye»* / Фраттини [Министр иностранных дел Италии] *благодарит Каддафи за оказанную помощь. «Источник [незаконного потока мигрантов] иссяк благодаря действиям Ливии»*. Совокупность лексем, репрезентирующих образ Каддафи в 2008–2011 гг., интегрируется единой доминирующей отрицательной коннотацией, не смотря на отсутствие конкретных портретных характеристик, выраженных лексемами, связанными с отрицательными эмоциями.

Вторая фаза наступает с начала военного конфликта в Ливии (15.02.2011 г.) и продолжается вплоть до убийства Муаммара Каддафи (20.10.2011 г.). Набор лексем, репрезентирующих образ ливийского лидера в данной фазе, свидетельствует об изменении в целом отрицательной оценки образа Каддафи. Это проявляется в резком повышении *частотности* лексем – портретных характеристик, отрицательные коннотативные компоненты которых обостряют негативные эмоции, вызванные ранее использованными лексемами: *les provocations (de Mouammar Kadhafi) / провокации* (со стороны Муаммара Каддафи) – идея множественного числа усугубляет ранее созданный образ, создавая иллюзию *постоянства* присущей политике черты; *Kadhafi est "toujours un danger" / Каддафи всегда представляет опасность, (Kadhafi) est capable de tout et notamment du pire, on ne peut avoir à l'avenir que de mauvaises surprises / (Каддафи) способен на все, особенно на худшее*. В будущем нас ожидают только *неприятные сюрпризы*. Акцентируется внимание на отсутствии поддержки правящему режиму со стороны населения страны: *un mouvement de contestation du régime de Mouammar Kadhafi / движение, вызванное недовольством существующего режима Муаммара Каддафи*; что приводит к ужесточению реакции Каддафи: *la répression menée par le régime de M. Kadhafi contre une révolte / мятеж спровоцировал введение репрессий со стороны режима Каддафи, la violente répression engagée par le régime de Mouammar Kadhafi / жестокие репрессии*, инициированные режимом Муаммара Каддафи; *les forces loyales au colonel Mouammar Kadhafi ont tué au moins 142 personnes / силы, преданные полковнику Муаммару Каддафи, убили 142 человека за месяц* – употребление имени ливийского лидера в качестве пассивного деятеля позволяет отстранить Каддафи от прямых обвинений в убийстве собственных граждан, вместе с тем создаёт иллюзию отсутствия контроля над подчиненными военными

силами. Вместе с тем сохраняется нейтральная репрезентация статуса ливийского лидера: *le dirigeant libyen* (Mouammar Kadhafi) / *ливийский лидер* (Муаммар Каддафи), *le colonel* (Kadhafi) / *полковник* (Каддафи). Акцентируется безнадёжность положения Каддафи у власти и скорейший «эндшпиль»: «*la partie est terminée*» pour Kadhafi / *партия* Каддафи *проиграна*, Mouammar Kadhafi *s'est lancé dans une fuite* / Муаммар Каддафи *бросился в бегство*. Совокупность лексем, репрезентирующих образ Муаммара Каддафи во второй фазе, интегрируется единой доминирующей отрицательной коннотацией, выраженной в ключевых характеристиках образа на данном этапе: *диктатор, провокатор; лидер, не способный контролировать ситуацию, но способный на всё; трус*.

20 октября 2011 года наступает фаза, которая характеризуется максимальной «демонизацией» образа ливийского лидера во французских СМИ, что достигается использованием лексем, подавляющее количество которых имеют ярко выраженный негативно окрашенный компонент. Так, если в предыдущих двух фазах статус Каддафи подчёркивался исключительно нейтральными лексемами *лидер, руководитель*, то теперь – *тиран, вселяющий страх*: Kadhafi, *tyran craint jusqu'à son dernier souffle* / Каддафи – *тиран, внушающий страх* до последнего вдоха; *la légende de Kadhafi, l'homme seul contre tous, provoquait encore la crainte* / легенда Каддафи – *один против всех, также вселяла и страх*. Создаётся образ кровавого, беспринципного и крайне амбициозного диктатора, неспособного забыть старые обиды: *la Libye et ses quelque 5 millions d'habitants est trop exigué pour Kadhafi* / *для Каддафи недостаточно Ливии с 5 миллионным населением; l'Afrique est le nouveau terrain de jeu* (de Kadhafi) / *Африка – новая площадка для игр* (Каддафи); *en 1988, Kadhafi se venge, il fait exploser un Boeing de la Pan Am* / *месть Каддафи свершилась в 1988 году, он сбил панамский Боинг*; Mouammar Kadhafi *se veut maintenant le roi de l'Afrique* / *теперь Муаммар Каддафи претендует на роль короля Африки*. Акцентируется внимание на отсутствии цивилизованности в характере Каддафи и неспособности восприятия «демократических ценностей» вследствие его происхождения: *Kadhafi est issu du désert* / *Каддафи – выходец из пустыни*. Вместе с тем *Kadhafi avait sa logique à lui* / *у Каддафи была своя собственная логика* и акцентируется отсутствие у Каддафи каких-либо расстройств личности на уровне психофизиологии: *Kadhafi n'est pas fou* / *Каддафи не сумасшедший*. Более того, в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций,

представляющих резко актуализированное негативное отношение к ливийскому лидеру. Так, в предложении ...*Barack Obama a affirmé que la mort du dirigeant déchu Mouammar Kadhafi marquait "la fin d'un chapitre long et douloureux" pour les Libyens, et appelé les nouvelles autorités de Tripoli à bâtir un pays "démocratique" et "tolérant"* / ...Барак Обама подчеркнул, что смерть утратившего силы лидера Муаммара Каддафи ознаменовала «конец долгой и болезненной главы» для жителей Ливии и призвал новых властей в Триполи построить страну, основанную на принципах «демократии» и «толерантности» акцентируется несовместимость правления Каддафи с демократией; субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное противопоставление смерть Каддафи – шанс демократии, которое потом неоднократно в разном виде акцентируется в СМИ. Таким образом, изменение образа Каддафи целенаправленно осуществляется посредством использования большого количества лексем с явно выраженной негативной экспрессивностью, объединенных интегративным компонентом *диктатор / тиран*. В СМИ намеренно создается контекст, который можно назвать понятийно-коннотативным полем, реализующим негативный образ Каддафи, и это поле уже *задает* смысловой формат представления данного образа.

В СМИ 2012–2016 гг. образа М. Каддафи снова изменяется. Это проявляется в резком понижении частотности лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых усиливали ранее использованные слова, представляющие положительные или нейтральные характеристики Каддафи: *le dictateur libyen / ливийский диктатор, le tyran libyen / ливийский тиран, le colonel Kadhafi / полковник Каддафи, libyen Mouammar Kadhafi / ливиец Муаммар Каддафи*. Вместе с тем в СМИ наблюдается высокая частотность использования лексем с семантикой *сожаления* по отношению как к личности правителя, так и к его режиму: *un sénateur UMP regrette Kadhafi / сенатор от партии «Союз народного движения» жалеет Каддафи; me fait regretter la disparition du régime Kadhafi en Lybie / меня огорчает падение режима Каддафи в Ливии, les exilés libyens regrettent l'ère Kadhafi / высланные из Ливии граждане скорбят по эпохе правления Каддафи*. Использование при этом грамматических средств углубляет идею *правильности* действий Муаммара Каддафи на посту главы государства: *le monde serait meilleur avec Kadhafi / мир был бы лучше с Каддафи*. Развитием семантики *сожаления* к Каддафи служит переход качества его образа на уровень *образа литературного героя*: Kadhafi,

dirigeant shakespearien... / Каддафи, правитель по Шекспиру, l'histoire de Mouammar Kadhafi est une véritable tragédie / история Муаммара Каддафи поистине трагична. Вместе с тем лексемы, репрезентирующие Каддафи, создают образ морально чистого, действующего во благо политика, ставящего во главу угла процветание нации: «*Kadhafi croyait faire le bien en exerçant le mal*» / «Каддафи верил, что совершает благо, причиняя зло»; *Kadhafi n'avait pas voulu admettre que son pays était à feu et à sang / Каддафи не желал видеть свою страну в огне и крови; Kadhafi n'aimait vraiment pas la violence. Mais pour lui, c'était une nécessité / Каддафи в самом деле не любил насилие, но в его ситуации это было необходимо;* подчеркивается крайняя убежденность Каддафи в своих действиях и вера в предначертанную ему судьбу: *Kadhafi était convaincu d'avoir «une mission messianique» / Каддафи был убежден, что на нём лежит «бремя мессии».* Субъектно-предикатные отношения, представленные в предложении *les opprimés du régime Kadhafi oppriment à leur tour / угнетённые режимом Каддафи, угнетают в свою очередь,* указывают на несовместимость планов и надежд на будущее при свержении режима Каддафи и реальной ситуацией в стране. Данная несовместимость потом неоднократно в разном виде актуализируется в СМИ. Например, в предложении *cinq ans après la chute de Kadhafi, la Libye en plein chaos / через 5 лет после падения Каддафи Ливия поглощена хаосом.* Смена правящего режима рассматривается как распространение хаоса на всей территории цветущей когда-то Ливии. И временные пределы этой анархии пока ничем не ограничены.

Таким образом, сравнительная характеристика способов репрезентации образа одной и той же личности в французских СМИ в связи с разными политическими целями позволяет сделать следующие выводы. СМИ являются эффективным инструментом воздействия на формирование необходимых правящей элите моральных ценностей и оценок политических деятелей. При этом одна и та же личность может представляться в зависимости от специфики политико-идеологических процессов, определяющих соотношение противостоящих сил в геополитической борьбе. Образ Муаммара Каддафи на протяжении восьми лет изменялся резко и не один раз. Эти изменения четко связаны с переменой хода событий в Ливии и политической деятельности Муаммара Каддафи, что и является доказательством зависимости качества образа

политика от геополитической, идеологической, экономической и пр. ситуации в мире.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Мичурин Д. С. Влияние поликодовых текстов на динамику виртуальной коммуникации в интернете / Д. С. Мичурин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 290–295.
4. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: ИНИОН РАН, 2005. 220 с.

Раренко М.Б.

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
(Москва)*

Реклама как коммуникация

Аннотация. В статье реклама рассматривается как один из самых важных способов социальной коммуникации. Приводятся примеры функционирования рекламы в современном обществе.

Ключевые слова: реклама; рекламная коммуникация; социальная коммуникация.

M. Rarenko

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow)*

Advertising as communication

Abstract. The paper considers advertising as one of the most important ways of social communication. Examples of the functioning of advertising in modern society are presented.

Keywords: advertising, advertising as communication, social communication.

Как известно, первыми рекламодателями были продавцы товаров, чья реклама носила устный характер. С распространением письменности появляются письменные рекламные тексты, и первым достоверным рекламным документом принято считать найденный в развалинах города Мемфис текст, гласящий «Я – Рино с Крита, по повелению богов толкую сны», созданный примерно в Древнем Египте 2500 лет назад. С появлением книгопечатания реклама начинает развиваться более интенсивно. Издание газет как источника актуальной информации не

могло не отразиться на увеличении объема рекламы, которая носила коммерческий характер. Осознание того, что реклама – важное средство коммуникации происходит в США в 1871 г., когда было зарегистрировано первое в мире профессиональное рекламное агентство в современном его понимании – агентство по созданию и размещению рекламы в прессе. До этого времени реклама играла вспомогательную роль, способствуя продвижению товаров. Появление рекламных агентств и рекламных агентов означало институализацию рекламы как деятельности. Реклама стала постепенно приобретать черты, к которым мы привыкли сегодня, и к началу XX в. можно было говорить о формировании мощной рекламной индустрии. Быстрый технический прогресс также способствовал распространению рекламных практик. Появление, а затем распространение радио, телевидения, интернета привело к проникновению рекламы во все сферы современного общества.

Принято считать, что в Европе развитие и распространение рекламы началось в Англии как самой индустриально развитой стране. Первое рекламное объявление было напечатано У. Кэкстоном (основателем книгопечатания в Англии) в 1477 г. в Книге пасхальных правил, а первое рекламное объявление в газете появилось спустя почти 150 лет – в 1625 году. С середины XIX века по настоящее время лидирующее положение в области рекламы принадлежит США.

Первая письменная реклама в России появилась в 1703 году, когда по указу Петра I начинаются печататься первые газеты, а в них – рекламные сообщения²⁶. Принято считать, что конец XIX в. и начало XX в. были временем успешного развития рекламы в России. В газетах размещалось большое количество рекламных объявлений, предлагающих разнообразные товары и услуги, которые отличал лаконичный дизайн и хорошее полиграфическое качество.

До начала XIX в. реклама играла роль простого сообщения о чем-либо (товаре, услуге или событии). В словаре В. Даля в четырех томах (1881–1882 гг.) реклама определяется так: «Рекла́ма ж., фрнц., статья в защиту свою, в опровержение чего-либо» (Даль, 1882, т. 4., с. 92). В дальнейшем характер рекламного сообщения подвергается изменениям, о чем свидетельствует определение рекламы, приводимое в одноименном

---

²⁶ 2 января 1703 года в Москве появился первый лист печатных русских ведомостей — первая русская газета, напечатанная церковно-славянским шрифтом. Она выходила под заглавием: «Ведомости, о военных и иных делах, достойных значения и памяти, случившихся в Московском Государстве и в иных окрестных странах».

иллюстрированном энциклопедическом словаре Ф. Ф. Павленкова (1839–1900), первое издание которого вышло в Петербурге в 1899 г.: «Реклама — всякая чрезвычайная попытка обращать на себя общее внимание; обыкновенно для этого прибегают к оригинального содержания газетным объявлениям и уличным афишам. Наибольшего развития реклама достигла в Америке» [цит. по: 11].

Уже в XIX в. пришло осознание того, что реклама — необходимый инструмент в жизни общества, и в первую очередь, способствует развитию экономических отношений. Принято считать, что широко распространенный сегодня лозунг «Реклама — двигатель торговли!» был сформулирован российским предпринимателем XIX в. Л. М. Метцлем, основателем первой в России конторы по приему объявлений. Любопытной представляется реклама «Центральной конторы объявлений торгового дома Л. Метцель и Ко», в которой в лаконичной форме сформулированы задачи и методы ее работы: «Вы связаны массой разных мелочей, благодаря которым вы не можете осуществить намеченной цели — развить свое дело. Если вы обратитесь в Торговый дом Л. и Э. Метцель и К^о, то Вам помогут достичь желаемого при помощи умелой рекламы, заключающейся в правильном распределении объявлений по изданиям, в их изящном внешнем виде и логическом содержании».

В советский период, когда экономика носила планово-распределительный характер, отношение к рекламе меняется, как и ее характер. Некоторые авторы склонны полагать, что рекламы как таковой в советский период не существовало. Следует, на наш взгляд, уточнить, не существовало в том виде и в том объеме, в каком реклама существовала в других странах, в частности в США.

В трехтомном «Энциклопедическом словаре», выпущенном в издательстве «Большая Советская энциклопедия» в 1953–1955 гг., реклама определялась как ознакомление потребителей с товарами или услугами, которые оказываются данным производственным, торговым, транспортным, финансово-кредитным или иным предприятием. Там же указывалось, что реклама может быть представлена в виде объявления в печати и по радио, плакатов, выставок и т.п. Указывалось и на переносное значение слова «реклама» — чрезмерное восхваление. Отмечалось, что задачи рекламы в разных типах обществ существенно отличаются: так, в буржуазном обществе реклама служит интересам наживы капиталистов, стремящихся путем рекламы расширить сбыт товаров, навязать

потребителю определенные товары или услуги, в то время как в социалистическом обществе реклама лишь информирует потребителя о выпускаемой продукции, помогает покупателю выбрать необходимый товар, воспитывает вкусы потребителя. Также отмечалось, что расходы на рекламу в эпоху империализма достигают огромных размеров.

Особенно быстро реклама стала развиваться второй половине XX столетия. *В первую очередь* это было обусловлено расширением контактов и поиском новых рынков сбыта. *Во-вторых*, в XX в. отмечается стремительно развитие средств массовой коммуникации, которые также способствовали развитию рекламы: с развитием средств массовых коммуникаций возникают принципиально новые способы коммуникативного взаимодействия. На смену традиционному информационному обмену, происходившему на личностно-индивидуальном уровне (родители – дети, священник – паства, учитель – учение), приходят массовые формы коммуникации. Они обращены к значительной аудитории, не имеют непосредственной обратной связи (как было раньше), эта связь либо отсутствует вовсе, либо в значительной степени затруднена [3].

Помимо коммерческой рекламы в этот период появляется и социальная, направленная на то, чтобы привлечь внимание к актуальным социальным проблемам общества.

Несмотря на то, что рекламные тексты многообразны как по форме, так и по содержанию, по способу представления в них информации и по целевой аудитории, тем не менее их можно выделить в одну группу и рассматривать эту группу текстов как единое целое на том основании, что любой рекламный текст использует «апеллятивный язык» и содержит призыв к потенциальному покупателю или клиенту купить данный продукт или воспользоваться данной услугой [1], а также расширить круг потребителей [1]. Расчет на максимально широкую аудиторию диктует языку рекламы ряд условий – язык рекламы должен быть доступен массовому потребителю, а потому текст рекламы не должен содержать никакой специальной лексики (терминов, просторечия, жаргонизмов, профессионализмов и т.д.), усложненных грамматических конструкций, затрудняющих восприятие, хорошо восприниматься на слух (например, быть ритмически оформленным) и в письменной форме (иметь

запоминающийся визуальный ряд²⁷). В зависимости от целевой аудитории набор языковых средств (как, впрочем, и рекламируемый продукт) изменяется [14; 13; 9; 7; 2]. Так, например, в рекламе лекарственных средств и товаров, относящихся к теме здоровья и безопасности, обращенной к пожилой аудитории, будут использованы определенный визуальный ряд (если это видеоролик) и определенные языковые средства, более привычные для этой аудитории (еще входящие в национальный языковой фонд, но имеющие уже ограниченное употребление). В рекламе, нацеленной на молодежную аудиторию, будет использоваться совсем другой визуальный ряд и совсем другие языковые средства.

И. А. Гусейнова отмечает, что рекламному дискурсу в целом присущ общественно-массовый характер: коллективный автор представлен заказчиком, специалистами по рекламе, графиками, дизайнерами, текстовиками и др., а массовый реципиент – целевыми группами [4].

Изучив информационный состав рекламного текста, исследователи сформулировали его коммуникативное задание: «1) сообщить реципиенту новые достоверные сведения (когнитивная информация); 2) обеспечить надежность усвоения реципиентом этих сведений, воздействуя на его эмоции и память (эмоциональная информация), усилив эту надежность тем удовольствием, которое реципиент получит от текста (эстетическая информация), и тем самым 3) предписать ему определенные действия (неэксплицированная или в малой степени эксплицированная в тексте оперативная информация)» [1, с. 116]. Только умелое сочетание четырех видов информации – когнитивной, эмоциональной, эстетической и оперативной – позволяет рекламному тексту в полной мере выполнять свою задачу.

Объем когнитивной информации, которую несет реклама, невелик. Так, если речь идет о коммерческой рекламе, то обязательно будут представлены: название фирмы или производителя, предоставляющих услуги или товары, точное наименование товара, его технические характеристики, цена, контактная информация (телефоны, адреса, веб-сайты), указание на условия и сроки поставки, процент скидки. Данная информация с предоставляется посредством нейтральной лексики, а также с помощью цифр.

---

²⁷ Отступления от этих общих правил возможны, но тогда языковые средства выступают в дополнительной функции и обращены к определенной аудитории.

Для создания яркого рекламного образа в тексте рекламы имена собственные встречаются достаточно часто. *Во-первых*, это названия фирмы или производителя и товара (так называемая «когнитивная информация»), *во-вторых*, при помощи имен собственных могут вводиться другие виды информации – эмоциональная, эстетическая и оперативная [6; 8; 5]. Приведем пример – реклама настольной лампы фирмы George Kovacs: *How can you raise an Einstein if he can't see his homework?* (Как можно вырастить Эйнштейна, если он не может разглядеть свое домашнее задание?). В тексте рекламы используется имя Альфреда Эйнштейна в качестве контекстуального имени нарицательного «гениальный ученый, гениальная личность», которое является общим фоновым знанием любого современного человека. Как справедливо замечает А.А. Никитина, «рекламный контекст способствует развитию дополнительных переносных значений аллюзивных имен собственных» [10, с. 5].

Эмоциональная информация необходима для того, чтобы дать абсолютно положительную оценку рекламируемому товару. Как правило, для этого в тексте рекламы активно используются прилагательные (часто в превосходной степени), наречия и существительные, выполняющие функцию гиперболы, часто иностранные слова и выражения (чаще из английского языка, иногда немецкого), «модные слова». Эмоциональность высказыванию придает использование риторических вопросов и восклицаний, незаконченных предложений, синтаксического параллелизма. Также для передачи эмоциональной информации используются фонетические (аллитерация, ассонанс, рифма) и морфемные (повторы, неологизмы) языковые средства. Говоря о языке рекламы, исследователи подчеркивают, что «язык рекламы – не только средство социального взаимодействия, но вместе с тем конститутивная часть самого социального акта» [3, с. 16].

Эстетическая информация в рекламе представлена большим разнообразием средств на различных языковых уровнях – от фонетического до синтаксического, многие из которых перечислены выше.

В современной рекламе оперативная информация (например «Купи!») в ее эксплицированной форме представлена совсем незначительно. Повелительные предложения в рекламном тексте практически не используются, но в качестве средства оформления

оперативной информации может использоваться лексика с семантикой побуждения.

Для того, чтобы понять, как функционирует рекламный текст, обратимся к нескольким примерам²⁸.

Неоднократно отмечалось, что рекламный текст должен быть запоминающимся, поэтому создатели рекламы часто используют различные фонетические приемы, самыми востребованными среди которых оказываются: рифмовки, использование аллитерации и ассонанса, ритмические возможности языка. Классическими примерами использования фонетических средств являются следующие: Убийства и Ужасы в Угрюмой Усадьбе или ТеНью вытемНив весеННий деНЬ, ВыклееН правительствеННый БюлетеНЬ (Маяковский). Повторение одних и тех же звуков приводят к созданию определенного настроения. Часто при построение рекламных слоганов используются ритм и рифмы, в том числе и в переводной рекламе: WeLLa – Вы ВеЛикоЛепны²⁹.

Обратимся к еще одному рекламному тексту – рекламному сообщению фирмы L’Oreal: Can a make-up that’s fast, last and last? В нем мы наблюдаем использование различных фонетических приемов – ассонанса, аллитерации, рифмы.

Прецедентные тексты также часто оказываются задействованными в рекламных целях [12]. Так, в рекламном тексте компании Beiersdorf AG было использовано название одного из хитов Э. Пресли “Only you” (естественно на английском языке, т.е. языке прецедентного текста), при том что сам рекламный текст был на немецком языке:

Nivea Creme
Was die Haut zum Leben braucht.
Only you.

Одним из способов привлечь внимание к рекламе является языковая игра, под которой понимают «сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы» [13, с. 169]. Игровые приемы используются в рекламном сообщении с разной целью: как способ привлечь внимание, как источник удовольствия, как способ обойти критику и как один из способов компрессии смысла. Игровые техники

---

²⁸ Мы будем рассматривать вербальные компоненты рекламы.

²⁹ Примеры даются по: Рекламный текст. М., 2000. С. 66-67

разнообразны – от графических и фонетических искажений до использования в текстах каламбуров [13].

Приведем несколько примеров рекламных текстов с использованием различных игровых техник: *Beanz meanz Heinz* (1; реклама фирмы Heinz); *Drinka Pinta Milka Day!* (2; реклама фирмы, продающей молоко); *The orangemostest drink in the world* (3; реклама апельсинового сока); *The fill is the thrill* (4; реклама конфет Fazer fills с ликером). Первый и второй примеры демонстрируют возможности использования в рекламе преднамеренной орфографической ошибки. Первый пример (1) представляет фразу *Beans means Heinz* в искаженной орфографии. Все три слова, составляющие рекламное сообщение, в результате оканчиваются на одни и те же буквы – *nz*, что и создает атмосферу игры и привлекает внимание публики. Аналогичный прием положен в основу второго примера (2). Рекламный слоган – искаженное *Drink a Pinta of Milk every Day*. Благодаря «орфографическим ошибкам» сообщение стало более коротким по форме, но не утратило информативности, а необычное написание придало ему индивидуальность. Следующие два примера (3, 4) построены на игровой морфологии – в рекламном тексте создается семантически недопустимое с точки зрения языка морфемное сочетание – игровой неологизм. Как и преднамеренные орфографические ошибки, так и игровые неологизмы могут придавать рекламной фразе ритмическое и фонетическое единство, выделять ее из ряда других, аналогичных реклам.

Рассмотрим еще один пример рекламного текста: *Grate it, grill it, spear it, stuff it, bake it, break it, toast it, roast it, post it!* (Натрите его, поджарьте его, подцепите вилкой, фаршируйте им, запеките его, отломите его, подрумяньте его, подкалите его, отправьте его по почте!) Текст рекламы сыра построен на использовании каламбура, который позволяет актуализировать комичную ситуацию: все местоимения *it* в тексте, кроме последнего, отсылают к сыру, а последнее – к купону при объявлении. Этот случай игровой игры, основанный на нарушении ожидания адресата, достаточно редко используется.

В основе языковой игры, приводящей к двусмысленности высказывания, часто лежит употребление многозначных слов. Как известно, многозначность слов – универсальное языковое явление, оно наблюдается в подавляющем большинстве естественных языков.

Рассмотрим несколько примеров рекламных сообщений: *Swatch. Others just watch* (1; реклама часов фирмы Swatch); *Jameson – the spirit of*

Ireland (2; реклама спиртных напитков (виски) фирмы Jameson). В обоих примерах использованы многозначные слова: английское слово watch в современном языке может употребляться как имя существительное, обозначая «часы», и как глагол со значением «смотреть, высматривать, наблюдать»; существительное spirit, с одной стороны, обозначает «дух», с другой стороны, – «спиртной напиток», «виски»³⁰.

Рассмотрев примеры коммерческой рекламы, мы можем сделать выводы о том, что, коммуникация в рекламе происходит в соответствии с моделями коммуникациями, имеющими в своей основе модель Аристотеля «оратор – речь – слушатель». Модель, предложенная Р. Якобсоном и получившая название синтетической, поскольку учитывала достоинства как линейных, так и нелинейных моделей, представляется на сегодняшний день более совершенной, поскольку учитывает в коммуникативном акте контекст. В статье «Лингвистика и поэтика», описывая свою модель, Р.О. Якобсон пишет: «Адресант посылает сообщение адресату. Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст, о котором идет речь...; контекст должен восприниматься адресатом и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код, полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или другими словами для кодирующего и декодирующего); и, наконец, контакт – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» [15]. Таким образом, рекламную коммуникацию можно рассматривать как частный случай коммуникации вообще.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М., 2008. 184 с.
2. Анохина С. П., Ниссен Ф. Х., Стариннова Т. Б. Тексты вторичной информативности (Коммуникативно-прагматический аспект). Тольятти, 2000. 176 с.
3. Арцибашев В. Н. Реклама как вид социальной коммуникации: Автореф. дис. канд. фил. наук. –Ростов н/Д, 2003. 24 с.
4. Гусейнова И. А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации (на материале журнальной прессы ФРГ) / Дисс. канд. филол. наук. М., 1999. 223 с.
5. Исакова А. А. Имя собственное в производстве: Эволюция прагматического пространства. Тюмень, 2008. 208 с.

---

³⁰ У этого слова есть и другие значения, но в данном случае они нам не важны.

6. Крюкова И. В. Рекламное имя: От изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004. 288 с.
7. Лившиц Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог, 1999. 212 с.
8. Мамонтов А. С. Кросс-культурный анализ: (Лингвострановедение в сфере рекламы). М., 2002. 128 с.
9. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М., 2004. 280 с.
10. Никитина А. А. Имена собственные в языке англоязычной рекламы: Автореф. дис. канд. филол. наук. Спб., 1997. 16 с.
11. Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. Спб., 1910. 1555 с.
12. Постнова Т. Е. Прецедентные тексты в рекламе. М., 2007. 126 с.
13. Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000. 268 с.
14. Розенталь Д. Э., Кохнев Н. Н. Язык рекламных текстов. М., 1981. 125 с.
15. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М., 1975. С. 193–230.

Ратникова В.Ю., Лесниковская И.В.

Московский государственный областной университет (Москва)

Коммуникативное языковое умение и диалект кокни

Аннотация. В статье рассматривается проблема коммуникативного языкового умения в процессе общения носителей лондонского социального диалекта кокни. Анализируется понятие «коммуникативное языковое умение» и его ключевые компетенции, прослеживается их реализация в диалекте кокни и наличие в нем собственной системы языка.

Ключевые слова: кокни, социальный диалект, лондонский диалект, рифмованный сленг, мокни, коммуникативная компетенция, языковая игра.

V. Ratnikova, I. Lesnikovskaya

Moscow Region State University (Moscow)

Communicative language ability and cockney dialect

Abstract. The paper considers the problem of communicative language ability within the process of communication among social English cockney dialect speakers. We analyze the notion of ‘communicative language ability’, its key competences and their realization in cockney. The main purpose is to investigate the system of language in the social cockney dialect.

Keywords: cockney, social dialect, London dialect, rhyming slang, mockney, communicative competence, pun.

На протяжении всей истории Англии на территориальные и социальные диалекты английского языка неоднократно влияли многочисленные исторические события. Ранее проблема развития социальных диалектов Англии не была достаточно изучена, однако сейчас анализом диалектов занимаются многие зарубежные и отечественные лингвисты. Анализируя различные дефиниции данного термина можно говорить о его сходном понимании различными учеными-лингвистами. В данной статье целесообразно руководствоваться определением диалекта, данным российским лингвистом-теоретиком, профессором М. М. Маковским, которое предоставляется наиболее полным. «Диалект» представляет собой «территориальную, временную или социальную разновидность языка, употребляемую более или менее ограниченным числом людей и отличающуюся по своему строю (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языкового стандарта» [5, с. 263].

Безусловно, самым известным социальным диалектом Великобритании является диалект кокни. Первое упоминание о диалекте кокни датируется XVI веком. Данный термин включает в себя как обозначение людей, которые живут в пределах лондонского района Ист-Энд (восточный Лондон), с указанием на их социальную принадлежность к рабочему классу Лондона, так и обозначение разновидности английского диалекта со свойственными ему особенностями произношения [14, с. 29]. В XVII веке диалект кокни преобладал в речи деревенского населения, но уже в течение XVIII столетия он стал активно использоваться и среди городских жителей [7, с. 120]. Благодаря глобализации и демократизации Великобритании диалект продолжает развиваться по сей день и преобладает в центральных районах Лондона, а так же вблизи английской столицы и на её окраинах.

В наши дни самым широко известным наследием социального диалекта кокни является так называемый ‘cockney rhyming slang’ – рифмованный сленг кокни, который так же зародился в восточных районах Лондона (East End). Носители кокни придумали некую языковую игру, используя вместо одного слова код в виде рифмованной известной фразы, которые фонетически совпадают с закодированным словом [1, с. 105], а так же «запрограммированное языковой игрой отклонение от стереотипа восприятия, образования и использования языковых единиц» [2, с. 8]. Стоит заметить, что социальный диалект кокни проникает в пассивный лексикон не только представителей рабочего класса, но и представителей

других слоев общества. Этому способствовало появление рифмованного сленга на радио и телевидении. Подобная шутовская языковая игра уже не вызывает трудностей с семантической точки зрения, так как диалект кокни стал доступен всем [12, с. 408].

Однако становится очевидным, что каждый человек, будь-то носитель литературного языка или диалекта, должен иметь определенный набор навыков и знаний, а именно владеть необходимой лексикой и соблюдать социокультурные принципы и выполнять правила, которые являются обязательными для совершения коммуникации, т.е. следовать всем принципам коммуникативного языкового умения данного языка [13, с. 47–54]. В этом случае возникает вопрос: отвечает ли социальный диалект кокни всем принципам коммуникативной компетенции?

В свою очередь термин «коммуникативная компетенция» включает в себя ряд ключевых компетенций: языковая, дискурсная, прагматическая, разговорная, социально-лингвистическая, стратегическая и речемыслительная. Следовательно, можно сделать вывод, что коммуникативная компетенция иллюстрирует язык как систему [12, с. 2].

В итоге, основываясь на вышеперечисленных ключевых компетенциях, проследим их реализацию в диалекте кокни.

1) языковая/лингвистическая (носители как социального диалекта кокни, так и рифмованного сленга представляли свой так называемый «подъязык» как систему, состоящую из всех необходимых аспектов языка, а именно фонетики, лексики и грамматики, но с намеренным искажением языковых норм);

2) дискурсная (речь носителей, связанная со всеми логическими переходами);

3) прагматическая (акт коммуникации мог состояться только в случае, если оба говорящих владеют зашифрованным диалектом);

4) разговорная (речь носителей диалекта кокни звучит естественно, ее темп выше, чем при говорении на Received Pronunciation, что еще больше затрудняет понимание. Паузы минимальны и заполняются различными специфическими междометиями и восклицаниями для усиления экспрессивного эффекта);

5) социально-лингвистическая (говорящие на рифмованном сленге прибегают к использованию искаженных языковых форм английского языка, более того, каждый носитель может пополнять их запас самостоятельно, зачастую придумывая их в момент речи);

б) стратегическая (благодаря данной компетенции социальный диалект кокни трансформировался в рифмованный сленг и в еще более современный его вариант - сленг «мокни». С течением времени в языке появлялись новые реалии, которые носители «мокни» так же не обделяли вниманием. Они зашифровывали новые слова и понятия, постоянно пополняя лексический состав своего сленга).

В результате проведенного анализа было установлено, что диалект кокни соответствует всем принципам коммуникативной компетенции и имеет свою систему языка. Таким образом, становится очевидным, по какой причине социальный диалект кокни настолько быстро вошел в активный лексикон жителей Лондона и стал ее яркой особенностью. Более того, впоследствии он становится некой достопримечательностью английской столицы благодаря своему уникальному колориту и экспрессии.

Как следствие, социальный диалект кокни подпадает под понятие «язык города». Под этим термином понимается «исторически сложившаяся совокупность типов городской речи, используемая в границах города различными социальными группами, объединенными знанием «кода города»...В границах города формируется «речевой коллектив», объединяющий всех его жителей» [10, с. 4]. Данный термин стал нередко встречаться в научных трудах лингвистов конца XX и начала XXI века. Ученые лингвисты и филологи определили несколько видов «языка города»: сленг, социальный диалект, интердиалект и жаргон [6, с. 286]. Важно отметить, что представители различных культур оказывают значительное влияние на язык города, а тем более такого крупного мегаполиса как британская столица. Уже в XX веке число иммигрантов стало стремительно расти. В свою очередь, переселенцы пополняли ряды лондонского рабочего класса и осваивали местный социальный диалект и рифмованный сленг, обогащая их новыми закодированными словами и выражениями, основываясь на особенностях культуры своих языков. Таким образом, фоновые знания носителей зашифрованного диалекта находятся на сравнительно одинаковом уровне, благодаря чему им удается легко найти общий язык.

Лексический состав социального диалекта кокни представляет собой нелитературную сниженную лексику из-за того, что его носители были выходцами из трущоб рабочего класса и не имели понятия об этикете общения. По этой причине, носители кокни постоянно пополняли свой

словарный запас вульгарными, но экспрессивными выражениями. «Эффект воздействия зависит от характера употребляемых единиц: отдельных экспрессивных вкраплений в текст, грубо-бренных единиц и конструкций, фонда экспрессивного и грубого просторечия, арготизированных единиц, вульгарного жаргона, инвектив (от лат. *investio* «нападки», «брань»)...» [11, с. 194]. Для определения этой коммуникативной ситуации существуют термины «антикультура» и «антиповедение» [3, с. 289]. Большинство явлений мира подвергаются переоценке, в речи прослеживается тенденция к «понижению» и «пародии» [9, с. 233]. Подобная склонность к пародии дает новый толчок к развитию и популяризации рифмованного сленга. Сегодня кокни становится еще и отчасти медийным языком (*media language*), так как всё чаще его можно услышать по радио, в телевизионных передачах и рекламе. Все это послужило толчком к развитию и популяризации рифмованного сленга. Таким образом, появился новый подвид социального диалекта под названием «Мокни» [4, с. 175].

Список литературы

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д.: Языковая концептуализация мира. М., 1997, с. 105
2. Гридина Т. А. Языковая игра: Стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург, 1996. 215 с.
3. Жельвис В. И. Поле брани, М. 1997. 289 с.
4. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М., Просвещение, 1977. С. 210.
5. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высш. школа, 1982. 263 с.
6. Мордвинов А. Б., Осипов Б. И. Учебная практика по изучению народно-разговорной речи города: Программа и методические указания для студентов филологического факультета /, Сост.. Омск, 1990. 286 с.
7. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка. М.: Наука, 2007. 128 с.
8. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст] / Ноам Хомский; под общ. ред. В. А. Звегинцева; Серия переводов. Вып. I. М., 1972. 233 с.
10. Юнаковская А. А. Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы) 2000. 10 с.
11. Юнаковская А. А. Язык города как лингвистическая проблема». Омск. 2011. 194 с.
12. Bachman L. Fundamental Considerations in Language Testing / Lyle Bachman. Oxford: Oxford University Press, 1990. 408 p.
13. Canale M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing / M. Canale, M. Swaine // Applied Linguistics. 1980. № 1. P. 54.
14. Liberman A. Etymology // Dictionaries. 1996. Vol. 17. P. 29–54.

Рейнгольд Н.И.

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

О норме комментирования художественного перевода

Аннотация. Автор статьи обращает внимание читателей на тот факт, что в разные исторические периоды комментариев к переводу художественных текстов либо отсутствовал, либо приобретал узконаправленный, специальный характер. За последние 40-50 лет норма комментирования художественного перевода в западноевропейской и отечественной практике претерпела существенные изменения, и автор в первом приближении анализирует характер и причины этих изменений.

Ключевые слова: переводческий комментарий, экспрессивный тип текста, типологический подход к переводческому комментарию, историко-функциональный подход к переводческому комментарию, переводческие нормы, историческая подвижность нормы комментирования художественного перевода.

N. Reingold

Russian State University for the Humanities (Moscow)

On the literary translation commentary norm

Abstract. By drawing the reader's attention to different cases of either zero translation commentary or its scholarly function, we study the historically shifting character and status of the translation commentary. More specifically, it is found that the literary translation commentary norm has been changing for the last forty or fifty years. The found changes and the possible reasons are described.

Keywords: translation commentary, expressive type of translation, typological approach to translation commentary, historical and functional approach to translation commentary, translation norms, historical changes in the literary translation commentary norm.

“Notes are often necessary, but they are necessary evils”.

Samuel Johnson

Как известно, комментарий – сателлит основного текста [4, с. 239]. Он адресован, прежде всего, читателю. Комментарий к переводу представляет собой особый тип комментирования. Предназначенный для носителя другого языка, представителя культуры перевода, он не повторяет комментарий, составленный к исходному тексту. Комментарий же к художественному переводу имеет свою специфику. Очевидно, что она связана с экспрессивным типом текста [6], который представляет собой любой художественный перевод. Обращение к истории художественного перевода в России и в западноевропейских странах показывает, что в разные исторические периоды Нового времени комментарий к переводу художественных текстов либо вообще отсутствовал, либо приобретал узконаправленный, специальный характер. В статье мы делаем предположение о том, что в течение последних 25–30 лет норма комментирования художественного перевода в западноевропейской и отечественной практике претерпела существенные изменения, и делаем попытку описать в первом приближении характер и причины этих изменений.

В современном переводоведении есть два подхода к переводческому комментарию: *типологический* и *историко-функциональный*.

Типологический подход основывается на типах переводческого комментария. Последние неплохо изучены.

На чем основываются сторонники типологического подхода к комментарию?

На убеждении, что информационная структура переводного художественного текста представляется читателю перевода лакунарной вследствие различия когнитивных баз носителей исходного и переводного языков. Переводческий комментарий призван нивелировать это различие, элиминируя лакуны путем расширения информационной структуры текста.

Переводческий комментарий, таким образом, – это способ, которым переводчик адаптирует художественное произведение к принимающей иноязычной культуре. Содержательно-коммуникативная равноценность достигается лишь при включении в структуру перевода художественного произведения комментария.

Переводческий комментарий обладает когнитивной, структурной и прагматической функциями.

Отсюда типы переводческого комментария по его местоположению в тексте:

1) внутритекстовый, то есть являющийся частью тела самого текста перевода,

2) внетекстовый, то есть данный в виде сноски и постраничного примечания,

3) экстратекстовый, то есть данный в виде корпуса комментариев, помещенных после текста.

Что же должен содержать в себе комментарий к переводному тексту?

Некоторые авторы [2] полагают, что главный объект, требующий обязательного комментирования для читателя перевода, - так называемые реалии.

Но, разумеется, практика комментирования намного шире, чем комментирование реалий. В зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь, выделяются историко-литературный, текстологический, языковой комментарий и др.

Как видим, типологический подход к комментированию перевода предписывает переводчику (или комментатору перевода) ряд правил комментирования. Иначе говоря, это подход *прескриптивный*.

Другой подход – *историко-функциональный* – базируется на представлении о комментировании перевода как определенной переводческой норме. Его можно определить как *дескриптивный*.

В своем предположении мы исходим из понятия переводческой нормы, разработанного сторонниками дескриптивного переводоведения (Г. Тури, Т. Херманс, А. Лефевр и др.). Заметим, что комментирование художественного перевода обычно не входит в ту иерархию норм, которую изучают теоретики. В этом смысле вопрос комментирования художественного перевода более открыт для обсуждения и изучения, чем другие, уже разработанные, темы.

Несколько слов о понятии «переводческие нормы». Его ввел в оборот переводоведения в 1980–90-е гг. израильский ученый Гидеон Тури, чьи труды не переведены на русский язык, известны лишь реферативно.

Тури исходит из предположения, что перевод есть опыт, эмпирика, реальность, данная нам в текстах переводов на разные языки. Именно поэтому свою теорию он назвал дескриптивной, описательной,

эмпирической. В отличие от нормативной теории перевода, ориентированной на эквивалентность, эмпирическая наука, подчеркивает Тури, может исходить только из поддающихся проверке фактов. Единственное, что ученым доступно непосредственно для наблюдения, – это результат перевода. Значит, с эмпирической точки зрения, проблема заключается в необходимости развертывания исследования, исходя из конечного продукта процесса перевода. Тури подчеркивает: перевод релевантен лишь в принимающей литературе [7, с. 19]. Поэтому художественные переводы необходимо помещать, прежде всего, в понятийные рамки целевой культуры.

Изучая эмпирику, характер действий переводчиков нельзя не заметить, что они определяются переводческими нормами, варьирующимися в зависимости от культуры и временной эпохи, и это одна из самых существенных гипотез представителей дескриптивного переводоведения. Нормы – это вошедшие в свод правил поведения представления общества о ценностях и целях. Они определяют, что верно или неверно, что обязательно для выполнения, а что запрещено. Несоблюдение норм не значит, что они потеряли свою силу. Переводчик, который решается нарушить норму, обязан учитывать возможные последствия, реакцию переводческого цеха или общественного мнения.

Тури выделяет три комплекса переводческих норм: *предварительные* (preliminary norms), *исходные* (initial norms) и *операционные нормы* (operational norms) [7, с. 56–58]. *Предварительные нормы* определяют, в зависимости от действующей в определенный момент переводческой политики, выбор соответствующих типов текста и самих текстов.

Действие *исходных норм* касается континуума, расположенного между постулатами адекватности и приемлемости перевода. Под адекватностью (adequacy) текста перевода (ТП) Г. Тури понимает ориентацию на нормы и функции исходного текста (ИТ). Под приемлемостью (acceptability) ТП Тури понимает намерение приспособить переводной текст к нормам целевой культуры, сделать его приемлемым для носителей переводящего языка (ПЯ).

И, наконец, *операционные нормы* – это комплекс норм, которые определяют принятие переводчиком конкретных решений в процессе перевода. Их действие относится к тому, какие из переводческих инвариантов должны оставаться без изменений, а какие – подвергаться модификации. (Речь идет о решениях, принимаемых относительно так

называемой матрицы текста: переструктурирование языковых средств в языке перевода, например, сегментации, перестановке отдельных фрагментов, опущениях, дополнениях и др.)

Нормы – это не жесткое требование «делай так». Нормы условно-обязательны и потому в пределах социальной реальности маркируют пространство для маневров между полярными понятиями. Так, между крайностями «верно» и «неверно», «разрешается» и «не разрешается» пролегает довольно обширное пространство нормативности и некая «серая зона», к которой относится то, что в какой-то мере соответствует норме. Кроме того, нормы нестабильны и могут в конкретных исторических и общественных ситуациях конкурировать друг с другом.

К какому комплексу переводческих норм относится комментарий? Скорее всего, он входит в группу предварительных норм, представляя собой элемент метатекста, сопровождающего перевод. В метатекст могут входить предисловие, послесловие, посвящение, обращение к читателю, издателю, покровителю, постскрипtum и – собственно комментарий.

С комментированием перевода связаны определенные ожидания (читателей, издателей, академического сообщества). Ожидания меняются со временем, перемены зависят от разных причин и обстоятельств.

В каждом обществе существуют определенные ожидания относительно переводов. Они проявляются во взаимодействии переводчиков и заказчиков перевода, покровителей, распространителей и потребителей, а также преподавателей и критиков переводов. Все это образует единую социальную систему, или «институцию» (institution), согласно определению Тео Херманса [3, с. 137]. Переводческий дискурс формируется не только посредством самих переводов, но и при помощи сопровождающих его текстов, таких как переводческий комментарий, предисловие, послесловие, рецензия на перевод, эссе, учебные материалы, используемые в учебных заведениях, а также научно-исследовательские труды.

Если комментарий – подвижная переводческая норма, логично задать вопрос: когда она возникла? Когда стала переводческой нормой? Как менялся комментарий к переводу от культуры к культуре, от языка к языку, от века к веку? Все это большие вопросы, ответить на которые в статье не представляется возможным. Попробуем лишь сделать отдельные наблюдения над историей комментирования художественного перевода в русской и западноевропейской традициях. И на основе фрагментарных

наблюдений сделаем несколько предположений о том, как менялись ожидания читателей, покровителей, издателей на разных этапах истории и, соответственно, как формировалась и изменялась норма комментирования художественного перевода.

Первое предположение (оно не имеет прямого отношения к комментированию художественного перевода – оно о комментировании вообще): в Средние века в Западной Европе имели хождение многочисленные комментарии; в то же время средневековое богословие, занимавшееся толкованием Священного Писания, не жаловало комментарии. Вспомним хрестоматийное место из “Summa Theologica” (Суммы теологии) Фомы Аквинского: «Ничто не передается скрытым образом в каком-либо месте Священного писания, что бы не было в другом месте изложено явным образом» [1, с. 81]. Эта формула – предостережение против неумеренного толкования. Она восходит к Августину (если текст темен и не являет буквальный смысл, толкователь вправе ограничить его ложные или избыточные прочтения). Данный подход богословов к аллегории и шире – к тексту лег в основание филологии. Кстати, отголосок формулы Фомы Аквинского находим у Т. С. Элиота в его эссе «Данте» (1920), где он замечает, что удовольствие от чтения (и даже понимание!) «Божественной комедии» не зависит от чтения ученых трудов (т.е. комментариев).

Второе предположение: переводы классики рано стали объектом комментирования из-за статуса латыни в Средние века и в эпоху Возрождения, поскольку латынь была языком науки, а древнегреческий преподавали в школах и университетах.

Третье предположение: ранний этап комментирования художественного перевода – это XVII век и один из самых ранних типов комментирования – *предисловие* переводчика. См., например, высказывания Джорджа Чапмена о своем переводе поэм Гомера (полные переводы на английский язык «Илиады» и «Одиссеи» были опубликованы в 1616 г.): переводу «Илиады» предпосланы посвящение, послание читателю, предисловие «к читателю»; или, например, рассуждения Джона Драйдена о своих переводах из «Писем с Понта» (Epistulae ex Ponto) Овидия в предисловии «Овидий и искусство перевода» (“Ovid and the Art of Translation”, 1680). Оба комментария, наряду с предисловиями многих других переводчиков того времени, связаны с зарождением литературной критики и науки в Западной Европе. В XVIII в. многие светские

художественные переводы уже сопровождались предисловиями (ср. французские переводы «Дон Кихота» Сервантеса).

На рубеже XVIII – XIX вв., в эпоху романтизма, появились *заметки* переводчика к своему переводу, носившие характер философского толкования произведения и обоснования собственной интерпретации. Таковы, например, заметки Фр. Гёльдерлина к переводам из «Царя Эдипа» и «Антигоны» Софокла (F. Hölderlin “Anmerkungen zum Oedipus“, “Anmerkungen zur Antigona“, 1804).

Четвертое предположение: на рубеже веков высокий статус литературы как искусства (он распространялся и на переводы) не предполагал комментирования перевода: перевод должен был быть исчерпывающим. Переводчик мог себе позволить лишь краткую заметку, например, пояснение выбора заглавия (К. Гарнетт о своем переводе “Anna Karenin”).

Пятое предположение: в Советском Союзе сложилась практика комментирования художественных переводов: например, *примечания* к переводу «Кентерберийских рассказов» Чосера выполнил их переводчик, Иван Кашкин; чаще эта норма носила идеологическую направленность: примечания и предисловия были призваны задать «правильный» идеологический вектор читательского восприятия произведения.

Шестое предположение: новой вехой в комментировании художественного перевода в масштабе более широком, нежели национальная литература, стал *комментарий* В. В. Набокова к переводу на английский язык романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1964). Не только потому, что комментарий по объему в четыре раза превысил перевод. Был создан прецедент переводческого комментария как самостоятельного текста, восполняющего множество когнитивных лакун в знаниях о русской культуре англоязычных читателей.

Седьмое предположение: сегодня художественные переводы современной поэзии, равно как и поэзии прошлых веков, выходят преимущественно с комментариями (см. русские переводы из английской, американской, испанской, немецкой, французской поэзии, немецкие переводы с английского, испанского языков и др.). Современный комментарий к художественному переводу может быть скупым и весьма обширным, специальным и широким по обращенности к читателю, историко-литературным и текстологическим, внутритекстовым и затекстовым и т.д. Практически все переводы поэзии, прозы, созданные

после второй мировой войны и рассчитанные на широкого читателя, выходят с комментариями. Очевидно, что норма комментирования художественного перевода меняется, особенно последние 25–30 лет. Если это так, с чем связана перемена?

Причины текущего изменения нормы комментирования художественного перевода, по-видимому, разные; кратко отметим некоторые из них:

- обновление системы знаний, происходящее каждые 500 лет, и утрата многого из предшествующего знания;

- невежество, связанное с ограничением пространства классического образования и доступа к нему в эпоху демократической формы образования (рубеж XIX века по настоящее время), следствием его есть общее незнание латыни, древнегреческого языка и отсюда необходимость комментирования классических включений в ТП;

- постструктуралистская идея о переводе как о комментировании. По словам Ж. Деррида, «текст переводим, но в то же время в силу своей неоднозначности непереволим. К какому бы решению ни обращался переводчик, для него не будет удовлетворительного решения. Переводчик “комментирует, разъясняет, парафразирует, но не переводит”» [3, с. 297];

- постмодернистская практика сочинения «комментариев» (роман-комментарий, эссе-комментарий и т.д.);

- развитие интернет технологий, систем ссылок, поиск по ссылкам, перекрестные ссылки и т.д., ожидание, что перевод хорош тогда, когда он изобилует тем, что требует пояснения, прояснения, референций и т.д.;

- специализация знания, научные требования академического сообщества к публикации художественного перевода;

- характерное для российской практики желание преодолеть советский идеологический ложный псевдокомментарий и дать «правильное» де-идеологизированное, нетабуированное знание.

Закончу комментарием Т. С. Элиота к современному состоянию человечества:

Where is the Life we have lost in living?

Where is the wisdom we lost in knowledge?

Where is the knowledge we have lost in information?

The cycles of Heaven in twenty centuries

Bring us farther from GOD and nearer to Dust. [5, с. 147]

Слово Элиота напоминает нам о дилемме переводчика: мы стремимся быть мудрыми к слову (подлинника и собственного перевода), и мы же стремимся быть эрудитами, все познать и сохранить знание. Первое стремление делает комментарий ненужным, второе превращает его в необходимость.

Список литературы

1. Компаньон А. Филология и герменевтика. Метод параллельных мест / А. Компаньон. Демон теории. Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М., 2001.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
3. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. Пер. с нем. О. Кашкиной, С. Архипова, В. Шубина и др. Под научной ред. Н.И. Рейнгольд. М.: Р.Валент, 2015.
4. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
5. Eliot T.S. Choruses from "The Rock" / T.S. Eliot. The Complete Poems and Plays of T.S. Eliot. London, Boston: Faber and Faber, 1990.
6. Reiss K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen von Katharina Reiss. Hg. Mary Snell-Hornby et al. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1995.
7. Toury G. Translations as Facts of a "Target" Culture. The Nature and Role of Norms in Translation / G. Toury. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam: JBPC, 1995.

Реука А.Ю., Улиткин И.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Трудности перевода научно-технических текстов: использование дословного перевода

Аннотация: Предпринята попытка рассмотреть основные трудности, возникающие при переводе научно-технических текстов с английского языка на русский. Основное внимание акцентируется на таком способе перевода как дословный перевод.

Ключевые слова: научно-технический текст, перевод, дословный перевод.

A. Reuka, I. Ulitkin

Moscow Region State University (Moscow)

Difficulties in translating scientific and technical texts: using a word-for-word translation

Abstract. An attempt is made to examine the main difficulties that arise in translating scientific and technical texts from English into Russian. The main attention is focused on such a translation method as word-for-word translation.

Keywords: scientific and technical text, translation, word-for-word translation.

Каждый переводчик знает, что основная трудность при переводе художественного текста заключается в понимании мыслей автора, в том, чтобы прочувствовать его стиль и правильно это интерпретировать. Таким образом основная задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы донести до читателя не только фактологическую информацию, но и заложенные автором в тексте эмоциональные компоненты. С точки зрения научно-технического перевода задача, на первый взгляд, выглядит проще, т.е. переводчик обязан лишь правильно и точно передать информацию, поскольку нет особой нужды проникаться стилем автора, изучать его, думать как он и прочее. При переводе научно-технического текста нужно лишь точно передать мысль автора.

Конечно, не может все быть так просто. Поэтому для достижения адекватного и, в то же время, точного перевода необходимо обладать достаточным багажом знаний в данной сфере, владеть приемами лексико-грамматических трансформаций, иметь чувство научно-технического стиля и прекрасно знать английскую и русскую терминологию, связанную с предметом перевода. Ведь даже если переводчик знает, что где-то существует вещь под названием «большой адронный коллайдер», но не знает что это и даже не имеет представления о том, как оно работает, то может получиться что угодно, вплоть до комических ситуаций.

Исходя из этого можно утверждать, что перевод научно-технической литературы является одним из наиболее сложных. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, лингвистика в целом и переводоведение в частности являются гуманитарными областями знаний, а не техническими. Во-вторых, качественный перевод научно-технического текста подразумевает глубокое знание используемой в той или иной науке лексики, стилистических особенностей построения научно-технической литературы. В-третьих, существующие словари не всегда достаточно корректно отображают специфику технических терминов.

Перевод научно-технической литературы требует знания предмета перевода и связанной с ним терминологии. Прежде всего, это обусловлено расхождениями в значении одних и тех же терминов, используемых в определенных областях научно-технического знания. Необходимо обладать достаточной компетенцией в той области, к которой принадлежит переводимый текст, чтобы оперировать используемой специальной терминологией.

Перевод простых однозначных терминов, таких как *oxugen* или *carbon* не представляет особых трудностей и производится при помощи обычного поиска в словаре. Проблему представляют собой слова, которые имеют несколько вариантов перевода, такие, например, как *switch*. Это загадочное слово переводится в различных словарях как «выключатель», «переключатель», «реле», «тумблер», «стрелочный перевод», «коммутатор» и т.д. В данном случае можно опираться лишь на хорошее знание данной темы переводчиком и, конечно же, контекст.

Необходимо также отметить, что перевод научно-технических текстов включает в себя перевод технической документации и, справочных материалов, перевод руководств по эксплуатации оборудования, собственно перевод технической литературы и т.п.

Проблемами научно-технического перевода всегда была в центре пристального внимания многих отечественных исследователей. Здесь, прежде всего, необходимо отметить работы А.Л. Пумпянского, Б.Н. Климзо, Н.К. Рябцевой, М.Г. Циммерман, К.З. Веденева и др.

Именно перу Алексея Леонидовича Пумпянского принадлежит серия из трех книг по переводу научной и технической литературы с русского языка на английский: «Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык», «Пособие по переводу научной и технической литературы на английский язык», «Упражнения по переводу [научной и технической литературы на английский язык]», в которых он рассматривает научно-технический перевод, начиная с общих и частных вопросов теории перевода и заканчивая конкретными упражнениями, позволяющим повысить качество переводов.

Так, А.Л. Пумпянский отмечает: «Перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки и техники – с другой. Поэтому перевод научной и технической литературы надо рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций, с приматом первых при исследовании общезыковых вопросов и вторых – при рассмотрении узкой терминологии» [Пумпянский, 1965, с. 9].

При переводе научно-технических текстов необходимо помнить, что мысль должна излагаться полно и максимально точно, с учётом норм русского технического стиля. При этом необходимо отметить, что английский текст зачастую имеет стилистико-грамматические

особенности, которые не характерны для стиля русской научно-технической литературы.

Так, например, в английском языке широко используются личные формы глагола.

Например,

Figure 1 shows the schematic of the experiment. / На Рис. 1 показана схема эксперимента.

Данный пример четко иллюстрирует тот факт, что научному стилю русского языка свойственны неопределенно-личные обороты и безличные конструкции.

Необходимо также отметить нередкое употребление будущего времени в описательных текстах на английском языке, при этом это время используется для выражения обычного действия.

Например,

To this end, photoelectrons resulting from laser irradiation of a laser sample will be passed through a capillary tube. / Для этого получаемые в результате лазерного облучения образца фотоэлектроны проходят через капиллярную трубку.

Данный пример показывает, что такого рода предложения следует передавать на русский язык предложениями настоящего, а не будущего, времени. Иногда переводное предложение может иметь модальный оттенок.

Например,

Consequently, the resulting beams will, in the limit, have submicron transverse dimensions. / Следовательно, полученные пучки в пределе разрешения оптики обязаны иметь субмикронные поперечные размеры.

Английский язык в целом характеризуется широким использованием пассивных конструкций, в то время как страдательный залог в русском языке встречается значительно реже. Все это говорит о том, что при переводе научно-технических текстов необходимо использовать свойственные русскому языку замены.

Например,

Compared to nondispersive regions, the dispersion constant is increased by more than an order of magnitude. / По сравнению с недиспергирующими областями постоянная дисперсии увеличивается более чем на порядок.

Данный пример отчетливо иллюстрирует замену пассивной конструкции английского языка на активный залог в русском.

Еще одним характерным моментом научно-технической литературы на английском языке является частое использование различного рода сокращений, которые являются малоупотребительными в русском языке.

Например,

- AC (alternating current) / *переменный ток*;
- PC (phase conjugation) / *фазовое сопряжение*.

Стоит отметить, что в таких случаях переводчику не нужно вводить собственное сокращение и использовать полное обозначение по всему тексту перевода [Улиткин, Нелюбин, 2014, с. 58].

Необходимо также отметить, что английский научный текст может содержать и чуждые русскому языку образы, для которых нужно искать более привычные для русского языка аналоги.

Например,

The beam intensity was decreased by increasing the beam diameter by several dozen centimeters. / *Интенсивность пучка уменьшалась за счет увеличения диаметра пучка на несколько десятков сантиметров.*

На русский язык *dozen* переводится как «дюжина», что равно двенадцати. Но для нашего слуха привычнее слово «десяток», которое и будет более употребительно в данном случае.

Рассмотрев данные особенности, можно сделать вывод, что перевод научно-технических текстов имеет определенные свойства, учитывая которые можно достичь адекватного и полного перевода, поскольку любой перевод подразумевает под собой различного рода трансформации.

Но всегда ли эти трансформации необходимы и оправданы?

Отсутствие синтаксических трансформаций, или синтаксическое уподобление, или дословный перевод – это способ перевода, при котором не используется ни каких трансформаций, а синтаксическая структура текста оригинала «параллельна» таковой в тексте перевода. Однако, как отмечает А.В. Федоров, «...всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст или отрезок текста приводят если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности и неясности» [Федоров, 1983, с. 131-132].

Тем не менее, дословный перевод может быть и вполне обоснован.

Например,

The energy level diagram of Kr atoms is shown in Fig. 1. / *Схема уровней энергии атомов криптона показана на Рис. 1.*

В данном случае дословный перевод вполне обоснован, но при переводе были опущены артикли «the», так как в данном случае они не играли особой роли.

Рассмотрим еще несколько примеров.

Оригинальное английское предложение звучит следующим образом:

“*Static stress, if held to practical limits, is not the major criterion for determining service life of the elastomer*” [https://studsell.com/view/106261/190000]. / «*Статическое напряжение, в случае практических ограничений, не является основным критерием для определения срока службы эластомеров*» [https://studsell.com/view/106261/190000].

В данном случае дословный перевод не совсем обоснован, так как часть *if held to practical limits* может быть опущена при переводе, так как не является важной исходя из контекста. Следовательно, с нашей точки зрения перевод должен выглядеть так:

Статическое напряжение не является основным критерием для определения срока службы эластомеров.

Иногда можно встретить варианты дословного перевода с небольшими перестановками.

Например,

“*One of the major problems encountered in the operation of high-enthalpy test facilities is the determination of high stagnation temperatures ($T = 4,000^{\circ} K$)*” [http://geum.ru/doc/work/106261/20-ref.php]. / *Одной из основных проблем, возникающих при работе высокой энтальпии объектов испытаний, является установление высоких температур торможения ($T = 4000^{\circ}K$).*

В этом примере используется небольшая перестановка, так сочетанию *stagnation temperatures* соответствует русский термин ‘температура торможения’.

Несмотря на кажущуюся достоверность дословного перевода, зачастую его правильность является только видимой.

Например,

“*Since these temperatures normally exceed the capabilities of available thermocouples, it is often necessary to resort to one of the various optical methods – such as pyrometry or the sodium-line reversal technique – for the determination of these temperatures*” [http://geum.ru/doc/work/106261/20-ref.php]. «*Поскольку эти температуры обычно превышают возможности*

имеющихся термонар, часто приходится прибегать к одному из различных оптических методов, например, к пирометрии или методу натрий-линейного обращения, для определения этих температур» [<http://geum.ru/doc/work/106261/20-ref.php>].

При переводе этого предложения переводчик использовал дословный перевод, что является не совсем правильным. Ведь для большего соответствия ремо-тематическим отношениям, характерным для русского языка, следовало часть *‘для определения этих температур’* перенести в начало предложения.

Тогда перевод должен выглядеть следующим образом:

Поскольку эти температуры обычно превышают возможности имеющихся термонар, для их определения часто приходится прибегать к одному из различных оптических методов, например, к пирометрии или методу натрий-линейного обращения.

В следующем примере дословный перевод оказывается достаточно обоснованным.

“A one-dimensional analysis of the flow is used to evaluate the mass flow per unit area at the throat of a nozzle for various stagnation pressures and temperatures” [http://www.englishadv.ru/ENGLISH/tech_45.htm]. / *Одномерный анализ потока газа используется для оценки его массового расхода на единицу площади в горловине сопла при различных давлениях и температурах торможения.*

В данном примере нам полностью удалось сохранить структуру оригинала и смысл, несмотря на «дословность» перевода.

Как видно из вышеприведённых примеров, дословный перевод вполне возможен в научно-технических текстах, так как не требует излишних трансформаций и так называемой «отсебятины» от переводчика, а основан на точной и полной передаче оригинала. Чаще всего научно-технические тексты достаточно хорошо переводятся с иностранного языка на русский, поскольку во всех языках науки используются совпадающие по смыслу категории и понятия. Тем не менее, в процессе дословного перевода могут возникнуть «пробелы» (из-за разнице в структуре предложения, грамматике, лексике, или стилистике), которые необходимо заполнить соответствующим единицами для достижения эквивалентного перевода. В результате необходимо согласовывать переведенный текст с русским узусом и внимательно следить за порядком слов в переводе, иначе текст может получиться громоздким и очень трудным к пониманию.

Список литературы

1. Климзо Б.Н. Русско английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы. В 2 томах. М., 2002. Том 1. 648 с.
2. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М., 1965. 304 с.
3. Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики. М.: Наука, 1999. 600 с.
4. Улиткин И.А., Нелюбин Л.Л. Использование и перевод сокращений в научно-техническом тексте. / «Наука о человеке: Гуманитарные исследования». Омск: НОУ ВПО ОмГА, 2014. С. 58-69.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
6. Циммерман М.Г., Веденева К.З. Русско-английский научно-технический словарь переводчика = Russian english translator's dictionary a guide to scientific and technical usage. 3-е изд., [доп. и расшир.]. М.: Наука, 1997. 735 с.

Рожкова А.Р.

Московский государственный областной университет (Москва)

Сопоставительный анализ писательского двуязычия

В. Набокова и И. Бродского

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические основы билингвизма и его видов, а также литературного билингвизма, изучаются особенности русскоязычной и англоязычной литературы И. Бродского и В. Набокова и ее место в творчестве поэтов, исследуются особенности написания текстов авторами на русском и английском языках, проводится оценка их индивидуальности, сравнение и анализ текстов-оригиналов и переводов.

Ключевые слова: билингвизм, литературный билингвизм, автор-билингв, сопоставительный анализ, текст-оригинал, автоперевод.

A. Rozhkova

Moscow Region State University (Moscow)

Comparative analysis of the writer's bilingualism: V. Nabokov and

J. Brodsky

Abstract. The paper discusses the theoretical foundations of bilingualism, its types and literary bilingualism. Works of J. Brodsky and V. Nabokov in Russian and English are studied and the role of bilingualism in the works of poets is described. The peculiarities of

texts written by the authors in both languages are compared and original texts and their translations are analyzed.

Keywords: bilingualism, literary bilingualism, bilingual author, comparative analysis, original text, auto-translation.

Современные изменения в обществе показывают, что двуязычие представляет собой одну из важнейших социолингвистических проблем, так как в связи с научно-техническим и культурным развитием расширяются международные, а также и языковые контакты. Проблема овладения вторым языком и его эффективное использование в качестве средства коммуникации между разноязычными сообществами приобретает дополнительную важность. Писательское двуязычие и его особенности представляются наиболее интересными и актуальными среди всего круга проблем билингвизма, позволяют понять механизмы переводческой деятельности, приблизиться к пониманию соотношения оригинала и перевода.

Так как в основе билингвизма лежит языковой контакт, его вопросами чаще всего занимались и занимаются лингвисты. Были проанализированы взгляды на билингвизм таких ученых, как У. Вайнрайх, У. Макки, Л. Блумфильд и др. В дальнейшем исследовании рассматривается определение билингвизма, данное У. Вайнрайхом: «Билингвизм – практика альтернативного использования двух языков» [1, с. 1972].

Ситуация билингвизма охватывает весь мир. Почти каждый человек вынужден в той или иной степени знать иностранный язык, в особенности тот, который признан официальным в стране его временного проживания. Это не только способ успешного общения и контакта с населением этой страны, но и высокий показатель образованности и культуры индивида. Стоит отметить, что при формировании полноценной билингвальной личности, человеку необходимо осваивать не только язык чужой страны, но и национально-культурные особенности видения мира его носителей [3, с. 1999].

Понятие литературного билингвизма следует определять, как способность автора создавать произведения на двух языках и осуществлять их перевод с одного языка на другой. При этом язык, который употребляется в литературном творчестве автора, не обязательно должен являться его родным языком, а его навыки на этом языке могут быть неидеальными [2, с. 2015].

Ярким примером авторского билингвизма является творчество Иосифа Бродского и Владимира Набокова, особенности биографии которых привели к формированию билингвальных личностей, с одной стороны. А с другой, их творческая деятельность сделала их писателями с мировым именем.

Иосиф Бродский – русский и американский поэт, эссеист, драматург и переводчик. Поэт покинул родину уже вполне зрелым человеком, умея читать по-английски, но не владея этим языком активно. Бродский почти не доверял перевод своих русских стихов англоязычным поэтам и переводчикам.

Владимир Набоков – писатель, поэт, ученый, переводчик и энтомолог, эмигрировавший из России в 1919 году. Владимир Набоков в одинаковой степени хорошо владел русским, английским и французским языками. Набоков прекрасно писал, переводил на каждом из известных ему языков, но ведущими в его творчестве стали русский и английский языки. Набоков уделяет немало внимание вопросу о переводе [4, с. 2002].

Для настоящего исследования был проведен опрос (с помощью сайта для создания опросов *survio.com*) русских и американских жителей из разных городов с помощью рассылки вопросов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook». В опросе приняли участие 40 человек русских жителей и 25 американских в возрасте от 17 до 25 лет. Опрошенные русские граждане, в целом, имеют основное общее (среднее) или высшее образование. Среднее образование также доминирует и среди американских читателей, которые отвечали на заданные вопросы. Результаты опроса показали известны ли авторы-билингвы Иосиф Бродский и Владимир Набоков современному поколению России и Америки и какие произведения вызывают больший интерес у опрошенных.

Для сопоставительного анализа с целью выявления особенностей текста-оригинала и текста-перевода было выбрано одно из наиболее известных и читаемых произведений Иосифа Бродского, которое выделили жители Америки: «То не Муза воды набирает в рот...» и его автоперевод «Folk Tune». Стихотворение на русском написано в виде разделения на четверостишья, это же сохранено и в автопереводе. Следует обратить особое внимание на рифму в переводе. В русском языке представлены наиболее точные и полные (в фонетическом отношении) рифмы, а в переводе по-другому. Английский текст включает в себе ряд неточных рифм. Например, несовпадения конечных согласных по признаку

звонкости-глухости (rod – rot; pond – won't; that – pad). Но, применение неточной рифмы в произведениях Бродского является показателем того, что автор делал это специально с целью подчеркнуть свой индивидуальный авторский стиль.

Переходя к некоторым фразеологическим особенностям произведения видно, что русское устойчивое выражение с оттенком просторечности «набрать в рот воды» удачно передано стилистически правильным английским фразовым глаголом «to clam up» – «проглотить язык». Далее, анализируя первую строфу, замечено, что автор с помощью метафоры передает идею творческого бессилия, творческого кризиса, воспринимаемого поэтом как собственная смерть и передает это с русского на английский следующим образом: английское определение «last» («последний») при существительном «nap» («сон, дрема») конкретизирует, какой именно «сон» одолевает «молодца» (автор иронически именуется сам себя) (в русском варианте – крепкий). Строфы три и четыре представляют собой обращение поэта к любимой и переживания по поводу расставания с ней. В третьей строфе автор сообщает об этой проблеме с помощью использования метафор: «шесть одеял», «садок»; в английском варианте – «in that basin of yours», «basin ... whose strung bottom wails».

Далее автор отождествляет понятия «Варяг» и «Tirpitz». В этой строке автор сравнивает себя с «затонувшим судном». Как известно любому уважающему свою историю жителю России, «Варягом» назывался российский крейсер, героически сражавшийся и затопленный собственной командой в годы русско-японской войны. Следовательно, в английском переводе автор употребляет понятие с такой же исторической основой. По мнению автора, таким понятием может служить наименование крупнейшего линкора времен второй мировой войны, состоявшего на вооружении германского флота, – «Тирпиц». В пятой строфе бросается в глаза то, как автор переводит выражение «не судьба» на английский язык. В первую строку введен образ, отсутствующий в русском тексте: «it's not ... or the waiter's tray» – буквальный перевод «на подносе официанта этого нет». По-видимому, автор предполагает, что такое значение будет лучше воспринято иностранным читателем. В заключительной строфе наблюдателю уже довольно обычная, разговорная лексика (обращение «дружок» – «little friend»). В этой строфе автор решает окончательно проститься с читателем, используя следующие выражения: «навсегда расстаемся» – «we are parting for good».

Для сравнения взято еще одно небольшое поэтическое произведение Бродского, которое, как выяснилось с помощью проведенного опроса, выделяют русскоязычные читатели, «К Урании» и его автоперевод «To Urania». Это стихотворение, как и поэтическое произведение, проанализированное ранее, написано в сентиментальном стиле. В данной работе поэта в русском варианте представлена перекрестная, неточная, оригинальная рифма. В английском варианте автор пытается сохранить форму рифмовки русского стихотворения.

Далее подробнее рассматриваются лингвистические особенности данного произведения. Тип строф в русском варианте состоит из двадцати строк, что, обязательно, сохранено и в английском автоперевод. Бродский, с помощью лексических оборотов, троп и фигур создает свой собственный мир, маленькую вселенную. Об этом, например, говорит использование автором такого стилистического приема, как аллюзия. А именно, поэт ссылается на имена муз астрономии и истории из древнегреческой мифологии. «Урания» – муза астрономии (космоса), которую автор сравнивает с музой истории – «Клио». В английском авторском переводе Бродский не заменяет данные понятия, как он делал это в проанализированном предыдущем стихотворении «То не Муза воды набирает в рот...». Он переводит их буквально. Единственное, что притягивает внимание – на английском языке Бродский пишет: «*Urania's older than sister Clio!*». Предполагается, что автор использует выражение «*sister Clio*» лишь для сохранения имеющейся рифмовки в произведении. Интересно Бродский переводит на английский язык такие фразы: «линкоры» он заменяет «*dreadnoughts or cruisers*», «*dreadnought*» имеет значение предшественника современного линейного корабля; далее, выражение «...в чьей телефонной книге ты уже не числишься...» на английском языке автор интерпретирует как «*...in whose soggy phone books you are starring no longer...*», что в буквальном переводе означает: «в чьих телефонных книгах ты больше не играешь главной роли». Отсюда следует, что Бродский передает главную суть своего произведения на английский язык, используя более понятные выражения для иноязычного читателя.

В общем, если сравнивать стихотворения «То не Муза воды набирает в рот...» и «К Урании», и их авторские переводы на английский язык, то можно выявить следующее главное отличие между ними: произведение «К Урании» выполнено Бродским с позиций буквального перевода. Он подбирает более точные фразы и выражения, которые

соответствуют тексту-оригиналу. Автор сохраняет высокую лингвистическую точность при переводе своей работы на другой язык, а также, естественно, следует за оригиналом в эмоциональном и оценочном смысле текста-прототипа. Например, русский вариант: «...*Одиночество есть человек в квадрате...*», английский перевод: «...*Loneliness cubes a man at random...*»; «...*как бельё с кружевами...*» – «...*like lace underwear...*» и др. А в стихотворении «То не Муза воды набирает в рот...», точнее в его авторском переводе «Folk Tune», автор позволяет себе 1) включать в перевод некоторые образы, что отсутствуют в тексте-оригинале; 2) ряд единиц высказывания в переводе утрачивает свою грубо-просторечную окраску или вовсе заменяется другими выражениями в тексте-переводе.

Для анализа особенностей творчества автора-билингва Владимира Набокова было выбрано автобиографическое произведение «Другие берега» и его автоперевод «Speak, Memory».

Стоит отметить, что в плане содержания изменения текстов касаются отдельных деталей повествования, дат, имён, событий, а также истории семьи.

Подробно рассматриваются некоторые лингвистические особенности русского и английского вариантов автобиографического произведения. В первой главе русского текста Набоков использует метод транскрибирования: «...*красноречивое, утоляющее душу заклинание, простое английское слово «чайльдхуд» (детство)...*». Автор использует данное языковое средство для точной передачи звуков английского слова «*childhood*», которое, по-видимому, он необычно произносил в детстве, когда только обучался иностранному языку. Набоков вводит некоторые русские понятия в автоперевод: «...*lepota (Old Russian for «stately beauty»)*...»; «*Summer soomerki – the lovely Russian word for dusk*»; «*brezgliv*», «*golubchik*». Вместе с тем, Набоков использует следующую стилистическую фигуру – аллюзию: «*Мне удалось, в виде психологического алиби, пролететь что-то о драке в школе, но тут мое сердце поднялось, – поднялось, как на зыби поднялся «Буйный», когда его палуба на мгновение сровнялась со срезом «Князя Суворова», и у меня не было носового платка*»; «*And then it happened: my heart welled in me like that wave on which the Buiniy rose when her captain brought her alongside the burning Suvorov, and I had no handkerchief...*». Данный исторический факт относится к русской культуре, а на английский язык переводится дословно.

В анализируемом автобиографическом произведении эта сцена описывает переживания поэта по поводу дуэли его отца. Также Набоков вводит английские понятия, фразы и выражения в русский вариант книги: «*За брекфастом яркий паточный сироп, golden syrup, наматывался блестящими кольцами на ложку, а оттуда сползал змеей на деревенским маслом намазанный русский черный хлеб*»; английский текст: «*At breakfast, Golden Syrup imported from London would entwist with its glowing coils the revolving spoon from which enough of it had slithered onto a piece of Russian bread and butter*». Здесь стоит обратить внимание на то, что автор сознательно отдает предпочтение иностранным лексемам при наличии русских эквивалентов, описывая «английские привычки» семейного завтрака у Набоковых.

Подводятся следующие итоги: 1) перевод данной автобиографической книги «Другие берега» на английский язык «Speak, Memoir» нельзя назвать буквальным переводом только из-за того, что в тексте перевода автор включает новые образы, а, в целом, он передает главную мысль русского текста дословно; 2) этот факт может быть причиной того, что, представляя англоязычным читателям версию книги «Speak, Memoir», Набоков заполняет биографический вакуум и представляет себя англо-американской аудитории в роли поэта-билингва; 3) можно с легкостью понять, что поэт представляет собой полноценную билингвальную личность, которая успешно использует изученные языки при создании прозаического произведения на двух языках.

Итак, автоперевод – переложение автором своего произведения на другой язык, что чаще всего происходит из-за неудовлетворенности качеством перевода своей работы другими переводчиками и с целью сохранения индивидуального стиля.

Проанализировав два небольших поэтических произведения И.Бродского и автобиографическое произведение В.Набокова, делается вывод, что данные авторы-билингвы, сталкиваясь со сложностями передачи различных троп и фигур речи на другой язык, в силу их языковой разнородности, стараются переложить свой текст с русского языка на английский язык, в основном, при помощи буквального перевода. Но, главная задача, которая стоит перед автором-переводчиком, как было выяснено, заключается в передачи содержательной и эмоциональной составляющей с одного языка на другой.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. М., 1972.
2. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Литературный билингвизм: за и против // Вестник РУДН: Научный журнал. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2015, № 5. С. 298–302.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: МААЛ, 1999. С. 113–123.
4. Набоков В. В. О Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / сост., коммент. Н. Г. Мельникова. М., 2002. 704 с.
5. Bialystok, E. Bilingualism in development: Language literacy and cognition. New York: Cambridge University Press, 2001.
6. Romaine, S. Bilingualism. Oxford: Blackwell Publishers, 1995.

Список электронных ресурсов

1. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/poluhina_valentina/iosif_brodskiy_glazami_sovremennikov_1995_2006.html (дата обращения: 04.10.2017).

Романенко М.А.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Репрезентация прошлого в контексте советского утопического дискурса

Аннотация. Направленность в будущее коммунистической идеи, нацеленной на построение идеального общества, исходила из отрицания опыта прошлого, но несмотря на это неизбежным оказалось обращение к прошлому в рамках осуществления советской утопии. Данная статья посвящена проблеме отношения к прошлому в контексте утопического дискурса в СССР. Автором выявлены и характеризуются механизмы, с помощью которых прошлое репрезентировалось в попытках построения идеального общества.

Ключевые слова: прошлое, историческая память, утопический дискурс, советская утопия.

M. Romanenko

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Representation of the past in the context of Soviet utopian discourse

Abstract. The orientation for the future of the Communist idea, aimed at building an ideal society, was based on the denial of the experience of the past; nevertheless, the reference to the past can be found quite often in Soviet utopia discourse. The paper studies the

problem of the past in the context of utopian discourse in the USSR. The mechanisms, through which the past in an attempt to build a perfect society is represented, are identified and described.

Keywords: past, historical memory, utopian discourse, Soviet utopia.

Прошлое всегда находилось во внимании человека. Оно манило и одновременно отталкивало своей загадочностью и непознаваемостью, и потому с древнейших времен человек предпринимал попытки изучения и объяснения своего – далекого и не очень – прошлого. С развитием человеческой культуры формы повествования о прошлом менялись, появлялись новые способы повествования и передачи прошлого исторического опыта, но старые – не исчезали бесследно, скорее, трансформировались и в том или ином виде продолжали существовать. На смену древним мифам о прошлом пришло хронологическое описание событий в Средневековье, а к XIX веку в современном виде сформировалась история как методологически оформленная область знания. Но изменения в структуре и содержании науки о прошлом продолжаются и по сей день.

Устойчивой характеристикой современного гуманитарного знания уже на протяжении нескольких десятков лет стал так называемый «мемориальный сдвиг». Возросший интерес к памяти к прошлому у представителей различных социо-гуманитарных наук (прежде всего, историков, а также философов, культурологов, социологов), наблюдающийся с 80-х годов XX в., позволил к концу столетия сформировать самостоятельное предметное поле «memory studies» или «мемориальные исследования». Во многом это связывают с кризисом классической парадигмы рациональности, предполагающей поиск логичности и закономерности в процессе исторического развития. Разочарование в идеи рациональности исторического процесса и отказ от нее, а также многие социокультурные изменения, трагедии и катастрофы прошедшего века привели к пересмотру структуры и функций гуманитарных наук. Память наполнилась социокультурным содержанием – в ней увидели «ключевой механизм самоидентификации общества» [4, с. 6].

Исследования памяти строятся вокруг центрального понятия – «историческая память». До сих пор в академической среде нет единого мнения относительно сущности этого понятия. Ряд исследователей использует понятия «культурная память», «социальная память» и т.д., а разница между ними едва уловима. Но такая методологическая

«нестрогость» в определении памяти (как социальном феномене) и отсутствие четких содержательных рамок позволяют трактовать ее и как социальный запас знаний о прошлом, и как индивидуальную память, и как память группы или память коллектива, и как идеологический проект памяти государства, и как историческое сознание в целом. Разнообразие содержания говорит о многозначности феномена исторической памяти, а также дает исследователю широкие возможности в изучении различных форм представлений о прошлом.

Обобщив различные теории, остановимся на том, что историческая память представляет собой измерение личной или коллективной памяти, объектом которой является историческое прошлое. Происходит не просто накопление знания о прошлом, а скорее, его интерпретация и символическая репрезентация. Историческая память носит реконструктивный характер, т.е. зависит от настоящих социальных условий, в которых находится субъект памяти.

Говоря о функционировании исторической памяти необходимо выделить конкретные социально-исторические и пространственно-временные условия. Так, обратимся к вопросу функционирования исторической памяти в советский период. Выбор контекста обусловлен противоречием социо-политической реальности по отношению к прошлому – идея направленности в будущее коммунистической идеи, нацеленной на построение идеального общества, исходила из отрицания опыта прошлого, но несмотря на это неизбежным оказалось обращение к прошлому в рамках осуществления советского утопического проекта. Таким образом, мы постараемся показать, как менялось отношение к прошлому в контексте утопического дискурса³¹.

Выделим три механизма отношения к прошлому или репрезентации прошлого в советской период: преодоление, конструирование и реконструирование. Мы не выделяем строгих временных рамок для каждого из механизмов, а исходим, скорее, трансформации властного дискурса, продиктовавшего изменения в построении утопии.

Советской утопии характерна направленность в мир грядущего. Стремление к будущему исходило из отказа от прошлого, порой и даже настоящего, отрицания опыта прошлого и «до основания» разрушить старый мир. Отсчетной точкой или гранью, отделяющей прошлое и

---

³¹ Утопия как дискурс создает целый ряд высказываний, мыслительных категорий, а также эмпирический опыт, в которых в том числе функционирует историческая память.

настоящего, является Октябрьская революция. И желание преодоление в большинстве свойственно для революционного нарратива. Здесь можно упомянуть о проектах по изменению языка, по созданию нового календаря и т.д. Поколение, выросшее после революции и не соприкасавшееся с прошлым, показывает свое качественное превосходство над родителями [3, с. 81–82]. Во внимании официальных коммеморативных практик оказываются исключительно деятели революции и лишь некоторые представители классовой борьбы и социалистической мысли «старого мира». Народ, живущий в новых общественных условиях, сознательно делал свою историю.

Смерть В. И. Ленина стала еще одной разделительной чертой в дихотомии прошлое и настоящее [3, с. 82]. Культ вождя порождал все больше и больше практики коммеморации и легитимировал развитие исторического нарратива.

В годы правления Сталина историческая память соответствовала принципу – «моделируя прошлое, культура моделирует будущее». Как отмечает Евгений Добренко, тут и скрывается парадокс – «век будущего оказался эпохой культа прошлого». Актуальной является идея Владимира Паперного: «Будущее, превратившееся в вечность, настолько однородно и неизменно, что там уже ничего, в сущности, нельзя увидеть, туда бессмысленно и смотреть – взгляд культуры постепенно оборачивается назад, как бы развернувшись на 180°. Культуру начинает интересовать путь, которым она пришла к настоящему моменту, начинает интересовать история» [5, с. 45]. Поэтому история становится основным жанром культуры.

Исследователь советской утопии Михаил Геллер, говорит о том, что сталинская эпоха «завершила юридическое оформление идеального государства» [6, с. 112]. Е. Добренко утверждает, что идея завершенности и достижения идеала отменила саму идею утопии [2, с. 38]. Но парадокс советской утопии в том, что она одновременно и завершена, и постоянно достраивается. А потому и исторический нарратив играет тут большую роль. На практике это выразилось в появлении целого ряда фильмов на историческую тематику в 30-40-е гг. Х века.

Изменение в утопической идее – программа построения социализма в одной отдельно взятой стране – также продиктовала необходимость обращения к историческому прошлому. Важно отметить, что основой исторической памяти оставались события революции и гражданской

войны, а интерес к национальному дополнял дискурс понимания прошлого. Тут актуальна идея Ассмана о «горячей» и «холодной» памяти [1, с. 72–74]. В 30-е гг. явно виден переход от «горячей» памяти периода революционного переустройства мира к «охлаждению» памяти в сталинскую эпоху, когда происходили процессы историзации социального опыта и институциализации памяти. Это был период конструирования прошлого.

В качестве периодов советской истории, породивших механизм реконструкции прошлого, были выделены «оттепель» и перестройка – время общество-политических и культурных трансформаций, когда стала возможна переоценка прошлого, требовавшая компенсации развенчанных моментов в истории. Ответом на потребность в заполнении лакун исторической памяти стали реконструктивные образы. В частности, в кино эти образы содержали романтическую реконструкцию прошлого, отмеченного знаком идеала. Утопическое содержание рассмотренных реконструктивных образов заключалось, прежде всего, в неприятии той ситуации, которая сложилась в результате социально-экономического развития. Несмотря на идею о достижении социализма, реальность не соответствовала коммунистическим ожиданиям и конфликт соотношения идеала и действительности все более усиливался. Рассмотренный образ борца с коррумпированным московским обществом в фильме «Берегись автомобиля» (1966) романтизировал утопические революционные идеи, которые оказались более не актуальны в современных реалиях. Анализ двух перестроечных фильмов показал возможность двойной реконструкции – негативной («со знаком "минус"») и положительной («со знаком "плюс"»). В киноленте «Покаяние» (1984) утопия создания общества всеобщего счастья, оторванного от прошлого, оказалась антиутопией, но тогда возник вопрос – как относиться к периоду травматической истории. Положительный реконструктивный образ утопии мы выявили в фильме «Небеса обетованные» (1991): не смотря на рухнувшие коммунистические идеалы герои фильма живут мечтой о месте всеобщего счастья, которое, по их мнению, должно строиться на общечеловеческих идеалах.

Таким образом можно заключить, что историческая память сыграла очень важную роль в становлении советского утопического проекта. Специфика функционирования исторической памяти состоит в том, что наблюдалось развитие репрезентаций прошлого в контексте попыток его

преодоления в пост-революционную эпоху, а затем конструирования в сталинской период и реконструирования во время «оттепели» и перестройки.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах. – М., 2004.
2. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
3. Кравченко А. Нарративы о прошлом в журнале «Пионер» 1920–1930-х гг.: конструирование исторического в пространстве послереволюционного // Конструируя «советского»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы девятой международной конференции студентов и аспирантов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. С. 81–89.
4. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011.
5. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
6. Heller M. Утопия в советской идеологии // *Revue des études slaves*. 1984. VOL. 56. № 1. С. 112. [Электронный источник]. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1984_num_56_1_5389 (доступ на 05.10.2017 г.).

Рославлева О.

Московский государственный областной университет (Москва)

Территориальный диалект «кокни» и его роль в современном мультикультурном Лондонском английском

Аннотация. В статье описываются особенности диалекта «кокни» и их влияние на мультикультурный Лондонский английский (МЛА). Автор представляет краткое объяснение явления «диалект», фонетические, грамматические, лексические и стилистические особенности диалекта «кокни»; рассматривается рифмованный сленг как отличительная черта диалекта «кокни»; анализируются схожие черты «кокни» и МЛА.

Ключевые слова: диалект, вариант языка, сленг.

Territorial cockney dialect and its role in modern multicultural London English

Abstract. The paper describes the features of the cockney dialect and their influence on multicultural London English (MLE). The phenomenon of dialect and phonetic, grammatical, lexical and stylistic features of cockney are briefly described. Rhyming slang as a distinctive feature of the cockney dialect is considered and similarities between cockney and MLE are analyzed.

Keywords: dialect, variants of a language, slang.

Последние несколько десятилетий характеризуются сменой направленности исследований в лингвистике. Изучение «языка в действии» стало главным приоритетом. Теперь язык изучается как средство общения, инструмент человеческой коммуникации. Естественный язык служит обществу во всех сферах деятельности, более того, он создается и формируется обществом. Вне социума нет и языка. В любом коллективе язык функционирует и испытывает на себе влияние социокультурных факторов.

Любой диалект находит реализацию в том или ином языковом коллективе. Понимание диалекта, с функциональной точки зрения, сводится к тому, что диалекты противопоставляются литературному языку или стандартному. С данной точки зрения для диалекта являются характерными следующие особенности:

- возрастная, социальная и половая ограниченность круга носителей диалекта;
- сферы использования диалекта ограничиваются бытовыми или семейными ситуациями;
- полудиалект как результат взаимодействия различных говоров и связанная с этим перестановка отношений между элементами диалектных систем;
- нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка через СМИ и возникновение промежуточных форм.

Диалект рассматривается как форма языка противопоставляющаяся литературному языку или стандартному. Его функционирование ограничивается определенным кругом носителей диалекта, ситуациями бытового или семейного общения.

Уточнение современного состояния диалектного языка требует определения характера влияния наддиалектных языковых форм и литературного языка на диалекты, образование региональных языковых форм, стирание узко-диалектных языковых особенностей.

В случае *кокни*, наблюдается тенденция носителей этого диалекта использовать в речи ограниченное число слов, начинающихся с согласного /h/, так как его произношение в начале слова в условиях литературной нормы обязательно, в то время как носители *кокни*, зачастую, опускают этот звук, в условиях его начальной позиции в слове.

Как показывает исследование, *кокни* – название диалекта и человека пользующегося этим диалектом (иногда намеренно). Диалект *кокни* можно отнести к социально-территориальным диалектам. Этот диалект функционирует в Лондоне и сформировался в одной части города – районе, где можно услышать звон колоколов церкви Святой Марии-Ле-Боу. Однако в современном мире данная трактовка не совсем верна. В связи с увеличением объемов города и застройкой высотными зданиями сейчас принято считать, что носители *Кокни* живут на всей территории графств Эссекс и Кент. Существует и другая версия, что *Кокни* называют типичного лондонца, отличающегося находчивостью и чувством юмора и умеющего имитировать характерные особенности диалекта *кокни*. Диалект *Кокни* свидетельствует о социальной принадлежности его носителя – малообразованного и малоимущего человека.

Кокни был придуман для общения рыночных торговцев, которые обманывали своих покупателей из других районов города. Другие считают, что этот диалект был придуман мелкими хулиганами как специальный язык, который был недоступен для полицейских. Так или иначе, диалект *Кокни* являлся отличительной чертой низших слоев населения [3, с. 45–49].

Диалект *Кокни* имеет ряд отличительных фонетических, лексических и грамматических черт [4]:

- Окончание «-ing» произносится как [n]: *pyin, gowin, sellin, Bicknam*;
- Восклицание «oh» имеет форму «ow».
- Слова, начинающиеся на звук [h] утрачивают начальный звук, более того на письме начальная буква h отсутствует: *have - ave; house - ouse*.

- Сочетание «ау» ,которое в стандартном варианте языка произносится как [ei], в конкретном диалекте представлено своим эквивалентом, буквой «у» = [ai]: *away - awy, paying - pyin*.

- Слова, оканчивающиеся на звук [ə] стандартного варианта английского языка, в Кокни имеют звук [ʌ]: *water ['wɔ:tʌ]*.

- Слова содержащие звук [l] произносятся со звуком [w]: *hell [hew], ill [iw], pill [piw]*.

- Звук [t] приобретает форму [uh]: *lighter [lɪ'uh]*

- Межзубный звук [ð] произносится как [v]: *brother [brʌvəh], bother [bovəh], mother [mʌvəh]*.

- Межзубный звук [θ] становится звуком [f]: *Thank you - Fank you, nothing - nuffin*.

- Замена местоимения “My” на “Me”: *My thought hurts. - Me froah' 'ur's*.

- Двойное отрицание – одна из самых ярких отличительных черт диалекта Кокни: *I ain't got none, mate*.

- В предложениях с подлежащем во множественном числе используются вспомогательные глаголы единственного числа: “*You wasn't even here*”. А предложения единственного числа используются вспомогательные глаголы множественного: “*I weren' even talking to you*”.

- В Кокни, как и в других вариантах языка, есть перечень слов присущих носителям сленга: *me missus - my girlfriend/wife, fit – attractive, minger – ugly, dosh - money*.

- Одна из отличительных черт диалекта кокни – широкое использование рифмованного сленга, то есть использование вместо какого-то слова – рифмующихся с ним слов или выражений. Одно из самых известных выражений: *apples and pears - stairs*. Ключевое слова выражения – *pears*, оно рифмуется со словом *stairs*. Однако, для того чтобы еще больше запутать людей не владеющих Кокни, носители сокращают это выражение до одного слова *apples*. Например: *up the apples - up the stairs, Mr. Chant – Aunt, Union Jack – Back, Pig's Ear - Bear, Adam and Eve - Believe, Richard the Third - Bird* [6].

Любой живой язык не может находиться в статике, он постоянно меняется. Великобритания – одна из стран с наибольшим числом эмигрантов. Лондон стал домом множества рас и наций. Язык, как и город, изменился под влиянием приезжих. Он вобрал в себя особенности других языков. В конце XX века на территории Лондона возник новый диалект –

Лондонский Мультикультурный Английский (МЛА). Носителями ЛМА, как и Кокни, являются представители рабочего класса, а также молодежь, живущая во Внутреннем и Внешнем Лондоне.

Кокни, являясь диалектом Лондонского населения, имел непосредственное влияние на формирование ЛМА. Это привело к формированию грамматического и фонологического строя диалекта с элементами Кокни. Например:

- Вспомогательный глагол прошедшего времени употребляется не по правилам стандартного английского языка. В отрицательных предложениях используется “was”: *They was my boys – They were my best friends*. В утвердительных предложениях всегда используется “were”: *She were fit - She was attractive*.

- Опущение начального звука [h]: *his – is, have – ave*.

- Некоторые сленгизмы перешли из Кокни в Мультинациональный Лондонский Английский: *fit - attractive*.

Стоит отметить, что МЛА достаточно молодой диалект и еще не успел укорениться в истории английского языка. Считается, что носители диалекта должны быть не старше 30 лет, в противном случае говорящий будет звучать неестественно.

МЛА является неформальным вариантом английского языка, следовательно, запрещен к использованию в учебных заведениях, на официальных мероприятиях или в рабочей обстановке. Некоторые считают, МЛА может вытеснить Кокни. Кокни – диалект глубоко уходящий корнями в историю, его расцвет пришелся на XIX век. Кокни – язык известнейших произведений, навсегда оставшихся в памяти всего мира. Но, как уже было сказано выше, язык постоянно находится в движении, постоянно развивается и изменяется.

Сленг развивается и изменяется очень быстро. Определенные слова, принадлежащие к сленгу, могут возникнуть с такой же легкостью, как и исчезнуть. Все эти перемены происходят с целью упрощения разговорного языка и понимания. Сленг очень динамичен. Его используют в различных сферах деятельности, имеет свои особенности и придает некую свежесть и живость языку. Со сленгом мы сталкиваемся постоянно, и для того чтобы понимать все сказанное, мы должны быть хорошо знакомы с данным понятием и со словами, являющимися сленгом.

Как отмечают исследователи, в Великобритании слушающий может судить об образованности, политических симпатиях, внешней

привлекательности говорящего и даже о его надежности как делового партнера на основе только одного фактора – особенностей речи (и прежде всего, произношения). В некоторых ситуациях общения более благоприятное впечатление производят менее престижные произносительные варианты.

Список литературы

1. Баранникова Л. И. О разграничении языка и диалекта // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 170–180.
2. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1988. 193 с.
3. Исакова И. Я. Кокни как вариант просторечия в английском языке // Современное иноязычное образование в формировании интеллектуального капитала России: сб. материалов Междунар. молодежной науч. практ. конф. Чита, 2012 Т. 1. С. 45–49
4. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кокни> [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 11.11. 2017)
5. <http://aldertons.com> [Электронный ресурс]. URL: <http://aldertons.com/home/slang/> (дата обращения 11.11. 2017)
6. <http://www.cockneyrhymingslang.co.uk/> [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cockneyrhymingslang.co.uk/> (дата обращения 11.11.2017)

Рузиева Л.Т.

Таджикский национальный университет (Душанбе)

Игровые некоммуникативные и коммуникативные задания на уроках русского языка

Аннотация. В статье описываются игровые некоммуникативные и коммуникативные задания. Речевая коммуникация легко проявляется в игровой деятельности, именно через игру развивается лингвистическая компетенция. Все коммуникативно-лингвистические игры со словом и игровые задания имеют одновременно обучающую, развивающую и развлекательную направленность.

Ключевые слова: коммуникативный; некоммуникативный; игровые задания; средство обучения; русский язык; модель; диалог; тема; занятие.

Non-communicative and communicative games at lessons of the Russian language

Abstract. The paper describes non-communicative and communicative games at lessons of the Russian language. Verbal communication easily manifests itself in language games, which help to develop linguistic competence. All language games and game-oriented tasks are simultaneously educational, developmental and entertainment-oriented.

Keywords: communicative, non-communicative, games, learning tool, Russian language, model, dialogue, topic, activity.

История преподавания русского языка как иностранного насчитывает более 1000 лет, история преподавания русского языка как неродного намного меньше, но в связи с происходящими изменениями в общественной, политической и социально-экономической жизни в нашей стране и постсоветских республиках методика преподавания русского языка как неродного приобретает новые черты.

В последние годы в связи с дифференциацией обучения, появлением школ и классов различной профильной направленности, в том числе гуманитарных, математических, технических, экономических, школ-лицеев, школ-гимназий, по-новому встают вопросы о целях, содержании, формах и методах обучения русскому языку в школе. В настоящее время все большее количество учителей применяют в своей работе **нетрадиционные уроки**, в которых представлены не только игровые моменты, оригинальная подача материала, занятость учащихся не только при подготовке уроков, но и в проведении самих уроков через различные формы коллективной и групповой работы.

На каждом уроке средствами школьных предметов могут быть созданы учебные ситуации, развивающие в ученике творческое мышление, самостоятельность, инициативность. Это относится и к **занятиям по русскому языку**, на которых необходимо больше внимания уделять креативным способам и формам работы, разнообразным формам проведения коллективной работы с обсуждением проблемных вопросов, совместным и индивидуальным решениям лингвистических задач, развивающих языковых заданий, нацеливающих учащихся на самостоятельную творческую работу и выполнение совместных и индивидуальных оригинальных заданий.

Большое образовательное значение имеют игры и игровые задания – упражнения к разделам языкознания. Игра – самый древний способ передачи знаний от поколения к поколению. Речевая коммуникация легко проявляется в игровой деятельности, именно через игру развивается лингвистическая компетенция. Все коммуникативно-лингвистические игры со словом и игровые задания имеют одновременно обучающую, развивающую и развлекательную направленность.

В 1989 году в издательстве «Русский язык» вышла книга *П. М. Баева «Играем на уроках русского языка: Пособие для преподавателей зарубежных школ»*. Автор даёт основное понятие игры как средства обучения и делает такие выводы:

- 1) Игра – эффективное средство воспитания познавательных интересов и активизации деятельности учащихся;
- 2) Правильно организованная с учётом специфики материала игра тренирует память, помогает учащимся выработать речевые умения и навыки;
- 3) Игра стимулирует умственную деятельность учащихся, развивает внимание и творческие способности;
- 4) Игра – один из приёмов преодоления пассивности учеников;
- 5) В составе команды каждый ученик несёт ответственность за весь коллектив, каждый заинтересован в лучшем результате своей команды, каждый стремится как можно быстрее и успешнее справиться с заданием. Таким образом, соревнование способствует усилению работоспособности всех учащихся.

Как же облечь урок в игровую форму в школьной практике? Здесь великое множество вариантов, но обязательно соблюдение следующих условий:

- 1) Соответствие игры учебно - воспитательным целям урока;
- 2) Доступность для учащихся данного возраста;
- 3) Умеренность в использовании игр на уроках.

Задача игровой методики заключается также и в том, чтобы обострить интерес учащихся к изучаемому. А интерес и положительные эмоции – это очень важные факторы повышения активности интеллекта и памяти. Занимательность должна побуждать мысль к самостоятельной работе, к поиску закономерностей. В зависимости от тех методических задач, которые решаются в процессе игры, различаются следующие типы игровых заданий:

✓ игровые некоммунитивные задания, которые используются для усвоения, отработки языковых форм, лексики, речевых моделей, а также для формирования речевых механизмов (мотивационных; осмысления, в единстве анализа и синтеза; долговременной и кратковременной памяти; упреждающего синтеза; фонационные и т. д.);

✓ игровые предкоммуникативные задания, которые используются для формирования и развития лексических, грамматических, фонетических и речевых навыков и умений;

✓ игровые коммуникативные задания, которые применяются при формировании коммуникативной компетенции (включая языковой, психологический, социолингвистический аспекты) в четырех видах речевой деятельности.

Целью **игровых некоммунитивных заданий** может быть отработка языковых форм и/или речевых моделей, расширение лексического запаса и усвоение новых слов, интонационных моделей, ритмических структур. Для отработки грамматических форм эффективно использование заданий, обеспечивающих высокую повторяемость отрабатываемого материала. Это такие игры, как «Снежный ком», «Кто больше?», «Эстафета» и т. п.

Снежный ком

Задание выполняется в группе (в случае индивидуального обучения партнером по игре может стать преподаватель),

Преподаватель дает учащимся модель фразы, например, *Я поздравляю вас (с чем)!*

Первый участник произносит поздравление, закончив ее по своему выбору, например: *Я поздравляю вас с Новым годом!*

Второй участник продолжает игру, повторяя сказанное первым и добавляя свое: *Я поздравляю вас с Новым годом и Наврузом*

Третий участник: Я поздравляю вас с Новым годом, Наврузом и днем рождения! и т. д.

Другой вариант модели:

Я был в магазине и купил хлеб.

Я был в магазине и купил хлеб и муку.

Я был в магазине и купил хлеб, муку и воду *и т. д.*

Участник, не сумевший в течение 3–5 секунд сделать ход, выбывает из игры; побеждает, естественно, тот, кто доиграл до конца. По ходу игры преподаватель контролирует правильность употребляемых форм и (при

необходимости) корректирует, используя прием «подсказки», т.е. вслед за играющим правильно произнося фразу или форму (учащийся повторяет ее без ошибки, только после этого происходит переход хода).

Кто больше?

Группа делится на две команды. Преподаватель с помощью вопроса задает отрабатываемую модель, например: *О чем пишут в газетах?*

Участник первой команды дает свой ответ, и ход переходит ко 2-ой команде: *О политике... Об экономике... О спорте...* и т. д.

Проигрывает команда, не сумевшая в течение 3–5 секунд (преподаватель считает: «Один, два, три...») сделать ход. Чтобы сделать игру динамичнее, можно использовать мяч: делая ход, участник игры бросает мяч члену команды противника.

Эстафета.

Группа делится на команды, равные по количеству участников. Команды выстраиваются в шеренги.

Преподаватель сообщает фразу, включающую отрабатываемое явление, например: *Мы были в театре, мы ходили в театр*, (отрабатывается соотношение: глагол **быть** + Предложный падеж/глагол движения + Винительный падеж).

Перед началом игры вся группа повторяет фразу, а преподаватель при необходимости помогает преодолеть произносительные трудности. Затем по сигналу преподавателя стоящие в шеренгах участники команд произносят фразу, "передавая эстафету" следующим за ними участникам и т.д. Когда преподаватель замечает ошибку, он просит повторить фразу еще раз. Выигрывает команда, первой «передавшая эстафету» до конца.

Когда первая эстафета закончена, преподаватель дает следующую фразу, например: *Мы ездили в гости, мы были в гостях*, а затем следующую, например: *Он летал в Петербург, он был в Петербурге*.

Вариант игры. Преподаватель задает фразу-модель. Каждый из участников эстафеты должен наполнить модель «своими» словами. Например:

Фраза-модель: *У меня есть хлеб – у меня нет хлеба* (отрабатывается конструкция: **есть** + Им. пад. / нет + Род. пад.).

1-й участник: У меня есть книга, у меня нет книги.

2-й участник: У меня есть брат, у меня нет брата и т. д.

Одновременно с усвоением грамматической модели ил формы возможна отработка новой лексики. Лексика, которую учащиеся должны

использовать в игре, предлагается преподавателем в виде списка на доске. Например:

Фраза-модель: Я пью чай с сахаром, а он – без сахара.

Лексика: суп – хлеб кофе – молоко салат – сметана и т. д.

Найди слово

Лексическая игра, которая может проводиться как индивидуально, так и в командах.

Участникам раздаются по два набора карточек: в одном наборе карточки с изображением предметов (одежды, мебели, посуды и т.п.), актуальных для изучаемой темы, а в другом наборе – карточки со словами-названиями этих предметов. Участники игры должны как можно быстрее совместить слово и изображение.

Найди вторую половинку

Проводится аналогично предыдущей.

В комплектах карточек в зависимости от того, какой материал выбран для отработки, могут быть представлены:

- пары слов-синонимов или антонимов;
- фразеологизмы и объяснение их значения;
- глаголы и управляемые ими формы слов;
- родовые и видовые названия предметов, явлений, действий;
- названия интенций и фразы, выражающие данные интенции в речи (например, интенция «Приглашение», фразы *Приглашаю вас...*, *Позвольте вас пригласить...*, *Приходите к нам...*; интенция "Просьба", фразы *Прошу вас...*, *Вы не могли бы...*, *Будьте добры, покажите...* и подобный лексический, грамматический или речевой материал.

Строитель

Игра способствует усвоению словообразовательных моделей. Преподаватель задает в виде примера словообразовательную модель, например: *Профессия человека, который строит дома, – строитель, учит детей – учитель.* Затем учащиеся (индивидуально или в командах) образуют слова по заданной модели. В зависимости от уровня владения языком и акцента на отработку модели либо активизацию пассивных заданий, могут предлагаться одна или одновременно несколько моделей, а также список исходных слов.

Некоммуникативные игровые задания применяются также при формировании и развитии речевых механизмов, включая

слухопроизносительные, механизмы аудирования, чтения, говорения, письма.

Узнай слово

Игра способствует развитию фонетического слуха и механизма установления звукобуквенных соответствий.

Группа делится на две команды. До начала игры преподаватель пишет на доске списки слов для каждой из команд. Слова подбираются с учетом существенных для русского языка фонетических различий и специфических для данного контингента фонетических трудностей. Например: *забор шить дом уголь угол том брат собор брать врач жить врать*

Преподаватель произносит слова в произвольном порядке, "опознав" слово из своего списка, члены команды поднимают руки. Неправильно поднятая рука – штрафное очко.

Лото (цифровое или с изображением предметов, животных, ситуаций и т. п.)

Игра способствует развитию навыков аудирования и усвоению новой лексики.

В процессе игры преподаватель называет слово, а учащиеся должны правильно найти и закрыть карточкой соответствующую данному слову картинку (или цифру) на игровом поле, при этом повторив слово.

Словесный портрет

Один из членов группы (водящий) выходит из аудитории (остальные играющие загадывают человека, хорошо известного всем участникам игры). В процессе игры члены группы по очереди описывают (называют) детали внешности человека, которого они загадали, например:

А: – Он высокий.

В: – Он брюнет.

В: – У него карие глаза...

Водящий должен угадать, кого загадала группа. При необходимости водящий может задавать уточняющие вопросы (но только те, которые касаются внешности).

Новоселье

Учащиеся получают план квартиры и карточки с изображением предметов мебели и интерьера. Участники игры в течение 5–7 минут «обустраивают» новую квартиру по своему вкусу и рассказывают об этом группе:

- Письменный стол я поставлю/поставил у окна.
- Ковер положу/положил в центре комнаты.
- Картину повешу/повесил на стену напротив окна...

Телефон

Учащиеся делятся на две команды, им раздаются карточки. Первая команда получает карточки с заданием и несколькими номерами телефонов (по количеству членов команды). Вторая команда получает карточки с именем и одним номером телефона. Например: Оля 198-62-39; Саша 331-17-24

Позвоните Саше, пригласите его в гости

264-03-15

331-17-24

198-62-39

Позвоните Оле, пригласите ее в кино.

264-03-15

331-17-24

198-62-39

Преподаватель объясняет игровую ситуацию: члены первой команды записали номера телефонов своих друзей, они забыли записать, кому какой телефон принадлежит. Поэтому им придется звонить по всем телефонам наугад до тех пор, пока они не дозвонятся до нужного им человека.

Ход игры:

А (член первой команды) проговаривает один из телефонных номеров, который он «набирает»: 264-03-15.

В (член второй команды), кто услышал «свой» номер: – Алло!

Л: – Позовите, пожалуйста, Сашу.

Б: – Вы не туда попали. / Вы ошиблись.

Первый играющий продолжает игру до тех пор, пока не «позвонится» и не выполнит задание. Затем в игру вступает следующий член первой команды.

Игровые коммуникативные задания облегчают формирование, развитие и совершенствование коммуникативных умений, способствуют развитию коммуникативной компетенции (включая лингвострановедческие, страноведческие и социокультурные компоненты, национально-специфические тактики и стратегии общения). Задания этого типа включаются в учебный процесс на том этапе, когда учащиеся

уже в достаточной мере овладели языковым и речевым инструментарием для того, чтобы сосредоточить свое внимание на содержательной стороне общения.

Естественно, что коммуникативными играми целесообразно завершать работу над темой, использовать их для активизации пассивных знаний учащихся и как средство речевой и социокультурной адаптации.

К заданиям этого типа относятся **игры-конкурсы, ролевые, деловые игры** и подобные задания, во время подготовки и проведения которых учащиеся вовлечены в реальное, а не учебное речевое общение на русском языке.

Важно отметить, что подготовка к коммуникативной игре (обсуждение, создание сценария, распределение ролей, выработка позиций, поиск аргументов и пр.) является важной частью самого задания и должна проходить на русском языке.

Задания-конкурсы отличает элемент соревновательности усиливающий мотивированность участников игры

В играх-конкурсах могут участвовать 2, 3 и более команд.

Темы конкурсов («Конкурс на лучшую молодежную газету», «Город будущего», «Идеальная квартира» и др.) выбираются в соответствии с изучаемым материалом.

Члены команд обсуждают свой «проект», готовят аргументы, при необходимости используют или готовят тексты схемы, планы и другие необходимые для выступления материалы, затем по очереди «защищают» свой проект. «Конкуренты» задают вопросы и стараются найти максимум слабых мест. Итоги конкурса подводятся всеми его участниками (с аргументацией).

Ролевые игры **включают** этюды, ток-шоу, дискуссии с заданными ролями, игры-интервью.

Игровое моделирование ситуаций, связанных с будущей профессией, позволяет осуществлять профессиональную подготовку учащихся, которые в процессе учебы встречаются с трудностями, ожидающими их на практике. В последние годы игровые формы занятий успешно используются для тренировки, развития творческого мышления, формирования необходимых практических умений, навыков и профессионально значимых качеств у будущих специалистов, позволяют стимулировать внимание, активизировать и обострять восприятие учебного материала.

При проведении игр целесообразно использование презентаций. Электронно-образовательные ресурсы помогают сконцентрировать внимание учащихся, наглядно продемонстрировать то или иное задание.

Итак, игра – это жизненно важный и необходимый элемент в развитии, как индивида, так и общества в целом. По сложности характера игр можно судить о быте, правах и духовном опыте данного общества.

Именно игра формирует устойчивый интерес к учению, формирует собственную учебную деятельность, общеучебные умения, навыки учебной самостоятельной работы, формирует навыки самоконтроля и самооценки, снижает напряжение.

Список литературы

1. Анашина Н. Ю. День словесности в школе: интеллектуальные игры и развлечения. Ярославль. Академия развития, 2006.

2. Мельникова А. М. Праздники в средней школе: сценарии, капустники, развлечения, турниры, игры. Волгоград, «Учитель», 2003.

3. Мордес Е. М. Искать, пробовать, обучать: нетрадиционные уроки в школе. Волгоград, «Учитель-АСТ», 2002.

4. Петухова Е. Ю. Весёлые вечера в школе. Москва. «Русское слово», 2004.

5. Ромашина Н. Ф. Внеклассные мероприятия в игровой форме. Москва, «Глобус», 2007.

6. Руденко В. И. Новые школьные КВНы и конкурсы. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2004.

7. Скороходова Т. Н. Внеклассная работа по русскому языку. Волгоград, «Корифей», 2007.

Рулевская Е.С.

Московский государственный областной университет (Москва)

Корпусный анализ в определении коннотативной эквивалентности русских лексем «художник», «живописец» и английских лексем “artist”, “painter”

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема эквивалентности перевода на примере сопоставления русских лексем «художник», «живописец» и английских лексем “artist”, “painter”. При помощи корпусного анализа был выявлен контекст употребления каждой лексемы, установлено соответствие между лексемами, а также выявлены новые синонимы изучаемых лексем.

Ключевые слова: корпус, лексема, контекст, эквивалентность, художник.

Corpus analysis in determining the connotative equivalence of Russian and English lexemes “artist and “painter”

Abstract. The paper considers the problem of translation equivalence, illustrated by the example of comparison of Russian and English lexemes “artist” and “painter”. Analysis of the Russian and English corpora has made it possible to determine the context of the use of each lexeme, to establish the equality between lexemes and to find new synonyms which had not been found during our previous research.

Keywords: corpora, lexeme, context, equivalency, artist, painter.

Актуальность настоящего исследования определяется, прежде всего, стремительным развитием интернет-технологий, которые влияют на развитие методов исследования в лингвистике.

Целью нашего исследования было определение эффективности применения корпусного анализа для установления контекста использования изучаемых лексем, а также для определения их степени эквивалентности.

Главной **задачей** исследования стал анализ изучаемых лексем в британском и русском корпусах. А также выявление контекста их употребления для дальнейшего установления эквивалентности.

Корпусный анализ представляет собой **метод** лингвистического исследования. Для определения его эффективности были применены количественный и сравнительно-сопоставительный **методы**.

В современном мире английский язык играет важную роль во всех сферах нашей жизни. Число людей, чей родной язык – английский, превышает 150 000 000 людей. А количество людей, кто учит английский как иностранный язык – неслыханное.

Английский язык занимает особую позицию, постепенно превращаясь в язык, обозначаемый термином *лингва франка*.

Это выбросить! Язык не может быть наукой! Наука – англистика!

Необходимо указать на то, что изучение английского языка во всех его проявлениях привело к формированию новых направлений, связанных с общим языкознанием, лингвострановедением, историей языка, лингвокультурологией, когнитивистикой, это такие, как контактология и вариативная лингвистика (или *вариантология*).

Наука очень важна в современном мире, в первую очередь для понимания технологий, изучения человеком самого себя и окружающего

мира. Наука – это источник прогресса. Мы живём в эпоху великих открытий, как научных, так и технических. Это эпоха технологической революции, время воплощения новых идей в жизнь.

В последние десятилетия технический прогресс, а вместе с ним и появление многочисленных электронных ресурсов значительно облегчили не только повседневную жизнь, но и внесли весомый вклад в развитие методов исследования. Процесс сбора материала в лингвистических исследованиях стал значительно легче. Однако, это в свою очередь повлекло за собой и некоторое ужесточение требований к доказательной базе. Появилась необходимость в сборе достаточно полной выборки данных исследуемого языка. И вновь исследователи столкнулись с трудностями обработки бесчисленных текстов в виртуальном информационном пространстве. Проблема трудоёмкости поиска материала сделала актуальным вопрос оптимизации этого процесса. На помощь пришли интернет-технологии: на стыке лингвистики и программирования возникло особое направление – корпусная лингвистика.

Согласно лексикографическому описанию, «Корпусная лингвистика – лингвистические исследования, построенные на основе анализа аутентичных корпусов (баз данных) текстов. Корпусы письменных и устных текстов успешно применяются при обучении иностранному языку и в лингвистической педагогике. Корпусная лингвистика ориентирована на прикладное изучение языка, его функционирование в реальных средах и текстах. Позволяет определить частотность слов, лексико-грамматических конструкций в различных речевых жанрах» [*Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*]. М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009].

Согласно Википедии, «В лингвистике, *ко́рпус* (во множественном числе допустимы две формы: *ко́рпусы* и *корпуса́*) – подобранная и обработанная по определённым правилам совокупность текстов, используемых в качестве базы для исследования языка. Они используются для статистического анализа и проверки статистических гипотез, подтверждения лингвистических правил в данном языке».

Спрос на корпусные данные растёт, а вместе с тем и актуальность корпусной лингвистики. Корпуса могут помочь:

- в улучшении показателей работы электронных словарей и переводчиков;

- решить разнообразные научно-исследовательские задачи, способствующие пониманию устройства языка, истории его развития и предсказаний его изменения в ближайшем будущем;
- в оптимизации работы различных лингвистических систем и во многом другом.

Корпусная лингвистика является перспективным направлением и очевидно её дальнейшее развитие на всех уровнях, так как становятся всё более явными польза и удобство применения данного типа ресурсов в повседневной жизни и в работе.

На определённом этапе количество информации, собранной по теме нашего исследования, стало довольно велико, что вызвало некоторые трудности при обработке её вручную.

В семантической системе английского языка, в его лексике, как показал проведенный методом реверсивности анализ соответствующих английских толковых и переводных словарей, присутствуют более 100 лексем, отражающих понятие «художник». В нашем исследовании были выявлены также более 100 русских лексем, значительно расширяющих русское тематическое поле «художник».

Важную роль в классификации материала играл контекст. Выявление контекста найденных лексем, число которых превышает 200 лексем, стало кропотливым и время затратным процессом.

Мы приняли решение применить методы корпусной лингвистики. Одной из функций корпуса, является функция оптимизации сбора информации, что может оказаться полезным в данной ситуации. Упорядочение имеющейся лексической выборки может помочь выявить пробелы в собранном нами материале, обнаружить новые лексические единицы, а также выявить частотность употребления лексем в устной и письменной речи.

Ключевую роль в определении степени эквивалентности перевода играет контекст.

Эквивалентный перевод – это перевод, соответствующий оригиналу на всех релевантных уровнях и обеспечивающий решение тех же информационно-коммуникативных задач, на которые был нацелен текст оригинала.

Эквивалентный перевод – это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Благодаря возможности поиска словосочетаний в корпусе мы смогли выявить наиболее характерный для каждой лексемы контекст.

На начальном этапе было принято решение проанализировать при помощи корпуса изучаемую русскую лексему «художник», её прямой синоним «живописец», а также их переводы на английский язык «painter», «artist» соответственно.

В исследовании были использованы национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>], а также британский национальный корпус (British National Corpus) [<https://corpus.byu.edu/bnc/>].

Результаты исследования в национальном корпусе русского языка дали следующие результаты:

Из общего объёма устного корпуса (3 913 документов, 1 750 662 предложения, 12 113 491 слово) по лексеме «художник» было найдено 183 документа, 353 вхождения. Найдено 4 документа, 5 вхождений лексемы «живописец».

Поиск по корпусам может осуществляться по различным критериям: поиск конкретных словоформ; поиск неразрывных и разрывных словосочетаний и т.д. Некоторые корпуса предоставляют возможность осуществлять поиск по набору морфологических признаков. Благодаря метаразметке есть возможность создавать свой подкорпус текстов: по жанру, тематике, времени написания и т.п.

Таким образом, подмножество текстов, ограниченное определенными метатекстовыми (библиографическими) признаками: автором (авторами), произведением (произведениями), временем создания или жанром и типом текста называется подкорпусом [www.eanc.netsubcorpus].

В письменном подкорпусе было принято решение использовать подкорпус художественной литературы. Объем подкорпуса 8 322 документа, 12 211 942 предложения, 122 411 245 слов. Найдено 1 137 документов, 4 985 вхождений лексемы «художник». Найдено 213 документов, 484 вхождения лексемы «живописец».

Проанализировав вхождения, мы выяснили, что лексема «живописец» чаще всего сопровождается оценочными прилагательными «великий», «замечательный» и т.д. В то время как лексема «художник» в большинстве случаев уточняется другими существительными обозначающими направление живописи, род деятельности и т.д. Например: «художник-оформитель», «художник-дизайнер», «художник-

модельер» и т.д. Стоит отметить, что только лексема «художник» употребляется в паре с прилагательными отрицательной коннотации: «паршивый художник».

Таким образом, проанализировав вхождения можно утверждать, что в паре синонимов художник–живописец лексема «художник» является доминантой, а лексема «живописец» имеет положительный оттенок значения «мастерства».

Анализ британского корпуса дал следующий результат.

PAINTER 1195

SECTION	<i>FREQ</i>	<i>SIZE(M)</i>	<i>PER MIL</i>
<i>SPOKEN</i>	18	10.0	1.81
<i>FICTION</i>	168	15.9	10.56
<i>MAGAZINE</i>	304	7.3	41.86
<i>NEWSPAPER</i>	110	10.5	10.51
<i>NON-ACAD</i>	92	16.5	5.58
<i>ACADEMIC</i>	167	15.3	10.89
<i>MISC</i>	336	20.8	16.13
TOTAL	1195		

ARTIST 3921

SECTION	<i>FREQ</i>	<i>SIZE(M)</i>	<i>PER MIL</i>
<i>SPOKEN</i>	101	10.0	10.14
<i>FICTION</i>	284	15.9	17.85
<i>MAGAZINE</i>	1521	7.3	209.45
<i>NEWSPAPER</i>	413	10.5	39.46
<i>NON-ACAD</i>	207	16.5	12.55
<i>ACADEMIC</i>	320	15.3	20.87
<i>MISC</i>	1075	20.8	51.60
TOTAL	3921		

Лексема “painter” чаще чем лексема «artist» характеризуется существительными, которые обозначают род деятельности или направление в живописи: “miniature painter”, “fresco painter”, “surrealist painter”. Также, данная лексема зачастую характеризуется «национальностью»: Dutch painter, Italian painter... Как и в русском языке, только лексема “painter” сочетается с отрицательными коннотатами: “down-to-earth painter”.

Таким образом, можно утверждать, что лексема «художник» является нейтральной, а лексема «живописец» имеет положительную коннотацию и оттенок значения мастерства. Исходя из этого, можно утверждать, что русская лексема «художник» эквивалентна английской

лексеме «painter», а русская лексема «живописец» – английской лексеме “artist”.

Также анализ британского корпуса позволил выявить несколько новых лексем, найденных нами ранее.

- **make-up artist** – визажист
- **sketcher**

A person who possesses strong illustration and flat-sketching skills.

- **piss artist**
- *British vulgar slang*
- 1 A drunkard.
- 1.1 A person who wastes time or behaves stupidly.

Ранее нами были выделены три тематические группы лексем с учетом особенностей семантики:

1. **принадлежность к художественным течениям и направлениям;**
2. **профессии;**
3. **оценка знаний, умений, таланта, мастерства и т.д.** (как положительная, так и отрицательная).

Считаем возможным отнести лексему “make-up artist” в группу «профессии», “sketcher” – в группу «принадлежность к художественным течениям и направлениям».

Лексема “piss artist” является сленговым выражением и не имеет отношения к искусству.

Проведенные исследования показали эффективность использования корпусного анализа для установления контекста применения изучаемых лексем. Методы корпусного анализа текста позволяют значительно повысить эффективность исследовательской деятельности ввиду автоматизированной системы отбора, обработки и вывода результатов.

Считаем, что контекст играет важную роль в установлении соответствий между лексемами и в определении степени эквивалентности.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009.

2. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. К вопросу о методах лингвистических исследований. // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика», № 1, 2010. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 23–30.

3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.

4. British National Corpus (BYU-BNC) Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/bnc/>

5. Национальный корпус русского языка. 2003–2017 Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

6. Восточноармянский национальный корпус. 2007–2009 Corpus Technologies. Режим доступа: www.eanc.net/subcorpus.

Савченко Д.Г.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Сказка как прецедентный текст в современном рекламном дискурсе

Аннотация: В статье на примере сказки братьев Grimm «Госпожа Метелица» анализируется прагматический потенциал сказки как прецедентного текста в современном немецком рекламном дискурсе. Подчеркивается, что решающую роль для понимания рекламного текста играет взаимодействие визуального и вербального компонентов, поскольку рекламные тексты являются полимодальными феноменами.

Ключевые слова: рекламный дискурс; сказка; прецедентный текст; память культуры.

D. Savchenko

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Fairy tale as a precedent text in modern advertising discourse

Abstract. The paper analyzes the pragmatic potential of the fairy tale as a precedent text in modern German advertising discourse using the example of Grimm Brothers' fairy tale "Frau Holle". The interaction between visual and verbal components is shown to play a key role in understanding an advertising text, which represents a multimodal phenomenon.

Keywords: advertising discourse, fairy tale, precedent text, memory of culture.

Цель данной статьи – уточнить причины активного использования европейских сказок как прецедентных текстов в современном рекламном дискурсе и механизм их воздействия на реципиента.

Собранный нами в ходе исследования корпус текстов рекламы, использующих различные сказки в качестве прецедентных феноменов, рассматривается как частный дискурс общего рекламного дискурса. Т.е. корпус рекламных текстов, реферирующих к сказке «Госпожа Метелица», образует свой частный дискурс в рамках общего рекламного дискурса как

вышестоящей единицы. Точно так же мы выделили частные дискурсы, реферирующие к сказкам «Пиноккио», «Белоснежка» и др.

Вслед за М. Юнгом (Jung) мы понимаем под дискурсом виртуальный, постоянно развёртывающийся во времени и пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в разнообразных типах текста в различных коммуникативных сферах [9].

Дискурсы находятся в постоянном развитии, разворачиваются во времени и не имеют определенных границ. Границы устанавливаются ученым, который для практических целей своего исследования ограничивает рамки исследуемого материала, «извлекая» из виртуального корпуса (дискурса) реальный корпус, который и служит материалом исследования [9]. Руководствуясь этим, мы взяли из корпуса примеров одну сказку, хорошо известную в немецкоязычном культурном пространстве.

Рекламные тексты представляют собой тексты, в которых взаимодействуют различные семиотические системы, т.е. это семиотически комплексные, или семиотически гетерогенные, тексты. Вербальные и невербальные компоненты текста тесно связаны, и общее значение рекламного текста выводится из контекста. Как справедливо отмечает Б. Шпильнер (Spillner), при исследовании рекламных текстов можно анализировать вербализацию визуальных компонентов или визуализацию вербальных компонентов текста [11, с. 252]. К сожалению, в рамках данной статьи отсутствует возможность представить визуальный ряд проанализированных нами примеров.

Одним из средств привлечения внимания потенциальных потребителей к рекламируемым товарам и услугам являются прецедентные феномены, характеризующиеся познавательной и эмоциональной значимостью для той или иной личности, широкой известностью в окружении данной личности, включая ее предшественников и современников, а также неоднократным повторением в дискурсе данной языковой личности [2, с. 216]. Сказки относятся к часто используемым в современных СМИ, в том числе в рекламе, прецедентным текстам, поскольку составляют «базисный пласт культуры» и являются «воспроизводимыми языковыми структурами» [Телия 2005 цит. по: 7].

Частотность использования сказок в качестве прецедентных феноменов объясняется тем, что они с детства известны всем носителям культуры, их помнят, любят, читают детям. Для сказок как прецедентных

текстов характерны хрестоматийность, общеизвестность и реинтерпретируемость, т. е. они рассматриваются как факт культуры в широком смысле слова и получают интерпретацию у новых поколений [2, с. 217].

Данная проблематика привлекает внимание исследователей, которые изучают функционирование сказки как прецедентного феномена на материале разных языков и культур в различных сферах коммуникации [5, 7, 8 и др.].

Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных лингвокультурологов, литературоведов и лингвистов при общем когнитивно-прагматическом подходе (М. Бахтин, Ю. Лотман, Н. Фатеева, Ю. Караулов, В. Красных, М. Люти, Н. Яних и др.).

В соответствии с теорией памяти культуры Ю.М. Лотмана, сказки рассматриваются в данной статье как константные тексты культуры, входящие в коллективную память культуры [3].

Сказки братьев Гримм очень популярны не только в немецкоязычном культурном пространстве, но и далеко за его пределами. Это именно те сказки, о которых швейцарский литературовед и толкователь сказок Макс Люти (Lüthi) писал, что они «не замечают национальных, временных и индивидуальных различий», и называл их «*Grenzgänger*» («пересекающие границы») [10, с. 25].

Сказка «Госпожа Метелица» («*Frau Holle*») была опубликована в составе цикла сказок братьев Гримм в 1812 году. Однако образ «фрау Холле» имеет гораздо более древнюю историю и восходит к образу великой богини-матери «Холла» (*Holla*) в кельтско-германской мифологии. После публикации сказки образ «фрау Холле» в сознании типичного представителя немецкоязычной культуры стал ассоциироваться прежде всего с повелительницей снегопадов: когда она вытряхивает свои перины, на земле идет снег. Именно этот мотив встает на первое место в рекламе, использующей образ госпожи Метелицы.

В качестве репрезентативного сегмента рассмотрим три примера современной немецкой рекламы, построенной на использовании данного прецедентного феномена.

Пример 1:

Целью коммерческой рекламы автомобиля *BMW* является привлечение внимания потребителя к *BMW xDrive* – интеллектуальной

системе полного привода от BMW, которая призвана обеспечить сцепление автомобиля с дорогой в любых погодных условиях.

Заголовок рекламы гласит: «*Netter Versuch, Frau Holle*» («Неплохая попытка, госпожа Метелица»). Тональность этого заголовка ироническая и выражает насмешку над попытками госпожи Метелицы так засыпать землю снегом, чтобы ни один автомобиль не смог проехать. Референция к сказке заключена в тексте, который содержит прецедентное имя «*Frau Holle*» («Госпожа Метелица»). Самого визуального образа женщины, которая вытряхивает перину, в рекламе нет. Текст поддерживается картинкой зимней природы, на фоне которой представлен автомобиль BMW: на заднем плане видны заснеженные горные вершины, ветер гонит снежные облака. Но автомобилю BMW с установленной системой BMW xDrive такие погодные условия не страшны – он уверенно мчится вперед по заснеженной горной дороге.

Следует отметить, что, по всей видимости, реклама эффективна, так как в рамках той же рекламной кампании с тем же рекламным текстом рекламировались и другие автомобили BMW с высокой проходимостью в любых погодных условиях.

Пример 2:

В рекламе горнолыжного австрийского курорта «*Kitцбюэльские Альпы*» Госпожа Метелица представлена как современная красивая молодая девушка, которая вытряхивает подушку. Она стоит рядом с работающей снежной пушкой так, что перья из подушки смешиваются с производимым пушкой искусственным снегом и летят на горнолыжную трассу. Изображение девушки с подушкой, летящие из подушки перья, а также заголовок «*Dank Frau Holle doppelt schneesicher*» («Благодаря госпоже Метелице двойная гарантия снежного покрова») свидетельствуют, что данная девушка олицетворяет госпожу Метелицу.

Согласно многочисленным маркетинговым анализам, для потенциального посетителя горнолыжного курорта одним из решающих факторов является постоянство и качество снежного покрова. Стремясь дать гарантию, что в китцбюэльских Альпах проблем со снегом нет, создатели рекламы изобразили снежную пушку и госпожу Метелицу, которые отвечают за качественный снежный покров на горнолыжном курорте. В данном регионе часто выпадают осадки в виде снега благодаря удачному географическому положению. Но маркетинговый отдел курорта

решил дать потребителям двойную гарантию и убедить, что и в малоснежные зимы трассы и спуски остаются в прекрасном состоянии.

Однако центральное внимание в приведенном примере фокусируется именно на образе современной девушки, которая исполняет роль Госпожи Метелицы.

Пример 3:

Реклама, созданная по заказу фирмы «*Frankfurter Fußweg-Reinigung*» (FFR), занимающейся уборкой и благоустройством дорог, улиц и площадей во Франкфурте-на-Майне, предлагает услуги по очистке территорий от снега в зимнее время. Согласно законодательству Германии, собственники жилых домов и руководители предприятий обязаны очищать от снега прилегающие к их владениям тротуары. Фирма предлагает услуги, которые освобождают собственников от этой обязанности.

В глаза бросается заголовок «*Zur Hölle mit Frau Holle*» («К черту госпожу Метелицу»), напечатанный крупным шрифтом и размещенный по центру рекламы, и комья снега, образующие вихрь, которые вызывают ассоциации с Госпожой Метелицей. Причем самого изображения сказочной героини в рекламе нет.

В заголовке обыгрывается устойчивое словосочетание немецкого языка «*zur Hölle mit jemandem/etwas*», которое употребляется в качестве ругательства или проклятия. Эквивалент в русском языке – «(посылать) к черту кого-либо, что-либо». Прагматический эффект в данном заголовке усиливается благодаря употреблению практически идентично звучащих слов *Hölle* и *Holle* в одном предложении как фоностилистическому приему.

Однако рекламный заголовок «работает» только в контексте визуального компонента рекламы, который изображает двух мужчин, чистящих дорогу от снега в темное время суток. Учитывая взаимодействие вербального и визуального компонентов, посыл рекламодателей можно интерпретировать двумя способами:

1. Эта фраза как бы «произносится» мужчиной на первом плане. Ему пришлось рано встать, чтобы убрать последствия ночного снегопада, поэтому он ругает госпожу Метелицу, которая создала ему дополнительную работу.

2. Текст можно интерпретировать как уверенность руководства FFR в своих работниках. Смело посылая Госпожу Метелицу и ее снегопады «к черту», фирма стремится внушить потребителям мысль о своей надежности и профессионализме.

Представленные примеры являются коммерческой рекламой и относятся к различным отраслям экономики: автомобильной и горнолыжной индустрии, а также сфере услуг. Однако все примеры объединены общим мотивом: они связаны со снегом, снегопадами, снежной погодой, заснеженными улицами и дорогами.

Важно подчеркнуть, что решающую роль для понимания рекламного текста играет взаимодействие визуального и вербального компонентов, поскольку рекламные тексты являются полимодальными феноменами.

Если рассмотреть представленные примеры с точки зрения классификации прецедентных феноменов, разработанной В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, то можно отметить, что во всех примерах используется вербальное прецедентное имя «Госпожа Метелица», связанное с вербализуемой прецедентной ситуацией: когда госпожа Метелица взбивает свою постель, на земле идет снег [1].

Собранные нами в ходе исследования многочисленные примеры свидетельствуют о распространенности образа госпожи Метелицы в немецкоязычном культурном пространстве, а также о его эффективности в качестве прецедентного феномена в рекламном дискурсе.

Сказка как прецедентный феномен находится в поле зрения как немецких, так и российских лингвистов. Но даже в немецких диссертациях, посвященных использованию европейских сказок в рекламе, мы не нашли примеров, реферирующих к сказке «Госпожа Метелица». Это говорит о том, что данная область прецедентности в рекламном дискурсе не может считаться полностью исследованной, и, на наш взгляд, она никогда не будет исследована до конца, так как реклама очень динамично развивается, а известные образы обыгрываются каждый раз по-новому. То же можно сказать и о ряде других известных европейских сказок, использующихся в рекламе, но не рассмотренных в соответствующих исследованиях.

Наши наблюдения, проведенные на материале данной и других европейских сказок, подтверждают, что если сказка вошла в культурную память одной или нескольких культурных общностей, то референция к ней не вызывает затруднений как в данном культурном пространстве, так и в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы

прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010. 264 с.

3. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.

4. Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Сер. «Теория и история языкознания». М., 2004. С. 41–50.

5. Нахимова Е. А. Прецедентное имя «Буратино» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52, вып. 22. С. 105–112.

6. Фадеева Г. М. «Лексикон – текст – дискурс» с позиций исследовательской практики // Лексикон. Текст. Дискурс. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 93–102.

7. Фадеева Г. М. Ироническая референция к сказке в современных СМИ // *Vajkove fascynacje humanistow 4. Pod redakcja M. Zaorskiej i A. Grabowskiego. UWM, Olsztyn, 2014. С. 60–71.*

8. Фадеева Г. М. Европейская сказка как прецедентный феномен в СМИ немецкого и русского культурного пространства // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 146–149.

9. Jung M. Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet / K. Böke, M. Jung, M. Wengeler (Hrsg.) Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453–472.

10. Lüthi M. Märchen. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2004. 136 S.

11. Spillner B. Stilsemiotik der verbalen und multimodalen Kommunikation // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. Часть II / Вестник МГЛУ, вып. 15 (675). Сер. Языкознание. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 244–257.

Сапранова И.Л.

Московский государственный областной университет (Москва)

Языковые особенности немецкой Chat-коммуникации

Аннотация: В статье рассматриваются языковые особенности электронной коммуникации, выявляются языковые средства, которые отличаются определенными лексическими и грамматическими характеристиками. В связи с ростом объема информации наблюдается тенденция к экономии языковых средств. Сокращения в немецком чат-языке можно разделить на лексические и графические. Появлению чат-языка, сформированному на основе сокращений, способствует широкое распространение инновационных технологий.

Ключевые слова: электронная коммуникация, сокращения, информация, чат-язык, код.

I. Sapranova

Moscow Region State University (Moscow)

Linguistic features of German chat-communication

Abstract. The paper examines the linguistic features of electronic communication, reveals language tools that differ in certain lexical and grammatical characteristics. The increasing volume of information leads to saving language resources. Abbreviations in the German chat language can be subdivided into lexical and graphical. The emergence of the chat language, formed on the basis of reductions, is promoted by the wide dissemination of innovative technologies.

Keywords: electronic communication, abbreviations, information, chat-language, code.

Период конца XX – начала XXI века ознаменовался бурным развитием новых технологий, в том числе, в области коммуникаций. История двух основных форм языка – устной и письменной характеризовалась чередованиями состояний отталкивания и притяжения. В течение последнего десятилетия имевшееся ранее преобладание устной речи столкнулось с конкуренцией со стороны письменного и печатного слова. Тенденция к экономии средств, времени и усилий, обусловленная ростом объема информации и скорости коммуникации, ведёт к значительным изменениям самого подвижного пласта языка – лексики. Появление Интернета, цифровых медиа, смартфона привело к возникновению новой субкультуры со своим стилем общения, что сделало общение между людьми проще и удобнее, сам собой исчез ряд ограничений, например, одновременно в чатах и форумах можно общаться с несколькими людьми, при этом пользователи могут находиться в разных уголках планеты и говорить на разных языках, употреблять сокращения,

аббревиации, «смайлы», цифры и отдельные буквы. Немецкий язык не стал исключением. В нём, как и в остальных языках мира, есть свой сленг и упрощения.

Смена языка посредством использования средств массовой информации (цифровые медиа, такие как чаты, Facebook и Twitter) позволяют молодым людям с удовольствием общаться друг с другом. Однако этот тип письма следует другим принципам и служит другим целям, кроме письменного стандартного языка. Доля пользователей Интернета и смартфонов среди молодежи увеличилась, так как использование цифровых медиа играет в настоящее время огромную роль.

В основном письменная коммуникация используется сегодня не только для монологических текстов, но и для общения в свободное время и претерпела, таким образом, функциональное расширение. Ш. Бали отмечал отличительные черты обиходно-бытовой коммуникации, предопределяемые спецификой самой повседневной жизни. Эта коммуникативная сфера характеризуется различными по своей социально-психологической природе тенденциями: 1) к быстрой передаче информации, порождённой практическими потребностями бытовой сферы; 2) стремлением к экономии речевых средств и, следовательно, к эллиптированности и стереотипности письменных высказываний [1, S. 416].

Многие формы коммуникации, которые ранее выполнялись в устной форме, в настоящее время осуществляются в письменной форме. При этом коммуникация – это обмен информацией между двумя и больше индивидами, а само сообщение может быть вербальным или невербальным [6, S. 213]. Здесь смартфон является важным инструментом, с помощью которого молодые люди могут воспринимать себя как автономно действующих лиц. И поскольку этот тип письма следует другим принципам и служит другим целям, он также отличается от письменного стандартного языка.

В чем же разница между понятиями письменная коммуникация, ориентированная на взаимодействие (*interaktionsorientiert*) и письменная коммуникация, ориентированная на текст (*textorientiert*)? Коммуникация, ориентированная на текст, направлена на создание лингвистического высказывания, которое может быть понято читателем, не требует от него ответной реакции и не предполагает экономии речевых средств. С другой стороны, ориентированное на взаимодействие письмо описывает новое

письмо и применяемые там стандарты. Здесь автор создает лингвистический продукт, который обычно должен быть понят только в контексте взаимодействия и принимающим в этой коммуникации оппонентам. Рамочные условия аналогичны рамкам в устном разговоре: роль от «читателя» к «писателю» систематически меняется, так что каждое высказывание создает контекст для возможных последующих утверждений. Характерным для ориентированного на взаимодействие письмо в чатах является: низкие время планирования, экономия речевых средств, либеральный подход к определенным областям орфографического стандарта, а также использование смайликов, эмодиконов, модзи и акронимов сетевого типа.

Это выражается в применении следующих основных приёмов:

- применение сокращений-ребусов по типу «Азбуки Морзе», частью расшифровки которых, становятся название буквы (обычно заглавной) или цифры: „Treffen 9 bei Katrin. Pics im Netz. Bis WE. Gruß T“;

- несоблюдение написания заглавных и строчных букв: „ich ruf dich an wenn das tele aufgeladen is!“ „KANN I KURZ B DIR VORBEIKOMMEN?“;

- опечатки не исправляются, правила орфографии, необходимые символы (даже пробелы) не соблюдаются. Главное, понятен смысл сообщения: „sorry, ic hwollte es nicht das musst ihr mal geshen haben“;

- несоблюдение правил грамматики (например, порядок слов в предложении): „Hey du bist heldenhaft weil wir sind einfach begeerenswert das is ne tatsache!“;

- опущение подлежащего (обычно личных местоимений): „Wünsche ein schönes Fest“;

- опущение артикля и притяжательных местоимений: „Wie war Maifest? Sag mal Mailadresse...?“;

- опущение служебных слов («телеграфный стиль»): „Sitzen Park, trinken Kaffee“;

- общение на «детском языке»: „Du mich holen oder was???“ „Oggee, ich Karten kaufen!?“;

- стяжение слов: „Hey Uli, wollmer uns heute oder morgen meeten?“;

- замена во мн.ч. буквы „s“ на „z“: „DVD-Rippen Tools“, „Downloadz“;

- применение нефлективных слов при подчёркивании эмоций. В целом это напоминает тексты в «окошках» комиксов. Словами,

выделяемыми звёздочками, передаются чувства или действия, которые ассоциируются с описанием эмоционального состояния: „*daumendruck*“, „*knuuuuutsch*“;

- применение эмотиконов для выражения эмоций:

: -)	glücklich, lächeln	: -*	verliebt küssen
: -(	traurig, verärgert sein	'@__	Schneckenpost
: -/	ratlos	: -D	gut lachen
: -0	entsetzt	: -#	geheime Nachricht
: -Q	Zigarrenraucher	; -)	freundliches Zwinkern
: -9	sich die Lippen lecken	: -!	genug für heute!
: -:)	Punker	: ...-(	weinen
: -')	ein Schönheitsfleck	>: -(	so ein Unsinn
. -)	Augenzwinker oder Spaß haben	: -I	müde
, -)	mit dem einen Auge blinzeln	: ->	sarkastisch
# -)	was für eine Nachricht	: -)=	Ziegenbart

- применение английских сокращений: „Fliege in 2h nach malle“;

- применение сокращений для быстрого выражения эмоций, причём подавляющее большинство аббревируемых слов организованы по принципу акронимии – сокращения слов, имеющих форму сложного слова или устойчивого словосочетания, до начальных букв каждого из компонентов:

axo, aso:	ach so	iwie:	irgendwie
BB:	bis bald	jon:	jetzt oder nie
BEBI:	Beeilung bitte!	ka:	keine Ahnung
Biba:	bis bald	KK:	kein Kommentar
BSU:	Bin schon unterwegs	Kp:	kein Plan
DN:	du nervst	KP:	kein Problem
eig:	eigentlich	LG:	Liebe Grüße
ev:	eventuell	Mom:	Moment
GDNA:	geht dich nichts an	TW:	Themenwechsel
gn8:	Gute Nacht	TWU:	treffen wir uns?
GW:	Glückwunsch	Vllt:	vielleicht
Ihdl:	ich hab dich lieb!	Wasa:	warte auf schnelle Antwort

Распространённые английские сокращения:

4U:	for you	HTH:	hope that helps
ASAP:	as soon as possible	ILY:	I love you
BB:	be back	IOW:	in other words
BTW:	by the way	ISDN:	I still don't know
CU:	see you	J4F:	just for fun
CUL:	see you later	Lol:	laughing out loud
CUS:	see you soon	MU:	miss you
ETU:	easy to use	Np:	no problem

F2F:	face to face	O4U:	only for you
FYI:	for your information	PTMM:	Please tell me more
GL:	Good luck	T+	think positive
GN8:	Good night	Thx:	thanks

- применение заглавных букв для выражения «крика души»: „IST HIER JEMAND ONLINE?“;

- применение «звездочек» для подчёркивания действий или чувств: *g*, *gg*=grins, *lach*=Autor lacht.

Как способ адаптации к внутренним и внешним изменениям общественной жизни чат-коммуникация обеспечивает коммуникативные потребности пользователей цифровых медиа и формирует специфический социолект – чат-язык, при этом сфера функционирования этого языка экстралингвистически отграничена от других сфер коммуникации.

Языковые

средства в электронной коммуникации отличаются определенными лексическими и грамматическими характеристиками, образующими единый прагматический комплекс [2, с. 791]. Таким образом, чат-язык – это особенная формация языка, которую используют в условиях электронной коммуникации определённые возрастные и социальные группы.

При этом языковая система, которая постоянно реагирует на социальный заказ носителей языка, претерпевает определённые изменения в области грамматики, лексики и стилистики. В настоящее время чат-язык ещё не имеет единого общего языкового кода, хотя узуальные накопления стали уже весьма значительными, что вполне может привести к качественным изменениям нормы. Код, по Р. Якобсону, является одним из шести факторов, составляющих модель речевого акта: отправитель, получатель, контекст, код, контакт, сообщение [5, с. 43].

Совершенно очевидно, что чат-язык имеет тенденцию к развитию собственных структурных свойств, в данном случае – сокращений. Сокращения – это конвенциональные символы, которые легко декодируются получателем информации. Отметим, что эти сокращения представляют собой разработанную и продуктивную модель благодаря скорости передачи информации, ёмкости, компактности, лаконичности и экономии [4, с. 154].

Однако, чат-язык не заменяет общенациональный язык, а существует и развивается как параллельная языковая система, пополняя её запас. Все изменения, происходящие в процессе развития литературного языка,

обусловлены прежде всего расширением его функций и изменением его социальной базы [3, с. 214].

Таким образом, компактный обмен записанными сообщениями с помощью мобильного телефона и Интернета является важной частью методов общения для всё большего числа молодежи. Произведённые таким образом лингвистические высказывания противоречат стандартным ожиданиям, которые предъявляются к письменным текстам, и которые необходимы для обеспечения понимания между участниками коммуникации. Тексты чат-сообщений содержат большое число небуквенных графических символов и графических элементов, не связанных непосредственно с языковыми единицами.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и проблемы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
2. Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
3. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
4. Леус В. И., Сапранова И. Л. Письменная коммуникация: декодирование конвенциональных сокращений (на материале газетных объявлений) // Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации. М.: РУДН, 1998. С. 152–154.
5. Jakobson R, Halle M., Fundamentals of language, 1956. С. 43.
6. Köck P., Ott H. Wörterbuch für Erziehung und Unterricht. Donauwörth: Verlag Ludwig Auer, 1994. 901 S.
7. Chat-Glossar: <http://einklich.net/usenet/begriffe.htm>

Сафронова А.М.

МБОУ Голицынской СОШ №2 (Голицыно)

Дистанционные образовательные технологии в обучении иностранному языку

Аннотация. В статье рассматривается вопрос дистанционных образовательных технологий и применения их на уроке иностранного языка.

Ключевые слова: дистанционное обучение, учащиеся, иностранный язык, интернет, общение.

Distance learning of foreign languages

Abstract. The paper discusses distance learning technologies and their use in foreign language class rooms.

Keywords: distance learning, students, foreign language, Internet, communication.

Введение Федерального государственного образовательного стандарта обусловлено переменами в жизни общества. XXI век – это век новых технологий. Современный ребёнок живет в электронном мире и не может представить свою жизнь без компьютера. Поэтому в настоящее время широко используется такое понятие, как «дистанционные образовательные технологии».

Дистанционное обучение – это обучение, происходящее на расстоянии. На сегодняшний день образование требует максимальной отдачи от всех участников образовательного процесса. Возможности дистанционных технологий помогает преподавателям сделать урок более интересным и эффективным для учащихся, а в его основе лежит самостоятельная деятельность учеников.

Главная цель изучения иностранного языка – это формирование коммуникативной компетенции, умения применять знания языка на практике. Коммуникативная компетенция связана с лингвистикой и культуроведческим аспектом языка. Главной задачей преподавателей является разрушение языкового барьера учащихся, чтобы они могли проявить свою активность и творчество. Именно дистанционное обучение поможет учащимся проявить себя и смотивировать их на познавательную деятельность в дальнейшем. Интернет даёт возможность познакомить учащихся с культурой англоязычных стран, осуществляя межкультурное взаимодействие, позволяя общаться с носителями языка, т.е. он создаёт естественную языковую среду [1].

В настоящее время преподаватели могут осуществлять продуктивное обучение всем видам речевой деятельности – говорению, аудированию, чтению и письму, знакомить учащихся с культурой других стран, включая речевой этикет, особенности речевого поведения, традиции и обычаи стран.

Интернет даёт уникальную возможность вступать в живой диалог с реальным партнёром, совершенствуя свои знания иностранного языка, а

также развивая монологическую и диалогическую речь. Такую возможность дают разные телеконференции, чат технологии, участие в международных проектах. Это все помогает учащимся развить их коммуникативные навыки, научиться отстаивать свою точку зрения, находить компромисс с собеседником. Следовательно, язык выполняет здесь свою главную функцию, он формирует и формулирует мысли [3]. По мнению Е.С. Полат, настоящей обучающей средой является погружение не только в исследуемую проблему, но также в саму иноязычную деятельность и в другую культуру [6].

Интернет – ресурсы помогают развить навыки аудирования, слушая аутентичные тексты; пополнить свой словарный запас современной лексикой. Для этого можно использовать записи радио-передач, теле-новостей и т.д. [5].

Используя разные ресурсы сети Интернет, предоставляется возможность эффективно обучать различным видам чтения: изучающему, поисковому, ознакомительному, используя аутентичные материалы разного уровня сложности.

Общение посредством электронной почты поможет учащимся сформировать умение письменной речи, когда они пишут ответ своим собеседникам, участвуют в написании рефератов и сочинений, тем самым совершенствуют свои лингвистические знания и развивают умения генерировать идеи [5].

Проектная деятельность в условиях реализации ФГОС предполагает поиск новых форм и методов обучения, обновления содержания образования. Организация проектной работы обеспечивает сочетания различных видов познавательной деятельности. В дистанционном обучении можно выделить два вида проектов, планирования, проведение и результат которых отличаются друг от друга: WWW-проекты и E-mail проекты [2] Рассмотрим их поподробнее:

WWW–проекты предполагают поиск информации в Интернете для выполнения определенного задания. Затем учащиеся должны представить результаты своего поиска. Тема проекта должна быть в первую очередь интересной для учащихся и входить в общий контекст обучения языку, она может соответствовать учебной теме или быть совершенно независимой. Роль преподавателя в данном проекте очень значима, так как он должен не только озвучить тему проекта, но также тщательно подготовить и организовать его проведение: определить временные рамки проекта,

подобрать другой вспомогательный материал, кроме ресурса Интернет, выбрать оптимальную форму презентации проекта. Также нужно отметить, что преподаватель должен быть готов быстро реагировать на различные вопросы учащихся, помогать им планировать их работу. Использование Интернет-ресурсов на уроках предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке учителя. Нужно отметить, что Интернет – проекты могут различаться по временным рамкам, по представлению результатов, по уровню сложности и т.д. Проект может закончиться публикацией результатов на своей собственной страничке в Интернете.

E-mail проекты разделяются на два вида письменной коммуникации в Интернете: синхронная (Chat) и асинхронная (E-mail). Синхронная коммуникация предполагает обмен письменными сообщениями в режиме онлайн и использование языка, характерного для устного общения. Такой вид проекта трудно организовать в классе, поэтому данный вид больше подходит для индивидуального изучения иностранного языка [2].

Асинхронная письменная коммуникация позволяет работать над проектом более тщательно. Учащиеся имеют возможность продумать, исправить написанный текст. Польза данного проекта заключается в том, что учащимся предоставляется возможность общения на иностранном языке с реальным партнёром, расширяется их языковая компетенция и повышается мотивация к дальнейшему изучению языка.

Дистанционное обучение имеет ряд особенностей по сравнению с традиционными формами обучения. Дистанционное обучение доступно практически для каждого человека, у которого есть компьютер, также данное обучение могут использовать люди совершенно разных возрастных категорий, социальных положений и разного уровня образования. Немало важным фактором дистанционного обучения является выбор темы в соответствии со своими увлечениями и способностями [4].

Возможность дистанционного обучения значительно расширяет использование компьютерных сетей. Это помогает учителю держать оперативную связь со своими студентами, а также появляется возможность мгновенного контроля в ходе учебного процесса.

На сегодняшний момент существует много образовательных ресурсов, которые предлагают дистанционные олимпиады. В режиме онлайн учащиеся могут проверить свои знания иностранного языка, а также узнать что-то новое для себя. К таким ресурсам относится всероссийская олимпиада «Олимпус», международный конкурс-игра

«ЛЕВ», образовательный ресурс «Мега-талант» предлагает огромное количество олимпиад, проектов по всем предметам, включая иностранные языки.

Не стоит забывать, что в мире есть много детей с ограниченными возможностями здоровья, есть дети, которые находятся на домашнем обучении, и дистанционное обучение даёт возможность им получать образование, не выходя из дома.

Дистанционные образовательные технологии активно применяются в общеобразовательных школах, и мотивируют учащихся на учебную деятельность.

В моей практике была реализация WWW–проекта в 9 классах. Проект был рассчитан на неделю. На подготовительном этапе данного проекта определялась тема и цели проекта, происходил подбор рабочей группы, а именно разделение класса на две группы «за – против». Учащимися была выбрана тема “Advantages and disadvantages of the Internet”. Цель данного проекта: в ходе работы узнать, какие существуют плюсы и минусы интернета, научиться выстраивать монологическое высказывание.

На этапе планирования были определены источники получения необходимой информации, а именно учащимся нужно было найти информацию в сети Интернет и поработать с раздаточными материалами в виде текста, учебным пособием “Spotlight 9”. Также учащиеся разделили между собой обязанности.

На этапе исследования учащиеся собирали информацию, обсуждали и выявляли альтернативы, возникшие в ходе выполнения проекта. На последней части этапа исследования учащиеся провели опрос в социальной сети «Интернет – это вред или польза для человечества».

Защита проекта предполагала представление материала каждой группы и обсуждения данного мини-исследования. Результатами данного проекта стали выявление плюсов и минусов сети Интернет и выявление полезной информации для самого себя.

Учащиеся МБОУ Голицынской СОШ № 2 активно принимают участие в дистанционных олимпиадах и завоевывают призовые места. В 2016–2017 учебном году 53 учащихся приняли участие в дистанционной олимпиаде «Олимпус». Из них 4 учащихся стали лауреатами и заняли 2–10 место. Также в 2016–2017 учебном году учащиеся принимали участие в олимпиадах от образовательного ресурса «Мега-талант», а именно в

I международном конкурсе «I love to read». Из 13 учащихся, 10 стали обладателями дипломов I–III мест. Данные дистанционные олимпиады помогают раскрыть талант учащихся, перебороть их страх к языку и вселить веру и надежду в их силы.

Как учитель, идущий в ногу со временем, в своей практике я применяю онлайн – конструктор для создания упражнений, которые соответствуют индивидуальным особенностям учеников. Для этого я использую конструктор LearningApps.org. Данный сервис позволяет учащимся выполнять задания онлайн и после окончания задания видеть свой результат. Для контроля знания я применяю, конструктор Online Test Pad, который помогает создавать тесты с различными вариантами ответов.

Некоторые учащиеся МБОУ Голицынской СОШ № 2, в связи с ограниченными возможностями здоровья, находятся на домашнем обучении. Чтобы не упускать учебный материал учителя и учащиеся используют дистанционное обучение, занимаясь по Skype. Тем самым, ученики получают необходимую информацию и материал, не выходя из дома, а учителя в свою очередь могут оценить учащегося.

Дистанционное обучение может не только помочь преподавателю разнообразить свои уроки и проверить знания учащихся, но также повысить уровень их знаний. Учителю предлагается множество дистанционных курсов для повышения квалификации. Лекции, семинары, разные творческие задания станут намного интереснее и проще, когда все происходит в режиме – онлайн.

Дистанционное обучение становится популярным способом приобретения новых знаний и навыков. Таким образом, данный вид обучения даёт мотивационный стимул для изучения иностранного языка, помогает расширять и углублять свои знания. Учащиеся с большим интересом участвуют в проектной деятельности, проявляют интерес к разным конкурсам олимпиадам и показывают хорошие результаты.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Вильшинецкая Е. Н. Материалы Интернета на уроке английского языка // Иностр. языки в школе. 2001. № 1.
2. Дадаян Ю. С. Использование проектной методики в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе (на примере филиала СКФУ в г. Пятигорске) / Ю. С. Дадаян, И. А. Свинторжицкая, О. В. Соломинцева, О. В. Анцелевич, Л. П. Пилат, Е. М. Шевченко// Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2013. № 2 (74). С. 71–75.

3. Каменева Н. А. Дистанционное обучение иностранным языкам // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 3, <http://mir-nauki.com/PDF/36PDMN315.pdf> (доступ свободный).

4. Колкер Я. М. Практическая методика обучения иностранному языку: Учебное пособие / Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, Т. М. Еналиева. М.: Изд. Центр «Академия», 2004. 264с.

5. Полат Е. С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностр. языки в школе. 2001. № 2.

6. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. М.: Академия, 2000. С. 43–45.

Свиридова Л.К.

Московского педагогического государственного университета (Москва)

Эмоциональность как ведущий фактор структурно-смыслового построения текста

Аннотация. В данной статье автор пытается рассмотреть значение эмоциональности при построении текста. Функционирование эмоциональности в драматургическом тексте характеризуется наличием трех фаз, каждая из которых имеет особенности своего выражения, которые определяются эмоционально-психологической амплитудой. Эмоциональность пронизывает все три фазы, однако ее проявление в них неравнозначно. В этом аспекте определена роль эмоциональности как ведущего фактора смыслового и структурного построения сюжета, при котором первый раскрывает содержательную сущность произведения, а второй лежит в основе структурного построения текста в его разделении на акты, сцены и мизансцены.

Ключевые слова: эмоциональность, текст, сюжет, категория тождества, речевой комплекс.

L. Sviridova

Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Emotionality as a leading factor in the structural and semantic construction of a text

Abstract. The paper studies emotionality in constructing a text. Its functioning in the dramatic text is characterized by three phases. Each of these phases has its own expression, which is determined by the emotional and psychological amplitude. Emotionality permeates all three phases, but its manifestation is unequal in them. In this aspect, the role of emotionality as a leading factor in the semantic and structural construction of the plot is defined. It is shown that the semantic construction reveals the substantial essence of the work, and structural one is based on the structural construction of the text in its division into acts, scenes and mise-en-scenes.

Keywords: emotionality, text, plot, category of identity, speech complex.

Настоящая работа посвящена определению значимости эмоциональных структур в канве драматургического текста.

Рассматривая драматургическое произведение, оказывается, что эмоционально-психологическое разделение текста не тождественно его структурно-сюжетному разделению (на акты, сцены и мизансцены), поскольку первое, то есть эмоционально-психологическое разделение текста, создает главным образом смысловое построение текста, в котором именно эмоционально-психологический мотив является фундаментом создания произведения [4]. В то время как структурное разделение выступает не внутренним, а внешним разделением сюжетной идеи, хотя оба они неразрывно связаны друг с другом [3]. Механизм этой связи заключается в следующем.

Эмоционально-психологический фактор формирует определенную эмоциональную амплитуду, функционирующую внутри эмоционального речевого комплекса, завершение которой проявляет себя в объединении предшествующих неэмоциональных речевых комплексов как разъясняющих смысл чувств, закодированных в эмоциональном состоянии говорящего.

Рассмотрим данную амплитуду подробнее.

Во-первых, ее выражение вызвано той психологической оценкой, которую дает действию говорящий.

Во-вторых, в указанной амплитуде проявляются три составляющих ее фазы, а именно: экспрессивная, разъясняющая и завершающая.

Первая из них наступает непосредственно вслед за тем обстоятельством или событием, которое вызвало эмоциональное состояние персонажа. Будучи наиболее выраженной по своей эмоциональности, она определяется, как правило, обилием пауз, прерывистостью речи, наличием эллиптических конструкций, междометий, типа: “Alas!”, “Oh!”, «Увы!» и т.д., краткость и многозначность которых требует разъяснения.

Следующая, разъясняющая, фаза характеризуется снижением эмоциональной напряженности и использованием того языкового инвентаря, который разъясняет сущность, причину того всплеска эмоций, который был выражен междометиями, эллиптическими конструкциями и тому подобными языковыми средствами, использованными в первой фазе. В связи с этим во второй фазе обычно используются завершенные синтаксические конструкции.

Для третьей, то есть завершающей фазы, характерна утрата эмоциональной нагрузки или эмоциональной выраженности, что ведет к постепенному переходу данного речевого комплекса в нейтральный.

Таким образом, в представленном процессе наблюдается снижение фона экспрессии и ее доведение до нулевого состояния, которое наступает после более или менее пространных логических разъяснений либо в диалоге или полилоге, либо в монологе, когда персонаж, пытаясь разобраться в ситуации, дает ей определенную оценку.

Например:

Кручинина. Он, он! (Шатается и падает без чувств на диван.)

Дудукин. Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!

Незнамов. Я ее сын?

Дудукин. Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в своих мечтах, разговаривала с вами.

Незнамов. У ней не было других детей?

Дудукин. Что вы, что вы!

Незнамов. А как же мне сказали? Господа, зачем же вы меня обманули?

Коринкина. Тише, тише, она приходит в себя.

Незнамов. Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. (Падает на колени перед Кручининой.) Матушка! Мама, мама!

Кручинина (приходя в себя). Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!

Незнамов. Я здесь.

Кручинина. Да, это он... Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Как хорошо жить на земле. (Гладит Незнамова по голове.) Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою мать и будет еще лучше.

Описанный выше процесс можно назвать полем эмоциональной гравитации, которое имеет движение от эмоционального центра к нейтральной периферии, что позволяет говорить об угасании эмоциональности как сенситивной экспрессии и ее постепенном переходе к состоянию логического восприятия. Итак, вышеприведенная амплитуда, начинаясь эмоциональным типом речевого комплекса, в большинстве

случаев заканчивается нейтральным с превалированием логических рассуждений. На наш взгляд именно в этом проявляется закономерность функционирования эмоциональности в процессе создания драматургического текста.

При этом мы полагаем, что в этом процессе параллельно действует еще одна закономерность, построенная на неравнозначном функционировании рассмотренных выше трех фаз в пределах эмоционально-психологической амплитуды. Эта закономерность заключается в следующем. Чем сильнее эмоциональная нагрузка начальной фазы, тем более ярко выражена эмоциональность двух других фаз в плане их смыслового объяснения, которое далее переходит в логическое заключение. В нашем примере – признание Незнамовым того факта, что Кручинина является его матерью. А это значит, что при наличии первой фазы непременно наблюдается появление двух других фаз как разъясняющих и нейтрализующих ее.

Именно наличие такой трехструктурной выраженности дает возможность автору разбить драматургический текст по актам, сценам и мизансценам.

Итак, последняя фаза призвана выразить такую завершенность психолого-эмоциональной амплитуды, где наблюдается слияние структурного и содержательного замысла драматурга. Такое слияние представляет собой ведущий принцип реализации категории тождества в драматургии.

Из сказанного можно заключить, что описанное выше структурно-семантическое построение драматургического текста формирует неоднозначные речевые ситуации, начиная от минимальной и заканчивая самой объемной – текстологической.

Список литературы

1. Буряков М. А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопросы языкознания. М., 1979. № 3. С. 47–59.
2. Маслечкина С. В. Передача экспрессивности в произведениях М. А. Булгакова и Э. М. Ремарка. АКД, М., 2009, 26 с.
3. Кошечкина И. Г. Функциональная смысловая зависимость как основа построения художественного произведения // Вестник МГОУ, №6, т. 2/2011.

4. Свиридова Л. К. Эмоциональность и ее связь с психологическим фактором в текстовом аспекте // Прикладная психология и психоанализ. № 4. 2004.

Северова Н.Ю.

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва)*

**Реализация личностно ориентированного подхода в обучении
иностранному языку на основе технологий электронного обучения
(бакалавриат, неязыковой вуз)**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности личностно ориентированного подхода в контексте электронного обучения. Автор делится собственным опытом преподавания и приводит примеры реализации данного подхода в условиях неязыкового вуза на примере МГИМО МИД России. Основное внимание уделяется формированию коммуникативной компетенции с учетом общения на иностранном языке в ситуациях профессионального общения.

Ключевые слова: личностно ориентированный подход, электронное обучение, коммуникативная компетенция, неязыковой вуз, иностранный язык.

N. Severova

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of Russia (University) (Moscow)*

**Realization of a person-oriented approach in foreign language
teaching on the basis of e-learning technologies
(baccalaureate, non-linguistic high school)**

Abstract. The paper is devoted to possibilities of the person-oriented approach in the context of e-learning. The author shares her own experience and gives some examples of application of the approach in a non-linguistic university (German language teaching at the Moscow State University of International Relations). Attention is drawn to the formation of communicative skills taking into account communication in a foreign language in professional communication situations.

Keywords: person-oriented approach, e-learning, communicative skills, non-linguistic university, foreign language.

О личностно ориентированном обучении в современной педагогике говорят уже более полувека. Казалось бы, данная тема должна быть уже исчерпана. Тем не менее, с развитием педагогической науки, а также с прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий проблема личностно ориентированного обучения предстаёт в новом свете, что даёт повод обращаться к ней снова и снова. Так, требуют уточнения

или нового прочтения некоторые вопросы, связанные с конкретной учебной ситуацией в условиях того или иного учебного заведения.

В данной статье обобщается опыт, накопленный автором за время работы на бакалавриате МГИМО МИД России. Следует отметить, что, хотя вуз считается неязыковым, обучение иностранному языку организовано настолько серьёзно, что выпускники бакалавриата могут использовать ИЯ в своей профессиональной деятельности наравне с родным. Это достигается, прежде всего, благодаря количеству академических часов, отведённых в сетке расписания на иностранный язык: 10 ак. ч. на первый иностранный язык и 6 ак. ч. – на второй. Такое количество часов позволяет уделить внимание не только практическим аспектам языка и перевода, но и развитию личности средствами иностранного языка, что является неотъемлемой составной частью современного процесса обучения, поскольку современное образование базируется на гуманистической педагогике, ставящей в центр обучения учащегося как субъекта.

Основные постулаты личностно ориентированного обучения сводятся к следующему.

1. Каждый обучающийся, будучи уникальным индивидуумом, обладает индивидуальным восприятием действительности и собственным внутренним миром.

2. Личности свойственно стремление к самопознанию и самореализации.

3. У человека есть внутренняя потребность к самосовершенствованию, что реализуется в процессе взаимодействия с окружающей средой и другими людьми.

4. Для гармоничного развития личности необходимо взаимопонимание с другими, которое достигается только в результате общения.

Таким образом, гуманистической педагогике чуждо отношение к обучающемуся как к некоей отвлеченной «средней величине», которую нужно привести к «общему знаменателю». Усвоение предмета рассматривается как процесс, направленный не только на формирование определённой суммы знаний, умений и навыков, но и как один из путей развития личности каждого учащегося, его социально значимых качеств. В вузовском образовании, помимо этого, важно также формирование профессионально значимых компетенций. И обращать на это внимание

нужно на всех предметах, среди которых иностранный язык не является исключением.

Итак, при обучении ИЯ использование личностно ориентированного подхода предполагает, помимо приобретения основных знаний, умение работать с ситуацией или проблемой, используя приобретенный ранее как языковой, так и жизненный опыт, а также умение разрешать возникающие проблемы с привлечением дополнительной информации на иностранном языке.

И здесь, говоря о работе с информацией, уже нельзя обойтись без привлечения информационных и коммуникационных технологий, которые предоставляют огромные возможности в реализации современных педагогических подходов. ИКТ, рассматриваемые в контексте электронного обучения (eLearning), стали неотъемлемой частью учебного процесса, в том числе, в неязыковом вузе. Конечно, их роль неопределима и в обучении ИЯ. Ведь именно Всемирная паутина является сейчас основным источником информации для большей части человечества, и прежде всего для молодого поколения, к которому относится большинство студентов. На важность использования электронных ресурсов в условиях современного социума указывает Ю. Э. Мюллер, подчеркивая: «В развитии информационного общества решающее место занимают источники информации» [6, с. 161]. Некоторые лингводидактические аспекты такого обучения применительно к условиям неязыкового вуза уже описаны, например, в работах И.Г. Беляевой [1], Т.В. Заец [3] и др.

Сеть Интернет содержит массу источников на иностранном языке, изучаемом студентами, и каждый может получать информацию исходя из своих личных интересов и образовательных потребностей. Это свойство сети неопределимо для реализации личностно ориентированного подхода в обучении ИЯ. Работа с информацией подразумевает не простое её усвоение. В условиях информационного общества актуальной становится проблема информационной безопасности. Поэтому остро встаёт вопрос о формировании критического мышления, о том, чтобы каждый индивид, сталкиваясь с информацией любого характера – от рекламы стирального порошка до политической обстановки в той или иной стране – сумел бы, проанализировав её, сформировать собственную позицию, чтобы случайно не попасть под чужое влияние и остаться самостоятельной цельной личностью, которая не «поёт с чужого голоса». Это очень важно для

формирования индивидуальной картины мира, для того, чтобы «остаться самим собой».

Что касается обучения иностранному языку в вузе, да еще в таком, где превалирует аспект международных отношений, формирование собственной позиции по тому или иному вопросу становится также частью профессиональной компетенции и, таким образом, личностно ориентированное и профессионально ориентированное обучение становятся взаимосвязанными.

В связи с этим встает вопрос о таком использовании возможностей электронного обучения, которое обеспечит как формирование личностно и социально значимых качеств средствами иностранного языка, так и развитие профессиональных компетенций, которые, в свою очередь, внесут свой вклад в дальнейшее развитие каждой личности.

Всё это заставило автора данной статьи приложить усилия к организации процесса обучения в соответствии с имеющейся образовательной ситуацией, в связи с чем представляется уместным привести некоторые конкретные примеры.

В самом начале обучения, на первом курсе бакалавриата, происходит интенсивное накопление как грамматического, так и лексического материала, пока не связанного с профессиональным общением. Интенсивность эта обусловлена высокими требованиями к языковой подготовке бакалавров «на выходе», то есть, как уже отмечалось, к концу четвертого года обучения все они должны обладать обширным набором компетенций для профессиональной коммуникации на изучаемом языке. Не все студенты выдерживают столь высокий темп и порой начинают проявлять сильное отставание в учёбе, что может повлечь за собой плачевные последствия, вплоть до исключения из вуза. Объясняется это разными причинами, в том числе и тем, что все имеют разные способности к усвоению иностранного языка. Такие личностные особенности необходимо учитывать, ставя цель успешного освоения программы по ИЯ. И тут неоценима помощь электронного обучения. Конечно, студенты могут прибегнуть к услугам репетитора. Но это не единственный способ. Никакой репетитор не спасёт, если студент сам не выучил лексику или недостаточно хорошо «оттенировал» грамматику. Здесь на выручку приходят электронные интерактивные упражнения, которые, позволяя избежать рутинного «дрилла», позволяют восполнить образовавшиеся пробелы. Автором данной статьи была разработана серия таких

упражнений по урокам основного курса ИЯ. В ходе обучения студентам, обнаружившим отставание в усвоении материала, было предложено проделать эти упражнения, как лексические, так и грамматические, основными из которых были: выбрать правильный перевод слова; самим написать перевод слова как с иностранного языка на родной, так и наоборот; восстановить слово из анаграммы; восстановить словосочетание; решить кроссворд; указать род существительного, написав верный артикль; написать множественное число существительного; дописать личные окончания глаголов; восстановить три основные формы глагола; вставить окончания прилагательных; указать верный вспомогательный глагол в форме прошедшего времени «перфект» и др. Упражнения были составлены с учетом разного уровня обученности, так что каждый студент мог выбрать для себя те, которые были для него посильны и доступны. Количество упражнений было достаточным, чтобы сформировать навык на требуемом уровне. Таким образом, возможности электронного обучения были использованы для достижения требуемого уровня владения немецким языком.

На следующих курсах происходит дальнейшее формирование необходимых компетенций, требования к владению иностранным языком значительно повышаются. Речь идёт уже о коммуникации в профессиональной сфере, и личностно ориентированный подход приобретает особую актуальность. Ведь хороший профессионал – это прежде всего личность, обладающая самостоятельным мышлением, активной жизненной позицией и способностью принимать решения в проблемных ситуациях. И здесь также следует отметить огромные возможности электронного обучения. Рассмотрим несколько примеров.

Одним из эффективных методов развития самостоятельного мышления является организация дискуссий на актуальные темы. Поводом для таких дискуссий служат новостные материалы иноязычных СМИ. Подробно приёмы работы с иностранными СМИ описаны, например, в работе Н.Е. Меркиш [4]. Мы же здесь остановимся на возможностях использования электронных новостных источников. В распоряжении преподавателя и студентов сейчас находится масса электронных ресурсов, которые можно использовать в учебных целях. Особенно ценными являются дидактизированные ресурсы, такие, например, как сайт «Немецкая волна», где представлены актуальные материалы для разных уровней владения языком. Многообразие этих материалов даёт

прекрасную возможность реализации личностно ориентированного подхода. Помимо тем, обязательных для обсуждения, студентам можно предложить выбрать темы, которые особенно интересны каждому из них, изложить её с точки зрения личной позиции, а также предложить в качестве дискуссионной. В процессе дискуссии каждый может выразить своё собственное мнение, сформулировав свою позицию, конечно же, на изучаемом языке. Таким образом, общение приобретает личностно значимый характер и приближается к ситуации аутентичного общения, так как в этом случае имеет место не пересказ чужих мыслей, а так называемый «переход на себя», что даёт возможность каждому проявить себя как личность.

Нельзя не упомянуть в этой связи индивидуальные проекты, организованные на основе электронных ресурсов. Эффективность проектной работы на данный момент не подлежит сомнению. Мы присоединяемся здесь к мнению А.В. Березовской, которая, говоря о специфике применения этого метода в условиях неязыкового вуза, отмечает: «Метод проектов... следует широко применять при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов ... как компонент системы» [2, с. 469]. Будучи встроенным в систему обучения, данный метод может способствовать эффективной реализации личностно ориентированного подхода. Так, в процессе изучения той или иной темы студентам предлагается самостоятельно осветить какой-либо её аспект, представляющий личностный интерес, учитывая, однако, что результат проделанной работы должен заинтересовать и других, обогатить их кругозор новыми актуальными и полезными знаниями, а может быть, и привнести нечто новое в их жизненный опыт. Например, при изучении обязательной темы «Германия», посвященной стране изучаемого языка, студенты знакомятся с федеральными землями, экономикой, культурой страны, что является благоприятной почвой для разного рода индивидуальных, личностно ориентированных заданий-проектов. Так, например, проходит ознакомление с федеральными землями. Каждый студент готовит сообщение про какую-то из них. При этом, *во-первых*, каждый сам выбирает для себя ту, которая ему интереснее, «ближе», а *во-вторых*, презентация выбранной федеральной земли происходит в свободной форме, каждый заостряет внимание на том, что именно ему ближе, главное – представить информацию так, чтобы она стала интересна и другим, эмоционально и «с душой». Как показывает практика, в этом

случае информация усваивается намного эффективнее, так как приобретает оттенок личного отношения к избранной теме. Так же проходит работа над другими страноведческими темами, такими, как «праздники», «традиции и обычаи», «выдающиеся личности – представители немецкого народа» и др.

Что касается профессионально ориентированного общения, то основной целью является формирование профессионально значимых компетенций, однако это не означает, что личностно ориентированный аспект остаётся в стороне.

На занятиях предусмотрено обсуждение актуальных новостей, а также тем, сопряженных с будущей профессиональной деятельностью студентов. При обсуждении каждый может выразить своё собственное мнение, огласить свою позицию по обсуждаемому вопросу. Кроме того, время от времени каждый студент готовит свою собственную новость, имеющую отношение к актуальным событиям. Студенты также вправе предложить собственную тему для дискуссии на профессиональную тему. В качестве примера можно привести дискуссию, посвященную мигрантам, предложенную студентами 4-го курса факультета международных отношений, изучающими немецкий язык в качестве второго иностранного. Данная тема является актуальной как для Германии, так и для России. Интересно, что при подготовке к дискуссии студенты использовали не только немецкоязычные, но и русскоязычные электронные ресурсы, и даже специализированные статьи, посвященные этой теме. Взяв за основу статью Ю.Э. Мюллер о портрете мигранта в Рунете [5, с. 43], участники дискуссии попытались создать подобный портрет применительно к стране изучаемого языка. Оттолкнувшись от утверждения автора статьи о том, что «лексическая дистрибуция слова «мигрант» в Интернете свидетельствует о том, что миграция наиболее связана с аспектами трудовой деятельности, ухудшением криминогенной обстановки, озабоченностью россиян о росте численности мигрантов», студенты спроецировали полученную информацию на Германию и сравнили портреты мигрантов в обеих странах. Среди других тем для дискуссии, предложенных студентами, можно отметить такие, как: «Гражданское право в Германии и в России» (предложена студентами международно-правового факультета), «Вопросы журналистской этики в освещении политических событий» (факультет международной журналистики), «Перспективы развития экономического сотрудничества между Германией и Россией» (факультет международных

экономических отношений). В каждом случае студенты имели дело с информацией из Интернета, используя электронные ресурсы как основные источники в силу их актуальности и аутентичности.

Выше приведены лишь некоторые примеры реализации личностно ориентированного подхода на основе электронного обучения. Следует отметить, что такой подход требует от преподавателя определённых усилий, так как все приёмы и методы не могут быть прописаны для каждой учебной ситуации. Но результаты, полученные в итоге, несомненно, оправдывают затраченные усилия, как показала многолетняя практика.

Список литературы

1. Беляева И. Г. Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе. /И. Г. Беляева. В сборнике: Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза. Межкафедральный сборник научных статей. Ответственный редактор: Е.В. Воевода. 2015. С. 152–157.

2. Березовская А. В. Использование метода проектов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. / А. В. Березовская. В сборнике: Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе материалы межвузовской научно-практической конференции. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Ответственные редакторы: М. А. Чигашева, А. М. Ионова. 2016. С. 463–469.

3. Заец Т. В. Применение информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку (на примере немецкого языка). /Т.В. Заец. В сборнике: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики делового общения в свете новых технологий образования. Сборник научных докладов Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. Ответственные редакторы: Л. К. Раицкая, Е. В. Пономаренко. 2010. С. 42–47.

4. Меркиш Н. Е. Иноязычные массмедиа и особенности их использования в процессе обучения иностранному языку /Н.Е. Меркиш // Иностранные языки в школе. 2016. № 1. С. 2–8.

5. Мюллер Ю. Э. Портрет мигранта в русскоязычном сегменте интернета /Э.Ю. Мюллер // Мова. 2015. № 23. С. 41–45.

6. Мюллер Ю. Э. Возможности обучающих ресурсов интернета для повышения эффективности обучения немецкому языку. /Ю.Э. Мюллер. В

сборнике: Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения: сборник статей. М.: МГПУ, 2017. С. 160–164.

Семина Т.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Анализ тональности в текстах на политическую тему на примерах Twitter и аналитических статей

Аннотация. Анализ тональности является одним из самых активно развивающихся разделов автоматической обработки языка. В последнее время появилось много работ об анализе текстов на политическую тему, преимущественно исследования проводят зарубежные частные компании и университеты. В данной статье представлены примеры анализируемых текстов и результаты наших экспериментов с англоязычными твитами и русскоязычными аналитическими статьями.

Ключевые слова: анализ тональности, политика, мнение, микроблог, СМИ.

T. Semina

Moscow State Region University (Moscow)

Sentiment analysis of political texts on the examples of Twitter and analytical articles

Abstract. Sentiment analysis is one of the promptest fields of natural language processing. Recently many papers devoted to the analysis of political texts have been published by foreign private companies and universities. This paper presents examples of analyzed texts and the results of our experiments of English-language tweets and Russian-language analytical articles.

Keywords: sentiment analysis, politics, opinion, microblog.

Анализ тональности, известный как сентимент анализ или система извлечения мнений – это область изучения мнений, оценок, отношения и эмоций людей по отношению к таким объектам как продукты, организации, личности, события, проблемы и их атрибутам.

Сентимент (от англ. *sentiment* – чувство; мнение, настроение) – эмоциональная оценка, выраженная в тексте, также называется тональностью текста [5].

Термин “*sentiment analysis*” впервые был использован в работе Nasukawa и Yi в 2003 году, термин «извлечение мнений» – в работе Dave, Lawrence и Pennock в 2003 году, хотя исследование тональности и мнений началось еще в 2001 году [2].

Формально непосредственное мнение можно представить в виде кортежа: (e, a, s, h, t), где e – объект (entity), a – свойства (aspect), s –

эмоциональная оценка (sentiment), h – автор (holder), t – время (time) [2]. Большинство исследователей упоминают три основных компонента мнения: субъект тональности, то есть чье мнение высказывается, объект, по отношению к чему высказано мнение, тональности – полярность оценки. Тональность может быть представлена бинарным делением на положительную и отрицательную, может быть добавлен нейтральный класс или использоваться шкала оценок.

Классической задачей анализа тональности можно назвать анализ отзывов на фильмы. В таком случае субъект тональности – автор отзыва, объект – фильм или отдельные атрибуты (сюжет, операторская работа, диалоги и т.д.).

С появлением Twitter исследовательский интерес сместился в сторону этой системы микроблогов, так как короткие сообщения было проще анализировать, эмодзи увеличивали точность при иерархической классификации и, что очень важно, можно было собрать действительно большую коллекцию документов для обучения, тестирования и последующего анализа.

Стоит отметить, что с появлением Twitter на анализ тональности обратили внимание маркетологи и PR-менеджеры, так как можно было выяснить отношение людей к персоне или продукту. Именно Twitter первым ресурсов материала для анализа текстов на политическую тематику.

Health Care Reform (HCR) dataset – первый размеченный корпус твитов, темой которых было выражение мнения о реформе здравоохранения Барака Обамы. Этот корпус составлен из 2 516 вручную размеченных твитов, разделенных на три корпуса: для обучения, разработки и тестирования. Каждый твит был оценен как положительный, отрицательный, нейтральный, нерелеватный или другой (когда нельзя было с полной уверенностью отнести твит к одной из предыдущих категорий).

(1)@angelsmomaw: #HCR is unwanted because it will bankrupt the USA and give below inferior Healthcare for all. #gop #tcot #tweetcongress

(2) So Many lies, so little time <http://is.gd/aP1hP> #hcr #tcot

(3) I will not be muzzled! I'm a Catholic, a physician and \nmom of 5! Pro-life, pro-God, pro-Constitution. Down with #hcr!

Ранее мы использовали этот корпус для обучения нашей модели анализа тональности твитов при помощи алгоритма машинного обучения и

получили достаточно хорошие результаты (F-мера более 72 %) как на выборке, состоящей из твитов этого корпуса, так и на меньшей выборке, которую мы собрали по хештегам #migrationreform (миграционная реформа).

(4) To all the voters who cast your ballot for Obama #migrationreform are #Unemployed how is it working out?

(5) What's going on? Is Obama really a foreign sympathizer? Never believe #migrationreform

(6) @BarackObama Will You make the #MigrationReform happen You son of a bitch?? #FuckObama

Как мы видим из примеров 1-6, Twitter предоставляет интерес для исследования мнений о политической жизни, потому что пользователи данной системы микроблогов активны.

Твиты и рецензии можно отнести к персонализированным текстам, т.е. текстам, в которых мы можем явно установить, что человек, написавший текст, является выразителем этого мнения.

Более сложным материалом для выявления мнений являются неперсонализированные тексты – новостные статьи и аналитические статьи. Так как мнение автора или отсутствует, или встречается в минимальной пропорции по отношению к остальному тексту, нас интересуют отношения между сущностями, которые мы извлекаем на основе фактуальной, а не оценочной лексики.

Рассмотрим пример из корпуса размеченных новостных статей MPQA [1]:

(7) Castro considers Chavez a friend and his closest political ally in the region, and their close ties have rankled the United States. Cuba was swift to denounce the Venezuelan president's ouster Friday -- reversed two days later when Chavez was reinstated by loyalist military officers after demonstrations calling for his return. The Bush administration brushed aside suggestions Tuesday that it quietly encouraged the removal of Chavez. At the Bay of Pigs, a CIA-trained force of about 1,500 exiles invaded in an effort to overthrow Castro's government, which had seized power 28 months before. The attempt failed, and about 100 of the invaders were killed and 1,000 captured.

Такие новостные статьи вручную размечались на следующие элементы оценки: субъект, объект, тональное высказывание, предикат, полярность оценки. Для русского языка подобного корпуса нет, но

аннотационную схему MRQA применяли для разметки корейского тонального корпуса [3].

В 2017 году мы проводили анализ тональности аналитических статей. От новостных их отличает больший объем, большее количество сущностей, присутствовало и мнение автора.

Рассмотрим пример (8):

(8) В последнее время Америка и Европа, в частности, Соединенное Королевство, усвоили два подхода касательно своих отношений с Россией. США, основным представителем которых выступает госсекретарь Джон Керри, проявляли гораздо большую восприимчивость и готовность работать с Россией по таким актуальным вопросам, как Сирия и Иран. Между тем Великобритания заняла более отдаленную позицию, подвергая Россию и ее руководство словесной критике.

В небольшом фрагменте статьи переплетены положительные и отрицательные мнения, что значительно затрудняет анализ.

Для тестирования анализа тональности были собраны статьи с сайта inosmi.ru, на котором размещаются переводы текстов, опубликованных в зарубежных изданиях. Было собрано 65 статей на политические темы, где одной из главных топиков была Россия. Общее количество слов в корпусе статей составило 85 478. Именованные сущности автоматически размечались при помощи системы [4] общее количество сущностей во всем корпусе – 7 430 (8.7 % от общего числа слов).

Так как главная цель нашей работы состояла в том, чтобы определить отношения между сущностями, разметка должна была отображать этот фактор. Первый вариант разметки был сделан при помощи инструмента brat по отдельным предложениям. Инструмент и схема разметки позволяли отражать отношения между сущностями, отношение автора к любой из сущностей, выражение оценки при помощи безличной конструкции и отношение эквивалентности между сущностями.

Проблемой при данной разметке стала неразрешенная референция, что привело к пропуску некоторых отношений.

(9) По его словам, так относиться к России нельзя, и настало время восстановить диалог.

В примере (9) при разметке невозможно отнести мнение к его автору, так как местоимение “его” сущностью не является, следовательно, мнение к нему притянуть нельзя. Если бы сначала был найден antecedent для местоимения, отношение было бы верно размечено.

Вторая разметка проводилась по всему документу. Из текста вручную выписывались отношения между сущностями, полярность оценки и актуальность этой оценки (*current* – если это текущее состояние, *past* – если сущности связывало это мнение раньше). Также указывалось отношение автора к некоторым сущностям и были добавлены к рассмотрению случаи, когда субъект тональности точно установить невозможно.

Пример разметки для одного текста:

(10) Обама, Асад, neg, current

США, ИГИЛ, neg, current

Иран, Асад, pos, current

США, Ирак, neg, past

США, Афганистан, neg, current

Япония, США, pos, current

Южная Корея, США, pos, current

Австралия, США, pos, current

неизв, Обама, pos, past

неизв, Обама, neg, current

автор, Обама, pos, current

В среднем в статье содержалось 10 отношений. Если отношение высказывалось не единожды, то в разметке оно не дублировалось, все повторы пропускались.

На материале общественно-политических статей мы протестировали модели соотнесения сущностей и проставление направления оценки. Для поиска тональных высказываний мы использовали словарь оценочных терминов РуСентиЛекс, который на данный момент обладает достаточно большим объемом лексических единиц, что позволяет применять его как самостоятельный продукт.

Эксперименты показали неплохие результаты, но это обусловлено тем, что выдачу мы сравнивали с разметкой, сделанной экспертом по всему тексту, следовательно, она более поверхностная, нежели оценка по предложениям. Если бы мы сравнивали с разметкой в brat, в которой уникальных пар сущностей больше, чем в разметке по всему тексту, показатели точности, полноты и f-меры были бы ниже.

При построении экспериментального классификатора мы применяли инженерный подход, т.е. систему правил соотнесения сущностей и

тональных высказываний (слов и коллокаций), найденных при помощи РуСентиЛекс.

Как показали наши эксперименты и эксперименты коллег, выявление мнений пользователей о политическом явлении или деятеле можно реализовать в программном обеспечении, как и применить более тонкие алгоритмы для выявления отношений между сущностями внутри текста.

Список литературы

1. Deng L., Wiebe J. MPQA 3.0: An Entity/Event-Level Sentiment Corpus // Human Language Technologies: The 2015 Annual Conference of the North American Chapter of the ACL, 2015. С. 1323–1328.

2. Liu B. Sentiment Analysis and Opinion Mining. Morgan & Claypool. 2012. 167 с.

3. Shin H., Kim M., Jo Y., Jang H., Cattle A. Annotation Scheme for Constructing Sentiment Corpus in Korean, 26 th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation pages. 2012. С. 181–190.

4. Лукашевич Н.В., Левчик А. В. Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентиЛекс // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS- 2016): материалы VI междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 18-20 февраля 2016 года)/ редкол.: В. В. Голенков (отв. ред.) и др. Минск: БГУИР. 2016. С. 377–382.

Пазельская А.Г., Соловьев А.Н. Метод определения эмоций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог-2011»: конференция. М., 2011. С. 510–522.

Сенченкова М.В.

*Российского государственного гуманитарного университета
(Москва)*

Отличие французского глагола от русского: вид и способ действия

Аннотация. Вид как глагольная категория признается в современном языкознании как во французском, так и в русском языках. Однако ряд вопросов, касающихся значения вида, его реализации, спорны и решаются неоднозначно. В результате анализа точек зрения отечественных и зарубежных авторов в статье уточняется определение категориального значения вида, и выявляются особенности языковой реализации вида в сравниваемых языках.

Ключевые слова: грамматическая категория вида, русский язык, французский язык, сопоставление.

Difference between the French verb and the Russian verb: type and mode of action

Abstract. The verbal category of aspect is considered in both Russian and French. However, a number of questions concerning the aspect's meaning and realization are arguable and disputable. By analyzing native and foreign authors' points of view, the aspect category meaning is defined and the features of the aspect linguistic realization are revealed for the languages under study.

Keywords: grammatical category of aspect, Russian, French, comparison.

В русском языке категория вида имеет исключительно важное значение для всей глагольной системы: она определяет количество временных форм в изъявительном наклонении, дифференцирует формы страдательного залога, например, в видовой паре «простить/прощать» в совершенном виде отсутствует форма настоящего времени, в несовершенном виде – форма будущего времени является аналитической.

Определение категории вида, сущности этого явления представляет большие трудности, так как обозначение глагольного действия не обусловлено значением глагола и не всегда связано с его оформлением.

Среди русистов существуют следующие точки зрения на категорию вида: различая совершенный и несовершенный вид глагола одни синтаксисты считают, что вид выражает:

- предельность/непредельность (В.В. Виноградов);
- законченность/незаконченность (А.В. Бондарко);
- точечность/линейность (А.А. Потебня).

На наш взгляд, наиболее адекватно отражает сущность вида его определение как сомкнутость/процессность действия.

Этими двумя значениями можно объяснить все другие интерпретации, которые так или иначе характеризуют вид именно как действие целостное/процессное, в движении: в значении сомкнутости заложены и точечность, и предельность, и законченность; в значении процессности – напротив, незаконченность, не предел, линейность.

Если в русском языке вид пронизывает всю глагольную систему (как было уже сказано, определяет количество форм в изъявительном наклонении, кроме того, в страдательном залоге формы совершенного вида, а также форма будущего времени несовершенного вида – аналитические, а формы настоящего вида являются флективными), то значение вида во французском языке более скромное. Однако, и во французском языке наблюдаются явления, сопоставимые с теми, которые в

русском языке относятся в виду. Так, интерпретация французскими грамматистами *imparfait/passé simple* довольно близка к тому, что в русском языке называют видом.

Ж. Дамурет и Эд. Пишон, описывая *imparfait*, говорят о том, что эта форма выходит за пределы временного значения, то *imparfait* дает скорее презентацию (психологическое представление) действия. При сопоставлении *imparfait/passé simple* выступают те различия, которые можно выразить значениями целостность/непрерывность, однако эти авторы особое и пристальное внимание уделяют форме *imparfait*, считая, что ей принадлежит роль психологического представления действия.

Ж. и Р. Ле Бидуа также подчеркивает свойство *imparfait* представлять непрерывность действия, считая, что специфика данной формы состоит в выражении линейности действия, а *passé simple* – в точности:

Le père Lastigue qui *tenait* la barre et l'écoute, *buvait* un coup de temps en temps à même bouteille cachée sous son banc, et il *fumait* sans repos, son moignon de pipe qui *semblait* inextinguible. Il en *sortait* toujours un mince filet de fumée bleue tandis qu'un autre tout pareil *s'échappait* du coin de sa bouche. Et on ne *voyait* jamais le matelot rallumer le fourneau de terre plus noir que l'ébène, ou le remplir de tabac. Quelquefois il le *prenait* d'une main, l'ôtait de ses lèvres, et du même coin d'où sortait la fumée *lançait* à la mer un long jet de salive brune. [Maupassant, 2005, p. 42]. – Никто *не говорил*. Дядя Лястик, управляя рулем и шкотом, время от времени *потягивал* из бутылки, спрятанной под его скамьей, и без усталости *курил* огрызок трубки, казавшейся неугасимой. Из нее постоянно *выходила* тонкая струйка синего дыма, между тем как другая такая же струя *сочилась* из угла его рта. Никто и никогда *не видел*, чтобы матрос набивал табаком или разжигал эту свою глиняную печурку, которая была чернее черного дерева. Иногда он *вынимал* ее изо рта, сплевывая в море тем самым углом губ, из которого выходил дым, длинную струю темной слюны [Мопассан, 2006, с. 41].

Elle *compta* six milles et quatre cents francs et les *mit* tranquillement dans sa poche [Maupassant, 2005, p. 18]. – Она *сосчитала* деньги – шесть тысяч четыреста франков – и спокойно *положила* их в карман [Мопассан, 2006, с. 14].

Le portefeuille *tomba*, *s'ouvrit*. De l'or et des billets de banque *s'éparpillèrent* dans la calèche. Elle *s'éveilla* tout à fait; et la gaieté de sa fille *partit* en une fusée de rires [Maupassant, 2005, p. 18]. – Бумажник *упал и раскрылся*. Золото и банковские билеты *рассыпались* по полу кареты.

Баронесса совсем *проснулась*, а веселое настроение дочери *проявилось* во взрыве хохота [Мопассан, 2006, с. 13].

Следующие примеры иллюстрируют специфические значения форм *imparfait/passé simple*, которые могут быть определены как значения сомкнутость/процессность:

Il *avait* maintenant un grand amour pour la culture de la terre; et tous trois plantaient des jeunes arbres au printemps, semaient des graines dont l'éclosion et la poussée les passionnaient, taillaient des branches, coupaient des fleurs, pour faire des bouquets [Maupassant, 2005, p. 203]. – У них *появилась* теперь страсть к садовничеству, и все трое сажали весной молодые деревья, сеяли семена, прорастание которых приводило их в восторг, обрезывали сухие ветки, срезали цветы для букетов [Мопассан, 2006, с. 239].

Caravan, confus, *se taisait*, quand la petite bonne se précipita pour annoncer le dîner [Maupassant, 1974, p. 68]. – Смущенный Караван *промолчал*; в эту минуту вошла служанка и доложила, что обед подан [Maupassant, 1978, p. 89].

La mère Sauvage *continua* son existence ordinaire dans sa chaumière, qui fut bientôt couverte par les neiges [Maupassant, 1974, p. 225]. – Старуха Соваж *продолжала вести* обычную жизнь в своем домике, который вскоре замело снегом [Мопассан, 1978, с. 170].

Elle *connut* les gros travaux du ménage... Elle *lava* la vaisselle, elle *savonna* le linge sale, les chemises, et les torchons... Elle *descendit* à la rue, chaque matin, les ordures, elle monta l'eau... Et cette vie *dura* dix ans [Maupassant, 1974, p. 221]. – Она *узнала* тяжелый домашний труд, ненавистную кухонную возню. Она *мыла* посуду, она *стирала* белье, рубашки, полотенца... Каждое утро *выносила* на улицу сор, таскала воду. Такая жизнь *продолжалась* десять лет [Мопассан, 1978, с. 192].

Elle *demeura une seconde* immobile dans l'effarement de cette découverte [Maupassant, 2005, p. 117]. – *Секунду* она *стояла* неподвижно, пораженная своим открытием [Мопассан, 2006, с. 132].

Goriot *garda* le silence *pendant un moment* en paraissant faire tous ses efforts pour rassembler ses forces afin de supporter la douleur [Balzac, 2000, p. 217]. – *С минуту* Горио *молчал*, видимо, изо всех сил стараясь преодолеть боль [Бальзак, 1998, с. 587]. В двух последних примерах, несмотря на указание ограниченности действия во французском предложении («*une seconde*», «*pendant un moment*»), что обычно

переводится в русском языке совершенным видом, в данном случае имеет место глагольная форма несовершенного вида.

Tandis qu'il *promenait* un regard assez indifférent sur l'auditoire, le tumulte *redoublait* [Hugo, 2006, p. 35]. – Пока он *окидывал* довольно равнодушным взглядом толпу, всеобщее возбуждение *усилилось* [Гюго, 1976, с. 28]. В данном примере две французские глагольные формы *imparfait* на русский язык переведены несовершенным и совершенным видом.

Эти и подобные примеры подтверждают правоту тех французских грамматистов, которые видят специфику форм *imparfait/passé simple* в выражении видовых различий: «Il ne faudrait pas en conclure que la différence entre ces deux tiroirs fût purement chronologique, le *su* étant affecté à l'expression des événements instantanés, le *saviez* à celle des phénomènes ayant un déroulement plus long. La véritable différence est une différence psychologique, une différence dans la présentation des faits » [Damourette et Pichon, t. 5, p. 219].

«Ces réflexions nous amènent à dire un mot d'un emploi assez récent de l'imparfait, non plus pour indiquer une action inachevée, mais au contraire pour marquer une action unique, complètement terminée» [Le Bidois, t. 1, p. 427].

Вопрос о категории вида тесно связан с вопросом о способе действия (*mode d'action*). Способ действия не рассматривается как категория грамматическая, а как способность некоторых глаголов выражать различные семантические оттенки характера протекания действия, другими словами – как категория семантическая.

Некоторые лингвисты признают также характер действия.

Вопрос о соотношении способа и характера действия спорен, в данной статье он не поднимается, способ же действия признается всеми грамматистами.

В русском языке способ действия имеет формальное значение.

Различаются следующие значения способа действия:

1. Начинательность (формальное выражение – приставки **за-**, **по-**, **вз-**, **вс-**, **воз-**, например: *запеть*, *взбушеваться*, *поплыть*, *закурить* и др.);

2. Эволютивность (формальное выражение – приставка **рас-**, например: *рассмеяться*, *разгореться*, *разболтаться*);

3. Повторяемость (формальное выражение – приставка **рас-**, суффикс **-ива**, **-ыва**, например: *расхаживать*, *покуривать*, *насвистывать*);

4. Законченность (формальное выражение – приставки **от-**, **про-**, например: *пробормотать*, *пробить*, *отработать*);

5. Мгновенность / однократность (формальное выражение – суффикс **-ну**, например: *боднуть*, *кольнуть* *чихнуть*);

6. Многократность (формальное выражение – суффикс **-ива**, **-ыва**, **-а**, например: *мигать*, *толкать*, *хаживать*, *бывать*).

Вопрос о способе действия очень спорный. Ряд грамматистов рассматривают эти значения как видовые, т.е. как грамматические. Однако, если мы сравним глаголы видовой пары: *простить* / *прощать*, то в них не наблюдается изменение лексического значения, оно остается тем же. Иная картина в глаголах, выражающих способ действия: внесение суффикса или приставки привносит новое значение, которое отличается от исходного – *резать* – это не то же самое что *надрезать*, *перерезать*, *отрезать* и т.д. Кроме того, глаголы выражающие способ действия не имеют видовой пары (например, *крикнуть* – это не то же, что *кричать*).

Во французском языке существуют глаголы, выражающие способы действия. Однако это находит выражение не при помощи приставок и суффиксов, как в русском языке, а другими средствами: синтаксическими конструкциями, наречиями, наречными оборотами, словообразовательно, иногда при помощи временных форм.

Суффикс **-ill** принимает участие в передаче способа действия многократности: *sautiller*, *mordiller*.

Префиксы во французском языке не могут передать значение способов действия.

Существуют следующие средства для передачи способа действия во французском языке:

1. Обороты *se prendre à*, *partir à*, *commencer à*, *se mettre à*, кроме того обороты *se fut*, *il y eut*, а также исторический инфинитив. Эти средства выражают **начинательное (инхоативное) значение**.

2. Обороты *être en train de*, *en voie de*, глаголы *cesser de*, *finir de* (в отрицательной форме), глагол *aller* + *gérondif*, повторение глагола, выражения *de plus en plus*, *de moins en moins*. Данные средства употребляются для **выражения эволютивности (нарастающего действия)**.

3. Временная форма *imparfait*, наречия *longtemps, toujours, sans fin* и др., глагол *rester à* выражают **длительность**.

4. Временная форма *passé antérieur*, наречия *soudain, subitement, tout à coup, à l'instant* и др. могут выразить мгновенность действия.

5. Для выражения оттенка **многократности / повторяемости действия** используется временная форма *passé simple*, аффиксальные образования – глаголы с суффиксами *-iller (sautiller), -ailler (tirailleur), -oter (clignoter), -onner (mâchonner)*.

Таким образом, во французском языке обозначение способа действия иное, чем в русском языке. Выражение способа действия во французском языке не морфологизованно, т.е. не имеет единой системы форм. Способ действия выражается лексическими, синтаксическими, словообразовательными средствами. В русском языке выражение способа действия в значительной мере морфологизовано.

Относительно передачи видовых значений глагольных форм прошедшего времени с французского языка на русский язык можно сказать следующее.

– Формы времени *passé simple* не всегда выражаются посредством форм совершенного вида. Так же нет полного соответствия в переводе форм *imparfait* формами несовершенного вида.

Безусловно, формы *imparfait* выражают значение несовершенного вида, но этим значением обладают сами формы *imparfait*. Оно не возникает из контекста. Формы *imparfait* имеют значение непрерывности действия, процессности, но в контексте они приобретают дополнительные грамматические оттенки.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Учпедгиз, 1947. 497 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 58 с.
3. Бальзак де О. Сцены частной жизни / пер. с фр. Е. Корша. М.: Вече, 1998. 624 с.
4. Бондарко А. В. Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. 277 с.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
6. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.

7. Гюго В. Собор Парижской Богоматери / пер. с фр. Н. Когана. М.: Худож. лит., 1976. 429 с.
8. Мопассан де Г. Жизнь / пер. с фр. А. Чеботаревской. М.: Мир книги, 2006. 448 с.
9. Мопассан де Г. Новеллы / пер. с фр. А. Чеботаревской. М.: Худож. лит., 1978. 301 с.
10. Balzac de H. Le père Goriot. Paris: Classiques universels, 2000. 236 p.
11. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. Paris: Picard, 1935. Т. 1–2. 793 p.
12. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire française. Paris: Artrey, 1970. Т. 1–6.
13. Hugo V. Notre-Dame de Paris. Paris: Edition de la Seine, 2006. 590 p.
14. Maupassant de G. Une vie. Paris: Maxi-Livres, 2005. 255 p.
15. Maupassant de G. Contes et nouvelles choisis. М.: Edition de Progrès Moscou, 1974. 335 p.

Серебрякова Е.В.

Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)

Эвфемизмы в политическом дискурсе немецкоязычных СМИ

Аннотация: Статья посвящена анализу создания и функционирования эвфемизмов в политическом дискурсе на материале немецкоязычных газет и журналов. Автор описывает основные способы эвфемизации речи, целью которой является создания положительного образа проводимого политического курса и соблюдения политической корректности.

Ключевые слова: эвфемизм, политика, дискурс, масс-медиа.

E. Serebryakova

State Social and Humanitarian University (Kolomna)

Euphemisms in political discourse of German media

Abstract. The paper analyzes the creation and functioning of euphemisms in political discourse of German newspapers and magazines. The main ways of euphemization whose purpose is to create a positive image of political discourse and compliance with political correctness are described.

Keywords: euphemism, policy, discourse, media.

На вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» многие из нас ответят, наверное, отрицательно. Но это совсем не значит, что политика не интересуется нами. Любой человек, живущий в обществе, в той или иной степени оказывается причастным к тому, что происходит вокруг него. В

20 веке с появлением новых технологий политика перестала быть искусством определенного социального класса. Средства массовой коммуникации вывели ее на новый уровень: из залов заседаний правительств и партий в дома простых обывателей. Основным инструментом политиков в достижении целей остался при этом язык, призванный овладевать умами, изобличать врагов и сглаживать недостатки собственных политических шагов.

Коммуникация между отправителем и воспринимающим происходит в рамках политического дискурса, который понимается нами широко вслед за Е.И. Шейгал как «любые включая в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения» [8]. Полевой подход к анализу структуры политического дискурса позволил автору выявить сферы его соприкосновения с другими разновидностями институционального дискурса (научным, педагогическим, юридическим, религиозным и др.), а также с неинституциональными формами общения (художественный и бытовой дискурсы). Е. И. Шейгал подчеркивает особую роль дискурса масс-медиа в существовании политического дискурса, который является в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом масс-медиа [8].

В рамках политической лингвистики в данной статье мы выбрали семантическое направление, ориентированное на выявление того, как проявляются политические представления в самых простых языковых средствах. Мы разделяем мнения Р. М. Блакара, который метко подмечает, что «Каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком. Таким образом, восприятие и понимание, рождающееся у получателя, зависит от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель. В действительности именно эта игра с различными компонентами слова и происходящими с ним процессами всегда эксплуатируются в риторике, политической демагогии, а также в поэзии» [2, с. 97].

В политической литературе выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти, для структурирования той «действительности», о которой идет речь [2, с. 103]. При формировании

общественного мнения в политике часто приходится придерживаться принципа политической корректности (political correctness), чтобы не стать мишенью для упреков и сомнений в правильности принятых решений. И тогда на помощь приходят эвфемизмы.

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой эвфемизмы описывают как «слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему грубыми, неприличными» [1, с. 259]. Согласно словарю Ожегова «эвфемизм – это слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное, напр. «уснул последним сном» вместо «умер»» [5, с. 304].

«Эвфемизм – нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений» [3, с. 28].

Таким образом, мы можем обобщить всё вышеизложенное, на основе которого формируется следующее понимание эвфемизма. Эвфемизм – это, прежде всего, стилистический процесс, который ослабляет действие некорректных выражений в разговоре. Первоначально эвфемизм встречался в виде табу, которое можно рассматривать как синоним в определенных языковых ситуациях.

Табу имело много значений и описывалось следующим образом:

1. Табу – запрет в области речи, который связан с различными областями жизнедеятельности людей.
2. Табу – языковое понятие, относящиеся к определенному этносу.
3. Табу – запрет, появившийся в связи с развитием социума на различных уровнях просвещения человечества.

Во всех языках присутствует в большей или меньшей степени использование табу. При этом А. А. Реформатский в статье «Табу и эвфемизмы» описывает тесную связь этих явлений. «Для замены табу-слов, нужны другие слова-эвфемизмы. Эвфемизмы – замененные разрешенные слова, которые употребляются вместо запрещенных слов и выражений» [6, с.72].

Исторически эвфемизм являлся смягчающим выражением, но сегодня данное стилистическое средство – это более емкое понятие, межотраслевой феномен, который охватывает социальные и

психологические условия слушателя, зрителя, а также говорящего и представляющего.

На наш взгляд, определение Теодора Левандовски наиболее точно отражает все аспекты функционирования эвфемизма в современном языке: «Euphemismus (...): Bedeutungsverhüllung, Form der höflichen Umschreibung; verhüllende Beschreibungen mildernder oder beschönigender Art, z.B. Er ist stark geworden für dick geworden; vollschlank, ein älterer Herr, entschlafen, in anderen Umständen sein.

Die Treibkräfte des E. sind psychologischer, vor allem gesellschaftlicher Art. Unterschiedliche soziale Stellung, religiöse oder ideologische Gebundenheit führen zu emotionalen Haltungen, die sich in bestimmten Wortgebungen manifestieren. Bestimmte soziale Bewertungen werden nahegelegt durch *Dienstmädchen-Hausangestellte, Putzfrau-Raumpflegerin*.

Der E. spielt in der politischen und kommerziellen Sprachlenkung eine wichtige Rolle, z.B. *Arbeitgeber- Arbeitnehmer*» [9].

При анализе политического дискурса, который мы провели на материале авторитетных немецкоязычных газет и журналов в разделе «Politik», можно выделить самые явные способы образования эвфемизмов:

- Метафорический перенос – самый эффективный способ создания положительного восприятия, ведь метафора всегда помогает украсить образ, делает его ярче, приятнее, преподносит его таким образом, что порой исходное понимание слова или выражения уходит на второй план. «Метафорический перенос, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой сложную мыслительную операцию, состоящую в том, чтобы абстрагировать какой-либо признак от одного предмета и увидеть его в другом» [7]. Основным положением, относящимся к данному явлению, относится подобие явлений и объектов. Метафорический перенос ограничен сравнением явлений, и поэтому получившееся значение слова является итогом ассоциативных связей. Данный перенос осуществляется на базе подобия наружных или внутренних качеств: форма, цвет, функции и т.д. Например, *Eiserner Vorhang, der Dollar wurde schwach, Feld der Ehre, im Felde stehen, Kristallnacht*.

Еще одним примером метафорического эвфемизма может стать слово «liquidieren – ликвидировать». Изначально это понятие относилось к экономической сфере и означало «расторгать сделку, ликвидировать предприятие». В политическом языке оно стало синонимом глагола «töten -

убивать»: *Fares al-Schehabi, ein Abgeordneter des syrischen Parlaments, rief zur Exekution aller verbliebenen "Militanten" in Aleppo auf. "Die Rebellen haben die Abmachung gebrochen", sagte er der dpa. "Wir hoffen, dass wir sie (die Rebellen) jetzt endgültig liquidieren können." (SZ, 14.12.2016)*

- Заимствование – способ образования слова или высказывания с целью понимания внутреннего значения, не того, что лежит на поверхности. «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Обычно заимствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты. Заимствование звуков и словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов. Заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа» [4, с. 38]. Главной причиной преемственности лексики из другого языка считается отсутствие подходящего слова в лексиконе носителя определенного языка. Заимствованные эвфемизмы встречаются в современных реалиях ввиду коммуникации людей из разных стран, в нашем случае России и Германии, например, *der European Way of Life, ein gesellschaftspolitischer Rollback, Gender Mainstreaming, Good Governance* и т.д.

Так анализируя миграционный кризис в Европе авторы статьи, говоря о защите границ от нелегальных мигрантов, выражают эту мысль следующим образом: „*In Fragen der Migrationskrise brauchen wir eine massive Verstärkung und Erweiterung des europäischen Grenz- und Küstenschutzes, damit er unsere Außengrenzen effektiv managt und schützt. Wir wollen damit den Schützbedürftigen helfen, aber auch die irreguläre Migration stoppen*“ (Focus, 28.01.2017).

- Перифраза – изменение понятия для того, чтобы пояснить его через эвфемизм, например, *Personen mit Psychiatrieerfahrung*. Перифраза – это стилистическая фигура, которая служит для замены простого описания действия или предмета развернутым ярким выражением. Как и все другие стилистические средства в языке, перифраза обладает своими функциями и задачами, которые сходны с функциями эвфемизмов, представляя собой базовую схему их создания; вид тропов, который заменяет названия

предметов приукрашенным оборотом с акцентом на важные характеристики описываемого явления. Перифраза бывает языковой, речевой, логической и имеет функцию эвфемизации слова или выражения, например, *Ex-Kanzler, eine hochabnorme Persönlichkeit, die Nach-Merkel-Ära u m.ö.*

- Имена существительные с общим смыслом: замена прямого наименования существительными типа *Aktivitäten, Angelegenheit, Ding, Problem, Sache, Situation, Zeug*. Например, выступая на конференции по климату в Бонне, Ангела Меркель подчеркивает: „*Deutschland und die anderen Industriestaaten stünden in der Verantwortung dafür, "dass sich die Dinge ändern", da sie am meisten der für das Klima schädlichen Gase produzieren.*“ (SZ, 11.11.2017)

- Сокращение и его подвид аббревиация, т.е. слова, которые образованы путем максимального сокращения слова и которые также читаются по алфавитному названию заглавных букв или по звукам этих слов, что входят в него. Существительное, образованное из усеченных отрезков слов, из таких же отрезков в сочетании с целым словом, а также из начальных звуков слов или названий их начальных букв (например, вуз, АТС, МХАТ, ФРГ), сложносокращенное слово [5, с. 79].

Когда мы используем сокращения, на передний план выходит соединяющая связь между двумя формами: полной и сокращенной, например, «HIV» – human immunodeficiency virus - вирус иммунодефицита человека, «IS» – исламское государство, боевики, убийцы.

При сокращении имеет место ассоциативная связь между полной и сокращенной формой: «homo» – homosexuell «гомосексуальный», «das Z» – «das Zuchthaus» «тюрьма», однако сокращенные формы звучат не так устрашающе.

„*Frank Bajohr, der das Zentrum für Holocaust-Studien am ifz leitet, hält dies für wichtig. Schließlich seien hier auch wichtige historische Erinnerungsorte wie die KZ Gedenkstätte in Dachau oder auch das NS-Dokuzentrum*“ (SZ, 9, 11, 2017)

Итак, в нашей работе мы рассмотрели лишь основные способы создания и функционирования эвфемизмов в языке политики. Интересным является также анализ фразеологизмов и их восприятие аудиторией, особенно в языке конкретных политиков.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в современном мире в эпоху постоянных военных конфликтов, и как следствие

«информационных войн» и политической агрессии, где СМИ являются основным оружием, эвфемизация речи стала просто необходима политическим силам, так как помогает им более эффективно влиять на сознание адресата, поскольку известно, что любая новизна содержания и формы вызывает кроме заинтересованности еще и желание стать сторонником автора политического текста.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов/ О. С. Ахманова. 2-е изд. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 608 с.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи./Л. П. Крысин. М.: Русистика, 1994, № 1–2. 349 с.
4. Лотте Д. С. Вопросы заимствования в упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов./Д. С. Лотте. М.: Наука, 1982. 288 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова/ по ред. доктора филологических наук, профессора Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС, мир и образование, 2009. 418 с.
6. Реформатский А. А. Введение в языкознание./ /Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
7. Самарин А. В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках // Современные проблемы науки и образования. [Электронный ресурс]. 2012. № 3 URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6130>
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ...д-ра фил. наук/ Е. И. Шейгал. [Электронный ресурс]. Волгоград, 2000. URL: <http://cheloveknauka.com/semiotika-politicheskogo-diskursa>
9. Zöllner, Nicole (1997): Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen. [Электронный ресурс] Frankfurt/Main: Lang. URL:https://www.kuwi.europa-uni.de/de/lehrstuhl/sw/sw2/forschung/tabu/weterfuehrende_informationen/studentische_arbeiten/Euphemismen_Politik.pdf
10. www.focus.de
11. www.sueddeutsche.de.

Сидорова Н.А., Харченко В.А.

Военный университет Министерства обороны РФ (Москва)

Исследования текстовой семантики: диахронический аспект

Аннотация. Автор статьи предлагает исторический обзор взглядов на проблему описания существа текста. Описываются направления исследований по семантике текста: от содержательного взгляда на текст, описания структуры текста, исследования поверхностных уровней текста до актуального на сегодняшний день описания в свете коммуникативной природы текста.

Ключевые слова: текст, существо, семантика, коммуникативная природа текста.

N. Sidorova, V. Kharchenko

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
(Moscow)*

Study of text semantics: diachronic approach

Abstract. A historical overview on the problem of the description of the text substance is presented. The research areas in the semantics of the text are described: meaningful glance at the text, description of the text structure, studies in the surface levels of the text, and up-to-date description in the aspect of the communicative nature of the text.

Keywords: text, substance, semantics, communicative nature of the text.

Исследования речевой коммуникации всегда предполагают изучение взаимодействия коммуникантов и воплощенное взаимодействие коммуникантов, которое возможно только в тексте и только через текст. Причем текст на самом деле обеспечивает «жизнь» речевой коммуникации, т.к. обеспечивает взаимосвязь языка как системы и языковой способности человека.

Проблемой описания языковых единиц и категорий занимались еще ученые античности, рассматривая три важнейшие стороны языка – семантику, синтаксис и прагматику. Однако долгое время, вплоть до наших дней, главной проблемой исследования и понимания текста является механизм формирования связного высказывания и механизм его восприятия и понимания.

В середине 20 века оформилось несколько направлений исследующих текст: исследования поверхностных уровней текста (речевого высказывания), изучение содержательной стороны текста, описание структуры текста. Оказывается очевидным, что текст – не линейная последовательность языковых элементов, а целостность, имеющая свои специфические интегративные характеристики. Вводится

понятие «грамматика текста», объединяющее работы, в которых тексту присваивается статус языковой единицы. Известны попытки определить место лексических средств связности в системе всех текстообразующих факторов [Фивегер, Москальская, Вейхман, Красных 2005, Уржа 20017, Crystal, Hopper].

Однако исследования подобного рода лишь выявили и в основном описали лексико-грамматические средства связности текста. Вскоре выяснилось, что существующие описания не дают возможности создания модели семантической целостности текста только на основе системы этих средств. Все это привело к тому, что в последнее время они стали рассматриваться как одна составляющая всей совокупности текстообразующих факторов.

В рамках исследования семантики текста была предложена модель организации целостной семантической структуры текста [Гак, Николаева, Новиков; Колшанский, Белоусов, Гальперин], что частично объясняет выявленную системность текста на семантическом уровне, но будучи лишь одной из форм проявления смысловой структуры текста, семантическая структура не может объяснить системность других уровней текста и слабо связана с ними.

С начала 60-х годов всё большее внимание исследователей начинают привлекать так называемые глубинные уровни организации текста, что привело к появлению большого количества работ, в которых осуществляется попытка построить модель смысловой целостности на основании выявляемых «глубинных» характеристик текста. Так появилась теория кореференции, в основе которой лежит понятие структурно-семантической или функционально – семантической эквивалентности.

Безусловно, данное семантическое направление обогатило лингвистику исследованиями, расширившими представления о референциально-денотативной стороне языковых единиц, показавшими наличие «в тексте» своеобразной семантической системы, которая понимается как определённым образом сопряжённая совокупность семантических полей, определяющих структуру смысловых связей. Чаще всего это предполагает выделение в тексте эквивалентных или близких лексем, рассматриваемых как основа обеспечения связности текста, что трактовалось как способ построения его смысловой структуры. Исследователи этого направления склоняются к мысли, что закономерности функционирования текста, признаки его связности

следует прежде всего искать в области его семантики, смысла, а не грамматики. По мнению Г. В. Колшанского, «построение текста обусловлено прежде всего закономерностями смысловых связей, логикой развития мысли, а не грамматическими формами» [3, с. 78].

Исследования данного направления в большинстве своём опираются на презумпцию существования некоторых заранее данных лексико-понятийных или предметно-ситуативных семантических полей, которые определённым образом сочетаются в линейные образования. Понятие референтной эквивалентности в результате усилий учёных разных стран было развито в теорию кореференции, которая в настоящее время является краеугольным камнем большинства семантических теорий структуры текста [Далек, Хинтиikka, Калашникова, Счастливец].

Параллельно с семантическим направлением продолжает развиваться структурное направление, восходящее к идеям Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Р. Якобсона. Это направление поставило в центр своих исследований структуры частей и элементов текста.

В результате дифференциации определённых сегментов текста по заданному извне абстрактному основанию определённый отрезок текста делится на две части – группу того, что сообщается (рему) и группу того, о чём сообщается (тему). Основная заслуга в разработке подхода актуального членения принадлежит учёным Пражской школы функциональной лингвистики, которые первыми применили его к исследованию структуры отдельного предложения [Скаличка, Адамец, Матезиус]. В целях экспликации динамического характера актуального членения Я. Фирбас ввёл понятие «функциональной перспективы предложения», что сделало возможным переход от анализа отдельного предложения к анализу всего текста с позиций теории актуального членения [Николаева, Болотова, Москальская, Слюсарева, Хэллидей, Валгина 2004, Чернявская В.Е. и др.]. Выдвигается теория сверхфразового единства, которое рассматривается как минимальная единица связной речи, т.е. текста [Серкова, Гальперин 2014, Бабенко, Родионова].

Исследователи, разделяющие идею функционального анализа («функциональной перспективы») стремятся определить отношения между структурой элементов и частей текста и его смысловой структурой посредством введения единой структурной единицы.

Сильной стороной подхода является факт осознания различия между структурой текста и формой её проявления. Несомненным достижением

является введение понятия функции. Но, однако, понятие функции не рассматривается как способ связи текста с речевой деятельностью.

В работах этого направления рассмотрение сверхфразового единства проходит в сопоставлении его с другими единицами и стилистическими понятиями, напр., предложение, абзац [Солганик, Южина, Артамонов, Валгина 2004, Бабенко, Болотнова]. С одной стороны все без исключения исследователи этого направления отмечают трудность выделения границ структурной единицы текста, с другой стороны – необходимость такого выделения. Возникает до некоторой степени парадоксальная ситуация: единицей провозглашается некий аморфный отрезок текста, не имеющий границ, т.к. сверхфразовым единством предлагается считать смысловое единое любого объёма, начиная с двух предложений и кончая любым произведением большой формы [2].

В результате построения различных подходов к исследованию смысловой структуры текста, разработанных с позиций традиционной лингвистики, были вскрыты закономерности проявления смыслового целого текста на различных уровнях – синтаксическом, семантическом, функциональном, а также характер и способы объективации в тексте структуры исходной мысли, предметных отношений и средств, формирующих прагматический аспект текста.

При всём различии акцентов исследования в вышеупомянутых лингвистических направлениях, у них замечается общий подход к объекту исследования – тексту: текст рассматривается как самостоятельная целостность, исследуемая «изнутри», что естественно не могло привести к выявлению сущностных характеристик смысловой целостности, но недостаточном внимании к «внешнему» аспекту, при котором требуется исследовать текст в тесной взаимосвязи с механизмом его порождения, и, может быть, в тесной взаимосвязи с механизмом его восприятия и понимания. Следует обратить внимание, что значимость этой стороны при исследовании семантики текста нередко недооценивается [5], и необходим выход за рамки текста и включения его в психологический контекст речевой деятельности и трактовки его как составляющей этой деятельности. В связи с этим текст рассматривается как необходимое звено коммуникативного процесса, в котором совокупно-координационно реализуются коммуникативные деятельности говорящего и реципиента. Поддерживая идеи профессора Е. В. Сидорова, мы расцениваем природу

текста как коммуникативную, следовательно, семантику текста следует искать в коммуникативной природе текста.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Единицы текста – высказывание и сверхфразовое единство // Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2004.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014.
3. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.
4. Красных В. В. Комплексный психолингвистический анализ текста // Личность в пространстве языка и культуры: Юбилейный сборник. Краснодар: Кубанский университет, 2005.
5. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
6. Уржа А. В. Грамматика текста. М.: Флинта, 2011.

Сидорова Н.А., Смерчинская А.А.

Военный университет министерства обороны РФ (Москва)

Прагматика пресуппозиций в речевой коммуникации

Аннотация. Статья посвящена исследованию пресуппозиции как особого прагматического аспекта дискурса, коррелирующего с феноменом имплицитных теорий диалогического общения. На основании полученных результатов устанавливается, что феномен пресуппозиции является своеобразным регулятором совместной деятельности участников коммуникативного процесса по производству и восприятию текста и непосредственным образом соотносится с имплицитными теориями диалогического общения.

Ключевые слова: пресуппозиции; имплицитные теории диалогического общения; диалогический дискурс; речевая коммуникация.

N. Sidorova, A. Smerchinskaya

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
(Moscow)*

Pragmatic Presuppositions through Communication

Abstract. The paper studies presuppositions as a specific pragmatic aspect of discourse that correlates with the phenomenon of implicit theories of dialogue communication. Using the obtained results it is found that the phenomenon of presuppositions is a regulator of joint activity of participants of the communication process for the production and perception of a text that is directly related to implicit theories of dialogue communication.

Keywords: presuppositions; implicit theories of dialogue communication; dialogue discourse; speech communication.

Уже на протяжении долгого времени не ослабевают интерес к теории пресуппозиций. Она представляет особую ценность для прагматического анализа как текста, так и всего дискурса во всем его объеме и во всех значениях. В реальном общении коммуниканты довольно часто прибегают не к прямым и точным формулировкам, их вербальные реакции на сказанное могут быть неадекватно истолкованы. Именно благодаря введению в лингвистические исследования прагматического аспекта стало возможным рассматривать феномен пресуппозиции как необходимый при изучении условий, которые должны быть удовлетворены до того, как предложение может быть использовано в какой-либо коммуникативной функции» [2: с. 260]. Данное явление в лингвистике рассматриваются как ментальные образования, которые мы вслед за известным исследователем пресуппозиций Ч. Филлмором охарактеризуем как условия, создающие возможность «соответствия содержания высказывания условиям внеязыковой ситуации... до удовлетворения условиям, не связанным с содержанием высказывания, но необходимым для осуществления речевого акта» [2: с. 260].

Как известно, успешность коммуникации зависит от общих знаний участников диалога. В речевом общении говорящий вербализирует свой замысел в форме речевых высказываний. Речевое взаимодействие может быть эффективным в том случае, если слушающий адекватно воспринимает тексты говорящего: «Смысловая объемность диалогического дискурса образуется на базе пропозиционального содержания высказываний, образующих реплики, и прирастает с помощью имплицитных составляющих – пресуппозиций и импликаций» [6: с. 477]. Таким образом, необходимо признать наличие пресуппозиционного фонда у участников коммуникации.

Ряд ученых, рассматривая данный феномен, называют его фоном общих знаний; однако в рамках настоящего исследования становится важным придать явлению пресуппозиции особый статус – регулятора совместной деятельности участников коммуникативного процесса по порождению и восприятию текста. Феномен пресуппозиции играет важную роль в процессе знаковой координации деятельности коммуникантов и является немаловажной частью исследования

организации диалогического дискурса с актуализацией элементов имплицитных теорий диалогического общения.

Прежде всего, необходимо отметить, что пресуппозиция содержит информацию, которая часто открытым текстом не передается. По мнению И. М. Кобозевой: «разнообразие разновидностей имплицитной информации увеличится, если от изолированных от контекста предложений перейти к высказываниям в дискурсе» [3: с. 215]. Следовательно, для анализа речевых произведений диалогического дискурса важно, чтобы носителем пресуппозиций являлся не только говорящий, но и реципиент. Мы полагаем, что большее внимание следует уделить прагматическому аспекту исследования данного феномена. Известны три подхода к определению прагматической сущности пресуппозиций:

- 1) связь прагматической пресуппозиции с представлениями говорящего о контексте;
- 2) связь прагматической пресуппозиции с представлениями слушающего о контексте;
- 3) связь с понятием общих или фоновых знаний;
- 4) соотнесение категории пресуппозиции с условиями уместности и успешности высказывания.

Как известно, Р. С. Столнейкер предлагает рассматривать пресуппозицию как «пропозициональную установку», субъектом которой может быть любой участник речевого контекста, будь то отдельно взятое лицо или группа лиц. Ее содержание, как правило, передается посредством пропозиции, которая представляет собой пресуппозицию в прагматическом смысле. Например, в случае если адресант уверен в истинности воспроизводимых им высказываний и предполагает, что в данном контексте они уместны и соответствуют представлениям других участников коммуникации. Их пресуппозиционный фонд определяется на основании речевого контекста (связного или несвязного), который состоит из вопросов, ответов и утверждений участников. Для успешного достижения взаимопонимания между коммуникантами крайне необходимо соответствие их пресуппозиционного фонда. То есть некая пропозиция является пресуппозицией в том случае, если так полагают все участники коммуникативного акта. Общие пресуппозиции участников речевой ситуации являются, возможно, самой важной составляющей контекста [7: с. 428].

Таким образом, мы можем предположить, что пресуппозиция – это конвенциональная имплицитная информация, которая формируется в сознании участников речевого контекста в виде пропозиций до начала вербализации внутренней речи во внешнюю и, со стороны реципиента, до начала восприятия и осознания текста. Пропозиции, как многие другие ментальные образования, имплицитны, т.е. они неявно подразумеваются, тем не менее принимают непосредственное участие в построении смыслового каркаса дискурса и обеспечении его связности. Следует добавить, что пресуппозиция обеспечивает условия успешности высказывания – любое несоответствие представлений коммуникантов ведет к коммуникативным неудачам.

На основании вышеизложенных положений, важно отметить, что пресуппозиции играют существенную роль в определении исхода речевой ситуации. В качестве примера рассмотрим следующее диалогическое высказывание с актуализацией элементов имплицитных теорий общения:

– Ты мне лжешь, Егор [8].

Данное высказывание возможно только при условии, что оба участника диалога допускают возможность лжи, а также допускают возможность актуализации элементов имплицитных теорий общения речевого поведения, связанных с ложью. Если говорящий уверен, что Егор лжет, это еще не делает эту уверенность пресуппозицией; он должен быть уверен в том, что и Егор допускает возможность утверждения, что он лжет, хотя при этом он может быть уверенным в том, что он не лжет. Негативная субъективная оценка речевого поведения партнера возможна на основе взаимно разделяемой участниками диалога пресуппозиции; тем самым она имеет не просто пресуппозиционное основание, а пресуппозиционно-интерактивное основание.

Феномен пресуппозиций в речевом общении тесно связан с применением принципа экономии в языке. Обратимся к умозаключениям Х. Фэ: «основу пресуппозиций составляют знания языка, мира, контекста и особенностей коммуникативных ситуаций: в конкретной речевой деятельности часть этих знаний актуализируется и становится пресуппозициями высказывания». [9: с. 400]. Проблема имплицитности имеет непосредственное отношение к области не проявленного знания в языке. В том случае, если участники в коммуникации имеют общие представления о контексте, пресуппозиции оказывают влияние на

формирование высказываний до их воспроизведения, исключая подробнейшего описания.

Пресуппозиции создают основу для восприятия имплицитно выраженного содержания при помощи различных языковых средств. Успешность общения, адекватное восприятие и понимание напрямую зависят от способности распознавать мир партнера по коммуникации, общность мировосприятия собеседников. Л. П. Якубинский называл это явление близостью апперцепционной базы говорящих [10, с. 19]. М. М. Бахтин определил это как апперцептивный фон восприятия речи [1, с. 292]. Пресуппозиция является той базой, которая дает возможность формировать мысли и выражать их различными языковыми средствами в зависимости от коммуникативного замысла говорящего.

Как уже было сказано выше, умение говорящего представить мир слушающего определяет успешность речевого общения и помогает соответствующим образом организовать свою речь. М. М. Бахтин описывает этот процесс следующим образом: «Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь все это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания. Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и наконец, выбор языковых средств, то есть стиль высказывания [1: с. 291]. Среди пресуппозиций, на которые опирается говорящий при построении высказывания в диалоге, имеются такие, которые соотносятся с представлениями о ценностях и оценках, свойственных партнеру по коммуникации, и о возможных оценочных способах интерпретации высказывания реципиентом. Например, в диалоге:

– Мне кажется, вы избрали неправильный способ выражения.

– Что за околесицу вы несете? [5].

Высказывание первого коммуниканта основано на представлении об оценках, свойственных партнеру по диалогу, в частности на допущении, что предложение «вы избрали правильный или неправильный способ выражения» будет понятно слушающему. Данное высказывание также основано на допущении определенного когнитивного способа его интерпретации слушающим, в частности, адекватной идентификации, содержащейся в нем негативной оценки.

Высказывание второго коммуниканта («Что за околесицу вы несете?») также основано на представлении об оценках, свойственных партнеру по диалогу, в частности на допущении, что выражение «нести околесицу» будет понятно слушающему.

Пресуппозиции, лежащие в основе употребления в диалоге выражений «избрать неправильный способ выражения», «нести околесицу» связаны со сферами с актуализацией элементов имплицитных теорий общения коммуникантов и имеют, явно субъективно-ценностный характер.

Интересно высказывание В. В. Красных по поводу сущности пресуппозиции, рассматриваемую как «зону пересечения когнитивных пространств коммуникантов, актуализирующейся в процессе коммуникации» [4: с. 180]. Действительно, приведенные выше реплики являются ярким примером «пересечения» областей с актуализацией элементов имплицитных теорий общения коммуникантов: они демонстрируют соотношение семантики и структуры диалогического высказывания не только с когнитивным опытом говорящего, но и с когнитивным опытом адресата.

Прагматический характер пропозиций Н.А. связывает с ценностным выбором субъектом коммуникации определенного вербального решения, именно смыслового. Это влечет за собой правильное или неправильное понимание текста и всей ситуации. Сообщения могут переноситься из одного контекста в другой, что и влияет на их смысл; они могут отсылать друг к другу, освещать друг друга, и часто самым необычным образом. Все это происходит по причине ценностных, а, следовательно, и культурных, временных и пространственных дистанций, либо сходства между ними» [6: с. 477].

По всей видимости, для пресуппозиций, связанных с правилами употребления высказываний с актуализацией элементов имплицитных теорий общения, существенно важен общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации. Для этого характерны следующие признаки: 1) знание конситуации, представление о ней; 2) знание контекста, т. е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; 3) понимание речи [4: с. 181].

Таким образом, употребление высказываний с актуализацией элементов имплицитных теорий общения в речи основывается на

пресуппозиционном фонде, имеющимся у коммуникантов. Среди пресуппозиций наблюдается особый класс, соотносящийся с актуализацией элементов имплицитных теорий общения. Его следует определять как пресуппозиции норм и правил общения, которые встречаются в процессе реализации моделей поведения, предпочтительных для данной речевой ситуации в определенном дискурсе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник. 2-е изд. М.: Флинта, Психолого-социальный институт, 2003. 232 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
5. Моэм С. Луна и грош [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/40038/42/Моэм_-_Luna_i_grosh.html (дата обращения: 10.11.2017).
6. Сидорова Н. А. Аксиологическое структурирование порождаемого дискурса. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов / Научный редактор В. З. Демьянков. М.: ТЕЗАУРУС, 2015. С. 476–479.
7. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Прагмалингвистика. М.: Прогресс, 1985. С.419–438.
8. Толстой А. Любовь [Электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/aleksej-tolstoj/tolstoj10014.shtml> (дата обращения: 10.11.2017).
9. Фэ Х. Семантика высказывания // НЗЛ. Вып. 16. М., 1985. С. 399–406.
10. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь/ Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. С.14–57.

Сиротин Д.В.

Международный институт менеджмента ЛИНК (Жуковский)

**Стратегия дискредитации в политическом дискурсе:
коммуникативный аспект**

Аннотация. В статье освещается коммуникативная сторона стратегии дискредитации в рамках политического дискурса. Акт дискредитации рассматривается как акт коммуникации, включающий в себя адресанта, адресата и его реакцию, а также лингвистический и экстралингвистический контекст.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия дискредитации, политический дискурс, коммуникативная модель.

D. Sirotin

International institute of management LINK (Zhukovsky)

Strategy of discrediting in political discourse: a communicative aspect

Abstract. The article overviews the communicative strategy of discrediting in the framework of political discourse. It presents the act of discrediting as a communicative act that includes addresser, addressee, addressee's reaction as well as linguistic and extralinguistic context.

Keywords: communicative strategy of discrediting, political discourse, communicative model.

Одним из наиболее актуальных направлений современной функциональной лингвистики является дискурс-анализ. Дискурс представляет собой, по Н.Д. Арутюновой, «речь, погруженную в жизнь» и включает в себя, помимо текстового сопровождения, экстралингвистические компоненты, жестикуляцию, социокультурные, психологические и другие факторы [9, с. 136–137]. В работах разных ученых дискурс трактуется по-разному; в некоторых подходах, например, не существует фактического разграничения между понятиями «текст» и «дискурс», в то время как большинство ученых эти понятия не только разграничивает, но и противопоставляет. Вслед за В.Н. Ярцевой, мы будем понимать под дискурсом образование динамичное, существующее в неразрывной связи с конкретной ситуацией [Там же]. Следовательно, текст, в отличие от дискурса, статичен и не обладает связью с какой-либо конкретной ситуацией. Отчасти поэтому дискурс-анализ неприменим, например, к древним текстам. Другое дело представляют собой тексты современные и особенно озвученные в конкретной обстановке, например, средства массовой информации или политические речи. В связи с этим принято говорить о разновидностях дискурса: дискурсе СМИ, новостном, политическом дискурсе и так далее. В этом случае понятие «дискурс»

синонимично понятию «жанр» (Т.А. ван Дейк использует термин “type” - «тип») [14, с. 195–196].

За последние несколько лет объектом пристального изучения является политический дискурс. Этому явлению дано несколько определений; приведем некоторые из них. По А.Н. Баранову и Е.В. Казакевичу, политический дискурс (далее – ПД) – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией [и] проверенных опытом» [2, с. 6]. Согласно В.А. Масловой, политический дискурс – центральное понятие политической лингвистики, особая разновидность дискурса, имеющая своей целью «завоевание и удержание политической власти» [10, с. 44]. Т.А. ван Дейк пишет, что ПД объединяет в себе все жанры, имеющие то или иное отношение к политике [14, с. 196]. На центральное место, которое занимает в политике данный тип дискурса, указывает А.В. Зайцев: «все элементы [...] политики [...] опосредованы политическим дискурсом и политической коммуникацией» [3, с. 63].

Очевидно, что в политической коммуникации чрезвычайно важно отстаивание собственной позиции. Труды, содержащие практические советы по построению политической речи, выходили еще в Античности [1; 12]. С точки же зрения современной лингвистики, исследователями подчеркивается наличие в политических выступлениях целого спектра коммуникативных стратегий и тактик. Под стратегией подразумевается «план осуществления чего-либо», а под тактикой - «конкретные способы реализации этого плана» [11, с. 129]. Необходимость употребления стратегий и тактик обуславливается тем, что, как справедливо отмечает О.С. Иссерс, «политические интересы требуют [...] положительной самопрезентации [и] разграничения “своих” и “чужих”» [5, с. 160].

Одной из наиболее часто употребляемых стратегий политического дискурса является стратегия дискредитации, направленная на умаление авторитета оппонента в глазах аудитории [8, с. 158]. В работах О.С. Иссерс [4; 5] подчеркивается коммуникативный характер данной стратегии. Другими учеными выделяется то, что стратегия носит субъектно-объектный характер (говорящий дискредитирует некое лицо, объект) [6–8] и осуществляется в рамках определенного политического контекста (предвыборная гонка в США, парламентские дебаты в Германии, выступление главы региона и т.п.) Так или иначе во всех работах анализировались языковые средства реализации данной стратегии.

Делались и некоторые обобщенные выводы относительно эффективности языковых средств, реализующих рассматриваемую стратегию. Итак, стратегия дискредитации реализуется в ходе политической коммуникации, следовательно, логично представить акт дискредитации (политического) оппонента в рамках модели коммуникации. Вообще, существует большое количество моделей коммуникации, самая ранняя из известных принадлежит Аристотелю. В дальнейшем, по мере развития теории коммуникации, были предложены другие модели, например, Г. Лассуэлла или Р. Якобсона [15, с. 25–26; 13, с. 198]. Перечисленные модели в принципе похожи, в каждой из них выделяются, например, адресант и адресат. Для нашей цели мы предлагаем изменить некоторые параметры, создав, таким образом, некую усредненную модель, с характеристиками, релевантными для акта дискредитации в политическом дискурсе (см. табл.)

Модель Аристотеля	Модель Р. Якобсона	Модель Г. Лассуэлла	Предлагаемая нами модель
Оратор	Адресант	Коммуникатор	Субъект дискредитации
Речь	-	Сообщение	Лингвистический контекст
Аудитория	Адресат	Коммуникант	Объект дискредитации
			Целевая аудитория
Эффект	-	Обратная связь	Реакция
Обстановка	Контекст	-	Экстралингвистический контекст
-	Код	-	-
-	Контакт	-	-
-	-	Канал передачи	-

Прокомментируем таблицу.

Субъект дискредитации. В современной лингвополитологической концепции зачастую на первое место фактически ставится языковая личность политика, особенности его идиодискурса (термин «идиодискурс» в функциональной лингвистике синонимичен термину «индивидуальный стиль»). Акцент делается на антропоцентрической парадигме, что делает чрезвычайно важным выделение субъекта дискредитации, особенностей языковых средств, характерных именно для него.

Лингвистический и экстралингвистический контекст. Как известно, лингвистический контекст (как вертикальный, так и горизонтальный) играет важную роль при восприятии текста: одно и то же слово, произнесенное в разных контекстах, может приобрести диаметрально

противоположное значение. Помимо языкового контекста, современные работы учитывают те обстоятельства, в рамках которых была употреблена дискредитация: на трибуне ООН, во время предвыборной кампании и так далее.

Объект дискредитации и целевая аудитория. В рамках рассмотренных нами коммуникативных моделей [13; 15] выделялся объект (реципиент), кому адресовано высказывание. Применительно к коммуникативной стратегии дискредитации мы посчитали необходимым расширить трактовку реципиента: дискредитация адресована, во-первых, некой целевой аудитории, и, во-вторых, непосредственно человеку, кого дискредитируют. Следовательно, выделение этих двух компонентов также представляется важным.

Реакция реципиента связана с параметром эффективности стратегии дискредитации. Если понижение авторитета осуществилось, то дискредитация может быть выполненной. Отметим, что в рамках лингвистического исследования без проведения эксперимента можно, пожалуй, только предсказать реакцию реципиента. Сделать это можно посредством анализа языковых средств, используемых для дискредитации. Вероятнее всего, наиболее эффективными будет употребление слов с коннотированной лексикой, метафор и стилистических приемов, усиливающих восприятие (например, повторов или синтаксических параллелизмов).

Остальные компоненты (код, контакт) не представляются релевантными для акта дискредитации и потому исключаются из рассматриваемой схемы. Так, например, контакт между выступающим и аудиторией в ситуации политической коммуникации присутствует практически всегда. Кодом выступает в подавляющем большинстве случаев естественный язык, следовательно, этот аспект тоже не имеет такого значения.

Итак, в данной статье мы рассмотрели понятия «дискурс» и «политический дискурс», перечислили отличительные характеристики политического дискурса как особого жанра, указали на наиболее часто употребляющуюся в политическом дискурсе стратегию дискредитации оппонента. Коммуникативный характер этой стратегии может быть наглядно представлен в некой усредненной модели коммуникации, адаптированной под особенности акта дискредитации как неотъемлемой черты политического дискурса.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика. Поэтика / пер. М. Платоновой. – М.: Директ-Медиа. –2000. – 224 с.
2. Баранов, А. Н., Казакевич, Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание. –1991. – 64 с.
3. Зайцев, А. В. Лингвополитология vs политическая лингвистика: возможен ли диалог? // *Litera*. – 2012. – С. 25–81.
4. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // *Вестник Омского университета*. – 1997. – С. 51–54.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ. –2012. – 288 с.
6. Карякин, А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 2. – С. 163–167.
7. Кренделева, А. Н. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии в интервью региональных политиков // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 173-178.
8. Крячкова, А. П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе Германии // *Вестник МГИМО Университета*. – 2015. – № 3 (42). – С. 157–161.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия». –1990. – 685 с.
10. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // *Политическая лингвистика*. – 2008. – С. 43–48.
11. Никифорова, О. О. Дискредитация противника в парламентских дебатах // *Политическая лингвистика*. – 2013. – № 4. – С. 129–135.
12. Цицерон, М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова / Под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир». –1994. – 475 с.
13. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»* (сборник статей). – 1975. – С. 193–230.
14. Dijk, T. A. van *Ideology. A multidisciplinary approach*. – London: Sage Publications. –1998. – 384 p.
15. Narula, U. *Communication Models*. – New Delhi: Atlantic Publishers & Distributors (P) Limited; Atlantic. – 2012. – 121 p.

Скитина Н.А., Губанова А.С.

Московский государственный областной университет (Москва)

Сопоставительный анализ русских, английских и немецких пословиц с компонентом Собака

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пословиц с компонентом Собака в русском, английском и немецком языках. В данной статье исследованы семантические особенности разноязычных пословиц и приводятся примеры трансформированных пословиц с искомым компонентом.

Ключевые слова: пословицы, зоонимы, фразеология, концепты.

N. Skitina, A. Gubanova

Moscow Region State University (Moscow)

Comparative analysis of Russian, English and German proverbs with the component of “Dog”

Abstract. The paper is devoted to the comparative study of proverbs with the animal component of “dog” in the Russian, English and German languages. The semantic peculiarities of the proverbs in three languages are discussed and the examples of modern transformations of standard proverbs with the component of “dog” are provided.

Keywords: proverbs, zoonyms, phraseology, concepts.

Целью настоящей статьи является изучение особенностей зооморфного образа “собака, dog, Hund” в пословицах русского, английского и немецкого языков. Как и любой фразеологизм, пословица также хранит в себе национально-культурную специфику языка. Пословицы активно используются в качестве учебного материала поскольку «помогают ближе познакомиться со страной изучаемого языка, помогают усвоить образный строй изучаемого языка, понять его эстетическую красоту» [1, с. 168].

Несмотря на высокий интерес к вопросам паремиологии и фразеологии, общепринятого определения на сегодняшний день не существует. Спорным остается вопрос о включении паремий во фразеологическую систему языка [2] (М.М. Раджабова «О роли и месте пословиц и поговорок в системе языка»). Вслед за А.В. Куниным, Н.М. Шанским и В.Н. Ярцевой мы рассматриваем пословицу в рамках фразеологии. «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеет форму законченного предложения (простого или сложного) [3, с. 389].

Разные народы имеют различные высказывания о человеке, духовной и материальной культуре, представленные в виде пословиц, в

состав которых входит зоонимический компонент. В данном случае образы животных наделяются человеческими свойствами, основываясь на видении человеком мира и его роли в нем.

Метафорическая модель «человек-животное» является распространенным семантическим отношением в пословицах. Н.И. Маругина отмечает, что одним из наиболее распространенных зооморфизмов в английской, немецкой и русской фразеологической картине мира, наряду с волком, медведем, котом и другими, является компонент «собака» [4]. Древнейшим домашним животным почти у всех народов считается собака, именно поэтому сравнения с собакой являются наиболее многочисленными.

Пословицы с зоонимическим компонентом в разных языках полностью или частично совпадают, что объясняется схожестью мысленного отображения реальной действительности у носителей разных языков и общих элементов культуры. В некоторых случаях ядро пословицы оказывается одинаковым, а периферия содержит некий элемент значения, которого понятен только носителям данной языковой культуры. По мнению Г.М. Вишневецкой, одно и то же животное в определенной культуре может иметь неоднозначную оценку (двойственную оценочную коннотацию) [5].

Рассмотрим семантические особенности пословиц с данным прототипом. Негативная коннотация включает в себя такие качества как *злость*, *агрессия*, *опасность*. Это мы можем проследить на примерах, некоторые из которых совпадают в трех языках:

1. р.яз.: *Молчан собака исподтишка кусает.* англ.яз.: *Be on your guard against a silent dog and still water. Be careful for deep water and dogs that do not bark.* нем.яз.: *Schweigender Hund beisst am ersten.*

2. р.яз.: *Не будите спящую собаку.* англ.яз.: *Do not wake sleeping dogs. Let sleeping dog lie. Throw no stones at a sleeping dog.* нем.яз.: *Schlafende Hunde soll man nicht wecken.*

Частичное совпадение, но при этом с сохранением концепт *злость* наблюдается в следующих пословицах:

р.яз.: *Сердитой собаке только кость кинь.* англ.яз.: *A burnt child fears the fire, and a bitten child fears a dog. Many dogs are the death of the hare. Children aren't dogs; adults aren't gods. Do not show a stick to a dog that has been beaten.* нем.яз.: *Viele Jäger (Hunde) sind des Hasen Tod. Many dogs are the death of the hare.*

Таким образом, такое качество как злость можно проследить в пословицах в каждом из рассматриваемых языков. Однако в английском языке существует наибольшее количество вариаций пословиц с одинаковым смыслом и ядром, но разной периферией, на основе этого мы можем судить об актуальности данных выражений.

Следующее качество собаки, которое часто отражается в пословице – ее *значимость и бесстрашие*, которые подвергаются иронии. Данная характеристика отражена в следующих русских пословицах: *Собака и на свой хвост лает. Собака лает и на владыку. Собака хватлива была, так и волки съели. Куслив был пёс, да на цепь попал.* В английском языке мы находим следующие примеры: *Barking dog doesn't bite. Barking dogs don't catch hares. Beat one dog and the others will run away. Before you beat the dog, find out the name of his master. Behind the dog it is 'dog,' in front of it, it's 'mister dog.'* *Dogs bark, but the caravan keeps on.* В немецком языке есть как полные эквиваленты (*Hunde, die viel bellen, beißen nicht. Der Hund bellt und die Karawane geht vorüber.*), так и пословицы с уникальной структурой: *Was kümmert es den Mond, dass ihn die Hunde anbellern?* (Почему Луну должно волновать, что собаки на неё лают?).

Существуют и значения высказываний, имеющие позитивную трактовку с данным прототипом. Например, в пословицах, в которых выявляются такие качества как *опытность и надежность*. Рассмотрим пословицы, которые семантически совпадают, хотя и имеют разную структуру: р.яз.: *Добрый пес на ветер не лает. Старая собака на пустое дерево не лает. Собачка лает - хозяину весть подает.* англ.яз.: *When an old dog barks, look out. Timid dogs bark worse than they bite. The dog that bites does not bark in vain. Old dogs bark not for nothing.* нем.яз.: *Wenn alte Hunde bellen, ist es Zeit, dass man ausschaut.*

Существуют пословицы по данной теме, которые единично употреблены в определенном языке: *Mit altem Hunde ist sicherste Jagd.* В русском языке пословица с аналогичным значением имеет отличный прототип: *Старый конь борозды не испортит.* Такую же ситуацию с изменением компонента мы можем наблюдать и в следующем примере: *Begossene Hunde fürchten das Wasser.* Русский вариант: *Пуганая ворона куста боится.*

Продолжая исследование положительной коннотации выбранного прототипа, обратим внимание на такие качества как *верность, преданность, дружелюбие*, которые наиболее ярко раскрыты в пословицах

с компонентом «собака». Безусловно, данная группа самая многочисленная.

В русском языке: *Собака человеку неизменный друг. При верной собаке сторож спит. Собака – друг человека. И собака помнит: кто бьёт, кто кормит. Хорошая собака без хозяина не останется. Среди собак предатели не водятся.*

В английском языке: *Love me, love my dog. Defend me from chickens, for dogs I'm not afraid of. In this case we see that dogs are not dangerous, thus we can mention friendly relationships. Dogs have so many friends because they wag their tails, not their tongues. There are good dogs of all sizes. The greater love is a mother's; then comes a dog's; then a sweetheart's. A dog is the only thing on earth that loves you more than you love yourself.*

В немецком языке: *Wenn mir mein Hund das Liebste ist, so denke nicht, es wäre Sünde: Mein Hund blieb mir im Sturme treu, der Mensch nicht mal im Winde. Ein treuer Hund, ein braves Pferd sind mehr als tausend Frauen/Männer wert. Wenn du einen Freund brauchst, kaufe dir einen Hund. Wer mich liebt, der libt auch meinen Hund.*

Рассмотрев данные примеры, можно сделать вывод, что прототипическая зоосемическая метафора *собака-друг* является одной из наиболее распространённых. Несмотря на то, что идея и значение данных пословиц совпадают, ядро «собака» употребляется с различной периферией. В каждом из трех языков подчеркивается преданность, хорошее отношение, верность и привязанность собаки к человеку и наоборот.

В ходе исследования методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 75 пословиц с зоокомпонентом «собака, dog, Hund». С точки зрения межъязыковых соответствий на основе данного анализа были установлены 7 типов семантических отношений между русскими, немецкими и английскими пословицами. Наиболее малочисленный тип пословиц – это пословицы совпадающие в трех языках. В данную группу входят следующие пословицы:

1. р.яз.: *Не будите спящую собаку.* англ.яз.: *Do not wake sleeping dogs.* нем.яз.: *Schlafende Hunde soll man nicht wecken.*

р.яз.: *Не всяк тот вор на кого собака лает.* англ.яз.: *All are not thieves that dogs bark at.* нем.яз.: *Nicht alle sind Diebe die der Hund anbellt.*

р.яз.: *Живая собака лучше мертвого льва.* англ.яз.: *Better a living dog than a dead lion.* нем.яз.: *Lieber ein lebendiger Hund, als ein toter Löwe.*

Следующий тип пословиц включает в себя пословицы одного языка, не имеющие соответствий в других языках. Уникальные пословицы:

2. р.яз.: *В своей конуре и собака тигр. Долгов – что на собаке репьев. На чужбине и собака тоскует.*

3. англ.яз.: *A dog will not cry if you beat him with a bone. Why keep a dog and bark yourself? Where there are no dogs the fox is a king. A barking dog was never a good hunter.*

4. нем.яз.: *Wer länger schläft als sieben Stund, verschläft sein Leben wie ein Hund.* Следующий тип пословиц включает в себя пословицы, совпадающие в двух из трех языков.

5. Пословицы, совпадающие в русском и английском языках: *Собака собаку не ест. Dog does not eat dog.*

6. Пословицы, совпадающие в русском и немецком языках: *Вот где собака зарыта! Da liegt der Hund begraben!*

7. Пословицы, совпадающие в английском и немецком языках: *Those who sleep with dogs will rise with fleas. Wer mit den Hunden zu Bett geht, steht mit Flöhen auf.* Семантические описания концептов дает полное знание о понятии, существующем в сознании носителей культуры – знание, выраженное в определенных языковых стереотипах и символических значениях. Составим анализ концепта «собака» используя фреймовый подход. По определению М.Л. Макарова, фрейм – это такая когнитивная структура, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов [6]. Фрейм представляет собой набор типичных, наиболее характерных составляющих понятия или ситуации. Фрейм состоит из понятия-имени и отдельных единиц – признаков, называемых слотами.

Что касается концепта «собака», то на основании рассмотренных половиц и стереотипов мы выделили следующие слоты:

1. Внешний вид, части тела: острые зубы, хвост, язык, шерсть, лапы, глаза, нос.

2. Место обитания: улица, дом человека, будка, под деревом.

3. Производимые звуки: лаять, рычать, выть.

4. Повадки, действия: кусать, бегать, спать, охотиться, бояться, помогать, любить, вилять хвостом.

5. Проявляющийся характер, качества, манеры: молчаливый, пугающий, надежный, опытный, сердитый, злой, верный, дружелюбный, ценный, безопасный, преданный, радостный.

6. Названия: пес, собака, собачка, щенок.

Проведя данный анализ, можно заметить, что некоторые характеристики противоречат друг другу. Например, в слоте «характер, качества» мы имеем безопасный и пугающий, сердитый и дружелюбный одновременно, а также собака выступает как трудолюбивое животное, но имеющее свободу и имеющее определенное влияние. Интересно заметить, что данные характеристики прослеживаются в контекстах трех языков.

Таким образом, собака символизирует верность и бдительность, выступает стражем, предупреждает о незримых для человека опасностях. Хотелось бы отметить наиболее яркие слоты в каждом из выбранных языков. В русском и немецком языках – «собака – друг». В английском языке наибольшее количество вариаций пословиц представлено по теме злости, опасности.

С течением времени отношение народа к предметам и понятиям меняется. Эти изменения можно проследить и во фразеологических трансформациях. Антипословицы тому наглядный пример. Антипословица адаптирована под определенную жизненную ситуацию и отражает отношение человека к миру. Пословицы изменяются в соответствии с новыми жизненными обстоятельствами. Проследить современное употребление пословиц можно с помощью лингвистического корпуса, который позволяет проанализировать огромные массивы текста. Познакомимся с употреблением наиболее популярных измененных пословиц с зоокомпонентом в статьях, найденных в англоязычном текстовом корпусе WebCorp.

Сначала мы сталкиваемся с трансформированной пословицей *A book is man's best friend – outside of a dog*, которая приняла новый вид: *A book is man's best friend outside of a dog, and inside of a dog it's too dark to read*.

Также в корпусе представлен отрывок из статьи от 21 сентября 2017 года *North Korea says Trump speech is 'a dog's bark*. Угрожающие слова президента США Д. Трампа о полном уничтожении Северной Кореи прозвучали как «лай собаки».

Следующая статья под названием *Let Sleeping Dog Cases Lie on Your iPhone 4S* содержит информацию о новых силиконовых чехлах для мобильных телефонов в виде спящего щенка, которого можно прикрепить

на заднюю панель смартфона. В данном случае паремиологическая трансформация используется в качестве языковой игры, что, безусловно, привлекает внимание читателя.

Можно сделать вывод, что пословицы английского, немецкого и русского языков с зооморфическим компонентом играют немаловажную роль в повседневной жизни человека, придают речи различные эмоциональные оттенки, делая ее ярче и выразительнее. Данные высказывания выражают национальные черты характера и являются ценным материалом в изучении языка в контексте культуры, что способствует повышению уровня межкультурной коммуникации.

В связи с развитием человеческого фактора в языке, проблема описания человеческой деятельности и характера с помощью пословиц с зооморфическим компонентом, их классификация на основе образного представления о том или ином животном, является особо актуальной и нуждается в дальнейшем изучении и систематизации.

Список литературы

1. Василевич А. П. Проблема использования пословиц и поговорок на уроках английского языка // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р. Р. Толкина). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 168–171.

2. Раджабова М. М. О роли и месте пословиц и поговорок в системе языка // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016, Т. 48. № 3 С. 163–168.

3. Yartseva V. N. The Big Encyclopedic dictionary / V. N. Yartseva. M., 2000. 800 p.

4. Маругина Н. И. Смысловая структура ключевой текстовой метафоры «собачье сердце» в аспекте текстового функционирования (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце») // Язык и культура, 2008, № 4, С. 42–52.

5. Вишневская Г. М., Федорова Т. В. Особенности коннотации английских зооморфных фразеологизмов // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2, с. 40.

6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Смирнова Л.Н.

Вологодский государственный университет (Вологда)

Реализация принципов предметно-языкового интегрированного обучения в процессе изучения темы “Professional English in Emergency”

Аннотация. В статье рассматриваются возможности реализации принципов предметно-языкового обучения при изучении профессионального английского языка, заключающиеся, по мнению автора, в наполнении учебного процесса познавательными фильмами и текстами для чтения/аудирования и в целенаправленной организации работы для стимуляции речемыслительной деятельности, развития аналитического и критического мышления, совершенствования общеучебных навыков и умений студентов.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, профессиональный английский язык в чрезвычайных ситуациях.

L. Smirnova

Vologda State University (Vologda)

Content and language integrated learning in teaching “professional English in emergency” to students

Abstract. The paper studies the possibility of using the main principles of content and language integrated learning (CLIL). The principles include meaningful reading and listening of texts, speaking and cognitive activities, as well as development of academic skills.

Keywords: content and language integrated learning, professional English in emergency.

В настоящее время технология предметно-языкового интегрированного обучения CLIL (Content and Language Integrated Learning) является одной из самых популярных в рамках компетентностного подхода к преподаванию языков. Она позволяет сформировать у студентов коммуникативную компетенцию в иностранном языке в том же образовательном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие общеучебных знаний, навыков и умений. [2]

Рассмотрим на примере авторского учебного пособия [1], как можно реализовать принципы технологии CLIL при изучении темы «Professional English In Emergency».

Тема «Professional English In Emergency» изучается студентами 1–2 курсов направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность». Объектами профессиональной деятельности выпускников программ бакалавриата по данному направлению являются: человек и опасности, связанные с человеческой деятельностью и с природными явлениями;

опасные технологические процессы химических и нефтехимических производств; нормативно-правовая документация по вопросам обеспечения безопасности; методы и средства оценки опасностей, риска; методы и средства защиты человека и среды обитания от опасностей; правила нормирования опасностей и антропогенного воздействия на окружающую природную среду; методы и средства спасения человека. Поэтому обучение по направлению «Техносферная безопасность» предполагает углублённое изучение таких, например, базовых предметов, как «Физико-химические основы развития и тушения пожаров», «Надзор и контроль в сфере безопасности», «Медицина катастроф», «Безопасность спасательных работ», «Конфликтология», «Геополитика» и т.д. Этот факт можно с успехом использовать при изучении профессионального английского языка посредством технологии предметно-языкового интегрированного обучения soft CLIL, когда преподавание отдельных тем из содержания специальных дисциплин осуществляется на иностранном языке.

Планируя учебный процесс на основе CLIL, необходимо учитывать следующие обязательные компоненты предметно-языкового интегрированного обучения [2]:

1. Content/содержание: касается содержания текстов и заданий к ним, знакомство с которым должно способствовать формированию профессиональных знаний, навыков, умений и понятий, связанных с изучаемой сферой деятельности.

2. Communication/общение: подразумевает использование языка для обучения специальным предметам с одновременным обучением использованию языка.

3. Cognition/познание: означает процесс, ориентированный на развитие навыков мышления, которые обеспечивают формирование абстрактных и конкретных понятий языка и профессии.

4. Culture/культура: предполагает формирование уважения к альтернативным точкам зрения (в том числе и в профессиональной сфере) и восприятие и понимание чужой и собственной культур.

Принимая во внимание наличие этих компонентов и смежных для иностранного языка дисциплин, при отборе содержания для подготовки будущих специалистов мы решили остановиться на пространстве дискурса «Техносферная безопасность», понимая под ним устные и/или письменные тексты, проблематикой которых являются вопросы, связанные с

обеспечением безопасности техносферы (в том числе и за рубежом), и задания, актуальные для специалистов данного профиля.

Работу над учебным материалом темы мы проводим в три этапа.

Первый – предтекстовый – имеет целью мотивировать студентов к знакомству с учебным материалом и активизировать имеющийся у них опыт. Для этого могут быть использованы следующие упражнения и задания:

10. **What do you know about modern fire-extinction technology? Write its strong points.** или **Do you know the international biological hazard symbol? Find the information about it.** или **What do you know about chemical weapons? Do you know the meaning of these abbreviations: PTC, AC, CG, DP etc.?**

При этом для развития у студентов навыков саморефлексии можно попросить их заполнить в ходе занятия следующую таблицу:

What I know	What I want to learn	What I have learned

7. **Match the names of some bacteria and viral agents of Latin origin with their Russian equivalents. E.g.:**

Latin	Russian
Bacillus anthracis	Бруцеллы
Brucella spp.	Хламидия пситаци
Burkholderia mallei	Сибирская язва
Chlamydochloa psittaci	Коксииеллы Бернета
Coxiella burnetii	Буркхольдерии

13. **Write Russian equivalents and chemical formulas of these substances:**

English	Russian	Formula
ammonium sulphate		
monoammonium phosphate		
sodium bicarbonate		
potassium bicarbonate		
potassium sulphate		
potassium bicarbonate urea complex		
sodium salts		
potassium salts		
oxygen		

Кроме того, на первом этапе работы важно подготовить студентов к восприятию встречающихся в тексте языковых единиц, а именно:

16. напомним им о возможности опираться при чтении/прослушивании текста на имеющиеся в нём интернационализмы:

Give Russian equivalents to the following English words: Technology, business, brigade, pumper, mechanical, practical, reservoirs, company, method, constant, hydrant, series, a telegraph signal, system, box, office, volunteer, demonstration, start, generate, modern, dock, regular, port, department, apparatus, service, attack, satellite, tunnel, navigate, operate.

1. вспомнить словообразовательные элементы английского языка и их значение:

Explain the formation of the words given below, translate them into Russian: owner, maintenance, thankfully, pressure, occurrence, strictly, storage, flammable, peaceful.

вспомнить, например, как переводятся на русский язык причастия в функции определения:

Translate into Russian, define the function(s) of the Participles: agents **designed** for temporarily disabling an enemy; **high-boiling** liquid, the health of **affected** populations, persons directly **involved** in experimental and industrial production, **untreated** and partly **treated** wastes and emissions **associated** with chemical weapons production.

• активизировать словарный запас, необходимый для использования в значимых видах деятельности:

Word groups. Underline the word which is different. Say why.

- 1) suffer, bleed, freeze, douse
- 2) cleanse, apply, irrigate, remove
- 3) tumor, frostbite, burn, blister
- 4) tissue, skin, toe, bone
- 5) superficial, painful, severe, copious

Make up word expressions: e. g.: To treat + a trauma. Make up sentences.

to treat	first degree thermal burns
to suffer from	an injury
to require	special care
to stop	blood transfusion
to monitor	internal/external bleeding
to elevate	a wounded limb

• вспомнить различные средства логической связи для более успешной ориентации в структуре текстов на английском языке:

Match the linkers with their Russian equivalents.

English	Russian
and	однако
especially	с другой стороны
but	даже
although	кроме того, также
however	но
also	особенно
even	хотя
while	и
on the other hand	в то время как

Match the linkers with their functions.

Linkers	Functions
and	Indication of time
especially	Contrast of ideas
but	Adding additional information
although	Contrast of ideas
however	Contrast of ideas
also	Adding additional information, additional point of view
even	Giving example
while	Contrast of ideas
on the other hand	Contrast of ideas

Второй этап – текстовый – предназначен для того, чтобы помочь студентам осмыслить новые знания, главную идею, важные детали или специфическую информацию текста. Считаем целесообразным выполнение в данном случае следующих заданий:

- **Tick off (✓) those pieces of information which are known to you. Write a plus next to those parts of the text which include new information.**

- **Read the text and write down three things you have found out, two interesting things and one question you still have or Write down three similarities, two differences and one question.**

Методика CLIL подразумевает обязательное использование различных диаграмм, графиков, таблиц (это способствует развитию способности структурировать, анализировать и классифицировать информацию), чтобы затем с их помощью, возможно, рассказать о чём-то

СВОИМИ СЛОВАМИ.

• **Read the text about firefighting powders. Fill in the table and summarize main facts about them.**

Flammable substances	Type of a firefighting powder
flammable liquids and gases	
fibrous materials (paper, wood and textiles), flammable liquids and flammable gases	
flammable metals	

Complete the following sentences: ABC Powders are powders for use against fires in ... . BC Powders are used against ... . D Powders are firefighting powders for ... .

• **Draw a picture: How does a fire fighting foam work? Describe the picture using the words expressions from the text.**

• **Comment on the scheme “Combat toxic chemicals”.**

• **Find in the text English equivalents for the following word combinations. Learn them by heart:** Представлять серьёзную угрозу для кого-либо, вызывать ожоги, вызывать серьёзные повреждения, внешний источник, требоваться, получать дозу облучения, избегать облучения гамма радиацией, найти пещеру или упавший ствол, выкопать траншею, заползти подо что-то, избегать ожогов, защищать от чего-либо, проникать, вредный, надёжное укрытие.

• **Mark the main idea of the text using the words and word expressions from the text.**

• **Rank strategies for conflict resolution in order of most and least successful. What other strategies can you offer?** и т.д.

Во время третьего – послетекстового – этапа работы студенты используют новые языковые единицы, чтобы углубить своё понимание темы, «сконструировать» своё собственное знание и использовать его для решения конкретных задач профессионального общения. Помимо ответов на традиционные вопросы рекомендуем использовать на данном этапе интерактивные задания разного уровня сложности для развития умений в устной (монологической и диалогической) и письменной речи (с опорами и без них). Например:

• **Imagine, you have suffered a trauma (a burn, bleeding etc.) or helped injured people. Describe your steps by treating the trauma.**

• **Discuss the problem in your group: What should be done to**

prevent and reduce harmful emissions from industrial process? NB: Useful expressions: ...

Кроме того, для активизации процесса обучения и создания условий для мотивированного изучения иностранного языка рекомендуем использовать групповую работу, характеризующуюся тем, что в любой момент обучение происходит так, что один студент/представитель малой группы (подгруппы) передаёт информацию одновременно многим студентам/представителям другой подгруппы. При этом отобранный для изучения материал делится на «порции» (подтемы “Flood”, “Noise”, “Earthquake”). Каждая подгруппа в течение отведённого времени усваивает свою «порцию» информации (находит ответы на заданные преподавателем вопросы, выписывает ключевые слова и словосочетания, графически изображает основное содержание текста и т.д.). Затем между подгруппами происходит обмен консультантами для передачи усвоенного материала. На этапе контроля преподаватель проверяет, насколько успешно подгруппа усвоила изложенную консультантом информацию.

На этом же этапе работы предусмотрено выполнение заданий для совершенствования общеучебных умений студентов, в частности умений аннотирования/реферирования текстов: **Write a summary of the text using the following expressions:** This text deals with (is about, is devoted to, dwells upon, considers, tells us about, presents, is connected with etc) smth./ The text gives figures (facts, data, diagrams, pictures, examples) illustrating smth./ The text contains the description (information, examination, investigation) of some process (properties, problems) concerning smth./ The main idea of the text is.../ In my opinion .../It should be noted .../It should be mentioned .../In conclusion .../To sum up .../ I find the text interesting/useful, important for me/informative/ hard (easy) to understand.

Работа над темой способствует пополнению словарного запаса студентов предметной терминологией. Для её систематизации целесообразно выполнить следующее задание: **Make up a terminological vocabulary to the text. Memorize the words.**

В процессе просмотра видео-сюжетов на профессиональные темы студенты усваивают стратегии и тактики речевого поведения представителей других культур, а также учатся с помощью использованных в фильмах языковых единиц рассказывать о своей кафедре, инструктировать о действиях во время урагана или наводнения и т.д.

- **1) Watch the video “Golf Coast Emergency Industrial Training Academy”. Answer the questions:** 1) What is the Golf Coast Emergency Industrial Training Academy? What is its area? 2) What do the areas of training include? **2) Do internet research (www.fireservicecollege.ac.uk) and present the Fire Service College from the UK (facilities, courses, training).** 3) **Are there similar academies and colleges in Russia? Please do library or internet research and present them (e.g. on www.padlet.com).** 4) **Make a movie about your department and studied courses using Windows MovieMaker.**

- **Watch the video “What to do in the first 30 minutes after an earthquake”. Match the beginnings of the sentences from the left with their ends from the right:**

1 turn off the electricity at the main fuse box or
A If you smell gas or hear circuit breaker. If you have to step in water to get to blowing or hissing noise, the fuse box or circuit breaker, call an electrician for advice.

B If you see sparks or broken or frayed wires, or if you smell hot insulation,
2 avoid using the toilets and call a plumber, contact the Water Company and avoid the water from the tap. You can obtain safe water by melting ice cubes.

3 open a window and quickly leave the building.
C If you suspect sewage lines are damaged, Turn off the gas at the outside main valve if you can (use the gas shut off wrench) and call the Gas Company from a neighbor's home.

- **Watch the video “Hurricane, Tornado and Flood Emergency Training”. Write down some instructions for the public. F.e.: Stock food, water and emergency supplies.**

Применение технологии CLIL может существенно дополнить процесс изучения соответствующей дисциплины на родном языке и позволяет решить достаточно широкий круг образовательных задач – развить языковую и коммуникативную компетенции, мышление и общеучебные навыки и умения студентов.

Список литературы

1. Смирнова Л. Н. Professional English in Emergency: учебное пособие по английскому языку /Л. Н. Смирнова. М-во образования и науки РФ, Вологод.гос.ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 92.

2. Coyle, D., Hood, P., Marsh, D. (2010). CLIL – Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press. P. 53–65.

Соснина Э.О.

Московский государственный областной университет (Москва)

О наименованиях лиц по профессии в древнеанглийский период

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые наименования лиц по профессии в древнеанглийский период. Автором проведены выборка лексических единиц и их количественный анализ. Были выделены способы образования слов в английском языке древнего периода, относящихся к профессиональной деятельности человека и приведены примеры.

Ключевые слова: англосаксонский период; древнеанглийский язык; профессии; способы образования слов в английском языке древнего периода.

E. Sosnina

Moscow Region State University (Moscow)

Names of Old English professions

Abstract. The paper studies the names of professions that were used in the Anglo-Saxon period. Lexical units with the names of professions are found and quantitatively analyzed. The types of word-formation of professions in Old English are described and their examples are presented.

Keywords: Anglo-Saxon period, Old English, professions, types of word-formation in Old English.

На протяжении шести веков (с 5 века н. э. до 1066 года н. э.) англосаксы населяли территорию Англии. Их развитая, относительно того времени, экономика, законы, архитектура во многом повлияли на культуру современной Англии. Англосаксы внесли особый вклад в грамматику английского языка и благодаря им появились многие английские слова. Англосаксонский период известен историческими личностями, политической системой и мощной военной организацией.

Формирование и развитие категории профессионального деятеля в английском языке зависит от истории и культуры англосаксов. Как отмечает Е. И. Голованова [4, с. 130], одни виды деятельности не выходили за рамки семейно-бытовой сферы, другие – потребовали выделения из-за наличия особого инвентаря, необходимости выработки специальных навыков и знаний.

Период с начала V века и до середины IX века называют гептархией или семицарствием. В результате нашествия англов, саксов и ютов на территории Англии в начале VI века сформировалось семь сравнительно крупных

государств – Уэссекс (королевство западных саксов), Суссекс (королевство южных саксов), Эссекс (королевство восточных саксов), Кент (королевство ютов), Восточная Англия (королевство восточных англов), Нортумбрия (королевство северных англов) и Мерсия (королевство западных англов). В IX веке эти королевства объединились под главенством Уэссекса в единое королевство Англия [2].

Англосаксонское общество было, по сути, аграрным. Основой экономики служило сельское хозяйство, и люди всех сословий жили преимущественно на земле – в деревнях или на отдельных хуторах; только ремесленники проживали в городах, но их было крайне мало [3, с. 70]. В глоссарии древнеанглийского языка, составленном Джоном Холлом [6], встречаются названия людей, занятых в сельском хозяйстве: *æsermann* – farmer, *hierdeman* – shepherd, *orcerdweard* – gardener, *îpemann* – reaper, *s̄ædere* – sower; а также следующие наименования ремесленников: *bæcestre* – baker, *byrdistre* – embroiderer, *pottere* – potter, *leðerwyrhta* – leather-maker, *læstwyrhta* – shoemaker. Англосаксы активно занимались различными промыслами, в большей степени для того, чтобы добывать себе продукты питания; в этой сфере зарождались и развивались многие профессии: *hwælhunta* – whale-fisher/whaler, *bêocere* – bee-keeper, *hafocere* – hawker, *hunta* – huntsman.

Альфред Великий сыграл немаловажную роль в истории англосаксонской цивилизации. При нападении викингов в конце VII века он смог сплотить англосаксов и дать отпор датским завоевателям. До конца древнеанглийского периода Британией правили датские короли и король Эдгар, который провел экономическую и денежную реформу.

Эдуард Исповедник стал последним представителем Уэссекской династии на английском престоле. К 1053 году род Годвина стал настолько могущественным, что с его влиянием не мог спорить ни один знатный род, да и сам король. В последствии Эдуард все меньше принимал участие в развитии политической жизни страны и все больше посвящал себя церкви. Именно он основал Вестминстерское аббатство. За свою религиозность он был причислен к лику святых.

Англосаксы были религиозными. Изначально большинство из них являлись язычниками. В 597 году святой Августин (причислен к лику святых в 605 году) был отправлен в Англию папой Григорием I, чтобы обратить англосаксов в христианство. Принятие христианства явилось причиной того, что англосаксонскую историю описывали монахи. Также этот факт провоцировал рост и развитие англосаксонских королевств, и появления

профессий, связанных со служением в церкви, например: *æweweard* – priest, *sealmscop* – psalmist, *ealdorsâcerd* – high priest, *burhbiscop* – bishop of a city, *ciricsangere* – church-singer, *ciricðên* – minister of a church.

Под влиянием христианства активно развивалась живопись и скульптура, мотивами для произведений в основном служили сцены из евангелия и других религиозных книг и учений. Появились такие профессии как: *mêtere* – painter, *græfere* – 'sculptor,' graver.

Литература совершенствовалась в основном в лиро-эпическом жанре, появлялись соответствующие профессии: *bôcere* – книжник, *wîetere* – писец, *scop* – singer, poet. Самая известная эпическая поэма – «Беовульф». Главным литературным памятником, дошедших до наших дней, является «Англосаксонская хроника» – основной источник, описывающий события, происходящие на территории Англии в период с 800 года до 1066 года н. э., составление которого началось при Альфреде Великом. Сохранилось девять рукописей, написанных на древнеанглийском и частично на латыни.

Была широко распространена работа с металлами, процветало ювелирное дело. В словаре можно встретить соответствующее наименование: *gimwyrhta* – jeweler. Наиболее популярным украшением в то время была брошь. При изготовлении ювелиры чаще использовали мифологические мотивы, а с распространением христианства крест стал основным символом, используемым мастерами в своих работах.

Принятие христианства отразилось и на сфере образования. Школы находились под влиянием церкви. Обычно дети обучались в монастырях или домах священников. Для древнеанглийского периода было характерно раздельное обучение парней и девушек. Изучали в основном слово Божие, грамматику и риторику. Писали на восковых дощечках; пергамент могли себе позволить очень богатые люди. Письмо не являлось обязательной частью учебной программы англосаксов. Существовали певческие классы, где обучали пению молитв и псалмов. Названия людей, чья деятельность связана со сферой образования, довольно часто встречаются в словаре. Можно выделить следующие лексемы: *lârðegn* – teacher, *grammaticere* – grammarian, *bêodend* – preceptor, *steorwîglere* – mathematician.

По причине большого количества битв и сражений за территорию и власть в древнеанглийский период, в словарях можно найти наибольшее количество наименований лиц, относящихся к военной службе (*headurinc* – warrior, *heremann* – soldier, *scytere* – shooter). Альфред Великий провел реформу не только в отношении военных, но и в отношении морского флота.

Кроме того, англосаксы населяли островное государство, что также объясняет немалое количество лексем, которые относятся к мореплаванию (*æscmann – ship-man, brimgiest – sailor, sciprôwend – rower, sailor, scipweard – ship-master, brimwîsa – sea-king, captain*).

На основе выполненного количественного анализа можно выделить 53 лексемы – названия людей, чья деятельность относится к военному делу; 43 лексемы, относящихся к группе наименований лиц, связанных с мореплаванием; 32 – служащие в церкви; 25 наименований ремесленников; 22 лексические единицы – занятые в сельском хозяйстве и 8 – занимающиеся промыслами.

Стоит обратить внимание на способы образования слов в древнеанглийский период и привести примеры на материале выбранных названий лиц по профессии.

Словарный состав английского языка древнего периода пополнялся при помощи целого ряда языковых приемов, выработавшихся в процессе развития языка. Это следующие приёмы:

- 1) словопроизводство путём аффиксации;
- 2) словосложение;
- 3) чередование звуков;
- 4) переосмысление старых слов;
- 5) заимствования [1, с. 100]

Один из наиболее используемых способов образования слов – аффиксация (прибавление к основе слова суффиксов или префиксов).

Как отмечает В. Д. Аракин [1], в английском языке древнего периода широко использовался суффикс *-ere-*, образующий существительные-обозначения лиц, деятельность которых была связана с определенными предметами, игравшими жизненно важную роль в быту древних англичан, или с определенной работой, которой они занимались:

- bæcere* – пекарь, от *bacan* – печь (гл.);
- pottere* – гончар, от *pot* – горшок;
- scôere* – сапожник, от *scôh* – туфель;
- sealtere* – солевар, от *sealt* – соль;
- fiscere* – рыбак, от *fisc* – рыба;
- bêocere* – пчеловод, от *bêo-* пчела.

Для обозначения лиц женского пола использовался суффикс *-estre-*:

- bæcestre* – женщина пекарь, от *bacan* – печь (гл.);
- byrdistre* – вышивальщица, от *byrding* – вышивание;

spinnestre – пряжа, от spinnan – прясть;
hearpestre – арфистка, от hearpe – арфа;
webbestre – ткачиха, от wefan – ткань.

Словосложение являлось другим распространенным способом образования новых слов:

ansorgman (ответственный за якорь) < ansog (якорь) + man (человек);

merefara (моряк) < mere (море) + faran (путешествовать);

scipfarend (моряк) < scip (корабль) + farend (путешествующий);

æcermann (земледелец) < æcer (поле) + mann (мужчина);

hwælhunta (китобой) < hwæł (кит) + hunta (охотник);

tungolwîtega (астролог) < tungol (звезда) + wîtega (ученый);

Можно встретить наименования лиц, заимствованные из других языков:

biscop – епископ (от латинского episcopus);

prêost – священник (от латинского presbyter);

munc – монах (от латинского monachus).

Таким образом, была произведена попытка классифицировать древнеанглийские профессии и выделить способы образования наименований профессий в древнеанглийском языке. Количественный анализ показал, что наибольшее количество профессий было связано с военной организацией, мореплаванием, служением церкви и сельским хозяйством. Основные способы, с помощью которых образовывались названия профессий – аффиксация и словосложение.

Список литературы

1. Аракин В. Д. История английского языка Учебное пособие. 2-е издание. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
2. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BF%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%8F>
3. Вильсон Дэвид М. Англосаксы. Покорители кельтской Британии / Пер. с англ. П. В. Тимофеева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 189с. (Загадки древних цивилизаций)
4. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 2-е изд., исправл. И доп. М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. 304 с.

5. Anglo- Saxons By Ciara Callanan and Justin Herr [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bmssancientcivilizations.wikispaces.com/Anglo-Saxons>
6. Clark Hall J. R. Concise Anglo-Saxon Dictionary. Oxford Press, 2009.
7. The Dictionary of Old English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doe.utoronto.ca>.

Стеколыщикова И.В.

Московский городской педагогический университет (Москва)

Вопрос об овладении языком в научных трудах У.Д. Уитни

Аннотация. Статья посвящена научным взглядам Уильяма Дуайта Уитни на ряд лингвистических и лингводидактических проблем: проблему образования в целом как чисто человеческого феномена, проблему обучения языку и овладения языком детьми, вопрос о роли родного языка и иностранных языков в развитии личности. В статье также рассматриваются связанные с вышеуказанными проблемами вопросы о сущности языка, проблема различия языка и речи, проблема письма как средства коммуникации и некоторые другие вопросы в понимании У.Д. Уитни.

Ключевые слова: речь, образование, человек, обучение языку, овладение языком.

I. Stekol'chshikova

Moscow City Teachers' Training University (Moscow)

Language acquisition in scientific works of W. D. Whitney

Abstract. We consider the scientific views of W.D. Whitney on a variety of linguistic and linguo-didactic problems: the problem of education as a human phenomenon, the problem of language teaching and language acquisition by children, and the role of the mother tongue and foreign languages in the personal development. The related problems of the essence of language, the problem of the difference between language and speech, the problem of writing as a means of communication and some other issues in W.D. Whitney's interpretation are discussed.

Keywords: speech, education, man, language teaching, language acquisition.

Уильям Дуайт Уитни (1827–1894), американский лингвист, по некоторым своим взглядам сближающийся с натуралистической школой, занимался, в том числе, и вопросами языкового образования. Этому посвящен отдельный параграф в его работе «Oriental and linguistic studies» под соответствующим названием «Language and Education» [1], также некоторые мысли об овладении языком можно найти в других параграфах его труда [2], [3].

Образование У.Д. Уитни называет чисто человеческим феноменом, отличающим человека от низшего животного, поскольку не имеет аналогов: “Education is something essentially and exclusively human. There is nothing of it, there is nothing analogous with it, among the lower animals” [1, с. 379]. У животных единственным учителем является природа: «Nature herself is their sole instructor» [1, с. 379]. Человек же, по мнению американского лингвиста, является образованным, когда он не сам открывает и тренирует свои силы, а если его «брали за руку» и вели по пути развития и достижений человеческой культуры: “The educated man is one who is not left to himself to discover and train his own powers, but is kindly taken by the hand and led forward to the possession of all he can grasp and use of the wealth garnered by his predecessors. The sum of this garnered wealth we call human culture...” [1, с. 381].

Многие знания, по словам У. Д. Уитни мы приобретаем неосознанно, под влиянием окружения, путем заимствования привычек, традиций, моральных установок и правил поведения предшествующих поколений, навязанных обществом: «Many of its essentials are won along with but small part of the details of knowledge, and even in a kind of unconscious way, through the training influence of our surroundings; through the adoption of habits and institutions <...> through cultivated manners and self-government, imposed by the usages of society; through principles of morality and rules of conduct...» [1, с. 381].

Как представитель натуралистического направления в языкознании, У.Д. Уитни признает принципы борьбы за выживание и применяет их к образованию: «The struggle of existence is severe; none can live without something of that knowledge which is power <...> he must work, striving to give to his work the highest value» [1, с. 382].

Жизнь человека, по мнению У.Д. Уитни, делится на две части – в первой мы учимся, во второй работаем: «Life is divided into two parts, in one of which we are chiefly learners, in the other chiefly workers» [1, с. 382]. И каждая из этих частей принципиально важна и не может существовать без другой.

Овладение языком У.Д. Уитни называет первым и фундаментальным шагом в образовании: «And we have first to notice that the acquisition of language is the primary and fundamental step in education» [1, с. 392]. Язык мы учим так же, как и математику или географию, присваивая результаты трудов бесчисленных предшествующих поколений: «We learn our

languages, as truly as we learn mathematics or geography; appropriating, by both processes alike, results wrought out by the labors of unnumbered generations» [1, с. 392].

У.Д. Уитни разделяет понятия языка и речи. Речь – это характерная и неотъемлемая человеческая способность, такая же, как способность к искусству или к владению инструментами: «The power of speech is a human capacity, distinctive and indefeasible, like the capacity of art, or the power to devise and use instruments...» [1, с. 392]. Язык же (существующий сейчас или мертвый) – составная часть человеческой культуры: «...but every language that exists or has existed is a constituent part of human culture...» [1, с. 392].

По мнению У.Д. Уитни, человек говорит на языке того общества, в котором он родился, путем подражания его предкам, которые служат для него примером: «Respecting each word of every language now existing, we know that it is used by the new individuals born into its community because it was used before, and the new-comer had only to imitate his predecessors, to do as they set him an example» [3, с. 364].

У.Д. Уитни не видит ничего мистического в овладении языком детьми «...the acquisition of language by children does not seem to us any mystery at all» [3, с. 368]. Это обычный процесс, связанный с познавательной активностью, когда ребенок многократно слышит одно и то же, потом начинает понимать значение услышанного и затем учится воспроизводить это: «...a child, after hearing a certain word used some scores or hundreds of times, comes to understand what it means, and then, a little later, to pronounce and use it, perhaps feebly and blunderingly at first...» [3, с. 368]. Таким образом, У.Д. Уитни приравнивает обучение языку к обучению игре на музыкальных инструментах или к овладению азами математики [3, с. 369].

Успехи в освоении родного языка связаны, по словам У.Д. Уитни, с собственными задатками и талантами. В языке проявляются способности, как и в искусстве, например, в музыке, когда один человек становится маэстро, другой – посредственным пианистом: «Simply that men's gifts are various. Just so, while one person becomes a renowned maestro, another can never learn to be more than a passable pianist, if even that...» [3, с. 370–371].

У.Д. Уитни вводит в свою лингвистическую теорию понятия пассивных и активных способностей: слушание и видение – это пассивные, или рецептивные способности, на которые воля не оказывает прямого

воздействия, а говорение – это активная способность, для осуществления которой необходим волевой акт. Причем, под говорением У.Д. Уитни подразумевает и собственно произнесение звуков, и жесты: «Seeing and hearing are capacities with which the will has nothing directly to do; they are passive, receptive <...> while, on the other hand, an act of the will is necessary to every sound we utter, as much as to every gesture we make» [3, с. 366].

Однако, по мнению У.Д. Уитни, нельзя забывать и о письме как средстве коммуникации, которое вторично после говорения, но не менее значимо как элемент культуры расы: «Thus it was with a history of writing, an art that stands only second to that of speaking in its bearing upon the culture of the individual and the advancement of the race; it was <...> a means of communication merely...» [2, с. 290].

У.Д. Уитни обращается к вопросу о сущности языка и уточняет, что язык – это не дар, а продукт и результат дарования. Таким образом, язык не разум или мышление, а инструмент, без которого разум и мышление – бесплодные, неэффективные и неуправляемые способности: «Many fail to distinguish between language as an endowment of human nature, or the power of speak, and language as a developed product and result of this endowment <...> Language is far enough from being reason, or mind, or thought; it is simply instrumentality without which all these are comparatively impotent, ineffective, and unmanageable gifts» [1, с. 394]. Иными словами, язык – это инструмент человеческой мысли: «And as regards the languages themselves <...> considered as instruments of human thought...» [1, с. 405].

По мнению У.Д. Уитни, роль языка в индивидуальном развитии личности такая же, как и в развитии человеческой расы в целом, это начало и основание всего, это наш макрокосм и микрокосм: «The part, then, which language plays in the development of each individual is a reflex of that which it has played in the development of race. It is the beginning and foundation of everything else. It is our introduction to the macrocosmos and the microcosmos, the world without us and the world within us» [1, с. 405] (курсив У.Д. Уитни).

Родной язык – это фундамент, на котором строится все остальное, поэтому его необходимо учить всем: «Of course, it will be said, every one must learn his own mother tongue, as the foundation upon which everything else is to be built...» [1, с. 395]. Однако процесс обучения родному языку на первом этапе отличается от других образовательных процессов, поскольку происходит естественным, неосознанным путем: «...but it comes by a kind of natural and unconscious process; it is very different from what is won by

direct study» [1, с. 395]. При этом, нашим «родным» языком может стать любой язык, в зависимости от нашего окружения в детстве: «With a change of surrounding during childhood, we should have made French, or Turkish, or Chinese, or Dakota, our “mother tongue”, and look upon English as the strange jargon, which we must acquire artificially» [1, с. 395].

Если владение родным языком дает нам доступ к умам других людей, то знание большего количества языков расширяет наши возможности общения: «Language is primarily a means of communication; and as the possession of our native tongue gives us access to other minds, so the acquisition of more languages widens our sphere of intercourse...» [1, с. 399]. У.Д. Уитни напоминает известную мудрость, что никто не знает родной язык, если не знает других языков: «It has become a trite remark, that no one knows his own tongue who knows no other beside it» [1, с. 399].

У.Д. Уитни полагает, что человек, который не ценит филологию, историю или философию, является столь же некомпетентным и некультурным человеком, как и тот, кто не понимает и не ценит естественные науки: «The man who fails to understand and value science is not less a specialist, and of defected culture, than he who cannot appreciate philology, or history, or philosophy» [1, с. 410]. Таким образом, роль гуманитарных наук (в т.ч. языкознания) не менее важна для культуры и образования конкретного человека или человечества в целом, чем роль естественных наук.

Подводя итоги исследованию, скажем, что американский лингвист У.Д. Уитни рассматривал в своих трудах не только чисто лингвистические вопросы, но и уделял внимание лингводидактике. Тем не менее, исследование этой области знаний носило у У.Д. Уитни поверхностный характер и охватывало только психический и философский аспекты процессов обучения и овладения языком, но не методический аспект.

Список литературы

1. Whitney W. D. Language and Education // Oriental and linguistic studies. New York: Scribner, Armstrong, and Co, 1973, С. 376–411.
2. Whitney W. D. Present State of the Question as to the Origin of Language // Oriental and linguistic studies. New York: Scribner, Armstrong, and Co, 1973, С. 279–291.
3. Whitney W. D. Steinthal and the Psychological Theory of Language // Oriental and linguistic studies. New York: Scribner, Armstrong, and Co, 1973, С. 332–376.

Степанова К.Н., Святова М.И.

Московский государственный областной университет (Москва)

Анализ семантики английских обращений

Аннотация. Работа посвящена анализу семантики английских обращений, рассмотрению их функций и основной области употребления, а также выявлению специфики обращений как способа регулирования поведения участников межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: обращение, семантика, средства речевой адресации, функции обращений, межкультурная коммуникация.

K. Stepanova, M. Svyatova

Moscow Region State University (Moscow)

Semantic analysis of English addresses

Abstract. The paper is devoted to the semantic analysis of English addresses. Functions and specific features of addresses are considered as a method of behavior control in the communication process.

Keywords: addresses, semantics, means of speech addressing, functions of addresses, intercultural communication.

На современном этапе развития гуманитарных наук ученые придерживаются мнения, что обращения ориентированы на обслуживание межличностного взаимодействия. Обращения выступают в качестве регулятора поведения человека в обществе. Они основаны на специфических знаниях общества о самом себе, и поскольку каждый народ имеет уникальные социально-культурные характеристики, исследование обращений приобретает особое значение для межкультурной коммуникации.

Обращения могут рассматриваться как единицы языковой системы, а также как единицы дискурса, который возникает в ходе межличностного взаимодействия. М. К. Липатова отмечает, что обращение служит не только для установления контакта между людьми и выполнения ими первичной звательной функции, но и для создания определенной характеристики адресата [4, с. 181].

Согласно Х. Р. Аитовой функции обращений делятся на следующие группы: 1) выделение лица в предметной ситуации, 2) указание на уже выделенное лицо, 3) его характеристики, 4) социальная регуляция общения. Но обращения выполняют целый ряд других функций, на основе которых данные единицы классифицируются.

Обращения могут рассматриваться также с точки зрения их принадлежности к частям речи. Так, в роли обращения чаще всего выступают имена существительные, которые, в свою очередь, делятся на имена собственные (антропонимы) и имена нарицательные (апеллятивы). Внутри этих групп слов М. А. Оликова выделяет различные типы имен нарицательных и имен собственных. В подгруппе собственных существительных она рассматривает полные личные имена, фамилии, прозвища, уменьшительно-ласкательные формы имен:

*'That could explain a lot, **Sue Ellen.**'*

*'What about ye, **Mucker?** Are ye in or out?'*

*'**Dude,** where is my car?'*

*'No, **Lizzy,** that is what I do not choose'.*

В подгруппе имен нарицательных, которые выступают в роли обращения, М.А. Оликова дает характеристику оценочным и неоценочным формам обращения. К первой группе относятся названия растений (*Cherry*), зоонимы (*Tiger, Teddy Bear*), названия частей тела (*Sweet Cheeks*), абстрактные существительные (*Beauty, Love*) и эмоциональные обращения (*Gorgeous, Darling*). Во второй группе выделяют традиционные формы вежливости (*Mr. Brown*), термины родства (*mother, dad*), окказиональные обращения (*mate, fellow*) и обращения по должности, ученой степени (*Sergeant, Captain, Doctor*), а также субстантивированные прилагательные (*Dear*). Следует отметить, что с номинативной точки зрения обращения делятся на простые (*'What a nice surprise, **mother!**'*) и сложные (*'Listen, **you big murdering slob!**'*). В качестве обращений могут выступать также междометия, например: *'Excuse me. What are those for? the young man asked.'* Классификация М. А. Оликовой основана на лексико-грамматических параметрах, а именно на принципе принадлежности слов к определенной лексической группе.

А. Вежбицкая классифицирует все имена на основе их прагматического использования. Она выделяет маркированные и не маркированные имена, которые в свою очередь подразделяются на шесть категорий: 1) маркированные полные имена (*Benjamin, Elizabeth, William*), 2) не маркированные полные формы (*Jack, Martin, Nora*), 3) не маркированные краткие имена (*Tom, Eda*), 4) маркированные краткие формы (*Ben, Bob, Ter*), 5) маркированные имена, оканчивающиеся на *ie, y* (*Betty, Jimmy*), 6) не маркированные формы на *ie, y* (*Terry, Debbie*). Полные имена становятся маркированными в тех случаях, когда у них есть

немаркированные сокращения. Необходимо подчеркнуть, что, по мнению А. Вежбицкой, семантика английских имен очень обширная и сложная область знаний, чтобы ее детально обсуждать.

Г. А. Газиева определяет семантику обращений как "единство сопряженных аспектов значения лексической единицы—номинативного, денотативно-сигнификативного, стилистического и прагматического; структуризация выявленных семантических признаков моделируется автором на основе концентрической теории семантической презентации слова, при помощи ядра и окружающих его оболочек" [2, с. 195].

Классификация обращений Л. А. Грачевой строится на принципе присутствия (или отсутствия) эмоционального компонента в словах в функции обращения. Так, Грачева выделяет узуальные и эмоциональные формы обращения. К первой группе обращений она относит имя собственное, фамилии, обращения по семейному, родственному, профессиональному или социальному признаку. Грачева считает, что узуальные формы обращения нейтральны и служат для установления и поддержания контакта. Однако, если нейтральные обращения становятся сокращенными, уменьшительными, то они приобретают эмоциональный характер. Данная классификация тоже основана на лингвистических формах.

Американские лингвисты Р. Браун и М. Форд подошли к классификации средств адресации с иной позиции, которая строится на содержании социального компонента обращений. По мнению данных авторов, английские формы обращения следует описывать с помощью бинарной оппозиции: личное имя (*First Name*) или титул+фамилия (*Title+Last Name*). Титул и фамилия употребляются при обращении к человеку, который имеет более высокий статус, а личное имя – к человеку с более низким положением. Первая форма в данном случае выражает почтение и отражает дистанцию, вторая, в свою очередь, близость и снисходительность. Бинарная оппозиция, предложенная Р. Браун и М. Форд, основана не на принадлежности средств адресации к той или иной лексической группе, а на статусном признаке коммуникантов. Так, перед личными именами часто используются формы *Madam, Miss, Mrs, Ms, Mr*. Слово *Sir* употребляется как обращение человеку, имеющему более высокое положение. Именно обращение *Sir* было наиболее ранним по времени возникновения и одной из самых распространенных форм этикета. В 16–19 вв. оно имело достаточно широкий диапазон

употребления. Эта форма речевого этикета использовалась в высших и средних кругах английского общества, но при этом собеседники могли быть как в равноположных, так и в разноположных отношениях. Обращение *Sir* в сочетании с эпитетами использовался при обращении к королю (*'Most royal sir'*). Оно также было распространено и среди представителей средних и низких кругов по отношению к знати. Кроме того, данное слово применялось в титулованных семьях при обращении к отцу. Друзья и приятели старались не употреблять формальное обращение *Sir*, но могли использовать его по отношению к малознакомым или незнакомым людям. Данное слово ставилось также перед именами рыцарей в качестве титула, но иногда могло употребляться при обращении к священнику (*'How now, sir Hugh?'*). Следует отметить, что в определенных ситуациях обращение *Sir* использовалось не для того, чтобы установить контакт, а с целью выразить отношение к собеседнику. В разговорной речи была распространена форма *Sirrah*, однако в равноположных условиях оно выражало упрек, презрение или ненависть, например в произведении Шекспира сын короля Ричарда заявляет герцогу Анджуйскому: "*Sirrah, were I at home, at your den, sirrah...*" [7]. К концу 19 века обращение *Sirrah* выходит из употребления. Слово *lady* раньше тоже использовалось по отношению к женщине с более высоким положением, но сейчас оно стало нейтральным вежливым обращением к незнакомой женщине. Непосредственно использование таких обращений определяет ситуацию и сферу языкового общения.

В определенных случаях обращения могут обладать коммуникативной самостоятельностью, т.е. стать одним из видов предложения, а именно словом-предложением, вокативным предложением или же квазипредложением.

"Jesus!" he said. "What the hell happened to you?" [11, с. 479].

"Hey," Stradlater said. "Wanna do me a big favor?" [11, с. 479].

"Jou-Jou, come and help me clear away, dear" [10, с. 232].

Очень часто отечественные и зарубежные лингвисты трактуют обращение как отдельное предложение. Г. П. Торсуев отмечал, что "обращения, составляющие отдельные синтагмы (обычно в начале предложения) могут быть функциональными заменителями целых предложений" [6, с. 332]. Такого же мнения придерживается Е. Круизинга: "Any noun that is used to call a person (a "vocative") may be looked upon as a sentence, or a sentence word" [8, с. 505]. Однако не все лингвисты

поддерживают эту точку зрения. А.А. Потебня, А.Т. Абрамова, А.Г. Руднев считают, что обращения не могут трактоваться как предложение, они функционируют как особый член предложения. Их точка зрения строится на том, что средства адресации объединяются с остальной частью предложения интонацией. Кроме того, они соотносятся с другими членами и могут иметь разную позицию в структуре предложений.

“Dear Mr. Hopper, how nice of to come so early” [12, с. 368].

“How clever you are, Mr. Hoopper. You have a cleverness quite of your own” [12, с. 368].

“Mind you take great care of my little chatterbox, Mr. Hopper” [12, с. 368].

Необходимо отметить, что в потоке речи обращения выделяются с помощью интонационных средств. Так, Г.П. Торсуев, отмечает, что средства адресации в зависимости от назначения могут произноситься либо с восходящим, либо с нисходящим тоном. «В серединном и конечном положении обращения обычно своей интонации не имеют, а продолжают мелодический ход предшествующей части предложения» [6, с. 332]. Кроме того, во многих языках вместе с языковыми знаками обращений могут употребляться и неязыковые знаки, например: жесты, свист, взгляд, похлопывание по плечу.

Таким образом, обращения играют очень важную роль в коммуникации. Они могут включать в себя общие знания (нормы этикета), которые присуще определенному обществу, а также индивидуальную оценку ситуации общения, статус, степень близости коммуникантов. Обращения выполняют, прежде всего, фатическую функцию, подразумевающую процесс общения между собеседниками, а именно: установление, поддержание или размыкание контакта. Кроме того, средства адресации способны воздействовать на сознание участников коммуникации, они являются одним из способов манипуляции, в результате которой возникают определенные вербальные или невербальные реакции участников общения. Формы обращений довольно динамичны, они реагируют на изменения и развитие языка, а также представляют собой лингвистический показатель социальных преобразований общества.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Газиева Г. А. Обращение как коммуникативная единица языка: дисс... канд.филол.наук. Ташкент, 1988. 195 с.
3. Грачева Л. А.Обращение и его проекция его семантики на формирование функционально эмотивных номинаций: дисс... канд. филол. наук. Минск, 2000. 127 с.
4. Липатова М. К. Обращение как средство выражения эмоциональной оценки:дисс...канд. филол. наук. Ленинград, 1984.181 с.
5. Оликова М. А. Обращение в современном английском языке. Львов, 1979. 84 с.
6. Торсуев Г. П. Фонетика английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1950. 332 с.
7. Шекспир В. Король Ричард III (перевод А.В. Дружинина). Спб.: Кристалл, 2002. 320 с.
8. Brown R. and Ford M. Address in American English. New York: Harper and Row, 1964. 244 p.
9. Kruisinga E. A Handbook of Present day English. Groningen, 1932. 505 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1780 p.
11. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. М.: Юпитер-Интер, 2004. 232 с.
12. Shaffer P. Five finger exercises. Modern English Drama. М.: Raduga Publishers, 1984. 479 p.
13. Wild O. The importance of being earnest and other plays. Oxford: Oxford University Press, 2008. 368 p.
14. Zandvort R.W. A Handbook of English Grammar. Groningen, 1976. 349 p.

Степанова Д.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Реализация гендера в современной литературе для детей 5–10 лет

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы гендерной лингвистики, проводится лингвистический анализ современных детских произведений, написанных русскими и английскими авторами, с целью выявления способов реализации гендера, конструируются основные образы героев современной детской литературы с точки зрения гендерных особенностей.

Ключевые слова: языковой образ, гендерная лингвистика, гендер, пол, целевая аудитория, лексико-грамматический уровень, синтаксический уровень, паралингвистические средства, гендерлект.

D. Stepanova

Moscow Region State University (Moscow)

Implementation of gender in modern literature for 5- to 10-year-old children

Abstract. The paper discusses the theoretical foundations of gender linguistics and gives a linguistic analysis of modern children's books, which are written by Russian and English authors, with a view to identify ways of implementing gender. The main characters from modern children's literature are analyzed from the point of view of gender characteristics.

Keywords: language image, gender linguistics, gender, sex, target audience, lexicogrammatical level, syntactic level, paralinguistical devices, genderlect.

Языковой образ, как мужской, так и женский и присущие ему свойства являются объектом исследований каждой культуры. Разница между речью мужчин и женщин достаточно ощутима, отсюда допустимо говорить о существовании особого «женского» и «мужского» языков. Подтверждающими примерами может послужить японская речевая культура, где женщины и мужчины используют разные местоимения, чукотская, где различается фонетика, и др. Но такие различия можно обнаружить и в любом языке: русском, английском, немецком и т.д. Женские и мужские особенности проявляются на всех уровнях языка. Принадлежность к определенному полу определяет конкретную модель отношений общества к мужчинам и женщинам, сложившиеся стереотипные представления о них, что предоставляет им определенное место в данном обществе, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное».

Именно гендерная лингвистика занимается вопросами отражения гендера и коммуникативного поведения мужчин и женщин в языке. Гендерные исследования являются новой междисциплинарной областью науки, в центре которой находится понятие «гендер». Данное направление в лингвистике считается относительно новым. Оно появилось в России лишь в 90-е годы XX века и в данный момент активно развивается. Главным образом, гендерная проблематика затрагивается в сфере не столько собственно лингвистики, сколько психолингвистики, то есть науки, существующей на границе лингвистики, психологии и социологии. Интерес лингвистов к вопросам пола и гендера обусловлен общими

тенденциями современной науки, а именно – антропоцентрической ее направленностью, то есть поворотом к человеку в различных его аспектах, и образованием смежных дисциплин на стыке первоначально разных наук.

Понятие «гендер» составляет основу гендерных исследований и трактуется различными концепциями теории феминизма, социологии гендера, гендерной психологии, постфеминизма и так далее. «Гендер – социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается» [1]. «Гендер» представляет собой систему взаимодействий, путём которых создаётся представление о мужском и женском как основных социальных категориях.

Некоторые авторы включают в понятие «гендер» понятие «пол». К примеру, определение гендера в учебнике «Социальная психология» звучит так: «Гендер: в психологии – социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина и женщина». Так как пол является биологической категорией, социальные психологи часто ссылаются на биологически обусловленные гендерные различия как на «половые различия» [2, с. 240–243]. Очевидно, что половые различия могут рассматриваться как частный случай гендерных. Данные понятия могут быть и синонимами «гендерные особенности – особенности, связанные с признаками половой принадлежности» [5, с. 42].

Учёные до сих пор не пришли к единому определению понятия «гендер». Само понятие не имеет перевода с английского языка и является лишь его калькой.

В настоящее время наиболее актуален интерес к исследованию реализации гендера в современной детской литературе. Он обусловлен тем, что на самых ранних этапах развития ребенка закладываются определенные паттерны поведения, причем гендер является важнейшей составляющей этого процесса, а современная детская литература, наряду с телевидением, другими масс медиа, безусловно, играет существенную роль в этом процессе.

Детская литература оказывает действенное влияние на формирование личности ребёнка и участвует в процессе его гендерной социализации. В отличие от литературы 1920-х годов современная литература направлена на интересы гендера, печатаются и издаются книги с пометками «специально для девочек» или «читать только мальчикам». Такими являются книги для детей 5–10 лет: «Настоящие принцессы всегда

говорят «спасибо»» [3] и «Настоящие рыцари не обзываются» [4]. Обе книги поощряют предписанное обществом поведение «настоящей принцессы» и «хорошего мальчика». Они являются пособиями для досуга и описывают поведение мальчиков/девочек, соответствующее их возрасту 5–10 лет. Гендерная роль героев книг не ограничивает их поведение, мальчики и девочки обязаны соблюдать определённые правила поведения в независимости от их пола. Маленькие представители обоих полов должны соблюдать правила этикета: быть вежливыми, тактичными, прилежными, опрятными, хозяйственными. Это проявляется через одинаковое употребление эпитетов: «хороший(ая), плохой(ая), внимательный(ая), аккуратный(ая), добрый(ая)»; абстрактных существительных: «мода, искусство, дружба, учеба»; языковых клише вежливости: «извините, разрешите, пожалуйста»; устойчивых выражений «держат слово, усердно работать»; конструкций с местоимениями такой(ая), так, какой(ая) с положительной и отрицательной коннотацией; синонимов и антонимов на лексико-грамматическом уровне. На синтаксическом уровне наблюдается использование сочинительного способа связи простых предложений в составе сложного, риторических вопросов: «Как бы поступил(-а)?», восклицательных предложений: «Внимание!», избыточных повторов: «леди, рыцарь» и однообразных приемов при передаче эмоционального состояния: «Ох, как же так!». При общей характеристике речи героев наблюдается изменение склонности к конфликтной коммуникации стремлением к гармоничной коммуникации, с целью передать противостояние плохого и хорошего и нарисовать «идеальный» образ для мальчика/девочки. Стереотип о том, что задача представительниц слабого пола вести домашнее хозяйство, что названо в данных книгах как «помощь маме», отсутствует. Пылесосить, мыть посуду, вытирать пыль, сходить в магазин – все это относится к пункту «помощь маме», который был выявлен в двух данных пособиях для мальчиков и девочек. Особое внимание было уделено отношению мальчика к девочке в книге: «Настоящие рыцари не обзываются». Являясь представителем сильного пола и соответствуя образу истинного рыцаря, мальчику следует проявлять заботу о представительницах слабого пола и учитывать определённые нормы поведения, находясь рядом с девочкой: «открывать дверь, уступать место, идти слева от неё».

Американские книги для детей 5–10 лет в виду культурных различий отличаются от российских не только гендерными образами, но и языком

написания книг. Можно говорить о существовании гендерлекта, особенностях языкового образа героев в пределах каждого анализируемого языка, включая лексику, грамматику и стиль. Так, например, книги американских писателей «Hammer and nails» [6] и «Ollie's school day» [7] олицетворяют сюжетные линии главных героев. Книга «Hammer and nails» [6] описывает жизнь отца и дочери. Образ отца соотносится с образом хорошего родителя, который любит свою дочь, выполняет работу по дому, как мужскую (ремонт по дому), так и женскую (ведение домашнего хозяйства), идёт на уступки ради своей дочери и выполняет действия, присущие женскому полу (красит ногти, делает причёски, одевает розовую пачку). В глазах отца его дочь настоящая принцесса, миледи и её величество, он ласково называет её: “Princess”, “Milady”, “Your Majesty”. Она, стоит отметить, выполняет то, что не считается «истинно женским»: под наблюдением отца помогает ему ставить забор и с легкостью забивает гвозди. Книга интересна тем, что противоречит гендерным стереотипам о действиях «женских» и «мужских». И женщина, и мужчина могут выполнять действия, свойственные противоположному полу, можно говорить о сглаживании гендерных стереотипов.

Книга “Ollie's school day” [7] описывает школьный день обычного мальчика Олли. Он живет в семье с мамой, каждый день она провожает его в школу и с радостью ждёт дома. Книга делает акцент на образе мальчика в школе, что очевидно из названия. Олли – хороший, прилежный, дружелюбный, любознательный мальчик. Вопросно-ответная форма книги говорит о том, что «хорошо» и что «плохо», заставляя читателя подобрать наиболее подходящий ответ на поставленный вопрос.

Книги американских писателей для детей младшего школьного возраста характеризуются использованием эмоционально окрашенных прилагательных: “hungry, fast, giant, funny”; неологизмов: “rainbowlicous, friend zone”, американизмов: “P Js” сокр. от pajamas”; звукоподражаний: “Whoa, whoa, whoa”, “Ta-da”, “Oh”; сокращенных форм: “we'd, don't, wasn't”; аллитераций: “Darcy-Daddy Day”; оксюморонов: “fishy-flavour ice-cream”, “elephant in my ear” на лексико-грамматическом уровне. На синтаксическом уровне используются восклицательные предложения, риторические вопросы, вопросно-ответная форма, назывные предложения, чтобы привлечь внимание маленьких читателей. При общей характеристики речи героев происходит сглаживание гендерных

стереотипов, одинаковую лексику можно обнаружить у представителей обоих полов.

Стоит отметить, что произведённый анализ книг на русском и английском языках выявил основные поликодовые характеристики текстов: яркое оформление обложки, красочные иллюстрации, шрифты разного размера и цвета, многие слова написаны прописными буквами, что способствует обращению внимания читателя. Такие паралингвистические средства, как необычная графическая сегментация текста, его расположение в разных сторонах бумаги, шрифтовой и красочный наборы, типографские знаки, цифры, иконические знаки (рисунки и фотографии), необычное написание, нестандартная расстановка пунктуационных знаков участвуют в организации текста вербального языка и формируют коммуникативно-прагматический аспект текста. Нарисованные девочки имеют кукольную внешность: большие ресницы, длинные волосы, красивые пышные платья, наличие аксессуаров: банты, заколки, сумочки, брошки, присутствие розового цвета в образе героинь. Нарисованные мальчики предстают в образе настоящих джентльменов, одежда стандартна: штаны, футболка, ботинки, основные цвета: синий и зелёный.

Таким образом, в книгах для детей большое значение играют паралингвистические средства, привлекающие внимание маленьких читателей и акцентирующие на наиболее важной и полезной информации. В зависимости от страны написания книг различается выбор лексики, грамматики и стиля самим автором.

Анализ наиболее распространенных книг, изданных большим тиражом и получивших многочисленные положительные отзывы, дает право говорить о том, что современная детская литература подсознательно закладывает стереотипные представления о внешнем виде девочки/мальчика, об «идеальных» образах, к которым должен стремиться ребенок в процессе гендерной социализации. Половое разграничение в нормах поведения отсутствует, поскольку они являются одинаковыми для каждого. Несмотря на различие увлечений обоих полов, они могут вызывать интерес у противоположенных.

Список литературы

1. Козлов Н. И. Гендер: чем определяется наш социальный пол? [электронный ресурс] // www.psychologos.ru: психологический портал российского интернета. 2009–2016.

http://www.psychologos.ru/articles/view/gender_dvoe_zn__chem_opredelyaetsya_a_nash_socialnyy_pol_vop_zn_ (дата обращения: 12.11.2017).

2. Майерс Д. Социальная психология/Перев. с англ. СПб.: Питер, 1997. С. 240–243.

3. Настоящие принцессы всегда говорят «спасибо». Хорошие манеры для девочек от 5 до 10 лет. М.: Изд-во «Э», 2016. 40 с.

4. Настоящие рыцари не обзываются. Хорошие манеры для мальчиков от 5 до 10 лет. М.: Изд-во «Э», 2016. 40 с.

5. Психология человека от рождения до смерти. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 656 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»).

6. Bledsoe J. Hammer and nails. Brooklyn: Flashlight Press, 2016. 35 с.

7. Calmenson S. Ollie's School Day. New York: Holiday House, 2012. 30 с.

Телегин Л.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

О некоторых евро-азиатских лексических параллелях

Аннотация: В статье рассматриваются слова, обозначающие верблюда, мыло и шелк в некоторых языках Европы и Азии на предмет выявления их сходств в плане выражения и подтверждения определенных языковых и культурных контактов народов этого региона. Показано, что в большинстве сравниваемых языков консонантные рамки этих слов совпадают, что свидетельствует о несомненных языковых и культурных контактах народов Евразии.

Ключевые слова: лексические параллели, консонантная рамка, верблюд, мыло, шелк.

L. Telegin

Moscow Region State University (Moscow)

On some Eurasian lexical parallels

Abstract. The paper is concerned with the comparison of nominations of camel, soap and silk in some languages of Europe and Asia. The aim is to discover their similarity in the means of expression. It is shown that consonant frames of these nominations coincide in the majority of languages compared, which testifies to the wide linguistic and cultural contacts of peoples in Eurasia.

Keywords: lexical parallels, consonant frame, camel, soap, silk.

Сравнение формальной структуры слов, называющих один и тот же предмет или явление в различных языках, позволяет наметить пути проникновения той или иной лексической единицы в рассматриваемый язык, решить какой язык можно в данном случае считать языком-донором, а какой – языком-реципиентом. В этом плане интерес представляют

предметные номинации, не являющиеся этноспецифическими или экзотическими словами. Слова, обозначающие верблюда, мыло и шёлк в некоторых языках Европы и Азии, вполне подходят для этой цели.

1. ВЕРБЛЮД

Учёные считают родиной семейства верблюдов Северную Америку. Перед наступлением ледникового периода верблюды через Аляску проникли в западную Азию, где они разделились и постепенно стали двумя основными видами, известными сегодня: одногорбый арабский вид, или дромедар, и двугорбый бактрийский вид. Первоначально арабские верблюды жили в Аравии в диком состоянии, сегодня они одомашнены. Бактрийские верблюды предположительно жили в Монголии и Туркестане [6 vol. 3, с. 75].

Как средство транспортировки товаров использовался преимущественно бактрийский вид верблюдов. Арабское и тюркское обозначения этого животного и дали ряд лексических параллелей в некоторых языках Европы и Азии.

1.1. В ряде германских и романских языков названия верблюда характеризуются полным тождеством их консонантных рамок k-m-l и очевидным созвучием в части гласных [3, с. 8–9]. Ср. англ. camel, нем. Kamel, нидерл. kameel, шв., норв., дат. kamel, итал. cammello, исп. camello, порт. camelo, рум. samila [5, с. 50]. С учётом оглушения [g] в [k] они оказываются тождественными корню арабского слова gamal «верблюд», к которому они восходят через греко-латинское посредство (лат. camelus, греч. kamelos). Франц. chameau имеет несколько иную конфигурацию согласных, но чередование k/ʃ и вокализация конечного -l регулярно проявляется при освоении заимствований французским языком. Ср. cammello – chameau.

Финское kamell также является очевидным заимствованием из шведского.

1.2. Обозначения верблюда в ряде тюркских языков характеризуются общностью корня, представляемого консонантной рамкой t/d-j/v. Ср.: каз. туйе, кирг. тоо, узбек. туя, азерб. дэвэ, татар. дөя, турец. deve, туркм. дуге [7, 8]. Озвончение глухих смычных в начале слова, характерное для тюркских языков западно-огузской группы, позволяет считать, что первоначальной формой корня тюркского слова был глухой t, озвончавшийся по мере появления этого корня в туркменском, азербайджанском и турецком языках, а участие губ приводило к переходу j

>v. Обозначение верблюда в киргизском сохранило только начальный согласный корня – тоо. Венгерское *teve*, очевидно, является заимствованием из турецкого.

1.3. Названия этого животного в русском (верблюд), таджикском (шутур/уштур) и монгольском (тэмээний) [7, 8] не позволяют установить какие-либо параллели с вышеданными словами арабского или тюркского происхождения.

2. МЫЛО

Никто не знает, когда или где люди впервые сделали мыло. Римляне, по словам Плиния, заимствовали этот предмет у кельтов (галлов), но изобретение мыла обычно приписывают германцам. Сравнительный анализ слов, называющих этот предмет в различных языках, говорит о бесспорных языковых и культурных контактах народов Европы и Азии.

2.1. В восточных языках слова, называющие этот предмет, имеют корень из трёх согласных: s-b-n. Ср.: *saboun* (араб.), *sabun* (перс.), *sabun* (турец.) [5, с. 210], *собун* (тадж.), *сабын* (татар.), *сабын* (туркмен.), *самын* (кирг.), *совун* (узбек.) [7, 8]. В двух последних случаях консонантная рамка имеет иные формы: s-m-n в киргизском, вследствие чередования смычного губного [b] с носовым [m], и s-v-n в узбекском, вследствие чередования смычного губного [b] с щелевым губно-зубным [v].

2.2. Слова в языках народов Европы имеют корень s-p-n или его сокращенный вариант s-p с чередованиями в первом или втором согласном. Ср.: *sapone* (итал.), *sapun* (рум.), *сапун* (срб.-хор.), *сапун* (болг.), *szappan* (венгер.), *sapou'ni* (греч.), *saipua* (финн.), *soap* (англ.), *sape* (норв.). Консонантная рамка имеет несколько иную форму в некоторых словах романских и германских языков: *jabon* (испан.), *sabão* (порт.), *savon* (франц.), *sæbe* (дат.), *Seife* (нем.), *zeep* (нидер.) [5, с. 210].

2.3. Нижеследующие обозначения мыла стоят особняком по сравнению с вышеданными случаями: *мыло* (рус.), *mydło* (польск.), *mydlo* (чеш.), *tvål* (швед.).

3. ШЁЛК

Родиной шёлка является Китай. Основными поставщиками шёлкового полотна из Китая были персидские купцы, доставлявшие его в Дамаск, главный центр торговли между Востоком и Западом в раннее средневековье. Цены на шёлк были очень высокими, поэтому основным потребителем шёлка был самый богатый в то время город Рим [6 vol. 17, с. 461 – 462]. Для обозначения ткани из шёлка там использовали латинское

sericus, производное от Seres – «Китай», подчёркивая этим китайское происхождение данной ткани. Позднее для обозначения шелкового полотна использовали слово народной латыни – saete или seta [1, с. 468]. Эти обозначения стали номинациями шёлка в германских и романских языках.

3.1. Seric(us) легло в основу древнеисландского silki, от которого пошли silke (швед., норв., дат.), silk (англ.), silkki (фин.) и шёлк (рус.) [2, с. 228].

3.2. Seta сохранило эту форму в итальянском seta, но трансформировалось в seda (исп.), sêda (порт.), Seide (нем.) и zijde (нидер). Особняком стоит франц. soie, возводимое к ср.-лат. seie [4, с. 1828].

3.3. В тюркских языках обозначение шёлка достаточно однородно: iprek (турец.), ипэк (азерб.), ефэк (татар.), йупек (туркм.), жібек (казах.) [7, с. 8]. Особняком выступает узбекское шойи как обозначение ткани и ипак как обозначение шелкового волокна. Тюркские обозначения шёлка возможно являются производными от тюркского ip (узбекское ип, турецкое ipi) «нитка», воспринимая шёлковую ткань как изделие из нити, а саму нить исключительно как нить шелкопряда.

3.4. Некоторые другие языки Европы и Азии не имеют параллелей с вышеуказанными обозначениями шелка: harir (араб.), metaxi (греч.), selyem (венгерск.), matase (рум.) [5, с. 206].

Это, конечно, только отдельные случаи языковых и культурных контактов различных регионов Европы и Азии, но и они являются неотъемлемой частью свидетельства большого евразийского партнёрства.

Список литературы

1. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М.: Изд-во «Азбуковник», 2004. 630 с.
2. Ситникова А. Этимологический словарь русского языка / А. Ситникова. Изд 2-е. Ростов н/Д: «Феникс», 2005. 240 с.
3. Телегин Л. А., Дмитриева Е. И., Ковалева Д. А. Англо-русские лексические изоглоссы. М: Глосса-Пресс, 2014. 72 с.
4. Le Petit Robert 1. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Rédaction dirigée par Alain Rey et J. Rey-Debove. 1988.
5. The Concise Dictionary of 26 Languages in Simultaneous Translation. Compiled by Peter M. Bergman. N.Y., 1968. 408 p.
6. The World Book Encyclopedia. World Book Inc. a Scot Fitzer Company. – Chicago, London, Sidney, Toronto, 1991, vol. 3, 17.

Электронные ресурсы

7. Он-лайн переводчик LTran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ltran.ru> Дата обращения: 20.01.2018

8. Он-лайн переводчик Webtran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.webtran.ru> Дата обращения: 20.01. 2018.

Тимофеева А.А.

Московский педагогический государственный университет (Москва)

Лингвистические средства выражения понятия «сверхъестественное» в британской литературе викторианской эпохи и их передача на русский язык

Аннотация. Статья посвящена проблеме межъязыковой передачи понятия «сверхъестественное» с английского на русский язык. Материалом исследования послужили произведения британских авторов викторианской эпохи и их переводы на русский язык. В статье отражаются основные приёмы передачи исходных лексических единиц и словосочетаний с английского на русский язык.

Ключевые слова: сверхъестественное, перевод, британская литература, викторианская эпоха, переводческий приём.

A. Timofeeva

Moscow City Teachers' Training University y (Moscow)

Linguistic means of expression of “supernatural” in British literature of the Victorian epoch and their translation into Russian

Abstract. The paper studies the problem of translation of the concept of “supernatural” from English into Russian. The material of the research is based on the works of British authors of the Victorian epoch and their translations into Russian. The paper reflects the basic methods of translation of original lexical units and word combinations from English into Russian.

Keywords: supernatural, translation, British literature, Victorian epoch, translation techniques.

Истории о *духах* и *привидениях* особенно широко распространились в средствах массовой информации с выходом повести классика мировой литературы Чарльза Диккенса «*Рождественская песнь в прозе*» («*A Christmas Carol in prose*») в 1843 году, а вера в *призраков* и *потусторонние силы* еще больше укрепились в общественном сознании.

При описании лица призрака Марли, явившегося Скруджу, автором употребляется выражение «...*had a dismal light about it...*» [17]. Вариант перевода бар. С. А. Врангель (1909 г.): «...*распространяло вокруг себя*

слабый светъ...» (потусторонняя коннотация исходного словосочетания в переводном тексте выражена слабо) [2]

Вариант перевода Н. Пушешникова (1912 г.): «...окруженное **зловещимъ сіяніемъ...**» (потусторонняя коннотация исходного словосочетания в переводном тексте выражена конкретнее, однако, наблюдается некоторое искажение значения – переводчик использует приём лексической замены, добавляя в текст перевода иной смысл) [4].

Вариант перевода Т. А. Озёрской (1959 г.): «...излучало **призрачный свет...**» (потусторонняя коннотация исходного словосочетания в переводном тексте выражена верно, искажения исходного значения не наблюдается) [3].

Ещё одно словосочетание с компонентом «сверхъестественное» в тексте повести – *haunted houses/дома с привидениями*. Пример из аутентичного текста повести: «*Scrooge then remembered to have heard that ghosts in haunted houses were described as dragging chains*» [17].

Вариант перевода бар. С. А. Врангель: «Скруджъ вспомнилъ рассказы о томъ, что **появляющіяся въ домахъ привидѣнія** обыкновенно влачатъ за собою цѣпи» [2]. Переводчик использует приём добавления, несколько искажая исходный смысл. Нужно отметить, что *дома с привидениями*, исходя из семантики аутентичного словосочетания уже априори населены *призраками*, которые в них находятся постоянно, а не появляются время от времени. Вариант перевода Н. Пушешникова: «Скруджъ тотчасъ же припомнилъ тѣ рассказы, въ которыхъ говорилось, что **въ тѣхъ домахъ, гдѣ водится нечистая сила**, появленію духовъ сопутствуетъ лязгъ влекомыхъ цѣпей» - переводчик использует комплексную трансформацию (добавление и лексическую замену) [4]. Следует сказать о том, что одной из задач переводчика является сохранение национально-культурного колорита иноязычного текста при его воспроизведении на языке перевода, что не удалось сделать Н. Пушешникову – словосочетание *нечистая сила* более характерно для русской лингвокультуры. Однако, в данной интерпретации подчеркивается именно постоянное пребывание *сверхъестественных явлений в доме с привидениями*, о чём свидетельствует употребление им глагольной лексической единицы *водится*. Вариант перевода Т. А. Озёрской: «Невольно Скруджу припомнились рассказы о том, что, когда **в домахъ появляются привидения**, они обычно влачат за собой цѣпи» - данная интерпретация схожа с переводом бар. С. А. Врангель [3].

В целом, необходимо отметить, что наиболее адекватным следует признать перевод Т. Озёрской (1959 г.), т.к., при сравнении его с дореволюционными переводами, приходим к выводу о том, что в них допущено, подчас, «обеднение» и неверная передача авторского замысла, путём опущения некоторых лексических единиц, а также несоблюдение принципа сохранения национально-культурного колорита, что не является допустимым.

К мистической тематике обращался в своём творчестве и А. Конан Дойл. Особое место в творчестве писателя занимают его мистические рассказы, сюжетная канва которых тесно переплетает реальность и мистику в единое повествование.

В аутентичном тексте рассказа «Ужас расщелины голубого Джона» (“The Terror of the Blue John Gap”) лексическая единица с компонентом «сверхъестественное» обнаруживается в номинации странного и кровожадного существа, похищающего овец безлунными ночами – «...*the Terror that lives in the Blue John Cave*» [16].

Вариант перевода В. К. Штенгеля (1964 г.): «...*Страшилище, которое живет тут, в пещере Голубого Джона*» [11]. Переводчик использует приём *лексической замены*, подбирая наиболее эквивалентную лексическую единицу, исходя из контекста произведения.

В рассказе «Серебряное зеркало» (“The Silver Mirror”) можно выделить конструкции *opacity... appeared to slowly rotate this way and that/дымка, казалось, медленно вращавшаяся то в одну, то в другую сторону* и *a thick white cloud swirling in heavy wreaths/густое белое облако, свивавшееся тяжёлыми клубами*: «*This opacity, when I stared hard at it, appeared to slowly rotate this way and that, until it was a thick white cloud swirling in heavy wreaths*» [15]. Вариант перевода В. С. Кулагиной-Ярцевой (1995 г.): «...*зыбкая дымка медленно вращалась то в одну, то в другую сторону, затем сгустилась в белое клубящееся облако*» [10]. Переводчик использует *комплексную трансформацию*:

1. *добавление + опущение* – автор перевода добавляет описательную характеристику в виде лексической единицы *зыбкая*, а лексема *appeared/казалось* в данной интерпретации опущена, что свидетельствует о стремлении переводчика подчеркнуть «реальность» происходящего;

2. *лексическая замена + опущение* – переводчик заменяет лексическую единицу *was/стала* лексемой *сгустилась*. Лексическая единица *thick/густой* опущена, также используется приём *генерализации*

(по Бархударову) – в аутентичном тексте *облако, свивавшееся тяжёлыми клубами*, в то время как в переводном тексте *клубящееся облако* (менее конкретное значение) [1].

В аутентичном тексте рассказа «Рассказ американца» (“The American's Tale”) встречаем следующее словосочетание с компонентом «сверхъестественное» – «*The great thorns had been slowly driven through his heart...*» [14]. В переводном тексте В.А. Михалюка данное словосочетание интерпретируется следующим образом – «...**огромные шипы** медленно пронзили его сердце» [9]. Отметим, что передача переводчиком значения осуществлена абсолютно верно.

Нужно отметить, что в своих произведениях касается мистической тематики и У. Коллинз – в его романе «Отель с привидениями» (“The Haunted Hotel”) можно обнаружить весьма реалистичное описание потусторонних явлений [5].

Прежде всего, лексема с компонентом «сверхъестественное» встречается уже в названии романа – *haunted/населённый призраками*. В отечественном языкознании первым лингвистом, начавшим теоретическую интерпретацию названия, был А. М. Пешковский, который правильно установил основной статус названия – быть чем-то большим, чем обычное наименование объекта, то есть таить в себе еще какую-то внутреннюю, скрытую от нас сущность, которая до определенного времени как бы остается «вещью в себе», демонстрируя будущему читателю лишь намек на определённое содержание или же его сжатое представление [12]. В интерпретации В. А. Харитоновой видим прямой перевод названия на русский язык – *The Haunted Hotel/Отель с привидениями*. Присутствие в переводе элементов дословности обусловлено целым рядом объективных причин, главной из которых является наличие семантического параллелизма языков, вытекающего из существования языковых универсалий [8]. К такого рода универсалиям можно отнести и понятие *haunted*, имеющее в русском языке свой эквивалент – *населённый призраками*. Ссылаясь на теорию уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, отметим, что данный пример можно отнести к 1-му, наивысшему типу эквивалентности – на уровне языковых знаков (слов). Лексическая единица *привидение* несёт в себе *потустороннюю коннотацию*, что в переводном тексте производит на читателя впечатление интриги, загадочности последующего повествования.

Яркий пример словосочетания с компонентом «сверхъестественное» встречаем в строках, повествующих о свидениях миссис Норбери в комнате № 14 венецианского отеля: «...*she saw him tempted by a shadowy creature to drink, and dying of the poisonous draught...*» [13]. В. А. Харитонов предлагает следующий вариант перевода: «...*то какая-то **призрачная фигура** соблазняла его глотком воды, и он умирал от яда...*» [7]. Лексема *shadowy* имеет свой русский эквивалент – лексическую единицу *призрачный*, следовательно, нужно признать, что переводчику удалось точно передать *потустороннюю коннотацию*. Следует также отметить, что лексема *creature* на русский язык переводится лексической единицей *существо*, семантика которой предполагает признак чего-то живого, существующего на самом деле, что не может употребляться в сочетании со словом *призрачный*, семантика которого указывает на *бестелесность* описываемого явления, его *загадочность*, *необъяснимость*, *потусторонность*. В связи с этим В. А. Харитонов подбирает наиболее подходящую лексическую единицу *фигура*, семантически нейтральную, не имеющую в себе указания на признак чего-то живого, из чего можем сделать вывод о том, что коннотативное значение исходной лексемы в переводном тексте передано верно. Данный пример, согласно теории В.Н. Комиссарова, можно отнести к 3-му типу эквивалентности – на уровне сообщения/текста, т.к. в переводе сохранены общие понятия, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале. На наш взгляд, У. Коллинз в тексте романа приводит именно лексему *creature* для того, чтобы придать живости, явственности повествованию, но на русский язык правильно передать *коннотацию*, заявленную автором, буквальным переводом невозможно, что обусловливается различием в понимании *коннотативного значения* одной и той же лексической единицы англоязычными и русскоязычными читателями. Трудность передачи *коннотации* преодолевается за счёт подбора переводчиком наиболее близкой по смыслу лексемы, даже если это предполагает замену исходной лексической единицы лексемой переводного языка, семантика которой разительно отличается от аутентичной.

Мистические рассказы занимают особое место в творчестве и Р. Киплинга, а их таинственная атмосфера уносит читателя в *реалии потустороннего мира*. Компонент «сверхъестественное» встречается уже в названии одного из его рассказов – “*The Phantom’ Rickshaw*” – «*Призрак*». Нужно отметить, что лексическая единица *phantom* для

обозначения *призраков* и *привидений* в английском языке используется реже, чем лексема *ghost*.

Словосочетание с компонентом «сверхъестественное» обнаруживаем в описании помешательства главного героя рассказа – бенгальского чиновника Пэнси: «*He has, of course, the right to speak authoritatively, and he laughs at my theory that there was a crack in Pansay's head and a little bit of the Dark World came through and pressed him to death*» [18]. Словосочетание "*The Dark World*" на русский язык может переводиться *буквально* – *Тёмный Мир*. А. М. Шадрин предлагает следующий вариант перевода: «*Разумеется, у него есть право утверждать это безапелляционно, и он просто-напросто смеется над моей теорией, что у Пэнси в голове была щель, через которую туда проникла нечистая сила, и что она-то и прикончила его*» [6].

Словосочетание *нечистая сила* является не совсем верной передачей исходного значения, т.к. переводчик не соблюдает принцип сохранения *национально-культурного колорита*, используя приём *лексической замены*. Данное словосочетание более характерно для колорита русских произведений, например, русских народных сказок и повестей Н. В. Гоголя.

Подчеркнём, что для достижения полноты передачи коннотаций оригинального текста при переводе, переводчиками используется именно *комплекс трансформаций*, позволяющий максимально приблизить иноязычную версию к замыслу автора.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Межд . отношения, 1975. 240 с.
2. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. Бесплатное приложение к журналу «Природа и люди» 1909 г., пер. баронессы С. А. Врангель [электронный ресурс]// http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_wrangel_old_orfo.shtml (дата обращения: 05.04.17) .
3. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. – изд. Рипол-Классик, 2011 г. 160 с., пер. Т. А. Озёрской.
4. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. Книгоиздательство «Универсальная библиотека». М., 1912 г., пер. Н. Пушешникова [электронный ресурс]// http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_pusheshnikov_oldorfo.shtml (дата обращения: 05.04.17).

5. История английской литературы. Т. 2. М: Наука.1955. 350 с.
6. Киплинг Р. Рикша-призрак [электронный ресурс]//. <http://e-libra.ru/read/323474-riksha-prizrak.html>. – пер. с англ. А.М. Шадрина.
7. Коллинз У. Отель с привидениями. Изд. - во Престиж Бук. 2006. 170 с.
8. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. 2–е изд. М.: ЛКИ. 2007. 167 с.
9. Конан Дойл А. Рассказ американца. Сквозь волшебную дверь. Мистические рассказы. Харьков.: изд. Клуб семейного досуга, 2010. 400 с., с. 15 –159. – пер. с англ. В. А. Михалюка.
10. Конан Дойл А. Серебряное зеркало [электронный ресурс]//. <http://maxima-library.org/mob/b/274960/read>. пер. с англ. В.С. Кулагиной-Ярцевой (дата обращения: 05.04.17).
- 11.Конан-Дойль А. Ужас расщелины Голубого Джона. Собрание сочинений А. Конан-Дойля в 8 томах. Том 4-й. М.: Изд-во Правда., 1966. 580 с. С. 551–569. пер. с англ. В. К. Штенгеля.
12. Шелепова А. С. Название как кодовая единица текста. М.: КД. 2003. 124 с.
13. Collins W. The Haunted Hotel & Other Stories. Wordsworth. 2006. 336 p.
14. Conan Doyle A. “The American’s Tale” [электронный ресурс]//. http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1889/american.htm (дата обращения: 05.04.17).
15. Conan Doyle A. “The Silver Mirror” [электронный ресурс]//. http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1911/smirror.htm (дата обращения: 05.04.17).
16. Conan Doyle A. “The Terror of Blue John Gap” [электронный ресурс]//. http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1922/blue_jon.htm (дата обращения: 05.04.17).
17. Dickens Ch. A Christmas Carol in Prose, “Password Readers”, 1999. 104 pp.
18. Kipling R. “The Phantom’ Rickshaw” [электронный ресурс]//. <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/PhantomRickshaw/phantomrickshaw.html> (дата обращения: 05.04.17).

Траоре Яя

Московский государственный областной университет (Москва)

*Научный руководитель: д.филол.н., доц., профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики **Валуйцева И.И.***

Лексические средства перевода вида русского глагола на французский язык

Аннотация. Данная статья посвящена анализу вида глагола в русском языке и средствам его перевода на французский язык. Затрагивая проблему видового значения, автор сравнивает его в русском и французском языках.

Ключевые слова: лексические средства перевода, вид глагола, русский язык, французский язык.

Y. Traore

Moscow Region State University (Moscow)

Lexicals means of verb aspect translation from Russian into French

Abstract. The paper analyzes translations of the verb aspects from Russian into French or vice versa. Special attention is paid to the meanings of verb aspects and their correspondences in both languages. Necessary examples are presented.

Keywords: lexicals methods of translation, verb aspect, Russian, French.

В предлагаемой работе рассматриваются лексические соответствия виду глагола в процессе перевода с русского на французский язык и обратно.

Вопрос о видовом значении актуален, так как он представляет значимые трудности при переводе публицистических, научных и литературных текстов, а также в рамках разговорной речи и делового общения между русским и французским языками. Неверный перевод может передать другое значение. Тогда проявляется языковой барьер.

Целью настоящего исследования является выявление лексических средств французского языка, с помощью которых переводится вид русского языка.

Вид является одной из основных категорий глагола в русском языке. Эта категория представляет множество трудностей и для практического усвоения, и для теоретического осмысления. Вид глагола в русском языке выражается противопоставленностью глагольных форм: совершенного и несовершенного вида.

Существуют разные взгляды, разные точки зрения в отношении того, какое значение лежит в основе противопоставления совершенного и несовершенного вида.

В связи с тем, что нет единого мнения о видовом значении, мы выделяем несколько из его основных значений: длительность, результативность, ограниченность, неограниченность, процессуальность, целостность действия и т. д.

Вид определяется как грамматическая категория глагола, обозначающая особые свойства, характер протекания данного процесса, то есть в его отношении к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т. п. [1, с. 72]

В современном французском языке не существует вида глагола, но с помощью системы времён его значения выражаются.

Таким образом, вопрос о виде глагола и его значениях является спорным. А. Мейе является одним из выдающихся исследователей, занимавшихся этим вопросом. Он считает, что категория вида разнообразная по смыслу и охватывает все, что относится к длительности и уровню завершения высказываний, указанных глаголами.

По мнению некоторых французских грамматистов, вид считается смешением морфологической категории глагола с видовым значением, реализующим вследствие взаимодействия семантики глагола значение временных форм и наречий.

Категория вида смешивается с категорией времени. Она более чётко объясняет характер глагола, иначе лучше, чем категория времени.[3, с. 183]

Соответствия видовых значений в русском и французских языках:

В связи с отсутствием категории вида во французском языке, семантические различия некоторых временных форм французского глагола передают значения вида в русском языке.

В. Гак в своих трудах, сопоставляя грамматику русского языка с французской, обращает внимание на то, что основные значения трёх временных систем, настоящего, прошедшего и будущего совпадают в русском и во французском языках.

Таким образом, настоящее время может быть точным (*présent momentané*): Я пишу – *j'écris*; расширенным (*présent duratif*): Он живёт здесь уже два месяца – *Il habite ici depuis deux mois*; привычным или повторяющимся (*présent d'habitude*): Он приходит по четвергам – *Il vient le jeudi*; потенциальным (*présent potentiel*): Он умеет рисовать – *Il sait dessiner*. [2, с. 54]

Прошедшее и будущее также выражают одинаковые основные значения в обоих языках: единичное, потенциальное, повторяющееся и обобщенное действие в прошедшем или будущем.

Ситуация усложняется, поскольку система глагольных времён французского языка содержит большое количество форм, а в русском языке основные оппозиции временных систем выражается видовыми формами глагола.

Сопоставляя явление вида глагола в русском и французском языках, следует обратить внимание на два факта: *во-первых*, важно противопоставление простых и сложных времён французского языка. Оно основано на выражение предшествования во времени.

Таким образом, действие, предшествующее по времени другому действию, часто оказывается завершённым к моменту наступления последующего действия, утверждает В. Гак. Здесь сложные временные формы французского языка выражают завершённое, законченное действие, совпадающее со значением совершенного вида русского глагола.

Поэтому сложные глагольные формы французского языка передают значение совершенного вида в русском языке. Это мнение иллюстрируется формами «*passé antérieur*» и «*futur antérieur*», чаще переводящихся на русский язык глаголами совершенного вида.

В основе противопоставления «*imparfait*» и «*passé simple*» или «*passé composé*» лежит неограниченность/ограниченность протяжённости действия во времени. Это значение чаще совпадает со значением вида русского глагола.

Таким образом, французская форма «*passé simple*» или «*passé composé*» переводится на русский язык с помощью совершенного вида. Что касается форме «*imparfait*», она соответствует русским несовершенным видом.

Во-вторых, обращаем внимание на несовпадение оппозиций французских и русских форм. Здесь целесообразно уделять внимание на длительность действия в определённом периоде несовершенного вида русского глагола и на ограничительное время французского языка, выражающее законченность периода действия.

Обстоятельства времени, которые указывают на ограничение периода действия, используются с несовершенным видом в русском языке, а во французском – с ограничительными временами:

Он целый день ждал. = Il attendit pendant tout le jour.

Таким образом, обстоятельства, указывающие на отрезок времени: *долго, всю жизнь, всю ночь, в течение двух дней* и т. д., а также обозначающие предел действия: *до вечера* и другие сочетаются с французскими ограничительными временами. В русском языке существует возможность употребить любой вид глагола, но с использованием префикса *по-* или *про-*, обозначающих предел времени:

Ученик (по) работал до вечера. L'élève travailla jusqu'au soir.

Рабочие (про) работали всю ночь. =Les ouvriers ont travaillés toute la nuit.

В отличие от русского языка, ограничительные времена во французском часто выражают повторяемость действия. В русском языке используется в подобных случаях несовершенный вид:

Эта цитата всегда меня волновала. = Cette citation m'a toujours émue.

В заключение можно сказать, что во французском языке точной грамматической категории, соответствующей видом глагола, не существует. Но поскольку все языки служат для передачи и восприятия информации, значение вида глагола на семантическом уровне существует и во французском, и в русском языках.

Предлагаемые выше нами средства помогают при переводе избегать ошибок, связанных с видом глагола, и конкретизировать значения глаголов в русском и французском языках.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов // Советская энциклопедия. 1969. 608 с.
2. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским // КомКнига, Москва, 2006. 264 с.
3. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale // Champion, Paris, 1982. 336 с.

Трофимова Н.А.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Мамцева В.В.

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва)

Сущность и значение ольфакторности в романтическом дискурсе

Аннотация. В статье обосновывается выделение романтического дискурса как специфического вида дискурса. Исследуемый феномен рассматривается с позиций коммуникативной лингвистики. Вводится новое понятие романтического дискурса, обращается внимание на ольфакторные особенности романтического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, романтический дискурс, романтическое общение, ольфакторность.

N. Trofimova

A.S. Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg)

V. Mamtseva

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow)

Essence and significance of olfactory in romantic discourse

Abstract. The paper justifies the allocation of romantic discourse as a specific type of discourse. The investigated phenomenon is considered from the standpoint of communicative linguistics. A new concept of romantic discourse is introduced, and attention is drawn to the olfactory features of romantic discourse.

Keywords: discourse, romantic discourse, romantic communication, olfactory.

На современном этапе развития науки о языке понимание сущности языковой личности во всех ее модусах и проявлениях привлекает все большее внимание ученых и практиков различных областей наук и сфер жизнедеятельности. Потребности коммуникативной практики, стремление к оптимизации форм речевого общения и выявлению факторов, которые определяют успешность коммуникации и предотвращают сбои, предопределили рост интереса к дискурсу и его составляющим. Более того, в современном научно-теоретическом анализе и практических разработках исследователей находят отражение специфические виды дискурса. Среди них особо выделяется романтическое общение, которое на фоне всплеска интереса к дискурсу остается практически неизученным видом дискурсивной практики.

В специальной литературе дискурс определяется либо как речевая деятельность в целом (все, что читается и пишется [12, с. 89–90]), либо как «связный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и др. факторами (см. например, В.И. Карасик [8, с. 231]); текст, взятый в событийном аспекте (см., например, И.А. Щирова, Е.А. Гончарова [17, с. 188]); как речь, «погруженная в жизнь» [4, с. 59]. Такое понимание включает дискурс в так называемую монотекстовую модель (В.А. Андреева), которая отождествляет дискурс с конкретным коммуникативным событием, элементами которого являются коммуниканты, само сообщение (текст), код сообщения и экстралингвистическая ситуация общения. Монотекстовой модели противостоят транстекстовые модели. В рамках первой из них дискурс рассматривается как некое когнитивно-тематическое пространство, в котором формируются значимые на данном историческом этапе идеологические (смысловые) позиции, выражаемые во множестве высказываний/текстов. Во второй транстекстовой модели дискурс предстает как коммуникативно-речевая стратегия текстопорождения и текстовосприятия, включающая разнообразные приемы использования языковых средств, их отбора и аранжировки, то есть как специфический способ вербального представления мира или фрагмента мира [1, с. 8–12]. Транстекстовые модели позволяют представить дискурс как совокупность текстов, объединенных темой (спортивный дискурс, медицинский дискурс и др.), коммуникативным событием (дискурс о Фукусиме и др.), интенцией (персуазивный, аргументативный, полемический дискурс и др.), идеологией (политический дискурс и др.) и т.п. [9].

Релевантным для исследования авторов настоящей статьи является именно представление дискурса как сверхтекста, как совокупности текстов, объединенных одной темой – романтические чувства между участниками коммуникации. Поэтому мы останавливаемся на термине «романтический дискурс» и вслед за Т.Г. Ренц определяем его как «лично ориентированный дискурс, состоящий из множества кодифицированных знаков, продуцируемый партнерами в процессе общения, направленный на реализацию потребности любить и быть любимой(ым) и обслуживающий сферу романтических отношений» [14, с. 185]. Личностный подход к исследованию дискурса с позиции романтического общения объясняется тем, что данное направление, а именно «его значения и смыслы (то есть то, что мы подразумеваем под

романтической любовью) валидны в ограниченном дискурсивном пространстве, в универсуме романтических отношений» [14, с. 110], в этой связи «изучение романтического дискурса, несомненно, требует обращения к текстам, в которые он инкорпорирован» [там же]. Причиной обращения исключительно к текстам художественной литературы является непубличность, интимность романтических отношений, абстрагирование партнеров от реальности, их ориентации на себя. Интимные романтические отношения не могут наблюдаться эмпирически, у них не может быть сторонних наблюдателей, этот факт исключает возможность использования текстов обиходного дискурса.

Текст романтического художественного дискурса представляет собой продукт фантазии его автора, он связан с его личными ощущениями – отсюда экспрессивность, эмотивность, настрой на сопереживание [5, с. 141] – особенности, сближающие коммуникацию в тексте художественного произведения с реальным повседневным общением. В таких текстах широко представлена палитра средств реализации авторской идеи как в речи автора, так и в прямой речи персонажей, в косвенной и несобственно-прямой речи. При отборе этих языковых средств автор художественного произведения «действует, как правило, на фундаменте общелитературного языка» [17, с. 223–224], при этом «...для писателя реалистического направления естественен соблазн дать такую картину речевого разнообразия, которая приближается к реальному современному узусу; то есть показать социальное (возрастное, профессиональное и пр.) расслоение языка...» [6, с. 66–67]. Такое стремление автора произведения продиктовано желанием адекватно отразить современную ему действительность, поскольку содержание текста, как правило, обусловлено этой самой действительностью [2, с. 31].

Представляется возможным сформулировать следующее оригинальное определение понятия «романтический дискурс»: романтический дискурс – отношения между мужчиной и женщиной, заданные фазами их сближения (от знакомства до наступления интимных отношений), специфика общения которых определяется потребностью в романтическом общении, чувственно-эмоциональной потребности любить и быть любимой(ым).

Наиболее полный перечень характерных признаков романтического дискурса, принимаемых нами во внимание, представлен в одной из работ Т.Г. Ренц, в которой она говорит о его диалогичности, переживании

сверхценности объекта любви в нем, синтонном (позитивном) мировосприятии участников романтического общения, сокращении коммуникативной дистанции между ними, эмоциональной маркированности и оценочности общения, редукции вербальных знаков в пользу невербальных и др. [14, с. 114–143]. Основопологающим понятием романтического дискурса является «романтическая любовь» как «широкий круг эмоциональных явлений, характеризующихся положительным отношением к другому, – от простой симпатии до всеохватывающей страсти» [7, с. 42]. Это чувство предполагает «переживание сверхценности объекта» [14, с. 122–123], т.е. концентрацию жизненного интереса на партнере, перестановку центра жизни [15, с. 119]. Это состояние Р. Барт определяет как «любовное восхищение», при котором влюбленный субъект «сначала потрясен, наэлектризован, сдвинут с места, опрокинут, «ударен электрическим скатом» или же обращен в новую веру неким виденьем» [3, с. 109], а затем он оказывается «прилипшим, придавленным, неподвижно прикованным к образу» [3, с. 109]. Иными словами, романтическую любовь можно понимать как особое психоэмоциональное состояние партнеров, характеризующееся наличием специфических переживаний и привязанности, в рамках которого ввиду доминирования чувственного восприятия реальности над рациональным типом реальности не представляется возможным адекватно оценить и проанализировать образ романтического партнера.

Коммуникация, осуществляемая в рамках романтического дискурса, представляет собой сложное и многогранное явление, охватывающее не только языковую сферу [10, с. 17]. Иными словами, важным для романтического общения являются вербальные и невербальные знаки различной природы, выступающие во взаимосвязи друг с другом и с семиотической средой. Так, в литературе указывается, что вербальную семиотическую систему романтического общения образуют «операторы порождения эмотивного смысла» [16, с. 18], а именно – эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов. В частности, плодотворным оказывается использование как эмотивов, слов, используемых партнерами в качестве маркеров, отличающих одну романтическую диаду от другой, так и аффективов, отграничивающих диаду от других групп [14, с. 26].

Дополнительным средством романтического общения выступают невербальные знаки, развивающиеся в результате взаимного общения,

создающие представления любящих друг о друге и об их отношениях. Так, например, одним из наиболее очевидных знаков, представляющих особый интерес, является ольфакторность, которая не только не теряет своей актуальности, но и становится более важным элементом романтического дискурса. Романтическое общение между мужчиной и женщиной не может существовать вне ольфакторных ощущений, где различные запаховые сигналы, окружающие партнеров, выполняют регулирующую функцию в рамках отношений между ними, а именно – влияют на выбор наиболее подходящего кандидата для вступления в брачный союз, активно стимулируют влечение партнеров друг к другу и обуславливают возникновение соответствующих психоэмоциональных и физиологических реакций. Иначе говоря, специфическим ориентиром в романтическом пространстве общения оказывается исключительная положительность ольфакторности, которая является ярким и самодостаточным сигналом эмоционального проявления положительного отношения к партнеру, и следовательно, одной из ключевых характеристик романтических отношений между мужчиной и женщиной.

Существенным для романтического дискурса также является тот факт, что романтический союз мужчины и женщины имеет психобиологическую природу. Отсюда романтические отношения предполагают «сокращение коммуникативной дистанции» [14, с. 125–126] на основе положительных физических и эмоциональных связей, включая доброту, нежность, сексуальную привлекательность, радость от удовлетворении желаний и потребностей партнера и т.д. Иными словами, романтическая влюбленность между партнерами перерастает в более крепкие чувства лишь в том случае, если в процессе их общения «интимные личностные пространства пересекаются» [14, с. 245]. Таким образом, физический контакт в романтическом дискурсе является одним из важнейших факторов, создающих условия и влияющих на развитие эффективной коммуникации, позволяющей партнерам выразить не нашедшие вербального оформления чувства.

Следует отметить, что ольфакторность в романтическом дискурсе представляет собой контролируемый и осознаваемый невербальный знак, используемый для самопрезентации. Запахи рассматриваются как «семиотически релевантные состояния и местоположения объектов (артефактов) действительности, созданные человеком для опосредованного (через вещь) оказания воздействия на партнера по

коммуникации» [13, с. 220]. Стремясь усовершенствовать себя посредством использования специально подобранных одорантов, романтический партнер соблюдает негласные нормы и общепринятые стандарты поведения, принятые для свидания в каждой отдельно взятой культуре. В этом заключается «ритуализация» романтического общения [14, с. 134–136], т.е. активизация и применение установленных традицией романтического общения неких правил.

Используемые романтическими партнерами в процессе коммуникации одоранты позволяют выявить «криптонимическую эзотеричность» [14, с. 140–143] романтического дискурса. То есть речь идет об особых ольфакторных сигналах, интерпретируемых партнерами на понятном только им языке: в результате общения последние «вкладывают в них особый, интимно-личный смысл, доступный только для их понимания» [14, с. 141]. Для лиц, не являющихся участниками общения, указанные ароматы носят закрытый характер, вместе с тем они свидетельствуют об особых отношениях, связывающих двух людей. Сами по себе эти запахи не представляют особого интереса, а определяются отношением к самому запаху, т.е. благодаря романтическому дискурсу они приобретают сакральный смысл. В этой связи представляется важным подчеркнуть, что состояние влюбленности оказывает существенное влияние на перестройку конфигурации чувственного восприятия, переворачивает ольфакторные ожидания в романтическом дискурсе: влюбленные имеют высокую степень толерантности к неприятным запахам, исходящим от партнера. Например, запах пота женщины, осознаваясь как отталкивающий и неприятный, едва выносимый, обладает тем не менее определенной привлекательностью для воспринимающего его субъекта именно потому, что он естественен, не приукрашен искусственно, и следовательно, больше всего отвечает природному зову полов.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что изучение романтического дискурса осуществляется на основе анализа романтической личности в условиях коммуникации. Поэтому существенным для романтического общения является то, что каждый его этап общения характеризуется определенными стратегиями и тактиками, «с заранее запланированным и реализуемым в ходе коммуникативного акта комплексом речевых действий» [14, с. 162].

В заключение следует подчеркнуть, что исследование сущностных характеристик, особенностей функционирования романтического дискурса в коммуникативном аспекте «обещает раскрыть нам немало интересных черт в поведении языка и его использовании, а значит, расширить наши представления о его природе и роли для человека» [11, с. 125].

Список литературы

1. Андреева В. А. Позиции дискурса в современной лингвистике / В. А. Андреева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 7–14.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2008. 496 с.
3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт. М. : Ad Marginem, 1999. 431 с.
4. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель Науч. ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 9. Динамика атмосферы – Железнодорожный узел. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. 767 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. М. : Логос, 2003. 280 с. (Учебник XXI века).
6. Винокур Т. Г. Характеристика структуры диалога в оценке драматургического произведения / Т. Г. Винокур // Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения: [сб. статей / отв. ред. Г. В. Степанов]. Кишинев: Штиинца, 1977. С. 64–72.
7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография / С.Г. Воркачев. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 392 с.
9. Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2011. Вып. 9. С. 26–33.
10. Колоян Д. Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. Л. Колоян. Волгоград, 2006. 247 с.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

13. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. В. Олянич. Волгоград, 2004. 302 с.

14. Ренц Т. Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. Г. Ренц. Волгоград, 2011. 412 с.

15. Соловьев В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 99–160.

16. Трофимова Н. А. От любви до ненависти: смысловые узоры экспрессивов: монография / Н. А. Трофимова. Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2011. 295 с.

17. Щирова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. 472 с.

Трошина Н.Н.

Отдел языкознания ИНИОН РАН (Москва)

Изменение коммуникативного статуса немецкого языка

Аннотация. Изменения в языковой ситуации коммуникативно мощных языков, обусловленные глобализационными процессами, привели к резкому снижению коммуникативного статуса немецкого языка, что проявляется в международном общении и в общении внутри немецкоязычных стран. Последнее вызывает развитие «народной рефлексии», направленной на защиту родного языка.

Ключевые слова: коммуникативно мощный язык; коммуникативный статус языка; эколингвистика; малый язык; народная рефлексия; диглоссия.

N. Troshina

*Department of Linguistics at the Institute of Scientific Information on
Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)*

Change of the German language communicative status

Abstract. Changes in a language situation of communicatively powerful languages due to globalization processes have led to the dramatic decline of the communicative status of the German language which becomes apparent in international communication and in communication inside of German speaking countries. The latter causes the development of “national reflection” aimed at the defense of the native language.

Keywords: communicatively powerful language, language communicative status, ecolinguistics, minor language, national reflection, diglossia.

Для успеха партнерства, тем более, если оно осуществляется в таком большом коммуникативном пространстве, как евразийское, исключительное значение приобретает вербальный аспект межкультурной

коммуникации. Таким образом, речь идет о языке, на котором можно достичь взаимопонимания, для чего необходимо учитывать коммуникативное самочувствие партнеров. Казалось бы, таким языком уже стал английский, вернее тот его усеченный вариант, который используется в межкультурной коммуникации во всем мире. В данной статье не рассматривается вопрос о стилистическом богатстве / стилистической бедности этого варианта английского языка, как и вопрос о том, насколько он может быть транслятором понятий и ценностей взаимодействующих культур.

Проблемой данной статьи является изменение коммуникативной ситуации, связанное с вызовами современной глобализации, для так называемых коммуникативно мощных языков, и, следовательно, изменение коммуникативного самочувствия носителей этих языков как за рубежом, так и в своих странах. Речь идет именно о современной глобализации, потому что языковые проявления интеграции человеческого сообщества, направляемой экономическими, политическими, идеологическими и прочими факторами, имели место и в прежние эпохи. Вспомним, например, об эллинизации, латинизации и арабизации большого культурного и языкового ареала в Древности и в Средневековье [6, с. 252]. Однако в те времена коммуникативный статус языков, их функциональный потенциал был несравненно скромнее, чем у современных языков, в значительной степени влияющих на всю социокультурную сферу народов, говорящих на этих языках. Сегодня речь идет о конкуренции коммуникативно мощных языков (в том числе и немецкого), прежде всего с английским языком. Эта конкуренция проявляется во всех сферах: в экономической (следовательно, и на рынке труда), политической, культурной, образовательной, научной

Удачное определение коммуникативно мощного языка дает А.В. Кирилина: это – «разработанный язык с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющий давнюю письменную традицию и функционирующий в экономически и культурно развитых европейских странах» [4, с. 77]. К коммуникативно мощным языкам относятся, в первую очередь, немецкий и французский язык. Объектом рассмотрения в настоящей статье является немецкий язык.

Изменение статуса коммуникативно мощных языков стало сейчас одной из важнейших проблем молодой науки эколлингвистики, которая

делает акцент не на истории развития конкретных языков и не на их структурных особенностях, а на реалиях их существования и выживания.

Концепция экологии языка была сформулирована Э. Хаугеном [14] и развита в исследованиях А. Филла [11] и Х. Хартманна [13], который назвал следующие параметры экологической ситуации языка, т.е. так называемые «экологические переменные языка» (*sprachökologische Variablen*): этнографические, социальные, политические, культурные и языковые показатели, определяющие коммуникативное поведение говорящих и выбор ими языка общения в конкретных коммуникативных ситуациях.

Обратимся сначала к проблемам немецкого языка в международном общении: он все более вытесняется из этого общения под натиском английского языка, что особенно заметно на европейском пространстве – в институтах Европейского сообщества.

Официальными языками ЕС считаются государственные языки всех стран-участниц, т.е. английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латышский, литовский, мальтийский, немецкий, нидерландский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, французский, хорватский, чешский, шведский, эстонский (24 языка). Это означает, что все официальные документы ЕС должны переводиться на эти языки, а граждане стран-участниц ЕС могут общаться на своих языках с институтами ЕС.

Как отмечает У. Аммон, одна из языковых особенностей Европы состоит в том, что гражданам европейских стран свойственно сильно развитое чувство национальной идентичности и, соответственно, привязанности к родному языку [8, S. 757]. Поэтому неудивительно, что уже в одном из первых документов Совета Европейского Экономического Сообщества (15 апреля 1958 г.), был Регламент об установлении языкового режима в ЕЭС [10], в котором были сформулированы положения, регулирующие использование языков стран-основательниц ЕЭС, т.е. немецкого, французского, итальянского и нидерландского в деятельности институтов ЕЭС. Но уже тогда в статье 6 этого Регламента оговаривалось, что в конкретных ситуациях (*in special cases*) органы ЕЭС могут выбирать языки для использования их в качестве рабочих. Этот регламент действует и сегодня, когда перечень языков официальных языков ЕС расширился. В реальности чаще всего выбирается английский, в результате чего

Немецкий Бундестаг, например, получает значительную часть документов из институтов ЕС на английском языке. Об этом пишет Я. Крузе в статье «‘I do not understand the EU-Vorlage’: Практические последствия языковой политики в институтах ЕС для немецкого Бундестага – результаты одного квантитативного исследования»: 43 % этих документов не переводятся на немецкий язык, хотя далеко не все сотрудники Комитета по делам ЕС свободно (или в достаточной степени) владеют английским языком. В результате многие входящие документы ЕС не просматриваются / не читаются и содержащаяся в них информация и рекомендации не учитываются при подготовке документов, рассматриваемых Бундестагом, что значительно ограничивает право немецкого национального парламента на участие в законодательстве Европейского Союза (Mitwirkungsrecht an der Rechtsetzung der Europäischen Union), зафиксированное в статье 20 Лиссабонского соглашения от 9 мая 2008 г. [15].

Следует отметить, что утрата немецким языком своего прежнего высокого международного статуса в известной мере исторически обусловлена: ведь важнейшие международные политические организации были созданы после войн, которые Германия проиграла: Лига Наций (1919–1946) была создана после Первой мировой войны, Организация Объединенных наций (ООН) – после Второй мировой войны (в 1945 г.). Официальными языками Лиги Наций стали английский и французский, официальными языками ООН – английский, французский, испанский, русский, китайский. С 1973 г. к ним присоединился арабский.

Сегодня в институтах ЕС однозначно доминирует английский язык, за ним идет французский (как традиционный язык дипломатии), и только на третьем месте стоит немецкий язык. Как иронически заметила газета «Франкуфуртер альгемайне цайтунг», «в Брюсселе Шекспир и Вольтер вытесняют Гете» [цит. по: [8, S. 742]. Надо, правда, отметить, что Германия и Австрия протестуют против вытеснения немецкого языка как рабочего из использования в ЕС. Согласно распоряжению правительства ФРГ от 1984 г., немецкие официальные лица могут принимать участие в мероприятиях и встречах в институтах ЕС только в том случае, если на них предусмотрен устный перевод на немецкий язык [7; 20].

Доминированию английского языка в современном международном сотрудничестве есть, помимо экономических и политических причин и чисто человеческие причины, т.е. сказывается человеческий фактор. По свидетельству Х.-Г. Шмитца [19], немецкая элита придает английскому

языку исключительно важное значение, оценивая его явно выше, чем родной немецкий. Такое отношение к нему немецкие политики и журналисты нередко демонстрируют, предпочитая английский язык немецкому, выступая публично. Так, немецкая пресса подвергла жесткой критике министра иностранных дел Германии Гвидо Вестервелле за то, что он на большой пресс-конференции отвечал по-немецки на вопросы иностранных журналистов, заданные по-английски. Примечательно, что некоторые иностранные журналисты посчитали неэтичным поведение своих коллег, задававших немецкому министру вопросы на английском языке.

Как же воспринимают изменения в коммуникативном статусе немецкого языка обычные немцы? Ведь коммуникация – это не только обмен информацией, но и обмен чувствами, эмоциями, традиционными ценностями, поскольку «речевое общение – это способ подтверждения своего происхождения, национальной принадлежности, обладания определенным культурным наследием» [5].

Усиливающееся влияние английского языка на немецкий вызывает усиление противодействия этому со стороны носителей немецкого языка, в том числе, – и даже, прежде всего, – самых обычных людей со средним уровнем образования. Налицо стихийный рост тревоги за судьбу немецкого языка, поскольку люди наблюдают в повседневной жизни процесс превращения своего сильного национального языка в «малый язык»: 1) в сфере транспорта (устные и письменные объявления в самолетах и поездах дальнего следования делаются на английском языке); 2) в индустрии развлечений (на эстраде, на радио, где немецкая массовая культура представлена на английском языке); 3) в рекламе; 4) в сфере туризма (прежде всего, международного); 4) в деловой сфере, где в руководящий состав фирм нередко входят специалисты, не владеющие немецким языком даже в малой степени; 5) в сфере образования, особенно в частных школах и университетах, но все чаще также и в государственных высших учебных заведениях, где активно предлагаются курсы лекций и семинаров на английском языке; 6) в научной сфере: языком многих конференций (в том числе и проводимых в Германии сейчас является английский); 7) в сфере массмедиа (включая Интернет). Такое подчеркнуто активное использование английского языка в различных областях коммуникации в Германии сдерживает развитие выразительных средств немецкого языка, считает У. Аммон [8, S.44]

В результате развивается «народная рефлексия» о немецком языке [2], усиливается как стихийный, так и организованный протест. При этом борются два чувства – тревога за будущее своего языка и обида за него, с одной стороны, и «лингвокультурное малодушие» (*sprachkulturelle Mutlosigkeit*), как выразился немецкий журналист Г. Рёк, – с другой: «Немцы все еще компенсируют свой прежний шовинистический угар чрезмерной готовностью к переходу на язык международного общения» [18]. Весьма эмоциональное высказывание по этому вопросу принадлежит также Р. Леттау, который, получив после второй мировой войны образование в Германии, стал преподавателем высшей школы в Америке, а в 1978 г. приехал на свою бывшую родину: «После того, как это народ предал все, что было в нем прекрасного, достойного любви и тонкого, он теряет и свой язык. Сейчас вся Германия – не что иное, как один непрерывный курс английского языка» [цит. по: 2004, S. 81]. В такой ситуации Институт немецкого языка констатирует, что «сохранение и нормальное развитие немецкого языка, как и других европейских языков в долгосрочной перспективе не гарантировано» [17]. Л. Гётце даже говорит в этой связи о «лингвоциде» (*Linguozid*) [12, S. 33].

В сложившейся языковой ситуации в Германии активизируется деятельность давно существующих институтов и организаций по защите немецкого языка, а также создаются новые [3]. К давно существующим организациям относятся, прежде всего, «Союз немецкого языка» (*Verein der deutschen Sprache*, основан в 1997 году) и «Фонд немецкого языка» (*Stiftung deutsche Sprache*, основан в 2001 году). «Союз немецкого языка» присуждает отрицательную премию *Sprachpanscher* («языковой халтурщик») года. В 2016 году им стало Второе Германское телевидение из-за применения английских слов в заголовках передач. На сайте «Фонда немецкого языка» имеется конвертор, помогающий посетителю подобрать немецкое слово взамен заимствованного английского. Не исключено, что создатели сайта в какой-то мере последовали примеру французских интернет-форумов, на которых посетители голосуют в пользу того или иного новообразования (чаще всего, англоязычного происхождения), и в случае общественной поддержки новые слова публикуются в Официальном журнале республики. Таким образом, инициаторы и разработчики языковых реформ (во Франции – Н.Т.) выносят на суд общества свои законопроекты, социальные институты вырабатывают

различные типы прескрипций, сориентированных на широкую публику, и адресаты этих реформ активно участвуют в их обсуждении [1].

Казалось бы, представители деловых кругов и экономисты более других должны положительно относиться к распространению английского языка. Однако против перехода фирмы «Фольксваген» на английский язык резко выступил известный немецкий экономист Вальтер Крэмер – профессор Технического университета в Дортмунде, входящий в правление «Фонда немецкого языка»: «Фольксваген и немецкий язык, к сожалению, больше не подходят друг к другу. Я в ужасе от того, как, не раздумывая, наши элиты сдают свой собственный язык и культуру» [цит. по: 9]. «Фольксваген» объявил, что английский язык станет в будущем языком концерна. Это должно, якобы, улучшить сотрудничество международных специалистов в топ-менеджменте и способствовать переходу руководящих кадров из других стран на «Фольксваген». Международные менеджеры могли бы без проблем выучить язык страны-хозяина, считает В. Крэмер, а для внутренних производственных процессов иностранный язык даже вреден. «Фонд немецкого языка» обвиняет землю Нижняя Саксония как крупного акционера «Фольксвагена» в том, что она не предотвратила «отказ самого большого работодателя страны от национального языка» сообщает газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» [9]. В доказательство своего возмущения «Фонд немецкого языка» продал 200 акций «Фольксвагена».

Тревога за будущее немецкого языка усилилась после выхода в свет книги экс-президента института им. Гете Ютты Лимбах «Есть ли будущее у немецкого языка? Наш язык в глобализованном мире» [16]. Экс-директор Института немецкого языка в Маннхайме Г. Штикель [цит. по: 3] не исключает того, что в Германии постепенно может развиваться диглоссия – функциональное двуязычие немецкого и английского языков. При этом немецкий язык будет использоваться только в 'F-областях (Familie, Freunde, Freizeit, Folklore), что приведет к снижению его коммуникативного статуса.

Хотелось бы верить Г. Штикелю, что большинство носителей немецкого языка (их около 100 млн. человек!) весьма консервативно в языковом плане, о чем свидетельствует развитие «народной рефлексии», и что это убережет немецкий язык от превращения его в малый язык.

Список литературы

1. Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции. Волгоград, 2015. 220 с.
2. Кирилина А. В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. М., 2013. № 2 (18). С. 36–45.
3. Кирилина А. В. Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11: Языковая системность и дискурсивные практики. М., 2014. С. 11– 22.
4. Кирилина А. В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. М., 2015. № 2. С. 77– 89.
5. Трошина Н. Н., Раренко М. Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Центр. гуманит. науч.-информ. иссслед. М., 2005: Теории истины. Язык в контексте глобализации. С.131–164.
6. Штайнке К. Глобализация – регионализация и лингвистика: Пер. с нем. // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. Кн. 1. С. 249–258.
7. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in Europa und Modelle der Mehrsprachigkeit // Die sprachliche Zukunft Europas: Mehrsprachigkeit und Sprachenpolitik. Baden-Baden, 2002. S. 19–36.
8. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston, 2015. XVII, 1295 S.
9. Appel H. The Golf. Mode of access: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/diesel-affaere/konzernsprache-englischstiftung-deutsche-sprache-verkauft-aus-protest-vw-aktien-14587863.html> (Дата обращения – 27.10.2017).
10. Council regulation № 1 // Official j. of the Europ. Union. – Brussels, 06.10.1958. № 17. P. 0385–0386.
11. Fill A. Ökologikum: Eine Einführung. Tübingen, 1993. IX, 151 S.
12. Götze L. Ökonomische Globalisierung – kulturelle Verwahrlosung // Germ. Studien. Tbilissi, 2004. № 4. S. 28–35.
13. Hartmann H. Multilingualism: Elemente einer Sprachökologie. Tübingen, 1980. 234 S.
14. Haugen E. The ecology of language // Essays by Einar Haugen. Stanford, 1972. P. 325–339.

15. Kruse J. „I do not understand the EU-Vorlage“: Folgen der sprachpolitischen Praxis in den Institutionen der EU für den deutschen Bundestag – Ergebnisse einer quantitativen Untersuchung // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin, Boston, 2013. S. 309–324.

16. Limbach Ju. Hat Deutsch eine Zukunft? Unsere Sprache in der globalisierten Welt. München, 2008. 106 S.

17. Memorandum des Instituts für deutsche Sprache. Mode of access: <http://www.ids-mannheim.de/aktuell/sprachpolitik/me010403.html>

18. Roeck G. So schafft sich die Lola bald selber ab. Wie deutsch soll der Deutsche Film sein? // Die Welt am Sonntag. Berlin, 26.04.2013.

19. Schmitz H.-G. Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht // Germ. Studien. Tbilissi, 2004. S.82–84.

20. Schreiner P. Deutsch im Konzert europäischer Sprachen: Über die Sprachpolitik der EU und die Situation der deutschen Sprache auf europäischer Ebene // Der Sprachdienst. Wiesbaden, 2006. H. 4 / 5. S. 41–51.

Усачёва Я.В.

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Диалект в художественной прозе: опыт зарубежного переводоведения

Аннотация. Настоящая статья представляет собой хронологический обзор нескольких подходов к передаче при переводе художественной прозы диалектов, функционирующих как литературный прием. В центре внимания – работы ведущих зарубежных переводоведов последних пятидесяти лет (Дж.К. Кэтфорд, И. Левый, Ю. Найда и Ч. Тейбер, С. Влахов и С. Флорин, А. Попович, Дж. Мандей и др.). В исследовании делается попытка выделить методы, способы и приёмы, наиболее продуктивные для передачи диалекта языка оригинала в тексте перевода.

Ключевые слова: диалект, территориальный диалект, социальный диалект, просторечие, исходный язык, язык перевода.

Ya. Usacheva

Russian State University for the Humanities (Moscow)

Dialect in fiction: experience of translation studies abroad

Abstract. The paper chronologically reviews several approaches to translating dialects, as a literary device, in fiction. Attention is drawn to the procedures and techniques that have existed abroad in translation studies over the last fifty years. The particular focus is on the works by J.C. Catford, J. Levý, E. Nida and C. Taber, S. Vlahov and S. Florin, A. Popovič, J. Munday, etc. An attempt is made to establish the methods that are most appropriate for rendering dialects of the source language into the target language while translating contemporary fiction.

Keywords: dialect, geographical dialect, social dialect, substandard language, vernacular, source language, target language.

В художественной литературе диалекты многофункциональны. Так, они обеспечивают реалистичность речи персонажей, характеризуя их территориально (территориальный диалект), социально (социальный диалект, или социолект) и индивидуально (идиолект). Диалекты привлекают внимание читателей при помощи отступлений от правил орфографии и грамматики.

Предметом настоящей статьи является мало исследованная проблема передачи диалекта при переводе художественной прозы. На основе отдельных наблюдений в зарубежной научной литературе даётся краткий исторический обзор рассматриваемых зарубежными теоретиками и практиками перевода факторов, которые обуславливают выбор той или иной переводческой стратегии.

Джон К. Кэтфорд (1965) [6], представитель британской школы лингвистической теории перевода, определяет диалект как разновидность языка, связанную с «происхождением исполнителя, его социальной принадлежностью, соотносённостью с теми или иными географическими или темпоральными параметрами» [2, с. 166]. Для него «маркеры определенных разновидностей языка могут быть на любом уровне: фонетическом, фонологическом, графологическом, грамматическом, лексическом. Если говорить о диалекте, то многие языки имеют «стандартный», или «литературный», диалект, который демонстрирует малую вариативность (по крайней мере в своей письменной форме) в разных географических областях. Такой диалект удобно, во всяком случае в связи с переводом, рассматривать как немаркированный» [2, с. 167–168]. Вот как это работает на практике: «Тексты на немаркированном диалекте языка-источника обычно переводятся на немаркированный диалект языка цели. В том случае, когда в языке-цели нет эквивалентного немаркированного диалекта, переводчик может выбрать какой-то специальный диалект языка-цели, создать в языке-цели новый «литературный» диалект или прибегнуть к каким-то другим средствам» [2, с. 169]. При наличии в тексте языка-источника другого диалекта, помимо немаркированного, «переводчик может выбрать эквивалентный этому диалект в языке-цели» [2, с. 170]. Учитывая возможность того, что «маркеры диалекта языка-источника формально могут быть совершенно иными, чем маркеры эквивалентного диалекта языка-цели», т.е.

отсутствует эквивалентность между фонологическими и лексическими единицами, Дж.К. Кэтфорд приходит к выводу, что «переводная эквивалентность устанавливается между разновидностями языка» [2, с. 171].

Американские теоретики перевода Юджин Найда и Чарльз Тейбер (1969) считают тщетными попытки переводчиков решить проблему территориальных диалектов при помощи т.н. «демократического метода», когда выбираются некоторые слова и формы из одного диалекта, другие слова и формы из другого диалекта, и так далее, до тех пор, пока, по-видимому, не будут «демократически» представлены все диалекты. В результате подобного приема получается бессмысленное смешение, язык, на котором никто не говорит, и который все отвергают. По мнению Ю. Найды и Ч. Тейбера, единственное удовлетворительное практическое решение проблемы диалектов это: *во-первых*, принять один диалект как культурно более значимую и лингвистически более центральную форму речи и переводить исключительно на этот диалект, надеясь, что, в конечном счете, он вытеснит другие диалекты; или, *во-вторых*, использовать формы с максимально широким распространением среди разнообразных диалектов, которые, в то же время, приемлемы для носителей главного диалекта, даже если эти формы не всегда предпочтительны. В первом случае переводчик работает только с теми формами, которые наиболее подходят для выбранного диалекта. Во втором случае он не нарушает правила использования главного диалекта, но часто использует альтернативы, которые могут быть не столь хорошо известны или широко применимы в соседних диалектах (перевод мой – Я.У.) [11, с. 130–131].

Иржи Левый (1974), известный чешский теоретик переводоведения, заявляет о колебаниях переводческого метода «между стремлением приблизить произведение к читателю и попытками перенести читателя в среду подлинника», что чревато ошибками, и «переводчики, прибегающие к диалекту, порой вкладывают в уста одного и того же персонажа слова из разных языковых пластов» [3, с. 102]. По его мнению, в художественном произведении диалект выполняет «две семантические функции: 1) характеризует местное происхождение говорящего, 2) характеризует говорящего социально, чаще всего как крестьянина» [3, с. 139–140]. Использование местного диалекта на фоне общенационального языка как художественного средства делает этот диалект непереводаемым,

«поскольку в основе перевода лежит именно замена языкового материала» [3, с. 137–138]. И. Левый предлагает переводчику при помощи приёма намёка «отделить речь провинциала от речи более образованных персонажей, говорящих на общенациональном языке», для чего «удобнее всего использовать выражения достаточно нейтральные, не характерные для какого-нибудь определенного диалекта, но отличающиеся фонетическими, лексическими или синтаксическими особенностями, общими для нескольких диалектов, и потому ощущаемые не как принадлежность какой-то определенной местности, а скорее, как провинциализм вообще» [3, с. 139–140]. И. Левый полагает, что субституция диалектов в переводе возможна для некоторых национально не окрашенных комедий, когда общий комический замысел преобладает над особенным местным колоритом, «т.е. там, где диалект или чужезычная речь использованы лишь для шаржирования персонажей» [3, с. 139–140].

Антон Попович (1980), словацкий специалист в области художественного перевода, критикует распространенную практику передавать диалект оригинала «с помощью сходного, тоже территориального, наречия в переводе» [4, с. 121]. Он считает необходимым учитывать в переводе тот факт, что «диалект, как социальная выразительная категория, зафиксирован определенным образом и в эстетическом сознании читателей, в частности по отношению к общей функции диалектов в данной культурной среде» [4, с. 121]. Как следствие, «диалект одного языка не может быть ни на материальном, ни на звуковом уровне выразительным эквивалентом диалекта другого языка» [4, с. 121]. А. Попович говорит о повышенной образной эксплицитности текста перевода по сравнению с текстом оригинала и предлагает решать проблему непереводимости диалектов при помощи сносок к переводам, которые «участвуют в построении семантики текста, создают его неотъемлемую часть» [4, с. 157].

Болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин (1980) исходят из понятия о нормах литературного языка и постулируют диалект как «отступление от литературной нормы» [1, с. 265]. Если «согласно давно принятой в искусстве художественного перевода аксиоме, диалектизм вообще нельзя переводить диалектизмом...» [1, с. 253–254], то «единственную возможность нюансировать текст перевода предлагает опять-таки просторечие» [1, с. 254]. При этом С. Влахов и С. Флорин

уточняют, что если «автор оговаривает диалектную речь своего героя...», то «лучше передать самую реплику на литературном языке, не подыскивая никаких аналогов» [1, с. 254–255]. Соглашаясь с А.В. Фёдоровым и К.И. Чуковским, С. Влахов и С. Флорин считают, что на функциональном уровне основным соответствием территориальных и социальных диалектизмов в переводе должно служить просторечие [1, с. 255–256].

По мнению британского исследователя Питера Фосетта (1997), чаще всего компенсация ассоциируется с переводом диалектов (перевод мой – Я.У.) [7, с. 32], который вовсе не столь простой и лёгкий, как может показаться, особенно, когда диалект связан с вопросами статуса и подавления [7, с. 76]. П. Фосетт понимает под диалектом способ говорения, типичный для группы людей, живущих на определенной территории, тогда как социолекты характеризуют группы по социальному классу, статусу, профессии и т.д. Между первыми и вторыми существует взаимосвязь, так как во многих странах на диалекте говорят главным образом ‘низкие’ классы, проживающие на определенной территории, тогда как средние классы, живущие на той же территории, говорят на национальном социолекте [7, с. 117]. Интересно, что П. Фосетт считает пессимистичным подход Я.И. Рецкера, согласно которому социальные диалекты неизбежно теряются в переводе. П. Фосетт полагает, что существуют более или менее успешные тактики для решения данной проблемы, хотя иногда и радикальные [7, с. 120–121]. Так, эквивалентность может быть достигнута, но на другом языковом уровне. Например, диалект кокни в «Пигмалионе» представлен в оригинальном английском тексте главным образом на уровне произношения и грамматики, а в немецком переводе к ним добавились ‘вульгарная’ лексика и синтаксис [7, с. 121].

Современный исследователь-практик чешского происхождения, Роберт Векслер (1998), пишет: «У читателя оригинала диалект создает чёткое впечатление места и класса. Но диалект имеет значение только в своём языке. Перед переводчиком стоит трудный выбор: использовать ли узнаваемый диалект английского языка, который только частично эквивалентен, или попытаться создать что-то такое, что намекает на оригинал, но не существует в английском языке» (перевод мой – Я.У.) [12, с. 134–135].

Американский переводчик Клиффорд Лэндерс (2001) рассматривает диалект как проблему, уникальную для перевода художественной

литературы, поскольку коммерческий и технический переводы неизменно выполняются на литературном языке. Будучи глубоко погруженным в культуру ИЯ, переводчик стремится передать каждый нюанс, отличающий данную группу диалектов. Такая цель говорит о серьезности намерений и преданности делу, но она не достижима (перевод мой – Я.У.) [9, с. 116], ибо диалект, глубоко укорененный во времени и пространстве, непереволим [9, с. 117]. Тем не менее, К. Лэндерс уверен, что намекнуть на необычную речь персонажей возможно, но делать это нужно умеренно и осторожно. Когда на диалекте написана большая часть произведения, лучшее, на что можно рассчитывать, – это некая общая адаптация к устному дискурсу. Любая передача диалекта ИЯ, которая сознательно или подсознательно напоминает существующий в ПЯ диалект, возможно, обречена на провал. Читается ли легко такой перевод или нет, он все же не ‘дотягивает’ до оригинала, так как вводит элемент, который заметно отличается от ИЯ. По мнению К. Лэндерса, еще больше вреда от «придуманного диалекта, который, почти несомненно, эфемерен и сбивает с толку даже самых снисходительных и непредвзятых читателей. К. Лэндерс приходит следующему выводу: «диалект всегда привязан, географически или культурно, к среде, которой не существует в среде языка перевода. Замена ‘эквивалентным’ диалектом обречена на провал. Лучший совет тем, кто пытается переводить диалект – не переводить» [9, с. 117].

Петр Кухивчак и Карин Литтау, британские специалисты в области компаративистики и художественного перевода, сетуют на то, «различия между письменной/устной формами и между литературной нормой/диалектом часто не отражаются в переводе, а теоретики перевода очень долго шли к пониманию проблем, связанных с переводом просторечия и диалекта» (перевод мой – Я.У.) [8, с. 57]. В результате, «при отсутствии как социально, так и территориально обусловленных вариантов, переводчик может задействовать как последнее средство идиолект, языковую систему, предпочитаемую отдельными носителями языка» [8, с. 58].

Джереми Мандей (2009), британский теоретик и практик перевода, отмечает тенденцию к гомогенизации в переводе диалекта, сленга или социального варианта языка. Для этого нелитературные формы языка-источника заменяются литературными формами, типичными для письменной формы языка перевода. Однако в переводе нелитературный

язык можно обозначить при помощи вставки языковых признаков разговорной речи, таких как ‘наполнители’ и дискурсивные маркеры, а также посредством преднамеренных ошибок. Замена диалекта ИЯ диалектом ПЯ достаточно редка, исключением являются комедии, особенно на телевидении или в кино (перевод мой – Я.У.) [10, с. 181].

Дэвид Беллос (2011), американский специалист в области переводоведения и межкультурной коммуникации, отмечает, что в переводе региональный диалект ИЯ редко передается посредством регионального диалекта ПЯ. По его мнению, «сейчас большинство убеждено, что глупо заставлять говорить баварского фермера-молочника на сленге техасского ковбоя, или чтобы женщина в трамвае в Санкт-Петербурге изъяснялась на манчестерском диалекте, для того чтобы указать на географическую и лингвистическую дистанцию от столицы и литературной нормы языка. В настоящее время культура перевода на английский и французский языки, да и на многие другие языки полностью уничтожает региональные варианты оригинала. В результате письменная репрезентация диалектной речи сдвигается к центру. В межъязыковом переводе диалект на заменяется диалектом. Так, формы приветствия “Hallo, darling,” “Howzitgaun?” и “Wotcha, mate” указывают на то, что говорящий, соответственно, модница, житель Глазго и лондонец. На французский язык их можно перевести “bonjour, monsieur”, но функция, которую они выполняют, невольно и обязательно, – это заявить о принадлежности к конкретному сообществу. Бессмысленно представлять, что можно передать этническое, самоидентифицирующее пространство высказывания. Действительно, любая другая формулировка данного выражения на том же или любом другом диалекте или языке создает другую идентичность» (перевод мой – Я.У.) [5].

На основании выше изложенного можно прийти к некоторым общим выводам относительно переводимости диалектов в художественной прозе:

1) диалект непереводим (нельзя переводить диалект ИЯ диалектом/диалектами ПЯ);

2) сохранение маркеров диалекта оригинала возможно в тексте перевода, но часто на ином уровне (фонетические и фонологические особенности диалекта ИЯ могут передаваться при помощи лексики, морфологии и синтаксиса ПЯ);

3) текст перевода художественного произведения рекомендуется сопровождать сносками-комментариями;

4) в художественном переводе диалект можно передать другим отклонением от литературной нормы – просторечием.

Для переводчика художественной литературы важно передать не только лингвистические особенности оригинала, написанного на диалекте или содержащего элементы диалектов, но и воссоздать впечатление, которое получили от текста читатели ИЯ, и для этого следует задействовать целый комплекс переводческих способов и приёмов.

Список литературы

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: «Международные отношения», 1980.

2. Катфорд Джон К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

3. Левый И. Искусство перевода [Текст] / Пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974.

4. Попович А. Проблемы художественного перевода: [учеб. пособие] / Попович Антон; Антон Попович; под общ. ред. П.М. Топера; пер. со словац. И. А. Бернштейн и И. С. Чернявской; отв. ред. пер. Н. А. Кондрашов. М.: Высш. шк., 1980.

5. Bellos, David. Is that a fish in your ear?: translation and the meaning of everything. First eBook Edition. Particular Books, 2011.

6. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1965.

7. Fawcett, Peter D. Translation and Language: Linguistic Theories Explained. Manchester & Northampton: St. Jerome Publishing, 1997.

8. Kuhiwczak, Piotr, and Littau, Karin (eds.). The Companion to Translation Studies. Topics in Translation: 34. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 2007.

9. Landers, Clifford E. Literary Translation: A Practical Guide (Topics in Translation 22). Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2001.

10. Munday, Jeremy (ed.). The Routledge Companion to Translation Studies. Revised edition. London and New York: Routledge, 2009.

11. Nida, Eugene, and Taber, Charles R. The Theory and Practice of Translation. 2nd photomechanical reprint. Leiden: E.J. Brill, 1982.

12. Wechsler, Robert. Performing Without a Stage: The Art of Literary Translation. Catbird Press, 1998.

Уткина Е.А., Улиткин И.А.

Московский государственный областной университет (Москва)

Репрезентация содержания концепта «народ» в русских и английских словарях

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть языковую реализацию концепта «народ» на примере двух разносистемных языков. В ходе работы выявлены схожие и отличительные черты концепта «народ» в русских и английских толковых словарях.

Ключевые слова: концепт, народ, сопоставительное изучение, лингвокультурология.

E. Utkina, I. Ulitkin

Moscow Region State University (Moscow)

Representation of the concept of “people” in Russian and English dictionaries

Abstract. An attempt is made to consider the representation of the concept of ‘people’ in two languages belonging to different families. In the course of the analysis of Russian and English explanatory dictionaries, some similarities and differences of this concept are found.

Keywords: concept, dictionary entry, comparative study, cultural linguistics, people.

Одним из наиболее важных способов развития языкознания в настоящее время является изучение природы концепта. Данная статья направлена на изучение концепта «народ» и репрезентации его содержания в русских и английских толковых и энциклопедических словарях.

В области современного гуманитарного знания пальма первенства в области использования и изучения понятия «концепт» принадлежит русскому мыслителю С.А. Аскольдову (1870–1945), который не отождествляет концепт с индивидуальным представлением, а усматривает в нем некую общность представлений о том или ином понятии, явлении или предмете. Для С.А. Аскольдова – концепт «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода», едва уловимое и мимолетное мелькание «чего-то» в нашем уме» [1, с. 267–279].

Тем не менее, несмотря на достаточно долгую историю изучения концепта, среди лингвистов до сих пор не существует единого мнения о его содержании и объеме. Рассматривая понятие «концепт», Д.С. Лихачев заявляет, что у каждого значения слова существует свой определенный концепт. И.А. Стернин, З.Д. Попова и другие считают, что концепт есть мыслительное явление и причисляют его к глобальным единицам мысли. Авторы же словаря когнитивных терминов Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац

и В.З. Демьянков полагают, что концепт является «оперативной единицей памяти, ментального лексикона» [2, с. 99].

Культурологическое определение концепта лексикографически закреплено в «Словаре констант русской культуры» Ю.С. Степанова. Согласно Ю.С. Степанову, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40–41].

Тем не менее, стоит отметить, что большинство исследователей концепта в настоящее время едины во мнении, что концепты представляют собой единицы сознания, позволяющие отразить накопленный человеком опыт в форме той или иной информационной структуры.

Концепт – явление, по своему роду, схожее с понятием. В русском языке по форме своего содержания понятие и концепт зачастую трактуются одинаково, поскольку концепт есть калька с латинского *conceptum*, т.е. «понятие». В научном языке два этих слова в большинстве случаев считались синонимами и иногда даже замещались. Но в настоящий момент, таким образом, они употребляются редко, имея четкое разграничение. Согласно Ю.С. Степанову понятие «употребляется главным образом в логике и философии», тогда как, термин «концепт» «... в последнее время закрепился в науке о культуре, в культурологии» [5, с. 40].

Концепт как термин лингвокультурологии, став широко известным в научной среде к концу прошлого столетия, все еще активно и тщательно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями.

В данной статье основной целью является представление концепта «народ» на основе данных толковых словарей русского и английского языков.

Известно, что словари способны отразить картину мира, присущую языку в момент составления словаря. Именно поэтому анализ текстов лексикографической литературы позволяет выявить основные приемы вербализации концепта «народ» в разносистемных языках.

Рассмотрим языковые единицы, представляющие концепт “people” в английских толковых словарях.

Прежде всего, отметим, что в отличие от грамматической системы русского языка в английской допускается присутствие омонимии, т.е. одна

и та же грамматическая форма слова может быть как существительным, так и глаголом. Рассматриваемая нами форма “people” является наглядным примером грамматической омонимии, при которой эта форма присутствует как в классе имен существительных, так и в классе глаголов, что подтверждается словарями.

Согласно Оксфордскому словарю, существительное “people” означает 1) человеческие существа вообще, и в частности а) граждан страны, особенно когда они рассматриваются в отношении тех, кто ими руководит, б) члены общества без особого ранга или должности и в) адвокаты по уголовным делам (используется в американском варианте английского языка); 2) члены определенной нации, сообщества или этнической группы; 3) сторонники или сотрудники человека, находящегося у власти [7].

Согласно этому же словарю, глагол “people” означает 1) заполнять место или присутствовать в определенном месте и 2) заселять людьми [7].

Согласно Оксфордскому словарю, данные смыслы заимствованы среднеанглийским языком из французского, который, в свою очередь, заимствовал слово *peuple* из латыни.

Словарь Коллинза определяет существительное “people” как 1) мужчин, женщин и детей (всегда используется во множественном числе), 2) обычных мужчин и женщин, в отличие от представителей правительства или высших классов (всегда используется во множественном числе) и 3) мужчин, женщин и детей той или иной страны или расы (может использоваться в единственном и множественном числе) [6].

В словаре Коллинза для существительного “people” также дается определение «группа лиц, связанная общими традициями, историей и культурой» [6].

Согласно онлайн словарю Коллинза, глагол “people” означает 1) заселять людьми и 2) заполнять место или присутствовать в определенном месте [6].

В современном онлайн словаре Мерриам-Вебстера существительное “people” представлено 7-ю значениями: 1) (мн. ч.): люди, составляющие группу или собрание или связанные общей заинтересованностью; 2) (мн. ч.): человеческие существа, лица; 3) (мн. ч.): члены семьи или родства; 4) (мн. ч.): члены общины в противопоставление власти; 5) (ед./мн. ч.): совокупность лиц, объединенных общей культурой, традицией или чувством родства, которые обычно имеют общий язык, институты и

убеждения, и которые часто составляют политически организованную группу; 6) низшие животные обычно определенного вида; 7) граждане, находящиеся у государственной власти [8].

Также как и в рассмотренных выше словарях, в онлайн словаре Мерриам-Вебстера глагол “people” означает заселять, или заполнять людьми [8].

Согласно словарю, впервые слово “people” использовалось в среднеанглийском в 13 веке и было заимствовано из французского.

В словаре Макмиллан указано, что существительное “people” это, прежде всего, множественное число существительного “person” и означает 1) человеческих существ; 2) мужчин и женщин, которые работают в одной и той же организации, выполняют однотипную работу или разделяют одни и те же интересы; 3) обычных людей, которые не являются членами правительства или высших классов; 4) группу, состоящую из всех лиц, принадлежащих к одной нации, религии или расе; 5) адвокатов, представляющих правительство США или американское государство по уголовному делу (используется только в США); 6) используется для обозначения группы лиц, с которыми вы разговариваете и хотите привлечь внимание [9].

«Этимологический словарь английского языка» Дугласа Харпера содержит следующую информацию о происхождении слова “people”: слово вошло в состав английского языка в конце 13 века и означало «людей в целом». Слово происходит от англо-французского «люди», которое в свою очередь использовалось в древнефранцузском в значении «люди, население, толпа, человечество, человечество». Во французский язык слово пришло из латинского в значении «народ, нация, большое количество граждан, толпа». Постепенно данное слово вытеснило исконно английское слово “folk” [17].

Таким образом, анализ основных токовых словарей английского языка показывает, что в основной массе все словари выделяют следующие характеристики концепта “people”, а именно, человеческие существа, люди, занимающие более низкое социальное положение, чем представители власти и представителей одной расы или нации с общими корнями.

Теперь рассмотрим концепт «народ» на примере русских словарей.

В отличие от грамматической системы английского языка, в русском языке концепт «народ» представлен только грамматической формой имени существительного.

Большая российская энциклопедия трактует данное слово как «историческую общность людей, понимаемую как в политическом, так и культурно-этническом смысле. Термин «народ» подразумевает все население страны и ее граждан, а также этническую общность» [16].

Необходимо отметить, что в исторической литературе термин «народ» часто использовался для обозначения низших, непривилегированных слоев населения и часто противопоставлялся власти и дворянству.

Согласно толковому словарю В.И. Даля, народ – это «люд, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдые, низшие, податные сословия; множество людей, толпа» [12].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, существительное «народ» означает 1) население государства, жители страны; 2) нация, национальность или народность; 3) основная трудовая масса населения страны; 4) люди, группа людей [10].

В толковом словаре Д.Н. Ушакова концепт «народ» представлен следующим образом: 1) население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны; 2) то же, что нация, национальность. 3) только ед. в эксплуататорском государстве — основная масса населения (преимущ. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу; 4) только ед. люди [11].

Помимо этого, в словаре представлены словоформы «народец» и «народишка», выражающих презрительное отношение к понятию «народ».

В толковом словаре Д.В. Дмитриева используются следующие толкования слова «народ»: 1) народом какой-либо страны, континента называют людей, которые там живут; 2) народом называют людей, которые принадлежат к определенной национальности; 3) народом называют людей, которые являются гражданами конкретной страны; 4) народом называют людей [14].

В современном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой находим следующие пояснения существительному «народ»: 1) общность людей, объединённых языком, историей и культурой; 2) одна из форм

исторической, этнической общности; нация, народность, племя; 3) основная часть трудящегося населения страны; 4) скопление людей [13].

В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера указано, что слово «народ» происходит от основы «род», т.е. все люди, которые народились, – люди одного племени [15].

Анализ толковых словарей русского языка показывает, что концепт «народ» ассоциируется в сознании русского человека с общностью людей, объединенных общим языком, историей, религией и культурой.

Таким образом, проанализировав достаточное количество примеров, мы можем найти много общих черт в репрезентации концепта «народ» в русских и английских словарях. Однако, даже при всей схожести толкований данного концепта в ряде словарей, следует отметить одно существенное различие. В русском языке народ представлен как общая масса людей, сплоченная идеей и это подтверждается путем толкования понятия «народ» в словарях, а в английском языке народ – это в основном один из конкретных представителей либо же класс общества, который нацелен на достижение своих целей, вне зависимости от идей и единства общности.

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279.
2. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 99.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Некоторые проблемы выявления национальной специфики языка// Язык и национальное языкознание. Воронеж, 2002. С. 71.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–41.
6. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/people_1 (дата обращения 13.10.2017).
7. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/people> (дата обращения 10.10.2017).
8. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/people> (дата обращения 22.10.2017).

9. http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/people_1 (дата обращения 19.10.2017).
10. <http://www.ozhegov.org/words/17564.shtml> (дата обращения 13.10.2017).
11. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101133> (дата обращения 11.10.2017).
12. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/275610> (дата обращения 09.10.2017).
13. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/народ> (дата обращения 17.10.2017).
14. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/народ> (дата обращения 22.10.2017).
15. <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения 18.10.2017).
16. <https://bigenc.ru/ethnology/text/2249362> (дата обращения 03.10.2017).
17. <http://www.etymonline.com/> (дата обращения 22.10.2017).

Фатеева М.В.

Институт иностранных языков ГАОУ ВО МГПУ (Москва)

Научный руководитель:

к.филол.н., доцент кафедры французского языка и лингводидактики

Михайлова С.В.

Развитие иноязычной речевой компетенции школьников средствами

веб-форума: к постановке проблемы

Аннотация. Настоящая статья ориентирована на привлечение внимания к возможности разрешения противоречия, заключающегося в заинтересованности обучающимися средней школы в Интернет-коммуникации с носителями ИЯ и предстающими перед преподавателями факторами, мешающими в рамках образовательной программы осуществить их (обучающихся) ознакомление с особенностями аутентичного общения в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: речевая компетенция, компетентностный подход, веб-форум, Интернет-форум, Интернет-общение, инновации, инновационные методы.

Development of the foreign-language speech competence in school pupils by virtue of the web forum: formulation of the problem

Abstract. The paper studies the possibility of conflict resolution, which lies in the interest of secondary-school students in the online collaboration with native speakers of different countries. The factors that prevent teachers from offering students an insight to special aspects of the authentic communication in the virtual space within the framework of the educational program are discussed.

Keywords: speech competence, competency-based approach, web forum, Internet forum, online collaboration, innovation, innovative methods.

На нынешнем этапе развития цивилизации, в условиях глобализованного информационного общества, произведения художественной литературы очень краткое время существуют внутри одной национальной культуры, чтобы затем стать предметом межкультурной коммуникации, опосредованной переводом. При трансляции литературы на иной язык в рамках каждого произведения (при его актуализации в процессе перевода и в процессе рецепции читателями) неизбежно происходит контакт культур [4, с. 50–56], иногда существенно различных. Передача художественного текста на иной язык сопряжена с необходимостью вхождения в иную культуру, иной способ отражения окружающей действительности и (часто) иную (национально специфичную) окружающую действительность. Этот процесс, несомненно, сложен и многоаспектен [1; 2]. На переводчика в таком случае возлагается большая ответственность за степень успешности этого контакта: получит ли произведение в иной культуре (ПК) на ином языке (ПЯ) такую же (или максимально близкую к такой же) оценку, что и в исходной культуре (ИК) и на языке оригинала (ИЯ). В связи с этим мы хотим в рамках настоящей статьи обозначить те факторы, которые влияют на восприятие читателем ПК серийных произведений художественной литературы на ПЯ, анализируя последствия переводной множественности и дедукционно оценивая ее причины при передаче романов-серий. Ранее в этом аспекте переводная множественность не рассматривалась. Предпринимая такую попытку, мы рискуем отказаться от обращения к первоисточнику (аутентичному тексту на ИЯ), сосредоточив основное внимание на результате переводческого труда.

В кратких рамках настоящей статьи мы ограничимся оценкой свертых текстовых расхождений при передаче серии Л.Дж. Роулэнд, в которую входят 10 романов [8–17] общим объемом свыше 170 п.л. На русский язык эти произведения переданы А. Шманевским, Ю. Шманевским, Н. Парфеновой и М. Пановой. Ожидаемым (но не неизбежным) результатом этой опосредованно коллективной деятельности стала множественность ПТ.

В тексте романов Л.Дж. Роулэнд присутствует много реалий, создающих средневековый «японский дух»: агея, бакуфу, бусидо, ерики, кимоно, миаи, сегун, сеппуку, сямисэн, татами, передача которых создает определенные трудности.

Сямисэн – название этнокультурного музыкального инструмента. По сложившейся переводческой традиции эта реалия передается на русский язык с помощью транскрипции. Однако в первых 8 романах серии фигурирует самисэн, формируя у читателя, не знакомого с японской культурой и впервые проявившего интерес к ней, определенный стереотип восприятия: Пьяные клиенты пели и хлопали в такт музыке самисэна, флейты и барабана [14, с. 52]. Однако в хронологически 9-м романе серии (и только в нем) используется традиционная лексема сямисэн, вызывающая у читателя диссонанс из-за разрушения сложившегося стереотипа: Из дома неслись звуки сямисэна и хриплый смех [13, с. 128]. Такая множественность представляется недопустимой. С одной стороны (с точки зрения переводоведения), она нарушает переводческую традицию (самисэн). С другой стороны (с точки зрения межкультурной коммуникации и прагмалингвистики) она подрывает доверие читателя к произведению, разрушая положительное впечатление о нем (самисэн/сямисэн?), создает препятствие в процессе освоения иной культуры через произведения художественной литературы. Здесь, по-видимому, множественность сопряжена с количеством участников межкультурной и межъязыковой коммуникации, опосредованной переводом.

Множественность иного типа [18, с. 76–82] обнаруживается в ходе анализа средств вербализации того сегмента внешней действительности, который описывает правящую династию военных диктаторов средневековой Японии (Токугава). Для этого переводчики используют семантически близкие (но нетождественные! [7]) лексемы клан, дом, семья, род, правительство, режим или пользуются «нулевым» переводом.

В некоторых случаях контекстная связанность с необходимостью формирует однозначный вариант. Так, оптимальный вариант может быть определен вхождением во фразеологизм: Их духи защищали замок, чтобы линия рода Токугава продолжалась до бесконечности [8, с. 36]. Или может быть продиктован стремлением переводчика избежать тавтологии: Храм Дзодзё был святилищем семьи Токугава <...>. Урожденный вассал дома Токугава, Ояма, чья семья служила сёгунам из поколения в поколение, смотрел сверху вниз на Сано с его отцом ронином, самураем без хозяина [17, с. 5].

Тщательный анализ позволяет выделить 2 тенденции передачи этого этнокультурного сегмента на ПЯ в пределах одного романа серии: 1) использование одной лексемы в ПТ (моно-вербализация), 2) использование различных вариантов передачи (би-вербализация). Моно-вербализация представлена лексемой клан в романе «Синдзю» (пер. А. Шманевский) [15], и лексемой дом в романе «Черный лотос» (пер. Н. Парфенова) [17]. Частичная би-вербализация, обусловленная контекстной связанностью, находит уместное выражение в романе «Жена самурая» (пер. А. Шманевский) [10], где центральной единицей является клан, дважды замещаемая единицей род. В романе «Татуировка наложницы» (пер. А. Шманевский) [16] обнаруживается крайне непоследовательное использование единиц режим и клан с почти равной частотностью: 8 использований в ПТ против 6 соответственно. Однако при этом они чередуются, разбивая текст на неравномерные блоки, что можно кратко отобразить схемой для наблюдения за «движением» вербализующих средств: режим (1) → клан (1) → режим (4) → клан (4) → режим (1) → клан (1) → режим (2)

Любопытно, что эта множественность в сверхтекстовом масштабе лишь отчасти является результатом посредничества четырех переводчиков, т.к. последний пример убедительно доказывает, что и в ПТ одного переводчика обнаруживаются неконвенциональные расхождения. При рассмотрении ПТ всех романов серии возникает вопрос о необходимости использования представленных лексем для передачи национально маркированного сегмента. Некоторая небоснованность множественности, создавшейся в ПТ серии, вызывает сомнения в наличии единой издательской политики и профессионализме коллектива издательства. Сталкиваясь с новой единицей, читатель должен испытывать некоторое замешательство, вызванное изменением стилистической окраски реалии

или родо-видовыми заменами [3] (вместо уважительного дом Токугава – пренебрежительное клан Токугава, вместо частно-видового семья – обобщающее род, вместо нейтрального правительство – отрицательно коннотируемое режим).

Расхождения в вербализации одних и тех же реалий в разных ПТ серии создают феномен субъективной факультативной множественности [19]. Так, для передачи лексемы, обозначающей должность главного героя (сесакан), используются существенно различные единицы ПЯ: Сано захотелось поскорее приступить к обязанностям уполномоченного сёгуна по особо важным делам [15, с. 140]. По пустынным улицам ночного Эдо шагал Сано Исиро, сёсакан-сама сёгуна – благороднейший исследователь событий, ситуаций и людей [14, с. 4]. Двенадцать месяцев на посту сёсакана самы сёгуна – Благороднейшего Расследователя Событий, Ситуаций и Людей – стали непрерывной чередой криминальных дел <...> [16, с. 3]. Судья Эдо и благороднейший следователь, поставленные в тупик одной и той же женщиной, грустно смотрели друг на друга [Там же, с. 71]. Перед тем как стать сёсакан самой – достопочтенным следователем сёгуната во всем, что касается его подданных, Сано служил в полицейской управе <...> [17, с. 5]. Сначала будут изложены картина происшествия и обвинение, которые зачитает главный следователь его превосходительства сёгуна, – объявил судья Уэда [Там же, с. 150].

Сопоставление этих фрагментов выявляет возможную разницу толкования. Расследователь семантически близко лексеме следователь, для русскоязычных реципиентов однозначно указывает на принадлежность лица к силовым структурам, в то время как исследователь ассоциативно связано с наукой, и может служить классическим примером неточности в переводе. Однако в отношении вышеприведенных примеров важно отметить причину возникшей множественности. Это не только результат "вмешательства" новых переводчиков, т.к. и в пределах ПТ одного романа обнаруживаются нетождественные средства вербализации. Очевидно, здесь расхождения вызваны коллективным характером издательской работы. Трудно вообразить, что один переводчик для передачи одной реалии может пользоваться различными по степени качества приемами перевода, доходя до границы узуальности ПТ. Поэтому мы считаем возможным возложить ответственность на этот факт расхождений ПТ на издательскую группу – корректоров и редакторов.

Оценивать каждый факт переводной множественности, выявленный в ходе сопоставительной работы, в кратких рамках статьи не представляется возможным. Однако даже из представленного выше фактического материала становится очевидной основная тенденция. Переводная множественность реализуется двумя различными типами: один из которых обусловлен мерой личной ответственности переводчика (его предпочтения, его видением задачи перевода, его интерпретацией ИТ), другой сопряжен с коллективной ответственностью издательства, приобретающего монополию на публикацию книг серии на языке перевода.

В заключение отметим необходимость стремления издательского коллектива к единообразию переводческой манеры различных языковых посредников. При ее отсутствии (в рамках передачи серийных произведений) у читателя нарушается целостное восприятие, что негативно сказывается на всем межкультурном контакте: происходит губительное рассредоточение самой идеи серии вплоть до отказа читателей от дальнейшего знакомства с произведениями избранного автора.

Выявленные нами факты субъективной неконвенциональной переводной множественности могут быть положены в основу разработки меры ответственности всего издательского коллектива. На нынешнем этапе приходится признать необходимость дальнейшего совершенствования практических требований и надеяться на профессиональный и этический рост [5; 6; 20; 21] всех участников процесса межкультурной и межъязыковой коммуникации для ее сохранения, полноценности и эффективности.

Список литературы

1. Вонюхова Ю. А. Психологические особенности безопасного общения студентов в социальных сетях [Текст] / Ю.А. Вонюхова // Достижения вузовской науки. 2016. № 25–1. С. 90–95.
2. Манаенкова М. П. Содержание и структура речевой компетентности личности [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. 2015. № 4 (4). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-rechevoy-kompetentnosti-lichnosti>, свободный. Дата обращения: 18.10.2016
3. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Азимов Э. Г., Щукин А. Н. М.: ИКАР, 2009. 240 с.

4. Рязанова Ю. А. Форум как средство педагогической поддержки развития самостоятельности младших школьников [Текст] / Ю.А. Рязанова // На путях к новой школе. № 1. 2009. С. 2–7.
5. Соловова Е. Н. Задачи вузов, факультетов и кафедр в условиях перехода на ФГОС ВПО – стандарты третьего поколения [Текст] / Е.Н. Соловова // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 2 (13). 2010. С. 21–24.
6. Тарева Е. Г. Инновационные тенденции в развитии лингвистического образования [Текст] / Вестник МГЛУ. Серия Педагогические науки. Актуальные вопросы профессиональной подготовки преподавателей иностранного языка. Вып. 3 (582). М.: МГЛУ, 2010. С. 95–99.
7. ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования 2012 г. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70188902/>, свободный. Дата обращения: 17.10.2017.
8. Straaijer R. Internet Linguistics: A Student Guide / R.Straaijer // English Studies. 2014. Vol. 95, Issue 5. P. 590–592.

Филиппова И.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Инокультура в переводе: чужая или чуждая

Аннотация. В статье представлена попытка оценить эксплицитные ошибки перевода с точки зрения читателя, интересующегося экзотической иноязычной культурой и постигающего инокультуру в ее отражении в произведении художественной литературы. Примером служит перевод на русский язык с голландского через посредство английского романа Р. ван Гулика – популяризатора китайской культуры. Показаны деструктивные для межкультурной коммуникации тенденции доместикации, вызывающие отторжение читателем переводного произведения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, перевод, национальный колорит, переводческие ошибки.

I. Filippova

Moscow Region State University (Moscow)

Cultures in translation: foreign or alien

Abstract. An attempt is made to describe explicit errors of translation from the point of view of the reader interested in an exotic foreign culture and to comprehend foreign culture through its reflection in a literary work. As an example use is made of the Dutch-English-Russian translation of R. van Gulik's novel popularizing Chinese culture. It is shown that the

tendency towards domestication can be considered destructive for cross-cultural communication, which leads to a rejection of the translated works by the reader.

Keywords: intercultural communication, translation, national character, translation error.

Интерес к инокультуре в любой стране постоянно присутствует в различных сферах. Крупномасштабные формы взаимного интереса стран и культур представлены в области экономики сотрудничеством в интернациональных корпорациях или спорадическими международными бизнес-контактами, в области культуры – культурными проектами (выставок живописи, скульптуры, моды и т.п.) с участием нескольких стран, фестивалями кино, гастролями театральных, эстрадных, оперных коллективов, в области – науки международными конференциями и конгрессами и т.п. Обеспечением этих процессов с лингвистической точки зрения занимаются переводчики, осуществляющие и межъязыковое и межкультурное взаимодействие [1, с. 82–85; 2, с. 85–87]. В индивидуальном масштабе интерес к инокультурному миру и мировоззрению проявляется вниманием к художественной литературе, отражающей особенности иного взгляда на окружающую действительность, неизвестного читателю – носителю принимающей культуры и языка перевода. Здесь миссия переводчиков сближается с Пушкинским пониманием значимости языковых посредников в области просвещения. Вопросы, связанные с проблемами передачи инокультурного содержания в переводе, многочисленны и разнообразны [17, с. 97–106], имеют непосредственную связь с теорией перевода, решаются переводчиками и издательскими коллективами (иногда при участии автора оригинального текста). Тема инокультурности в переводе – не нова, но, по-видимому, непреходяща, т.к. в каждом случае межъязыкового и межкультурного контакта через перевод определенного произведения художественной литературы поиск ответов на «бывшие в употреблении» вопросы организуется заново.

Актуальность проблем передачи инокультурности в настоящей статье обеспечена новым взглядом на перевод – взглядом читателя переводного произведения (не переводчиком, не лингвистом, не культурологом). Представляется важным оценить адекватность перевода [18, с. 403] с позиции читателя, незнакомого с языком оригинала, но интересующегося экзотической культурой (точнее, ее вкраплениями в текст перевода).

Фактическим материалом настоящего обзора служит перевод романа «Ожерелье и тыква-горлянка» Роберта ван Гулика, известного востоковеда, знатока китайской культуры, китайского языка и автора серии детективных романов и рассказов о средневековом судье Ди (реальном историческом лице), написанным в соответствии с китайскими традициями жанра и сопровождаемые иллюстрациями самим автором. С точки зрения переводоведа передача прагматически ориентированного на инокультурность текста с голландского на русский через посредство английского представляет отдельный интерес. Мы же остановимся на особенностях рецепции перевода читателем.

Несмотря на многолетний успешный опыт сотрудничества России с Китаем, несомненно, эта страна по-прежнему представляется нашим согражданам во многом экзотичной, т.к. остается непознанной во многих аспектах. Творчество Р. ван Гулика отчасти утоляет познавательный интерес, раскрывая особенности видения справедливости, правосудия, равновесия сил добра и зла в китайском миропонимании.

Читатель, захваченный детальной картиной административного устройства средневекового Китая, подробным отражением должностных обязанностей и выдержками из законодательных актов, проникается настроением радостного ажиотажа, предвкушая экзотическую интригу в этом своеобразном мире, маленькая сцена которого ограничена рамками города (с наглядной иллюстрацией плана в картографической традиции Китая). Инокультурный характер текста и намеренная (прагматическая) экзотизация поддерживается словесным описанием и иллюстративным изображением особенностей внешности персонажей, одежды, деталей быта и т.д. [6, с. 60-66]. Чужая культура становится читателю ближе, он проникает во внутренний мир персонажей, постигая мироощущение, философию, аксиологию другой нации через сюжетные хитросплетения и драму характеров.

В этом радостном открытии незнакомого прежде мира читатель в некоторых случаях становится жертвой ошибки языковых и культурных посредников (переводчика, корректора, редактора, издателя). Примеры таких ошибок, их причины и последствия следует рассмотреть подробнее.

В ПТ исследуемого произведения удалось выделить 5 таких очевидных ошибок [19, с. 84], которые получили в специальной литературе наименование «маркеров неаутентичности» [7, с. 17]. Все они

представлены лексическими единицами с национальным колоритом, который диссонирует с задуманным автором китайским.

Судья Ди<...> обратил внимание на стоявшую рядом с ним девушку лет семнадцати: маленькую, тоненькую, в длинном голубом халате с красным кушаком [4, с. 393]. В данном фрагменте коммуникативный сбой вызывает появление выделенная полужирным шрифтом лексема, имеющая иной (некитайский) национальный колорит. Согласно лексикографическим источникам, кушак – слово тюркского происхождения, обозначает мужской широкий длинный пояс, надеваемый сверху на рубаху и заворачиваемый несколько раз вокруг поясницы [10, с. 542]. В национальной традиции России под кушаком понимается широкий матерчатый пояс, часто ярко расшитый и украшенный бахромой. Читая анализируемую фразу, носитель русского языка испытывает шок от вторжения в «китайское» повествование русского атрибута одежды (чаще мужского), трудно вообразимого на хрупкой китайской девушке. Ассоциация с Пушкинским ямщиком из «Евгения Онегина»

Ямщик сидит на облучке

В тулупе, в красном кушаке... [12, с. 322].

провоцирует конфликт двух различных национальных колоритов, создавая ситуацию серьезного коммуникативного сбоя. Следующая далее по тексту иная версия передачи этого же проблемного компонента представляется более удачной, т.к. не имеет национальной принадлежности, является гиперонимом (лишенным национального колорита): *Ди был приятно удивлен, увидев изящную девушку в длинном голубом халате. Ее стройная талия была затянута красным поясом<...>* [4, с. 413]

Также неудачно, с подачи переводчика, национальный русский колорит врывается в повествование о китайской жизни. *Низенький кругленький человечек стоял за стойкой, распекая мрачного полового.* <...>Судья Ди предпочел бы более легкий завтрак, но нужно было как-то вовлечь словоохотливого хозяина в обстоятельный разговор. Он кивнул, и толстяк, кликнув полового, передал ему заказ [4, с. 430]. В лексикографических источниках специальные пометы маркируют временной колорит лексемы *половой*: устар. – т.е. устаревшая единица (так сопровождается анализируемая единица в Толковом словаре Ожегова [10] и Энциклопедическом словаре [14]). Однако Толковый словарь Ушакова и Толковый словарь Ефремовой иначе представляют лингвистическую

характеристику этой единицы. *Слуга в трактире, на постоялом дворе или в маленькой гостинице (в Российском государстве до 1917 г.)* [5, с. 667]. (*разг. дореволюц.*): *Слуга в трактире, постоялом дворе или маленькой гостинице* [15, с. 409]. В последних двух характеристиках эксплицируется также и принадлежность анализируемой лексемы к национальной языковой картине мира, к русской культуре. В связи с этим ассоциации с классическими произведениями русской литературы, дисгармонизирующие процесс чтения и погружения в инокультуру, пожалуй, неизбежны. *Половой* – персонаж пьесы А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» (*Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. Половой стоит подле него с полотенцем на плече* [11, с. 134]). В «Письмах к тетеньке» и «Дневнике провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрина эта реалия – также неотъемлемый атрибут повествования, как и «Ведомости» и прочие приметы русской жизни: *Такие это распостылые господа, – жаловался мне на днях один половой* [13, с. 24].

Крайне неуместным представляется вторжение также чуждой описываемой ситуации лексема пампушки: *Когда она заглядывала к нам, я всегда угощал ее рисовыми пампушками с начинкой из красной фасоли – их у нас отменно готовят. Госпожа Вэй очень любила это лакомство* [с. 462]. *Подавальщик принес бамбуковый поднос с рисовыми сладями.* <...> *Судья Ди попробовал пампушки и нашел, что начинка приторна* [с. 463]. Об этимологии этой единицы единства мнений исследователи не достигли. Большинство лексикографов усматривают здесь многократное заимствование из одного языка в другой: через польск. *rampusz* "оладья" из нем. *Pfannkuchen* "блин" с дистантной ассимиляцией $p - k > p - r$ [16; 20, с. 275]. Принадлежность этой реалии к украинским кулинарным традициям определено зафиксировано во всех словарях: *украинская маленькая круглая сдобная булочка из дрожжевого теста размером с грецкий орех или маленькое яблоко. Пампушки делают из сдобного дрожжевого теста (на яйцах, масле и молоке), замешивая его некруто и давая два раза подняться. Разделав тесто на «булочки» величиной с грецкий орех, обмакивают их в масло, дают вновь слегка подняться и затем варят на пару в формочках около 20-30 минут и допекают в духовке до легкого заколерования. Подают к борщу горячими, с подливкой из жареного лука или с чесноком* [14]. Естественной попытке встроить в сюжет о китайском средневековье из-за тесной ассоциативной связи

Гоголевскую пышнотелую хохлушку (*Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, – варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!* [3, с. 12]) воспротивится любой нормальный читатель, далекий от проблем теории межкультурной коммуникации. Примечательно, что в небольшом контексте переводчиком представлены два альтернативных решения этой же задачи – с помощью обобщения – лексемами (без национальных маркеров): *сласти* и *лакомство*, которые видятся более уместными и не резонирующими с инокультурой ИТ.

Обобщая представленный анализ переводческих искажений в отражении инокультуры, можно сформулировать следующие выводы. В текстах, насыщенных лексикой с национальным колоритом, стратегия доместикации вызывает отторжение содержания, нарушает целостность восприятия читателем иной культуры, деструктурирует полноту изображаемой автором ИТ картины мира в связи с экспансией чуждого ИТ национального колорита и ассоциированием с национальной культурой (в том числе, через художественную литературу) родного читателю ПТ. По основным требованиям к переводу, изложенным в «Хартии переводчиков» [8, с. 116] такие искажения недопустимы.

В заключение, следует подчеркнуть, что сделанные в ходе эмпирической работы наблюдения и полученные в результате лингвокогнитивного анализа выводы (с опорой на авторитетные лексикографические источники) представляют лишь срез многократно обнаруживаемых читателями ошибок переводчиков в процессе их (читательской) рецепции инокультурных произведений. Во избежание серьезного коммуникативного сбоя и отторжения чужой (но интригующей экзотической) культуры и ее преломления до чуждой всем языковым посредникам на всех этапах работы следует трепетно относиться к авторскому тексту [9, с. 128–131] без узурпации прав автора на представление прагматической функции национального колорита и популяризации инокультуры.

Список литературы

1. Вековищева С. Н. Лингвокультурологические взаимоотношения в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2011. С. 82–85.

2. Вековищева С. Н. Факторы, влияющие на успешность акта речевой коммуникации в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2011. С. 85–87.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 9 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1994. 496 с.
4. Гулик Р. ван. Четыре пальца. Убийство на улице полумесяца. Ожерелье и тыква-горлянка: Повести / пер. с англ. СПб: Амфора, 2000. 574 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
6. Жирова И. Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 5. С. 60–66.
7. Кошкин Р. К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с английского языка на русский): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.
8. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода. М.: МГОУ, 2003. 144 с.
9. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России. М.: МГОУ, 2003. 140 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1: Пьесы. 1847-1854. М.: ГИХЛ, 1949. 4890 с.
12. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. 527 с.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке: Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.: Правда, 1988. 5674 с.
14. Словари и энциклопедии [Сайт]: Эл. Ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.11.2017)
15. Толковый словарь русского языка: в 4т. / под ред. Проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. 752 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / Пер. с нем. О. Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. М.: Азбука-Терра, 1986–1987. 2944 с.

17. Филиппова И. Н. О переменных и субъективных факторах перевода в свете холизма // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 3. С. 97–106.

18. Филиппова И. Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 403

19. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. Т. 2. № 6. С. 84–87.

20. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Дрофа, 2004. 400 с.

Хань Сюэцзюань

Университет Внутренней Монголии Китая (Тунляо, Китай)

Прагматические функции традиционных русских фразеологизмов на материалах русских газет

Аннотация: На страницах современных русских газет употребляется большое количество фразеологизмов. Исследование фразеологизмов имеет давнюю традицию, среди лингвистов, которые занимались проблемой фразеологии, существуют два направления: узкое и широкое понимание границ фразеологии. Изучение в данной работе основано на широком понимании границ фразеологии. В современной лингвистике весьма перспективными являются исследования с позиции прагматического подхода. В газетах употребление русских фразеологизмов имеет разные прагматические функции.

Ключевые слова: фразеологизмы, прагматические функции, русские газеты.

Inner Mongolia University (Moscow)

Pragmatic functions of traditional idioms in Russian newspapers

Abstract. Modern Russian newspaper are abundant in idioms. The study of idioms has a long history. Linguists studying idioms can be divided into two main schools: understanding idioms in a narrow way and understanding idioms in a broad way. This paper, based on the broad understanding, aims at gaining an insight into the pragmatic functions of idioms in Russian newspapers.

Keywords: idioms, pragmatic functions, Russian newspaper.

1. Понятие фразеологизма и объём фразеологии

Национальное своеобразие русского языка во многом определяется накопленным им за многие века своего развития фразеологическим богатством. Оно поистине является его золотым фондом, его сокровищем.

Здесь нельзя не упомянуть две работы В.В. Виноградова, которые сыграли решающую роль в становлении фразеологии как самостоятельной

лингвистической науки. Это «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» и «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке». Впервые фразеология была рассмотрена автором этих работ как совершенно самостоятельная лингвистическая наука, имеющая свою систему научных понятий, впервые была предложена типология фразеологизмов русского языка.

После В.В. Виноградова многие русские лингвисты изучают фразеологию, но об объёме фразеологизма у них разные мнения. В общем среди русских лингвистов существуют два направления: узкое и широкое понимание границ фразеологизмов.

1.1 Широкое понимание объёма фразеологии

Сторонники данного направления – Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь, Н.М. Шанский, М.И. Фомина, Р.Н. Попов, В.Н. Телия, И.С. Козырев и т.д.

По взгляду Н.М. Шанского, фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре. Фразеологическими оборотами являются как идиомы, так и воспроизводимые устойчивые сверхсловные единицы неидиоматического характера (в том числе пословицы, крылатые слова, терминологические словосочетания, составные названия и сочетания слов с компонентом, имеющим фразеологически связанное значение) [11, с. 20].

1.2 Узкое понимание объёма фразеологии

Сторонники данного направления – В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко, А.Н. Кожин и т.д.

В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин отличают фразеологизмы от языковых афоризмов, в число которых входят пословицы, поговорки, крылатые слова и т.д. Фразеологизм – это самостоятельная (не сводимая ни к словам, ни к языковым афоризмам) номинативная (непосредственно соотнесённая с воспроизводимая) единица, обладающая синтаксически членимой формой (словосочетание) и исполняющая во фразе цельную синтаксическую функцию (член предложения) [4, с. 169].

Итак, учитывая особенности языка в текстах масс-медиа, данная работа основана на теории широкого понимания объёма фразеологии, т.е. в фразеологический состав включаются пословицы, поговорки и крылатые выражения.

2. Прагматические функции традиционных русских фразеологизмов

Одним из объектов исследования прагматики является то, как говорящий использует языковые материалы, с помощью чего выражает своё иллокутивное намерение: или сообщение, или описание, или совет, или побуждение, или оценку, отношение к действительности, к содержанию сообщения, к человеку, к адресату и т.д. Выражаемое говорящим иллокутивное намерение связано с прагматической информацией слов, фразеологизмов и т.д.

Под оценкой понимается языковое выражение, подводящее рассматриваемый объект под рубрику некоторой классификации или приписывающее ему некоторое значение в соответствии с принятой в данном социуме или характерной для индивидуума шкалой оценок. Вообще с точки зрения психических эмоций человека оценка делится на два типа: положительную и отрицательную. В число положительной оценки входят одобрение, похвала, сочувствие, сожаление и т.д. В число отрицательной оценки входят неодобрение, недовольство, порицание, обвинение, ирония, презрение и т.д. [8]

При традиционном использовании фразеологизмы применяются в том составе и в том значении, которые известны всем. Эффект такого применения основан на природных выразительных свойствах фразеологизмов. Они придают тексту в газете определённую воздействующую силу, помогают создавать специфическую образность, выражать определённое речевое намерение говорящего. В этой части работы изучаем такое иллокутивное намерение, как положительную и отрицательную оценку, на примерах фразеологизмов на страницах русских газет.

2.1 Положительная оценка

2.1.1 Одобрение, похвала

Когда поступила информация о предстоящей сделке Афанасьева по продаже наркотиков, его решили брать. Задержание прошло, как говорится, *без шума и пыли*. (Аргументы и Факты № 3 01.2005) Фразеологизм *без шума и пыли* обозначает «быстро, чётко, по возможности скрытно». Используя этот фразеологизм, автор выражает одобрение к действию наркополицейских.

К чемпионам Европы в парном катании Татьяне Тотьмяниной и Максиму Маринину у судей и зрителей не возникло ни малейшей

претензии. Ученики Олега Васильева выступили здесь, как говорится, *без сучки и задоринки* в обоих видах своих соревнований. (Аргументы и Факты №3 01.2005) Здесь выражается похвала говорящего к выступлениям учеников Олега Васильева в соревнованиях.

2.1.2 Сочувствие

И он (Путин) понял, какое, к чёрту, материальное положение у солдата: не всегда сыт, да и *гол как сокол*. (Аргументы и факты № 49 12.2004.) Фразеологизм *гол как сокол* обозначает «очень беден, ничего не имеет», а в этом контексте автор не только указывает на бедность солдата спецназа, но и выражает сочувствие к солдату.

Вместо того чтобы шипать своих олигархов, они щиплют простых людей, которые и так едва *сводят концы с концами*.... Отняли! Зачем? (Аргументы и Факты № 46 11.2004) Фразеологизм *сводить концы с концами* обозначает «справляться с трудом с нуждами, расходами», здесь выражается авторское сочувствие к простым людям.

2.2 Отрицательная оценка

2.2.1 Неодобрение

Несмотря на всю очевидность этого призыва (Берегите голову – она у вас одна), к голове мы относимся *спустя рукава*. (Аргументы и Факты № 46 11.2004) Этот фразеологизм обозначает «кое-как, небрежно», здесь автор с помощью этого фразеологизма выражает неодобрение к отношению людей к своей голове.

Отдельная проблема – внешний вид. Если боксы «Мосгортранса» не уродуют город, то киоски «Алл карда» рыжие и *бросаются в глаза*. Если же говорить об эстетике и архитектуре, то сии сооружения – что-то среднее между временным платным туалетом и торговой палаткой-контейнером, которые остались на рынках. (Аргументы и Факты № 3 01.2005) Фразеологизм *бросаться в глаза* обозначает «быть особенно заметным». В этом тексте выражается авторское неодобрение к созданию киосков «Алл карда» в городе.

2.2.2 Недовольство

У сильного всегда бессильный виноват. Эта крыловская мораль в последние годы почему-то всё чаще оправдывает свою живучесть, заставляя порой усомниться, действительно ли мы подходим к концу 20-ого века, а не живём по-прежнему в 19-ом веке. (Известия.04.08.1990.) Этот фразеологизм восходит к басне Крылова "Волк и ягнёнок". Перед волком ягнёнок всегда виноват. Здесь используя этот фразеологизм, автор

выражает недовольство обществом.

Нация «Обломовых» *ставит крест* на А. Солженицыне и В. Распутине. Недавно Китайская ассоциация книгоиздателей признала Валетина Распутину лучшим писателем года. (Аргументы и Факты № 3 01.2005) Фразеологизм *ставит крест* обозначает «окончательно разуверившись в ком-либо, считать его неспособным на что-либо, конченным». В этом тексте автор выражает сильное недовольство реальностью монетизации морали и нации в России.

2.2.3 Обвинение

А сами представители ведомств и компаний, которые имеют отношение к реформе, вместо того чтобы толком все объяснить пенсионерам, зачем-то *напускают туман*. ... Почему обо всём этом не предупредили заранее и кому нужно такое бестолковое письмо? (Аргументы и Факты № 3 01.2005) Фразеологизм *напускать туман* обозначает «сделать что-нибудь неясным, непонятным». Используя этот фразеологизм, автор обвиняет правительство в том, что оно не объяснило пенсионерам о пенсионной реформе.

В выходные дни больницы пустеют, в отделениях врачей *не найдёшь днём с огнём*, и ходячие пациенты предпочитают субботу и воскресенье провести дома. (Русский медицинский сервер № 65–23 08.2002) Этот фразеологизм обозначает «никак не найдёшь». Используя этот фразеологизм, автор выражает свой упрек к режиму работы врачей.

2.2.4 Ирония

– Д. Ж. Буш, президент США: «Лучшая гарантия мира во всём мире – это распространение свободы во всём мире».

– *Золотые слова!* Только возить свободу бомбардировщиками.

(Аргументы и Факты № 4 01.2005) В этом диалоге с помощью этого фразеологизма адресат выражает сильную иронию к Бушу.

2.2.5 Презрение

С одной стороны, полпред – человек, зависимый от воли Кремля. ... Но и в регионе президентский ставленник – не чужой человек. Хорошие люди **бьют** перед ним **челом** – «похлопочи перед кем надо». (Аргументы и Факты № 3 01.2005) Фразеологизм *бить челом* обозначает «низко кланяться, касаясь лбом земли, почтительно просить о чём-либо». Здесь с помощью фразеологизма *бить челом* автор выражает презрение к поступку называемых хороших людей.

Заключение

Фразеологизмы поистине являются золотым фондом русского языка. Изучая множество фразеологизмов на страницах русских газет, можно сделать следующий вывод: с помощью использования фразеологизмов ярко выражается оценка и отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к человеку, к адресату. Точнее говоря, можно выразить такую положительную оценку, как одобрение, похвала, сочувствие и сожаление, и такую отрицательную оценку, как неодобрение, недовольство, обвинение, ирония и презрение.

Список литературы

1. Горлов В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газеты, Русский язык в школе, 1992. № 5,6.
2. Кожин А. Н. О границах русской фразеологии, Филологические науки, 1965.
3. Козырев И. С. Современный русский язык Минск. «Высшая школа» 1979.
4. Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Язык и культура, М. «Русский язык», 1990.
5. Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Русская фразеология. М. «Русский язык», 1986.
6. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. Филологические науки, 1995. № 3.
7. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М. «Высшая школа». 1976.
8. Савчук Г. В. Оценочный компонент значения пространственных фразеологических единиц. «Русский язык в школе», 1995, № 4.
9. Фелицына В. П. , Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы М. «Русский язык», 1990.
10. Фомина М. И. Современный русский язык. М. «Высшая школа», 1990.
11. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка М. «Высшая школа», 1985.
12. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. М. Едиториал УРСС, 2003.

Харитоновна Е.В.

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

**Сильные тексты национальной культуры:
переводческий аспект**

Аннотация. В статье анализируется понятие «сильный» или «ядерный» текст национальной культуры с точки зрения теории и практики художественного перевода и межкультурной коммуникации. Обосновываются транслатологические параметры, позволяющие причислить иноязычную реплику оригинала к сильным текстам национальной культуры: множественность переводов, количество языков перевода, авторитет переводчиков, количество рецензий и т. д.

Ключевые слова: лагерная проза, сильный текст, переводческая аттракция, переводная множественность.

E. Kharitonova

Northeastern State University (Magadan)

Strong texts of national culture: translation aspect

Abstract. The paper studies the notion of a ‘strong’ or ‘nuclear’ text of national culture from the point of view of literary translation and intercultural communication. The characteristic features of a strong text are discussed within the frameworks of intercultural interaction by means of translation techniques, including translation multiplicity, number of languages into which the text is translated, translator’s authority, number of reviews, etc.

Keywords: camp prose, strong text, translation attraction, translation multiplicity.

Во введении к книге «Понимание культур через посредство ключевых слов», известный австралийский лингвист польского происхождения А. Вежбицкая пишет о том, что культуры можно отчасти интерпретировать, обращаясь к анализу их ключевых слов, под которыми автор понимает «слова особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [2, с. 35]. Доводы ученой послужили основой для многих исследований по проблемам лингвокультурологии, языковой картины мира, концептологии, а также других лингвистических направлений. Разумеется, лексико-семантический уровень языка чрезвычайно тесно связан с культурой. Говоря словами Э. Сепира, лексика «очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры...» [7, с. 243]. Однако, как нам представляется, важнейшей репрезентацией культуры, является все-таки текст. Наиболее полно культурологическая трактовка понятия текста представлена в работах Ю. М. Лотмана, по мнению которого, культура не просто находит

свое воплощение в тексте, но и сама является ничем иным как «совокупностью текстов» [5, с. 18].

Категория текста является одной из центральных в современной лингвистике, филологии, литературоведении и других гуманитарных науках. Несмотря на это, отдельные аспекты теории текста до сих пор остаются недостаточно разработанными. Так, по-прежнему не существует общепринятой типологии текстов. Исследователями предлагаются самые различные основания для классификации текстов: функционально-стилистические характеристики (ср.: разговорные, официально-деловые, общественно-информативные, научные, художественные, религиозные тексты [3, с. 16–17]), коммуникативные функции (ср.: тексты с экспрессивной функцией, тексты с информативной функцией, тексты с апеллятивной функцией [10, р. 39]), характер когнитивных операций по структурированию текста (дескриптивный, нарративный, аргументативный, инструктивный, экспозиторный [8, с. 62]) и др. Предпринимались попытки выделить типологически разные формы и в рамках отдельных типов текста. В. П. Белянин в книге «Психолингвистические аспекты художественного текста» представил когнитивную классификацию художественных текстов, в зависимости от «типа отношения к описываемому», «типа сознания» [1, с. 44]. Автор выделяет светлые, активные, простые, веселые, красивые, усталые, печальные, сложные и смешанные типы текстов [1, с. 43–88]. Разработанная автором типология основана на представлении о художественном тексте, как о тексте, обладающем определенной психолингвистической доминантой.

Существуют и другие подходы к типологии текстов. В основе одного из них лежит представление о тексте, как о главном хранителе культурного наследия этноса. А. Лефевр предложил использовать термин “*cultural capital*” для обозначения типа текстов, в которых наиболее ярко отразилась национальная или мировая культура [9, р. 41].

Отметим, что далеко не все тексты обладают культурной значимостью для носителей языка в целом. Н. А. Кузьмина полагает, что тексты могут быть дифференцированы как сильные и слабые. Автор пишет: «Особое место в литературном и культурном пространстве мира и каждой отдельной страны принадлежит «сильным» литературным текстам, обладающим высоким энергетическим потенциалом, имеющим большую аудиторию читателей и которые часто включены в национальные

образовательные каноны и стандарты. «Сильные» тексты постоянно отдают эстетическую энергию читателям и получают энергию от своих читателей, которая многократно усиливается и качественно изменяется вследствие перманентно возникающего информационного резонанса» [4, с. 68–71]. Иными словами, сильные или «ядерные», по терминологии Н.А. Кузьминой, тексты являются базовыми элементами культуры и имеют большую аудиторию читателей, слабые же тексты подобными параметрами не обладают.

По мнению В.А. Разумовской, понятие «сильный текст» национальной литературы сопоставимо с понятием «абсолютная картина», разработанном Московской концептуальной школой для обозначения картины, которая с максимальной полнотой и выразительностью аккумулирует в себе коллективное сознательное и коллективное бессознательное [11, р. 836]. Так же как без абсолютных картин невозможно представить историю искусства, точно так же невозможно представить историю национальной литературы без сильных текстов.

Хотя концепция сильных текстов была разработана в рамках теории интертекстуальности, подобная дифференциация текстов представляет несомненный интерес с точки зрения теории и практики художественного перевода и межкультурной коммуникации, поскольку именно «сильные» тексты литературы и культуры являются регулярными объектами перевода. Перефразируя ранее приведенный нами тезис А. Вежбицкой, можно сказать, что взаимопонимание культур происходит преимущественно посредством сильных текстов.

Корпус сильных текстов, несмотря на тот факт, что он может меняться, тем не менее достаточно стабилен и включает те тексты, которые имеют «непреходящее значение, испытаны временем» и «не зависят от социально-экономических или политических предпосылок» [4, с. 53]. Н.А. Кузьмина к сильным, ядерным текстам русской культуры относит «Слово о полку Игореве», Библию, произведения Пушкина, Толстого, Достоевского [там же]. В.А. Разумовская дополняет список сильных текстов русской культуры произведениями Булгакова, Пастернака, Ильфа и Петрова, Чехова и Солженицына, по книгам которых представители «других» культур пытаются разгадать «загадочную русскую душу», знакомятся с особенностями жизни, культуры и истории страны [11, р. 835, 837].

В рамках национальной культуры ключевым параметром, позволяющим причислить текст к разряду сильных или ядерных текстов культуры, является «энергетический потенциал текста», позволяющий ему вступать в резонанс со своим читателем [4, с. 46].

В случае, когда текст выходит за пределы родной культуры, в качестве параметров, позволяющих охарактеризовать его как сильный текст можно использовать достаточно объективные критерии, а именно множественность переводов, количество языков перевода, авторитет переводчиков, количество рецензий и т. п. Рассмотрим некоторые из них более подробно, обратившись к историографии переводов текстов русской лагерной прозы на английский язык.

Сильные тексты, попадая в инокультурную среду, как правило, дают толчок к множественности переводов. По словам В. А. Разумовской, в результате генерирования вторичных переводческих текстов формируются центры переводческой аттракции: *a culturally and aesthetically significant literary text regularly tends to self-recurrence and generates numerous foreign-language (and often intersemiotic) variants, creating extensive centers of translation attraction*. По мнению ученой, центр переводческой аттракции имеет полевую структуру: оригинал формирует центр этой структуры, генерируя переводческое поле, центральную часть которого содержит все действующие иноязычные реплики оригинала, а периферия представлена переводами, вышедшими из употребления в результате устаревания или низкого качества перевода. Кроме того, модель переводческого поля, разработанная В.А. Разумовской, включает еще одну, потенциальную сферу, предназначенную для будущих возможных переводов оригинала [11, р. 837]. Схематично это можно представить следующим образом:

Ярким примером существования множества переводов лагерного социолектного текста является повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которую, безусловно, можно отнести к сильным текстам русской литературы. В США и Великобритании в течение лишь одного года (1963 г.) было издано сразу четыре перевода «Одного дня Ивана Денисовича»: Р. Паркера, М. Хейуорда и Р. Хингли, Б. фон Блок, а также Т. Уитни. В 1971 г. был опубликован перевод Г. Айткена и значительно позднее, уже в 1991 г., появился еще один, шестой, перевод «Одного дня Ивана Денисовича» Г. Уиллетса, авторизованный А.И. Солженицыным.

Повторно были переведены и другие произведения писателя. Роман «В круге первом» первый раз был переведен Т. П. Уитни в 1968 г.: *The first circle*, trans. by T. P. Whitney (New York: Harper&Row, 1968), автором второго перевода стал в 2009 г. Г. Уиллетс: *In the First Circle: The Restored Text*, trans. by H.T. Willets (New York: Harper Perennial, 2009). Однако количество и характер рецензий на роман показывает, что он вызывал уже значительно меньший резонанс среди реципиентов перевода, чем такие произведения писателя, как «Один день Ивана Денисовича» или «Архипелаг ГУЛАГ», что позволяет предположить, что энергетический потенциал сильного текста может варьироваться от значительного до максимального.

Интересным представляется вопрос о том, является ли оперативность переводов одним из критериев, позволяющим судить об иноязычном тексте как о сильном тексте национальной культуры. Чтобы

ответить на этот вопрос, обратимся к истории переводов русской лагерной прозы на английский язык. Рецепция русской лагерной литературы средствами английского языка началась в 1926 году, когда в Лондоне была издана книга С. А. Мальсагова о Соловецком лагере: «Соловки»: S. A. Malsagof *An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North*.

Начиная с этого года в поле англоязычной культуры стали появляться переводы русской лагерной прозы, стремительно выходявшие сразу после публикации текста на русском языке, а иногда и опережая издание книги на языке оригинала. Приведем несколько примеров выходных данных текстов из корпуса лагерной литературы, для большей репрезентативности представив их в форме таблицы:

Перевод	Издание на русском языке	Произведения русской лагерной литературы
1926	1925 (Рига)	С. Мальсагов «Соловки» <i>An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North</i>
1929	1928 (Париж)	Ю. Безсонов «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» <i>My Twenty-Six Prisons and my Escape from Solovetsky</i>
1934	1934 (Париж)	Т. Чернавина «Побег из ГУЛАГа» <i>Escape from the Soviets</i>
1935	1934 (Париж)	В. Чернавин «Записки вредителя» <i>I Speak for the Silent Prisoners of the Soviets</i>
1938	1935-1936 (Париж)	И. Солоневич «Россия в концлагере» <i>Russia in Chains; a Record of Unspeakable Suffering, (V.1), Escape from Russian Chains (V. 2)</i>
1963, 1971, 1996	1962 (Москва)	А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича» <i>One Day in the Life of Ivan Denisovich</i>
1964	1964 (Москва)	А. Горбатов «Годы и войны» <i>Years off my Life. The Memoirs of General of the Soviet Army, A. V. Gorbатов</i>
1967	1965 (Париж)	Л. Чуковская «Софья Петровна» <i>Sofia Petrovna</i>
1967-1968	1967 (Франкфурт/М)	Е. Гинзбург «Крутой маршрут» Ч. 1: <i>Journey into the Whirlwind</i> Ч. 2 <i>Within the Whirlwind</i>
1968, 2009	1968 (Нью-Йорк)	А. Солженицын «В круге первом» <i>In the First Circle</i>

На наш взгляд, оперативность переводов далеко не всегда может служить критерием для отнесения текста оригинала к сильным текстам национальной культуры. Оперативность издания перевода может

определяться модой, политикой государства, системой предпочтений языкового коллектива и многими другими факторами, в то время как ядерные тексты, как мы писали выше, в меньшей мере зависят от социально-экономических или политических предпосылок.

Более достоверным и объективным параметром, позволяющим отнести оригинал к сильным текстам национальной культуры является количество языков перевода. Так, «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, по словам Н. Решетовской, был переведен более чем на сорок языков [6]. Количество языков перевода, несомненно, свидетельствует о непреходящем интересе к произведению, о неиссякаемом энергетическом потенциале текста, позволяющему ему вступать в резонанс со своим иноязычным читателем.

В заключение подчеркнем, что дальнейшее изучение понятия сильного текста национальной культуры, а также параметров, позволяющих дифференцировать тексты как сильные и слабые, представляет безусловный интерес с точки зрения теории и практики перевода и межкультурной коммуникации не только потому что сильные тексты формируют центры переводческой аттракции, но и потому, что сопоставление сильных текстов в контексте национальной культуры и за ее пределами позволяет глубже понять специфику диалогизирующих культур, поскольку далеко не всегда тексты, относящиеся к корпусу сильных текстов на национальном уровне, являются таковыми для иноязычных читателей.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 120 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего и среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. Рудомино, 2010. С. 18–32.

6. По школьным островам «Архипелага». Свободная книга приходит в школу несвободы [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2010/11/02/kniga.html> (дата обращения: 20.10.2017)
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М: Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
9. Lefevere A. Translation Practice(s) and the Circulation of Cultural Capital. Some Aeneids in English // *Constructing Cultures. Essays on Literary Translation*. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. P. 41-57.
10. Newmark P. A Textbook on Translation. New York / London / Toronto / Sydney / Tokyo: Prentice Hall, 1988. 292 p.
11. Razumovskaya V. A. “Strong” Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction – Разумовская В.А. “Сильные” тексты русской культуры и центры переводческой аттракции // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 5 (2014. 7). P. 834–846.

Хлопова А.И.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Тенденции в изменении содержания лексемы «работать»

Аннотация. Статья посвящена прослеживанию тенденции в изменении содержания лексемы «работать» в русском языке. Для установления тенденции в изменении значения используется анализ на основе дефиниций, приведенных в толковых словарях русского языка, результаты, приведенные в Русском ассоциативном словаре, результаты проведенного автором свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, анализ на основе дефиниций толковых словарей, изменение значения слова, реакция, русский ассоциативный словарь.

А. Khlopova

Moscow State Linguistic University (Moscow)

Tendencies in the change of the meaning of the lexeme “to work”

Abstract. The paper considers the tendency in changing the content of the lexeme “to work” in Russian. To establish the tendency in changing the meaning, use is made of an analysis based on the definitions given in explanatory dictionaries of the Russian language, the results given in the Russian Associative Dictionary, and the results of the free associative experiment conducted by the author.

Keywords: free associative experiment, analysis based on definitions of explanatory dictionaries, change in the meaning of a word, reaction, Russian associative dictionary.

В лингвистических исследованиях, особенно при изучении когнитивных, лингвокультурологических и психолингвистических задач сегодня часто используется свободный ассоциативный эксперимент. Е.И. Горошко полагает, что свободный ассоциативный эксперимент является не только одним из самых популярных и апробированных методов, но и также одним из самых надежных, т. к. получаемые с его помощью результаты могут быть легко воспроизведены и проверены [2, с. 150]. А.А. Залевская утверждает, что, исследуя семантическую структуру слов-коррелятов в ряде языков, важно сопоставлять не только их лексико-семантические варианты, но и степень актуальности каждого варианта для носителей языка [3, с. 31]. Ведь язык постоянно развивается. Значения слов, приведенные в словарях, изменяются, устаревают, исчезают, появляются новые значения. Поэтому невозможно сопоставлять слова на основе только сведений, содержащихся в толковых словарях. Необходимо сопоставлять данные, приведенные в одноязычных и двуязычных словарях с анализом результатов свободного ассоциативного эксперимента. На основе такого сопоставления можно выявить ядро слова, актуальное для носителей того или иного языка.

Для установления тенденции в изменении содержания изучим вначале данные толковых словарей русского языка, а после сравним их с результатами, приведенными в Русском ассоциативном словаре и с результатами нашего свободного ассоциативного эксперимента.

На основе словарной дефиниции в содержании лексемы *работать* можно выделить следующие семантические компоненты: *заниматься, делать, трудиться, изучать, создавать, совершенствовать, обслуживать, служба, должность, управлять, действовать, производить, изготавливать*.

В лексеме *заниматься* выделяется несколько значений, из которых существенным для нашего анализа важны семы: *выполнять, учиться, учить*. Важными для нашего анализа семами слова *делать*, являются: *действовать, производить, вырабатывать, движение, выполнять, действие, результат, оказывать*. Выделим важные для нас семы из дефиниции глагола *трудиться*: *прилагать усилия, создать, сделать*. В глаголе *изучать* важными семами являются: *постичь, ознакомиться, понять*. Обратимся теперь к глаголу *создавать* и выделим следующие семы: *сделать, устроить, подготовить*. Для глагола *совершенствовать* важна сема *делать*. В слове *обслуживать* важной семой является

выполнять, в существительном *служба – служить, занятия*. В слове *должность* выделим сему исполнением *обязанностей*. Для глагола *управлять* важны семы: *руководить, распоряжаться*, для глагола *действовать*: *совершать, исправность*, для глагола *производить*: *совершить, выполнить*. В лексеме *изготавливать* важны семы: *выработать, произвести, сделать, приготовить, подготовить*.

Глаголы *руководить, распоряжаться, управлять* объединены компонентой ***власть***. Слова *производить, вырабатывать, сделать, приготовить, создавать, изготавливать, выполнять, исправность* объединены компонентой ***результат***. Глаголы *учиться, учить, изучать, постичь, ознакомиться, понять* объединены компонентой ***обучение***. Слова *делать, заниматься, трудиться, исполнение обязанностей, занятие, служба, служить,, подготовить, должность, обязанности, совершать, оказывать, обслуживать* объединены компонентой ***выполнять работу***. Слова *действовать, движение, действие, прилагать усилия* объединены компонентой ***действие***.

Чтобы доказать доминантность уже выделенных компонентов исследуемой лексики, обратимся к дефиниции, представленной в Толковом словаре С.И. Ожегова [6]. В обоих словарях представлены сходные дефиниции слова *работать*. В первом значении в обоих словарях основной компонентой является компонента *трудиться*. Второе значение в Толковом словаре С.И. Ожегова совпадает с первым значением в словаре Д.Н. Ушакова [8]. В обоих словарях присутствует значение *обслуживать*. Кроме того совпадают примеры: *Работать на семью*. В обоих словарях есть определения, имеющие в себе компоненты *должность, служба, занятие*. Из примеров видны разные управления глагола *работать* (*работать где-то или работать кем-то*). Полностью совпадают последнее значение слова *работать – приводить в действие, управлять*.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова отсутствуют значения: *совершенствовать, изучать; изготавливать* и специальное значение глагола *выезживать (лошадей)*.

Обратимся к Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой [3]. Значения в словаре Т.Ф. Ефремовой совпадают со значениями из указанных выше словарей. Отсутствующее в словаре С.И. Ожегова значение *изучать, совершенствовать, создавать* присутствует в словаре Т.Ф. Ефремовой, но, как и в словаре С.И. Ожегова, отсутствует значение *изготавливать*. Кроме

того, присутствует новое значение глагола *работать* – *пользоваться чем-либо как инструментом, пособием*.

К ядерным компонентам на основе дефиниций отнесем следующие: *выполнять, учиться, учить, действовать, производить, вырабатывать, движение, действие, результат, оказывать, прилагать усилия, сделать, трудиться, постичь, ознакомиться, понять, устроить, подготовить, служить, занятие, исполнение обязанностей, руководить, распоряжаться, совершать, исправность, производить, приготовить, власть, обучение, выполнять работу, пользоваться инструментом, пособием*.

Дополним ядерные значения синонимами из Словаря синонимов Н. Абрамова: *делать, трудиться, заниматься, подвизаться; сидеть, корпеть, коптеть, мучиться, потеть над чем. Нести труды и заботы*.

В толковых словарях и в словаре синонимов совпадают следующие значения, которые мы будем считать ядерными на основе словаря синонимов и толковых словарей русского языка: *делать, трудиться, заниматься*.

Для определения ассоциативного поля слова *работать* обратимся к Русскому ассоциативному словарю, представляющему ассоциаты на это слово возрастной группе от 17 до 23 лет. Мы выбрали этот возраст испытуемых, так как, по мнению Ю.Н. Караулова, к этому периоду завершается становление «языковой личности», «в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [5, с. 230]. На слово-стимул *работать* в словаре представлено 528 реакций, из которых методом случайной выборки мы обратимся к 53. Результаты ассоциативного эксперимента по установлению ассоциативно-вербальной сети *работать*, приведенные в РАС отражены в диаграмме (рис. 1).

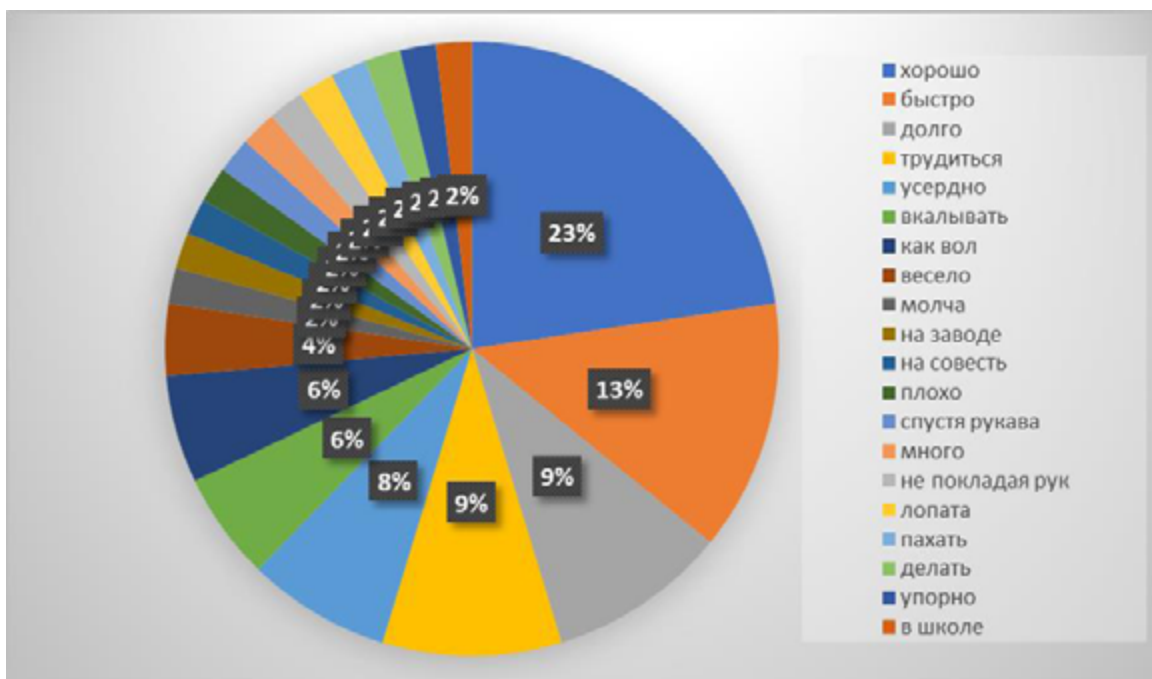

Рисунок 1. Ассоциативно-вербальная сеть слова *работать* (данные РАС)

Согласно словарю синонимов русского языка Н. Абрамова [1], синонимами слова *работать* являются: *заниматься, трудиться, упражняться, промышленять, гореть, делать, упражняться*. Таким образом ассоциации *трудиться* и *делать* являются синонимами слова *работать*. Кроме того, они являются ядерными, согласно проведенному нами дефиниционному анализу. Реакции *на заводе* и *в школе* указывают на место работы. Реакция *лопата* является орудием труда. Слово *работать* респонденты характеризуют положительно. На это указывают преобладающие реакции *хорошо, быстро, усердно, весело* (всего 25 реакций). Реакции *усердно* и *упорно* определяют качество работы, напряженность. На сложность и напряженность работы указывает также глагол *вкалывать*. Это слово является, согласно Толковому словарю русского языка просторечным и означает *работать с большим напряжением и много* (прост.). Например: *Всю жизнь вкалывал для семьи*. Слово *пахать* в переносном значении также является просторечным и означает: *действовать, работать много и на совесть* (прост.). Например: *На работе пашет от звонка до звонка*. Выражение *работать молча* означает *работать без лишних слов, то есть работать качественно*. Большинство эмоциональных реакций на слово *работать* указывает на сложный характер работы и на качественное выполнение: *долго, много, усердно, вкалывать, пахать, работать* (всего 15 реакций). Слово

работать характеризует лишь одна реакция, представленная в РАС: *плохо*.

Выражение *работать как вол* является разговорным и означает *очень усердно и много работать, не покладая рук*. Выражение *работать спустя рукава* означает *работать халатно, плохо, с ленцой*. В старину бояре носили очень длинные рукава, такая одежда не предназначалась для физической работы. Чтобы выполнить какую-либо работу, рукава было необходимо засучить, собрать во множество сборок. Соответственно, когда кто-то плохо работал, люди говори: *Как рукава спустил, плохо работает*. Фразеологизм *работать не покладая рук* означает *много и усердно работать*.

Большинство реакций на слово-стимул *работать* являются эмоционально-оценочными. Причем мы установили, что большинство реакций являются положительными.

Частотными реакциями, согласно РАС, являются: *хорошо, быстро, долго, трудиться*.

Указанные выше реакции не отражают ядерные компоненты лексемы *работать*, выявленные в компонентном анализе. С ядром значения, выделенном на основе дефиниций совпадает, однако, реакция *трудиться*. Остальные понятия дают оценку слова *работать*. Частотные реакции *хорошо, быстро, долго* отражают устойчивую смысловую связь со словом-стимулом *работать*. Эти реакции отражают реально существующую взаимосвязь между явлениями. Реакция *трудиться* является синонимом слова *работать* и связана с исследуемым словом-стимулом по сходству. Остальные нечастотные реакции РАС частично совпадают с результатами анализа на основе дефиниций толковых словарей. Нужно отметить, что в отличие от реакций РАС, в дефинициях не отражен эмоционально-оценочный компонент.

Обратимся к примерам из токового словаря Ожегова на значения лексемы *работать*: 1. *У станка; весь день; над книгой; машина работает; завод работает, магазин работает; сердце работает; не мешайте работать*. 2. *По специальности, над рукописью, над словарем, на кроликах*; 3. *На заводе, в институте, в театре; слесарем*. 4. *На семью; на оборону*. 5. *Локтями, рычагом*. 6. *Мысль работает; аргументы не работают; работать над собой*.

Заметим, что и в дефинициях, и среди наших реакций присутствуют реакции, указывающие на место работы: *в институте, в театре, на заводе, в школе*, а также реакции, отражающие значения глагола:

трудиться, делать, которые соответствуют выделенным нами ядерным компонентам посредством анализа на основе дефиниций толковых словарей. Учитывая вышесказанное, можем полагать, что ядерными компонентами посредством дефиниционного анализа и реакций РАС будут значения: *трудиться, делать* и *служить* (так как в этом значении совпадают примеры дефиниций и реакции РАС, а примеры значений четко отражают значения на уровне носителя языка. Респондент порой не может выразить значение, но может передать это примером).

Для установления тенденции в изменении содержания лексемы *работать* обратимся к результатам нашего свободного ассоциативного эксперимента. Мы используем свободный ассоциативный эксперимент, в полном соответствии с методикой его реализации предлагая испытуемому дать первую пришедшую в голову вербальную реакцию на заданное слово-стимул, при этом на характер и количество реакций не ставится никаких ограничений. В нашем пилотном эксперименте приняли участие 530 носителей русского языка, возраст которых варьируется также в пределах 17–23 лет. Результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента по установлению ассоциативно-вербальной сети *работать* отражены в диаграмме (рис. 2).

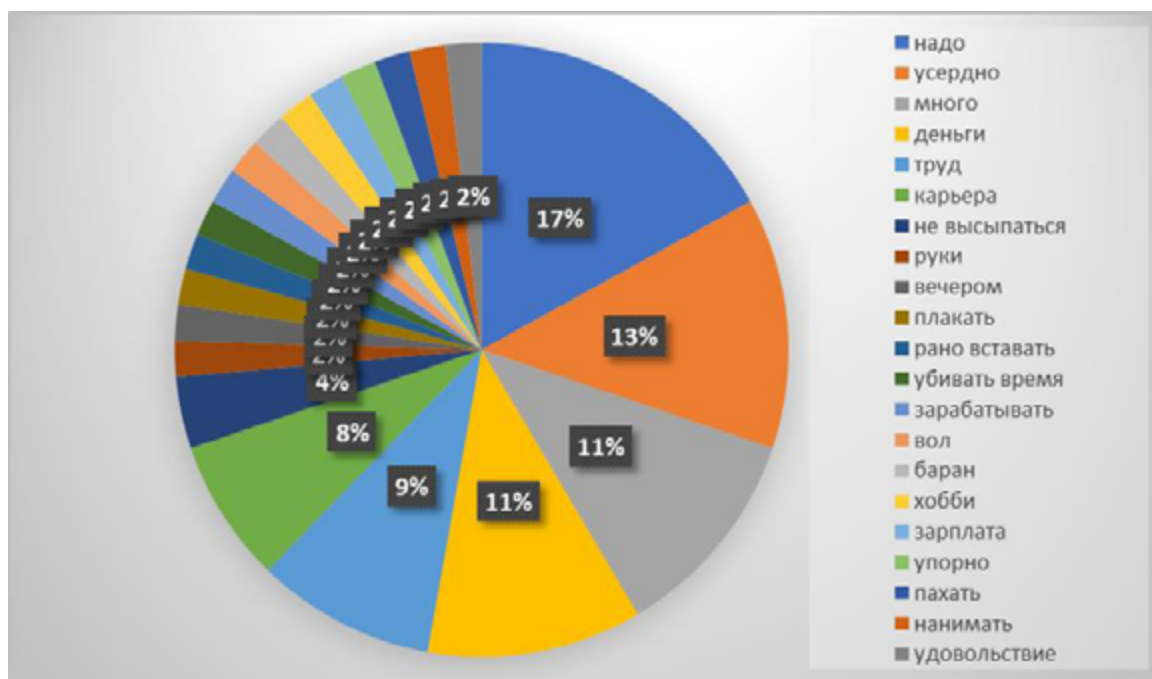

Рисунок 2. Ассоциативно-вербальная сеть слова *работать*
(результаты нашего АЭ)

Реакция *зарабатывать* непосредственно связана с глаголом

работать. Глагол *зарабатывать* указывает на результат. Работая можно *заработать* деньги, уважение, почести, пенсию.

Реакции *деньги*, *зарплата*, *карьера* являются результатом *работы*. Реакция *руки* говорит о *мануальной работе*. Реакция *хобби* положительно характеризует работу как вид деятельности. *Работать* и *заниматься хобби* представляют для респондентов одно и то же. Для других респондентов глагол *работать* связан со сложной деятельностью, поэтому они используют реакцию *плакать*. Глагол *нанимать* означает согласно Толковому словарю русского языка: *взять на работу или во временное пользование за плату*. Например: *Нанять служанку. Нанять машину*. То есть нанимают того человека, который будет *работать*.

Согласно словарю синонимов, слово *труд* является синонимом слова *работа*. Самой частой реакцией на слово *работать* среди респондентов стала реакция *надо*.

Частыми реакциями являются, как и в словаре РАС, реакции *усердно* и *упорно*. Совпадают так же реакции *много* и *пахать*. Реакция *удовольствие* указывает на *положительное* отношение респондентов к слову *работать*. Реакция *баран* указывает скорее не на деятельность, а на людей, выполняющих работу. Например: *С баранами работать проще, но в этом нет смысла*.

Формально-грамматическая реакция *вечером* указывает на время работы. Так как респондентами являлись студенты, для них работа начинается вечером, так как в дневные часы они учатся.

Обратимся теперь к культурно-прецедентным реакциям на слово *работать*. Реакция *вол* связана с поговоркой *работать как вол*, то есть работать усердно. Реакция *убивать время* является фразеологизмом и определяется в Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона как: *провести время без пользы, дать ему пройти незаметно, заниматься ненужными делами*. Таким образом это выражение является антонимом глагола *работать*.

Частотными реакциями, согласно нашему эксперименту являются: *надо*, *усердно*, *много*, *деньги*, *труд*, *карьера*.

Частотные реакции *усердно* и *много* связаны со словом-стимулом *работать* по смыслу и представляют собой устойчивую для респондента связь. Реакции *деньги* и *карьера* связаны со словом-стимулом также по смыслу и отражают связь понятий следующим образом: оба понятия являются результатом процесса *работать*, конкретную цель, к которой

стремиться работающий испытуемый. Реакция *надо* указывает на необходимость, в противовес желанию работать.

С ядерными реакциями, выделенными на основе дефиниционного анализа, совпадает реакция *труд*, которая также присутствует среди реакций РАС на слово-стимул *работать*. Остальные частотные реакции, выделенные в РАС не совпадают с частотными реакциями, выделенными на основе нашего эксперимента.

Совпадают также некоторые эмоционально-оценочные реакции: *упорно, усердно, пахать, много*. Можно предположить, что коннотация лексемы остается практически неизменной, однако само содержание лексемы кардинально меняется. Ни одна реакция в нашем эксперименте не отражает значения лексемы *работать* и выделенные нами ядерные компоненты на основе толковых словарей русского языка. Интересно заметить, что среди реакций РАС не присутствует ни одной реакции, характеризующей материальные ценности. В то время как у современных респондентов они есть: *деньги, заработок, зарплата*. Таким образом, можем предположить, что содержание лексемы меняется и может иметь негативное следствие глобализации. Современные респонденты, согласно нашему эксперименту и в отличие от реакций РАС, заинтересованы в материальном обогащении и видят в этом результат работы.

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?p=237>.
2. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: Издательство «Ра-Каравелла», 2001. 320 с.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/efr_a
4. Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
5. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 367 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.

7. Русский ассоциативный словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.

8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.

Хроменков П.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Лингвоконфликтная компонента фолк-истори

Аннотация: В статье рассматриваются работы, написанные в жанре «фолк-истори», где переосмысливается общее понимание исторических фактов и парадигм. Показывается, что цель таких работ – манипулирование сознанием читателей при помощи языка вражды и нагнетания вербальными лингвопрагматическими средствами провоцирующей конфликт ситуации.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, флок-истори, язык вражды, манипуляция.

P. Khromenkov

Moscow Region State University (Moscow)

Linguo-conflictological component of the folk history

Abstract. The paper analyzes the works written in the “folk-history” genre where common understanding of historic facts and paradigms is reinterpreted. It is shown that the purpose of such works is to manipulate the readers’ consciousness by means of the hate speech and forcing by verbal linguopragmatic means provoking a conflict situation.

Keywords: linguo-conflictology, folk history, hate speech, manipulation.

Фолк-истори – обобщенное название совокупности претендующих на наукоемкость идейно-теоретических концептов, публицистических работ, которые на деле не имеют объективной научной базы. Создаются работы в жанре фолк-истори, в основном, непрофессионалами, людьми, имеющими отдаленное отношение к гуманитарной науке, предлагающими альтернативное видение на исторический универсум.

В последнюю треть XX века стало появляться немало околонуучных и псевдонаучных работ об историческом процессе и политике. Создаваясь как коммерческие проекты, данные работы опирались, прежде всего, на чувства простых людей, предлагая увлекательный мир якобы утраченного и украденного прежними властями великого прошлого. Такие «грезы об утраченной империи» импонировали многим слоям россиян, разочарованным в советской системе, перестройке и «новой демократии». Известными авторами, пишущими в жанре «фолк-истори», являются, например, А.Т. Фоменко, Г.А. Сидоров, А.В. Твердохлебов,

А.Ю. Хинкевич, Н.В. Левашов.

Эти работы кроме предлагаемой своеобразной точки зрения на исторические события используют в качестве манипулятивной составляющей язык вражды, называемый в зарубежной лингвистической литературе “hate speech”. Выбор лексем «языка вражды» определяется лингвопрагматическими факторами, нацеленными на создание лингвоконфликтотенной ситуации, способной спровоцировать не только вербальный, но и реальный конфликт.

В целом, «язык вражды» является структурно необходимым компонентом любой из ниш социальной коммуникации, а соответственно, практическая задача должна состоять в установлении оптимума и оптимизационного диапазона концентрированности конфликтосодержащих лексем. Рассмотрим ряд приёмов «языка вражды», реализованных в некоторых произведениях, относящихся к фолк-истории.

В настоящее время пользуются популярностью, в частности, работы Г.А. Сидорова. Кажется, что этот автор в своих книгах твердо стоит на патриотических основах, приписывая «прозападной» правящей элите «оболванивание и зомбирование» общества. Однако не так всё однозначно.

Так, в своей книге «Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации. Ввод в тему» (Книга 1, 2009) Г.А. Сидоров пишет следующее: «Это заставляет серьезно задуматься не только прозападную правящую элиту, которая посредством тотального оболванивания и зомбирования продолжает управлять обществом, но и тех граждан, которым далеко не безразлична судьба страны в будущем» [Сидоров, 2009 с.6]. Или: «Достаточно вспомнить, что всю свою трехсотлетнюю историю Романовы проводили политику, угодную Западу» [там же, с.7]. Лингвистическая прагматика данных умозаключений – переосмыслить прошлое и сформировать устойчивую неприязнь к представителям западных стран.

Особое внимание в такой литературе отводится так называемому «еврейскому вопросу», превращенному, по сути, в пропаганду антисемитизма: «Тогда кто же такие наши евреи? Несчастнейшие из людей! Слуги и рабы тех деструктивных сил, которые, используя их как тупой таран, ложную цель – мальчиков для битья, упорно стремятся к глобальному мировому господству» [там же, с. 12]. Далее: «...После возникновения избранного Богом племени потребовались усилия приведения его к власти, к которой он так стремился. ....Для достижения

такой власти над непокорными и было Еноху передано то мистическое учение, которое в наши дни называется Каббалой – ментальной иудейской магией» [там же, с. 12]. Здесь используется прием «карнавализации» явления, насмехательство над оппонентом, унижение его достоинства. Есть и элементы конспирологии, провоцирующие недоверие к этому народу: «Очень часто иудейские маги ненавязчиво заставляли выполнять свою волю и царей Вавилона и Ассирии и могущественных правителей Персии» [там же, с. 12].

В книге А.В. Трехлебова «Кошуну Финиста Ясного Сокола России» (2004) содержатся отрывки, направленные на возбуждение ненависти или вражды к иудеям по признаку их религиозной и национальной принадлежности, например: «Но кроме богорождённых существ, в космосе есть и богосотворённые существа, то есть твари. Например, иудеи утверждают, что они произошли от сотворённых существ (тварей): Адама (который был искусственно сотворён из праха иудейским племенным божком – Саваофом-Иеговой-Яхве) и Евы (созданной из ребра Адама; то есть она является клоном). Тварные существа, в отличие от богорождённых, неспособны к перерождению (реинкарнации), не имеют совести (совместной вести со своим родом), не в состоянии взрастить душу (Дивье тело), обрести тело света – полевою форму жизни (Светье тело) и стать Личностью» [Трехлебов, 2004, с. 12]. Слово тварь в современном русском языке имеет устойчивую отрицательную коннотацию, и не воспринимается как субстантивированная форма от глагола творить, что позволяет с уверенностью отнести слово тварь к языку вражды. Само построение данного текста основано на ненависти: «Ныне твари, расселившиеся по всему миру, искажают – а то и просто уничтожают – не только предания России, но, добираясь до самого сокровенного, извращают тексты летописей, говорящие о глубине нравственности, одухотворённости русской самобытности. Принижая и пороча всеми доступными средствами наследие России, скрывая всё неприглядное в своём собственном наследии, они с демонической изощренностью пытаются возвысить любое инородческое племя» [там же, с. 15] Есть и прямые инвективы: «Твари являются рабами своего Творца и под страхом наказания поклоняются и угождают ему. Это космические паразиты, ибо способны существовать, лишь паразитируя на теле планет и человеческом обществе...» [там же, с. 12].

В работах А.В. Трехлебова присутствуют все признаки нацизма:

«Ведали Наши Предки и то, что никакого соглашения с тварями-насилъниками быть не может, ибо они не признают за Россиянами никаких прав, и посему любые их обязательства в отношении к Славянам и Ариям всегда будут лживыми. Поэтому Россияне издревле считали, что против разбойников есть только одно действенное средство – оружие» [там же, с. 368]. «Культура славяно-ариев заложила нравственную основу всей современной мировой цивилизации. Поэтому Россия была и остаётся оплотом светлых сил в борьбе с иерархией паразитов угнетающих человечество» [там же].

В книге А.Ю. Хиневича «Славяно – Арийские Веды» (2000) можно фиксировать неприкрытый расизм: «Не берите жен с черной кожей, ибо оскверните дом и свой Род загубите, а берите жен с кожей белой, вы свой дом прославите... и свой Род продолжите...» [Хиневич, 2000, с. 95].

Очень много контента «языка вражды» содержится в работах Н.В. Левашова («Россия в кривых зеркалах», том 1 «От русов звездных до оскверненных русских»; «Россия в кривых зеркалах», том 2 «Русь распятая»; книга «Возможности разума») (2007, 2011).

Труды Н.В. Левашова пестрят антисемитскими и антихристианскими (в первую очередь, антиправославными) высказываниями и откровенно разжигают межрелигиозную рознь. Чтобы выяснить первопричину всех человеческих бед, автор обращается к религии, а именно к мифам Древнего Египта и так называемым Славяно-Арийским Ведам. Желая доказать, что именно иудеи стали причиной и источником всех начавшихся катаклизмов, автор обращается к «историческим сведениям»: «В Ветхом Завете примеров геноцида, осуществляемого иудеями против других племён и народов, предостаточно» [Левашов, 2007, с. 195]

Левашов Н.В. постоянно говорит об идее социального паразитизма. Слово паразиты он относит именно к самой еврейской нации, которая, по его словам, сформировала всю эту паразитическую систему для поэтапного захвата планеты. Инвективы паразиты, паразитический употреблены в значении презрительного названия иудеев и обладают явным негативным оценочным компонентом. Автор также говорит и о конспирологических целях евреев, в тексте идет прямое провоцирование вражды между народами: «Получается, что целью иудеев и на фазе накопления капитала был геноцид русов, которые составляли цвет белой расы, в которых сосредоточились лучшие гены Белой Расы. А природа социальных паразитов, кем на самом деле являются Тёмные Силы,

проявляется в первую очередь в уничтожении носителей лучших генов, здоровых генов, обеспечивающих возможность сохранения и эволюции человека, как вида живых организмов. Таким образом, иудеи своими действиями реальными, а не вымышленными свершениями, ясно показывают, какому хозяину они служат – Тёмным Силам Космоса, которые избрали их на Мидгард-Земле проводниками своих планов» [там же, с. 209]

Подобные отрывки содержат идею доминирования, превосходства одной национальной группы (евреев) и неполноценности представителей другой (русских). Таким образом, вышеперечисленные высказывания направлены на унижение достоинства человека по национальному признаку.

В революции («захвате власти со стороны Тёмных сил»), которая стала геноцидом русского народа, автор также винит иудеев и приписывает им враждебные действия – «залитие России славянской кровью»; «Так почему же называют революцию в России – Великой Русской Революцией, если она теоретически была обоснована иудеями, ими же была практически воплощена в жизнь на деньги, опять-таки, в основном, американских иудеев?» [там же, с. 8].

Красной линией проходит тема заговора собственной власти с врагами: «Для того чтобы русский мужик увидел этот «свет», власть держащие иудеи решили произвести «просветление душ», создав искусственный голод, выгребя у крестьян всё зерно, включая посевное» [там же, с. 9]

Объяснение неблагополучия народов стоятся на выстраивании «образа врага»: «Так или иначе, причина отрицательного отношения к иудеям практически всех народов лежит в их паразитической природе. Везде, где бы они ни появлялись, коренные народы беднели, всегда возникали разные социальные катаклизмы. И если в любом народе паразитические элементы составляли подавляющее меньшинство, то, в случае с иудеями, ситуация зеркальная – паразитические элементы составляют подавляющее большинство!» [там же, с. 216].

Таким образом, в данной книге содержатся признаки, характеризующие возбуждение национальной и религиозной вражды, признаки унижения национального и религиозного достоинства иудеев, пропаганда неполноценности по признаку национальной и религиозной принадлежности иудеев, формируемые средствами «языка вражды».

Толкование истории, представленное в этой книге, способствует формированию взгляда на иудеев как враждебную по отношению к русским нацию, формирует негативный этнический стереотип и отрицательный образ жизни, объяснение неблагополучия русского народа в прошлом целенаправленными действиями иудейской нации. Н.В. Левашов находит иудейский след практически во всех исторически достоверных трагических событиях прошлого и с этой точки зрения исследует Древние Веды и Библию. Автор анализирует происхождение человека и мировых религий, апеллируя в своём анализе к мифам и легендам, обращаясь к теме происхождения авраамических религий. Левашовские книги представляют собой пример языкового манипулирования. Так, христианство писатель называет модернизированным культом Озириса, «которое зомбирует людей, превращая их в рабов не только телесных, но и духовных». «В разных странах и империях культ Озириса мог иметь разные названия, но суть его от этого не менялась. Менялось только название и имя сына Божьего, умершего за грехи всего человечества и обещающего райскую жизнь своим последователям после смерти. Этот культ в Малой Азии назывался культом Аттиса (Attis), в Сирии – культом Адониса (Adonis), на землях РOMEИ – культом Дионисия (Dionysius) и т.д. Все эти культы были зеркальным отражением культа Озириса. Меняли только имя сына Божьего и добавляли туземной «экзотики» и поправки на место и время при создании «нового» культа. Несколько тысячелетий применения культа Озириса в виде психологического оружия показали его действенность в рабовладельческом государстве. Именно поэтому иудеи предлагали данный культ всем правителям, которые стремились к абсолютной власти» [там же, с. 206]. Таким образом, мы видим, что в книге содержится пропаганда национальной ненависти к иудеям (по признаку национальной и расовой принадлежности), которых обвиняют в геноциде русского народа и организации революций в России и февральской, и октябрьской и т.д.

В сборнике статей Н.В. Левашова «Возможности разума» (2011) присутствует серьёзный экстремистский материал. Информация, формирующая установки на восприятие представителей отдельных наций, религий, политических течений, органов государственной власти и их действий как враждебных, а также способствующая созданию представления об исключительности, превосходстве либо

неполноценности людей по признакам национальной и религиозной принадлежности, провоцирует разжигание ненависти и вражды между национальными и религиозными социальными группами. Кроме того, автор допускает многочисленные высказывания, свидетельствующие о том, что деятельность представителей отдельных национальных, религиозных групп, политических течений и политических лидеров является противоправной, враждебной по отношению к представителям других наций.

В текстах, в частности, статьях «Замалчиваемая история России» и «Последняя Ночь Сварога», содержатся сведения, свидетельствующие об исключительности, превосходстве либо неполноценности людей по признакам их национальной или религиозной принадлежности, а также высказывания, обосновывающие, утверждающие или оправдывающие указанное превосходство:

1. «Догмы христианства, превращающие всех людей в рабов божьих, которым на роду написано безропотно принимать все мучения и невзгоды, как испытания, в искупление грехов» [Левашов, 2011, с. 3]

2.«Христианство было придумано для оправдания рабства, как инструмент удержания большинства рабов под властью меньшинства рабовладельцев в рабовладельческих странах и империях» [там же, с. 37]

3.«Что и наблюдается в действиях Дмитрия Донского, который, в достаточной степени отравленный ядом идей христианства, считал абсолютную личную власть единственным способом добиться процветания своей Родины. Упразднение им должности тысяцкого, после смерти последнего своего тысяцкого – знатного боярина Василия Вельяминова, было непоправимой ошибкой Дмитрия Донского, которая дала свои плоды в виде «Великой Русской Революции» 1917 года [там же, с. 41].

Высокая частотность конфликтосодержащих лексем в текстах фолк-хистори адекватно отражает уровень конфликтогенности рассмотренных текстов, прагматически продуцируя конфронтационную напряженность и может быть использована в этом отношении целевым образом.

Таким образом, в работах фолк-хистори мы можем фиксировать значительное количество контента hate speech. При этом присутствуют самые разные виды «языка вражды»: по политическому, религиозному, национальному, социальному признакам.

Выбор лексем «языка вражды» в текстах разных жанров, включая

фолк-истори, определяется лингвопрагматическими факторами, нацеленными на создание лингвоконфликтотенной ситуации, способной перерасти из вербального в реальный конфликт.

Список литературы

1. Володихин Д. М. Феномен фолк-истори // Отечественная история. 2000. № 4. С. 80–88.

2. Хроменков П. Н., Максименко О. И. Вербальное представление результатов этнокультурных конфликтов // Материалы Международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме–4» РУДН, ИЯ РАН. М.: Изд-во «Канцлер», 2014. С. 207–209

Текстовые источники

1. Левашов Н. В. Россия в кривых зеркалах. К.: «Золотой Век», 2007.

2. Левашов Н. В. Возможности разума: сб. статей. СПб.: ИД Митраков, 2011.

3. Сидоров Г. А. Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации. М. 2009.

4. Трехлебов А. В. «Кошуну Финиста Ясного Сокола России». Пермь, 2004.

5. Хиневич А. Ю. «Славяно-Арийские Веды» Книга 3. Омск: «Аркор», 2000.

Хрущева Т. В.

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск),

Томасон Ольга

Университет Джорджии (Атланта, США)

Современные технологии в преподавании иностранных языков и культур: опыт международного межвузовского студенческого сотрудничества

Аннотация. Настоящая статья посвящена опыту организации межвузовского сотрудничества студентов и обобщает результаты их телеколлаборации в рамках учебных курсов, преподаваемых в Университете Джорджии и ТОГУ - университетах-партнерах, участвующих в Российско-Американской программе партнерства университетов.

Ключевые слова: Телеколлаборация, международное сотрудничество, языковой тандем, межкультурная коммуникация.

T. Khruchsheva

Pacific National University (Khabarovsk)

O. Tomason

University of Georgia (Athens, USA)

Modern technologies in teaching foreign languages and cultures: experience of international student collaboration

Abstract. The paper examines the experience of international telecollaboration of students and shares the results of their projects in the framework of academic courses delivered at University of Georgia and Pacific National University, participants of Russian-American university partnership program.

Keywords: telecollaboration, international cooperation, linguistic tandem, cross-cultural communication.

Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ) (Хабаровск, Россия) и Университет Джорджии (Атенс, США) являются университетами-партнерами, сотрудничество которых осуществляется в рамках Российско-Американской программы партнерства университетов (ППУ) [1], которая осуществляется при поддержке Национального фонда подготовки кадров (РФ) и финансировании Фонда Евразия (США). Основной задачей проекта «Партнерство по инновационному использованию новейших технологий в сфере языкового образования и межкультурного общения», реализуемого российским и американским университетами, является организация совместных международных усилий на увеличение научных и профессиональных возможностей в сфере современного лингвистического образования и межкультурной коммуникации путем привлечения цифровых технологий и использования их инновационного потенциала в методических и исследовательских целях.

В рамках проекта, который проходил в период с 09.05.2016 по 08.05.2017, удалось аккумулировать знания и поделиться накопленным опытом по вопросам, вызывающим взаимный интерес у ППС задействованных университетов. Данная инициатива воплощалась на семинарах и мастер-классах, направленных на профессиональное развитие всех заинтересованных лиц и организованных в период визитов делегации Университета Джорджии в Хабаровск и российской делегации в Атенс [2]. Студенты Тихоокеанского государственного университета и Университета Джорджии приняли участие в межкультурных исследованиях и экспериментах, в частности осуществили сбор и транскрибирование

материалов для последующих лингвокогнитивных исследований. Более того они активно сотрудничали друг с другом при выполнении заданий в рамках учебных курсов RUSS4520 и RUSS3200 по МКК, преподаваемых в Университете Джорджии, и курсов Б1.В.ДВ.8.1 и Б1.В.ДВ.8.2, реализуемых в ТОГУ в соответствии с учебными планами направления «Лингвистика» по профилям «Перевод и переводоведение» и «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

Данная статья описывает опыт организации межвузовского сотрудничества студентов и обобщает результаты их совместной работы в рамках разных учебных курсов, реализуемых каждым из задействованных университетов.

Кафедра германистики и славистики университета Джорджии работает со студентами, главной целью которых является изучение немецкого или/и русского языков как иностранных и литературы. Преподавание русского языка и литературы, как правило, ведется с привлечением культурологического материала: языковые и литературные явления демонстрируются на примерах исторических, экономических, политических, религиозных и художественных процессов, которые повлияли на формирование современной России и её культуры. Зачастую для студентов русский язык и литература – это дополнительная вторая (или даже третья) специальность, которую они совмещают с основным профилем (чаще всего это специальности: международные отношения, политология, история, лингвистика) в надежде улучшить шансы на успешный карьерный рост и получить возможность работы в международных организациях.

Чтобы обеспечить студентам необходимую культурологическую базу, кафедра германистики и славистики университета Джорджии предлагает два курса, которые преподаются на русском языке, – RUSS4520 «Культура современной России» и RUSS3200 «Культура России: от Киевской Руси до революции 1917 года» и вводный курс, который преподается на английском языке RUSS2050 «Культура России 20 века: советский эксперимент и его последствия». Эти курсы ставят своей задачей не только ознакомить студентов с особенностями истории, политики, общества, религии и традиций, которые повлияли на развитие России и объясняют её самобытность. Как правило, американские студенты затрудняются не только объяснить, но даже выделить динамические процессы, определяющие культурные особенности

российского общества. В задачи курсов входит также выработка навыков межкультурного общения, которые в дальнейшем должны способствовать формированию осознанного понимания специфики культуры и общества России. Для первых двух курсов перед студентами ставятся не только культурологические, но и лингвистические задачи: они должны улучшить свои языковые навыки в четырёх главных сферах – говорении, чтении, письме и аудировании. В конечном итоге студенты должны достичь либо уровень «intermediate-high», либо «advanced-low» согласно классификации ACTFL[3].

С российской стороны была задействована кафедра английской филологии и МКК Педагогического института ТОГУ, которая готовит студентов по направлению «Лингвистика» по профилям «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», «Перевод и переводоведение», «Теория и практика межкультурной коммуникации». Кафедра обеспечивает своими выпускниками не только вакансии учителей иностранных языков и преподавателей высшей школы, но и вакансии переводчиков и других специалистов, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере лингвистического образования и межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке, и вносит определенный вклад в развитие интеллектуальной инфраструктуры Дальневосточного региона России для успешного конкурентного на международном образовательном рынке и рынке труда в Тихоокеанском регионе.

Следует отметить, что студентам, проходящим обучение по всем трем профилям, зачастую недостает, как опыта практического общения на изучаемом языке с носителями этого языка и культуры, так и определённых культурологических знаний, связанных с особенностями оформления устной и письменной речи на иностранном языке. Все это способствует тому, что будущие учителя, переводчики и специалисты по МКК чувствуют себя неуверенно в ситуации реального межкультурного общения и не хотят брать на себя ответственность за те или иные переводческие решения даже в рамках выполнения учебных заданий. Некоторые из этих проблем мы попытались решить со студентами кафедры в процессе освоения дисциплин Б1.В.ДВ.8.1 «Теория и практика перевода» и Б1.В.ДВ.8.2 «Письменный перевод специальных текстов (первый иностранный язык)», организовав сотрудничество студентов в рамках международного проекта.

Для этого было решено обратиться к современному опыту международного сотрудничества и задействовать методику телеколлаборационной работы. Согласно А. Констандинидису, онлайн-тьютору в сфере использования цифровых технологий для преподавания иностранного языка, под телеколлаборацией в образовании понимается межкультурный обмен между людьми с разным культурным наследием и накопленным опытом, который организуется в образовательном учреждении и осуществляется посредством интернет-технологий с целью развития лингвистических и межкультурных коммуникативных компетенций посредством выполнения определенных заданий [4].

Интересно, что, несмотря на широкое использование термина «телеколлаборация» в англоязычном дискурсе, он пока не получил распространения в отечественном метаязыке научного описания, где чаще всего в данном контексте используется понятие языкового обмена или тандема. Под последним понимается способ получения разговорной практики двумя партнерами по изучению языков друг друга в процессе реального или виртуального общения. Целью такого общения, как правило, является освоение языка своего партнера путем знакомства с ним самим, культурой и традициями его страны, а также общения на интересные обоим партнерам темы [5].

На наш взгляд, термин «телеколлаборация» лучше соответствует целям и задачам нашего сотрудничества, так как он наиболее полно и точно описывает содержание используемой технологии и в отличие от «языкового тандема» подразумевает только виртуальное общение посредством электронной связи через интернет.

Для достижения поставленных целей была разработана схема телеколлаборационного сотрудничества между студентами Университета Джорджии и студентами ТОГУ, которая включала в себя следующие задания (язык планирования и обсуждения зависел от того, какой стороной было инициировано задание: если инициатором выступала американская сторона, то все коммуникации велись на русском языке, и наоборот – если задание начиналось российской стороной, английский язык использовался как лингва франка).

Работа с вопросами: в течение семестра регулярно американским студентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с культурой и обществом России (например, *Что символизируют герб и цвета флага России?, Как россияне относятся к власти и закону? Почему именно*

так?). Одновременно с самостоятельной работой по формулировке ответа студенты обращались к своим российским коллегам с просьбой выразить свое мнение по предлагаемой теме в письменной форме через электронную почту, WhatsApp Messenger или Skype. На следующем этапе американские студенты сравнивали свои ответы с ответами, полученными от российских коллег. Конечный результат, обобщающий и анализирующий полученные мнения, сдавался преподавателю на проверку в письменной форме. Так, например, отвечая на вопрос американского студента «*Чем отличается социальное неравенство в России от других стран?*», один из российских студентов по емайлу написал следующее: «*В данном случае рассматривается средний показатель богатых, бедных людей и людей со средней зарплатой относительно каждой страны и эти страны сравниваются. Считается, что чем меньше показатель, тем меньше разница между очень богатыми и очень бедными. В России этот показатель средний – не самый высокий и не самый низкий... однако в Европе существует миф, что в России процветают олигархи и очень много бедняков. Однако это не так. Большинство людей получают зарплату, равную «золотой середине» и живут хоть и без излишеств, зато прилично. На еду и развлечения хватает) даже на поездку во время отпуска)». Американский студент использует этот комментарий следующим образом: «*Социальное неравенство в России отличается тем, что главные особенности экономические. Но перед тем, как экономические проблемы объясняются, интересно коснуться того, как государство уникально отрицало существование неравенства давно в советском Союзе. В России существует огромный разрыв между богатыми и бедными, но с этим русские не соглашались. Ксения, например, назвал большое неравенство в России миф, и что показатель в России среднего размера. Маша однако сказала, что ничем не отличалась социальное неравенство, потому, что неравенство является в каждом стране в мире, богатые и бедные живут везде, а также отметила, что бедные обычно необразованные». **Здесь и далее в приведенных фрагментах из студенческих работ сохранена авторская редакция.****

Комментарии: американским студентам предлагалось прочитать и проанализировать анекдот или пословицу, или изречение известного человека об определенном аспекте русской культуры (например, высказывание Ф.М Достоевского: «*Кто не понимает православия, тому никогда не понять и Россию*»). Студентам нужно было разъяснить суть и

причину приведенного высказывания. В дополнение к самостоятельной работе над заданием студенты должны были получить аудио сообщение от российских коллег на русском языке с их мнением на данную тему. Суммированный результат сдавался на проверку в электронном формате через портал, специально организованный для курса. Так, например, комментируя поговорку «Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло» и используя аудио файлы, присланные российскими коллегами, американский студент оставил следующий комментарий на портале курса: *«Чтобы начать, нам надо понять, что такое «дышло». Дышло направляет лошадей. С помощью моих ровесников я поняла, что эта поговорка значит, что законы могут менять в значении зависимости от кого важнее. Тойздь закон может быть истолкован по разному».*

Сочинение: американским студентам заранее предлагался список тем, на одну из которых им нужно было написать сочинение (среди предложенных тем были «Русские – уникальный суперэтнос», «Российский интеллигент – это кто?», «Русские суеверия и фатализм»). В плане подготовки к сочинению студенты самостоятельно составляли опросник, связанный с выбранной темой. Российские студенты должны были прислать ответы на эти вопросы либо в устной, либо в письменной форме. Американским студентам присланные ответы было необходимо включить в свое повествование и аргументировать. Конечный вариант сдавался в печатном виде.

Проект: в начале семестра американские студенты с помощью преподавателя выбирали тему для проекта, который должен был быть связан и с культурологическими аспектами, обсуждаемыми на занятиях, и с профессиональными интересами самих студентов (среди выбранных тем были «Русская вера», «Русский фольклор как окно в русскую душу», «Личность и государство в России»). Помощь российских коллег состояла в том, что они помогали найти медиа материалы (фотографии, видео-интервью, новостные сообщения, интернет публикации, художественные и документальные фильмы) по выбранной теме. Студентам была дана свобода в выборе способа общения, поощрялось общение, выходящее за рамки работы. В конце семестра результаты каждого проекта были представлены не только преподавателю, но и другим сотрудникам кафедры в формате PowerPoint презентации. После каждого доклада следовало обсуждение с участием студентов и преподавателей.

Охота за предметами (Scavenger hunt): это командная игра, в которой команда американских студентов соревнуется с командой российских студентов. Игра состоит в том, что команды поочередно предлагают друг другу фотографии, на которых изображен предмет, место, памятник или символ, имеющий национально-культурную значимость. Сопернику нужно определить и назвать объект и объяснить, в чем его культурное своеобразие и этническая ценность. Фотографии-задания и ответы-комментарии распространяются в виде емейл-рассылки среди участников игры. Обсуждение и окончательный ответ создается на языке партнеров по телеколлаборации. В процессе игры американской командой были представлены фотографии, изображающие традиции Дня Сурка, талисман *Dreamcatcher*, популярную американскую игру *Cornhole*, десерт *S'more* и другие. Среди фото-заданий российской команды были фотографии с изображениями домового, рассыпанной соли, людей, сидящих на чемоданах, и празднования Масленицы.

Переводческий и лингвистический комментарий переведенного текста: согласно рабочим программам учебных дисциплин «Теория и практика перевода» и «Письменный перевод специальных текстов» российские студенты еженедельно выполняют переводы текстов (100–150 слов) с русского языка на английский язык, затем отправляют свои переводы на проверку американским студентам. Задача последних записать переводческий аудиокomментарий на английском языке, пояснив, с какими переводческими решениями они не согласны и почему, и отправить его российским партнерам. Российские студенты затем анализируют полученные комментарии и вносят исправления в свой текст перевода. На занятиях студенты делятся полученным опытом и знаниями друг с другом и используют их при переводе похожих текстов в процессе аудиторной работы. Так, например, одна из студенток отмечает: *«помимо исправления лексических ошибок, мой американский партнер по проекту заметил, что в американских кулинарных рецептах присутствует множество уточнений по тому, как правильно готовить блюдо. По его словам, их даже чересчур много в сравнении с русскими кулинарными рецептами»*.

Результаты межвузового студенческого сотрудничества были оценены положительно как преподавателями, так и студентами. На последней стадии курса американским студентам было предложено пройти онлайн тест-срез на портале курса, который свидетельствовал об

академическом прогрессе студентов. Большинство студентов на онлайн тесте набрали от 87 до 97 баллов из 100 возможных. Положительная динамика наблюдалась и в сочинениях, и в контрольных работах. Синтаксические конструкции, используемые студентами, усложнились: если в начале курса студенты старались выражать свою позицию преимущественно простыми фразами с повторяющейся лексикой, то ко второй половине курса студенты уже чаще употребляли сложноподчиненные и сложносочиненные конструкции. Эти конструкции не всегда были употреблены правильно, однако, такой переход, несомненно, свидетельствует о прогрессе в преодолении языкового барьера. Также следует отметить улучшение в понимании американскими студентами культурологических особенностей России. Студенты сами комментировали, что после обсуждения теоретического материала на занятиях, совместная работа с российскими студентами над предложенными заданиями помогает конкретизировать материал и добавляет психологический элемент достоверности, который в свою очередь способствует закреплению материала.

Российские студенты благодаря участию в проекте приобрели не только новые знания, связанные с культурными особенностями и традициями носителей американского английского языка, но и опыт переводческой и редакторской деятельности, который благодаря оценке и комментариям американских партнеров, позволил им почувствовать себя более уверенно на поприще перевода.

В дополнение, по окончании курса американские студенты должны были сами дать оценку эффективности курса в целом и определить уровень своих языковых и культурных знаний. В своих комментариях студенты единогласно согласились с тем, что предлагаемые задания помогли улучшить уровень культурных знаний и языковых умений. Американские студенты отмечали, что задания помогали начинать думать на иностранном языке, потому что при обсуждении культурологических тем с российскими студентами им не было разрешено переходить на английский язык и это заставляло искать другие русские эквиваленты или использовать описательные варианты. Студенты отметили, что продолжали общение с российскими коллегами за рамками работы курса, для некоторых контакты из рабочих превратились в личные.

В своих комментариях российские студенты также положительно оценивают участие в международном телеколлаборационном проекте,

например: *«Я была рада шансу поучаствовать в таком проекте; мне понравилось общение с моим американским партнером и произошедший культурный обмен. Хотелось бы, чтобы такая деятельность была регулярной»*. Другая участница проекта отмечает, что *«знакомство с американскими студентами и общение с ними как на английском, так и на русском языке оказалось очень интересным и плодотворным как для российских, так и для американских студентов. Особенно интересным оказалось задание Scavenger hunt: угадывание национально-специфических реалий по картинкам помогло много узнать о жизни и реалиях современной Америки. В целом участие в проекте способствовало лучшему пониманию не только английского языка, но и в какой-то мере повседневной жизни американских студентов»*.

В заключение хочется отметить, что разнообразные задания, выполняемые студентами в рамках телеколлаборации, способствуют не только более прогрессивному и продуктивному изучению иностранного языка и знакомству с культурой его носителей, но и оптимизации учебного процесса, увеличению студенческой мотивации, а также помогают улучшить взаимопонимание между представителями разных культур в современном взаимозависимом мире.

Список литературы

1. [1.http://usrussiaapp.org](http://usrussiaapp.org)[Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.12.2016)
2. <https://coe.uga.edu/news/2017/03/exchanging-expertise>[Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.12.2016)
3. https://www.actfl.org/sites/default/files/pdfs/public/ACTFLProficiencyGuidelines2012_FINAL.pdf[Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.12.2016)
4. <https://prezi.com/9ait8ab14wvw/telecollaboration-in-education/?webgl=0>[Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.12.2016)
- <http://www.lingvotandemica.ru> [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.12.2016).

Цепелева А.Н.

Московский государственный областной университет (Москва)

Реалия: лингвистическая природа и особенности перевода в художественной литературе

Аннотация. Рассматривается лингвистическая природа реалий, как особого лексического корпуса представляющего национально-специфичное особенности лингвокультуры. Поворот современного языкознания в направлении исследования и раскрытия связей между языком и человеком, языком и обществом нацелен на выявление закономерностей функционирования языка в реальных условиях общения. Такой подход приемлем в переводе социокультурного компонента как специальных, так и художественных текстов.

Ключевые слова: аутентичные тексты, подход к компетентности, национальный специфический словарь, реалия, классификация реалий.

A. Tsepeleva

Moscow Region State University (Moscow)

Culture-specific words: linguistic nature and features of translation in fiction

Abstract. The linguistic nature of culture-specific words is considered as a special lexical corpus representing the nationally specific features of linguoculture. The turn of modern linguistics in the direction of research and disclosure of the links between language and man, language and society is aimed at revealing the laws of the functioning of language in the real conditions of communication. This approach is acceptable in translating the socio-cultural component of both special texts and fiction.

Keywords: authentic texts, competence approach, national specific vocabulary, culture-specific words, classification of culture-specific words.

В настоящее время внимание специалистов в области перевода, как теоретиков так практиков, привлекают такие вопросы, как эквивалентность, стратегия, средства перевода, а также коммуникативный и прагматический его аспекты. В рамках изучения эквивалентности важное место отводится переводу национально-специфической лексики, представляющей особенности той или иной лингвокультуры.

В статье рассмотрена национально-специфическая лексика этнографической тематики, называемая также реалиями. Это самая многочисленная группа, включающая в себя следующие тематические группы, например:

1. Обиходно-бытовая тематика:
  - жилище (вигвам, таунхаус, юрта)
  - одежда (кимоно, макинтош, пончо)
  - пища (пицца, паста, маца)

– транспорт (ландо, лимузин, двуколка)

2. Труд и орудие труда:

– профессии (сомелье, бармен, менеджер)

– трудовые организации (Госплан, Госстрой, Кадиллак)

– орудие труда (мачето, скальпель, шпатель)

3. Искусство, культовая тематика:

– танцы (сальса, танго, фламенко)

– музыкальные инструменты (там-там, гусли, лира)

– обычаи (хэллоуин, День Сурка, День Святого Валентина)

– ритуалы и культовая тематика (культ Вуду, карты Таро, Каббала, Массонские ритуалы)

– мифология (минотавр, Гор, Олимп)

Перевод реалий посредством калькирования

Значительное количество реалий, встреченных нами в исследуемом материале [1], отражено таким способом как калькирование. При калькировании перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, незаимствованного материала [2], например:

– Иван Грозный – Ivan the Terrible (или John) the Terrible

– Зимний дворец – Winter Palace

– Белый Дом – White House,

– «Белая Гвардия» – The White Guard,

– «Над кукушкиным гнездом» – Over the Cuckoo's Nest,

– Демократическая партия – the Democratic Party,

– Наш дом – Россия – Our Home Is Russia,

– нашествие хана Батыя – the invasion of Batu Khan,

– плоды просвещения – the Fruits of the Enlightenment.

Из примеров следует, что при переводе используются слова, обозначающие нечто близкое, хотя и не всегда тождественное, как в случае Иван Грозный – Ivan the Terrible или John the Terrible. То есть такой перевод можно назвать уподобляющим в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

Такой тип перевода полностью передает привычность, чисто бытовую окраску соответствующего слова подлинника, в одних случаях придавая ему оттенок английского быта, в других случаях, как, например, нашествие хана Батыя – the invasion of Batu Khan, не внося в него никаких

новых черт, но во всех случаях, конечно, ослабляя национально-специфические особенности, выраженные в нем.

В этом случае (нашествие хана Батые – the invasion of Batu Khan) предмет, обозначенный словом подлинника, мало чем отличается от предмета, обозначаемого соответствующим словом в переводе. И тогда, как мы видим, передача смысла может оказаться исчерпывающей. Несмотря на то, что утрата некоторой вещественной специфики, характеризующей русским словом, присутствует, она возмещается полной понятностью его перевода для англичан.

Способ описательного (перифрастического) перевода реалий

Описательный перевод используют, когда по тем или иным причинам калькирование невозможно [2]. Этот способ состоит в том, чтобы перевести слово, обозначающее данный предмет или понятие, созданием нового сложного слова или словосочетания на основе элементов и морфологических отношений, реально существующих в переводном языке. Например:

– тусоваться – hang out (to attend fashionable gatherings, to socialize; with smb.), make the scene, party

– кубанка – kubanka (low asrtakhan cap)

– отгул – compensatory holiday (overtime leave, compensatory leave, time taken off in lieu, time off, personal day, personal day off)

– трех – fur cap with ear-flaps and back flap

Как видно из приведенных примеров, при данном способе перевода происходит расширение компонентного состава, а также и значительные изменения в структурно-грамматической организации предложения.

Такой способ исключает недопонимание (что часто происходит, когда новое слово заимствуется вместе с новым понятием) и должен быть распространенным. Так, в переводе художественной прозы встречается некоторое количество реалий русской культуры, переведенных на английский язык таким способом. Это объясняется тем, что язык художественных произведений допускает объяснения и распространенные предложения с расширением компонентного состава. Так как главное – передать содержание не как можно более кратко и лаконично, а передать национальную специфику чужой реальности, как можно более глубоко погружая читателя в мир другой страны и другого быта. Но таких примеров немного, поэтому замечание о том, что описательный перевод

является самым распространенным способом передачи современных русских реалий, не может быть признан справедливым.

Способ гипонимического перевода реалий

При гипонимическом способе перевода слово исходного текста, обозначающее видовое понятие, передается словом переводного языка, называющим понятие родовое. Примеры:

- вобла – Caspian roach
- борщ – borscht, soup with cabbage

Этот способ перевода в наше время встречается редко ввиду расширения межкультурных, в том числе межъязыковых, контактов, увеличения числа туристов, которые знакомятся с иноязычной культурой и легко ее осваивают. В то же время, пытаясь сохранить атмосферу национальной реальности, информацию о которой можно найти в художественных произведениях, подобного рода реалии переводятся калькированием. Гипонимический способ используется лишь тогда, когда речь идет о специфических случаях, представляющих большую трудность для перевода. Например, в случае со словом килька – sprat. О данной рыбе в ее товарном виде известно только россиянам. В западноевропейских языках, в том числе в английском, даже описательный перевод не раскрывает достаточной информации о ней. В английском словаре sprat имеет значения: 1) килька, шпрот; 2) мелкая сельдь. Кроме того в переносном значении: 1) малыш шкет; 2) денежная монета шестипенсовик. Существует фразеологическое сочетание Sprat day (9 ноября) – начало сезона вылова сельди.

Заключение

Анализ этнографических реалий показал, что они составляют значительную часть лексического состава языка и в коммуникативном акте служат свидетельством высокого интеллектуального уровня и эрудиции коммуникантов. При этом судьба реалий в процессе их развития оказывается различной. Так, например, гаитянское слово табакко обозначавшее курительную трубку осталось национально-специфичной лексикой. Производная от этого слова – «табак» вошло в виде кальки в лексический состав разных языков. Английское слово pipe (трубка) вошло в сложное слово pipe-line ставшее интернациональным. Русское слово трубка также стало видоизмененным элементом сложного слова трубопровод семантической кальки от английского аналога.

Список литературы

1. New English-Russian Dictionary Н. Н. Амосов, Ю. Д. Апресян, И.Р. Гальперин том 1–2, Москва: Русский Язык, 2007
2. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966 (2-е изд.1968; 3-е изд. 2004)
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Изд.5 2012. 416 с. Мягкая обложка.
4. Казакова Т. А. К53 Практические основы перевода. English <=> Russian. Сер.: Изучаем иностранные языки. СПб.: Изд-во Союз, 2001, 320 с.
5. Розенталь Д. Э. М.; 2011. 736 с.
6. Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Чернышкова Н.В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Москва)*

Специфика публичной речи женщин-политиков Франции

Аннотация: В статье речь идет о публичной речи, в частности, об особенностях публичных выступлений директора МВФ Кристин Лагард, датируемые 2015-2017гг. Автор анализирует экстралингвистические и лингвистические характеристики ее выступлений, их композицию, используемые риторические приемы. Результаты исследований могут быть использованы в сопоставительном изучении публичных выступлений франкоязычных и русскоязычных женщин-политиков с целью обнаружения подобия или различия языковой картины мира, а также при обучении студентов навыкам публичной речи и самопрезентации.

Ключевые слова: публичная речь, публичное выступление, лингвистические особенности.

N. Chernyshkova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow)*

Public speech of women politicians in France

Abstract. The paper examines the public speeches of IMF Managing Director Christine Lagarde in the period from 2015 to 2017. Extralinguistic and linguistic characteristics of her public presentations are analyzed and also their composition and rhetoric relations are discussed. Prospectively, the research may contribute to the comparative study of Russian-speaking and French-speaking female politicians. These results may highlight both differences and similarities in two language pictures of the world, and eventually, they may be used in teaching public speech and presentation skills to students.

Keywords: public speech, expressing attitude, linguistic features.

Возросший интерес к публичной речи в современном мире очевиден, поскольку возросли требования не только к профессиональной компетенции личности, но и ее умению представить себя, свои идеи и проекты, убедить аудиторию в своей точке зрения [1, с. 78].

Актуальность исследования определяется повышением роли женщин в мире, которые стали занимать ключевые посты в мире, например: Даля Грибаускайте, Дилма Русеф, Кристина Фернандес де Киршнер, занимают или занимали посты президентов своих стран: Литвы, Бразилии, Аргентины соответственно, Ангела Меркель переизбрана в 2017 году канцлером Германии, а также современностью анализируемого материала и важностью и востребованностью исследований данного объекта для политической, профессиональной и бизнес-коммуникации.

Материалом исследования послужили публичные выступления одной из ярких представительниц женщин-политиков Франции, директора-распорядителя Международного валютного фонда (МВФ) Кристин Лагард в Университете Гете во Франкфурте, в Дубае в ОАЭ, Атлантическом Совете, Нью-Йорке, в Вашингтоне, в столице ЦАР Банги и др. (2015–2017 гг.)

Цель исследования состоит в том, чтобы показать особенности французских публичных выступлений, выявить стилистические приемы и речевые обороты в текстах выступлений, свойственные Кристин Лагард.

В соответствии с поставленной целью представляется необходимым решить следующие задачи: определить понятия «публичная речь», «публичное выступление», исследовать экстралингвистические и структурно-композиционные, лингвистические характеристики публичного выступления на французском языке.

Целевые установки и задачи определили использование комплексной методики, сочетающей описательный и сравнительный методы, включая метод контекстного анализа.

Исследование публичных выступлений Кристин Лагард обнаруживает следующие закономерности.

Из известных видов публичных выступлений, чаще всего директор МВФ предпочитает использовать смешанный информационно-убеждающий: выступления в Атлантическом Совете, пленарное заседание ежегодного собрания 2016 МВФ и Всемирного банка; намного реже протоколно-этикетный – при выступлении перед Собранием

представителей Центральной Африки, и информационный – при встрече со студентами.

Ее аргументация усилена многочисленными примерами, подчеркивающими объективность ее суждений. Например, на лекции в Школе менеджмента им. Келлога в Северо-Западном университете Кристин Лагард говорит о слабом и уязвимом состоянии мировой экономики, особенно для стран с развитой экономикой, а затем приводит данные по США, Японии, Китаю, Индии, России и Бразилии.

Durant ces dernières années, la reprise mondiale a été faible et fragile. C'est encore le cas aujourd'hui. Dans les pays avancés – où certains signes positifs sont certes visibles –, les perspectives de croissance globale restent timides.

- *L'économie américaine se redresse depuis un certain temps mais elle a enregistré des contreperformances au premier semestre 2016, ce qui entraînera une révision à la baisse de nos prévisions de croissance pour les États-Unis. Cependant, les nouvelles sur le front de l'emploi sont relativement bonnes, et il y a des signes prometteurs de recul de la pauvreté et de progression des revenus médians en 2015.*

- *Dans la zone euro, le niveau de croissance reste en dessous de ce qu'il devrait être, encore que l'activité économique tienne bon, sur fond de tensions issues des niveaux élevés d'endettement et des faiblesses d'un certain nombre de banques.*

- *Le Japon a enregistré un léger rebond, mais il devra mettre en œuvre des réformes difficiles pour entretenir cette dynamique [3].*

В 77 % в начале публичных выступлений Кристин Лагард цитирует в зависимости от публики (студенты, представители ОАЭ, ЦАР, Уганды, МВФ и Всемирного банка) известного политического или экономического деятеля той страны, перед представителями которой она выступает, а в конце выступления, как правило, приводит цитаты мировых деятелей, аргументируя защищаемую точку зрения

Приведем отрывок речи Кристин Лагард, которая имела место в Банги ЦАР 25 января 2017, и в которой директор МВФ предлагает помощь в форме финансовой поддержки, советов, технического присутствия и усиления способностей с целью восстановления экономики.

A vous, les membres de l'Assemblée nationale, j'adresse un message d'encouragement, vous jouez un rôle crucial à jouer en cette période où votre

pays aborde un tournant historique. Les mots du Président Touadera, que j'ai eu l'honneur de rencontrer hier, sont une source d'inspiration.

«Je veux rassembler tout le monde pour construire notre pays dans le dialogue. C'est le désarmement des coeurs et ce n'est pas facile », a-t-il déclaré quelques semaines [4].

Цитируя президента К.Лагард демонстрирует не только заинтересованность и знание экономических реалий ЦАР, но и уважение к ней, о чем свидетельствует ее цитата.

В заключении речи она вновь заверяет публику в оказании поддержки с целью политической стабильности, лучшего управления, оздоровления экономики. Приводит слова римского папы о мире, который не представляет собой подписанный документ, а являет собой постоянно строящийся мир. По его словам, мир – это тонкая ручная работа, которая создается на протяжении всей жизни.

J'aimerais conclure mon propos en réaffirmant que le FMI vous accordera son soutien total dans votre quête de stabilité politique, de meilleure gouvernance et de redressement économique.

En préparant cette visite, j'ai été touchée par les paroles prononcées par le Pape François lors de sa visite en République centrafricaine en 2015 :

«La paix n'est pas un document qu'on signe et qui reste là. La paix se fait tous les jours ! la paix est un travail artisanal, elle se fait avec les mains, elle se fait avec sa vie » [4].

Использование приглагольного и ударного местоимений «nous/мы» носит двойственный характер, а стоящие после приглагольных местоимений глаголы приобретают субъективную валентность [1, с. 109; 2, с. 56,]. Как политик с многолетним стажем мадам Лагард, с одной стороны, говорит о деятельности и результатах подведомственного ей учреждения от первого лица множественного числа, а не от 3 лица, не разделяя, таким образом, результаты К. Лагард и МВФ.

– *Nous notons avec satisfaction les efforts déployés actuellement dans ce domaine et nous sommes prêts à partager notre savoir-faire avec les experts centrafricaines [4].*

– *Nous aidons également votre pays sur le plan financier. Après 2013, nous avons soutenu le processus de transition à l'aide de prêts d'urgence, dont le total a avoisiné les 28 millions de dollars. En parallèle, nous avons coopéré étroitement avec les autorités pour concevoir un plan global de rétablissement de la stabilité économique [4].*

– *Chaque année nous aidons plus de 100 pays à accroître leurs recettes intérieures et nous répondons à une demande croissante* [4].

А с другой стороны, используя «nous/мы», она говорит о совместных действиях МВФ и аудитории, перед которой выступает. Например, на конференции по инклюзивному капитализму в Нью-Йорке 11 октября 2016:

- *Aujourd'hui, on accuse souvent ceux qui se méfient des nouvelles technologies devouloir venir en arrière mais leurs craintes ne sont pas entièrement infondées, et nous devons les prendre au sérieux [...]*

- *Mais nous devons aussi porter un regard positif sur l'innovation technologique* [5].

На основании проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1) Публичное выступление представляет собой монологическое высказывание с элементами диалогичности, цель которого состоит в убеждении аудитории и оказании на нее речевого воздействия;

2) Специфика публичного выступления определяется экстралингвистическими (место выступления, адресат) и лингвистическими (отбор и организация выступления в соответствии с прагматическими целями) факторами;

3) Композиция публичного выступления зависит от типа публичной речи;

Лексико-грамматический анализ исследуемых выступлений показал, что последние являются устной формой литературного языка, предпочтение отдается употреблению сложных предложений.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

2. Чернышкова Н. В. Особенности публичной речи во французской и русской традициях Новейшего времени (на материале публичных политических выступлений) /дисс.. на соискание уч. степени к. филол. н. / Москва, 2007.

3. Christine Lagarde. Doper la croissance et s'adapter au changement. <http://www.imf.org/fr/news/articles/2016/09/27/am16-sp09282016-boosting-growth-adjusting-to-change> (30.09.2017)

4. Christine Lagarde Aux côtés de la République centrafricaine. <http://www.imf.org/fr/news/articles/2017/01/25/sp012517-standing-with-central-african-republic> (30.09.2017)

5. Christine Lagarde L'entreprise privée au service d'une économie mondiale plus inclusive. <http://www.imf.org/fr/news/articles/2016/10/10/sp101016-the-role-of-business-in-supporting-a-more-inclusive-global-economy> (30.09.2017).

Чеснокова О.С.

Российский университет дружбы народов (Москва),

Монфорте Дюпре Роберто

Университета Страны Басков (Испания)

Формы обращения в двух испанских переводах повести

Ф. М. Достоевского «Вечный муж»

Аннотация: В статье сопоставляются стратегии перевода форм обращения в повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» в версиях Рикардо Баэса и Рафаэля Кансиноса-Ассенса.

Ключевые слова: переводоведение, Достоевский, русский язык, испанский язык, формы обращения.

O. Chesnokova

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow),

Monforte Dupret Roberto

University of Basque Country (Spain)

Forms of address in two translations of Dostoyevsky's short novel "The Eternal Husband" into Spanish

Abstract. This paper focuses on the comparison of forms of address translation of Dostoyevsky's short story "The Eternal Husband" into Spanish, performed by Ricardo Baeza and Rafael Cansinos Assens.

Keywords: theory of translation, Dostoyevsky, Russian, Spanish, forms of address.

Переводные тексты – естественный способ приобщения к творчеству мастеров слова для носителей иной культуры. От того, какой перевод прочтёт носитель иной культуры, зависит его восприятие и впечатление от произведения. При этом переводчик выступает как интерпретатор-герменевт оригинала и его проводник в другую культуру. В свою очередь, рассмотрение лингвостилистической организации художественного текста через призму переводов не только снабжает материалами для теории и

практики перевода, но и более рельефно высвечивает его собственную семиотику и эстетику.

Синтаксическая позиция обращения – это всегда семиотически и, в первую очередь, прагматически значимое и коммуникативно обусловленное отражение восприятия собеседника. Из всего пласта потенциальных обозначений собеседника в позицию обращения попадает то из них, которое в наибольшей степени конгруэнтно ситуации общения «здесь и сейчас».

В художественном дискурсе обращению присущи исключительные экспрессивные возможности. Исследование обращений на материале бесценных текстов художественной литературы, при том, что художественный текст – это не сама жизнь, а жизнь, отображенная эстетически, снабжает исследователя данными об этнокультурной динамике форм обращения, и, возможно, помогает самим носителям языка лучше понять собственное речевое общение в синхронии и диахронии.

Как наилучшим образом переводить обращение на другой язык? Современное переводоведение синтезирует аппарат филологической герменевтики, стилистики, семиотики, сопоставительно-типологического языкознания, лингвокультурологии, межвариантной специфики речевого общения и позволяет вывести критерии адекватности передачи форм обращения.

Споры о стратегиях перевода и сущности эквивалентности при переводе бесконечны, а предлагаемые решения связаны с целями и средствами перевода, языковым вкусом и потребностями эпохи. Однако стратегии перевода форм обращения в общем контексте национального стиля коммуникации пока еще мало разработаны.

Особенно это относится к переводам классики, которая позволяет увидеть формы обращения в диахронии, прикоснуться к речевому узусу прошедших эпох, глубже понять через их интерпретацию эстетическую сущность произведения и, возможно, предложить новые способы их перевода. При этом весьма плодотворным оказывается сопоставление нескольких переводов одного произведения и методика обратного перевода, т.е. «перевода переведенного».

Сопоставление обращений в повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» [1] и в её переводах на испанский язык Рафаэлем Кансиносом-Ассенсом [2] и Рикардо Баэса [4] обнаруживает различные переводческие

решения и, соответственно, способы межкультурной адаптации обращений оригинала.

Повесть «Вечный муж» вышла в свет в 1870 г. Её сюжет основан на треугольнике «муж-жена-любовник», который был не нов для европейской литературы XIX века.

Павел Павлович Трусозкий после скоропостижной смерти жены находит ее личную переписку, из которой узнает, что у его жены было два любовника и один из них, Алексей Иванович Вельчанинов, и есть настоящий отец его единственной и горячо любимой дочери Лизы. Робкий и тихий Трусозкий решается на месть. Поскольку второй любовник его жены, Багаутов, внезапно умирает, Вельчанинов один должен расплатиться за унижение и страдания Трусозкого. Многочисленные диалогические взаимодействия Трусозкого и Вельчанинова образуют тот речевой материал, на котором мы проанализируем формы обращения и рассмотрим их передачу в двух испанских переводах.

Рафаэль Кансинос-Ассенс (Rafael Cansinos Assens; 1883–1964) и Рикардо Баэса Дуран (Ricardo Baeza Durán, 1890–1956) были почти ровесники. Оба были одаренными литераторами. Кансинос-Ассенс стоял у основ литературного течения *ultraísmo* «ультраизм», которое расценивало метафору как важнейшую ценность художественной литературы. И Рикардо Баэса, и Кансинос-Ассенс много занимались журналистикой, издательской деятельностью и переводами. Оба литератора сотрудничали и публиковались в журнале *Prometeo* «Прометей». После установления диктатуры Франко, Рикардо Баэса эмигрировал в Аргентину, Кансинос-Ассенс предпочел «внутреннюю эмиграцию». И Баэса, и Кансинос-Ассенс понимали перевод как задачу воссоздания (*recreación*, 'рекреация') текста, главной задачей которой было познакомить читателя с шедеврами мировой литературы. Оба переводчика всегда сопровождали свои переводы прологами и эссе об оригиналах, а сами, таким образом, выступали посредниками между испанским читателем и мировой литературой, что, в частности, относится и к русской классической литературе и к выполненным переводам Достоевского.

В оригинале много разнообразных обращений: этикетных, повседневных, нейтральных, эмотивных. Сохранение переводчиками семантического ядра обращений оригинала встраивается в универсальные механизмы графического, фонетического и функционально-семантического уподобления лексических единиц при переводе.

Рассмотрим некоторые характерные примеры. Обращения по имени и отчеству оригинала подвергаются фонетическому уподоблению. При этом перевод Кансиноса-Ассенса при передаче имени и отчества Трусоцкого «*Павел Павлович*» верно передает акцентную структуру русского антропонима, тогда как перевод Рикардо Баэса, без знаков испанского графического ударения, содержит акцентную ошибку: «Скажите, **Павел Павлович**, вы здесь, стало быть, не один?» [1, с. 470].

Dígame usted, **Pável Pávlovich**: según parece, no vive usted aquí solo [2, p. 1173]. Diga usted, **Pavel Pavlovich**: usted no vive solo, ¿verdad? [4, p. 100].

При передаче имени и отчества Вельчанинова «*Алексей Иванович*» перевод Кансиноса-Ассенса, графически фиксируя ударение на втором слоге, искажает акцентную структуру имени «*Алексей*», а перевод Рикардо Баэса образует антропонимический гибрид из испанского аналога *Alejo* русского имени «*Алексей*» и транскрипции русского отчества на французский манер:

«Извините, **Алексей Иванович**, я бы должен был, входя, сообразить; даже стыжусь [1, с. 451]. Perdone usted, **Aléksiey Ivánovich**; yo hubiera debido, al entrar, tenerlo en cuenta [2, p. 1161]. Usted perdone, **Alejo Ivanovitch** [4, p. 29].

На примере этих ономастических адаптаций можно увидеть, что на рубеже XIX–XX вв. испанская транслитерация русских имен была достаточно несовершенной и произвольной. Тем не менее, Кансинос-Ассенс, за исключением неправильно поставленного ударения, старался максимально передать русское имя и отчество Вельчанинова. Версия же Рикардо Баэса подверглась французскому влиянию: *tch* в конце отчества, а не испанское *ch*. В версии Рикардо Баэса отсутствуют знаки графического ударения. При том, что на рубеже XIX–XX веков в Испании существовала традиция «испанизировать» имена, например, русских классиков (*Alejandro Púshkin*, *León Tolstói*, *Miguel Lérmontoff*), Баэса не последователен в своих ономастических решениях, поскольку «*Павел Павлович Трусоцкий*», в его версии, остается «*Павлом*» (*Pavel*), при этом, без знака графического ударения, а не становится *Pablo*:

Видите, **Павел Павлович**, я совершенно так же подумал и объяснил себе, – примирительно сказал Вельчанинов. <...> [1, с. 469–470]. Mire usted, **Pável Pávlovich**: yo así pensaba y me lo explicaba – dijo Velcháninov serenamente-. [2, p. 1173)]. Mire, **Pavel Pavlovitch**, yo también he reflexionado, y debo decirle... [4, p. 51].

В оригинале имеется много обращений-реалий, относящихся к русскому речевому узусу девятнадцатого века и служащих историческим источником русских форм обращения. В оригинале широко используется вежливо-почтительная форма обращения «*милостивый государь*», например: «А что, дескать, вы здесь делаете, **милостивый государь?**» [1, с. 451]. В обоих рассматриваемых переводах происходит замена этого обращения-реалии русского повседневного быта XIX века. У Кансиноса-Ассенса им становится этикетное испанское обращение «сеньор» с постпозитивным притяжательным местоимением «мой», при этом усиливается эмоциональное звучание высказывания за счет достаточного резкого для данной ситуации междометия *¡Diantre!* 'Черт возьми', где более уместным был бы нейтральный коннектор *pero*: *¡Diantre! ¿Qué hace usted aquí, señor mío?* [2, p. 1161].

В переводе Рикардо Баэса актуализируется смысл 'друг мой': *Pero, ¿qué hacía usted ahí, amigo mío?* [4, p. 28].

Интересная задача – передать свойственную русскому узусу XIX в. вежливо-почтительную постпозитивную частицу «-с»: «Багаутов, Степан Михайлович, подаривший нас своею дружбою ровно через год после вас и... подобно вам-с» [1, с. 458]. В обоих переводах она опущена: *-Bagáutov, Stepán Mijáilovich, que nos favoreció con su amistad, justamente al año de haberse ido usted, y ...lo mismo que usted...* [2, p. 1165]. – *Pues Bagautov, Stepan Mikhailovich Bagautov, que nos otorgó su amistad un año justo después de usted... y... exactamente lo mismo que usted* [4, p. 37]. Творческое решение нашли переводчики повести на английский язык Ричард Пивер и Лариса Волохонски, добавив дополнительное обращение в конце высказывания: *Bagautov, Stepan Mikhailovich, who graced us with his friendship precisely a year after you and... like you, sir* [3: 92]. Вполне возможна при переводе подобных контекстов была бы схожая амплификация за счет дополнительного обращения *señor*, типичного для почтительного испанского узуса XIX в.

Ресурсы русских и испанских прономинальных форм обращения, гибкость русского и испанского языков в отношении обращений на «вы» и «ты» в идеале должна быть отражена в обоих переводах. Драматическая коллизия сюжета объясняет многочисленные эмотивные обращения героев, представляющие объективную сложность при переводе. Так, в следующем фрагменте экспрессивность обращения Вельчанинова к Трусоцкому в виде местоимения «вы» и по принципу синекдохи находят адаптацию в

глагольной тенденции испанской речи (добавлено обращение-императив), в стилистике артикля и в синекдохе «Эй **вы!** **Креп на шляпе!** Теперь прятаться! Стойте: кто вы такой? [1, с. 445]. ¡**Oiga usted, el de la gasa en el sombrero!** ¡Pues no se esconda ahora! ¡Párese usted! ¡Dígame quién es! [2, p. 1157]. ¡Eh, **oiga usted, el de la gasa negra!** ¿Por qué huye usted ahora? ¡Alto, deténgase! [4, p. 22].

В ряде случаев переводчики отходят от обращения на “Вы” оригинала (Вельчанинов обращается к дочери только на “Вы”, даже если обращение эксплицитно не представлено) и заменяют его на “ты” – обращение:

Что такое, Лиза, что такое? – нежно и ободрительно спросил он, но она, все еще боязливо оглядываясь, потащила его дальше в угол; ей хотелось совсем от всех спрятаться.

– Что такое, Лиза, что такое? [1, с. 482]. – Pero ¿qué **tienes**, Liza, qué **tienes**? [2, p. 1181]. **Di**, Lisa, ¿qué ocurre? – repitió él [4, p. 67].

Лиза, милая, если бы знали, в какое отчаяние **вы** меня приводите! [1, с. 478]. ¡Liza, rica, si **usted** supiera la desesperación que me infunde...! [2, p. 1178]. **Lisa, Lisa**, si supieses la pena que me das! – suplicó Velchaninov, desfallecido [4, p.61].

В переводах обращений Вельчанинова к дочери переводчики следуют узусу родной культуры, где мало вероятно обращение к дочери на «Вы».

Важная семиотическая задача – перевести эмоционально-окрашенные обращения героев в тексте великого русского писателя.

Гневное и полное отчаяния обращение Вельчанинова «пьяный изверг» удачно передано в переводе Рикардо Баэса словосочетанием *bestia de borracho*, тогда как избранный Кансиносом-Ассенсом эквивалент *borracho monstruoso* дает при обратном переводе смысл ‘ужасный пьяница’, не соответствующий смыслу обращения оригинала: «Понимаешь ли ты, **пьяный изверг**, что без тебя ее и похоронить нельзя будет! – прокричал он задыхаясь [1, с. 509]. ¿No comprendes, **borracho monstruoso**, que sin ti no es posible enterrarla? Gritóle casi sin alientos [2, p. 1199]. – Acabarás de comprender, **bestia de borracho**, que no pueden enterrarla sin ti? —gritó, ahogándose de furor [4, p. 100]. Экспрессивность отчасти достигается за счет смены типичного для общения Вельчанинова с Трусоцким «вы» на «ты. Конструкция «*ты со злости*» органично преобразуется в переводе Рикардо Баэса в добавленное обращение *canalla*,

дающее при обратном переводе смысл 'мерзавец', а в переводе Кансиноса-Ассенса – в предложение с именным сказуемым и прилагательным *malvado* в сильной позиции: «– Лжешь! – закричал Вельчанинов, как потерянный, – ты со злости... я так и знал, что ты это мне приготовишь!..» [1, с. 510]. ¡Mientes! ... – clamó Velcháninov, como enajenado–. ¡Eres un malvado! ¡Ya sabía yo que me tenías preparado eso!» [2, p. 1199]. —¡Mientes, canalla! — aulló Veltchaninov, presa de una rabia frenética—. ¡Ya sabía yo que me saldrías con ésa!» [4, p. 100].

Наблюдения над переводом обращений в повести Достоевского “Вечный муж” на испанский язык убеждают, что перевод обращений неразрывно связан с типологическими чертами русского и испанского языков, национальными традициями обращений в синхронии и диахронии, идиолектом Достоевского. Универсальный способ точной передачи семиотики обращений – выбор соответствий, адекватных культурно-семантическим особенностям обращений оригинала.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Вечный муж // Полн. собр. соч. в 10 томах. М.: 1956. Т. IV. С. 433–580.
2. Dostoyevski Fiodor M. El eterno marido // Obras Completas. Traducción directa del ruso. Introducción, prólogo y notas por Rafael Cansinos Asséns. México: Aguilar, 1991. Т. 2. Pp. 1146–1244.
3. Dostoevsky Fyodor. The Eternal Husband and Other Stories. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Bantam Classics, 2000. P. 64–22.
4. Dostoievski Fiodor. El eterno marido. Traducción: Ricardo Baeza. La Plata: Terramar, 2005. 184 p.

Чжай Хунюнь

*Московский государственный областной университет (Москва),
аспирант ФГБНУ «Институт управления образованием РАО»*

Подготовка бакалавров-будущих учителей начальной школы к применению социальной сети в преподавании китайского языка

Аннотация: В статье описывается реализация возможностей социальной сети в процессе изучения китайского языка в начальной школе и при подготовке учителя в области реализации этих возможностей. Раскрываются возможности использования социальной сети для освоения звуковых сообщений произношения китайского языка, при написании иероглифов. Выявляются виды деятельности учителя начальной школы при обмене профессиональным опытом, при получении методической помощи от своих

коллег с помощью социальной сети. Определенное внимание уделено подготовке студентов – будущих учителей в области использования социальных сетей при предоставлении и получении новой информации из научной среды, при обсуждении новых методик преподавания китайского языка с коллегами, при размещении своих научных исследований в социальной сети для получения замечаний и рекомендаций от коллег.

Ключевые слова: возможности социальной сети; информационные и коммуникационные технологии (ИКТ); изучение китайского языка; социальная сеть; функции социальной сети.

Zhai Hongyun

Moscow Region State University (Moscow)

Training bachelors - future primary school teachers – to use social networks in teaching Chinese

Abstract. This paper discusses the role that social networks play in teaching Chinese in primary schools, especially in the area of Chinese phonetic teaching and Chinese character writing. Through social networks, primary school teachers can exchange teaching experience and learn from peer teachers in the perspective of pedagogy. It is shown that in the future, primary school teachers should be cultivated to make full use of social networks so as to exchange and publish their academic research information, as well as acquire peer review and suggestions.

Keywords: functions of social network, information and communication technology, Chinese learning, Chinese teaching; social network.

Содержание Образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» по профилю подготовки «Начальное образование», уровень «Академический бакалавриат» определяет серьезные изменения в разработке примерных основных образовательных программ начального общего образования, ориентированных на реализацию возможностей информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональной деятельности учителя: педагогической, проектной, исследовательской и культурно-просветительской. В связи с этим, подготовка учителя начальных классов в Российском образовании претерпевает существенные преобразования, так как современный учитель в динамично развивающемся информационном обществе массовой сетевой коммуникации должен владеть набором знаний, умений, компетенций в области ИКТ, умений реализовывать дидактические возможности ИКТ [1], а также взаимодействовать с коллегами по проблемам использования ИКТ в учебном процессе.

Использование возможностей социальной сети, которая получает с каждым днём все большую популярность в преподавании китайского языка, обеспечивает обмен профессиональным опытом, позволяет

коллективно решать профессиональные проблемы. Чтобы бакалавры – будущие учителя китайского языка начальной школы смогли бы реализовать возможности социальной сети в процессе преподавании китайского языка, необходимо формировать их компетентность в этой области.

Перечислим основные направления реализации возможностей социальной сети:

1. Возможности социальной сети для изучения учеником китайского языка.

1.1 Использование возможностей современных «гаджетов», в том числе мобильного телефона – написание иероглифа рукописным вводом.

Всем известно, написание китайского иероглифа – большая сложность. И сейчас много иностранцев пишут с помощью транскрипции в компьютере и редко пишут от руки, поэтому быстро забывают, как точно и правильно написать иероглиф, даже китайцы также забывают иероглифы, редко используемые. Современное техническое достижение помогает решить эту проблему – появление новой системы ввода иероглифов в мобильном телефоне (рисунок 1). Это оказало особое знание для изучения китайского языка. Потому что когда вводишь один иероглиф, на экране появятся некоторые похожие иероглифы. Это очень важно для повторения иероглифов, потому что, во-первых, можно исправить неправильное написание, во-вторых, можно повторить похожие иероглифы (рисунок 2).

Рисунок 1

Рисунок 2

Использование звукового сообщения для изучения произношения.

Китайская фонетика кардинально отличается от русской, потому что у китайского языка есть тоны, это для русских учеников большая трудность [2]. Например, «hànyǔ» и «hányǔ», это два слова, значат «китайский язык» и «корейский язык», ещё например: «tāng»(суп), «táng»(сахар), «tǎng»(лежать), «tàng» (горячий), эти четыре слога – четыре значения. Для

русских они трудно различаются. Обучению этого возможно с помощью социальной сети.

1.2.1. Запись учителем примерных тонов или сочетаний тонов произношения и отправить их в социальную сеть для прослушивания учениками в любое время, потому что некоторые произношения только существуют в китайском языке, такие как: инициали j, q, zh; филань ü, e, iu. Обучение таким сложным произношениям требует гораздо большего времени, чем урочное время, поэтому надо больше слушать аудиозапись во внеурочное время. И разные ученики, разных возрастов испытывают различные трудности. По этой причине аудиозапись в социальной сети очень важна для учеников при самостоятельном исправлении своего произношения.

1.2.2. Запись учеником своего произношения для сравнения с учительским. Часто бывает такая ситуация, когда ученик подражает учителю правильно произносить то или иное слово, но отдельно произносит по-другому, что особенно заметно у начинающих. Следует обратить особое внимание на начальное изучение фонетики, когда у ученика закладываются основы правильного произношения. В противном случае в будущем произношение будет непонятно для окружающих [3]. Учитель может задавать домашние задания такие как, записать своё произношение и сравнить их с учительским. Ученик с помощью такого упражнения не только может исправить своё произношение, но и может использовать этот способ для изучения другого иностранного языка.

1.2.3. Отправление учеником своего произношения по социальной сети одноклассникам и учителю, в лучшем случае китайцам, для получения от них замечания и исправления. При ощущении учеником трудности произношения конкретных слогов можно попросить одноклассников или учителя помочь ему через социальную сеть в любое время.

В лучшем случае можно по социальной сети отправить своё произношение китайцу для исправления. Современное общество уже осуществляет информационную глобализацию. Многие китайцы временно приезжают в Москву и с русскими стали друзьями. Не смотря на то, что они уезжают из Москвы, контакт остаётся и связь поддерживается. Все это благодаря социальной сети.

Применение различных развивающих игр для изучения китайского языка (например, «стреляй правильное слово» (рисунок 3), «нажимай

услышавшее слова» (рисунок 4) и т.д.

Рисунок 3

Рисунок 4

Надо подчеркнуть, что при отправлении учебных игр в социальную сеть учитель должен сказать всем, чтобы ученики сначала ему отправили игры и после проверки учителя их можно отправить всем ребятам.

2. Возможности социальной сети для преподавания учителем китайского языка.

2.1. Обмен учителями начальной школы опытом обучения с помощью социальной сети. Раньше обмен опытом осуществлялся с помощью конференции, электронной почты, телефона и т.д. Для учителей, находящихся далеко от города, конференция не всегда бывает доступной. По электронной почте коллективные обсуждения возникающих проблем не вполне удобны. Социальная сеть обеспечивает коллективное обсуждение различных вопросов или проблем в режиме реального времени.

2.2. Обращение с просьбой по социальной сети к другим учителям для быстрого решения трудностей, возникающих у учителя в процессе обучения. При этом помощь другим учителям в области решения той или иной профессиональной проблемы способствует личностному профессиональному росту.

2.3. Освоение новой возможности социальной сети для максимального использования в обучении. Современная информационная технология быстро развивается, и новые возможности у социальных сетей появляются непрерывно. Чтобы все полезные возможности социальной сети максимально были бы использованы в процессе обучения, необходимо внимательно следить за их появлением.

3. Возможности социальной сети для развития личности ученика начальной школы.

3.1. Правильное отношение к своим и чужим ошибкам.

Откровенное принятие своей ошибки и стремление к её решению – это база позитивного общения с другими и воспитания хорошего характера у будущего члена общества.

Активная помощь другим в решении учебных проблем.

Охотно приходить на помощь, предоставить консультацию по учебе –

это наиболее приветствуемое действие у ребёнка[4]. Формирование личностной активности у учеников при оказании помощи другим делает ребёнка популярным среди окружающих.

Критическое отношение к мнениям других людей.

Формирование у ребёнка правильного выборочного получения полезной информации из различных источников (СМИ, Интернет, форумы, чаты и пр.) связано с воспитанием критического мышления, этики информационного взаимодействия, уважения к партнеру по общению, в том числе и в социальных сетях.

3.4. Развитие активного интерактивного взаимодействия с другими людьми.

4. Возможности социальной сети для проведения научного исследования.

4.1. Предоставление и получение новой информации из научной среды.

4.2. Обсуждение новых методик преподавания китайского языка с коллегами.

4.3. Размещение своих научных исследований в социальной сети для получения замечаний и рекомендаций от коллег.

4.4 Проведение вебинаров для обсуждения вопросов в процессе научного исследования.

5. Возможности социальной сети для получения студентом – будущим учителем начальной школы практической помощи, повышение профессионального роста.

5.1. Ведение Microlecture студентами и отправление его аудио-, видеозаписи в социальную сеть для получения замечания от коллег – учителей начальной школы.

5.2. Связь по социальной сети с учителями начальной школы для решения профессиональных проблем.

5.3. Связь по социальной сети с профессионалами в области китайского языка для повышения уровня владения китайским языком.

Список литературы

1. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 398 с.

2. Чжао Цзиньмин. Введение в обучение китайскому языку как иностранному. М.: Коммерческое изд-во, 2004. 369 с.

3. Сюй Цзылян. Психология обучения китайскому языку как иностранному. М.: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 2007. С.123–124.

4. Robert S Feldman (ШСА) (автор), Цу Яньцзе, Чжоу Дянь (Китай)(переводчики). Development Across the Life Span (Sixth edition). М.: Издательская компания «Шицзе Тушу», 2016. 388 с.

Чжоу Вэй

Хэйхэский университет (Китай)

提高高校外语学习者跨文化能力的途径研究

摘要：本文以我国三所大学的700名一至四年级的外语专业大学生跨文化能力的实证调查研究为佐证，揭示了当前高校外语学习者跨文化能力的现状，阐明了其具备跨文化能力的重要性及其影响跨文化能力提高的因素，探究了高校外语学习者跨文化能力提高的途径。

关键词：外语学习者 跨文化能力 途径.

Heihe University (China)

Ways to improve cross-cultural abilities of foreign language learners in colleges and universities

Abstract. This paper is based on the empirical investigation of cross-cultural abilities of 700 undergraduates from grade 1 to 4 in three universities in China. It reveals the current situation of cross-cultural abilities of foreign language learners in universities and clarifies the importance of intercultural competence and the factors that influence the improvement of intercultural competence, and then explores the ways to improve the intercultural competence of foreign language learners in universities.

Keywords: foreign language learners, cross-cultural ability, ways.

1.引言

“一带一路”背景下，随着经济全球化，越来越需要具有跨文化能力的国际化人才，当前，如何培养高校外语学习者跨文化能力应该引起重视。自从Robert

Hanvey(1976)提出跨文化能力观以来，国内外学者（Ruben,1976;Byram,1997;Wiseman,2001;蔡艳玲，2005；徐晓芳，2006；cheitza,2009）对跨文化能力的概念、内涵及构成要素等进行了不间断的讨论，基于国内外学者跨文化研究的成果不难理解，所谓跨文化是指跨越了不同国家不同民族界线的文化，参与者不只依赖自己的，还要经历和了解对方的语言、习惯、观念和行为习惯等，是参与者之间的互动关系。而跨文化能力是指：“通过成功运用个人的跨文化资源（如知识、技能、意识和态度），在各种跨文化

情景下与来自不同语言和文化的人进行有效而恰当的交流 and 互动的综合能力。”

2. 高校外语学习者跨文化能力的现状

本研究选择了我国三所大学的700名一至四年级的外语专业大学生为调研样本，采用问卷和访谈的形式了解高校外语学习者对外国的历史、生活、社交和文化等跨文化知识了解情况，及大学生跨文化态度的自我评价情况，运用跨文化能力综合评价体系对样本产生的结果进行讨论分析。

本研究调查结果表明，高校外语学习者大都认为自己的跨文化知识短缺，在与目的语外国人交流时很难酣畅淋漓，自己的行为很难适应外国人；虽然外语知识和语法规则掌握很好，但进行成功交流的能力欠缺，在不同情境中对自身文化价值观和道德观如何体现缺乏意识。相反，他们认为解决跨文化问题的技能较强，如，在与目的语的外国人交往时能够避免使对方产生偏见和成见、发生跨文化冲突和误解时能够及时反思和再学习并寻求妥善解决办法的技能等。

3. 影响高校外语学习者跨文化能力提高的因素

3.1 从高校外语学习者所具有的跨文化知识、技能、态度和意识四个维度来分析。外语学习者跨文化能力低下主要表现在跨文化知识（如了解外国人的生活方式、价值观、社交礼仪和宗教文化等）缺乏、跨文化技能（出现跨文化交流误解时和对方磋商、解释并让双方满意的能力、出现语言交流困难时借助身体语言或其他非语言方式进行交流的能力等）水平不高、跨文化态度（如愿意和来自不同文化的外国人进行交流、愿意了解和学习外国文化，如生活方式、风俗礼仪、艺术等）不强烈和跨文意识（意识到与外国人交流时彼此存在文化相似性和差异性、意识到外国人对自已的看法存在成见的缘由）不够。所以具备了跨文化知识、技能、态度和意识，自然也就提高了跨文化能力。

3.2 从跨文化能力与语言技能的相互关系来分析。语言在很大程度上和跨文化能力发展相关联以及影响其发展。同样，参与跨文化交流的经历反过来也会促进语言能力的提高。所以要提高跨文化能力，语言交际能力是关键。

3.3 从高校教师跨文化能力状况来分析。现在一些高校学生跨文化能力不高，一方面是由于教师对跨文化能力培养重视程度不够或是本身的跨文化知识不具备；另一方面是受教学进度和教材的限制，教师长期按部就班

进行语言规则教学，缺乏跨文化知识的传授和跨文化态度、意识和技能培养。

4.探究提高高校外语学习者跨文化能力的途径

针对高校外语学习者跨文化能力状况及影响因素主要从两方面着手探究：

4.1国内培训

4.1.1跨文化意识培养

高校外语学习者必须首先具备跨文化意识，要意识到跨文化差异性会给外语交流带来众多障碍。教师要有意识将母语文化与目的语文化进行比较分析，以增强学生跨文化意识。而学生要利用记忆策略、认知策略来增强自身跨文化意识。

4.1.2跨文化态度树立

高校外语学习者还要树立跨文化态度，愿意去接受异国的生活方式和风俗礼仪。教师要通过外语教学有意识地培养外语学习者对不同的文化持积极理解的态度。文化是有差异的，在发现差异的过程中，要有接受的态度，培养跨文化接触时的适应能力，使交际得以继续下去，设法减缓冲击。

4.1.3跨文化知识培训

在外语课堂上，教师应有意识导入跨文化知识，对外语丰富的文化内涵要加阐释，对比我国与西方文化习俗的差异，必要时组织学生进行讨论，充分利用多媒体、互联网等直观手段来展示目的语风土人情、宗教信仰等文化知识，在教材里增加有关西方社会风俗习惯和行为模式的内容；还可以开设跨文化课程，专门讲解跨文化各种知识。在课外，要求学生阅读目的语的小说、剧本等文学作品，或看目的语的电影或电视剧，来了解其中的文化背景和社会习俗，并组织学生讨论。

4.1.4跨文化技能培训

高校外语学习者要通过实践来提高跨文化知识运用的技能，高校教师要有意识地让他们与不同文化背景的人打交道，如聘请外教任课、组织有留学生参与的第二课堂活动和外语大赛等，创造与外国人相处的环境，让外语学习者在实践中展现他们获得的跨文知识，并通过实践进一步补充该知识，积累经验来提高跨文技能。

4.2国外留学体验

各高校应该提供大量国外跨文化沟通机会，如短期培训班、短期文

化交流活动、夏令营、公派出国留学等项目，让外语学习者在海外亲身经历和体验跨国文化。在国外期间要求学生完成一份“海外民族志作业”，学生通过记录亲身经历的有关文化差异的事件，来有意识提高跨文化能力。

5.结束语

希望本研究能让高校外语学习者正视文化差异,建立现实的和正面的外语学习期望，让高校外语学习者掌握一定的跨文化知识，习得一定的跨文化沟通技巧，来提高自己的跨文化能力，即：跨文化沟通与交际能力、跨文化职业能力和跨文化领导力等。

Список литературы

1. 吴卫平.中国大学生跨文化能力综合评价研究[D].华中科技大学, 2013 (12)
2. 于建坤.中俄合作模式下的俄语教学的现状和未来发展前[J].考试与评价,2016 (10) .

Шаркова П.

Московский государственный областной университет (Москва)

Особенности вербализации концептосферы «drinks» в англоязычной картине мира

Аннотация. В статье описываются особенности вербализации концептосферы «напитки» в англоязычной картине мира. Автор представляет структурную и семантическую классификации языковых единиц рассматриваемой концептосферы. Внимание уделяется языковым реалиям – наименованиям напитков, в состав которых входят антропонимы и топонимы, фразеологическим единицам с компонентом-зоонимом, характеризующим человека, употребляющего напитки, и его поведение.

Ключевые слова: напиток, концептосфера, лингвокультурный концепт, структура, значение.

P. Sharkova

Moscow Region State University (Moscow)

Objectification of the conceptual sphere of “drinks” in the English language worldview

Abstract. The paper considers the objectification of the conceptual sphere of “drinks” in the English language worldview. The structural and semantic classification of the linguistic units belonging to the conceptual sphere under consideration is presented. Special attention is given to the language culture-specific words – names of beverages, which include anthroponyms and toponyms, as well as phraseological units with a zoonym component that characterizes a person who drinks beverages and his behavior.

Keywords: drink, conceptual sphere, linguo-cultural concept, structure, meaning.

Представления о культуре употребления напитков относятся к наиболее распространенным представлениям о быте человека. В силу своей этнокультурной специфичности концептосфера “drinks” получает неодинаковую трактовку в контекстах различных культур. Настоящее исследование посвящено установлению специфических черт названной концептосферы в английском языке.

Понятие «концептосфера» трактуется как «свод знаний, который состоит из концептов, обобщающий различные знания внешнего мира, организующий мыслительные картины, схемы, символы, понятия, фреймы, сценарии, гештальты (сложные комплексные образы внешнего мира), пропозиции, когнитемы, существующий в виде абстрактных значений» [3, с. 226].

Согласно определению Д.С. Лихачева, «концептосфера – это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка [2, с. 5].

По мнению Н.А. Козько, «в концептосфере «напитки» реализуются универсальные и национально-специфические характеристики, присутствующие во всех вариантах английского языка, которые позволяют считать ее составляющие лингвокультурными концептами» [1, с. 5].

Выбранная нами для исследования концептосфера “drinks” актуальна для англоязычной культуры, вследствие чего она представлена в английском языке значительным количеством лексических и фразеологических единиц.

Русской лексической единице «напиток» соответствуют английские единицы “drink” и “beverage”. Разница между ними заключается в том, что «drink» относится к пласту общеупотребительной лексики, а “beverage” – к пласту формальной лексики. Сравним: «*I had a few drinks with my friends*» и «*Prices for alcohol beverages and tobacco products increased by 9.1 %*».

Один и тот же напиток может получать различные номинации, например, *sparkling water* и *soda* в значении «газированная вода». Разница заключается в том, что *sparkling water* – это любая газированная вода, а *soda* – это ароматизированная газированная вода.

Существует целый ряд номинаций для пива: *lager* – светлое пиво с бóльшим, чем в “bitter”, содержанием углекислоты; *bitter* – светлое пиво, крепкое, с горьковатым вкусом (в этом сорте пива высокое содержание алкоголя); *stout* – темное и плотное (из чего и следует его названия) пиво из солода.

Лексема *“beer”* входит в состав большого количества идиоматических выражений. Например: *small beer* имеет сразу три значения: слабое пиво; пустяки; ничтожный человек; *to think no small beer of oneself* – быть высокого мнения о себе; *beer and skittles* – праздные развлечения, забавы; *beer chaser* – «прицеп», то есть «кружка пива вслед за виски»; *beer goggles* – (в шутливой форме) состояние алкогольного опьянения мужчины, при котором все представительницы прекрасного пола кажутся ему привлекательными; *be in beer* – опьянеть; *beer money* – чаевые; *beer belly* – «пивное брюшко», определенная степень ожирения человека (не связана с употреблением пива); *beer tears* – «пивные слезы», состояние алкогольного опьянения человека, при котором он начинает себя жалеть, плакаться о своей неудавшейся жизни окружающим; *beer garden* – (букв., «пивной сад») – сад при пабе, в котором летом при хорошей погоде посетители могут выпить пива.

Этимологически, лексема *ale* – «эль, пиво» восходит к древнеанглийскому «*ealu*» и имеет вариант «*alo*» в старо-саксонском и «*öl*» в древнескандинавском. В значении единицы помимо семы «напиток» выделяются семы «волшебство; одержимость; опьянение» [5]. Эль имеет много разновидностей: *brown ale* (эль, коричнево-красного цвета, приправленный поджаренным и карамельным солодом), *cask ale* (бочковой фильтрованный эль, созревает в дубовых бочках), *Irish red ale* (практически красного цвета, насыщенный, сладковатый и маслянистый эль), *English strong ale*, или *old ale*, или *dark ale* (эль с горьким вкусом; в основном подается в провинциях).

Названия соков включают слово *juice*, а перед ним обязательно ставится название фрукта, из которого этот сок выжат. Например, *orange juice* – апельсиновый сок, *grape juice* – виноградный сок, *tomato juice* – томатный сок и т.д. Если сок содержит мякоть, то название изменяется, например, яблочный сок с мякотью будет звучать так *liquid apples*.

Самым популярным напитком первых американских поселенцев был *posset* – («поссет») напиток, состоящий из горячего молока, вина, эля или других спиртных напитков, часто с добавлением пряностей и сахара. Так как «*posset*» готовился из тех ингредиентов, которые были в наличии, различные сочетания ингредиентов дали названия разным напиткам: *tum* – крепкий эль или пиво; *perry* – грушевый сидр; *switchel* – напиток из патоки и воды (иногда с добавлением уксуса, рома и имбиря); *metheglin* – мед, приправленный специями (часто называют медовухой); *eggpop* –

напиток из взбитых яиц с сахаром, ромом или вином (гоголь-моголь); *cherry bounce* – бренди с сахаром; вишневая наливка; вишневый ликер (синоним: «*cherry brandy*»).

Концептосфера “drinks” вербализуется посредством существительных, прилагательных и глаголов. Прилагательные, как правило, обозначают качества того или иного напитка. Например, чай может различаться по: крепости – *strong tea*; цвету – *green tea*; по месту сбора чайного листа – *Indian tea*; по составу, ингредиентам, из которых состоит чай – *chamomile tea*.

К слову «wine» относятся прилагательные, которые можно разделить на несколько групп: по используемому соку: *grape wine*; по цвету: *pluck*; по содержанию сахара и этилового спирта: *sweet wine*. Отдельно следует выделять высококачественные вина, которые имеют свой собственный набор определений. Например, *vintage* или *check wine* – это марочное вино очень высокого качества.

К глаголам, вербализующим концептосферу «напитки», относятся: *to drink* – пить; *to sip* – пить маленькими глотками; *to gulp* – пить большими глотками; *to savour* – смаковать; *to slake one's thirst with* – утолять жажду чем-либо; *to lap up* – лакать; *to taste* – пробовать; *to sup* – отхлебывать; *to swallow* – глотать; *to booze* – пьянствовать; *to swill down* – жадно пить, лакать; *to quaff down to/into* – допиваться до какого-либо состояния; *to imbibe* – пить, употреблять алкоголь (используется в шуточной форме); *to water down* – разбавлять.

Стоит отметить, что в английском языке слово «drunk» («пьяный») имеет большое количество синонимов: *drunken* – пьяный, напившийся, захмелевший (общеупотр.); *inebriate* – опьяневший, пьяный (книжн.); *pissed* – пьяный, напившийся (вульгарн.); *screwed* – пьяный, подвыпивший (разг.); *pixilated* – пьяный (разг.); *tipsy* – подвыпивший (разг.); *intoxicated* – находящийся в состоянии алкогольного опьянения (общеупотр.); *boozy* – пьяный, напившийся (разг.); *shot away* – подвыпивший, пьяный (разг.).

К концептосфере “drinks” стоит отнести и наименования посуды, в которой хранится, подается и распивается тот или иной напиток. Наиболее распространенными являются: (*wine*) *glass* – бокал с ножкой; *bucket* – ведро; *decanter*, *carafe* – графин; *water-bottle* – графин только для воды; *scoop*, *dipper*, *ladle* – ковш; *mug* – кружка; *tankard* – большая оловянная или серебряная кружка; *noggin* – маленькая кружка; *goblet* – кубок; *tea bowl* –

пиала (для чая); *horn* - рог; *liqueur glass* - ликерная рюмка; *balloon glass* – коньячная рюмка; *pony* - рюмка бренди; *glass* - стакан; *cup* – чашка.

Для проведения исследования нами взята за основу классификация концептосфер, предложенная Л.Т. Ягофаровой. Согласно этой классификации, в структуре концепта выделяется ядро и периферия: «Ядро, являясь смысловым эпицентром концептосферы, включает в себя доминанты концептов моды» [4, с. 214]. В свою очередь, ядро делится на два уровня: первый уровень – наиболее повторяющиеся доминанты, второй уровень – менее частотные доминанты. Периферию концептосферы «напитки» составляют «косвенные для концепта понятия» [4, с. 214].

К ядру концептосферы “drinks” мы относим лексемы *drink*, *liquid*, *alcohol*, *to drink*. Ближнюю периферию составили единицы, обозначающие действия, которые можно совершать с напитками; разновидности напитков; определения, относящиеся к состоянию человека после употребления спиртных напитков; посуда для употребления напитков. Дальняя периферия представлена фразеологическими единицами, например: *to stew in one's own juice* – разг. вариться в собственном соку; *coffee break* – перерыв в рабочее время; *to be one's cup of tea* – нравиться кому-либо; *the milk of human kindness* – “бальзам добродушия” (ирон.), сострадание, человечность; *to chronicle small beer* – заниматься пустяками; и паремиологическими единицами, к примеру: *Soft fire makes sweet malt* – (досл. Слабый огонь варит сладкий солод) ласковое слово не трудно, а спор; *tastes differ* – о вкусах не спорят, *Drunkenness reveals what soberness conceals* – трезвого дума, да пьяного речь. В количественном выражении концептосфера “drinks” представлена 229 единицами.

Структурно, простых лексем, вербализующих концептосферу «drinks» гораздо больше, чем лексем – представителей других групп. В основном, простые лексемы – это названия напитков, а также односложные глаголы. К производным лексемам относятся прилагательные, характеризующие состояния человека после употребления алкогольного напитка. Сложные (*near-beer* – безалкогольное пиво), сложно-производные (*widowmaker* – крепкий алкогольный напиток), сокращенные (*fizz* – шампанское или газированная вода) и сложно-сокращенные лексемы (*cream-caf* – кофе со сливками) отражаются в наименовании напитков.

Проведенный анализ показал, что фразеологических сращений, представляющих концептосферу «напитки» значительно больше, чем

фразеологических единств и фразеологических сочетаний (*cut the dust* – пить спиртное – фразеологическое сращение; *dry horrors* – белая горячка – фразеологическое единство; *to be in beer* – быть выпивши – фразеологическое сочетание). Это объясняется тем, что большинство фразеологических единиц, репрезентирующих концептосферу “drinks”, относятся к полностью переосмысленным, немотивированным, в основном это названия напитков и фразеологизмы, связанные с манерой употребления того или иного напитка. Изученные структурные особенности фразеологических единиц, представляющих концептосферу «напитки», дают нам право утверждать, что количество двухвершинных фразеологизмов больше, чем одновершинных и многовершинных, т.к. фразеологические репрезентанты рассматриваемой концептосферы – это, в основном, единицы, связанные с наименованиями напитков и обозначениями действий с напитками, состоящими из комбинации двух знаменательных слов (*to drink up* – выпить до дна – одновершинный фразеологизм; *to kill the bottle* – напиться до чертиков, *small beer* – пустяки – двухвершинные фразеологизмы; *the hair of the dog (that bit you)* – немного алкоголя, чтобы снять похмелье – многовершинный фразеологизм).

В концептосфере “drinks” присутствуют лексемы и фразеологизмы с зоонимическими компонентами, хотя они не многочисленны. Примерами служат: *to be swine-drunk* – напиться как свинья; *to see snake* – напиться до чертиков/до зеленого змия; *to be squiffy* – быть под мухой; *sheep-drunk* – выпивший человек, не способный правильно выражать свои мысли и при этом становящийся невероятно упрямым; *as tight as a newt* – пьяный человек, идущий куда-либо зигзагообразной походкой (похожей на походку тритона); *owled* – выпивший человек с остекленевшим взглядом (образовалось от слова «owl» – сова); *to be drunk as a skunk* – сильно пьяный (букв., «быть пьяным как скунс»).

Рассматривая топонимы, репрезентирующие концептосферу “drinks” в английском языке, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев названия напитков связаны с названиями местности, где производился напиток. Например, слова *scotch* (скотч) и *whisky* (виски), обозначают напиток, производимый в Шотландии. Таким образом, лексемы *скотч* и *виски* именуют один и тот же напиток. Слово *rum* (ром) обозначает крепкий спиртной напиток, изготавливаемый из таких ингредиентов, как патока и тростниковый сироп. Большая часть

производства была сосредоточена на Карибских островах, ром игралважную роль в культуре островов Вест-Индии, служи средством обмена и часто ассоциировался с британскими колониями, английским морским флотом и пиратством.

Список литературы

1. Козько Н. А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной картине мира: автореф. дис...канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ. 1993, № 1. С. 3–9.
3. Тентимишова А. К. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 226–230
4. Ягофарова Л. Т. Текстовая концептосфера «мода» в произведениях современной и отечественной массовой литературы. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. С. 212–215.
5. Ale // www.etymonline.com [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=ale (дата обращения: 20.10.2017).

Шевченко С.Н.

Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Особенности перевода стихотворения Уильяма Каллена Брайанта

«To a Waterfowl» на русский язык

Аннотация. В статье анализируются особенности двух вариантов перевода стихотворения американского поэта. Рассматриваются такие параметры как рифмо-ритмическая организация текста, полнота передачи образов и смыслов, качество и выраженность эмоций в создаваемом тексте, эксплицитность/имплицитность значений и чувств, поэтическая прозрачность как гармоничность языка и удовлетворение требованиям литературной эстетики. Отмечается, что на качество перевода влияет не только соответствие названным критериям, но и личность переводчика с присущими ей чертами характера.

Ключевые слова: поэтический перевод, смысл, образ, эмоция, настроение, экспрессивность, поэтическая прозрачность.

Analysis of translation versions of the poem “To a Waterfowl” by William Cullen Bryant into the Russian language

Abstract. The paper analyzes two translation versions of the poem by William Cullen Bryant. Special attention is drawn to the description of such parameters as the rhyme-rhythmic specifics of the verses, the volume of conveyed imageries and meanings, the essence and expressiveness of emotions embodied in the text, the explicitness/implicitness of ideas and feelings, and the poetic transparency as the harmony of language and its aesthetic value. It is shown that the quality of translation is determined by both the fulfillment of the above criteria and by the personality of the translator who has certain individual traits.

Keywords: poetry translation, sense, imagery, emotion, mood, expressiveness, poetic transparency.

Перевод стихотворений является особым видом интерпретации с характерными только для него методами и техниками, которые обусловлены спецификой самого поэтического текста, его содержательно-смысловой и структурной организацией.

Важный параметр, на который необходимо опираться при переводе лирического произведения, – рифмо-ритмическая организация. Она в первую очередь попадает в поле зрения в процессе анализа рассматриваемых версий перевода.

Поэтический текст связан с функционированием сложной системы образов и смыслов. Содержание его многопланово, в нем обнаруживаются эксплицитные и имплицитные компоненты. Многомерность и многоуровневость содержания связана с фактуальной информацией; с системой специфических образов, приращенных индивидуальными ассоциациями; со стилистическими особенностями; скрытыми идеями или моралью. Достаточно сложно расставить смысловые акценты, приоритеты тех или иных текстовых значений, определить, какие элементы играют ведущую роль, а какие образы и смыслы находятся в их подчинении. Поэтому еще одним важным параметром при изучении версий перевода для нас является 1) полнота передачи образов и 2) выделенность/скрытость тех или иных смыслов в переводных вариантах.

М.М. Бахтин указывал на неразложимую целостность смысла, его неделимость, когда общее значение не выводится из суммы значений отдельных слов. То есть первоочередное внимание при интерпретации стихотворений уделяется не переводу лексических единиц на другой язык, а трансляции образов и идей. С другой стороны, смыслы, являясь

категорией человеческой психики, глубоко индивидуальны, полная тождественность часто недостижима. Причина не только в разном системно-структурном строении языка-оригинала и языка-перевода, но и в наличии личной значимости как психологического компонента.

Цели, которые решает поэтический текст, существенно отличаются от целей, стоящих перед другими видами текстов, что необходимо учитывать, анализируя переводческие интерпретации. Если для прочих разновидностей дискурса главной задачей, как правило, является передача информации, желательна более точная, то в лирических произведениях важность фактической информации отходит на второй план, уступая ведущую роль вербальной репрезентации чувств, настроений, эстетических переживаний и оценок. Поэзия только косвенно обращена к внешнему миру, центральное место, хотя часто и не явно, в ней занимает человек со своим уникальным внутренним миром. По мнению В.И. Шаховского, эмоции являются ядром личности и могут рассматриваться в качестве «мотивационной и когнитивной базы языка». Переживания неотъемлемо сопровождают любую ментальную деятельность человека, а в случае с лирическим мышлением превращаются в смысловую доминанту. Поэтому третий параметр, на котором мы основываемся при анализе различных вариантов поэтического перевода – сохранение в новом языке эмоциональных характеристик и настроения, присущих варианту оригинала. Данный параметр, нечасто попадающий в поле зрения при анализе перевода поэтических произведений, представляется нам очень важным.

Другая цель, которая стоит перед лирическим текстом и имеет большое значение – соответствие созданного произведения нормам языка (прозрачность), более того, соответствие эстетическим требованиям стройности, красоты и гармонии языка (поэтическая прозрачность). Она достигается при помощи использования подходящих для данного случая языковых красок – поэтической лексики, благозвучных, понятных, легко воспринимающихся языковых конструкций. Поэтому еще одним параметром, на основе которого проводится оценка перевода, является эстетическая ценность нового языкового продукта.

В данной статье мы рассматриваем особенности двух версий перевода стихотворения У.К. Брайанта «To a Waterfowl». Первый вариант принадлежит перу известного переводчика М. Зенкевича, второй – наш собственный.

К ПЕРЕЛЕТНОЙ ПТИЦЕ

М. Зенкевич

Куда путем крылатым
В росистой мгле сквозь розовую тишь
По небу, озаренному закатом,
Далеко ты летишь?

Напрасно взгляд упорный
Охотника, нацелившись с земли,
Следит, как по багрянцу точкой черной
Мелькаешь ты вдали.

Где ищешь ты приюта –
У озера, иль речки голубой,
Иль у гранитных скал, где бьется люто
Бушующий прибой?

Неведомая сила
Не сбиться с одинокого пути
В пустыне беспредельной научила
Тебя, чтобы спасти.

Весь день холодный воздух
Взбивали крылья мощные твои,
И не спустилась ты при первых звездах
На отдых в забыты.

Закат исходит кровью,
Но к дальней цели ты летишь спеша,
Чтоб там найти надежное гнездовье
В затишьи камыша.

Проглоченная бездной,
Исчезла ты, но все ж на долгий срок
Успела дать душе моей полезный
И памятный урок.

Тот, кто пред тьмой направит
К пристанищу чрез бездну твой полет, –
Меня в пути суровом не оставит
И к цели приведет.

К ПЕРЕЛЕТНОЙ ПТИЦЕ

С. Шевченко

Куда в розовеющей мгле
Росистой вечерней порой
Свой путь в золотой вышине
Ты держишь над тихой землей?

Напрасно охотника глаз
Следит за полетом твоим -
Летишь в багровеющий час
Путем одиноким своим.

Где хочешь приют обрести,
В какие стремишься края:
В спокойную ль заводь реки,
Или к камышам у ручья?

Пусть в этих просторах безбрежных
Непросто дорогу найти,
Но тайная сила прилежно
Тебя направляет в пути.

Весь день перелет совершая,
Не спустишься вниз отдохнуть,
И крыльями воздух взбивая,
Ты все продолжаешь свой путь.

Не будет усердье напрасным –
Гнездовье однажды найдешь,
В озерах далеких прекрасных
Со стаей покоя обретешь.

Ты точкою долго парила,
Но скрылась из глаз в вышине
Надежду душе подарила,
Оставив послание мне

О том, кто тебе помогает
Свершать одинокий полет,
Чья помощь в пути направляет
И к цели меня приведет.

Проблему для переводчика представляет уже само название: *Waterfowl* – водоплавающая птица. Согласно принципам часто используемой тактики – как можно более точно транслировать лексические значения – заголовок должен звучать: «К водоплавающей птице». Однако данное название, *во-первых*, не вполне точно передает смысловое содержание всего стихотворения (по тексту птица не плавает, а летит), *во-вторых*, при переводе стихотворных произведений нельзя игнорировать эстетический критерий прозрачности. Вариант заголовка «К перелетной птице» в большей мере удовлетворяет обозначенным требованиям.

Что касается структурной организации ткани стихотворения, то здесь можно отметить следующее. Оно состоит из восьми четверостиший с перекрестной рифмой. Количество стоп значительно варьируется в разных строках. Первая и четвертая строка в оригинале имеют три стопы, вторая и третья показывают неустойчивый ритм, имея четыре – пять стоп.

В обоих рассматриваемых вариантах перевода сохранена рифма и рисунок рифмы – перекрестный. Подход к передаче ритма у переводчиков разный. Перевод М. Зенкевича гораздо ближе к оригинальной ритмической организации, в то время как в нашем варианте ритм правильный, ровный, его сложный рисунок упрощен: во всех строчках четко выдерживается трехстопный рисунок. Переход к равномерному ритму сказывается на потере некоторых компонентов смысла: равномерность приводит к более спокойному характеру повествования и сдержанности в эмоциях, тогда как меняющийся ритмический рисунок передает более взволнованное состояние. Для автора и переводчика М. Зенкевича – это разрывающие душу переживания, в нашем же случае чувства носят созерцательный характер. Поэтому в части ритмической организации нового текста и создания связанного с ней настроения М. Зенкевич ближе подходит к оригиналу.

Анализируя используемые стихотворные размеры, мы замечаем, что У.К. Брайанта размер отличается неустойчивостью, это приводит к ритмической неровности изложения и придает произведению еще большую взволнованность. Поэт использует ямб, дактиль и анапест, постоянно их чередуя. Повторить ритмический рисунок в точности в ходе перевода представляется непосильной задачей, поэтому для перевода стихотворения М. Зенкевич выбирает двухсложный ямб, наш вариант основывается на трехсложном анапесте.

Обращаясь к рассмотрению транслируемых образов и скрытых смыслов, необходимо отметить, что главный смысловой акцент находится в последнем четверостишье. Центральная идея – помощь высших сил во всех трудных жизненных ситуациях – читается в первом варианте перевода более отчетливо, во втором варианте перевода она просматривается не так ясно, менее эксплицитно, читатель вынужден делать некоторое усилие для ее осознания.

В ходе анализа полноты и точности передачи образов в переводе мы не акцентировали внимание на полной семантической эквивалентности употребляемых слов, поскольку разная типология языков зачастую предполагает разную коннотацию, в то время как исходный смысл может полнее передаваться с помощью синонимичных средств: других слов и выражений с тем же значением. Поэтому синонимичные слова и выражения рассматриваются как аналоги оригинала.

В обоих вариантах перевода образы в целом сохранены, хотя добиться этого непросто при переводе с английского языка на русский, когда из-за значительной разницы в средней длине слова в заданную ритмическую ткань очень сложно вписать всю изначально имеющуюся в английской версии информацию. Возможно по этой причине, во втором варианте перевода не воспроизведен образ «волн, бьющихся о скалы», присутствующий в третьем четверостишье автора. В то же время обнаруживается переводческое добавление в первом варианте перевода «закат исходит кровью» (шестое четверостишье), отсутствующее в версии оригинала.

Сравнивая наполненность переводных текстов эмоциями, мы отмечаем значительные расхождения, связанные как с выражением разных оттенков переживаний, так и со степенью их проявленности. Стихотворение М.Зенкевича драматично и экспрессивно, о чем свидетельствуют выражения, содержащие многочисленные эмоционально маркированные слова: «*бьется люто бушующий* прибой», «пустыня *беспредельная*», «*холодный* воздух», «*крылья мощные*», «закат исходит *кровью*», «*проглоченная бездной*», «перед *тьмой*», «*путь суровый*», «взгляд *упорный*». Использование данной лексики с мрачным и тяжелым эмоциональным содержанием сказывается на общем настроении стихотворения, делая его достаточно печальным.

Во втором варианте перевода из мрачных эмотивов дважды встречается только слово «одинокий». Лексика, связанная с выражением

эмоций, здесь употреблена преимущественно светлая: «в золотой вышине», «тихая земля», «спокойная заводь реки», «тайная сила прилежно направляет», «далекие прекрасные озера», «надежду душе подарила», «покой», «помощь». Несмотря на наличие сходств в передаче фактической информации и основных образов в двух вариантах перевода, выявляются значительные расхождения в использовании эмотивных языковых средств, в создании эмоциональной атмосферы и настроения, в обозначении душевных переживаний и в выборе степени экспрессии. Что касается точности воссоздания эмоционального фона оригинала, то первый вариант перевода звучит несколько драматичнее, в то время как второй значительно спокойнее в эмоциональном плане, умиротвореннее и оптимистичнее, чем текст оригинала.

Последний параметр, который мы анализируем – решение эстетических задач поэтического текста, соответствие использованных языковых форм целям передачи красоты языка (поэтическая прозрачность). Ни в первом, ни во втором вариантах перевода не обнаруживаются засоряющие слова, которые иногда употребляются для сохранения ритмического рисунка, типа «уж», «лишь», «вдруг», «и» и др. Но ясность, лаконичность и прозрачность языковых средств и форм более характерна для второго варианта перевода. В первом варианте отмечаются некоторые неудачные, не конвенциональные языковые конструкции: «путь крылатый», «розовая тишь», «летишь спеша», «надежное гнездовье». Кроме того, в первом четверостишье слово «далеко» синтаксически и логически совсем не согласуется со словом «куда», предпочтительнее было бы его заменить на слово или языковой оборот с другим значением. Во втором варианте синтаксические конструкции основаны на прямом последовательном изложении информации, что облегчает восприятие. В первом варианте иногда наблюдается синтаксическая инверсия, связанная с перестановкой и переакцентировкой смысловых компонентов, что нарушает логику постепенного развертывания высказывания. Особенно это выражено в четвертом четверостишье. Такое изложение затрудняет восприятие общей структуры и снижает эстетическую ценность конкретного речевого отрезка, что сказывается на качестве поэтического текста.

Также следует отметить отсутствие строфических анжамбеманов (расхождений границ строфы с синтаксическим делением текста) во втором варианте перевода и их наличие – в первом. Хотя анжамбеманы

усложняют восприятие текста, они выполняют и выразительную функцию в романтической поэзии – добавляют экспрессивность и драматизм.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы. Успешность поэтического перевода определяется многими факторами. Оценка качества перевода затруднена по причине того, что 1) переводчику трудно удовлетворить всем требованиям поэтического перевода, 2) на новом тексте неизбежно отражается личность переводчика с особенностями его характера и мировоззрения. Поэтому каждая версия имеет как достоинства, так и недостатки. Достоинства перевода М. Зенкевича состоят в достаточно точной трансляции ритмического рисунка, отсутствии опущений в передачи образного содержания. Вместе с тем, переводчик несколько усиливает экспрессивность языка, добавляя мрачные краски. Недостатком можно считать некоторые языковые погрешности, снижающие поэтическую прозрачность стихотворного произведения. Предложенный нами вариант, наоборот, написан лаконичным гармоничным языком, отвечает требованиям эстетики поэзии, но, в то же время, изначально сложный ритмический рисунок упрощен, образы переданы менее полно. Меняется эмоциональный фон – стихотворение носит спокойный созерцательный характер, акцентируются позитивные переживания, присутствует выраженный оптимизм, являющийся, в свою очередь, главной несколько завуалированной идеей, которую автор хочет донести читателям.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: Инъяз- издат, 2006. 543 с.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
4. Bryant W. C. To a Waterfowl. [electr. resource]: www.poemhunter.com/poem/to-a-waterfowl.

Шишони́на Н.В.

Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Использование литературных текстов при формировании межкультурной компетенции

Аннотация. Статья посвящена формированию межкультурной компетенции в процессе обучения языку. Указывается, что межкультурная компетенция опирается на комплекс знаний о культуре страны, язык которой изучается.

Ключевые слова: образование, культурная компетенция, развитие культурной компетенции, иностранный язык, культурный диалог, страноведение.

N. Shishonina

Pyatigorsk State University (Pyatigorsk)

Use of literary texts in the formation of intercultural competence

Abstract. The paper examines the formation of intercultural competence in the language learning process. It is shown that the intercultural competence is based on the knowledge of the culture of the country whose language is being studied.

Keywords: education, cultural competence, developing cultural competence, foreign language, cultural dialogue, cultural studies.

В настоящее время цель обучения языку формулируется как подготовка к реальной межкультурной коммуникации, которая трактуется отечественными лингводидактами как совокупность специфических процессов взаимодействия партнеров по общению, принадлежащих к разным лингвоэтнокультурным сообществам. Процесс становления способности к межкультурной коммуникации осуществляется в учебных условиях во взаимосвязи, *во-первых*, освоения учащимися иноязычного кода (развития, речевого опыта) и, *во-вторых*, развития его культурного опыта, в составе которого можно вычленить отношение индивидуума к себе, к миру, а также его опыт творческой деятельности. Таким образом, формирование межкультурной компетенции – одна из важнейших задач обучения языку [2, с. 47]. В условиях обучения иностранному языку знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит на всех языковых дисциплинах.

На традиционных занятиях по иностранному языку передаются сведения и факты страны изучаемого языка. Однако, страноведение должно охватывать больше, чем простую передачу фактов. Речь идет о том, чтобы увидеть и понять исторические, политические и социальные взаимосвязи, мысли, действия и восприятие людей изучаемой культуры, поэтому страноведческие знания должны передаваться в интеграции с другими практическими дисциплинами. Использование литературных

текстов на занятиях помогает решить эту задачу, поскольку они содержат различную страноведческую информацию. Обучающийся через литературу может узнать, как думают люди изучаемой культуры, какие проблемы они имеют, о чем они мечтают, и как политические или социальные отношения эти мечты воплощают, или им препятствуют.

Иногда ситуация произведения, проблемы в нем представленные становятся только тогда понятными, когда вовлекается широкий исторический и политический контекст. Таким образом, литературные тексты предполагают у будущего бакалавра предварительное страноведческое знание (социокультурный фон), которым, обладает не каждый. Если такое знание у студента отсутствует, то оно должно быть предъявлено на занятии. Для этого, помимо литературных текстов, необходимы и другие источники (предметные тексты, словари, справочники), из которых можно почерпнуть необходимую информацию. Итак, литературные тексты знакомят с чужой культурой. При этом содержание текста всегда представлено с определенной точки зрения – это может быть перспектива персонажа или перспектива автора. Литературные тексты не просто отражают действительность, они имеют свои собственные правила организации текста. При этом и точка зрения обучающегося имеет значение, ведь фигуры и события воспринимаются им на фоне личных знаний, ожиданий, воспоминаний. Один и тот же текст читается и понимается по-разному. Носитель языка читает по-другому, нежели иноязычный читатель, да и внутри культурного пространства имеется различное прочтение и точка зрения на одни и те же события. Здесь оказывает влияние личный опыт, знание о том, что и как читается, понимается, т.е. при чтении важнее только когнитивный, но и эмоциональный компонент. В зависимости от того, каким социокультурным фоном обладает читатель, проблемы и переживания героев для него вплетены в целый клубок эмоций, так что к объективному значению присоединяется субъективное [1, с. 132]. Даже если при чтении трудно разделить эти оба компонента, их различение важно для дидактики. Литературные тексты могут многое оставлять открытым, быть многозначными.

Эта открытость, незавершенность текста побуждает обучающегося к построению смысловых взаимосвязей, в чем также заключается эффект. Понимание литературных текстов это пошаговое приближение к чужой перспективе. Чтение – это сравнение между тем, что студент приносит из

собственного культурного знания, и тем, что текст предъявляет из своей культуры. Можно сказать, что чтение это интерактивное отношение между текстом и читателем. Обучающийся должен понять внеязыковые фактические взаимосвязи и соединить это с конкретными фигурами, ситуациями и событиями текста, так чтобы они стали понятными. Таким образом, литературные тексты предлагают широкие возможности мотивировки и заинтересованности. Резюмируя, назовем следующие основания для работы с литературными текстами:

1. Литературные тексты затрагивают студентов не только когнитивно, но и эмоционально.
2. Литературные тексты не однозначны, побуждают к размышлению.
3. Литературные тексты содержат страноведческую информацию и помогают лучше понять культуру чужой страны.
4. Литературные тексты дают возможность разнообразить формы проведения занятия.

При непосредственном отборе литературных текстов для занятия следует учитывать следующие дидактические факторы:

- будет ли текст интересным, в том числе в страноведческом плане;
- имеются ли у студентов требуемые социокультурные фоновые знания (если «да», то, как их можно активизировать; если «нет», то, как эти знания можно предоставить);
- может ли содержание текста быть присоединено к знакомым ситуациям, опыту будущего бакалавра;
- не будет ли текст слишком сложным в языковом и содержательном плане;
- имеет ли текст воспитательный потенциал;
- сможет ли текст побудить обучающихся к поиску нового знания.

Принцип межкультурного обучения делает возможным интенсивное и критическое изучение актуальных страноведческих тем, поэтому особое внимание следует уделить отбору тем [2, с.186]. С этим связана определенная сложность, ведь культура страны изучаемого языка охватывает целую палитру значимых компонентов, не все из которых имеют смысл для изучения иностранного языка и могут быть обсуждены на занятии. Тем самым возникает вопрос, какие темы релевантны для учебного занятия. Выбор страноведческих тем зависит от многих факторов: с одной стороны, от того, насколько важна и типична тема, но с другой стороны, от существующего учебного контекста – от интересов,

возраста, уровня обученности целевой группы, от цели занятия. Поэтому можно рекомендовать проработку определенных тематических модулей, таких как, например, молодежь, окружающая среда, политические изменения, мигранты и т.п. Как отмечалось выше, при работе над какой-либо страноведческой темой одних литературных текстов недостаточно, они должны быть дополнены предметными текстами, научной информацией, а может, и учебным фильмом, чтобы обучающиеся получили соответствующие фоновые знания. Это важно и с психологической точки зрения, поскольку соответствует различному стилю учения: одним мало интересна художественная литература, другие скучают при чтении предметных текстов, третьи реагируют, прежде всего, на визуальный ряд. Кроме того, важен деятельностно-ориентированный подход к текстам, при котором обучающиеся что-то делают с текстом: трансформируют текст, дописывают его до конца, принимают перспективу какого-либо персонажа и обдумывают, что бы сам сделал в данной ситуации или как бы почувствовал себя в ней, пишут дневник или письмо, сочиняют диалог и разыгрывают его и т.п. [3, с. 529].

Литературные тексты широко используются на занятиях, поскольку именно литература и язык развивает интерес студентов к истории и культуре, формирует толерантное отношение к представителям другой нации и культуры, и в конечном итоге, углубляет страноведческие и культурологические знания обучающихся. В рамках языковых дисциплин успешно применяется концепция межкультурного обучения. Для этого из различных источников нужно выбрать предложения или части предложений, даже отдельные слова, которые представляются интересными, информативными, вырезать их, положить на бумагу. Затем следует скомбинировать эти отдельные части заново так, чтобы получился новый текст, в котором строчки из разных контекстов соединяются. Вероятно, нужно придумать логичные смысловые переходы, чтобы соединить эти строки.

В заключение нужно придать форму всему тексту, наклеить его на бумагу, озаглавить и повесить на доску. Для подобного «монтажа» потребуются страницы из журналов, рекламных проспектов, брошюр. Уровень сложности задания можно регулировать для каждой рабочей группы. Конечно, в такой технике работать довольно сложно, хотя и увлекательно. Подобные задания всегда вызывают большой интерес у

студентов, желание найти необходимую информацию, воплотить новые идеи.

Таким образом, в результате творческой работы достигается главная задача обучения языку – формирование межкультурной компетенции.

Список литературы

1. Клычникова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке / З. И.Клычникова. Пособие для учителя. М., 2003. 207с.
2. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация/ С. Г.Тер-Минасова //Программы теоретических курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров: по специальности «Английский язык». М., 2008. 264с.
3. Шишоница Н. В. Развитие межкультурной коммуникации на занятиях по иностранному языку. // В сборнике: Образование. Наука. Культура Материалы VII Международной научно-практической конференции: сборник научных статей. Под общей редакцией профессора Б. В. Илькевича. Ответственный редактор Н. В. Соловьева. 2015. С. 529–530.

Шульгина Е.Д., Сахарова Н.Г.

Московский государственный областной университет (Москва)

Современное понимание идеи любви

(на материале поэтического творчества Э. К. Ширана)

Аннотация. В данной статье проводится лексико-стилистическое исследование темы любви на материале текстов песен современного соул-поэта Эдварда Кристофера Ширана (Edward Christopher Sheeran). Тема мало изучена. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, поэтического языка, поэтики.

Ключевые слова: любовная лирика, лексико-стилистические средства, поэтический язык.

E. Shulgina, N. Sakharova

Moscow Region State University (Moscow)

The modern view of the idea of love

(based on the texts of E.Ch. Sheeran's poetic works)

Abstract. The paper is devoted to the lexical and stylistic study of love and its expression in the lyrics of modern soul-poet Edward Christopher Sheeran. The subject is scarcely studied. The obtained results can be used in theory of text and poetic language, poetic diction.

Keywords: love lyrics, lexicostylistic devices, poetic language.

Лирика, или лирическая поэзия (от греч. *Λυρικός* – «исполняемый под звуки лиры, чувствительный, лирный»), – «род литературы, воспроизводящий субъективное личное чувство или настроение автора. Для этого жанра» [1].

Под лирикой понимают также переживание, которое может быть испытано каждым.

Эти переживания выражены особым поэтическим языком, т.е. наделённым определенным экспрессивным качеством, выраженным в использовании специальных форм слов [3, с. 388–393]. К поэтическому языку относятся не только лексико-стилистические средства, но и слова. Традиционно поэты прошлого использовали поэтизмы и «заумные слова» [8], в то время как современные поэты стремятся к упрощению языка [8].

Одним из представителей «нового языка любви» является Эдвард Кристофер Ширан – известный как Эд Ширан [2] – молодой поэт в жанрах фолк [5] и соул [4], чья любовная лирика пронизана невероятной чувственностью и нежностью, озорством. И вместе с тем её поэтический язык – прост и незатейлив.

В наше время всё меньше создаётся героических эпосов и баллад, и всё больше – любовной лирики. Раньше этот жанр был наполнен эпитетами, метафорами, множеством синонимов и пр., то сейчас тексты становятся более реалистичными, близкими к жизни и понятными каждому [8].

Среди такого рода произведений Э. К. Ширана, посвящённых любви между юношей и девушкой, одно из первых мест занимает композиция «Little Things» [6] («Мелочи»). Данная песня наиболее ярко отражает тяготение современных поэтов к разговорной лексике и значительному уменьшению количества лексико-стилистических приёмов. Здесь главный акцент ставится на содержании: свою симпатию к девушке автор выражает не в типичных для классической любовной лирики метафорах («Вечная женственность», «Заря» [9]), эпитетах («ароматные слезы», «бездонные глаза» [9]), а с помощью перечисления тех качеств характера возлюбленной, особенностей внешности и поведения, которые являются наиболее привлекательными для него: “the freckles on your cheeks” [6] (веснушки на твоих щеках), “you can’t go to bed without cup of tea” [6] (ты не можешь пойти спать без чашки чая), “you talk in your sleep” [6] (ты говоришь во сне), “you still have to squeeze into your jeans” [6] (ты все ещё втискиваешься в свои джинсы). Простая, с точки зрения лексики и

стилистики, фраза “But you’re perfect to me” [6] (но ты идеальна для меня) лаконично отражает суть всего произведения. Важную роль в стихотворении играет непосредственное обращение к героине, а не повествование о ней (как это было принято раньше) – подобный приём придаёт интимный характер лирике.

Тем же способом выражается другая любовь – любовь к матери. Как и в «Мелочах», поэт практически не использует лексико-стилистических средств окраски речи, делая акцент на содержании текста. Лирический герой совершает обычные повседневные действия: “I threw the day old tea from the cup” [6] (я вылил вчерашний чай из чашки), “fluffed the pillows, made the beds, stacked the chairs up, folded your nightgowns neatly in a case” [6] (взбил подушки, заправил кровати, задвинул стулья и аккуратно сложил твои ночные сорочки) [6]. Однако одна фраза придает им особое значение и весь текст сразу обретает иной смысл: “You were an angel in the shape of my mom” [6] (Ты была ангелом в облике моей мамы).

Песня “Supermarket flower” [6] («Дешевые цветы») – о смерти, о потере близкого любимого человека. Герой пытается скрыться от боли за повседневными заботами. Обыденная лексика, присутствующая в активном словаре каждого человека, в данном случае только усиливает эмоциональный настрой стихотворения, т.к. полностью отражает поведение большинства людей в подобной ситуации. В стихотворении присутствуют две линии поведения лирического героя: линия скорби, отражённая в размышлениях и воспоминаниях; и линия борьбы со скорбью при помощи повседневной рутинной работы. Общеупотребительная лексика в данном случае позволяет стихотворению возложить всю эмоциональную нагрузку на содержание без потери степени её интенсивности.

Тем не менее, современный «язык любви» не может полностью обойтись без средств выразительности. Для речи авторов современного поколения характерна простота, но не бедность изложения.

В строчке из песни “She” [6] («Она») – “She’s endless to me. She’s just like paperwork, But harder to read” [6] (Она бесконечна для меня. Она словно бумажная волокита, только её еще труднее понять) – отношение к девушке выражается через сравнение [7]. В данном случае словосочетание «бумажная волокита» выступает в качестве противопоставления свободе, как нечто сложное и угнетающее.

В “Blue sky” [6] («Голубое небо») – песне об ушедшей любви присутствует метафора: “If you could ever find one piece of open mind” [6] (Выражение “to open mind” является устойчивым и означает «искренне, непредвзято»; дословно: с открытым разумом), “Cause you and I were building castles in the sky” [6] («Строить воздушные замки» здесь употребляется в значении «Верить в то, чего нет на самом деле»), “You walk down on ice, you didn’t mind” («Ты идёшь по льду» синонимично с «Ты не побоялась рискнуть»).

Строчка “I hope that someday I’ll share her home” [6] («Я надеюсь однажды разделить с ней дом») из песни “Perfect” («Идеал») также метафорична: в данном случае, она употребляется в значении «создать семью».

Название песни “Thinking Out Loud” само по себе является примером устойчивого выражения («громко думать» – «мыслить вслух»).

Примечательно, что Э.К. Ширан использует лексико-стилистические средства в основном для выражения негативного отношения значительно чаще, чем для позитивного. Так, сравнение и эвфимизм (например, первая строчка из текста песни “Thinking Out Loud” – “When your legs don’t work like they used to before” [6] («Когда твои ноги перестанут ходить как раньше» – смягчает силу слова «старость») противопоставляются простым выражениям, которые используются для передачи искренних светлых чувств.

В “Fall” [6] («Осень»): “fall” – игра слов – обозначает здесь «осень» и «влюбляться». “Learning to speak with kisses on cheeks” [6] («Учимся говорить поцелуями в щёки») пример символа. Герои этой песни выражают друг другу свои глубокие чувства через этот нежный жест. Также поцелуй в щёку символизирует невинность и чистоту отношений, т.к. свойственен в основном детям.

Эдвард Кристофер Ширан – один из немногих поэтов XXI века, которые могут создавать пронизанную чувственностью и жизнью любовную лирику, при этом не перешагивая тонкую грань между ясностью и примитивностью речи.

Таким образом, на примере его произведений заметно, что количество сложных лексико-стилистических приёмов в любовной лирике сократилось. Их место заняли некоторые вошедшие в обиход тропы и общедоступная разговорная лексика. Но главным качеством является

красочность образов, которая позволяет с легкостью пережить эмоции, передаваемые словом.

Список литературы

1. Википедия [Электронный ресурс] //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лирика> (дата обращения: 3.10.2017).
2. Википедия [Электронный ресурс] //URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ширан_Эд (дата обращения: 3.10.2017).
3. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 612 с.
4. Каталог словарей и энциклопедий «Академик» [Электронный ресурс] //URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44714/СОУЛ> (дата обращения 14.10.2017).
5. Каталог словарей и энциклопедий «Академик» [Электронный ресурс] //URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/280951/ФОЛК> (дата обращения: 14.10.2017).
6. Лингво-лаборатория «Амальгама» [Электронный ресурс] //URL: <http://www.amalgama-lab.com> (дата обращения: 3.10.2017).
7. Николаев А. И. Основы литературоведения [Электронный ресурс] //URL: <https://listos.biz/филология/николаев-а-и/основы-литературоведения/лексические-средства-выразительности> (дата обращения: 15.10.2017).
8. Сахарова Н. Г. Разговорная лексика в современных английских поэтических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7, Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2016. С. 138–141.
9. Школьный отличник [Электронный ресурс] //URL: <https://soshinenie.ru/stixi-o-prekrasnoj-dame-obshhaya-karakteristika/> (дата обращения: 15.10.2017)..

Юй Шуанянь

Сианьский университет иностранных языков (Китай)

中国的俄语电化教学研究

——以西安外国语大学为例

摘要：随着科学技术的发展与进步，俄语电化教学在中国得到了迅速发展。在俄语电化教学过程中，语言实验室、智慧教室、微课、慕课等教学手段已被广泛运用。

关键词：中国；俄语电化教学；智慧教室；微课；慕课。

Xi'an International Studies University (China)

Teaching in Russian in China

Experience of Xi'an International Studies University

Abstract. In China, teaching in Russian is becoming very popular. In this teaching process, language labs, smarter classrooms, micro lessons, and MOOC are effectively used.

Keywords: China, Russian language teaching, smarter classroom, micro lesson.

随着科学技术的发展与进步，中国各个级别的教育教学机构都加强了电化教学的建设与应用，尤其在高等学校，电化教学俨然成为了重要的提升教学途径之一。

1. 俄语电化教学的基础设施

根据掌握的资料，目前在中国所有具有俄语专业的外语院校均把电化教学作为重要的辅助教学的手段，在一些综合性院校，电化教学也得到高度重视，在教学中的比重也在不断提升。俄语专业是西安外国语大学最早设立的外语专业，在不丢掉优良传统的同时，俄语专业的全体师生乐于接受先进的教学手段，利用学校提供的电化教学基础设施在电化教学方面努力探索，积极创新。

西安外国语大学拥有先进的语言实验室，俄语专业的教师充分利用学校提供的集听说对比型与视听型于一体的语言实验室，主要对学生进行听力、口语以及翻译技能的训练，提高学生语音学习、语言表达能力。

同时，俄语专业的教师也积极利用学校的同声传译实验室进行同声传译教学活动，引导学生进行同声传译尝试。具体包括交传技能教学、同传技能教学、口译专题教学、模拟同传会议等教学模式；也可进行交传技能训练、同传技能训练、交传专题训练、同传专题训练等训练模式。

2017年，西安外国语大学建立了智慧教室。从专业的角度来讲，智慧教室设备就是“能够体现物联网的三个层次（应用层、网络层、感知层），运用传感器、射频识别（RFID）等技术，使信息传感设备实时感知任何需要的信息，按照约定的协议，通过可能的网络（如基于WIFI的无线局域网、移动通信、电信网等）接入方式，把任何物品与互联网相连接，进行信息交换和通信，实现物与物、物与人的泛在链接，实现对物品的智慧化识别、跟踪、监控和管理。”[1, 02-11-

2017]简单说，智慧教室就是能够采用智能主动身份识别技术，实现教师身份识别、门禁、学生签到环节、多媒体设备、课堂疑问确认环节、提问互动环节、课堂小测试、灯管一体化智能启动和控制的教学场所。智慧教室这种新型的教育形式为俄语专业的“智慧教学”提供了保障。

2. 俄语电化教学教师的培养

西安外国语大学俄语专业的老、中、青老师积极参与俄语电化教学能力的提升与培养活动，目前已形成了以中年教师为骨干的电化教学师资队伍。

“是否恰当自如地运用电教媒体，是电教课程能否取得成功的纽带和桥梁。”[2,c.212

]俄语专业注重教师电化教学设备的恰当、有效运用，每个学期初相关教师都需要参加学校举办的相关方面的培训。同时，俄语专业也对电化教学教师的教学程序进行规范，要求各位教师需要根据课型特点、教学阶段特点、设备条件以及学生学习掌握的情况使电子教材和文字教材巧妙配合，相得益彰。其次，俄语专业教师需要确立明确的电化教学目标，具体包括：1.明确教学；2.是否真正做到了将抽象的材料形象化，利用声、色、情、景来增大教学信息容量抽象的材料形象化,利用声、色、形、景来加速学生的记忆过程，提高记忆效率，进而增大教学信息容量；3.教学过程中是否做到重点有突出，难点有突破，是否使不同水平层次的学生语言掌握与运用能力都得到了相应程度的提高。

俄语专业的教师积极参加电化教学相关方面的会议以及课题申报等活动，藉此来开拓俄语教学相关教学的视野，提高其俄语电化教学的研究能力。

3.基于网络的俄语教学设计

在西安外国语大学俄语电化教学中，网络电化教学设计主要包括以下几个方面：

3.1网络社区板块。指的是使用校园局域网数据,以教学课程为信息资源，将教师对于课程的讲解进行录制之后上传到网络上，以供学生自主学习。目前，低年级俄语口语、基础俄语、俄罗斯文学史、俄罗斯文学作品经典研读、俄语听力、俄语语法、俄语电视新闻的网络区域板块的操作均以实现。此版块设计有利于学生课下的自主学习，有利于学生对于课上的重点、难点的把握，达到电化教学巩固与促进教师口授教学内容的目的。

3.2校内FTP服务系统。俄语专业有效利用该系统，将影视、新闻、纪录片、宣传材料等声像资料传送到校园网内，为俄语语教学开辟第二课堂提供丰富的资料，营造出良好的语言环境和视觉氛围。

3.3加强微课教学建设

“微课是以单一知识点为教学内容，通过简短的视频或音频等多媒体形式记载并结合一定的学习任务而形成的一种教学资源。”[3,c.26]在教育教学中，微课所讲授的内容呈现为散点状、碎片化的形式，这些知识点，可以是教材解读、题型精讲、考点归纳；也可以是方法传授、教学经验等技能方面的知识讲解和展示。微课是课堂教学的有效补充形式，微课不仅适合于移动学习时代知识的传播、而且能够使学生集中注意力，达到深度学习的效果。

目前，俄语专业的微课设计主要在文学课程的教学方面有所突破。例如，针对俄罗斯文学中的谁之罪，怎么办这样的传统主题，教师将图书与视频资料一起上传网上，在视频资料中，教师舍弃导入环节，直接进入主

题讲授，同时设置有拓展性内容，例如引导学生思考这种文学主题产生的文化历史原因，为对相关问题感兴趣的同学提供更深层次，更广层面的启发。在今后工作中，俄语专业的微课教学将朝着完整微课资源配套设计的方向努力，将为俄语专业学生提供知识地图，即以网络图的形式将零散的知识点串联起来，为学生提供学习路径，明确指出知识点所需掌握的技能，使学生明确自己的学习任务，引导学生由浅入深进行递进式学习。每次登录进入后，学生都能在导航中看到自己的学习历程，以此回顾自己所学的知识。同时将设置测试环节，通过此环节使学生自行发现自己的薄弱之处，进而进一步修缮自己的学习计划，同时也方便于教师发现学生学习中所存在的困难以及自己经受环节中存在的有待完善之处，并适当调整自己的教学安排与内容。

不仅如此，俄语专业也对慕课（MOCC）教学产生了很大兴趣。目前已有教师在相关方面做了一些探索。

除去上述课程之外，俄语专业的精读、语法等文字化课程也配有相应的课下电化教学安排，此方面主要表现为为基于网络的语言测评形式。教师会将课堂上所讲授的知识点以ppt的形式上传到网络空间中，辅助学生巩固课堂所学知识，同时配有课后作业，学生通过网络完成作业之后，教师将进行批改。并且还可以在下次课上将优秀作业向大家展评，激励学生的学习兴趣。

4. 写作课程的局域网络教学

在俄语听说读写四项基本技能里面,写作是最难掌握的一项技能。写作能力的提升离不开大量的写作练习。在传统写作课堂上，写作活动的参与者就是各位学生以及教师本人两个方向的交流，即学生各自完成自己的写作任务，之后教师进行批改，缺少了学生之间以及教师之间当面交流的机会，因此课堂往往很严肃，缺少活力。西安外国语大学俄语专业的写作课程的设计正在朝着局域网同步俄语写作训练与讨论的方向改进。在设有计算机局域网覆盖的教室中，在取得学生的同意之后，将学生的作文同步传送到所有计算机上，随后展开计算机辅助课堂讨论。这种方法会达到良好的教学效果。学生在计算机上用俄语所写的内容变成了共享成果，可以让其他同学来分享和参与讨论自己的观点，揣摩自己的俄文表述的优劣之处。在这种教学环境下，学生由传统课堂上的被动听讲转变成了主动的参与探讨，学生的参与性与写作积极性被激发出来，进而做到全身心投入的教学活动当中。

5. 课外微信讨论

西安外国语大学俄语专业的教师都根据自己的授课方向、授课班级设立微信圈，将班上所有同学拉进该微信圈，方便学生之间，教师与学生之间有关相关课程的交流与讨论之用。学生以及教师还可以在里面对课程进度就相关知识转发相关帖子，及时强化与深化所学知识。

总而言之，在中国，电化俄语教学已经成为俄语教学的一个重要手段之一。西安外国语大学俄语专业教学积极利用先进的教学设备与电化教学手段，但仍存在着有待完善与精细化之处，这是俄语专业电化教学的努力目标。

参考文献

1. 智慧教室 <https://baike.baidu.com/item/%E6%99%BA%E6%85%A7%E6%95%99%E5%AE%A4/2718963?fr=aladdin> [Z], 02-11-2017.

2. 郭红军 郭艳丽 提高教师电化教学素质，优化课堂教学，科技创新导报[J], 2008 第1期.

3. 张一川，钱扬义 国内外“微课”资源建设与应用进展，远程教育杂志[J], 2013年第6期.

Юльметова Д.Р., Ившин В.Д.

Московский государственный областной университет (Москва)

Межкультурная адаптация культурологических особенностей китайских деловых этикетных формулировок в русском языке

Аннотация. В данной статье рассмотрены и проанализированы способы межкультурной адаптации культурологических особенностей китайских деловых этикетных формулировок в русском языке.

Ключевые слова: деловой этикет, формулы вежливости, Китай.

D. Ul'metova, V. Ivshin

Moscow Region State University (Moscow)

Intercultural adaptation of cultural peculiarities of Chinese business etiquette expressions in their translation into Russian

Abstract. The paper analyzes the means of intercultural adaptation of Chinese business etiquette expressions in their translation into Russian.

Keywords: business etiquette, etiquette expressions, China.

Ввиду сравнительно небольшого числа пособий по документной лингвистике и минимальной изученности текстов деловых документов с научной точки зрения в целом, исследование, темой которого будут формулы вежливости в деловом этикете, являет собой достаточно новое и перспективное поле для изучения лингвистами. Выберем способы межкультурной адаптации культурологических особенностей китайских деловых этикетных формулировок в русском языке в качестве цели настоящего исследования. Данная цель обуславливает решение следующих задач:

- выделение и изучение этикетных формулировок в китайском деловом этикете в различных формах их функционирования;
- анализ способов перевода исследуемых формул вежливости китайского делового этикета на русский язык и сравнение их с аналогами данных этикетных выражений в российском служебном этикете;
- вывод об особенностях межкультурной адаптации китайских вежливых формулировок в русском языке.

Поскольку настоящее исследование проводится в рамках лингвистики деловой документации, уместным будет привести определение термину «деловая коммуникация». Согласно дефиниции С.П. Кушнерук [1, с. 9], деловая коммуникация – это процесс обмена информацией, осуществляемый в связи с решением административных, финансово-экономических, правовых вопросов с использованием устной и письменной форм речи. Планирование решения рабочих задач и достижения поставленных целей с зарубежными представителями деловых кругов во многом зависит от грамотной межкультурной адаптации национальных культурных особенностей, традиций и обычаев представителей сотрудничающей стороны, которые проявляются в их подходе к работе, в частности, в служебной коммуникации с партнерами. Национальные особенности можно заметить и, в том числе, в этикетных формах общения, способах обращения представителей иностранных бизнес-кругов к партнерам во время деловых встреч и в служебной переписке. На наш взгляд, сомнений не вызывает следующий факт, удачно выраженный И. Г. Жировой: одной из ключевых проблем межкультурного взаимодействия является не столько проблема перевода или передачи прямого смысла определенного слова или выражения, сколько проблема перевода и передачи мыслительной семантики, заключенной в дефиниции смысла [2, с. 32]. Используя описательно-аналитический метод и интерпретативный метод научного исследования, в данной статье мы предпримем попытку анализа межкультурной адаптации вежливых формулировок китайского делового этикета в русском языке именно в способах передачи в переводе их смысловых дефиниций и в сравнении данных формулировок с их русскими аналогами.

Формулы вежливости делового этикета могут включать в себя множество типичных деловых ситуаций, в которых протекает коммуникация. И.Н. Кузнецов отмечает такие основные формы функционирования служебного этикета, как приветствия и знакомства,

манеры поведения, культура деловой переписки [3, с. 5]. Примем и мы сложившиеся формулы вежливости в данных формах функционирования деловых этикетов Китая и России как основу для настоящего исследования.

Нормы делового этикета регламентируют такие виды общения, как вербальное и невербальное. Вербальный этикет делового общения связан непосредственно с речевым поведением людей, находящихся на службе, их формулами обращения друг к другу. В качестве примера способа обращения китайских официальных лиц друг к другу в пособии «Деловой этикет на Востоке» Н.П. Романова выделяет следующее: фамилия партнера всегда называется в сочетании с занимаемой им должностью. К примеру, 王经历 – «директор Ван», 李先生 – «господин Ли» [4, с. 191]. Отметим, что в дословном переводе данных обращений на русский язык фамилия идет впереди должности (в «王经历» «王» - это Ван, а «经历» – «директор»). В данном случае применяется перестановка как вид переводческой трансформации по Л.С. Бархударову – «изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» [5, с. 191], поскольку в российской деловой практике в начале ставится занимаемая должность человека, а уже затем – его имя). Наиболее распространенными приветствиями в деловом общении китайцев является «您好!» («Здравствуйте!» – дословный перевод с китайского «Вы хороший» - пример лексической трансформации замены одного комплексного выражения другим), «早上好» (дословно – «Утра хорошего», аналог русского «Доброе утро»), «下午好» (дословно – «Пополудни хорошего», аналог русского «Добрый день»). На основе анализа трёх разных примеров общения во время деловой встречи и знакомства в Китае [4], нами были выделены следующие наиболее часто используемые китайцами формулы вежливости: приветственные «认识您很高兴» («Очень рады Вас видеть»), «欢迎您来中国» («Добро пожаловать в Китай»), выражающие благодарность партнерам за хорошо организованную встречу «你们安排得真周到 / 对您的安排我很满意» («Вы очень хорошо всё организовали / Мне очень нравится, как Вы всё организовали»), выражающие пожелания «希望你们在北京期间工作顺利，生活愉快 / 希望我们合作愉快» («Надеюсь, что в Пекине дела на работе у Вас сложится удачно, а время Вы проведете счастливо / Надеюсь, что наше сотрудничество будет

успешным»). Подчеркнем, что в официальной беседе в Китае обязательно уважительное обращение к человеку «您» – nín (прямой перевод данной лексической единицы на русский – «Вы»). Обратим внимание на то, как в китайском графически меняется иероглиф «ты» – «你» («nǐ») на «Вы» – «您» («nín»). В нижней части графемы добавляется обозначение «сердца» – «心» («xīn»), что, очевидно, призвано подчеркнуть действительную сердечность и уважительность обращения). Во время деловой встречи китайцы также могут задать вопрос: «您吃饭了吗?» (в дословном переводе – «Вы покушали?») Данный вопрос носит яркий национально-культурный окрас, и в настоящее время является продолжением принятых традиций. Изначально он пришел как проявление заботы о другом человеке, поскольку в прошлом столетии Китай долгое время находился в сложном экономическом положении, и значительная часть населения страны страдала от недоедания. Несмотря на то, что в настоящее время общий уровень благосостояния граждан Китая значительно возрос, и серьезных социальных проблем, связанных с массовым голодом, уже не наблюдается, данная форма вежливости закрепились, до сих пор входя в обиход приветственных выражений китайцев. Принятым в китайском этикете ответом на такой вопрос, как отмечает Н.П. Романова, является: «吃了, 谢谢!» («Покушал, спасибо!»), даже если Вы голодны. [4, с. 85].

Что касается формул вежливости в российском деловом этикете, то, по свидетельству Л. А. Тавдгиридзе, в русских деловых кругах в последнее время всё более популярным становится употребление обращения «коллеги» к группе людей, принадлежащим к одной и той же профессии, или группе единомышленников по обсуждаемой проблеме [7, с. 86]. В российском деловом этикете, как и в китайском, официальная обстановка требует двустороннего Вы – обращения в любой социальной и возрастной группе [8, тема 13]. В русском речевом этикете отмечаются специальные формулы вежливости для использования в обращениях к людям, имена которых неизвестны: «Простите, пожалуйста...», «Извините», «Скажите, пожалуйста...» [9, с. 83]. Формулы краткого официального приветствия в российском речевом этикете включают в себя «Добрый день...», «Рад встретиться с Вами (видеть Вас)». Традиционные приветствия представителей российских деловых кругов по случаю прибытия представителей сотрудничающей стороны выражаются в следующих этикетных формулировках: «Мы счастливы приветствовать вас», «Сердечно желаем, чтобы этот визит был плодотворным и оставил у вас

самые приятные воспоминания». Руководитель деловой организации может приветствовать партнеров такими словами: «Мне чрезвычайно приятно приветствовать вас от имени нашей организации», «Я с радостью приветствую вас в стенах этой уважаемой организации» [3, с. 338]. И.Н. Кузнецов в пособии «Деловой этикет» подчеркивает, что при встрече уместным будет также задать вежливые вопросы партнеру, проявляющие к нему внимательность (в качестве примера приводится диалог: «Как Ваши дела? Спасибо, нормально. Надеюсь, что и у Вас всё обстоит хорошо. Спасибо, да») [3, с. 10].

В невербальном деловом общении коммуникация осуществляется при помощи неречевой системы знаков (позы, взглядов, мимики, интонации, жестов). Причем, согласно данным анализа, представленным в книге «Язык телодвижений» А. Пиза, передача от 60 % до 80 % информации во время торговых сделок и переговоров происходит именно за счет невербальных действий [10, с. 15]. Согласно правилам приветственного рукопожатия в российском деловом невербальном этикете, при встрече коллег-мужчин первым протягивает руку тот, кто занимает более высокое положение по службе; а при общении с женщиной инициатором рукопожатия должна выступать она [8, с. 184]. В соответствии с информацией, представленной в пособии «Деловой этикет на Востоке» Н.П. Романовой, в Китае обмен рукопожатиями при встрече также является значительно распространенным явлением, но вместо него китайцы также могут поклониться или кивнуть головой. При представлении человека делегации китайцев, они могут приветствовать его аплодисментами. В таких обстоятельствах проявлением хорошего тона будет, в свою очередь, поаплодировать им в ответ [2, с. 85].

Обратимся к культурологическим особенностям Китая, проявляющимся в такой важной сфере деловой документации, как служебная корреспонденция. Согласно принятым в Поднебесной правилам деловой переписки, как свидетельствует Г.Б. Коринец, в реквизите «обращение к адресату» сохраняется форма уважительного делового обращения (王经理 – «директор Ван»). Следует отметить заключительную формулу вежливости, которая обычно ставится во всех официально-деловых письмах: «此致, 敬礼»

Дословно на русский язык она переводится как «Адресую Вам мое нижайшее почтение». Данная формула вежливости является аналогом заключения «С уважением» в русской деловой переписке [9, с. 35].

Проведенный нами анализ китайского письма-рекламации, взятый из справочного пособия Г.Б. Коринец «Китайский язык. Деловая переписка» показывает: вне зависимости оттого, что данное письмо содержит претензию к адресату, нам представляется нетрудным заметить, как составитель письма стремится быть обходительным в обращении с ним. К примеру, автор подчёркивает значимость деятельности компании адресата следующей формулой вежливости: «感谢您方最近运来的我们定购的家具，我们一直很喜欢与贵公司合作，并以销售贵公司的产品为荣» (дословный перевод – «Нам очень нравится сотрудничать с Вашей компанией, и мы считаем для себя честью продавать мебель Вашей компании») [9, с. 16].

Согласно установленному российскому порядку оформления реквизитов делового письма, в обращении к адресату в России вначале отмечается должность официального лица, затем его фамилия и инициалы (к примеру, «Директору магазина «Бытовая техника» М.А. Седову»). Реквизит «подпись» состоит из наименования должности лица, подписывающего письмо, его личной подписи с расшифровкой («Климов – А.С. Климов») [10]. Нами был предпринят анализ образца русского письма-рекламации, размещенный на одном из интернет-сайтов по управлению бизнесом [11]. По характеру данного письма-рекламации следует отметить, что оно отличается достаточной сдержанностью формулировок, поскольку в тексте письма адресату официально и лаконично предъявляется претензия определенного рода, и рассуждения на какие-либо иные темы, выражения признательности со стороны адресанта за что-либо отсутствуют. В целом, результат полученного анализа подтвердил, что основными характеристиками культуры официальной переписки в России, как выделяет их П.В. Веселов, один из крупнейших отечественных специалистов в области документной лингвистики, являются: 1) лаконизм (указание лишь самых необходимых сведений для разрешения служебных вопросов); 2) достаточность информационного сообщения, отвечающая целям письма и характеру отношений; 3) ясность и недвусмысленность языка сообщения [12, с. 39–40].

Как мы можем заключить из приведенных в работе культурологических сравнений, некоторые из деловых этикетных формулировок, принятых в Китае, имеют уникальную национальную специфику (к примеру, вопрос во время приветствия «您吃饭了吗?» («Вы покушали?»)), утвердившийся в качестве формулы вежливости в Китае в

трудный для страны экономический период XX века, и принятый ответ на него «吃了, 谢谢!» («Кушал, спасибо!»), даже если человек голоден). Выражения расположения к деловому партнеру являются схожими как в России, так и в Китае (к примеру, «希望我们合作愉快» («Надеюсь, что наше сотрудничество будет успешным»). В национальном менталитете китайцев и русских существуют заметные различия, проявляющиеся, к примеру, в отличающихся между собой невербальных этикетах Китая и России, а также в большем числе комплиментов адресату в китайской деловой корреспонденции, чем в русской. Несмотря на это выражения приветствия и формулы вежливости, используемые во время служебных переговоров в деловых этикетах в России и в Китае, являются достаточно схожими по семантике, которую они имеют в процессе служебного общения. Данный факт, как нам представляется наиболее вероятным, можно объяснить самим феноменом делового этикета как образцом закрепленных проявлений вежливости и уважения к партнерам, а также всё более возрастающим унифицирующим влиянием глобализации на процесс осуществления бизнес-коммуникаций в мире.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Русский язык в деловой документации: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 192 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975. 239 с.
3. Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 6.30-2003 "Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов" (принят и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 3 марта 2003 г. N 65-ст) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/185891/#ixzz4kAMjTOzp>
4. Деловой разговор как особая разновидность устной речи // Речевой этикет делового разговора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovetsk-tilzit.ru/delovoe-obshchen/rechevoy-etiket.html>
5. Жирова И. Г. К вопросу о некоторых средствах и способах обогащения словарного состава современного английского языка / Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи: сб. науч. ст. Вып. 4 / под ред. И.Г. Жировой. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 212 с.

6. Корец Г. Б. Китайский язык. Деловая переписка. - М.: Живой язык, 2010. 224 с.
7. Кузнецов И. Н. Деловой этикет: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2015. 348 с.
8. Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст): Учебное пособие. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 96 с.
9. Пиз А. Язык телодвижений: как читать мысли окружающих по их жестам. Москва : Эксмо, 2015. 448 с.
10. Рекламационное письмо [Электронный ресурс]. URL: <http://class365.ru/blanki-dokumentov/reklamatsiya>
11. Романова Н. П. Деловой этикет на Востоке / Н. П. Романова, В. В. Багин, И. В. Романова. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 253 с.
12. Скаженик Е. Н. Деловое общение. Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006.
13. Тавдгиридзе Л. А. Деловое общение и деловой этикет. Воронеж: АОНО ВО «Институт менеджмента, маркетинга и финансов», 2016. 180 с.
14. 商务谈判对话 [Электронный ресурс]. URL: https://wapwenku.baidu.com/view/3992eeeb0975f46527d3e10a.html?ssid=0&from=1099b&uid=0&pu=usm@1,sz@1320_2001,ta@iphone_1_9.3_3_601&bd_page_type=1&baiduid=9A6D01C691254ED19C6FB8A10B0967F2&tj=www_normal_1_0_10_title#1

Юрина М.К.

Московский государственный областной университет (Москва)

Структурные особенности когнитивной единицы «фрейма»

Аннотация: В данной статье рассматриваются структурные особенности когнитивной единицы «фрейма». Основное содержание исследования составляет анализ взаимосвязи между «концептом» и «фреймом» и их функциональным и структурным отличиям. Значительное внимание уделяется функциям и содержанию «фрейма». В статье приводятся множество точек зрения других исследователей на данный феномен в области лингвистики и анализируются различные подходы к изучению данной проблемы.

Ключевые слова: концепт, фрейм, когнитивная база, структура, коммуникативная деятельность.

Structural features of the “frame” as a unit of cognitive linguistics

Abstract. This paper considers the structural features of such cognitive units as “frame” and “concept”. The relationship between “concept” and “frame” and their functional and structural differences are analyzed. Considerable attention is paid to the content and the functions of the “frame”. The paper presents points of view of other researchers on this phenomenon in the field of linguistics and different approaches to studying this problem.

Keywords: concept, frame, cognitive base, structure, communicative activities.

В рамках исследования речевой коммуникации лингвисты стали уделять всё больше внимания такому феномену как «когнитивная база». Когнитивная база содержит в себе структурированные представления и знания, которыми обладают коммуниканты, и «определяют коммуникативную деятельность говорящего и организацию текста как её продукта, поскольку речеспихические действия говорящего, использующего единицы, категории и правила языка, строятся на основе свойств когнитивной базы» [5].

Известно, что когнитивная база состоит из совокупности когнитивных единиц, представленных в виде концепта, прототипа, схемы, фрейма, сценария, гештальта и т.д. Как утверждает Н.А. Сидорова, «в структуру когнитивной единицы входят как ценностная, понятийная, образная составляющие, так и установки, стереотипизированные умения функционального использования когнитивных единиц в процессе коммуникации», т.е. сюда можно отнести общепринятые правила и нормы поведения людей (индивида), обусловленные жизненным опытом, социальным статусом, ценностными ориентирами и идеалами. [12, с. 33] Из этого следует, что когнитивные единицы являются неким инструментом речевого взаимодействия коммуникантов путём их вербальной актуализации в высказывании или тексте, а именно для осуществления воздействия адресата непосредственно на понимание реципиента, оперируя знаниями, отражёнными структурами и категориями в виде концепта, схемы, фрейма, скрипта, гештальта.

Как известно, впервые «концепт» как термин употребил С.А. Аскольдов-Алексеев в своей статье «Концепт и слово», обозначив данное явление как «мысленное образование, которое знаменует нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269]

В связи со «сложной, многомерной структурой» концепта возникло множество определений данного явления и со временем обозначились три основных подхода к его пониманию:

- первый подход выделяет культурологический аспект в изучении концепта, где данный феномен является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека»;

- второй подход определяет «семантику языкового знака единственным средством формирования содержания концепта»;

- третий подход объясняет возникновение концепта посредством «столкновения значения слова с личным и народным опытом человека» [8, с. 46]

Как отмечает В.А. Маслова, сложная структура концепта включает «помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [8, с. 50]. Таким образом, система знаний человека об окружающем мире образует «концептуальную картину мира», которая состоит из «концептосфер» – отдельных её фрагментов.

В процессе коммуникации человек выражает концепт в виде языковых средств, а именно заменяет его словами, словосочетаниями, фразеологизмами, целыми предложениями или текстами, а иногда это явление можно передать целым произведением:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрянец и в золото одетые леса,
В их сеньях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца Луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы [9, с. 521]*

В данном стихотворении А.С. Пушкина можно выделить несколько концептуальных характеристик такого явления, как «осень», выраженных путём вербализации в виде словосочетаний и предложений: «унылая пора», «пышное природы увяданья», «в багрянец и в золото одетые леса» и т.д. Следовательно, набор данных признаков описывает концепт «осень».

Однако как отмечает Н.Н. Болдырев, «первоначальная структура любого концепта имеет для человека вид гештальта, что обусловлено

спецификой человеческого восприятия», т.е. гештальт, объединяя в себе «чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности», при этом является концептуальной системой, куда входят все типы репрезентаций ментального мира человека, замещёнными языковыми знаками в речевой деятельности [2, с. 29].

В связи со сложной и многогранной природой концепта лингвисты считают, что данный феномен может подразделяться на несколько типов репрезентаций ментального мира человека по содержанию знаний: схема, прототип, фрейм, стереотипы, сценарии и т.д. В некоторой степени свойства данных феноменов схожи между собой, при этом среди них выделяют противоречивое по своему содержанию такое явление как «фрейм».

Как известно, впервые понятие «фрейм» ввёл Марвин Мински в 1975 году, обозначив данный феномен как «единицу представления знаний» [13]. Наряду с представленным М. Мински определением фрейма возникли когнитивное (Ч. Филлмор/фреймовая семантика), психологическое и социологическое понимание данного явления. В российской лингвистической традиции образовались два подхода к пониманию и изучению фрейма:

- лингвокогнитивный подход: фрейм рассматривают как тип или часть концепта;
- лингвокультурный подход: фрейм рассматривают как основа концепта

Следует отметить, что лингвисты утверждают, что концепт и фрейм тесно связаны между собой. Фрейм может выступать в качестве «обозначения структурированных концептов» и является частью концепта, а также в качестве «объемного, многокомпонентного концепта, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации». [3, с. 36] Иначе говоря, концепт описывает ряд однородных предметов или явлений, в то время как фрейм включает в себя конкретные знания с определённым набором стереотипных ситуаций, хранящий не только очевидные, но и скрытые сведения. Следовательно, с помощью фрейма можно представить различные типы концепта (схемы, прототипы, сценарии, скрипты), т.к. данные явления и фрейм имеют схожую структуру и признаки:

- схема – это мыслительный образ предмета или явления, обладающий пространственно-контурным характером;

- прототип – это явление, содержащее представления социальных стереотипов и различных идеалов;

- пропозициональная структура – это модель определённого опыта человека, где выделяют аргументы и базовые предикаты, связывающие эти аргументы;

- сценарий/скрипт – это определённая последовательность этапов или эпизодов в ситуации.

Таким образом, фрейм является сложным образованием концепта и объединяет под своим началом все остальные когнитивные единицы, хранящие, в свою очередь, конкретные знания или информацию об опыте, представлениях, идеалах, нормах жизни, духовном мире человека. Следовательно, данный феномен несёт смысловую нагрузку и ценностное содержание высказывания или текста путём актуализации фрейма в речевой деятельности, отражая восприятие внутреннего и внешнего мира людей (индивида).

«...Его цель – сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обречённое каким-то тайным страданием, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель... Приезд его на Кавказ – также следствие его романтического фанатизма... Причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечной тайной между ним и небесами...» [6]

Поскольку фрейм, как было раньше определено, содержит конкретные сценарии с определённым набором стереотипных ситуаций, то в данном контексте можно выделить языковые единицы. Данные языковые единицы, актуализированные в данном тексте путём вербализации, выступают в качестве структурированных представлений и знаний и определяют структуру и значение такого феномена как фрейм, при помощи которого, в свою очередь, происходит организация высказывания или текста, где проецируются некие модели поведения и установки человека или общества.

В данном контексте «герой романа» как лингвистическое явление можно рассматривать как фрейм, а такие примеры, как «он существо, не созданное для мира, обречённое каким-то тайным страданием; приезд на Кавказ – следствие его романтического фанатизма; вечная тайна между ним и небесами» компонентами, определяющие смысловую нагрузку фрейма.

Такие компоненты, являясь частью «объёмного» и «многокомпонентного концепта» в виде информации, могут быть обусловлены ценностными, понятийными и образными ресурсами. При их вербальной и эмоциональной актуализации в высказывании или в тексте, данные компоненты могут обладать «индексальным характером и отсылать к системе ценностей», не только к определённой культуре, но и к системе ценностей самого адресата и реципиента, а также могут влиять на их понимание.

«Мистер и миссис Дурслъ проживали в доме номер четыре по Тисовой улице и всегда с гордостью заявляли, что они,..., абсолютно нормальные люди. Уж от кого-кого, а от них никак нельзя было ожидать, чтобы они попали в какую-нибудь странную и загадочную ситуацию. Они весьма неодобрительно относились к любым странностям, загадкам и прочей ерунде... [10, с. 3]

В данном контексте можно выделить не просто лингвистическое явление, а ценностно-когнитивный феномен «фрейм» «нормальности», выступающего в виде «объёмного, многокомпонентного концепта и представляющего собой «пакет информации», знания о стереотипной ситуации», обусловленный определённой смысловой нагрузкой и отсылает нас к системе ценностей. Данная система ценностей выражает представления данного индивида об «абсолютно нормальных людях», о «странных или загадочных ситуациях», о «странных или загадочных ситуациях», о «загадках и прочей ерунде». [10, с. 3]

Рассматривая в данной статье такие явления как «концепт» и «фрейм», следует заключить, исследование данных явлений позволяет выделить их необычную структуру, обусловленную наличием схожих признаков, а также их тесной взаимосвязи между собой. Фрейм может выступать в качестве «обозначения структурированных концептов» и является частью концепта. Таким образом, данный феномен может заменять собой различные типы концептов. Анализируя функции и структуру фрейма, необходимо отметить, что данное явление обладает ценностными, понятийными и образными факторами.

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово/ Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 269–279.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по

английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. 123с. 29 с.

3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики/ Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 25–36.

4. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

5. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Часть вторая (окончание журнала Печорина)/Княжна Мери. Изд-во Феникс, 2012.

6. Никитин М. В. Развёрнутые тезисы о концептах// Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.С. 53–64

7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие/ В. А. Маслова, 3-е изд. перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272с. С. 46–50.

8. Пушкин А. С. Сочинения в трёх томах. Том первый. Изд-во «Художественная литература», 1985. 521 с.

9. Роулинг Д. К. Гарри Поттер и философский камень. Махаон, 2015. 356 с.

10. Сидоров Е. В. Общая теория речевой коммуникации: учебное пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2010. 244с.

11. Сидорова Н. А. Аксиология речевой коммуникации: Монография. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2010. 318 с.

12. Marvin Minski A Framework for Representing Knowledge, in: Patrick Henry Winston (ed.), The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975.

Юрьева Ю.Б.

Российский университет дружбы народов (Москва)

Культурно-обусловленные традиции речевого поведения в англо-саксонской культуре

Аннотация. В данной статье рассматривается классификация англо-саксонской культуры и глобальное значение английского языка в современном мире. Глобализация – это двусторонний процесс, включающий в себя как экспансию английского языка и англо-американской культуры, так и влияние принимающих культур на английский язык. Развитие английского языка как языка межнационального общения в современном глобализированном мире ставит вопрос о том, является ли употребление английского языка единым для всей англо-саксонской культурной традиции.

Ключевые слова: англо-саксонская культура, глобализированный мир, индивидуализм, коллективизм, дистанция власти, избегание неясности, фемининность, маскулинность

Traditions of culture-based speech behavior in the Anglo-Saxon culture

Abstract. The paper examines the classification of the Anglo-Saxon culture and the global importance of English in the modern world. Globalization is a two-way process involving both the expansion of English and the Anglo-American culture and the influence of host cultures on the English language. The development of English as a language of interethnic communication in today's globalized world raises the question of whether English is the same language for the whole Anglo-Saxon cultural tradition.

Keywords: Anglo-Saxon culture, globalized world, individualism, collectivism, power distance, avoidance of ambiguity, femininity, masculinity.

Культура играет центральную роль в эффективной коммуникации, поскольку она не только представляет собой совокупность общего опыта, но также формирует жизненный опыт людей, которые являются представителями определенной культуры в качестве членов этого сообщества.

По утверждению О.А. Леонтович, язык является неотъемлемой частью духовной культуры человечества, так как процесс коммуникации представляет собой творческий интуитивный процесс, в основе которого лежит врожденная и неотъемлемая человеческая потребность в общении. Язык способствует адаптации человека в условиях окружающей среды, а также является средством идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нем [4, с. 72–73].

При рассмотрении распространения английского языка в современном мире следует рассмотреть социолингвистическую теорию «трех концентрических колец», разработанную американским лингвистом Браджем Качру. Он представил распространение английского языка в виде трех кругов:

а) внутренний круг (inner circle) относится к странам, где английский язык является родным. К таким странам относятся США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Общее количество носителей составляет 320–380 млн. человек;

б) наружный, средний круг (outer or extended circle) относится к странам, где он получил статус официального языка. К таким странам относятся Индии, Сингапур и др. Общее количество носителей составляет 150–300 млн. человек;

в) расширяющийся, внешний круг (*expanding circle*) включает страны, где английский язык является основным изучаемым иностранным языком в образовательных учреждениях. К таким странам можно отнести Германию, Грецию, Китай, Польшу, Россию, Японию и др. Количество таких стран постоянно увеличивается. Общее количество носителей составляет 1 млрд. человек [2, с.146–147].

Глобальное значение английского языка привело к росту не только его внутринационального использования во внутреннем и среднем круге, но также, более широко, в качестве средства международной коммуникации. И как следствие, число не-носителей английского языка превосходит число носителей английского языка. В результате данной тенденции, английский язык больше не является собственностью только стран, где английский язык является родным и где он получил статус официального государственного языка. Термин «международный английский язык» относится к британскому, американскому, австралийскому и канадскому национальному варианту английского языка, но не относится к различным региональным разновидностям.

Все национальные варианты английского языка, представляют собой, сочетание лингвистических, лингвокультурологических и мировоззренческих элементов, отражающих языковую картину мира его носителей. Развитие английского языка как языка межнационального общения в современном глобализированном мире ставит вопрос о том, является ли употребление английского языка единым для всей англосаксонской культурной традиции.

Нидерландский социолог Г. Хофштеде для классификации культур выделяет четыре измерения: индивидуализм – коллективизм; дистанция власти (*power distance*); избегание неясности (*uncertainty avoidance*); и фемининность – маскулинность.

По классификации Г. Хофштеде, Австралия, Великобритания и США относятся к индивидуалистским культурам и возглавляют список самых индивидуалистских стран. В данных странах людьми движет личный интерес, а никак не интересы группы, семьи или коллектива. Данное общество ориентировано на уважение прав человека и высокую ценность человеческой жизни. Решение в данных обществах принимается лично каждым членом этой группы и только в собственных интересах. Заметим, что распространению индивидуалистских культур способствует экономическая самодостаточность, социальная мобильность и миграция.

Развитие данных стран происходит через активную деятельность отдельно взятого индивида в интересах целого общества.

Измерение дистанция власти (power distance) связано с равноправным/неравноправным распределением власти внутри отдельно взятого института или общества, в целом. В соответствии с классификацией Г. Хофштеде, Америка, Австралия и Великобритания – страны с небольшой дистанцией власти. Наибольшая из трех стран дистанция наблюдается в США (40 баллов), затем Австралия (36 баллов) и наименьшая – в Британии (35 баллов). Люди в культурах с небольшой дистанцией власти (small power distance) ценят равное распределение власти, равные права и отношения. В культурах с большой дистанцией власти (large power distance) принимают неравное распределение власти, асимметричное распределение ролей. В таких культурах большое значение имеют возраст, ранг, статус, титул и т.д.

Избегание неопределенности – это уровень тревоги, степень дискомфорта, которые испытывают представители определенной культуры, перед неизвестными или неопределенными обстоятельствами, до какой степени люди, принадлежащие к определенному обществу, не боятся конфликтных и неловких ситуаций, либо пытаются их избегать. В классификации Г. Хофштеде, Австралия, Америка и Великобритания относятся к культурам со слабой степенью избегания неопределенности (Австралия – 51 балл, США – 46 баллов, Великобритания – 35 баллов). В культурах со слабой степенью избегания неопределенности поощряется поведение, направленное на разрешение конфликта. В таких культурах ценятся неопределенность, изменчивость, динамичность, высокая мобильностью, сложные задачи и проблемы, риск, высокая терпимость к двусмысленности. В данных странах относятся терпимо к новым или неизвестным ситуациям и идеям. Следовательно, культурам со слабой степенью избегания неопределенности характерны для гибкого общества, толерантного к новым идеям.

Распределение ролей между мужчинами и женщинами – фемининные и маскулинные ценностные модели. Фемининность относится к обществам, где социальные половые роли не четко обозначены и могут пересекаться – то есть то, что делает женщина, может делать и мужчина. И мужчины и женщины должны быть скромными, внимательными/исполнительными, нежными. В маскулинных обществах социальные половые роли четко обозначены и дополняют друг друга.

Мужчины должны быть мужественными, жесткими, сфокусированными на выполнении определенных задач и на материальном успехе. Женщины являются скромными, женственными, нежными и заботящимися о качестве жизни. Ценностями данной культуры являются взаимодополняющие друг друга половые роли, жесткость мужчин и мягкость женщин, четкое распределение ролей между мужчиной и женщиной. По классификации Г. Хофштеде, Великобритания является самой маскулинной страной из рассматриваемых стран – 66 баллов и занимает 8-ое место из 50-ти. Америки занимает 11-ое место и составляет 62 балла. Австралия стоит на 12-ом месте - 61 балл.

Следует отметить, что представители англо-саксонской культурной традиции во время общения редко прикасаются друг к другу, обнимаются, то есть они соблюдают физическую дистанцию. А. Вежбицкая описывает культурные ценности англо-саксов так: «комплекс культурных норм, которые заставляют каждого человека постоянно осознавать, что вокруг есть другие люди со своими взглядами и мнениями, и смотреть на себя как на одного из тех, кому принадлежит собственное психологическое пространство, автономность, свои собственные особенности и странности. Все это ведет к объективности и анти-догматизму, которые считаются важнейшими культурными и социальными ценностями» [1, с. 49].

Английский язык больше не является собственностью только стран, где английский язык является родным и где он получил статус официального государственного языка. Термин «международный английский язык» относится к британскому, американскому, австралийскому и канадскому национальному варианту английского языка, но не относится к различным региональным разновидностям. Все национальные варианты английского языка, представляют собой, сочетание лингвистических, лингвокультурологических и мировоззренческих элементов, отражающих языковую картину мира его носителей.

Широкое использование английского языка привело к доминированию англоязычных культур в межкультурная коммуникация. Представители австралийской, американской и английской культуры принадлежат к одной единой англо-саксонской культурной традиции. Англо-саксонская культура подчеркивает права и автономность каждого представителя, не признает вмешательства в частную жизнь, одобряет компромиссы и не одобряет догматизм в любом его проявлении.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
2. Качру Б. Мировые Варианты Английского Языка: Агония и Экстаз / Б. Качру., Личность. Культура. Общество. Том XIX. Вып. 4 (№ 75–76). 2012. С. 146–147.
3. Ларина Т. В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 251–262.
4. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. М.: Гнозис, 2005. С. 72–73.
5. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 212 p.

Яковлев А.Д., Сахарова Н.Г.

Московский государственный областной университет (Москва)

Стилистические средства выражения мотива протеста в поэзии Билли Брэгга

Аннотация: Статья посвящена лингвостилистическому исследованию мотива протеста против существующего устройства мира в творчестве современного британского поэта Билли Брэгга. Данный вопрос мало изучен. Полученные результаты данной работы расширяют языковую картину мира.

Ключевые слова: мотив протеста, Билли Брэгг, средства художественной выразительности.

A. Yakovlev, N. Sakharova

Moscow Region State University (Moscow)

Stylistic means of expressing protest in Billy Bragg's poetry

Abstract. The paper is devoted to the linguistic and stylistic analysis of the motive of protest in works of modern British poet Billy Bragg. The topic is scarcely studied. The results obtained can be used to expand the language picture of the world.

Keywords: motive of protest, Billy Bragg, means of expressiveness.

Билли Брэгг является одним из основателей поэтического жанра фолк-панка, появившегося в 80-ые годы XX века и сочетающего в себе традиции панк-поэзии и народных песен [4]. Его творчество – одно из самых успешных среди британского фолк-панка, оно оказало значительное влияние на развитие этого поэтического жанра в Британии. Билли Брэгг придерживается левых политических взглядов. Поскольку панк является одной из составляющих левого течения, в котором он пишет тексты своих песни, многие из них содержат протест против существующего

миропорядка. Мотив протеста является ведущим в его работах [2, pp. 39–46].

В теории литературы под мотивом понимается «мельчайшая частица мысли, способная появляться самостоятельно и, тем самым, повторяться» [3, с. 16], [4]. В художественной литературе данный термин получил такое определение: «мотив – это компонент произведений, обладающий семантической насыщенностью. Являя собой, по словам Б.Н. Путилова, «устойчивые семантические единицы», мотивы «характеризуются повышенной ... исключительной степенью семиотичности. Каждый мотив обладает устойчивым набором значений» [5, с. 60]. Таким образом, мотив протеста – мотив произведения, тема которого неразрывно связана с протестом против современного автору устройства мира. У Билла Брэга он присутствует практически в каждом сборнике. В данной статье он будет исследован на примере песен: «**There Is a Power in a Union**» [5], «**Between the Wars**» [6], «**Never Cross a Picket Line**» [8].

Текст песни «**There Is a Power in a Union**» [5] посвящён борьбе рабочих за свои права. Данная тема подразумевает наличие мотива протеста, причём, вполне конкретного протеста – против существующего капиталистического устройства общества. Он выражается уже в первых строках песни, в которых подразумевается, что мир вполне может существовать без эксплуататорских классов: «there is power in a factory, power in the land, power in the hands of the worker» [5] (Сила – в фабрике, сила – в земле, сила – в руках рабочего). Протест выражен при помощи **лексического повтора** (слово «power»), который не только выявляет мотив протеста, но и намечает его в остальной части произведения. Этот **лексический повтор** присутствует и в последней строке куплета: «But it all amounts to nothing if together we don't stand There is power in a union» [5] (но всё это не стоит ничего, если не держаться вместе Сила – в единстве). Здесь он уже подчеркивает идею объединения рабочих в борьбе за свои права против эксплуататоров. Начиная с этой строки, лексический повтор слова «power» переходит в повтор целой фразы «there is a power in a union» (Сила – в единстве), значение которой в контексте песни было пояснено выше. Данный мотив несёт в себе основную идею произведения. Эксплицитно мотив протеста может быть выражен: **лексическим повтором** (повторение фразы «there is a power in a union» [5]), **метафорой** («money speaks for money, the Devil for his own, who comes to speak for the skin and the bone» [5]) (деньги говорят за деньги, дьявол сам за себя, но кто

выступает за кожу и кости?), **риторическим вопросом** («But who'll defend the workers who cannot organize When the bosses send their lackeys out to cheat us?» [5]) (но кто защитит рабочих, которые не могут организовать, когда хозяева посылают своих слуг, чтобы обмануть нас?), **синекдохой** («there is power in a factory, power in the land Power in the hands of a worker») [5].

Так, тема песни «**Between the Wars**» [6] (Между войнами) – осуждение агрессивной военной политики империалистических государств через призму страдания рабочих из-за непосильных военных расходов, которые рабочие оплачивают из своего кармана, получая взамен только ещё более жестокое угнетение. Эта тема пронизана мотивом протеста, так же, как в и песне «There Is a Power in a Union». В тексте «Between the Wars» Билли Брэгг использует **лексический повтор**, высказывая мысль, что для капиталистического общества типичны постоянные войны. Таким образом, выражается мотив протеста. Лексический повтор как в этой, так и в предыдущей песне является основным средством выразительности. Кроме него, поэт использует **противопоставление**. Оно выражает мысль, что даже несмотря на покорность рабочих, власть не перестает угнетать их («I kept the faith and kept voting Not for the iron fist, but for the helping hand» [6]) (я сохранял верность и продолжал ходить на выборы ради руки помощи, а не железного кулака). Кроме того, подчеркивает разницу интересов рабочих и капиталистов и играет равноправную с лексическим повтором роль: (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Примеры противопоставления

Mine	Theirs
«a faith in my fellow man» [6] (вера в моего товарища)	«a land with wall around it» [6] (земля со стеной вокруг неё)
«the greenfield and the factory floor» [6] (луг и пол фабрики)	«a land of hope and glory» [6] (земля надежды и славы)
«the peace we knew between the wars» [6] (мир, который мы знали между войнами)	«the skies all dark with bombers» [6] (небеса, тёмные от бомбардировщиков)

Кроме того, автор использует **метафору**, которая второстепенна («Build me a path from cradle to grave» [6] (обеспечьте мне путь от колыбели до могилы)).

В песне «**Never Cross a Picket Line**» [8] (никогда не переставайте бастовать) основная мысль состоит в том, что рабочие не должны отказываться от стачек и забастовок, поскольку – это главные методы их борьбы за свои права. Основное средство выразительности в тексте этой песни такое же, как и в предыдущих – **лексический повтор**, но есть и второстепенные: **анафора** (в 3,6,8 шестистишиях первые четыре стиха начинаются с фразы «look away» [8] (оглянись)), **риторический вопрос** («now where is the might of the labor movement» [8] (где мощь рабочего движения?)), **синтаксический параллелизм** («technically this is an illegal strike But technically workers have no rights» [8] (формально, эта стачка незаконна, но формально рабочие бесправны)).

Таким образом, одним из основных средств выражения мотива протеста в поэзии Билли Брэгга можно считать лексический повтор, который повышает эмотивность и экспрессивность текста и усиливает основную идею произведения.

Список литературы

1. Гершкович Ф. М. О музыке II книга М: Советский Композитор, 1993, 275 с.
2. Сухое прохладное место филолога [Электронный ресурс] //URL: <https://www.myfilology.ru/137/motiv-v-literature-problema-opredeleniya-ponyatiya/> (дата обращения: 05.10.2017)
3. Хализев В. Е. Теория литературы. Тверь: Высшая школа, 1999, 267 с.
4. All Music [Электронный ресурс] //URL: <http://www.allmusic.com/artist/billy-bragg-mn0000083554/biography> (дата обращения: 05.10.2017)
5. Google Play Music [Электронный ресурс] //URL: https://play.google.com/music/preview/Tffuezcvmuh5qxigvlbbjd2zupm?lyrics=1&utm_source=google&utm_medium=search&utm_campaign=lyrics&pcampaignid=kr-songlyrics (дата обращения: 13.10.2017)
6. Metro Lyrics [Электронный ресурс] //URL: <http://www.metrolyrics.com/between-the-wars-lyrics-billy-bragg.html>
7. Peddie I. The Resisting Muse: Popular Music and Social Protest – Aldershot: Ashgate, 2006, 228 p
8. Song Lyrics [Электронный ресурс] //URL: <http://www.songlyrics.com/billy-bragg/never-cross-a-picket-line-lyrics> (дата обращения: 13.10.2017).

Научное электронное издание

**БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЁРСТВО:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Корректурa авторская

Подписано к использованию: **??.??**.2018 г.

Объём 21,2 Мб.

Тираж 500 экз. (1-ый завод 1– 17 экз.) Заказ № 19/П.

Изготовлено в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru